ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

II

М. Салтыковъ (Щедринъ).

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
1 · 9 · 3 · 4

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО — ВОВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

13-14

ЩЕДРИН
II

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
1 · 9 · МОСКВА · 3 · 4

ОТ РЕДАКЦИИ

В силу стечения обстоятельств в первом томе сборника о Щедрине («Литературное Наследство» № 11—12) помещена открывающая сборник статья «От редакции», не выражающая подлинных взглядов редакции на Щедрина и являющаяся ошибочной по существу.

В. И. Ленин писал в августе 1912 г. в редакцию тогдашней «Правды»: «Хорошо бы вообще от времени до времени вспоминать, цитировать и растолковывать в «Правде» Щедрина и других писателей «старой» народнической демократии... Получилось бы освещение теперешних вопросов рабочей демократии с иной стороны, иным голосом» (Ленин, т. XXIX, стр. 75). Выражения выбраны Владимиром Ильичем в расчете на то, что письмо может быть прочитано царской цензурой. «Старой народнической демократии» означало: революционной демократии. «Рабочей демократии» означало: большевизма.

Это указание Ленина, конечно, не случайно. В систему ленинских взглядов на литературную политику партии это указание входит одним из важных звеньев.

Теперь наступила пора, когда мы можем уже не только время от времени вспоминать и цитировать Щедрина в наших газетах, но можем дать действительно полное собрание его сочинений, можем напечатать множество оставшихся ненапечатанными его вещей, можем восстановить его подлинные тексты, искалеченные в свое время царской цензурой. Теперь мы по настоящему несем в массы Щедрина. Теперь мы можем по настоящему поставить изучение Щедрина и наладить научное исследование его работ. Теперь мы можем и должны по настоящему «растолковывать» массам подлинное значение такого писателя, как Щедрин.

К сожалению, автор статьи «От редакции» в «Литературном Наследстве» № 11—12 «растолковывает» значение Щедрина совсем не по-ленински. И это заставляет нас здесь полемизировать со статьей, помещенной в предыдущей книжке нашего же журнала.

Ленин писал о Щедрине:

«Особенно нестерпимо бывает видеть, когда субъекты вроде Щепетова, Струве, Гредескула, Изгоева и прочей кадетской братии хватаются за фалды Некрасова, Щедрина и т. п. Некрасов колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами, но все симпатии его были на стороне Чернышевского. Некрасов по той же личной слабости грешил нотками либерального угодничества, но сам же горько оплакивал свои «грехи» и публично каялся в них...

«Неверный звук» — вот как называл сам Некрасов свои либерально-угоднические грехи. А Щедрин беспощадно издевался над либералами и навсегда заклеймил их формулой: «применительно к подлости». Как устарела эта формула в применении к Щепетовым, Гредескулам и прочим веховцам. Дело теперь совсем не в том, чтобы эти господа применялись к подлости. Куда тут! Они сами по своему почину, на свой лад, исходя из неокантианства и других модных «европейских» теорий, построили свою теорию «подлости» (Ленин, т. XVI, стр. 132—133).

Ленину нестерпимо было видеть, как субъекты вроде Струве, Щепетова, Изгоева и К-° «хватаются за фалды» Щедрина, который «беспощадно издевался над либералами и навсегда заклеймил их формулой: применительно к подлости». Ленин усматривает в этом приеме кадетов еще один вид либеральной подлости. Кажется, это вполне ясно. А вот автор статьи «От редакции» став на неверную точку зрения в оценке Щедрина неизбежно впадает в ряд ошибок. Он «открыл», что у Щедрина была «некоторая неуловимость» — «та самая неуловимость, которая позволяла (!) представителям самых различных классов (!) и групп (!) хвататься за фалды Щедрина и приобщать его к лику «своих». Исходя из неверной оценки Щедрина, автор, сам того, конечно, не желая, нечаянно помог либералам, о которых говорит вышеприведенная цитата из Ленина.

Автор статьи «От редакции» критикует тех, кто изображает Щедрина, как «какого-то Илью-Муромца русской революционной демократии». Он пытается высмеивать тех, кто будто бы считает, что в определенный период «посреди этого сборища оппортунистов, трусов и ренегатов стоит одинокая фигура революционного Щедрина». Автор открывает поход против «идеализации портрета писателя».

Все это совершенно не вяжется с тем, что писал о данных сюжетах Ленин.

Автору хочется доказать, что воззрения Щедрина «были достаточно далеки от революции», что Щедрин пытался «создать широкий блок всех партий «прогресса» от уме-

ренных либералов до социалистов включительно», что Щедрин выдвинул «утопический проект организации» при чем «согласно этому проекту действительно действующие революционеры не мыслят, мыслящие-же не действуют» и т. п. Автор упрекает Щедрина в том, что «он ушел из демократической литературы на службу в бюрократический аппарат абсолютизма» и т. п. Словом, автор статьи хочет отнести Щедрина к лагерю половинчатых буржуазных демократов, если не хуже.

Совершенно ясно, что такая «оценка» Щедрина не может быть оставлена без отпора. Автор статьи в № 11—12 «Литературного Наследства» не понял, почему Н. Г. Чернышевский так высоко оценивал литературную деятельность Щедрина и почему, в частности, о «Губернских очерках» Чернышевский сказал: «Губернские очерки» мы считаем не только прекрасным литературным явлением — эта книга принадлежит к числу исторических фактов русской жизни». Автор не понял, почему один из первых русских марксистов, Н. Е. Федосеев (которого так ценил Ленин), в своей большой научной работе, посвященной марксистскому исследованию крестьянского вопроса в России, крупную часть книги построил на «Пошехонской старине» и «Господах Головлевых». Автор не понял, почему Ленин рекомендовал до-революционной «Правде» «вспоминать, цитировать и растолковывать Щедрина». Автор не понял, почему многие из щедринских формулировок стали обиходными в политическом словаре большевизма, почему и Ленин, и Сталин так часто пользуются образами Щедрина, почему цитировал Щедрина в своем докладе на XVII съезде ВКП(б) тов. Каганович.

Автор статьи «От редакции» доказывает, что Щедрин «никогда не поднялся до материалистического понимания истории», что Щедрин «не поднимается до понимания человеческой истории, как истории борьбы классов», что еще неизвестно «стоял ли он за экспроприацию всех помещичьих земель». Все это было бы только наивно, если-бы всей своей «трактовкой» Щедрина автор статьи «От редакции» на деле не играл на руку либеральным извращениям роли Щедрина.

Конечно, Щедрин не был марксистом. Можно было бы пойти дальше и сделать еще одно «открытие»: что Щедрин не входил даже в Группу Освобождения Труда... Эта аксиома в подробных доказательствах поистине не нуждается. Но она еще очень мало дает для действительно марксистского освещения роли и значения Щедрина.

Щедрин не был действующим революционером. Что правда — то правда. Щедрин был только писателем (и редактором).

Щедрин был «только» писателем, но писателем великим. Главное из того, что им написано, относится к лучшим произведениям русской литературы революционно-демократического лагеря.

Его сочинения сыграли огромную революционизирующую роль. Своими меткими чудесными снарядами он обстреливал не только твердыни царского самодержавия, но и позиции буржуазно-помещичьего либерализма.

Большевиков в Щедрине больше всего привлекало и привлекает 1) то, что Щедрин уже в очень раннюю эпоху сумел так прекрасно изобразить дифференциацию русской деревни, сумел таким могучим прожектором осветить фигуру кулака, «мироеда», «чумазого», такой яркой кистью написать Колупаевых, Разуваевых, Деруновых; 2) то, что Щедрин с такой непримиримостью относился к подлости либеральной буржуазии, что он хорошей законченной ненавистью ненавидел умеренного и аккуратного «прогрессиста» и заклеймил либералов, по выражению Ленина, «навсегда»; 3) то, что Щедрин ненавидел царское самодержавие, «дикого помещика», царскую бюрократию, «помпадура», «Угрюм-Бурчеева», «ташкентца», весь «аппарат» царско-помещичьей диктатуры — ненавидел глубоко, прочно, беззаветно — и что Щедрин сумел в тягчайшей обстановке изо дня в день наносить удары царизму своим особым «щедринским» видом оружия: своей могучей сатирой, своим художественным словом.

Вот почему все великое в наследии Щедрина принадлежит рабочему классу, принадлежит нам и только нам.

В обоих сборниках, посвященных «Литературным Наследством» Салтыкову-Щедрину, помещено много статей и заметок отчасти дискуссионного характера. Только теперь удается опубликовать ряд важнейших работ Щедрина, которые до сих пор были неизвестны. Самое детальное и всестороннее изучение Щедрина необходимо. Но чем полнее собраны будут все сочинения Щедрина — его неопубликованные статьи, письма, отрывки, варианты, наброски, тексты, искаженные цензурой — чем тщательнее исследуем и изучим мы все богатое литературное наследие Салтыкова-Щедрина, тем яснее станет: оценки, которые давал этому великому русскому писателю Ленин — единственно верны.

М. Е. САЛТЫКОВ (Н. ЩЕДРИН)

Фотография, конец 60-х гг.

III. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТВОРЧЕСТВА И БИОГРАФИИ ЩЕДРИНА

ИСТОРИЯ ТЕКСТА «САТИР В ПРОЗЕ»

Публикация Б. Эйхенбаума

I

«Сатиры в прозе» Салтыкова-Щедрина — не цикл в настоящем смысле этого слова (как напримр «Помпадуры и помпадурши»), а сборник. После «Губернских очерков», вышедших в 1857 г. в трех томах, Салтыков собирался сначала написать еще один том и таким образом завершить «крутогорский» цикл, но потом оставил это намерение и задумал новый цикл под названием «Книга об умирающих». Отдельные очерки этого нового цикла начали появляться в «Русском Вестнике» 1858 г. В примечании Салтыков пояснял: «Под названием «Книги об умирающих» автор предположил написать целый ряд рассказов, сцен, переписок и т. д., в которых действуют люди, ставшие вследствие известных причин в разлад с общим строем воззрений и убеждений». Здесь должны были заново появиться некоторые знакомые по «Губернским очеркам» персонажи, и весь цикл являлся своего рода продолжением предыдущего.

Но к концу 1859 г. этот замысел тоже отпал и заменился другим. Этот момент—поворотный в творчестве Салтыкова. Он прерывает инерцию провинциальных обличительных очерков, захватывающих в конце концов довольно узкий и мелкий круг фактов, и переходит к сатирическому фельетону более широкого и острого содержания. Здесь идет речь уже не об отдельных злоупотреблениях или произволе местных властей, а о всей системе управления, о либеральной болтовне, об интеллигенции и пр. С 1860 г. Салтыков переходит в «Современник» и печатает там ряд этих «сатир». Одна из них—«К читателю»—имела в журнале подзаголовок: «Прозаическая сатира». Из этого подзаголовка родилось очевидно и название сборника — «Сатиры в прозе».

Первое отдельное издание этого сборника вышло в 1863 г. Здесь было собрано 8 «сатир», но среди них были вещи, написанные и напечатанные еще в период работы над «Книгой об умирающих». Так, «Госпожа Падейкова» появилась еще в «Русской Беседе» 1859 г. (т. IV) как один из очерков этого цикла, а сцена «Недовольные» — в «Московском Вестнике» 1859 г. (№ 46) под характерным для задуманного цикла заглавием: «Погребенные заживо». Остальные вещи, помещенные в этом сборнике, связаны между собой одним общим признаком: все они описывают город Глупов. Этот Глупов явился на смену прежнему Крутогорску. Достаточно сопоставить эти два названия, чтобы понять новый путь Салтыкова—от обличительного провинциального очерка к социальной сатире, к обобщающему политическую и социальную «злобу дня» гротеску. Глупов «Сатир в прозе» — это уже не только и не столько Тверь, сколько вся Россия вместе с Петербургом. Об этом очень ясно говорит сам Салтыков в автографе очерка «Наши глуповские дела». Вот вычеркнутое им начало.

«Давно ли, кажется, беседовал я с вами, читатель, о нашем уездном Глупове, как уже сегодня сердце мое переполнилось жаждою повести речь о другом Глупове, Глупове губернском.

Он также лежит на реке Большой Глуповице, кормилице-поилице всех наших Глуповых: уездных, губернских и прочих (каких же «прочих»? спросит слишком придирчивый читатель.— Разумеется, заштатных и безуездных, отвечаю я, ибо столичных Глуповых не бывает, а бывают столичные Умновы. Это ясно как день.), он также

имеет свою главную улицу, по сторонам которой тянутся каменные дома одноэтажной, полуказарменной постройки; он также пересекается во многих местах оврагами, по склонам которых в изобилии разводится капуста и прочий овощ, услаждающий неприхотливый вкус обывателей. Словом, Глупов как Глупов, только губернский».

Основные «сатиры» сборника обнаруживают замысел особого «глуповского» цикла, не осуществившегося главным образом из-за цензурных препятствий. Запрещение трех самых важных в конструкции этого цикла вещей («Глуповское распутство», «Каплуны» и «Глупов и глуповцы») разрушило весь тематический план. Это и побудило вероятно Салтыкова собрать все напечатанное им в журналах после «Губернских очерков» и более или менее механически разбить этот материал на два сборника: «Сатиры в прозе» и «Невинные рассказы». От «глуповского» цикла в первом сборнике остались только: «К читателю», «Литераторы-обыватели», «Клевета», «Наши глуповские дела» и «Наш губернский день» (совершенно исковерканный цензурой). Остальные сатиры («Госпожа Падейкова», «Недавние комедии» и «Скрежет зубовный») связаны с до-глуповским циклом. В сборнике эти вещи размещены по некоторому определенному плану. На первом месте поставлено «К читателю»—как публицистическая статья на общие темы. Затем идут вещи до-глуповского периода: «Госпожа Падейкова», «Недавние комедии» и «Скрежет зубовный»; после них — остатки «глуповского» цикла: «Наш губернский день», «Литераторы-обыватели», «Клевета» и «Наши глуповские дела». Итак, после вступительной статьи помещены сначала сатиры, относящиеся к недавнему дореформенному прошлому, — сатиры, так сказать, исторического характера, а затем — сатиры злободневные, описывающие нравы и дела пореформенного Глупова.

II

Известно, что у Салтыкова нет почти ни одного произведения, которое явилось бы в печати без цензурных искажений и купюр. При повторных печатаниях Салтыков очень редко пользовался правом и возможностью восстановить свой первоначальный текст. Постоянно заваленный срочной работой, он очевидно не имел ни времени, ни охоты возвращаться к своим старым вещам и производить текстологические операции по сличению печатного текста с рукописным или корректурным. Тем самым право и обязанность производить эти операции выпадают на долю современного редактора.

К сожалению далеко не все рукописи Салтыкова сохранились, а из сохранившихся не все дают возможность осуществить восстановление текста, потому что часто представляют собой черновые, слишком далекие от окончательной редакции. Работа по восстановлению текста осуществима конечно только в том случае, если в руках редактора имеется рукопись (или корректура), содержащая в себе последнюю редакцию вещи или по крайней мере ближайшую к ней. Идеальным было бы, если бы мы имели экземпляры тех самых рукописей или корректур, на которых делались цензурные пометки и вычерки. Но этих экземпляров нет, как и нет вообще почти никаких салтыковских корректур. Рукописи тоже сохранились далеко не все — и меньше всего сохранилось именно наборных рукописей, наиболее необходимых для восстановления подлинного текста.

Но «Сатирам в прозе» посчастливилось больше, чем многим другим книгам Салтыкова. Все вещи, входящие в этот сборник, сохранились в рукописях (правда, не всегда беловых), а наиболее из них искаженная цензурой, «Наш губернский день», сохранилась сверх того в журнальных гранках, содержащих в себе до-цензурный текст. Таким образом именно в этом сборнике редактор может осуществить максимальное восстановление салтыковского текста: вставить купюры, снять слой цензурных вставок, заменить слова, поставленные по требованиям цензуры, словами Салтыкова и т. д.

Надо при этом иметь в виду, что цензура эта была в сущности тройная: авторская (когда автор, предвидя сам цензурное запрещение, заменяет одно другим или просто вычеркивает), редакционная и официальная. Редактору приходится учитывать все эти

ПРИМЕР РЕДАКЦИОННОЙ ЦЕНЗУРЫ РУКОПИСИ ЩЕДРИНА

Автограф первоначального окончания рассказа «Госпожа Падейкова», отмеченного в рукописи красным карандашом; в печати финал рассказа появился в переработанном виде

Институт Русской Литературы, Ленинград

три вида цензуры, при чем самым сложным из них (в принципиально-методологическом смысле) является конечно первый. Здесь редактору приходится учитывать самые разнообразные условия и моменты — вплоть до графических особенностей.

Приведу один характерный пример такого рода авторской цензуры. В рассказе «Для детского возраста» (сборник «Невинные рассказы») дважды упоминается некий батальонный командир, который играет в ералаш: «Играл в ералаш председатель казенной палаты с губернским прокурором против советника казенной палаты и батальонного командира». В построении этого квартета заметна некоторая соотносительная симметрия: председателю казенной палаты дан в противники советник той же палаты. Симметрия нарушается тем, что противником губернского прокурора оказывается не имеющий с ним никаких служебных и профессиональных отношений батальонный командир. Внимание редактора, достаточно знакомого с текстами Салтыкова, настораживается, потому что губернскому прокурору должен конечно соответствовать жандармский полковник — тот самый жандармский полковник, которого Салтыкову никак не удалось протащить ни в одном рассказе (см. например «Наш губернский день», где всюду слово «полковник», даже без прибавления «жандармский», пришлось заменить всякими другими).

Редактор смотрит в сохранившийся автограф, где находит следующее: в цитированной фразе перед словами «батальонный командир» вычеркнуто начатое слово — «жан». Ниже «батальонный командир» упоминается еще раз. «—У вас треф нет? — строго спросил батальонный командир». В автографе опять вычерк, предшествующий написанию последних двух слов: «жандармский по». Совершенно ясно: Салтыков имел в виду жандармского полковника, а «батальонный командир» явился его цензурным заместителем. Редактор имеет полное основание (учитывая аналогичные случаи в других произведениях) воспользоваться вычерком и дать наконец Салтыкову сказать то, что он хотел, но не мог. Второй вычерк, самое появление которого свидетельствует о некоторой, так сказать, цензурной рассеянности Салтыкова, очень убедительно говорит в пользу такой «конъектуры».

Цензура коверкала текст Салтыкова преимущественно по двум направлениям: по линии политической и по линии «нравственности». Кроме жандармского полковника запретным для Салтыкова персонажем был например священник. В рассказе «Деревенская тишь» («Невинные рассказы») пришлось батюшку заменить всюду «батюшкиным братом» — один из анекдотов тогдашнего цензурного изобретательства. Как это часто бывает, цензор однако не заметил, что помещик говорит этому «батюшкину брату»: «Только ты у меня смотри: ни всенощных, ни молебнов... ни-ни!» Оказывается, что этот «батюшкин брат», придуманный цензором для того, чтобы избавить «батюшку» от конфуза, занимается той же деятельностью, что и сам «батюшка». Псевдоним раскрывается — и редактору остается (несмотря на отсутствие рукописей) заменить его подлинным наименованием.

«Нравственная» цензура упорно вытравляла в произведениях Салтыкова все крепкие слова и эпизоды, тем самым уничтожая в них струю «раблезианства». Письма Салтыкова с достаточной ясностью показывают, насколько эта струя была органична и сильна в стилистической системе Салтыкова. Редактору нужно иметь постоянно в виду эту тенденцию тогдашней цензуры и, в случаях возможности, восстанавливать текст Салтыкова и по этой линии.

Перехожу к «Сатирам в прозе», на истории текста которых многое вышесказанное подтвердится разнообразными примерами.

III

«К читателю» было написано в конце 1861 г., когда замысел «глуповского цикла» уже вполне оформился в представлении Салтыкова. Сатира эта появилась в «Современнике» (1862, № 2) позже, чем «Литераторы-обыватели», «Клевета» и «Наши глуповские дела», но в сборнике заняла естественно принадлежащее ей место вступления. Здесь Салтыков разоблачает «глуповский» либерализм, характеризующий собой эпоху пореформенного «конфуза». Тема была настолько острая, что цензура конечно обра-

тила на этот очерк сугубое внимание. По письму Салтыкова к Некрасову (от 25 декабря 1861 г. из Твери) видно, что первоначальный текст, набранный в «Современнике», пришлось сильно переделать: «Посылаю вам, уважаемый Николай Алексеевич, в 3-х пакетах, корректуру «К читателю», с сделанными как в самой корректуре, так и на особых местах изменениями. Надеюсь, что цензор пропустит, если же и затем не пропустит, то лучше совсем не печатать, потому что выйдет бессмыслица» [1].

Цензор очевидно пропустил, но ни цензорская корректура, ни даже рукопись последней редакции не сохранились, а сохранившиеся черновые автографы содержат неполный текст очерка. Тем самым восстановление текста оказывается невозможным, а возможен только некий паллиатив в виде вариантов, дополняющих печатный текст. В числе этих вариантов должны вероятно оказаться и те места, которые были изменены или вычеркнуты в корректуре по требованию цензуры.

Так например, среди рассуждений о конфузе Салтыков обращается с возгласом к Удар-Ерыгину: «И ты, дитя моего сердца! ты, любострастный магик и чревовещатель Удар-Ерыгин!» В этом абзаце есть фраза: «Я, который вижу насквозь твою душу, я знаю, что ты задумался о том, как бы примирить инстинкты чревоугодничества с требованиями конфуза». После этого в автографе следует целая сцена, удаленная, по всей вероятности, цензурой. Вот она:

«Не далее как вчера принцесса твоего сердца доказала тебе осязательно, как это трудно, как это даже невозможно.

— Анна Ивановна! — говорил ты ей, внезапно превратившись из фокусника в сантиментального петушка, торопливо [разгребающего], царапающего ножками землю около [невинной] кокетливой хохлатки: — Анна Ивановна! пожалуйте ручку-с!

И глазенки твои искрились и бегали: на углах рта показывалась влажность.

— Нет вам руки! — сурово отвечала Анна Ивановна.

— За что же-с?

Вся утроба твоя как-то безобразно при этом хихикнула.

— Увольте Флюгерова! — решительно возражала Анна Ивановна.

— За что же-с?

— За то, что земля кругла!

— Помилосердуйте, Анна Ивановна, ведь нынче времена совсем не такие!

— Хорош же ты после этого магик!

— Анна Ивановна! перемените гнев на милость-с! простите Флюгерова, а мне пожалуйте ручку-с!

— Нет вам руки: удалите Флюгерова!

— Анна Ивановна! года четыре тому назад голову бы ему оторвал-с...

— Отчего ж не теперь?

— Теперь нельзя-с...

— Хорош же вы чревовещатель!

— Анна Ивановна! пожалуйте ручку-с!

— Нет вам руки: удалите Флюгерова!

И ты уходишь от Анны Ивановны натощак, понурив голову и не получивши ляльки. Я желал бы сказать, что ты повесил нос, но не могу, потому что носа у тебя собственно нет, а есть какая-то наклейка, которую даже повесить нельзя».

Ниже в том же очерке есть два абзаца, в которых Салтыков говорит о том, что на литературной ниве действуют теперь Ноздревы, Чертопхановы и Пеночкины, и, обращаясь к Ноздреву, спрашивает: «почему ты смотришь таким Лафайетом?» Вместо этих двух абзацев («Заглянем, например» и «Каждый час») в автографе другой текст, обнаруживающий, что под Ноздревым Салтыков разумел идеолога дворянской партии, крепостника-либерала, видного чиновника и орловского помещика В. П. Ржевского, автора статьи «Несколько слов о дворянстве» [2], в которой он ополчался на провинциальную бюрократию. Автограф проясняет смысл печатного текста:

«Пересмотрите наши журналы, нашу текущую литературу — что за маскарад представляется глазам! Возьмите, например, в расчет одного г. Ржевского — чем не либерал? По свободе не то что тоскует, а просто, так сказать, стонет:

Стонет сизый голубочик,
Стонет он и день и ночь...

а об бюрократии отзывается с либерализмом даже [ругательным] загадочным: просто, говорит, бюрократ — да и дело с концом. Ноздревы, Пеночкины и Чертопхановы только ахают да руками разводят: «ах, говорят, вот-то отца родного нашли!» Даже Рудин и Лаврецкий — и те как-то застыдились, внимая музыке речей. И никому не приходит на мысль, что г. Ржевский потому только притворился Лафайетом, что на дворе у нас стоит масленица, а об масленице как-то неловко человеку оставаться самим собою, что его свобода есть собственно свобода чистить сапоги и получать за это двугривенные, а «бюрократ» его собственно не бюрократ, а что-то другое, об чем он не осмеливается доложить публике, потому что [бюрократия, пожалуй, еще обидится], по неопытности, еще сам достоверно не знает, что такое это «другое». Расскажи он свою мысль без утайки, объясни он все, чего желают его внутренности, — сам Ноздрев бы потупился, сам Ноздрев бы оторопел».

Во второй половине сатиры есть большое рассуждение о том, что надо действовать и проводить мысль в жизнь. В автографе это рассуждение гораздо полнее и подробнее. Возможно, что Салтыков сократил его в связи с тем, что задумал отдельный очерк «Каплуны», весь написанный на тему о том, что «следует из тесных рамок сектаторства выйти на почву практической деятельности» (как он писал в письме к А. Н. Пыпину 6 апреля 1871 г.). Но в «Каплунах» рассуждение это далеко не так полно и подробно, как в автографе «К читателю». Здесь Салтыков обращается к интеллигенции («ласковое, добродушное теля»), стараясь доказать, что мысль, заключенная в кабинете, есть мысль бесплодная, что злобу дня обойти невозможно, что надо уметь победить равнодушие толпы, и т. д. В таком полном виде рассуждение это представляет собой нечто вроде авторской исповеди, в которой Салтыков мотивирует собственное поведение [3].

IV

«Госпожа Падейкова» была впервые напечатана еще до отмены крепостного права в славянофильской «Русской Беседе» 1859 г. (т. IV, кн. 16) как очерк из «Книги об умирающих». В автографе этого очерка имеются чьи-то чужие (редакционные?) отметки синим и красным карандашом повидимому цензурного характера. Так например, в начале очерка (абзац «Госпожа Падейкова женщина лет сорока пяти») говорится о проницательном взоре Падейковой: «до того проницательный, что, наверно, ни одна дворовая девка не укроет от него своей беременности». В автографе последние два слова вычеркнуты синим карандашом, а сверху чужой рукой написано: «своих грешков». В журнале вместо «своей беременности» явились слова «своей провинности», но в первом издании сборника (1863) г.) восстановлено первоначальное.

Таких отмеченных мест в автографе несколько, но особенно любопытен финал. В автографе — Прасковья Павловна едет по делам в город и на обратном пути чувствует, что внутри у ней что-то мутит. «Однако, так как уж ее целый месяц только и делало что мутило, то она и не обратила особенного внимания на это обстоятельство. Приехавши, она отдохнула и даже «попросила» подать ей малосольной севрюжки, до которой была большая охотница, но тут случилось одно обстоятельство, которое вновь сильно ее расстроило. Акулина доложила ей, что любимая ее девочка, Надёжка, которую, несмотря на ее осьмнадцать лет все в доме (кроме, однако ж, повара Семки) считали еще девчонкой, по всем приметам оказалась с прибылью. Прасковья Павловна, которая была на нравственность чорт, вышла-было в девичью, чтоб распорядиться, но вдруг вспомнила, что Надёжка такая же барыня, как и она, и что ничего другого ей не оставалось, как проглотить эту пилюлю. Тем не менее должно полагать, что пилюля засела далеко, потому что едва успела Прасковья Павловна скушать за ужином последний кусок, как почувствовала, что та самая севрюжка, которая только что была съедена, начала подступать ей прямо к сердцу.

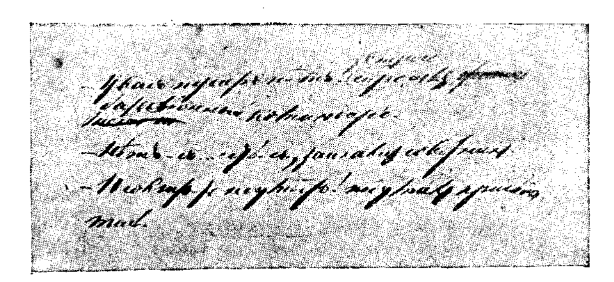
— Ай, севрюжка! ай, батюшки, севрюжка! — вскрикнула она не своим голосом.

Прибежала Акулина, прибежали и прочие «барыни», как она называла, в последнее время, своих дворовых девок; начали тереть ей ладони, дуть в глаза, но все их усилия остались тщетными.

Прасковья Павловна лежит без жизни. Не вынесла русская барыня севрюжки!»

Весь этот первоначальный финал отмечен в автографе красным карандашом и вместо него написан тут же другой, который и появился в печати. Очень вероятно, что первый финал показался редакции журнала (которая, как и Прасковья Павловна, «была на нравственность чорт») неудобным для печати; однако новый финал, как это часто бывает, представляет собой не только замену, но и полную художественную переработку. Тем самым первоначальный финал приходится считать «вариантом», хотя и связанным с цензурным запрещением.

Автографы «Недавних комедий» не дают особенно интересного текстологического материала. Отмечу только, что «Соглашение» — это та самая пьеса, которую, под заглавием «Съезд», Салтыков предлагал в 1859 г. в «Библиотеку для чтения»: пьеса не была тогда пропущена цензурой, а в 1862 г. появилась в журнале «Время» под новым заглавием [4]. Сцена «Недовольные» была напечатана в «Московском Вестнике»

ПРИМЕР АВТОРСКОЙ ЦЕНЗУРЫ ЩЕДРИНА

Автограф черновой рукописи рассказа «Для детского возраста»; выражение «жандармский по[лковник]» вычеркнуто и заменено словами «батальонный командир»

Институт Русской Литературы, Ленинград

(1859 г., № 46) под заглавием «Погребенные заживо», а в автографе носит заглавие «Современные разговоры. I. Оставшиеся за штатом».

«Скрежет зубовный» — вещь переходная, намечающая путь от обличительных очерков к сатирическому фельетону, от «Книги об умирающих» к «глуповскому» циклу. Сатира эта появилась в «Современнике» (1860 г., № 2). Салтыков послал ее П. В. Анненкову 29 декабря 1859 г. (из Рязани) при письме, в котором просил передать ее в «Современник», но прибавлял, что не желает никаких перемен «кроме самомалейших»: «в случае же если цензура не согласится, без выпусков, одобрить статьи к печатанию, то возвратить ее ко мне, а я отдам в один из московских журналов... Я по опыту знаю, каково печататься в «Современнике», где редакция не дает себе труда даже связывать пробелы, оставленные цензорским скальпелем» [5]. 16 января 1860 г. Салтыков писал ему же: «Относительно «Скрежета» позвольте мне одну просьбу. Может быть, цензура затруднится пропустить его, имея в виду «Сон», который в сущности и заключает в себе всю мысль этой статьи. В таком случае можно было бы сон выпустить, но таким образом, чтобы читатель догадывался, что есть нечто. А именно, я полагал бы заключить статью так:

СОН

. . . .

и больше ничего. Это единственная уступка, которую я могу сделать, а иначе статья утратит весь свой запах».

ОТ РЕДАКЦИИ

В силу стечения обстоятельств в первом томе сборника о Щедрине («Литературное Наследство» № 11—12) помещена открывающая сборник статья «От редакции», не выражающая подлинных взглядов редакции на Щедрина и являющаяся ошибочной по существу.

В. И. Ленин писал в августе 1912 г. в редакцию тогдашней «Правды»: «Хорошо бы вообще от времени до времени вспоминать, цитировать и растолковывать в «Правде» Щедрина и других писателей «старой» народнической демократии... Получилось бы освещение теперешних вопросов рабочей демократии с иной стороны, иным голосом» (Ленин, т. XXIX, стр. 75). Выражения выбраны Владимиром Ильичем в расчете на то, что письмо может быть прочитано царской цензурой. «Старой народнической демократии» означало: революционной демократии. «Рабочей демократии» означало: большевизма.

Это указание Ленина, конечно, не случайно. В систему ленинских взглядов на литературную политику партии это указание входит одним из важных звеньев.

Теперь наступила пора, когда мы можем уже не только время от времени вспоминать и цитировать Щедрина в наших газетах, но можем дать действительно полное собрание его сочинений, можем напечатать множество оставшихся ненапечатанными его вещей, можем восстановить его подлинные тексты, искалеченные в свое время царской цензурой. Теперь мы по настоящему несем в массы Щедрина. Теперь мы можем по настоящему поставить изучение Щедрина и наладить научное исследование его работ. Теперь мы можем и должны по настоящему «растолковывать» массам подлинное значение такого писателя, как Щедрин.

К сожалению, автор статьи «От редакции» в «Литературном Наследстве» № 11—12 «растолковывает» значение Щедрина совсем не по-ленински. И это заставляет нас здесь полемизировать со статьей, помещенной в предыдущей книжке нашего же журнала.

Ленин писал о Щедрине:

«Особенно нестерпимо бывает видеть, когда субъекты вроде Щепетова, Струве, Гредескула, Изгоева и прочей кадетской братии хватаются за фалды Некрасова, Щедрина и т. п. Некрасов колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами, но все симпатии его были на стороне Чернышевского. Некрасов по той же личной слабости грешил нотками либерального угодничества, но сам же горько оплакивал свои «грехи» и публично каялся в них...

«Неверный звук» — вот как называл сам Некрасов свои либерально-угоднические грехи. А Щедрин беспощадно издевался над либералами и навсегда заклеймил их формулой: «применительно к подлости». Как устарела эта формула в применении к Щепетовым, Гредескулам и прочим веховцам. Дело теперь совсем не в том, чтобы эти господа применялись к подлости. Куда тут! Они сами по своему почину, на свой лад, исходя из неокантианства и других модных «европейских» теорий, построили свою теорию «подлости» (Ленин, т. XVI, стр. 132—133).

Ленину нестерпимо было видеть, как субъекты вроде Струве, Щепетова, Изгоева и К-° «хватаются за фалды» Щедрина, который «беспощадно издевался над либералами и навсегда заклеймил их формулой: применительно к подлости». Ленин усматривает в этом приеме кадетов еще один вид либеральной подлости. Кажется, это вполне ясно. А вот автор статьи «От редакции» став на неверную точку зрения в оценке Щедрина неизбежно впадает в ряд ошибок. Он «открыл», что у Щедрина была «некоторая неуловимость» — «та самая неуловимость, которая позволяла (!) представителям самых различных классов (!) и групп(!) хвататься за фалды Щедрина и приобщать его к лику «своих». Исходя из неверной оценки Щедрина, автор, сам того, конечно, не желая, нечаянно помог либералам, о которых говорит вышеприведенная цитата из Ленина.

Автор статьи «От редакции» критикует тех, кто изображает Щедрина, как «какого-то Илью-Муромца русской революционной демократии». Он пытается высмеивать тех, кто будто бы считает, что в определенный период «посреди этого сборища оппортунистов, трусов и ренегатов стоит одинокая фигура революционного Щедрина». Автор открывает поход против «идеализации портрета писателя».

Все это совершенно не вяжется с тем, что писал о данных сюжетах Ленин.

Автору хочется доказать, что воззрения Щедрина «были достаточно далеки от революции», что Щедрин пытался «создать широкий блок всех партий «прогресса» от уме-

ренных либералов до социалистов включительно», что Щедрин выдвинул «утопический проект организации» при чем «согласно этому проекту действительно действующие революционеры не мыслят, мыслящие-же не действуют» и т. п. Автор упрекает Щедрина в том, что «он ушел из демократической литературы на службу в бюрократический аппарат абсолютизма» и т. п. Словом, автор статьи хочет отнести Щедрина к лагерю половинчатых буржуазных демократов, если не хуже.

Совершенно ясно, что такая «оценка» Щедрина не может быть оставлена без отпора. Автор статьи в № 11—12 «Литературного Наследства» не понял, почему Н. Г. Чернышевский так высоко оценивал литературную деятельность Щедрина и почему, в частности, о «Губернских очерках» Чернышевский сказал: «Губернские очерки» мы считаем не только прекрасным литературным явлением — эта книга принадлежит к числу исторических фактов русской жизни». Автор не понял, почему один из первых русских марксистов, Н. Е. Федосеев (которого так ценил Ленин), в своей большой научной работе, посвященной марксистскому исследованию крестьянского вопроса в России, крупную часть книги построил на «Пошехонской старине» и «Господах Головлевых». Автор не понял, почему Ленин рекомендовал до-революционной «Правде» «вспоминать, цитировать и растолковывать Щедрина». Автор не понял, почему многие из щедринских формулировок стали обиходными в политическом словаре большевизма, почему и Ленин, и Сталин так часто пользуются образами Щедрина, почему цитировал Щедрина в своем докладе на XVII съезде ВКП(б) тов. Каганович.

Автор статьи «От редакции» доказывает, что Щедрин «никогда не поднялся до материалистического понимания истории», что Щедрин «не поднимается до понимания человеческой истории, как истории борьбы классов», что еще неизвестно «стоял ли он за экспроприацию всех помещичьих земель». Все это было бы только наивно, если-бы всей своей «трактовкой» Щедрина автор статьи «От редакции» на деле не играл на руку либеральным извращениям роли Щедрина.

Конечно, Щедрин не был марксистом. Можно было бы пойти дальше и сделать еще одно «открытие»: что Щедрин не входил даже в Группу Освобождения Труда... Эта аксиома в подробных доказательствах поистине не нуждается. Но она еще очень мало дает для действительно марксистского освещения роли и значения Щедрина.

Щедрин не был действующим революционером. Что правда — то правда. Щедрин был только писателем (и редактором).

Щедрин был «только» писателем, но писателем великим. Главное из того, что им написано, относится к лучшим произведениям русской литературы революционно-демократического лагеря.

Его сочинения сыграли огромную революционизирующую роль. Своими меткими чудесными снарядами он обстреливал не только твердыни царского самодержавия, но и позиции буржуазно-помещичьего либерализма.

Большевиков в Щедрине больше всего привлекало и привлекает 1) то, что Щедрин уже в очень раннюю эпоху сумел так прекрасно изобразить дифференциацию русской деревни, сумел таким могучим прожектором осветить фигуру кулака, «мироеда», «чумазого», такой яркой кистью написать Колупаевых, Разуваевых, Деруновых; 2) то, что Щедрин с такой непримиримостью относился к подлости либеральной буржуазии, что он хорошей законченной ненавистью ненавидел умеренного и аккуратного «прогрессиста» и заклеймил либералов, по выражению Ленина, «навсегда»; 3) то, что Щедрин ненавидел царское самодержавие, «дикого помещика», царскую бюрократию, «помпадура», «Угрюм-Бурчеева», «ташкентца», весь «аппарат» царско-помещичьей диктатуры — ненавидел глубоко, прочно, беззаветно — и что Щедрин сумел в тягчайшей обстановке изо дня в день наносить удары царизму своим особым «щедринским» видом оружия: своей могучей сатирой, своим художественным словом.

Вот почему все великое в наследии Щедрина принадлежит рабочему классу, принадлежит нам и только нам.

В обоих сборниках, посвященных «Литературным Наследством» Салтыкову-Щедрину, помещено много статей и заметок отчасти дискуссионного характера. Только теперь удается опубликовать ряд важнейших работ Щедрина, которые до сих пор были неизвестны. Самое детальное и всестороннее изучение Щедрина необходимо. Но чем полнее собраны будут все сочинения Щедрина — его неопубликованные статьи, письма, отрывки, варианты, наброски, тексты, искаженные цензурой — чем тщательнее исследуем и изучим мы все богатое литературное наследие Салтыкова-Щедрина, тем яснее станет: оценки, которые давал этому великому русскому писателю Ленин — единственно верны.

«Сон» цензура пропустила, но кое-какие купюры и замены в этой вещи пришлось все-таки сделать. Сохранившиеся автографы, очень близкие к печатному тексту, дают возможность сделать ряд вставок и восстановлений. Так например, в конце, перед «Сном», отсутствует три абзаца, предшествующие абзацу «Вот закоренелый казнокрад». Можно сказать с уверенностью, что это — цензурная купюра:

«Вот деревенский лорд, застигнутый с розгой в руках. Уподобясь пойманному врасплох школьнику, он бросает в толпу поличное и заверяет Смерть древней своей честью, что он патриарх и желает только счастья, и счастья, и счастья своей меньшей братии.

Вот испитой, пожелтевший, с подобранным животом ябедник. Он трусливыми руками засовывает в карман свой донос или извещение и отвратительно-жалобным голосом вопиет, что он оклеветан, что он совсем не ябедник, а масон, бескорыстно источавший из себя ябеду и клевету, по долгу данного им обязательства.

Вот наивный, оплешивевший на службе столоначальник, пойманный с входящим регистром в руках. Он божится, клянется, что это лишь горькая случайность, что он в жизнь свою туда ничего никогда не вписывал и делал там только кляксы».

«Скрежет зубовный» должен был повидимому замыкать собой «Книгу об умирающих». Об этом свидетельствует особенно заключительная часть (после черты) — описание бессонной ночи («Но мне не спится») и появление Смерти. Любопытно, что на одном листе автографа вычеркнуто следующее, написанное прежде, начало:

«СМЕРТЬ. Pallida mors» с двумя эпиграфами: «Все еще ночь, все ночь. Мне не спится».

Обе эти фразы вышли в текст «Скрежета зубовного», но первоначально открывали собой очевидно задуманную отдельную вещь.

V

Следуют «сатиры» погибшего по цензурным причинам «глуповского» цикла.

На первом месте — «Наш губернский день». Печатная история этой вещи очень своеобразна. Она впервые появилась в журнале «Время» (1862 г., № 9) и состояла из «Введения», трех глав (I — «У пустынника», II — «Обед», III — «На бале) и «Заключения». В автографе глава «На бале» стоит четвертой, а перед ней есть глава «Перед вечером», отсутствующая как в журнале, так и во всех последующих изданиях «Сатир в прозе». Однако глава эта как отдельный очерк под заглавием «После обеда в гостях» появилась в «Современнике» (1863 г., № 3) и была затем включена в сборник «Невинные рассказы».

Это расщепление одного рассказа на два было сделано очевидно по цензурным причинам. В этом убеждает нас не только самое содержание, но и документы. Помимо автографа сохранились журнальные гранки рассказа, представляющие собой запрещенный цензурой текст. Пометок никаких нет, но сверху карандашом написано: «Ст[атс] секр[етарь] Головин». Рассказ называется «Четыре момента дня». В нем — те самые 4 главы, которые есть и в автографе. Эта корректура, поддерживая автограф, дает возможность восстановить подлинный текст рассказа: не только вернуть на место третью главу, но и ликвидировать многочисленные искажения и купюры.

В «Введении» например отсутствует любопытный кусок, в котором описывается смущение «губернского штаб-офицера» — того самого «жандармского по», который в другом рассказе превратился в «батальонного командира»: «Губернский штаб-офицер пронюхал, будто отныне всякое дело на чистоту надо вести будет. Легкая бледность внезапно отуманивает его красивое чело; надушенные усы дрогнули; в самых манерах, которых благородству удивлялись, во время экзекуций, все помещики, появилась порывистость и даже некоторое верноподданническое дерзновение (я, мол, свое дело сделал, а там как угодно!). «Ну что ж, это хорошо! Ну что ж, и пускай их! и пускай их!» скрипит он про себя, «только что ж это со мной-то они делают? Да пойми же ты, чорт, как же я теперь в люди-то покажусь?»

В том же «Введении» выпущен еще такой кусок: «И добро бы дело о нужном шло!

А то ведь об том только и разговор, как сечь: с соблюдением ли законных форм, или без соблюдения, как бог на душу пошлет... ох, уж эти мне либералы!»

В первой главе («У пустынника») цензура старательно вытравила все указания на духовное звание «пустынника», который поэтому выглядит для невнимательного читателя простым помещиком. После абзаца «Что за будущее» выпущен следующий кусок:

«— Ну, я с своими-то, пожалуй справлюсь, — заговорил между тем пустынник: — вот вы-то, гражданские, что будете делать? ведь у вас, государи мои, все в рознь полезло!

На это замечание я не мог возражать, ибо в отношении прозорливости оно было поразительно.

— *Веселихомся и играхом!* — продолжал пустынник: — а теперь вот и нам, подобно древним Иудеям, на реках Вавилонских седящим, приходится обесить орга́ны своя.... и шабаш!»

В следующих главах «глуповский штаб-офицер» или «глуповский полковник» был заменен такими словами, как «добрый и милый приятель», а вместо «ночных розысков» появились «нечаяннейшие сюрпризы».

Остальные «сатиры» пострадали от цензуры гораздо меньше. Их автографы дают возможность восстановить искажения отдельных фраз и слов. Особый интерес представляет автограф сатиры «Наши глуповские дела». При изучении его обнаруживается, что сцена «Погоня за счастьем» входила первоначально в состав этой сатиры и что кроме того она соединяет в себе частично две вещи, существовавшие сначала отдельно: «Хорошие люди» и «Предчувствия, гадания, помыслы и заботы современного человека» (дневник Ржанищева)[6].

Текст «Хороших людей», как оказывается, почти весь разошелся по разным вещам «глуповского» цикла. Отсюда взяты две страницы в конце «Литераторов-обывателей» (от слов «Прежняя привольная жизнь провинции исчезла», кончая словами: «Веселое было времячко! — Веселое!»), целый ряд отдельных кусков, большое рассуждение о нынешнем «хорошем» человеке в «Наших глуповских делах» и наконец отдельные места в очерке «К читателю». Таким образом начатый в виде отдельного произведения очерк «Хорошие люди» очевидно предшествовал всем этим сатирам и писался вероятно непосредственно после «Скрежета зубовного». Под «хорошими людьми» Салтыков разумеет либералов, занявшихся «глуповским возрождением».

* * *

Сборник «Сатиры в прозе» выходил при жизни Салтыкова трижды: в 1863, 1881 и 1883 гг. В первом издании кое-какие искажения, сделанные журнальной цензурой, были исправлены, в следующих же изданиях производилась только мелкая стилистическая переработка. Погибший «глуповский» цикл возродился через несколько лет в произведении, превратившем город Глупов в символ всей царской России,— в «Истории одного города».

Б. Эйхенбаум

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Неизданные письма». «Academia», М.—Л., 1932, стр. 19.

[2] «Наше время» 1861 г., № 11. Ср. «Ответ г. Ржевскому» Салтыкова, напечатанный в «Современной летописи» 1861, № 26 (июнь).

[3] См. полный текст этого рассуждения ниже, после статьи. (Точками обозначен пропуск части, совпадающей с печатным текстом.)

[4] См. в книге Р. Иванова-Разумника «М. Е. Салтыков-Щедрин», М., 1930, стр. 187.

[5] «Письма» (Лнгр., 1925), стр. 18. Намек очевидно на «Развеселое житье», напечатанное в «Современнике» 1859 г., № 2 в совершенно изуродованном виде.

[6] Последняя вещь была опубликована в «Звезде» 1926 г., № 2 и вошла в книжечку, изданную «Огоньком»: «Несобранные произведения» (М., 1930). Первая, сохранившаяся в отрывках, публикуется в главной своей части здесь.

[РУКОПИСНЫЙ ВАРИАНТ ОЧЕРКА «К ЧИТАТЕЛЮ»] *

В самом деле шутка сказать человеку: доведи мысль свою до того напряженного состояния, до той страстности, которая разрешается героизмом! [Где взять решимости, где взять силы для этого?] Где подготовка для этого? С каким материалом, с какими силами приступить к совершению подвига? да и какое наконец будет содержание этой мысли?

Побеседуем прежде всего о подготовке и средствах. Ласковое, добродушное теля! Выступая [так радостно и] с таким легким сердцем на борьбу, знаешь ли ты, что такое борьба? знаешь ли ты, что борьба есть страдание столько же нравственное, сколько и физическое, что если первое жестоко, то второе жестоко тем более, что противно самой природе человека, что борьба есть ряд уничижений и обид, что борьба есть голод и жажда, что борьба есть первая и ближайшая посылка к смерти? Ты, который обрекаешь себя на служение истине, знаешь ли ты, что истина, как древле Ваал, любит мясные жертвы? Утучнил ли ты свое тело в такой степени, чтобы жертва эта была приятна?

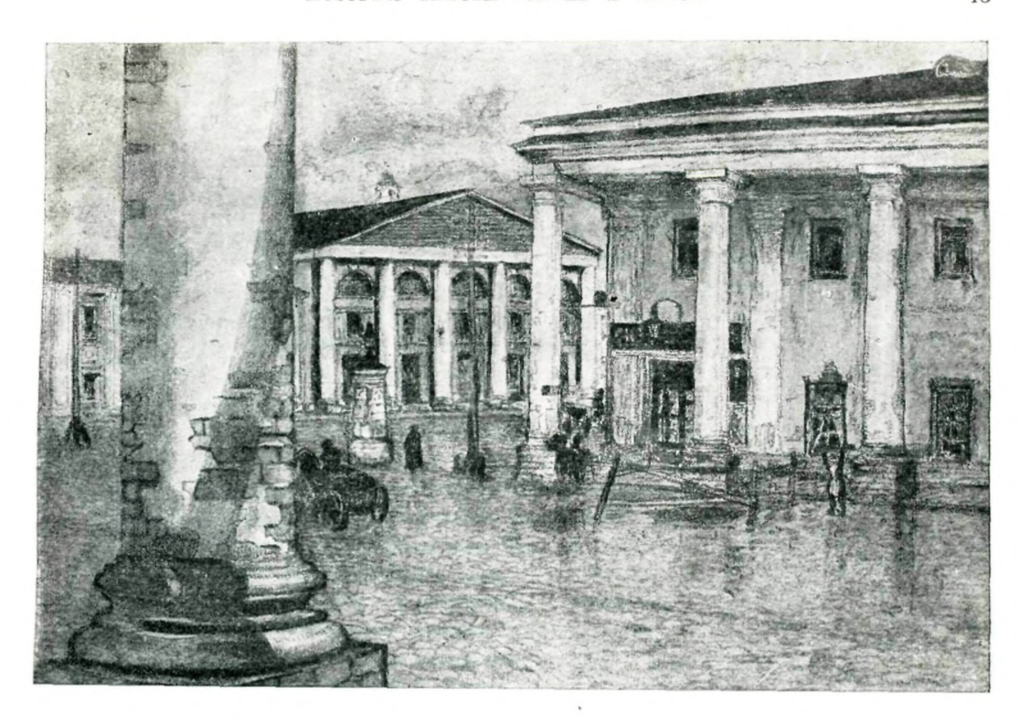
[Предполагаю]. Допускаю, что, предаваясь умственному труду, в [тиши] уединении своего кабинета, ты не [мечтаешь только] ограничиваешься одними призрачными, [неясными] туманными мечтами, ты не с одним сочувствием, не с одною восторженностью [обращаешься] относишься к делу освобождения человека от уз [смерти] пленения смертного, не стремишься наудачу к неясно очерченному будущему, но мыслишь действительно, но зрело обдумываешь и даже рассчитываешь весь ход, все развитие великого дела будущего, к которому так беспокойно и так настойчиво стремится человечество от первого дня своего рождения. Допускаю, что ты относишься к делу даже практически, т. е. предусматриваешь [и угадываешь] [и определяешь себе] те условия, при которых оно может иметь успех, и те, при которых оно должно погибнуть, что ты [угадываешь] [придумываешь] с математическою верностью определил даже средства, чтобы обеспечить беспрепятственное [влияние] действие первых и устранить последние. Допускаю, наконец, что до чуткого уха твоего доходят и не бесплодно доходят те многоразличные стоны, которые с такой мучительной [силой] покорностью судьбе вырываются из груди природы-матери, что чуткое ухо передает эти стоны чуткому сердцу, а сердце кипит злобою, а сердце млеет и умирает от гнева и омерзения. Волнение, непередаваемое языком человеческим, овладевает всем существом твоим; ты видишь раны и струпья, ты слышишь [стоны] вздохи и сетования... ужас! ужас! восклицаешь ты, и нет пределов твоему отчаянию...

Что ж из этого?

Пришел ли ты к убеждению, что мысль, доколе она заключена в кабинете твоем, есть лишь бесплодная и притом растленная потеха души твоей? Пришел ли ты к убеждению, что место мысли героической, мысли воинствующей не в усидчивой работе за фолиантами, не в беседе приятельской, даже не в более или менее смелых, более или менее верных поисках в области будущего, что ей, этой мысли, точно так же необходим хлеб насущный, как твоему желудку?

Допускаю однако ж, что и эти убеждения не составляют для тебя новости, но они пришли к тебе точно так же теоретически, как и твоя Икария, но они явились к тебе мельком, в виде страшного ультиматума, с которым не может освоиться, который желала бы отклонить мысль твоя. В самом деле, ты готов на все: ты готов защищать свою мысль шаг за шагом, ты готов принять диалектический бой со всяким противником, но

* Архив М. М. Стасюлевича (ИРЛИ). Здесь публикуются те части автографов, которые остались неиспользованными в «Сатирах в прозе» (см. выше в статье).

СТАРАЯ РЯЗАНЬ
В 1859 г. Салтыков служил в Рязани вице-губернатором
Акварель Г. Лукомского
Собрание художника, Париж

злоба дня, та страшная злоба дня, которая не хочет слушать ни убеждений, ни доказательств твоих, которая хохочет и кривляется над ними, которая спокойно продолжает злодействовать, покуда ты изливаешь восторженные потоки красноречия, эта злоба дня застает тебя безоружным.

Злоба дня застает тебя безоружным, потому что ты не только презирал ее, но просто-таки не считал ее ни во что. И ты был прав, презирая, потому что [она действительно заслуживает], говоря абсолютно, взирая на мир с точки зрения беспримесной чистоты твоей мысли, она действительно ничего, кроме презрения, не заслуживает. Но эта презренная злоба дня нынешнего была истиною дня вчерашнего, но она еще вчера была источником жизни для бесчисленного множества тебе подобных существ, но у нее есть корни и очень крепкие корни в прошедшем... обойти ее трудно, обойти ее невозможно.

Волею или неволею, но ты должен сойти до нее, ты должен [познать] исследовать ее, и даже принять к сердцу ее интересы. Ибо что должно, что может составлять предмет твоей деятельности? Или открытая борьба с злобою дня, или нравственно-воспитательное на нее действие. И в том и в другом случае ты должен знать слабые и сильные стороны своего противника, и в том и в другом случае ты обязан с осторожностью и даже с нежностью держать в своих руках гадину, которую намереваешься убить. Но ты остановишь меня на этом и будешь уличать в противоречии [самому себе]. Давно ли, скажешь ты, было взываемо к опрятности мысли, давно ли говорилось об исключительности, и вот на сцену снова выступает осторожность и даже какая-то нежность?

Но противоречия этого нет. Действительно, не дальше как две страницы тому назад я утверждал, что исключительность необходима, что примирения и компромиссы не ведут ни к чему, кроме запутанности и постыдного

поражения, но тогда я обращался к тебе, как к человеку обуждения, человеку теории. Теперь же я обращаюсь к тебе, как к человеку действия, и в этой двойственности твоего характера заключается полное объяснение замеченного тобой противоречия. Пусть внутренний мир твой остается цельным и недоступным ни для каких стачек, пусть сердце твое ревниво хранит и воспитывает те семена ненависти, которые брошены в него безобразием жизни — все это фонд, в котором твоя деятельность должна почерпать для себя содержание и повод к неутомимости. Но оболочка этой деятельности, но формы ее должны слагаться независимо от этого внутреннего мира души твоей. Над ними тяготеют [условия] требования победоносной еще злобы дня, и требованиям этим она волею или неволею должна подчиниться, под опасением остаться бесплодною [и замкнутою в четырех стенах твоего кабинета]. Ты истец; ты тревожишь спокойное течение жизни, ты ищешь, чтоб она поступилась в твою пользу частью или всем своим историческим достоянием; следовательно, не она, а ты обязан подать и первый пример соблюдения необходимых в этом случае формальностей.

Да притом я не говорю тебе ни о нежности [душевной] сердечной, ни о сострадательности, ни о других добродетелях этой категории: под нежностью я разумею просто нежность мускулов, нежность механическую, которая заслоняла бы от слишком любопытных взоров духовную исключительность, составляющую содержание твоего внутреннего человека, которая позволяла бы держимой между пальцами козявке держаться там смирно, без мучительных судорог и содроганий. Не говорю также и о снисходительности или [нравственной] приблизительной покладистости, ибо то, что с первого взгляда кажется снисходительностью, есть собственно любознательность, необходимая каждому, изучающему предмет с целью дальнейших операций.

Одним словом, я желал бы, чтоб ты сделался на время Удар-Ерыгиным, чтоб при каждом иудином лобзании, даваемом тобою злобе дня, ты в то же время вырывал один из ее вредоносных удов, чтоб ты действовал по точному разуму русской пословицы, гласящей: не плачь, козявка! дай только сок выжму!

Фуй! какая, однако ж, мерзость! восклицаешь ты: — ведь Удар-Ерыгина за это зовут шельмой, ведь Удар-Ерыгин действует так, потому что им руководят только низшие инстинкты: лукавство, низкопоклонничество, чревоугодие, наконец!

Ну да, и я совершенно с тобой согласен насчет Удар-Ерыгина [стоит только взглянуть на плоскодонную его голову, стоит только попристальнее вглядеться в блуждающий огонь его глаз, чтоб определить человека]; ну да, и я согласен, что ты не только на определенное время, но даже на минуту не в состоянии сделаться Удар-Ерыгиным... Помыслы твои слишком чисты, ты сам слишком опрятен для этого... но какие же последствия этой брезгливости? не те ли, что мысль твоя безвыходно должна будет уединяться в стенах твоего кабинета, что она никогда не придет в живое соприкосновение с злобою дня, которую, однако ж, имеет претензию поработить!

Именно потому-то я и утверждаю, что ты не в силах окрылить свою мысль до того, чтоб она не боялась окунуться в грязь базара житейской суеты, чтобы она при вопросе о средствах имела в виду только цель, которой надлежит достигнуть.

Но зато как же и бесцеремонно обращается с тобой злоба дня! Она высылает на тебя Зубатова, который, замечая в твоей физиономии нечто угрюмое, не подходящее к детской беззаботности, требуемой правилами патриархального этикета, сварливо подступает к самому твоему лицу и тоном, нетерпящим отговорок, требует, чтобы ты говорил «хи-хи»! Она высылает на тебя Удар-Ерыгина, который в свою очередь, видя, что ты

принял на себя образ жалкой отощавшей [кошки] дворняжки, [лукаво] робко пробирающейся сторонкой, чтоб стащить со стола кусок мяса, хладнокровно ошпаривает тебя горячими помоями. Она высылает на тебя, наконец, своего панегириста, преемника Булгарина, преемника Каиафы, который, чуткий к рутинным инстинктам и бессознательным ненавистям толпы, выбрасывает ей на поругание одну за другой [мысли] задушевные помыслы твои, не давая даже себе труда опровергать их, потому что ему стоит только обнажить их, чтоб указать на их несообразность с требованиями той исконной мудрости, которою привыкла руководиться толпа. И толпа рукоплещет, толпа надрывается [мучительным] плотоядно-зверским смехом, видя, как тебя ошпаривают, как тебя заставляют говорить «хи-хи!», как тебя обличают в посягательстве на удобства и наслаждения толпы! И не то, чтоб толпа была кровожадна, но она любит пряные зрелища. Толпе так горько, так трудно жить, что самая мысль о мире лучшем кажется ей дикостью и посягательством; она так освоилась с безвыходностью своего положения, до такой степени утратила всякое сознание об идеале, что человек, поставленный в положение зверя, не режет ей глаза, не кажется вопиющей ненормальностью. Она рассуждает так: можно мыслить, развиваться и совершенствоваться, когда дух свободен, по крайней мере, от самых гнетущих материальных забот и лишений, когда брюхо сыто, когда тело защищено от неблагоприятных влияний атмосферы и т. п., но нельзя мыслить, развиваться и совершенствоваться, когда вся мыслительная способность человека сосредоточена на том, чтоб как-нибудь не лопнуть с голоду и будущее сулит только чищение сапогов да ношение подносов («смотри же, подлец! не урони подноса: морда отвечать будет!» кричит господин, имеющий возможность развиваться и совершенствоваться). И рассуждая так, она не глядит ни вверх ни по сторонам, а глядит все в землю, то-есть туда, куда наклонили ее целые [века] столетия [рабства] гнета, наслоившиеся над нею. Естественно, что при таком озверении всех инстинктов, она не умеет различить своего адвоката от паскудника, что чувство ее может быть возбуждено и отчасти принять игривое направление только при виде чьего бы то ни было уничижения, чьей бы то ни было беззащитности. Естественно, что она трепещет и плещет руками при виде торжества грубой силы над разумом: она рукоплещет тут не торжеству собственно, а издевается лишь над неразумием разума, осмелившимся не признать законности силы.

Следовательно нужно победить еще равнодушие толпы, нужно еще возбудить ее смысл. . . . .

Вновь обращаюсь к тебе, добродушное, ласковое теля! и вновь повторяю: нужно победить равнодушие толпы, нужно возбудить ее смысл!

Мало того, что ты по образу мыслей считаешь в праве называть себя адвокатом толпы: нужно еще, чтоб толпа сама признала тебя за своего адвоката, а чтоб достигнуть этого, необходимо подладиться к ней, необходимо самому стать толпою, принять ее инстинкты, прожить ее жизнью. Вот если б ты, увидев дантиста, налетающим на преследуемого субъекта, сам налетел на него орлом, толпа действительно признала бы тебя за адвоката своего, и вопила во сто крат [шибче] ходчее и веселее: «хорошень его! накладывай, накладывай ему!» И ты внезапно вырос бы в глазах толпы, стал бы ее героем... чем-то вроде Гарибальди, переложенного на русские нравы.

А ты еще лучший из лучших, ты избраннейший из избранных! Кому же протянешь ты руку, к кому обратишь жаждущую сочувствия мысль? [Ты одинок, ты разобщен от внешнего мира всею чистотою твоих помыслов] Да; тяжела должна быть для тебя жизнь. Жизнь не состав-

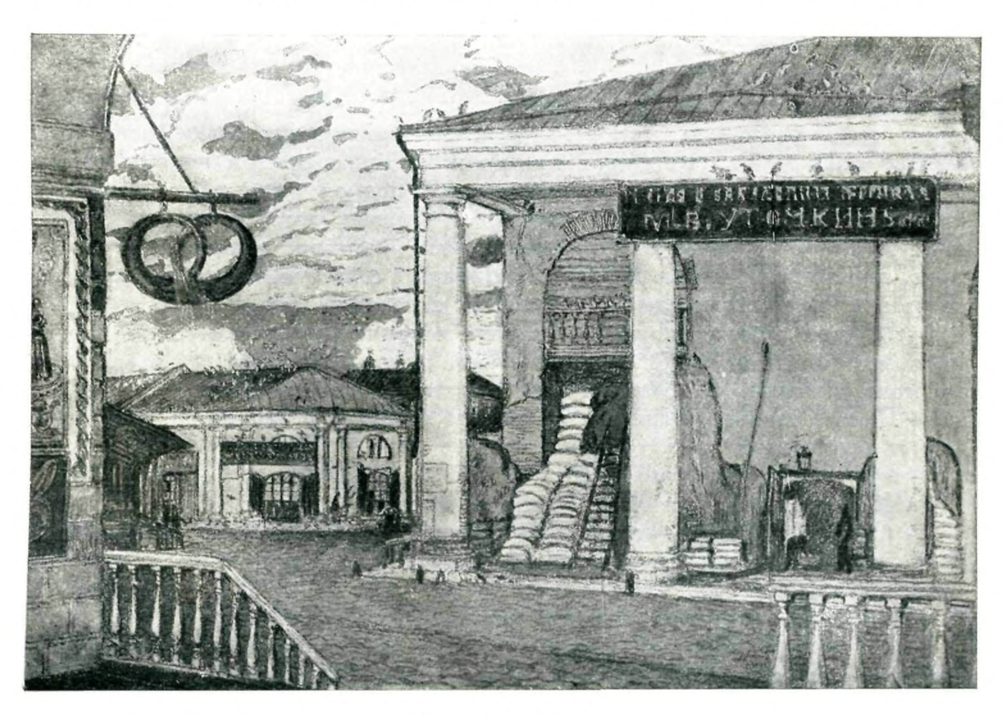
ляет ига только под одним условием: а именно, когда работу ее сопровождает успех. Успех не только дает силу и бодрость мысли, но и оплодотворяет ее, помогает ей итти вперед и развиваться. Без помощи успеха мысль незаметно оскопляется, дичает и делается ничтожною. Для тебя этот успех невозможен, потому что ты слишком разобщен от [внешнего мира] толпы, потому что ты не понимаешь ни законности ее прихотей, ни законности ее невежества, ни законности ее злодеяний. Такое отношение к жизни делает для тебя возможною одну только роль: роль той мясной жертвы, которой дым так приятно щекочет обоняние Ваала.

И я нисколько не удивлюсь, если ты, взвесив всю безотрадность пути, предстоящего тебе в будущем, закроешь лицо руками и содрогнешься; я не удивлюсь даже, если ты проникнешься робостью и сделаешь попытку побежать с поля сражения. Но ты не побежишь, потому что и над твоим существованием тяготеет роковая сила, заранее начертавшая путь, по которому тебе предстоит итти; ты не побежишь, потому что над тобою тяготеет твое прошедшее, тяготеет масса выработанных тобой и глубоко пустивших корни убеждений... ты согласишься лучше принять грудью неотразимый удар судьбы, нежели обесславить постыдным бегством те верования, которым ты служишь. Жертвоприношение совершится, и жертва будет приятна Ваалу.

Повторяю: ты лучший из лучших, избраннейший из избранных — и вот однако ж, какого рода результатов можешь ты ждать от твоей деятельности. Что из того, что ты просто и бестрепетно [встретишь] примешь смерть от руки жрецов вааловых, что ты не опозоришь себя при этом ни жалким [ренегатством] отступничеством, ни гнусным предательством? Пойми, что, несмотря на твою геройскую бестрепетность, роль твоя все-таки будет чисто страдательною, что симпатии толпы все-таки останутся на стороне силы, и что в пользах твоего дела было бы гораздо лучше, если б ты где-нибудь в уголку, где-нибудь втихомолку [протянул руку на примирение] испросил на коленках прощения и получил за это возможность исподволь, но неотразимо напакостить твоим врагам!

Увы! я знал многих из твоих собратий, людей с честным сердцем и непосрамленною душою, которых протесты против торжествующей злобы дня именно ограничиваются только агнчею способностью примиряться со всеми унижениями и оскорблениями. Их втопчут в грязь — они ничего: и в грязи, говорят, живем — что, взяли? Им свяжут руки, их бросят в жертву смрада и мерзости, на них плюют — они оботрутся и опять ничего: нас-дескать этим не [изумишь] [удивишь] оскорбишь — что, взяли? И в наивности душ своих мечтают, что злоба дня очень оскорблена такою их стойкостью! А злоба дня проходит мимо и нагло хохочет над этим бессильным кривлянием, и плюет, и плюет, и плюет, при неистовых рукоплесканиях полудикой толпы! А сколько есть таких, которые, еще не заглянув в храм, уже бегут от порога его, сколько есть слабых духом, робких сердцем, сколько таких, которые даже временно не могут примириться с идеею аскетизма в жизни! Ужели они сомкнут ряды свои, чтоб твердо стать за торжество мысли, которой не знают и которой не могут сочувствовать их внутренности, ужели не охватит их панический страх и не побегут и не рассыплются они при первом суровом натиске действительности? Всякое сомнение в этом случае было бы только праздным и вредным самообольщением. Неестественно, чтобы общество представляло собой сплошную массу героев-аскетов, подчинивших исключительному торжеству мысли все прочие интересы жизни. Правда, что общество принимает иногда такие суровые формы, но это бывает лишь в те редкие и крайние минуты, когда потребность обновления захватывает дыхание все-

го живущего, когда человечество, идя извилистыми путями одряхлевшей цивилизации, внезапно видит себя в глухом переулке, откуда имеется один только выход — на стену. Такие минуты называются эрами в истории человечества, а много ли можно назвать таких эр? Да притом минута всегда остается минутою; дело созревшей мысли совершилось, стена опрокинута, торжество отпраздновано с приличною случаю помпою: на завтра наступают будни с кропотливою, ненарядною своею деятельностью, на завтра вступает в права свои жизнь, маленькая жизнь с маленькими интересами, и вновь на развалинах отжившей мысли зреет злоба дня, и вновь, рядом с нею, но непризнаваемое и гонимое, зачинается семя [будущего] грядущего... Все это весьма естественно, и даже не потому чтобы над судьбами человечества исключительно царило начало зла, а просто потому, что, по молодости лет и слабости рассудка, оно еще не может определить тех форм добра, которых с таким напряженным усилием ищет. Естественно, следовательно, и то, что в обществе, даже между людьми наиболее симпатичными, скорее можно встретить таких, которые предпочитают жить в мире с действительностью, нежели открыто итти в разлад с нею, которые охотно согласятся пожурить и даже по временам и ущипнуть действительность, но без скандалу, mon cher, без скандалу. Ибо согласие с действительностью представляет свои бесконечные удобства, ибо согласие с действительностью вносит за собой мир и благоговение в сердца человеков. Mon cher! мне очень приятно видеть вас, человека с широкими, непреклонными убеждениями; я вам сочувствую, и не только с удовольствием, но даже с учащенным биением сердца прислушиваюсь к речам, горячим потоком льющимся из уст ваших,— но оставьте меня наслаждаться этим сладким биением сердца в спокойствии, не тормошите, не огорчайте меня, не отрывайте меня от

СТАРАЯ РЯЗАНЬ
В 1859 г. Салтыков служил в Рязани вице-губернатором
Акварель Г. Лукомского
Собрание художника, Париж

раковины, в которой я с таким комфортом обмял себе место! Слушая вас, я воображаю себя в театре, я вижу мысленно процессию, несущую с торжеством Иоанна Лейденского, я слышу марш, я слышу хор толпы — все это очень хорошо, все это раздражает мои нервы и раздражает, могу сказать, в самом благородном смысле, но не могу же я... но не могу же я... согласитесь, что ведь я не могу?

И волею или неволею, с болью в сердце и, быть может, с проклятием на устах, но ты должен будешь согласиться, ласковое, добродушное теля, что я действительно не могу, и не могу не потому, чтоб я был нравственно растлен [и малодушен], а потому что я имею на жизнь тот естественный законный взгляд, в силу которого она является не суровым, аскетическим подвигом, но наслаждением. Кому же ты подашь руку свою? на ком остановится скорбящая мысль твоя?

[ДВА ОТРЫВКА ИЗ ОЧЕРКА «ХОРОШИЕ ЛЮДИ»]

[Отрывок I]

Но вот, мало по малу, в другом конце образуется иной кружок. В нем не слышится разговоров ни о рыбе, ни о «финзервах», но взамен того, до слуха изумленных гостей долетают слова вроде: «вменяемость», «подсудность», «гласное судопроизводство» и проч. Люди, составляющие этот кружок, суть те самые «хорошие» люди, которые служат предметом настоящего исследования.

Завидевши их. люди старинного века умолкают и стараются поскорее пристроиться к карточным столам.

— Интриганты пришли! Ишь их привалило! — говорит Катышкин, уходя во свояси, и затем, в продолжение целого вечера, уже ничего не произносит, кроме «пас», «семь без козырей», [«без двух»] или «Петр Иваныч опять-таки подсидел»...

Между тем, хорошие люди, засевши в противоположном углу, продолжают вести разумную беседу об устности, гласности и бескорыстии. Они держат себя гордо, выступают плавно и не давая притом никому дороги, а в отношении к хорошим людям старого покроя выказывают отменную строгость, и только в редких случаях, а именно, когда у кого-нибудь из них уж слишком забавная наружность, т. е. или нос вавилонами, или на руке, вместо пяти, шесть пальцев, позволяют себе относиться к нему с благодушием, напоминающим материнскую снисходительность.

— У меня сегодня по палате крайне неприятный случай был! — восклицает некоторый молодой и совершенно поджарый председатель: — один из моих чиновников дозволил себе нарушение канцелярской тайны!

— Тссс... сколько ведь раз их за это учили — и все как с гуся вода! что ж вы сделали?

— Ну, разумеется, вон его!

— Конечно, это наш долг — очищать воздух!

— Однако, господа, — вступается прокурор, который весь погружен в свое звание истолкователя сомнений: — однако, не будет ли это противно «гласности»?

— Гм... да, — переглядываются присутствующие.

— Позвольте, господа! — восклицает тот же председатель: — по моему мнению, гласность сама по себе, а исполнение долга само по себе! Эти две вещи смешивать нельзя!

— Н-да, нельзя! — поддакивает товарищ председателя Курилкин.

— Я тоже согласен с мнением Ивана Тимофеича, — вмешивается другой председатель: — я с своей стороны полагаю, что гласность есть вещь

хотя желательная, но существующая еще лишь в большем или меньшем отдалении, тогда как исполнение долга есть вещь действительная, нетерпящая ни рассуждений, ни отлагательства.

— Итак, Иван Тимофеевич поступил весьма здраво, отсекши гнилой член от административного тела,—заключает вице-губернатор.

— Это ясно, как день.

— Да... теперь и я вижу, что так,— уныло бормочет прокурор, которого угрызает совесть за то, что, не далее как третьего дня, у него в канцелярии случился подобный же пример недержания канцелярской тайны, и он, во имя «гласности», не только не растерзал дерзновенного чиновника на части, но даже посулил ему дать прочесть статью об этом предмете, напечатанную в «Русском Вестнике».

— Конечно, если мы, люди новые, не будем очищать воздух и отсекать гнилые члены, то на ком же будут покоиться надежды России? Уж не на этой ли архивной ржe?— справедливо заключает вице-губернатор, указывая на заседающих за карточными столами.

И разговор продолжается все в том же тоне и духе, переходя от нарушения канцелярской тайны к вопросу о том, может ли чиновник, получающий целковый в месяц жалованья, прилично содержать себя (ответ: хотя и не роскошно, но может), от этого вопроса к рассуждениям о пользе ревизионного стола, при чем вице-губернатор представляет глубочайшие соображения относительно посылки нарочных на счет нерадивых чиновников.

В это время, за одним из карточных столов, внезапно раздается энергический [хотя и добродушный] протест:

— Нет, нет, нет! это, брат, шутишь! — восклицает помещик Птицын:— играть я с тобой сколько угодно буду, а уж сдавать карты не позволю... ни-ни, и не думай!

Кто же они, эти зараженные новыми идеями люди? кто эти робеспьеры формалистики? эти террористы начальстволюбия? эти сорванцы исполнительности?

Выше было сказано, что нынешние хорошие люди суть те же самые убогие мыслью, нечистые сердцем субъекты, которыми и встарину изобиловала Русь, и которых точно так же, как и нынче, величали людьми хорошими. И действительно, если формы древнего сосуда несколько очистились, то из этого отнюдь не следует, чтобы содержанием для них служило что-либо новое, а не прежнее промозглое и мутное вино. Изменение форм в этом случае есть следствие единственно нашей предприимчивости, а не внутренних потребностей духа. Относительно этих последних, все обстоит, как и прежде. Попрежнему мы оказываемся бедными инициативою, шаткими и зависимыми в убеждениях; попрежнему гибко и не дерзновенно пригибаемся то в ту, то в другую сторону, следуя направлению [сердитых] ледовитых ветров, иссушающих нашу родную равнину из одного края в другой. Попрежнему, лишенные всякой дельной подготовки, мы отнюдь, однако ж, не сомневаемся, что можем управлять судьбами, если не целого мира (для этого высшее начальство есть), то, по крайней мере, одного из его захолустьев; попрежнему. мы наивно открываем рты при всяком вопросе, выработанном жизнью; попрежнему не можем предложить никакого разрешения, кроме тупого и бесплодного гнета, не можем дать никакого совета, не справившись наперед в многотомном и, к сожалению, еще не съеденном мышами архиве канцелярской рутинной мудрости. Скажу больше: изменение форм не только не *принесло пользы, но положительно послужило во вред делу.* В прежние времена наша необузданность, по крайней мере, смягчалась нравственною

распущенностью, подкупностью и другими качествами, гнусность, которых хотя и не подлежит сомнению, но которые...

[Отрывок II]

— Тем более, что «Морской сборник», вместе с поступанием вперед, соединяет и замечательную ясность души, которая еще действительнее должна помогать ему в деле приискания ясных форм.

Хороший человек умолкает и смотрит на жену с тою ласковостью, под которою скромно теплится тихое сознание о собственном его превосходстве над нею.

— Женщина эта—мое создание! если б не я, сделалась ли бы она когда-нибудь «хорошею» женщиной!— думает он и прибавляет вслух:— ты ничего не имеешь сказать больше, дружок?

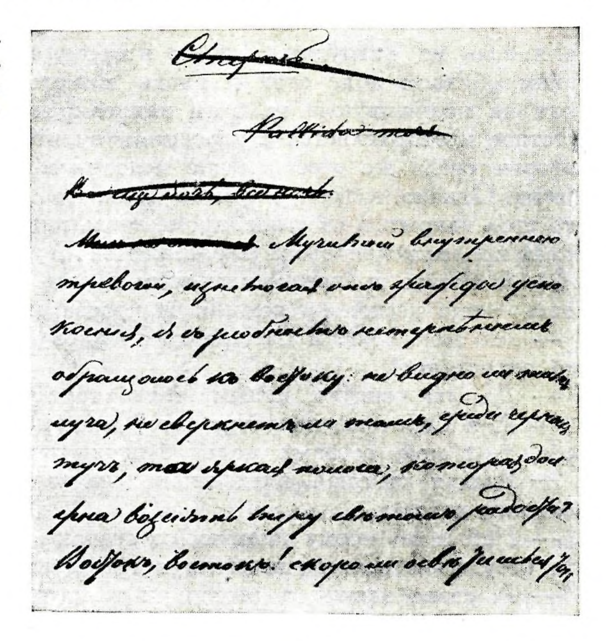
— Ах, душенька! Фомка-кучер опять вчера пьян напился! Я к тебе с вопросом: не прикажешь ли отправить его в часть?

— Гм... да... в часть...

Хороший человек в [затруднении] смущении, потому что вопрос действительно чрезвычайно щекотлив. Конечно, до октября 1858 года, хороший человек не встретил бы затруднения в разрешении его. В то блаженное время он был еще убежден, что всякий человек (т. е. тот вид человека, который в просторечии именуется Ванькой), не исполнивший своего ванькинского долга, а именно: не вычистивший барские сапоги, разбивший бутылку с квасом и т. д., обязан отвечать за это по закону, а следовательно и кучер Фомка мог быть, в силу тогдашних убеждений, подвергнут за свою продерзость ответственности по закону. Но в упомянутом выше и достославном в летописях русской криминалистики октябре 1858 года некто кн. Черкасский взял на себя труд доказать, что если бы кто-либо из Ванек и действительно оказал нерадение в чищении барских сапог, то из этого вовсе не явствует, чтобы следовало снимать с него кожу, каковую слишком строгую меру можно и даже должно (но и то лишь в видах смягчения слишком большой резкости в переходе от сдирания кожи к совершенному ее несдиранию) ибо внезапное лишение человека его привычек, комфорта, может даже возбудить в нем ропот, и впредь (до тех пор, когда в Ванькиных сердцах утвердятся правила истинной нравственности) заменить увещанием посредством так называемых детских розог. Это изобретение, равносильное изобретению компаса (ибо оно должно послужить нам путеводною звездой в плавании по многоволнистому океану крепостного права, указывая на синеющийся в туманной дали мыс Добрый Надежды), крайне смутило хорошего человека. Конечно, он и прежде постоянно отличался либерализмом и гуманностью своих юридических стремлений, в доказательство чего мог кому угодно показать начатую им статью, под названием: «об отмене кнута с точки зрения правомерности наказания», в которой [положительно] осязательным образом намеревался доказать, что с тех пор, как высшее начальство признало возможным изгнать кнут из нашего уголовного кодекса, идея правомерности наказания не потерпела никакого ущерба, но так далеко он еще не заходил. И под влиянием горьких сомнений и внутренней борьбы, уже собирался он написать статью под названием: «вопросные пункты кн. Черкасскому», в которой этот знаменитый публицист допрашивался, между прочим, о следующем: а) кто должен быть признан судьею в определении детскости или недетскости розог, т. е. отдать ли это определение на суд «сведущих людей», или предоставить установленной полицейской власти? б) если предоставить полиции, то не следует ли при этом

СТРАНИЦА ЧЕРНОВОГО АВТОГРАФА «СКРЕЖЕТА ЗУБОВНОГО»: ВЫЧЕРКНУТО ЗАГЛАВИЕ И ЭПИГРАФ ПРЕДПОЛАГАВШЕГОСЯ ОТДЕЛЬНОГО ОЧЕРКА «СМЕРТЬ»

Институт Русской Литературы, Ленинград

принять в соображение физические свойства полицейских служителей, положительно противоречащие представлению о детскости, и какие принять меры к устранению случаев превышения власти и т. д., как вдруг «Русский Вестник» разразился громовою статьею, в которой с прискорбием протестовал против употребления розог в русской литературе. Хороший человек смутился, однако не поверить «Русскому Вестнику» не посмел. Но не смутился кн. Черкасский и вновь доказал весьма осязательно, что, конечно, розги сами по себе дрянь, но временем они необходимы, как уступка общественному мнению, и сверх того тем еще хороши, что составляют как бы знамя, вокруг которого примиряются и соединяются люди самых противоположных убеждений. И завязалась тут в нашей литературе «брань да история», результатом которой было то, что хороший человек окончательно очутился между небом и землей.

— Гм... в часть...— повторяет он задумчиво:— я, дружок, покаместь еще не могу на это решиться...

— Отчего же, друг мой? он вполне этого заслужил!

Однако, в ответ на это хороший человек не отвечает ни да, ни нет, а только бормочет про себя что-то, похожее на «гласность», и глубоко при этом вздыхает, вероятно, вспоминая о том блаженном времени, когда «Московские Ведомости» еще не открывали у себя особого отдела обывательской литературы. Таким образом семейная конференция и кончается, потому что хорошему человеку уже время на службу.

Подъезжая к присутственным местам, хороший человек не без удовольствия усматривает, что навстречу ему уже вылетел вахмистр в трехугольной шляпе и с булавою в руках. Эта предупредительность обещает ему еще более острое [удовольствие] наслаждение впереди, а именно удовольствие видеть всполошившихся, по случаю его прибытия, канцелярских чиновников, стоящих по местам [скромно] чинно и вкопанно, не неиствующих руками и не болтающих бесполезно ногами. В присутствии хороший человек рассуждает о распространяющемся всюду бескорыстии, о том, что подлецов следует в бараний рог гнуть, и хотя не читает подаваемых ему журналов и бумаг, но, подписывая их, всякий раз предостерегает секретаря: «вы у меня смотрите, чего-нибудь «этакого» не подсунь-

те! я ведь не затруднюсь и по второму пункту хватить!» Исполнивши таким образом долг свой и вновь мимоходом взглянув омерзительным оком на поднявшуюся на ноги канцелярскую сволочь, он оставляет присутствие и отправляется с утренними визитами к прочим хорошим людям, которые столь же своевременно исполнили долг свой и уже отдыхают по домам. Однако, к трем часам он дома, и с удовольствием [видит.— *Б. Э.*], что стол накрыт, и на столе, кроме воды, никаких других напитков не имеется. В продолжение обеда завязывается поучительный разговор.

— А трезвость продолжает-таки делать успехи!—говорит хороший человек:—еще несколько усилий, и победа за нами!

— Ах, мой друг! в Самаре какой циркуляр насчет этого вышел — просто очарование!

— Да, уж конечно, нашему генералу такого не написать!

— А в Саратове, напротив того, дикости какие-то делаются! Представь себе, друг мой, трезвых людей бунтовщиками называют!

— Всякая сильная идея имеет сначала своих мучеников! — вздыхает хороший человек.

— Нет, а по моему мнению, со стороны саратовского генерала это просто отсутствие всякого понятия о гражданской доблести!

— А разве всякий в состоянии вместить в себе это понятие?—уныло вопрошает хороший человек.

— Конечно; но меня больше всего удивляет, что прокурор не протестовал против такого варварства! кажется, нынче прокуроры все вообще хорошие люди!

— А почему ты знаешь, что он не протестовал? Быть может, он в тиши своего кабинета не только протестовал, но и чувствовал при этом нестерпимую горечь?

— Бедненькой!

— Да; только бог один может видеть, какие [страшные] мучительные минуты переживает иногда сердце прокурора! Донести хочется, а между тем боишься, что донесение не будет уважено!

Наступает несколько минут молчания, которыми хороший человек пользуется, чтобы высморкаться.

— А ты, Сеничка, будешь защищать трезвость?— говорит хороший человек, обращаясь к старшему сынишке.

— Я, папаса, всех пьяниц в полицию посадить велю!—бойко отвечает Сеничка, махая руками.

— А я, папаса, их без пирожного оставлю!— пищит Машечка, болтая под столом ножками.

— Мы, папаса, откупссика иззарить велим и отдадим собаке Валетке!— кричат взапуски Сашечка, Ванечка и Нюточка.

— Умница, душенька! всегда оставайтесь при этих убеждениях, друзья мои!—говорит хороший человек, расстроганный до слез, и с торжеством прибавляет:—да, есть надежда, что, несмотря на происки и попустительство саратовских властей, трезвость не умрет!

В таких разговорах быстро летит время и обед незаметно приближается к концу. После обеда, облекшись, вместо халата, в форменный пальто, хороший человек делает кратковременный кейф, при чем объясняет детям значение слова «взятка» и убеждает их ополчиться, подобно ему, на искоренение этой язвы. Затем, приняв во внимание, что человеку рабочему нужен отдых, он отправляется в спальную и спит сном невинных вплоть до осьми часов.

ИСТОРИЯ НЕЗАВЕРШЕННОГО ЦИКЛА «КУЛЬТУРНЫХ ЛЮДЕЙ»

Публикация И. Векслера

I

Печатающийся в собраниях сочинений М. Е. Салтыкова очерк «Культурные люди» — начало незаконченного цикла, прерванного автором в самом начале работы. Таких циклов, не получивших завершения, в литературном наследстве М. Е. мы знаем несколько: «Кому как угодно», «Игрушечного дела людишки», «Дети Москвы» и др. Одни из них писатель распределил по другим своим циклам, другие вовсе не нашел нужным перепечатывать, не считая их заслуживающими внимания. Очерку же «Культурные люди» М. Е. придавал видимо особое значение и включил этот отрывок в свод собрания своих сочинений в виде самостоятельного произведения. Написаны «Культурные люди» в самом конце 1875 г., но тема о «праздношатающихся» занимала М. Е. и до этого времени и после: неоднократно в его произведениях читатель встречает места, в которых сатирические стрелы направляются в адрес «шлющихся» представителей «русской культурности», в цикле же «Признаки времени» (1866—1869) находим даже самостоятельную главу с примечательным для сюжета «Культурных людей» заглавием: «Русские гулящие люди за границей». Первоначальное заглавие «Культурных людей» — «Книга о праздношатающихся» — убедительно свидетельствует, что в «Культурных людях» автор возвращался к старой своей теме; однако сравнение обоих очерков показывает, что новое произведение строилось на иной, более богатой в идеологическом смысле базе и на наблюдении иной, значительно более раскрывшейся в своей эволюции социальной и экономической действительности, в силу чего авторское обобщение в новом произведении, даже в той начальной его стадии, в какой оно дошло до нас, совершеннее, глубже и полнее раскрывает тип «гулящего», «праздношатающегося» российского дворянина.

«Культурные люди» задуманы и писались во время первого пребывания М. Е. за границей (1875—1876). В письме от 6 августа 1875 г. он сообщал Н. А. Некрасову: «Да затеял я фельетон «Дни за днями за границей» вроде «Дневника провинциала». Я хочу опять Прокопа привлечь. Как вам это кажется?» Замысел «Культурных людей» возник даже несколько раньше этого письма: если иметь в виду, что задуманное произведение М. Е. сближал с «Посмертными записками Пиквикского клуба» Диккенса (письмо к Н. А. Некрасову от 9 сентября 1875 г.), то мысль писать на тему о русских пиквикистах надо отнести к началу лета 1875 г., когда М. Е. потребовал присылки ему русского издания названного романа Диккенса. В письме к Н. А. Некрасову от 27 августа 1875 г. писатель подтверждает обещание начать новый цикл — «Дни за днями». В письме к А. Н. Плещееву от 14 октября 1875 г. находим новое указание: «Я задумал написать ряд параллелей: с одной стороны, культурные люди[1], с другой — мужики». Отождествлялись ли эти «параллели» с циклом «Дни за днями», или писатель одновременно задумывал особый цикл, началом которого должен был служить очерк «Сон в летнюю ночь», установить сейчас трудно; вернее всего, что в письме к Плещееву речь шла об особом цикле (работа над двумя, а иногда и тремя циклами сразу была в манере М. Е.) и только впоследствии

замысел «Культурных людей» слился с замыслом произведения, именовавшегося пока «Дни за днями».

К декабрю 1875 г. цикл очевидно окончательно сложился в творческом сознании писателя: определилось содержание, были намечены вставочные эпизоды, придумано заглавие: «Книга о праздношатающихся»,— обо всем этом М. Е. подробно рассказывает в письме к П. В. Анненкову от 2 декабря 1875 г., когда уже была написана первая глава произведения. Под новым заглавием произведение и значится во всех дальнейших письмах М. Е. Из черновика оно перешло в беловую рукопись, и только на каком-то этапе перебеления черновой рукописи, скорее всего по окончании, М. Е. вычеркивает заглавие «Книга о праздношатающихся» и заменяет новым: «Культурные люди».

Время написания «Культурных людей» определяется следующими датами, которые содержит переписка М. Е.: начата работа в конце ноября 1875 г., окончена в начале января 1876 г.; 1 декабря написана первая глава, 7 декабря вторая, к 12 декабря — третья, 5 января — четвертая и пятая главы [2].

«Культурные люди», посланные автором в редакцию «Отечественных Записок» из Ниццы 5 января 1876 г., были включены в первую книжку журнала за 1876 г. («Отечественные Записки» 1876, № 1, отд. I, стр. 119—158: «Культурные люди», подпись — «Н. Щедрин», ремарка в конце: «Продолжение будет»). Печатание очерка сопровождалось крупным цензурным инцидентом: вместе с другой статьей № 1 «Отечественных Записок» за 1876 г. (А. Ф. Головачева — «Мысли вслух») очерк послужил объектом яростного нападения на номер журнала со стороны цензуры. Цензор Лебедев специально писал о салтыковском очерке:

«Означенный сатирический очерк отличается крайней необузданностью языка и предосудительностью содержания и направления. Под именем культурных людей автор разумеет лица, пропитанные духом бюрократизма и всецело преданные идее во что бы то ни стало сделать себе бюрократическую карьеру, противопоставляя культурным людям так называемых утробистых людей, преданных исключительно еде и питью, тип которых в настоящее время исчезает и немногочисленные представители которых скрылись из Петербурга в провинцию и за границу. Культурные люди, т. е. бюрократы, забрали в руки все общество и административные места, не стесняясь никакими средствами для достижения цели; по большей же части такими средствами служат доносы и шпионство (стр. 120, 122, 125[3]), имеющие ныне полный успех, так что всякий остерегается сказать какое-нибудь неосторожное слово, без всякого умысла, чтобы не пострадать от чьего-либо усердия, не подвергнуться истреблению, как выражается автор. Понятие о чести у утробистых людей он ставит гораздо выше нынешних культурных и вообще клеймит беспощадно современное общество, в котором желание выслужиться и холопство заглушили все лучшие человеческие инстинкты (стр. 124). Если бы автор своей сатирой бичевал общественные пороки, что весьма естественно составляет назначение сатиры, то в этом нельзя было бы найти ничего предосудительного, но в сатире Щедрина между строк ясно проглядывает желание выставить на позор не одни общественные недостатки, но и тот государственный порядок, который не только делает возможным подобные уродливые явления в общественной жизни, но и потворствует им. Так например, и в этом очерке олицетворением всего гадкого является какое-то влиятельное в губернии лицо (Солитер) и вообще лица, власть имеющие; шпионство и соглядатайство сделалось, по словам автора, явлением чуть ли не узаконенным, достигающим всегда полного успеха, так что порядочным людям оставалось одно — бежать из этой душной атмосферы. Сверх этого неблагонамеренного направления, в означенном очерке встречаются отдельные места, отличающиеся крайнею предосудительностью, как, например, на странице 120, 124 и 127».

Вмешательство высшей цензурной власти избавило эту книжку журнала от судьбы, постигшей пятую книжку в 1875 г.; но книжка потерпела урон: статья Головачева была вырезана, а в «Культурных людях» появились цензурные купюры. Изъятыми оказались следующие два места в произведении М. Е.:

1) «...Я сам бунтовал-с... в пользу законной власти-с! Я Анну Леопольдовну, регентшу-с, в одной сорочке из опочивальной вынес — и был за то деревнею в пятьсот душ награжден-с! Извольте, сударь, идти вон!» А дедушка мой сказал бы: «Я в Ропше, государь мой, был и оттуда на сером аргамаке до Зимнего дворца за великою государыней следовал-с.... Извольте идти вон!»

2) «...По части финансов я знаю: дери шибче, а в случае недобора — бесстрашно заключай займы! Что же касается до того, как и на какой бумаге ассигнации печатаются и почему за быстрое отпечатывание таковых в экспедиции заготовления государственных бумаг дают награды и ордена, а за отпечатание в Гуслицах на каторгу ссылают — ничего я этого не знаю. Вот разве по сыскной части... ну, нет, Солитер! Этому пока не бывать! Хотя по этой части и действительно никаких познаний не требуется, а только культурность одна, но ведь я еще не забыл, что мой прадедушка регентшу Анну Леопольдовну в одной сорочке из опочивальной вынес! Нет, не позабыл! Ибо ежели я самолично ничего не совершил, даже «чистосердечного в том раскаяния не принес», то прадед мой...»

Следы второго изъятия ясно видны в журнальном тексте: стр. 126, 127 и 128 журнала перебраны, при чем стр. 126 и 127 набраны шрифтом менее эnономной гарнитуры, а на стр. 128 дан ряд точек; изъятие на стр. 128, возможно, было произведено кем-то еще в гранках.

Кроме этих относительно больших купюр в журнальном тексте, сравнивая его с наборной рукописью, находим ряд других более мелких купюр и изменений [4].

Цензурные купюры и первоначальные авторские редакции отдельных мест восстановлены в тексте первого издания собрания сочинений М. Е.: «Сочинения М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина). Том четвертый. Издание автора». Спб., 1889, стр. 571—602. Вообще же текст «Культурных людей» в этом издании чрезвычайно близок к беловому рукописному тексту и варьирует от него весьма немногими и незначительными по содержанию разночтениями. Характер последних, а равно сноска в конце текста: «По обстоятельствам осталось незаконченным. Примечание автора» [5] — свидетельствуют, что над текстом «Культурных людей», включенным в первое собрание сочинений, работал сам М. Е. Когда им проведена работа, точно установить за отсутствием данных нельзя.

С историко-литературной точки зрения представляет большой интерес вопрос: почему, задумав цикл о «праздношатающихся», сатирик не пошел дальше первых пяти глав и каковы были те «обстоятельства», на которые он ссылается и по которым произведение осталось незаконченным. В переписке М. Е. имеется ряд указаний на замысел цикла, на условия, в которых первые пять глав написаны, на переживания писателя в связи с тем, что цикл оттянулся продолжением, но нет прямого ответа на вопрос — почему М. Е. не продолжал цикла, и о причинах этого мы можем только строить предположения.

Задуманный в манере «Посмертных записок Пиквикского клуба», цикл представлялся М. Е. юмористическим произведением, брызжущим весельем, как брызжет им произведение Диккенса. О своем намерении написать «веселое» Салтыков несколько раз писал Н. А. Некрасову: «Думаю, что будет нечто веселое»; «С нового года начну целый ряд вроде «Пиквикского клуба». Начало у меня уже навертелось: будете довольны»; «Вещь, которую я полагаю начать с будущего года, должна иметь юмористический характер. Увидим, оставила ли во мне болезнь столько юмору, чтобы наполнить 15 листов» (письма от 22 августа, 9 сентября и 10 ноября 1875 г.). Работа началась, но М. Е. видимо почувствовал, что «веселое» ему не по средствам: письма к А. Н. Еракову (21 декабря 1875 г.), П. В. Анненкову (5 января 1876 г.), Н. А. Некрасову (10 января 1876 г.) наполнены жалобами: «Не идет да и полно»; «Надо бы все бросить»; «У меня не было веселости, которая тут [6] особенно нужна», и т. д. Затем в ряде писем к Н. А. Некрасову уже после того, когда первые пять глав были написаны и напечатаны, М. Е. категорически отказывается продолжать работу над циклом, ссылаясь на тяжелое состояние здоровья, на неблагоприятные условия своей заграничной жизни, и убедительно несколько раз просит Некрасова дать объявление, почему не продолжа-

ется цикл «Культурные люди». Конечно все обстоятельства, на которые указывал М. Е. как на препятствовавшие работе над «Культурными людьми», имели место, но эти же обстоятельства не мешали автору продолжать цикл «Благонамеренные речи», писать публицистические статьи («Отрезанный ломоть») и т. д. Больше того: когда автор возвратился в Россию, почти все неблагоприятные обстоятельства, исключая разве болезненное состояние, отпали, но цикл остался незаконченным. Повидимому причиной этого явились не те обстоятельства, на которые ссылается автор, а иные, о которых он предпочитал умалчивать.

Выше было указано, как встретила цензура публикацию «Культурных людей». Встреча не предвещала автору ничего радужного впереди, если принять во внимание замысел и намечавшийся автором план дальнейшей работы. Исчерпывающие указания на них находим в цитированном выше письме к П. В. Анненкову от 2 декабря 1875 г. Вот строки этого письма, непосредственно сюда относящиеся:

«Теперь я задумал «Книгу о праздношатающихся» писать и вчера первую вступительную главу кончил. А так как руки у меня нужда подгоняет, то, конечно, в 1-м № «Отеч. Зап.» 1876 года глав семь или восемь появятся. Тут вы увидете многое множество лиц: и фальшивого Бисмарка, которого за сто марок в Берлине русским (и то потому, что русские) показывают, и мятежного хана Хивинского, и чиновника, который едет за границу лечиться от восцы, и генерала, который черту душу продал, и проч. Все это будет происходить постепенно. Шпион явится, литератор, который, в подражение «Анне Карениной», пишет повесть «Влюбленный бык». Смеху довольно будет, а связующая нить — культурная тоска. Хотел бы и практически попробовать — после болезни меня все в эту сторону тянет. В виде эпизода хочу написать рассказ «Паршивый»—Чернышевский или Петрашевский все равно. Сидит в мурье среди снегов, а мимо него примиренные декабристы и петрашевцы проезжают и насвистывают «боже, царя храни», вроде того, как Бабурин пел. И все ему говорят: стыдно, сударь, у нас царь такой добрый — а вы что! Вопрос: проклял ли жизнь этот человек или остался он равнодушен ко всем надругательствам? И все в нем старая работа, еще давно, давно, до ссылки начатая, продолжается. Я склоняюсь к последнему мнению. Ужасно только то, что вся эта работа в заколдованной клетке заперта. И этот человек, недоступный никакому трагизму (до всех трагизмов он умом дошел), делается бессилен против этого трагизма. Но в чем выражается это бессилие? Я думаю, что не в самоубийстве, но в простом окаменении. Нет ничего, кроме той прежней работы — и только. С нею он может жить, каждый день он эту работу думает, каждый день он ее пишет, и каждый день становой пристав, по приказанию начальства, отбирает эту работу. Но он и этим не считает себя в праве обижаться: он знает, что так должно и быть...»

Комические темы о Бисмарке, о мятежном хане хивинском, о жандарме, продавшем душу черту,— в написанной части «Культурных людей» только запроектированы, но и в этом виде начало работы вызвало цензурные гонения; совершенно очевидно, что развернутая реализация этих тем, по причине их политической остроты, была совершенно немыслима. И совсем нецензурной конечно была тема о «паршивом» («Чернышевский или Петрашевский все равно») с его единой мыслью, и о «насвистывающих» «боже, царя храни» прощенных декабристах и петрашевцах. Понятно, что при таком замысле произведения и при наличии факта цензурного гонения даже на первые его главы попытка продолжать задуманное представлялась сатирику явно безнадежной. Это, совершенно очевидно,— одна из причин незаконченности «Культурных людей». Но есть основание предполагать, что в творческой истории «Культурных людей» имело значение и еще одно обстоятельство чисто творческого порядка. Как указано выше, сам М. Е. в какой-то степени сближал «Культурных людей» с романом Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба». Направленный против социальных зол «старой» буржуазной Англии роман 24-летнего Диккенса тем не менее не во всем поднимается до общественной сатиры; часто это—тонкий и веселый смех над маленькими недостатками общественного механизма. Только в описании тюрьмы Флит веселая комедия нравов переходит в жуткую социальную драму. Ни русская общественная жизнь, ни та поли-

тическая позиция, с которой Салтыков оценивал ее явления, ни самый его талант, писателя-сатирика по преимуществу, не могли служить к построению произведения полностью в духе романа Ч. Диккенса. «Расположение духа какое-то трагическое»,— как определял автор свое душевное состояние, отговариваясь от продолжения «Культурных людей» в письме к Н. А. Некрасову от 8 мая 1876 г.,—вызывалось не только причинами биологического порядка, а всею совокупностью обстоятельств и, надо полагать, главным образом обстоятельствами политической обстановки в России [7]. «И в «Культурных людях» трагический элемент будет, только потом. Теперь надо, чтобы было весело», писал М. Е. в цитированном только что письме к Некрасову. Но «весело» не было: и в своем начале «Культурные люди»— трагедия, и в том, что нам известно из авторских замыслов, преобладает трагический элемент. Революционная сатира Салтыкова в «Культурных людях», бившая по вчерашним «чистопсовым», ныне «культурным» Прокопам, по объятым «культурной тоской» культурным дворянским одиночкам, по действительным статским и тайным советникам Солитерам и Стрекозам, по разочарованным жандармским генералам, по явлениям жизни, заставлявшим «складываться петлей» язык,— не имела ничего общего с добродушным смехом Диккенса. В форму буржуазного реалистического романа революционная салтыковская сатира не вмещалась: отсюда субъективное ощущение творческой неудачи в работе над «Культурными людьми», на которую сатирик так часто жалуется в своих письмах к разным лицам. Объективно же «Культурные люди»— зрелое и совершенное произведение, художественную ценность которого, когда прошла острота сознания «неудачи», признал и сам автор, включивший «Культурных людей» в собрание своих сочинений. Необходимо однако отметить, что метод Диккенса автор сделал попытку применить еще раз, через несколько лет,— и на этот раз очевидно с более удовлетворившими его результатами (см. гл. VI и след. цикла «Современная идиллия»).

М. Е. САЛТЫКОВ (Н. ЩЕДРИН)
Фотография 1870-х гг.
Институт Русской Литературы, Ленинград

II

Указанные выше печатные тексты «Культурных людей»—изуродованный журнальный и выправленный автором вошедший в первое издание Собрания сочинений — составляют печатные источники текста произведения; кроме них имеется два рукописных: черновая рукопись —«Книга о праздношатающихся», текст которой воспроизводится ниже, и беловая, наборная. Обе хранятся в ИРЛИ АН. Разумея черновую рукопись, М. Е. писал Н. А. Некрасову: «Потрудитесь также распорядиться, чтоб 1-ю книжку журнала мне выслали в день выхода, потому что черновая у меня осталась очень неполная, и, в случае продолжения «Культурных людей», мне будет необходимо иметь первые пять глав». Характеристика «неполная» недостаточно определяет отличие рукописи «Книги о праздношатающихся» от рукописи «Культурных людей». «Неполнота» в черновой рукописи, сравнительно с беловым текстом, действительно имеет место, но не только неполнота, а и очень резкие отличия в редакции, в развертывании сюжета и т. д. Сравнение двух рукописей приоткрывает несколько завесу над творческим процессом Салтыкова, и этим оправдывается, в интересах исследователей салтыковского творчества, полное воспроизведение на страницах «Литературного Наследства» черновой рукописи очерка.

Кроме пропусков, которые имеются в черновой рукописи и обозначены в тексте рядами точек (см. ниже стр. 48, 52 и 55), пропусков, интересных в качестве особенностей приемов салтыковского письма — откладывать словесное оформление некоторых частей произведения на последующее время, когда узор всей ткани начатой работы будет ясен,— в черновой рукописи, по сравнению с беловым и печатными текстами, имеется другой ряд «пропусков», т. е. мест произведения, созданных во второй стадии творчества — в процессе перебеления. Это нередко очень значительные по объему и совершенно новые, по заключенным в них мыслям, куски произведения [8].

Беловые дополнения к черновому тексту вместе с теми, которые восполнили сознательно сделанные пропуски, свидетельствуют об интенсивности творческого напряжения в процессе перебеления рукописи. Еще в большей степени об этом говорят творческие переработки отдельных частей текста, выброшенные части текста, переделки и т. д. Таким образом процесс перебеления был для автора процессом критического восприятия чернового текста и чрезвычайно тщательной переработки отдельных его мест. Многое из опущенного автором или получившего другую редакцию тем не менее представляет чрезвычайный интерес частью в художественном отношении, частью в идеологическом. Не ставя перед собой задачу отметить здесь все изменения текста, отметим важнейшее:

Стр. 30, строка 2 сн. и след.: о недающейся в руки конституции — опущено.

Стр. 31, строка 2 сн.: «А, впрочем, конституция — ведь это и есть «уложение» и т. д.— опущено.

Стр. 32, строка 8 св.: «Да, некуда теперь деваться» и т. д., кончая словами: «и... что?»—опущено.

Стр. 32, строка 16 св. и след.: о «прожженных», читающих «что-нибудь» зажигательное в пользу вдов и сирот»,— опущено.

Стр. 32, строка 19 сн.: о господине Глисте, совмещающем прелюбодеяние с сыском,— опущено.

Стр. 34, строка 4 сн.: о недостаточном рвении «культурных людей» в области «содействия», не взирая на грядущее светопреставление», — опущено.

Стр. 35, строка 9 сн. и след.: о несостоявшемся опыте истории «культурных людей» и об историках вообще — опущено.

Стр. 41, строка 29 сн.: не попавшая в текст справка — что «Прокоп» — не имя героя, а кличка в честь рязанского патриота Прокопа Ляпунова. Этот отрывок черновика расшифровывает и географическое место деятельности Прокопа и Солитера, скрытое в беловом тексте под псевдонимом «Залупск»,— опущено.

Стр. 41, строка 17 сн.: историческая справка о службе Лизоблюдов при Гришке Отрепьеве — опущено.

Стр. 42, строка 9 св.: детальная картина «уездной политики», связанной с дворян-

скими перевыборами, и роль в ней Надежды Лаврентьевны — заменено действием «наливных плечей» Надежды Лаврентьевны на умы и сердца залупских «культурных» людей и Солитера.

Стр. 42, строка 9 сн. и след.: эпизоды из истории воспитания Прокопа — опущено.

Стр. 44, строка 13 сн.: сценки с Гаврюшей — опущено.

Стр. 44, строка 8 сн.: большая сцена с генералом: намеки на характер его «болезни», шуточки над ним Прокопа — опущено.

Стр. 49, строка 23 сн.: неожиданный дар русской речи у восточного человека — опущено.

Стр. 51, строка 20 св.: о «кадетском корпусе для приготовления адвокатов» на станции Булатниково под Муромскими лесами — опущено.

Стр. 52, строка 25 сн.: монолог Стрекозы об «осязательной правде» и «правде юридической» — опущено.

Стр. 53, строка 8 св.: двойственное чувство рассказчика при рукопожатии Стрекозы — опущено.

И ряд других.

Произведены также и изменения сюжетного порядка: дочерей у Прокопа две (обе перешли и в беловую рукопись, но потом текст был изменен и осталась одна Наташенька; любопытно, что к концу повествования Наташенька осталась одна и в черновой рукописи (стр. 53, строка 23 сн.: «—Так эти дамы его жена и дочь?»); среди спутников Прокопа значится и литератор с газетой.

По черновому варианту повествованием генерала о продаже души чорту должна была заключается третья глава (см. стр. 48), но автор остановился перед трудностями повествования, отложил генеральский рассказ и принялся за главу четвертую. Трудности были несомненно цензурного порядка: в сатирическом плане предстояло дать описание подвигов жандармского ведомства в эпоху белого террора 60-х годов, подвигов, от которых даже «не весьма стыдливая Клио зарумянилась». При перебелении рукописи повествование генерала также не было оформлено: перед ним обрывается глава пятая белового текста и с него должно было начаться продолжение произведения. Продолжения не последовало, и это укрепляет мысль о том, что среди «обстоятельств», по которым произведение осталось незаконченным, трудности цензурного порядка были главнейшими.

Любопытен также в черновом тексте ряд сюжетных срывов: кроме уже указанного (о числе дочерей у Прокопа), имеется и другой: в главе третьей ушедший от Лизоблюдов генерал (стр. 46, строка 26 св.) всего через несколько строк оказывается продолжающим беседу (стр. 46, строка 5 сн.).

К числу особенностей чернового текста принадлежит и переименование в процессе письма действительного советника Глиста в действительного советника Солитера (стр. 35, строка 25 сн.): решение произвести это переименование явилось на стр. 4 рукописи и отмечено на полях — «Солитер» с заключением слова в кружок. К особенностям текста относится и вторичное возвращение авторской мысли к «старым» действительным статским советникам — Довгочхунам, Неуважай-Корытам, Ивановым, Федоровым, Семеневым, с отличающими их от Солитра их резолюциями (стр. 35, строка 25 сн. и стр. 37, строка 17 св.). Конечно в беловой рукописи все недочеты были устранены.

В остальном черновой и беловой тексты, имея некоторые, весьма немногие, совпадающие страницы, изобилуют огромным количеством мелких и значительных разночтений, до такой степени делающих оба текста разными, что, несмотря на наличие в беловом тексте большого числа авторских выпусков явно цензурного порядка, восстановить их в каноническом тексте произведения, в силу различия текстов, не представляется возможным.

III

Черновая рукопись — четыре полных листа писчей бумаги большого формата, с обычной для салтыковских черновиков подготовкой: сгиб посредине и заполнение текстом левой стороны страницы. Заполненных текстом страниц в рукописи 15.

Беловая рукопись — 16 страниц почтовой, большого формата бумаги того же вида, что и другие беловые рукописи произведений М. Е., присланных из-за границы: «В погоню за идеалами», «Непочтительный Коронат». Серые пятна свинца на рукописи подтверждают, что здесь мы имеем дело с наборной рукописью. Выше показано, что перебеление рукописи представляло сложный творческий процесс, в силу чего беловая рукопись изобилует поправками, вычерками и т. п. Из авторских вычерков в беловой рукописи некоторые сделаны по явно цензурным соображениям; воспроизводим здесь главнейшие из них, так как, по нашему мнению, они должны быть включены в канонический текст «Культурных людей».

1) После гадания, как жили бы «прожженные», если бы «культурные» не приняли их в свою среду (т. IV, стр. 613, стр. 38 пятого издания):

«а не стали бы в культурные гнезда залезать и культурных птенцов оттуда таскать. А культурные люди об конституциях бы разговаривали. А то натко! скоро, пожалуй, и об конституциях разговаривать некому будет: по одному, по одному — всех перетаскали» (намек на аресты 60-х годов среди либерального и фрондирующего дворянства).

2) После утверждения, что и «содействие» не способно оживить человека (стр. 618, строка 6 того же издания):

«И в «содействии» — не бог знает прелесть какая: не все же содействовать — захочется когда-нибудь и «действовать». Где? как?»

3) Воспоминание рассказчика о наездах в Петербург, чтобы «претерпеть, а потом наверстать» (стр. 619, строка 28), заканчивалось вычеркнутыми из текста словами:

«Ну и меня принимали, потому что все мы в то время, от мала до велика, одним товаром — крепостным правом торговали и, стало быть, все друг друга поручителями были».

4) Предполагавшаяся речь Прокопа на случай примирения с его превосходительством Солитером и «содействия» последнему (стр. 622, строка 1 того же издания) не только была распространеннее, но сопровождалась и комментарием рассказчика об оскудении дворянства «культурными» элементами:

«Я... нынче, наверху, у самого каблука его превосходительства стою — сверху-то мне перспектива виднее! Вы, лягушки, квакайте в болоте, а мы с его превосходительством, вроде аистов, сидим на пригорке да и нагрянем! Ах, аист, аист! На кого нагрянешь-то ты, птица бестолковая? Ведь, чай, все на своих на чистопсовых же, от них же и сам ты! Да и болото-то, смотри, уже пустыня-пустынею стоит: скоро и зацепить там нечего будет».

Переработка наиболее рискованных в цензурном отношении мест черновика очерка, опущенный рассказ жандармского генерала о продаже души чорту, вычерки всего казавшегося нецензурным уже из белового текста, как показано выше, не спасли очерка от цензурных гонений: естественно поэтому предполагать, что цензурные трудности главным образом и заставили сатирика приостановить начатый цикл.

И. Векслер

КНИГА О ПРАЗДНОШАТАЮЩИХСЯ

Глава 1-я

Я сидел дома и по обыкновению не знал, что с собой делать. Чего-то хотелось: не то конституции, не то севрюжины с хреном, не то взять бы да ободрать кого-нибудь. Заполучить бы куш хороший — и в сторону. А потом, «глядя по времю», либо севрюжины с хреном закусить, либо об конституции помечтать. Ах, прах ее побери, эту конституцию! Как ты около нее ни вертись, а не дается она, как клад в руки! Кажется, миллион живых севрюжин легче съесть, нежели эту штуку заполучить.

И что это за конституция такая, и для чего мне ее вдруг захотелось — право и сам не знаю. Будет ли при этой конституции казначей? — мелькало у меня в голове. Коли будет — ну, тогда, конечно... Ах, хорошо бы этакую должность заполучить! Образ казначея при конституции минут с десять неясно, словно изморозь, кружился перед моими глазами и так приятно при этом на меня действовал, что я даже потянулся. Вот при уложении о наказаниях нет казначея — оттого, может быть, оно и дано нам. А, впрочем, конституция — ведь это и есть уложение... а мы-то тоскуем!

Я человек культуры, потому что служил в кавалерии. И еще потому, что заказываю платья у Шармера и обедаю по субботам в английском клубе. Там всё культурные люди обедают. Нынчё в английском клубе, впрочем, всё чиновники преобладают. Длинные, сухие, прожженные. Шепчутся друг с другом, секреты из высших сфер сообщают, судьбы какие-то решают, словом сказать, даже за обедом себя прилично вести не умеют. А на роже так и написано: чего изволите? Того гляди, скажешь ему: а принеси, братец, бутылочку... Смотришь, ан у него звезда сбоку. Настоящих культурных людей, утробистых, совсем мало стало. Да и те, которые остались, как-то развратились. Всё за чиновниками следят, как они между собой шепчутся, словно думают: что-то со мной теперь сделают! И глаза какие-то подлые, ласковые у всех, когда с ними какой-нибудь чиновный изверг заговорит...

Говорят, что утробисто-культурные люди все в Москву перебрались или по своим губернским городам засели. Там будто бы они едят и пьют и об политике разговаривают на всей своей воле. Только об губернаторах говорить не смеют. И губернаторы, говорят, очень за этим следят, чтобы про них пустяков не рассказывали, а ежели что — сейчас того человека: фюить! Оттого об них и не говорят. А о прочих предметах, как то: об икре, об севрюжине, об свинине, даже об Наполеоне III — говори, что угодно. Можно, впрочем, сказывают, и об конституции молвить, ежели ты выпить любишь и губернатор знает это — донесут: такой-то, мол, ваше превосходительство, вчера за ужином в клубе об конституции разговаривал.— Пьян, что ли был?— Точно так, ваше превосходительство!— Ну, оставьте его: он... он благонамеренный! И оставят.

Уж не удрать ли, в самом деле, туда, в губернский город Залупск? Хорошо ведь там. Утром встанешь, не торопясь умоешься, не торопясь чаю напьешься — гляди-ка, уж двенадцать часов на дворе. Потом походишь, покуришь, посвищешь, кто-нибудь заедет — пора завтракать. После завтрака опять походишь, покуришь, а ежели скука уж очень начнет одолевать—тройку заложить велишь. А-ах! у-ах! Эх вы, соколики!.. бесподобно! Воротишься — ан обед на столе. В комнатах тепло, светло, щи, солонина с хреном поросенок с кашей... Солонина мягкая-мягкая — ешь да язык не проглоти. И никогда один не обедаешь. Ежели настоящий человек не наклюнется, так секретарь какой-нибудь, наверное, забежит. Всё расскажет: кто кому плюху дал, кто кого по лицу калошей ударил... ба! половина девятого — не пора ли и в клуб! А в клубе уж все в сборе и все утробистые. Кто в карты играет, кто о прежнем благополучии рассказывает, и один по одному, в буфет да в буфет. Постепенно-постепенно — и вдруг: конституция! А что ж такое, что конституция! Приедешь домой, ляжешь спать — сном всё пройдет! А на другой день,— и опять.

Да; а вдруг ежели... Ах, нынче и в провинциях много этих поджарых развелось. Ищут, нюхают, законы подводят. И в клубы проникли: сперва один, потом другой, потом, глядишь, уж и в старшины попадать начали. Брякнешь при нем: конституция!— а он: вы, кажется, существующей

формой правления недовольны?.. А мне что!.. форма правления... эка невидаль! Какая тут форма правления! Я так... сам по себе... Разговаривал!

И вдруг ты — не на хорошем счету! и вдруг — фюить!

Сами утробистые во всем виноваты. Это в то время, как прожженные только что появились в губерниях — тогда надобно было меры принимать. Явился прожженный — и с богом, живите, сколько вас есть, про себя. Играйте друг с другом в преферанс, ездите друг к другу в гости, угощайтесь, напивайтесь, прелюбодействуйте, но в наш культурный клуб — ни-ни! Валяй, братцы, черняков, чтобы вперед не повадно было. [Жили] [9] бы теперь культурные люди припеваючи, и не таскали бы у них из гнезд их культурных птенцов. И разговаривали бы об конституции, покуда живы, а умерли, дети бы разговаривали... И шло бы себе по-тихоньку да по-маленьку. А то натко! скоро уж и разговаривать некому будет!

Да, некуда теперь деваться: изгажены наши провинцияльные палестины, испакощены. В Петербурге долговязые глисты первого сорта шепчутся, а в Залупске долговязые глисты второго сорта шепчутся. Так бы, кажется, и... что?

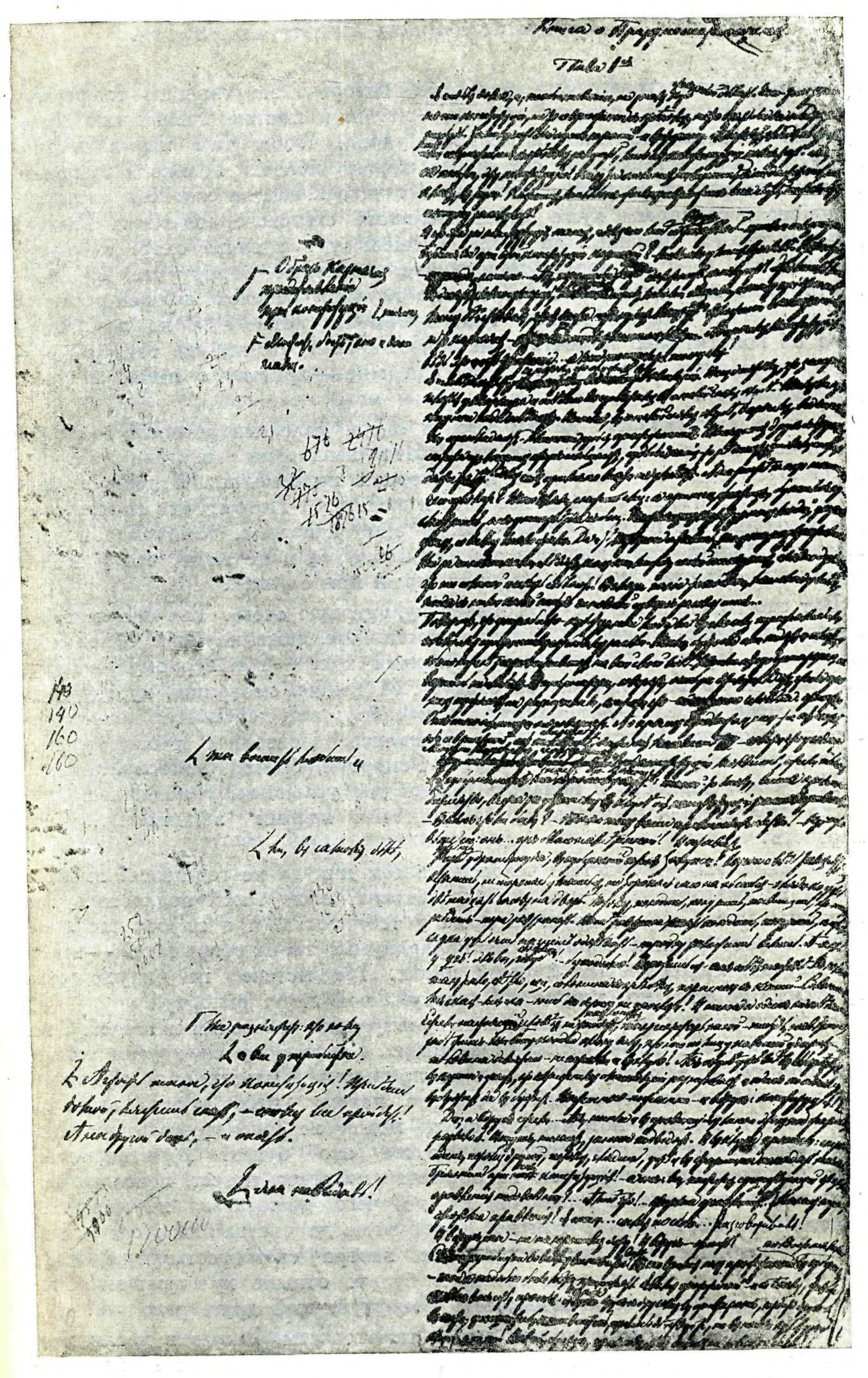
Нет, нынче утробистый человек гляди в оба, несмотря на то, что ему благосклонно присвоено название культурного. Пришел в клуб — проходи сторонкой, не задеть бы вот этих двух выродков, которые по секрету об тебе суждение имеют. Ты его заденешь, а он тебе смягчающих обстоятельств не даст, либо сына у тебя живьем задерет! Сторонись же и иди прямо к буфету, пей молча водку и молча закусывай, потому что если ты рот разинешь — это может оскорбить вон тех двух выродков, которые тоже по секрету рассуждают, какому роду истребления тебя подвергнуть. И потому садись за обед и ешь до отвалу. Вздыхай и ешь...

Да, много виноваты утробистые в печальной судьбе своей, но ведь, с другой стороны, нельзя и осуждать их слишком строго. Прожженные люди, именно, как глисты, втерлись в среду культурных людей. Всё о благосклонности просили, зане надежду на земскую культурную силу полагали, да сами же первые и об конституции заговорили. Да как еще заговорили-то! С хохотом, с визгом, с слюною... В лицах всякую форму правления представляли, песни пели, брудершафты предлагали... Ну, культурный человек и смяк. Видит, малые разухабистые на всякую штуку: и поплясать, и представить, и прочесть что-нибудь зажигательное в пользу вдов и сирот — на всё мастера. Милости просим! да вы попросту! пообедать... Вечерком к жене... Да в клуб! Что же вы в клуб! там у нас танцы по воскресеньям... жена, дочери... пожалуйста! Вот и заползли они всюду, а как заползли, так сейчас — цап-царап! «Вы, кажется, формой правления недовольны?» Ах, прах-те побери! Я так... сам по себе... а он: форма правления!

И жены наши тоже довольно тут виноваты, больше даже, нежели утробистые. Легкомысленны наши жены, ах как легкомысленны! А глисты эти прожженные так и вьются около них, так и шепчут, и шепчут. У иной от этого шопота и грудь поднимается, и глаза искрятся, и лицо полымем пышет.—Ты что ж, душенька, к нам мсьё Глиста не пригласишь? — Глиста! ах, сделайте милость! Господин Глист! милости просим! запросто! вечерком, обедать... вот жена!

А господин Глист между тем пакость в уме держит. И всё насчет формы правления. Он и прелюбодействует-то неспроста, а словно думает: хорошо, что я теперь знаю, как у него в доме обыск сделать!

Нет, совсем нет у культурных людей ни предусмотрительности, ни esprис de corps[10].— Тех утробистых представителей культуры, с жирными

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА РУКОПИСИ ЩЕДРИНА „КНИГА О ПРАЗДНОШАТАЮЩИХСЯ"
Институт Русской Литературы, Ленинград

кадыками, с пространными затылками, которые, завязавшись салфеткой, ели и «независимо» сквернословили,— нет и в помине. Нынешний культурный человек либо на теплые воды удрал, чтобы там изумлять мир своею культурностью, либо сам в «поджарые» ползет. Только и слышишь кругом: да отчего же нам не доверяют! отчего к нам за содействием не обращаются! разве мы хуже действительного статского советника Глиста! Да нас только помани... да мы... А ежели у вас такая охота смертная, так что же! Мы не прочь! Рапортуйте, любезные, рапортуйте! фу, подлость! Живешь-живешь — а всё словно грудной ребенок должен permetez moi de sortir[11] спрашиваться. Мне пятьдесят лет — а я на всей своей воле об конституции помечтать не могу. Разве я что-нибудь говорю? разве я переменить что-нибудь хочу? Да мне — христос с ними! Я так... разговариваю...

Хочешь ему сказать: да вы что, в самом деле, милостивый государь! Да я сам моего государя дворянин! Я в кавалерии, государь мой, служил! В походах не бывал, но на походном положении... и даже в лагерях... да-с! Хочешь сказать всё это, и молчишь! Потому что повсюду, во все углы, во все щели клубов — везде они наползли. Смотрят и улыбаются, словно вот говорят: ты думаешь, я и не знаю, что у тебя в затылке шевелится... всё, мой друг, знаю, и при случае...

Вот это-то «при случае» и сбивает культурную спесь. Так оно ясно, несмотря на свою внешнюю таинственность, что даже клубные лакеи и те понимают. Прежде, бывало, кому первый кус? — культурному человеку, которому и по всем правам он следует. А нынче, смотришь, культурного-то человека обходят да обходят, а всё ему, всё действительному статскому советнику Глистову. Ну, и опешались. Позвольте я вашему превосходительству рапортовать буду! — Рапортуй, братец, рапортуй!

Подлость, подлость и подлость! Скоро мы услышим: у меня, ваше превосходительство, сын-мерзавец превратными идеями занимается... Фуй, мерзость!

Да, смяк ты, утробистый человек, совсем никуда не годишься! Никто с тобой не разговаривает, везде тебя обносят, жене твоей подлости в уши нашептывают. Скучно, друг! И дома у тебя тоска, и в клубах твоих тоска, и в собраниях твоих, этих палладиумах твоих вольностей,— какая-то жгучая, надрывающая пустота царит. Не метено, не чищено, окна трясутся, не топлено, угарно... Рапортуй, мой друг, рапортуй!

И именно с тех пор ты смяк, как культурным человеком назвался. С тех пор и действительный статский советник Глист обвился кругом тебя, с тех пор ты и к рапортам учинился привычен. Культурность обязывает. Культурный человек «содействует» не потому, чтоб у него охота содействовать была, а потому, что он не может не содействовать. Культурный человек да не содействует — что же это будет! Действительный статский советник душу свою за общество полагает, потеет, приглядывается, принюх[ив]ается, а никак он ни до чего донюхаться не может. А отчего? — оттого, что кругом всё утробистые да чистопсовые: спят, лежебоки, и не чуют, что не нынче, так завтра светопреставление будет! Проснитесь же, чистопсовые люди, и будьте отныне культурными! Познайте, что культурность обязывает! Рапортуй, мой друг, рапортуй!

Вот почему мы, культурные люди, так тоскуем. Никто в целом мире ни в какую эпоху истории так не тосковал, как мы тоскуем. Мы чувствуем, что жизнь ушла от нас, и хотя и цепляемся за нее при пособии «содействия», но не можем не сознавать, что это совсем не то, совсем не та жизнь, которой мы, по культурности своей, заслуживаем. Мой прадед, например, если б ему заикнулись о «содействии» — я, право, не знаю, что

бы он сделал. Наверное, он бы сказал: я, ваше превосходительство, государю моему слуга, а не лакей-с! Я сам бунтовал-с! да-с! Анну Леопольдовну, регентшу-с, в одной рубашке из дворца вынес... и был за это награжден-с! А дедушка мой сказал бы: я в Ропше был-с! а потом следовал на сером аргамаке за великою государыней в Петербург. Как вы, государь мой, назовете этот проступок, заблуждением или подвигом благородного человека? А отец мой сказал бы: я тоже заблуждался, и хотя после принес чистосердечное в том раскаянье, но не содействовал-с! нет, не содействовал-с! И все они были бы обижены, и будировали бы, непременно будировали... до тех пор пока им не прислали бы Станислава на шею! Но не за содействие-с! Нет, не за содействие...

А я, правнук, внук и сын,—что я скажу! Я могу сказать только, что я культурный человек, и в этом качестве не могу даже «чистосердечного в том раскаяния» принести. Ибо я никогда не заблуждался — нет, никогда! И потому даже не понимаю, что такое «заблуждение»! Ни «заблуждений», ни «истины», ни «превратных идей», ни «благонамеренных» [...] [12]— ничего я не знаю — а, стало быть, могу только содействовать. Содействовать — вот моя специяльность; ни делать, ни производить, а именно содействовать. И многие от этой специяльности устраняются, бегут на теплые воды и там влачат с горем пополам культурное существование.

Не однажды меня интриговал вопрос, каким это образом вдруг, словно из земли, русский культурный человек вышел! Всё были густопсовые да чистопсовые — и вдруг культурными людьми сделались. Сидит себе чистопсовый человек или в Залупске, или в Ницце, за обе щеки уписывает, и говорит: теперь вы на мой счет легонько! я из тарелки ем, а не из плошки, я салфеткой утираюсь, а не стеклом, я культурный человек! И как только появился этот культурный человек, так рядом с ним явился и действительный статский советник Солитер. Не было культурных людей, не было и Солитера. Были действительные статские советники Довгочхуны, Неуважай-Корыты, Ивановы, Федоровы, Семеновы, ели и пили, а в свободное от еды время писали: утверждаю, утверждаю, утверждаю. А Солитер пишет: раззоряю, раззоряю, раззоряю...

Не раз хотел я даже историю возникновения культурных людей написать. Подробно, по документам. Как они сначала до обморока были доводимы, и как потом, будучи постепенно привлекаемы к содействию, в чувство пришли. В какое чувство?

Вот на этом-то вопросе я и поперхнулся. Коли назвать это чувство— будет ли это своевременно, а ежели не назвать его—какой же смысл будет иметь мой историческои труд? Я знаю, что многие историки именно с тем и предпринимают свои труды, чтоб ничего из этого не выходило, кроме того, что великая княгиня Ольга Коростень сожгла, а великий князь Святослав сказал: не посрамим земли русская! — но то историки сериёзные, а я... какая же сериёзность во мне?.. Я пишу, потому что меня культурная тоска одолела, тоска, тоска и тоска. Тоска, похожая на угрызения, словно я грехопадение какое совершил с тех пор как меня в культурные люди произвели.

С одной стороны, нет ни умения, ни быстроты в ногах, ни здоровья — и рад бы посодействовать, да взять нечем! С другой стороны — тоска, что-то неопределенное под сердцем сосет. Жюдик — видел, Шнейдершу — видел, у Елисеева и на Невском, и на бирже—был. Всё, что можно было в пределах культурности, кроме содействия, совершить,— всё совершил. Повторять то же самое надоело, а между тем надо жить. Ни смерть, ни болезнь ничто меня не берет. Встанешь утром — и какими-то испуган-

ными глазами глядишь в лицо грядущему дню. И завтра и послезавтра будут дни, а чем их наполнишь? Не сходить ли в Александринку, на Пронского посмотреть — может быть, хоть это потрясет. Или вот в Педагогическом обществе побывать, послушать как Водовозов реферат будет защищать? И вдруг окажется, что это отрава! И потом прокурор будет доказывать, что кто-нибудь из родственников меня нарочно отравил, чтобы потом наследством моим воспользоваться. И присяжные, обдумав зрело обстоятельства дела, скажут: да, виновен. Нет, слуга покорный! я родственников люблю и ответственности подвергать их не желаю...

Итак я дома и не знал, что делать с собой. Начал с севрюжины и конституции, кончил Пронским и Водовозовым.

Глава 2-я

Дело было в половине апреля. Я смотрел из окошка на улицу и любовался на сумятицу, которая происходила в природе. Воздух был наполнен каким-то невообразимым мельканием; крупные, крупные снежинки, мокрые, разорванные, словно проливной дождь, тяжело ударяли в окна. На подоконниках уже образовалась порядочная груда белого вещества, рыхлого и тающего; мостовая, еще два часа тому назад серая, начинала белеть. По улице сновали извощичьи пролетки с пассажирами, озлобленно скрючившимися под зонтиками. Ряд домов, мокрых, осклизлых, загадочно глядели своими бесчисленными черными окнами, словно тысячами потухших глаз. Небо давило и, несмотря на второй час дня, окутывало город ранними сумерками. Гул экипажей и мельканье лошадей, которые некоторое время раздавались усиленно (был первый день святой недели), постепено начал стихать, стихать, и, наконец, совсем сделалось тихо. Даже ликующие столоначальники — и те, повидимому, успокоились.

Я стоял у окна и припоминал. Было время, когда и я в этот день летал и метался; придешь в одно место, распишешься, швейцару целковый подаришь и, нимало не медля,— в другое место, опять распишешься, опять целковый подаришь... Да в мундире, сударь, в мундире! А нынче вот сижу у окна да глазами хлопаю — на дворе праздник, а никуда глаза показать не хочется. Почему не хочется?—а потому просто, что незачем...

Прежде я потому ездил, что было у меня убеждение: здесь претерплю, зато в своем месте наверстаю. Я даже нарочно в Петербурге периодически появлялся, чтоб претерпеть и потом наверстать. Мерзок я был, низкопоклонен, податлив, но я знал, что у меня имеется стимул, двигающий моими действиями. Впоследствии обстоятельства заставили меня сознать, что это был стимул фальшивый, несостоятельный, лишенный предусмотрительности—прекрасно! Я понял это и, может быть, даже вполне искренно отказался от тех идеалов наверстывания, которые обуревали меня в бывалое время. Но почему же я, оставив прежние стимулы, не усвоил себе новых? Для чего я живу? Для того ли только, чтобы представлять собою образчик русской культурности? — велика невидаль!

Я знаю теперь, что езди я или не езди, поздравляй или не поздравляй, все-таки я ничего не наверстаю, потому что и наверстать нéгде. Хотя же действительный статский советник. Солитер и заставляет мелькать перед моими глазами какие-то виды, но, право, мне кажется, это он просто, ради блезиру, делает. Следуй, говорит, по моим указаниям, и будешь ты век сыт и век пьян—а куда следуй, этого он и сам растолковать не может. У самого-то, брат, у тебя яичница в голове, а тоже других приглашаешь!

Да если бы он и мог доподлинно разъяснить, куда и как нужно следовать—разве я могу *туда* идти? Да и не только *туда*—никуда я идти не могу. Всё, всё для меня заперто. По судебной части я могу только адвоката нанять, а сам истца от ответчика отличить не умею. Кто их знает!— там адвокат разберет! По части народного просвещения—я не знаю, кто кого кормил, волчица ли Ромула или Ромул волчицу—что ж я на экзаменах-то спрашивать буду? По части финансов я знаю одну систему: дери и в случае недобора бесстрашно занимай! а какие на какой бумаге ассигнации печаются — ничего этого я не знаю! Вот разве по части... ну, нет, Солитер, этому не бывать. Действительно, по этой части никаких познаний не требуется, только культурность одна, но я ведь не позабыл, что мой прадедушка регентшу Анну Леопольдовну в одной сорочке из опочивальни вынес!.. Нет, не позабыл! Ибо ежели я сам лично ничего не сделал, даже чистосердечного раскаянья не принес, то прадед мой...

И откуда нынче такие действительные статские советники развелись! И прежде были действительные статские советники, назывались Довгочхунами, Ивановыми, Федоровыми, Семеновыми, ели, пили, сами балы делали и откупщиков заставляли делать, ездили по гостям, играли в клубах в карты, а в свободное от занятий время писали: утверждаю, утверждаю, утверждаю. А Солитер пишет: разоряю, расточаю, развращаю!..

И ничего. Разоряет — и не созидает, расточает — и сам стоит невредим, развращает — и состоит членом общества распространения грамотности. Кто поймет эту тайну? Есть у него один ресурс, который выручает его. Ресурс этот — лганье и показывание фальшивых преспектив. Он лжет постоянно, лжет, как рязанский дворянин, когда начнет рассказывать, какие у него, при крепостном праве, персики в оранжереях родились. В этом случае недавняя чистопсовость вся целиком выступала у него наружу. Он лжет, и сам к своему лганью прислушивается, как соловей к собственному пению. И верит. Верит тому, что он, ехавши тройкой, в одну прорубь со всем экипажем провалился, и потом за двадцать верст в другую прорубь выскочил. Следуйте, говорит он, следуйте только моим указаниям, а в свое время мы — наверстаем!

И многие до сих пор верят ему. Я убежден, например, что Прокоп даже в эту самую минуту мечется как угорелый по городу и всё поздравляет, всё поздравляет. Домой, думает, приеду — всё наверстаю! И это он, в течение десяти лет, аккуратно из года в год так делает. Каждый год кукиш с маслом получает, и всё шибче да шибче поздравляет и надеется.

Уж целую неделю как я в газетах прочел, что он в Петербург приехал— и ко мне до сих пор ни ногой. Вместе Шнейдершу слушали, вместе в географическом конгрессе заседали, вместе по политическому делу судились, наконец, вместе в сумасшедшем доме сидели — и вот! Чай, всё преспективы выглядывает, связи поддерживает, с швейцарами да с камердинерами разговаривает. Чай, когда из Залупска ехал, тоже хвастался: я, мол, в Петербург еду, об залупских культурных нуждах буду там разговаривать! Разговаривай, мой друг, разговаривай... с швейцарами!

Кому интересны залупские нужды, культурные или некультурные? Вот кабы ты сообщил секрет, как к празднику нечто заполучить, или как такому-то ножку, ради высокоторжественного дня, подставить—ну, тогда мы бы тебя послушали! А то: Залупск — разве об нем кто-нибудь думает! Есть у вас там, в Залупске, Солитер и будет с вас. Он вас там разберет: и стравит друг с другом и помирит, если нужно. «Zaloupsk! qu'est ce que c'est — que Zaloupsk?» [13]

И вот, ради разговоров с швейцарами, Прокоп даже об старом соратнике и собутыльнике забыл! Это ли не черта русской культурности! Сегодня

приятель, завтра Солитер разрешит ему за свой превосходительный каблук подержаться — он уж и рыло воротит. Я, говорит, на верху нынче стою, сверху мне все преспективы виднее. Вы, мол, как лягушки, в болоте квакаете, а мы, аисты, на горах расселись, да как налетим оттоль... Да на кого же ты налетишь-то, птица ты бестолковая! Посмотри, и болото-то уж пустым-пустёхонько стоит: нечего скоро и зацепить-то там будет!

Мне сделалось досадно и жалко. Бедный Прокоп! Глуп-глуп, а культурность свою очень тонко понимает. У меня, говорит, в деревне и домик есть, и палисадничек при нем, и посуда, и серебрецо, и постелька для приятеля... видно, что человек живет! А мужик что! Вон у нас на селе у крестьянского мальчишки тараканы нос выели, а у меня, брат, тараканы только на кухне есть! Милый, милый Прокоп! Как сейчас вижу, как он в залупском клубе, за ужином, завязавшись салфеткой, сидит: буженины кусок проглотит и слово скажет, еще кусок проглотит и еще слово скажет. И слова всё — такие мелкие: текут, плывут, бегут — не поймаешь. Ест, а сам одним глазком в соседнюю залу заглядывает, потому что там действительный статский советник Солитер с статским советником Глистом о чем-то по секрету совещаются, а титулярный советник Трихина так и юлит, так и кружит около них. «Дай срок, ужо от Трихины всё выведаю!» думает Прокоп, а что выведаю, зачем выведаю... бежит, течет, плывет!

И так мне вдруг захотелось Прокопа увидеть, так захотелось на затылок его полюбоваться, что не успел я формулировать моего желанья, как в дверях раздался звонок, и Прокоп собственной персоной предстал передо мной.

Он был в культурном мундире и в культурных белых штанах. Лицо его, слегка напоминавшее морду красивейшего из мопсов, выражало сильное утомление; щеки одрябли, под глазами образовались темные круги, живот колыхался, ноги тряслись. Мне показалось даже, что он раздражен.

— Обогрей, ради христа! было его первое слово.

— Откуда, голубчик? поздравлял?

— Разумеется, поздравлял. Вот ты, так и день-то какой нынче, чай, позабыл?

— Ну, нет, брат, я и у заутрени был. А ты?

— Еще бы. Я еще третьего дня билет получил.

Прокоп сел против камина и протянул ноги чуть не в самый огонь.

— Да ты бы скинул с себя форму-то, предложил я: — вместе бы позавтракали, вина бы... А какое у меня вино... по случаю!.. краденое!

— Это, брат, только хвастаются, что краденое, а попробуй — опивки какие-нибудь! Опивки краденые — вот это так. А ты вот что: завтракать я не буду, а ежели велишь рюмку водки подать — спасибо скажу.

— Отчего же бы не позавтракать?

— Нет, я на минуту, у меня еще двадцать местов впереди. Поважнее которые дома — у всех расписался уж, а прочие и подождут, невелики бары!

Принесли водки и балыка. Прокоп потянулся, выпил и закусил. Не знаю почему ему вдруг показалось, что я всматриваюсь в него.

— Ты что на меня смотришь? узоры что ли на мне написаны? спросил он.

— Помилуй, мой друг, я рад тебя видеть — и только.

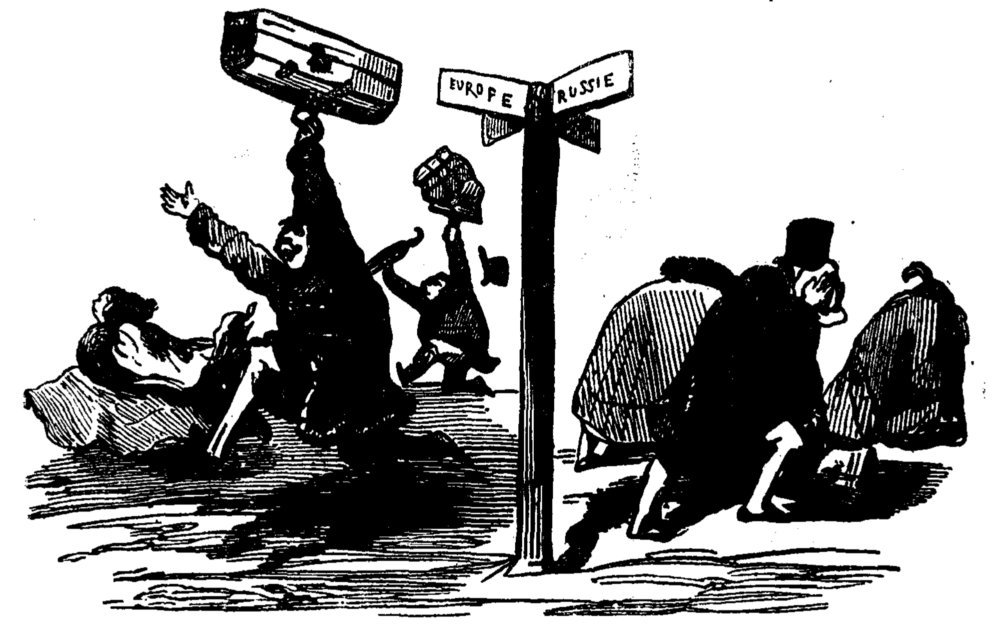
— А рад, так и слава богу. Замучился я. Погодища нынче—страсть! Ездил-ездил, штаны-то белые, замарать боишься — ну, и сидишь, как на выставке. Да как на грех еще приключение... препоганое, брат, со мной приключение сегодня было.

— Что же такое?

— Да приезжаю я к особе к одной—ну, расписался. Только вижу, что

тут же, в швейцарской, и камердинер особы стоит — и угоразди меня нелегкая с ним в разговор вступить. Рано ли, мол, встает его сиятельство? прогуливается ли? кто к нему первый с докладом является? не слышно ли, мол, что про места: может быть, где-нибудь что-нибудь подходящее открывается? Только разговариваем мы таким образом — и вдруг вижу я, вынимает он [из] кармана круглую-прекруглую табатерчищу, снял крышку да ко мне... Это, говорю, что?..— Понюхайте-ко, говорит.— Да ты, говорю, свинья, позабыл, кажется?..

— Так и сказал?

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ НА ГРАНИЦЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Карикатура из альбома Густава Доре «La Sainte Russie», Paris, 1854

— Так прямо и брякнул. Я ведь, брат, прямик! Я не люблю вокруг да около ходить! По мне коли свинья, так свинья!

— Нехорошо, брат; горяченек ты, любезный друг! с страстями справляться не умеешь!

— А что?

— А то, что он теперь тебе мстить будет — вот что!

Прокоп задумался на минуту, даже вилка, направленная по направлению к балыку, словно застыла в его руке.

— Я, брат, и сам уж об этом думал,— наконец молвил он.

— Непременно будет мстить. Вот сегодня же вечером будет с его сиятельства сапоги снимать и скажет: был давеча вот такой-то— не нравится он мне, невежей смотрит. А завтра ты явишься к его сиятельству, а его сиятельство посмотрит на тебя да и подумает: кто бишь это мне сказывал, что этот человек невежа?

— А что ты думаешь? ведь это, пожалуй, и вправду так будет?

— Верно, говорю. Эти камердинеры да истопники — самый это ехидный народ. Солитер-то, ты думаешь, как пролез?

— Ну, Солитер и так, сам собой пролезет!

— Нет, он сперва в камердинера пролез, а потом уж и...

— Ну, так прощай; я бегу!

— Погоди! куда ты! рассказал бы, по крайней мере, что у вас делается?

— Чему у нас делаться! Солитер... Я было жаловаться на него приехал, да вот приключение это — пожалуй, завтра и не выслушают!

Прокоп заторопился, подтянулся, вытянул ногу, на сапоги посмотрел, поправил шпагу и уж совсем на ходу заметил:

— Я, брат, с женой и дочерьми здесь. В Гранд-отеле стоим, за границу едем.

— Надежда Лаврентьевна [14] здесь? и ты не говоришь ничего!

— Ну, что тут! не невидаль какая! Приходи ужо вечером—посидим.

Он рысцой направился в переднюю, накинул на себя шинель и вдруг опять встревожился.

— Как ты думаешь? спросил он меня: — ему... хаму этому... трех целковеньких довольно будет?

— Дай, брат, пять!—посоветовал я.

— Ладно. Так ужо вечером. Жена давно к тебе посылает, да нельзя было... всё приключения эти...

Он исчез в дверях, а я остался опять один с своею тоскою. Я стал резюмировать [разговор] [15], который мы сейчас вели, и вдруг покраснел. Что я такое сейчас говорил? мучительно спрашивал я себя, и какие такие советы насчет пяти рублей подавал? Господи! да неужели же это холопство имеет такую втягивающую силу! Вот я: повидимому, совсем было позабыл: и мундира культурного нет у меня, и поздравлять я не езжу—так, сам по себе, глазами хлопаю!—а увидел человека с красным околышем и не вытерпел! Так и лезет-то, так и прет из тебя это проклятое холопство! И рожа осклабляется, и язык петлей складывается, как начнут про швейцаров да про камердинеров разговаривать. Да; нынче в Франции целая школа беллетристов-психологов народилась—ништо им! У них психология простая, без хитростей — ври себе припеваючи! Нет, попробовал бы ты, господин Гонкур, сквозь этот психологический лес продраться, который у Прокопа в голове засел. Ему, по настоящему, и до самого его сиятельства горя мало, а он вот с лакеями об внутренней политике разговаривает да еще грубит им... лакеям-то! Да и я тут же за компанию вторю: отомстит он тебе; не три, а пять рубликов ему надо дать! Сказал и не почувствовал, что у меня от языка воняет,— ничего, точно всё в порядке вещей! Какое сцепление идей бывает, когда такие вещи говоришь? И какова должна быть психология, при помощи которой возможны подобные разговоры? Вот кабы ты, Золя, поприсутствовал при таких разговорах, то понял бы, что самое фантастически-психологическое лганье, такое, какое не снилось ни тебе, ни братьям Гонкурам, ни прокурорам, ни адвокатам,— должно встать в тупик перед этой психологической непроходимостью.

И в то самое время, как я думал всё это, вдруг, вследствие такого же необъяснимого психологического переворота, в голове моей блеснула мысль: Прокоп за границу едет, а что кабы с ним вместе удрать?

Сейчас обвинял Прокопа в халуйстве, сейчас на самого себя негодовал за то, что никак не могу с себя ярма холопства свергнуть—а через минуту опять туда же лезу. Я знаю, что Прокоп вместе с своей персоной весь Залупск Европе покажет, что он повезет Залупск в своих платьях, в покрое своего затылка и брюха, в тех речах, которыми он будет за табльдотами щеголять, во всем. И за всем тем, все-таки не могу я отвязаться от него, стремлюсь обонять залупские запахи, слушать залупские речи... И вместе со мной этим речам будут внимать Средиземное море и серые скалы, которые высятся вдоль его берегов, словно сторожат их в предведении нашествия варваров.

Глава 3-я

Для тех, которые позабыли о Прокопе, считаю не лишним восстановить здесь его физиономию. Это чистейший тип культурного русского человека, до последнего времени и не подозревавшего о своей культурности. В физическом отношении он шарообразен и построен как-то забавно: голова круглая, затылок круглый, брюхо круглое, даже плечи, руки, ноги — круглые, так что когда он находится в движении, то кажется, словно шар катится. Лицо у него—портрет красавца-мопса и принимает те же выражения, какие принимает морда мопса в различных обстоятельствах жизни. Когда он сыт, лицо принимает выражение беспечное, почти ласковое, как будто бы говорит: соснул бы теперь, да очень уже весело. И чувствуешь, что у него где-то должен быть хвост, которым он в это время виляет. Когда он голоден, то на лбу и на носу образуются складки, рот злобно осклабляется и углы губ плотоядно опускаются книзу. В нравственном отношении он лукав, не лишен юмора, преимущественно обращенного против него самого, легковерен, льстив, наклонен к лганью и в высшей степени невежествен. Когда он говорит, то почти всегда поражает собеседника внезапностью мыслей, в которых нет возможности отличить правду от лжи. Некоторые полагают, будто бы он зол, но это положительно неверно. Он не добр и не зол, не умен и не глуп — он так, сам по себе. Репутацию злости составили ему его инстинкты, в которых действительно очень мало человеческого и которые иногда делают его способным огрызаться и рычать. Но ежели надеть на него хороший намордник, то он сейчас же притихнет, и в Залупске совершенно справедливо заметили, что с тех пор, как упразднено крепостное право, он стал огрызать[ся] и рычать значительно меньше противу прежнего. Имя его совсем не Прокоп, а Александр Лаврентьич Лизоблюд—из тех Лизоблюдов, которые еще при царе Горохе тарелки лизали. Прокопом его назвали на смех, в честь Прокопа Ляпунова, известного рязанского помещика и ревнителя русской славы, в то время, когда ему, после трех трехлетий, проведенных в звании представителя залупской культурности, поднесли на блюде белые шары в знак оставления в том же звании на четвертое трехлетие. Так как и Прокоп ревновал, и Лизоблюд ревновал, то и назвали Лизоблюда Прокопом, да с тех пор словно даже и забыли настоящую его фамилию: все Прокоп да Прокоп.

Прокоп гордился своими предками. Не говоря уже о том Лизоблюде, который еще в доисторические времена тарелки лизал, много было Лизоблюдов, которые лизали тарелки и во времена позднейшие, освещенные светом истории. Проводя время в этом занятии, некоторые из них приобрели себе вотчины и до такой [степени] усилились, что когда вступил на престол Гришка Отрепьев, то Кирюшка Лизоблюд был послан в Астрахань для побужденья мятежных астраханцев к скорейшей присылке икры для царского стола. Но в половине XVIII столетия звезда Лизоблюдов померкла. Никита Лизоблюд, имея наклонности пьяные и прожорливые, замешался в историю Лопухиной, и хотя сентенцией суда был приговорен к наказанию кнутом с урезанием языка и к ссылке на каторжные работы, но ради неистовой его глупости урезание языка и ссылка на каторгу были заменены ссылкой в залупские вотчины навечно. С этих пор и до наших времен фамилия Лизоблюдов делается исключительно рассадником залупской культурности и играет большую роль в той оппозиции, которую чистопсовые с такою твердостью выдерживали против местной администрации.

Семейство Прокопа состояло из жены, сына и двух дочерей уже на выданьи. Жена его слыла когда-то красавицей, да и теперь, когда ей было уже около сорока, она производила в Залупске сенсацию. Это была очень

добрая и до крайности жеманная женщина, как все русские провинциальные барыни, родившиеся в захолустьи и привыкшие с детства играть в нем роль. Во всех культурных подвигах Прокопа она приносила ему весьма существенную пользу. Никто не умел так ласково принять и так радушно накормить, как Надежда Лаврентьевна, ни у кого не подавалось таких роскошных обедов, и никто так красиво и строго не выступал в зале собрания во время балов. Даже губернатор называл ее [не] иначе, как царицей Залупска и во всех официя[ль]ных торжествах выступал с ней в польском в первой паре. В особенности же видно выдавалась она во время выборов, когда со всей губернии съезжались в Залупск из деревень «песьи головы», как называл их Прокоп. В то время, как муж политиканил со старцами, то-есть накачивал и набивал им мамоны, а некоторым даже шил на свой счет по паре платья, Надежда Лаврентьевна делалась центром, около которого собиралась молодежь. В этих кружках бывало всегда весело — тут присутствовали все представительницы залупского высшего общества, сытые, белые, полные, с сахарными плечами, охотницы и сами поврать и послушать, как другие врут; тут велся пряный и щекочущий разговор, бесцеремонно бивший на возбуждение чувственности. В результате — поднесение на блюде белых шаров, которые Прокоп принимал со слезами на глазах.

Не менее полезна была мужу Надежда Лаврентьевна и в сношениях с залупскою администрацией. Прокоп был груб и не раз ставил администрацию втупик своею бесцеремонностью, хотя после и приносил в том чистосердечное раскаянье. Однажды администрация даже не на шутку рассердилась, и уверяли, что было уже произнесено слово: фюить! Прокоп малодушествовал и плакал, но прощения не просил. Этот загадочный малый желал бы, чтоб администрация, по секрету, видела его слезы и убедилась в его раскаянии и чтоб прощение пришло само собой. Но никто слез не видел и слово «фюить» было сказано вторично. Тогда на выручку явилась Надежда Лаврентьевна, и в первый раз, как «хозяин губернии» подал ей в польском руку, она так томно вздохнула и так трепетно держала его руку, что он невольно спросил ее: а ручку поцеловать можно, ежели я к вам завтра утром приеду? — и сейчас после того сам подошел к Прокопу и заговорил с ним, как ни в чем ни бывало.

Единственный сын Прокопа Гаврюша похож на отца до смешного. То же круглое брюхо, те же круглые плечи, то же мопсичье лицо, забавное во время покоя и со складками на носу и на лбу во время гнева. Прокоп любит его всем нутром своим, ласково рычит во время появления его в воскресенье и праздничные дни, сам садится, а его ставит перед собой, берет за руки, расспрашивает, чем его во время недели кормили, смотрится в него словно в зеркало. Воспитывается Гаврюша в лицее прежде всего на том основании, что оттуда титулярными советниками выпускают, а еще больше потому, что в закрытом заведении, хочешь не хочешь, а в конце концов все-таки «человеком» сделаешься.

— По себе, брат, знаю, что дома ученье плохое, открывался мне по этому случаю Прокоп: — чего уж покойный папенька со мной ни делал — и сек, и голодом держал, и в темную сажал — не могу никуда экзамена выдержать да и полно. До сих пор ни одного текста из катехизиса не знаю — что хорошего?

— Да ведь на собраниях из катехизиса не спрашивают, возражал я.

— Все-таки. Разговоры бывают. Не из катехизиса, так из географии. Кабы я экзамены-то выдерживал, я бы из географии разговаривал, а теперь только на других смотришь, смеются или нет.

— Так что ж! сходило до сих пор и слава богу.

— Ну, брат, не всегда. Ехидные ныне люди пошли: испытывают. Иной, братец, целый разговор с тобой ведет — ты думаешь вправду, а он на смех.

— И все-таки дай бог всякому таким «человеком» быть, каким ты сделался.

— Да уж это я после человеком сделался, когда папенька за ум взялся да определил меня в полк. Надели на молодца солдатскую шинель да стали на корде гонять — ну, и сделался человеком.

— Так и с Гаврюшей ты так поступи.

— Нельзя, голубчик, не тем нынче пахнет. Нынче над юнкерами-то смеются. А в заведении в этом... а вдруг, братец ты мой, Гаврила Александрович мой министром будет!

Прокоп захохотал, но тем загадочным смехом, из которого нельзя понять, точно ли человек смеется, или только в заблуждение вводит.

— Так вот я и решился. Только бы он у меня экзамен выдержал, а там уж я буду покоен. Туда только поступить нужно, а там уж доведут. Разве вот человека зарежет...

— Что ты! Христос с тобою!

— То-то, об этом-то я и говорю. А ты, впрочем, что об этом думаешь? Я, брат, маленький тоже чуть-чуть человека не зарезал — да! Раз, после грамматики, секли меня секли — ну, думаю: непременно я этого проклятого учителя зарежу!

— Так неужто же ты так-таки и зарезал?

— Эх, братец, чудак ты! Я сказал для примера, а он и поверил!

И действительно, Гаврюша третий год находился в заведении — и ничего. Жаловались воспитатели, что он во время репетиций забирается в шинельную и спит там, вследствие чего потом уроков отвечать не может, но Прокоп и не требовал от сына блеска, а просил только бога, чтоб как-нибудь его до конца довел.

Дочери у Прокопа были уже невесты: одна, Наташенька, восемнадцати лет, другая, Леночка — семнадцати. Обе пошли в мать и наружностью, и жеманством, и наклонностью к лакомству. Наташенька склоняла голову на правую сторону, Леночка на левую, что сообщало им какую-то трогательную грацию. Обе ходили в одинаковых платьицах, обе подавали посетителю ручку как-то нехотя, словно вынужденные обстоятельствами, и обе ходили, слегка привскакивая на носках. Вообще были девушки здоровые, полные и аппетитные, но они как бы совестились за свою аппетитность и от всей души просили бога о ниспослании им худобы [16].

Вечером, когда я пришел к Прокопу, у него уже сидел какой-то генерал, но до такой степени унылый, что я подумал, что у него или жена сегодня скончалась или болит живот. Он имел такой странный вид, словно его пеплом обсыпали. Лицо пепельного цвета, волосы пепельного цвета, даже мундирный сюртук не чищенный, словно кусочки пепла на нем. Прокоп рекомендовал его мне:

— А вот его превосходительство Николай Батистыч Пупон! Русский! Отец его, Батист Северьяныч — тоже генерал был, только француз, вместе с русскими Париж в восемьсот 14 году брал, ну, а этот уж настоящий русский, наш залупский дворянин.

Надежда Лаврентьевна приняла меня любезно и позволила даже ручку поцеловать. Наташенька и Леночка любезно поклонились, каждая с своей стороны. Гаврюша сидел в углу, держа в обеих руках по яйцу и пробуя, которое крепче.

— Обделал! шепнул мне на ухо Прокоп: — десятирублевенькую дал!

— Что ж! куда же?

— Нет, говорит, теперь местов нет, а впоследствии... Будут, говорит, скоро два места, да уж их обещали! А потом, говорит...

— Да не врет ли?

— Верно, братец! После этих двух мест — первое...

— Ну, и слава богу. Покуда ты за границу съездишь, покуда что — смотришь оно и откроется!

Сели в кружок и стали разговаривать. Разумеется, сначала на погоду пожаловались и выразили мнение, что никогда такой скверной святой не бывало. Потом пошли новости из Залупска, странные новости, в которых главную роль играли плюхи.

— У нас, брат, нынче все разговоры плюхами кончаются! весело резюмировал Прокоп рассказы Надежды Лаврентьевны.

Подали, наконец, самовар и целую кучу булок и кренделей. Гаврюша, все упорствовавший сидеть в углу, при виде самовара оживился и стал помаленьку пододвигаться к столу. Прокоп толкнул меня локтем в бок и подмигнул в его сторону. Маневр сына, очевидно, радовал его.

— Что, брат, видно булками запахло? пошутил Прокоп и потом, обращаясь ко мне, прибавил: — вот, брат, хочу тебе на сына жаловаться — урока не знал.

— Ах, мой друг, охота тебе ребенка конфузить! — вступилась Надежда Лавреньтьевна: — тебе, Гаврюша, с чем: со сливками или с вареньем?

— Мне, маменька, сливок побольше.

— Ешь, братец, ешь. От еды здоров человек бывает, только одна еда тоже не годится: еда сама по себе, а урок сам по себе.

Гаврюша тряхнул головой, словно муху смахнуть хотел.

— Поди ко мне! Говори: отчего ты урока не знал?

Прокоп притянул Гаврюшу к себе, поставил против колен и всем своим лицом смотрел на него. Очевидно, что в эту минуту он не променял бы никакого Ньютона на своего незнающего урока Гаврюшу.

— Отчего ты урока не знал?

Гаврюша вдруг фыркнул.

— Стыдно, братец! А я давеча еще говорил: министром у меня Гаврюшка будет! Ну, теперь ешь.

— А вы что ж, ваше превосходительство, обратился Прокоп к генералу: — хлебца бы да с маслицем.

— Да, да, маслица, молочка, яичек... это можно! Надежда Лаврентьевна! Маслица бы, маслица мне! как-то жалобно попросил генерал, и затем, сложив руки между колен, оглядывал всех безнадежным взором.

— Вот и генерал с нами за границу едет, сообщил мне Прокоп.

— Да вы серьезно едете? спросил я Надежду Лаврентьевну.

— Едем. Надо же...

— Я раз шесть за границей был, а оне еще ни разу, объяснил Прокоп. — Пускай поездят да посмотрят. Нельзя же...

— А вы, генерал, для здоровья?

— Нет, я здоров, даже совсем здоров. Вот только грусть у меня... Никто объяснить не может. Вóды какие-нибудь, может быть...

— Генерал еще в кадетском корпусе мозгу сотрясение получил, с обычной бестактностью влепил Прокоп: — с тех пор вот и не может...

— Не могу! и рад бы да не могу. Даже в цирк не езжу, потому что из пистолетов стрелять стали. Хотел было по дипломатической части идти — папаша не позволил. Папаша у меня храбрый был, у Марии-Антуанетты ручку целовал. А теперь вот мы русские.

— Однако дослужились же вóт генерала? не мог я воздержаться от вопроса: до такой степени сильно было мое недоумение.

СТРАНИЦА ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЫ РУКОПИСИ ЩЕДРИНА «КНИГА О ПРАЗДНОШАТАЮЩИХСЯ»
Институт Русской Литературы, Ленинград

— Да по кавалерии... кажется я по кавалерии нахожусь?

— Нет, в ученом комитете заседаете, сострил Гаврюша, и тут же сам фыркнул своей остроте.

— С генералом, брат, такие приключения были—и не дай бог! расскажите-ка, ваше превосходительство!

— Нет, мой друг, нет! Я вот еще немножко маслица да и домой... байбай пора! в другой раз!

— Ах, генерал, генерал! Женился бы ты, друг, и всю бы эту робость с тебя как рукой сняло! А у меня кстати и невесты есть — выбирай!

Генерал раскраснелся, молодые девицы строго взглянули на отца и гордо выпрямились. Даже Надежда Лаврентьевна словно растерялась.

— Чего на меня глазами уставились?—продолжал хладнокровно Прокоп: — разве не правду я говорю? Чем не невесты! Генерал, смотри! — пышечки!..

Все как-то оторопели, один Гаврюша так фыркал, что брызги летели с блюдечка во все стороны. Вероятно, собственно для утешения Гаврюши Прокоп и завел этот разговор. Генерал заторопился и стал прощаться.

— Куда, брат? испугался? Небось, силóм под венец не поведем! разуверял его Прокоп:—я только так говорю: невесты мол есть — первый сорт.

— Alexandre! финиссе! строго заметила Надежда Лаврентьевна.

— Ну-ну, ступай, генерал Пупон! Спи там. Постель-то у тебя узкая да холодная... или, может быть, мамзель....

— Александр! тебя просто слушать нельзя! сказала Надежда Лаврентьевна с гневом, но так, что глаза ее так и искрились от удовольствия.

— Ступай, ступай, жених! так через десять дней едем! говорил Прокоп, провожая генерала в коридор и тотчас же возвращаясь назад.

— Бог знает, что ты говоришь! укоряла его Надежда Лаврентьевна.

— Что же я сказал! сказал, что дочки у меня невесты — это всякий видит. Что они пышки — и это всякому видно! А другой, может, и видит да не смекает — ему наука: вникай, братец! Вот хоть бы он! может жениться захочет—чем не пара! указал он на меня и в то же время перемигнулся с Гаврюшей, так что он опять фыркнул.

— А, впрочем, будет! Пошутили, Гаврило Александрыч, крошечку,—и будет! Довольно, мой друг! родите[льница] гневаться будет. А я тебе про этого генерала когда-нибудь расскажу! обратился он ко мне.

— Знаете ли что? не поехать ли и мне с вами?

— А чего ж лучше! и прекрасно! С нами, брат, весело будет. Да ты уж бывал?

— Нет, не был. И даже намерения не имел. Да вот сегодня, пришел ты, говоришь: еду — ну и я задумался. Надо же... в самом деле!

— Разумеется, надо. Только уж ты, брат, коли едешь, так меня держись. Я эту «заграницу» как свои пять пальцев знаю, знаю, где что спросить, где как поесть, где гривенничек сунуть. Я как приеду в гостиницу— сейчас на кухню и повару полтинник в руки. Всё покажет. Да я уж тебя научу.

— И так это приятно будет! отозвалась Надежда Лаврентьевна: — все вместе и останавливаться будем! за границей — и всё равно, как у себя дома. Не правда ли, генерал?

— Не знаю... я ванны брать буду!

— Не всё же в ванне будешь сидеть. Чай и поесть захочешь! засмеялся Прокоп.

— Нет уж, я уж...

— Уныние ты на всех будешь наводить—вот это верно. Ах, генерал, генерал! Храбрый ты какой был, сражение на Средней Подъяческой выиграл — и вдруг, что с тобой сделалось!

— Таковы плоды человеческой ненасытности!

Генерал сказал это таким безнадежным тоном, что все вдруг смолкли. Даже я, ничего не понимая, вздохнул. Этот унылый вид, это пепельное лицо, очевидно, скрывали какую-то тайну. Кто знает? Может быть, он ждал в этот день награды и не получил ее?

— Больно? первый прервал молчание Прокоп, обращаясь к генералу.

Но генерал даже не ответил на этот вопрос. К величайшему моему удивлению и к смущению девиц, которые в одно мгновенье куда-то скрылись, он вскочил с места и начал расстегивать свой форменный сюртук. Потом растегнул жилет, рубашку и обнажил довольно волосатую грудь.

— Смотрите, молодой человек, и да будет это вам уроком! обратился он ко мне, неизвестно почему считая меня за молодого человека:—читайте! вон здесь, пониже левого соска,—что вы видите?

Я приблизился и действительно увидел нечто в высшей степени странное. В нижней части груди, в том самом месте, на которое сейчас указал генерал, замечалось четвероугольное пространство, усеянное беловатыми пупырышками вроде сыпи. Но когда генерал ударил по этому месту двумя пальцами, то пупырышки мгновенно покраснели, и я мог прочесть следующее:

К СЕМУ ТЕЛУ АГГЕЛ
САТАНЫ, ИВАН ИВАНОВ,
ДОМОВОЙ, ЗА БЕЗГРАМОТНОСТЬЮ,
ПЕЧАТЬ ПРИЛОЖИЛ.
АНАФЕМА!

— Теперь вы знаете роковую тайну моего горького существования! произнес генерал, покуда я, вне себя от изумления, смотрел на него:—покуда я был субалтерн- и штаб-офицером, все знали отважного Пупона, все приглашали и чествовали его, отовсюду слали ему телеграммы, во всех трактирах пили его здоровье, даже историк Соловьев, задумывая сороковой том своей истории России, чуть не упал от радости в обморок, когда я доставил ему докладную записку под названием «К истории смутного времени». Теперь я генерал—и всё вдруг изменилось. Пупон забыт, Пупон отвержен, Пупон отчислен по кавалерии, а, в довершение всего, я получил сегодня от господина Соловьева свою записку обратно с надписью: «невозможно, чтобы человек, в здравом уме находящийся, мог совершить столь великое множество дел, коим даже не весьма стыдливая Клио — и та не решается верить». Скажите, ка́к по вашему мнению: обидно это или не обидно?

— Да, конечно... Уж если даже Клио зарумянилась, так должно быть порядочно-таки вы в этой записке накуралесили. Но, извините меня, генерал, меня так заинтересовала надпись, сделанная у вас на груди, что если бы вы были так любезны, объяснили ее происхождение, то я счел бы это величайшим для себя одолжением.

— Увы! это была одна из тех роковых ошибок молодости, которые нередко окутывают всю остальную жизнь человека. Вот он (генерал указал на Прокопа) знает эту грустную историю — когда-нибудь он и расскажет вам ее.

— Ну, нет, я рассказывать не мастер, да и некогда мне, отказался Прокоп:—а рассказывай-ка ты сам. Нужды нет, что мы знаем твою историю,—мы и в другой раз прослушаем,—всё лучше чем та́к-то сидеть. А он вот узнает!

— Хорошо. Я расскажу всё по-совести, как было, сказал генерал:—но

беру бога в свидетели, что делаю это не ради удовлетворения пустому тщеславию, но единственно в виду того, чтоб молодые люди, склонные к мечтательности и к благородным подвигам, знали, что даже в области пресечения и предупреждения мечтательность не всегда ведет к той цели, которую они себе предназначали.

Мы все собрались вокруг генерала и приготовились слушать.

Генерал начал:

. . . . 17

Глава 4-я

Поехали.

Через неделю, в одиннадцать часов утра, я был уже на дебаркадере варшавской железной дороги. Прокоп был тоже исправен, и в ту минуту, как я подъехал к станции, он уже распоряжался с багажом. Я насчитал до двенадцати сундуков, да кроме того, у него в каждой руке было по чемодану, которые он, вероятно, надеялся провезти бесплатно.

Серая погода преследовала нас, и перед станцией стояло целое море грязи. Неподалеку виднелся закопченный остов фейгинской мельницы, около которой шныряло стадо адвокатов. Казалось, он еще дымился, и дух Овсянникова парил над ним. Прокоп, поздоровавшись со мной, мигнул мне по направлению к зданию мельницы.

— Из-за полтинника какую кашу заварил, по обыкновению изумил он внезапностью мысли.

— Ка́к так из-за полтинника?

— Известно из-за полтинника. На низу помол дешевле на копейку — вот он и того... А мельница-то застрахована...

— Ну, нет, это кажется, ты уж чересчур хватил. Миллионер да будет об таких пустяках думать!

— А ты душу человеческую знаешь?

— Нет, но во всяком случае...

— А я знаю. У нас в Залупске миллионер Голопузов живет, так извощик у него пятиалтынный просит, а он ему гривенник дает. И разговаривает, и усовещевает: креста, говорит, на тебе нет. И так пешком до места и дойдет. Так вот оно, что душа-то человеческая значит.

В эту минуту целая масса людей из всех отверстий мельницы высыпала к наружному ее фасу со стороны Обводного канала.

— Ишь! ишь! авдокатов-то что собралось! произнес Прокоп: — это они слям делят!

— Какой еще слям?

— Такой и слям, что один какой-нибудь возьмет себе всю тушу, примерно хоть за сто тысяч,—пятьдесят тысяч ему, а другие пятьдесят— на драку!

— Скажи по-совести! ведь ты это только сейчас выдумал?

— А если и выдумал — важность какая! Не в том штука, что выдумал, а в том, что правильно выдумал. Смотри-ка! смотри-ка! остановились! глядят! Ах, чтоб им пусто было! Иш—ишь! Белый к стене подошел, штукатурки отколупнул—это у него «совершенное» доказательство будет!

Поезд был невелик, и нам отвели роскошный вагон, в котором, кроме отдельных купе, был еще прекрасный салон. Нас никто не провожал,—нынче как-то и провожать культурных людей ни для кого не интересно, только около Прокопа терся какой-то маленький человечек, да и тот большею частью или молчал, или, по первому манию Прокопа, мгновенно исчезал в пространстве и снова, как метеор, появлялся.

— Кто это тебя провожает? полюбопытствовал я.

— А чиновник один... из духовной консистории.

— Как он к тебе попал?

— А так... может, нужен будет.

Кроме Прокопа с семейством, меня и генерала Пупона, было еще пятеро пассажиров: молодой тайный советник, который ожидал к празднику Белого Орла, а вместо того в другой раз получил корону на святыя Анны и в знак неудовольствия отправлялся вояжировать; адвокат, который тоже был обижен тем, что не был приглашен по овсянниковскому делу ни для судоговорения, ни даже на побегушки; старичок с Владимиром на шее (до Эйдкунена), который, повидимому, ехал за границу лечиться; молодой литератор; пятый персонаж, смотрел как-то таинственно; он был одет в восточный костюм вроде халата, а на голове у него была надета ермолка. Войдя в вагон, он занял место в противоположном углу и молча глядел в окошко в противоположную дебаркадеру сторону.

Прокоп, по обыкновению, всем интересовался и приставал ко мне с вопросами: это кто? При этом он, по привычке всех провинциялов, указывал пальцем и делал свои замечания так громко, что я каждую минуту трепетал, что он меня скомпрометирует. Прежде всего он заинтересовался адвокатом, уверял меня, что видел его, долго припоминал где и наконец-таки вспомнил, что в Муромском лесу.

— Насилу, брат, мы от него удрали! присовокупил он в виде заключения.

Но больше всего заинтересовал его восточный человек. Он долго вглядывался в него, бормоча про себя: убей меня бог, ежели я его не видал! И наконец-таки вспомнил.

— А ведь это от Огюста татарин! сказал он: — он! именно он! Я, брат, его знаю! Я и в костюме их видывал. В ноябре они к своему причастию ходят, так этим же манером наряжаются!

И не дожидаясь моего ответа, обратился к восточному человеку.

— Здравствуй, саламалика! ты как сюда в первый класс попал!

Восточный человек изумленно посмотрел на нахала и чистейшим русским языком отвечал:

— Проваливай мимо.

Наконец, поезд пошатнулся и тронулся. Всякий по-своему выразил при этом чувство, одушевлявшее его в эту минуту. Прокоп снял картуз и, перекрестившись большим крестом, громко произнес: с богом! старичок с Владимиром на шее тоже перекрестился, но как-то робко, словно это не входило в круг его прямых обязанностей. Пупон хотел последовать их примеру, но печать антихристова не давала ему. Несколько раз усиливался он сотворить крестное знамение, но, вероятно, «отец лжи» зорко следил за его движениями, потому что, после нескольких попыток, рука его бессильно опустилась вниз. Восточный человек, очевидно, хотел совершить омовение, но, за невозможностью, сотворил брение и помазал им себе волосы. Адвокат долго следил унылом взором за исчезающей в тумане мельницей. Наконец, вынул фотографическую карточку Овсянникова и впился в нее глазами, словно заранее оплакивая невинное его осуждение. Литератор, как только тронулся поезд, вынул из кармана газету и уткнулся в нее. Молодой тайный советник открыл окно и долго махал платком, прощаясь с провожавшими его столоначальниками. Наконец, когда поезд уже въехал в самое царство болот, сел и горько улыбнулся, словно укоряя отечество в неблагодарности. Я уверен, что он воображал себя в эту минуту Кориоланом, но более великодушный, чем Кориолан, он не намеревался привести вольсков для отмщения нанесенной ему обиды.

Мне было не по себе. По мере того, как поезд прибавлял ходу, мне казалось, что внутри у меня всё больше и больше пустеет. Теперь впервые мне с особенной резкостью представился вопрос: зачем я еду? и впервые же шевельнулось какое-то смутное сознание, что я что-то за собой оставляю. Я — человек привычки, и всякое передвижение меня волнует, так что когда я переезжаю на лето из Петербурга в деревню, меня всегда беспокоит вопрос: что-то будет? и такой же вопрос беспокоит и в то время, когда я на зиму переезжаю назад в Петербург. Теперь этот вопрос беспокоил меня, так сказать, сугубо. Собственно говоря, я оставлял за собой очень мало: смутную тоску о чем-то и смутное желанье чего-то, но в самой этой смутности было что-то привлекательное. Как будто проснулся и ходишь в халате, и не хочется ни умываться, ни одеваться, ни даже к чаю притронуться: всё бы ходил взад и вперед да думал. Об чем думал? — право, сто против одного можно пари держать, что никто даже сколько-нибудь ясного ответа на этот вопрос не может дать. Так что-то мелькает и исчезает, и опять мелькает, и опять исчезает. То мотив какой-нибудь раздастся и смолкнет, то вдруг образ какой-то осветится и потухнет. Ходишь-ходишь и усталости даже не замечаешь. Хорошо ли предаваться этой неумывающейся мечтательности — это вопрос другой, но, мне кажется, она представляет собой элемент современной русской жизни. Без ясных сожалений в прошлом и без ясных желаний в будущем. И ко всему этому прибавьте оторопь. Русский человек двигается нехотя, словно боится, что вот-вот нечто разверзнется и поглотит его. Как будто на каждом шагу его ждут сюрпризы, которые перевернут вверх дном его жизнь. Эту же робость, это же недоверчивое ступание по суху, яко по морю, приносит он с собою и повсюду, даже туда, где уже никаких сюрпризов не полагается. Всё ему кажется, что или кондуктор его обидит, или засудят его, или вдруг... фюить!

Вот я, например. Правда, я не был за границей, но весь склад моей жизни, всё воспитание, все идеалы — всё было заграничное. Я и парле франсе умею, и Наполеона III обругать могу, и об Бисмарке два-три анекдота знаю и даже некоторые обычаи знаю. Один знакомый мне сказал: там за табль-дотом семь блюд подают! другой сказал: если вы в Париже будете в ресторане что-нибудь спрашивать, то не говорите: je vous prie, а s'il vous plaits, потому что вас сейчас за русского примут. Стало быть, куда бы я ни приехал, везде, как у себя дома буду. И за всем тем — все-таки берет оторопь. Вот теперь Эйдкунен через сутки, а всё кажется: пройдет ли? Точно к родителям из школы едешь и за неделю дурную отметку на билете несешь. Каковы-то кондуктора там? Обходительны ли извощики? не строги ли содержатели отелей? Вот Прокоп говорит, что там на этот счет строго, в известный час обедать иди, в известный час восхождение на Риги делай — всё равно как арестант. Как я за табль-дотом обедать буду? Я привык дома на просторе есть, а тут вдруг поднимешь глаза, а они в немца упрутся. Вдруг он обидится и предложит мне за погибель Франции пить? А я Францию люблю! да, я люблю тебя, Франция, люблю, несмотря на то, что ты в настоящую минуту не Франция, а Макмагония. Буду ли я с немцем пить!

Буду ли я вообще все те мерзости проделывать, которые проделывают русские люди, шлющиеся на теплых водах! Буду ли я уверять, что мы, русские, — свиньи, что правительство у нас революционное, что молодежь наша не признает ни авторитетов, ни собственности, ни семейства и что вообще порядочному человеку в России нельзя дышать?

Буду ли говорит? — вот странный вопрос! разве я знаю, что я буду говорить? разве я могу определить заранее, что я скажу, когда разговорюсь? Вот если бы я один обедал, разумеется я бы молчал, да и тогда,

может быть, не утерпел бы сказать [...][18], что все русские — свиньи, а то за табль-дотом—помилуйте! Сто немцев смотрят на тебя, и все как будто говорят: а это ведь русский! Как тут утерпеть! как тут не сказать: господа! не смотрите, что я русский. Я действительно русский, но очень хорошо понимаю, что русские—свиньи!

Покуда эти мысли толпились у меня в голове, Прокоп делал свое дело. Он расхаживал по вагону, приискивая случая завести знакомство с пассажирами. Долгое время он посматривал на восточного человека, который, повидимому, в особенности его интриговал, но заговорить с ним, однако, не решился, а подсел к адвокату, и между ними произошел следующий разговор:

— Вы адвокат, кажется? начал Прокоп.

— Имею честь быть таковым! ответил авдокат.

— Фамилия ваша?

— Проворный, Алексей Андреич.

— Как будто мы с вами встречались?

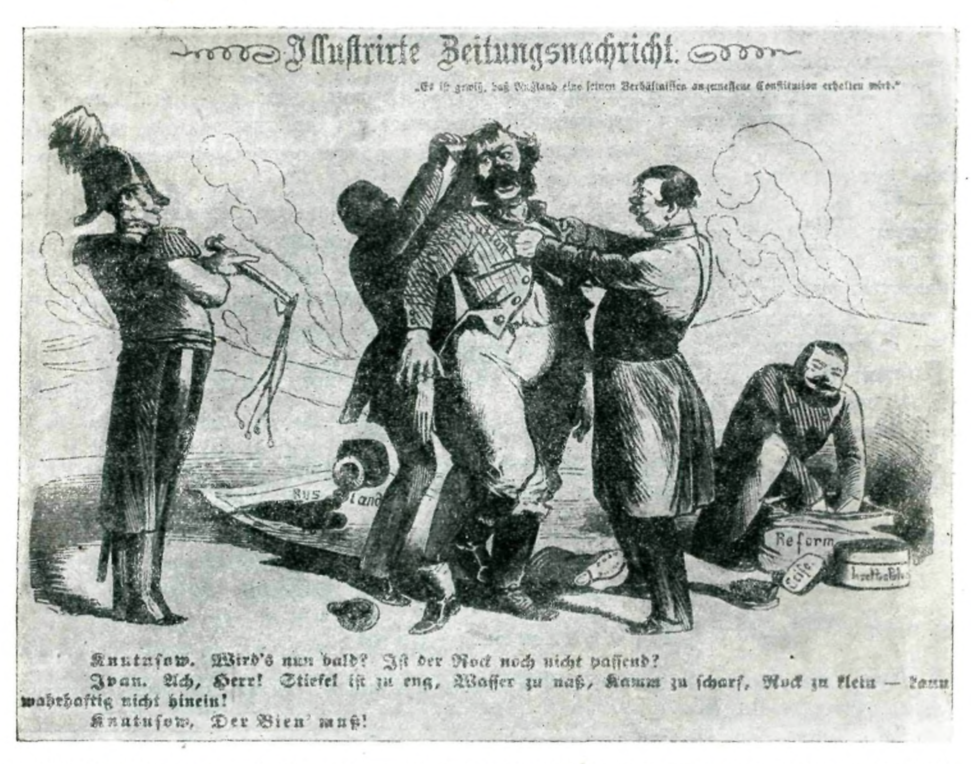
— Очень может быть.

— В Муромском лесу будто. Я в саратовскую деревню, помнится, ехал.

Проворный недоумевающими глазами взглянул на него.

— Как ее, станция-то? Булатниково, что ли? Еще там ваш, для приготовления адвокатов, кадетский корпус был? не смущаясь продолжал Прокоп: — ну, да, впрочем, что тут! ведь вы тамошние места бросили?

— Извините.... тут есть какое-то недоразумение... Муромский лес... Булатниково... Я даже никогда не бывал в тех местах...

«НЕСОМНЕННО, ЧТО РОССИЯ ПОЛУЧИТ КОНСТИТУЦИЮ, СООТВЕТСТВУЮЩУЮ РУССКИМ УСЛОВИЯМ ЖИЗНИ»

Карикатура на русские реформы 60-х годов из журнала «Kladeradatsch» 1863 г., № 43

— И хорошо сделали, что бросили. Там нынче проезжих мало: все на нижегородку бросились. В Петербурге лучше. Нынче в Петербург, на Литейную, Муромские леса переведены. Овсянниковское дело знаете?

— Был приглашаем-с.

— То-то. Я и сам давеча на вас смотрю и думаю: как этакого не пригласить! По этому делу, значит, и за границу едете?

— Нет, я сам по себе. Я в этом деле не участвую.

— В цене что ли не сошлись?

— В условиях-с.

— Да, бишь. Прежде спрашивали: какая ваша цена будет? а нынче: какие ваши условия?.. Благородно! А как по вашему мнению — поджег он мельницу-то?

— Это зависит-с.

— То-есть, как же это — зависит?

— От взгляда зависит. Как посмотреть на дело. С одной точки зрения посмотреть — выйдет поджог, с другой — выйдет случайность.

— То-есть и нашим, и вашим. Ну, а по настоящему-то, по правде-то как?

— По моему мнению, истина есть плод судоговорения.

— Чай поджог-то до судоговорения был!

— Был пожар-с, но что было причиной его: поджог или неосторожность, или действие стихий—это тайна судоговорения-с.

— Стало быть, можно по судоговорению что хочешь доказать?

— Можно-с.

— У меня, например, в Саратовской губернии имение есть — можно доказать, что оно не мое?

— Ежели есть противная сторона — можно-с.

— Вот так судоговорение!

Прокоп испуганными глазами взглянул кругом, как бы ища, нет ли между присутствующими «противной стороны». И действительно, молодой тайный советник, до сих пор относившийся к разговору с молчаливой иронией, счел долгом и свое мнение высказать.

— По моему мнению, господа, сказал он: — ваш спор сводится к следующему вопросу: что должен преследовать суд: осязаемую ли правду, ту, которая представляется уму в виде непререкаемого факта, или правду юридическую, которая представляется уму не непосредственно, но вооруженная указами и доказательствами? Так, кажется?

— Совершенно так, согласился адвокат.

Прокоп взглянул в мою сторону, как бы не зная, согласиться ему или нет. Я поспешил кивнуть головой.

— Мне что ж! сказал он: — по мне, пожалуй.

Меня самого этот вопрос занимал не мало, ибо как начальник отдельной части, я сталкивался с ним почти на каждом шагу.

. . . . 19

Глава 5-я.

Продолжаем ехать.

В Луге, по дороге к вокзалу, Стрекоза подхватил меня под руку и сказал.

— Мы, кажется, с вами знакомы?

— Кажется, ответил я.

— Мы с вами пошли разными дорогами, но, надеюсь, что это нисколько не должно мешать нам взаимно уважать друг друга.

Он сжал своим левым локтем мой правый локоть, а правой рукой пожал мою левую руку.

— С большим удовольствием, отвечал я.

Стрекоза слегка прищурился и взглянул на меня.

— Вы, кажется, это в ироническом смысле изволите?

— Нет, я без всякого смысла, а так...

— Жаль, очень жаль.

Не покидая моей руки, он засвистал какой-то мотив и таким образом до самого вокзала мы шли рядом.

— Вы мои последние распоряжения читали? возобновил он разговор.

— Нет, не читал.

— Не интересуетесь?

— Сами по себе они, вероятно, интересны, но для меня — нет.

— Вот если бы вы читали, вы должны были бы сознаться, что были неправы.

— В чем неправ?

— В том, что имеете на меня совершенно неверный взгляд.

— Да помилуйте! как будто вам мой взгляд нужен!

— И даже очень. Вы, может быть, забыли, но я очень очень многое помню.

И он пожал мне локоть. Неприятно мне это было, а, впрочем, с другой стороны, — что же! пожалуй, жми!

— Как хорошо было двадцать лет тому назад! воскликнул он и даже рот на мгновенье полураскрыл, как бы вдыхая нивесть какой аромат.

Я не ответил, он еще крепче пожал мою руку — что ж, жми, братец, жми.

— Вы были тогда неправы относительно меня — мы об этом когда-нибудь по душе с вами поговорим. Вы куда едете?

Я назвал ему несколько пунктов.

— Это приблизительно и мой маршрут. Скажите, что это за чудак, который вас сопровождает?

Я назвал.

— Так эти дамы — его жена и дочь?

Стрекоза надел на глаза пенсне́ и, сжав губы, внимательно осмотрел дам, которые в это время кушали цыпленка, словно играя им.

— Интересные особы, сказал он: — а можно с ними познакомиться?

— Познакомьтесь.

В эту минуту я увидел, что Прокоп, совсем запыхавшись, бежит к нам.

— Ну, что! не говорил я? не правда моя? крикнул он еще издали, махая руками.

И подбежавши, торжественно объявил.

— Науматуллу видел.

— Да ты, по крайней мере, говори толком, сказал я, едва воздерживаясь от раздражения.

— Из Бель-Вю Науматуллу; он тоже с нами за границу едет, вот с этим, с нашим... ну, который у нас в вагоне сидит.

— Да мне-то, наконец, что за дело до всего этого?

— Как что за дело! ведь я от Науматуллы узнал про него. Ведь он принц, только инкогнито соблюдает.

— Душа моя! ведь это, наконец, утомительно!

— Чего утомительно? да ты, взгляни, а потом и говори! вон они сидят. Науматулла-то уж камергером у него. С Бель-Вю рассчитался.

Я взглянул: действительно, восточный человек сидел за общим столом и пил шампанское, которое Науматулла, сидевший с ним рядом, наливал ему.

— Ты вот болтаешь, а потом голоден будешь, сказал я Прокопу: — садись-ка лучше да ешь.

— Нет, я хочу тебе доказать! Хоть я и не отгадчик, а взгляд у меня есть! Псст... псст... сделал он, кивая головой Науматулле. Науматулла встал, что-то почтительно доложил восточному человеку, потом налил три бокала и на тарелке поднес их нам.

— Прынец просит здоровья кушать! сказал он.

Прокоп принял бокал, и, выступя несколько вперед, почтительно поклонился. Я и Стрекоза тоже взяли свои бокалы. Восточный человек, улыбаясь во весь рот, посмотрел на нас. Очевидно, впрочем, что он симпатизировал только Прокопу, а нам уж так, с боку припеку.

— Да какой же, однако, принц? спросил Стрекоза Науматуллу.

— В Эйдкунен—всё будем говорить. До Эйдкунен—всё будем молчать. Еще шампанского, господа, угодно?

— Да может это мятежник какой-нибудь? усомнился вдруг Прокоп.

— Сказано: в Эйдкунен—всё будем говорить. И больше ничего! отвечал Науматулла и исчез с подносом в толпе.

Мы остались в недоумении, из которого первый нас вывел Прокоп.

— Как же с ним обращаться? чай титул у него есть? сказал он:—Науматулла, признаться, мне сказывал, да ведь этих саламаляк не поймешь. Заблудащий, говорит.

— В Эйдкунене узнаем-с, отозвался Стрекоза.

— Беглый какой-нибудь! продолжал Прокоп [20]: ишь, шельма, смелый какой! и не боится! так с своим обличьем и едет! вот бы тебя отсюда к становому препроводить — узнал бы ты, как кузькину мать зовут.

— В Вержболове, быть может, так и поступят-с.

— А все-таки, принц! там как ни говори: свиное ухо—а и у них, коли принц, то видно, что есть свыше что-то. Вот кабы он к Наташеньке присватался, я бы его в нашу веру перевел. В Ташкент бы уехали, общими силами налоги бы придумывали, двор по примеру прочих содержали бы...

— Что ты? да ведь Ташкент-то теперь русский!

— А может царь и простит, назад велит отдать. Мы против России — ничего: мы—верные слуги. Контракт такой заключим. Смотри-ка! Науматулла опять никак шампанского несет! Не трогай, я его расспрошу!

Действительно, Науматулла опять стоял перед нами с наполненными бокалами и говорил:

— Второй раз прынец приказал здоровье пить! Он здоров и хочет, чтобы вы, господа русские, здоровы были!

— Да кто твой принц? Татарин что ли? спросил его Прокоп.

— Не татарин, а заблудащий. В Эйдкунен всё скажем; до Эйдкунен — молчим.

— Пить ли? как-то сомнительно обратился ко мне Прокоп.

К счастью, звонок прервал все эти вопросы и недоразумения. Мы наскоро выпили и поспешили в вагоны, при чем я находу представил друг другу Стрекозу и Прокопа. В вагоне мы уж нашли восточного человека, уже расположившегося на своем месте. Прокоп тотчас же подошел к нему и поблагодарил за внимание, на что восточный человек отвечал, щелкнув пальцами по подушке соседнего места, как бы приглашая его сесть рядом.

Некоторое время Прокоп пытался завести разговор и, как всегда водится в подобных случаях, выдумал даже какой-то совершенно своеобразный язык для объяснения с восточным человеком.

— Далеко? луан? начал он, несколько раз махнув в воздухе рукою куда-то вдаль.

Восточный человек засмеялся в ответ и тоже махнул рукой.

— Дела есть? афер иль-я?

Восточный человек продолжал махать рукой.

— И я тоже туда! е муа осси лебà! Я без дела! комсà!

Но восточный человек, повидимому, ничего не понимал и только смотрел как-то удивительно весело, раскрыв рот до ушей.

— Не понимаешь? Ну, нечего делать, давай тáк сидеть; друг на дружку смотреть будем!

И в самом деле начали смотреть друг на друга, и вдруг им сделалось до того по душе, что оба расхохотались. За ними расхохотались и другие, так что даже Надежда Лаврентьевна полюбопытствовала и высунула через дверь голову из своего купé.

— А вот это — ма фам! как-то совсем неожиданно представил ее Прокоп восточному человеку.

— Наденька! поди к нам!

Надежда Лаврентьевна взошла к ним.

— Вот это — принц! а вот это — ма фам! продолжал Прокоп.

Надежда Лаврентьевна ничего не понимала и конфузилась. Восточный человек быстро вскочил с места, отвернул полу своего халата, порылся в кармане штанов и подал Надежде Лаврентьевне кусок шепталы, держа его между двух пальцев.

— Бери! после выбросишь! разрешил Прокоп недоумение жены своей. — Принц он! Ишь ведь куда, свиное ухо, гостинцы вздумал прятать! в штаны!

Но как ни весело было восточному человеку, и как ни мало требователен был с своей стороны и Прокоп насчет удовольствий, однако и ему надоело смотреть на принца и смеяться.

— Будет, брат! сказал он: — после коли еще захочется, давай опять!

А мне было еще тяжелее, потому что ко мне подсел Стрекоза и всё допрашивал, почему я его не уважаю.

— Из чего же вы заключаете это? оправдывался я.

— Да нет, я по глазам вижу. Скажите же, отчего вы меня не уважаете?

Я бился как рыба об лед, стремясь ежели не разуверить, то, по крайней мере, успокоить моего собеседника. Наконец, он видоизменил свой вопрос, предлагая его в той форме, какую он однажды уже высказал в зале вокзала.

— Вы мои последние распоряжения знаете?

Но к счастию, в это время подошел к нам Прокоп, решившийся, повидимому, расстаться с «принцем» и сказал:

— Чорт их знает, эти татаре! Вот и смеялся, кажется, а смерть как скучно!

. . . . [21]

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Выделено мною. — *И. В.*

2 Письма к П. В. Анненкову от 2 декабря 1875 г. и к Н. А. Некрасову от 7 и 12 декабря 1875 г. и П. В. Анненкову от 5 января 1876 г.

3 Журнального текста.— *И. В.*

4 Некоторые из изменений имеют не цензурный, а стилистический характер. Очевидно имело место вмешательство М. Е. в текст в процессе печатания. Некоторые из его поправок значительно меняли текст, например: в беловом тексте — «вопрошая: виноват ты или нет?»; в журнальном — «вопрошая: «Скажи, сколько дал ты Потехину и ты ли заплатил за защиту Лавтеева и Рудометова?» и др.

5 Подчеркнуто в оригинале.

6 Подчеркнуто М. Е. Салтыковым.

7 См. письмо к П. В. Анненкову от 8 мая 1876 г.

8 Для тех, кто хотел бы ознакомиться с ними текстуально, мы здесь, по причине ограниченности места, можем указать наиболее существенные из них по пятому изданию сочинений Салтыкова (1905—1906 гг.), т. IV.

Стр. 611, строка 30: «Приду в пять часов... только ем».
Стр. 613, строка 22: «То-то! «Проваливай»... Прощенье попросить!»
Стр. 614, строка 43: «Бывало соберутся...— показал фигу»...
Стр. 619, строка 15: «Встретишь бывало... И летишь дальше».
Стр. 622, строка 30: «И для чего он... о себе заключает...»
Стр. 626, строка 34: «Не явись Прокоп... фу, мерзость!»
Стр. 629, строка 31: «Вот года три назад... акцизную-то часть ввел!»
Стр. 630, строка 29: «Поэтому он вышел... идем к жене» (стр. 631, строка 9).
Стр. 633, строка 1: «И прекрасно, брат... О том-то я и говорю. А впрочем..» (стр. 634, строка 21).
Стр. 640, строка 6: «Но неизвестность... в роде убежища».
Стр. 640, строка 24: «Современная жизнь... всякого рода смутность».
Стр. 643, строка 16: «Понюхать или взаправду?.. или не поджег?»
Стр. 644, строка 10: «Не доказать, а доказывать... и выиграет дело».
Стр. 645, строка 35: «Признаюсь... волновало меня».
Стр. 641, строка 3: «Признаюсь вам... какой-то мотив».
Стр. 641, строка 15: «Многие так рассуждают... но это так!»

[9] Пропуск в рукописи; восстанавливается по смыслу.

[10] Духа сословия.

[11] Позвольте выйти.

[12] Не разобрано одно слово в рукописи.

[13] Залупск! Что такое Залупск?

[14] В рукописи «Ивановна».

[15] В рукописи пропуск; восстанавливается по смыслу.

[16] В рукописи — «толстоты».

[17] Глава не закончена в рукописи; строчка точек — редакционное обозначение, в рукописи отсутствующее.

[18] Одно слово не разобрано.

[19] Глава не закончена в рукописи; строчка точек — редакционное обозначение. в рукописи отсутствующее.

[20] В рукописи — Стрекоза.

[21] Рукопись на этом обрывается: строчка точек — редакционное обозначение, в рукописи отсутствующее.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА В «СОВРЕМЕННИКЕ»

Публикация В. Евгеньева-Максимова.

Сотрудничество М. Е. Салтыкова-Щедрина в «Современнике» началось в 1844 г., когда он еще не был Щедриным. П. А. Плетнев, тогдашний редактор «Современника», напечатал на страницах своего журнала несколько его стихотворений, не отличавшихся ни художественностью формы, ни глубиною и оригинальностью содержания (их библиография приведена в работе К. Арсеньева «Материалы для биографии М. Е. Салтыкова», напечатанной в т. IX Сочинений Салтыкова, изд. 1889—1890 гг.). Первое из них появилось в т. XXXIV «Современника» 1844 г., а последнее в т. XXXIX 1845 г. После этого связь Салтыкова с «Современником» порывается на два года. Она возобновилась лишь в 1847 г., когда, по данным автобиографической записи 1887 г. (см. ее факсимиле в книге Арсеньева «Салтыков-Щедрин», СПБ., 1906 г.), Салтыков «начал заниматься писанием рецензий», доставая эту работу с помощью Вал. Майкова и Вл. Милютина в «Отечественных Записках» Краевского и «Современнике», уже перешедшем из рук Плетнева в руки Некрасова и Панаева. Большинство салтыковских рецензий этого времени помещено в «Отечественных Записках», что же касается «Современника», то установлена принадлежность Салтыкову лишь трех рецензий, напечатанных в № 10 1847 г. (стр. 124, 127, 132). Возможно, что Салтыков поместил в «Современнике» еще несколько рецензий [1], но они покамест неизвестны. Во всяком случае сколько-нибудь прочных отношений между Салтыковым и редакцией «Современника» в рассматриваемый период не образовалось. Правда, А. Я. Панаева в последней главе своих «Воспоминаний» рассказывает, что Салтыков пытался устроить в «Современнике» повесть «Запутанное дело», но Панаев, просмотрев ее, возвратил назад «потому что нечего было и думать, чтобы цензура пропустила ее». Однако вполне достоверным этот рассказ признать нельзя, так как он не подтверждается другими источниками, а «Воспоминания» Панаевой, вообще говоря, источник не слишком надежный [2]. В одном только мемуаристка несомненно права: «Запутанное дело» действительно было напечатано в «Отечественных Записках» (1848 г., № 3) и послужило причиной ссылки Салтыкова в Вятку. Последнее обстоятельство прервало, как известно, литературную деятельность Салтыкова на целые 8 лет. Возобновив ее в 1856 г. созданием «Губернских очерков», Салтыков, по свидетельству Л. Ф. Пантелеева, имел намерение отдать это свое произведение в «Современник», однако Тургенев, которому «Очерки» были переданы на прочтение, отозвался о них отрицательно. Некрасов, положившись на отзыв Тургенева, отказался принять их в «Современник», о чем впоследствии крайне сожалел. Несмотря на категорический тон утверждений Пантелеева (см. его книгу «Из воспоминаний прошлого», т. II, стр. 151—153), и его рассказ признать безусловно достоверным мы затрудняемся, опять-таки за отсутствием других источников, подтверждающих его указания. Первым произведением Салтыкова, помещенным в «Современнике» по возвращении из ссылки, был рассказ «Жених», появившийся в № 10 журнала за 1857 г. Вслед за «Женихом» Салтыков поместил в «Современнке» в период с 1859 по 1864 г. целый ряд своих произведений, при чем особенно интен-

сивным его сотрудничество сделалось в 1863—1864 гг., когда Салтыков не только занял своими творениями многие сотни страниц журнала, но и вошел в состав его редакции.

Об одной из сторон сотрудничества Салтыкова в «Современнике», а именно о материальных, точнее говоря, о гонорарных условиях его работы, у меня имеются сведения, не появлявшиеся еще в печати. Дело в том, что около 20 лет назад мне посчастливилось на чердаке дома Панаевых в Павловске (нынешнем Слуцке), при любезном содействии сына и дочери Ипполита Александровича Панаева, заведывавшего в 50-е и 60-е годы конторой «Современника», разыскать «архив конторы» «Современника» за последнее десятилетие его издания. Архив этот состоял из нескольких переплетенных конторских книг и пачек со счетами, расписками и другими подобного рода документами. Дочь и сын покойного И. А. Панаева, Александр Ипполитович Панаев и Ольга Ипполитовна Гильдебрант, разрешили мне использовать эти ценнейшие материалы (впоследствии они были переданы их собственниками в Пушкинский дом при Академии Наук СССР, ныне ИРЛИ, где и хранятся до сего времени) для моих историко-литературных работ. На их основании мною был освещен вопрос о «практичности» Н. А. Некрасова как редактора-издателя «Современника». Статья моя, посвященная этому вопросу, под заглавием «Практичность Некрасова в освещении цифровых и документальных данных» в свое время была напечатана на страницах «Вестника Европы» (1915 г., № 4). Однако далеко не все выписки, сделанные при разработке «панаевских материалов», были использованы мною в этой статье и некоторых последующих работах. В частности, до сего времени в большей своей части оставались неиспользованными выписки, относящиеся к сотрудничеству в «Современнине» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Огромный интерес, который так заслуженно и справедливо возбуждают в настоящее время и жизнь, и личность, и творчество этого последнего, позволяет думать, что опубликование ряда документов, проливающих свет на условия работы Салтыкова в «Современнике» 50—60-х годов, будет далеко не излишним, тем более, что среди этих документов есть такие, которые позволяют установить авторство Салтыкова в отношении некоторых доселе неприписывавшихся ему произведений и отвергнуть его авторство в отношении произведений, считающихся подлинно салтыковскими. Правда, речь идет о произведениях небольших и не слишком значительных, но едва ли кто усомнится, что установление даже мелких фактов этого рода, поскольку они относятся к т а к о м у писателю, как Салтыков, не лишено значения. Затем, среди упомянутых документов «панаевского архива» имеется несколько еще не появлявшихся в печати писем Салтыкова. Пусть это опять-таки небольшие письма, иногда записочки строго делового характера, но под ними стоит подпись «великого сатирика земли русской», и одно это уже делает их значительными.

После этих предварительных замечаний перейду к непосредственному обозрению найденных материалов.

К сотрудничеству Салтыкова в «Современнике» до 1863 г. относятся лишь указания на размер гонорара, полученного им за те произведения, которые он печатал в этом журнале. Я сведу эти указания в особую таблицу.

1857 г. № 10 — «Жених, картина провинциальных нравов», 4 л. 2 стр., по 100 р. за лист, а всего 412 р. 50 к.

1859 г. № 2 — «Развеселое житье», 1 л. 12 стр., по 125 р. за лист, а всего 218 р. 75 к.

1860 г. № 1 — «Скрежет зубовный», 1 л. 15 стр., по 250 р. за лист, а всего 484 р. 38 к.

1860 г. № 8 — «Наш дружеский хлам», 1 л. 3 стр., по 200 р. за лист, а всего 237 р. 50 к.

1861 г. № 2 — «Литераторы-обыватели» }
„ № 10 — «Клевета» } 5 л. $15^1/_2$ стр., по 200 р. за лист, а всего 1 193 р. 75 к.
„ № 11 — «Наши глуповские дела» }

1862 г. № 2 — «К читателю», 2 л. 9 стр., по 150 р. за лист, а всего 384 р. 37 к.

Таким образом гонорар, получаемый Салтыковым в «Современнике» этих лет, колебался от 100 руб. за лист («Жених») до 250 руб. за лист («Скрежет зубовный»). Всего

за 17½ листов текста, напечатанных в «Современнике» и составивших 8 отдельных произведений, Салтыков получил 2 913 руб. 25 к., т. е. полистный его гонорар в среднем равнялся 167 р. 50 к.

Гораздо больше материала дает «панаевский архив» за 1863—1864 гг. Не забудем, что в это именно время Салтыков был и плодовитейшим сотрудником «Современника» и одним из редакторов этого журнала.

Приводимые ниже документы в целях систематизации перенумерованы.

1

Письмо М. Е. Салтыкова к И. А. Панаеву от 8 февраля 1863 г.[3] и счет его конторе «Современника» за работы в № 1.

Милостивый Государь
Ипполит Александрович.

По прилагаемому при сем счету, засвидетельствованному Н. А. Некрасовым, следует мне получить с редакции денег 359 р., которые я и просил бы Вас вручить подателю сего. С совершенным почтением имею честь быть

Ваш покорный слуга
М. Салтыков

8 февраля

В три раза мною в счет работ получено: а) 150 р., б) 500 р. и в) 500 р. . 1 150 р. — к.

Заработано:

Редакционные за декабрь и январь	300 „ — „
Невинные рассказы по 100 р. за лист, 3 л.	300 „ — „
Наша общественная жизнь по 100 р. за лист, 1¼ л.	125 „ — „
О цензуре, 1 л. по 75 р.	75 „ — „
Известие из Полтавской губернии и Драматурги-паразиты 2⅛ л. по 75 р.	159 „ — „
Библиография, 2¼ л. по 75 р.	168 „ 50 „
Московские письма и Петербургские театры, 2¼ л.	169 „ — „
Итого	1 296 р. 50 к.

МОТИВ ИЗ «ГУБЕРНСКИХ ОЧЕРКОВ»

Рисунок М. Башилова, литографированный П. Борелем

«Художественный Листок» 1868—1869 гг.

Сверх того мною заплачено из собственных денег:

Г. Унковскому за статью «Новые основания судопроизводства»[4], $1^1/_2$ л. по 75 р.	112 р. 50 к.
Г. Плещееву вперед в расчет	100 „ — „
Итого	1 509 р. — к.

Наверху (над текстом счета) рукою Салтыкова написано: «По сему счету 359 р. получил М. Салтыков».

Внизу (под текстом счета) рукою Некрасова написано: «Прошу доплатить по сему счету. Н. Некрасов».

Любопытно, что конторой «Современника» был составлен перерасчет, снизивший сумму долга Салтыкову с 359 до 314 руб., т. е. на 45 руб. Разница получилась вследствие того, что Салтыков определял листаж своих произведений в круглых цифрах, при чем округление неизменно производилось им в свою пользу. Так например, листаж «Невинных рассказов» он определял ровно в 3 печ. листа, и гонорар за них исчислял в 300 руб. Контора же «Современника» определяла их листаж в 2 л. 15 стр. и гонорар за них исчисляла в 293 р. 75 к., что давало разницу в 6 р. 25 к. Впрочем это различие в исчислении суммы долга Салтыковым и конторою практических последствий не имело, и Салтыкову, как мы видели, было уплачено 359, а не 314 руб.

2

Расписка М. Е. Салтыкова от 25 февраля 1863 г. в получении «в счет работ по «Современнику» 1000 руб.

3

Письмо М. Е. Салтыкова к И. А. Панаеву от 16 марта 1863 г. и его счет конторе «Современника» за работы в № 3.

Препровождаю, на обороте сего, счет следующим мне деньгам за работы в 3-ем № «Современника». Если Вы, многоуважаемый Ипполит Александрович, найдете этот счет верным, то я покорнейше просил бы следующие по нему деньги вручить подателю для передачи мне.

Прошу Вас верить искренней преданности уважающего Вас

16 марта 1863 г. М. Салтыкова

После обеда в гостях	11 стр.
Несколько полемических предположений	9 »
Московское письмо	12 »
Анафема (библиография)	2 »
Дополнение к «Известию из Полт. губ.»	1 »
Наша общественная жизнь	27 »
	62 стр.
Всего следует, рассчитывая по 100 р. за лист	387 р. 50 к.
Да редакционных за февраль	150 р. — »
Итого	537 р. 50 к.
Заплачено мною собственных денег:	
Г. Буренину за 3 стихотворения	45 р. — к.
Г. Бергу (отдано Плещееву в счет романа «Закоулок»)	55 р. — »
Г. Мазуренко в счет «Записок Хуторянина»	50 р. — »
Итого	150 р. — к.
А всего следует мне из конторы получить	687 р. 50 к.
Из этого числа 200 р. на погашение забранных мною вперед 1 000 р.	
Остается получить	487 р. 50 к.
Остается за мной в долгу	800 р. — »

По счету 487 р. 50 к. получил

М. Салтыков

4

Письмо М. Е. Салтыкова к И. А. Панаеву от 26 апреля 1863 г. и его счет конторе «Современника» за работы в № 4.

Милостивый Государь
Ипполит Александрович.

По прилагаемому счету следует мне получить из конторы для меня и для удовлетворения гг. Унковского и Буренина 656 р., за вычетом 200 р. для погашения моего долга «Современнику». А потому не будете ли Вы так добры в счет этих денег выслать мне 275 р., а на остальные 381 р. прислать на имя Московского Базунова записку, чтоб удовлетворил ими г. Унковского, с которым я имею счета, и который может удовлетворить и Буренина.

Не будете ли Вы также так добры послать мне счет должных Плещеевым денег, включив в него и 50 р., числящихся в прилагаемом счете. Не лишним считаю при этом присовокупить, что Плещеевым в настоящему году помещено в «Современнике» 6 стихотворений на сумму 90 р.

Весь Ваш
М. Салтыков

Должен редакции	800 р.
Следует за работы по Апрельской кн.	
Редакционных за март	150 р.
Дано Плещееву (известно Н. Ал.)[5], которые и следует записать ему в счет	50 р.
Библиография 21 стр.	
Общественная жизнь 28 стр.	
Свисток.	
Цензор в попыхах 7 стр.	
Анекдот об Юркевиче, 6 стр. (за остальные 8 стр. следует получить Антоновичу).	
Секретное занятие 3 стр.	
Стихов 5 стр.	
Литературные будочники и сопелковцы 4 стр.	
Заключение 2 стр.	
А всего за 76 стр. или $4^3/_4$ л.	475 р.
Всего . . .	675 р.
Г. Буренину за стихи в «Свисток» по условию с Н. А. Некрасовым	50 р.
Г. Унковскому за статью 28 стр. по 75 р.	131 р.
Итого . .	856 р.
За вычетом 200 р. для погашения долга следует получить	656 р.
Остается за мной в долгу	600 р.
По сему счету получил 656 р.	

М. Салтыков

5

Письмо М. Е. Салтыкова к И. А. Панаеву от 11 мая 1863 г. и его счет конторе «Современника» за работы в № 5.

Милостивый Государь
Ипполит Александрович.

Сегодня в 6 часов я уезжаю в Москву, а потому весьма нуждаюсь в деньгах. Хотя «Современник» за май еще не вышел, но так как статья, мною написанная для этой книжки, уже набрана и пропущена цензурой, то я просил бы Вас удовлетворить меня теперь по прилагаемому счету, который Вы впоследствии, по выходе книжки, можете

проверить. Вместе с тем, я просил бы Вас в счет моего долга удержать на этот раз не 200, а 150 р., так как мне очень нужны деньги. Останется за мной 450 р., которые Вы и пополните из следующих мне редакционных денег за Май, Июнь и Июль.

Еще одна просьба: нет ли у Вас Красных Книжек[6] Некрасова 1-й и 2-й; если есть, то пришлите мне по 30 экземпляров каждой, с вычетом следующих денег из 250 р.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть

Вашим покорным слугой.

11 Мая 1863 г. М. Салтыков

Должен редакции	600 р.
Следует за № 5-й получить:	
Редакционных за апрель	150 р.
за статью «Наша общественная жизнь» $2^1/_2$ листа	250 р.
Итого	400 р.
А за уплатой 150 р. в счет долга	250 р.
за сим за мной в долгу	450 р.

По сему счету от Звонарева 250 р. получил

М. Салтыков

В течение лета и первых осенних месяцев переписка между Салтыковым и И. А. Панаевым повидимому прервалась в связи с тем, что в июньском и июльском номерах «Современника» он не поместил почти ничего. Когда она возобновилась, то Салтыкову, как видно из прилагаемых письма и счета, пришлось говорить о гонораре за работы для сентябрьской книжки; впрочем упоминаемый им «прежний счет» — это, по всей вероятности, счет за август

6

Письмо М. Е. Салтыкова к И. А. Панаеву от 16 октября 1863 г. и его счет конторе «Современника» за работы в №№ 8 и 9.

Милостивый Государь

Ипполит Александрович.

Сделайте одолжение, пришлите мне с сим подателем деньги по прилагаемому счету. В числе их я желал бы получить росписку на имя Московского Базунова, чтоб он выдал 200 р. А. М. Унковскому, которые я ему должен. Если Вы стесняетесь выслать мне всю сумму, то вышлите по крайней мере 300 р. и росписку на Базунова.

Весь Ваш

16 октября 1863 г. М. Салтыков

По прежнему счету контора мне должна		309 р.
В сентябрьской книжке напечатано:		
Прощаюсь, ангел мой, с тобою	19 стр.	
Разборы Кохановской и Фета	20 стр.	
Наша обществ. жизнь	21 стр.	
Итого	60 стр.	
За 60 страниц следует		375 р.
Редакционных за сентябрь		150 р.
А всего следует		834 р.

7

Письмо М. Е. Салтыкова к И. А. Панаеву от 30 октября 1863 г.[7]

Сделайте одолжение, многоуважаемый Ипполит Александрович, пришлите хоть 100 руб. в счет должных мне редакцией денег. Крайне необходимо, потому что наступает 1-ое число, а с ним и неизбежные рассчеты.

Весь Ваш

М. Салтыков

«ПРИЯТНОЕ СЕМЕЙСТВО»
Рисунок М. Башилова к «Губернским очеркам», литографированный П. Борелем
«Художественный Листок» 1868—1869 гг.

8

Письмо М. Е. Салтыкова к И. А. Панаеву от 9 ноября 1863 г.

Сделайте одолжение, многоуважаемый Ипполит Александрович, пришлите мне вперед до рассчета 150 руб., ибо имею самую великую крайность в деньгах.

Весь Ваш
М. Салтыков

9

Письмо М. Е. Салтыкова к И. А. Панаеву от 16 ноября 1863 г. и его счет конторе «Современника» за работы в № 10.

Милостивый Государь
Ипполит Александрович.

Имею, по истине, величайшую крайность в деньгах, а потому покорнейше просил бы Вас, если возможно, прислать мне со Звонаревым следующее по прилагаемому счету.

Весь Ваш
М. Салтыков

За редакцией оставалось		84 р. — к.
Редакционных за октябрь		150 „ — „
За 10 стр. в библиографии (последние 3 статьи)		62 „ 50 „
Итого	. . .	296 р. 50 к.

10

Письмо М. Е. Салтыкова к И. А. Панаеву от .... ноября 1863 г. (точно дату установить трудно) и счет конторе «Современника» за работы в № 11.

Будьте так добры, многоуважаемый Ипполит Александрович, пришлите мне деньги по прилагаемому счету в Понедельник или во Вторник.

Весь Ваш
М. Салтыков

За мною было		200 р.
Следует получить по выходе ноябр. книжки		
Редакционные за ноябрь		150 »
Полистной платы за статьи:		
Современное движение в расколе	$5^1/_2$ стр.	
Петербургские театры	$16^1/_2$ стр.	
Наша общ. жизнь	26 стр.	
	48 стр.	
Всего 3 листа		300 р.
Итого		450 р.

Следовательно за вычетом долга следует получить 250 р.
250 р. через Гусева получил М. Салтыков

11

Составленный конторой «Современника» общий счет работы М. Е. Салтыкова за январь—ноябрь 1863 г.

Счет Салтыкова (М. Е.)

Наименование статей

В №№ 1 и 2.	Невинные рассказы по 100 р. 3 лист.	300 р.
	Несколько слов по поводу «Заметки», помещенной в октябрьск. книжке «Русского Вестника» 1862 г. (О цензуре) по 75 р. 1 л.	75 р.
	Драматурги-паразиты во Франции; Известие из Полтавской губернии — 2 л. 2 стр.	159 р.
	Новые книги по 75 р. 2 л. 4 стр.	168 р. 50 к.
	Московские письма Гуринз; Петербургские театры — 2 л. 4 стр.	169 р.
	Наша общественная жизнь 1 л. 4 стр.	125 р.
В № 3	После обеда в гостях 11 стр. Несколько полемических предполож. 9 стр. Московские письма 12 стр. Дополнение к Известию из Полтавской губернии 1 стр. В библиографии. Разбор Анафемы или Торж. Прав. 2 стр. Наша общественная жизнь 1 л. 11 стр.	387 р. 50 к.
В № 4	Новые книги 1 л. 5 стр. Наша общественная жизнь 1 л. 12 стр. В Свистке Цензор в попыхах 7 стр. В Анекдоте об Юркевиче 6 стр. Секретное занятие 3 стр. Стихи: Не искушай меня, Голос Публициста, Элегия, В голове все страх и бредни 5 стр. Литературные будочники и сопелковцы 4 стр. Заключение для следующих №№ Свистка 2 стр.	475 р.
В № 5	Наша общественная жизнь 2 л. 7 стр. Еще по поводу заметки из Полтавской губернии 1 стр.	250 р.

В № 6	В ст. о Новых книгах:		
	Разбор стихотв. Павловой $5^1/_2$ стр.		
В № 8	Кому как угодно 2 л. 11 стр.		459 р.
	В деревне 1 л. 9 стр.		
В № 9	Прощаюсь ангел мой с тобою 1 л. 3 стр.		
	В отделе: Новые книги		
	Разбор сочинений Кохановской и Фета 1 л. 4 стр.		375 р.
	Наша общественная жизнь 1 л. 5 стр.		
В № 10	В отделе: Новые книги: разбор Сказание о том и пр. Князя Львова		
	Киевские волнения — Громека	10 стр.	62 р. 50 к.
	Руководство к Судебной защите		
В № 11	В отделе библиографии:		
	Современное движение в расколе $5^1/_2$ стр.		
	Петербургские театры $1^1/_2$ л.		300 р.
	Наша общественная жизнь 1 л. 10 стр.		
За статью	34 л. $15^1/_2$ стр.		3 305 р. 50 к.

Редакционных:

Декабрь — 1862
Январь — 1863
Февраль
Март
Апрель
Май
Июнь
Июль
Август
Сентябрь
Октябрь
Ноябрь

Редакционных	1 800 р.
А всего по 11-ю книжку включительно	5 105 р. 50 к.

12

Письмо М. Е. Салтыкова И. А. Панаеву от 11 января 1864 г. со счетом за работы его в № 12 «Современника» 1863 г.

Милостивый Государь
Ипполит Александрович.

Будьте так добры прислать мне расчет мой по Декабрьской книжке. Мне следует редакционных за Декабрь 150 р. и за статьи от 197 по 253 стр., а всего без пробелов за 55 стр. 347 р. 75 к., всего же мне следует 493 р. 75 к.

Сверх того, следует послать г. Дружинину в Лугу остальные деньги за рассказ его «Люба»[8] в 38½ стр. Всего за этот рассказ следует ему 120 р. 30 к.; в то число ему уже послано 50 р. и послан экземпляр Соврем. 16 р. 50 к., следовательно нужно бы дослать 53 р. 80 к., но из них Вы потрудитесь удержать 16 р. 50 к. и запишите его пренумерантом на «Современник» 1864 года, а остальные 37 р. 30 к. пошлите в Лугу.

Будьте так добры, уведомьте меня, могу ли я надеяться, что 30 Января Вы мне дадите полномочие получить в Москве от Базунова 1500 р. Повторяю, что я возвращу Вам 500 р. 15 февраля, 750 р. 1 марта, 250 р. в Апреле.

Ваш М. Салтыков

11 Января

13

Письмо М. Е. Салтыкова к И. А. Панаеву от 25 января 1864 г.[9]

Милостивый государь
Ипполит Александрович.

Будьте так добры, пришлите мне обещанное переводное письмо на получение от Базунова (в Москве) 1 500 р. Если можно, то завтра, т. е в Воскресенье.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть

Ваш покорнейший слуга
М. Салтыков

25 Января

14

Письмо М. Е. Салтыкова к И. А. Панаеву от 12 февраля 1864 г. со счетом за его работы в № 1 «Современника» 1864 г.

Милостивый государь
Ипполит Александрович.

Мне следует получить за Январскую книжку следующее количество денег: редакционных 150 р., за рассказ 23 стр., за Обществ. жизнь 31 стр., за библиографию с 79 по 86 стр. за 7 стр., а всего за 61 стр. 381 р. 25 к.; итого 531 р. 25 к. Из этого числа прошу Вас вычесть: 100 р. так как я в Москве взял у Базунова сверх 1500 р. еще 100 р. и 33 р. за 2 экз. Современ. Остальные 398 р. 25 к. прошу Вас прислать мне, если возможно, в Пятницу в редакцию, где я буду около 1 ч. по полудни.

Весь Ваш
М. Салтыков

12 Февраля

15

Письмо М. Е. Салтыкова к И. А. Панаеву от 17 марта 1864 г. со счетом за его работы в № 2 «Современника» 1864 г.

Милостивый государь
Ипполит Александрович.

За Февральскую книжку «Современника» мне следует получить:

Редакционных за Февраль . . . . 150 р.

за статьи:

в библиографии стр. 260—261 и стр. 289—290, всего за 12 стр. «Наша Обществ. Жизнь» 35 стр., а всего за 47 стр. 293 р. 75 к. Деньги эти, 443 р. 75 к., прошу Вас мне не присылать, а почесть их в счет моего долга Конторе (1500 р., взятых у Базунова). Остальное количество долга и надеюсь пополнить в скором времени. Прошу Вас также прислать мне росписку в получении от меня уплаты в счет долга.

Весь Ваш
М. Салтыков

17 Марта 1864 г.

16

Письмо М. Е. Салтыкова к И. А. Панаеву от 13 апреля 1864 г. со счетом за работы в № 3 «Современника» 1864 г.

Милостивый государь
Ипполит Александрович.

за Мартовскую книжку мне следует получить:

Редакционных		150 р.
За статью «На заре ты ее не буди» 35 стр. «Наша общественная жизнь» 36 стр.	71 стр. . . .	443 р, 75 к.
	Всего . . .	593 р. 75 к.

Деньги эти почислите в счет моего долга Конторе полным количеством, а так как мною уже уплачено в этот счет 443 р. 75 к., то убедительнейше прошу Вас прислать мне на них росписку в получении от меня 1037 р. 50 к., так как мне, это необходимо для моих счетов. Вместе с тем мне было бы необходимо послать в Москву 100 р., то если у Базунова есть деньги «Современника», пришлите мне записку на выдачу этой суммы г. Унковскому, а я выдам подателю, для вручения Вам, сто р. наличными.

Весь Ваш
М. Салтыков

13 Апреля

17

Письмо М. Е. Салтыкова к И. А. Панаеву от марта—апреля 1864 г.

Милостивый государь
Ипполит Александрович.

Вновь позволяю себе убедительнейше просить Вас о присылке мне росписки в получении от меня 1037 р. 50 к. в уплату моего долга, а также росписки на получение от Базунова в Москве 100 р. взамен тех, которые я выдам подателю наличными деньгами. Если б возможно было Вам прислать все это сегодня вечером, я был бы весьма Вам обязан, ибо успел бы тогда завтра отправить росписку в Москву.

Весь Ваш
М. Салтыков

СТРАНИЦА ИЗ КОНТОРСКОЙ КНИГИ ЖУРНАЛА «ВРЕМЯ» ЗА 1862 г., ПИСАННАЯ РУКОЙ М. М. ДОСТОЕВСКОГО С РОСПИСЬЮ ГОНОРАРА АВТОРАМ

Среди последних — фамилия Салтыкова, напечатавшего в 1862 г. во «Времени» очерки «Недавние комедии» и «Наш губернский день»

Музей Ф. М. Достоевского, Москва

18

Черновик расписки от 16 апреля 1864 г., выданной конторой «Современника» М. Е. Салтыкову.

Главная контора редакции
СОВРЕМЕННИКА
Литейный пр., против Артил. казарм № 27 (Брока)
Апреля дня 16

В счет уплаты Редакции Современника за взятые, в нынешнем 1864-м году, у ней заимообразно из Московской Конторы при книжном магазине Ив. Вас. Базунова, Михаилом Евграфовичем Салтыковым одной тысячи пятисот рублей серебром, — засчитываются следующие от Редакции Михаилу Евграфовичу Салтыкову за статьи его, помещенные в II и III №№ Современника 1864 г. с помесячным за февраль и март месяца сего года одна тысяча тридцать семь рублей пятьдесят коп. серебром что и свидетельствую.

19

Счет М. Е. Салтыкова конторе «Современника» за работы в №№ 4 и 5 1864 г.

(Составлен, судя по почерку, не им, а другим лицом, очевидно по его поручению.)

Долгу редакции с выходом мартовской книжки . . .	462 р.
Следовало получить:	
Редакторских за апрель и май	300 р.
За статьи в Апрельской книжке в библиографии (страницы 255—261 (266—267) всего за 7 стр. и в Майской кн. Литературные мелочи 25 стр. и «Чужая вина» $2^1/_2$ стр. всего за $34^1/_2$ стр.	215 р.
Всего . . .	515 р.

Долг Левитова 50 р. М. Е. Салтыков просит настоятельно редакцию принять на себя и выдать ему эти деньги

Салт.

Писем и документов, относящихся к остальным месяцам 1864 г., нам в свое время разыскать не удалось. Особенно сожалеть об этом не приходится, так как приводимый ниже общий счет работы М. Е. Салтыкова в течение всего 1864 г. в значительной степени восполняет этот недостаток.

20

Счет заработанного Салтыковым в «Современнике» в 1864 г.
(Выписка из конторской книги «Современника» 1864 г.)

В № 1	За ст. Здравствуй милая хорошая моя	1 л.	7	стр.
	Наша общественная жизнь	1 л.	$15^1/_2$	»
	Разбор новых книг			
	Стих. Плещеева		$3^1/_2$	»
	Наши безобразники		1	»
	Сказки Марка Вовчка		2	»
В № 2	Нашу общественную жизнь	2 л.	4	»
	Разбор стих. Майкова		11	»
	Воздушное путешествие чрез Африку		1	»
В № 3	Ст. На заре ты ее не буди	2 л.	3	»
	Наша общественная жизнь	2 л.	3	»
В № 4	Разбор «Записки Щепкина», Моя судьба Камской и рассказ Алекс. Высоты		3	»
	Сборник по истории старообрядства		1	»
	Литературные мелочи	1 л.	9	»
	Разбор комедии Устрялова «Чужая жизнь» . .		2	»
В № 8	Романс Она еще едва умеет лепетать	1 л.	10	»
	Разбор Ролла. Поэма Мюссе		$6^1/_2$	»
В № 10	Разбор романа Леонтьева В своем краю . .		6	»
		15 л.	12	стр.

По 100 руб. за лист	1 575 р.
Редакторских следовало по 150 р. в месяц, за 5 мес.	750 р.
Выдано г. Левитову г-ном Салтыковым	50 р.

Из этой выписки между прочим явствует, что с октября 1864 г. Салтыков уже ничего в «Современнике» этого года не печатал, если не считать письма в редакцию, помещенного в № 12. Удивляться этому не приходится: 6 ноября Салтыков был назначен председателем Казенной палаты в Пензу, т. е. снова приобщился к высшей губернской администрации. Этим было разумеется и вызвано только что упомянутое письмо в редакцию: в нем Салтыков извещал Некрасова о своем выходе из состава редакции журнала, не отказываясь впрочем от сотрудничества в нем. Однако обещание сотрудничества было им почти не выполнено: в 1865 г. ни в «Современнике», ни в каком другом периодическом издании он не напечатал ровно ничего, а в 1866 г. в «Современнике» появилась всего лишь одна его небольшая статейка «Завещание моим детям». Эта статейка была напечатана в январской книжке «Современника», а весной 1866 г. состоялось высочайшее повеление об окончательном запрещении этого журнала.

Подведем некоторые итоги, устанавливающие листаж всего напечатанного Салтыковым в «Современнике» и общую сумму полученного им гонорара.

Выше приводились данные о том, что до 1863 г. Салтыков напечатал в «Современнике» 17½ л. и получил за них 2 931 р. 25 к., т. е. в среднем по 167 р. 50 к. за лист.

В течение 12 месяцев 1863 г. Салтыков поместил в «Современнике» 38 л. 6½ стр. (34 л. 15½ стр. до декабря 1863 г., см. документ № 11 и 55 стр., т. е. 3 л. и 7 стр., в декабре, см. документ № 12) и получил за них 3653 р. 25 к., т. е. в среднем около 96 р. за лист[10].

В 1864 г., с января по октябрь, Салтыков поместил в «Современнике» 15 л. 12 стр. своих произведений и получил за них 1575 р., сплошь из расчета по 100 руб. за лист.

Кроме того за декабрь 1862 г., за все 12 месяцев 1863 г. и за 5 месяцев 1864 г. Салтыков получал редакционные, по 150 руб. в месяц; всего же за 18 месяцев он получил редакционных 2700 руб. Надо думать, что именно в связи с назначением Салтыкову ежемесячного жалованья был несколько снижен его полистный гонорар: до 1863 г. он получал в среднем 167 р. 50 к. за лист, а в 1863—1864 гг. — лишь 100 руб. за лист. Впрочем в его литературной продукции этих лет публицистика и библиография решительно преобладали, а их оплата, вообще говоря, была значительно ниже оплаты беллетристики.

Всего за время своего сотрудничества в «Современнике» Салтыков напечатал в этом журнале 71 л. 10½ стр. и получил за них 8159 р. 50 к. Если же присчитать сюда 2700 руб. редакционных, то общая сумма его заработка в «Современнике» выразится во внушительной цифре — 10 859 р. 50 к.

Большую половину этих денег, а именно 5453 р. 25 к., Салтыков получил в 1863 г. В этом году его работа приобрела небывалую, исключительную в летописях литературы интенсивность. Напечатать за один год 38 л. 6½ стр., что составляет 614 стр., т. е. 1 413 350 печатных знаков, это значило побить такой рекорд, который мало кому был доступен.

Помимо историко-литературного и биографического интереса (вопрос о гонорарах, о степени интенсивности журнальной работы такого писателя, как Салтыков, конечно из чисто биографического перерастает в историко-литературный) приведенных документальных данных о сотрудничестве Салтыкова в «Современнике» они, как уже указывалось выше, дают твердое основание для того, чтобы признать салтыковскими несколько новых текстов и наоборот отвергнуть авторство Салтыкова в отношении текстов, до сих пор приписывавшихся ему. Как известно, список анонимных статей Салтыкова в «Современнике» был впервые опубликован А. Н. Пыпиным в его книге «М. Е. Салтыков» (СПБ., 1899). В течение долгого времени список не возбуждал ни малейших сомнений, несмотря на то, что не было известно, на основании каких материалов он составлен. Ныне мы имеем возможность установить, что сведения, легшие в основу списка, или даже целиком перешедшие в него, сообщил А. Н. Пыпину по его

просьбе тот же И. А. Панаев. В архиве ИРЛИ сохранилось следующее письмо И. А. Панаева, адресованное А. Н. Пыпину:

г. Павловск
23 Мая, 1889.

Многоуважаемый
Александр Николаевич.

Посылаю Вам сведения о работах покойного М. Е. Салтыкова в «Современнике» за 1862 и 1864 годы. В 1865 и 1866 гг. он в «Современнике» не участвовал, а за 1863 год сведений, к сожалению, не могу доставить, потому что не нахожу одной из моих книг.

Желаю Вам и всему Вашему семейству здоровья и всего хорошего.

Преданный Вам Иппол. Панаев.

В рукописи против фразы письма: «В 1865 и 1866 гг. он в «Современнике» не участвовал» имеется карандашная пометка, сделанная (и справедливо) вероятно Пыпиным: «Не верно, «Завещ[ание] моим детям» в 1866 г.»

К сожалению до нас дошел лишь текст письма, самое же приложение — список — повидимому утеряно. Несомненно однако, что это «приложение» и легло в основу «пыпинского списка»; столь же несомненно, что И. А. Панаев мог сообщить эти сведения об анонимных статьях Салтыкова, обратившись к тем же записям из конторских книг «Современника», которые здесь публикуются. Однако записи эти были использованы неполно. Некоторые весьма существенные дополнения, основанные на беглом просмотре тех материалов, которые использованы в настоящей работе, были впервые сделаны мною еще в 1917—1919 гг. в ряде газетных статей и повторены в 1926 г. в моей книге о Салтыкове «В тисках реакции». Однако уже не беглое, а углубленное изучение документов, относящихся к сотрудничеству Салтыкова в «Современнике», позволяет внести новые дополнения и изменения в «пыпинский список» работ Салтыкова 1863 г.

Этим мы теперь и займемся.

Из документов, приведенных нами под №№ 1 и 11, следует, что Салтыкову в двойной (январско-февральской) книжке «Современника» 1863 г., кроме помеченных в «пыпинском списке», принадлежали две большие статьи размером в 2 печ. листа и 2 стр., а именно: «Известие из Полтавской губернии» («Современник», № 1—2, стр. 47—62) и «Драматурги-паразиты во Франции» (там же, стр. 63—80).

Из документов под №№ 3 и 11 следует, что Салтыкову в № 3 «Современника» принадлежала маленькая, в 1 страницу, заметка: «Дополнение к «Известию из Полтавской губернии» («Современник», № 3, стр. 173).

Из документов, приведенных под №№ 4 и 11, следует, что в «пыпинском списке» допущены следующие ошибки: 1) в «Свистке» № 4 «Современника» М. Е. Салтыкову приписаны «Письма отца к сыну», которые в действительности принадлежали не ему, а Антоновичу [11]; 2) в «Свистке» же Салтыкову приписан весь «Анекдот об Юркевиче», тогда как в действительности его перу принадлежит в нем всего 6 стр., а остальные 8 стр. написаны Антоновичем; 3) Салтыкову приписано пять стихотворений, напечатанных в «Свистке», а именно: «Московские песни об искушениях и невинности», «Гимн публицистов», «Элегия», «В голове все страх да бредни» (стр. 32—37) и «Песня Московского дервиша» (стр. 71—72), тогда как последнее, несмотря на то, что было подписано псевдонимом Салтыкова «Мих. Змиев-Младенцев», принадлежало не ему, а Буренину [12]; 4) не упомянутая в «пыпинском списке» статейка «Литературные будочники» (стр. 78—80) оказывается целиком принадлежащей Салтыкову.

Далее, из документа за № 11 следует, что в № 5 «Современника» Салтыков напечатал статейку «Еще по поводу заметки из Полтавской губ.» (стр. 158) и в № 6 рецензию на стихотворения Каролины Павловой (см. отдел «Новые книги», стр. 311—316).

«ПРОШЛЫЕ ВРЕМЕНА. ПЕРВЫЙ РАССКАЗ ПОДЪЯЧЕГО»

— Батюшка, Демьян Иванович, — помоги!

— Вы, приказные, и деньгу-то скопить не умеете, все в кабак, да в карты... Ну, уж нечего делать, ступай в Широксвскую область подать собирать.

Рисунок П. Анненского к «Губернским очеркам» из «Сына Отечества» 1857 г.

Из документов за №№ 6 и 11 следует, что в № 9 Салтыкову принадлежит рецензия на повести Кохановской и стихотворения А. А. Фета (см. отдел «Новые книги», стр. 67—87).

Из документа за № 11 следует, что в № 10 «Современника» Салтыков поместил целых три рецензии — на книгу кн. Львова «Сказание о том, что есть и что была Россия, кто в ней царствовал и что она происходила», на книгу С. С. Громеки «Киевские волнения в 1855 году» и на «Руководство к судебной защите по уголовным делам» (стр. 316—326).

Наконец из документов за №№ 10 и 11 следует, что Салтыкову в № 11 «Современника» принадлежит рецензия на книгу «Современное движение в расколе» (см. отдел «Новые книги», стр. 83—89).

Таким образом произведенные разыскания убеждают, что «пыпинский список» должен быть пополнен следующими 12 статьями и рецензиями:

1) «Известие из Полтавской губернии» в № 1—2.
2) «Драматурги-паразиты во Франции» в № 1—2.
3) Дополнение к «Известию из Полтавской губернии» (№ 3).
4) «Литературные будочники» (№ 4, см. «Свисток»).
5) «Еще по поводу заметки из Полтавской губ.» (№ 5).
6) «Стихотворения Каролины Павловой» (№ 6).
7) «Повести Кохановской» (№ 9).
8) «Стихотворения А. А. Фета» (№ 9).
9) «Сказание о том, что есть и что была Россия, кто в ней царствовал и что она происходила», кн. В. В. Львова (№ 10).
10) «Киевские волнения в 1855 г.» С. С. Громеки (№ 10).
11) «Руководство к судебной защите по уголовным делам» (№ 10).
12) «Современные движения в расколе» (№ 11).

С другой стороны, из «пыпинского списка» должны быть безусловно изъяты как отнюдь не принадлежащие Салтыкову: а) ст. «Письма отца к сыну» (№ 4) целиком; б) стих. «Песня Московского дервиша» (там же) целиком и в) 8 страниц из статьи «Анекдот об Юркевиче» (там же).

Отнюдь не ставя своей задачей углубленное рассмотрение новонайденных текстов, отметим однако, что некоторые из них представляют значительный общественный и историко-литературный интерес, оттеняя те или другие стороны в идеологической позиции Салтыкова в 60-е годы.

Чтобы убедиться в этом, достаточно будет беглого обзора их содержания и цитации двух-трех из них.

В «Известии из Полтавской губ.»[13], публицистической статье в 1 печ. лист, Салтыков, отправляясь от полученного редакцией «Современника» известия о кулачной расправе одного полтавского помещика с мировым посредником, дает яркое изображение тревожного и взволнованного состояния русского общества в связи с отменой крепостного права и доказательно выясняет вздорность обвинений, предъявлявшихся к практическим работникам из среды молодого поколения, в частности к мировым посредникам, реакционной частью дворянства.

В другой большой публицистической статье «Драматурги-паразиты во Франции»[14] Салтыков хотя и говорит о Франции и французской литературе, в частности о Сарду и Ожье, но не в меньшей степени имеет в виду русскую современность, касаясь в завуалированной форме даже таких острых ее вопросов, как отношения России и Польши (в это время разгоралось польское восстание), и резко выступая против натравливания русских на поляков, которым занималась реакционная пресса с Катковым во главе.

Против реакционной же прессы и ее позиции в польском вопросе направлена и салтыковская художественная сатира из «Свистка» — «Литературные будочники». Ближайшим поводом к ее написанию являлись статьи по польскому вопросу в № 67 «Московских Ведомостей» и в № 66 «Нашего Времени». В них нашли себе выражение и злобное ликование по поводу слухов о начавшемся разложении польских революционных отрядов, и личные выпады по адресу отдельных участников революционного движения (Пустовойтовой, Рогинского), и полемика против тех высказываний русской печати, в которых не проявлялось огульно отрицательного отношения к польским притязаниям.

«Литературные будочники» печатаются нами целиком.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ БУДОЧНИКИ

(Размышления, навеянные чтением № 67 «Моск. Вед.» и № 66 «Нашего Времени»)

Обвиняют так называемых «свистунов» в высовывании языка. Я не видал, как они это делают, но, должно быть, у них оно выходит недурно. Я рассуждаю так потому, что «свистуны» народ молодой, веселый, добродушный, следовательно, если и высовывают языки, то именно тем, кому следует, и тогда, когда следует. Притом же и языки у них востренькие, чистенькие, как есть человеческие языки. Видеть такие языки даже приятно.

Но представьте себе, что перед вами неожиданно высовывает язык будочник; представьте себе, что это язык старый, желтый, распухший, покрытый слизью; представьте себе, что будочник злой и остервенелый, что он озлился именно вследствие того, что не имеет возможности отойти от своей будки, и высовывает язык всему, что ходит на свободе, что не приковано к будке... Какое чувство должно возбудить подобное высовывание языка? Где найти объяснение этому высовыванию? посредством какого рода самодеятельных умозаключений самодеятельная будочникова душа допустила язык сделать такую штуку? Не знаю, как в ком, а во мне подобное явление пробуждает только чувство сожаления. Одаренный от природы достаточным воображением, я в состоянии представить себе довольно живо ту досаду, которая должна накипать в будочнике при мысли о том, что вот народ божий и идет, и едет, куда кому надобно, и руками болтает, и вообще держит себя более или менее непринужденно, и

один он, злосчастный будочник, не имеет права ни гулять, ни руками болтать, а должен стоять смирно и держать в руках алебарду. Я понимаю, что высовывание языка означает здесь вовсе не обиду мне, проходящему и ничем не обидевшему его лицу, а просто ропот самодеятельной души на всесильную судьбу. Я воображаю и понимаю все это, и за всем тем все-таки отворачиваюсь — так противен для меня желтый, распухший, покрытый слизью будочнический язык.

Но это чувство гадливости принимает во мне совсем иные размеры, когда я вижу, что роль будочника добровольно берет на себя человек, которого никто не заставляет быть будочником, когда этот мрачный будочник-самозванец до того входит в свою роль, что сам себя приковывает к своей будке, сам по этому случаю приходит в озлобление и начинает высовывать язык всему, что не приурочило себя к будке, что чувствует себя настолько свободным, насколько это возможно в благоустроенном государстве. Приходя мало по малу в какой-то хладно-остервенелый энтузиазм, будочник-самозванец высовывает язык не только настоящему, но высовывает его прошедшему, высовывает будущему... нет той области, которая могла бы освободиться от этого высовыванья, нет той человеческой души, в которой ужасный будочник не замыслил бы сделать полицейский обыск. Какое чувство может возбудить подобное явление, не знаю, как в ком, а во мне оно производит омерзение...

Новый 1863 год внес и новый элемент, новые привычки в русскую литературу: элемент полицейский, привычки будочничества. Как и следовало ожидать, первый пример подала Москва-золотые маковки, устроившая очень ходко два частных дома, из которых литературное будочничество отпускается оптом и в розницу за весьма дешевую цену; за нею поспешил последовать и Петербург, в котором также появилось несколько будок, но это будки скверные, презренные, о которых не стоит и говорить, потому что торговля в них производящаяся едва-едва дает на хлеб будочникам. Петербургские литературные будочники ходят в сермягах и высовывают язык собственно в подражание тем нищим, которые показывают прохожим изуродованные руки и ноги, чтобы возбудить отвращение и выманить копеечку.

Все эти литераторы-будочники защищают какие-то принципы, приносят себя кому-то в жертву, перед кем-то изъясняются в любви. То пустятся в глумление, то зальются лаем против мнимых врагов, то начнут сантиментальничать с мнимыми союзниками. Но как ни усиливаются они возвыситься до ругательного лиризма, как ни стараются умягчить свои сердца до лести даже тому, что в действительности составляет предмет их ненависти, однако и сквозь лай, и сквозь сантиментальничанье все-таки сочится одна нота — нота пошлого, напускного глумления. Это единственно естественная форма для выражения всех их мыслей и чувствований; на ней они должны и остановиться.

Но будем говорить серьезно, господа будочники. Вы охотно производите обыск и в душах людей вам не единомысленных, позвольте же произвести обыск и в ваших душах. Нет сомнения, что вы защищаете принцип справедливый (кто же имеет право усумниться в этом?), но как вы это делаете? Вы делаете это самым неловким, самым враждебным для принципа образом. Прежде всего вы полагаете, что здесь достаточно одной злобы, но ведь сплошная злоба не убеждает, а напротив того, производит одно отвращение. И еще вы прибегаете к хвастовству, но и хвастовство разве убедительно?... и какое хвастовство, какое гнусное, подкаретное хвастовство. Когда читаешь эти злобно-бестыже-хвастливые выходки, делается стыдно за вас, делается страшно за то дело, которого защиту вы

приняли на себя. Что такое? что такое? спрашиваешь себя в изумлении, и невольно приходишь к заключению, что вы первые враги того дела, что вы намеренно взялись за него, чтобы подкопаться и обесчестить...

«Вот тебе и «братцы, братцы, поцелуйтесь»! Вот тебе и «божественная Оливинска»! И ништо!» восклицает такой-то веселый будочник. «Моя личность наводит панический страх», повествует другой будочник характера мрачного. По поводу чего вы-то расплевались? Рады вы, что ли, тому, что льется человеческая кровь? Подписчиков, что ли, вам это прибавляет?

Есть люди, которые даже к великим событиям и великим принципам не могут относиться иначе, как с точки зрения своих маленьких, карманных интересов. Это мошки, которые роями вьются около живого организма, чтобы напитаться кровью. Они изо всех сил жужжат, что поражают врагов живого организма, но в сущности поражают лишь самый организм. Это глашатаи ненависти, это сеятели междоусобий, это люди, которых должно остерегаться, ибо с помощью их никогда никакое дело покончено быть не может, ибо у них всегда наготове какая-нибудь застарелая вражда, какой-нибудь давно забытый, но не разъясненный счет.

Усердные пропагандисты стачек, всегда готовые на всякого рода соглашения с тем, что обещает им выгоду, эти люди не понимают только одного рода стачки — стачки с добром.

Это целый особый мир. Как смотрят эти люди на свет божий? какие у них знакомые? питаются ли они хлебом и мясом, или пожирают мышьяк? Пьют ли они вино и воду, или безвредно утоляют жажду синильною кислотой? Все это вопросы любопытные, которых разрешение сделало бы честь любому естествоиспытателю».

Не меньшей интерес, чем только что рассмотренные публицистические статьи Салтыкова, представляют его рецензии. Из них наиболее значительной является огромная, в целый печатный лист, рецензия на повести Кохановской. В ней Салтыков затрагивает очень важный вопрос об отношении к народу «интеллигентного меньшинства», высказывая свое мнение и о назначении культурного человека вообще, и о том, в чем должен заключаться истинный смысл жизни. «Если мы действительно сочувствуем народным массам,— заявляет он здесь,— мы должны брать их так, как они есть, мы должны принять за исходный уровень нашей деятельности тот нравственный и умственный уровень, на котором они стоят, и из него уж отправляться дальше. Наша роль — роль пропагандистов-образователей, но ведь понятно, что прежде чем приняться за пропаганду, надо изучить, понять и почувствовать ту почву, на которую имеет пасть наша пропаганда. Иначе народные массы отвернутся от нас, и вся наша деятельность, как бы ни была она разумна, исчезнет в пустоте. Итак, источник сочувствия к народной массе, с ее даже темными сторонами, заключается отнюдь не в признании ее абсолютной непогрешимости и нормальности (как это допускается славянофилами), а в том, что она составляет конечную цель истории, что в ней одной заключается все будущее благо, что она и в настоящем заключает в себе единственный базис, помимо которого никакая человеческая деятельность немыслима».

Характерно, что вопрос о народе затрагивается Салтыковым и в ряде других новонайденных рецензий. Так в рецензии на «Сказание о том, что есть и что была Россия, кто в ней царствовал и что она происходила» кн. Львова Салтыков высмеивает тех авторов книг для народа, которые считают нужным говорить с ним каким-то искусственным псевдонародным языком и развивать воззрения «положительно чуждые и народной мысли и кровной народной нужде». Из дальнейшего следует, что к такого рода воззрениям Салтыков относит сугубо-националистические и ура-патриотические тенденции Львова и подобных ему писателей для народа.

С особым интересом подходишь к рецензии Салтыкова на выпущенную присяжным публицистом либеральных «Отечественных Записок» С. С. Громекой брошюру «Киев-

«ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ БУЕРАКИН»

— Ну, а кроме шуток, отчего вы не служите?

— А позвольте вас спросить, почему вы так смело полагаете, что я не служу?

— Да потому, что не служите, вот и все.

— А в таком случае позвольте доказать совершенно противное. Во-первых, я каждый месяц посылаю становому четыре воза сена, две четверти овса и куль муки — следовательно служу; во-вторых, я ежегодно жертвую 10 целковых на покупку учебных пособий для уездного училища — следовательно служу; в-третьих, я ежегодно кормлю крутогорское начальство, когда оно благоволит заезжать ко мне по случаю ревизии, — следовательно служу»...

Рисунок П. Анненского к «Губернским очеркам» из «Сына Отечества» 1857 г.

ские волнения в 1855 году». Однако она несколько обманывает наши ожидания, потому что в ней не выявлено вполне определенного отношения ни к киевским волнениям 1855 года, ни к тем несравненно более близким по времени волнениям, которыми обездоленные крестьянские массы ответили на пресловутую крестьянскую реформу 1861 года. Не выявлено, по всей вероятности, потому, что более щекотливой в цензурном отношении темы, чем данная тема, в 1863 г., когда ожидали всеобщего крестьянского восстания, и представить себе было невозможно. Если бы Салтыков имел цензурную возможность высказывать все, что он думал о злободневнейшем вопросе современности, его рецензия была бы одним из наиболее значительных его произведений этих лет...

Тем не менее и в настоящем своем виде она полна интереса, так как в ней доказано с предельной убедительностью, что полагаться на объяснение причин киевских волнений, даваемое автором брошюры, принимавшим деятельное участие в их усмирении, отнюдь не следует. Не забудем, что эти волнения ставят обычно в связь с опубликованием высочайшего манифеста о всеобщем ополчении. Приняв этот манифест за поголовный вызов участвовать в обороне государства, крепостные крестьяне начали массами записываться на военную службу в убеждении, что тем самым приобретут права свободных казаков, т. е. перестанут быть крепостными. Подробно описывая ход волнений, автор брошюры всячески подчеркивал, что крестьяне все время действовали как патриоты, беззаветно преданные белому царю. Одна из глав его брошюры посвящена рассказу о том, как был заарестован крестьянами и представлен властям студент, вздумавший возмущать их против царя. Салтыков разумеется смотрел на вопрос совершенно иначе, но выразить свой взгляд, повторяем, не имел цензурной возможности. Единственный путь, который ему оставался при данных условиях, это подорвать доверие к мнению Громеки. Этот путь он и избрал.

Киевские волнения в 1855 году. С. С. Громека С.-Петербург, 1863

С. Громека принимал личное участие в усмирении крестьянских волнений, бывших в 1855 году в Киевской губернии, и потому рассказ его об

этом деле не лишен интереса. Как очевидец происшествия он имел возможность изобразить его со всеми разнообразными подробностями, или, по крайней мере, с теми внешними признаками истины, которые прежде всего бросаются в глаза. Но современники-очевидцы, в особенности же современники-участники, редко бывают прозорливыми историками; доля их собственного интереса в деле слишком значительна, чтобы не повлиять на их отношения к описываемому происшествию и не кинуть на них тень подозрения в пристрастии. Положим, что подозрение это будет и несправедливо, но дело совсем не в том, справедливо оно или несправедливо, а в том, что оно совершенно естественно возникает в уме читателя, который видит в рассказчике не просто рассказчика, но и действующее лицо, которого действия, наравне с прочими подробностями происшествия, подлежат критике и суду. А потому по большей части бывает так, что очевидцы благоразумно уклоняются от роли историков и довольствуются более скромною ролью летописцев, т. е. простых собирателей фактов, которые, впоследствии, должны составить достояние истории. К сожалению, г. Громека увлекается своим предметом более, нежели приличествует летописцу; он не просто записывает внешние признаки факта, а усиливается проникнуть в его внутренний смысл, не довольствуется рассказом о мерах, которые был предприняты для того, чтобы прекратить волнения, а относится к ним критически: одно хвалит, другое порицает. Понятно, что при этих похвалах и порицаниях на первом плане стоит его собственная личность: он сделал то-то, отвечал то-то, написал то-то. Понятно также, что, по законам общечеловеческой слабости, г. Громека не мог явиться своим собственным карателем, и что, в силу этой снисходительности, все совершенное собственно им является и уместным, и своевременным, и предусмотрительным, все же, сделанное без его участия, носит на себе характер бесполезности, нерасчетливости и во всяком случае могло бы быть сделано лучше, еслиб он, г. Громека, был тут. Так например, вице-губернатор В—н, по рассказу г. Громеки, отличается лишь легкомыслием и неосновательностью суждений; генерал-майор Б—в «чинит телесное наказание», и, к сожалению, г. Громека приезжает на место уже тогда, когда нельзя предотвратить горестных последствий такого административного действия; полковник А—в, хотя и не чинит телесных наказаний, но зато и не прекращает волнений, а только замазывает дело. Только главный начальник края да генерал-адъютант Я—ч пользуются сочувствием г. Громеки, но и то потому, что внимают его советам. Одним словом, г. Громека, будучи весьма строг к своим товарищам по усмирению, в то же время очень снисходителен к самому себе; эта нескромность значительно уменьшает интерес, представляемый его книжкой, и даже делает чтение ее не совсем приятным.

По сознанию автора, брошюра его издана с целью дать возможность читателю «почерпнуть кой-какие сведения о политических воззрениях, инстинктах и желаниях южно-русского народа». Цель тем более похвальная, что есть множество таких читателей, которые совершенно отказывают простому народу в способности заявлять какие-либо политические воззрения. Убедить таких читателей, что простой народ совсем не настолько погружен в материальные интересы, чтоб из-за них не видет интересов высших,— дело хотя и трудное, но в то же время и очень завидное. Посмотрим же, выполнил ли и каким образом выполнил г. Громека свою задачу.

Повидимому, разрешение такого рода задачи достигается очень просто: обращением к источникам, из которых вышел факт, раскрытием истории постепенного его развития и созревания и, наконец, рассказом самого факта со всеми его подробностями. Тогда, без излишних мудрствований, дело объ-

яснится само собою. Но в том-то и штука, что для лица, принимающего в деле непосредственное участие, такого рода приемы не только трудны, но и положительно невозможны. Он практик в полном смысле этого слова, и принимаемое им на себя звание историка ни в каком случае не может изгладить тех черт действующего лица, которые составляют всю основу его деятельности; как практик, он прежде всего имеет в виду успех и практические последствия своих действий, и в силу этого начинает совсем не с разыскания истины (до разысканий ли тут! разыскивать будем после! говорится обыкновенно в таких случаях), а напротив того, сам приносит на место уже совсем готовый и даже очень определенный взгляд на причины, породившие факт. Эти причины, смотря по большей или меньшей степени мягкосердечия действующего лица, принимают характер мягкий или суровый, и сообразно с этим определяются и способы к устранению причин — тоже мягкие или суровые. Так например, можно приступить к факту с наперед заданною мыслью, что он есть плод простого недоразумения, и можно приступить с намерением видеть в нем порождение опасного буйства и преступного упорства. Можно даже дойти в этом случае до самых больших тонкостей: до различения между преступностью благонамеренною и преступностью неблагонамеренною. Само собой разумеется, что здесь возможность построения теорий тем легче, чем доступнее возможность упразднения их. Если, например, действующее лицо, задавшееся, положим, хоть мыслью о так называемых заблуждениях и недоразумениях и сообразно с этим расположившее свой план кампании, убеждается, что план этот не приводит к желаемому результату, то ничто не препятствует ему перейти к другой мысли — например, к мысли о преднамеренном упорстве, и сообразно с ним начертать новый план кампании. Здесь практический успех или неуспех — вот единственный критериум, который указывает на годность или негодность предвзятой теории, но указывает опять-таки в сфере исключительно практической, а отнюдь не в отношении к абсолютной правде, которая так и остается нетронутою. Короче сказать, здесь теория является совсем не как объяснение истины, а просто как средство к удовлетворению известной потребности человеческого духа, потребности очень беспокойной, в силу которой человек ни на минуту не может остаться без того, чтоб не стремиться к осмыслению своих отношений к факту, хотя бы это осмысление было и совершенно произвольное. Исполнители скромные и не разумеющие себя бог весть какими философами и политиками так именно и взирают на свои теории, как на вещь очень гадательную, и успех или неуспех свой объясняют исключительно действительностью или недействительностью предпринятых мер и искусством или неискусством, обнаруженным в их употреблении; напротив того, исполнители нескромные и мнящие себя урожденными философами не только самих себя уверяют в своей непогрешимости, но и других стремятся поставить на ту точку зрения, на которой стоят сами. Успех только укрепляет их в таком убеждении, дает им повод к беспрестанным ссылкам и к построению целой системы доказательств. Таких философов, кои стремятся проникнуть в таинства природы, а не ограничиваются одним ее созерцанием, очень много, и множество их равняется только множеству и разнообразию их философических попыток. Понятно, какая «рогатая штука» (выражение г. Громеки) может вылиться из этого философического разнообразия.

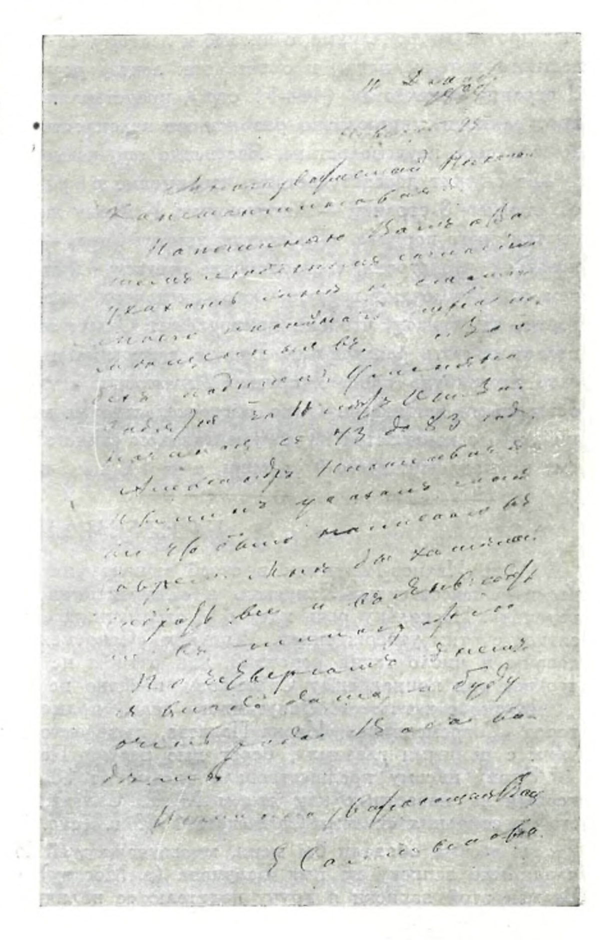
Вот почему мы позволяем себе думать, что все рассуждения, которые высказывает г. Громека о причинах, породивших киевские волнения 1855 года, суть рассуждения очень мало убедительные; что они даже повредили его брошюре в том отношении, что породили в читателе сомнение относительно правильной постановки самих рассказываемых фактов.

Например, г. Громека, как очевидец, утверждает, что волнения эти сами по себе имели значение, заслуживающее даже поощрения, и что тот прискорбный характер, который они с самого начала приняли, и тот еще более печальный исход, который получили впоследствии, объясняется отчасти недоразумениями, сопровождавшими обнародование манифеста 1855 года, призывавшего всех русских подданных «с железом в руке и с крестом в сердце» ополчиться за отечество, отчасти же южно-русским простодушием. Следовательно, если тут и есть преступность, то, по свидетельству автора, она заключается не в намерениях, а лишь в тех наружных действиях, в которых эти намерения проявились. Напротив того, полковник А—в, тоже очевидец, «приписывает главную причину волнений озлоблению крестьян противу экономических властей, дело же об указе и казачестве считает побочным и не более как предлогом» (стр. 14). Тут, стало быть, преступность является уже не в одних наружных действиях, но и в самых намерениях, следовательно и степень ее значительно усугубляется. Вот два мнения и оба принадлежат очевидцам. Г. Громека, быть может, скажет: мое мнение оправдывается успехом; но и г. А—в может сказать, что он также действовал вполне успешно и прекратил волнения, возникшие в Каневском уезде, очень скоро и при том одними «благоразумными» мерами. На это г. Громека, конечно, опять скажет: «вы не прекратили волнений, а только замазали дело»; но кто же может поручиться, что и г. А—в в свою очередь не ответит ему: «а вы разве прекратили что-нибудь? а вы разве не замазали?» Кто разрешит эту прю? кто скажет, кто прав и кто виноват? Конечно, все это, впоследствии, разрешат и расскажут нам знаменитые историографы наши, гг. Соловьев и Иловайский, но отнюдь не гг. Громека и А—в, потому что эти последние совсем не историки, а простые исполнители начальственных предписаний.

Оканчивая свою брошюру, г. Громека заключает: «хорош ли факт или дурен, но он состоит в том, что украинский народ предан русскому царю и не хочет ни английских, ни французских, ни иных каких-либо царей». С этим, разумеется, невозможно не согласиться, но здесь невольно рождается вопрос, для кого писана брошюра г. Громеки? кто сомневался когда-нибудь, что украинский народ хочет английских, французских и еще каких-то «иных» царей? Судя по тому, что брошюра написана по-русски, надобно думать, что она предназначается для русских же, которые, конечно, ни тени сомнения в этом смысле ни на минуту допустить не могут. Если же брошюра написана для таких людей, для которых Украйна составляет неизвестную землю (таковыми представляются все иностранные публицисты), то ведь этих людей ничем не убедишь: у них тоже имеются на этот счет свои теории, в которых желания украинского народа играют ту самую роль, какую на сцене играют гости и пейзане.

В рецензиях Салтыкова на стихотворения Каролины Павловой (№ 6) и Фета (№ 9) речь идет о вопросах уже не социально-политического, а литературного порядка. В них рецензент, в связи с оценкой рассматриваемых им произведений, высказывает свой взгляд на поэзию и на миссию поэта в условиях переживаемого исторического момента. Нечего и говорить, что к «мотыльковой» поэзии Королины Павловой Салтыков беспощадно суров. «Вся эта поэзия,— говорит он,— есть не что иное, как стихотворное применение приятных манер к случайно встречающимся на пути предметам... Главный мотив этой поэзии заключается в том, что все в природе не столько премудро, сколько прекрасно...»

Более благоприятен отзыв Салтыкова о Фете. Не отрицая в последнем поэтического дарования, рецензент однако подчеркивает, что «мир, поэтическому воспроизведению которого посвятил себя г. Фет, довольно тесен, однообразен и ограничен... Это мир не-

АВТОГРАФ ПИСЬМА Е. А. САЛТЫКОВОЙ К Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ ОТ 10 ДЕКАБРЯ 1889 г. С ПРОСЬБОЙ СООБЩИТЬ АНОНИМНЫЕ СТАТЬИ ЩЕДРИНА В «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСКАХ»

Институт Русской Литературы, Ленинград

определенных мечтаний и неясных ощущений... Слабое присутствие сознания составляет отличительный признак этого полудетского миросозерцания...»

Даже тот в высшей степени беглый обзор содержания статей и рецензий Салтыкова 1863 г., пропущенных в «пыпинском списке», который мы сделали, с достаточной убедительностью свидетельствует о бесспорной ценности и значительности некоторых из них. Немаловажным, с другой стороны, является и тот факт, что «Письма отца к сыну» оказались вовсе не салтыковским произведением, так как эти «Письма» не только не вплели бы новых лавров в венок Салтыкова, но и поставили бы в немалое затруднение его комментаторов, которым пришлось бы взять на себя неблагодарную задачу—объяснить, как мог Салтыков написать столь слабую в литературном отношении вещь. Затем из приведенных выше данных вытекает, что в «Анекдоте об Юркевиче» Салтыкову принадлежит всего 6 страниц, а «остальные» 8 страниц написаны Антоновичем. Какая часть этой статьи представляет салтыковский текст, а какая антоновичевский? Ответить на это вполне определенно я не рискую, предоставляя решение этой задачи салтыковистам-текстологам. Однако некоторые предположения все же считаю позволительным для себя высказать. Выражение Салтыкова в письме-счете от 26 апреля 1863 г. «за остальные 8 стр. следует получить Антоновичу» дает некоторое, конечно не абсолютное, основание думать, что салтыковский текст предшествовал тексту Антоновича, так как слово «остальной» нередко приобретает смысл «последующий» — такой, который остается после чего-нибудь. Если с этой именно точки зрения мы подойдем к статье, то окажется, что первые 6 страниц (стр. 37—43) представляют собой связное целое, говоря о публичных лекциях проф. Юркевича в Москве, направлен-

ных против материализма, о письме к лектору, содержавшему угрозу освистать его «неизвестного материалиста», и о том, как лектор реагировал на это письмо[16]. «Остальные» 8 страниц «анекдота» (44—51 стр.), представляя, в свою очередь, связное целое, очень пространно и многословно разъясняют законность свиста как средства публично высказывать свое неудовольствие. Явственно ощущаемое разделение «анекдота» на две части может служит доказательством, что именно первые 6 страниц писаны Салтыковым, а остальные» 8 страниц — Антоновичем. К этому же выводу склоняют и соображения стилистического порядка. «По когтям узнают льва» — едва ли возможно, думается нам, сомневаться, что строки, составляющие средину 43 стр., принадлежат Салтыкову[17], а между тем они заключают первую часть «анекдота», т. е. те самые 6 страниц, относительно которых мы думаем, что они принадлежат Салтыкову. Тем не менее все эти соображения нельзя считать решающими. Вполне допустима и иная точка зрения. Статью мог написать кто-нибудь один, например Антонович, а другой, скажем Салтыков, дополнил ее обширными вставками. Одно обстоятельство не может возбуждать ни малейших сомнений, ибо основывается на документальном свидетельстве самого Салтыкова: в «анекдоте» ему принадлежит всего 6 страниц, а не 14, как ошибочно указано в «пыпинском списке».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Р. В. Иванов-Разумник в своей монографии о Салтыкове высказал уверенность, что в «Отечественных Записках» и «Современнике» Салтыков напечатал много десятков рецензий. Поскольку речь идет о «Современнике», мы никоим образом не можем согласиться с этим утверждением. Рецензии «Современника» 1847 г. нами тщательно обследованы и число таких рецензий, чьи авторы не установлены, очень невелико. Думать, что все они принадлежат Салтыкову, конечно не приходится.

[2] Наличие в тексте «Запутанного дела» прямого выпада против одного из редакторов «Современника», Ивана Панаева, выведенного под именем Вани Мараева, «мужчины с пьяными глазами», берет всю версию Панаевой под сильнейшее сомнение.

[3] Этому письму предшествовало письмо от 18 декабря 1862 г., которое и является первым из известных нам писем М. Е. Салтыкова к И. А. Панаеву. Перепечатываем его из собрания «писем» Салтыкова 1925 г. (стр. 32):

«Вы весьма обязали бы меня, многоуважаемый Ипполит Александрович, если б прислали мне записку на имя Базунова (в Москву) о выдаче А. М. Унковскому 102 р. Взамен этой записки я вручу подателю ее наличные деньги, в таком же количестве.

18 Декабря Весь Ваш М. Салтыков

[4] Эта статья за подписью ее автора была напечатана в двойном январско-февральском номере «Современника» 1863 г. (стр. 389—413).

[5] Т. е. Николаю Алексеевичу Некрасову.

[6] В 1863 г. Некрасов в целях распространения своих стихов в крестьянской среде стал печатать их в особых «Красных книжках», снабжая ими книгонош-коробейников.

[7] Это и два следующих письма уже приводились нами в печати (в статье «Практичность Некрасова в освещении цифровых и документальных данных», «Вестник Европы» 1915 г., № 4).

[8] Повесть Николая Дружинина «Люба» была помещена в № 2 «Современника» за 1863 г.

[9] Это письмо напечатано в собрании «Писем» Салтыкова 1925 г. под № 30.

[10] За публицистические статьи и рецензии в № 1—2 «Современника» 1863 г. Салтыков, как это явствует из приведенных выше документов, получал по 75 руб. за лист; с номера же 3 за все статьи, независимо от их характера, получал уже по 100 руб. за лист.

[11] Авторство Антоновича устанавливается нами на основании целого ряда соображений, которые однако мы считаем излишним приводить здесь, так как вопрос этот не имеет непосредственного отношения к предмету настоящей статьи.

[12] См. предыдущее примечание.

[13—14] Обе названные статьи частично изложены в моей книге «Очерки по истории социалистической журналистики в России» (стр. 105—106).

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА В «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСКАХ»

«НАСУЩНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ»

Статья С. Борщевского

ЩЕДРИН О «ВРЕДНОМ НАПРАВЛЕНИИ» В ЛИТЕРАТУРЕ

«Насущные потребности литературы» были написаны в связи с выходом в свет книги анонимного автора, озаглавленной «Свобода речи, терпимость и наши законы о печати», и появились в октябрьском номере «Отечественных Записок» 1869 г. за подписью «С.». Документальных доказательств авторства Щедрина в отношении анализируемой нами статьи до сих пор не обнаружено. Что же касается литературных источников, то на принадлежность ее перу сатирика указывалось дважды: утвердительно, но без всякого обоснования — в редакционном примечании к одному из писем Салтыкова[1], и предположительно — В. Гиппиусом[2]. Таким образом мы имели дело только с догадками, что разумеется было недостаточно для того, чтобы ввести названную статью в литературный оборот.

В предлагаемом вниманию читателей разборе мы попытались осветить этот вопрос возможно обстоятельнее, применяя тот метод доказательства, которым пользовались раньше при установлении принадлежности Щедрину анонимных произведений, т. е. метод текстовых параллелей[3]. Попутно, не выходя из пределов основной темы нашей работы, мы подвергли рассмотрению некоторые проблемы литературного наследства Щедрина, имеющие значение для характеристики его мировоззрения.

I

В первой части исследуемой статьи автор разбирает те обвинения, которые в 60-х годах реакционная печать предъявляла революционно-демократической литературе, инспирируя правительственные кары. Свой анализ он предваряет таким общим замечанием: «торжествующая легковесность» не только подозрительно прислушивается к независимому слову, но и «в самом молчании начинает видеть протест и заподозревает «вредное направление».

Это утверждение тесно связано с тождественными высказываниями Щедрина.

Так в пятой главе «Итогов» (1871), вообще говоря близкой по основной теме к разбираемой статье, Щедрин среди других определений понятия «анархия», даваемых «уличным ареопагом», приводит следующее: «Попробуйте вовсе устраниться от всяких непосредственных требований и вопросов, и вы наверное услышите: это он не спроста помалчивает! Это он замышляет анархию!»

Ту же мысль высказывает Положилов в «Круглом годе» (глава «Первое декабря»), написанном десять лет спустя после «Насущных потребностей литературы».

«— Как еще на молчание-то посмотреть! — подает он многозначительную реплику рассказчику, усомнившемуся в том, следует ли ему продолжать литературную

работу.— Все говорил да говорил, и вдруг — молчок! с какою целью?»

Здесь пока речь идет только о «вредном направлении» в литературе. Но «заправская действительность» конца 70-х годов побудила сатирика обобщить смысл частной ситуации. Обобщение это легло в основание одного из самых замечательных художественных произведений Щедрина — «Убежище Монрепо».

В этом произведении бездействует «*герой*» *Щедрина* — «культурный человек среднего пошиба». Он бежал от столичной сутолоки и угнетающей неразберихи, чтобы запереться в своем полуразоренном поместьи и предаться «процессу умирания». Но «общественное мнение», официальная власть и служитель церкви — Разуваев, становой Грацианов и местный поп — не дают исполниться его желанию. Они донимают не ко времени воскресшего «лишнего человека» слежкой, судаченьем, неожиданными посещениями. «Я просто-напросто живу и ничего не делаю. Имею ли я право на это? В глазах закона я это право имею», недоуменно рассуждает «культурный человек». Однако Разуваев с помощью Грацианова и попа, в интересах своего «дела» отнимает у щедринского героя дарованное ему законом право безнаказанно бездельничать: он добивается продажи ему за бесценок бесхозяйственного поместья и лишает «культурного человека» последнего прибежища для невинных мечтаний... Размышляя о том, что дало повод «благонамеренным людям» окружить его недоверием, незадачливый мечтатель приходит к такому заключению: «Никто не мог ясно себе представить, зачем я живу, и вследствие этого многие думали и думают, что я злоумышляю...»

В этом по внешности простодушном замечании с предельным сарказмом выражена мысль, из которой мы исходили в нашем анализе. Но в «Убежище Монрепо» она получила углубленный смысл. От частного вопроса — преследование «вредного направления» в литературе — Щедрин пришел к выводу о «невозможности жить» в царской России и «благонамеренному», «ничего не делающему» человеку, если он неосмотрительно сдерживает свою «благонадежность» в пределах простого молчания.

Притязания «торжествующей легковесности» автор «Насущных потребностей литературы» формулирует далее следующим образом:

«Учение об авторитетах переворачивается вверх ногами: вопреки всем преданиям, не толпа идет за авторитетом литературы, но от литературы требуется, чтобы она шла слепо за авторитетом уличной недальновидности, колебаний и переменчивости».

Несколько раньше, в 1868 г., Щедрин это констатировал в статье «Литературное положение» («Признаки времени»): «С некоторых пор,— писал он,— наше общество до того развилось и умудрилось, что уже не оно руководится литературой, но, наоборот, литература находится у него под надзором».

То же самое утверждал сатирик и в «Письмах к тетеньке» (одиннадцатое письмо — 1882 г.): «...Везде, в целом мире,— писал он,— улица представляет собой только материал для литературы, а у нас, напротив, она господствует над литературой».

На вторжение «улицы» в литературу Щедрин указывал и в самом начале 60-х годов («Сатиры в прозе» — «К читателю», 1862 г.). Изображая «умственный маскарад» в Глупове, «где нынче так сладко свищут соловьи-либералы», он писал:

«Литературная нива обмирщилась, литературная нива сделалась простым выгоном, на котором властительно выступают Ноздревы, Чертопхановы и Пеночкины. Ноздрев! ты ли это, mon cher? Если это ты, то почему ты смотришь таким Лафайэтом? Или. по местным обстоятельствам, тебе выгоднее быть Лафайэтом, нежели прежним сорвиголовой Ноздревым?»

В 80-х годах («Письма к тетеньке») Щедрин вывел Ноздрева в роли редактора большой столичной газеты охранительного направления. Как достиг Ноздрев такого положения? «Штука в том,— говорит Щедрин,— что ему посчастливилось сделать какой-то удивительно удачный донос, который сначала обратил на себя внимание охранительной русской прессы, а потом дальше да шире...» «Ноздрева провела в литературу улица...»

ИЛЛЮСТРАЦИЯ А. САМОХВАЛОВА К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ИЗДАНИЮ «ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА», ПОДГОТОВЛЯЕМОМУ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «ACADEMIA», 1934 г.

Вот именно эту «улицу» имеет в виду сатирик, когда вслед за рассказом о «возвышении» Ноздрева с горечью констатирует ее господство над литературой. Щедрин не оспаривает права «улицы» на свою литературу. «Несомненно,— говорит он,— что вторжение в литературу ноздревского элемента не составляет для меня загадки, и я могу довольно обстоятельно объяснить себе, что в этом факте нет ничего ни произвольного, ни неожиданного».

Но если Щедрин признает, что «улица имеет право на существование» и печать, охраняющую ее интересы, то почему же он восстает против господства этой «улицы» над литературой? Да потому, что защищает право другой социальной силы на свою литературу! Смешно претендовать на то, что «улица» владеет своей печатью и распоряжается ею по усмотрению. Но совсем не смешно, когда эта «улица» через охранительную прессу травит литературу социальных низов, близких Щедрину, и при помощи государственного принуждения властвует над ней с кнутом в руках!

Именно это имел в виду Щедрин, когда вслед за указанием на господство «улицы» над литературой писал: «Во всех видах господствует: и в виде частной инсинуации, частного насилия, и в виде непререкаемо-возбраняющей силы».

Перед таким господством охранительной «улицы» над литературой Щедрин отступить не хотел и не мог, хотя «олимпическое величие теории» и побуждало его признать, что в данных условиях «должна (подчеркнуто Щедриным) господствовать публицистика подсиживанья, сыска и клеветы». Сатирик оставил за собой право не только констатировать факты, но и разъяснять их, и в первую очередь показать, чьими интересами продиктованы принципы охранения, кого они защищают и кто подрывает их в действительности, провозглашая незыблемыми навеки.

Итак из отчетливого различения Щедриным в современной ему общественной действительности окрепшей «улицы» и нарождающейся новой социальной силы, которая «в смысле политическом и историческом считалась не имеющей рода и племени»[4], и двух классово враждебных литератур — дворянско-буржуазной и революционно-демократической — вытекает его требование, чтобы охранительная «улица» была «только материалом для литературы», а не господствовала над

ней. В этом требовании, сопровождаемом полемической ссылкой на «целый мир» выражалось стремление — под прикрытием лозунга о защите интересов всей русской литературы — отстоять свою независимость и право на охрану интересов угнетенных масс.

II

Сформулировав основные притязания «торжествующей легковесности», автор «Насущных потребностей литературы» дает следующую концентрированную характеристику «авторитетной слепоты», которой поражены алармисты и обскуранты:

«Идя ощупью, слепо доверяясь одним внешним признаком фактов, они не могут обладать ни критериумом, при помощи которого раскрывалась бы внутренняя сущность явлений, ни возможностью делать из своих наблюдений действительно полезные и прочные применения. Истины, которые им известны, суть истины, добытые путем эмпирическим, истины бессодержательные, лишенные действительной достоверности и потому неприложимые ни к какому явлению сколько-нибудь сложному. Голая и грубая конкретность, наружный вид вещей, — вот материал для великого множества афоризмов, наполняющих сокровищницу практической мудрости».

Те же определения «ползучего эмпиризма», сделанные в аналогичной связи, с характерными текстуальными совпадениями, мы находим в ряде произведений Щедрина. Так в «Признаках времени» («Самодовольная современность», 1871 г.) сатирик писал:

«Первое и главное основание, на которое... опирается ограниченность, заключается в конкретности фактов, служащих для нее отправным пунктом... В чем же тут ошибка? Да в том именно, что конкретность фактов, подобных упомянутым выше [«Я счастлив, потому что не спорю с небесами»; «я счастлив, потому что не делаю набегов в область неизвестного»; «я доволен, потому что страдание и бедность, как общий вопрос, не смущают меня»], присуща только им самим и ни для каких обобщений повода не дает».

За этим следует одно из обобщений самодовольной ограниченности, основанное на уже упоминавшемся «споре с небесами». Щедрин имеет здесь в виду Парижскую коммуну, поражение которой приветствовалось почти всей русской прессой.

«Опираясь на неуспех недавней «борьбы с небом», она, с свойственной всякой азбучности манерой цепляться за одни внешние признаки факта, прямо приписывает его спорам и несогласиям, присущим борьбе».

В пятой главе «Итогов» (1871) эта мысль выражена в сжатой формулировке, опять-таки целиком совпадающей с анализируемым текстом:

«Толпа обобщает с трудом, — читаем мы там. — Ей вразумительна лишь истина, основанная на грубейшем эмпиризме».

Определив типичные черты мышления «заурядного человека» как пресмыкательство перед единичными фактами и неумение объяснить их, наш автор последовательно анализирует его отношение к внешним переменам:

«Отсюда, — говорит он, — та горькая необходимость, которая заставляет неразвитого человека останавливаться в недоумении перед всяким новым явлением и заменять доказательства и выводы произвольными догадками и подозрениями; отсюда — сбивчивость и расплывчатость определений; отсюда, наконец, невозможность овладеть сущностью факта и произнести ему верную оценку. Слепота, нерешительность и страх неизвестного — вот неизбежные спутники умственной неразвитости. Но не голая слепота, а слепота авторитетная».

Некоторые положения комментируемого отрывка воспроизведены в первой главе «Итогов», посвященной саркастической оценке «мундирного возрождения» — пореформенного периода. Здесь Щедрин как-раз подробно останавливается на претензиях, предъявляемых людям, которые «проходят молчанием» «мундирные реформы». Молчание это выводит из себя и ретроградов, и либералов. «Какой из двух мундиров лучше?» настойчиво допытываются они, имея в виду упраздненное крепостное право и сменившее его

«возрождение». На допросы следует односложный ответ: «Оба лучше». Тогда на первый план выступает обвинение в какой-то «доктрине», и начинаются лихорадочные поиски ее. Но «вещественных признаков, с помощью которых должно было бы определить искомую доктрину, нет; руководящей нити, которая дала бы возможность отыскать эти признаки,— тоже нет... И таким образом с полной ясностью выступает только одно — это чувство ненависти, которое всецело охватывает помыслы собирателя и которое заявляет о себе преувеличенными и совершенно произвольными заключениями».

Тревогу охранителей, усугубляемую неспособностью дать себе ясный отчет в терзающих их опасениях, Щедрин подчеркивает и в «Признаках времени» («Литературное положение», 1868 г.).

«Ежели они и подозревают,— читаем мы там,— что в движении мысли скрывается нечто для них зловредное, то подозревают это смутно; формулировать же... свои опасения не могут».

Приведенными высказываниями Щедрина еще не воссоздается однако полностью характеристика «заурядного человека», обрисованная в комментируемом отрывке. Существенные дополнения к ним содержатся в «Благонамеренных речах» (очерк «Охранители», 1874 г.).

«На стороне пошлости,— указывает там сатирик,— привычка, боязнь неизвестности, отсутствие знания, недостаток отваги. Все, что отдает человека в жертву темным силам, все это предлагает ей союз свой. Заручившись этими пособниками и имея наготове свой собственный жизненный кодекс, она до такой степени насыщает атмосферу его миазмами, что вдыхание этих последних становится обязательным... И ежели она встречает отказ и сомнение, то это нимало не заставляет ее вдуматься в свои требования...»

«Боязнь неизвестности, отсутствие знания, недостаток отваги» соответствует «слепоте, нерешительности и страху неизвестного» в комментируемом отрывке. О «страхах, составляющих неизбежную принадлежность невежественного и бессознательного отношения к вещам», и в частности о «страхе неизвестности», который внушает «уличным кумушкам» слово «ломать», говорит Щедрин и в пятой главе «Итогов». Этот же мотив звучит в приведенной выше декларации самодовольной ограниченности: «Я счастлив, потому что не делаю набегов в область неизвестного». Наконец в статье «Один из деятелей русской мысли» (1870), посвященной Грановскому, Щедрин выделяет боязнь «условий неизвестности», страх перед будущим как наиболее характерное переживание представителей «кастической», дворянской среды [5].

Для полноты разбора комментируемого отрывка необходимо еще остановиться на афористически-сжатом и ярком определении воинственности темного, невежественного человека, выраженном в словах «авторитетная слепота». В цитированных текстах Щедрина этому определению соответствуют указания на непререкаемость и обязательность нелепых суждений «улицы».

Автор рассматриваемой статьи однако не ограничивается простым указанием на обязательность суждений «заурядного человека». Он особо подчеркивает то, что̀ придает этим суждениям силу приговора. «И вот эти-то люди, эти слепорожденные,— говорит он,— которые шагу не могут сделать в жизни, чтобы не запутаться, они-то именно и считают себя в праве предъявлять претензию, чтобы литература была не чем иным, как бессознательным эхом их мнений и убеждений. С первого взгляда такого рода претензия может показаться странною, но увы! если мы вспомним, во-первых, что невежество до сих пор составляет компактную массу, на стороне которой находится материальная сила, во-вторых, что невежество, выработавши известные истины, в которых, по его мнению, заключается «прочное, живое и верное» жизни, инстинктивно все-таки понимает, что это «прочное» способно разлететься при первом прикосновении к нему анализа, и, в-третьих, что разрушение этого «прочного», в понятиях людей неразвитых и недальновидных, непременно сопрягается с мыслью об ущербе для их благополучия,— то для нас сделаются понятными и те уси-

лия, которые предпринимаются для умерщвления свободы слова, и те нетрудные успехи, которыми эти усилия обыкновенно сопровождаются.

...Изрекая свои приговоры, самонадеянная легковесность руководствуется не рассудком, а инстинктами... Ей достаточно... самодовольно перечесть по пальцам бессодержательную номенклатуру того «прочного, живого и верного», которое составляет содержание уличной мудрости, чтоб улица всплеснула руками от умиления...»

Из данной характеристики следует, что на ступень «авторитетной слепоты» невежество возводится материальной силой и бессознательностью масс, не отдающих себе отчета в своих действительных интересах. Опираясь на насилие и темноту угнетенных масс, навязывают свою волю «слепорожденные», охраняющие неприкосновенность того порядка вещей, на котором зиждется их благополучие.

С художественной проникновенностью, хотя и в аллегорической форме, эту мысль высказал Щедрин в очерке «Легковесные», где он впервые запечатлел типичные черты «дворянского сына» — Митрофана. Этот очерк предваряет таким образом начало нового произведения — «Господа ташкентцы», в котором, по характеристике М. Н. Покровского, сатирик «с гениальной меткостью создал... тип наиболее реакционной формы государственного насилия» [6]. В «Легковесных» Щедрин подвел первые итоги «мундирным реформам» 60-х годов и пришел к выводу, что «клоп забрал силу» — восторжествовала реакция под самодовольное курлыканье либеральных кастратов — «каплунов мысли», реформаторская деятельность которых выразилась в том, что они «с неслыханным трудолюбием... копались на всех задних дворах нашего отечества, отыскивая всевозможные нечистоты и полегоньку заглаживая и засыпая их песочком». Подвиги «дикого помещика», заявившего о себе уже в начале «великих реформ» и с особой разнузданностью — во второй половине 60-х годов, после каракозовского выстрела, сатирик рисует следующим образом:

«Я был однажды свидетелем редкого и потрясающего зрелища: я видел взбесившегося клопа. В ряду вонючих насекомых клоп почему-то пользуется у нас репутацией испытанной и никем не оспариваемой благонамеренности. Оттого ли, что нравы этого слепорожденного паразита недостаточно исследованы и, вследствие того, он живет окруженный ореолом таинственности, мешающей подступиться к нему, или оттого, что мы видим в нем нечто вроде олицетворения судьбы, обрекшей русского человека на покусыванье,— как бы то ни было, но клоп взбесился и никто из обывателей не только не обратил должного внимания на это обстоятельство, но, напротив того, всякий продолжал считать клопа другом дома. Можете себе представить, какую тьму народа перепортил этот негодный паразит... Он заползывал в тюфяки и перины беспечно спящих людей и нередко в течение одной ночи поражал ядом целые семейства. Десятки и сотни людей пропадали бесследно, а клоп все не унимался, все жалил и жалил... Повидимому, стоит только протянуть руку, чтобы сделать клопа навсегда безвредным, но оказывается, что это совсем не так легко... Есть какая-то темная сила, которая бдит над клопом и препятствует протянуть руку именно в ту самую минуту, когда он наиболее вреден. И вот вонючий, слепорожденный паразит становится действующим лицом, и никто против этого не протестует! Мало того: он впадает в неистовство... и ему рукоплещут!»

Это яркое, эмоционально насыщенное изображение «клоповной необузданности», бешеного разгула «дикого помещика», приближается к анализируемому отрывку не только по общей направленности мысли, но, что самое важное, почти текстуально совпадает с ним в моментах, придающих особую силу и своеобразие характеристике реакции: «темная сила» соответствует в данном контексте «материальной силе», «слепорожденный паразит» — «слепорожденным людям», соответствие есть и в том обстоятельстве, что в сравниваемых текстах толпа выражает «слепорожденным» шумное одобрение.

Перейдем теперь к другим положениям рассматриваемого отрывка. Наш автор указывает, что «разрушение... «прочного», в понятиях людей неразвитых и недальновидных, непременно сопрягается с мыслью об ущербе для их благополучия». В развернутом виде это положение выражено в статье «Один из деятелей русской

мысли» (1870), где Щедрин охарактеризовал типичные особенности идеологии помещичьей среды. Вот что он говорит там по данному вопросу:

«Каждый шаг вперед пугает ее... Не движение составляет ее интерес, а напротив того, охранение и застой... Чувство самосохранения хотя и не дальновидно, но очень верно подсказывало ей, что дремотность есть именно то состояние, которое наиболее соответствует ее выгодам»[7].

Здесь мы снова отмечаем не только общность взгляда, выразившуюся в одинаковой оценке мотивов охранения существующего порядка вещей, но и характерное текстуальное совпадение в указании на недальновидность охранителей. Что мы имеем дело не со случайным совпадением, видно из обоснования этого утверждения в очерке «Легковесные», где Щедрин подчеркивает бесплодность попыток охранителей «подвигами и насилиями» оттгородиться от «области неизвестного» и замкнуться в «хрупких рамках», обреченных на слом. Свое рассуждение он заключает следующими словами:

«Таким образом, преследуя мечтателей, мы сами оказываемся мечтателями сугубыми, и к тому же мечтателями недальновидными, грубыми и нелепыми!»

Но произведенный анализ позволяет сделать и более широкий вывод: насильственное утверждение застоя как гарантия нераздельного господства над закабаленными массами, страх перед будущим, внушаемый «слепорожденным паразитам» инстинктом самосохранения,— такова классовая сущность охранения «известных истин», в которых по понятиям толпы содержится «прочное, живое и верное». Формула «прочное, живое и верное» — это покров, сквозь который просвечивает оскал пасти обреченного, но еще полного сил хищника...

Эту формулу Щедрин подробно рассмотрел еще до напечатания «Насущных потребностей литературы» в критическом этюде «Уличная философия»[8], посвященном разбору «Обрыва», где Гончаров выдвинул ее в противовес «дерзкому отрицанию... небесных и земных авторитетов, старой жизни, старой науки, старых добродетелей и пороков», отрицанию, исходящему от «нивесть откуда взявшихся новых людей — без имени, без прошедшего, без истории, без прав». Затем в продолжение многих лет сатирик возвращался к «уличной философии» автора «Обрыва», нигде, впрочем, не называя это произведение. Здесь мы остановимся только на тех высказываниях Щедрина, которые относятся непосредственно к самой формуле «прочное, живое и верное».

Упоминание о ней содержится в пятой главе «Итогов» (1871), при чем Щедрин подчеркнул здесь ее главный элемент — «прочность», довольно ясно дав понять, что он имеет в виду «материальную силу», т. е. государственный аппарат угнетения. Прозрачный намек на глашатая «уличных истин» — Гончарова не оставляет сомнений в том, что сатирик метил именно в формулу, заимствованную из «Обрыва». Этот полемический выпад выражен так: «Прочность, о которой так много вопиют мудрецы и руководители улицы, приобретается лишь тогда, когда приказательный характер авторитета заменяется характером естественно-обязательным».

Несколько лет спустя Щедрин оттенил преклонение перед «прочностью» как основную черту молчалинства. В цикле «В среде умеренности и аккуратности» («Господа Молчалины», 1874 г.) он писал:

«Истинный Молчалин... должен понимать, что увлечения несвойственны солидным людям, что действительную прочность в сей юдоли плача имеет только полная бессодержательность, и что, следовательно, лишь между категориями сей последней должен колебаться его выбор».

Таким образом мы устанавливаем, что в своих позднейших высказываниях об «уличной философии» Щедрин варьировал тезис, выставленный в разбираемом отрывке: «бессодержательная номенклатура... «прочного, живого и верного»... составляет содержание уличной мудрости».

Последний раз Щедрин упомянул о «прочном, живом и верном» устами Глумова в «Круглом годе» («Вечерок», 1879 г.). «Все стоит твердо, верно, несомненно» — это очевидная перифраза формулы Гончарова, в которой Щедрин выявил присущий ей «приказательный характер» команды...

III

Не умея ясно формулировать подозрения, подсказанные инстинктом самосохранения, «слепорожденные люди» в своих обвинениях, предъявляемых литературе, выдвигают «не факты..., а «направление» — выражение в высшей степени растяжимое, способное вместить в себя всевозможные страхи, накопившиеся в груди каждого досужего алармиста... В глазах легковесности вся литература, за исключением тех ее органов, которые добровольно взяли на себя роль вместителей уличного праха, есть вертеп...»

Это высказывание автора «Насущных потребностей литературы» представляет большой интерес в том отношении, что оно протягивает нить к «проказам будущего» одного из самых характерных персонажей «помпадурского» цикла — «помпадура борьбы» Феденьки Кротикова («Помпадуры и помпадурши», 1873 г.), который по праву мог бы занять почетное место среди градоначальников «Истории одного города». Этот щедринский герой, после того как «Франция подписала унизительный мир, а затем пала и Парижская коммуна», почувствовал себя призванным совершать подвиги и приступил к выработке грандиозного плана борьбы с крамолой. Следуя рутине, Феденька вначале «искал каких-то фактов», не подозревая, что «система фактов есть система устарелая, что нарождается и уже народилась совершенно иная система, которая позволяет без всякого повода, без малейшего факта бить тревогу и ходить войною вдоль и поперек...» Не зная об этом важном открытии, он топтался на месте, чувствуя себя в тенетах вражеской интриги. Но так как «новые вещи потребовали новых людей», то в минуту сильнейшей внутренней тревоги Феденька прозрел. Ему стало до очевидности ясно, что «не нужно... фактов..., а нужен только «дух», «направление», «превратные толкования...»

«Неблагонадежные элементы», против «направления» которых поднимает знамя борьбы Феденька Кротиков, по его представлению, возглавляются «коммуналистами»... из земской управы. В «Новом Нарциссе» («Признаки времени», 1868 г.) Щедрин бросает замечание, которое является исходным моментом для изображения «бреда борьбы», обуявшего Феденьку. Описывая в саркастическом тоне шумную вражду между государственными чиновниками и сеятелями, т. е. теми же «коммуналистами» из «знающих обстоятельства помещиков», он говорит: «какой-нибудь алармист, взирая, как у иного сеятеля пена изо рта клубится, готов воскликнуть: «Пожар!»... Это замечание имеет прямое отношение и к следующему месту комментируемого отрывка: «Направление» — выражение в высшей степени растяжимое, способное вместить в себя всевозможные страхи, накопившиеся в груди каждого досужего алармиста...»

Что касается указания нашего автора на то, что, по мнению «легковесных», «литература... есть вертеп...», то такое же утверждение мы находим в рассказе «Похороны» («Сборник», 1878 г.), в шестой главе «Круглого года» (1879) и др.

Как ни бессмысленны инсинуации «слепорожденных», отмахнуться от них невозможно: «легковесные» — сила. Поэтому приходится доискиваться смысла в их обвинениях, которых они сами связно формулировать не в состоянии, хотя «нет унижения более горького, как чувствовать, что гнет идет из ничтожества, и в то же время сознавать все бессилие освободиться от этого гнета». В основном, полагает наш автор, «дело идет об отношениях литературы к миросозерцанию, завещанному преданием...» Это миросозерцание навязывают литературе две фракции реакционной партии: крайние реакционеры, которых наш автор (как и Щедрин в третьей главе «Круглого года») именует радикалами, и «люди соглашения».

«Радикалы,— говорит он,— как и всегда, откровеннее и в то же время последовательнее... Они не различают ни злокачественности, ни доброкачественности литературных направлений; по их мнению, все направления одинаково злокачественны, потому что все предполагают непременное участие мысли. Мысль, каково бы ни было ее содержание, есть нечто разрушающее...»

На «миросозерцании, завещанном преданием», Щедрин останавливался неоднократно и именно в связи с темой комментируемого отрывка — «мыслебоязнью». Так, обвиняя Гончарова в защите «уличных истин», он находил его «неловкий подвиг» особенно неуме-

стным в виду того, что «мы недалеко ушли от воззрений «Голубиной книги», и «с... неохотой расстаемся с воззрениями, завещанными нам преданием...» В первой главе «Итогов» сатирик подчеркнул, что господствующей в «обществе» «безвкусной, бессодержательной трезвости» «сопутствует завещанная преданием заученность».

«Мыслебоязнь», выраженная в крайней форме — отрицания мысли вообще, тоже привлекала пристальное внимание Щедрина. В очерке «Легковесные» например его высказывание по этому вопросу полностью совпадает с комментируемым отрывком. «Всякая мысль,— писал он,— каково бы ни было ее содержание, одинаково противна золотнику уже по тому одному, что она мысль... Убеждения самые разнообразные, самые противоречивые уравниваются перед безграничной злобой похотливой легковесности; все они подлежат преследованию и казни потому только, что напоминают о существовании ненавистной мысли». Наибольшее приближение к комментируемому тексту заключается в формулировке идеи романа Клюшникова «Марево», данной Щедриным; в отзыве на другое произведение этого писателя — «Цыгане» (1871) он определил ее так: «мыслить не надобно, ибо мышление производит беспорядок и смуту» [9].

«Люди соглашения» «полагают устроить отношения литературы к действительности *таким образом, чтобы в них не заключалось никаких попыток к анализу, а тем менее* к обличению, и чтобы дело ограничивалось пропагандой всякого рода отвлеченностей, которые возвышают дух масс и скрывают от их внимания те вопросы, которыми им не следует заниматься. Que les méchants tremblent, que les bons se rassurent! восклицают поборники соглашения... Кто эти «добрые»? Кто «злые»?..»

Тот же вопрос задает рассказчик в очерке «Он!!» («Помпадуры и помпадурши», 1873 г.).

«В чем состоят «веяния» времени?

Que les méchants tremblent! que les bons se rassurent! Все это прекрасно, но кто же те «злые», которые обязываются трепетать? кто те «добрые», которые могут с доверием взирать в глаза прекрасному будущему?»

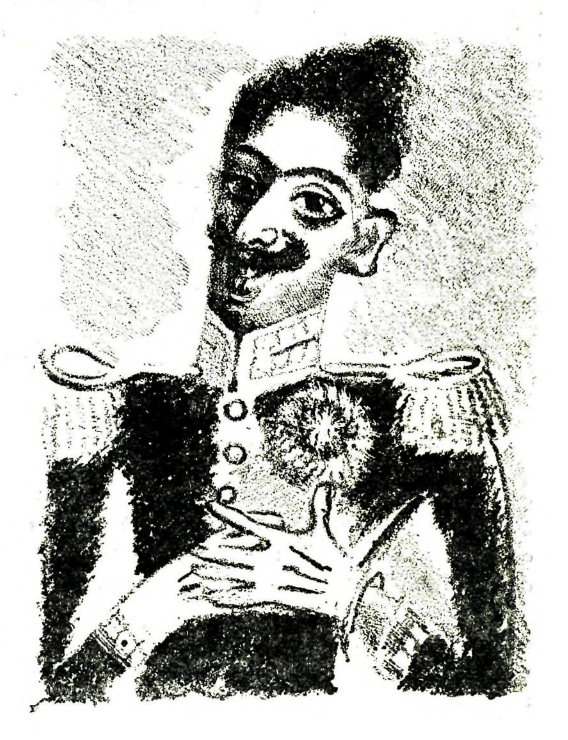

ИЛЛЮСТРАЦИЯ А. САМОХВАЛОВА К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ИЗДАНИЮ «ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА», ПОДГОТОВЛЯЕМОМУ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «ACADEMIA», 1934 г.

Здесь мы имеем такое текстуальное совпадение, которое свидетельствует об одинаковой оценке не частного вопроса, а устанавливает тождество принципиальной позиции по отношению к господствующему классу, прикрывающему свои вожделения моральными категориями «добра» и «зла».

Между *«радикалами»* и *«людьми соглашения»*, которые «смело обзывают друг друга либералами за то одно, что не подвергают мысль совершенному заточению», мечется литература, не желающая играть роли «вместительницы уличного праха». Единственная задача этой литературы — «исследование истины». Но именно такая задача и навлекает на нее гонения. Правда, закон прямо не воспрещает «искать и формулировать *истину», не дозволяется только «проводить и формулировать заблуждения»*. Но на деле «испытующая мысль» объявляется злоумышлением, угрожающим всему обществу. Отсюда — преследование литературы «в серьезном значении этого слова» за «вредное направление».

Автор рассматриваемой статьи утверждает, что такой подход к вопросу основан на заблуждении... «С т е с н е н и я м и, — говорит он, — мы не парируем никаких опасностей, а только отдаляем открытие истины и продолжаем ту нравственную и умственную смуту, которая, несмотря ни на какие карательные и предупредительные меры, не прекратится до тех пор, пока будет существовать естественная причина, ее поддерживающая... Памятуя, что жизнь сама приходит к постановке вопросов, из которых многие могут быть предвидены и подготовлены издалека, и что такая постановка, при исключительном участии жизни, не всегда обходится без потрясений, литература не считает себя даже в праве безмолвствовать, ибо подобное безмолвие противоречило бы ее... о х р а н и т е л ь н о й роли и тому значению высшего органа общественной мысли, которым она, по справедливости, гордится. Стало быть... с в о б о д а и с с л е д о в а н и я н е т о л ь к о н е п р и в о д и т с с о б о й о п а с н о с т и, а, н а п р о т и в т о г о, п р е д у п р е ж д а е т е е, д а в а я в о з м о ж н о с т ь с т о я щ и м н а о ч е р е д и в о п р о с а м в ы р а б а т ы в а т ь с я с п о к о й н о и р а з н о с т о р о н н е».

В приведенном отрывке останавливает внимание утверждение, что та часть литературы, единственная задача которой заключается в «исследовании истины», носит охранительный характер. Для того чтобы вскрыть подлинный смысл этого, на первый взгляд парадоксального заявления, мы прежде всего обратимся к диалогу между рассказчиком и Феденькой Неугодовым в пятой главе «Круглого года» (1879), посвященной вопросу о «вредном направлении» в литературе.

Очередной разговор с племянником Феденькой, который, несмотря на молодость, достиг довольно видного положения в бюрократическом мире, рассказчик вел в обстановке правительственного террора после покушения на царя в апреле 1879 г.

В такой обстановке вопрос о «вредном направлении» известной части литературы естественно выпячивался в самой угрожающей форме. «Нашлись охочие люди, — замечает Щедрин, — которые припомнили свои личные счеты и спешили дисконтировать их в форме извещений и угроз». Оставаться безучастным к воплям «доктринеров бараньего рога и ежовых рукавиц», возглавляемых сотрудниками «Московских Ведомостей» под водительством Каткова, было невозможно. И Щедрин выступил с ответом, который представляет блестящий «пассаж» в полемическом роде. Учтя, что в моменты серьезной опасности лучшим средством самозащиты является наступление, он произнес литературе панегирик, поражающий очевидным преувеличением ее роли. К числу этих явных полемических гипербол в первую очередь относятся его указания, что государство «немыслимо без литературы уже по тому одному, что самым происхождением своим обязано литературе», что литература есть «главная и единая, заключающая в себе неоскудевающий источник жизни» функция «общественного и государственного организма».

Такие заявления могли быть сделаны с целью всемерно подчеркнуть величие освободительной мысли и ничтожество ее «слепорожденных» палачей — идея, которая может быть уже в это время брезжила в сознании сатирика, прежде чем он воплотил ее в знаменитом «Разговоре Свиньи с Правдой», где речь также идет о «вредном направ-

лении» в литературе («За рубежом», гл. VI, 1881 г.). Но, будучи актом самозащиты, эта декларация «права литературы на неприкосновенность», как характеризует ее сам Щедрин, имела свою опасную сторону. Охранители могли не заметить противоречивого смешения причины и функции в определении роли литературы, но провозглашение последней основой основ давало им возможность еще решительнее выставлять ее как причину «зла», и прежде всего, разумеется,— революционной «смуты».

Не избегая этого опасного пункта, а, напротив, с огромным воодушевлением выставляя его на первый план для укрепления своей позиции, Щедрин в подтверждение приведенных ранее доказательств «благонамеренности» представляемого им литературного направления несколькими словами очертил свою идейно-творческую позицию, в корне враждебную охранителям. Аргументация в опровержение «вредного направления» современной литературы была им развернута в такой последовательности.

«Ты ставишь вопрос прямо,— отвечал рассказчик Феденьке: современная русская литература подрывает основы, на которых держится общество... Подумай однако ж, нет ли тут смешения? Не приписываешь ли ты литературе то, что̀ принадлежит самому обществу, или, по крайней мере, той его части, которой специально присваивается это название?.. Ужели литература... породила легионы сорванцов, у которых на языке — «государство», а в мыслях — пирог с казенной начинкой?.. Ты думаешь, очевидно, что литература наша нарочно цепляется за известные факты, что она предвидит (подчеркнуто Щедриным) те волнения, которые она должна произвести в обществе, что эти волнения ей нравятся, одним словом, что не будь вмешательства литературы — не существовало бы ни вопросов, ни волнений... Но все это — ложь и явная клевета, и литература, выставляя на позор факты, которые так тебя поражают, не только не подрывает подрытого, но, напротив, пробуждает общественную совесть. Правда, что общество наше — лицемерно и посмеивается над основами «потихоньку»; но разве лицемерие когда-либо и где бы то ни было представляло силу, достаточную для существования общества? Разве лицемерие — не гной, не язва, не гангрена? Вот этого-то «права лицемерить» литература и не признает за обществом. Она говорит ему: или держись крепко унаследованных принципов, или кайся! По-моему, такие обличения имеют скорее характер охранительный, нежели разрушительный...»

Выслушав эти доводы, Феденька ответил следующее:

«— Я готов бы был сделать вам известные уступки, если б дело шло только о логике идей. Но есть логика фактов, mon oncle, и она-то заставляет меня быть осмотрительным. Перед фактами я немею, прихожу в ужас и забываю об идеях. Я понимаю защиту и логически не всегда вижу себя в состоянии опровергнуть ее; но в то же время и чувствую (подчеркнуто Щедриным), что в ней чего-то недостает, что она не вполне искренна и нечто скрывает. Ведь скрывает — не так ли, mon oncle?

Он так добродушно взглянул мне при этом в лицо и так мило похлопал меня по коленке, что мне и самому невольно подумалось: а что̀, ведь, может быть, и скрывает?

— Может быть, может быть, друг мой,— ответил я, — ведь всего не сообразишь».

Мы привели это замечательное объяснение почти целиком как образец эзоповской манеры нашего сатирика. Особое внимание останавливает здесь двусмысленная реплика, как бы невзначай оброненная рассказчиком в завершение разговора о злоумышлениях известной части литературы. Этой репликой Щедрин подсказал недогадливому читателю, что рассказчик действительно скрыл нечто от Феденьки и что именно в недоговоренной мысли заключается суть дела. К такому вспомогательному приему Щедрин вынужден был обратиться из опасения, что в своем опровержении «вредного направления» литературы он «перетонил» и может быть дурно истолкован читателем. Эта реплика — самое рискованное место в беседе, и то, как тщательно сатирик его обработал, видно из такой детали: он заставляет Феденьку заподозрить, что не рассказчик, а его защита «не вполне искренна и нечто скрывает», как будто она есть что-то отдельное от рассказчика, и тем самым дает возможность последнему «невольно подумать: а что̀, ведь, может быть, и скрывает?» Таким образом естественно производится замена первого лица третьим, что свидетельствует о крайней осторожности сатирика и

кропотливом взвешивании им каждого слова. Не случайно как-раз при переходе от уверения в охранительном характере литературы к этой реплике рассказчик, указывая Феденьке на тяжкое положение писателя, восклицает: «Помилуй! один эзоповский язык чего стоит! Подумай, как это трудно, изнурительно, почти погано! В состоянии ли ты оценить это?» Так через голову Феденьки «воспитанник цензурного ведомства» убеждал читателей поглубже вникнуть в потаенный смысл сделанного им заявления об охранительном характере революционно-демократической литературы.

IV

Что̀ же скрыл рассказчик от Феденьки? Тот смысл, который он вкладывал в понятия «охранение» и «разрушение». В пятой главе «Итогов», написанной вскоре после падения Парижской коммуны и вырезанной цензурой из августовской книжки «Отечественных Записок» 1871 г., Щедрин высказался по этому вопросу с определенностью, не оставляющей места для сомнения. Ряд мыслей, содержащихся в «Итогах», изложен в «Самодовольной современности» («Признаки времени», 1871 г.), но тут он мог только намекнуть на свое отношение к Коммуне (в саркастических репликах по адресу «ограниченности», самодовольно заявляющей, что ей чужды «спор с небесами», «борьба с небом»), и вопрос в целом не получил ясного разрешения. В «Итогах» же определенность выводов обусловлена именно тем, что Щедрин здесь высказал солидарность с коммунарами, восставшими против «одичалых консерваторов». Такая позиция придала рассуждениям Щедрина об «анархии» и «охранении авторитета» тот конкретный *политический смысл, который невозможно было замаскировать никакими ухищрениями* отвлеченной постановки вопроса. На неистовые вопли об «ужасах анархии» и издевки над пораженной Коммуной, которыми почти вся русская печать выражала свои верноподданнические чувства «царю и престолу», как оплоту порядка, Щедрин ответил подробным разбором сущности этого «порядка» и собственным определением того понятия, которое охранителями всех мастей именовалось анархией. Основные положения его ответа сводятся к следующему.

«Что такое «анархия» в глазах уличной толпы? — ставит вначале вопрос Щедрин.— Анархия — это возбужденное состояние умов; анархия — это скептическое отношение к преданию, регулировавшему жизнь; анархия — это искание истины новой, уровень которой более подходит к уровню нарастающих нравственных и материальных условий жизни; анархия, наконец,— это сама жизнь, выдвинувшаяся из старой колеи и пробивающая себе колею новую. Или, говоря иными словами, анархия — это все то, что обусловливает движение, прогресс».

Борьба против «анархии» ведется под знаменем охранения «авторитета».

«Что же такое... «авторитет», об охранении которого так стужается уличная толпа? В действительности это не что иное, как жизненный идеал, которым в данную минуту руководится общество или отдельный человек... Он незыблем, покуда человек находит в нем прочную руководящую нить для жизни, но как скоро жизнь затопляет поставленные им грани — ясно, что наплыв новых требований должен затопить и износившийся от времени авторитет».

Отсюда Щедрин приходит к такому выводу:

«Следовательно, ежели перед нашими глазами,— говорит он,— происходит в обществе движение, стремящееся расширить арену человеческой деятельности и освободить ее от связывающих ее пут, то как бы ни поражало нас это движение своею необычностью, мы не в праве видеть в нем ни «анархию», ни так называемого «попрания авторитета». Остережемся, ибо хотя слово «анархия» кажется для всех ясным, но в действительности смысл его понятен лишь очень немногим. Употребляя это выражение без разбора, мы рискуем... под предлогом упразднения бесчинств упразднить и самое развитие жизни!»

Чего же страшится толпа, что̀ пугает «сонмища людей глупых и усердных, которые не

могут различить ни того, на чьей стороне находится их интерес, ни того, куда собственно клонится речь ловких людей, вопиющих об анархии?»

Их пугают «слова «ломать», «разрушать», «уничтожать»... Толпа не спрашивает ни того, что предполагается ломать, ни того, можно ли создать новое, не сломавши старого. Она бьется и изнемогает под игом всевозможных невольных союзов и искусственных комбинаций и не понимает того, что то недовольство, которое она ощущает, может быть устранено только устранением причин, его породивших. «Ломать» — это ломать, и ничего больше; вредный или благотворный смысл этого слова совершенно зависит от того, на какой предмет простирается его действие. Если известное установление или обычай существует давно, то это еще не значит, что он непогрешим и что следует безгранично терпеть его во имя одной его давности...

Жизнь... поступается целостью форм, завещанных преданием; она дает жизнь новым элементам, узаконяет тех, которые в смысле политическом и историческом считались не имеющими рода и племени... Мешать ей в этом — значит... быть подрывателем, попирателем, разрушителем, анархистом.

Да, истинные анархисты не там, где их обыкновенно указывают, а там, в той окрепшей среде, которая все готова остановить, на всю природу набросить покров забвения, чтобы только ничто не мешало ей предаваться дешевым утешениям праздности. И когда эти праздные и себялюбивые мечтатели при помощи горькой случайности одерживают в обществе верх, тогда действительно наступает самая горчайшая из всех анархий, о которых когда-либо свидетельствовала история. Замечательно, что никогда так называемые анархисты, т. е. сторонники прогресса, не действовали с такой ужасающей жестокостью, с какой всегда и везде поступали анархисты успокоения. Одичалые консерваторы современной Франции в одни сутки уничтожают более жизней, нежели сколько уничтожили их с самого начала междуусобия самые дикие из приверженцев Парижской коммуны! И все это делается во имя успокоения, во имя того самого успокоения, которое самый самодовольный из членов одичалой корпорации считает невозможным. Пусть же этот факт будет замечен, пусть послужит он мерилом для сравнения последствий, которые влечет за собой торжество той или другой партии».

Мы видим, как далеки высказанные здесь мысли от успокоительных заверений, сделанных рассказчиком Феденьке. Если же к тому учесть определение Щедриным (в письме к А. Жемчужникову) своей статьи, как «спокойной по тону», то нетрудно будет заключить, что и в данном случае мы имеем неполный набросок его взглядов. Но и сказанного в «Итогах» достаточно для того, чтобы стало ясным, какое содержание он вкладывал в понятия «охранение» и «разрушение». Защищая в литературе интересы тех масс, которые «в смысле политическом и историческом считались не имеющими рода и племени», Щедрин мог признать свою роль охранительной. Но его охранительная роль выражалась — и могла только так выражаться — в подрывании основ «анархистского», самодержавно-полицейского строя.

Как же выполнял эту задачу сатирик? Именно так, как объяснил рассказчик Феденьке: обличением «права лицемерить». «Разве лицемерие не гной, не язва, не гангрена?» — допытывался рассказчик у Феденьки, становясь в позицию врача, озабоченного состоянием здоровья своего пациента. Что̀ мог ответить на это Феденька? Ведь во всех прописях лицемерие не одобрялось...

Он промолчал. Не удовлетворило его и требование, выставляемое литературой: «или держись крепко унаследованных принципов, или кайся!» Но членораздельно и тут нечего было возразить: ведь общепризнанно, что покаяние очищает... Значит, оставалось заявить о своем недоверии и начать сызнова: «С какого права ваша литература нападает на коренные основы нашей жизни? кто дал ей это полномочие? Кто разрешил ей в таком виде представлять семью, собственность... государство?» Но вооруженный

моральными сентенциями рассказчик и тут не затруднился: «Литература, — ответил он,— от самого господа бога снабжена всеми возможными полномочиями...»

Однако почему же грешникам не покаяться и тем самым не пройти, так сказать, курса литературы, ее нравственно лечебного цикла? На этот вопрос настолько обстоятельно ответил тому же рассказчику «Круглого года» Дерунов, что его простодушное объяснение приходится здесь привести лишь с самыми незначительными купюрами. Вот текст этого послания, великолепно характеризующего «рабью манеру» Щедрина:

«Прочитав вашу статью: «Первое августа», я с удовольствием известился, что вы собственность признаете, семейство приемлете, государство чтите.

...Пишете Вы, Милостивый Государь, что негоциант, ежели доподлинно собственность чтит, обязан дела свои в таком виде иметь, чтобы ежечасно быть готовым во всяком рубле перед публикою чистосердечный отчет дать. Откуда тот рубль пришел и как составился? сколько в нем копеек законного прибытка и сколько — грабежа? С одной стороны, не отрицая пользы, которая от такого чистосердечия произойти может, позволяю себе возразить лишь то, что, по званию нашему, одно что-нибудь: или дела делать, или отчеты отдавать. Ибо звание наше на этот счет довольно-таки строго, так что если нужное для операций время мы станем употреблять для чистосердечиев, то операции запустим, а чистосердечиями никому удовольствия не предоставим.

Второе, пишете Вы, ежели который человек свою собственность блюдет, тот должен и чужую наблюдать — то и сие весьма приятно. Но позвольте Вам доложить: ежели я буду о собственности публики скорбеть, то не последует ли от сего для меня изнурения? а равным образом не даст ли оно партикулярным людям такой повадки, что мы, дескать, будем праздно время проводить, а Дерунов за всех нас стараться станет? А награда — на небеси-с?

И еще замечаете Вы, что негоцианты, по роду своих занятиев, больше в Кунавине, нежели в семействах своих время проводят, то и сие справедливо. Думается однако ж, что ежели мы оный род занятий покинем, то как бы нам, в ожидании других занятиев, и вовсе при одном Кунавине не остаться.

Что же касается наставления Вашего, что необходимо первее всего отечество свое любить и в пользу оного жертвовать, то сие безусловно верно. И мы любить оное готовы, только не знаем как. Посему, если бы начальство нас в сем смысле руководило и прямо указывало, на какое полезное устройство жертвовать надлежит, то, мнится, великая бы от сего польза произошла».

Так отвечал Щедрин Феденьке на его обвинение, что литература представляет в «гнусном-с» виде основы современного общества. Один из «столпов» этого общества— Дерунов — вмешался в их разговор и «по простоте» засвидетельствовал, в чем суть «логики фактов». «С одной стороны, нельзя не сознаться, с другой стороны, должно признаться...» — это гениальное выражение целого «порядка вещей», в разоблачении которого сатирик видел единственный смысл своей литературной деятельности. Такое разоблачение основывалось на непризнании за «диким помещиком» и его собратом по «кровопийству» — вышедшим в «столпы» Деруновым — «права лицемерить», выгодного им потому, что оно помогало на «законном основании» держать в кабале и беспросветной темноте широкие трудовые массы. «Право лицемерить» являлось, таким образом необходимой предпосылкой охранения основ. Вот почему Щедрин именно в эту сторону направил «оружие смеха». Срывая покровы с насилия, обнажая его, сатирик был разрушителем того «порядка вещей», который держался на угнетении масс кучкой «одичалых», и в то же время — охранителем интересов «обделенных, униженных, поставленных вне пределов истории», поскольку он доводил до их сознания, что те «основы», во имя которых над ними совершались насилия, попирались — и не могли не попираться — «дирижирующими классами»...

Таков подлинный смысл заявления рассказчика в «Круглом годе» об охранительном характере литературы, заподозренной во «вредном направлении».

В разбираемой статье аналогичное утверждение обосновывается иным образом. Выступая в защиту свободы печати, автор подчеркивает в своей аргументации два момента:

«Стеснениями мы не парируем никаких опасностей, а только продолжаем нравственную и умственную смуту...»

«...Свобода исследования не только не приводит с собой опасности, а, напротив того, предупреждает ее, давая возможность стоящим на очереди вопросам вырабатываться спокойно и разносторонне».

Эти доводы в соответствующих случаях приводил и Щедрин. Так например, во «Введении» к «Мелочам жизни» он писал: «...Ежели и справедливо, что утопии производили в массах известный переполох, то причину этого нужно искать не в открытом обсуждении идеалов будущего, а скорее в стеснениях и преследованиях, которыми постоянно сопровождалось это обсуждение... Самая наглядная очевидность требует, чтоб общественные вопросы всегда стояли на очереди и постоянно подвергались разработке». В «Письмах к тетеньке» (письмо одиннадцатое, 1882 г.) выдвигается тот же аргумент: «...Вопрос самый жгучий,— указывает там Щедрин,— именно тогда и утрачивает значительную часть своей жгучести, когда он подвергнут открытому исследованию...»

Щедрин в этом вопросе придерживался тактической линии Чернышевского. Возражая тем, кто «тревожится... относительно силы литературы производить исторические перевороты», Чернышевский указывал, что история зависит от литературы «не в сущности событий, а в их форме». «Дело не в том,— писал он,— бывают ссоры или не бывает их: это зависит об обстоятельств жизни... а не от степени просвещения; она определяет только то, какая форма избирается для ссоры: грубая или благопристойная». «Рассердится очень грубый человек,— он бьет в зубы того, на кого рассердился; если он немножко образован, он уже не станет драться...»[10]

V

К сказанному нам остается в заключение сделать несколько замечаний о второй части разбираемой статьи, в которой — посредством доводов от противного — устанавливается единство позиций «слепорожденных паразитов» и «легальности» по отношению к заподозренной литературе. Ряд высказанных здесь положений дословно совпадает с ответом Щедрина «Русскому Вестнику», озаглавленным: «Несколько слов по поводу «Заметки», помещенной в октябрьской книжке «Русского Вестника» за 1862 г.»[11]

Так например, касаясь указания «Русского Вестника» на то, что новые цензурные правила будут вводиться исподволь, Щедрин иронически писал:

«Что реформу предполагается произвести не сразу, а постепенно — это, разумеется, и правильно, и понятно... В этом отношении мы желаем только одного: пускай эта постепенность прилагается ко всем равно...»

Точно так же ставит вопрос и автор «Насущных потребностей литературы»:

«Свобода дается не сразу, а постепенно,— говорит он,— это правильно и понятно. Мы... не оспариваем принципа постепенности... но желаем только, чтобы он прикладывался ко всем направлениям одинаково...»

Указывая на то, что в «различных слабонервных кружках» раздаются голоса, предостерегающие от судебного разбирательства по делам печати, ибо «вчинание судебного иска против литературного сочинения есть дело рискованное», Щедрин в упомянутой статье комментировал это предупреждение таким образом:

«Очевидно, тут дело идет о какой-то осторожности..., которая ограждает саму преследующую власть от возможности неудачи».

В этом же разрезе обсуждается аналогичное предостережение реакционеров и автором «Насущных потребностей литературы».

«Алармисты утверждают,— говорит он,— что обязанность вчинания судебных исков против литературы сделается или совсем невозможною, или в высшей степенью рискованною. Поэтому, заключают они, может произойти что-нибудь

одно: или преследующая власть будет робка в своих действиях, или же она будет подвергаться беспрерывным неудачам...»

Подчеркивая, что в этих возможных неудачах правительственной власти «заключается не опасность для общества, а самая существенная гарантия его прогресса», наш автор саркастически замечает:

«Наговорить кучу грубостей и ругательств с плеча это совсем даже и не блестящее дело»... «Пускай обвинители... в поте лица снискивают хлеб свой».

Этот же довод выставляет и Щедрин в указанной статье 1863 г. Считая, что открытое судебное разбирательство по делам о печати побудит царское правительство осмотрительнее предъявлять обвинения и что «подобная осторожность... заключает в себе замечательную... для литературы гарантию», он обращался к прокурорскому надзору с ядовитым вразумлением:

«Ведь нельзя же так жить, чтобы все доставалось даром: желаете преследовать, ну, и потрудитесь».

Категорически отвергая преследование литературы за «направление», которое не должно подлежать «никакому другому суду, кроме суда литературы и науки», автор разбираемой статьи требует судебного рассмотрения явных преступлений, «совершаемых посредством печати».

«... Выход к легальности (не экстраординарной, а обыкновенной),— заключает он,— есть все-таки наиболее рациональный и наиболее обеспечивающий литературу в будущем».

Эту же позицию занимал и Щедрин в названной статье 1863 г. Не сходил он с нее и в восьмидесятых годах: в цикле «За рубежом» (глава третья) он попрежнему настаивал на судебном разбирательстве литературных дел, требуя, как и наш автор, чтобы «судьи были не сверхъестественные, а обыкновенные».

* * *

На этом мы закончим сравнение комментируемой статьи с произведениями нашего сатирика. Вывод, который мы считаем возможным сделать, проанализировав основные положения статьи, сводится к тому, что «Насущные потребности литературы» несомненно произведение Щедрина и должно быть включено в полное собрание его сочинений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 М. Е. Салтыков-Щедрин. Письма 1845—1889 гг. Под редакцией Н. В. Яковлева. Л., 1926, стр. 57.

2 «Zeitschrift für slavische Philologie», 1927. Band IV. Doppelheft 1/2.

3 См. наши комментарии в книге: «М. Е. Салтыков-Щедрин. Неизвестные страницы». Изд. «Academia», 1934.

4 Какие новые социальные силы — в условиях русской действительности — особенно имел в виду Щедрин, указывается им в первой главе «Тихого пристанища», озаглавленной «Город». Здесь описаны купеческая пристань и тяжкая работа крестьян, приехавших на заработки из деревень. Вслушиваясь в «выстраданный, надорванный крик, вырывающийся с мучительным, почти злобным усилием, как вздох, вылетающий из груди человека, которого смертельно и глубоко оскорбили и который между тем не находит в ту минуту средств отомстить за оскорбление», Щедрин замечает, что «в этом вздохе уже чуется будущая трагедия». Если мы вспомним, что в «Коняге» Щедрин изобразил безропотность русского крестьянства, то придется заключить, что здесь речь идет о тех его слоях, которые выталкивались «реформой» в города.

5 «Неизвестные страницы», стр. 154.

6 Покровский, М. Н., Марксизм и особенности исторического развития России, Л., 1925, ст. 130.

7 «Неизвестные страницы», стр. 154.

8 «Отечественные Записки», июнь, 1869 г.

9 «Неизвестные страницы», стр. 441.

10 Чернышевский, Н., Французские законы по делам книгопечатания. — «Современник» 1862 г., № 3. «Современное обозрение», стр. 145.

11 «Современник» 1863 г., № 1—2.

ЦЕНЗУРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ЩЕДРИНЕ

Предисловие В. Евгеньева-Максимова

Публикация Н. Выводцева, В. Евгеньева-Максимова, И. Ямпольского*

I

Если верить некрасовскому Минаю (см. стихотворение «О погоде»), Пушкин при виде исчерканных красным цензорским карандашом корректур горестно восклицал: «Это кровь, кровь моя проливается»... Этот же образ рисует Салтыков в одном из последних своих произведений («Мелочи жизни»), подводя итог тому, что он претерпел от цензурных охранителей: «Ах, это писательское ремесло! Это не только мука, но целый ад душевный. Капля по капле сочится писательская кровь, прежде нежели попадет под печатный станок»... И далее: «Чего со мною ни делали! И вырезывали, и урезывали, и перетолковывали, и целиком запрещали, и всенародно объявляли, что я вредный, вредный, вредный»...

Подобных высказываний у Салтыкова содержится не мало. Удивляться этому конечно не приходится. Цензура сыграла в его литературной деятельности и жизни значительную роль. Все этапы писательской деятельности Салтыкова неизменно характеризуются неимоверно ожесточенным преследованием его произведений цензурой, которая все усилия прилагала к тому, чтобы «заградить уста» ненавистному писателю, чтобы вырвать из его рук «ювеналов бич» или хотя бы ослабить его свистящие удары. В результате многого Салтыкову не дали сказать или заставили сказать не так, как он того хотел [1].

Однако рассматривать вопрос о роли цензуры в жизни Салтыкова только в личном плане было бы едва ли правильно. Пусть благодаря цензуре, этому ярчайшему воплощению «гнусной расейской действительности», оказалась исковерканной его личная жизнь. Ожесточение цензуры против Салтыкова нельзя не признать в известном смысле закономерным. В чем заключалась политическая функция цензуры в эпоху Салтыкова? В последовательной борьбе против тех деятелей литературы, которые видели свою миссию в критике, разоблачении и тем самым в подрыве устоев крепостнически-полицейского государства. А между тем в семье русских классиков XIX века нет ни одного, кто «подрывал бы основы» этого государства с большими энергией, настойчивостью да пожалуй успехом, чем революционно-демократический писатель Салтыков-Щедрин.

Он начал свое литературное служение с обличения бюрократизма, этой характернейшей особенности тогдашней государственности, и пережитков феодального строя, столь ярко проявившихся в форме еще не отмененного крепостного права. Впоследствии, по мере того как у передовых элементов русского общества зрело убеждение, что напрасно было бы ждать действительной защиты интересов широких масс, прежде всего крестьянства, от якобы либерального правительства Александра II,— отрицание его распространяется на половинчатые и грабительские в отношении крестьянства реформы 60-х

---

* Материалы, публикуемые в отделах IV—V, найдены и комментированы И. Г. Ямпольским; в отделе XIV — В. Е. Евгеньевым-Максимовым, в остальных отделах — Н. М. Выводцевым.

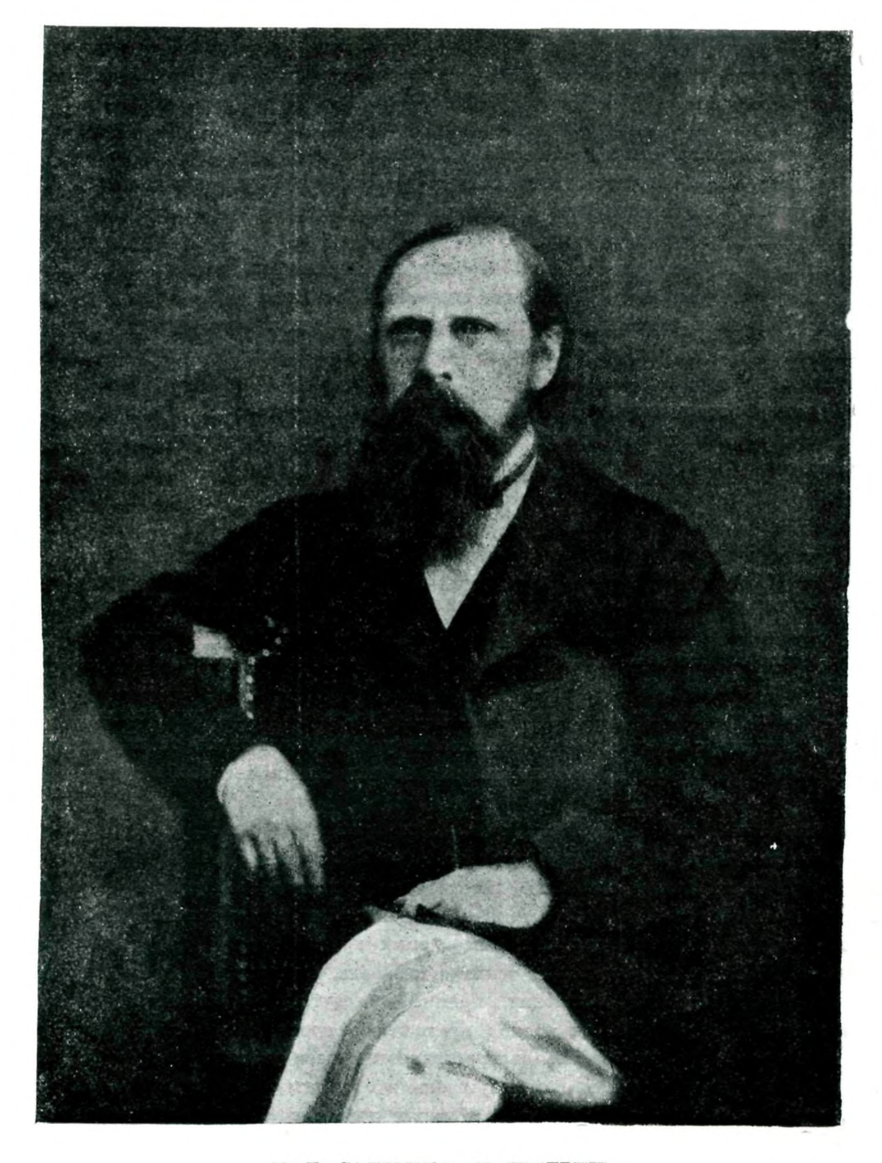
годов. Бюрократы новейшей формации, все эти «помпадуры» и «ташкентцы», вызывают с его стороны не менее беспощадное обличение, чем бюрократы «доброго старого времени». Ранее очень и очень многих заметил Салтыков пришествие «чумазого», т. е молодой, но одаренной чрезвычайным аппетитом российской буржуазии, и подверг ее представителей жестокому бичеванию. Вглядываясь в современное ему общество, «образованное меньшинство», как тогда принято было выражаться, Салтыков не только стал заклятым врагом его реакционных элементов, формировавшихся главным образом из рядов дворянства и бюрократии, но вел неизменную и напряженную борьбу по разоблачению двоедушных и трусливых российских либералов, в рядах ли сословного земства, в рядах ли газетчиков-пенкоснимателей. Говоря об «образованном меньшинстве», он не щадил и свое поколение, «людей сороковых годов» с их бесплодным эстетизмом, безволием, с их неспособностью от слов перейти к делу. «Лишних людей» он с присущей ему резкой прямотой называл «вредными людьми». К «народу», «мужику» Щедрин относился с суровой трезвостью. Элементы славянофильского сентиментализма, имеющиеся в «народных сценах» «Губернских очерков», весьма скоро сменились жесткой критикой отрицательных сторон народного характера. Щедрин подчеркивал пассивность, вековую приниженность рабства, благодаря которым массы оказывались неспособными к сколько-нибудь активному протесту, к сколько-нибудь энергичной защите своих попираемых и правительством, и привилегированными классами интересов.

И неудивительно, что величайший враг старого порядка, какого только знала русская действительность эпохи Салтыкова, писал о литературном дебюте этого последнего: «Ни у кого из предшествовавших Щедрину писателей, картины нашего быта не рисовались красками более мрачными. Никто не карал наших общественных зол с большею беспощадностью... В каждом порядочном человеке русской земли Щедрин имеет глубокого почитателя. Честно имя его между лучшими и полезнейшими и даровитейшими детьми нашей родины» (Н. Г. Чернышевский).

То, что для Чернышевского было величайшею заслугой Салтыкова,— с точки зрения охранителей, в частности цензоров, являлось его непростительным грехом...

В своем странном, упорном, последовательном стремлении преодолеть цензурные рогатки Салтыков должен был прибегнуть к тому средству, которое, несмотря на свои заведомо отрицательные и даже мучительные стороны, все же оставалось единственным и незаменимым для легального писателя. Это средство — пресловутый «эзоповский язык», благодаря которому даже в период наибольшего угнетения печатного слова русским писателям нет-нет, да и удавалось проводить в своих произведениях контрабанду вольных идей и мыслей. Салтыков — один из лучших, если не лучший мастер эзоповского языка, который в значительной степени определяет собой его литературную манеру. Со свойственной ему суровой прямотой Салтыков говорит об этом в «Круглом годе» (1879): «Моя манера писать есть манера рабья. Она состоит в том, что писатель, берясь за перо, не столько озабочен предметом предстоящей работы, сколько обдумыванием способов проведения его в среду читателей. Еще древний Эзоп занимался таким обдумыванием, а за ним и множество других шло по его следам. Эта манера изложения конечно не весьма казиста, но она составляет оригинальную черту очень значительной части произведений русского искусства, и я лично тут ровно не при чем. Иногда, впрочем, она и не безвыгодна, потому что благодаря ее обязательности писатель отыскивал такие пояснительные черты и краски, в которых, при прямом изложении предмета, не было бы надобности, но которые все-таки не без пользы врезываются в памяти читателя. А сверх того благодаря той же манере писать приобретает возможность показывать некоторые перспективы, куда запросто и с развязностью военного человека войти не всегда бывает удобно. Повторяю: эта манера несомненно рабья, но при соответственном положении общества вполне естественная и изобрел ее все-таки не я. А еще повторяю: она нимало не затемняет моих намерений, напротив, делает их общедоступными».

«Рабья манера» — это конечно горькое признание. Однако благодаря ей Салтыкову все-таки удавалось высказываться об очень многом, пусть в форме несколько затемненной, завуалированной, но все же доступной пониманию сколько-нибудь вдумчивого чи-

М. Е. САЛТЫКОВ (Н. ЩЕДРИН)
Фотография 1870-х гг.
Институт Русской Литературы, Ленинград

тателя. О многом — не значит обо всем. Целый ряд тем — в этом разумеется не приходится сомневаться — оставался для Салтыкова запретным. А насколько сильна была в иных случаях потребность их коснуться — об этом можно судить хотя бы по немногим дошедшим до нас «рескриптам Николая Павловича к Поль де Коку» [2] «Сколько великолепнейших вещей мог бы написать Некрасов, если бы его не давила цензура» — эти слова Добролюбова [3] с не меньшим основанием могут быть отнесены и к Салтыкову. Трудно себе даже представить, до каких высот «горечи и злости» мог бы дойти «великий сатирик земли русской», будь он свободен от необходимости взвешивать каждое свое слово, чтобы не раздразнить аргусов из цензурного комитета. Ведь даже письма Салтыкова, в которых он давал себе несравненно большую волю, чем в подготовляемых для печати произведениях, писались им, как и всеми его современниками, с оглядкой если не на цензуру, то на присяжных перлюстраторов в голубых мундирах [4].

Изложенное позволяет утверждать, что вопрос о цензурных мытарствах Салтыкова имеет отнюдь не узко биографическое значение. Это один из общих вопросов салтыковского творчества, и каждый сколько-нибудь серьезно интересующийся этим последним должен быть осведомлен хотя бы о главных эпизодах полувековой борьбы Салтыкова с цензурой.

Напомнить об этих эпизодах и является целью предлагаемой вниманию читателей работы, вслед за которой печатается ряд новооткрытых цензурных материалов по Салтыкову.

* * *

Нет надобности доказывать, что борьба Салтыкова с цензурой не может рассматриваться иначе, как в теснейшей связи с общим ходом классовой борьбы его времени. Совершенно ясно, что и Салтыков в своих сатирических выпадах против различных сторон русской жизни исходил от определенной классовой психоидеологии, и цензура в своем упорном стремлении «заградить ему уста» являлась не более как исполнительницей воли «пославшего ее», т. е. господствующих классовых групп. Этим и объясняется, что наиболее горячие схватки Салтыкова с цензурой, из которых ему всегда почти приходилось выходить с более или менее тяжелым уроном, падают на те периоды в истории русской общественности, когда классовая борьба принимала особо обостренный характер.

Одним из таких периодов бесспорно следует признать 40-е годы, главным образом их вторую половину. Прогрессирующий рост хлебного вывоза, быстрые темпы в развитии фабрично-заводской промышленности, возбужденное настроение крестьянских масс и как следствие этого настроения частые вспышки крестьянских «бунтов» усиливали оппозиционные настроения среди передовых кругов буржуазно-дворянской и разночинной интеллигенции. Создалась такая обстановка, при которой даже «твердокаменный» император Николай Павлович, принимая депутацию смоленских дворян, счел себя вынужденным высказаться против крепостного права; такая обстановка, при которой имели успех и пользовались распространением идеи утопического социализма, широким потоком проникавшие в русскую жизнь и литературу из Франции. Им, как известно, отдал дань и юный Салтыков в своих повестях «Противоречия» и в особенности «Запутанное дело». В последнем, клеймя организацию современного общества с ее неравномерным и несправедливым распределением жизненных благ, автор договорился до того, до чего не договаривались стоявшие на стороне мирного разрешения социальной проблемы Фурье и Сен-Симон, договорился до утверждения, что бедняки только тогда будут «сыты», только тогда им будет «очень весело» жить, когда убьют «жадных волков» (убьют «всех до одного... ни одного не останется»), пожирающих все продукты на рынке и заставляющих их голодать (сон Мичулина). Известен комментарий к «Запутанному делу», содержащийся в одном из писем П. А. Плетнева к Я. К. Гроту. Он краток, но выразителен: «...тут ничего больше не доказывается, как необходимость гильотины для всех богатых и знатных». Пусть даже Плетнев несколько преувеличивает,— ведь «у страха глаза велики»! — однако нель-

зя отрицать, что «Запутанное дело» — один из наиболее ярких памятников политического и социального радикализма, какие только знает легальная русская печать 40-х годов. Появление этой повести Салтыкова в печати в № 3 «Отечественных Записок» 1848 г. совпало с небывало высоким подъемом реакционной волны, вызванным испугом царского правительства перед февральской революцией во Франции. Отсюда особое внимание, уделенное «Запутанному делу» грозным Меньшиковским комитетом, призванным обревизовать деятельность обычных цензурных инстанций, а вслед за ним и военным министром князем Чернышевым, в канцелярии которого служил Салтыков. В отношении Чернышева в III Отделении вина Салтыкова как автора «Противоречий» и «Запутанного дела» была формулирована в следующих чрезвычайно одиозных выражениях: «Как самое содержание, так и все изложение сих повестей обнаруживает вредный образ мыслей и пагубное стремление к распространению идей, потрясших уже всю Европу и ниспровергших власти и общественное спокойствие». Насколько опасным преступником признавался Салтыков Николаем I, который, кстати сказать, был хорошо осведомлен в его деле, об этом можно судить и по стремительности его ссылки в Вятку, и по тому упорству, с которым царь отклонял неоднократно возбуждавшиеся ходатайства родителей Салтыкова о смягчении его участи.

Ссылка в далекую захолустную окраину на целые семь лет прервала литературную деятельность Михаила Евграфовича. Она возобновилась лишь в 1856 г., когда в «Русском Вестнике» Каткова начали печататься «Губернские очерки». Л. Ф. Пантелеев в своих воспоминаниях («Из воспоминаний прошлого», т. II, стр. 152) утверждает, что при прохождении через цензуру это произведение встретило чрезвычайные затруднения: «...в Петербурге провести их почти не представлялось возможности»; в Москве же «Очерки» удалось напечатать лишь благодаря известному своим либерализмом цензору Крузе, «хотя с треть все-таки было выкинуто». Это последнее утверждение Пантелеева вызывает серьезные сомнения[5]. Тем не менее совершенно очевидно, что цензура сильно пощипала данное произведение Салтыкова, тем более очевидно, что, если бы Салтыков писал его без оглядки на цензурные требования, краски его были бы еще ярче, а впечатление от него еще сильнее.

Как бы то ни было, никаких документальных данных о прохождении «Очерков» через цензуру ни в то время, когда они печатались в «Русском Вестнике», ни в то время, когда они выходили отдельными изданиями, в нашем распоряжении покамест не имеется. Единственно, чем мы располагаем,— это рядом отзывов театральной цензуры, относящихся к переделкам для сцены отдельных рассказов данного цикла. Из этих еще не появлявшихся в печати отзывов[6] явствует, что власть признавала «Губернские очерки» в их большей части решительно недопустимыми для театра. Характерно в этом отношении замечание цензора Нордстрема: «...обыкновенное чтение этих рассказов грустно, слышать же их со сцены должно быть еще безотраднее» (в отзыве о сцене Н. Щедрина «Прошлые времена — рассказ подъячего», запрещенной в декабре 1856 г.). «Просители. Провинциальные сцены, соч. Н. Щедрина» были запрещены целых три раза: в октябре 1857 г., в январе 1862 г. и наконец в апреле 1866 г. Нельзя не отметить, что большинство репрессий театральной цензуры против переделок «Губернских очерков» принималось при непосредственном участии и, надо думать, не без давления управляющего III Отделения генерала-адъютанта А. Е. Тимашева.

По мере того как промышленно-капиталистические отношения все резче и резче вторгались в народнохозяйственный и идейно-психологический уклад страны, классовая дифференциация русского общества сказывалась все явственнее и явственнее. В соответствии с этим и напор цензуры на писателей оппозиционного направления становился все более и более ощутительным. На исходе 50-х годов, когда уже работали не только губернские комитеты, но и редакционные комиссии, недоброжелательное внимание цензуры было привлечено к целому ряду произведений Салтыкова. Салтыков, в это время постепенно уже отрешавшийся от юношеского утопизма и кратковременного славянофильства, шел сложным и зигзагообразным, но верным путем от либерализма к революционному демократизму. К началу 1859 г. относится беспримерное даже в летописях многостра-

дальной русской печати изуродование цензурой одного из лучших рассказов Салтыкова «Развеселое житье» [7], в котором, надо думать, был усмотрен намек на то, что терпение мужика и его покорность власти помещиков имеют свои границы. Несколько позже была запрещена пьеса «Съезд» (по всей вероятности это та самая пьеса, которая была названа впоследствии «Соглашение»). Документальных данных о мотивах этого запрещения еще не найдено, но об них дает яркое представление тот факт, что через 50 лет (sic!), в 1911 г., «Соглашение» было запрещено к постановке на сцене на основании отзыва цензора Реброва, заявившего, что в этой пьесе «автор рисует противодействие дворян реформе 19 февраля», а потому-де она «возбуждает неудовольствие одного сословия против другого» [8].

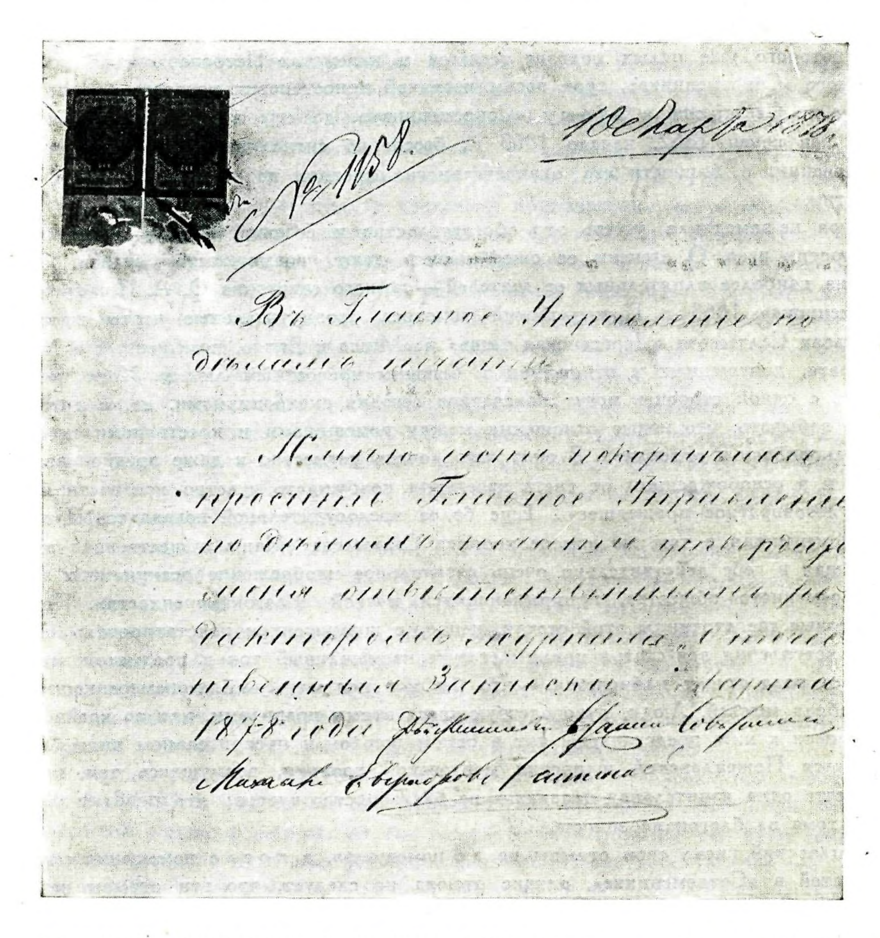
Предназначенная для «Московских Ведомостей» и относящаяся к самому началу 1860 г. публицистическая статья «Еще скрежет зубовный» [9] вовсе была запрещена цензурой, запрещена в двух инстанциях — сначала в Московском цензурном комитете, а затем и в Главном управлении цензуры, куда вздумал было жаловаться автор. Репрессия эта, согласно официальной мотивировке комитета, была вызвана тем, что означенная статья «содержит описание злоупотреблений помещичьей власти, прикрытых формой законности». Член Главного управления цензуры Берте, бывший докладчиком по этому делу, поддерживая точку зрения комитета, с своей стороны добавил: «тем более в настоящее время нельзя предавать гласности действия помещиков, когда разрешение крестьянского вопроса требует строгой осторожности со стороны цензуры».

Приведенные нами ссылки на соответствующий документальный материал, а число этих ссылок при желании легко было бы увеличить, свидетельствуют, что главной мишенью цензурного обстрела служили те произведения Салтыкова, в которых он касался взаимоотношений помещиков и крестьян, неизменно отстаивая интересы последних. Лейтмотивом целого ряда статей и очерков М. Е. этих лет, точно так же как и лейтмотивом его административной деятельности в Рязани, являлось следующее, не лишенное эмоциональности его заявление: «Я не дам в обиду мужика! Будет с него, господа... Очень, слишком даже будет» (см. статью Г. А. Мачтета «М. Е. Салтыков в Рязани», «Газета Гатцука» 1890 г., №№ 16 и 17).

Хотя эти слова Салтыкова и дали повод одному из провинциальных остряков назвать его, вместо «вице-губернатора» «вице-Робеспьером», однако в «робеспьерстве», т. е. в четких и последовательных революционных установках, Салтыков начала 60-х годов все же едва ли повинен. Он шел, как было упомянуто выше, от либерализма к революционному демократизму, но еще не пришел к нему окончательно. Любопытно, что во всеподданнейших докладах министра народного просвещения Е. П. Ковалевского за 1859 г. несколько раз упоминается, и упоминается в сочувственном тоне, имя Салтыкова: первый раз в докладе от 18 марта в связи с помещением в «Современнике» «Развеселого житья» («рассказ весьма замечателен по глубокому знанию русского человека, которого нравственный облик часто не изглаживается при развратнейшем образе жизни»), второй раз в докладе от 31 июня в связи с помещением в «Русской Беседе» рассказа «Госпожа Падейкова» («остроумная эта карикатура набросана со свойственным Щедрину талантом»). Само собой разумеется, что министерские похвалы «Развеселому житью» сделались возможными лишь после того, как цензура, находившаяся в ведении того же Ковалевского, вытравила из текста рассказа несколько наиболее ярких эпизодов и «смягчила» целый ряд «предосудительных мест». Таким образом трудно решить, кого собственно хвалил в данном случае министр — автора или же своих чиновников, столь потрудившихся над «Развеселым житьем». Тем не менее вряд ли можно отрицать, что в 1859 г. — период, который повелось называть «медовым месяцем русского прогресса», — имя Салтыкова, по крайней мере в глазах той части бюрократии, которая еще не перестала играть в либерализм, не было особенно одиозным.

Проходит два-три года, и положение существенным образом меняется. «Реформа» 19 февраля 1861 г. послужила к новому обострению классовой борьбы, которая с неослабным ожесточением велась и на литературно-журнальном фронте.

1862 год принес Салтыкову, вышедшему в начале года в отставку с тем, чтобы целиком посвятить себя литературе, во-первых, отказ в разрешении издавать затеянный им журнал «Русскую Правду»[10] и во-вторых, запрещение цензурой двух замечательных его очерков — «Каплуны» и «Глуповское распутство». О них известно, что они поступили в цензуру в апреле 1862 г., сначала подверглись процессу жестокого цензорского вымарывания, затем, по усиленному настоянию Н. Г. Чернышевского, были разрешены к печати, но в конце концов после вмешательства некоторых сановных

№ 1158.

10 Марта 1878.

Въ Главное Управленіе по дѣламъ печати

Имѣю честь покорнѣйше просить Главное Управленіе по дѣламъ печати утвердить меня отвѣтственнымъ редакторомъ журнала „Отечественныя Записки" съ марта 1878 года. Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Михаилъ Евграфовъ Салтыковъ

ЗАЯВЛЕНИЕ САЛТЫКОВА В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ ОТ 10 МАРТА 1878 г. ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ЕГО (ПОСЛЕ СМЕРТИ НЕКРАСОВА) ОТВЕТСТВЕННЫМ РЕДАКТОРОМ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»

Ленинградское отделение Центрархива

бюрократов бесповоротно запрещены. Удивляться этому конечно не приходится: основной темой «Каплунов» и «Распутства», предназначавшихся повидимому служить завершением цикла «Сатир в прозе», являлись разложение дворянской цивилизации и грозное нарастание активности народных масс. Не забудем, что В. И. Ленин как-раз об этих годах в статье «Гонители земства и аннибалы либерализма» писал: «Оживление демократического движения в Европе, польское движение, недовольство в Финляндии, требование политических реформ всей печатью и всем дворянством, распространение по всей России «Колокола», могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих *революционеров*, появление прокламаций,

возбуждение крестьянских масс, которых очень часто приходилось с помощью военных сил и с пролитием крови заставлять принять «Положение», обдирающее их, как липку, студенческие беспорядки,— при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание опасностью весьма серьезной». Удивительно ли после этого, что цензурная практика, несколько смягчившаяся в начале 60-х годов, стала приобретать все более и более репрессивный характер?

И вот в это грозное и тревожное время Салтыков теснейшим образом примыкает к редакционному кругу «Современника», того самого «Современника», идейный вдохновитель которого уже целых полгода томился в казематах Петропавловской крепости, того самого «Современника», срок восьмимесячной приостановки которого еще не истек. Приобщение Салтыкова к этому «Современнику», да еще в такой исключительный момент, как конец 1862, начало 1863 г., бесспорно сигнализировало о значительном его полевении, о близости его окончательного перехода на позиции революционной демократии.

Цензура не замедлила учесть это обстоятельство и с новой энергией повела свои атаки против него. О степени ее ожесточения дают возможность судить отзывы одного из наиболее влиятельных ее деятелей — тайного советника О. А. Пржецлавского. «Современника» 1863 г., Пржецлавский усмотрел «возмутительные черты жестокости В рассказах Салтыкова «Деревенская тишь» и «Миша и Ваня», помещенных в № 1—2 и разврата, допущенных в отношении к бывшим крепостным людям. Хотя подобные картины, с одной стороны, могут показаться сегодня анахронизмами, но, с другой, не надобно забывать, что новые отношения между помещиками и крестьянами не вполне еще установились и окрепли»... В виду чего «очень неуместно и даже вредно разжигать страсти и в освобожденном от гнета населении возбуждать чувство ненависти и мщения за невозвратное прошедшее»... Еще более предосудительной показалась Пржецлавскому помещенная в том же номере хроника Салтыкова «Наша общественная жизнь», содержащая в себе действительно очень язвительное изображение реакционных элементов современного общества, прикрывающихся маской «благонамеренности». Прочитав лишь первые две страницы этой статьи, цензор с возмущением констатировал: «С этого как бы вступления вся статья принимает уже насмешливый тон и предметом насмешки и всякого рода острот избирается, — кто бы мог подумать! — благонамеренность и хороший образ мыслей. Люди, руководствующиеся этими правилами, или по крайней мере стремящиеся к ним, представлены тут в самом пошлом и презрительном виде». Сильно вооружился Пржецлавский и против мартовской хроники, возмущаясь тем, что «вся статья есть одна язвительная нападка — на благородство чувств; это pendant к филиппике I тома на благонамеренность»...

Пржецлавский писал свои отзывы не до помещения, а после помещения салтыковских статей в «Современнике», однако отсюда не следует, что эти отзывы не имели самого реального значения для последующей цензурной практики. Зная, что их деятельность контролирует один из представителей высшего цензурного начальства, даже сравнительно терпимые цензора волей-неволей вынуждены были проявлять максимум охранительного усердия. Нечего и говорить, как неблагоприятно отражалось это усердие на «Современнике», в частности на писаниях Салтыкова.

Характерно, что И. А. Гончаров, также один из видных цензурных деятелей того времени, в своем донесении о салтыковской хронике «Наша общественная жизнь», помещенной в № 11 «Современника» 1863 г., констатирует «запутанность» и «темноту» ее содержания, «проистекающие очевидно из желания автора сказать больше, чем дозволяет цензура». «Должен сознаться, — продолжает Гончаров, — что, благодаря обилию намеков, иносказаний и обходов, я многого в ней не понимаю». Это значило, что цензура добилась своего — сделала мало понятным, а следовательно до некоторой степени обезвредила произведение одного из самых опасных борцов с реакцией. Нескрываемое торжество слышится в заключительных словах гончаровского отзыва: «судя по тому, что «Современник» был прежде и что он стал в последние шесть месяцев, трудно упрекнуть цензуру в слабости: она с замечательным успехом умела обуздать ярость обличи-

тельного и отрицательного направления в журнале, не давая прорываться в печать крайностям. Задача не легка и заслуга цензуры не маловажна».

Этой «заслуге» цензуры мы, возможно, обязаны и тем, что целый ряд статей Салтыкова 1863—1865 гг. не мог появиться в «Современнике» и в течение долгих лет оставался никому неизвестен [11].

Через четыре года после своего ухода из «Современника» Салтыков окончательно порвал с чиновничьей службой (14 июня 1868 г.) и, переехав на жительство в Петербург, стал одним из членов редакционного триумвирата «Отечественных Записок», только что перешедших в руки новой редакции с Некрасовым и Елисеевым во главе. Хотя в это время Салтыкову перевалило за сорок, хотя в прошлом его жизнь складывалась так, что он не мог не чувствовать некоторого утомления, однако именно на конец 60-х, 70-х и начало 80-х годов падает наибольший расцвет его творческой деятельности. Именно через «Отечественные Записки», у кормила которых Салтыков стоял целые 16 лет, до самого их запрещения (с 1868 по 1884 г.) прошла большая часть написанного Салтыковым, при чем ее составили произведения такого исключительного значения, как «История одного города», «Дневник провинциала», «Помпадуры и помпадурши», «Господа ташкентцы», «Благонамеренные речи», «Господа Головлевы», «Убежище Монрепо», «Письма к тетеньке», «Современная идиллия». Неудивительно, что автор их и как художник и как идеолог наиболее передовых социальных групп своего времени вырастает в крупнейшую фигуру, становится не просто первоклассным писателем, а одним из подлинных «вождей», к слову которого прислушиваются все, не исключая даже и классовых его врагов. Определяясь в своих основных темах и мотивах социальным бытием эпохи, а прежде всего освободительным движением 70-х годов, которое все чаще и чаще называют в последнее время народнической революцией, творчество Салтыкова, в свою очередь, становится одним из видных факторов, влияющих на умонастроение современников.

Наравне с ростом общественно-литературного значения Салтыкова растет и ненависть к нему охранителей разных мастей и рангов, усиливается интенсивность направленных против него цензурных атак. Автор этих строк посвятил особое исследование борьбе Салтыкова с цензурой в период его работы в «Отечественных Записках» (см. его книгу «В тисках реакции», ГИЗ, 1926), а потому в настоящем изложении нет надобности в подробном рассмотрении относящихся сюда фактов. Однако о наиболее ярких из них нельзя не напомнить, хотя бы в самом беглом аспекте, — иначе образуется зияющий пробел в самой центральной части рисуемой нами картины.

Хотя в первые два года существования «Отечественных Записок» под новой редакцией (1868—1869) в них печатались произведения Салтыкова преимущественно из провинциальной жизни, в которых не так уж часто затрагивались так называемые «общие вопросы», особенно пугавшие цензоров, цензура отнюдь не оставляла его в покое. Уже осенью 1868 г. в цензурном ведомстве определенно заговорили о «сродстве» «Отечественных Записок» с запрещенным «Современником», при чем поднявший этот вопрос член совета Главного управления по делам печати Ф. М. Толстой ссылался в подтверждение на очерк Салтыкова «Легковесные» и «Письмо из провинции» («Отеч. Зап.», № 9), усматривая в них «отрицание авторитетов, преклонение только перед юными свежими силами молодого поколения и глумление, направленное против лиц, заведывающих администрацией...» Сверх того в течение рассматриваемого периода тем же Толстым, а также цензором С.-Петербургского цензурного комитета Н. Е. Лебедевым были сделаны заявки о «предосудительном направлении» очерка «Старая помпадурша» (№ 11, 1868 г.), начала «Истории одного города» (№ 1, 1869), критического разбора гончаровского «Обрыва» (ст. «Уличная философия», № 6, 1869), рассказа «Испорченные дети» (№ 9, 1869) и десятого «Письма из провинции» (№ 11, 1869 г.). В чем только ни обвинялся Щедрин в этих заявках: и «в глумлении над властью», и «в упорном порицании всего, что делается в России», и «в отъявленном космополитизме», и «в пасквилях» на определенных представителей администрации, и т. д. и т. п.

К началу 70-х годов репутация «преобразованных» «Отечественных Записок» была окончательно испорчена, и одной из главных причин этого было сотрудничество Салты-

кова. Цензор Юферов в особой записке об «Отечественных Записках», относящейся к 1871 г., прямо заявлял, что из всех сотрудников журнала «в особенности представляется вредною, так как она более других привлекает общественное внимание, деятельность г. Щедрина». Результаты подобного отношения сказались очень быстро. В августе 1871 г. под давлением цензуры Салтыков вынужден был изъять пятый очерк «Итоги», в котором «доказывал, что слово «анархия» употребляется в ненадлежащем смысле и что анархистами должны называться собственно те, которые ставят преграды прогрессу» (см. письмо Салтыкова к А. М. Жемчужникову, «Русская Мысль» 1913 г., № 4). Надо думать, что эта репрессия была вызвана тем, что в «Итогах» цензура не без основания усмотрела отклик на слушавшийся в то время процесс Нечаева и нечаевцев. Салтыков как бы хотел указать своей статьей на то, что враги социального и политического прогресса в несравненно большей степени являются виновниками анархии, чем те, кого охранители и обывательская масса величают «анархистами». В следующем сентябрьском номере, в статье «Так называемое Нечаевское дело», Салтыков дал сводку мнений об этом деле благонамеренной прессы, сопроводив ее несколькими ядовитыми замечаниями по поводу трогательного единодушия реакционных и либеральных публицистов в брани по адресу Нечаева. Этой статьей Салтыкова заинтересовалось III Отделение и довело о ней до сведения Александра II, который в особой резолюции предписал «обратить на это внимание министра вн. дел». В октябре того же злосчастного 1871 г. Лебедев едва не добился объявления «Отечественным Запискам» предостережения за статью «Самодовольная современность» (№ 10), клеймившую общественную деморализацию — следствие торжества реакции.

В июле 1872 г. «Отечественным Запискам» было объявлено первое предостережение, негласным поводом к которому, по данным Н. С. Курочкина (см. его письмо к Некрасову от 1 августа 1872 г.), послужила шестая глава «Дневника провинциала», содержавшая в себе ядовитую насмешку над начальником Главного управления по делам печати М. Н. Лонгиновым (он был выведен под именем «тайного советника Козьмы Пруткова») и угодничающими перед ним либеральными литераторами.

В 1873 г. возбуждался вопрос об очерках «В больнице для умалишенных» (№№ 2 и 4), в которых председатель Цензурного комитета усмотрел попытку изобразить в сатирическом виде вел. кн. Константина Николаевича.

В апреле 1874 г. в очерке «Зиждитель» (№ 4) цензура усмотрела памфлет на пензенского губернатора Татищева; в мае IX гл. «Благонамеренных речей» как одна из «особенно вредных статей» 5-й книжки журнала была заарестована, а затем и сожжена вместе с книжкой. В этой главе, названной Салтыковым впоследствии «Тяжелый год», наряду с ярким рассказом о грабительстве провинциальных чиновников во время Крымской войны цензура обнаружила «нескрываемый сарказм» и «иронию» в отношении «пользы самодержавия». Закончился 1874 г. заявкой цензора Лебедева об «Экскурсиях в область умеренности и аккуратности» (№ 9), при чем, обвиняя автора в «стремлении изобразить грустные условия современного общественного положения в России», цензор не постеснялся заявить, что он пришел к этому заключению, «читая между строк, по некоторым прозрачным намекам». Свирепость цензурного нажима в 1874 г., в частности такой редкий даже в русской печати факт, как сожжение целого номера журнала, само собой разумеется должна быть поставлена в связь с тем, что начавшееся еще в 1873 г. «хождение в народ» достигло своего апогея именно весной и летом 1874 г. Отсюда рост оппозиционных настроений в обществе и чрезвычайное усиление правительственных репрессий, сказавшихся и на цензурной практике.

В сентябре 1875 г., по требованию «глубоко мерзавца Лебедева» (выражение Салтыкова), был вырезан из № 5 «Отечественных Записок» четвертый очерк «Экскурсий в область умеренности и аккуратности» и сделаны купюры в рассказе «Непочтительный Коронат».

В 1876 г., в связи с напечатанием в № 1 «Культурных людей», цензура обвинила Щедрина в желании «выставить на позор не одни общественные недостатки, но и самый государственный порядок». В марте было задержано печатание статьи «Отрезанный

17 СЕН 1879.
Конфиденциально. 982

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.
С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТЪ.
С.-Петербургъ. Сентября 1879 г.
№ 11[illegible]

Господину исправляющему должность Начальника Главного Управления по делам печати.

Вследствие письма Вашего Превосходительства 16 сего Сентября за № 2476 имею честь уведомить, что редактор журнала «Отечественные Записки» Салтыковъ изъявилъ согласие на предложенные ему исключения и изменения в № 9 «Отечественных Записок» а именно:

1) В статье «Finis Монрепо» исключить места на стр. 231 от слов: «Въ Византию...» до слов «такъ оно комически и подъ...»

2) В статье «Первое Июня. Первое Июля» исключить весь отдел подъ рубрикою «Первое Июня», т. е. от начала статьи на стр. 119 до 131.

3) на стр. 119 вставить небольшое въ трехъ строкахъ заявление о пропуске отдела 1го Июня по неимению материала

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ОТНОШЕНИЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ ОТ 17 СЕНТЯБРЯ 1879 г.

В этом документе сообщается о согласии Щедрина сделать в статьях «Finis Монрепо» и «Первое июня, первое июля» требуемые цензурой купюры и содержится ходатайство о снятии в виду этого ареста с сентябрьской книжки журнала

Ленинградское отделение Центрархива

ломоть» за содержащееся в ней «обругание Гамбетты» (выражение Салтыкова); в июне была сделана заявка об очерке «Привет» из цикла «Благонамеренных речей». Осенью того же 1876 г. Салтыкову пришлось пережить одно из тягчайших унижений всей его жизни. По совету цензора Ратынского он поехал к новому начальнику Главного управления по делам печати проф. В. В. Григорьеву, чтобы договориться с ним о продолжении печатания «Экскурсий», встретивших цензурные препятствия. Из письма Салтыкова к Некрасову (от 3 сентября 1876 г.) мы узнаем, что Григорьев принял Салтыкова «не только холодно, но почти неприязненно, даже не посадил». «Свидание, — рассказывает Салтыков, — вряд ли продолжалось и минуту, но, несмотря на это, мне показалось, что на меня целый час плевали». Неудивительно, что когда о поведении Григорьева в отношении Салтыкова узнали его сотоварищи по профессуре в С.-Петербургском университете, против него поднялась буря возмущения, и он должен

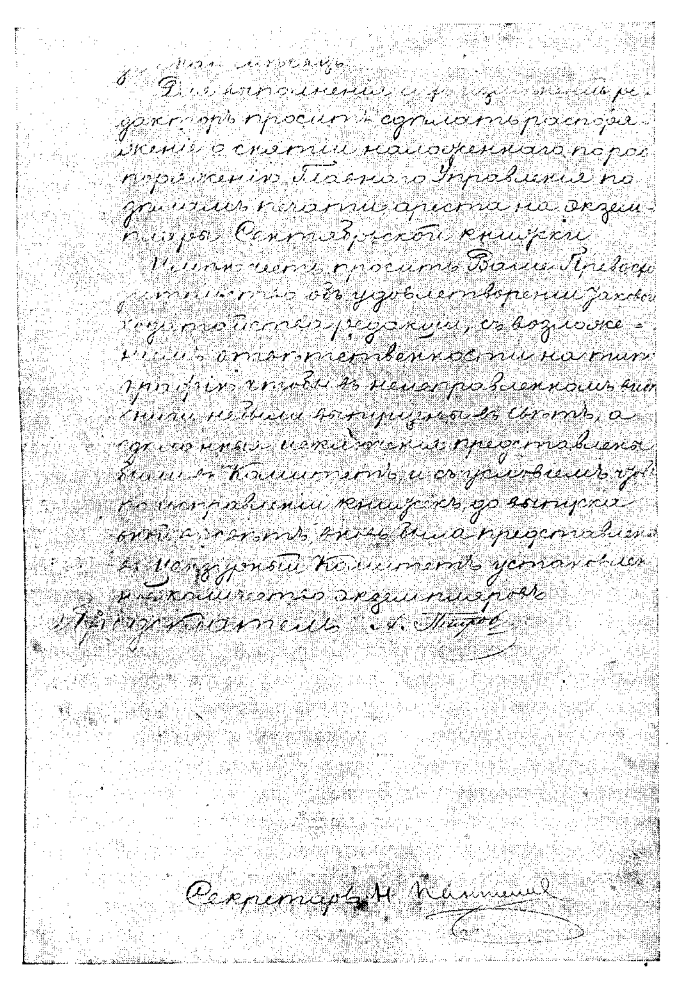
был не только принять Салтыкова с «подобающим почтением», но и принести ему «всевозможные извинения» (см. письмо Елисеева к Некрасову от 27 сентября 1876 г.).

Тем не менее следующий 1877 г. принес Салтыкову новые цензурные скорпионы. Из рассказа его «Дети Москвы» (№ 1) цензура «выдрала девять страниц, т. е. всю внутренность (см. письмо Салтыкова к Жемчужникову, от 28 марта 1877 г.). Попытка откликнуться на только что вышедший роман Тургенева — «Новь» и замолвить словечко в защиту народнической молодежи не удалась, так как написанный на эту тему рассказ «Чужую беду руками разведу» был целиком вырезан из февральской книжки журнала. В 1878 г. купюрам подверглась напечатанная в январском номере «Дворянская хандра», в которой в уста болезненной и горбатенькой Юлии Михайловны Щедрин осмелился вложить» знаменательное пророчество: «Заря опять придет, но не только заря, но и солнце!.. Есть добрые непадающие духом! Есть! И они увидят солнце, увидят, увидят!» Еще более не повезло с февральской книжкой, в которой была напечатана IV гл. «Современной идиллии». Цензор буквально не находил слов для квалификации «особой преступности» этого произведения. «Возмутительное, дерзкое глумление», «крайне злонамеренные идеи», «крайний цинизм» — вот в каких выражениях изливал он овладевшее им раздражение. Настроение цензора сделается нам понятным, если мы вспомним хотя бы знаменитое место из «автобиографии» Очищенного, говорящее о происхождении русского государства: «Прибыли из-за моря три князя: Рюрик — в Новгород, Синеус — в Ладогу, Трувор — в Изборск. Приехали и легли с дороги спать. Только спят они и видят во сне все трое один и тот же ряд картин, прообразующих будущие судьбы их нового отечества. Сначала — удельный период — князья жгут; потом татарский период — татары жгут; потом московский период — жгут, в реке топят и в синодики записывают; потом самозванщина — жгут, кресты целуют, бороды друг у дружки по волоску выщипывают; потом лейб-кампанский период — жгут, бьют кнутом, отрезывают языки, раздают мужиков и пьют венгерское; потом наказ наместникам: «како в благопотребное время на законы наступать надлежит»; потом учреждение губернских правлений: «како таковым благопотребным на закон наступаниям приличное в законах же оправдание находить»; а наконец и появление прокуроров: «како без надобности в сети уловлять»,. Утверждая, что «допущение этой статьи вызвало бы неприязненное против правительства возбуждение, в особенности в среде молодежи», цензор без труда добился ее исключения. Наконец в ноябре 1878 г. запрещению подверглась еще одна салтыковская статья, а именно очерк «В добрый час» по обвинению в «осмеянии полиции». Не забудем, что 1878 г., принесший Салтыкову столько цензурных репрессий, ознаменовался началом политического террора (выстрел Засулич, убийство Мезенцева), рядом вооруженных сопротивлений при арестах (например Ковальского) и восстановлением центральной организации партии «Земля и воля». Даже либералы зашевелились и в ответ на призыв правительства к обществу о содействии в борьбе с крамолой (20-е августа) начали проводить через земские собрания конституционные адреса.

1879 год отличался еще более напряженным характером. Достаточно напомнить о таких фактах, как липецкий съезд «землевольцев», как организация партии «Народная воля», как ряд необычайно смелых покушений на Александра II, которому уже был произнесен смертный приговор Исполнительным комитетом «Народной воли» (26 августа). Неудивительно, что этот год и для «Отечественных Записок» и для Салтыкова был исключительно трудным. Январская книжка получила предостережение за «Внутреннее обозрение» Елисеева, в котором указывалось, что одной из причин развития социалистических и революционных идей среди молодежи является стремление помочь крестьянству в его безысходно-тяжелом экономическом положении. «Тревоги и радости в Монрепо», помещенные в февральской книжке, хотя и не были исключены, но навлекли обвинение в том, что «Щедрин старается представить в самом мрачном и отвратительном виде современное положение нашего общества, в котором от произвола администрации, воплощаемого автором в лице станового, приходится задыхаться». В сентябре 1879 г. цензорские ножницы прошлись по двум салтыковским статьям. Из «Finis'a Монрепо» было исключено яркое место, содержащее отклик Щедрина на тенденцию правительства в борьбе с революционным движением опереться на охотноряд-

ских молодцов. Вот это место: «Умников,—пародировал Салтыков правительственную точку зрения, — нужно в реке топить, а упование возложить на молодцов из Охотного ряда, а когда молодцы начнуть по зубам чистить, тогда горошком... Раз, два, три и се не бе (под горошком автор подразумевает картечь). Молодцов горошком, а на место их опять умников поманить. А потом умников горошком: так оно колесом и пойдет». Гораздо сильнее пострадала другая статья сентябрьской книжки «Первое июня. Первое июля» (цикла «Круглый год»). Вся первая половина ее была вырезана цензурой за «протест против мер строгости, предпринимаемых правительством для устранения тех ненормальных явлений, которыми отличается у нас последнее время».

К концу 70-х годов, надо думать, относится и интереснейший эпизод — разговор Салтыкова с министром внутренних дел Л. С. Маковым; эпизод, свидетельствующий, что при объяснении с сановниками редактор «Отечественных Записок», не в пример прочим деятелям тогдашней журналистики, умел проявлять достаточное гражданское мужество. Маков, как рассказывает в своих воспоминаниях о Салтыкове С. Н. Кривенко, «официально пригласил к себе редакторов газет и журналов, чтобы высказать им какие-то свои взгляды касательно поведения и положения печати... Маков сказал сначала собравшимся нечто вроде речи, а потом стал говорить с некоторыми в отдельности,

[illegible]
Для исполненія и [illegible] ре-
дакторъ проситъ сдѣлать распоря-
женія о снятіи наложеннаго по рас-
поряженію Главнаго Управленія по
[illegible] ареста на экзем-
пляры Сентябрской книжки
Имѣю честь просить Ваше Превосхо-
дительство объ удовлетвореніи [illegible]
[illegible] редакціи, съ возложе-
ніемъ отвѣтственности на тип-
ографію [illegible] въ неисправленномъ ви-
дѣ книги не были выпущены въ свѣтъ, а
сдѣланныя исключенія представлены
въ Комитетъ, и съ условіемъ, что
по исправленіи книжекъ, до выпуска
оныхъ въ свѣтъ, [illegible] была представлена
въ Цензурный Комитетъ установлен-
наго количества экземпляровъ
Предсѣдатель А. Петровъ
Секретарь Н. [illegible]

ВТОРАЯ СТРАНИЦА ОТНОШЕНИЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ ОТ 17 СЕНТЯБРЯ 1879 г.

Ленинградское отделение Центрархива

и вот, в то время как одни чуть ли ни со всем, сказанным им, соглашались и только дакали да точно такали,— Салтыков, напротив, горячо и прямо стоял за литературу и своим громким басом говорил об ее стесненном положении, так что выходило так, как будто не Маков, а он Макову делал выговор, а когда последний на прощание обратился к нему с любезною шуткою: — Под каким же соусом вы меня теперь преподнесете публике? — то он мрачно, отходя в сторону и еще более возвышая голос, отвечал: — Нам теперь не до соусов, не до соусов!»

70-е годы заканчивались для Салтыкова и для руководимого им журнала столь неблагоприятно, что в ближайшем будущем можно было ожидать самых тяжелых осложнений. Однако первый год следующего десятилетия ознаменовался, как помнит читатель, пресловутой «диктатурой сердца» гр. Лорис-Меликова, явившейся прямым результатом резкого роста революционного движения в стране. Печать получила возможность вздохнуть несколько свободнее.

Прежде чем это облегчение сказалось сколько-нибудь реально, Лебедев успел добиться исключения из февральской книжки «Отечественных Записок» 1880 г. щедринского очерка «Вечерок», рисующего общественную жизнь «каким-то тяжелым кошмаром», созданным реакцией и «литературой ретирадников» (т. е. охранительной печатью).

Здесь не лишнее будет отметить, что Салтыков ни на минуту не обольщался насчет истинного характера «диктатуры сердца», так как был убежден, что от нее нельзя ожидать сколько-нибудь широких политических и социальных реформ. В связи с этим он продолжал тревожиться за участь журнала, тем более, что сравнительно благожелательный новый начальник Главного управления по делам печати Н. С. Абаза не скрывал от него, что «Отечественные Записки» «внушают к себе в известных сферах чрезвычайное озлобление». Тем не менее 1880 г., если не считать отмеченного цензурного инцидента с «Вечерком», прошел для Салтыкова более или менее благополучно.

Зато 1881 г. сопровождался целым рядом серьезных цензурных инцидентов. Уже накануне 1 марта цензор Лебедев сделал заявку об очередном очерке цикла «За рубежом» («Отеч. Зап.», № 2), утверждая, что «на каждой странице» этого очерка указывается, «что в России жить невозможно от полицейских, урядников, исправников и других начальств, которые только и думают, как уловлять своих сограждан и высылать их административным порядком в дальние страны». Далее заявки цензора дело в данном случае не пошло. Иначе сложилась для Салтыкова вторая половина 1881 г. Недаром в IV главе «За рубежом» он с беспримерною смелостью откликнулся на реакционный ураган, вызванный казнью Александра II, созданием живописного образа свиньи, которая под сочувственный «грохот толпы» обывателей чавкает правду. Раньше можно было на что-то надеяться, согласно поговорке: «бог не попустит, свинья не съест»; теперь же сомневаться в том, что «свинья съест» — увы! не приходится.

Салтыков на своем собственном опыте вскоре пережил то, что испытывает «правда», пожираемая свиньей. Когда он в третьем «Письме к тетеньке» попытался рассказать правду о только что сорганизовавшейся Священной Дружине, которая, объединив в своих кругах часть придворной знати, замышляла поход против передовых элементов русского общества, при чем в программу своих действий включила и террористические акты, и целую систему политического шпионства, и наконец подкуп, то правда эта сейчас же была задушена цензурой. Третье «Письмо к тетеньке» было вырезано из сентябрьской книжки «Отечественных Записок» на том основании, что автор «предает позору и оплеванию все меры честных людей, стоящих на стороне правительства и готовых к борьбе с враждующими элементами». Декабрьское «Письмо к тетеньке», посвященное развитию той мысли, что «Дракины и Хлобыстовские», т. е. помещики, засевшие в земстве, по своей алчности и эксплоататорским замашкам ни чуть не лучше, а иногда даже хуже «Сквозников-Дмухановских», т. е. бюрократии, в свою очередь, привлекло внимание цензора, правда, ограничившегося только заявкой об его «предосудительности».

Под влиянием этих цензурных невзгод, а также непрекращавшихся слухов о личных репрессиях против него, об якобы уже уготованных ему обысках, высылках и т. п.

настроение Салтыкова было безотрадно-тяжелым, тем более, что никаких надежд на ослабление реакционных веяний у него не оставалось.

1882 год принес цензурный обстрел напечатанного в № 1 пятого (по журнальному счету) «Письма к тетеньке» по обвинению в том, что «русское общество представляется в нем кишащим шпионами, соглядатаями, лицами, содействующими кому-то и чему-то; лицами, которые, прикрываясь патриотическими стремлениям, готовы предать всякого, не разделяющего их точки зрения».

Хотя душевные страдания Салтыкова, буквально изнемогавшего под гнетом реакции, дошли в это время до крайних пределов, и он всерьез начал заговаривать в письмах к друзьям о самоубийстве как единственном спасении от «каторги», в которую превратилась жизнь, ему суждено было дожить до еще худших времен. В мае 1882 г. министром внутренних дел был назначен самый реакционный из русских сановников 70—80-х годов гр. Д. А. Толстой, которого какой-нибудь год назад Салтыков изобразил в виде «странствующего администратора» гр. Твэрдоонто («За рубежом»). Этот последний, оставшись не у дел, не изменил однако своей политической «платформы», заключавшейся в словах:

Трубят рога!
Разить врага!
Давно пора!

«Кто поручится, что он не воспрянет опять?» спрашивал тогда сатирик, не предполагая, очевидно, что эти слова окажутся пророческими. Толстой-Твэрдоонто действительно «воспрянул» и как министр внутренних дел получил возможность невозбранно «разить врага»... К числу же врагов он относил и Салтыкова с его журналом.

Первые громы грянули осенью 1882 г. Директор департамента полиции В. К. Плеве поднял тревогу в связи с напечатанием в № 9 «Отечественных Записок» очередной главы «Современной идиллии», в которой усмотрел не более не менее как «оскорбление величества». Дело в том, что в этой главе Салтыков дал следующее описание «геральдического знака страны зулусов» на пуговицах «странствующего полководца Редеди»: «на золотом поле взвившийся на дыбы змей боа, и по бокам его скорпион и тарантул. По толкованию Редеди, аллегория эта обозначала самого владыку зулусов (змей) и и двух его главных министров: министра оздоровления корней (скорпион) и министра умиротворений посредством в отдаленные места водворений (тарантул)». Нельзя отрицать, что этот «геральдический знак» очень напоминает государственный герб императорской России, и Плеве таким образом имел известное основание заговорить об оскорблении величества... XIX—XXI главы «Современной идиллии» (№ 2), в которых была дана картина того, как предводительствуемые урядниками крестьяне ловят по деревням воображаемых «социалистов», в свою очередь, вызвали трения в цензурном комитете. Однако ни письмо Плеве в Главное управление, ни заявка цензурного комитета непосредственных репрессий за собою не повлекли. Впрочем эти последние не заставили себя долго ждать.

Январская книжка «Отечественных Записок» за 1883 г. получила предостережение, мотивированное более чем угрожающим образом: «осмеянием и старанием выставить в ненавистном свете существующий общественный, государственный и экономический строй» и «симпатиями журнала к крайним социалистическим доктринам». Вызвано было это предостережение главным образом XXII главой все той же «Современной идиллии», посвященной сатирическому изображению политического процесса в Кашинском окружном суде. После этого Салтыкову ничего не оставалось, как оборвать «Современную идиллию», донельзя скомкав ее конец, о чем он прямо и говорит в начале XXVIII гл. «Я обращаюсь, — читаем мы здесь, — к снисходительности читателей. Я должен кончить с этой историей, хоть скомкать ее, но кончить. Я сам не рассчитывал, что слово: «конец» напишется так скоро, и предполагал провести моих героев через все мытарства, составляющие естественную обстановку карьеры самосохранения. Не знаю, сладил ли бы я с этой сложной задачей, но знаю, что должен отказаться от нее и на скорую руку свести концы с концами. Во все продолжение моей литературной де-

ятельности я представлял собой утопающего, который хватается за соломинку. Покуда соломинки были, я кое-как держался; но как скоро нет и соломинок — ясное дело, приходится утонуть»...

Чтобы отдалить окончательное «потопление», Салтыков почти прекращает сотрудничество в своем собственном журнале. Попытка возобновить его в сколько-нибудь интенсивной форме тотчас же дала повод цензурным аргусам забить тревогу. В исходе 1883 и в начале 1884 г. Салтыков печатал в «Отечественных Записках» «Пошехонские рассказы». Два из них — «Пошехонское дело» (№ 12 1883 г.) и «Пошехонское отрезвление» (№ 3, 1884 г.) — вызвали заявки Лебедева. Первый из них обвинялся в «безотрадном взгляде на современный общественный быт», в частности в изображении помещика-эксплоататора новейшей формации Клубкова; второй — в «осмеянии консервативной части публицистики, которая хлопочет об отрезвлении русского общества», пользуясь поддержкой правительства. Несколько ранее цензура исключила из «Отечественных Записок» (№ 2, 1884 г.) четыре «сказки»: «Добродетель и пороки», «Медведь на воеводстве», «Обманщик газетчик и легковерный читатель» и «Вяленая вобла». Главным мотивом исключения, по данным письма Салтыкова к Белоголовому от 13 февраля, явилось то, что в одной из сказок был выведен Лев. После этого Салтыков поспешил взять переданные в типографию и предназначенные для следующего номера четыре других сказки: так как в одной из них был выведен Орел, то очевидно и им угрожала участь первых четырех.

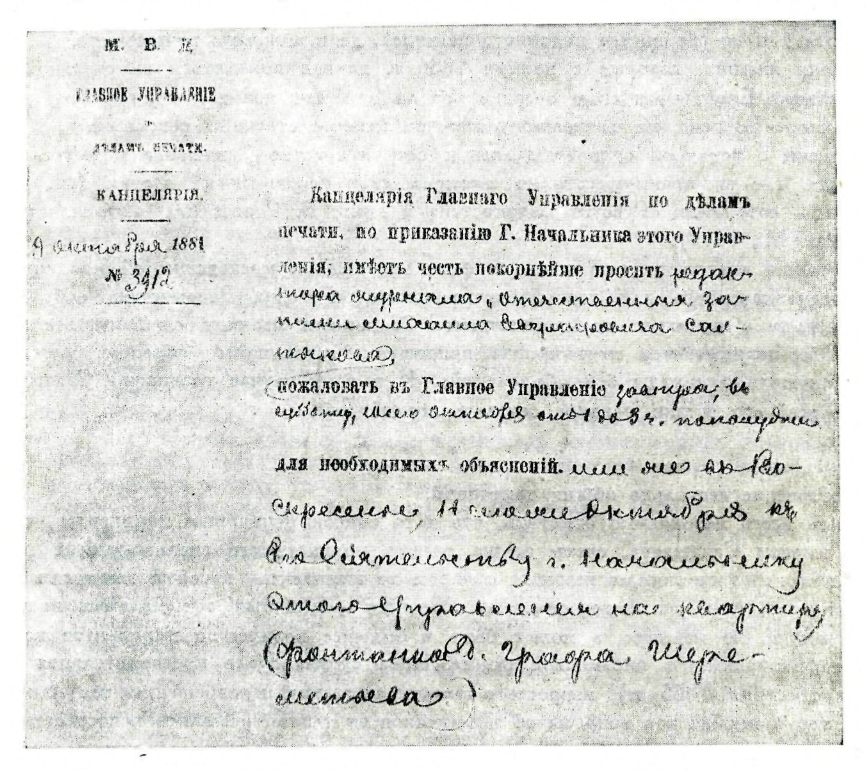
Одиозный характер последних репрессий свидетельствовал о том, что близился последний час «Отечественных Записок». На это же указывали и другие зловещие признаки. К рассматриваемому времени относится высылка и арест нескольких сотрудников журнала, в том числе таких близких, как Н. К. Михайловский, С. Н. Кривенко и М. Протопопов. Кары, постигшие первых двух, явились следствием того, что благодаря предательству Дегаева департамент полиции получил сведения об их сношениях с «Народной волей». 20 апреля 1884 г. в «Правительственном Вестнике» было напечатано обширное сообщение об окончательном запрещении «Отечественных Записок», согласно постановления совещания четырех министров, выдвигавшее против журнала целый ряд тяжких обвинений. «Отечественные Записки» трактовались как один из тех органов периодической печати, «которые несут на себе тяжелую ответственность за удручающие наше общество события последних лет», так как страницы их «отмечены направлением, которое породило неисчислимый вред и связь коего с преступными учениями, излагаемыми в подпольных изданиях, не подлежит сомнению». Затем в сообщении отмечалось, что в «редакции «Отечественных Записок» группировались люди, состоявшие в близкой связи с революционной организацией», и что «статьи самого ответственного редактора, которые по цензурным условиям не могли быть напечатаны в журнале, появлялись в подпольных изданиях у нас и в изданиях, принадлежащих к эмиграции»...

Салтыков воспринял запрещение «Отечественных Записок» как большое несчастье, ибо это запрещение лишило его общения с демократическим читателем, страстно любимым им. «Душа у меня теперь запечатана», с невыразимой горестью твердил великий писатель. «Отнята та лучистая сила, которая давала ему возможность огнем своего сердца зажигать сердца других», читаем в несравненной «сказке-элегии» «Приключение с Крамольниковым».

Отношение деморализованного реакцией общества к «катастрофе» увеличивало нравственные терзания Салтыкова. В письме к Белоголовому от 3 мая Салтыков с нескрываемым раздражением говорит: «Прежде бывало, живот у меня заболит — с разных сторон телеграммы шлют: живите на радость нам! а нынче вон, с божьей помощью, какой поворот! — и хоть бы одна либеральная свинья выразила сочувствие! Даже из литераторов — ни один не отозвался... Обидно следующее, человека со связанными руками бьют, а пошехонцы, разиня рот, смотрят и думают: однако, как же его и не бить! ведь он — вон какой!»

Волновали также Салтыкова слухи о том, что противная сторона принимает меры к тому, чтобы вовсе «вытеснить его из литературы». В частности ему стало известно, что московский генерал-губернатор кн. Долгоруков призывал редактора «Русской Мысли» Юрьева и грозил ему всякими репрессиями, если в его журнал перейдет кто-либо из сотрудников «Отечественных Записок».

Все пережитое в дни запрещения «Отечественных Записок», по свидетельству д-ра Белоголового, близкого друга Салтыкова, в такой мере подкосило его здоровье, что он уже не мог оправиться: его организму оставалось лишь более или менее длительно бороться с надвигающейся смертью. Но изнемогая под непосильным двойным бременем душевной тоски и физической болезни, Салтыков не выпускал пера из рук,

М. В. Д.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНIЕ по ДѢЛАМЪ ПЕЧАТИ.

КАНЦЕЛЯРIЯ.

9 октября 1881

№ 3912

Канцелярiя Главнаго Управленiя по дѣламъ печати, по приказанiю Г. Начальника этого Управленiя, имѣетъ честь покорнѣйше просить редактора журнала „Отечественныя Записки" Михаила Евграфовича Салтыкова, пожаловать въ Главное Управленiе завтра, въ субботу, [illegible] Октября отъ 1 до 3 ч. пополудни для необходимыхъ объясненiй. или же въ Воскресенье, 11 сего Октября къ его Сiятельству г. Начальнику этого Управленiя на квартиру (Фонтанка д. Графа Шереметева)

КОПИЯ ПРИГЛАШЕНИЯ САЛТЫКОВА В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ ОТ 9 ОКТЯБРЯ 1881 г. ПО ПОВОДУ ИСКЛЮЧЕНИЯ ИЗ № 9 «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК» ТРЕТЬЕГО «ПИСЬМА К ТЕТЕНЬКЕ», НАПРАВЛЕННОГО ПРОТИВ «СВЯЩЕННОЙ ДРУЖИНЫ»

Ленинградское отделение Центрархива

не бежал с поля битвы, в которой получил столько кровавых ран. При первой возможности он возобновил литературную деятельность, но, увы, в качестве сотрудника уже чужих изданий — «Вестника Европы», «Русских Ведомостей», отчасти «Недели». Его новые творения («Сказки», «Пестрые письма», «Мелочи жизни») с прежней настойчивостью клеймили реакцию и вопияли о невыносимо тяжелом положении народных масс, а потому естественно должны были привлечь недоброжелательное внимание цензуры. Особенно встревожил последнюю один из очерков цикла «Пестрые письма», помещенный в январском номере «Вестника Европы» 1885 г. Цензор Ведров в свое донесение о нем внес даже следующее суждение: «Сатира со времени Ювенала и Персия действовала разрушительно, но она имела предметом общечеловеческие недостатки, которые бичевала; избрать же предметом сатиры пылкое юношество и неокрепшую печать [12], указывать на их позорную роль в будущем — значит затрагивать самые чувствительные струны всякого благоустроенного государства и подтачивать его основы» [13].

Как обернулось дело в дальнейшем — об этом мы узнаем из письма Салтыкова к Соболевскому от 9 января. «Со мной же, — читаем мы здесь, — по поводу январской книжки «Вестника Европы» целая история произошла. Экстренно собрали совет [14], припомнили Персия и Ювенала и нашли, что даже они такой смуты в общественное сознание не вносили, какую я вношу (буквально). Дело на сей раз кончилось тем, что записали в журнал: иметь в виду. Вот я какой...» Салтыков ошибался, что «дело на сей раз кончилось». Главная опасность была еще впереди. «Скажу вам следующее,— сообщал сатирик в новом письме (от 2 февраля) Соболевскому, — по поводу 1-го № «Вестника Европы» было собрание 4-х [15], созванное гр. Толстым, который требовал закрытия журнала. И опять по поводу главным образом меня. Кто-то инсинуировал Толстому, что первое январское «Пестрое письмо» — и именно Федот [16] — написано на него, хотя я и во сне ничего подобного не видел, да и похожего ничего нет».

«Мелочи жизни», которые с ноября 1886 г. начали появляться на страницах того же «Вестника Европы», в свою очередь подали однажды повод к длиннейшему донесению цензора Ведрова, не вызвавшему впрочем непосредственных репрессий.

Трениями с цензурой сопровождалось и сотрудничество Салтыкова в «Русских Ведомостях», где он преимущественно помещал свои несравненные сказки (см. статью «Щедрин — сотрудник «Русских Ведомостей» в книге В. Розенберга «Журналисты безвременья». М., 1917).

Совершенно анекдотическим является факт запрещения московским обер-полицмейстером предназначенного для первомайского номера «Русских Ведомостей» «объявления от редакции» о панихиде по скончавшемся 28 апреля великом сатирике земли русской. Обер-полицмейстер мотивировал запрещение следующим образом: «Редакция может служить панихиды без объявлений». И в этом случае травившая Салтыкова в течение всей его жизни цензура осталась верной себе...

* * *

В заключение несколько общих замечаний.

Прежде всего необходимо отметить, что хотя список цензурных инцидентов, связанных с именем Салтыкова, очень велик, однако признать его сколько-нибудь полным невозможно. В него попали главным образом те инциденты, которые вызывали записи в протоколах, цензорские донесения и переписку различных официальных инстанций между собой. Не меньшее, а может быть и большее количество инцидентов вовсе не было зафиксировано в письменной форме. Пока существовала предварительная цензура (до сентября 1865 г.), вопросы о разрешении или неразрешении тех или иных статей, точно так же как вопросы об изъятиях в их тексте, решались непосредственным усмотрением цензора. Редакции и авторы считали обычно бесполезным протестовать против цензорских приговоров, а потому последние ни в каких документах, если не считать исчерканных красным карандашом корректур, не находили своего отражения.

После отмены предварительной цензуры цензорам приходилось письменно мотивировать свое мнение гораздо чаще: всякий раз, когда официально возбуждался вопрос о «предосудительности» какой-либо статьи в «безцензурном» издании. Но далеко не всегда вопросы подобного рода ставились официально. Нередко они решались путем частных переговоров редакторов или авторов с цензорами, или с членами Главного управления по делам печати, и тогда опять-таки дело обходилось без письменной фиксации достигнутого соглашения («аккомодации»), хотя бы оно заключалось в том, что редакция исключала «неудобную» статью из журнала.

Из изложенного ясно, что претерпеть от цензуры Салтыкову пришлось гораздо больше, чем об этом можно судить по данным цензурных архивов. О некоторых из своих столкновений с цензурой он, правда, упоминает в своих письмах, но опять-таки далеко не обо всех. Отсюда вывод, что истинная роль цензуры в отношении Салтыкова только частично вскрывается приведенным выше фактическим материалом.

Затем, вчитываясь в цензорские квалификации «предосудительности» салтыковских статей, нельзя не притти к заключению, что они свидетельствуют о несомненном умении выявлять те стороны в идеологии сатирика, которые особенно неприемлемы были

для правящих кругов. Я не хочу сказать, что цензура не впадала в преувеличения, доходящие в иных случаях до нелепости, что она неповинна в явных передержках, тем более в мало обоснованных придирках. И преувеличений, и нелепостей, и передержек, и придирок конечно немало как в вышеприведенных материалах, так и в печатаемых ниже материалах новонайденных. Однако суть не в них, а в том, что цензура второй половины XIX в. была, если можно так выразиться, достаточно политически грамотна, чтобы почувствовать в лице Салтыкова непримиримого врага не каких-либо «частных недостатков механизма», а всего социально-экономического и политического уклада современной ему русской жизни. Этим и объясняется ее ожесточение против него, ее систематический, последовательный, упорный нажим на его творения. Ведь в семье великих русских писателей XIX в. не было ни одного, который сделал бы для разоблачения «гнусной расейской действительности» больше, чем сделал Салтыков.

В. Евгеньев-Максимов

ПРИМЕЧАНИЯ

1 «Салтыков,— рассказывает А. Я. Панаева в своих «Воспоминаниях»,— нещадно стал бранить русскую литературу, говоря, что, занимаясь ею, можно поколеть с голоду... что одни дураки могут посвящать себя литературному труду при таких условиях, когда какой-нибудь вислоухий камергер имеет власть не только исказить, но и запретить умственный труд литератора... что он навсегда прощается с литературой» и т. д.

2 Автор настоящих строк в конце 90-х годов, когда он бывал в семье покойного А. М. Унковского, видел объемистую пачку этих «рескриптов». Однако в настоящее время ни сыновья, ни дочери Унковского этой пачки уже не имеют: не то она осталась в руках одного из тех, кто, интересуясь рескриптами, попросил их «почитать на время», не то бесследно пропала вместе с основной частью архива Унковского, оставшегося на петербургской квартире его дочери, уехавшей в провинцию, и повидимому уничтоженного малокультурными жильцами.

3 См. письмо Добролюбова к Бордюгову от 20 сентября 1859 г.

4 Ниже печатаются неизданные материалы, из которых явствует, что содержание письма Салтыкова к Павлову было перлюстровано.

5 Ему противоречит то обстоятельство, что последующие издания «Губернских очерков», которые выходили уже тогда, когда цензурная практика значительно смягчилась, содержат только очень небольшое количество авторских дополнений, восстанавливающих изъятый цензурой текст.

6 Отзывы эти приводятся ниже — в «Материалах».

7 Недавно найден первоначальный текст «Развеселого житья», позволяющий судить о том, как варварски расправилась цензура с этим шедевром Салтыкова.

8 Отзыв Реброва не появлялся еще в печати; он приводится ниже — в «Материалах».

9 Цензурные документы, относящиеся к этой статье Салтыкова, печатаются в «Материалах».

10 Это запрещение нельзя не признать тем более симптоматичным, что ни программа журнала, ни предполагаемый состав его сотрудников (А. М. Унковский, Головачев) не давали достаточных оснований думать, что журнал будет стоять на крайнем левом фланге тогдашней журналистики.

11 См. например опубликованные впервые в предыдущем полутоме этого сборника статьи Щедрина: «Современные призраки» и две хроники «Нашей общественной жизни».

12 Само собой разумеется, Салтыков имел в виду в этом «Письме» реакционное юношество и ретроградную печать.

13 Данное, как и прочие цензурные донесения о произведениях Салтыкова, печатавшихся в «Вестнике Европы», впервые было опубликовано мною в журнале «Печать и революция». Впоследствии оно вошло в мою статью «Салтыков в «Вестнике Европы» (см. книгу «Из прошлого русской журналистики», «Издат. писателей в Ленинграде»).

14 Очевидно Совет Главного управления по делам печати. Нельзя не отметить осведомленности Салтыкова о том, что происходило в цензурных сферах. Нет сомнения, что он получал информацию от знакомых чиновников цензурного ведомства.

15 Имеется в виду совещание четырех министров — высшая инстанция, от которой зависело решение вопроса о запрещении того или иного периодического издания. «Отечественные Записки» были запрещены согласно постановления именно этого совещания.

16 Федот — сановник, изображенный в «Пестрых письмах». О нем было сказано, что он угнетал автора, хотя и был в свое время его школьным сверстником. Министр внутренних дел гр. Толстой был, как известно, товарищем Салтыкова по лицею.

I. «ПРОТИВОРЕЧИЯ» И «ЗАПУТАННОЕ ДЕЛО»

После того как Салтыков был в 1848 г. сослан в Вятку за опубликование повестей «Противоречия» и «Запутанное дело», им самим и его родителями не раз предпринимались попытки добиться помилования, однако все они неизбежно кончались неудачами (см. Вл. Емельянов «Ссылка М. Е. Салтыкова в Вятку и его освобождение». (1848—1856 гг.) «Русская Старина» 1909 г., ч. CX, стр. 107—123). Одна из таких неудачных попыток вызвала в ответ весьма любопытную характеристику вины Салтыкова со стороны кн. Чернышова — военного министра, в канцелярии которого Салтыков служил помощником секретаря.

В 1848 г. отец Салтыкова подал прошение на высочайшее имя. Замещавший в то время статс-секретаря у стола прошений А. С. Норов препроводил 28 августа 1848 г. это прошение кн. Чернышову с такой просьбой от своего имени: «Покорнейше прошу Вас, милостивый государь, с возвращением оного почтить меня сообщением по содержанию его сведений присовокуплением Вашего заключения: заслуживает ли сын просителя прежнею службою своею монаршего снисхождения».

Князь Чернышов ответил Норову следующим, еще не появлявшимся в печати «весьма секретным» письмом за № 1575.

Милостивый Государь Авраам Сергеевич.

Доставленное ко мне при отношении Вашего Превосходительства от 28 минувшего августа за № 5464 всеподданнейшее прошение отставного коллежского советника Евграфа Салтыкова о возвращении из Вятки на службу в С.-Петербург сына его, служившего в канцелярии Военного Министерства помощником секретаря, Титулярного Советника Михаила Салтыкова,— я нахожу преждевременным по следующим причинам.

1-я, литературные произведения молодого Салтыкова, которые были причиною увольнения из канцелярии Военного Министерства, напечатаны им в периодических изданиях, в противность существующих узаконений, без ведома и дозволения начальства.—

2-я, содержание сих произведений, обнаруживше не только легкомыслие, но и вредный образ мыслей, тем менее простительны для Салтыкова, что, принадлежа к одному из лучших дворянских родов, имея хорошее состояние и будучи обязан воспитанием своим в Лицее благотворением Государя Императора, он мог и должен был видеть все нелепости и гибельное направление идей, потрясших западную Европу, и понимать, сколь много заслуживают порицания и справедливого наказания лица, стремящиеся к распространению сих идей и

3-я, увольнение Салтыкова из канцелярии вверенного мне Министерства и перевод в Вятку под надзор тамошнего Гражданского губернатора последовали по Высочайшему повелению в Апреле месяце с. г., едва за четыре пред сим месяца.

Возвращая за сим к Вашему Превосходительству всеподданнейшее прошение Коллежского Советника Евграфа Салтыкова, покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Подписал: князь А. Чернышов.

(Ленингр. Отделение Центрархива. Дело Канцелярии Военного Министерства № 41 за 1848 г.: «Об увольнении от службы пом. секретаря Титулярного Советника Салтыкова».)

Первый пункт этого обвинения носит чисто формальный характер. Действительно по распоряжению, изданному еще в 1824 г., чиновники не имели права печатать свои сочинения без разрешения начальства. Зато во втором пункте Салтыков обвинялся не только в черной неблагодарности — измене императору, который его «облагодетельствовал»,— но и в измене своему классу, так как, «принадлежа к одному из лучших дворянских родов и имея хорошее состояние», он поднял руку против богатых и знатных; при чем Чернышов подчеркивает сознательный характер преступления, а не юношеское заблуждение, как это старались представить члены составленной им комиссии по расследованию дела, а также Салтыков и его родители в своих прошениях о помиловании.

Получив столь неблагоприятный отзыв от бывшего начальства Салтыкова, Норов не счел даже возможным представить прошение Николаю I, и Салтыков остался в Вятке вплоть до 1856 г., когда после целого ряда прошений Салтыкова и личного ходатайства его нового начальства — вятского губернатора Середы — он получил наконец право вернуться на жительство в Петербург.

II. ГУБЕРНСКИЕ ОЧЕРКИ

Как уже говорилось выше, в нашем распоряжении нет никаких материалов, свидетельствующих о столкновениях Салтыкова с цензурой при печатании в «Русском Вестнике» первого крупного произведения, с которым он выступил по возвращении в Петербург из ссылки,— «Губернских очерков». Отсутствие подобных материалов скорее всего объясняется общим порядком просмотра произведений в условиях предварительной цензуры. Так как цензор мог единолично пропускать произведение и исключать или намечать к изменению предосудительные по его мнению места, то в делах Цензурного комитета и не должно было оставаться никаких документов, позволяющих установить цензурную историю произведения.

Зато в делах театральной цензуры, где порядок прохождения через цензуру был несколько иным, сохранился ряд документов, показывающих, что цензура относилась к этому произведению Салтыкова весьма и весьма неблагожелательно и что всякая попытка провести на сцену пьески и переделки из «Губернских очерков» встречала самый решительный отпор.

По уставу 1828 г. театральная цензура находилась в ведении самого III Отделения канцелярии его величества (§ 23, п. 11). О каждом рассмотренном произведении, предназначавшемся для постановки на сцене, драматический цензор должен был докладывать в особом рапорте управляющему III Отделением, давая заключение, и сам управляющий III Отделением на основании этого рапорта разрешал или запрещал пьесу.

Первая же попытка поставить на сцене отрывки из «Губернских очерков», как можно видеть по этим рапортам драматических цензоров, провалилась из-за противодействия со стороны цензуры. Вот как отозвался цензор Нордстрем о пьесе «Прошлые времена», которая представляла собой очевидно драматизацию первого рассказа подъячего из I главы «Губернских очерков», носившей то же заглавие:

ПРОШЛЫЕ ВРЕМЕНА

Рассказ подъячего, сцена соч. г. Щедрина для Императорских театров.

Подъячий рассказывает из своей жизни несколько «истинно любопытнейших» случаев о том, как он, в прежнее время, в звании заседателя Земского Суда, безнаказанно брал взятки, притеснял народ и, обманывая «снисходительное начальство», жил «как у Христа за пазушкой».

Обыкновенное чтение этих рассказов грустно; слышать же их со сцены должно быть еще безотраднее.

Ив. Нордстрем.

[Рукой А. Е. Тимашева]: Запрещается.

2 декабря 1856 года.

Свиты Его В[еличества] генерал-майор
Тимашев.

(Ленингр. отделение Центрархива. Архив драм. цензуры. Рапорты о пьесах, рассмотренных в 1856 г. Русские пьесы, рап. № 180.)

Пьеса эта так и не была поставлена.

Такая же участь постигла пьесу «Просители» из IV главы «Губернских очерков» — «Драматические сцены и монологи». Тем же Нордстремом представлен был следующий отзыв:

ПРОСИТЕЛИ

Провинциальные сцены соч. Н. Щедрина для Императорских театров.

Действие происходит в вымышленном губернском городе Крутогорске. В этих сценах изображены в комическом виде слабые и смешные стороны просителей и просительниц разного звания, ожидающих приема у Начальника Губернии. Сам же Губернатор, князь Чебылкин,— старик добрый и благонамеренный; но будучи чрезмерно слаб душой и телом и не имея никаких административных способностей, он полагается во всем на плута-секретаря, который делает с ним, что хочет.

На русской сцене не было еще примера, чтобы Губернатор представлен был с невыгодной стороны в административном отношении; впрочем автор, выставляя в нем плохого администратора, нисколько не унижает характера его, как человека, и притом нет повода полагать, что автор имел при этом в виду какую-нибудь личность. Пьеса эта назначается для бенефиса г-жи Линской.

Ив. Нордстрем.

Как видим, отзыв Нордстрема был написан в довольно сдержанном тоне. Тем не менее на нем наложена была лаконичная резолюция управляющего III Отделением:

Запрещается.

30 октября 1857 г.

Свиты Его Величества генерал-майор

Тимашев.

(Ленингр. отделение Центрархива. Архив драм. цензуры. Рапорты о пьесах, рассмотренных в 1857 г. Русские пьесы, рап. № 171.)

В 1862 г. пьеса эта снова была представлена в драматическую цензуру, но цензор Булгарин ограничился краткой справкой, что «пьеса эта была уже в рассмотрении цензуры и 30 октября 1875 года запрещена», и Нордстрем дал заключение — «на основании резолюции 30 октября 1857 года запретить. 17 января 1862. Ив. Нордстрем». (Там же, Рапорты о пьесах, рассмотренных в 1862 г. Русские пьесы, рап. № 19).

Наконец в 1866 г., когда уже драматическая цензура перешла из ведения III Отделения в ведение Главного управления по делам печати при Министерстве внутренних дел, «Просители» в третий раз были представлены в цензуру, вероятно в надежде, что новое цензурное ведомство менее строго отнесется к пьесе, чем III Отделение, однако «Просители» и в третий раз были запрещены цензурой к постановке на сцене. Приводим выписку из журнала заседания Совета Главного управления по делам печати от 25 апреля 1866 г.:

«Заслушав доклад цензора драматических сочинений статского советника Кейзера фон Нилькгейма о рассмотренной им пьесе соч. Н. Щедрина под заглавием «Просители. Провинциальные сцены». Из доклада видно, что эта пьеса была уже недозволена цензурою III Отделения Собственной Его Величества канцелярии. Побудительными поводами к запрещению было то, что в этом сочинении есть слишком много резких выражений и сцен, оскорбительных для лиц, состоящих на государственной службе, и кроме того начальник губернии изображен хотя и благонамеренным, но почти идиотом.

По выслушании этого доклада Совет полагает запрещения пьесы Н. Щедрина под заглавием «Просители» — не отменять».

(Ленингр. отделение Центрархива. Дело Главного управления по делам печати с журналами заседаний Совета Главного управления по делам печати за 1866 г., № 66.)

Отзыв этот, значительно более резкий, чем первый отзыв Нордстрема, проливает свет на причины запрещения пьесы в 1857 г. Ведь «побудительные поводы», на которые ссылается Кейзер фон Нилькгейм, вовсе не содержались в рапорте Нордстрема. Следовательно сведения о них он почерпнул из каких-то других источников. Такими источниками могли послужить как личное знакомство его с делом, так как он в 1857 г. служил чиновником в III Отделении при драматической цензуре, так и представленный еще в 1857 г. на рассмотрение цензуры экземпляр пьесы. Экземпляр этот, хранящийся в настоящее время в Центральной библиотеке русской драмы им. Ходотова в Ленинграде, представляет собой вырезку из «Библиотеки для чтения», где печатались «Просители», с обеими резолюциями — Тимашева и Кейзера фон Нилькгейма, и цензорскими пометками красным и черным карандашом.

Сопоставляя эти пометки с докладами Нордстрема и Кейзера фон Нилькгейма, нетрудно видеть, что подчеркивание красным карандашом сделано по всей вероятности Нордстремом, а черным — Тимашевым.

Если это так, Нордстрем обратил внимание на следующие места:

1) В конце I сцены слова Живновского: «Призови меня к себе его сиятельство и скажи: «Живновский, не нравится вот мне эта борода (указывает на Белугина), задуши его, мой милый» — и задушу. То-есть, сам тут замру, а задушу (Белугин плюет). Не плюйся, не плюйся, борода! Погоди плеваться!»

2) Во II сцене реплика Белугина о губернаторе: «Так-то вот все ест. Давеча чай с кренделями кушал, теперича завтракает, ужо, поди, за обед сядет — только чудо, право, как и дела-то делаются?» (Ср. в докладе Нордстрема обвинение в том, что «губернатор представлен с невыгодной стороны в административном отношении»).

Кроме того подчеркнуто два выражения, признанных повидимому слишком грубыми: в IV сцене в замечании Живновского о Хоробиткиной и Налетове «Облупит она его» подчеркнуто слово «облупит» и в V сцене в рассказе Разбитного о том, какое впечатление произвел на князя обед у Налетова: «А спаржа, говорит, просто непристойная»,— подчеркнуто слово «непристойная».

Вот и все пометки, сделанные на экземпляре пьесы красным карандашом. Незначительное их количество вполне соответствует не столь резкому отзыву Нордстрема. Зато в pendant решительному тону резолюции Тимашева черным карандашом отмечено

№ 171.

Воспрещается
(30 октября 1857 г.)
Решено Его Величеством Генерал-Майор
Тимашев

Просители

Провинціальныя сцены соч. Н. Щедрина.

Для Императорскихъ театровъ.

Дѣйствіе происходитъ въ вымышленномъ губернскомъ городѣ Крутогорскѣ. Въ этихъ сценахъ изображены, въ комическомъ видѣ, слабыя и смѣшныя стороны просителей и просительницъ разнаго званія, ожидающихъ пріема у Начальника Губерніи. Самъ же Губернаторъ, Князь Чебылкинъ, — старикъ добрый и благонамѣренный; но будучи чрезмѣрно слабъ душею и тѣломъ и не имѣя никакихъ административныхъ способностей, онъ полагается во всемъ на плута-секретаря, который дѣлаетъ съ нимъ что хочетъ.

На русской сценѣ не было еще примѣра, чтобы Губернаторъ представленъ былъ съ невыгодной стороны въ административномъ отношеніи; впрочемъ авторъ, выставляя въ немъ плохаго администратора, нисколько не унижаетъ характера его, какъ человѣка, и притомъ нѣтъ повода полагать, что авторъ имѣлъ при этомъ въ виду какую нибудь личность. Пьеса эта назначается для бенефиса Г-жи Линской.

Ив. Нордстремъ

ОТЗЫВ ЦЕНЗОРА ДРАМАТИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ ИВ. НОРДСТРЕМА О «ПРОСИТЕЛЯХ» ЩЕДРИНА, ПРЕДПОЛОЖЕННЫХ К ПОСТАНОВКЕ НА СЦЕНЕ АЛЕКСАНДРИНСКОГО ТЕАТРА В ОКТЯБРЕ 1857 г.

Сверху резолюция управляющего III Отделением генерал-майора Тимашева, запрещающая постановку

Ленинградское отделение Центрархива

весьма большое количество выражений, в том числе и такой диалог, который позволил Нилькгейму ссылаться на то, что по отзыву III Отделения губернатор, князь Чебылкин, представлен почти идиотом:

Налетов. Э... однакож князь, кажется, этого не знает.

Забиякин (улыбается, мотает головой и показывает на лоб). Не взыщите-с.

Налетов. Д-да? Ну, это другое дело.

(В этом диалоге подчеркнуты слова «не взыщите-с».)

Если на подобные места Нилькгейм ссылается как на мотивы запрещения, а в рапорте Нордстрема они не отмечены, то отсюда напрашивается вывод, что Тимашев сам дополнительно просмотрел пьесу и со своей стороны нашел такие места и выражения, что, несмотря на довольно мягкий отзыв Нордстрема, счел невозможным разрешить постановку пьесы.

Только в 1903 г. пьеса была разрешена, но с большими сокращениями и ставилась в Александринском театре в Петербурге 9 мая 1903 г.

В 50-х годах на сцену удалось попасть только переделкам из «Губернских очерков», сделанных не Салтыковым. Собственно их нельзя даже назвать «переделками»: составители этих сцен ограничились простым чисто режиссерским приспособлением к постановке салтыковского текста, оставшегося в совершенно нетронутом виде; разрешение их следует отнести поэтому лишь за счет более осторожного выбора очерков по сюжету.

Вот отзыв Нордстрема об одной из таких сцен:

РАССКАЗ г-жи МУЗОВКИНОЙ

Драматическая сцена, заимствованная из «Губернских очерков» Щедрина и переделанная для сцены Н. Куликовым для Императорских театров.

Какой-то проезжий господин остановился в деревне у старика, крестьянина, Акима, который объясняет ему о житье-бытье своем и 6-ти сыновей своих. В это же время является к приезжему дворянка, коллежская секретарша Марья Павловна Музовкина, с просьбой выслушать ее рассказ о том, как она жила приживалкой в разных домах сплетничала, была выгоняема, приносила на это каждый раз жалобы начальству и наконец, лишенная пристанища, бродит по миру, выпрашивая себе деньги в долг, заимообразно.

Предосудительного нет ничего.

Ив. Нордстрем.

[На донесении резолюция Тимашева:] «Позволяется». 6 ноября 1857 г. Свиты Его Величества генерал-майор Тимашев».

(Ленингр. отделение Центрархива. Архив драм. цензуры. Рапорты о пьесах, представленных в 1857 г. Русские пьесы, рап. № 148.)

Пьеса была поставлена 31 октября 1857 г. в тот самый бенефис Линской, для которого предназначались запрещенные «Просители».

Н. Куликов — артист и режиссер Александринского театра; другой актер этого театра Григорьев представил в цензуру свою подготовку салтыковского текста «Провинциальные оригиналы».

Нордстрем дал следующий отзыв об этих сценах:

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ОРИГИНАЛЫ

Драматические сцены, составленные из «Губернских очерков» Щедрина в 2-х картинах актером Григорьевым

для Императорских театров.

Актер Григорьев выбрал из «Губернских очерков» Щедрина несколько комических сцен из жизни провинциальных чиновников.

1. Ревизор, Алексей Дмитрич, окончив ревизию в г. Крутогорске, собирается уехать. Перед отъездом является к нему, в числе прочих лиц, городничий Желваков, по части которого были замечены злоупотребления (лошади пожарной команды найдены в крайне худом теле), и приглашает ревизора к себе на именинный обед. После городничего является к ревизору исправник, Маремьянкин-Живоглот, а за исправником помещик Пе-

регоренский с кляузными жалобами на исправника, но ревизор отказывает ему в его просьбах.

2. Отставной подпоручик Живновский, промотавший свое состояние, рассказывает на станции близ г. Крутогорска о своих видах нажиться в этом городе, рассчитывая при том на тамошних купцов. Он говорит: «Крутогорск это сторона, где купец борода безобразнейшая, сам нищим смотрит, а в сапоге миллионы носит, как давнул эту бороду, так старинные эти крестовики да лобанчики из нее и посыпались».

Представление подобных лиц со времени «Ревизора» Гоголя уже не новость для нашей сцены.

Ив. Нордстрем.

[На донесении резолюция Тимашева:] «Позволяется 6 ноября 1857 г. Свиты Его Величества генерал-майор Тимашев.

(Ленингр, отделение Центрархива, Архив. драм. цензуры. Рапорты о пьесах, рассмотренных в 1857 г., № 182.)

Как видно из рапорта цензора, материалом для пьесы «Провинциальные оригиналы» послужили, с одной стороны, очерк «Неприятное посещение» из цикла «Прошлые времена», с другой стороны—очерк «Обманутый подпоручик» из цикла «Мои знакомцы», герой которого Живновский является также действующим лицом пьесы «Просители». Пьеса «Провинциальные оригиналы» была поставлена на сцене Александринского театра 8 ноября 1857 г. в бенефис Григорьева.

Однако не следует думать, что эти очерки попали на сцену в неискаженном виде. В Центральной библиотеке русской драмы им. Ходотова сохранились цензорские экземпляры этих сцен, по которым можно видеть, что цензор, разрешая их и даже указывая, что предосудительного в них нет ничего, выбросил целый ряд мест и выражений (напр. рассказ Акима о сыне Кузьме, который, находясь долгое время в услужении у графа, стал сам пренебрежительно относиться к крепостным — отцу и брату, в «Рассказе г-жи Музовкиной», или следующее рассуждение о значении одного пальца истинного администратора — в произведении «Провинциальные оригиналы»: «Я всегда удивлялся, сколько красноречия нередко заключает в себе один палец истинного администратора. Городничие и исправники изведали на практике всю глубину этой тайны...»

«ГОСПОЖА МУЗОВКИНА»
Рисунок М. Башилова к «Губернским очеркам», литографированный П. Борелем
«Художественный Листок» 1868—1869 гг.

III. СМЕРТЬ ПАЗУХИНА

Взгляд официальных кругов на «Смерть Пазухина» может быть установлен лишь по материалам театральной цензуры, так как документы, отразившие прохождение пьесы через обычную цензуру, при печатании в «Русском Вестнике» повидимому не сохранились.

В 1857 г. «Смерть Пазухина» была представлена в драматическую цензуру и получила следующий отзыв Нордстрема:

СМЕРТЬ ПАЗУХИНА

Комедия в 4-х действиях

Н. Щедрина для Императорских театров.

В г. Крутогорске живет богатый купец первой гильдии и потомственный почетный гражданин, Иван Прокофьевич Пазухин, 75-летний старик, занимающийся откупами и подрядами. Он находится в связи с благородною девицею Живоедовою, которая с этою целию продана ему своими родителями, будучи еще 15-ти лет. Пазухин болен; все окружающие видят приближение смерти, но он не допускает и мысли о том и потому не хочет сделать духовного завещания. Это обстоятельство возмущает как его родственников, так и друзей, которые, будучи все безнравственными и порочными людьми, принимают различные преступные меры к овладению капиталами умирающего. Сын его, Прокофий Иванович, устраняемый от наследства и презираемый отцом за приверженность к раскольничеству, обращается к зятю своему статскому советнику Фурначеву с просьбою: не допустить отца его сделать духовное завещание и за это предлагает ему 150 000 руб. Фурначев (он говорит о себе: «Ведь достиг же я статского советника, происходя, чорт знает, из какого звания... даже сказать постыдно! А все деньги!») — негодяй и ханжа, имея свои виды на богатство старика Пазухина, выгоняет его со словами: «Ты хочешь, чтобы я в пользу твою продал и честь и совесть, которым я 50 лет безвозмездно служу! Так у меня, сударь, беспорочная пряжка есть». В то же время Фурначев, желая один воспользоваться имением тестя, уговаривает Живоедову подделать ключ от сундука с деньгами; но Живоедова, не доверяя ему, сообщила об этом приятелю старика Пазухина, отставному генералу Лобастову (происхождением из сдаточных), который советует ей в минуту кончины самой похитить деньги из сундука. В час наступившей кончины все они, один за другим, тайно являются в квартиру Пазухина; но никто из них не решается итти в спальню только что скончавшегося, под кроватью которого стоит сундук с деньгами. Но Фурначев, будучи в этом деле опытнее других (он украл в день смерти у своего отца оставшиеся у него деньги), отправляется в спальню и, забравши из сундука билеты и векселя, сколько могло поместиться в его кармане, выходит; но его встречает сын Пазухина со свидетелями, уличает в преступлении и требует от него расписки в совершенной им краже. Затем, созвав всех, объявляет публично, что статский советник Фурначев вор и подлец, и выгоняет со словами: «Вон отсюда! Православные! расступитесь! дайте дорогу вору и грабителю, статскому советнику господину Фурначеву».

В числе прочих замечательно еще лицо отставного подпоручика Живновского, который, хвастая своими подвигами, рассказывает, что он «травил жидов; увез от живого мужа жену, без малейшего с ее стороны согласия; купца третьей гильдии, тоже против собственного его желания, телесному наказанию подверг; родного отца в рекруты отдал; и что после всего этого он остался «здрав и невредим».

Лица, представленные в этой пьесе, доказывают совершенное нравственное разрушение общества.

Ив. Нордстрем.

[На этом отзыве рукой Тимашева надписано]

«Запрещается 2 н[оября] 1857 г.

Свиты Его Величества генерал-майор Тимашев.

Самая пиеска будет возвращена после. 2 н[оября].»

(Ленингр. отделение Центрархива. Архив. драм. цензуры. Рапорты о пьесах, рассмотренных в 1857 г. Русские пьесы, рапорт № 18).

ПЕРВАЯ ПОСТАНОВКА «СМЕРТИ ПАЗУХИНА» НА СЦЕНЕ АЛЕКСАНДРИНСКОГО ТЕАТРА В СЕЗОН 1893—94 г.

Изображены: внизу артисты Козловская-Шмитова (Леночка Лобастова) и Медведев (Лобастов); вверху — Варламов (Фурначев) и Васильева (Живоедова)

«Ежегодник императорских театров» 1895 г.

В Центральной библиотеке русской драмы им. Ходотова в Ленинграде сохранился экземпляр пьесы с цензорскими отметками красным карандашом. Кроме тех мест, на которые Нордстрем ссылается в своем докладе, им подчеркнуты были еще все церковно-славянские обороты в репликах Велегласного как пародирующие язык религиозных обрядов, все ссылки на священное писание и другие церковные книги и упоминания о раскольниках; затем отмечены были выражения, оскорбительные для власть имущих, например в реплике Лобастова в I действии V сцены «я хоть и генерал, а добрый», или в реплике Прокофия Ивановича в I действии сцены VI «Вот, я Вам доложу, смрадная-то скотина, даром что статский советник»; подчеркнуты упоминания о карательных мерах, тюрьме и каторге и разные выражения, признанные грубыми и непристойными.

«Смерть Пазухина» впервые была поставлена лишь 2 декабря 1893 г. в Александринском театре, т. е. увидела свет рампы лишь через 36 лет после ее появления в печати (первая книга октябрьского номера «Русского Вестника» за 1857 г.).

IV. НЕВИННЫЕ РАССКАЗЫ

ГЕГЕМОНИЕВ

Сам по себе незначительный инцидент с рассказом Салтыкова «Гегемониев» служит ярким доказательством того, что в борьбе с салтыковской сатирой цензура не останавливалась даже перед перлюстрацией его писем.

25 августа 1857 г. Салтыков послал письмо И. В. Павлову, в котором, отвечая на его замечание, что «сказание о призвании варягов не факт, а миф», где «варяги — это губернаторы, председатели палат, секретари, становые, полицмейстеры, одним словом все администраторы», писал: «Твоим мифом о призвании варягов я намерен воспользоваться и написать очерк под заглавием «Историческая догадка». Изложу ее в виде беседы учителя гимназии с учениками» («Русская Старина» 1897 г., № 11, стр. 232—236).

22 октября 1857 г. в Главном управлении цензуры было начато специальное дело об «Исторической догадке». В этом деле хранится два любопытных документа. Первый

из них представляет собой написанное на клочке бумаги неизвестной рукой краткое анонимное донесение:

«г. Салтыков намерен написать статью под заглавием «Историческая догадка», изложив ее в виде беседы учителя с учениками».

Сопоставляя эту записку с письмом Салтыкова к Павлову, нетрудно видеть, что она является цитатой из приведенного выше письма.

Второй документ — составленный на основании донесения следующий секретный циркуляр министра народного просвещения, который в то время являлся главой цензурного ведомства.

Конфиденциально

Г. Попечителю Московского У[чебного] Округа[1].

Покорнейше прошу Ваше Превосход. в случае поступления на рассмотрение Московского Цензурного Комитета сочинения или журнальной статьи г. Салтыкова под заглавием «Историческая догадка», изложенной в виде беседы учителя с учениками, обратить на онную особенное Ваше внимание [зачеркнуто] и, если признаете нужным, представить мне это сочинение.

Подписал М. Н. Пр. А. Норов.

Такого же содержания г. Исправляющему должность Попечителя С.-Петербургского учебного округа.

(Ленингр. отделение Центрархива. Дело канцелярии министра народного просвещения по Главному управлению цензуры за 1857 г. № 226 о предполагаемой к напечатанию статье г. Салтыкова под заглавием «Историческая догадка»).

Однако впоследствии Салтыков изложил этот миф не в виде беседы учителя с учениками, а старого приказного с молодым становым приставом в рассказе с совсем другим заглавием — «Гегемониев». Немудрено, что московская цензура, незнакомая с предполагавшимся содержанием «Исторической догадки», пропустила этот очерк, не обратив на него «особенного внимания», и он был напечатан в «Московском Вестнике» 1859 г., № 15.

УТРО ХРЕПТЮГИНА

В цензурных архивах не найдено никаких документов, по которым можно было бы судить об отношении обычной цензуры к «Утру Хрептюгина», проявившемся при печатании этой пьесы в «Библиотеке для чтения». Театральная же цензура снова приняла в штыки Салтыкова. Все тот же цензор Нордстрем, который систематически запрещал одну пьесу Салтыкова за другой, дал и об «Утре Хрептюгина» следующий неблагожелательный отзыв:

УТРО ХРЕПТЮГИНА

Драматический очерк в 1 действии.

Соч. г. Щедрина

для Императорских театров.

Разбогатевший провинциальный откупщик Хрептюгин, делающий значительные пожертвования в пользу бедных и на различные общественные устройства единственно из видов честолюбия и желая получить чин надворного советника, узнает, что надежды его не сбылись и что все его денежные пожертвования были напрасны; при этом ему говорят, что вероятно он жертвовал недостаточно и что для достижения желаемого чина следует увеличить пожертвования.

Уместна ли подобная пьеса для сцены?

Ив. Нордстрем.

[На этом докладе управляющим III Отделением была наложена резолюция]:

«Запрещается 21 октября 1857 г.

Свиты Его Величества генерал-майор Тимашев».

(Ленингр. отделение Центрархива. Архив драматической цензуры. Рапорты о пьесах, рассмотренных в 1857 г. Русские пьесы, рапорт № 153.)

Спустя десять лет пьеса была снова представлена в драматическую цензуру, уже к тому времени перешедшую в ведение Главного управления цензуры. Цензор драматических сочинений Фридберг отнесся более благожелательно к пьесе Салтыкова, отметив в своем докладе лишь ряд предосудительных мест, а не обрушиваясь на всю

пьесу в целом (самый отзыв до нас не дошел). И. А. Гончаров, на рассмотрение которого вдобавок поступила эта пьеса, дал о ней 8 февраля 1867 г. отзыв, прямо противоположный нордстремовскому, который был ему повидимому известен. Указывая, что «пьеса запрещена прежнею театральною цензурою без обозначения причины», а «причины», по его мнению, «нет никакой», Гончаров настаивал на том, что «пьеса никакого неблагоприятного впечатления на зрителей произвести не может и за исключением сделанных г. цензором Фридбергом выпусков нескольких выражений, очерк г. Щедрина может быть без всяких затруднений допущен на сцену». (См. ст. А. А. Мазона «Гончаров как цензор».— «Русская Старина» 1911 г., № 3, стр. 481.)

На основании этого отзыва «Утро Хрептюгина» было разрешено и ставилось в октябре 1867 г. на сцене Александринского театра.

МИША И ВАНЯ. ДЕРЕВЕНСКАЯ ТИШЬ.

Противопоставляя в своих воспоминаниях истинную сатиру пасквилю, цензор О. Пржецлавский указывает в качестве примеров первой «Горе от ума» Грибоедова и «превосходные, вполне художественные очерки Щедрина» («Русская Старина» 1875, № 9, стр. 151). Но совсем по-иному отзывался он о Салтыкове, правда, не в воспоминаниях, а в цензорских рапортах за двенадцать лет до этого. В своем обширном докладе о первых двух книжках «Современника» за 1863 г., вышедших после вынужденного восьмимесячного перерыва, он писал:

«Там же, из «Невинных рассказов» Щедрина в I-м «Деревенская тишь» (стр. 162—181) и в III-м «Миша и Ваня» (стр. 195—208), описываются возмутительные черты жестокости и разврата бывших помещиков в их отношениях к бывшим крепостным людям. Хотя подобные картины, с одной стороны, могут сегодня показаться анахронизмами, но с другой—не надобно забывать, что новые отношения между помещиками и крестьянами не вполне еще установились и окрепли, взаимная зависимость одних от других не совсем прекратилась. И поэтому нельзя не заметить, что в настоящем положении дела, где окончательный, вполне удовлетворительный исход во многом обусловливается взаимным забвением обид, доброжелательством и уступчивостию, очень неуместно и даже вредно разжигать страсти и в освобожденном от гнета населении возбуждать чувства ненависти и мщения за невозвратное прошедшее. Я не колеблюсь сказать, что журнал истинно патриотический должен бы понимать это и воздержаться от помещения подобных статей».

(Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Бумаги В. А. Цеэ, № 59.)

РАЗВЕСЕЛОЕ ЖИТЬЕ

«Развеселое житье» — одно из наиболее пострадавших от цензуры произведений Салтыкова этих лет. Оно было совершенно изуродовано ею. Именно о «Развеселом житье» писал Салтыков Анненкову 29 декабря 1859 г.: «Я по опыту знаю, каково печататься в «Современнике», где редакция не дает себе труда даже связывать пробелы, оставленные цензорским скальпелем» («Письма», Л., 1925, стр. 18). До «Развеселого житья» Салтыков напечатал в «Современнике» только «Жениха» (1857, № 10), и конечно не о нем шла речь.

Интересно, что, лишенное своих наиболее ярких эпизодов, «смягченное» в целом ряде мест «Развеселое житье» было весьма благожелательно аттестовано Александру II министром народного просвещения. В одном из его очередных докладов о текущей журналистике от 18 марта 1859 г. читаем:

Развеселое житье.
Щедрина.
«Современник» 1859, № 2.

Содержание этой статьи весьма несложное. Дворовый человек за связь с любовницею своего барина был отдан в рекруты. Бежал в лес, стал промышлять разбоем и рассказывает свое житье, которое, впрочем, на деле совсем не оказывается развеселым, ибо не избавляет ни от горя, ни от сожаления. Язык и склад мысли совершенно народные; рассказ весьма замечателен по глу-

бокому знанию русского человека, которого нравственный облик часто не изглаживается при развратнейшем образе жизни. Во всем повествовании сквозит поэтическое сочувствие к силе и красотам природы, бессознательная набожность и врожденное мягкосердечие.

(Дальше следует ряд цитат, подтверждающих эту характеристику. — *И. Я.)*

(Ленингр. отделение Центрархива. Дело канцелярии министра народного просвещения по Главному управлению цензуры, 1859, № 42, часть I «со всеподданнейшими докладами г. министра народного просвещения о замечательнейших сочинениях, помещенных в периодической литературе», лист 71 об.—72).

Уже в 1890 г., 17 марта, Комитет иностранной цензуры препроводил в С.-Петербургский цензурный комитет четыре брошюры, изданные в Женеве М. Элпидиным, и просил уведомить его — «могут ли означенные брошюры быть допущены к обращению в публике». Брошюры эти были: 1) От нечего делать. Собрание повестей и рассказов русских авторов. Вып. I; 2) Три сказки для детей изрядного возраста. Н. Щедрина; 3) Новые сказки для детей изрядного возраста. Н. Щедрина; 4) Чужую беду руками разведу. Н. Щедрина. В первую брошюру вошли произведения Слепцова, Достоевского и «Развеселое житье» Салтыкова. 21 марта 1890 г., по докладу цензора В. Ведрова, на все эти книжки были наложен запрет.

«Все эти маленькие брошюры, — читаем в журнале заседаний С.-Петербургского цензурного комитета,—напечатаны в Женеве известною изданием запрещенных книг фирмою Элпидина, а произведения, в них заключающиеся, вырваны из полных собраний сочинений названных авторов, особенно из сочинений Щедрина, и хотя известны русским читателям, являясь под фирмою Элпидина и женевским изданием, имеют особенно тягостное и вредное влияние. Они все запечатлены характером ненависти к русской жизни и ее безотрадному положению... Определено: принимая во внимание несомненный тенденциозный и вредный характер докладываемых цензором сочинений Щедрина, терпимых внутри России лишь в полном собрании сочинений, уведомить Комитет цензуры иностранной, что все четыре брошюры не могут быть дозволены к обращению в публике».

V. САТИРЫ В ПРОЗЕ

ГОСПОЖА ПАДЕЙКОВА

Выше приведен отзыв министра народного просвещения о «Развеселом житье». Нужно отметить, что в 1859—1860 гг. он ежемесячно представлял Александру II доклады о текущей журналистике, в которых отдавал дань либеральным веяниям тех лет. Салтыков, еще стоявший на либеральных, а не революционных позициях, не являлся для правительственных кругов одиозной фигурой, и в докладах министра народного просвещения есть еще два благожелательных отзыва о его произведениях. Один из них— о «Госпоже Падейковой»:

Госпожа Падейкова.
Н. Щедрина.
«Русская беседа» 1859, № 4.

Госпожа Падейкова проживает в своем небольшом имении; она отлично хозяйничает; дворня и барщина повинуются ей безусловно. Но вот ей сообщили под секретом, что важные изменения произойдут в отношениях помещиков и крестьян между собою,—и госпожа Падейкова, которая не может представить себе иных отношений, как крепостные, впадает в ужас; смирению ее нет границ; она не видит и не замечает беспорядков и с минуты на минуту ожидает, что ее

РЯЗАНСКАГО
ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРА
1858

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ЧЕРНОВОЙ РЕДАКЦИИ ОЧЕРКА «НАШ ДРУЖЕСКИЙ ХЛАМ» (1860 г.) ПОД ПЕРВОНАЧАЛЬНЫМ ЗАГЛАВИЕМ «ОДИН ИЗ МНОГИХ»
Рукопись на служебном бланке Салтыкова
Институт Русской Литературы, Ленинград

дворня потребует от нее услуг, которые ей оказывала.

Остроумная эта карикатура набросана с свойственным Щедрину талантом.

(Ленингр. отделение Центрархива. Дело канцелярии министра народного просвещения по Главному управлению цензуры, 1859, № 42, часть 2-я, «со всеподданнейшими докладами г. министра народного просвещения о замечательнейших сочинениях, помещенных в периодической литературе», листы 36 об.—37; доклад от 31 июля 1859 г.)

СОГЛАШЕНИЕ

Н. В. Яковлевым высказано предположение, что предназначавшаяся для «Библиотеки для чтения» и запрещенная пьеса «Съезд», о которой упоминает в своих письмах 1859—1860 гг. Салтыков (см. «Письма» Салтыкова под редакцией Н. В. Яковлева. Л., 1925, стр. 16, 17, 19, 22), и есть «Соглашение», напечатанное впоследствии в 1862 г. во «Времени». Если правильно это предположение, самый факт запрещения пьесы С.-Петербургским цензурным комитетом свидетельствует о тех трудностях, с которыми пришлось столкнуться Салтыкову при печатании «Соглашения». Однако никаких документов, связанных как с запрещением «Съезда», так и с печатанием «Соглашения» во «Времени», не сохранилось.

Любопытно, что когда через полвека, уже в 1911 г., пьеса эта была впервые представлена в драматическую цензуру,— вообще, надо сказать, более придирчивую, так как она была призвана оберегать м а с с о в о г о зрителя от пропаганды «вредных идей»,— попытка эта встретила решительный отпор. Цензор Ребров так охарактеризовал эту пьесу в своем рапорте:

СОГЛАШЕНИЕ

Соч. М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина).

Пьеса из времен крепостного быта, и ведутся разговоры, соответствующие этой эпохе. В конце пьесы автор рисует противодействие дворян реформе 19 февраля. Дворяне будут соглашаться на все, однако впоследствии все вернут на старый путь.

Вследствие возбуждения неудовольствия одного сословия против другого, пьеса эта неудобна к постановке на сцене.

За цензора драматических сочинений
Р е б р о в.

21 февраля 1911 г.

(Ленингр. отделение Центрархива. Архив драматической цензуры. Доклады цензоров за 1911 г.)

Как видно из этого рапорта, формальным основанием к запрету послужило правительственное распоряжение по цензуре, изданное еще в 1848 г. (в связи с революционными событиями на Западе), о недопущении сочинений, возбуждающих одно сословие против другого. Решительное противодействие цензуры объясняется тем, что самая постановка пьесы приурочивалась к пятидесятилетию крестьянской реформы 19 февраля 1861 г. (она была представлена в цензуру еще 8 февраля 1911 г.). Правительство в это время предпринимало все меры к тому, чтобы всюду проводилась единая мысль о великом значении этой реформы. Между тем в пьесе Салтыкова реформа трактовалась не как дарованное помещиками освобождение крестьян, а как откровенная сделка помещиков, при чем вывод подсказывался приблизительно такой же, какой делал в то время и Ленин в «Рабочей газете» от 8 февраля 1911 г. в статье «Пятидесятилетие падения крепостного права»: «Крестьян «освобождали» в России сами помещики, помещичье правительство самодержавного царя и его чиновники... И эти «освободители» т а к повели дело, что крестьяне вышли «на свободу», ободранные до нищеты, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам» (Соч., 3-е изд., т. XV, стр. 109).

Естественно, что пьеса, приводившая к подобному же выводу, должна была в тот момент подвергнуться запрещению.

На рапорте Реброва вероятно начальник Главного управления по делам печати наложил резолюцию: «Согласен, 24/III». Но еще раньше Ребров сам запретил «Соглашение».

В Центральной библиотеке русской драмы им. Ходотова сохранилось два экземпляра пьесы, побывавших на рассмотрении цензуры и являющихся точными списками с журнального текста. На одном из них проставлена дата поступления пьесы на рас-

смотрение цензуры (8 февраля 1911 г.) и печаткой оттиснуто: «К представлению признано неудобным. С.-Петербург, 22 февраля 1911 г. За цензора драматических сочинений Ребров».

Пьеса эта так и не попала на сцену.

СКРЕЖЕТ ЗУБОВНЫЙ

В докладе министра народного просвещения Александру II от 11 февраля 1860 г. находим следующий отзыв о «Скрежете зубовном»:

Скрежет зубовный.
Н. Щедрина.
«Современник» 1860,
№ 1.

Рассказать содержание этой статьи Щедрина невозможно: это есть сатира на многие стороны нашей общественной жизни, а более всего на страсть красоваться и ораторствовать, злоупотребляя громкими словами, которыми нередко прикрываются весьма непохвальные стремления. Чертя ряд карикатур, автор обнаруживает много фантазии и остроумия.

(Ленингр. отделение Центрархива. Дело канцелярии министра народного просвещения по Главному управлению цензуры, 1860, № 13, часть 1-я, «со всеподданнейшими докладами г. министра народного просвещения о замечательнейших сочинениях, помещенных в периодической литературе», лист 35.)

ГЛУПОВСКОЕ РАСПУТСТВО. КАПЛУНЫ

Эти два произведения постигла в цензуре одна и та же участь. Автор статьи «Последние дни цензуры в министерстве народного просвещения» В. Е. Рудаков пишет: «Около 20 апреля 1862 года поступили в цензуру статьи Щедрина — «Глуповское распутство» и «Каплуны». Цензор перемарал в них очень многое; тогда явился к председателю комитета редактор Н. Г. Чернышевский; согласились выкинуть в первой статье лишь места, касающиеся Зубатова, самое печатание статей отложить до следующей книжки журнала («Исторический Вестник» 1911, № 8, стр. 528).

Все это происходило вероятно именно так, но не удалось найти некоторых документальных данных, которые были очевидно в распоряжении Рудакова, например о свидании Чернышевского с председателем С.-Петербургского цензурного комитета В. А. Цеэ.

В архиве Цеэ сохранилось два письма к нему министра народного просвещения А. В. Головнина о «Глуповском распутстве» и «Каплунах». В первом, от 24 апреля 1862 г., Головнин писал:

«Статьи г. Щедрина: «Глуповское распутство» и «Каплуны» следует непременно пропустить, но из первой должно исключить все, что говорится о Зубатове».

Запросил ли Цеэ Головнина уже после разговора с Чернышевским, желая только получить одобрение своего решения, или он сделал это до свидания с ним — установить на основании известных нам материалов невозможно. Рудаков полагает, что имело место первое. «Разрешение подтвердил и Головнин», пишет он.

Но Цеэ продолжал колебаться и сообщил о своих сомнениях Головнину. Тогда тот отдал «Глуповское распутство» и «Каплунов» на просмотр влиятельному придворному, графу С. Г. Строгонову, бывшему попечителю московского учебного округа, воспитателю наследника и члену Государственного совета. Получив от него ответ (его найти не удалось), Головнин запретил оба очерка. Вот что он писал после этого Цеэ:

«27 апр.

Я чрезвычайно благодарен тебе за то, что не воспользовался разрешением напечатать статьи Щедрина. Этот случай доказывает, как трудно цензурное дело, и доказывает, что у тебя есть необыкновенный такт. Я полагал дозволить обе статьи, но вследствие твоего предостережения послал их Строгонову. Вот его ответ и впоследствие того обе статьи запрещаются. Еще раз благодарю.

Пред. Головнин».

(Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Бумаги В. А. Цеэ.)

Чернышевский за несколько дней до этого переслал Салтыкову корректуры вместе со своими замечаниями по поводу «Каплунов». «Милостивый государь Николай Гаврилович! — писал ему в ответ Салтыков 29 апреля.— Возвращая корректуры, прошу Вас не винить меня, что так долго продержал их; дело в том, что я был в деревне в то время, как [они] мне были пересланы. Мне кажется, что Вы придаете «Каплунам» смысл, которого они не имеют... Впрочем, я желаемые исправления сделал. Очень жаль, что Вы не прислали мне цензорскую корректуру, ибо я не надеюсь, чтоб цензор пропустил все в том виде, как оно написано».

Дальше дело происходило повидимому так. Цеэ очутился в неловком положении, сначала разрешив «Глуповское распутство» и «Каплунов», и потому всячески оттягивал окончательный ответ. Сделать это ему было нетрудно, потому что в середине июня «Современник» был приостановлен на восемь месяцев и редакция верно не очень настаивала на немедленном решении. Но в конце 1862 г., когда восьмимесячный срок приближался к концу и необходимо было собирать материал для ближайших книжек, редакция естественно должна была заинтересоваться застрявшими в цензуре произведениями. Салтыков, который с декабря 1862 г. стал принимать ближайшее участие в редактировании «Современника», пишет Некрасову 29 декабря о ряде редакционных дел, связанных с выпуском первой после перерыва книги, о ряде статей и художественных произведений, которые действительно появились в ней. Между прочим он упоминает о «Велик бог земли русской» П. Якушкина и рекомендует Некрасову похлопотать об этой вещи в цензурном комитете: «Вам не мешало бы опять побывать у Цеэ, чтоб справиться, тем более, что, быть может, у него и корректуры нет». И тут же Салтыков прибавляет: «Если будете, то потрудитесь также похлопотать у Цеэ и за мою статью «Глуп. распутство», которая тоже у него киснет» («Письма», стр. 34). Вряд ли правильно понимать письмо в том смысле, что «Салтыков уже в самом конце 1862 года делал попытки вторично провести этот очерк через цензуру» (Иванов-Разумник. «М. Е. Салтыков-Щедрин». Т. I, М., 1930, стр. 234). Наиболее правдоподобным представляется предположение, что Цеэ все еще не дал окончательного ответа, а потому и редакция «Современника», и Салтыков не знали еще о запрещении «Глуповского распутства» и «Каплунов» и предназначали первый из этих очерков для I—II кн. «Современника» за 1863 г. Более естественно звучат при таком понимании слова — «которая тоже у него киснет». Только после этого, т. е. в самых последних числах декабря или даже в январе, стало известно о цензурном запрете. К этому времени и относится эпизод, описанный в воспоминаниях А. Я. Панаевой; почти несомненно, что речь идет у нее именно о запрещении «Глуповского распутства» и «Каплунов».

«Я была свидетельницей однажды страшного раздражения Салтыкова против литературы. Не могу припомнить название его очерка или рассказа, запрещенного цензором. Это запрещение было очень неприятно и Некрасову, потому что нужно было дать набирать вновь что-нибудь другое, отчего номер журнала должен был очень запоздать.

Салтыков явился в редакцию в страшном раздражении и нещадно стал бранить русскую литературу, говоря, что можно поколеть с голоду: если писатель рассчитывает жить литературным трудом, то он не заработает на прокорм своей старой лошади, на которой приехал; что одни дураки могут посвящать себя литературному труду при таких условиях, когда *какой-нибудь вислоухий камергер* имеет власть не только исказить, но запретить печатать умственный труд литератора, что чиновничья служба имеет пред литературой хотя то преимущество, что человека не грабят, что он каждое утро отсидит известное число часов на службе и получает каждый месяц жалованье, а вот он теперь и свищи в кулак. Салтыков уверял, что он навсегда прощается с литературой, и набросился на Некрасова, который, усмехнувшись, заметил, что не верит этому» («Воспоминания», Л., 1927, стр. 497. Курсив мой.— *И. Я.*).

Между тем Чернышевский еще в мае — июне (после 29 апреля — см. цитированное выше письмо к нему Салтыкова, но до 7 июля, когда он был арестован), уверенный, что «Каплуны» разрешены цензурой, в то же время принципиально несогласный с ними, уговорил Салтыкова взять очерк обратно, не печатать его. Потому-то в письме к Некрасову от 29 декабря Салтыков упоминает об одном «Глуповском распутстве».

Через девять лет, в письме к А. Н. Пыпину от 6 апреля 1871 г., Салтыков вспоминал о «Каплунах»: «Н[иколай] Г[аврилович], который тогда же писал ко мне по этому случаю, оспаривал меня и убедил взять очерк назад» («Неизданные письма», М.— Л., 1932, стр. 39). Салтыков ни слова не говорит о цензуре, и это вполне естественно: он узнал о запрещении через несколько месяцев после того, как сам решил не печатать «Каплунов». Если остановиться на изложенном выше предположении, то противоречие между письмом к Пыпину и известным нам фактом цензурного запрещения «Каплунов» исчезает. Если же допустить, что решение цензуры стало известно редакции «Современника» сразу, т. е. в конце апреля — начале мая 1862 г., то Чернышевскому незачем было уговаривать Салтыкова взять очерк обратно, а свидетельство об этом самого Салтыкова вряд ли может быть заподозрено. Итак, Салтыков

согласился взять «Каплунов» обратно уже после цензурного запрета, но задолго до того, как о нем стало известно и ему, и редакции «Современника».

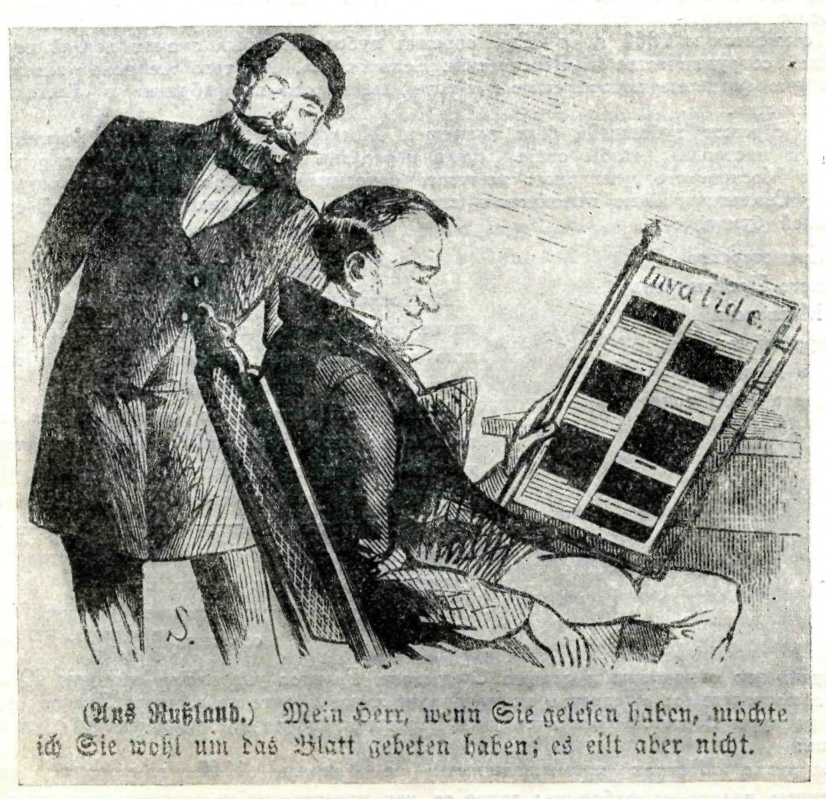
Иванов-Разумник считает, что очерк «Глупов и глуповцы», примыкающий к «Глуповскому распутству» и «Каплунам», был запрещен цензурой одновременно с ними — в апреле 1862 г. («М. Е. Салтыков-Щедрин», т. I, стр. 205). Однако это утверждение ничем не может быть обосновано. Если и согласиться, что три очерка, предназначавшиеся Салтыковым для апрельской и майской книжек «Современника», три очерка, о которых он писал Чернышевскому и Некрасову, были «Каплуны», «Глуповское распутство» и «Глупов и глуповцы», то это все же ничего не доказывает. Ведь известно, что Головнин запретил только два очерка — и притом именно «Глуповское распутство» и «Каплунов» (см. выше). Куда же делся очерк «Глупов и глуповцы»? На этот вопрос дает ответ письмо Салтыкова к Чернышевскому от 29 апреля 1862 г.: «Соболезную также о пропаже одной моей статейки,— писал он.— Если она сыщется, то потрудитесь напечатать ее вместе с прочими первым номером. Эта статейка не более полулиста займет и печатать ее особо не стоит. Если же она не найдется ко времени, то не печатайте совсем; я тисну ее где-нибудь в газетке».

КАК КОМУ УГОДНО

В журнале заседания С.-Петербургского цензурного комитета от 4 сентября 1863 г. доклад цензора Веселаго и резолюция о «Как кому угодно» изложены следующим образом:

«Статья г. Щедрина под заглавием «Как кому угодно», в которой объясняется нелепость и безосновательность всякого рода обязанностей вообще и в форме семейных сцен выставляется существующее в обществе несогласие между теоретическим пониманием разного рода семейных обязанностей и действительным их исполнением. Определено: дозволить с исключением некоторых резких мест, доложенных г. цензором».

(Ленингр. отделение Центрархива.)

НЕМЕЦКАЯ КАРИКАТУРА НА РУССКУЮ ЦЕНЗУРУ В ЖУРНАЛЕ «KLADDERADATSCH» 1861 г., № 12

VI. ПУБЛИЦИСТИКА 60-х ГОДОВ

ЕЩЕ СКРЕЖЕТ ЗУБОВНЫЙ

До сих пор считалось, что статья «Еще скрежет зубовный» предназначалась для мартовской книжки «Современника» за 1860 г. «Посланный Салтыковым немедленно в редакцию «Современника»,— пишет Иванов-Разумник,— очерк «Еще скрежет зубовный» не был напечатан в журнале; на автографе имелись карандашные пометки: «Неудобно» и «Не одобряется». Первая могла быть выражением мнения редакции, а вторая — несомненно выражением цензорского мнения. Так или иначе, но рукопись была возвращена Салтыкову и никогда не была им напечатана» (Иванов-Разумник. «М. Е. Салтыков-Щедрин». Т. I, М., 1930, стр. 214). (Разрядка моя.— *И. Я.)*

Прежде всего о надписях. Трудно предположить, чтобы редакция, посылая рукопись в цензуру, написала на ней свое, притом неблагожелательное мнение о ней, как бы подсказывая цензору решение. С другой стороны, и после достаточно выразительной надписи «Не одобряется» вряд ли имело смысл делать дополнительную «Неудобно». Надпись была повидимому одна. Вл. Суходрев в статье «Неизданные произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина» сообщает со слов М. М. Стасюлевича о карандашной пометке: «№ 90. Неудобно» («Новое Время» 1910, № 12155 от 13 января); в «Вестнике Европы» (1915, № 9) в примечании к «Еще скрежету зубовному» говорится о надписи Салтыкова: «Если статья напечатается, то просят отпечатать особо 25 оттисков» и пометке над нею: «Не одобряется». «Неудобно» и «Не одобряется» — это по всей вероятности одна и та же надпись, сначала неверно прочитанная, и сделана она повидимому редакцией перед возвращением рукописи Салтыкову.

В справедливости утверждения, что «Еще скрежет зубовный» предназначался для «Современника», можно было усомниться хотя бы потому, что статья подписана — «М. Салтыков». Ни под одним произведением, напечатанном в «Современнике» (если не считать разумеется писем в редакцию), нет этой подписи. Зато мы находим ее под рядом публицистических статей Салтыкова, напечатанных в 1861 г. в «Московских Ведомостях» и «Современной летописи» «Русского Вестника». Из обнаруженного в архиве Главного управления цензуры специального дела об «Еще скрежет зубовный» узнаем, что и эта статья предназначалась тоже для «Московских Ведомостей». Это тем более интересно, что известные нам статьи Салтыкова в «Московских Ведомостях» относятся к 1861 г., и «Еще скрежет зубовный» был значит первой неудачной попыткой сотрудничества в «Московских Ведомостях». Из того же дела узнаем также настоящую фамилию автора статьи «Косвенные налоги на фабрики» в «Вестнике промышленности».

«Еще скрежет зубовный» был запрещен Московским цензурным комитетом, но Салтыков настаивал, чтобы статья была переслана в Главное управление цензуры — в делах Московского цензурного комитета сохранилось вероятно его заявление. Требование Салтыкова было исполнено — статья была отправлена со следующей сопроводительной бумагой:

Министерство
Народного Просвещения
Московский
Цензурный комитет
в Москве
10 марта 1860 года.
№ 174.

В Главное управление цензуры

В Московский цензурный комитет представлена на рассмотрение предназначаемая к помещению в «Московских Ведомостях» статья под заглавием: «Еще скрежет зубовный».

Цензурный комитет, с своей стороны, не нашел возможным одобрить статью к печати, так как она содержит описание злоупотреблений помещичьей власти, прикрытых формою законности; но по настоятельному желанию автора честь имеем представить оную на благоусмотрение Главного управления цензуры.

Председатель комитета сенатор тайный советник М. Щербинин.

Получив это отношение и статью Салтыкова, Главное управление цензуры 19 марта 1860 г. постановило: «Передать на предварительное прочтение г. члену Главного управления цензуры Берте». Через пять дней Берте представил длинную докладную записку. Вот она:

«В журнале «Вестник промышленности» за февраль 1860 г. помещена статья «Косвенные налоги на фабрики»; автор ее, как известно из полученного ответа от Московского цензурного комитета на запрос Главного управления цензуры, г. Дубенский

берет содержание для своего рассказа из события, случившегося в городе Егорьевске, Рязанской губернии. При чтении этой статьи никак нельзя догадаться ни о месте, в котором происходило рассказанное дело, ни о лицах, в нем упомянутых. Автор, проезжая в этот город, услышал на станции от бывшего егорьевского, теперь переведенного в другое место, городничего, что многие крестьяне выпросили от управляющего одной значительной фабрики этого уезда денег на выкуп себя на волю, обещая их заработать впродолжение 4-х лет. Впоследствии эти же крестьяне, побуждаемые неблагонамеренными людьми, объяснившими им, что и без обязательной работы на фабрике впродолжение четырех лет они будут вольными, подали просьбу, что прописание их в мещанство было сделано без их согласия через стачку фабрикантов с помещиками. Следователем назначен был чиновник особых поручений гражданского губернатора, который сам рассказал все дело любопытному проезжему, когда тот остановился в Егорьевске. Хвастливо выставил он свои заслуги по этому следствию и нагло высказал, что вся запутанность произошла от нежелания фабрикантов поплатиться. Тем оканчивается рассказ Дубенского в «Вестнике промышленности». Истиною дышет всякое слово и заставляет читателя жалеть героев рассказа—запутавшихся за свое доброе дело фабрикантов и несправедливо переведенного в другое место служения городничего. Такая обличительная статья вызвала ответ г. Салтыкова (Щедрина — известного автора «Губернских очерков») под заглавием: «Еще скрежет зубовный», предназначенный к печатанию в «Московские ведомости». Московский цензурный комитет затруднился одобрить к печати рукопись, так как она содержит «описание злоупотреблений помещичьей власти, прикрытых формою законности», и по настоятельному желанию автора представил эту рукопись в Главное управление цензуры.

Г. Салтыков в своем возражении на статью Дубенского смотрит на все дело с другой точки зрения, он видит в помещиках и фабрикантах—посягателей на свободный труд крестьянина, аферистов на человеческое мясо, не хочет знать: были ли двигатели, побудившие в крестьянах охоту отказаться от прежних обещаний в надежде на лучшую свободу без обязательной работы фабриканту. Его мысль одна — помещики, желая отпустить своих крестьян без надела землею, старались сбыть их фабрикантам по контрактам с этими последними, даже неизвестным контрагентам. Извлекая данные из сделанного следствия, Салтыков приводит примеры насильственного увоза крестьян на фабрику, подстановки вместо оказавшихся негодными других, жестокого обращения на фабриках и невыгодных для крестьян условий с фабрикантами. Его статья выставляет уголовный характер всего дела, требует юридического разбора; сожаление читателей первой безвредной статьи о фабрикантах, глупо впутавшихся в чужое для них дело, о невинно удаленном городничем теперь превращается в сильное негодование против помещиков, сознающих только свои выгоды и забывающих об интересах крестьянина. Сличая обе статьи, я нахожу, что литературный характер первой статьи, строго сохранившей incognito лиц и места, позволяет ее видеть в печати. В ней—возбуждающий сочувствие рассказ очевидца без всякого стремления сделать непреложным высказанное мнение.

Во второй статье юридическое разбирательство, вырванное из самого следствия, с некоторым личным оправданием автора указывает на неоконченность этого уголовного дела, в котором преступники—помещики и фабриканты, делавшие насилие крестьянам, и разные должностные лица, со стороны которых открыты «бесчисленные подлоги и преступления» (стр. 13). Как ни полезно допускать в литературу печатание опровержения на обличительные статьи литературного характера, но нельзя согласиться на напечатание еще не разрешенного уголовного дела, на обнародование важных злоупотреблений, еще не доказанных по суду и только скрепленных подписью известного литератора — первоначальника обличительной литературы нашего времени. Тем более в настоящее время нельзя предавать гласности действия помещиков, когда разрешение крестьянского вопроса требует строгой осторожности со стороны цензуры.

Член Главного управления цензуры А. Берте.

24 марта 1860 г.»

Согласившись с оценкой Берте, Главное управление цензуры 26 марта постановило: «Отказать в напечатании статьи по причинам, в мнении члена изложенным». И через несколько дней соответствующая бумага была отправлена в Московский цензурный комитет (цитирую по копии):

31 марта 1860 г.
№ 414.
Отв. на № 174.
О рукописи «Еще скрежет зубовный».

Московскому цензурному комитету:

Главное управление цензуры, рассмотрев представление Московского цензурного комитета от 10 сего марта о предназначавшейся к помещению в «Московских ведомостях» рукописной статье г. Салтыкова под заглавием «Еще скрежет зубовный» и самую эту рукопись, не нашло возможным дозволить напечатание сей статьи, так как в ней излагается не разрешенное еще уголовное дело и обнародываются важные злоупотребления, не доказанные доселе по суду.

Рукопись г. Салтыкова у сего возвращается.

Член Главного управления цензуры
Н. Муханов.
Правитель дел Пр. Янкевич.

(Ленингр. отделение Центрархива. Дело Главного управления цензуры, 1860, № 114 «По представлению Московского цензурного комитета о рассмотрении статьи «Еще скрежет зубовный», предназначенной к помещению в «Московских Ведомостях».)

НАША ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Первая статья из цикла «Наша общественная жизнь» была предназначена для январско-февральской книжки «Современника» за 1863 г., вышедшей после вынужденного восьмимесячного молчания. Естественно, что цензура весьма осторожно отнеслась к представленному «Современником» материалу, тем более, что его руководители и не думали о «понижении тона». «Наша общественная жизнь» была дана на отзыв, по распоряжению председателя С.-Петербургского цензурного комитета В. А. Цеэ, сразу трем цензорам. Один из них, Ст. Лебедев, писал:

«В большей части статьи под заглавием «Наша общественная жизнь», назначенной для «Современника», пытаются объяснить: что такое у нас благонамеренные, нигилисты и мальчишки. Под первыми разумеются консерваторы, под последними крайние, неверующие, самые красные. Вся эта речь, большею частию зигзагами, ведена к тому, чтобы указать, что нигилисты и мальчишки приобретают значение в обществе, потому что на них, как на вырастающую силу, начинают обращать внимание. И действительно, оканчивает автор, без настойчивых действий и требований нигилистов и мальчишек наше правительство не сделало бы никаких преобразований, необходимых для развития сил народных. По его словам выходит, что всеми нововведениями последнего времени мы обязаны нигилистам+мальчишкам.

Так как эту последнюю мысль я предполагаю необходимым исключить вместе с другими отдельными мыслями и выражениями в 34 местах, сбоку отмеченных мною цифрами и окаймленных в тексте кавычками, то остальное за тем, не представляющее ничего резкого и грубого, можно бы дозволить печатать. Мнение свое имею честь представить на благоусмотрение Вашего превосходительства.

27 января 1863 года». Цензор Ст. Лебедев.

(Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде Бумаги В. А. Цеэ, № 36.)

Аналогичный письменный отзыв получил Цеэ от цензора Оберта (он нами не найден) и устный — от цензора Веселаго. Но не решаясь все же пропустить своею властью «Нашу общественную жизнь», он обратился к министру внутренних дел П. Валуеву со следующим письмом:

«Три цензора: действительные статские советники Веселаго и Лебедев и статский советник Оберт полагают, что статья Щедрина «Наша общественная жизнь» могла бы быть дозволена со сделанными ими исключениями.

«СТАТЬЯ ДО ПРОСМОТРА ЦЕНЗУРЫ И СТАТЬЯ ПРОЦЕНЗУРОВАННАЯ»
Карикатура «Искры» 1863 г., № 34

Письменные отзывы гг. Лебедева и Оберта при сем представляются; г. Веселаго дал отзыв словесный.

Мнение их я вполне разделяю.

Василий Цеэ.

28/I».

Цензоров смущали повидимому и те места статьи Салтыкова, где говорится об органе министерства внутренних дел «Северной Почте». Но Валуев проявил либерализм, которым он изредка любил порисоваться, и сделал на письме Цеэ такую надпись:

«Разделяю это мнение, с присовокуплением, что если нет препятствия говорить о гг. Каткове, Краевском и Тургеневе, но также нет повода заслонять гг. редакторов Сев[ерной] почты. Ни в каком отношении гг. цензоры не могут быть так снисходительны и неразборчивы, как во всем, что относится до М[инисте]р[ст]ва в[нутренних] [дел] и его газеты, лишь бы приличие выражений не было нарушаемо.
28/I».

(Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Бумаги В. А. Цеэ, № 37.)

Уже после выхода январско-февральской и мартовской книг «Современника» 24 апреля 1863 г. член Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания О. Пржецлавский представил в Совет обширный доклад о них, в котором много места было уделено Салтыкову. Небольшие отрывки из этого доклада были напечатаны в статье В. Е. Рудакова «Последние дни цензуры в министерстве народного просвещения» («Исторический Вестник» 1911, № 9, стр. 981—982). Приступая к рассмотрению журнала, Пржецлавский писал:

«Новое поприще свое после 8-месячного принужденного бездействия «Современник» открыл изданием толстого тома, вмещающего два нумера за январь и февраль. Наблюдающему за этим журналом предстояло бы исследовать: насколько принятая относительно его исправительная мера послужила к улучшению направления, которое вызвало ее. Но как соображения, по которым приостановление издания последовало, мне неизвестны, и в делах Совета по делам книгопечатания нет об этом никаких данных: то при оценке вышедших доныне книжек «Современника» я должен был руководствоваться лишь уважениями, основанными на существующих правилах цензуры и на общих требованиях, вытекающих из самого смысла цензурного учреждения»,

Затем следует отзыв о «Моих скитаниях по белу свету» Н. Берга, «Деревенской тиши» и «Мише и Ване» Салтыкова (см. выше), о статье Салтыкова «Несколько слов по поводу «Заметки», помещенной в октябрьской книжке «Русского Вестника» за 1862 г.» (см. ниже), о статье «Литературный кризис» и написанном М. Антоновичем «Кратком обзоре журналов за истекшие восемь месяцев». О «Нашей общественной жизни» он писал:

«Не менее замечательною по тону и содержанию статьею толстого двухмесячного тома должно считать очерк «Наша общественная жизнь» (стр. 355—376). В нем упоминается о приостановлении «Современника» и мере этой мимоходом дается характеристика чистого произвола (стр. 359, 360). С этого как бы вступления вся статья принимает уже насмешливый тон и предметом этой насмешки и всякого рода острот избирается (кто бы мог подумать)—благонамеренный и хороший образ мыслей. Люди, руководствующиеся этими правилами, или, по крайней мере, стремящиеся к ним, представлены тут в самом пошлом и презрительном виде (стр. 360, 361, 362). В одном месте (361, 362) говорится: «отличительный признак хорошего образа мыслей есть невинность. Невинность же... есть отчасти отсутствие всякого образа мыслей, отчасти же отсутствие того смысла, который дает возможность различать добро от зла. Любите отечество (?) и читайте Поль де Кока, краткий и незамысловатый кодекс житейской мудрости, которым руководствуется современный благонамеренный человек».

Такая дефиниция благонамеренности и высказанные насчет ее колкости, повидимому, направлены на упомянутых выше писателей, принявших так называемое реакционное направление и заявивших себя противниками дурной литературы. При этом случае «Современник» мстит за обнаружение его тенденции в известном романе «Отцы и дети» и метко придуманное ей название нигилизма. Он усиливается здравомыслящих писателей уронить в общественном мнении всякими способами, и оружием насмешки, и обидными намеками на их корыстные виды. Что касается до нигилизма, то «Современник» отстаивает его и в настоящей статье, и в предыдущих—«Литературный кризис» и «Внутреннее обозрение», представляя его одним истинным деятелем прогрессивности. Такой же апологии удостаивается от «Современника» и так называемое «мальчишество», и в этой апологии он заходит очень далеко, даже до угроз (стр. 374).

Замечательнейшие в этой статье места означены на стр. 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 374, 375.

В связи с этой статьей состоит написанное для вящшего эффекта приказным слогом письмо, помещенное в статье «Петербургские театры» (стр. 189—197), исполненное иронии над понятиями благонамеренности и общественного порядка.

Здесь место сказать, что одна из отличительных черт журнала «Современник», замеченная еще до приостановления его издания,— это настойчивость, с какою он проводит элементы своей тенденции. В одном и том же нумере одни и те же мысли разбросаны в разных отделах и под различными формами, так что один из этих видов восполняется и обобщается другими. Таким образом мысли эти, систематически группируясь, должны глубоко проникать во внимание читающего.

Возвращаясь собственно к нападкам на благонамеренность и хороший образ мыслей, конечно, нельзя допустить в журнале такого цинизма, чтобы он отвергал самую сущность этих понятий; должно понимать, так, что нападки эти направлены лишь против тартюфизма благонамеренности. Это, однако ж, нигде не оговорено, а предоставлено догадливости читателя. В этом случае журнал как будто забывает о великой массе читающих, в которых можно и не предполагать такой проницательности и которые наивно примут на веру выходки его в буквальном их смысле. Но даже и в противном предположении, то-есть допустив, что все поймут иносказание: все-таки принятая манера, безусловная и безоговорочная, не может быть одобрена по следующим уважениям.

Понятия, выражаемые установившимися словами, требуют, чтобы с ними обращались с великою осторожностию. Если слово подверглось злоупотреблению, если смысл его извращен и насильно натягивается к вещам, уклоняющимся от чистого мыслимого (?) типа и через это последовало затмение и смешение самых понятий, то

следует восстановить слово в первобытном, чистом значении, разъяснить понятия и каждое поставить на его место. Но ни в каком случае не следует подвергать опале самое слово, как будто виновное в том, что его употребили в зло. Это тоже своего рода смешение понятий, вредное quid pro quo. Таким образом, то-есть выставляя на позор слова в их извращенном значении, очень легко опошлить их и сделать вовсе неупотребительными, а эта операция не может обойтись без ущерба для самого понятия, им выражаемого. Во всяком же случае, опошлив слово и таким образом уморив его, необходимо заменить его другим, равнозначущим или еще лучше выражающим первоначальное понятие. Иначе это есть отказаться и от самого понятия. Вот что и случается с «Современником»; он излил столько иронии на слова: благонамеренность, благонамеренный, хороший образ мыслей, что ему невозможно уже употребить их в другом смысле, кроме иронического. Но из этого вышло одно лишь отрицание; на место уничтоженных слов журнал не создал, не предложил новых и не только сам себя поставил в невозможность выразить понятия, соответствующие им, но и других в этом стеснил; не один из пишущих, по милости «Современника», воздержится от употребления осмеянных им слов и, не найдя других на их место, воздержится и от высказания мысли. А между тем идеи благонамеренности, хорошего образа мысли, общественного устройства вполне истинны и положительны. Можно ли, например, допустить, что нигде и ни в чем нет благонамеренности, что это иллюзия, ложь? Сам «Современник», вероятно, этого не допускает; он сам по-своему считает себя благонамеренным.

Здесь нельзя не заметить, что описанною нами неловкой выходкой «Современник» сам подтверждает делаемый ему упрек в нигилизме, характеристическою чертою которого есть бесплодное отрицание существующего и непроизвождение ничего, могущего заменить содеянную им пустоту.

Я буду иметь случай возвратиться еще к этому замечанию при разборе книги «Современника» за март».

Вторая часть доклада Пржецлавского, посвященная мартовской книжке «Современника», начинается со сравнительно сдержанного отзыва о «Что делать?» Чернышевского. Затем следует отзыв о статье А. М. Унковского «Новые основания судопроизводства», стихотворении В. Буренина «Много в детстве страшных сказок», статье Салтыкова «Несколько полемических предположений» (см. ниже), о «Внутреннем обозрении», о рецензии Салтыкова на книгу Быстротокова «Анафема или торжество православия» (см. ниже), наконец о «Нашей общественной жизни». Вот что писал о ней Пржецлавский:

«Вся статья «Наша общественная жизнь» (стр. 176—202), кроме небольшой выходки против «Времени», есть одна язвительная нападка — на что именно? — на благородство чувств. Это pendant к филиппике 1-го тома на благонамеренность. Все, что уже сказано об этой последней, относится, и в высшей еще степени, к этой статье».

Общее заключение о «Современнике» в первую очередь относится к Салтыкову, поскольку как-раз в этих книгах было напечатано много его произведений, на которые Пржецлавский обратил особенное внимание. Привожу это заключение полностью.

«При извлечении из предыдущих данных общего суждения я должен повторить, что из них не могу вывести заключения по вопросу: насколько приостановление в прошлом году издания «Современника» подействовало на него как мера исправления. Но этих данных достаточно, мне кажется, чтобы составить себе мнение, что «Современник», при неоспоримом таланте деятелей и вероятной благонамеренности их не удовлетворяет тому, что власть и общество имели бы право от него ожидать, и даже производит действие противоположное. Если примем за основание, что истинное назначение периодической прессы есть способствовать прогрессу, сделавшемуся у нас первою потребностью и правительства, и общества, то мы вынуждены сказать, что «Современник» так выполняет эту задачу, что деятельность его скорее может считаться затрудняющею естественный ход дела, чем подвигающею его. Это происходит от недостатка в нем сдержанности и постепенности, от избытка ревности; в этом, как и во всем, крайности соприкасаются. Ему, по преимуществу, можно бы преподать правилом из-

вестное изречение:» «surtout pas trop de zèle». Эти недостатки именно делают его страстным, чрезмерно резким и абсолютным и вводят его в те уклонения от требований цензуры, образцы которых приведены выше.

Что касается до упрека в нигилизме, то надобно признать, что первыми тремя книжками «Современник» не опроверг, а подтвердил его. Тот же дух отрицания, то же презрение к необходимым условиям и уважениям, ниспровержение установившихся форм, взглядов и даже убеждений, та же аффектация грубости тона, резкости приговоров и дикой оригинальности. Не оспаривая добросовестности пишущих в «Современнике», нельзя, однако ж, не подумать, что многие из этих черт следует отнести на долю искательства эффекта и популярности.

Из сказанного выводя общее заключение о влиянии журнала на общество, трудно было бы признать его полезным или даже одобрительным. Молодое поколение, в своей жадной восприимчивости, легко может просмотреть правдивое и хорошее, подаваемое в таких формах, но зато должно непременно увлечься одной внешней стороной, то-есть духом безусловного отрицания, крайностию и абсолютизмом мнений, жестокостию манеры и грубостию тона, как будто признаками и необходимыми условиями искренности и правоты. Нельзя не пожелать в интересе и общества, и литературы улучшения «Современника» в указанных отношениях, это повело бы его по избранному пути и прямее к цели, и без ущерба для общественного мышления и вкуса».

(Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Бумаги В. А. Цеэ, № 59.)

Об апрельской и майской «Нашей общественной жизни» не удалось найти в цензурных материалах никаких следов. Сентябрьская прошла через цензуру без всяких осложнений. В журнале заседания С.-Петербургского цензурного комитета от 9 октября 1863 г. читаем:

«Для журнала «Современник» статья под заглавием «Наша общественная жизнь», заключающая в себе фельетон, в котором осмеивается современное литературное красноречие и затрагиваются «Московские ведомости» и газета «День» за их направление. Определено: на основании отзыва г. цензора (Ф. Ф. Веселаго.— *И. Я.*) об этой статье дозволить ее к напечатанию».

Но уже по выходе ноябрьской книжки «Современника» «Наша общественная жизнь» снова обратила на себя внимание цензуры. И. А. Гончаров в своем донесении «Общие заключения о нижепоименованных журналах и газетах за вторую половину прошлого года», датированном 18 января 1864 г., писал:

«С о в р е м е н н и к». Журнал этот за последние шесть месяцев, т. е. с того времени, как он поступил под контроль Совета по делам книгопечатания, не представляет почти никаких резких отступлений от цензурных правил, и мне не приходилось вносить замечаний в Совет. На некоторые мелкие случаи, обмолвки и т. п., которые прорывались в печать, я частным образом обращал внимание г. председателя цензурного комитета: вот все, что оставалось мне делать. Но одно обстоятельство сильно бросалось в глаза: очевидно, что цензуре стоит больших усилий удерживать журнал в надлежащих границах. Во всех почти статьях и по всем отделам пробивается нетерпеливое желание высказать больше того, что высказано. При бдительности нынешнего цензурного комитета желание это разрешается только неясными намеками, умалчиваниями, заметными пропусками и т. п., что иногда придает странный и загадочный смысл фразам, мыслям и даже целым статьям; особенно замечательна, например, в этом отношении статья «Н а ш а о б щ е с т в е н н а я ж и з н ь» в н о я б р ь с к о й к н и ж к е».

(Ленингр. отделение Центрархива. Дело Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания, 1864, № 12, лист 22 об.)

Но Гончаров не ограничился этим и через два дня подал в Совет по делам книгопечатания специальное донесение о статье Салтыкова, в котором охарактеризовал и весь цикл («Дело Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания по отзывам статского советника Гончарова о просмотренных им периодических изданиях и статьях», 1864, № 15). Донесение это напечатано в статье В. Евгеньева «К характеристике общественного миросозерцания И. А. Гончарова в 60-х годах».—«Северные Записки» 1916, № 9, стр. 131—132.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТЕАТРЫ

Пржецлавский в своем докладе о январско-февральской и мартовской книгах «Современника» за 1863 г. писал:

«В связи с этой статьей («Наша общественная жизнь» в кн. 1—2.— *И. Я.*) состоит написанное для вящшего эффекта приказным слогом письмо, помещенное в статье «Петербургские театры» (стр. 189—197), исполненное иронии над понятиями благонамеренности и общественного порядка».

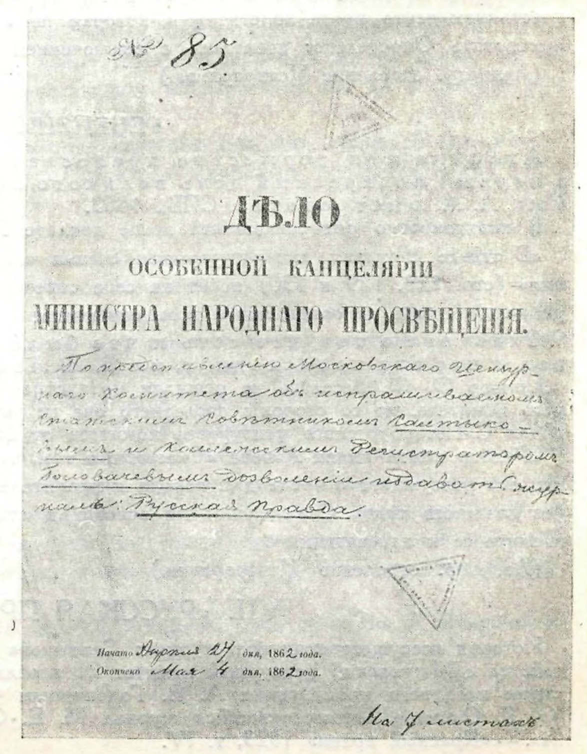
НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПО ПОВОДУ «ЗАМЕТКИ», ПОМЕЩЕННОЙ В ОКТЯБРЬСКОЙ КНИЖКЕ «РУССКОГО ВЕСТНИКА» ЗА 1862 ГОД

В том же докладе читаем:

«В отделе «Современное обозрение», в статье «Несколько слов» и пр. на стр. 5 осуждается передача цензуры в ведение Министерства внутренних дел. Это противно III параграфу временных цензурных правил. Надобно прибавить, что протест этот не имеет характера искренности: автор сознательно смешивает понятие о обыкновенной, так сказать уличной полиции с понятием о высшей полиции, о полиции слова. Это мнимое недоразумение тем не менее серьезно, тем явнее предназначено для толпы читающих, что автор не может не знать, что с переходом цензуры из одного ведомства в другое почти не последовало изменения в личном ее составе, и произведения печати продолжают рассматриваться теми же лицами и местами, которые и до того составляли цензуру, а не полицмейстерами или частными приставами.

Ошибочными выводами своими автор увлекается до того, что в одном месте (стр. 9) говорит: «Положительно можно сказать, что направление (периодических изданий) есть плод предупредительной цензуры». Из этого следовало бы, что там, где такой цензуры нет (например, в Англии), газеты не имеют никакого направления (!).

Нельзя также не заметить следующего места на стран. 8: «Что мы, русские, не имели до сих пор свободных учреждений и не пользовались парламентарными прениями,—

№ 85

ДѢЛО

ОСОБЕННОЙ КАНЦЕЛЯРІИ

МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

По представленію Московскаго Ценсурнаго Комитета объ испрашиваемомъ Статскимъ Совѣтникомъ Салтыковымъ и Коллежскимъ Регистраторомъ Головачевымъ дозволеніи издавать журналъ: Русская правда.

Начато Апрѣля 27 дня, 1862 года.
Окончено Мая 4 дня, 1862 года.

На 7 листахъ.

ОБЛОЖКА АРХИВНОГО ДЕЛА 1862 г., СОДЕРЖАЩЕГО ОФИЦИАЛЬНУЮ ПЕРЕПИСКУ ПО ПОВОДУ ХОДАТАЙСТВА САЛТЫКОВА О РАЗРЕШЕНИИ ИЗДАВАТЬ ЕМУ В МОСКВЕ ЖУРНАЛ «РУССКАЯ ПРАВДА»

Ленинградское отделение Центрархива

тут, конечно, хорошего мало». Место это подходит под общие запрещения, изложенные в I § Временных правил, а в особенности под известное высочайшее повеление, объявленное собранием дворянства».

Лица, читавшие доклад Пржецлавского, сделали на нем большое количество пометок — синим карандашом, черным карандашом, чернилами. Так, вопросительный знак (синим карандашом) поставлен возле слов о том, что Салтыков умышленно путает «понятие о обыкновенной, так сказать уличной полиции с понятием о высшей полиции, о полиции слова». Повидимому он относится к предосудительному выражению самого цензора, назвавшего цензуру «полицией слова». А возле слов «Из этого следовало бы, что там, где такой цензуры нет... газеты не имеют никакого направления» приписано на полях чернилами: «Есть, но свое, подсказываемое личным убеждением пишущих, а не ценз[урными] цирк[улярами и] карами пр[е]д[упредительной] ц[ензуры]».

НЕСКОЛЬКО ПОЛЕМИЧЕСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В докладе Пржецлавского есть несколько слов и об этой статье. Вот что он писал о ней:

«В отделе «Современное обозрение» статья «Несколько полемических предположений» отличается крайне резкими и неприличными выходками против некоторых журналов, именно тех, которые заявили направление реакционное и на которые ясно намекается. На стр. 5 они названы «погаными» и сравнены с «помойною ямой».

В ДЕРЕВНЕ

Статья вызвала сомнения у цензора Ф. Ф. Веселаго, но была разрешена цензурным комитетом, предварительно вымаравшим из нее ряд мест. В журнале заседания С.-Петербургского цензурного комитета от 4 сентября 1863 г. доклад цензора и решение комитета изложены в следующих выражениях:

«Статья под заглавием «В деревне», в которой доказывается, что сельским хозяйством с пользою может заниматься только тот, кто сам работает в поле. Представляя в комическом виде настоящее положение помещиков и насмехаясь над пустым либеральничаньем их в прежнее время, автор рассказывает об одном из них, давшем своим крестьянам нечто вроде конституции, которая по своей нелепости не могла долго существовать. Определено: дозволить с исключением мест, указанных г. цензором».

(Ленингр. отделение Центрархива.)

РЕЦЕНЗИИ

Анафема или торжество православия, совершаемое ежегодно в первый воскресный день великого поста. (Три письма к другу.) Сост. А. А. Быстротоков. СПБ., 1863.

В неоднократно цитировавшемся выше докладе Пржецлавского читаем:

«В отделе «Русская литература» вся статья «Анафема» или торжество «Православия» (стр. 128, 129 и 130) носит на себе отпечаток иронии; подчеркнутые синим карандашом места не оставляют в этом сомнения».

Сказание о том, что есть и что была Россия, кто в ней царствовал, и что она происходила, кн. В. В. Львова.

Цензор Ф. Ф. Веселаго не решился пропустить эту рецензию без санкции цензурного комитета, но со стороны последнего она не вызвала возражений. В журнале заседания С.-Петербургского цензурного комитета от 26 октября 1863 г. читаем:

«Разбор книги князя Львова «Сказание о том, что есть и что была Россия», где рецензент рассуждает о вреде для народа и правительства от народных книг, написанных без должного такта. Определено: на основании отзыва г. цензора об этой статье дозволить ее к напечатанию».

(Ленингр. отделение Центрархива.)

VII. «РУССКАЯ ПРАВДА»

История неосуществившегося журнала Салтыкова «Русская Правда» от подачи ходатайства в Московский цензурный комитет 21 апреля 1862 г. до запрещения его министром народного просвещения А. В. Головниным 4 мая 1862 г. изложена в статье Ю. Г. Оксмана «Несостоявшийся журнал М. Е. Салтыкова-Щедрина «Русская Правда». — «Красный архив» 1923, т. IV.

Но с запрещением «Русской Правды» не кончается однако ее цензурная история. «По случаю пересмотра в высочайше учрежденной комиссии постановлений по делам книгопечатания» было отклонено не одно только ходатайство Салтыкова. В то же время было отказано в разрешении издавать новые газеты и журналы еще целому ряду лиц — см. список их в «Деле Особенной канцелярии министра народного просвещения по отношению министра внутренних дел о доставлении ему списка всем повременным изданиям и сведений о всех произведениях тиснения, разрешаемых общею цензурою», 1862, № 45, лист 87. И вот в конце августа 1862 г., в виду того, что работы комиссии кн. Д. А. Оболенского затянулись, Головнин обратился к министру внутренних дел П. А. Валуеву с вопросом — нет ли с его стороны возражений против удовлетворения ходатайств этих лиц. В списке, который Головнин переслал Валуеву, фигурирует и «Русская Правда». 13 сентября Валуев в свою очередь обратился к начальнику III Отделения кн. В. Долгорукову со следующим отношением (печатаю его по копии):

13 сентября 1862, № 2395. Секретно.

Главному начальнику III Отделения
Собственной Е. И. В. Канцелярии.

Г. Управляющий Министерством Народного Просвещения сообщил Министерству Внутренних Дел, что он полагал бы некоторым лицам, коим было отказано в нынешнем году в дозволении основать новые журналы и газеты, по случаю пересмотра в высочайше учрежденной комиссии постановлений по делам книгопечатания, разрешить издание таковых журналов и газет в будущем году, так как теперь наступает время, когда объявляется подписка на повременные издания, предполагаемые к выпуску в будущем году, а между тем помянутая комиссия еще не кончила своих работ и едва ли прежде 1863 г. проект нового закона о книгопечатании может быть внесен в Государственный Совет.

Сообщая мне таковое предположение свое, статс-секретарь Головнин просил моего отзыва, не встречаю ли я с своей стороны какого-либо препятствия к разрешению издавать в 1863 г. новые журналы и газеты, поименованные в доставленном им списке.

Предварительно сообщения статс-секретарю Головнину мнения моего по этому делу считаю нужным препроводить при сем к Вашему Сиятельству доставленный им список лицам, желающим издавать в 1863 г. новые газеты и журналы на тот конец, не изволите ли Вы признать возможным передать мне имеющиеся о них во вверенном Вам управлении сведения.

Министр Внутренних Дел статс-секретарь Валуев.
Правитель канцелярии М. Шидловский.

Князь Долгоруков ответил следующее:

Секретно.

Милостивый государь
Петр Александрович!

Вследствие отношения Вашего превосходительства за № 2395, имею честь уведомить, что о лицах, поименованных в списке, к тому отношению приложенном, в виду вверенного мне Управления нет сведений, которые могли бы служить препятствием к разрешению им издания журналов; но считаю долгом присовокупить, что по моему мнению, мною вместе с сим сообщенному и г. Управляющему Министерством народного просвещения, умножение периодических изданий может быть допускаемо с крайнею осторожностью, так как, даже при неимении предосудительных сведений насчет тех лиц, которые желают быть редакторами, нельзя быть уверену в благонадежности их собственно по этому званию, и кроме того мы имеем еще так много доказательств, что цензура не хочет или не в состоянии иметь надлежащее наблюдение даже за журналами, ныне существующими.

Примите, милостивый государь, уверение в истинном моем почтении и совершенной преданности.

Князь Василий Долгоруков.

№ 2792
18 сентября 1862 г.

Его П-тву П. А. Валуеву.

(«Дело Департамента полиции исполнительной по делам книгопечатания», 1862, № 13, часть 1, «о разрешении новых периодических изданий», листы 97—99.)

В конце 1862 г. Министерство внутренних дел рассмотрело список, пересланный Валуеву Головниным. 23 января 1863 г. Валуев довел до высочайшего сведения доклад о «разрешенных и неразрешенных периодических изданиях». Доклад этот состоит из двух частей: «В октябре, ноябре и декабре 1862 года Министерством внутренних дел: А. Изъявлено согласие на дозволение издания следующих новых газет и журналов. (Следует перечисление. — *И. Я.*)... Б. Не изъявлено согласия на дозволение издания следующих газет и журналов, впредь до издания новых цензурных правил»... Во втором разделе на первом месте находим «Литературный и политический журнал «Русская Правда» статскому советнику Салтыкову» («Дело Центрального управления по цензурному ведомству», 1863, № 12, «со всеподданнейшими докладами о движении в журналистике», листы 1—2).

Салтыков в это время уже деятельно работал в «Современнике» и не думал конечно о «Русской Правде», а между тем она была запрещена вторично.

VIII. ИТОГИ

Очерки Салтыкова «Итоги» печатались без его подписи в «Отечественных Записках» в 1871 г. (№№ 1—4). Пятый очерк, помещенный было в августовской книжке как-раз во время Нечаевского процесса, вызвал любопытное письмо председателя цензурного комитета А. Петрова к начальнику Главного управления по делам печати Шидловскому.

«Честь имею довести до сведения Вашего Превосходительства, что в представленной сегодня книжке «Отечественных Записок» обращает на себя внимание в цензурном отношении статья «Итоги», продолжение прежде помещенных четырех статей. Она, полагаю я, принадлежит Щедрину. Тема ее в том; что у нас придают людям прогресса несправедливо название анархистов, между тем как настоящие анархисты — это консерваторы.—Развивая эту мысль, автор в общих, иногда умышленно запутанных образах рисует деспотизм николаевского времени (стр. 326), реформы настоящего царствования называет «консервативным либерализмом» (стр. 328), упрекает его в том, что он коснулся «подробностей», не коснувшись существенных оснований жизни (стр. 329), не давших жизни широких разумных оснований. Действительными анархистами он признает людей, отдающих общество в жертву всевозможным колебаниям и страхам (стр. 331), и замечает, что по милости их злоба и ненависть делаются единственными регуляторами человеческих отношений. Все это высказано темно, мысли замаскированы, но тенденции очевидны.

Преследовать судом за эту статью невозможно. По моему мнению даже неудобно было бы мотивировать административное взыскание; но она обличает направление журнала.

Августа 16 дня.
1871 г.

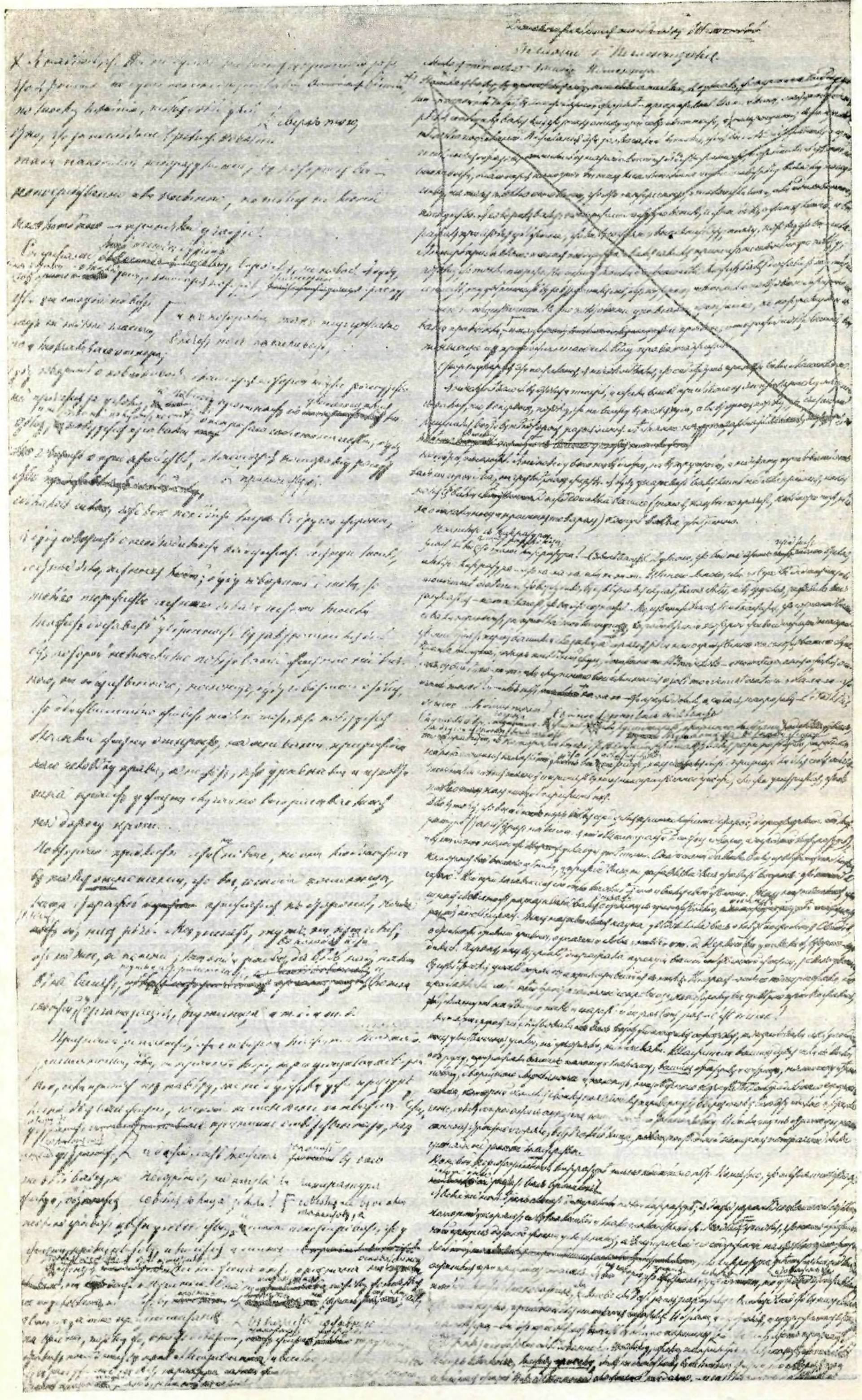
А. Петров».

(Ленингр. отделение Центрархива. Дело канцелярии Главного управления по делам печати, № 416, за 1871 г. «по отзывам д. ст. сов. Петрова», л. 3.)

В письме своем к А. М. Жемчужникову от 31 авг. 1871 г. Салтыков писал, что он «должен был эту статью вырезать в виду угроз для журнала» («Русская Мысль» 1913 г., № 4).

IX. ВЕЧЕРОК

На заседании С.-Петербургского цензурного комитета 16 февраля 1880 г. по докладу цензора Лебедева, обрушившегося на целых пять статей в февральской книжке «Отечественных Записок», решено было арестовать эту книжку. В числе предосуди-

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ЧЕРНОВОЙ РУКОПИСИ «ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПИСЬМА К ТЕТЕНЬКЕ. ПОСЛАНИЕ К ПОШЕХОНЦАМ» (1883 г.)

Институт Русской Литературы, Ленинград

тельных статей Лебедев отметил «Вечерок» Щедрина, где «автор самыми мрачными красками описывает современное состояние общества, при котором будто бы не могут вечером собраться на дому четыре или пять человек для приятельской беседы без опасения, чтобы их не подслушали, чтобы из этого собрания не вывели каких-нибудь опасных для них заключений» (см. В. Евгеньев-Максимов. «Очерки по истории социалистической журналистики», стр. 202). Салтыков, узнав об этом решении комитета, выхлопотал тогда право издать книжку, изъяв две наиболее предосудительные статьи — рассказ Осиповича-Новодворского «Записки молодого человека» и свой рассказ «Вечерок»; они были вырезаны из экземпляров журнала и опечатаны в типографии Краевского.

Вскоре, воспользовавшись временным облегчением цензурного гнета с назначением 4 апреля 1880 г. на пост начальника Главного управления по делам печати Ник. Савв. Абазы вместо В. Григорьева, Салтыков поместил два этих рассказа в «Отечественных Записках» под другим заглавием — «Вечерок» в исправленном виде в апрельской книжке 1880 г. под заглавием «Не так давно» и «Записки молодого человека» Осиповича — в майской книжке под заглавием «Карьера».

В типографии Краевского оставались лежать вырезанные из журнала оттиски этих статей. Тогда через несколько месяцев была предпринята попытка добиться разрешения отдельного издания этих статей.

В ноябре 1880 г. от имени управляющего типографией Краевского было подано прошение в Главное управление по делам печати, в котором указывалось на то, что статьи эти были уже помещены в журнале. Главное управление в отношении от 19 ноября за № 4365 предложило С.-Петербургскому цензурному комитету дать свое заключение. Цензор Лебедев, которому было поручено составить это заключение, представил следующее донесение:

«Вследствие доставленного на мое заключение прошения управляющего типографией Краевского Скороходова о разрешении снять арест с находящихся на его хранении и исключенных из февральской книжки «Отеч. Зап.» за 1880 год двух статей, первой «Записки молодого человека» Осиповича и второй «Вечерок» Щедрина, на том основании, что впоследствии эти статьи под другими заглавиями, именно первая под заглавием «Карьера», а вторая под заглавием «Не так давно», были напечатаны в №№ 5 и 4 «Отеч. Зап.» за нынешний год и выпущены цензурою в свет в целости, честь имею донести следующее... (Следует отзыв о «Записках молодого человека».)

Вторая статья, очерк Щедрина под заглавием «Вечерок», подвергнулась исключению вследствие того до крайности проводимого иногда сатириком осуждения современного общественного положения, которое переходит всякую меру терпимости. Так в данном очерке Щедрин, описывая вечеринку, на которую собрались несколько приятелей просто попить и поесть без всякой политической цели, рисует картину постоянного их страха быть подслушанными, говорит, как они опасаются даже прислуживающего им лакея, боясь видеть в нем подосланного шпиона, почему и удаляют его, прислуживая сами себе; как они боятся даже петь известное «Gaudeamus igitur», опасаясь, чтобы в стихе «Vivat Academia» власти не увидели прославление Медико-хирургической Академии, в которой незадолго перед тем происходили беспорядки.

Впоследствии, когда обе эти статьи были помещены в «Отеч. Зап.» под другими заглавиями, из коих «Записки молодого человека» без всяких перемен, а «Вечерок» с некоторыми исключениями, бывший начальник Главн. Управления по делам печати нашел возможным выпустить те книжки журнала, в которых они были напечатаны.

Что касается до настоящей просьбы управляющего типографией Краевского Скороходова, то, по моему мнению, она удовлетворена быть не может, так как обе эти статьи, составляя менее десяти печатных листов, на основании законов о печати, могут выйти в свет не иначе, как с разрешения предварительной цензуры. Но, как до сих пор не последовало никаких перемен в цензурных постановлениях, то не может быть и речи, чтобы статьи подобного направления и содержания могли быть одобрены цензурою и с ее дозволения выпущены в свет. По моему мнению с этими статьями должно быть поступлено так, как поступается с книгами, подвергшимися аресту и запрещению, т. е. они должны быть уничтожены

25 ноября 1880 г. Цензор Лебедев».

(Ленингр. отделение Центрархива. Дело С.-Петербургского цензурного комитета № 60 за 1865 г., лл. 366, 367.)

Благодаря этому отзыву отдельное издание рассказа «Вечерок» Щедрина так и не состоялось.

X. ПИСЬМА К ТЕТЕНЬКЕ

«Письма к тетеньке» печатались в «Отечественных Записках» 1881 г. (№№ 7, 8, 11 и 12) и 1882 г. (№№ 1—5). Уже третье письмо, помещенное в сентябрьской книжке 1881 г., вызвало следующее донесение председательствовавшего в то время в С.-Петербургском цензурном комитете В. Ведрова в Главное управление по делам печати:

«В «Отечественных Записках» за сентябрь, только что вчера представленных в СПБ. Комитет, в статье Щедрина «Письма к тетеньке» осмеивается «Общество частной инициативы спасения», вызванное из среды общества князя Сампантре (стр. 294) (Сан-Донато) и Амалат-Беками, знакомыми лишь с «наукою о подмывании лошадям хвостов» (296).

При этих частных нападениях сатирика общее положение общества так обрисовывается: Шекспиры, Данте, Шиллеры, Байроны! вы, которые говорили человеку о свободе и напоминали ему о совести — не до вас нам!!... Не вы теперь нужны, а городовые — что же делать! как-нибудь проживем и с ними! Но пускай же судьба избавит нас хоть от шипения и подлых трубных звуков, благодаря которым нет честного человека, который не носил бы тревоги в сердце своем (стр. 292).

Задержать книжку и дать значение государственной сатиры простой болтовне популярного писателя невозможно, так как «Общество частной инициативы спасения» известно немногим и то по слухам, завеса, падающая на лица, хотя и прозрачна, но далеко не ясна. Прием, употребляемый в таких случаях, был исключение статьи по требованию свыше и редакторы обыкновенно соглашались.

После сегодняшнего заседания комитета буду иметь честь немедленно представить его мнение по этому предмету. Остается три дня до выпуска книги.

Председательствующий В. Ведров

16 сентября 1881 г.»

На этом отзыве исправлявший должность начальника Главного управления Варадинов наложил резолюцию: «Полагаю, что необходимо попытаться уговорить изменить статью».

(Ленингр. отделение Центрархива. Дело Главного управления по делам печати № 53 за 1865 г., л. 320.)

Таким образом первоначально Ведров отнесся к третьему письму весьма снисходительно, видя в нем «простую болтовню» популярного сатирика, осмеивающую реакционную добровольческую организацию. Однако на заседании Комитета он столкнулся с мнением других членов Комитета, расценивших более серьезно эту сатиру Салтыкова и потребовавших ареста книжки «Отечественных Записок». Отпор большинства был настолько силен, что Ведров изменил свое собственное мнение об этом произведении и в тот же день представил в Главное управление новое донесение, написанное в гораздо более решительном тоне.

16 сентября 1881 г.

Господину Исполняющему должность Начальника Главного Управления по делам печати.

15 сего сентября представлена в Комитет сентябрьская книжка бесцензурного журнала «Отечественные Записки», отпечатанная в 9550 экземплярах.

Цензор, рассматривающий ее, доложил Комитету, что особенное внимание в цензурном отношении обращает на себя статья Щедрина «Письма к тетеньке» III» (страницы 283—300).

В статье этой живо чувствуется сатира на настоящее положение общества, призванного помогать правительству. Ноздрев и Расплюев, два литературные типа подлых про-

шалыг, возведены в члены какого-то «Общества частной инициативы спасения», обязанного своим существованием князю Сампантре и Амалат-Бекам, знакомым лишь «с наукою о подмывании лошадям хвостов» (стр. 296).

Кроме характеристики иронической разных личностей и современных событий, проглядывает и серьезное обсуждение, доказывающее, что саркастические очерки составляют только более удачный прием для публики обрисовки современного политического быта. «Шекспиры, Данте, Шиллеры, Байроны, вы, которые говорили человеку о свободе и напоминали ему о совести — не до вас нам! Не вы теперь нужны, а городовые — что же делать! Как-нибудь проживем и с ними! Но пускай же судьба избавит нас хоть от шипений и подлых трубных звуков, благодаря которым нет честного человека, который не носил бы тревоги в сердце своем» (стр. 292).

Говоря об образовавшемся в Симбирске «тайном» обществе, обещающем за каждого превратного толкователя сто рублей, автор пророчит ему грустную будущность и видит во всем этом организацию «благонамеренного междуусобия».

Цензор, видя во всей статье ловко составленное описание настоящего положения вещей, считает необходимым довести о ней до сведения Главного управления по делам печати, не применяя к книжке мер задержания, на основании инструкции 25 августа 1865 г.

Комитет, сознавая все гибельное влияние едкой сатиры Щедрина, представляющей, преимущественно в этой книжке, настоящее положение русского общества в презренном виде с деятелями во главе, подобными Ноздреву и Расплюеву, осмеивающей меры, принимаемые к охранению порядка, постановил, большинством семи голосов против четырех, подвергнуть книгу аресту, если не будет исключена статья Щедрина.

О таком определении своем С.-Петербургский Цензурный Комитет имеет честь донести Вашему Сиятельству для доклада Господину Министру Внутренних дел.

Подписал: Председательствующий В. Ведров.
Скрепил: И. о. секретаря Н. Пантелеев.

Сверху рукой секретаря подписано: «при докладе сего же числа г. Министр заметил, что необходимо попытаться изменить статью, не применяя к книге инструкции 25 августа 1865 г. В статье особенно резкие места на стр. 292, 294 и 296» (там же, л. 321).

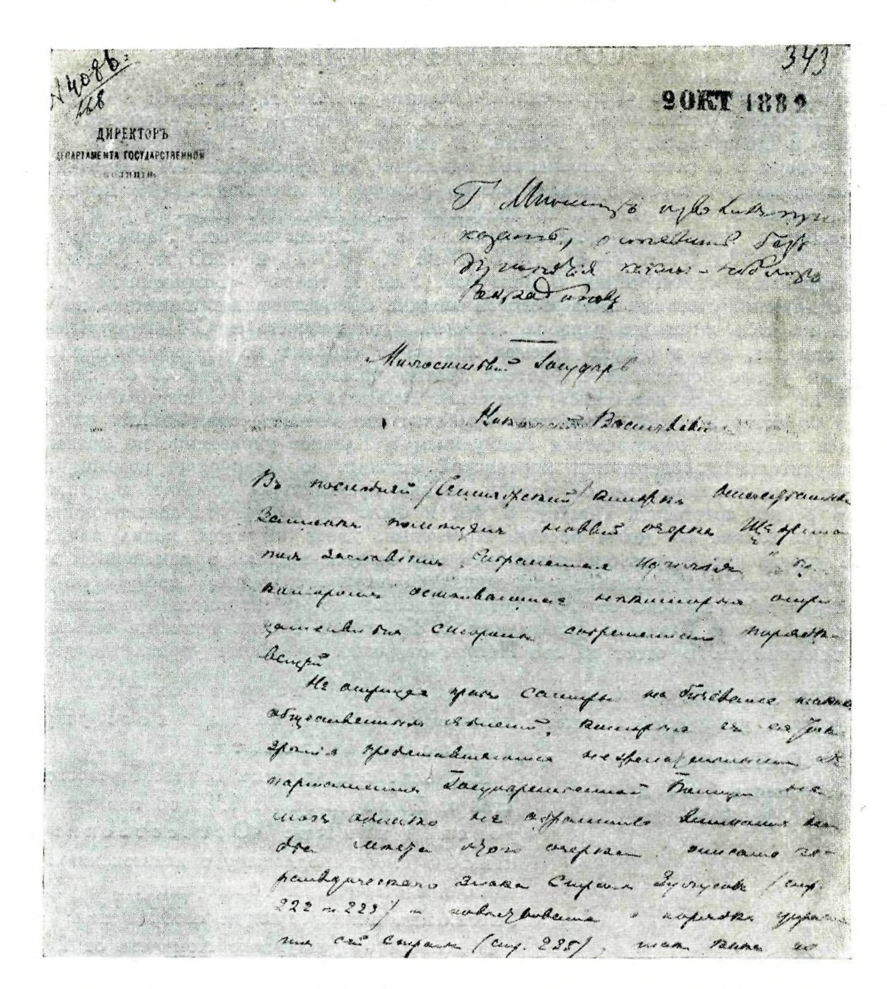
Но когда Главное управление сообщило об этом решении в С.-Петербургский цензурный комитет, оно встретило не меньший отпор, чем Ведров на заседании Комитета. В Главное управление было представлено второе донесение от 2 октября 1881 г. уже Лебедевым, в котором категорически требовалось исключить очерк Щедрина целиком (текст донесения см. в книге В. Евгеньева-Максимова «В тисках реакции», стр. 88—90).

Нажим большинства членов Цензурного комитета на Главное управление по делам печати, т. е. подчиненного на свое начальство,— явление совершенно исключительное в истории российской цензуры; оно имело своим последствием не только запрещение очерка Салтыкова, но и личное объяснение Салтыкова с министром внутренних дел гр. Игнатьевым.

Третье «Письмо к тетеньке» было напечатано в том же году за границей в эмигрантском журнале «Общее дело», издававшемся А. К. Христофоровым и другом Салтыкова доктором Н. А. Белоголовым. Четвертое и пятое «Письма к тетеньке», напечатанные в декабрьской книжке 1881 г. и январской 1882 г. «Отечественных Записок», также обратили на себя внимание цензуры (см. выше).

О пятом письме Лебедев представил чрезвычайно резкое донесение в С.-Петербургский цензурный комитет (текст донесения см. в кн. В. Евгеньева-Максимова «В тисках реакции», стр. 93, 94), который переслал его в Главное управление по делам печати. Дело было передано на рассмотрение члена Совета Главного управления В. М. Лазаревского, которому было поручено постоянное наблюдение за журналом «Отечественные Записки». Лазаревский был в дружеских отношениях с редакцией журнала и пользовался своим положением в Главном управлении, чтобы отводить по мере возможности от журнала всякие цензурные грозы. Это ему было тем легче делать, что с 1866 г. он был не только членом Совета Главного управления по делам печати, но и влиятельным лицом в цензурном ведомстве, состоя членом Совета министра внутренних дел.

Отражая натиск Лебедева, Лазаревский представил в Главное управление по делам печати следующий отзыв:

№ 4086

343

2 ОКТ 1882

ДИРЕКТОРЪ
ДЕПАРТАМЕНТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПОЛИЦІИ

Г. Министръ изволилъ приказать, оставить безъ послѣдствій

Милостивый Государь

Николай Васильевичъ

Въ послѣдней (сентябрьской) книжкѣ журнала «Отечественныя Записки» помѣщены новые очерки Щедрина подъ заглавіемъ «Современная идиллія» [illegible]

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ОТНОШЕНИЯ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ ОТ 2 ОКТЯБРЯ 1882 г. ЗА ПОДПИСЬЮ В. К. ПЛЕВЕ НА ИМЯ НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ

Отношение содержит просьбу переговорить с министром (гр. Д. А. Толстым) по поводу XII и XIII глав «Современной идиллии», помещенных в сентябрьской книжке «Отеч. Запис.», которые обратили на себя внимание департамента полиции. Наверху документа отметка: «Г. Министр изволил приказать оставить без последствий»

Ленинградское отделение Центрархива

Г. Председателю

С.-Петербургский Цензурн. Комитет представил г. начальнику Главного Управления по делам печати донесение № 48, касательно статьи г. Щедрина «Письма к тетеньке», помещенной в январской книжке «Отеч. Записок».

Принимая во внимание, что большая часть нашей периодической печати усвоила в последнее время подобный «пессимистический дух», и что едва ли не следует отнести эти места, насколько в донесении высказано, к журнальной полемике, я полагал бы оставить без последствий.

19 января. Т[айный] С[оветник] Лазаревский.

[Рукой секретаря:] Принять к сведению.

(Ленингр. отделение Центрархива. Дело 1-го отделения канц. Главн. упр. по делам печати, № 37 за 1882 г. с заявлением чл. Совета Лазаревского. Л. 21.)

Главное управление постановило «оставить без последствий согласно заключению члена Совета Лазаревского» (пометка на полях донесения Лебедева).

XI. СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛЛИЯ

Приступая к печатанию «Современной идиллии» в 1877 г., Салтыков сам хорошо сознавал, насколько рискованной является одна из основных тем — высмеивание системы сыска и доносительства в России. В письме к П. В. Анненкову от 2 марта 1877 г., говоря о I главе «Современной идиллии», он прибавлял: «Я несколько таких рассказов напишу, которые приведут самую цензуру в изумление» (М. Е. Салтыков-Щедрин. «Письма» под ред. Н. В. Яковлева. Л., 1924, стр. 159—160).

«Современная идиллия», печатавшаяся в «Отечественных Записках» в 1877 (№№ 2—4), 1878 (№№ 2—4), 1882 (№№ 9, 10, 12) и 1883 гг. (№№ 1 и 5), не раз вызывала столкновения с цензурой. Уже II глава «Современной идиллии» наряду с другими статьями в мартовской книжке «Отечественных Записок» за 1877 г. обратила на себя внимание цензора Лебедева, доложившего в С.-Петербургский цензурный комитет, что в очерке «весьма явственно сквозит полное недовольство существующими у нас порядками и протест против чрезмерного гнета со стороны правительства на мыслящее население» (донесение Лебедева см. в кн. Евгеньева-Максимова «Очерки по истории социалистической журналистики России», стр. 187).

Лебедев предлагал ограничиться сообщением в Главное управление по делам печати о предосудительном содержании мартовской книжки, но Цензурный комитет в своем заседании большинством голосов против мнения председателя комитета и цензора Ратынского решил арестовать книжку, о чем и было 21 марта отправлено донесение в Главное управление по делам печати. Краевский, узнав об этом, подал заявление в Главное управление с просьбой разрешить ему выпуск книжки в измененном виде, на что получил согласие управляющего министра внутренних дел. Сообщая об этом в конфиденциальной записке от 20 марта председателю Цензурного комитета А. Г. Петрову, начальник Главного управления В. Григорьев просил отметить места, подлежащие исключению. В ответ на это Петров отправил в Главное управление донесение:

Министерство внутренних дел.
Петербургский цензурный комитет.

С.-Петербург
31 марта 1877 г.
№ 316

Господину исправляющему должность начальника Главного управления по делам печати.

Исполняя предложение Вашего Превосходительства от 28 марта за № 1399 об отметке в мартовской книжке «Отечественных Записок» мест, подлежащих исключению, честь имею представить на благоусмотрение Главного Управления нижеследующие соображения:

В донесении Цензурного Комитета от 21 марта о содержании «Отечественных Записок» обращалось внимание на четыре статьи: 1) Вымирание некультурных рас. 2) Оглянемся назад. 3) Рецензия на книгу Путяты: Политическая экономия в рассказах и 4) Сатирический очерк Щедрина «Современная идиллия».

... в Современной идиллии, сатирическом очерке Щедрина, цензор усматривал резкое обличение чрезмерного гнета со стороны правительства на мыслящее население.

Следует заметить, что настоящий очерк есть продолжение помещенного в предыдущей книжке.

Щедрин остался и здесь верным своей обычной манере: он доводит обезображение осмеиваемых им положений и типов до крайностей абсурда. Читатель теряет всякую возможность сближения фикций, созданных фантазией сатирика, с действительностью. Отыскивая в этом фантастическом художественном рассказе тенденциозные намеки и сопоставления, оказалось бы необходимым основываться на догадках и произвольном толковании, что не соответствовало бы статьям 6 и 13 цензурного устава.

По сему, принимая во внимание, что и в настоящем сатирическом очерке выведены представители самых низших слоев общества и администрации, отличающиеся почти идиотизмом и тупоумным отношением к общественным вопросам, я полагал бы по прежним примерам возможным допустить его в печать.

Таким образом пришлось бы исключить из мартовской книжки «Отечественных Записок» статью «Вымирание некультурных рас» («Соврем. Обозр.», стр. 47—48) и библиографическую статью о Политической экономии в рассказах Путяты (там же, стр. 92—95), перепечатать обертку и представить книжку в измененном виде в Цензурный Комитет.

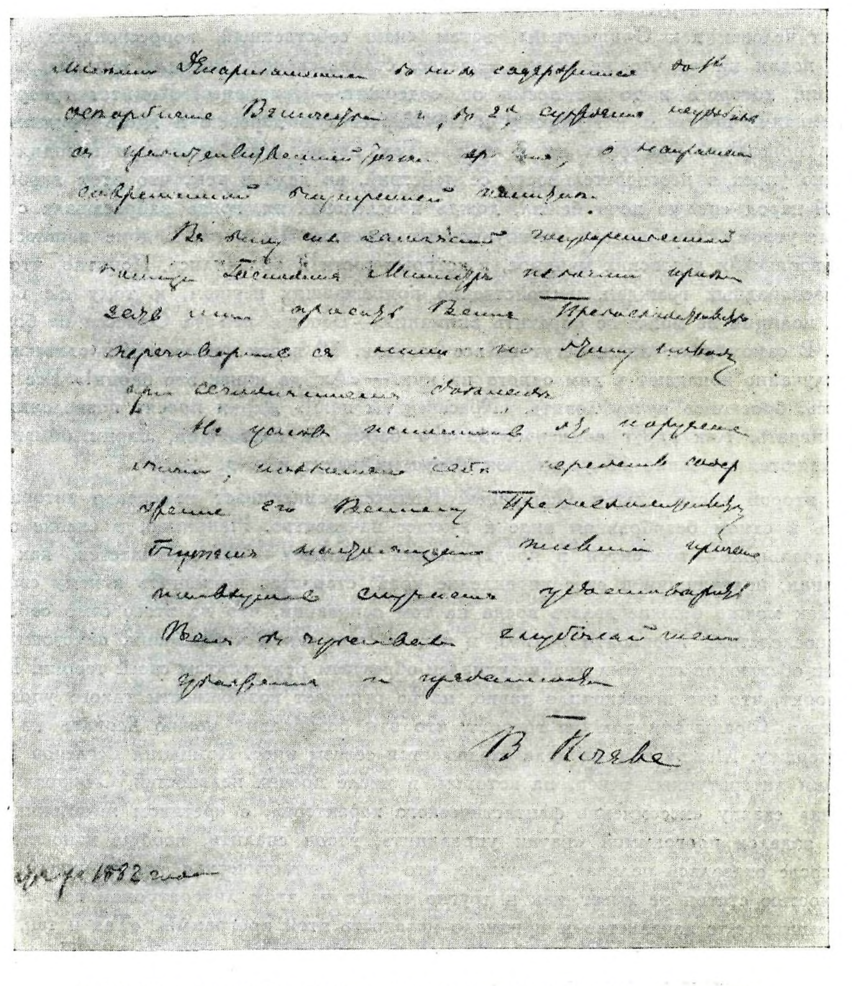
Такое предложение имею честь представить на благоусмотрение с приложением экземпляра № 3 журнала «Отечественные Записки».

Председатель А. Петров
Секретарь Н. Пантелеев

На этом отношении начальником Главного управления по делам печати В. Григорьевым наложена следующая резолюция: «Совершенно согласен с мнением г. Председателя Ценз. Комитета как относительно полного исключения первой и третьей статьи, так и возможности оставить без изменения статьи вторую и четвертую, о чем и уведомить его немедленно.

В. Гр.»

(Ленингр. отделение Центрархива. Дело канц. Главн. управления по делам печати № 53 за 1865 г. по изданию журнала «Отечественные Записки», лл. 220—222.)

ВТОРАЯ СТРАНИЦА ОТНОШЕНИЯ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ
ПО ПОВОДУ «СОВРЕМЕННОЙ ИДИЛЛИИ»
Ленинградское отделение Центрархива

Таким образом только благодаря поддержке со стороны председателя цензурного комитета II глава «Современной идиллии» не была вырезана из журнала.

И в дальнейшем, как уже указывалось выше, печатание «Современной идиллии» вызывало столкновения с цензурой. Наконец цензор Лебедев представил донесение в С.-Петербургский цензурный комитет о декабрьской книжке «Отечественных Записок» за 1882 г., в котором в весьма резком тоне отозвался о напечатанных в ней XIX—XXI главах «Современной идиллии». Отзыв этот был сообщен в Главное управление по делам печати и статья передана на рассмотрение Лазаревского. Лазаревский, стараясь выгородить статью Салтыкова, дал в Главное управление свое заключение:

«Цензурный Комитет от 13 сего декабря представил в Главное Управление донесение касательно статьи Щедрина, помещенной в 12-й книжке «От. Зап.» Касательно первой ее части Комитет выводит следующее положение: автор старается представить, 1, с одной стороны, в самом безвыходном состоянии русского гражданина, если последний не мужик. Всякий (?) желает усмотреть в нем социалиста; 2, с другой стороны, мужик «наблюдает за подозрительными людьми в каждом лице не из крестьянского сословия» и 3, сему научает простолюдинов ближайшее начальство («низшие правительственные агенты», как говорит комитет в другом месте). Сам автор этого не высказывает. Если же это — как бы вывод комитета из наличных данных статьи, то он неверен.

Представителями русского гражданина являются в статье во 1-х, «столь несомненно позорный человек как Очищенный», затем «наш собственный корреспондент, который кроме водки ни во что не верит»,— далее, старик-скопец, молодая его содержанка и господин, которого в то же время он содержит.— Цензурный Комитет говорит, что эта компания приехала к Щедрину в его Корчевскую деревню и здесь урядник, заподозрив приезжих, арестовал их и т. д.— Так, автор, быть может, и взводил бы на полицию упрек в неосновательности ее действий, но дело в том, что этот якобы приехавший народ «целую ночь бежал, дождь преследовал их, грязь забрасывала с ног до головы; утром, случайно они наткнулись на деревню Щедрина. В доме нашлось только 4 дворянских дедовских мундира, в которые гости и облачились. Понятно, что на таких маскарадных граждан, несвойственно прибежавших пешком, к тому же без паспорта, полиция не могла не обратить внимания.— Вообще вся эта Одиссея не более как шарж. В самом деле, люди бегут во все лопатки, 30 верст ночью под проливным дождем, случайно попадают в дом одного из них. — «Ах, да никак это барин!». Все обрадовавшись, бросились ручку ловить. «Красавец ты наш!» Девки просят позволения хороводы играть. Как вдруг сомненье: да это барин не настоящий, барин обманный, и вот являются внезапно 12 урядников, берут их, ведут и т. д.

«Во второй части статьи Цензурный Комитет усматривает намеренье автора представить в самом безобразном виде и высшее начальство. Например, в сказке о ретивом начальнике — говорится в представлении комитета — «рассказывается, как один начальник, получивший в свое управление край, старается применить к нему свою теорию: как можно больше делать вреда на том основании, что из этого само собой должна впоследствии произойти польза, и как он при таком управлении, опустошив край и почти обезлюдив его, был крайне удивлен обратным результатом своей теории. Правда, он говорит, что это происходило давно, но не отрицает возможности такого управления и теперь». Фразы эти как бы говорят, что эти безобразия можно черпать из статьи на выдержку. Между тем на деле оказывается совсем иное. Компания беглецов затеяла от скуки литературный вечер, на котором, в числе прочих нелепостей, Очищенный рассказывал сказку «несомненно фантастического характера», о «ретивом начальнике», который задался программой «науки упразднить, город спалить, вообще наносить вред, чтоб после оказалась польза». Очевидно, что эта фантастическая сказка ничего общего с сущностью статьи не имеет, как и другие чтения на этом литературном вечере. Затем именно высшее-то начальство и признало нелепость этой программы. «Так и так, докладывает ретивый начальник, сколько ни делал вреда, а пользы ни на грош. — Повторите.— Так и так. Никоим образом до настоящего вреда дойти не могу. — Ах, так вы вот об чем, расхохотался новый начальник». Вообще, этот ретивый — один из известных типов щедринской коллекции своеобразных администраторов».

В журнале заседания Совета Главного управления от 21 декабря 1887 г., на котором слушался этот доклад Лазаревского, было записано:

«В заключение Комитет считает статью предосудительной с точки зрения, что читатель возбуждается против правительства «описанием беззаконных действий его агентов, на которые он[о] смотрит как бы сквозь пальцы». Но едва ли можно утверждать, что правительство игнорирует их действия. Во всяком случае автор не выходит в этой статье из пределов сатиры, поскольку предмет ее есть обличение общественных недостатков.

Что же касается до двух будто бы тенденциозных стихотворений Якубовича, неудобных по своему впечатлению, то я не вижу в них никакой тенденциозности. Это не более как избитые шаблонные места. На основании вышеизложенного я бы полагал оставить представление без последствий.

Член Совета Лазаревский

(Ленингр. отделение Центрархива. Дело Главного управления по делам печати № 37 за 1881 г. с заявлением Лазаревского.)

Совет постановил об указанных статьях «Отечественных Записок» записать в журнале заседания.

(Ленингр. отделение Центрархива. Дело Главного управления по делам печати с журн. засед. Совета Главного управления по делам печати за 1882 г., лл. 382—390.)

22 января 1883 г. «Отечественным Запискам» было дано второе предостережение, официально за статью Н. Николадзе «Луи Блан и Гамбетта», но фактически причиной репрессии явилась «Современная идиллия». Хорошо осведомленный о том, что делается в цензурном ведомстве, Салтыков правильно оценивал значение для себя этого события. «Николадзе, на которого ссылаются,— только для прилику, главная же цель — я», писал он 31 января 1883 г. своему другу поэту А. Л. Боровиковскому. Вероятно благодаря стараниям Лазаревского как члена Совета министра внутренних дел, о произведении Салтыкова не было упомянуто во всеподданнейшем докладе Александру III, а отсюда и в официальном распоряжении о предостережении. В высшей степени любопытным документом, наглядно рисующим этот эпизод вынесения предостережения «Отечественным Запискам», является журнал заседания Совета Главного управления по делам печати, на котором решался этот вопрос.

Совет
Главного Управления
по
Делам Печати
М. В. Д.
18-го января 1883 г.
№ 5

Совет Главного Управления по Делам печати слушал:

Представление С.-Петербургского Цензурного Комитета о журнале «Отечественные записки» следующего содержания:

(Далее следует текст доклада).

Наблюдающий за журналом «Отечественные Записки» Тайный Советник Лазаревский по поводу представления Цензурного Комитета заявил Совету, что он в очерке Щедрина усматривает лишь намерение сатирика указать на действительные недостатки, существующие как в организации наших судов, так и на холодное, формальное отношение к делу правосудия судей, прокуратуры и защиты, что действительно замечается в последнее время и подтверждением чему служат многие опубликованные в газетах фактические известия о злоупотреблениях, встречающихся в области юстиции. На указанные недостатки постоянно обращает свое внимание и самая благонамеренная часть нашей прессы и нередко в резкой форме высказывается против этого. Затем член Совета Лазаревский, обратив внимание Совета на статью в январской книжке «Из воспоминаний рядового Иванова» [2] о минувшей войне 1877 года, прочитал одно место, где рядовой с умилением говорит о том глубоком впечатлении, которое произвело на солдат задушевное отношение к ним в Бозе почившего Государя Императора, который не мог удерживать слез при виде проходивших мимо Его Величества рядов войск. При этом Тайный Советник Лазаревский представил следующую характеристику журнала «Отечественные Записки»:

«С 1868 года Некрасов, хотя не утвержденный ответственным редактором «Отечественных Записок», тем не менее на самом деле и заведомо был действительным хо-

хозяином издания. — При этой редакции (Некрасов, Салтыков, Елисеев) «Отечественные Записки» постоянно держались направления так сказать прогрессивно-либерального, не впадая впрочем в крайний либерализм, как «Современник». Направление это называли гражданскою скорбию о меньшей братии. Но «Отечественные Записки» никогда не проводили разрушительных доктрин, как напр., неповиновение властям, неуважение к праву собственности, несостоятельность начал семейного союза и не касались основных начал государственного устройства. Тем не менее «Отечественные Записки» нельзя было назвать изданием благонамеренным, т. е. таким, которое защищало бы авторитет правительства,— вообще в журнале выставлялись более темные стороны общественной жизни и недовольство настоящим порядком, без примиряющего элемента.

«За время редактуры Некрасова, с 1860 г. по 1878 г., Цензурный Комитет представил в Главное Управление по делам печати 18 отзывов, частию на основании инструкции 23 августа 1865 г., частию только для сведения.— Предостережений дано было два в 1872 и 1877 гг.— По определению Комитета Министров, воспрещена к выходу одна книжка в 1874 г.— В 1877 г. предположено было задержать мартовский нумер, но согласно мнению г. Начальника Главного Управления, книжка была выпущена за исключением двух статей.

«В начале 1878 года редакция «Отечественных Записок» перешла в заведывание г. Салтыкова. Направление их, собственно говоря, не изменилось, хотя из редакции ушли такие деятели, как Некрасов и Елисеев [3]. Впрочем нельзя не признать, что журнал оказался сдержаннее сравнительно с прежним. На это указывают уже числовые сопоставления карательных мер, коим подвергались прежняя и настоящая редакции.

«Так за пять последних лет Цензурный Комитет заявил Главному Управлению только о пяти книжках. Предостережение дано еще в январе 1879 г. Воспрещение к выходу книжек предполагалось три раза: первый раз, в 1879 г., нумер был выпущен по особому докладу Тайного Советника Григорьева; во второй раз, в том же году, г. Министр сам указал предложить редакции исключить или изменить неудобные места, а в третий раз, в 1880 г., сделано было то же по ходатайству и разрешению г. Министра.— Нужно впрочем заметить, что в последнее время журнал пользовался некоторым снисхождением касательно так называемой аккомодации, т. е. выпуска нумеров с уничтожением в них статей, подвергшихся неодобрению цензуры. Нельзя не согласиться, что «Отечественные Записки» под настоящею редакцией обязаны своим успехом статьям г. Салтыкова. За исключением их, журнал не представляет ничего выдающегося. Но и произведения Щедрина едва ли производят безусловно тяжелое впечатление на читающую публику.

«Члену Совета Лазаревскому кажется, что значение их достаточно верно характеризовано Тайным Советником Григорьевым в следующей записке его, представленной г-ну Министру: «Произведения Щедрина, как сатирические, естественно представляют вещи не в настоящих их размерах; преувеличение же, в которое он постоянно впадает, имеет результатом, что читатель проникается не злобой, не негодованием, а смехом».

Совет, по обсуждении очерка Щедрина «Современная идиллия», пришел к заключению, что настоящий очерк не есть простая сатира, имеющая целью указать и осмеять действительные недостатки судебной организации вообще, а переходящая всякое приличие карикатура, не ирония, а нахальное издевательство, неистовое глумление над правительством в деле преследования политических преступников, что не может быть дозволено в печати, а потому признал необходимым подвергнуть журнал «Отечественные Записки» какому-либо административному взысканию. Это решение Совет признавал принять необходимым потому особенно, что предосудительное во многих отношениях направление журнала выражается вообще не только в статьях г. Щедрина, но и во многих других.

Так в январской книжке помещена статья под заглавием «Луи Блан и Гамбетта». Автор статьи Н. Николадзе, характеризуя деятельность этих двух лиц, всецело направленную к ниспровержению монархического образа правления во Франции, и с нескрываемым сочувствием относясь к этим деятелям, тем не менее находит и у них многие недостатки, так как они не всегда были энергичны, последовательны в осуществлении

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К. РОТОВА К СКАЗКЕ ЩЕДРИНА «ВОРОН-ЧЕЛОБИТЧИК»

«Сказки» Щедрина в изд. «Новая Москва», 1922 г.

намеченной цели. Зато автор с особенным, можно сказать, восторгом деятельности Рошфора, называет его «несравненным талантом», челов в историю современной политической печати страницу поучительную и гр успех Рошфора объясняет так: «Рошфор победил потому, что был прав. движение, что творил — сознательно или нет, это все равно — волю истор. гресса, а Гамбетта пал потому, что шел наперекор этому прогрессу или пятствием его ходу». Очевидно, что автор статьи, восхваляя деятельность Ро сте с тем открыто выразил свою солидарность с теми идеями коммунизма которые преследуются Рошфором.

При обсуждении меры взыскания мнения Членов Совета разделились: Тайн ник Лазаревский и Действительный Статский Советник Ратынский, принимая жение, что цензурное ведомство более или менее снисходительно относилось рическим произведениям г. Щедрина и даже входило в аккомодацию с редакци чественных Записок» относительно исключения той или другой неудобной в цен отношении статьи, предложили на этот раз не налагать на журнал меры взыс ограничившись предупреждением редактора, что на будущее время никакие сделки пущены не будут, как о том было заявлено Совету г. Начальником Главного Упра ния по делам печати.

Председательствующий в Совете и большинство Членов (десять человек), находя, ч крайне предосудительное направление журнала «Отечественные Записки» с полною ностью выразилось в статье Николадзе о «Луи Блане и Гамбетте» и что предупреждени редактору не могут иметь практического значения, полагали необходимым объявить эт му изданию второе предостережение в лице издателя Статского Советника Андре Краевского и редактора Действительного Статского Советника Михаила Салтыкова.

Председатель же С.-Петербургского Цензурного Комитета, Тайный Советник Петров вполне соглашаясь с большинством Членов Совета о необходимости объявить журнал

второе предостережение, вместе с тем полагал нужным предупредить редактора журнала, что на будущее время по отношению к статьям, предосудительным по своей тенденциозности, не будут допускаемы между цензурой и редакцией так называемые аккомодации и что помещение таких статей в представленных в цензуру экземплярах неминуемо повлечет за собою соответствующую меру взыскания.

Таким образом большинство (десять членов в том числе Председательствующий) полагает объявить второе предостережение: а меньшинство (два члена) не принимать на этот раз меры взыскания, а ограничиться предупреждением редактора и один член, — объявить предостережение и сделать внушение.

Председательствующий: Е. Феоктистов.

Члены Совета: В. Лазаревский, А. Петров, Платон Вакар, Евгений Кожухов, Николай Рыжов, Р. Фадеев, Н. Ратынский, А. Окунев, Г. Данилевский, В. Адикаевский, Ф. Еленев.

За правителя дел. С. Назаревский.

[На подлинном резолюция:]

Исполнить по мнению большинства. 22 января.

Гр. Толстой.

(Ленингр. отделение Центрархива. Дело Главного управления по делам печати с журналами заседаний Совета Главного управления за 1883 г.).

Таким образом, несмотря на энергичное заступничество Лазаревского, журналу все-таки было дано второе предостережение.

XII. НЕДОКОНЧЕННЫЕ БЕСЕДЫ. (Между делом)

Согласно цензурным правилам, действовавшим в России с 1865 г., книги объемом свыше 10 печатных листов освобождались от предварительной цензуры, но несколько экземпляров должны были доставляться в цензурный комитет. В случае, если комитет находил, что нет достаточного повода для ареста книги, но необходимы кое-какие сокращения или изменения, он имел право перевести книгу в категорию подцензурных.

Такая участь чуть было не постигла отдельное издание очерков Салтыкова «Недоконченные беседы. (Между делом)».

Эта книга в 13½ листов была в количестве 8 экземпляров представлена утром 12 октября 1884 г. в С.-Петербургский цензурный комитет из типографии М. М. Стасюлевича.

Вероятно то обстоятельство, что «Недоконченные беседы» печатались в шести последних номерах незадолго до того запрещенных «Отечественных Записок» и принадлежали редактору столь крамольного журнала, заставило Цензурный комитет забить тревогу.

На следующий день С.-Петербургским цензурным комитетом было послано следующее предписание:

Весьма нужное.

13 октября 1884 г. № 1452.

Г-ну Старшему Инспектору типографий в СПБ.

12 сего октября представлена в Комитет из типографии Стасюлевича (Вас. Остр., 2 л., 7) отпечатанная без предварительной цензуры (по показанию типографии в количестве 3050 экземпляров) книга: «Недоконченные беседы. (Между делом)», сочинение М. Е. Салтыкова (Щедрина), СПБ., 1885 г. (8°, 206 стр.).

Имею честь пок-ше просить Ваше Пр-во приказать сделать тщательное дознание, вполне ли отпечатана настоящая книга и разобран ли набор оной, — и в случае неисполнения сего условия обязать типографию, на основании примечания к 67 статье приложение к ст. 4 (прим.) Уст. Ценз. по Прод. Св. Зак. 1876 г., выпустить книгу как издание, подлежащее предварительной цензуре.

О последствиях прошу Ваше Пр-во немедленно уведомить Комитет.

Председатель
И. О. Секретаря.

(Ленингр. отделение Центрахива. Дело С.-Петербугского цензурного комитета 1884 г. за № 99 «о цензурной книге» «Недоконченные беседы. (Между делом)» М. Салтыкова (Щедрина).

Понятно, зачем требовалось сохранение набора — для могущих последовать цензурных исправлений. Но цензура на этот раз опоздала, и, как видно из этого документа, цензурный комитет спохватился не в тот же день по получении экземпляров книги Салтыкова, а на следующий день.

Того же 13 октября старший инспектор типографии в С.-Петербурге Н. Никитин уже послал ответное донесение за № 1774 с приложением протокола, составленного исп. должн. инспектора типографии 5-го участка И. Острословским, в котором последний сообщал: «означенная книга отпечатана вполне, в количестве 3050 экземпл. и набор, служивший для тиснения оной, весь разобран до моего прибытия в типографию» (там же, л. 4).

Эти бумаги были получены в С.-Петербургском цензурном комитете 15 октября и в тот же день председателем комитета было послано начальнику Главного управления по делам печати следующее донесение, черновик которого сохранился в том же деле:

«Долгом считаю довести до сведения Вашего Превосходительства, что (зачеркнуто: вышедшая вчера) представленная вчера в Комитет бесцензурная книга Салтыкова под заглавием «Недоконченные беседы» заключает в себе фельетоны Щедрина, которые под заглавием «Между делом» появились в последних 6-ти книжках «Отечественных Записок». Предметом этих ежемесячных фельетонов были события (зачеркнуто: особенно обращавшие на себя внимание сатирика), происшедшие в течение месяца, которые давали более или менее пригодный материал для сатирических очерков.

Очерки эти изложены с тою же тенденциозностью и пессимизмом, с тем же грубым глумлением над обществом, которыми отличаются все произведения Салтыкова, но по мнению цензора, которое я вполне разделяю, эти очерки не настолько вредны, чтобы (зачеркнуто: вследствие) по поводу их (зачеркнуто: арестовать) задерживать книгу.

Я полагаю, что прекращение «Отечественных Записок», редактором которых был Салтыков, не находилось ни в какой (зачеркнуто: нибудь причинной) связи с этими очерками.

Вследствие сего Комитет (зачеркнуто: не принял никакого... сделал... не принял никаких мер... и... против) не видел основания препятствовать выпуску книги в свет.

15 октябр[я] 1884 г.»

(Там же, л. 5.)

В этом донесении любопытна фраза: «Представленная вчера в комитет... книга Салтыкова». На то, что это не было простой опиской, указывают зачеркнутые слова «вышедшая вчера», свидетельствующие об обдуманной формулировке.

Повидимому председатель Цензурного комитета хотел замазать свою оплошность и скрыть неудачную попытку подвергнуть цензуре «Недоконченные беседы».

Впрочем это только могло казаться Петрову «оплошностью». На деле, если бы он сразу по получении книги послал инспектора, все равно результат был бы тот же.

Вот что писал Салтыков В. М. Соболевскому 14 октября 1884 г.: «Я издаю книжку разных мелких статей и в пятницу она отправлена была в цензуру. В субботу уже приходил в типографию инспектор узнать, разобран ли весь набор. Если б хотя один лист был не разобран — тогда всю книгу подвергли бы цензуре, но оказалось, что типография Стасюлевича настолько искушена, что отправила книжку в цензуру не прежде, как разобрав весь набор» (см. ст. В. Розенберга «Щедрин — сотрудник «Русских Ведомостей». — «Русские Ведомости», сборник статей, М., 1913 г., стр. 189 и М. Е. Салтыков. «Неизданные письма», под ред. Н. В. Яковлева.—«Academia». М.— Л., 1932, стр. 171).

XIII. СКАЗКИ

«Сказки» Салтыкова, печатавшиеся в разных периодических изданиях и в разные годы — в «Отечественных Записках», «Вестника Европы», «Неделе» (1885), «Русских Ведомостях» (1886), не раз вызывали столкновения с цензурой.

В 1885 г. небольшой инцидент произошел из-за сказки «Неумытый Трезор», напечатанной в февральской книжке «Недели».

О рискованности помещать эту сказку в печати хорошо знал и сам Салтыков, да она и появилась почти случайно. Вот что писал Салтыков редактору «Русских Ведомостей» В. М. Соболевскому 9 января 1885 г.: «Так как ко мне приступает Гайдебуров [4], чтобы я что-нибудь дал ему в «Неделю», то я и отдал ему сказку, хотя и уверен заранее, что он от нее откажется. Не сочтите, пожалуйста, что это с моей стороны уловка: истинно Вам говорю, что сказка не годится для Вас и что я совсем не желаю, чтобы «Русские Ведомости» ради меня чем-нибудь рисковали» (М. Е. Салтыков. «Неизданные письма». — «Academia», 1932 г., стр. 188).

Неожиданно для Салтыкова Гайдебуров поместил сказку. С.-Петербургский цензурный комитет послал в Главное управление по делам печати выписку из журнала своего заседания:

Журн. засед. 30 января 1885 г.

Ст. 8.

Доклад цензора Ведрова о февральской книжке издаваемого при газете «Неделя» «Журнала Романов и Повестей» «Неделя» февраль 1885.

В книжке этой обращает на себя внимание цензуры сказка Щедрина — «Неумытый Трезор». Произведение это возбуждает внимание читателя и заставляет его делать разные предположения. — Купец московский 2 гильдии Воротилов выбрал пса Трезорку после многих испытаний сторожем своего имущества. Охраняющий пес умел и во время общего собачьего стона выказать свой собственный, свободный и трезвенный лай (7). Случайно сон Трезорки указал хозяину на необходимость его замены, нашлась Арапка у Калужских ворот, обученная бескорыстно Трезоркою всем приемам подлинного купеческого пса (8).

Трезорка опаршивел. Решено утопить. Арапка изгнала Трезоркин образ из сердца купца Воротилова.

Давая место и обширный простор догадкам, по известной тенденциозности автора, статья эта возбуждает страсти и очень прозрачно характеризует неблагодарность высших к их адептам.— Охранительная партия, имевшая в Трезоре верного представителя, опозорена его ужасною смертию.

На основании этого цензор считает необходимым довести до высшего сведения статью, дающую повод к разным предположениям, унижающим сохранение порядка в обществе.

Цензор В. Ведров

30 янв.
1885.

Определено: Признавая статью по тенденциозности неудобною, потребовать от редакции ее исключения, о чем предварительно доложить Начальнику Главного Управления по делам печати.

(Ленингр. отделение Центрархива. Дело С.-Петербургского цензурного комитета № 16 за 1866 г. по изданию газеты «Неделя», л. 235.)

Неосновательность этой цензурной меры бросилась в глаза даже такому придирчивому, по отзывам Салтыкова, человеку, каким был начальник Главного управления по делам печати Е. Феоктистов. От него в ответ на донесение в Цензурном комитете была получена следующая записка:

«Конечно, эта сказка не без намеков, как все, что пишет Салтыков, но намеки тут не так ясны, как в других писаниях. Конечно, можно потребовать исключения этой статьи, но неудобство состоит в том, что это обратит на нее внимание, будут читать ее в оттисках или в рукописи. Впрочем, если редактор уже вызван, то нельзя отступать.

Я должен впрочем заметить, что если бы он отказался исполнить наше требование, то мы были бы поставлены в самое неприятное положение, ибо представить книжку, изза сказки, в Комитет Министров не было бы никакой возможности. На будущее время, прежде чем вызывать редакторов, нам следовало бы согласиться относительно подобной меры.

Искренно преданный
Е. Феоктистов

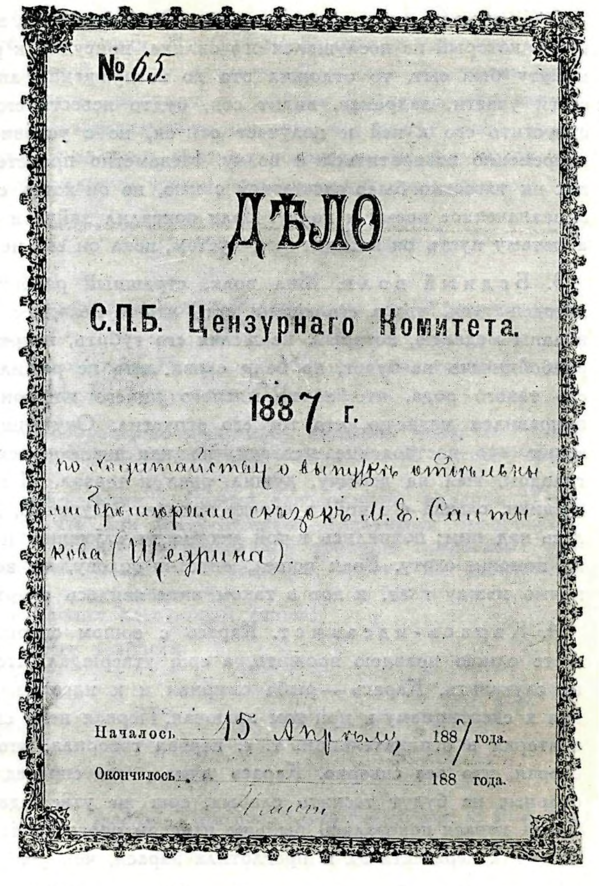
(Там же, л. 236.)

Очевидно редактор не был вызван, так как сказка была все же помещена в «Неделе».

В 1887 г. Салтыков предполагал издать свои «Сказки» дешевыми брошюрами для массового их распространения, но цензура категорически воспрепятствовала этому. Любопытно, что отдельное издание «Сказок» уже вышло в 1886 г. и что как-раз в то время, когда разбирался вопрос об издании «Сказок» в виде брошюр, в цензурном комитете было разрешено второе издание «Сказок», куда входили все сказки, предназначавшиеся для издания брошюрами. Почему же цензурный комитет, разрешив два издания «Сказок», воспротивился этому удешевленному изданию? Ответом на это служит выписка из журнала заседания С.-Петербургского цензурного комитета.

ОБЛОЖКА ДЕЛА С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА 1887 г. О «СКАЗКАХ» ЩЕДРИНА, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ РАЗРЕШЕНИЯ ИЗДАТЬ ИХ ОТДЕЛЬНЫМИ ДЕШЕВЫМИ БРОШЮРАМИ ДЛЯ МАССОВОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Ленинградское отделение Центрархива

№ 65

ДѢЛО

С.П.Б. Цензурнаго Комитета.

1887 г.

по ходатайству о выпускѣ отдельными брошюрами сказокъ М. Е. Салтыкова (Щедрина)

Началось 15 Апреля 1887 года.

Окончилось 188 года.

Жур[ал] Зас[едания] 15 апреля 1887 г., ст. 14. Доклад цензора[5] о «Сказках» — М. Е. Салтыкова (Щедрина), представленных для дозволения отдельными брошюрами.

Намерение г. Салтыкова издать некоторые свои сказки отдельными брошюрками, стоящими не дороже трех копеек, а следовательно для простого народа, более нежели странно. То, что г. Салтыков называет сказками, вовсе не отвечает своему названию; его сказки — та же сатира, и сатира едкая, тенденциозная, более или менее направленная против общественного и политического нашего устройства. В них предаются осмеянию не только пороки, но и установленные власти, и высшие сословия, и установившиеся национальные привычки. Сказки эти, появляясь по временам в периодических изданиях, постоянно возбуждают в наблюдающей за прессою власти сомнение о том, не следует ли их воспретить. И такого-то рода произведения г. Салтыков желает пропагандировать между простым, необразованным населением. Не в такой пище нуждается простой народ, нравственность которого и без того не бог знает как устойчива. В удостоверение вредного направления этих сказок цензор считает долгом вкратце изложить содержание тех 7 сказок, о разрешении которых для отпечатания отдельными дешевыми брошюрками ходатайствует г. Салтыков, при чем имеет честь объяснить, что эти сказки в ряду его сказок еще одни из самых невинных.

1. Премудрый пискарь. Эта сказка имеет целию изобразить под видом пискаря плачевное положение глуповатого и честного человека, которого глупостию желает воспользоваться каждый для легкой наживы. Для рыб такая плачевная участь заключается в ловле их на уху, и вот старый пискарь, рассказывая свои похождения, дает советы неопытным рыбам, как избегнуть смертоносных орудий сетей и уды, и советует делать моцион лучше всего ночью, когда люди, звери, птицы и хищные рыбы спят, а днем сидеть у себя в норе и дрожать.

2. Самоотверженный заяц. Однажды волк, встретивши зайца, которого окликнул и который не послушался его оклика, присудил к растерзанию; но так как в данную минуту был сыт, то отложил это до возвращения аппетита. И вот заяц, в ожидании своей участи, задремав, видит сон, будто невеста его заболела; он упрашивает волка отпустить его к ней и получает отпуск, но с условием, чтобы по прошествии недели непременно возвратиться к волку. Незаметно пролетело около возлюбленной время и как ни тягостно было расстаться с нею, но он хотел сдержать данное слово и вернулся в назначенное время к волку. Волк похвалил зайца и сказал, что зайцам верить можно, а потому пусть он посидит под кустом, пока он его не съест.

3. Бедный волк. Жил волк, страшный разбойник, который под старость стал догадываться, что в его жизни есть что-то неладное. Тут попался он как-то случайно в лапы медведю, который, не желая его губить, потребовал от него слова, что он более разбойничать не будет, но волк слова дать не решился, так как, объяснил он, натура его такого рода, что кроме мясного ничего не принимает. Этот честный ответ так понравился медведю, что тот его отпустил. Очутившись на свободе, волк было хотел выполнить наставление медведя, но как ни боролся со своими страстями, мучимый голодом, шел на добычу, душил, рвал и терзал. И начал он звать к себе смерть, но мужики, слыша его вой, в страхе вопили: «Душегуб, душегуб!» Наконец смерть сжалилась над ним; появились в той местности «лукаши» и соседние помещики устроили при их помощи охоту. Волк пошел, опустив голову, на встречу смерти. Вдруг его ударило прямо между глаз, и вот в таком виде явилась смерть-избавительница.

4. Карась-идеалист. Карась с ершом спорил. Карась говорил, что можно на свете одною правдою прожить, а ерш утверждал, что нельзя без того обойтись, чтоб не слукавить. Карась — рыба смирная и к идеализму склонная; ерш же рыба склонная к скептицизму и при том колючая. Первая вела свой спор в положительном смысле, а вторая в отрицательном, т. е. первая говорила, что в рыбьем царстве все хорошо, а вторая, что все скверно. Карась думал, что справедливость в мире восторжествует и сильные не будут теснить слабых, ерш же утверждал, что этому никогда не бывать Слова карася показались рыбьим властям предосудительными и возмутительными, щука не могла перенести их и проглотила карася, чем рыбьи диспуты и кончились.

5. Соседи. В некотором селе жили два соседа: Иван Богатый да Иван Бедный; оба они были хорошие люди, оба любили поболтать. Так иногда Иван Богатый рассуждал о том, как чудно на свете устроено, что человек, который постоянно в трудах находится, у того по праздникам пустые щи на столе; а который при полезном досуге состоит, у того и в будни щи с убоиной. На эту тему оба соседа вели постоянно между собою разговоры. В конце они пришли к ясному пониманию этого обстоятельства; по их мнению оно происходит от того, что Иван Бедный живет на распутии, а жилище у него не то изба, не то решето дырявое. Вот богатство-то и течет все мимо да скрозь, потому задержки себе не видит. А Богатый Иван живет у самого стока, куда со всех сторон ручьи бегут; хоромы у него просторные, справные, частоколы кругом выведены крепкие, притекут к его жительству ручьи с богатством — тут и застрянут.

6. Христова ночь (предание). Здесь сатирик рассказывает о воскресающей природе в Христову ночь, о том как к воскресшему богу в полночь пошли навстречу люди плачущие, согбенные под игом работы и загубленные нуждою, и как их ободрил и обнадежил Воскресший; как за убогими выступили богатые мироеды, жестокие правители, душегубы, лицемеры, ханжи и неправедные судьи, одним словом те, которым *хорошо* живется на свете и которых Воскресший также не оттолкнул от себя, но при этом строго упрекал в сделанных злодеяниях и усовещевал обратиться на путь истинный. Но в эту самую минуту в редеющем сумраке леса выступила безобразная человеческая масса, качающаяся на осине, то была голова повесившегося предателя, который сам совершил суд над собою. Увидев это зрелище, Воскресший обратился к нему со словом негодования и проклятия; ему, воображавшему единым мигом избавиться от давившего его позора, Воскресший возвратил жизнь, но не для прощения его, а для вечного наказания, как за самое гнусное преступление.

7. Рождественская сказка. В этой сказке проводится мысль о необходимости стоять за правду и бороться за нее всю жизнь. Приводится рассказ о том, как малолетний мальчик, единственный сын бедной матери, слышавший в день Рождества проповедь в церкви о том, как надо служить правде, т. е. любить ближнего, как самого себя, под впечатлением ее так наэлектризовался этою мыслию, что всюду искал правды, но встречая одну несправедливость во всех людских поступках, не мог перенести этой жизни и, схватив горячку, скончался в самом непродолжительном времени на руках матери.

2 апреля 1887 г. Цензор Лебедев.

Определено: Сказки, по явной неблагонамеренной тенденции их, к напечатанию отдельными брошюрами не дозволять.

(Дело С.-Петербургского цензурного комитета № 65 за 1887 г. по ходатайству о выпуске отдельными брошюрами сказок М. Е. Салтыкова (Щедрина).

Таким образом цензура, приняв в соображение дешевизну издания, испугалась массового распространения «Сказок» и широкой пропаганды салтыковской сатиры среди беднейшего населения.

Неудачей окончилась и попытка разрешения в России заграничного издания «Сказок», отчасти также вследствие того, что они были изданы отдельными брошюрами. 17 марта 1890 г. С.-Петербургский комитет иностранной цензуры представил эти брошюры в С.-Петербургский цензурный комитет с запросом, «могут ли означенные брошюры быть допущены к обращению в публике».

Цензор В. Ведров дал об этих изданиях следующий отзыв:

«1) Новые сказки для детей изрядного возраста.
1) Добродетели и пороки.
2) Медведь на воеводстве.
Топтыгин I
Топтыгин II
Топтыгин III
3) Вяленая вобла Щедрина. Jenève. Elpidine. Librairie-editeur. 3 Rue des Alpes. Стр. 36.

2) Три сказки для детей изрядного возраста.
1) Премудрный пискарь.
2) Самоотверженный заяц.
3) Бедный волк. Н. Щедрина. Женева. Elpidine. Librairie-editeur, 1883, стр. 24.

3) Чужую беду руками разведу. Н. Щедрина, Prix 1 fr. Jenève. Elpidine, Librairie-editeur, 1880 г., стр. 32.

4) От нечего делать, собрание повестей и рассказов русских авторов. Развеселое житье Н. Щедрина. Ночлег и сцены в больнице В. А. Слепцова. Акулькин муж Ф. М. Достоевского. Prix 1 franc. Jenève. M. Elpidine, Librairie-editeur, 3 Rue des Alpes, стр. 92.

Все эти произведения, вырванные из полных сочинений, особенно из произведений сатирика Щедрина, известны русским читателям, но здесь по фирме издателя — Эльпидина и места издания — Женевы имеют особенно тягостное и вредное влияние.

Они все запечатлены характером ненависти к русской жизни и ее безотрадному положению.

Вот например что говорится в одной из них в сочинении Щедрина «Добродетели и пороки» на первых страницах (стр. 2):

«вот погодите! ушлют вас ужо за ваши дела на каторгу». А пороки между тем все вперед да вперед бегут, да еще и похваляются. «Нашли, говорят, чем стращать — каторгой! для нас-то либо будет каторга, либо нет, а вы с самого рождения в ней по уши сидите и т. д.

Да вот одни свойства в бархате щеголяют и на золоте едят, другие в затрапезьи ходят да по целым дням не евши сидят» (там же, л. 3).

Такой подбор, такая намеренная злость из обыкновенных бытовых сцен, хотя и проникнутых юмором необыкновенным, сделать обвинение всей русской жизни, бросить в нее тень отупения: «ни зла, ни добра», как доказывается в рассказе Щедрина «Чужую беду руками разведу», заставляет нас думать, что враги России изыскивали все средства подчеркнуть мрачное в нашей жизни, иллюстрировать из нашей литературы сатирические пригодные к тому места и поднести «детям изрядного возраста». Особенно выдаются три сорта Топтыгиных — «Медведей на воеводстве».

Цензор полагает, несмотря на известное содержание брошюр, не допускать их в русскую публику, как особенно предназначенные волновать умы истолкованием русской жизни в злонамеренном духе.

Вот объявление издателя к одной из брошюр «Чужую беду» и т. д.:

«Настоящая статья долго ходила в рукописи по рукам пространной России и, как только попала за границу, она подверглась печатанию. Нужным считаю известить русскую публику, что статьи, не пропущенные или изуродованные Цензурным К-том, будут и впредь мною издаваемы, если содержание их интересно и современно.

Издатель М. Элпидин

21 марта 1890 г.

Цензор В. Ведров»

(Ленингр. отделение Центрархива. Дело С.-Петербургского цензурного комитета № 2 за 1890 г. «О русских книгах, напечатанных за границей», л. 2.)

На основании этого отзыва С.-Петербургский цензурный комитет определил:

«Принимая во внимание несомненный тенденциозный и вредный характер докладываемых цензором сочинений Щедрина, терпимых внутри России лишь в полном собрании сочинений, уведомить Комитет Цензуры Иностранной, что все 4 брошюры не могут быть дозволены к обращению в публике».

(Там же, л. 4).

XIV. СНОШЕНИЯ САЛТЫКОВА С ГЛАВНЫМ УПРАВЛЕНИЕМ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ В ГОДЫ РЕДАКТИРОВАНИЯ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»

Сношения М. Е. Салтыкова-Щедрина с Главным управлением по делам печати относятся преимущественно к тому времени, когда он стал «ответственным» редактором «Отечественных Записок».

В 1868 г., с переходом этого журнала в руки народнической редакции с Н. А. Некрасовым во главе, была предпринята попытка добиться утверждения редактором его Некрасова. Об этом свидетельствуют следующие два документа:

1

В Совет Главного Управления по делам печати.

Статского Советника Андрея Александровича Краевского

Прошение

Представляя при сем удостоверение г. Некрасова о согласии его принять на себя, если будет дозволено Правительством, ответственную редакцию журнала «Отечественные Записки» в течение шести лет, т. е. с 1868 г. до 1876 г., честь имею просить Главное Управление по делам печати разрешить мне означенную передачу редакции г. Некрасову, при чем издателем журнала во все означенное время останусь попрежнему я, нижеподписавшийся.

Статский Советник Краевский

9-го апреля 1868 г.

Сверху приписка другой рукой: «По докладу 12 апреля разрешения не последовало».

2

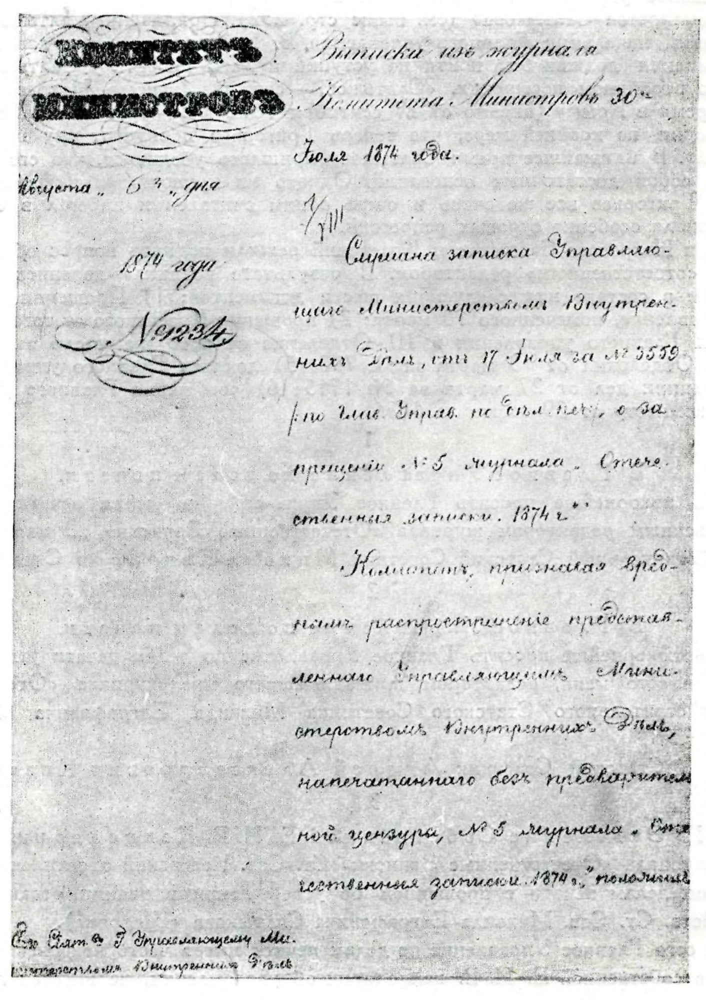
В Совет Главного Управления по делам печати.

Сим честь имею удостоверить, что я, нижеподписавшийся, согласен принять на себя ответственную редакцию журнала «Отечественные Записки», издаваемого г. Краевским, если на то последует дозволение Правительства.

Дворянин Николай Алексеев Некрасов.

апреля дня 1868 г.

Жительство имею: на Литейной, в д. Краевского.

Комитетъ Министровъ

Выписка изъ журнала Комитета Министровъ 30го Іюля 1874 года.

Августа 6го дня 1874 года

№ 1234

7/VIII

Слушана записка Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 17 Іюля за № 3559 (по Глав. Управ. по дѣл. печ.), о запрещеніи № 5 журнала „Отечественныя записки. 1874 г.“

Комитетъ, признавая вреднымъ распространеніе представленнаго Управляющимъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, напечатаннаго безъ предварительной цензуры, № 5 журнала „Отечественныя записки 1874 г.“ положилъ

Его Сият.ву Г. Управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА КОМИТЕТА МИНИСТРОВ ОТ 30 ИЮЛЯ 1874 г. О ЗАПРЕЩЕНИИ № 5 «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК» В ВИДУ «ПРЕДОСУДИТЕЛЬНОСТИ» ПОМЕЩЕННЫХ В НЕМ СТАТЕЙ ЩЕДРИНА (IX ГЛАВА «БЛАГОНАМЕРЕННЫХ РЕЧЕЙ»), УСПЕНСКОГО, МИХАЙЛОВСКОГО И КРОТКОВА

Ленинградское отделение Центрархива

16 апреля Краевский получил официальное уведомление за № 795, что «разрешения г. министра на утверждение Некрасова редактором не последовало». С тех пор «ответственным» редактором, равно как и издателем «Отечественных Записок», подписывался он сам. Вследствие этого и сношения с Главным управлением лежали главным образом на Краевском. Однако в некоторой мере в них принимал участие и Некрасов, которому в редакционном триумвирате журнала (Некрасов — Елисеев—Салтыков) принадлежало

первое место. В 1876 г. здоровье Некрасова настолько ухудшилось, а в 1877 г. болезнь его приняла такой тяжелый оборот, что от редакционных дел ему пришлось вовсе отстраниться. Из дневника А. А. Буткович известно, что даже в тех случаях, когда отношения с цензурой принимали особенно неблагоприятное течение и она покушалась на арест книжек журнала, Елисеев и Салтыков не решались посвящать в это Некрасова из понятного опасения нарушить покой умирающего человека. Неудивительно, что в эти годы в редакции «Отечественных Записок» очень возросло значение Салтыкова, являвшегося к тому же одним из самых популярных и, если говорить о передовых кругах общества, то и одним из самых авторитетных писателей эпохи. Естественно, что в это время ему нередко приходилось бывать в цензурных инстанциях. Об одном из его визитов в Главное управление, относящемся к 1876 г., упоминается в нашей статье «Цензурные мытарства Салтыкова» (см. выше стр. 232). Принявший Салтыкова весьма нелюбезно новый начальник Главного управления В. В. Григорьев под давлением общественного мнения должен был пойти на уступки и даже просить у Салтыкова извинения при его вторичном посещении. «Салтыков, — сообщал Елисеев Некрасову, лечившемуся это время в Крыму (письмо от 27 сентября 1876 г.), — видимо остался доволен приемом. Говорит, по крайней мере, что теперь Григорьев пропустит ему все, что бы он ни написал». В ближайшее время Салтыкову пришлось убедиться, что его оптимизм не имеет под собой достаточных оснований. Однако из приводимых ниже документов явствует, что Григорьев все же очень и очень с ним считался и избегал в отношении его и его журнала особенно суровых репрессий.

После смерти Некрасова Салтыков и Краевский решили поднять вопрос об утверждении первого «ответственным» редактором. В результате возникла переписка, которую мы и печатаем в составе нижеследующих шести документов: 1) Прошения Салтыкова в Главное управление, помеченного 10 марта; 2) прошения Краевского от того же числа; 3) отношения Главного управления в III Отделение от того же числа за № 1409; 4) ответа III Отделения от 13 марта за № 780; 5) доклада Главного управления министру внутренних дел от 27 марта за № 1715; 6) сообщения Главного управления Цензурному комитету от 29 марта за 1871.

1

В Главное Управление по делам печати.

Имею честь покорнейше просить Главное Управление по делам печати утвердить меня ответственным редактором журнала «Отечественные Записки» .... марта 1878 г.

Действительный Статский Советник Михаил Евграфов Салтыков.

2

В Главное Управление по делам печати.

Имею честь покорнейше просить Главное Управление по делам печати утвердить ответственным, вместо меня, редактором принадлежащего мне журнала «Отечественные Записки» Действительного Статского Советника Михаила Евграфовича Салтыкова. Марта 1878 г.

Статский Советник Андрей Александрович Краевский.

3

В III Отделение Собственной Е. И. В. Канцелярии.

Издатель журнала «Отечественные Записки» Ст. Сов. Краевский обратился в Главное Управление по делам печати с прошением об утверждении в звании редактора этого журнала Действ. Ст. Сов. Михаила Евграфовича Салтыкова (Щедрина).

Вследствие сего Главное Управление по делам печати имеет честь покорнейше просить III Отделение собственной Е. И. В. канцелярии об уведомлении, не имеется ли в оном сведений, могущих служить препятствием к удовлетворению вышеуказанного ходатайства.

И. д. Начал. Гл. Упр. по д. печати В. Григорьев.

Правитель Дел В. Адикаевский.

4

В Главное Управление по делам печати.

Вследствие отношения от 10-го марта за № 1409, имею честь уведомить, что со стороны 3-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии нет препятствий к утверждению в звании редактора журнала «Отечественные Записки» Действительного Статского Советника Михаила Евграфовича Салтыкова.

Управляющий 3 Отделением Собственной Его Величества Канцелярии...

Сбоку рукою В. В. Григорьева: «Представить об утверждении г. Салтыкова. В. Г.»

5

Издатель журнала «Отечественные Записки» Статский Советник Краевский обратился в Главное Управление по делам печати с прошением об утверждении в звании редактора этого издания Действительного Статского Советника Михаила Евграфовича Салтыкова (Щедрина).

В виду неимения препятствий к удовлетворению вышеизложенного ходатайства со стороны III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, я полагал бы возможным утвердить г. Салтыкова в звании редактора вышеназванного

выпускъ въ свѣтъ названнаго номера журнала, на основаніи п. 1-го Высочайше утвержденнаго 7 Іюня 1872 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта о дополненіи и измѣненіи нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ о печати узаконеній, воспретить, сообщивъ о семъ Статсъ-Секретарю Князю Лобанову-Ростовскому выписку изъ журнала для зависящихъ съ его стороны распоряженій.

Исправляющій должность
Управляющаго дѣлами Комитета,
Статсъ-Секретарь [illegible]

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА КОМИТЕТА МИНИСТРОВ О ЗАПРЕЩЕНИИ № 5 «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК» ЗА 1874 г.
Ленинградское отделение Центрархива

журнала, каковое свое заключение имею честь представить на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства.

И. д. Начальника Главного Управления по делам печати В. Григорьев.

Сбоку рукою Министра: «Утвердить 27-го мар.»

6

С.-Петербургскому Цензурному Комитету.

Г. Министр Внутренних Дел изволил утвердить в звании редактора журнала «Отечественные Записки» Действительного Статского Советника Михаила Евграфовича Салтыкова (Щедрина).

Об этом сообщаю С.-Петербургскому Цензурному Комитету к надлежащему сведению.

И. д. Начальника Главного Управления по делам печати В. Григорьев.

Правитель Дел В. Адикаевский.

Т. о. дело об утверждении Салтыкова тянулось менее трех недель. Благоприятный исход его был обусловлен не только «неимением препятствий» со стороны III Отделения, но и тем, что кандидатура Салтыкова была поддержана В. В. Григорьевым.

Менее приятны были сношения Салтыкова с Главным управлением, относящиеся к ноябрю 1878 г. В начале этого месяца Салтыков в качестве ответственного редактора был вызван в Цензурный комитет для официального ознакомления с замечаниями Совета Главного управления по поводу двух статей Михайловского в октябрьском номере. Салтыкова заставили расписаться на журнале Совета, заключавшем эти замечания, и на вопрос его, «что будет дальше», ему было ответствовано: «это будет зависеть от Вашего поведения, но хорошего ожидать едва ли можно» (см. письмо его к Михайловскому от 7 ноября).

Несколькими днями позже цензор Н. Е. Лебедев в длинном донесении в Цензурный комитет доказывал «крайнюю предосудительность» напечатанного в № 11 очерка Салтыкова «В добрый час» и требовал заарестования книжки. Предупрежденный об угрожавшей журналу репрессии Салтыков был вынужден обратиться в Комитет с нижеследующим заявлением:

В С.-Петербургский Цензурный Комитет.

Желая сделать в 11-м № «Отеч Зап.» некоторые изменения, я прошу Комитет возвратить представленные экземпляры, взамен которых будут доставлены новые.

Редактор М. Салтыков.

18 ноября 1878 года.

Кроме этого заявления в архивном деле об «Отечественных Записках» имеется еще следующая справка, относящаяся к рассматриваемому инциденту:

Справка.

Исправленные экземпляры № 11 журнала «Отечественные Записки» представлены в Комитет 22 ноября.

Исправление заключалось в том, что статья Щедрина под заглавием «В добрый час» — исключена, вместо нее помещена статья под заглавием «Из деревенского дневника» (стр. 6 и послед.) Иванова.

По сему номеру в Совете Главного Управления по делам печати состоялось постановление — по статье «Очерки малознакомого быта» Ивановича — рисующей быт военных — решено записать о статье в журнале.

Верно: Секретарь Н. Пантелеев.

В сентябре 1879 г. все тот же цензор Лебедев поднял вопрос о двух статьях Салтыкова, вошедших в текст уже представленной в комитет сентябрьской книжки — «Finis Монрепо» и «Первое июня. Первое июля». Эти статьи квалифицировались цензором, а затем и цензурным комитетом как «крайне вредные», «подвергающие осмеянию действия правительства и колеблющие его авторитет». Сентябрьская книжка, по распоряжению Комитета, была задержана—ей угрожал арест, а затем и сожжение. Однако министр внутренних дел Л. С. Маков оказался терпимее своих подчиненных. Об этом можно судить из нижеследующего «конфиденциального» отношения и. д. начальника Главного управления по делам печати Варадинова (Григорьев в это время был в отпуску) на имя председателя Цензурного комитета:

Конфиденциально.

Его Превосходительству А. Г. Петрову.

Милостивый Государь Александр Григорьевич!

Г. Министр Внутренних Дел на докладе моем о задержании № 9 журнала «Отечественные Записки» изволил положить следующую резолюцию: «Согласен, но нахожу, что первоначально можно было бы предложить Редакции исключить или изменить неудобные места из статьи и если Редакция этого не исполнит, то прибегнуть к применению закона».

Сообщая об этом к надлежащему исполнению, покорнейше прошу Ваше Превосходительство уведомить меня о последующем.

Примите уверения в истинном моем почтении и совершенной преданности.

Варадинов.

№ 2976

16 сентября 1879 г.

Получив это отношение, председатель Цензурного комитета уведомил, надо думать, Салтыкова о том, что дело еще можно уладить, и Салтыков поспешил направить в Цензурный комитет следующее заявление:

В С.-Петербургский Цензурный Комитет.

В виду предполагаемых изменений в 9-м № «Отеч. Записок», имею честь покорнейше просить о выдаче заарестованных книг журнала для исправлений. По исполнении сего, требуемое количество экземпляров будет представлено в Комитет вновь. 17 сентября 1879 г.

М. Салтыков.

Однако этим заявлением мытарство сентябрьской книжки не закончились, и Салтыкову пришлось обращаться по поводу ее выпуска к секретарю Комитета Н. И. Пантелееву.

Милостивый Государь Николай Иванович!

Александр Григорьевич обещал мне выпустить книгу 9-й № «Отеч. Зап.» по сличении сделанных исправлений. Между тем потребовались самые вырезки, и это замедлило выпуск книги. Ныне же вырезки готовы, да Инспектор типографии занят. Так что вряд ли даже и в субботу № выйдет. Нельзя ли Вам принять в этом деле участие и попросить Александра Григорьевича хоть частным образом убедиться, что вырезки сделаны, и выпустить книгу.

Примите уверения в совершенном моем почтении и преданности.

Михаил Салтыков.

20 сентября.

В начале 1880 г. цензор Лебедев предпринял новую атаку на салтыковский журнал. Подробно разбирая целые пять статей № 2, он обвинял редакцию в том, что она стремится «возбудить и без того без меры возбужденные страсти молодых людей» (рассказ Осиповича-Новодворского «Записки молодого человеа), что она рисует современную общественную жизнь каким-то тяжелым «кошмаром», созданным реакцией и «литературой ретирадников» (очерк Щедрина «Вечерок»), что она подрывает доверие к государственной росписи (статья «Финансовые итоги последних лет»), что, с сочувствием говоря об общественном движении царствования Александра II, «гнусные подвиги социалистов» считает «естественным ходом борьбы», что она не удовлетворена результатами крестьянской реформы и обвиняет в обезземелении крестьянства привилегированное сословие («Внутр. обозрение») и что, наконец, сообщение о покушении Степана Халтурина поместила в конце книги и не выразила ему осуждения. На этих основаниях цензор и Цензурный комитет настаивали на аресте книжки. Слухи о надвигающейся грозе незамедлили дойти до Салтыкова, и он поспешил обратиться к В. В. Григорьеву с нижеследующим письмом от 17 февраля[6]:

Милостивый Государь Василий Васильевич.

До меня дошел слух, что по поводу № 2 «Отечественных Записок» встречены некоторые цензурные недоразумения. А так как для пользы дела собственно все равно, ежели недоразумения эти будут разрешены негласным путем, то не будете ли Ваше Превосходительство столь добры сделать распоряжение о предъявлении мне, что именно подало повод к затруднениям. Я надеюсь, что с исполнением этого дело уладится само собой.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства, милостивый государь, покорнейшим слугой.

М. Салтыков.

В. В. Григорьев, предугадывая, что в программу только что начавшейся диктатуры гр. Лорис-Меликова входит некоторое смягчение цензурной практики, склонен был удовлетворить просьбу Салтыкова, как это видно из его, составленного впрочем в очень осторожных выражениях, сообщения министру:

«Прочитав со вниманием те статьи февральского №-ра «Отечественных Записок», которые кажутся Цензурному Комитету столь вредными, что он представляет о задержании этого №-ра и внесении его в Комитет Министров, — я нахожу, что вред от этих статей не таков, чтобы Комитет Министров нашел справедливым и необходимым уничтожить из-за него всю февральскую книгу «От. Записок». Мне кажется, что по выходе этой книги в свет достаточно было бы дать изданию предостережение.

Затем, издатель Салтыков изъявляет готовность исключить из этой книги все, что затрудняет в ней цензуру: тогда можно будет обойтись и без предостережения.

Как изволите приказать — внести книгу в Комитет Министров, выпустить ее, имея в виду дать предостережение, или наконец — допустить издателя сделать исключения, какие потребует цензура?

17 февраля.

В. Григорьев».

Министр положил на докладе резолюцию: «Допустить издателя сделать исключения тех мест, на которые обращено внимание цензуры. Маков».

О выяснившейся возможности компромисса было сообщено Салтыкову, и он направил в цензурный комитет следующее заявление (от 18 февраля):

В С.-Петербургский Цензурный Комитет.

Желая сделать изменения в февральской книжке «Отечественных Записок», покорнейше прошу возвратить представленные экземпляры этой книги, взамен которых будут доставлены новые.

Редактор М. Салтыков.

Летом 1880 г., собираясь за границу, Салтыков адресовал в Главное управление заявление следующего содержания:

В Главное Управление по делам книгопечатания.

Отправляясь за границу для лечения, на время от двух до трех месяцев, и не слагая с себя ответственности по редактированию журнала «Отечественные Записки», имею честь покорнейше просить Главное Управление на случай каких-либо справок, или для объявления Правительственных распоряжений обращаться, во время моего отсутствия, к Александру Михайловичу Скабичевскому, жительствующему по Надеждинской улице, дом № 18, в квартире г. Елисеева.

М. Салтыков.

13 июня 1880 г.

Новый начальник Главного управления сенатор Абаза счел необходимым осведомить о содержании этого заявления С.-Петербургский цензурный комитет для «надлежащего сведения» (от 14 июня № 2333).

Подобное же заявление было направлено Салтыковым в Главное управление и летом 1881 г.:

В Главное Управление по делам печати.

Редактора журнала «Отечественные Записки» М. Е. Салтыкова.

Выезжая за границу на недолговременный срок, я, не снимая с себя ответственности по журналу, имею честь покорнейше просить Главное Управление обращаться, в случае надобности, по делам журнала к г. Скабичевскому.

М. Салтыков.

17 июня 1881 г.

Автору этих строк уже приходилось останавливаться в печати на истории исключения из № 9 «Отечественных Записок» 1881 г. третьего «Письма к тетеньке», направленного против «Священной Дружины» (см. книгу «В тисках реакции», стр. 87—90). Министр внутренних дел гр. Игнатьев пожелал переговорить по этому делу с Салтыковым, как это видно из следующей записки и. д. начальника Главного управления кн. П. Вяземского от 17 октября 1881 г. за № 4033:

Его Превосходительству М. Е. Салтыкову.

И. д. начальника Г. У. п. д. п., свидетельствуя совершенное почтение Михаилу Евграфовичу Салтыкову, имеет честь уведомить, что его Сиятельство г. Министр может принять Его Превосходительство завтра 18 октября в 12¾ по полудни.

Если г. Министр в назначенное время должен будет отправиться в Гатчино, то об этом последует особое извещение с назначением другого дня.

О результатах своего свидания с министром Салтыков рассказывает в письме к Елисееву от того же 18 октября: «Я получил приглашение явиться к министру внутренних дел, и именно сейчас только что от него приехал. Граф Игнатьев принял меня крайне любезно и объяснил, почему он считал невозможным пропустить третье «Пись-

мо к тетеньке»,— так как оно возбудило бы столько неудовольствий, против которых он ничего не мог бы сделать. Между прочим сказал, что давал читать это письмо государю, и государь, ничего не имея по существу, тем не менее согласился, что печатание письма было бы неуместным и возбудило бы много неудовольствий». Затем Салтыков сообщал Елисееву, что он «этим свиданием очень доволен» еще и потому, что в ответ на прямой вопрос его, «в чем заключается социалистическое направление», в котором обвиняются «Отеч. Зап.», министр только и мог указать на то, «что подследственные политические беспрестанно ссылаются на статьи из «Отеч. Зап.» Очевидно «довольство» Салтыкова проистекало из сознания, что если бы министр был серьезно предубежден против журнала, то говорил бы с ним в совершенно ином тоне. Как бы то ни было, третьим «Письмом к тетеньке» все же пришлось пожертвовать.

Милостивый Государь

Василий Васильевич.

До меня дошел слух, что по поводу 2-й кн. «Отечественных Записок» возникло некоторое цензурное недоразумение. Я никак не могу [illegible], то не будете ли, Ваше Превосходительство, столь добры сделать распоряжение о сообщении мне, что именно подало повод к затруднениям. В надежде, что в непродолжительном времени [illegible]?

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашего Превосходительства,

Милостивый Государь,

покорнейший слуга

М. Салтыков

17 февраля 1880 г.

АВТОГРАФ ПИСЬМА САЛТЫКОВА К И. Д. НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ В. В. ГРИГОРЬЕВУ ОТ 17 ФЕВРАЛЯ 1880 г. С ПРОСЬБОЙ СООБЩИТЬ, «ЧТО ИМЕННО ПОДАЛО ПОВОД К ЦЕНЗУРНЫМ НЕДОРАЗУМЕНИЯМ» В ОТНОШЕНИИ № 2 «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК» (ЦЕНЗОР ЛЕБЕДЕВ ТРЕБОВАЛ АРЕСТА КНИЖКИ)

Ленинградское отделение Центрархива

В мае 1882 г. Салтыков попробовал напечатать в виде особой статьи, под заглавием «Маленькое величие», рецензию С. Н. Кривенко на историю «Политических учений» Чичерина, уже однажды вырезанную цензурой из «Отечественных Записок». Цензурный комитет в заседании 15 мая по докладу Лебедева нашел, что статья эта, изложенная «в духе поклонения теории Лассаля и осмеяния охранительных начал Чичерина», прямо указывает на сочинения Лассаля и Маркса как на последнее слово социальной науки и тем как бы рекомендует читателям их теории», что «в ней приводится много заглавий сочинений Лассаля у нас запрещенных», что посредством нее «распространяется вредное социалистическое учение» «в настоящее время», «когда социалистические утопии и без того встречают сочувствие молодого поколения», а потому принял постановление об аресте майского номера «Отечественных Записок». Однако кн. Вяземский

очевидно не был согласен с этим решением. Вот его письмо председателю С.-Петербургского цензурного комитета от 16 мая 1882 г. за № 2285:

Доверительно.

Его Превосходительству А. Г. Петрову.

Милостивый Государь Александр Григорьевич!

Главное Управление по делам печати, согласно с заключением С.-Петербургского цензурного комитета, признавая неудобной к обращению в публике статью «Маленькое величие», помещенную в майской книжке журнала «Отеч. Зап.», признало возможным предложить редакции исключить эту статью и если редакция этого не исполнит, то прибегнуть к применению закона 7 июня 1872 года.

Сообщая об этом к надлежащему исполнению, покорнейше прошу Ваше Превосходительство уведомить меня о последующем.

Примите уверения в истинном моем почтении и совершенной преданности.

кн. П. Вяземский.

Сбоку рукою Салтыкова написано: «Упоминаемая здесь статья будет исключена. М. Салтыков».

Сюда же относится следующая любопытная записка А. Г. Петрова одному из его чиновников [7]:

Покорнейше прошу г. Велене съездить к господину Михаилу Евграфовичу Салтыкову (живущему на Литейной, третий дом от Невского проспекта по правую руку, кажется. Красовского, где живет Победоносцев, обер-прокурор Синода) и просить его подать заявление по прилагаемому образцу, принять назад представленные экземпляры майской книжки (к которым я приложил и свои), приказать возвратить выданную квитанцию и сделать распоряжение по типографии об исключении статьи, вставке новой и невыпуске книжек, отпечатанных со статьей.

Я вчера лично был в 10 час. у Лихачева, виделся там с Салтыковым, и он обещал мне все это сделать, и дал на предписании князя подписку в исключении статьи. Но мы обязаны следить за исполнением обещания, донося начальству. Будьте вежливы с Салтыковым. Он, разумеется, посетует на недоверие.

Приезжайте уведомить меня о последствиях.

Салтыкову ничего не оставалось, как исполнить требование председателя Цензурного комитета и подать нижеследующее заявление:

В С.-Петербургский Цензурный Комитет.

Редактора «Отечественных Записок»

Заявление

Имея намерение сделать изменения в представленной мной в Комитет Майской книжке «Отеч. Записок», а именно: исключить из Современного Обозрения статью «Маленькое Величие» (стр. 68—95), покорнейше прошу возвратить представленные экземпляры для исполнения предложенных исключений. По исполнении их, книжки в исправленном виде представлены будут вновь в Цензурный Комитет на общем основании. Мая 17 дня 1882 г.

Михаил Салтыков.

К этому же инциденту относится и следующее сообщение Петрова к кн. Вяземскому от 17 мая:

Его Сиятельству Господину и. д. Начальника Главного Управления по делам печати.

Честь имею довести до сведения Вашего Сиятельства, что редактор «Отечественных Записок» Салтыков вчера лично обещал мне исключить из Майской книжки статью «Маленькое величие» и дал в этом подписку.

Он намерен заменить статью другою, и я обещал ему, в случае видимой благонамеренности статьи, не стеснять редакцию назначением для пропуска этой новой статьи опять четырехдневного срока.

Я приму меры к тому, чтобы оформить эту сделку с редакцией «Отечественных Записок» и последить за действительным исполнением данного Салтыковым обещания.

Председатель Комитета
А. Петров.

Летом 1883 г., несмотря на то, что реакция свирепствовала во всю и вследствие этого положение журнала сделалось чрезвычайно шатким (не забудем, что в январе 1883 г. «Отечественные Записки» получили второе предостережение, средактированное в очень резких и угрожающих выражениях), Салтыков должен был, спасая свое совершенно расшатанное здоровье, выехать за границу, о чем и сообщил Главному управлению.

В Главное Управление по делам книгопечатания.
Редактора «Отечественных Записок» Действительного Статского Советника Салтыкова

Заявление

По совету врачей отправляясь на короткое время за границу и не слагая с себя ответственности по редакции «Отечественных Записок», я поручил временное заведывание редакции секретарю оной, г. Плещееву, о чем и имею честь довести до сведения Главного Управления. 15 июня 1883 г.

Редактор М. Салтыков.

В феврале 1884 г. Салтыкову, под давлением цензуры, пришлось просить о разрешении исключить из № 2 свои «Сказки»:

Имея в виду сделать исправления в февральской книжке «Отечественных Записок», представленной в Цензурный Комитет 10 февраля, прошу Комитет возвратить мне представленные экземпляры, взамен каковых будут доставлены новые исправленные [8].

[Издатель [9]] Редактор Салтыков.

13 февраля 1884 г.

Тем же 13 февраля помечено письмо Салтыкова к Белоголовому, в котором он между прочим говорит: «Представьте мое положение: я теперь в журнале остался один со Скабичевским [10], и это при неизлечимом моем недуге. Давеча меня потребовали в цензурный комитет для вырезок, так я насилу доехал. Верите ли, совершенно искренне говорю, что самое лучшее теперь было бы умереть»...

Одно из последних посещений Салтыковым Главного управления по делам печати, во главе которого стоял уже Е. М. Феоктистов, относится к марту 1884 г. О нем рассказывается в письме Салтыкова Краевскому от 9 марта 1884 г.: «Я вчера был у Феоктистова (в первый раз, хоть физиономия показалась мне несколько знакомой); он мне обещал, что не будет принято против нас мер без предварительного соглашения со мной. Это очень мало, но все-таки что-нибудь. Он же мне сказал, что и гр. Толстой не желает предпринимать лично против меня по старому товариществу [11]. Неприятно одно, теперь будут надоедать с вырезками»... Не лишенные известной доли благожелательства обещания были, надо думать, только маневром со стороны Феоктистова, ибо через какой-нибудь месяц после его беседы с Салтыковым «Отечественные Записки» подверглись окончательному запрещению, которое раз навсегда оборвало личные сношения Салтыкова с цензурным ведомством.

XV. ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ САЛТЫКОВА В ОЦЕНКЕ ЦЕНЗУРЫ (1889 г.)

В заключение считаем небезынтересным привести отзыв цензуры о всей литературной деятельности Салтыкова в целом, данный вскоре после его смерти:

Совет
Главного Управления
по делам печати.
М. В. Д.
7 декабря 1889 г.
№ 3.

...Известный писатель Салтыков (Щедрин) при несомненном своем таланте принес громадный вред общим направлением своей деятельности, направленной к осмеянию наравне с неприглядными сторонами нашей жизни и всего того, что наиболее заслуживает уважения. В 1884 году издание

журнала его «Отечественные Записки» как посвященное проповеди социалистических теорий было прекращено постановлением Совещания четырех министров. Ныне после смерти Салтыкова «Вестник Европы» печатает целый ряд статей, в которых старается изобразить его одним из полезнейших деятелей и восстановляет в памяти читателей все, что было предосудительного в его сочинениях.

(Ленингр. отделение Центрархива. Журналы заседаний Совета Главного управления по делам печати за 1884—1891 гг. Заявление председательствующего и члена Совета Новикова, наблюдающего за журналом «Вестник Европы», о предосудительном направлении этого журнала, л. 181.)

Хвалить Салтыкова и после его смерти было признаком неблагонадежности. Помещение статей с благоприятными отзывами о нем послужило одним из доказательств предосудительного характера направления «Вестника Европы», за которое журналу было объявлено первое предостережение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Попечители учебных округов в то время являлись председателями цензурных комитетов.

2 Рассказ Гаршина.

3 Некрасов умер, а Елисеев по болезни должен был отстраниться от участии в редакции журнала.

4 Редактор-издатель «Недели».

5 Доклад цензора (Ведрова) уже был напечатан («Красный архив» 1922 г., т. II, стр. 229—231), но в виду исключительного интереса этого доклада и сравнительно малой распространенности и специального характера издания, в котором он появился уже 12 лет назад, мы сочли нужным перепечатать его, тщательно проверив текст по оригиналу.

6 Это письмо уже было напечатано нами в книге «В тисках реакции» (стр. 77—78). Здесь мы помещаем его в целях полноты изложения.

7 Эта записка вошла в книгу «В тисках реакции» (стр. 97). Здесь мы помещаем ее для полноты изложения.

8 Все заявления Салтыкова в Цензурный комитет, за исключением данного, писаны его рукой. Данное же заявление написано писарским почерком, но подписано самим Салтыковым.

9 Слово издатель вычеркнуто в оригинале.

10 Ближайшие сотоварищи Салтыкова по работе в «Отечественных Записках» к этому времени выбыли из строя: Елисеев был болен, Михайловский выслан из Петербурга, Кривенко арестован и т. д.

11 Новый министр внутренних дел гр. Толстой и Салтыков были товарищи по лицею. Толстой окончил курс в 1842 г., Салтыков же двумя годами позже.

ЩЕДРИН НА СЦЕНЕ*

Статья Юрия Соболева

1

Проблема «театрального Щедрина» вряд ли может возникнуть при изучении творчества великого сатирика. Правда, автор двух больших пьес — «Смерть Пазухина» и «Тени» — Щедрин написал еще кроме того ряд драматических сцен и отрывков. И все же драматургическое наследство Щедрина, влившись в могучее русло реалистического репертуара Гоголя и Островского, не создало крупной и самостоятельной ценности.

О пьесе, наиболее значительной в его драматическом цикле,— о «Смерти Пазухина»— он сам отзывался пренебрежительно, называя ее «гадостью» и, не признавая видимо никаких за ней достоинств, не включил ее ни в один из сборников своих произведений, а также в проектированное им собрание сочинений. Его драматические сцены, входящие в состав больших циклов, почти лишены поэтому самостоятельного значения. Так например, сцена «Что такое коммерция» включена в «Губернские очерки», драматический очерк «Утро Храптюгина» входит в «Невинные рассказы», и т. д. Никак нельзя далее признать пьесами столь популярный «Разговор в одном явлении», как «Мальчик в штанах и мальчик без штанов», равно как и другие его «драматические разговоры» — «Граф и репортер» и «Торжествующая свинья» (цикл «За рубежом»). И хотя «Злополучный пискарь» («Современная идиллия») написан в форме диалога, эта «драма в Кашинском окружном суде» ни в малой мере не становится драмой, так же как «недавние комедии» «Соглашение» и «В погоне за счастьем» («Сатиры в прозе») — комедиями. Другая комедия даже в четырех сценах — «Секретное занятие» занимает всего полторы страницы текста в «Современнике» и, помещенная в его «Свистке», является остроумнейшим памфлетом, изобличающим «тайные занятия» мракобесов во главе с Катковым, уличенным в запойном чтении радикального «Современника». «Проект современного балета» («Признаки времени»)—не что иное, как остроумная пародия на либретто популярных в эпоху Щедрина балетов.

Из этого перечня произведений, диалогических по форме и чисто беллетристических по манере, можно выделить лишь сцены «Просители» и отчасти «Недовольные», которые, кстати сказать, шли и на сцене.

И все же «нетеатральный» Щедрин стал достоянием сценических подмостков.

В репертуар русского театра входила не только «Смерть Пазухина». Актив Щедрина-драматурга составляют многочисленные переделки и инсценировки его сатирической прозы. Политическое значение сатиры Щедрина, даже зашифрованной от бдительного ока царской цензуры эзоповым языком, остро воспринималось его современниками. Глу-

---

* Тема «Щедрин на сцене» до сих пор нигде не ставилась, никем не разрабатывалась. А между тем при всей своей «нетеатральности» произведения Щедрина как написанные в драматической форме, так и специально инсценированные для театра неоднократно игрались на русских сценах как столичных, так и провинциальных, начиная с конца 50-х годов до наших дней включительно. Большинство этих постановок до сих пор было не только не обследовано, но даже и не зарегистрировано. Редакции «Литературного Наследства» в результате длительной работы в театральных музеях Москвы и Ленинграда удалось собрать богатый фактический материал по «сценическому Щедрину», который лег в основу нашего обзора.

Редакция.

бочайшие драматические конфликты, раскрывающиеся в щедринской сатире (ее «публицистичность» все время остается на высоком уровне подлинной художественности), звучат так действенно, что привлекают к себе внимание драматурга. В этом ряду созданий Щедрина на первом месте по силе почти трагедийного звучания стоит эпопея «Господа Головлевы». «Господа Головлевы» прочно вошли в репертуар еще при жизни автора, не дождавшегося снятия цензурного запрета с его «Смерти Пазухина» и спрятавшего в папке архива «Тени», воскресшие для сцены, и то только на один вечер, в 1914 г.

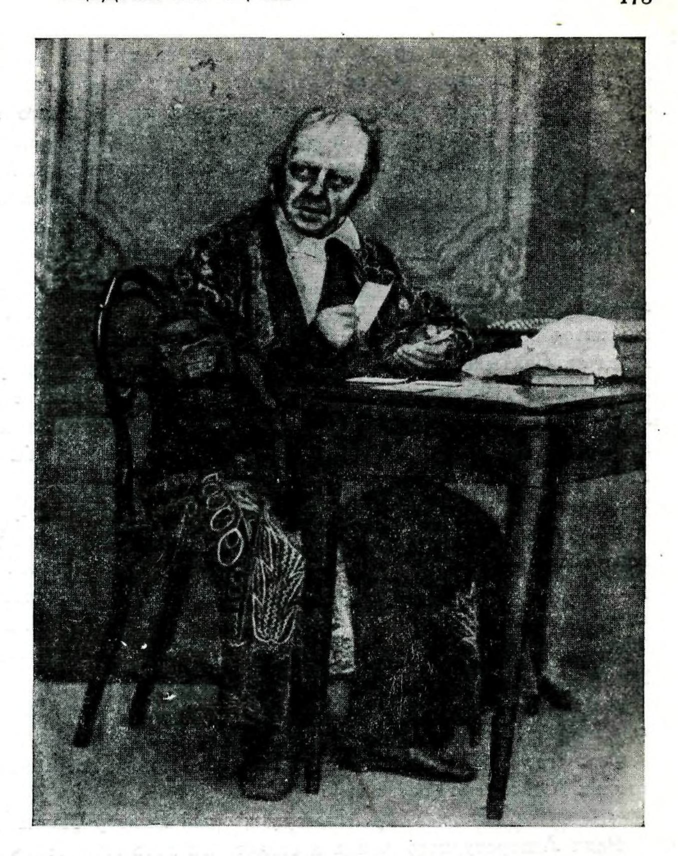
Однако прежде чем перейти к рассказу о многочисленных опытах сценической переработки «Головлевых», необходимо остановиться на тех инсценировках призведений Щедрина, которые потребовали энергичного авторского вмешательства.

В нашем распоряжении есть данные, указывающие на то, что еще в 1857 г. ставился инсценированный «Рассказ госпожи Музовкиной», взятый из «Губернских очерков» (для актрисы Линской), и что в том же году на сцене Александринского театра шли сцены из тех же «Губернских очерков» под произвольным заглавием «Провинциальные оригиналы» [1]. Из оригинальных драматических произведений Салтыкова шло на сцене в 1867 г. «Утро Хрептюгина». Авторского гонорара М. Е. Салтыков-Щедрин не получал. Общество русских драматических писателей еще не было разрешено, и один из его будущих основателей — драматург В. И. Радиславский — совместно с А. Н. Островским начал по личному почину охранять интересы русских драматургов. Охраняя свои авторские права, обратился к Радиславскому и Салтыков-Щедрин.

А. С. Балагин сообщил редакции «Литературного Наследства» доверенность М. Е. Салтыкова-Щедрина, переданную им В. И. Радиславскому как «самочинному» охранителю авторских прав русских драматургов. Доверенность эта сохранилась в архиве В. И. Радиславского, хранившемся у А. С. Балагина и ныне переданном в Центральный Музей худ. литературы, критики и публицистики (два листа гербовой бумаги; исписан один лист, автографична лишь подпись Салтыкова, остальной текст написан рукою писца). Вот текст этого любопытного документа, с одной стороны, характеризующего бесправие русских писателей в смысле охранения их авторских прав, с другой — достаточно ревностное отношение великого сатирика к своим материальным интересам:

«Милостивый государь
Владимир Иванович!

Покорнейше прошу Вас войти в соглашение с содержателями всех частных театров в России, а также и с обществами, дающими театральные представления, относительно платы за представление сочиненных или переведенных мною пиес, а в случае последовавшего на то с обеих сторон соглашения, заключать контракты на условиях Вам известных, — в случае же несогласия со стороны кого-либо из содержателей частного театра или общества, дающего театральные представления, заключать предложенный контракт или представления ими на сцене какой-либо из сочиненных или переведенных мною пиес, прошу Вас предъявлять на то лицо, или общество надлежащий иск и преследовать его судебным порядком, требуя с него вознаграждения и наказания по закону; также просить административные места и лиц о принятии мер к предупреждению нарушения моих авторских прав. Поручаю Вам также иметь сохранение прав моих в отношении императорских театров, предоставленных авторам высочайше утвержденным положением 13 ноября 1827 года о вознаграждении сочиненных и переведенных драматических пиес и опер, когда они будут приняты для представления на императорских театрах. Почему во всех случаях нарушения моего авторского права, относительно представления на сцене сочиненных или переведенных мною пиес, а также и в случае, если бы кто из заключивших с Вами помянутый контракт, потом не стал его соблюдать, Вы имеете полное право во все судебные и административные места и к должностным лицам прошения, объявления и всякого рода бумаги, а также апелляционные и кассационные жалобы подавать, выслушивать решения, изъявлять удовольствие или неудовольствие и за меня руку прикладывать, а также и заключать мировые сделки, равно получать исполнительные листы и производить по ним взыскания и получать деньги за представление моих пиес. Во всем том, что по сей доверенности Вы или Ваши по-

В. Н. АНДРЕЕВ-БУРЛАК В РОЛИ «ИУДУШКИ»

Фотография 1880-х гг. Театральный Музей им. Бахрушина, Москва

веренные, или поверенные сих последних законно учините, в том Вам верю, спорить и прекословить не буду. Доверенность сия принадлежит коллежскому советнику Владимиру Ивановичу Радиславскому. Действительный статский советник Михаил Евграфов Салтыков. Тысяча восемьсот семьдесят третьего года, августа двадцать восьмого дня. Доверенность эта явлена у меня, Семена Алексеевича Ковкова, исправляющего должность С.-Петербургского нотариуса Михаила Ивановича Успенского, в конторе его, Московской части по Невскому проспекту № 51, действительным статским советником Михаилом Евграфовичем Салтыковым, живущим Литейной части по Фурштадтской № 33, лично мне известным и имеющим законную правоспособность к совершению актов. Причем удостоверяю, что доверенность собственноручно подписана г. Салтыковым. 137 ст. нотар. положения объявлена. По реестру № 12431. И. д. нотариуса С. Ковков».
[Круглая печать с гербом и надписью: «Печать нотариуса Михаила Успенского в С-т Петербурге».]

От обороны, выражающейся в естественном стремлении охранить свои авторские права, Салтыков-Щедрин переходит к обороне в истории постановки переделанных для сцены «Господ Головлевых». Автором инсценировки был Н. Куликов — режиссер Александринского театра, бойкому перу которого принадлежал целый ряд переработок и переделок русских и иностранных беллетристических и драматических произведений.

«Господа Головлевы» в своем театральном обличии получили название «Иудушки» [2]. Пьеса была забракована литературно-репертуарным комитетом Александринского театра, но получила широкое распространение в провинции. Центральную роль Порфирия Головлева — Иудушки — с особенным успехом играл известный актер Андреев-Бурлак. «Иудушка» шел и в Москве в первом частном театре (А. А. Бренко), так называемом Пушкинском («Театр близ памятника Пушкина»). Узнав о московской постановке, М. Е. Салтыков обратился со следующим письмом в редакцию петербургской газеты «Голос» в номере от 8 декабря 1880 г.:

«М. Г., из газет я узнал, что в Москве на частном театре дается сцена из комедии «Иудушка», составленная из сатиры г. Щедрина «Господа Головлевы». Во избежание каких-нибудь недоразумений, считаю долгом заявить, что я никакого участия в этом «составлении» не принимал и что г. «составитель» ни согласия, ни советов у меня по этому предмету не спрашивал. Имел ли он право представлять свой труд на публичной сцене без моего согласия, не знаю. Равным образом, не имея под руками пьесы, не могу судить, в какой мере воспользовался составитель изданной мною хроникой «Господа Головлевы». Примите и проч. М. Салтыков».

Н. Куликов, скрывшийся под псевдонимом Н. К., был очень обижен письмом Салтыкова-Щедрина. Заявляя о себе, что он является одним из горячих поклонников Щедрина, автор инсценировки отводил обвинения в «неблаговидности поступка», в чем его, вслед за Салтыковым, обвинили некоторые журналисты, и рассказывал, что он пытался получить от Щедрина разрешение на переделку, но ответа на свое письмо не получил. Переделка же с указанием источника—вещь вполне допустимая, ибо ссылка на Щедрина как автора «Семьи Головлевых» и в оригинале пьесы, и на афише спектакля приведена. Наконец обиженный Куликов заявлял, что сценическая переделка романа «принесла только лишний лавровый листок в литературный венок Щедрина» [3].

Мы обратимся к показаниям третьего лица для выяснения едва ли ни самого важного обстоятельства в этом инциденте: насколько удачной является сценическая переработка «Головлевых», но, забегая вперед в хронологическом повествовании об этом споре, приведем суждение самого Салтыкова. В письме В. П. Гаевскому (датируется до 16 апреля 1884 г.) Михаил Евграфович говорит: «Иудушку смотреть не поеду, ты сам убедишься, что это совершенное идиотство» [4].

Это — ответ на приглашение, адресованное Гаевским Салтыкову, поехать на спектакль, сыгранный 16 апреля 1884 г. труппою Андреева-Бурлака в пользу Литературного фонда.

Салтыков-Щедрин на спектакле не был, но в переписке сохранился сердитый его отклик. Он пишет Гаевскому:

«Многоуважаемый Виктор Павлович!

Ради Литературного фонда я согласился дать опакостить себя представлением Иудушки. Но теперь из афиши вижу, что Иудушку предполагается изображать и на предбудущее время. Я, конечно, ни мало не желаю полагать какие-либо препятствия для сегодняшнего спектакля, но пишу тебе для того, чтобы ты убедился, что г. Андреев-Бурлак сделал в этом случае подвох, чтобы, так сказать, приобрести право гражданственности для этой пьесы в Петербурге. И, конечно, я протестовать уже не могу.

Весь твой

М. Салтыков» [5].

В своем протесте против переработки для сцены «Семьи Головлевых» Салтыков чрезвычайно упорен: первое представление «Иудушки» состоялось в Москве в ноябре 1880 г. а письмо к Гаевскому, в котором говорится, что Михаил Евграфович дал себя «опакостить» представлением «Иудушки» ради Литературного фонда, датировано 1884 г. Прошло четыре года, а желчное раздражение Салтыкова нисколько не уменьшилось.

Послушаем же свидетельство третьего лица. Оно принадлежит достаточно искушенному в вопросах драматургии П. Д. Боборыкину. Он откликнулся на представлени «Иудушки» в «Театре близ памятника Пушкина» обширным отзывом [6]. Утверждая, чт «Щедрин не написал ничего глубже, сильнее, художественно-образнее и беспощадне семейной хроники «Господа Головлевы», Боборыкин говорит, что Щедриным «нарисс вана необычайно могучая картина вырождения помещичьей семьи». Переходя к само инсценировке, Боборыкин указывает, что она напрасно названа «комедией». «Коме дия (курсив Боборыкина. — *Ю. С.*) — по всему складу тяжелая драма и даже трагеди так как на сцене сначала предсмертная агония больного брата Иудушки, в последне акте сын Иудушки, офицер, растративший казенные деньги, стреляется, а мать предае Иудушку проклятию». Затем Боборыкин переходит к обстоятельному анализу пере делки Куликова.

«Есть ли вообще у «Головлевых» сценический остов? — спрашивает он и отвечает.- Вряд ли. Эта помещичья эпопея полна внутреннего драматизма, но она — все-таки эп

Милостивый Государь,

Владиміръ Ивановичъ!

ЦѢНА 2 РУБ. СЕР.

Покорнѣйше прошу Васъ войти въ
соглашеніе съ содержателями всѣхъ частныхъ
театровъ въ Россіи, а также и съ лицами
дающими театральныя представленія относи-
тельно платы за представленіе сочиненныхъ или
переведенныхъ мною пьесъ, а въ случаѣ послѣдовавша-
го на то съ ихъ стороны согласія, заключать
контракты на условіяхъ Вамъ извѣстныхъ;
въ случаѣ же несогласія со стороны какого-либо
изъ содержателей частнаго театра или обще-
ства дающаго театральныя представле-
нія, заключить предложенный контрак-
тъ и при представленіи ими на сцену какой-либо
изъ сочиненныхъ или переведенныхъ мною
пьесъ, прошу Васъ предъявить къ тому ли-
цу или обществу надлежащій искъ и пресле-
довать его судебнымъ порядкомъ, требуя
вознагражденія и наказанія по закону; также
просить административныя власти о
принятіи мѣръ къ предупрежденію нару-
шенія моихъ авторскихъ правъ. Поручаю Вамъ
также имѣть охраненіе правъ моихъ въ отноше-
ніи Императорскихъ театровъ, предоставленныхъ
авторамъ Высочайше утвержденнымъ положеніемъ
13 Ноября 1827 года о вознагражденіи сочинителей и
переводчиковъ драматическихъ пьесъ и проч., когда
онѣ будутъ приняты для представленія на Импе-
раторскихъ театрахъ. Посему во всѣхъ случаяхъ
нарушенія моего авторскаго права, относительно

НОТАРИАЛЬНАЯ ДОВЕРЕННОСТЬ, ВЫДАННАЯ САЛТЫКОВЫМ 27 АВГУСТА 1873 г В. И. РАДИСЛАВСКОМУ ДЛЯ ЗАЩИТЫ СВОИХ АВТОРСКИХ ПРАВ КАК ДРАМАТУРГА (ПЕРВАЯ СТРАНИЦА)

Собрание А С. Балагина, Москва

представленіи на сцену сочиненныхъ или переводныхъ мною пьесъ, а также и въ случаѣ постановки кѣмъ либо изъ заключившихъ съ Вами помянутый контрактъ, таковаго неустойки его взыскивать. Вообще же предоставляю Вамъ полное право во всѣхъ судебныхъ и административныхъ мѣстахъ и должностныхъ лицахъ прошенія, объявленія и всякаго рода бумаги, а также апелляціонныя и кассаціонныя жалобы подавать, выслушивать рѣшенія, изъявлять удовольствіе или неудовольствіе и за меня руку прикладывать, а также заключать мировыя сдѣлки, равно получать исполнительные листы и производить по нимъ взысканія и получать деньги за представленіе моихъ пьесъ. Во всемъ томъ, что по сей довѣренности Вы или Вашъ повѣренные, или повѣренные сихъ послѣднихъ законно учините, я вполнѣ Вамъ вѣрю, спорить и прекословить не буду. Довѣренность сія принадлежитъ коллежскому совѣтнику Владиміру Ивановичу Радиславскому. Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ.

Тысяча восемьсотъ семьдесятъ третьяго года Августа двадцать седьмаго дня. Довѣренность эта явлена у меня, [illegible], исправляющаго должность С. Петербургскаго Нотаріуса Михаила Ивановича [illegible], въ конторѣ его, Московской части по Невскому проспекту № 37, Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ Михаиломъ Евграфовичемъ Салтыковымъ, живущимъ Литейной части по Фурштатской № 33, мнѣ лично извѣстнымъ и имѣющимъ законную правоспособность къ совершенію актовъ. При чемъ удостовѣряю, что довѣренность собственноручно подписана г. Салтыковымъ. 127 ст. Нотар. полож. объяснена. По Реестру № 12831.

И. д. Нотаріуса [illegible]

НОТАРИАЛЬНАЯ ДОВЕРЕННОСТЬ, ВЫДАННАЯ САЛТЫКОВЫМ 27 АВГУСТА 1873 г. В. И. РАДИСЛАВСКОМУ ДЛЯ ЗАЩИТЫ СВОИХ АВТОРСКИХ ПРАВ КАК ДРАМАТУРГА (ВТОРАЯ СТРАНИЦА)

Собрание А. С. Балагина, Москва

пея. Для перенесения ее на сцену нужно очень многое присочинить, переделать, изменить и суть самого Иудушки. Если б еще переделыватель не озаглавил своих сцен «Иудушка», тогда он имел бы больше права поставить это лицо в другие положения, заставить его больше действовать. В теперешнем виде лицо это слишком эпическое. Но сила изображения в щедринском образе так велика, что Иудушка и в не совсем умелой переделке постоянно интересует зрителя. Не трудно критику рассуждать задним числом, но без всякой придирчивости можно сказать, что переделка г. К-ва не особенно удачна. Можно было, держась оригинального текста, выхватить из него вещи, быть может рискованные, очень тяжелые, но несомненно сильные и высоко даровитые. Таковы, например, пьяное вымирание брата Иудушки и последний приезд Анниньки, больной, приучившей себя к пьянству. Ни того, ни другого нет. Нет даже поразительной сцены, или ряда сцен, когда Иудушка застает пьянство своей племянницы, сам втягивается в то же, и оба они душат друг друга нареканиями и старыми счетами. И в первом действии старуха Головлева слишком много болтает, и в остальных она же вместе с Иудушкой растягивает движение сцен. Пьеса, однако, смотрится с интересом. В зале шли, в антрактах, толки о том, как тяжело содержание пьесы; а все-таки никто не скучал, каждый чувствовал струю глубоко реального изображения жизни. Эта переделка при всех недостатках потому уже выше всяких перекроек с французского, что она знакомит и театральную массу с высоким творчеством Щедрина. В ней нет лжи, обмана и литературного воровства якобы русских произведений наших казенных поставщиков, питающихся производительностью Парижа и Вены».

Итак мы можем, доверившись показаниям такого опытного рецензента, каким был П. Д. Боборыкин, сделать заключение, что переделка Куликова, не отличающаяся высокими достоинствами, не слишком однако умаляла значение щедринской эпопеи. Пьеса вышла сценически достаточно интересной, нашедшей у публики весьма радушный отклик, и ценна уже тем одним, что она «выше всяких перекроек с французского». А главное — «она знакомит театральную массу с высоким творчеством Щедрина».

Любопытна оценка Боборыкина и исполнения главных ролей. Остановимся на разборе игры Андреева-Бурлака и Гламы. «Тип Иудушки удался г. Андрееву-Бурлаку и по тону, и по гримировке. Правда, на первом спектакле чувствовалась нетвердость роли, спешность репетиций, колебания в некоторых сценических приемах. Но общее понимание лица было хорошее: простота, там, где нужно, — сила и умело схваченные ноты, дававшие зрителям ощущение бездушия «кровопивушки».

Говоря об исполнении Гламой роли Анниньки, Боборыкин указывает, что она «прошла с полным успехом» через «подводные камни» роли. Ведь Аннинька, пишет он, «лицо рискованное. Она должна в последнем акте пить водку и выдержать целую сцену с Иудушкой очень щекотливого свойства».

«Иудушка» в переработке Куликова обошел всю провинцию. Мы имеем сведения, что в том же 1881 г. пьеса шла в Елизаветграде и в Иркутске. В 1882 г. — в Орше, Ярославле, Архангельске, Коломне, Самаре, Каменец-Подольске, в Киеве. В 1883 г. — в Саратове, Рязани, Костроме, Нижнем-Новгороде, Казани, Туле, Астрахани, Бресте [7]. Она прочно держится в репертуаре и в 90-е годы; так в сезон 1891/92 г. ее играет в Риге труппа Фадеева.

Тема щедринского романа и драматическая судьба его героя привлекла внимание не одного только Куликова. Десятые годы XX столетия приносят театру новую сценическую переработку «Головлевых», сделанную актером Чаргониным [8]. Она играется и в Москве, и в провинции. Отказавшись от некоторых мелодраматических приемов Куликова, звучащих уже полным анахронизмом, автор новой переработки попрежнему в центре событий ставит Порфирия Головлева. В сценическом отношении чаргонинская инсценировка живее куликовской и дает неплохой материал для исполнителей ролей самого Иудушки, Володеньки, Петеньки, братца Павла, старухи Головлевой, Анниньки и Любиньки.

В обзоре переделок «Головлевых» для сцены нельзя не отметить, что их авторы преследуют цель дать, что называется, ролевой материал, при чем все расчеты на успех строятся на образе центральной фигуры. И действительно Иудушка является крупным

К. ВАРЛАМОВ И А. ДЮЖИКОВА 1-я В КОМЕДИИ «СМЕРТЬ ПАЗУХИНА» («СУПРУГИ ФУРНАЧЕВЫ»)

Постановка Александринского театра сезона 1893/94 г.

Театральный Музей им. Бахрушина. Москва

актерским достижением целого ряда известных актеров. Так, кроме Андреева-Бурлака назовем Светлова, с огромным успехом игравшего Иудушку в театре Корша, а из провинциальных исполнителей — Рассатова.

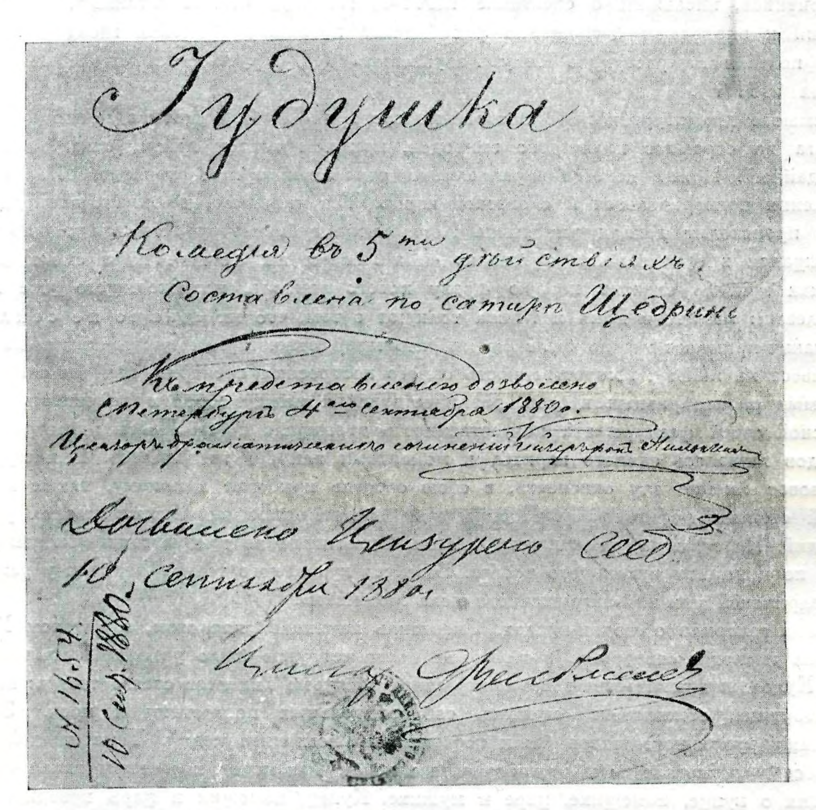
Уже в наши дни появилась еще одна инсценировка «Головлевых», сделанная ленинградским драматургом Папаригопулло [9]. На этот раз внимание автора сосредоточилось на образе Евпраксеюшки, роли в прежних переработках второстепенной. Это неожиданное перемещение героев объясняется тем, что новейшая театральная редакция знаменитого романа была создана для Е. М. Грановской. Эта замечательная комедийная актриса создала великолепный образ — яркий по своей жанровой и характерной живописи и глубокий по социальному его звучанию. Эта придурковатая у Салтыкова-Щедрина дочь дьячка в передаче Грановской была насыщена тем пылким здоровьем, которое так контрастировало немощи Иудушки.

Евпраксея Грановской утверждала жизнь в ее молодом и любовном цветении, жизнь, которая вырвалась из душной иудушкиной клетки и звонко насмеялась над хилым любострастием «кровопивушки».

Среди инсценировок беллетристических произведений Салтыкова-Щедрина особое место занимает работа П. С. Сухотина [10], давшего как бы литературный монтаж, включающий в себе и «Господ Головлевых», и отдельные эпизоды из «Губернских очерков», и «Сказки», и отрывки из «Помпадуров и помпадурш». Сложилась пьеса, носящая несколько прихотливое и, по сути дела, мало раскрытое название «Тень освободителя».

«Тень освободителя» — одна из значительнейших работ МХТ-2. Когда театр имел перед собой первую редакцию пьесы Сухотина, художественному руководству казалось неинтересным строить спектакль на материале, целиком возникшем из «Господ Головлевых». Автору было предложено тему семейной хроники расширить. Хотелось создать картину широких социальных обобщений — показать Россию переломной эпохи конца 50-х годов. Так возникла мысль о включении в сухотинскую пьесу темы о бюрократе-чиновнике кануна «реформы».

П. С. Сухотин предложил воспользоваться «Помпадурами и помпадуршами». В пьесу вошел помпадур Митенька Козелков, в котором было нечто и от знаменитого градоправителя из «Истории одного города» с органчиком в голове. История крушения одной помещичьей семьи разрослась до показа тех глубочайших социально-экономических сдвигов, которые переживала страна в дни падения крепостного права. И естественно, что в один ряд с такими ведущими фигурами пьесы, как Иудушка Головлев и помпадур Козелков, олицетворяющими умирающее крепостничество и либеральничающее чиновничество, вставал персонаж, вырастающий в образ огромной социальной значимости,— откупщик Кукишев.

Іудушка

Комедія въ 5ти дѣйствіяхъ.
Составлена по сатирѣ Щедрина

Къ представленію дозволено
С.Петербургъ 4го сентября 1880 г.
Цензоръ драматическихъ сочиненій [illegible]

Дозволено Цензурою СПб.
10 Сентября 1880.

[illegible]

№ 1654.
10 Сент. 1880.

ОБЛОЖКА РУКОПИСНОГО ЭКЗЕМПЛЯРА ПЬЕСЫ «ИУДУШКА», НАПИСАННОЙ ПО «ГОСПОДАМ ГОЛОВЛЕВЫМ», С РЕЗОЛЮЦИЕЙ ЦЕНЗОРА ДРАМАТИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ ОТ 4 СЕНТЯБРЯ 1880 г., РАЗРЕШАЮЩЕЙ ПОСТАНОВКУ

Библиотека им. Н. Н. Ходотова, Ленинград

С Кукишевым мы встречаемся и в «Господах Головлевых». Это тот самый разудалый купчик, который берет на содержание Анниньку в тот период ее актерской карьеры, когда она «быстро пошла под гору». Но Кукишев в «Господах Головлевых» — лицо почти эпизодическое. В пьесе он представлен тем мирским захребетником, который стоит в тесном родстве с Колупаевыми и Разуваевыми. Кукишев едва ли не самая динамичная фигура пьесы. Он показан в движении, в росте. Этот в начале мелкий торгаш, ловкий малый, при врожденной смекалке и расчетливо нажитой мошне быстро «пробирается в люди». Вот он уже отмечен губернатором. Он вхож в его дом. Вместе с ростом капитала он приобретает солидность и авторитет, он сменил поддевку на черный фрак. На его голове цилиндр. Черная бородища давно сбрита и на квадратном его подбородке клинышком торчит остриженная по последней моде бородка. Он в силе потому, что он — капитал. Перед ним широкая дорога. Он на подъеме. Ведь он олицетворяет собой ту породу русских людей, которые, ценя мужицкую спину дороже денег, почуяли силу

кредита и заняли позицию, командную для эпохи расцвета торгово-промышленного капитала. Такими же, как Кукишев, были Гучковы, Коноваловы, Жуковы. Их силу и родословую очень хорошо разоблачал и прослеживал Щедрин.

В пьесе П. С. Сухотина процесс превращения ловкого мужиченки в российского капиталиста достаточно тонко и вполне исторически правильно изображен раскрытием образа Кукишева. Кукишевы сменили Головлевых. Дворянские усадьбы перейдут к Кукишевым. Кукишевы окажут кредит мужичкам. Мужички попадут в паучьи лапы широко кредитующих Кукишевых. Через десятилетия дело, начатое Кукишевым, будет завершено Лопахиным, срубившим у помещицы Раневской старый вишневый сад. Один из критиков, писавший о спектакле МХТ-2, говорил, что «спектакль всеми своими частями и эпизодами беспощадно разоблачает поэзию дворянских гнезд и не менее остро показывает растущую силу Разуваевых» (И. Крути.—«Советское Искусство», 23 мая 1931 г.).

В смысле драматургического построения сценарий П. С. Сухотина прихотлив. Пьеса разбита на огромное количество эпизодов, при чем введен прием, едва ли во всем справданный. Прием некоего параллелизма отдельных сцен и эпизодов. Параллелизм положения подчеркивается и словесной игрой. Так например, в финале эпизода, в котором происходит доклад чиновника Кошелькова губернатору Козелкову, есть фраза, относящаяся к бунтовавшим мужикам: «и начали их сечи». Едва смолк Кошельков, как зритель слышит первую фразу нового эпизода, происходящего уже в доме Головлевых: мальчики Ваня и Миша толкуют о том, что их «давно не секли».

И таких примеров можно было бы набрать множество. Прием параллелизма не всегда шел пьесе на пользу. Искусственность самого построения сценария, как бы слепленного из самых разнообразных кусков, различествующих между собой и по сюжетной, и по словесной своей фактуре, эта искусственность отягощала пьесу. Пьеса в пестрой смене эпизодов лишалась единого каркаса и моментами как бы распадалась. Режиссура, почувствовав именно эту опасность, в свою очередь прибегла к приему, также в достаточной степени формальному. Постановщик спектакля Б. М. Сушкевич ввел ряд интермедий. Интермедии, тематически взятые Сухотиным из щедринских «Сказок», строились по принципу кукольного театра. Замысел кукольного театра родился у режиссера из щедринской сказки «Игрушечного дела людишки».

Сказка говорила о людях-куклах. Спектакль начинался прологом, в котором Кукольник вел диалог с «автором», в облике которого нетрудно было узнать Салтыкова-Щедрина. Кукольник показывал забавно-страшные фигурки лицедеев своего театра: подъячего-взяточника, обиженного мужика, соблазнительных прелестниц и проч. Эти же персонажи кукольного театра были персонажами всех интермедий. Тема каждой интермедии соответствовала теме каждого акта в пьесе. Так перед последним актом шла интермедия о купце, помещике, царе и мужике. Купец, помещик и царь празднуют «реформу». Ее героем оказывается купец, жертвой — мужик. Тема этой интермедии становилась отчетливо-ясной в показе ряда эпизодов, играемых в самой пьесе. Эти последние эпизоды посвящены торжеству Кукишева, который один только понимает всю выгоду «дарованной» реформы. Безумное отчаяние Иудушки Головлева, потерявшего с волей своих мужиков, покрывается яростно-радостным криком Кукишева: «Вот так царь — Александр вторый!» И подобно царскому балу, показанному в интермедии, шел бал у губернатора Козелкова. Это — торжественное сборище местных дворян и помещиков, которые поспешили на поклон к Кукишеву. Один предлагает лесочек, другой землицу. Всем «поможет» ликующий Кукишев — главный устроитель козелковского бала. Ах, этот бал! Он завершается торжественным шествием: сгибаясь под тяжестью серебряного блюда, проходит четыре дюжих лакея. На блюде чудовищная рыба — многопудовая стерлядь. Общий возглас восхищения. Одно нехорошо: стерляжья морда напоминает лик новой избранницы Козелкова — новой его помпадурши. Скандал. Как быть, чем помочь беде? Ведь в городе взята подписка со всех рыбников не торговать стерлядями! И находчиво дан совет — отсечь голову стерляди и на место головы возложить «сегодняшний манифест». Снова торжество, снова ликованье и общие восторги по адресу рыбы — «фишь а ля февраль».

ИНТЕРМЕДИЯ 1-го АКТА ИЗ ПОСТАНОВКИ ПЬЕСЫ «ТЕНЬ ОСВОБОДИТЕЛЯ» П. СУХОТИНА (НА ТЕКСТЫ ЩЕДРИНА) В МХТ-2, 1931 г.

ЭПИЗОД 2-го АКТА ИЗ ПОСТАНОВКИ ПЬЕСЫ «ТЕНЬ ОСВОБОДИТЕЛЯ» П. СУХОТИНА (НА ТЕКСТЫ ЩЕДРИНА) В МХТ-2, 1931 г.

А потом шел эпилог, теперь исключенный из спектакля: останавливались бешено несшиеся цепи кадрили-монстр. Меркло яркое освещение козелковской залы. Появлялся знакомый нам по прологу мудрый Кукольник. Он нес фигурку, откопанную в мусоре. Эта фигурка — фигурка мастерового. Это — образ рабочего люда, который носит в себе совесть и приходит в мир для того, чтобы людей-кукол сделать живыми.

Так единым режиссерским замыслом были связаны начало и конец пьесы. Так проходила через весь спектакль основная мысль постановщика: мир, изображенный Салтыковым-Щедриным, — это страшный мир, населенный не людьми, а куклами. Пакостны делишки кукол. Предатели, лицемеры, сластолюбцы, грабители, взяточники. «Человек человеку волк». Но они и не человеки, они, как уверял в прологе Кукольник, «не имеют поступков». Эти куклы-люди живут в мерзостном быту, повинуясь старым преданиям, старым традициям. Их жизнь в тинистом ее болоте протекает вяло, греховно, инертно.

Исходя из этой установки, постановщик и персонажей самой пьесы наделил чертами кукол.

Их жесты автоматичны. Они двигаются так, словно их дергает кто-то за ниточки, как Кукольник в своем театре болвашек. И поэтому полуребяческий лепет Козелкова, в голове которого не мозги, а органчик, вдруг прерывался неясным бормотанием, и замирал, склонив голову на бок, блистательный губернатор и застывал мертвенно. Кукла!

Этот прием тяжелил исполнение. Куклы слишком часто превращались в людей. Люди искусственно превращались в кукол.

И однако это не помешало спектаклю МХТ-2 быть одним из самых замечательных в его истории по необыкновенной яркости исполнения почти всех ролей. Критика единодушно отметила мастерство И. Н. Берсенева, создавшего жуткий образ Иудушки, В. В. Готовцева, с необычайной легкостью и выразительностью играющего помпадура Митеньку Козелкова, С. Г. Бирман, сделавшую из Улиты образ огромной выразительности. Это была «циничная, извивающаяся, жестокая змея, изображенная с трагическим великолепием» (А. В. Луначарский. «Щедриниана на сцене МХТ-2».— «Литературная газета», 20 мая 1931 г.).

Много похвал по адресу С. В. Гиацинтовой и М. А. Дурасовой, с захватывающим драматизмом игравших замученных мальчиков Ваню и Мишу.

Та глубина социальной характеристики, которая раскрывается в Кукишеве, была представлена яркой живописью А. И. Чебана.

Анниньку играла сперва Е. И. Корнакова, затем ее сменила З. Н. Невельская. Обе исполнительницы дали, каждая в разных оттенках, острый и запоминающийся рисунок. Трагическая судьба наивной усадебной девушки, попавшей на сцену и дни свои кончающей в запойном угаре, была донесена во всей своей обнаженности. Но нужно однако сказать, несколько возвращаясь назад — к вопросу об использовании Сухотиным салтыковского наследия, что тема Анниньки во всех знакомых нам инсценировках «Господ Головлевых» вскрыта недостаточно глубоко. Между тем эта тема интересна и в целях данной статьи. Дело в том, что, рассказывая об Анниньке и Любиньке, Салтыков-Щедрин несколькими острыми штрихами зарисовал поистине страшную картину быта и нравов провинциального театра.

Достаточно например привести одно место из романа — возвращение Анниньки и бабушкину усадьбу. Аннинька сидит в тишине. Воспоминания о театральной ее судьбе как бы нарушают душную тишину комнаты. «Воспоминания о пропитанных вонью гостиницах, о вечном гвалте, несущемся из общей столовой и из бильярдной, о нечесаных и немытых половых, о репетициях среди царствующих на сцене сумерек, среди полотняных раскрашенных кулис, до которых дотронуться гнусно, на сквозном ветре, на сырости... Вот и только! А потом: офицеры, адвокаты, цинические речи, пустые бутылки, скатерти, залитые вином, облака дыма и гвалт, гвалт, гвалт! И что они говорили ей! С каким цинизмом к ней прикасались!... Особливо тот усатый, с охрипшим от перепоя голосом, с воспаленными глазами, с вечным запахом конюшни...»

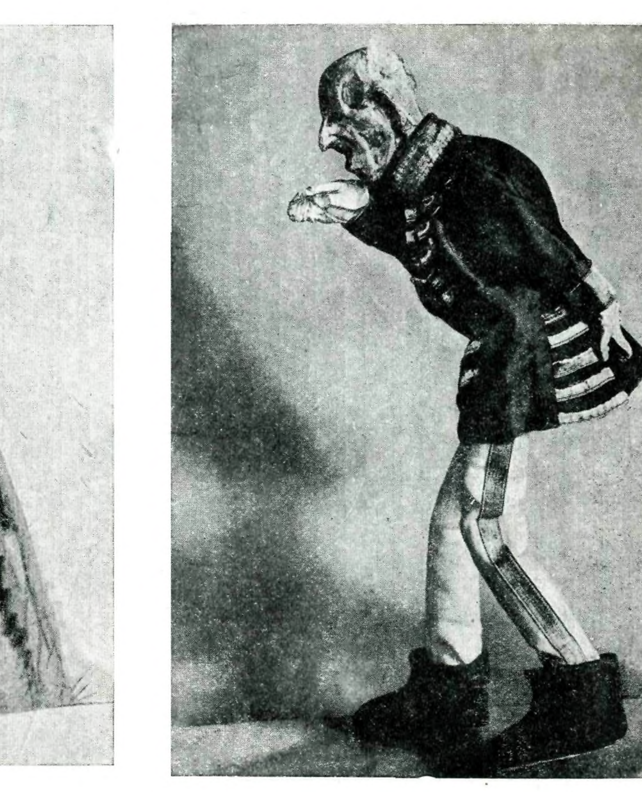
Да, эта жестокая картина пыльной театральной жизни, во всей мерзости провинциального болота так зло изображенная Салтыковым-Щедриным, вполне соответствует

Кукла «толстый генерал»

Эскиз куклы «мужик»

Кукла «худой генерал»

ПОСТАНОВКА ИНСЦЕНИРОВАННОЙ СКАЗКИ ЩЕДРИНА «КАК ОДИН МУЖИК ДВУХ ГЕНЕРАЛОВ ПРОКОРМИЛ» В КУКОЛЬНОМ ТЕАТРЕ Н. Я. и И. С. ЕФИМОВЫХ, 1919 г. КУКЛЫ РАБОТЫ И. ЕФИМОВА

эпохе. На театральные подмостки хлынул рой оффенбаховских персонажей и пикантность бойкого куплета, наскоро переведенного на «язык родных осин», немедленно покрылась густым слоем сала. «Наша честь кувырком, кувырком полетит!» даже с каким-то надрывом распевали Прекрасные Елены, разрез туник которых заставлял, как говорит Козелков в «Тени освободителя», «исчезнуть всякое представление о неизвестном».

Салтыков-Щедрин, уведший Анниньку и Любиньку из головлевской усадьбы на провинциальную сцену, заставил их изображать опереточных героинь. Черта, замечательно верно раскрывающая эпоху, когда даже почтенные подмостки императорского Александринского театра давали самый радушный приют творениям Оффенбаха и прочих сих дел мастеров. Оперетта отвечала запросам зрителя. Оперетте покровительствовал Кукишев. Многоликий, многообразный Кукишев. Тот самый, который, оказав широкий кредит и мужичку, и разорившемуся барину, сам почувствовал влечение к искусствам и, сбросив поспешно старозаветный кафтан, напялил черный фрак и купил абонемент в Александринку. Вспомним, что и в «Семье Головлевых» местный Кукишев, бойко торговавший модным товаром, является таким же покровителем «всего возвышенного и прекрасного», при чем представление об актрисе у него неразрывно связано с представлением о содержанке.

Пройдут десятилетия, и чеховская Нина Заречная, подписавшая ангажемент в Елец, будет жаловаться Треплеву на образованных купцов, которые станут приставать к ней с «любезностями».

Но у Чехова еще находятся какие-то теплые ноты, когда он говорит о провинциальных скитальцах, о перелетных птицах театральных подмостков. У Щедрина этих нот мы не услышим. В «Господах Головлевых» он изобразил закономерность «падения» Любиньки и Анниньки. В мире, населенном Козелковыми, другого им выхода не было.

Возвращаясь к спектаклю МХТ-2, следует отметить, что в ряду театральных постановок произведений Щедрина «Тень освободителя» занимает исключительное место как первый опыт создания на сцене, как правильно констатировал А. В. Луначарский, целой «щедринианы». Это не значит конечно, что спектакль МХТ-2 решил проблему театрального Щедрина. Это говорит лишь о том, что самый принцип построения пьесы на основе целого ряда произведений великого сатирика — принцип чрезвычайно любопытный и могущий дать весьма ценные результаты.

Несколько иные приемы легли в основу новейшей театральной работы над Щедриным, работы, осуществленной в 1933 г. в Московском театре сатиры, поставившем пьесу А. Глобы «Город Глупов» на материалах щедринской «Истории одного города». Автор прочел текст гениальной сатиры грубо ошибочно. Он исходил не от Щедрина, а от его «глуповского» критика А. С. Суворина, объявившего «Историю одного города» пародией-памфлетом на русскую историю определенного периода (статья «Историческая сатира» в «Вестнике Европы» 1871 г., кн. 4). В наши дни эта точка зрения, вызвавшая сокрушительный отпор со стороны Щедрина, была не только поддержана, но и развита Л. П. Гроссманом[11], утверждавшим, что город Глупов «это Российская империя, а его градоправители — российские самодержцы и самодержицы». «История одного города» была понята таким образом как история дома Романовых. А. Глоба и постановщик спектакля в Московском театре сатиры Терешкович перенесли эту точку зрения на театр и создали представление, являющееся ни чем иным как сценической иллюстрацией исторической хроники из жизни Романовых—хроники, разумеется, явленной в форме политического памфлета и злой сатиры. Но издеваясь над прошлым, ибо нельзя не признать, что есть конечно в Грустиловых и Угрюм-Бурчеевых нечто, напоминающее Александра и Николая Романовых, Щедрин вместе с тем все острие своей сатиры направил на современные ему явления и, пользуясь формой летописного изложения, говорил о вещах вполне злободневных. Так приобретала его сатира широчайшее и обобщающее звучание. Это не было понято Театром сатиры, и его спектакль вылился лишь в сатирический рассказ о «плохих царях» — тема, вряд ли могущая увлечь зрителя наших дней. Что мысль автора инсценировки шла именно по этому направлению, доказательством служат сцены, отнюдь не принадлежащие самому Салтыкову-Щедрину.

ЭСКИЗ ДЕКОРАЦИИ 3-го АКТА К ПОСТАНОВКЕ ПЬЕСЫ А. ГЛОБЫ «ГОРОД ГЛУПОВ» (ПО ЩЕДРИНУ) В МОСКОВСКОМ ТЕАТРЕ САТИРЫ, 1932 г.
Рисунок художников Кукрыниксы
Собрание Театра Сатиры, Москва

СЦЕНА БАЛА 3-го АКТА ИЗ ПОСТАНОВКИ ПЬЕСЫ А. ГЛОБЫ «ГОРОД ГЛУПОВ» (ПО ЩЕДРИНУ) В МОСКОВСКОМ ТЕАТРЕ САТИРЫ, 1932 г.

Так финальные эпизоды изображают последнего из Романовых в дни Февральской революции. Эта концовка закономерна, ибо пьеса Глобы — история дома Романовых. Начав с «Амальки», т. е. с Екатерины II, театр кончает свой спектакль Николаем II. Таким образом сниженными до исторической карикатуры оказались все образы сатиры. Современный, злободневный, бичующий характер щедринской сатиры был уничтожен.

Надо отметить, что в той идеологической установке, в которой разрешена театром тема Щедрина, спектакль насчитывает ряд блестящих актерских достижений. Нельзя не указать на Кара-Дмитриева, гротесковый Петр I которого («Бородавкин») — образец исторического памфлета на сцене. Памфлета, умного и острого. Нельзя пройти мимо Угрюм-Бурчеева в передаче Корфа, который дал как бы обобщенное представление об эпохе Николая Палкина. Казарменной, шлагбаумами отгороженной от Европы, бесконечно унылой, мертвенной, казенной Россией веяло от той сцены, когда маршировал Угрюм-Бурчеев, производящий самому себе и обучение и парад и наказание за ошибки в шагистике.

Интерес к спектаклю поддерживался еще и работой художников Кукрыниксов, давших любопытное разрешение сценического оформления, многими своими чертами как бы сливающегося с тональностью щедринской сатиры.

Обзор театральных переработок произведений Щедрина следует закончить указанием на работу кукольного театра художницы Н. Я. Симанович-Ефимовой и скульптура Ив. Ефимова.

Театр системы «Петрушек» поставил сатиру Щедрина «О том, как мужик двух генералов прокормил». Пьеска эта шла с 1919 до 1926 г. и игралась в тогдашних Тамбовской и Московской губерниях — в сельских школах, казармах, клубах, на деревенской улице, на агитбарже, плававшей по Каме и Волге. Прошла она около 200 раз. Игралась она в этом же тексте, но с другим типажем и в воронежском государственном кукольном театре.

Продолжительность пьесы — 30 минут. Исполняется она двумя актерами. Актеры конечно за ширмой. У одного в руках Толстый генерал и в продолжение действия на другую руку одевается Мужик. У другого — Худой генерал с прибавлением в самом конце пьесы Кухарки, одеваемой во время минутного антракта на другую руку. Остающиеся свободными в течение почти всего действия вторые руки актеров позволяют им манипулировать фазанами, зайцами (плоскостными), которых Худой генерал тщетно старается поймать, и лодченкой, на которой Мужик доставляет «своих генералов» обратно в Питер.

Текст взят у Щедрина и сверх автора добавлено лишь следующее: когда в финальном эпизоде исчезают со сцены вернувшиеся в Питер Генералы со своими Кухарками, Мужик, который перед тем сидел на грядке и поправлял лапоть на вытянутой ноге, — подымается и выходит на середину сцены. Из замухрыжистого он сделался вдруг большим и бравым. Он один на сцене. Он мрачно и подчеркнуто говорит последнюю тираду:

«Эх-ма! поил, кормил два года, в Петербург предоставил, и вот на! — получай! Пятак, говорит, денег, говорит, да рюмку, говорит, водки, говорит. Ну, постой, отольются вам наши слезки мужицкие!»

Раздается мотив «Дубинушки»; грозно потягивая воображаемую бечеву, Мужик угрожающе продвигается за сцену. Хаотически развевается широкий кафтан, встрепаны волосы. Ясно чувствуется мятеж, связавший конец пьесы с началом революции.

С блестящим успехом эта вещь была сыграна в юбилейные дни Щедрина 15 февраля 1926 г. в Государственной Академии художественных наук[12].

2

«Лица, представленные в этой пьесе, показывают совершенное нравственное разрушение общества». Так мотивировал запрещение для сцены «Смерти Пазухина» цензор Иван Нордстрем.

«Недозволенная к представлению» на театре «Смерть Пазухина» увидела свет рампы через 36 лет после ее появления в печати (I книга октябрьского номера «Русского Вестника» за 1857 г.).

ВЪ АЛЕКСАНДРИНСКОМЪ ТЕАТРѢ,

Въ Четвергъ, 30-го Сентября,

Артистами ИМПЕРАТОРСКИХЪ Театровъ представлено будетъ:

Въ 1-й разъ по возобновленіи:

СМЕРТЬ ПАЗУХИНА

Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, соч. М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина).

Заслуженные артисты ИМПЕРАТОРСКИХЪ Театровъ исполнятъ роли: «Фурначева» — Г. **Варламовъ**, «Лобастова» — Г. **Медвѣдевъ**

Дѣйствующія лица:

Иванъ Прокофьичъ Пазухинъ, купецъ первой гильдіи и потомственный почетный гражданинъ, занимающійся откупами и подрядами	Г-нъ Сетвшко-Орловъ.
Прокофій Иванычъ, его сынъ	Г-нъ Ленскій.
Мавра Григорьевна, второбрачная его жена	Г-жа Соловьева.
Василиса Парфентьевна, мать ея, придерживается старыхъ обычаевъ	Г-жа Чижевская.
Андрей Николаевичъ Лобастовъ, отставной генералъ, другъ стараго Пазухина, происхожденіемъ изъ сдаточныхъ	Г-нъ Медвѣдевъ
Леночка Лобастова	Г-жа Чарская.
Фурначевъ, статскій совѣтникъ	Г-нъ Варламовъ.
Настасья Ивановна, жена его	Г-жа Мусина-Пушкина.
Анна Петровна Живоѣдова, сирота изъ благородныхъ, живущая въ домѣ старика Пазухина въ качествѣ экономки	Г-жа Н. Васильева.
Живновскій, отставной подпоручикъ	Г-нъ Петровскій.
Фингеей Прохоровъ Баевъ, пѣстунъ стараго Пазухина.	Г-нъ Яковлевъ
Никола Велегласный, мѣщанинъ	Г-нъ Пантелѣевъ
Трофимъ Северьяныччъ Праздниковъ, выгнанный изъ службы за безобразіе приказный	Г-нъ Поворцевъ
Дмитрій, лакей } у стараго Пазухина	Г-нъ Щепкинъ.
Мавра, горничная } у стараго Пазухина	Г-жа Стуколкина.
Лакей въ домѣ Фурначева	Г-нъ Лоптевъ 1

Лакеи, горничныя, сторожа, кучера и проч.: Г-жа Александрова, Нальханова. Гг. Лоптевъ 2, Масальскій, Мельнико въ и Михайловъ.

Дѣйствія происходятъ: 1-е у Прокофія Иваныча Пазухина; 2-е въ домѣ статскаго совѣтника Фурначева; 3-е и 4-е въ домѣ Ивана Прокофьича Пазухина

ПРЕДЛОЖЕНІЕ

Шутка въ 1-мъ дѣйствіи А. Чехова.

Дѣйствующія лица

Степанъ Степановичъ Чубуковъ, помѣщикъ	Г-нъ Шаповаленко.
Наталья Степановна, его дочь	Г-жа Грейберъ.
Иванъ Васильевичъ Ломовъ, сосѣдъ Чубукова	Г-нъ Усачевъ

Дѣйствіе происходитъ въ усадьбѣ Чубукова

Порядокъ спектакля: 1) Предложеніе 2) Смерть Пазухина.

Начало въ ВОСЕМЬ (8) часовъ.

Окончаніе въ 11¾ часовъ.

Билеты можно получать въ кассѣ Александринскаго театра, съ 10-ти часовъ утра.

Цѣна мѣстамъ обыкновенная.

Типографія Императорскихъ СПб. театровъ, Моховая, 40.

АФИША ПЕРВОГО, ВОЗОБНОВЛЕННОГО ПОСЛЕ ДЕВЯТИЛЕТНЕГО ПЕРЕРЫВА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ «СМЕРТИ ПАЗУХИНА» НА СЦЕНЕ АЛЕКСАНДРИНСКОГО ТЕАТРА (1904 г.)

Публичная Библиотека, Ленинград

Первое представление «Смерти Пазухина» состоялось 2 декабря 1893 г. в Александринском театре[13]. Спектакль шел для бенефиса К. А. Варламова в роли Фурначева. Старика Пазухина играл Нильский, Прокофия Пазухина—Давыдов, Лобастова — Медведев, Живоедову — Васильева, Живновского — Сазонов. Состав исполнителей был блестящий.

Сам бенефициант несколько наивно объяснял в газетной беседе («Петербургская газета», № 331, 1893 г.) свой выбор. Почему он для своего бенефиса выбрал «Смерть Пазухина»? Только потому, что больше решительно не было ничего подходящего. Он ведь обычно выбирал самые серьезные и солидные вещи. В нынешнем году долго думал о «Двенадцатой ночи» Шекспира, но когда поставили «Вильгельма Телля», то пришлось от этой мысли отказаться. «Нельзя заставлять наших актеров играть швейцарцев и испанцев раз в году, — так сказал после исполнения «Телля» один умный человек.— Они все время изображают Островского, а затем натягивают трико, надевают плащ и являются испанцами. Конечно из этого ничего не выходит». Так говорил Варламову «умный человек», и Варламов, «намотав все это себе на ус», подумал: «а вдруг с моей «Двенадцатой ночью» выйдет то же, что с «Теллем», испугался и схватился за «Смерть Пазухина». Посмотрел на репетициях — хорошо, все на своих местах, дело идет гладко. К. А. Варламов приходит к выводу, что винить артистов в неуспехе «Телля» не следует. «Эта костюмная пьеса так далека от нас, так чужда нашим нравам, понятиям, взглядам, что бог с ней! Не лучше ли нам играть свое родное, национальное, русское?»

Время появления «Смерти Пазухина» на сцене — время в истории Александринского театра едва ли не самое безотрадное. Действительно раз в году заставляли александринских актеров играть «швейцарцев и испанцев», и дело конечно не в том, что у них не оказывалось «ни соответствующих манер, ни костюмов». Александринский театр, переживший в 60—70-х годах нашествие оперетты, игравший эпигонов Островского, давно утративший стиль высокой комедии и грузным бытовизмом заслонившийся от европейской классики, в 90-е годы питался репертуаром, ничего общего не имевшим с подлинной литературой. Даже Островский уже перестал звучать в его ярких и глубоких реалистических красках. Традиции поистрепались, дурные привычки вкоренились. Через три года после провала «Вильгельма Телля» произошла в том же театре катастрофа с «Чайкой». А ведь «Чайка» не «костюмная пьеса», к разряду которых причисляет Варламов трагедию Шиллера, а «своя родная — русская».

«Смерть Пазухина» игралась в той условной манере, которая подменила правду и простоту, глубину и содержательность реализма. Пьеса Салтыкова-Щедрина была прочитана, как любое из драматургических изделий писателей-«бытовиков», успевших опошлить и размельчить богатство и сочность Островского.

Пьеса была принята критикой как некий анахронизм, как произведение историко-литературного значения, лишенное жизненности. О ней говорили как об устаревшей.

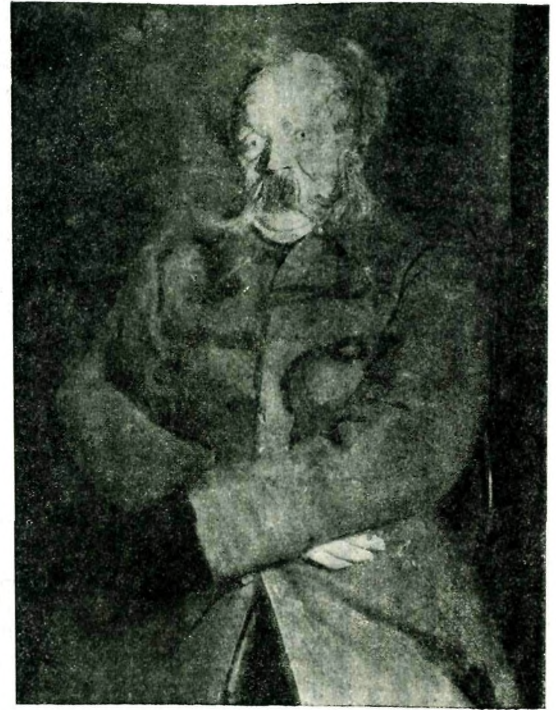
Любопытен отзыв А. С. Суворина, который в своей рецензии («Новое время», 3 декабря 1893 г., № 6382) говорил: «Писать о комедии Салтыкова «Смерть Пазухина» едва ли нужно. Пьеса производит тяжелое впечатление своей яркой беспощадной правдивостью, своими характерами грубо-эгоистическими, лишенными почти всякого человеческого чувства. Салтыков был мастер этого натурализма, в котором было не столько творчества, сколько голой правды, которая схватывает вас за горло.

Салтыков не пощадил никого и не нашел ни одного человека для своей пьесы, в которой гостило бы когда-нибудь гуманное чувство».

Отзыв в «С.-Петербургских Ведомостях» (4 декабря 1893 г., № 381), подписанный буквой «К.», переносит вопрос в плоскость чисто историко-литературных рассуждений. Комедия Щедрина «откопана где-то любителями старины». Откопана, ибо ее нет даже в полном собрании. Вообще — «пьеса интересна именно с точки зрения исторической критики. Во-первых, любопытен Щедрин в эмбриональном, зачаточном состоянии, еще не знающий своих сил и не определивший еще наиболее близкого и родственного приема творчества. Во-вторых, любопытно следить за отражением литературных влияний и течений на неокрепшем еще авторе. Нет никакого сомнения разумеется, что Щедрин обладал весьма крупным, главное совершенно самобытным художественным талантом. Он даже более оригинален, чем талантлив. Между тем вот вам комедия начинающего

Ф. Шевченко и В. Грибунин
(«Супруги Фурначевы»)

М. Тарханов («Живновский»)

В. Лужский и М. Успенская
(«Лобастов и Леночка»)

ПОСТАНОВКА «СМЕРТИ ПАЗУХИНА» В МОСКОВСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ

Снимки сделаны во время гастролей театра в Америке в 1924 г.

Музей МХАТ им. Горького, Москва

автора: как ясно обозначается здесь влияние Гоголя, с одной стороны, и Островского — с другой. Местами Фурначев впадает совершенно в тон Чичикова, местами жена его говорит так же, как Липочка из комедии «Свои люди сочтемся». «Как скучно, хоть бы папенька умер», говорит например, зевая, жена Фурначева. Это совершенное повторение фразы Липочки: «Ах, как скучно! Хоть бы дом сгорел, али папенька умер!»

Однако в некотором противоречии со своей основной историко-литературной установкой на пьесу автор отзыва не может не признать, что «комедия Щедрина тем не менее представляет не только историко-литературный интерес. Она смотрится, правда, не особенно легко, но в ней много художественной правды».

В «Петербургской Газете» (№ 332, 3 декабря 1893 г.) обширная рецензия А. К. (Кугеля) [14] отчасти развивает взгляды, высказанные в отзыве «С.-Петербургских Ведомостей». Автор говорит, что «Смерть Пазухина», напечатанная в «Русском Вестнике» М. М. Каткова, который в то время стоял в центре «молодой России», производила сильное впечатление потому, что она сливалась с общим тоном литературы, носящей обличительный характер. «Общество так долго хранило в душе негодование, печать так долго обо всем молчала, что первый крик по закону естественной реакции был криком обличения. Кроме того обличение имело и практический смысл, потому что требовалось подготовить материалы для общественных реформ. В 50-х годах фраза «Вот идет статский советник Фурначев, вор и мошенник» вероятно производила ошеломляющее впечатление своей необыкновенной смелостью. Это был триумф обличения, возвысившегося — шутка сказать! — до чина 5-го класса. Для нас эта сторона уже потеряла всякое значение. Видали мы статских советников и не в таких положениях, когда самая табель о рангах пошатнулась в своих основаниях.

Печать большого художественного дарования, хотя не вполне созревшего и не угадавшего еще своего настоящего призвания, сказывается в искусном подборе фигур, метком языке комедии и жизненности, я бы сказал чрезвычайной жизненности, основных положений». Критик с особенным вниманием останавливается на анализе финальной сцены, когда Порфирий Пазухин ловит Фурначева на месте преступления — в момент ограбления умершего старика Пазухина.

«Щедрин будущего, Щедрин — молот,— говорит А. К.,— чувствуется в превосходной жестокости — я не нахожу более подходящего слова, — в которой написана эта сцена. Вот писатель, который не миндальничает, не боится суровой правды жизни, такой негармонической, заскорузлой, неизящной...

Такова эта пьеса. Она немного скучновата и слишком проникнута, как я выше заметил, обличительным характером. Несколько штрихов, специально для сцены, немного сокращений и изменений, и эта устарелая пьеса могла бы сделаться украшением нашего бедного репертуара. И в рубище почтенна добродетель. И в старомодном, плохо скроенном кафтане все-таки угадывается красота силы и благородная грация художественного дарования».

Исполнение не вызвало особых восторгов.

В рецензии Кугеля читаем: «Исполнение пьесы было неровное. Г. Давыдов был превосходен, и можно устать, перечисляя выдающиеся моменты его исполнения. Зато г. Варламов-Фурначев изображал совсем не то, что следует. Фурначева надо играть как мольеревского Тартюфа или, еще лучше, как щедринского Иудушку [15]. Это не под силу талантливому артисту, и сколько бы он ни старался, он не может сделать себя противным. Г. Медведев. изображавший генерала из сдаточных, представлял собой какой-то обрубок в сценическом отношении. Рукава у него были особенно коротки, да и талант такой, словно выпускал он сокола из правого рукава. Г. Нильский говорил на одре смерти, как совершенно здоровый человек. Недурен г. Сазонов в эпизодической роли пропойцы отставного поручика. Женские роли в пьесе незначительны. Г-жа Васильева изображала Анну Петровну как опытная артистка и костюм носила вполне соответствующий эпохе».

«Смерть Пазухина» была сыграна в 1893 г. на александринской сцене 8 раз. Сборы были средние. Поставленные в этом же сезоне «Мертвые души» прошли 18 раз. Затем пьеса исчезла из репертуара Александринского театра на целое десятилетие. Она была

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНДЪ.
Въ субботу, 26-го апрѣля 1914 года,
ВЪ ПАМЯТЬ
25-ЛѢТІЯ СО ДНЯ СМЕРТИ ЩЕДРИНА (М. Е. САЛТЫКОВА).
ВЪ МАРІИНСКОМЪ ТЕАТРѢ
состоится СПЕКТАКЛЬ
Представлено будетъ въ первый разъ:
ТѢНИ
При благосклонномъ участіи
заслуженнаго артиста ИМПЕРАТОРСКИХЪ театровъ В. Н. Давыдова,
артистокъ ИМПЕРАТОРСКИХЪ театровъ А. А. Немировой-Ральфъ, Е. И. Тиме, артистовъ ИМПЕРАТОРСКИХЪ театровъ Б. А. Горинъ-Горяйнова, А. Н. Лаврентьева, П. И. Лешкова, Ю. Л. Ракитина, Е. П. Студенцова, Н. Н. Ходотова, И. М. Уралова, Н. И. Кіенскаго.
2. НЕДОВОЛЬНЫЕ
Дѣйствующія лица: Андрей Ивановичъ — заслуженный артистъ ИМПЕРАТОРСКИХЪ театровъ К. А. ВАРЛАМОВЪ. Иванъ Андреевичъ — артистъ ИМПЕРАТОРСКИХЪ театровъ К. Н. ЯКОВЛЕВЪ.
НАЧАЛО ВЪ 8 ЧАС. ВЕЧЕРА.
Режиссеръ А. Л. Загаровъ

АФИША СПЕКТАКЛЯ ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЩЕДРИНА, УСТРОЕННОГО ЛИТЕРАТУРНЫМ ФОНДОМ В МАРИИНСКОМ ТЕАТРЕ В ДЕНЬ 25-ЛЕТИЯ СО ДНЯ СМЕРТИ САЛТЫКОВА
Публичная Библиотека, Ленинград

возобновлена 30 сентября 1904 г. Возобновление прошло при очень среднем успехе. Рецензент «С.-Петебургских Ведомостей» Зигфрид отметил: «...не любят у нас литературы, ох, как не любят! О сем красноречиво свидетельствовало полнейшее отсутствие публики ровно в половине всех лож Александринского театра. Даже неприятно было смотреть на эти пустые дыры». Критика берет под защиту пьесу Щедрина, хотя она «и не бог весть какое великое произведение», но раз нет крупных явлений в области нового искусства, поневоле взор обращается в сторону старого. «Доброе старое искусство! ничего, что твои краски местами кажутся потускневшими; ничего! В тебе все-таки слишком много прелести, манящей к постоянному созерцанию, слишком много таланта, подчас ослепляющего, заставляющего крикнуть: «хорошо! Вы, нынешние, ну-тка!» Небось сатиры на современную русскую действительность никто не напишет, точно будто все у нас уж так благополучно, что угрожает голодом сатирическому уму, если бы таковой внезапно объявился» («С.-Петербургские Ведомости», № 270, 1904 г.).

«Театр и искусство» (№ 41, 1904 г.) не понимает, зачем вообще понадобилось возобновлять «Смерть Пазухина». «Конечно пьесу можно возобновить ради самой пьесы, ради ее внутренних достоинств, но едва ли кому придет на ум причислить «Смерть Пазухина» к удачным, а главное к типичным произведениям Щедрина. Прежде всего Щедрин никогда не был драматургом, и «Смерть Пазухина» вовсе не в стиле его своеобразного дарования. Это обыкновенная бытовая пьеса, написанная в хороших сочных тонах, не чуждая влиянию Островского, но специально щедринского в ней ровно ничего нет».

Исполнение, судя по единодушным отзывам критики, было «тусклым и ленивым». Во-первых, «не было Прокофия Пазухина». Исполнитель роли Г. Ленский[16] играл с большой добросовестностью и старанием, но он только «притворялся ветхозаветным купцом и старовером, и это притворство было отлично видно».

К. А. Варламов играл, так же как и при первой постановке «Смерти Пазухина» в 1893 г., Фурначева и «достигал комических эффектов там, где автор этого вовсе не предвидел. Так омерзительная сцена, предшествующая ограблению Фурначевым мертвого Пазухина, сцена, долженствующая вызвать ужас, привела зрителя в довольно легкомысленное настроение».

С неодобрением отзывается критика также и о Семашко-Орлове, исполнявшем роль старого Пазухина, и о Яковлеве — Баеве, который «больше волновал, чем играл». Лишь два исполнителя заслужили высокую оценку: Медведев — Лобастов и Петровский — поручик Живновский.

Итак можно сделать вывод, что «Смерть Пазухина» как при первой своей постановке, так и при возобновлении прошла в Александринском театре со средним успехом, причем и исполнение, судя по только что приведенному отзыву, было далеко не на высоте. Но пройдет еще десять лет, и «Смерть Пазухина», поставленная Московским Художественным театром, найдет несколько иную оценку в смысле отношения критики к исполнению. Петербургские рецензенты будут небрежно-снисходительны к художественникам и будут с восхищением вспоминать о Варламове и Давыдове!

Следует указать, что «Смерть Пазухина» шла и в провинции и удержалась на провинциальной сцене почти до наших дней [17]. Чаще всего эта пьеса Щедрина встречается в провинциальном репертуаре 90-х и начала 900-х годов. До нас дошла например следующая курьезная, переполненная анекдотическими фактами афиша, выпущенная администратором труппы артистов, гастролировавших в 1902 г. в Омске: «В первый раз в городе Омске Салтыков-Щедрин (сатирик) — «Смерть Пазухина». Пьеса эта по своему научно-интересно - образовательно - воспитательному характеру, как единственное произведение для сцены нашего мастера русского писателя-сатирика, представляет громадный интерес для всех классов общества и служит гордостью отечественной литературы; за границей, переведенная на французский, немецкий и английский языки, не сходит с репертуара первоклассных сцен. Переделанная на модный всенародный язык волопюк идет с большим успехом в товариществе артистов во главе с Сарой Бернар, гастролирующих в Америке («Курьер» 1902 г., № 38).

3 декабря 1914 г. состоялось первое представление «Смерти Пазухина» в Московском Художественном театре. В сценической истории пьесы Салтыкова-Щедрина — спектакль Художественного театра конечно самый яркий момент.

Руководителем постановки был В. И. Немирович-Данченко, чьей инициативе принадлежало в Художественном театре включение в его репертуар пьес русских классиков. «Смерть Пазухина» в этом отношении стоит в том же ряду, в котором — Чехов, Лев Толстой, Грибоедов, Гоголь, Островский, Тургенев, Достоевский. Спектакли пьес этих авторов, помимо их художественной значимости, носят на себе печать высокой литературности, того взыскательного и тонкого вкуса, который помог театру вскрыть в русской классике — от Грибоедова до Чехова — глубину мысли и непревзойденное звучание с л о в а.

Театр, ставивший Салтыкова-Щедрина в 1914 г., в своих современных работах — в постановках «Воскресения» Л. Н. Тостого, «Мертвых душ» Гоголя и в своих мечтах о сценическом прочтении «Евгения Онегина» Пушкина — продолжает в наши дни ту же борьбу за овладение генеральной линией русской реалистической литературы. Щедринский спектакль 1914 г. был опытом освоения художественного наследия прошлого.

Из дневников репетиций мы знаем, с каким чувством серьезнейшей ответственности принимался театр за работу над Щедриным.

Был проведен ряд предварительных бесед, в которых принимали участие В. И. Немирович-Данченко, К. С. Станиславский, предполагавшийся исполнитель роли старика Пазухина, художник Б. М. Кустодиев, замечательному оформлению которого был обязан спектакль значительной долей своего успеха, В. В. Лужский, принявший на себя режиссуру, и И. М. Москвин, который не только играл Прокофия Пазухина, но и «непрерывно помогал всем исполнителям в искании образов, разработке содержания, сближении с автором и т. д.» [18]

Пьеса потребовала 95 репетиций. Репетировать начали 18 августа, а 24 сентября было показано В. И. Немировичу-Данченко уже два акта, готовившиеся с В. В. Лужским.

30 октября в пьесу вступил В. И. Немирович-Данченко.

Прокофий Пазухин — Москвин, Мавра — Дмитриева, Василиса — Муратова, Лобастов — Лужский, Живновский—Массалитинов, Велигласный—Бондарев, Баев—Бакшевич.

ЭСКИЗЫ КОСТЮМОВ И ГРИМА РАБОТЫ ХУДОЖНИКА М. ЛЕВИНА ДЛЯ ПОСТАНОВКИ «СМЕРТИ ПАЗУХИНА» В ТЕАТРЕ ГОСДРАМЫ (б. АЛЕКСАНДРИНСКОМ) В 1924 г.

Эскизы для ролей: «Фурначевой», «Фурначева» и «Леночки»
Музей Академических театров, Ленинград

Фурначев — Грибунин, Настасья Ивановна — Шевченко, Живоедова — Бутова, старик Пазухин — Леонидов, Леночка — Бирман, Праздников — Александров.

Основная задача постановки заключалась, как формулирует запись дневника репетиций: «1) в создании быта, захваченного Щедриным, в тех ярких, сочных чертах, какими они представились театру при чтении пьесы; 2) в отыскании той внешней свободы и правды, которая лежит в основе всей пьесы; 3) в достижении при всем этом сатирического характера спектакля».

Сформулировав основные задачи, установленные в первых беседах, объединивших довольно дружно всех исполнителей, автор записи в Дневнике указывает, что «с чисто индивидуальной стороны исполнители намеревались приблизиться к той художественной простоте, к которой театр неизменно стремится, и к таким ярким темпераментным переживаниям, которые трудно даются театру при усвоенных им полутонах». Это замечание чрезвычайно ценно для анализа всего спектакля. Отметим, что критика как бы даже с некоторым удивлением констатировала яркость и мажорность тона исполнения. Как видим из записи Дневника, к созданию именно этого впечатления яркости — «темпераментности переживаний» — театр шел совершенно осознанно. В этом смысле «Смерть Пазухина» — несомненный этап в творческих исканиях Художественного театра. Театр отказывался от «усвоенных им полутонов», искал убедительной формы для раскрытия образов в их ярком темпераменте. Эти искания как нельзя более совпадали с теми внутренними задачами, которые раскрывались перед исполнителями в их работе над Салтыковым-Щедриным. Краски великого сатирика, сурового, беспощадного и вместе с тем необычайно правдивого в передаче воздуха своей эпохи потребовали от актеров приемов создания образов, отличных от тех, какие были усвоены до сих пор. И крайне характерно замечание Дневника, что, обращаясь в исканиях простоты и искренности к «системе» К. С. Станиславского, участники спектакля относились к ней «с полной искренностью и свободой, часто отказываясь или по неприемлемости, или по неусвоенности».

Когда Художественный театр, возивший, как известно, «Смерть Пазухина» в Америку, сыграл ее по возвращении в Москве, то критика оценила этот спектакль как несколько неожиданный, как бы выпадающий из привычного стиля Художественного театра. Неожиданного в этом ничего не было. И если критика в целом не обнаружила «неожиданности» при оценке спектакля в 1914 г., то это только потому, что критика судила о Художественном театре с точки зрения «традиционного» к нему подхода как к «театру Чехова».

И еще одно очень важное замечание Дневника, утверждающего, что в работе с исполнителями больше всего пользовались приемами «заражения», считаясь с индивидуальными особенностями каждого исполнителя.

И именно потому, что в работе над «Смертью Пазухина» считались с индивидуальными особенностями исполнителей, спектакль и был оценен как наиболее «актерский» в Художественном театре.

Отзывы критики однако очень сдержанны. Центральный орган российского либерализма «Русские Ведомости»[19], находя, что основная тема «Смерти Пазухина» — это борьба с пороком вообще, в частности с лицемерием, утверждает, что пьеса не только картина минувшего, ибо формы лицемерия изменчивы и их можно обнаружить и в наши дни. Исполнение оценено по системе отметок. Недурно, хорошо, или, как пишет Сергей Глаголь, серьезно, умно, но не волнующе. И у того же Сергея Глаголя неожиданная оценка ярчайшего исполнения Москвина: «Глуповатый Прокофий» — и только![20]

Отсутствие полутонов, к которому, как мы видели, так упорно шел театр, вызвало у А. Измайлова такое замечание: «Этот театр обходит полутона и низкие ноты, оставляя одни верхи. Это театр сценического максимализма. Он транспонирует автора, усиливает его».

Это транспонирование критик обнаруживает главным образом у Москвина, Пазухин которого «не русский вздорный купчик, дорвавшийся до золота, это Навуходоносор, это маньяк, это неврастеник, захлебывающейся словами, скрадывающий их, сейчас гремящий, сейчас утирающий слезы на глазах».

Е. В. НАЙДЕНОВА («ХОРОБИТКИНА») В «ПРОСИТЕЛЯХ» ЩЕДРИНА

Постановка Малого театра, 1908 г.

Собрание Н. А. Попова, Москва

Финальная сцена, как находит А. Измайлов, — это «кошмарный гротеск в стиле Гойи или Рабле»[21].

Критика единодушно указывает на ряд счастливых актерских достижений — Москвина, Лужского, Леонидова, Грибунина. Оценки петербургской критики во время весенних гастролей в Петербурге в общем не расходятся с московскими.

Спектакль однако встречает суровые нападки у А. Р. Кугеля, который громит и Москвина, и Лужского, и Грибунина, противопоставляя их «бледному» исполнению мажорные тона и незабываемую сочность Варламова, Давыдова и прочих исполнителей александринского спектакля «Смерти Пазухина»[22]. Тут видимо произошла некоторая «переоценка ценностей», иначе чем же объяснить, что тот же А. Р. Кугель так желчно отзывался о «тусклом и ленивом» исполнении александринцев!

В Америке, куда театр ездил в 1923/24 г., «Смерть Пазухина» игралась 15 раз: на сценах Нью-Йорка (12 раз) и в Чикаго (3 раза).

Как и все постановки Художественного театра, щедринский спектакль имел в Америке огромный успех, но разумеется американцы воспринимали «Смерть Пазухина», как нечто глубоко экзотическое, хотя и были подготовлены к пониманию комедии переводом, сделанным под редакцией Оливера Сейлера, хорошо знакомого с русским театром[23].

Возобновление «Смерти Пазухина» на московской сцене Художественного театра состоялось в сезоне 1924/25 г. Театр вернулся на родину в тот момент, когда советский театр переживал глубочайшую ломку. С одной стороны, еще были крепки некоторые старые традиции идеологического порядка, те самые традиции дореволюционного театра, которые продолжали цепляться за формулу «искусство для искусства»,—традиции те-

атра «нейтрального», «аполитичного» (в чем видели существо «подлинного академизма»), с другой—это был период ломки всего внутреннего и внешнего строя театра.

Аполитичности был нанесен сокрушительный удар.

Театр занимал позицию страстного агитатора. Театр выполнял задачу политического просвещения. Вместе с содержанием изменялась и форма. Течение реализма, в известной мере засоренного и пережитками грубого натурализма, и шелухой все еще неизжитого модернизма, что делало искусство театра, выражаясь словами А. Блока, «непитательным»,— это течение, казалось, уперлось в тупик. Сценическому реализму, даже в его наиболее очищенной форме, была объявлена гражданская смерть. Декорация была изгнана. На театральной сцене появилась конструкция.

Художественный театр по возвращении из-за границы должен был заново доказывать свои права на существование. Его репертуар оказался в полном несозвучии с эпохой. Но нужно сказать, что «детская болезнь левизны» уводила театральную критику от верного понимания существа вопроса об овладении культурой прошлого. Классике была объявлена борьба решительная и беспощадная, и под обстрел этой критики, недооценившей необходимость критического освоения наследия прошлого, попал и Салтыков-Щедрин. Так статья об открытии сезона в Художественном театре, помещенная в журнале «Рабочий зритель» (№ 19, 1924 г.), была озаглавлена «Смердит». Автору статьи смердило от... Салтыкова-Щедрина! Он писал, что в этой пьесе «все от первого до последнего слова не имеет никакого отношения к нашей жизни, к нашей работе, к нашей борьбе».

Надо указать и на другое восприятие спектакля. Часть критики почувствовала в вернувшемся из-за границы Художественном театре новую и освежающую струю. Э. М. Бескин написал, что «старый Художественный театр умер в Америке». «Смерть Пазухина» прозвучала для него по-новому. В спектакле «заговорила щедринская сатира, и заговорила так, как не осмелилась бы раньше говорить» [24].

Сравнивая постановки 1914 и 1923—1924 гг., убеждаешься, что в этом утверждении есть доля истины. Разумеется революционная действительность не могла не оказать своего освобождающего влияния на искусство «старого» Художественного театра. Думается однако, что самый спектакль вряд ли приобрел новые черты. Нельзя предположить, что пребывание в Америке могло заставить «заговорить щедринскую сатиру с неожиданной и новой силой». Это ее звучание идет еще от первых исканий театра в его работе над щедринской пьесой. Не случайно указывал Дневник репетиций на отказ от полутонов. Вспомним и отзыв А. Измайлова, который, пораженный «транспонированием» образов, с недоумением встретил отказ от полутонов и называл в запальчивости и раздражении Художественный театр театром «сценического максимализма». А ведь это писалось в 1914 году!

В сезон 1924/25 г. «Смерть Пазухина» была сыграна МХТ'ом в Москве 28 раз, в гастрольной поездке по провинции — 10. В сезон 1925/26 г.— 11 раз. Последние представления «Смерти Пазухина» во МХТ'е относятся к сезону 1927/28 г.—3 спектакля. Всего, считая и Америку, щедринская пьеса имела 142 представления.

Сценическая история «Смерти Пазухина», кроме постановки во МХТ'е, постановки, наиболее ценной в смысле приближения к стилю Щедрина, знает еще один этап. Это опыт «левого» разрешения, сделанный режиссером ленинградского театра Госдрамы (бывш. Александринский) Л. С. Вивьеном. Спектакль оформлял художник М. З. Левин, декорации и костюмы которого находятся в полнейшем разрыве с традиционным представлением об эпохе, к которой относится пьеса Щедрина, и свидетельствуют опять-таки о той «детской болезни левизны», которой еще не переболел тогда советский театр.

В газетном интервью [25] постановщик рассказывал, что он толкует «Смерть Пазухина» не «как бытовую вещь—спокойного тона исполнения, но как психологически-динамический гротеск, имеющий выявить губительное влияние культа золота на человеческую личность, превращающуюся в какое-то свиное рыло». Опыт превращения пьесы в «психологически-динамический гротеск» потерпел явное крушение. Форма спектакля («левый Левин», играя аллитерацией, писал Аблов) оказалась в полном разрыве и с содер-

Уралов («откупщик»)   Горин-Горяинов («Клеверов»)   В. Н. Давыдов («Свистиков»)

ПОСТАНОВКА ПЬЕСЫ ЩЕДРИНА «ТЕНИ» НА СЦЕНЕ МАРИИНСКОГО ТЕАТРА В 1914 г.

Зарисовки Г. Верейского и А. Маркова. «Театр и Искусство» 1914 г., № 18

жанием щедринской сатиры, и со стилем исполнения. Актеры, еще хранившие воспоминания о старых традициях, в которых «лениво и тускло» исполнялась пьеса в 1893 и 1904 гг., играли в приемах честного бытовизма, а костюмы носили условные. Между исполнением и оформлением был глубочайший разрыв.

Спектакль, сыгранный к тому же в дни наводнения, небывалого со времен, описанных Пушкиным в «Медном всаднике», прошел и мало отмеченным в прессе, и равнодушно принятым публикой.

Он быстро выпал из репертуара Госдрамы.

3

Мы подходим к концу нашего обзора. Остается еще указать в целях исторической полноты, что из инсценировок щедринских произведений на сцене Александринского театра в 1897 г. шел «Рассказ госпожи Музовкиной» в исполнении Стрельской. Возобновление этой пьески, впервые сыгранной еще в 1857 г., было принято с полным недоумением. «Новое Время» самый «рассказ Музовкиной» назвало «глупой болтовней» («Новое Время», № 7795, 8 ноября 1897 г.). Из оригинальных драматических произведений Щедрина на императорских сценах игралось «Утро Хрептюгина» и «Просители». Последняя пьеса шла и на Александринской сцене, и в московском Малом театре. В Малом театре в «Просителях» создал замечательный образ ветхого губернатора из отставных генералов А. П. Ленский. Пьеса была интересно поставлена Н. А. Поповым. На сцене Александринского театра в 1905 г. игрались «Недовольные».

Все эти небольшие пьесы Салтыкова-Щедрина обыкновенно давались для какого-нибудь юбилейного или бенефисного спектакля, репертуар которого обычно складывался из произведений, могущих пробудить особый интерес публики своей своеобразной «новизной». Но настоящего интереса это не вызывало, и сцены Салтыкова-Щедрина, сыгранные ради парадных случаев, немедленно исчезали из репертуара. К числу таких же представлений относится и постановка в 1914 г. только что тогда извлеченной из архива ранней комедии Щедрина «Тени». Спектакль шел в пользу Литературного фонда.

«Тени» были написаны между 1859—1862 г. В изложении исследователей творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина содержание пьесы сводится к следующему: «Всемогущий чиновник — князь Тараканов, повидимому министр — глупый и сластолюбивый старик, решает дела по желанию дамы своего сердца, и в то же время дамы «вольного поведения» Клары Федоровны, которая берет взятки десятками тысяч. Директор департамента Клаверов прежде «либерал», а теперь молодой генерал, вышедший в люди благодаря этой даме «вольного поведения», играет роль сводника при князе Тараканове и поставляет ему в любовницы жену своего товарища и подчиненного Бобырева, свою любовницу. Этот Бобырев, сперва смутно подозревающий, а затем и ясно знающий, в чем дело, в конце концов мирится со всем происшедшим, лишь бы сохранить полученное благодаря жене место у Клаверова и князя. Вот в немногих словах остов этой «драматической сатиры», ясно вскрывающей отношение автора к высшей петербургской бюрократии, быть может вместе с тем и причины невозможности появления этой пьесы в печати».

Любопытна судьба этого спектакля: «Тени» прошли всего один раз. И объясняется это не только тем, что публика приняла пьесу молодого Щедрина равнодушно. Дело в том, что и над этим единственным спектаклем уже нависла возможность цензурного запрета. И цель спектакля казалась подозрительной: Литературный фонд был всегда на подозрении у правительства, с первого дня своего существования, и тема, раскрытая в пьесе, не могла быть сочтена за благонамеренную. Салтыков-Щедрин говорит о нравах бюрократии, он в сатирических тонах живописует воротил бюрократического аппарата. И это не важно, что действие «Теней» относится к 60-м годам. Так ли уж изменились те типичнейшие черты бюрократизма и бюрократов, по которым бьет злая и меткая стрела щедринской сатиры? И не случайно, что «Новое Время» в отзыве своего рецензента выражало недоумение: зачем вытащили из архива эту пьесу, почему не исполнили волю покойника? «Новое Время» обиделось за тех новейших бюрократов,

которые могли найти свои портреты в щедринских персонажах. «Тени» очень недолго шли и в провинции: есть сведения о постановке их в Ставрополе, Севастополе, Симферополе [26].

И не менее характерно, что представители либеральной журналистики оценивали спектакль отнюдь не с точки зрения исторического интереса. Тема Салтыкова-Щедрина оказалась вполне современной. Ф. Д. Батюшков [27] цитировал самого Салтыкова, который писал:

«Мне нет никакого дела до истории и я имею в виду лишь настоящее. Парамоша в «Истории одного города» совсем не Магницкий, но, вместе с тем, NN и даже не NN, а все вообще люди известной партии и ныне не утратившие своей силы».

Вот на этих-то «неутратившиx своей силы» NN'ов и обращала внимание критика, в образах щедринских Таракановых и Клаверовых отыскивая черты лиц из состава «дворцовой камарильи». Неудивительно поэтому, что критика останавливается на той Кларе Федоровне, при которой состоит князь Тараканов. Клара Федоровна — это знаменитая Минна Ивановна, содержанка графа Адлерберга, о которой писал Герцен в «Колоколе» как о «великой клоаке современных гадостей».

Для современников Салтыкова намеки на Клару Федоровну были бы совершенно понятны. Но и зрители спектакля 1914 г. не находили ничего отжившего и невозможного в образе Клары Федоровны. Ведь они были современниками Вырубовой, по воле и капризу которой происходили служебные перемещения, не менее неожиданные, чем в щедринских «Тенях».

Исполнение не оказалось ярким. Критика отмечает Горина-Горяинова в роли Клаверова и Ходотова, игравшего чиновника Бобырева.

Общий вывод — «это было хорошо, но немного скучно».

Постановкой «Теней» исчерпывается обзор, посвященный театральному Щедрину. К какому выводу приходим мы в итоге?

Оригинальные драматические произведения великого сатирика не входят в основной актив русской драматургии. «Смерть Пазухина», имеющая за собой наибольшую сценическую жизнь, ни в коей мере не может быть сравнима ни по внутренней своей силе, ни по яркости своих сценических красок ни с одним из драматических произведений Гоголя, Сухово-Кобылина, не говоря уже об Островском. Даже постановка Художественного театра не продлила жизнь этому лучшему драматическому опыту Щедрина. И, думается, что нет оснований предположить, что «Смерть Пазухина» найдет свое новое театральное бытие. Но это не значит однако, что вопрос о «театральном Щедрине» раз и навсегда разрешен ссылкой на судьбу «Смерти Пазухина».

Совсем недавно возникла чрезвычайно важная и очень сложная проблема театрального прочтения беллетристики классиков. Не случайно, что ведущие театры Москвы и Ленинграда в свой основной репертуар все чаще и чаще включают сценические переработки Гоголя, Достоевского, Бальзака и ряда других мировых классиков.

Выше мы подробно останавливались на работе МХТ-2 над целым циклом произведений Щедрина. Спектакль «Тень освободителя», при всех недостатках композиции своего текста, стал выдающимся в истории этого театра и не только благодаря прекрасному исполнению и глубокой мысли постановщика, легшей в его основу. Значительность спектакля в том, что он давал широкое представление о щедринской сатире. Он вскрывал ряд мотивов, наиболее ярких у Салтыкова-Щедрина.

Опыт московского Художественного театра 2-го, в некотором варианте повторенный спектаклем МХТ-1, совсем недавно поставившего монтаж из произведений Горького,— этот опыт имеет все права на дальнейшее развитие. Огромное наследство Салтыкова-Щедрина, наследство, которым не может не воспользоваться современный читатель и зритель, должно быть использовано театром. Представляются разнообразные формы подхода к Салтыкову-Щедрину для освоения его театром. Но принципиально это всегда будет подходом театральной переработки и инсценировки.

Салтыков-Щедрин еще не раз станет достоянием театра. Весь вопрос в том, как будет разрешена сама проблема прочтения классики и переработки ее для сцены.

Ю. Соболев

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Вольф, Хроника петербургских театров с конца 1855 года до начала 1881 года. СПБ., 1884. Репертуар 1857—1858 гг., стр. 14, а также: «Ежегодник императорских театров», СПБ., 1899 г. Сезон 1897/98 г. «СПБ. русские драматические театры», стр. 163—164.

[2] «Иудушка», комедия в 5 действиях. Переделка (из хроники Щедрина) Н. К. [Н. Куликова].

[3] «Суфлер». СПБ., № 9 от 29 января 1881 г. «История Иудушки».

[4] М. Е. Салтыков-Щедрин. «Неизданные письма» (1844—1882). Изд. «Academia» М.—Л., 1932 г., стр. 78—79.

[5] Там же, стр. 145—146.

[6] «Русские Ведомости» № 297 от 18 ноября 1880 г.

[7] См. авторские книги «Общества драматических писателей» за соответствующие годы (Театральный Музей им. Бахрушина, Москва).

[8] «Иудушка» («Господа Головлевы»). Драматические сцены в 5 действиях по роману «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина). Инсценировка А. Александровича (Ч-на).

[9] «Читатель и писатель» № 14 от 7 апреля 1928 г. «Новый Иудушка».

[10] Сухотин, П. С., По Щедрину. «Тень освободителя», в 4 актах, 39 эпизодах. ГИЗ, 1932 г.

[11] Гроссман, Л., Борьба за стиль. Опыты по критике и поэтике. Изд. «Никитинские субботники», М., 1927 г.

[12] Сведения о кукольном представлении сатиры Салтыкова заимствованы из рукописи статьи Н. Симанович-Ефимовой «Сказка Щедрина на сцене деревенского кукольного театра». Укажем кстати, что эта же сатира послужила темой одной из кукольных интермедий в спектакле «Тень освободителя» МХТ-2.

[13] На провинциальной сцене «Смерть Пазухина» была поставлена несколько ранее. В авторских книгах «Общества драматических писателей» за 1890—1891 гг. зарегистрированы постановки в Самаре, Кишиневе, Керчи, Ярославле, Перми, Одессе.

[14] Называем рецензента — Кугель, ибо инициалы «А. К.» несомненно принадлежат А. Р. Кугелю, в год постановки «Смерти Пазухина» состоявшего основным критиком «Петербургской Газеты» (см. «Литературные воспоминания» А. Р. Кугеля. Изд. «Петроград», 1923 г.). Думается, что и рецензия в «С.-Петербургских Ведомостях», подписанная буквой «К», также принадлежит Кугелю: и анализ пьесы, и в особенности оценка исполнения в обеих рецензиях совершенно тождественны.

[15] Это замечание А. Р. Кугеля очень верно. Кстати напомним здесь характеристику Иудушки Головлева, данную самим Салтыковым-Щедриным: «...не надо думать, что Иудушка был лицемер в смысле, например, Тартюфа или любого современного французского буржуа, соловьем рассыпающегося по части общественных основ. Нет, ежели он и был лицемер, то лицемер чисто русского пошиба, то-есть просто человек, лишенный всякого нравственного мерила и не знающий иной истины, кроме той, которая значится в азбучных прописях. Он был невежественен без границ, сутяга, лгун, пустослов и, в довершение всего, боялся чорта. Все это — такие отрицательные качества, которые отнюдь не могут дать прочного материала для действительного лицемерия».

[16] Речь идет об актере Александринского театра (наст. фам. Оболенский) — не смешивать с известным артистом Малого театра А. П. Ленским.

[17] См. авторские книги «Общества драматических писателей» за 1880—1920 гг.

[18] Это и дальнейшие извлечения сделаны из книги Дневника репетиций, хранящейся в музее МХАТ им. Горького. Приносим Музею благодарность за разрешение пользоваться этим ценным документом.

[19] «Русские Ведомости», декабрь 1914 г. «Смерть Пазухина».

[20] Глаголь, С., Художественный театр. «Смерть Пазухина».— «Голос Москвы», № 279 от 4 декабря 1914 г.

[21] Измайлов, А., Премьера Московского Художественного театра.— «Русское Слово» № 279 от 4 декабря 1914 г.

[22] Homo Novus (Кугель), Спектакль Художественного театра «Смерть Пазухина».— «День» № 121 от 5 мая 1915 г.

[23] Отзывы см. «Tribune» от 10 и 17 февраля 1924 г., «World» от 10, 12 и 13 февраля 1924 г., «Herald» от 12 февраля 1924 г., «Telegraph» от 10, 12 и 13 февраля 1924 г., «American» от 12 февраля 1924 г., «Times» от 13 февраля 1924 г.

[24] Боскин, Э., «Смерть Пазухина» в Художественном театре.— «Новый зритель» № 36 за 1924 г.

[25] Авлов, Гр., «Смерть Пазухина».— «Жизнь искусства» № 39 за 1924 г.

[26] См. авторские книги «Общества драматических писателей» за 1914 г.

[27] Батюшков, Ф., Драматическая сатира М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина) «Тени» на сцене Мариинского театра».— «Речь» № 113 от 27 апреля 1914 г. «Современное Слово» № 2260 от 27 октября 1914 г. «Речь» № 83 от 26 марта 1914 г.

БОРЬБА ЗА ЩЕДРИНА*

ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ САЛТЫКОВА

Статья А. Ефремина
Библиография Нат. Эфрос

Не будет большим преувеличением, если мы скажем, что из русских писателей XIX в. ничья смерть не вызвала такой бури, таких споров, как смерть М. Е. Салтыкова-Щедрина. Смерть Пушкина потрясла верхушку дворянской либеральной интеллигенции. Кончина Некрасова родила уже демонстрацию демократических слоев Петербурга. О похоронах Достоевского дочь его с умилением рассказывает: «Когда гроб, наконец, приблизился к монастырю [Александро-Невская лавра], монахи вышли из главных ворот и пошли навстречу... подобную честь они оказывали лишь царям»...[1] Смерть Тургенева вызвала прокламацию народовольцев. У могилы Салтыкова-Щедрина произошла доподлинная свалка представителей различных групп и направлений.

Кто же откликнулся на смерть Салтыкова-Щедрина?

Прежде всего отметим, что официальные круги, начиная от министерства народного просвещения, совсем не отозвались на смерть гениального сатирика. Как могло это министерство отметить смерть ненавистного Щедрина, если во главе ведомства стоял И. Д. Делянов, действовавший по указке святейшего синода и департамента полиции, многолетний соратник графа Д. А. Толстого, следовавший во всем по стопам своего бывшего шефа? К этому надо добавить, что пресса находилась под небывалым гнетом, а начальником Главного управления по делам печати был в это время Е. М. Феоктистов (с 1883 по 1896 г.), который, по словам его жены, «занял пост начальника по делам печати единственно с тою целью, чтобы раздавить такую гадину, как «Отечественные Записки» [2],— а редактором «Отечественных Записок» с 1868 г. по год закрытия журнала состоял М. Е. Салтыков-Щедрин. Разумеется Е. Феоктистов не открывал своих замыслов Щедрину. В марте 1884 г., т. е. накануне запрещения «Отечественных Записок», Щедрин сообщает Н. К. Михайловскому: «Я был у Феоктистова, который принял меня крайне вежливо. Говорил я с ним много и изобильно, и он сам наконец вызвался, что ни к каким мерам относительно «Отечественных Записок» не прибегнет, не войдя предварительно в соглашение со мной»...[3]

А в апреле «Отечественные Записки» были запрещены навсегда.

«Временные» правила с их карательной санкцией после трех предостережений и с прекращением издания навсегда по приговору четырех министров в течение двадцати лет терзали российскую печать, вплоть до 1905 г. Это была эпоха, когда созвездие гр. Д. А. Толстого, М. Н. Каткова и К. П. Победоносцева находилось в зените. Большая часть прогрессивных органов была задушена, в числе их первой жертвой оказались «Отечественные Записки».

Официальные власти, ведавшие просвещением и литературой, не только не помогали, но всячески препятствовали тому, чтобы смерть Щедрина получила какой бы то ни было отклик. Но резонанс все же получился значительный, он прорвался сквозь ро-

---

* Данный обзор написан А. В. Ефреминым на основании архивных (неизданных) и библиографических материалов, собранных редакцией «Литературного Наследства».
Редакция.

гатки правительственной цензуры и получил выражение в активности прессы, в телеграммах, в панихидах и пр., и пр. На что уж больше: в заседании Петербургской городской думы от 2 мая городской голова сенатор В. И. Лихачев [4] распинался и доказывал, что городская дума (составленная, как это понимает всякий, из представителей крупнейшего домовладения и фабрикантов) имеет нечто общее с почившим сатириком (!), что дума скорбит, что дума никогда не забудет Щедрина, она гордится, что великий писатель жил в Петербурге, и пр., и пр. Почитали вставанием и посылали телеграммы и другие органы городского и земского самоуправления, и общества присяжных поверенных, и пр. Впрочем надо оговориться: огульного доверия в данном случае оказывать не следует. Так, петербургский корреспондент газеты «Новости Дня» в номере от 7 мая 1889 г. сообщает, в связи с описанием обеда, устроенного петербургскими присяжными поверенными, что на обеде... произносились юдофобские речи...

Обо всем этом будет более подробно говорено ниже. Покуда же отметим, что отклик был очень значительный, если помнить драконовские правительственные репрессии десятилетия 80-х годов. Не осталось в России почти ни одного органа печати, который бы не отметил так или иначе смерть Щедрина. Московская ланинская [5] газета «Русский Курьер» писала: «За несколько дней о Щедрине написано столько, что если бы собрать все это вместе, составилась бы не одна книга». Были газеты, которые печатали о Щедрине целые полосы, печатали в течение долгого времени статьи, некрологи, воспоминания, стихи, фельетоны, исследования, полемику и пр. Наибольшее внимание Щедрину посвятила газета «Новости». Об этой газете будем еще говорить впереди. Но вот например «Русские Ведомости» печатали материалы о Щедрине с 29 апреля по 9 июня, т. е. в течение почти 1½ месяца; тоже «Русский Курьер» — с 30 апреля по 12 июня; газета А. Липскерова «Новости Дня» (Москва) — с 29 апреля по 16 июня и даже провинциальный «Южанин» (Николаев) — с 30 апреля по 7 июня.

Если подвергнуть осмотру провинциальную прессу и присланные телеграммы, то станет ясным, что откликнулись все города от Поневежа до Томска и от Астрахани до Ялты (по алфавиту).

Следует однако отметить, что отзывы не всегда были сочувственные: «Лишь две-три газеты,— отмечала пресса,— шли не в ногу с общим мнением и встали на противоположную точку зрения»... Но это замечание явно не соответствовало действительному положению вещей. Газет, ополчившихся против Щедрина, иначе говоря, против наследия великого сатирика, было значительно больше, нежели две-три: «Московские Ведомости», «Новое Время», «Гражданин», «С.-Петербургские Ведомости», «Петербургская Газета», «Свет», «Киевлянин», «Южный Край» — это наиболее яркие антагонисты Щедрина. О чем они писали и как они писали, об этом скажем ниже. Надо только помнить, что это была самая темная пора журналистики, та пора, о которой Влад. Соловьевым сложен экспромт:

Наказана ты, Русь, всесильным роком,
Как некогда священный Валаам.
Заграждены уста твоим порокам,
И слово вольное дано твоим ослам.

* * *

Не отметить смерть Щедрина было трудно при том резонансе, который получился. Вот почему даже «Московские Ведомости» не могли молчать, хоть и пытались отмалчиваться. Пытался отмалчиваться и «Гражданин», и др. Впрочем молчание вскоре сменилось руганью. Одни ругались открыто, другие соблюдали декорум. Некоторые пытались снизить значение Щедрина фальшивыми восхвалениями. Приводим тому типичный пример: «Без преувеличения можно сказать, что не только в русской, но и в современной европейской литературе не было столь выдающегося сатирического писателя. К сожалению, на развитии громадного таланта Щедрина сказалось не особенно благоприятно сотрудничество в журналах и сближение с деятелями известного направления»...

Писал это «Рижский Вестник» (№ 95 от 29 апреля 1889 г.) — газета провинциальная. Но и в руссификаторских органах сидели доки. И вот интересно, что провинциальная Рига в этом смысле опередила столичных зубров из реакционных газет и журналов. Приведенный мотив в сущности будет повторяться не только в «Киевлянине», но и в «Московских Ведомостях», и в «Гражданине», и в «Новом Времени». Именно то, что сделало Щедрина великим,— сотрудничество в левых журналах (в каких журналах! в «Современнике» и в «Отечественных Записках») и близость к деятелям известного направления, иными словами, близость с революционерами-народниками 70-х годов,— это-то именно не нравится реакционерам. Великих учителей социализма мы находим в числе самых внимательных читателей Щедрина: Карл Маркс,

Прошу объявления (во „Новом Времени", „Новостях" и „Русских Ведомостях" — повторить в Моск. ведомостях).

Такого-то числа и. Скончался литератор М. Е. Салтыков (Щедрин). Погребение там-то и тогда-то.

ПРОЕКТ ОБЪЯВЛЕНИЯ О СВОЕЙ СМЕРТИ, СОСТАВЛЕННЫЙ САМИМ САЛТЫКОВЫМ

Автограф относится к февралю 1889 г.

изучая русский язык, читал Щедрина в подлиннике; Ленин неоднократно цитирует сочинения М. Е. Салтыкова; Сталин пользуется сатирическими образами Щедрина при разоблачении оппортунизма... Творения великого писателя были оплодотворены непримиримой борьбой с самодержавием. Это именно и создало ему невиданную популярность в кругах прогрессивной молодежи. Только смерть обнаружила, насколько широко почитаем был Щедрин. Из самых отдаленных городишек и захолустий приходили известия о скорби и сожалении.

Смерть писателя вызвала разнообразные отклики. Служили панихиды, возлагали венки[6], посылали телеграммы, писали некрологи, произносили речи, где это было разрешено; присылали сочувственные письма семье и в редакции газет и журналов, писали стихи, печатали и продавали фотографические портреты и снимки, выставляли в окнах магазинов художественные портреты писателя[7], собирали пожертвования в фонд имени Салтыкова-Щедрина, организовывали сборы на стипендии его имени, сборы на памятник ему, печатали первые юношеские стихи и переводы Салтыкова, помещали в прессе отзывы об его сочинениях, статьи о его творчестве, воспоминания, исследования,

выпущены были специальные брошюры-биографии в Одессе, в Москве, в Петербурге [8] и пр., и т. п.

Все это застало представителей власти врасплох [9]. В сущности никто из них не знал, как себя вести. Посему в некоторых случаях на панихиде присутствовали местные власти и даже генерал-губернатор, как например в Одессе [10]. И тут же, в Одессе, не было разрешено устроение литературного траурного вечера, т. е. не то, чтобы не было разрешено, но были приняты меры, чтобы его оттянуть по возможности на более долгий срок, а московский полицмейстер запретил даже публикацию о смерти Щедрина. Вот как рассказывает об этом Владимир Розенберг: «Хоронили Щедрина в Петербурге 2 мая. В тот же день решено было отслужить по нем панихиду в одной из московских церквей. Об этом было объявлено и от редакции «Русских Ведомостей» 30 апреля в отделе публикаций «Русских Ведомостей». Предполагали повторить объявление на следующий день, но не пришлось, потому что, когда объявление пошло на цензуру к оберполицмейстеру, сей сатрап перечеркнул текст, написав на корректуре буквально следующее: «Редакция может служить панихиды без объявлений»... («Русские Ведомости» 1863—1913. Сборник статей, стр. 215).

Что представляют собой в смысле общественном 80-е годы — это достаточно известно, чтобы стоило повторяться. Проследим по телеграммам, какие общественные организации заявили о себе в документах на смерть Щедрина. Сюда входят: Славянское благотворительное общество (Одесса), Общество вспомоществования литераторам и ученым (Одесса), Общество изящных искусств (Одесса), Общество присяжных поверенных (Одесса), Совет саратовского литературного фонда (Саратов) [11], Тверская ученая архивная комиссия (Тверь), Общество культурных врачей [12], Казанское русское соединенное собрание (Казань) [13] и С.-Петербургское общество любителей игры на балалайках (С.-Петербург). Вот и все общества! Приведенный перечень — ярчайшее свидетельство той «вулканической» общественной деятельности, которою ознаменовалось либеральное движение эпохи.

Н. В. Шелгунов в «Русской Мысли» подводит итоги журналистского «кипения» 1889 г. и цитирует провинциальную газетку,— «выражается» газетка решительно: «Дурак пришел. Как это ни прискорбно, но это так. Дурак — он был и раньше, но то был дурак особенный, дурак мягкий, дурак покладистый, дурак, подчинявшийся разным веяниям, дурак, оглядывающийся по сторонам... одним словом либеральный дурак. Теперь пришел дурак особенный, он называет себя «консервативным», но и это неправда, ибо консерватизм нечто предполагает, отправляется от некоторых идей. Но теперешний дурак ничего этого не признает. Если же и прибегает к членораздельной речи, то единственно, чтобы высказать какую-нибудь пакость... Вот какой дурак пришел... И вы начинаете сомневаться в будущем,— жалеть о прошлом.— «Либеральный дурак! где ты? — восклицаете — откликнись!» Но либеральный дурак не откликается, он запуган»... [14]

Насколько убога была общественность либерального лагеря, можно судить и по тексту документов. Ниже мы приведем несколько телеграмм и писем, они достаточно характерны.

Кто же составлял главный контингент подавших голос?

Сюда прежде всего относятся редакции провинциальных газет. Перечислять их все нет ни возможности, ни надобности. Для сего понадобилось бы составить библиографическую опись. Назовем лишь некоторые наиболее характерные. Прислали телеграммы следующие редакции: «Русская Мысль», «Русские Ведомости», «Екатеринбургская Неделя», «Орловский Вестник», «Северный Кавказ», «Курский Листок», «Мшак» (армянская газета) и др.

Далее следуют телеграммы и венки от студенчества: от студентов Киевского университета, Новороссийского университета (в Одессе), от студентов Московского университета (несколько телеграмм), Харьковского университета, Новоалександрийского института сельского хозяйства (28 подписей), от студентов Рижского политехникума, Харьковского технологического института, Харьковского ветеринарного института, от студентов Демидовского лицея (в Ярославле), от московских студентов-южан (земля-

чества), от студентов-вятичей (тоже), от русских студентов в Берлине, от студентов историко-филологического факультета Московского университета (24 подписи), от студентов поляков и литовцев Киевского университета и т. д.

Затем следуют телеграммы от читателей и почитателей [15]. Мы не будем здесь приводить телеграмм от отдельных лиц. Упомянем лишь групповые, коллективные телеграммы. Вот они: получены телеграммы от харьковских профессоров, от дирекции миргородской общественной библиотеки, от херсонской общественной библиотеки, от кишиневских земских врачей. Затем следуют телеграммы за подписью: одесские учительницы-еврейки (34 подписи), московские фельдшерские ученицы, московские фельдшерицы, одесские учителя и учительницы, одесская молодежь и пр.

Особо надлежит выделить телеграмму от ссыльных из Березова — о ней будет речь ниже.

Затем идет множество телеграмм от читателей и почитателей,— так они и подписаны: читатели или почитатели. Такие телеграммы присланы из далекого Поневежа и Майкопа, из тихого Миргорода, Белой Смоленской, от новозыбковских читателей (33 подписи), от омских почитателей, от симферопольских, от абастуманских, от екатеринодарских, от пермских, от тамбовцев, от тверян (21 подпись), из Владимира (32 подписи), от уфимских почитателей, от рязанских, от харьковских, от московских (несколько телеграмм), от кутаисских, от казанских (две телеграммы) и т. д.

Телеграммы эти характерны. Вот одна из них:

Телеграмма

Петербург, в редакцию «Вестника Европы»
из Одессы 1 мая 1889 г.

Глубокая скорбь семьи М. Е. Салтыкова, русской литературы, общества по поводу тяжелой утраты встречает сочувственный отклик среди одесской учащейся молодежи, лишившейся в усопшем сатирике гуманного учителя апостола великих начал истины и справедливости, который служил всю многострадальную жизнь, которая постарается служить по завету покойного считающей честью быть его учеником.

Прогрессивная часть одесской учащейся молодежи.

Телеграф напутал; депеша получилась немножко сумбурной, но искренность чувствуется в приведенном документе: этого никто не станет отрицать. Юные податели телеграммы законспирировались. Видимо гимназисты стеснялись своей казенной тужурки и назвали себя: учащаяся молодежь. А возможно, что они опасались репрессий.

Приводим телеграмму от большого коллектива московских читателей.

Телеграмма

Петербург, Литейный 62, вдове Салтыковой
из Москвы 30 апреля 1889 г.

Не успели мы отправить на почту выражение глубокой скорби о болезни дорогого незабвенного Михаила Евграфовича, как телеграф известил нас что нестало этого человека опять эта вечная насмешка судьбы над светлыми сладкими надеждами людей если мы тогда так скорбели о болезни покойного то представьте себе то чувство искреннего горя какое наполняет наши сердца случаю потери дорожайшего учителя путеводителя по тяжкой дороге к светлым идеалам.

Сто тридцать человек.

Современный молодой советский читатель взглянет мельком на цифру сто тридцать человек и скажет: — Да, много народу. Но надо вспомнить об условиях тех реакционных лет, когда дать подпись под коллективным документом было подвигом, а сбор подписей — чуть не государственным преступлением.

Каков состав подписавшихся? Этого мы часто не знаем, фамилии ничего не говорят. Иногда, наоборот, мы легко узнаем в составе подавших телеграмму известные имена. Прилагаем другую телеграмму от москвичей:

Телеграмма

Петербург, Вестник Европы, Стасюлевичу для передачи
Салтыковой из Москвы 2 мая 1889.

Примите и наше выражение глубокой скорби о невозвратимой потере дорогого человека.

Златовратский, Нефедов, Попов, Кичеев, Петр Костарев,
Тимофеев, Митропольский, Архангельский.

Н. Н. Златовратский и Ф. Д. Нефедов — известные беллетристы-народники, Н. П. Кичеев — сотрудник «Московского Листка» и редактор журнала «Будильник» и т. д.

Приводим текст телеграммы из Нижнего Новгорода.

От Нижегородских читателей

Телеграмма

Стасюлевичу из Нижнего 1 мая 1889 г.

Глубоко опечаленные скорбной вестью смерти великого русского писателя так долго и так доблестно работавшего для русской литературы для русской совести и мысли мы просим передать людям лично близким к покойному наше искреннее сожаление об этой утрате посылая последнее прости любимому писателю мы верим что не останутся бесплодными великие заветы которые дает нам эта благородная жизнь полная непрерывного труда и борьбы и эта честная смерть на своем посту с пером в руках над работой до последнего издыхания.

Депеша скреплена сто двумя подписями,—все это общественные деятели, писатели, газетные сотрудники, ссыльные и пр. Телеграмму организовали без суматохи, фамилии подписавших расположены в алфавитном порядке.

Среди подписавшихся — целый ряд знакомых имен. Здесь Владимир Галактионович Короленко, который, отбывши ссылку в Глазове, в Березовских Починках, в Перми, в Восточной Сибири, поселился в Нижнем-Новгороде. Здесь был и С. Я. Елпатьевский. Среди подписавших телеграмму находим Николая Елпидифоровича Петропавловского (Каронина), который, отбывши заточение в Петропавловской крепости и сибирскую ссылку, жил в Нижнем-Новгороде под надзором полиции. Не может не заметить читатель подписи Александра Александровича Ольхина, автора стихотворения «У гроба», известного защитника по политическим процессам, отбывшего вологодскую и пермскую ссылку и поселившегося в Нижнем. На первом месте значится Николай Федорович Анненский, который после арестов по нечаевскому делу, по соловьевскому покушению, после сибирской ссылки руководил статистической работой в нижегородском земстве.

Нижегородская эта публика в большинстве поселилась в Нижнем не своею охотой, а поневоле, потому что в столицах жить не дозволялось. А вот приводим телеграмму от группы ссыльных, непосредственно из места сибирской ссылки, из затерянного в тундрах Березова. Письмо адресовано Михаилу Матвеевичу Стасюлевичу, в органе которого («Вестник Европы») печатался с 1884 г. Салтыков-Щедрин.

Милостивый Государь,
Михаил Матвеевич!

Только теперь в нашу глушь пришла печальная весть о кончине Михаила Евграфовича Салтыкова.

Глубоко почитая великого писателя, редактора журнала, на чтении которого мы воспитывались, мы просим Вас выразить семейству покойного наше соболезнование.

Г. Березов, Тобольской губ.
1889 г. 22-го мая.

Н. Фролов, Н. Круговский, Н. Флеров, А. Бородзич, Л. Бородзич-Ананьина, Л. Коллегаев, А. Коллегаева, Г. Борозяков.

САЛТЫКОВ В ГРОБУ
Фотография Н. Козлова
Публичная Библиотека, Ленинград

Все подписавшиеся — политические ссыльные, по суду и без суда высланные в Западную Сибирь.

Здесь все ясно. «Журнал, на чтении которого мы воспитывались» — это «Отечественные Записки», которые «Московскими Ведомостями» были названы органом «легального террора».

Иногда анонимная коллективная телеграмма показывала уголок своего группового лица одной единственной подписью. Вот телеграмма от московского студенчества:

Телеграмма

Стасюлевичу для Салтыковой
из Москвы 2 мая 1889 г.

Московское студенчество собравшись нынче на панихиде почтить память незабвенного Михаила Евграфовича шлет вам свои искренние сожаления. Да послужит вам утешением то что с вами скорбит вся русская интеллигенция.

Ашешов.

Николай Петрович Ашешов, в то время студент-юрист, — позднее прогрессивный журналист.

Студенты изо всех городов слали телеграммы, венки, письма, адреса. Не только из русских городов: из Берлина, из Парижа. Вот телеграмма от русских студентов Гейдельбергского университета.

Телеграмма

Петербург, в редакцию Вестника Европы
из Гейдельберга 2 мая 1889 г.

Русские студенты Гейдельбергского университета присоединяются глубокому горю

постигшему семью незабвенного Михаила Евграфовича Салтыкова и нашу дорогую родину.

Или вот другая:

Телеграмма

От русских студентов Горной Академии во Фрейбурге
Петербург в редакцию Вестника Европы Салтыковой.

Русские студенты Горной Академии в Фрейберге просят вас принять выражение их глубокого сочувствия к огромной утрате понесенной всей Россией в лице вашего незабвенного мужа.

Помещаем телеграмму из Цюриха, подписанную «Русская колония в Цюрихе». Из кого состояла «колония» — ясно для всякого. Это были студенты и студентки, политические эмигранты, «нелегалы», лица, которым был закрыт доступ в российские высшие школы, и пр. и т. п.

Вот эта телеграмма:

Телеграмма

От русской колонии в Цюрихе (перевод)
В редакцию Вестника Европы Салтыковой
Оберштрассе Цюрих 2 мая 1889 г.

Вместе с вами и всею интеллигентною Россией глубоко скорбим об утрате дорогого учителя Михаила Евграфовича.

Русская колония в Цюрихе.

В среде русских студентов в Швейцарии смерть Салтыкова-Щедрина была отмечена учреждением читальни его имени «Leseverein namens M. E. Saltykoff». Ферейн обращался к русским писателям и ученым с просьбой присылки книг. Приводим такое письмо, найденное в архиве Н. К. Михайловского и адресованное к нему:

Письмо члена администрации Leseverein'a namens M. E. Saltykoff в Bern'e (подпись неразборчива):

Милостивый государь
Николай Константинович.

В прошлом году, после смерти М. Е. Салтыкова, была основана в Берне читальня его имени. Несмотря на самое живое участие, которое принимают в читальне как члены-учредители ее, так и подписчики, все-таки она не располагает в настоящее время достаточными средствами, а поэтому до сих пор, несмотря на неоднократно выражаемое со стороны подписчиков желание иметь в читальне Ваши произведения, не могла удовлетворить его. Так как, с одной стороны, в ближайшем будущем читальня не может рассчитывать на какие бы то ни было особенные доходы, а с другой — в Ваших сочинениях чувствуется настоятельная необходимость, поэтому члены и подписчики поручили мне как члену администрации обратиться к Вам с покорнейшей просьбой: не найдете ли Вы возможным прислать в читальню Ваши произведения, если не даром, то с значительной уступкой.

Адрес Ферейна — Muttenstrasse, № 28.

Приводим письмо, адресованное семье покойного М. Е. Щедрина — его жене и детям:

От Русского научного общества в Берлине.

4 мая 1889 г. Берлин

Высокопочитаемые и России дорогие Елизавета Аполлоновна, Константин Михайлович и Елизавета Михайловна.

Глубоко скорбя по поводу слишком ранней для России кончины Михаила Евграфовича, «Русское Научное Общество в Берлине» просит позволения присоединить к выраженному Вам всей мыслящей Россией соболезнованию и свое сочувствие, не менее задушевное, искренне-сердечное. Велика понесенная Вами и Россией утрата, велико русское горе, столь же велики любовь и почитание, питаемое к памяти бессмертного

сатирика всею интеллигенцией России, в особенности русской учащейся молодежью. Вместе с Вами осиротела и «Молодая Россия»... Вам, самым близким и дорогим великому покойнику, да будет в Вашем великом горе утешением сознание, что не только в России, но и вне ее, повсюду, куда судьба ни загнала русских, смерть обожаемого Щедрина искренне оплакивается горячими его почитателями, которые дают у дорогой могилы обет свято беречь оставленное им наследство, благоговейно лелеять идеалы, которым великий Щедрин поклонялся. Мир праху его.

Максим Веллер
Председатель «Русского Научного Общества».

Из-за границы перенесемся в отсталую Русь, в захолустье, в древний нищий Стародуб:

Телеграмма

От Стародубской еврейской молодежи

Петербург, в редакцию Вестника Европы. Из Стародуба 3 мая 1889 г.

Разделяем великую скорбь земли русской оплакиваем дорогого Михаила Евграфовича Салтыкова. Вечная память сеятелю правды.

Еврейская читающая молодежь Стародуба.

Разве можно пройти мимо такой телеграммы:

С.-Петербург. Вестник Европы. Стасюлевичу.
Из Рославля. 3 мая 1889 г.

Глубоко скорбим о незаменимой утрате для русской литературы нашего великого сатирика.

Обыватели.

Рославльские обыватели самоотверженно относят себя в ту группу, которая составляла объект сарказма великого писателя. Салтыков-Щедрин не переставая бичевал российского обывателя.

В щедринском «Уставе о свойственном градоправителю добросердечии» параграф третий гласит: «Всякий градоправитель приходящего к нему из обывателей да выслушает; который же, не выслушав, зачнет кричать, а тем паче бить — и тот будет кричать и бить втуне»... «Посему, — гласит восьмой параграф, — казнить, расточать или иным образом уничтожать обывателей надлежит с осмотрительностью». Вот этот-то обыватель, которого бьют втуне, коего казнить, расточать и уничтожать надлежит с осмотрительностью, а он, — заметьте, — сему не препятствует, терпит, — вот этот-то обыватель, начиная с 70-х годов, становится мишенью щедринского смеха. Сатирик смеется над запуганным обывателем, над премудрым пискарем. А пискарь все это понимает и — в своей юдоли — питает благодарность к пробуждающей проповеди сатирика. Рославльские обыватели в данном случае выразили мнение целой группы, очень многочисленной, далеко выходящей за пределы маленького захолустного Рославля. Телеграмма рославльских обывателей не вызовет смеха: она заставляет задуматься, она показывает обывателя в его росте, ибо обыватель, понявший, что он — обыватель, уже не настоящий обыватель. Телеграмма эта искренняя, она составляет ценный исторический памятник, она при всей своей скромности должна была быть замеченной.

Среди множества писем, телеграмм, посланий, адресов и пр. были разумеется и претенциозные, саморекламные, истинно-обывательские, принадлежавшие перу Балалайкиных. Приводим образчик:

29 апреля 1889 г. Одесса.

Глубочайшая, невыразимая скорбь!

Боже, дай силы мне вынести это ужасное горе! Я не в силах удержаться от слез, — грудь разорвется на части!

Россияне! Преклоните колени, облекитесь в траур, плачьте, рыдайте, рыдайте без конца. Нестало величайшего сына земли русской, нестало самого дорогого писателя

Михаила Евграфовича Салтыкова. Нет! Такие люди не должны умирать, — они должны жить вечно! Как тому легендарному равви, которому продлили жизнь чужими годами, мы должны были отдать свою жизнь за удвоение века нашего гениального сатирика. Ох! Мы преступны: мы «шмыгали в подворотню» и не сберегли нашего сокровища, нашего единственного глашатая правды, жегшего своим глаголом сердца. Злая смерть сокрушила нашего великого, незаменимого учителя. Мир праху твоему, светлый гений! Да взойдет посеянное тобою семя, да воплотятся твои идеалы в жизни, да будет имя твое вечно!

Начинающий литератор Н. С. Рашковский.

P. S. «Не говорите мне — он умер.
Он еще [sic!] живет.
Пусть жертвенник разбит —
Огонь еще пылает;
Пусть роза сорвана —
Она еще цветет,
Пусть арфа сломана
Аккорд еще рыдает».

Надсон.

Во имя Христа покорнейше прошу прочесть на могиле незабвенного, дорогого Покойника, как последний и священный долг.

Le même [sic!]

* * *

Нельзя не отметить еще одной формы почитания памяти великого сатирика, выразившейся в служении панихид.

Панихида была единственно-мыслимая форма массовых собраний, — других форм не разрешала остервеневшая реакция. Панихиды — такова логика событий (и этот парадоксальный факт симптоматичен) — привлекали атеистическую молодежь. Смотри описание состава «молящихся». Вот что пишет Д. Л. Мордовцев («Новости» № 119 от 2/V 1889 г.): «Я не помню, чтобы когда-либо панихиды по усопшим привлекали такие массы молящихся, какие стекаются в эти дни на печальное и трогательное поминовение М. Е. С—ва».

А вот как рассказывают о том же хроникеры: «Лишь только стала составляться процессия, студенты, технологи, медики и др. образовали живую цепь у гроба...» «Масса публики сплошь заслоняла улицы на большом протяжении, прекращая движение конок, экипажей и пешеходов... В первые минуты после того, как двинулась процессия, пел только хор певчих. Но вскоре затем организовался сперва один, потом другой хор из следовавших за гробом людей, преимущественно из молодежи. Публика теснилась, несколько человек начинали петь «Святый боже», пение подхватывали другие и составлялся большой импровизированный, но стройный хор»...

Все ясно. Пела студенческая молодежь, — люди, очень равнодушные к религии, но неравнодушные к идеям, вдохновлявшим Щедрина.

6 мая 1889 г. московский корреспондент «Новостей» сообщал: «День погребения в Петербурге тела М. Е. С—ва ознаменовался в Москве целою сериею панихид... В церкви Вознесения на Никитской были отслужены заупокойная литургия и панихида. Уже к началу вся церковь была переполнена... здесь были профессора, учителя гимназий, литераторы и сотрудники газет, общественные деятели и большая толпа воспитанников высших учебных заведений. Во время панихиды не только вся церковь, но и улица во всю ее ширину были заняты сплошною толпою, в среде которой преобладали студенты»...

«Студенты были в числе молящихся», сообщают хроникеры. Собирались же они совсем не для молений. Хроника продолжает: «Но еще многолюднее была панихида, отслуженная в церкви Дмитрия Солунского по желанию студентов унив-та, Петровской Академии, техников и бывших слушательниц Высших женских курсов»...

Столько же народу — и того же народу — было и. в университетской церкви. Короче, выходило так, что главный контингент составлялся из студентов. Надо иметь в виду, что день похорон был дождлив и ненастен, и все же похороны собрали многотысячных почитателей на панихиды.

В деле департамента полиции «О чествовании памяти умершего литератора М. Е. Салтыкова» находим свидетельства тому, что власти трезво расценивали значение панихид. Вот тому доказательство. Приводим документ, адресованный министру государственных имуществ М. Н. Островскому:

Товарищ М-ра
Заведующий (Полицией).

Конфиденциально

Его ВП-ву М. Н. Островскому.
М. Г. Михаил Николаевич,

Из имеющейся в М-ве Вн. Д. переписки усматривается, что 30-го минувшего апр. в церкви Петровской Земледельческой Академии отслужена была литургия и панихида по умершем писателе Салтыкове (Щедрине), в присутствии [причем всего собралось] около 150 [человек] студентов и некоторых [других] имеющих с ними общение неблагонадежных лиц [На означенной панихиде]. В церкви присутствовали также инспектор студентов и чины местной полиции, полагавшие что [панихида] будет отслужена панихида по [почившем] скончавшемся М-ре Вн. Д., а не писателе-Салтыкове. Вместе с тем на собранные студентами Академии по подписке 100 р. приобретен был венок, отвезенный студентами князем Кугушевым, Шацким и Колокольцевым в СПБ для возложения на гроб Салтыкова. Как панихида, так и сбор денег на покупку венка не были, по имеющимся указаниям, разрешены Академическим начальством.

Сообщая об изложенном на усмотрение Вашего [му] В. Пр-ва[у] [для сведения], им. ч. пок. прос. Вас М. Г. принять уверения в от. почт. и пред.

Подп. Н. Шебеко.

№ 1603 7 мая 89.

[Копия (отпуск) письма; слова заключенные в прямые скобки в рукописи зачеркнуты.]

ДОМ № 62 ПО ЛИТЕЙНОМУ ПРОСПЕКТУ В ПЕТЕРБУРГЕ, В КОТОРОМ ЖИЛ С 1876 г. И УМЕР САЛТЫКОВ

Панихиды в других городах вызвали тут же реакцию. Так, в упомянутом деле департамента полиции хранится секретный доклад начальника Казанского губернского жандармского управления от 8 мая 1889 г., № 442. В докладе сообщается, что студенты сорганизовали панихиду, но поп, испугавшись, отказался ее служить. Чего ж он испугался? «Увидев среди присутствовавших в церкви довольно значительное число студентов»...

То же произошло и в Рязани. Приводим подлинный документ:

Секретно

Начальник Рязанского
губернского жандармского
управления июля 14 дня
1889 г.
№ 511
г. Рязань

В сороковой день кончины Салтыкова в г. Рязани была отслужена панихида почитателями покойного и с того же дня начался сбор между ними в пользу литературного фонда, на образование капитала имени Салтыкова. Сбор этот производили, как дошло до моего сведения, врач Баженов и Ижевский. Сколько собрано вышеозначенной подпиской денег, куда они отправлялись и все ли они поступили согласно указанного назначения — неизвестно. Теми же лицами после панихиды по случаю кончины Салтыкова тоже произведен сбор на приобретение венка на гроб Салкова.

Оба сбора производились без всякого разрешения, о чем имею честь донести Департаменту полиции.

Полковник (подпись неразборчива)

[На полях чернилами: «к своду», карандашом: «к делу». Фамилии врачей подчеркнуты красным и синим карандашом.]

Столичные сыщики были более решительны: проектируемую панихиду демонстративного характера они называли просто сборищем (ведь панихида еще не состоялась). Вот характерный документ:

Дознано, что 28 сего Октября по случаю полугодового дня кончины писателя Салтыкова, на Волковском кладбище предполагается сборище учащейся молодежи высших учебных заведений, с целью как присутствования на панихиде по Салтыкове, так и выражения сочувствия по случаю кончины Чернышевского.

Полковник (подпись)

27 октября 1889 г.

[На полях пометка рукой петербургского градоначальника:

Доложить Г. Директору Департамента (подпись и дата 27/X).]

Если форма общения выразилась у нас в те тяжелые годы в виде массовых панихид, то это понятно. Но вот газета «Новости» сообщает, что «в Париже русская колония и кружок художников намереваются отслужить панихиду»...

Пусть не удивляется читатель. Русский либерал, даже находясь за границей, не мог решиться на иное выступление. Политическую трусость либерала лучше других понимал Щедрин. Он писал, что «даже в участке, в графе «чем занимается», либерал прописан как человек: «всего опасающийся». Сатирик изображал, что он увидел, заглянув в квартиру современного русского либерала... «Увы! он сидел у себя в кабинете один... и тревожно прислушивался...»

Перепуганного на смерть либерала хватило только-что на панихиды — в Париже[16], как и в Оханске или в Ишиме.

Яркую и не предвзятую характеристику российскому либерализму дает в связи с кончиной Щедрина знаменитая Софья Ковалевская. Софья Ковалевская, читавшая математику в Стокгольмском университете, находилась в момент смерти Щедрина в Париже. Ей было поручено организовать посылку венка на могилу Щедрина. Вот как она рассказывает об этом в письме к М. М. Ковалевскому.

«Дорогой Максим Максимович. Вчера вечером пришла, наконец, корректура первого листа Ваших лекций. Я ее просмотрю и отошлю к Иоганну Лефлеру, который, сравнив ее с той, которую получит от Вас, отдаст ее в печать. Лефлер пишет, что печатание не окончится раньше, как к осени.

Вы ругаете шведов, а я в настоящую минуту преисполнена негодования на русских и на их безграничное холопство. Третьего дня Де-Роберти и наш старый друг пришли ко мне и на основании того, что я якобы пользуюсь большой популярностью в русской колонии, стали просить меня, чтобы я взяла на себя инициативу устроить подписку-венок Щедрину и послать сочувственную телеграмму его вдове от имени различных русских кружков в Париже.

По легкомыслию, свойственному не одной только юности, я охотно взяла на себя это поручение. Мне казалось, чего проще и невиннее, как изъявить, что мы все жалеем о смерти великого и вполне легального писателя. Ан оказывается-то, что это не так просто, что и в этом можно усмотреть потрясение основ.

Какую массу пошлости я насмотрелась в эти два дня, вы представить себе не можете. В результате почти полная неудача, усталость, неимоверная досада на самое себя, зачем я связалась с этими пошляками, и почти физическое ощущение, что я эти два дня провозилась с чем-то очень неопрятным. В будущую субботу (на 12-й день по смерти Щедрина, не слишком ли рано?) соберется комитет, в котором будет участвовать Боголюбов и Котцебу, чтобы обсудить, имеем ли мы право жалеть о его смерти!

Нет, как хотите, русские как нация никуда не годятся. Я хотела послать телеграмму от частных лиц, но нас не набралось и 10. Ваш милый друг Вырубов не считает себя в праве выразить свое сожаление о смерти Щедрина, ибо он теперь француз. Преданная вам С. К.»[17]

Судя по упоминаемым С. В. Ковалевской лицам, она в данном случае имела дело с либеральными кругами, и естественно, что либералы российские показали себя тем, что они есть на самом деле. Вспомним, как Щедрин издевался над русским либералом, сидевшим в одиночку и дрожавшим... Это были конституционалисты, о коих Щедрин язвил, что-де некий из них «сидел дома и по обыкновению не знал, что с собой делать. Чего-то хотелось: не то конституции, не то севрюжины с хреном, не то кого-нибудь ободрать»... Щедрин, как бы пророчествуя, писал: «Пошехонье теперь думу думает: так вот он каков... И хоть бы одна либеральная свинья выразила сочувствие!»

Но «либеральная свинья» на то и существовала, чтобы утверждать свое свинское лицо, таков ей был положен исторический удел.

С. В. Ковалевская не ограничилась упомянутым. Ею написана была для французской прессы статья о Щедрине, но по неизвестным причинам статья не была опубликована. Рукопись статьи сохранилась полностью. Написана она на французском языке. В чем ее содержание?

С. В. Ковалевская пишет о великом сатирике, ставит его рядом с Тургеневым, Достоевским и Л. Толстым, столь чтимым во Франции, и поясняет, почему Щедрин с его эзоповским языком недоступен иностранцам. Она расшифровывает скрытый смысл рассказа «Больное место», рассказа о сыщике из охранки, и на этом примере демонстри-

рует стиль Щедрина. Она излагает жизненный путь писателя, его увлечение учением социалистов-утопистов, а дальше она характеризует наиболее доступное иностранцу творение — «Господа Головлевы». Статья характеризует Щедрина восторженно. Впрочем критико-литературный ее вес невелик.

* * *

А. Чехов в письме от 4 мая 1889 г. к А. С. Суворину пишет: «Бог делает умно: взял на тот свет Толстого[18] и Салтыкова и таким образом помирил то, что нам казалось непримиримым. Теперь оба гниют и оба одинаково равнодушны. Я слышу, как радуются смерти Толстого, и мне эта радость представляется большим зверством»...

Так писал молодой, ранний Чехов, когда А. Суворин еще был для него авторитетом и он знал, как с Сувориным беседовать и что тому приятно. А вот что он пишет А. Н. Плещееву через 10 дней (письмо от 14/V): «Мне жаль Салтыкова. Это была крепкая, сильная голова. Тот сволочной дух, который живет в мелком, измошенничавшемся душевно русском интеллигенте среднего пошиба, потерял в нем своего самого упрямого и назойливого врага. Обличать умеет каждый газетчик, издеваться умеет и Буренин, но открыто презирать умел один только Салтыков. Две трети читателей не любили его, но верили ему все. Никто не сомневался в искренности его презрения»...

Салтыков умер через три дня после смерти Д. А. Толстого. Сочетались имена двух людей, носителей полярных воззрений, хоть Д. А. Толстой был товарищем Щедрина по лицею. В печати мелькали сенсационные известия, будто «Щедрин был потрясен смертью Толстого», и прочий вздор. Естественно, что смерть этих антиподов была отмечена различно представителями разных классов. Так в «Дневнике» ренегата, Льва Тихомирова, который как-раз в это время путем предательства выклянчил у царя разрешение вернуться в Россию, о Щедрине нет ни слова, а о Д. А. Толстом значится: «30 апреля. Известие газет о смерти графа Д. А. Толстого... Жаль покойного. Умный был человек. Немного таких в России. Характер, образование. Хорошо, что я имел случай видеть этого замечательного человека»...

В «Wiener allgemeine Zeitung» (перепечатано в «Елисаветградском Вестнике» № 102 от 12/V 1889 г.) сообщалось: «Вести о смерти знаменитого писателя, скончавшегося несколько дней спустя после смерти непримиримейшего врага своего и бывшего школьного товарища гр. Толстого, произвели самое тягостное впечатление во всей цивилизованной либеральной России».

«Церковный Вестник», издаваемый при С.-Петербургской духовной академии (еженед. журнал), в № 18 от 4 мая 1889 г. (стр. 341), в отделе «Летопись Церковной и Общественной жизни в России» дает следующий некролог писателя:

«Почти в то самое время, как в Петербурге происходили похоронные проводы останков графа Толстого, разнеслась по городу огорчившая многих весть о кончине М. Е. Салтыкова (Щедрина), автора множества популярных сатирических произведений. По отзывам газет, сочинения покойного «являются одним из лучших литературных памятников для изучения эпохи семидесятых и восьмидесятых годов. Ни у кого почти из прочих наших равной художественной силы беллетристов они не отразились столь разносторонние, хотя без комментариев большая часть его произведений едва ли будет понятна людям позднейшей эпохи».

В самом деле, по странной случайности, эти два человека, оба воспитанники Лицея, едва ли ли не сидевшие на одной школьной скамье, умерли одновременно. О них писали одновременно. Их портреты в траурных рамках печатали рядом, их невольно сопоставляли. Вот образец подобной ситуации:

«Вокруг Света» — журнал путешествий и приключений на суше и на море (Москва, № 17, 7 мая 1889 г., стр. 268): «24 апреля в Петербурге скончался министр внутренних дел граф Д. А. Толстой.— 28 числа того же месяца там же скончался известный писатель М. Е. Салтыков (Щедрин)».

Вспоминает о Щедрине и хроникер «Кронштадтского Вестника», но рассказывает он нечто совершенно неожиданное:

«Известно, — пишет он, — что Щедрин питал личную симпатию именно к тому замечательному деятелю, который только что перед тем скончался и которого считали его врагом. Мне передавали (из хороших источников), что, услыхав о смерти графа Д. А. Толстого, Щедрин прослезился и, вскоре после этого, с ним сделался удар. Эта черта — трогательна»...

Подобные выдумки нужны были, чтобы «сблизить» Щедрина с подлейшим представителем реакции — с Д. Толстым и тем достигнуть двоякой цели: мазнуть грязью Щедрина — с одной стороны, и с другой — обелить Д. Толстого. Вот образец подобной «ловкости рук». Реакционная «Петербургская Газета» Худекова пишет (№ 123 от 7 мая 1889 г.):

Его Высокоблагородію
редактору Вѣстника
Европы.
Г-ну Стасюлевичу
Покорнѣйше просимъ передать
Супругѣ Михаила Евграфовича
Г-жѣ Щедриной Салтыковой.
Адресъ отъ рабочихъ изъ Тифлиса.

КОНВЕРТ АДРЕСА ТИФЛИССКИХ РАБОЧИХ Е. А. САЛТЫКОВОЙ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ ЩЕДРИНА
Институт Русской Литературы, Ленинград

«Если возможна какая-нибудь параллель между покойным гр. Д. А. Толстым и М. Е. Салтыковым, которую в прошлое воскресенье неудачно пытался провести г. Михневич, то она должна проходить только в одной сфере: оба сильные духом, твердые характерами и властные в своем кругу исторические деятели не искали в общительности средств добыть популярность. Помнится, Щедрин даже категорически отклонил честь юбилейного чествования, которое собирались ему устроить какие-то друзья и почитатели из Чухломы, Луги и Ветлуги. Едва ли имели более интимный доступ к Салтыкову и те из «каннибалов» (выражение заимствованное), которые в надмогильный венок поторопились вплести свои воспоминания. Почти все они сознаются, что вели с ним только «деловые» разговоры или имели честь обедать за одним столом».

М. Е. Салтыков по лицею был однокашником гр. Д. А. Толстого, а в течение всей сознательной жизни, т. е. в течение почти полстолетия, — его открытым противником. Д. Толстой фигурирует у Щедрина под разными кличками,— наиболее известное имя его — «граф Твердоонто». Было бы однако вульгарным упрощенством видеть Д. Толстого лишь в образе Твердоонто, а в последнем — персонально Толстого. Щедрин ставил задачей разоблачение системы Д. Толстого, и именно это занимало писателя, хотя не исключены были отдельные случаи памфлетных выступлений.

О графе Дмитрии Андреевиче Толстом распространяться излишне. Кому не известно это ненавистное имя? С половины 60-х годов и до смерти (1889 г.), в течение четверти века, он был оплотом самой злой реакции. Он в своем лице «счастливо» сочетал министра народного порсвещения и обер-прокурора св. синода; символически совмещал в своем лице одновременно министра внутренних дел и занимал пост президента Академии Наук. Когда временно — в эпоху «диктатуры сердца» — звезда Д. Толстого померкла было, этому радовались даже люди, далекие от либерализма. М. Т. Лорис-Меликов вспоминает, какое ликование было даже в Зимнем дворце. У заутрени целовались, приветствуя друг-друга: «Толстой сменен!» — «Воистину сменен!»

Совершенно естественно, что Толстой яростно преследовал журнал Щедрина «Отечественные Записки», покуда ни закрыл его навсегда, хоть и прикидывался доброжелателем Щедрина в память, дескать, былой лицейской дружбы.

Е. Феоктистов в своих мемуарах («За кулисами политики и литературы».—«Прибой». 1929, стр. 241 и сл.) вспоминает: «Такую же боязливость выказал он [Д. Толстой] и по отношению к «Отечеств. Запискам». В течение долгого ряда лет этот журнал усердно занимался проповедью социалистических учений и пользовался большим почетом среди самых отъявленных врагов существовавшего порядка вещей... В. К. Плеве, занимая должность директора департамента полиции, рассказывал мне, что при обысках у анархистов и их пособников находили обыкновенно очень мало книг, но между ними непременно красовались «Отечеств. Записки». В революционных журналах, издаваемых на русском языке за границей, были перепечатываемы произведения Щедрина и даже появлялись там такие из них, которые он сам не решался или цензура не позволяла ему обнародовать в России. Всего этого было кажется достаточно, чтобы покончить с его изданием, но граф Толстой колебался отчасти потому, что Салтыков был некогда его товарищем, — оба они воспитывались в Александровском лицее, — а главным образом опять-таки из опасения возбудить неудовольствие в обществе. Тут оказал услугу департамент полиции. Однажды граф Толстой пригласил меня на совещание с Оржевским и Плеве, которые сообщили, что редакция «Отечественных Записок» служит притоном отъявленных нигилистов, что против некоторых из сотрудников журнала существуют сильные улики и что необходимо разорить это гнездо. Состоялось совещание 4-х министров (на основании одной из статей цензурного устава), которое и постановило прекратить издание «Отечественных Записок».

* * *

Какой отклик нашла кончина М. Е. Салтыкова-Щедрина в среде широких трудящихся масс? Среди голосов, поданных почитателями великого сатирика, слышны голоса рабочих и крестьян. Они звучат довольно глухо: их надо уметь извлечь из общего хора.

Первые исторические сведения о русских пролетариях в сочетании с нашими писателями мы встречаем по поводу смерти И. С. Тургенева. «Одним студенческим кружком, — вспоминает старый народоволец, — занимавшимся с рабочими, был поднят вопрос о возложении венка на гроб писателя от рабочей группы. Кружок проектировал терновый венок, в центре которого из красных цветов должна была быть надпись: «От мертвых — Бессмертному», а на лентах «Тургеневу — рабочая группа Народной Воли». Но мы отклонили это предложение потому, что оно исходило не от рабочих» [19].

В самом деле, ведь инициатива исходила не от рабочих, да и не получила она реализации. Посему вести счет от упомянутого события ни в коем случае нет оснований.

Дело было в 1883 г. А затем последовали факты, уже известные. Таких случаев два: адрес Глебу Успенскому от уральских рабочих и адрес Н. В. Шелгунову. В дни 25-летия писательской деятельности Г. И. Успенского, в 1887 г., он среди многих приветствий получил самое дорогое для него письмо, — письмо от 15 рабочих с Урала. Последующий факт связи рабочих пролетариев в писательским именем имел место через четыре года, когда столичные петербургские рабочие поднесли адрес Н. В. Шелгунову по случаю его болезни. В адресе рабочие отмечали, что Шелгунов «указал им путь борьбы».

Адресъ

Вдовѣ супругѣ Михаила Евграфовича,

Отъ Тифлисскихъ Рабочихъ.

Глубокоуважаемая госпожа Салтыкова-Щедрина!

Позвольте намъ рабочимъ выразить Вамъ свою скорбь по горестной утратѣ Вашего незабвеннаго и милаго супруга. Смерть Михаила Евграфовича опечалила всѣхъ искренне желающихъ добра и счастія своей родинѣ. Въ лицѣ Его Россія лишилась лучшаго, справедливаго и энергичнаго защитника правды и свободы, борца противъ зла, которое онъ своимъ сильнымъ умомъ и словомъ разилъ въ самомъ корнѣ. И мы рабочіе присоединяемся къ общей скорби о великомъ человѣкѣ.

Можетъ быть, что выраженіе нашего сочувствія запоздалое и неумѣстное, тогда простите намъ это; оно вышло изъ глубины души простыхъ людей любящихъ Михаила Евграфовича и желающихъ раздѣлить Вашу великую скорбь.

АДРЕС ТИФЛИССКИХ РАБОЧИХ Е. А. САЛТЫКОВОЙ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ ЩЕДРИНА (ПЕРВАЯ СТРАНИЦА)

Институт Русской Литературы, Ленинград

Мы уже и раньше написали, но
у насъ мало свободнаго времени;
и при всемъ своемъ усердье и желаніи,
намъ трудно, скоро и понятно выра-
зить на бумагѣ свои мысли и чувства.
Мы выросли и развились въ простой
рабочей семье, куда пока мало
проникаетъ просвѣщеніе, но гдѣ
жаждутъ его и часто ищутъ, гдѣ на
первомъ планѣ стоитъ нужда и
горе, и часто нѣтъ возможности,
отъ разстройства и усталости ни
думать, ни читать. Но при любви
къ развитію, при желаніе узнать
и понять окружающую жизнь есть
изъ насъ рабочихъ люди, которые
находятъ время, для духовнаго развитія.
Читаютъ книги, привыкаютъ читать
хорошія и полезныя, иные сами, а иные
съ помощію другихъ. Знаютъ и любятъ
многихъ лучшихъ писателей. Такъ чрезъ
чтеніе мы узнали и полюбили сочиненія
Вашего супруга Михаила Евграфовича
за его задушевные и сильные (слова)
разсказы, которые проникнуты правдой
и любовью къ слабому беззащитному
простому человѣку. Сквозь смѣхъ и
шутливый тонъ его разсказовъ, мы
видѣли глубокую грусть тѣмъ, что
правда и совѣсть изгнаны, а не

АДРЕС ТИФЛИССКИХ РАБОЧИХ Е. А. САЛТЫКОВОЙ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ ЩЕДРИНА (ВТОРАЯ СТРАНИЦА)
Институт Русской Литературы, Ленинград

неправда, обманъ и насилiе гордо и нахально подняли голову и все перестали сторониться. Въ его послѣднихъ задушевныхъ сказкахъ, которыя мы любимъ и понимаемъ лучше другихъ разсказовъ, мы видимъ ясно темныя и непонятныя досель стороны окружающей насъ жизни. Эти сказки такъ дѣйствуютъ на душу читателя, что у иныхъ даже слезы показываются на глазахъ, видя горе и обиды беззащитнаго человѣка. Въ особенности намъ нравятся разсказы „путемъ дорогою", гдѣ мы видимъ родственныхъ себѣ рабочихъ горемыкъ безвинныхъ, — коняга, сосѣди, Христова ночь, карась идеалистъ и д. Кто не полюбитъ эти сказки, кто не пойметъ, что авторъ ихъ любилъ и жалелъ простой народъ. Онъ зналъ и чувствовалъ наше горе и видѣлъ, что мы всю жизнь свою проводимъ въ тяжеломъ безпросвѣтномъ трудѣ не пользуясь плодами его.

За Его любовь къ намъ и ко всему честному и справедливому, мы посылаемъ Ему свое сочувственное прощальное слово, и жалѣя человѣка съ благородной любящей душой, друга угнетенныхъ, борца за свободу, провожаемъ глубокой грустью.

Не услышать намъ больше Его доброе сильное слово, но духъ его всегда будетъ

АДРЕС ТИФЛИССКИХ РАБОЧИХ Е. А. САЛТЫКОВОЙ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ ЩЕДРИНА (ТРЕТЬЯ СТРАНИЦА)

Институт Русской Литературы, Ленинград

[illegible] [illegible] нами, въ Его безсмертныхъ
твореніяхъ; будетъ ободрять насъ на
хорошее общее дѣло, на борьбу противъ
зла, угнетенія и на поиски правды и
свѣта. И на могилѣ великаго русскаго
писателя, въ вѣнкѣ славы, воздвигнутымъ
потомствомъ, будетъ иногда цвѣтокъ,
пусть видятъ и знаютъ, что мы рабочіе
любили и цѣнили Его.

Миръ праху твоему нашъ
возлюбленный и незабвенный писатель.

Остаемся къ Вамъ съ глубокимъ уваженіемъ
рабочіе: вслѣдствіе случайностей,
мы подписываемъ свое количество вмѣсто
фамилій Двадцать три рабочихъ.

Подалъ рабочій С. Кузововъ. Тифлисъ
Михайловская улица домъ № 111.

АДРЕС ТИФЛИССКИХ РАБОЧИХ Е. А. САЛТЫКОВОЙ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ ЩЕДРИНА (ЧЕТВЕРТАЯ СТРАНИЦА)
Институт Русской Литературы, Ленинград

В промежутке между этими двумя событиями имел место третий, мало кому известный случай. В 1889 г. на смерть Салтыкова-Щедрина откликаются не петербургские и не уральские рабочие; подает голос новый отряд пролетариев, отряд, которому суждено будет сыграть немалую роль в истории российского рабочего движения: голос был подан с Кавказа, из центра Грузии, от тифлисских рабочих.

Адрес будет приведен полностью несколько ниже. А сперва мы считаем необходимым сказать несколько слов о глухих откликах на смерть Салтыкова, о сведениях, в коих слышится голос рабочего класса. В тексте опубликованных телеграмм имеются скупые сведения об участии пролетарских голосов в общем хоре скорби. При этом надо конечно оговориться, что дикие условия цензурного террора и страх буржуазной прессы перед проявлениями рабочей общественности дают лишь краешек картины. Мы имеем крупицы этих сообщений. Вот, к примеру, телеграмма, напечатанная в газете «Орловский Вестник», № 61, пятница, 12 мая 1889 г. Дневник (стр. 2): «Почитатели покойного М. Е. Салтыкова 7 мая в 4 часа собрались в церковь на Брянском рельсовом заводе и после вечерни отслужили панихиду по усопшем. После панихиды вдове покойного отправлена была телеграмма следующего содержания: «Мы, собравшиеся помолиться о душе незабвенного Михаила Евграфовича, глубоко скорбим о невознаградимой утрате, постигшей вас и все русское общество. Да поможет вам бог перенести это тяжелое горе. Почитатели покойного. Брянский рельсопрокатный завод».

Большой и старый (основан в начале 70-х годов) рельсопрокатный завод дает глухую подпись: «Почитатели покойного». Возможно, что в составе почитателей были и рабочие. Они потонули в безликой массе.

Вот другая телеграмма:

Вдове писателя М. Е. Салтыкова из Николаева 5 мая 1889 г.
от редакции газеты «Южанин».

К средоточию чувства, которым преисполнены у нас сознающие все значение совершившиейся кончины, к вашему сердцу благоговейно шлем свое теперешнее сокрушение. Да укрепит в нас это единение с вами ту горячую преданность высшим интересам родины, которой учил муж ваш.

Редакция «Южанина» со всеми своими
сотрудниками и печатниками.

Пролетарии-печатники разумеется числятся на последнем месте, после «редакции» и сотрудников. Но все же о них есть хоть скупое напоминание.

«Екатеринбургская Неделя» сообщает (11/VI 1889 г.), что на панихиде, отслуженной на 40-й день по инициативе «Екатеринбургской Недели», присутствовали «местные литераторы, представители драматического искусства, владельцы библиотек для чтения, наборщики типографий и т. д.»

Кто был в числе «и т. д.»? Кто попал в этот состав после наборщиков типографий и в непосредственном с ними соседстве? — Екатеринбург (ныне Свердловск) — старинный (с XVIII в.) индустриальный и культурный центр. Было бы совершенно естественно ожидать, что память Щедрина на панихиде почтил кто-нибудь из пролетариев горных заводов, или приисков, или монетного двора и пр. К сожалению глухая телеграмма не сохранила нам этих крайне ценных сведений.

Что наши догадки — не фантазия, доказательством служит замечательный исторический документ:

Адрес

Вдове, супруге Михайла Евграфовича,
От Тифлисских Рабочих.
Глубокоуважаемая госпожа
Салтыкова-Щедрина!

Позвольте нам, рабочим, выразить Вам свою скорбь по горестной утрате Вами незабвенного и милого супруга. Смерть Михайла Евграфовича опечалила всех искренне желающих добра и счастья своей родине. В лице Его Россия лишилась лучшего, справедливого и энергичного защитника правды и свободы, борца против зла, которое он

своим сильным умом и словом разил в самом корне. И мы, рабочие, присоединяемся к общей скорби о великом человеке.

Может быть, что выражение нашего сочувствия запоздалое и неуместное, тогда простите нам это; оно вышло из глубины души простых людей, любящих Михайла Евграфовича и желающих разделить Вашу великую скорбь.

Мы бы и раньше написали, но у нас мало свободного времени; и при всем своем усердии и желаньи нам трудно скоро и понятно выразить на бумаге свои мысли и чувства. Мы выросли и развились в простой рабочей семье, куда пока мало проникает просвещение, но где ждут его и часто ищут, где на первом плане стоит нужда и горе, и часто нет возможности от расстройства и усталости ни думать, ни читать. Но при любви к развитию, при желанье узнать и понять окружающую жизнь, есть из нас, рабочих, люди, которые находят время для духовного развития. Читают книги, привыкают читать хорошие и полезные, иные сами, а иные с помощью других. Знают и любят своих лучших писателей. Так через чтение мы узнали и полюбили сочинения Вашего супруга Михайла Евграфовича, за его душевные и смелые (слова) рассказы, которые проникнуты правдой и любовью к слабому беззащитному человеку. Сквозь смех и шутливый тон его рассказов мы видели глубокую грусть о том, что правда и совесть изгнаны, а неправда, обман и насилие гордо и нахально подняли голову и все перед ними сторонятся. В его последних задушевных сказках, которые мы любим и понимаем лучше других рассказов, мы видим ясно темные и непонятные доселе стороны окружающей нас жизни. Эти сказки так действуют на душу читателя, что у них даже слезы показываются на глазах, видя горе и обиды беззащитного человека.

В особенности нам нравятся рассказы «Путем-дорогою», где мы видим родственных себе рабочих горемык безвинных, «Коняга», «Соседи», «Христова ночь», «Карась-идеалист» и т. д. Кто не полюбит эти сказки, кто не поймет, что автор их любил и жалел простой народ? Он знал и чувствовал наше горе и видел, что мы всю жизнь свою проводим в тяжелом беспросветном труде, не пользуясь плодами его.

За Его любовь к нам и ко всему честному и справедливому, мы посылаем Ему свое сочувственное прощальное слово, и как человека с благородной любящей душой, друга угнетенных, борца за свободу, провожаем глубокой грустью. Не услышать нам больше его доброе смелое слово, но дух его всегда будет жить между нами, в его бессмертных рассказах: будет ободрять нас на хорошее общее дело, на борьбу против зла, угнетения и на поиски правды и света. И на могиле великого родного писателя, в венке славы, воздвигнутом потомством, будет и наш цветок, пусть видят и знают, что мы, рабочие, любили и ценили Его.

Мир праху твоему, наш возлюбленный и незабвенный писатель.

Остаемся к Вам с глубоким уважением рабочие: во избежание случайностей мы подписываем свое количество вместо фамилий.

Двадцать три рабочих.

Подал рабочий С. Кузовов. Тифлис, Михайловская улица, дом № 111.

На конверте:

Его Высокоблагородию редактору Вестника Европы
г-ну Стасюлевичу.

Покорнейше просим передать Супруге Михайла Евграфовича
Г-же Щедриной-Салтыковой.

Адрес от рабочих из Тифлиса.

Документ этот примечателен. Заботливой рукой он направлен Стасюлевичу. Скреплен он подписью целой массы рабочих: двадцати трех человек. При этом не забыты и меры осторожности: «Во избежание случайностей мы подписываем свое количество вместо фамилий. Двадцать три рабочих». (Адрес датируется апрелем—маем 1889 г.).

Рабочие видимо имели уже кое-какой опыт и смыслили в «случайностях». Они предпочли не выставлять своих имен напоказ жандармам. Это разумеется были передовые пролетарии своего времени. «Позвольте нам, рабочим, выразить... свою скорбь... мы бы и

раньше написали, но у нас мало свободного времени... нам трудно скоро и понятно выразить на бумаге свои мысли и чувства. Мы выросли и развились в простой рабочей семье, куда пока мало проникает просвещение, но где ждут его и часто ищут, где на первом плане стоит нужда и горе, и часто нет возможности от расстройства и усталости ни думать, ни читать...»

Однако из дальнейшего явствует, что рабочие не только читали Щедрина, но чутьем сумели отыскать среди множества произведений такие, на которых они не зря остановили свое внимание. В рабочем документе выделены «Путем-дорогою», «Коняга», «Соседи», «Карась-идеалист» и т. д.

Каждое из названных творений имеет свой смысл в приведенном перечне. В то время как либеральные органы печати останавливались преимущественно на «Губернских очерках», «Пошехонской старине» и «Господах Головлевых», т. е. на творчестве, направленном против дореформенных «устоев»,— рабочий адрес выделяет такую сказку, как «Карась-идеалист». Сказка эта сразу даже не была пропущена цензурой для «Отечественных Записок». Предметом сатиры является здесь либерал, полагающий, будто можно чего-нибудь добиться «диспутами» со щукой... Кого следовало разуметь под щукой,— читатель прекрасно понимал: финал сказки очень ясно говорит об этом.

Сказка «Коняга» — одна из самых удачных щедринских сказок. Коняга и Пустопляс — образы двух общественных классов. Каких? — рабочий это отчетливо понимал и даже использовал аргументацию сказки в тексте адреса. Также использована авторами адреса и сказка «Путем-дорогою»: разговор о Правде и Неправде целиком перенесен в текст адреса. Еще больше насыщена социальным содержанием сказка «Соседи». Классовые противоречия, в ней изображенные, не разрешить паллиативными мероприятиями; для сего необходимо изменить в корне «предначертанный плант», иными словами — весь установленный веками социальный строй эксплоатации. Разговор Ивана Богатого с Иваном Бедным видимо произвел на тифлисских рабочих свое действие. Их классовое чутье отличило в объемистых томах наиболее острые творения.

Среди множества венков, возложенных на гроб великого писателя, мы выделим один Надо сказать, что венков было великое множество [20]: серебряные, лавровые, фарфоровые, из живых цветов, металлические и т. д., и т. д. Их насчитывали свыше сотни. В ворохе этого великолепия терялся скромный венок с надписью — «От простого народа». Он был принесен на гроб Салтыкова-Щедрина четырьмя крестьянами. Что это были за крестьяне — мы не знаем, но этот венок не может не быть отмечен. Он является вящшим опровержением всяческих заявлений, утверждающих, что, дескать, Щедрин слишком сложен. «Авторитеты», оперирующие недоступностью щедринских творений, игнорируют факты. Горячее слово великого сатирика всегда находило отклик в сердцах обездоленных и эксплоатируемых.

«Оренбургский Листок» (14 мая 1889 г.) пишет: «Простому народу сатира Щедрина была и недоступна, и непонятна, хотя многое из произведений Салтыкова можно было бы издать для народа»... Для народа издавали в изобилии лубочную литературу. О лубочной литературе принято было молчать, как о позорной язве на теле. Между тем она вытесняла все, что могло с ней конкурировать, вытесняла и Щедрина. Какими средствами? Средств и путей было много. В «Елисаветградском Вестнике» № 128 от 15 июня 1889 г. читаем маленький фельетон (стр. 3, 2 столбца) «Щедрин в деревне». Перепечатывается из «Недели» описание опыта чтения Щедрина крестьянам. Читались «Пропала совесть» и «Сказка о том, как мужик двух генералов прокормил». Чтение имело большой успех. В этой же статье рассказывается о попытках лубочных переделок Щедрина. «Пропала совесть» была переделана Петром Кармановым и была напечатана за его подписью под заголовком «Пропавшая совесть» [21].

О том же сообщает «Одесский Вестник» от 12 июня 1889 г. Салтыков-Щедрин сделал было попытку издать свои сказки дешевыми книжечками по три копейки, для массового читателя, но этому категорически воспротивилась цензура. С.-Петербургский цензурный комитет постановил: «Сказки, по явной неблагонамеренной тенденции их, к напечатанию отдельными брошюрами не дозволять», хотя те же самые сказки незадолго перед этим (в 1886 г.) были отпечатаны особой книгой, заключавшей в себе 240 стр.,

и не вызвали никаких замечаний со стороны цензуры. Объемистая дорогая книга была недоступна рабочему и крестьянину,— цензура была к таким книгам менее строга.

«Намерение г. Салтыкова, — писал цензор Лебедев, — издать некоторые свои сказки отдельными брошюрами, стоющими не дороже трех копеек, а, следовательно, для простого народа, более нежели странно. То, что г. Салтыков называет сказками, вовсе не отвечает своему назначению; его сказки — та же сатира, и сатира едкая, тенденциозная, более или менее направленная против общественного и политического нашего устройства. В них предаются осмеянию не только пороки, но и установленные власти, и высшие сословия, и установившиеся национальные привычки. Сказки эти, появляясь по временам в периодических изданиях, возбуждают постоянно в наблюдающей за прессой власти сомнение о том, не следует ли их воспретить. И такого-то рода произведения г. Салтыков желает пропагандировать между простым, необразованным населением! Не в такой пище нуждается простой народ, нравственность которого и без того не бог знает, как «устойчива» [22].

* * *

Как отозвалась пресса на смерть Салтыкова-Щедрина? На этом стоит остановиться подробнее.

Беспринципные российские юмористические листки, развлекавшие купцов в трактирах,— «Осколки», «Стрекоза», «Будильник» и т. п.— поторопились по поводу смерти гениального сатирика заявить, что он-де писатель их жанра. Писать об этом было бы несколько нагловато. «Будильник» вышел из затруднения «с честью». Он заявил о своей мнимой близости к Щедрину «описательным» путем. В № 17 от 7 мая 1889 г.— на обложке журнала — извещение о смерти Салтыкова. Рисунок обложки посвящен памяти Салтыкова. Изображен бюст писателя на пьедестале из томов и героев его сочинений. Перед бюстом лавровый венок. Сбоку фигура скорбящей женщины с опущенной лирой в руке.

На 1-й странице в траурной рамке и с траурной виньеткой стихотворение: «Памяти М. Е. Салтыкова».

Каждый орган отнесся к смерти великого писателя соответственно своей программе. В. Буренин («Новое Время») юродствовал; Авсеенко («С.-Петербургские Ведомости») плевался ядовитой слюной; либералы строчили саженные статьи, и выходило ни два ни полтора, а мещанская, обывательская «Родина», как и в прочих случаях жизни, вышла из затруднения вот так: даны квадраты с цифрами; требуется найти десять слов, а буквы этих слов разместить так, чтобы получилось имя, отчество и фамилия известного нашего писателя и два его первых произведения и пр.— Ответ: Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин («Родина» № 2 от 21 мая 1889 г.).

«Одесский Вестник» (№ 125 от 12 мая 1889 г.) иронизирует над тем, что славянофилы, дескать, непрочь были бы присвоить себе Щедрина и зачислить его в свой лагерь. И в самом деле оно так.

В «Славянских известиях» (Петербург, воскресенье, № 19 от 7 мая 1889 г.) М. Филиппов (стр. 473—475) дает краткую оценку деятельности Щедрина. У него-де мало общего со славянофилами. Но отсюда не следует, как утверждают многие, что он ненавидел Россию. Одной и той же истине можно служить разными способами. Можно быть великим патриотом и в то же время видеть, что не все прекрасно. У Щедрина был ясный идеал — идеал широкого и самостоятельного народного развития. Но если бы даже Щедрин довольствовался только отрицанием (в чем его также многие обвиняют), то и тогда заслуги его велики, так как «всякое отрицание опирается на идею справедливости, а эта идея проходит через все сочинения Щедрина, содержит великую зиждительную силу. Автор цитирует ряд мест из сочинений Щедрина, доказывающих его любовь к русскому народу, и опровергает высказанное кем-то мнение, что Щедрин сожалел по утраченным благам крепостного права (!). Цитатами из Щедрина автор доказывает, что Щедрин отнюдь не был западником, а потому, дескать, не так уж далек от славянофилов. Что и требовалось доказать!

САЛТЫКОВ НА СМЕРТНОМ ОДРЕ
Фотография Шапиро
Институт Русской Литературы, Ленинград

28 июля 1889 г. Евтихий Карпов сообщал Н. К. Михайловскому:

«...К бесчисленному количеству гнусностей, написанных о Щедрине, г. Чуйко в «Наблюдателе» прибавил грандиознейшую смесь, составленную из пошлости, подлости и чистейшего идиотства. Это поистине предел, его же не пройдешь. Достаньте, пожалуйста, июньский номер «Наблюд.» и прочтите. Хорошо, если бы Вы в «Случайных заметках» сказали о этой маленькой статейке несколько прочувственных слов. Там что ни слово, то курьез».

В. В. Чуйко — как его звали, «чадящая лампада русской литературы» — действительно наворотил кучу вздору, чему впрочем удивляться не приходится: ведь «Наблюдатель» на то и был органом А. П. Пятковского. Этот журнал представлял характерное сочетание либерализма с самым несусветным юдофобством. Журнал получал предостережение за «сочувствие социалистическим теориям» и в то же время плелся в хвосте реакции, конкурируя подчас с «Новым Временем». А. П. Пятковский был поистине мастак: «Наблюдатель» представлял «странную смесь юдофобства, националистических склонностей и общественно-политического либерализма», как отзывается В. Е. Чешихин-Ветринский [23]. Собственно, почему эта смесь «изумляет» Чешихина-Ветринского? Либерализм тем и был характерен. Недаром В. И. Ленин заклеймил его как «холуйский, подлый, грязный, зверский либерализм» [24].

«Наблюдатель» отчетливо понимал, какого врага имел либерализм в лице Щедрина. Смерть сатирика вызвала скрытое ликование «Наблюдателя». Вот как откликнулся орган А. П. Пятковского.

В № 5 за май 1889 г. дело начинается стихами:

НА СМЕРТЬ М. Е. САЛТЫКОВА.

Пустынен мрачный небосклон,
Умолк последний гром сатиры...
Уж не раздастся гневный стон
Суровых струн угрюмой лиры.
Уста, пылавшие грозой,
Уже не бросят нам укора;
Поэту тесен гроб немой,—
И в жизни он не знал простора.

М. Б. (стр. 313)

Далее следует:

«Наши внутренние дела» (стр. 40—41).

«В момент, когда мы кончали настоящее обозрение, Россия понесла двоякую потерю в лице двух, хотя совершенно различных по своему положению и направлению деятелей, но одинаково заслуживающих внимания потомства. Мы говорим о скончавшемся министре внутренних дел гр. Дмитрие Андреевиче Толстом и знаменитом нашем сатирике Михаиле Евграфовиче Салтыкове (Щедрине)» и т. д.

Недурно? — «Одинаково заслуживающих...»

В № 6 за июнь напечатан «Опыт литературной характеристики» В. Чуйко (стр. 188—212).

«...[Салтыков] — явление почти небывалое в истории литературы. Перед нами первоклассный писатель, которого, однако же, не успели определить критики в течение целых двадцати лет.

Но если до самой своей смерти этот талантливый сатирик составлял такую загадку для критики, то в этом во всяком случае нельзя винить одну лишь критику... Сам сатирик нисколько не облегчал дела критики. Он все больше и больше окружал себя туманом фраз и в конце концов усвоил себе такой странный язык... что разглядеть из-под маски этого языка настоящую мысль сатирика сделалось под конец крайне трудным. Вследствие этой трудности по отношению к Салтыкову возникло какое-то своеобразное недоумение и в обществе, и в литературе. Одни (большинство) считали Салтыкова гениальным прорицателем; другие решительно отказывали ему в таланте сатирика. Смерть Салтыкова не рассеяла этого печального недоразумения... Как это всегда у нас бывает... эти два противоречивых мнения сосредоточились в двух враждебных литературных лагерях: либеральная часть нашей печати принадлежит к безусловным поклонникам Салтыкова, консерваторы же решительно не признают его. Почему Салтыков попал в любимцы либералов и внушает ненависть консерваторам, — понять довольно трудно: как мы увидим ниже, он никогда не высказывался определенно в этом отношении...»

Заключительный вывод автора: «Но если Салтыков не выступал с каким-нибудь определенным знаменем, не нес с собою никакого положительного идеала, осуществимого и близкого, то в его сердце тем не менее ярко горело природное, непосредственное чувство добра, красоты, правды, гуманности,— как и у всякого великого писателя. В этом и заключается его направление».

Либеральный «Наблюдатель» торопился установить, что Щедрин, по образу и подобию А. П. Пятковского, не имел политических убеждений, что Щедрин, подобно А. П. Пятковскому, руководился лишь чувствами «добра, красоты, правды и гуманности», которые сводились к либерализму плюс шовинизму и к националоедству плюс «прогрессивность взглядов». А. П. Пятковский претендовал на Щедрина гневно и убежденно: Пятковский ведь когда-то сотрудничал в «Современнике» и в «Отечественных Записках»!

Из либеральных органов наибольшее внимание оказала памяти Щедрина газета О. К. Нотовича «Новости». «Новости» Нотовича были весьма умеренного либерализма. «Говорили, будто, закрыв «Голос»[25], Д. А. Толстой всячески мирволил Нотовичу, так как-де находил, что «Маркиз Оквич,— как подписана была книжка Нотовича «Немножко философии», — есть такой паладин либерализма, который наилучше способен погубить его» (А. Р. Кугель. «Литературные воспоминания». 1924, стр. 25). Газета отвела

Щедрину целые страницы. В «Новостях» печатал статьи и «маститый» А. М. Скабичевский, и ловкий М. Семевский, и В. Острогорский, и пошляк В. Сиповский, Григорий Градовский и промышленник Вл. Михневич, и каждый тащил умершего сатирика в свой лагерь, в свою конуру. Вл. Зотов и «Киевлянин» зачисляли Щедрина в люди 40-х годов, многие относили его к шестидесятникам, а Скабичевский оспаривал тех и других. В статье «Непримиримый» («Новости» № 119 от 2 мая 1889 г.) Скабичевский писал: «Уже и теперь многие заблуждаются сами, вводя в заблуждение и других, причисляя М. Е. Салтыкова к людям то 40-х годов, то 60-х. Между тем как на самом деле он не принадлежал ни к тем ни к другим — ничего общего не имел он ни с идеалистами, эстетиками и скептиками 40-х годов, Рудиными и Райскими, ни с отрицателями 60-х годов, Базаровыми и Рахметовыми»...

Так к какому же лагерю принадлежал Щедрин? Очевидно Скабичевский отнесет его к семидесятникам-народникам? Ничуть! Скабичевский, к этому времени — неприкрытый либерал, растерявший все свои прежние революционные симпатии, выветривший последние остатки революционного народничества, пишет: «М. Е. Салтыков принадлежал к людям 50-х годов и олицетворял в своей личности совершенно особенный тип людей того времени,— тип, к сожалению, до сих пор не выделенный и не определенный. В людях 50-х годов не было ни той мягкости, рыхлости, обломовщины, наклонности в эпикурейству и сенсуализму, чем отличались все без исключения люди 40-х годов; ни той заносчивости, наклонности доводить мысль до последних, крайних пределов, за которыми начинается область безумия, — чем отличались люди 60-х годов»... В дальнейшем выясняется, кого Скабичевский считает людьми 50-х годов: это люди, имеющие «доброе, мягкое, любвеобильное сердце», проникнутое «утонченною гуманностью», «вынесшие на своих плечах реформы 60-х гг.» Короче, это отцы и основоположники российского либерализма.

А. М. Скабичевский, работавший вместе с Щедриным в «Отечественных Записках», отлично знал настроения Щедрина, знал его отношение к либералам, его ненависть к ним, — все это Скабичевский знал, но он фальшивил и нарочито извращал мировоззрение Салтыкова, чтобы несколько обелить свой собственный либерализм.

Устраивая в пику правительству шум вокруг праха Щедрина, либералы выступали одновременно и против революционных тяготений покойника; либералы пытались захватить общественную инициативу в свои руки.

А. М. Скабичевский с большой натяжкой, окружным путем через людей 50-х годов, включает писателя в лагерь либералов, хоть и понимает всю фальшивость своих экивоков. Более определенно поступил М. Семевский (редактор-издатель журнала «Русская Старина»): он включил Щедрина в один ряд с Тургеневым. Этих двух антиподов Семевский поставил рядом. Совершив эту методологическую передержку, Семевский идет дальше и перемещает Щедрина еще правее — в лагерь крайне правых либералов. Статья заканчивается так: «Имя Салтыкова-Щедрина отныне одно из тех имен, которые должны быть начертаны в ряду имен лучших русских людей на памятнике Александра II-Освободителя как потрудившихся вместе с ним для создания новой, свободной России». То же дословно повторяли за ним другие, например «Донская пчела» и др.

Таким образом Щедрин попадает даже не в просто либералы, а в либералы официозные типа Козелкова (!), над которыми так беспощадно издевался гений сатирика. А между тем старый землеволец О. В. Аптекман, вспоминая 70-е годы, пишет:

«Особенную идиосинкразию Щедрин чувствовал ко всяческим «либеральным начинаниям», «веяниям сверху» и вообще ко всяким «ликованиям». Со свойственной ему проницательностью он под приличным их покровом легко улавливал фальшь, пошлость и тупость. «Эпоха великих реформ» дала сатире Щедрина богатейший материал, который он с изумительной силой использовал. В то время, когда наши либералы пели «Гром победы, раздавайся!» — Щедрин высмеивал беспощадно мещанскую посредственность их стремлений и мышления»...[26]

Семевские, Стасюлевичи, Нотовичи пытались навязать Щедрину свои воззрения, спешили зачислить его в свой лагерь...

Щедрин таким образом попал стараниями Семевских в компанию «пестрых людей», в «вяленые воблы», у которых «выросло во рту по два языка», людей, которые «совесть свою до дыр износили»,— короче, попал в общество людей, лозунгом коих было «применительно к подлости». Газета «Новости» весьма суетилась, чтоб заполучить Щедрина в свой лагерь, и самые «пестрые люди» сошлись на том, чтоб поделить добычу. Стервятники налетели с азартом и тут же на страницах «Новостей» козыряли своим филистерским примиренчеством, что и запечатлел в стихах расторопный Виктор Крылов («Новости», № 119 от 2 мая 1889 г.):

Общей скорбью у этого гроба
Отзывается наша беда,
Тут смолкает соперников злоба,
Утихает людская вражда.

Люди разной среды и стремлений
Русской жизни вся пестрая смесь,
Молодых, отжитых поколений
В общем горе все сходится здесь.

Виктору Крылову некогда было читать Щедрина: он с неимоверной быстротой мастерил одну пьесу за другой (накропал около 150 пьес) — иначе он понял бы всю глубину пошлятины, записанной им в приведенной строфе.

Впрочем как мог это понять человек, запятнавший свое имя грязным скандалом, сопряженным с постановкой пасквильной «пьесы» В. Крылова и Литвина (Я. Эфрона) — «Контрабандисты» («Сыны Израиля»). Пьеса была поставлена в Суворинском театре в 1900 г., но была тотчас снята, так как вызвала невиданное возмущение зрителей своим клеветническим направлением [27].

Крылов пишет о «пестрой смеси», не понимая, какую силу сарказма влагал Щедрин в цикл «Пестрые люди». Крылов пишет, будто у могилы Щедрина «утихает людская вражда». Как бы не так! — у могилы его образовалась форменная драка.

«Новости», «Одесский Листок», «Русские Ведомости», «Русская Старина», «Петербургский Листок», «Осколки» — каждый из упомянутых органов печати тянул Салтыкова в свою сторону. «Вестник Европы», где Щедрин печатал в последние годы, после запрещения «Отечественных Записок», свою «Пошехонскую старину», «Пестрые письма», «Мелочи жизни», особенно претендовал на М. Е. Салтыкова. «Вестник Европы» не егозил, как это делали «Новости». Солидный «Вестник Европы» напечатал объемистые статьи А. Пыпина и К. К. Арсеньева [28]. Редактор «Вестника Европы» М. М. Стасюлевич не сомневался, что «облагодетельствованный» им Щедрин введен «Вестником Европы» в «приличные» рамки и умер либералом.

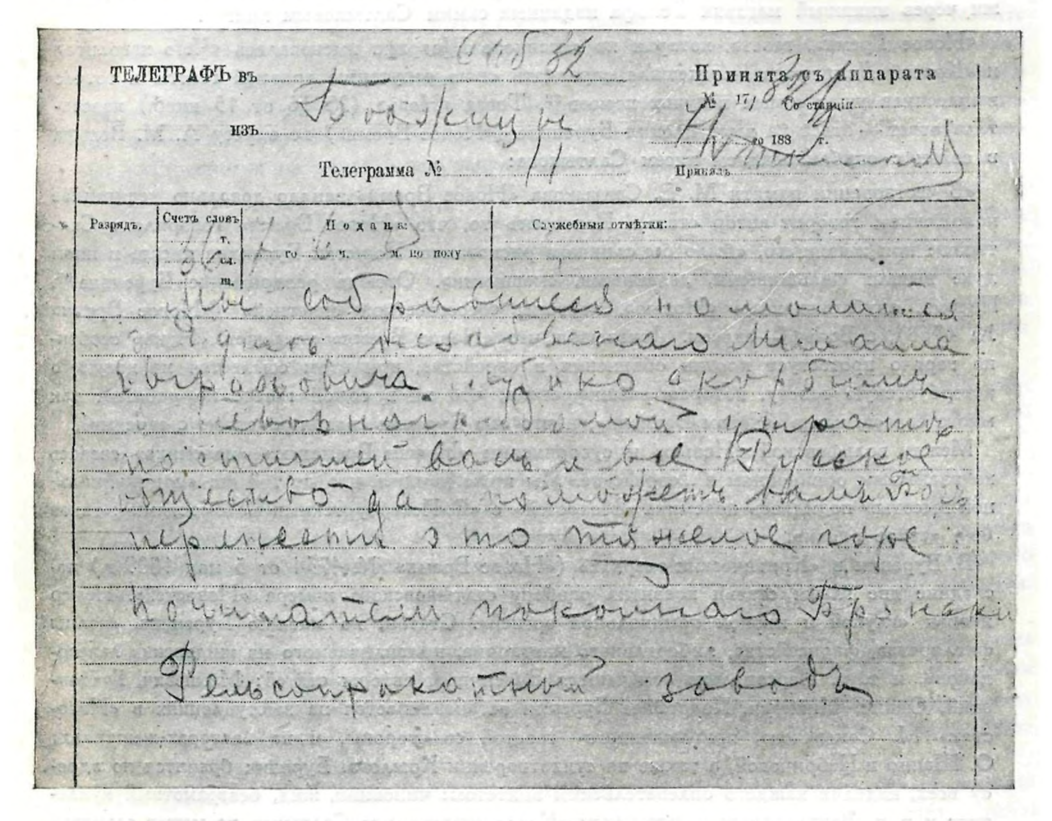
«Петербургский Листок» соответственно своей программе писал: «образованные люди смотрели на него как на вождя и руководителя интеллигенции» (№ 115 от 30 апреля 1889 г.).

«Одесский Листок» соответственно своей ориентации заметил у Щедрина лишь одно— «ненависть к крепостничеству» и выпячивал это качество, утверждая, будто Щедрин не разоблачал либералов всех и всяческих толков и раскрасок.

«Всемирная Иллюстрация», страдавшая бледной немочью, устами «вездесущего» П. Быкова, по шаблону, сперва славословила Щедрина всеми словесами, — дескать, Салтыков «оказал неисчислимые услуги русской литературе и обществу», а дальше следует обычное «но»... «Но... — читаем мы, — Салтыков принадлежал к строго либеральному лагерю. Здесь думал он найти ту правду, к отысканию которой он неустанно стремился, и вот почему, горячо отстаивая интересы своей партии, он часто закрывал глаза на те крупные промахи ее, в которые она впадала, на нередкое отсутствие в ней той истины, которую искал наш высокодаровитый писатель. И вот отчего он с такою нетерпимостью относился к каждому шагу противного лагеря и отрицал все действия этой партии. Он всецело отдался служению своей партии, принес ей в жертву свои силы, свой ум, свой

громадный талант. Ради нее он сузил рамки своей сатирической деятельности и занялся преимущественно политической сатирой, нерѐдко выходя из границ строго художественно-политической сатиры. Только в последние два-три года он как будто сознал свою ошибку и завершил свою литературную деятельность тем же, чем и начал ее, — такими произведениями, в которых на первом плане стоит художественная правда...

...Пройдут годы, улягутся страсти, партийные, обострившиеся отношения, — тогда имя Щедрина-Салтыкова будет произноситься с полным уважением всеми, и сатирику про-

СПб 82

ТЕЛЕГРАФЪ въ

изъ Бѣжицы

Телеграмма № 11

Принята съ аппарата

№ 17

Со станціи

го 188 г.

Принялъ

Разрядъ. | Счетъ словъ 36 | Подана: го ч. м. по полу | Служебныя отмѣтки:

Мы собравшіеся помолиться о душѣ незабвеннаго Михаила Евграфовича глубоко скорбимъ невознаградимой утратою понесенной вами и всѣмъ Русскимъ обществомъ да поможетъ Вамъ Богъ перенести это тяжелое горе.

Почитатели покойнаго Брянскаго Рельсопрокатнаго завода

ТЕЛЕГРАММА ОТ БРЯНСКОГО РЕЛЬСОПРОКАТНОГО ЗАВОДА С ВЫРАЖЕНИЕМ СОБОЛЕЗНОВАНИЯ СЕМЬЕ САЛТЫКОВА ПО ПОВОДУ ЕГО СМЕРТИ

Институт Русской Литературы, Ленинград

стятся все его промахи и ошибки, «как летописца минуты»... Тогда на могилу этого замечательного русского деятеля, беззаветно любившего свою родину, перестанут бросать бешено каменья, как это делают теперь его враги, неразборчивые в средствах...» («Всемирная Иллюстрация» от 13 мая 1889 г.).

Итак, снова и снова попытки развенчания Щедрина как сатирика, выпячивание его «чисто художественных» творений, направленных к разоблачению крепостной Руси, нейтрализация его революционности. «Южный Край» идет еще дальше и тщится установить, что Салтыков-Щедрин был так же беспринципен, как и... «Южный Край»; это тонко подмечено «Елисаветградским Вестником» (№ 99 от 7 мая 1889 г.):

«Южный Край» вообще недоволен тем, что газеты слишком много заняты смертью Салтыкова и слишком часто называют его гениальным и великим. Князь Мещерский тот откровенно заявляет: «Все говорят: потеря, потеря,— а для меня так никакой потери. Можно сказать даже, напротив,— «находка» [29].

«Южный Край» находит, что все либеральные газеты перехватили через край в своих сетованиях, только-де «Московские Ведомости» и «Петербургские Ведомости» отмалчива-

ются и не обмолвились ни словом о Салтыкове. Это свидетельствует, по мнению «Южного Края», о партийной тупости, присущей как либералам, так и консерваторам. «Не нашего, мол, прихода» — следовательно надо молчать. Между тем Салтыков «ни к какому приходу не принадлежал, а был сам по себе, как всякий даровитый человек».

Полемика завязывалась. Журнал «Новь»[30], незадолго до того основанный издательской фирмой Вольфа, опубликовал письма М. Е. Салтыкова к издателю М. О. Вольфу. Письма эти чисто делового характера: по поводу издания сочинений Салтыкова и продажи через книжный магазин Вольфа изданных самим Салтыковым книг [31].

«Новое Время», газета, которая на лексиконе Щедрина именовалась «Чего изволите» и «Красой Демидрона», поспешила оправдать свою репутацию грязной газеты и тотчас выплеснула ушат самых пахучих помоев [32]. Тогда «Новь» (№ 16 от 15 июня) напечатала ответ — ответ на выступления Буренина («Новое Время») по адресу А. М. Вольфа в связи с опубликованием писем Салтыкова:

«В чествовании памяти М. Е. Салтыкова «Новое Время» заняло довольно уединенное положение», говорит автор статьи. Повторить то, что «Новое Время» говорило о Салтыкове при жизни его, «было бы слишком рискованно. Попытки Буренина писать в ином духе вышли фальшивыми, деланными, смешными». Отсюда раздражение Буренина [33]. Письма, опубликованные «Новью», названы «бессовестной сплетней» («Новое Время» № 4768), а Вольф — евреем. Доказывая, что «Новое Время» клевещет, «Новь» особенно горячо протестует против обвинения в еврействе, при этом ссылается на какую-то петербургскую газету, которая расшифровала, что ни в одной газете не работает так много евреев, как в «Новом Времени», и что сам Буренин связан родством с евреями!..

Между вольфовской «Новью» и суворинским «Новым Временем» «полемика» свелась ко взаимным обвинениям в ...еврействе. Мы ниже увидим, что до той же «принципиальной высоты» поднялась полемика «Новостей» с «С.-Петербургскими Ведомостями»: таков был «стиль эпохи».

В. Буренин в «Критических очерках» («Новое Время» № 4734 от 5 мая 1889 г.) последние две главы статьи посвятил разбору салтыковского номера «Новостей». Номер назван «глупой и низкой поминальной оргией». Статьи, по мнению Буренина, «полны фиглярства, фарисейства, либерального маргарина, вытапливаемого из жидовских лапсердаков», и т. п. Персонально отмечаются Бурениным авторы статей: Михневич, Градовский, Оквич, Никитин. Подробнее Буренин останавливается на выступлениях в «Новостях» М. Семевского, приглашенного газетой со стороны, и на авторах-женщинах: О. Шапир и Цебриковой, а также на стихотворении Крылова. Буренин бранится по адресу всех, наделяя каждого оплевательским эпитетом: чиновник, жид, безграмотный куплетист и т. п. Заканчивается статья так: «Какое счастье, что Салтыков не может слышать этой пошлой болтовни. Каким бы гневом, каким бы сатирическим негодованием исполнился он, если бы услышал все это балалаечно-фарисейское фразерство, исходящее от лиц, которых нравственную сущность он однажды охарактеризовал, назвав их «незаконными детьми, происшедшими от союза Чичикова с Коробочкой».

Щедрин действительно издевался над либералами, над фальшивостью и лакейством российского либерализма. Но, разоблачая либерализм, Щедрин делал это с позиций революционного народничества, а Буренин присоединился теперь к Щедрину и хочет сделать вид, будто Щедрин и нововременец Буренин — союзники.

«Читал Новое Время. Дрянно и бесцветно ужасно»...

Кто мог высказать подобную сентенцию, с такою решительностью?

Приведенную запись находим в «Дневнике» А. С. Суворина [34]. Старый подхалим был достаточно умен, чтобы осмыслить цену своего реакционно-погромного органа, и смотрел на лист «Нового Времени», как пес — на свою блевотину. В другом месте того же «Дневника» читаем: «Газета меня угнетает... Тьма сотрудников, большею частью бездарных»...[35] В. П. Буренин выделялся даже среди «славной плеяды» нововременцев своим прислужничеством, квасным патриотизмом, неразборчивостью в средствах и особой манерой газетного хамства.

В № 4741 (от 12 мая 1889 г.) «Критические очерки» В. Буренина продолжаются.

Статья сделана хитро. Она посвящена оценке литературного значения Щедрина. Сперва оценка дается высокая. Салтыков назван одним из семи китов, на которых держалась русская литература. Щедрин даже сравнивается с Гоголем. Отдельные главы из «Пошехонской старины» и «Господ Головлевых» в художественном отношении почти приближаются, дескать, к Гоголю. Наряду с этим, по мнению Буренина, Щедрин написал и много вещей слабых, журнально-фельетонного типа: «Письма к тетеньке», «Благонамеренные речи», «Пестрые письма» и т. д. Особо останавливается Буренин на сравнении Салтыкова с Гоголем, при чем делается это с целью развенчания Салтыкова, в таланте которого отсутствовало-де «романтическое начало, творческая глубина и сосредоточенность». Это и помешало Салтыкову создать вещи, равноценные гоголевским. Половина статьи посвящена разбору «Губернских очерков», которые, дескать, в момент появления произвели потрясающее впечатление, а сейчас устарели. В статье указывается также, что, несмотря на признанную популярность Щедрина, в действительности его мало читают.

В № 4748 (от 19/31 мая 1889 г.) Буренин еще пуще набирается охоты. Оказывается, что эпизоды и темы «Губернских очерков» довольно однообразны. Выдающихся типов, дескать, в «Очерках» немного. Созданные Щедриным типы не дают завершенной художественной выразительности, как например образы Гоголя... И вообще-де ему далеко до Гоголя. Да и ругали его сильно, например Писарев. И Буренин рассказывает, как Писарев бранил Щедрина.

Читатель уяснил себе сноровку «Нового Времени»: начать с похвал и кончить развенчанием — вот «хитрая механика» Бурениных. И вообще, дескать, Щедрин не жил социально-политическими интересами,— таков припев.

Надо напомнить, что в этом смысле «Новое Время» не могло притязать на оригинальность: mutatis mutandis точно так же вели себя «Московские Ведомости» шесть лет назад в отношении Тургенева: «Тургенев был художником по преимуществу. У всякого свое призвание. Политические интересы мало занимали его, и он не имел твердого гражданского образа мыслей» («Московские Ведомости» 1883 г., № 261 от 20 сентября. Передовица).

Реакционная пресса не стеснялась в средствах. Обман, клевета, доносительство — все пускалось в ход. Правительственные бюрократы понимали это и глубоко презирали «свою» прессу. Победоносцев как-то в разговоре с В. Л. Щегловым, явившемся к нему по какому-то газетному делу, заметил: «Ничего не знаю! знаю, что есть газетные нужнички, а прессы — не знаю».

Рептильная пресса сперва пыталась замолчать Щедрина. Получался явный конфуз: молчать, когда поголовно все газеты всей страны, вплоть до самых захолустных, печатают статьи, портреты, некрологи, было немыслимо. Тогда реакционная газета помещала статью, в которой начинала со славословий, а кончала заборной бранью. Начиналась форменная свистопляска.

Рекорд в этом предприятии побил и пальму первенства стяжал «маститый» клеветник В. Г. Авсеенко из «С.-Петербургских Ведомостей». Помои его стали выплескиваться уже с 1 мая. Еще прах великого сатирика не был предан земле, а Homo (псевдоним В. Г. Авсеенко) уже неистовствовал.

Современная советская молодежь совсем не знает «стиля» российской реакционной печати. Вот почему мы считаем нелишним привести несколько цитат из упражнений В. Г. Авсеенко. Наша молодежь натурально спросит: как же печатали такую грязную бездарь? Ответ прост: редактор-издатель «С.-Петербургских Ведомостей» печатал литературную требуху В. Г. Авсеенко вероятно потому, что редактором-издателем этой неповторимой газеты состоял тот же В. Г. Авсеенко. Сервилизм, квасной патриотизм, самая похабная клевета — вот из чего складывались «литературные ресурсы» В. Г. Авсеенко.

Я не останавливался на «идейном лице» «Нового Времени»,—это и так всем известно. Равно нет надобности распространяться и насчет «Московских Ведомостей» Каткова, который сам называл себя «сторожевым псом» царизма. А вот о «С.-Петербургских Ведомостях» скажем несколько слов.

«С.-Петербургские Ведомости», оплевавшие прах Салтыкова-Щедрина, принадлежали к той категории газет, которые Щедрин иначе не звал, как «Отхожее место».

Сперва «С.-Петербургские Ведомости» во главе с В. Ф. Коршем (с 1863 г.) были органом умеренного либерализма, и тогда Щедрин называл эту газету «Российской пенкоснимательницей». М. Н. Катков употребил все усилия, чтобы выжить В. Ф. Корша, чего наконец добился. С середины 70-х годов Корша в газете не стало. Как это произошло, как тут Б. Маркевич — сподвижник В. Г. Авсеенко — изловчился украсть приличный куш и был в 24 часа изгнан,— это более или менее известно. Между тем В. Г. Авсеенко, «ученая карьера» которого прервалась вследствие каких-то темных делишек, получал выучку в рептильном органе Каткова — в «Русском Вестнике». Завершив здесь свое «литературное» совершенствование, он взял в аренду «С.-Петербургские Ведомости» с тем, чтобы сделать эту газету филиалом «Московских Ведомостей» и продолжать «славную традицию» Каткова [36]. Сей последний давно помышлял иметь в Петербурге свое «представительство», задумав осуществить сей завоевательный план еще десятью годами раньше, только с тем различием, что тогда заместо Авсеенко кандидатом выдвигался литературный близнец Авсеенко — Болеслав Маркевич. Впрочем по бездарности и клеветничеству они друг друга стоили.

В. Г. Авсеенко ко времени вступления во владение «С.-Петербургскими Ведомостями» был уже достаточно «известен». Он уже стяжал себе славу маститого сикофанта. Он уже отверг всю русскую литературу, кроме той, какая печаталась в «Русском Вестнике»; он плевался бешеной слюной на Решетникова, Глеба Успенского и Левитова за то, что из-за них «вся русская литература провоняла мужиком». Он ополчался и против Некрасова, и против Щедрина: это был «закаленный в схватках» доносчик и ябедник. Смотрел он на свою газетку совершенно так, как это определил издатель «Московского Листка» Н. И. Пастухов, заявив на вопрос московского генерал-губернатора князя Долгорукова, каково направление его газеты: «Кормимся, ваше сиясь!» Теперь Авсеенко решил свести счеты со Щедриным и открыл крестовый поход на «Новости» за то внимание, которое оказали либералы покойному сатирику.

«С.-Петербургские Ведомости» вследствие бездарности В. Г. Авсеенко и равнодушия читателя к доносительским талантам сотрудников этого листка дышали на ладан. Ф. М. Достоевский в одном из своих «Дневников» обозвал Василия Григорьевича Авсеенко «коленкоровых манишек беспощадный Ювенал». Эта кличка к Авсеенко пристала навсегда. Он всячески ее утверждал, борясь изо всех силенок против «коленкоровых манишек» и выслуживаясь перед властями, которые ему покровительствовали. Впрочем ничто не помогало: ни покровительство Д. А. Толстого и К. П. Победоносцева, ни обеспечение «обязательными объявлениями»: газетка медленно, но верно издыхала.

В «разговоре» («С.-Петербургские Ведомости» № 117, понедельник 1/13 мая) «Литературная утрата» Homo (Авсеенко) дает характеристику литературной деятельности Салтыкова. Статьею открывается ряд «разговоров» Homo о Салтыкове и по поводу его похорон. «Смерть Салтыкова,—пишет Homo,—составляет бесспорно событие для его многочисленных почитателей. Это была не только самая крупная, но и единственно крупная литературная личность в том лагере, который по старой памяти продолжает именовать себя либеральным... Потому понятны преувеличенные хлопоты над прославлением этого бесспорно даровитого писателя, вызванные его смертью...

Покойный сатирик написал очень много, непозволительно много. Среди написанного есть произведения двух разрядов — в произведениях одного разряда мы встречаемся в нем с талантливым рассказчиком, легко возвышающимся до художественного творчества... В других же — он весь сосредоточился на сильных словечках, перетряхнул весь лексикон непечатной «игры ума» и за истощением материала стал сам изобретать «словечки» «...иногда столь же нелепые, как деланное шутовство господина Лейкина»... Популярность и славу, по словам Homo, Салтыков стяжал не лучшими своими вещами, «замечательными произведениями» («Губернские очерки», «Господа Головлевы», «Пошехонская старина»), а «неперечислимой массой сатирических очерков тяжелых, неопрятных... в большинстве состоящих в нестерпимом жестикулировании профессионального весельчака и забавника»...

ПОХОРОНЫ САЛТЫКОВА
Зарисовка художника-корреспондента «Всемирной Иллюстрации», воспроизведенная в № 20 от 13 мая 1889 г.

В № 118 (вторник 2/14 мая) неутомимый сикофант продолжает уже в более развязном тоне: «...Очень хорошо, когда общество ценит своих выдающихся людей. Покойный Салтыков был бесспорно выдающийся писатель... Но гораздо лучше, когда почести воздаются человеку в меру, в особенности это применимо в данном случае (похороны Салтыкова)». Homo считает, что многие сошедшие со сцены литературные и общественные деятели заслуживали не меньшего внимания, чем Салтыков. «Писемский, Катков, Болеслав Маркевич были популярны в той части общества, которая на улицу не выходит, по редакциям не рыщет и поставку траурных принадлежностей на себя не принимает; их и похоронили иначе»...

Следующий «разговор» озаглавлен очень «тонко» — «Катафалк глупости». Катафалк глупости это — по «остроумному» замечанию Авсеенко — салтыковский номер «Новостей». Авсеенко считает, что Салтыкова хоронили не те люди, кому надлежало его хоронить... «Вся литературно-общественная тризна по Салтыкове много выиграла бы с устранением тех элементов, которые в ней преобладали». Например «фельдшерицы Екатерининских курсов, акушерки Надеждинских курсов, какие-то «сыны народа», какие-то «благодарные евреи», грузинская газета «Иверия», еврейская газета «Восход», «Новости», «Вестник Европы», принадлежащие еврейско-польско-инородческому направлению», и т. д.

Заключительная часть статьи посвящена объяснению причины благодарности евреев Салтыкову.

Статья в номере от 5 мая подводит итоги всем предыдущим «разговорам», отмечая, что они вызвали много возражений. Итоги впечатлений от похорон Homo формулирует так: «Акушерско-еврейский элемент преобладал настолько, что даже претил истинным почитателям покойного писателя... Действовала не литература, а какой-то хвост литературы. Не общество, а какой-то хвост общества. Звучали какие-то «забытые слова», т. е. всякие гражданские глупости, которые с чувством, с толком, с расстановкой могут произносить лишь учащиеся дети, а из взрослых лишь безнадежные хотя и горластые тупицы»...

Тайну исключительного успеха Салтыкова Homo видит в том, что Салтыков «потакал вкусу русского человека к самооплевыванию и его любви к грубым непечатным словам». Салтыков-де на Россию смотрел «как на помойную яму». В его произведениях, дескать, «так и чувствуется забота автора: нельзя ли выразиться как-нибудь еще грубее, нельзя ли придумать такое словечко... и вообще написать так, чтобы и цензура пропустила, и читатель между тем заржал бы всей утробой»...

После «Катафалка глупости» следует еще более забористая статья — «Экзекуция глупости». Это — «изысканный» ответ на выступление «Новостей» по поводу статьи Homo

«Катафалк глупости». Приводим образчик стиля: «Чего хотят от меня эти тупицы? не знаю и не интересуюсь знать... Беситесь, если это вам нравится. Будь у вас немножко ума и таланта, вы были бы благодарны мне. Ведь мое вмешательство в вашу жидовско-акушерскую тризну выяснило вам, что старые приемы для организации якобы литературно-общественных манифестаций уже не годятся...»

В «разговоре» в следующем номере Авсеенко отмечает, что по примеру «Новостей» («глупость страшно заразительна») и ряд провинциальных газет напечатал статьи в связи со смертью Салтыкова в том же «еврейско-акушерском духе». «Еврейско-акушерская волна разлилась широкими кругами, и провинциальные пискари радостно захлебываются в ней». Снова повторяется, что, дескать, Салтыков популярен среди евреев потому, что он занимался «загаживанием России. Россия — помойная яма, в которой барахтаются всякие русские свиньи... Жидов, немцев, поляков, весьма прикосновенных к этой помойной яме, сатирик не трогал... евреи любят Салтыкова еще и потому, что он любил Россию, верил в ее будущее... но это не та Россия, которую страшно полюбили бы жиды, если бы она могла когда-нибудь возникнуть на месте настоящей русской России...— Россия насквозь проплеванная, отказавшаяся от самой себя».

Из номера в номер Авсеенко неутомимо строчит. «Разговор» его от 12 мая озаглавлен: «Пляска лапсердаков». Здесь Авсеенко становится уже на «деловую ногу»: он просто пишет донос и призывает недремлющие власти наложить кару на противников. Авсеенко-Homo мотивирует злобу «Новостей» тем, что он разоблачил их «еврейскую игру». «Вы очень хорошо знаете, какой изъян причинил я вашему делу своими «Разговорами» о Салтыкове в сооруженном вами Катафалке глупости... Вы с ума сходите от того, что я выставил на вид параллель между еврейской закваской нынешнего либерализма и польскими влияниями 60-х годов».

Мягко сказано — «параллель». А между тем параллель эта заключалась вот в чем: в предыдущем номере Авсеенко доносительствовал на «Новости» и прочих своих оппонентов, сближая их с польскими повстанцами 1863 г. и намекая при этом, что, дескать, не мешало бы применить к ним мероприятия, входившие в практику графа Муравьева-Вешателя. Homo отводит обвинение «Новостей» в том, что он отрицает и оплевывает Салтыкова. Он напоминает, что во всех своих статьях подчеркивал значение Салтыкова как «крупного русского писателя». Задачей его выступлений «было лишь разоблачение— откуда чесночный запах вокруг могилы русского сатирика».

Как видит читатель, орган Авсеенко сумел «подняться» на соответствующую «принципиальную высоту». Наш современный советский молодняк не верит своим глазам: неужели в столице мыслима была подобная грязная пошлятина?

«С.-Петербургские Ведомости» были лишь эпигоном своего шефа «Московских Ведомостей». Авсеенко явился подражателем, старательным учеником. Посему не побрезгуем заглянуть в оригинал. Вот что писал по поводу выступления «Московских Ведомостей» «Сын Отечества» (в номере от 6 мая 1889 г.):

«Моск. Вед.», вслед за своим петербургским соратником «Гражданином», остались при особом мнении насчет М. Е. Салтыкова. Заимствуем маленькую цитату из бесподобной статьи наследников Каткова:

«Приобрести популярность при той системе, которой держался Щедрин, действительно было не трудно,— пишут «Моск. Вед.» — Он эксплоатировал в самых широких размерах ту общечеловеческую слабость, всего более присущую нам, русским, и состоящую в стремлении «посмеяться над человечеством». В любой школе всегда найдется ученик, пользующийся большою популярностью среди своих товарищей благодаря тому, что он передразнивает своих наставников и рисует на них смешные карикатуры. Та же самая школьническая наклонность проявляется и у взрослых людей, которые тоже непрочь потешаться надо всем, что повыше их».

«Щедрин понял все, что можно было извлечь из этой наклонности: он сделал шаг дальше и употребил все свое блестящее дарование на то, чтобы издеваться не над каким-нибудь отдельным начальником, а над правительственною властью вообще. Он не ошибся в расчетах: он в одно и то же время прослыл и «гениальным сатириком», и

«столпом либерализма». Это было более чем нужно для того, чтобы попасть в «великие люди» в глазах «передовой» части нашей интеллигенции».

«Мы взяли еще наиболее скромное место. Газета не задумалась обвинить Салтыкова прямо в революционных замыслах, уверяя, что он «сознательно подавал свою руку крамоле». Сатиры Щедрина газета «Моск. Вед.» ставит в ряд с подпольными листками и даже с динамитными бомбами... Не слишком ли уж переусердствовали гг. публицисты со Страстного бульвара?»

Так писал «Сын Отечества». Он не заметил только одного: статьи «Московских Ведомостей» написаны по всем правилам «искусства». Катковские «мошенники пера» стараются войти в доверие читателя своею показной «объективностью»: сообщаются даты, биографические справки и пр. Затем сыплются похвалы Салтыкову,— дескать, мы его любим и ценим: «За немногими исключениями все произведения покойного принадлежат к тому роду литературы, который принято называть «обличительной сатирой» и который нигде так не процветает, как у нас на Руси. М. Е. Салтыков был до некоторой степени родоначальником этой специфической русской сатиры и несомненно самым блестящим ее представителем. Он мастерски владел средствами выражения и по обогащению литературного русского языка может быть поставлен из современных писателей наряду только с А. Н. Островским. Многие выражения и многие неологизмы Щедрина вошли в литературный обиход. Не было нового произведения М. Е. Салтыкова, из которого не цитировались бы отдельные выражения, эпитеты, прозвища, совершенно так же, как делалось это по отношению к каждой новой пьесе А. Н. Островского»...

Далее сердце борзописца не выдерживает. Он начинает помаленьку мазать Щедрина грязью, разбавленной фальшивыми комплиментами, дальше выплескивается ушат пахучих помоев, а затем намекается — довольно прозрачно — что, дескать, книги Щедрина надлежит немедленно изъять, запретить и сжечь; что же касается шума по поводу похорон, то это просто очередная еврейская интрига.

Статья эта весьма характерна. Приведу из нее цитаты. Выше автор статьи сопоставлял Щедрина с Островским. Этот последний незадолго до смерти получил от Александра III пенсию и лично представлялся царю. Катковский выкормок пишет:

«Мы сейчас поставили М. Е. Салтыкова наряду с А. Н. Островским. Но если оба эти писателя, современники в полном смысле этого слова, пользовались при своей жизни почти одинаковой популярностью, то в основе литературной их деятельности лежит громадное различие.

Оба представляют в своих произведениях драгоценный материал для истории. Но в то время как историк прямо почует правду в произведениях А. Н. Островского, ему придется делать много исследований, прежде нежели он найдет ключ к сатирам Щедрина и восстановит действительное положение вещей из того намеренно фальшивого положения, в каком они являются у нашего «знаменитого сатирика».

«Точно так же произведения обоих писателей, как А. Н. Островского и М. Е. Салтыкова, будут несомненно изучаться последующими поколениями не только в качестве исторического материала, но и в качестве произведений изящной литературы, но в то время, как герои нашего драматурга будут становиться все ярче, все жизненнее, все естественнее и понятнее, герои Щедрина постепенно будут бледнеть, утрачивать смысл, поражать своею фальшью и искусственностью и наконец станут достоянием собирателей старинных курьезов, тогда как лучшие комедии Островского еще долго будут очаровывать слушателей и читателей всею свежестью своего вечно юного поэтического юмора».

«Нетрудно понять причину этой столь различной судьбы, ожидающей обоих писателей: М. Е. Салтыков писал исключительно и специально для русской интеллигенции семидесятых и восьмидесятых годов, а А. Н. Островский — для всего русского народа, не ограничиваясь каким-либо определенным временем или какими-нибудь определенными категориями своих читателей».

«Это одно. Другая же причина заключается в том, что А. Н. Островский изображал как истинный художник, без всякой предвзятой тенденции живые русские типы из живой русской жизни, не скрывая ни хороших ни дурных ее сторон, Щедрин же ловкой рукой набрасывал перед нами смелыми штрихами уродливые карикатуры из столь же

уродливой жизни, вымышленной им под влиянием тенденции и не содержащей в себе ничего кроме самых безотрадных пошлых явлений. Таким образом в результате литературной деятельности получились: у А. Н. Островского — художественная истина, у М. Е. Салтыкова — искусственная фальшь».

«В последнее время у нас много говорили о тенденции в искусстве. Едва ли в нашей литературе можно найти более наглядный пример крупного художественного таланта, загубленного тенденцией, чем это мы видим в Щедрине. Если всмотреться в литературную деятельность М. Е. Салтыкова, то есть о чем пожалеть: и талант у него был крупный, и погубил он его дотла. Начать с живых типов «Губернских очерков» и кончить какими-то даже не всегда остроумными пошехонскими карикатурами — какая печальная картина постепенного, систематического падения в угоду модной тенденции и дешевой популярности».

«Если резюмировать в нескольких словах то положение России, которое изображается на всякие лады в «сатирах» Щедрина, то оно представится нам в следующем виде: «В России нет ни одного представителя административной власти, от министра до последнего городового включительно, который не был бы или бесчеловечным извергом или круглым идиотом; население России состоит из самых мирных, кротких, наивных «обывателей», которые терпят невероятные мучения, истязания и преследования со стороны вышеописанных представителей администрации; одним только негодяям, пошлякам и мошенникам счастливо живется в России».

«Эти-то совершенно фальшивые, но с высшей степени благодарные темы послужили основанием для всех бесконечных вариаций, которые измышлял Щедрин в виде своих «обличительных сатир». Он их перетасовывал и пережевывал на всевозможные манеры, так что под конец многим даже из своих поклонников оскомину набил. Дальше этого он не шел, потому что не мог итти, потому что на этом пути дальше итти некуда, а всякий другой путь для своего таланта он самовольно закрыл в угоду все той же моде и тенденции. От него требовали все новых и новых, все более и более «пикантных» карикатур, и он под конец уже ничем, кроме как карикатурами, успеха добыть себе не мог».

«М. Е. Салтыков внес в свою литературу чисто политические мотивы. Справедливость поэтому требует, чтоб его деятельность была оценена и с политической точки зрения и здесь его нельзя будет оградить от раздающихся справедливых против него упреков».

«Он издевался над правительственною властью в то именно время, когда власть эта боролась против самой гнусной, самой преступной крамолы, которой он таким образом сознательно подавал свою руку. Он вооружал своим бичем не против цареубийц, а против верных царских слуг, которые проливали свою кровь, защищая Престол, он над ними издевался самым циническим образом, и всеми чувствовалось, что тут оставался один только шаг до более возмутительного еще издевательства».

«В тяжелое смутное время конца семидесятых и начала восьмидесятых годов «сатира» Щедрина *была таким же развращающим и разрушающим орудием в руках наших террористов, как и их подпольные листки, заграничные брошюры и динамитные бомбы*. М. Е. Салтыков знал это и не прекращал своих глумлений над теми мерами, которые правительству приходилось принимать в борьбе с революционным террором. *Террористы того времени делились на нелегальных и легальных деятелей; Щедрин был несомненно самым ярким и самым даровитым представителем последней категории*, принесшей России гораздо больше нравственного вреда, чем первая».

«Ниже [37] мы печатаем статью бывшего террориста Льва Тихомирова, ныне с ужасом сознающего всю глубокую мерзость своих прежних заблуждений. Он говорит между прочим и о том, как у нас юноши делаются революционерами под влиянием «легкомысленного либеральничанья старших».

«Сначала,— говорит Лев Тихомиров,— человек просто увлекается. Родные идеалы пред ним были загрязнены и оплеваны в то время, когда он еще был мальчиком, в то время, когда он с легковерной неопытностью прислушивался к лганью разных отрицателей и к болтовне легкомысленных родителей, родственников и знакомых: все кругом ему представлялось скверным, гнилым и глупым».

«Не из сочинений ли Щедрина всего более выносишь то фальшивое убеждение, будто все кругом нас скверно, гнило и глупо? Не сочинениями ли Щедрина зачитывалась и зачитывается, к сожалению, значительная часть нашей молодежи? Не на Щедрине ли поэтому лежит тяжелая доля ответственности за тех несчастных юношей, которые отданы были на съедение революционным теориям».

«Таким образом политическая деятельность Щедрина производит еще более грустное впечатление, чем его деятельность литературная. Как политик он представляет чисто отрицательную величину, как художник он представлял сначала величину положительную, которая лишь впоследствии сделалась уродливо односторонней от соприкосновения с его ложною политическою тенденцией, под влиянием которой он из блестящего сатирика мало-помалу превратился лишь в хлесткого карикатуриста».

Букет «литературной полемики» отдает сточной канавой. Свистопляска не ограничивается приведенными участниками. В свалке подала голос и «Петербургская Газета». Она «возмущена» поведением спорящих сторон, она сейчас внесет ясность, она подымет спор на должную высоту. Слушайте, слушайте!

«Петербургская Газета» № 123, воскресенье 7 мая 1889 г.:

«В каком-то старом водевиле поется куплет: «всему на свете мера» и тут же прибавляется для рифмы «Да здравствует мадера!» Положим, мадеры теперь почти уже никто не пьет, но старинный водевильный куплет припомнился мне совсем по другой причине. Следя за газетной полемикой, возгоревшейся на могиле Щедрина, я заметил, что оба неприязненные литературные лагеря переступили за черту демаркационной линии. Увлечение хлынуло уже через край. Относительно «каннибалов», имеющих привычку устраивать тризны и оргии по всяком первоклассном писателе, это уже было высказано достаточно, но нельзя сказать, чтобы в границах правды оставались и те строгие ревнители литературного почитания, которые в Щедрине готовы видеть чуть-чуть не мелкую сошку, неспособную возвыситься над уровнем обычной житейской пошлости. По сочинениям Щедрина, писавшего «непростительно много», этот легкий парадокс, пожалуй,

ПОХОРОНЫ САЛТЫКОВА

Зарисовка художника-корреспондента «Всемирной Иллюстрации», воспроизведенная в № 20 от 13 мая 1889 г.

можно бойко доказывать, но труды всякого автора гораздо правильнее можно оценить совокупно с его личностью, а личность Щедрина была, кажется, малодоступна для неведомых посмертных друзей или, образнее выражаясь, червей, бросившихся из неостывшего еще трупа высасывать всяческие гражданские добродетели и политические вожделения».

Еще раньше та же газета писала:

«По поводу похорон М. Е. Салтыкова удивительный «развод с церемонией» своим сотрудникам устроили вчера «Новости». Почтенная газетка заставила всех своих писателей, от г. Грегорь-Градовского [38] до редакционного рассыльного сказать по нескольку слов «на гроб Щедрина». Даже сам г. маркиз О'Квич [39] разразился следующим «парадоксом»: «Я думаю, что чем скорее мотивы и явления, послужившие сюжетами для произведений почившего сатирика, уйдут в область забвения, а следовательно,—чем менее понятными станут эти произведения, тем полнее и ярче обнаружится великая заслуга Михаила Евграфовича перед русским обществом и русской литературой». В этом отношении «великие заслуги» самого маркиза О'Квича уже обнаружились совершенно «ярко и полно»; его понимать совершенно невозможно. Понятна только его изумительная готовность выплясывать рекламную качучу себе и «своим из насих» даже на свежей могиле».

Впрочем газета не всегда держится «в рамках» деловой беседы,— она показывает свою истинную физиономию уже 4 мая:

«Щедрина хоронили самозванцы, навязавшиеся ему в родство, люди, не понимавшие его, так как понимать Щедрина могут только «зрелые люди», а не «любознательные девицы»... или те молодые люди по фамилии Иванов, Петров, Сидоров, которые ораторствовали с крыши церковного здания. Какую связь имеют эти имя-реки с крупными писателями? Но еще более странным и даже дерзким кажется присасывание к свежему трупу еврейских червей, каких-то Лейбовичей, Абрамовичей, Лифшицев».

Вот это настоящий язык!

«Петербургская Газета» С. Н. Худекова — самая маленькая, самая распространенная и самая грязная газетка тех времен. Газета держалась «на скандале», ловя его, смакуя, размазывая и «подавая на блюде» своему «читателю». В свистопляске по поводу смерти Щедрина газетка приняла «живое» участие.

Статьи писал Руслан. Руслан — это известный И. А. Баталин, «вульгарный сатанист», как его звали в газетных «сферах». Он начал свою карьеру с сотрудничества в «Биржевых Ведомостях», затем служил в охранке, основал уличную газетенку «Минута», субсидируемую полицией, затем, когда «Минута» прогорела, стал писать фельетоны в «Петербургской Газете» Худекова.

Вот этому-то «мошеннику пера» и было поручено «распатронить» Щедрина. Газета засуетилась. Газета горячится, благородно негодует. Почтенный орган печати спешит на помощь своему единомышленнику, «С.-Петербургским Ведомостям», и их «вождю»—Авсеенко. В № 129 от 13 мая 1889 г. «Петербургская Газета» продолжает:

«В полемике «Новостей» с г. Авсеенко последний оказался гораздо более приличным и воспитанным, чем его евреи-антагонисты из еврейской газеты. Он ни родни, ни восходящих родственников г. Нотовича в своей отповеди не затронул. Он только картинно описывает «пляску лапсердаков» вокруг его персоны: «Пейсы развеваются,— говорит он,— в облаках жидовского смрада, иерихонская труба играет ускоренный темп, и они ловко ловят момент, когда полы лапсердаков достаточно разлетаются, чтобы можно было подшлепнуть себя сзади пантофлями. Движения становятся все быстрее, все потливее, а занавес не опускается».

«Петербургскую Газету» хлебом не корми: подавай ей скандал. На скандалезной грязи построен ее план, зиждется ее успех. Скандал разгорелся в соседнем приходе, в «С.-Петербургских Ведомостях», — «Петербургская Газета» ликует и перепечатывает, захлебывается, смакует:

Милостивый Государь

Михаил Матвеевич!

Только теперь в нашу глушь пришла печальная весть о кончине Михаила Евграфовича Салтыкова. Глубоко почитая великого писателя редактора журнала, на чтении которого мы воспитывались, мы просим Вас выразить семейству покойного наше соболезнование.

г. Березов Тоб. губ.
1889 г. 22-го Мая.

В. Фролов
Н. Крутовский
Н. Флёров
А. Бородин
Л. Бородина-Ананьина
Л. Колмагоров
А. Колмагорова
Г. Богучков

ПИСЬМО ГРУППЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ ОТ 22 МАЯ 1889 г. К М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ С ВЫРАЖЕНИЕМ СОБОЛЕЗНОВАНИЯ СЕМЬЕ САЛТЫКОВА ПО ПОВОДУ ЕГО СМЕРТИ

Институт Русской Литературы, Ленинград

«Договорились!!. «Новости» в своей полемике с г. Авсеенкой дошли до обычного — «а если и тетка у него есть, то чтобы и тетке»... «Новости» до родни Авсеенко добрались».

«С умом г. Авсеенки мы уже знакомы,— говорят они,— а каковы честность и правдивость этого господина, можно заключить уже из той статьи, что, выпуская против Щедрина такой сильный, по мнению этого сорта людишек, аргумент, как «жидовство», г. Авсеенко тщательно скрывает, что сам находится в очень близком родстве с еврейкой. Таким образом «жидовским» писателем и, если угодно, «жидовским мужем» является г. Авсеенко, а не Щедрин»...

«Бррр... Это называется «полемикой» (!) «больших» (?!) газет, умеющих находить «сучки» в малой прессе. Стыдитесь, большие «бревна» в чужом глазу сучек подметят, в своем не видят и бревна»...

Картина была бы не полной, если бы мы ограничили наш обзор столичной прессой. В первопрестольном граде Киеве тоже существовала газета — «Киевлянин». Она не осталась чуждой полемике. В разделе «Среди газет» читаем («Киевлянин», 6 мая 1889 г.):

«Редакция «Новостей» in corpore почтила память М. Е. Салтыкова сочувственными заметками, статьями и воспоминаниями. Все это большею частью написано с чувством,

тепло, хотя встречается и лишний мусор вроде воспоминаний о том, как автор принес покойному какую-то статью, о которой последний отозвался неодобрительно и... больше ничего. Но в числе этих заметок встречается следующий единственный в своем роде философский парадокс маркиза О'Квич: «Говорят, что Щедрин становился с каждым днем все менее понятным: молодое поколение уже и теперь недоумевает над лучшими его произведениями; не пройдет и десяти лет, как к каждому его слову потребуется особый комментарий...

Я думаю, что чем скорее мотивы и явления, послужившие сюжетами для произведений почившего сатирика, уйдут в область забвения, а следовательно, чем менее понятными станут эти произведения, тем полнее и ярче обнаружится великая заслуга Михаила Евграфовича перед русским обществом и русской литературой».

«Что хотел сказать маркиз этим диковинным парадоксом и какую сторону щедринского таланта он этим уяснил?»

Вся эта «полемическая» азартность реакционного «Киевлянина» станет понятна, если сообразить, что О'Квич расшифровывается так: О. К. Нотович, редактор-издатель «Новостей». Выше уже говорено о «либерализме» этого органа. Но все же «Новости» держались своей линии и намекали довольно ясно, «что чем скорее мотивы и явления, послужившие сюжетами для произведений почившего сатирика, уйдут в область забвения, тем полнее и ярче обнаружится великая заслуга Михаила Евграфовича»... Реакционный «Киевлянин» не хочет понять этих прозрачных намеков и издевается над Нотовичем.

В отделе «Среди газет» («Киевлянин» № 104, суббота 13 мая 1889 г.) помещено:

«На свежей могиле М. Е. Салтыкова петербургские литераторы самым свирепым образом перегрызлись между собой. Из всей этой своеобразной «полемики» приведем следующий наиболее характерный образчик:

«Куча, на которую я наступил, начинает издавать зловоние. «Новости» завозились под опрокинутым на них ими самими сооруженным «Катафалком глупости» и состряпали ругательную статейку, долженствующую, по их мнению, совершенно потопить меня в том смрадном жидовском поте, каким они обливались, сочиняя ее. Литературные ничтожества, пришибленные одним щелчком, визжат и корчатся в конвульсиях».

«Чего хотят от меня эти тупицы, не знаю и не интересуюсь знать. Вижу только, что мне удалось основательно пронять их, и сознаюсь откровенно, что их бесноватые корчи на сковороде собственной глупости представляют довольно отрадное зрелище. Глупость и пошлость страшны только своею неуязвимостью; рука, стегающая по ним, может опуститься в отчаянии только тогда, когда на их толстой коже не остается никаких рубцов. Этого не случилось, и теперь, когда свинцовые седалища обнаружили вполне достаточно чувствительность, я могу без особенного труда объяснить сотрудникам «Новостей» их собственное...» и т. д.

«Знаете, кто говорит эти милые речи? Г. Homo в «С.-Петербургских Ведомостях» — он же и редактор академической газеты [40], г. Авсеенко».

Характерно при этом вот что. «Киевлянин» с удовольствием цитирует грязные выпады Авсеенко, но тут же делает вид, будто совсем не знает, кто этот Авсеенко, и отмежевывается от него. Между тем Авсеенко в свое время печатался не только в «Московских Ведомостях» Каткова и в «Русском Мире» [41] генерала Черняева, но и в ... «Киевлянине». Авсеенко был правою рукой редактора-издателя газеты В. Я. Шульгина (отец В. В. Шульгина). Впрочем надо сказать правду: в те времена Авсеенко еще стеснялся своей деятельности и писал под псевдонимом В. Порошилов.

* * *

Тема не исчерпана в данной статье. Мы не коснулись ни целого ряда статей и откликов провинциальной прессы, ни зарубежной вольной русской прессы, ни заграничной иностранной печати, что должно составить предмет специального исследования. Мы не коснулись частной переписки, дневников, стихов и других интимных объектов.

И все же даже в тех пределах, в кои уложилась данная статья, получило свое отражение общественное отношение к смерти великого сатирика. У свежей могилы разгоре-

лись страсти. Реакционная пресса неистовствовала. Либералы пытались примазаться к незапятнанной славе Щедрина и старались взять руководство общественным мнением в свои руки. А на общем фоне безвременья пророчески зазвучал голос кавказских рабочих, как бы знаменуя перед десятилетием 90-х годов свое скорое выступление и как бы подавая свой предварительный клич накануне международного рабочего социалистического конгресса в Париже, где прозвучали летом того же 1889 года вещие слова: «Революционное движение в России восторжествует только как рабочее движение, или же не восторжествует никогда».

А. Ефремин

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской. ГИЗ. 1922. Стр. 103.

[2] Скабичевский, А. Литературные воспоминания. М., 1928. ЗИФ. Стр. 333.

[3] Салтыков-Щедрин, М. Е., Письма (1845—1889). ГИЗ. 1925. Стр. 254.

[4] Кстати сказать, это тот самый В. И. Лихачев, с которым совместно А. С. Суворин купил в 1876 г. «Новое Время». Вскоре В. И. Лихачев из «компании» вышел.— Либерал этот должен был выйти в отставку после скандальной истории с закупкою хлеба голодающим в 1892 г.

[5] «Русский Курьер» издавался Н. П. Ланиным, главою фирмы ланинских шипучих вод.

[6] Опись венкам занимает в газетах целые столбцы.

[7] Приводим для образца сообщение, напечатанное в московской газете «Русский Курьер» от 2 мая 1889 г.: «В художественных магазинах выставлены прекрасные портреты скончавшегося знаменитого писателя, привлекающие массу публики к окнам магазинов».

[8] Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Биографический очерк. Москва. 1889 г.— Н. Ж. Мих. Евгр. Салтыков (Н. Щедрин). Биографический очерк. Одесса. 1889.— Салтыков-Щедрин (с портретом). Казань, 1889 г.

[9] Власти опасались демонстрации. Но либералы вели себя паиньками. Приводим рапорт агента охранки о похоронах Салтыкова:

«Состоявшиеся 2-го мая похороны писателя М. Е. Салтыкова (Щедрина), несмотря на громадное стечение участвовавших в печальном шествии, преимущественно из учащейся молодежи, прошли совершенно спокойно, и порядок ни в чем нарушен не был. По окончании заупокойной литургии и отпевания на Волковом кладбище гроб, покрытый венками, из которых на одном, от «технологов», имелась надпись «Борцу за правду» — отнесен на могилу студентами разных учебных заведений. Здесь начались речи, говорили в числе других: Арсеньев, Абрамович, Орест Миллер, Тимирязев и два студента: Петербургского Университета Захарьин и Военно-Медицинской Академии Михаил Иванов.

Речи касались деятельности покойного как «обличителя неправды». При этом, однакоже, речи Ореста Миллера и Тимирязева отличались некоторою тенденциозностью. Кандидат прав, еврей Абрамович, в своей речи указывал, что в то время, как высшие власти поощряли погромы евреев, один только Салтыков решился поднять голос в защиту еврейства. Студент Захарьин в прочитанном стихотворении старался показать, что Салтыков умел «будить уснувшие рабские силы» и что со смертью его гибнет надежда на то, чтобы «угнетенные» услышали слово, ободряющее их.

3 мая 1889 г.»

Событие взволновало С.-Петербургского градоначальника. Он доносит о совершившемся:

Конфиденциально

С.-Петербургского
9 мая 1889 года
градоначальника
№ 4937

Милостивый Государь
Петр Николаевич.

В день похорон литератора Салтыкова на могиле его было между прочим произнесено студентом С.-Петербургского Университета Сергеем Александровым Захарьиным стихотворение, обратившее на себя внимание присутствовавших лиц.

Вызванный во вверенное мне Управление Захарьин заявил, что означенное стихотворение он произнес экспромтом и по требованию воспроизвел таковое.

Стихотворение это в копии имею честь препроводить при сем Вашему Превосходительству для сведения, прося Вас принять уверения в моем совершенном почтении и преданности.

Грессер

[На полях пометка чернилом рукою Дурново: «Представить г. Товарищу министра Его Превосходительству П. Н. Дурново.
(весьма неблагонадежные стихи)».
На пометке: штамп «Читал»].
Карандашом: «к делу. Занести в алфавит».

Угас царь мысли. Величаво
Склонилось гордое чело.
Минуло время русской славы,
Оно дало нам что могло.
Оно дало нам ряд великих,
Достойных памяти реформ,
Рабов несчастных полудиких
Поставив в сень законных норм.
Оно в историю России
Вписало светлый ряд страниц
Родив в замену тирании
Плеяду славных, светлых лиц.
И в память русских поколений
Запечатлелась навсегда
Эпоха ряда возрождений
Шестидесятые года.
Ты был один из той плеяды
Великих граждан и людей,
Кто отдал все не ждя награды
На благо родины своей.
Но люди те сошли со сцены
Их, свет, боровшийся со мглой,
Погас давно, им нет замены
В борьбе России вековой.
И ты один остался. Лиры
Великой долго звук стонал...
Но скорбный смех твоей сатиры,
От сна рабов не пробуждал.
Среди всеобщей апатии
К делам страны своей родной
Один спасал ты честь России
Один будил ты нас порой.
И нет тебя... Смежились очи,
Умолк твой смех, будивший нас.
Умолк навек. Под кровом ночи
Последний чудный свет погас.

Дело Департам. полиции, 3 делопроизводство, № 226 «О чествовании памяти умершего литератора М. Е. Салтыкова». 1889 г., лл. 6, 7.

[10] О сем было немедленно сообщено в Департамент Полиции. Вот этот документ:

8 мая 89
Секретно.

Милостивый Государь Петр Николаевич,

Кроме официальной панихиды, отслуженной в местном соборе по скончавшемся Министре Внутренних Дел, на которой присутствовал Генерал-Губернатор, градоначальник и другие лица,— 30-го апреля была заупокойная панихида в Университетской церкви, где совершенно отсутствовали профессора.

2-го мая, обществом покровительства литераторов, была в соборе отслужена панихида по Салтыкове, на которой присутствовал генерал-губернатор, бывший в мундире, состоящий при Министре Внут. Дел Тайный Советник Богданович, профессор Кирпичников, по инициативе которого, кажется, состоялась панихида, и еще несколько лиц из учебного ведомства и студентов.

Ввиду высказанного Вами желания, чтобы были сообщаемы выдающиеся факты местной жизни, имею честь почтительнейше довести о сем до сведения Вашего Превосходительства, покорнейше прося принять выражение моего глубочайшего уважения и преданности.

П. Цугановский

Одесса 4 мая 1889 года

Его Превосходительству П. Н. Дурново.

[На полях пометка рукой Дурново: «Представить г-ну Товарищу Министра». Поперек этой пометки надпись «исполнено». Сверху «к делу». Подчеркнутые в тексте слова и

имена в подлиннике подчеркнуты красным карандашом. Фамилии Салтыкова, Богдановича, Кирпичникова отмечены также синей птичкой.]

Дело Департамента полиции. 3 делопроизводство, № 15 «По бумагам разного содержания». 1889 г., л. 70.

[11] Совет Саратовского Литературного Фонда редакции «Саратовского Листка» и «Дневника».

Телеграмма

Петербург, М. М. Стасюлевичу из Саратова 30 апреля 1889 г.

Совет саратовского литературного фонда редакции саратовских газет Листка и Дневника, отслужив сегодня панихиду, просят возложить металлический венок с надписью на могилу Михаила Евграфовича Салтыкова и передать сердечное соболезнование семье покойного.

Председатель совета Фролов
редакторы Хованский, Лебедев

[12] Петербург, в редакцию Вестника Европы Стасюлевичу
из Тулы 25 мая 1889 г.

Общество тульских врачей просит вас передать семейству покойного Михаила Евграфовича Салтыкова искреннее соболезнование о постигшей его утрате и о нашем горе, что не услышим более могучего слова, призывавшего к любви и справедливости.

Президент Ульянинский
Секретарь Хелевинская

[13] Телеграмма.

Петербург Салтыковой из Казани 1 мая 1889 г.

Казанское русское соединенное собрание, глубоко пораженное кончиной вашего супруга, почти полвека стоявшего главе родной литературы, выражает единодушно глубочайшее сожаление невознаградимой утрате.

Председатель Вороников

[14] Шелгунов, Н. В., Очерки русской жизни. С.-Петербург. 1895, стр. 914—915.

[15] Для образца приводим телеграмму от симферопольских почитателей и частное письмо Е. С. Щепотьевой, адресованное Н. К. Михайловскому. Вот текст телеграммы:

«Петербург, редактору Вестника Европы Стасюлевичу, из Симферополя, 19 мая 1889 г.

Симферопольские почитатели незабвенного Щедрина просят вас передать глубокое сочувствие осиротелой семье Михаила Евграфовича Салтыкова. Скажите, что у всех нас крепко болит душа, потрясенная незаменимой утратой. Смерть великого писателя выяснила нам, что несмотря на все усилия «Чумазого», прочих гадких противников прогресса у нас еще много сил готовых беззаветно пожертвовать собою для осуществления идеалов гуманности и добра. Наша решимость провести в жизнь эти идеалы да послужит лучшим венком на могилу Щедрина».

Вот текст письма Е. О. Щепотьевой Н. К. Михайловскому:

30 апреля 1889 г. [Москва].

Милостивый Государь
Николай Константинович.

Простите, я Вам совершенно незнакома, и все-таки решаюсь писать о том, чем полна душа, потому что есть моменты, когда независимо от всяких условных, внешних преград на первый план выступает внутренняя связь, духовные интересы людей.

В данном случае это интересы и скорбь осиротелого читателя, в числе тысячи других горячо преданного и любящего передовую русскую литературу, столпом которой был великий покойный писатель,— эта духовная связь такого огорченного читателя с Вами, кот. стоит на видном месте в рядах этой литературы, работали вместе с Щ., и являетесь теперь рельефнее нежели когда-либо носителем его заветов.

Повторилась старая история: только с момента смерти Щедрина стало вполне ясно и ощутительно, какую огромную нравственную роль играл он как деятель слова и как личность, стоявшая до последнего вздоха на своем посту. И с его смертью для нас, читателей, точно порвалось, точно исчезло навеки что-то гораздо большее, нежели талант, как бы ни был сам по себе велик последний. Исчез многолетний пример стойкости и духовной силы, исчез нравственный вождь передовой литературы. Под впечатлением этой огромной утраты, которую понесли все хоть сколько-нибудь мыслящие и чувствующие русские люди, мысль невольно ищет опоры в живущих; она невольно обращается к судьбе и современному положению того кружка людей, которые некогда группировались вокруг покойного и создали своими талантами и своей нравственной сплоченностью один из замечательных органов слова, оставивший глубокий след в истории развития нашей общественной мысли. Они развеяны по ветру, но все же они живы и могут работать

дружно... Еще два слова. В настоящее время Вы единственный крупный критический и публицистический талант, и поэтому от Вас только можно ожидать всестороннего и ясного освещения общественно-литературного значения покойного великого писателя, чего он так и не дождался при своей жизни. У Щедрина не было Белинского и Добролюбова, как он того заслуживал, и меня, признаться, всегда поражало обстоятельство, почему Вы не брали на себя их роли по отношению к нему. Его дело требует именно современного ему истолкователя, солидарного товарища по деятельности и потому что творения его, более чем что-либо, тесно связаны с течением общественной мысли 60-х и 70-х гг., которые переживали и Вы; иначе многие перлы, рассыпанные в его сочинениях, останутся не понятными и не оцененными будущими поколениями и исследователями, чуждыми тому пульсу современной жизни, который в них бился.

Ел. Щепотьева

[16] Разумеется не все собирались ограничиться панихидами. Приводим сообщение иного содержания (напечатано в «Русских Ведомостях» № 137, суббота 20 мая 1889 г.):

«Нам сообщают из Парижа от 13 мая: Русская колония Латинского квартала посвятила вчерашний вечер памяти М. Е. Салтыкова. В «Café Voltaire» при очень большом стечении публики была сделана обстоятельная характеристика общественной и литературной деятельности покойного и его значения в русской жизни и прочитаны некоторые из его произведений».

[17] Приведенное письмо не датировано; С. Я. Штрайх относит его к середине мая (см. ниже публикацию С. Штрайха).

[18] Гр. Д. А. Толстой.

[19] Попов, И. И., Минувшее и пережитое. Воспоминания за 50 лет. Ч. 1 «Детство и годы борьбы». 1924.

[20] «Новости» (от 2 мая 1889 г.) сообщали:

«Перед самой панихидою, в 2 часа, К. К. Арсеньев принес венок от «Литературного Фонда». Большой металлический венок сделан из дубовых и лавровых листьев, а внизу усыпан массою незабудок и других цветов. М. Е. Салтыков был одним из учредителей общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, состоял постоянным членом его, а в начале 70-х годов — членом Комитета и товарищем председателя. Затем был доставлен большой серебряный венок от русских женщин. Сегодня же доставлены венки: от лицеистов с надписью «Бессмертному Щедрину от горячих почитателей»; венок с надписью: «От искренних почитателей могучего таланта, великому художнику-публицисту»; от профессоров Харьковского университета, от помощников присяжных поверенных г. Одессы, от слушательниц Рождественских фельдшерских курсов, от редакций газет с.-петербургских: «Новое Время», «Петерб. Газ.», провинциальных: «Одес. Листок» и др. В течение дня, перед вечерней панихидой и во время этой панихиды было доставлено еще несколько десятков венков. Серебряные венки доставлены от воспитанников Александровского лицея с надписью: «Великому писателю-лицеисту», очень красивый венок на черной бархатной подушке от студентов-технологов, с надписью: «Защитнику правды» и большой лавровый венок от учительниц харьковских женских воскресных школ, с надписью: «Великому учителю». Венки металлические, фарфоровые, из живых растений и цветов: от Высших женских курсов («Незабвенному и глубокопочитаемому Щедрину»), от студентов Института инженеров путей сообщения, от студентов Лесного института, Спб. духовной академии, Новороссийского университета, от русских студентов в Риге, два венка от бывших студентов Спб. университета — один с надписью: «Великому учителю», а другой с четверостишием: «Великое сердце остыло,— уста дорогие молчат... Но с нами бессмертная сила,— твоя, наш учитель и брат!», от учащихся пермяков, от студентов-тверитян, от слушательниц Спб. фребелевских курсов, от учащихся женщин. Затем обращали на себя общее внимание: венок с надписью посредине по черному полю «Истинному гражданину», а на лентах «Поборнику правды» и «Обличителю мракобесия». Венки от редакции «Новостей», редакции «Недели», редакции «Новости дня» («Писателю-человеку, доблестному гражданину»), «Дня», «Русских Ведомостей» и др., от Общества любителей российской словесности «Своему почетному члену», от почитателей в Новгороде, от почитателей в г. Одессе, от Общества драматических писателей и т. д., и т. д.»

[21] «Неделя» 1889 г., № 23.

[22] Сказки вышли отдельной книгой в 1886 г., затем в 1887 г.— Дело С.-Петербургского цензурного комитета, 1887 г., № 65.

[23] «История русской литературы XIX в.», под ред. Д. Н. Овсянико-Куликовского, т. 5, стр. 432. «Очерк истории журналистики за вторую половину XIX века».

[24] Ленин. В. И., Памяти Герцена.

[25] «Голос» был приостановлен в 1883 г. и окончательно запрещен 16 августа 1884 г. «за вредное направление». Приостановка «Голоса» была предпринята для попытки превратить эту газету в петербургский филиал катковских «Московских Ведомостей», а в качестве кандидата на пост редактора выдвигался сподвижник М. Н. Каткова известный грязный авантюрист И. Ф. Цион.— Д. А. Толстой ненавидел «Голос» не

только за либерализм, но и из личных антипатий, так как газета язвила его и при Лорис-Меликове, в «эпоху диктатуры сердца», открыла у себя публичный прием пожертвований в пользу прежних крепостных гр. Д. А. Толстого, обираемых и притесняемых последним.

[26] Аптекман, О. В., Общество «Земля и воля» 70-х годов. Петроград. «Колос». 1924. Стр. 37.

[27] Интересны записи А. С. Суворина в его «Дневнике» в связи с этим скандалезным предприятием. Возмущение охватило разнообразные слои населения, около 600 студентов подверглось аресту, и Суворин приходит к выводу: «В обществе что-то растет. и мне это сильно напоминает шестидесятые годы»... («Дневник», стр. 247).

[28] «Вестник Европы», кн. 6, июнь 1889 г.

[29] «Гражданин» сперва пытался отделаться молчанием. Когда это не удалось, Мещерский стал юродствовать, хихикать и зубоскалить, а затем «Гражданин» разразился безграмотной статьей обычного грязно инсинуационного характера. Мещерский принадлежал к числу тех «идейных» людей, о которых Щедрин писал: «идеи и чувства выходят у них прыщами и сыпью». Так в номере «Гражданина» от 9 мая упоминается о «речи жида на могиле Салтыкова». Газета не скрывает своего недовольства по поводу «русской печали», охватившей всех в связи с понесенной потерею. «Гражданин» ругается площадно. Ни один орган печати не доходил до того, что позволял себе «Гражданин» князя Мещерского. Сей последний по своему положению был неуязвим. Он состоял личным другом царя Александра III, получал от него ежегодно на свою грязную газету по 80 000 рублей субсидии, и газета «Гражданин» считалась «царской газетой». Князь Мещерский — педераст, вор, психопат, аморальная, грязная свинья, как отзывались о нем ближайшие родные, а царю он был приятель и конфидент.

[30] «Новь» — общедоступный иллюстрированный двухнедельный вестник современной жизни, литературы, науки, искусства и прикладных знаний. СПБ., год V, том XXVIII, № 13 от 1 мая 1889 г.

Семь писем Н. Щедрина. Сообщил Виктор Русаков. Стр. 49—54.

[31] Подробности о переговорах Щедрина с М. О. Вольфом по поводу изданий и продажи см. в мемуарах С. Ф. Либровича в «На книжном посту». Воспоминания. Записки. Документы. Издание т-ва М. О. Вольф. Стр. 189 и сл.

[32] О взаимоотношениях конкурирующих издателей — А. С. Суворина и М. О. Вольфа — см. там же у С. Ф. Либровича, стр. 122 и сл.

[33] Свою статью Буренин начинает так: «Разные журнальные ничтожества и посредственности спешат у могилы большого таланта «высказаться» о себе под видом речи о нем и высказываются порою так, что только плечами приходится пожимать при виде их лицемерия и нравственного лакейства». «Новь» называется Бурениным захудалым журнальчиком, еврейским торгашеским притоном, лавочкой и т. п. Рассказ Вольфа о том, что Салтыков сочувствовал издательским начинаниям «Нови», берется под подозрение, так как, по мнению Буренина, Салтыков не мог сочувствовать глупостям, а тем более «шарлатанско-еврейским глупостям».

[34] Суворин. А. С., Дневник. 1923, Стр. 60.

[35] Там же, стр. 258.

[36] Эмиссаром Каткова при В. Г. Авсеенко состоял Н. А. Любимов, известный сподвижник Каткова; он-то и устроил Авсеенко аренду «С.-Петербургских Ведомостей».

[37] Статья под названием «Очередной вопрос» напечатана в номере от 4 мая. В статье предлагаются «способы воздействия» на революционную среду, на эмигрантов, на учащуюся молодежь, для того чтобы выработать «в молодых умах образ мыслей серьезный, достойный великих традиций, создавших Россию». Статья эта принадлежит перу ренегата Льва Тихомирова, только что вернувшегося из эмиграции и напечатавшего брошюру «Почему я перестал быть революционером». В дневнике его — запись от 4 мая 1889 г.: «Вечером телеграмма из Москвы: «Очередной вопрос — великолепен, полезен, поздравляю».— Дай бог! Вероятно, статья понравилась редакции».

Статья «Очередной вопрос» была отправлена еще 22 апреля,— об этом сохранилась запись в дневнике Л. Тихомирова.

[38] «Петербургская Газета» издевается над Григорием Константиновичем Градовским (не смешивать с известным юристом А. Д. Градовским). Г. К. Градовский (псевдоним — Гамма) сотрудничал в либеральных органах: «Голос», «Новости» и др. Был он известен как непримиримый либерал и основатель «Кассы взаимопомощи литераторов» («Касса Градовского»). Касса эта замечательна вот чем. Градовский «открыл» способ осуществить некое подобие литературного объединения: он воспользовался для этого нормальным уставом похоронных касс...

Кстати сказать: сей либерал, написавши пьесу, стал ухаживать за А. С. Сувориным, открывшим свой театр. С этого времени либерализм Г. К. Градовского претерпевает значительные ущемления.

[39] Квич — О. К. Нотович.

[40] «С.-Петербургские Ведомости» сдавались в аренду Академией Наук и поэтому «Киевлянин» называет их «академической газетой».

[41] Генерал М. Г. Черняев, известный авантюрист, издавал шовинистический «Русский Мир» (на средства Лобанова-Ростовского), где первой скрипкой был Авсеенко.

[42] Из ряда откликов на смерть Щедрина, появившихся в зарубежной вольной русской печати, приведем здесь некролог из рабочей газеты «Знамя» (The Banner), выходившей в Нью-Йорке (№ 16 от 15 июня 1889 г., стр. 2). Вот полный текст этого некролога:

Некролог.

11 мая в 3 ч. 20 минут скончался Михаил Ефремович [!] Салтыков (Щедрин).

М. Е. родился в 1826 г. в Тверской губернии. 9 лет от роду он поступил в Дворянский институт прямо в 3-й класс и оттуда за отличие был переведен в Царскосельский институт. В 44 г. С. уже выступил на литературном поприще, а в 47 г. он уже обратил на себя всеобщее внимание своей первой повестью «Противоречия». В это время он был сослан в Вятку. Там он написал свои знаменитые «Губернские очерки». Став вице-губернатором, С. ознакомился с тем миром, который он так мастерски представил в своих «Помпадурах и помпадуршах». В последнее время он редактировал «Отеч. Записки», а по закрытии их сотрудничал в журнале «Вестник Европы» и в газете «Русские Ведомости».

С. не был просто писателем-прогрессистом. Он одинаково едко осмеивал либеральных наших мечтателей, как и реакционных наших деятелей. Его идеал стоял гораздо выше. Насколько сатирический тон его произведений и правительственная цензура над ним позволили ему обнаружить его, мы имеем полное основание предполагать, что он не был очень далек от нашего. Во всяком случае выведенные им типы Колупаева-Разуваева, Иудушки и другие долго будут будить ненависть и презрение местных людей ко всем эксплоататорам и угнетателям рабочего люда, долго будут воодушевлять поколения на борьбу за освобождение личности.

С Салтыковым погас последний представитель той блестящей плеяды писателей 40-х гг., которая еще недавно так ярко светила на горизонте умственной жизни нашей родины. Тихо и незаметно догорает теперь на нем еще несколько второстепенных светил. Гуще становится мрак — а в нем тонут все нарождающиеся новые силы.

Несчастная страна, обладающая одними только великими могилами.

[43] Большинство стихов, написанных на смерть Щедрина, было опубликовано в повременной печати (см. ниже в библиографическом указателе Н. Эфрос), но некоторые остались в рукописи. Приводим здесь одно такое оставшееся ненапечатанным стихотворение неизвестного автора, найденное в архиве Н. К. Михайловского, хранящемся в ИРЛИ Академии Наук:

О, братья: смерть его — тяжелая утрата.
Ведь в наше время рабства и цепей,
Доносов, клеветы и грубого разврата —
Ужасно лучшего лишиться из людей...
Когда одни глядели равнодушно
На царство тьмы, на произвола гнет,
Другие от борьбы бежали малодушно,
Поэт и труженик, он бодро шел вперед,
И шел вперед всегда дорогою прямою,
Невежество и ложь открыто порицал,
И полон был он верою святою
И детски чистою в заветный идеал;
И черпал в вере той великие он силы
Для битвы с пошлостью, с обидной клеветой...
Он напоминал уж на краю могилы
Великие слова, забытые толпой.—
Великие слова, забытые постыдно...
И нет его уже... язык клеветника
И тут не замолчал. И горько, и обидно,
И больно за него, «святого старика».

При стихотворении имеется письмо, адресованное Н. К. Михайловскому, следующего содержания:

14 февраля [1890 г.].

Дорогой Николай Константинович!

Возможно ли Вам прислать несколько стихотворений одного моего знакомого для того, чтобы Вы просмотрели и сказали Ваше искреннейшее мнение о них. Ввиде образца прилагаю одно из них при этом письме; оно написано под влиянием Вашей статьи по поводу смерти Щедрина в «Р. В.». Не пишет он сам Вам потому, что уже давно собирается писать и никак не соберется; а я думаю, что и не соберется совсем, а меж тем только Ваше мнение и может иметь для него значение.

Ваш «читатель-друг».

Киев. Университет. Студенту Андрею Ильичу Грабенко

ОТКЛИКИ ПЕЧАТИ НА СМЕРТЬ САЛТЫКОВА

БИБЛИОГРАФИЯ

Смерть Салтыкова получила чрезвычайно широкий отклик в печати своего времени. В течение ряда дней, последовавших за 28 апреля 1889 г.— датой смерти Салтыкова, умершему писателю уделялись полосы, подвалы и столбцы как столичных, так и провинциальных органов печати. Это была, как говорили тогда, настоящая «щедринская неделя». А отдельные газеты, ставя себе прямой задачей как можно дольше удержать внимание читателей на памяти о Салтыкове, не переставали систематически помещать материал о нем не только в продолжение всего мая, но и в июне. Все написанное тогда о Салтыкове, собранное вместе, наверное составило бы весьма увесистый том. Этот обширный материал библиографически до сих пор не учтен (в библиографическом указателе Шилова — «Библиография произведений Салтыкова и отзывов о них» в книге К. К. Арсеньева «Салтыков-Щедрин», 1906, СПБ.— этот материал указан лишь частично и случайно). Между тем салтыковская «поминальная» литература, хотя качественный уровень ее, как и всякой подобного рода литературы, сделанной ad hoc, в среднем не высок, все же представляет несомненный интерес. Литературный критик и биограф Салтыкова бесспорно найдет в ней не одно полезное сведение и указание. Больше того: смерть Салтыкова послужила поводом для выступлений всех существовавших в то время общественных группировок. Вокруг Салтыкова поднялась горячая полемика. Отклик на его смерть является таким образом своего рода лакмусовой бумажкой. Что и как писалось о смерти Салтыкова (а иногда даже самое умалчивание этой смерти отдельными органами печати), служит прекрасным показателем общественных настроений того времени, мимо которого не должен пройти исследователь эпохи 80-х годов.

Наша библиография откликов печати на смерть Салтыкова разумеется не претендует быть исчерпывающей. Охватить полностью всю выходившую в момент смерти Салтыкова периодику для нас не представлялось возможным. Мы ограничились основными столичными и провинциальными органами, просматривая, как правило, все вышедшие номера газет и еженедельных журналов с конца апреля по конец июня, а ежемесячных журналов по август 1889 г. включительно. Осталась незатронутой также иностранная периодика, за исключением периодики на немецком и французском языках, выходившей в России. Библиографию откликов зарубежной печати на смерть Салтыкова читатель найдет в помещенной в этом же номере «Литературного Наследства» «Иностранной салтыковиане». Издававшаяся в рассматриваемый период за рубежом русская нелегальная печать нами учтена и отклики ее включены в наш библиографический список.

Помимо периодики в нашей библиографии указаны и те немногочисленные отдельные издания памяти Салтыкова-Щедрина, которые были выпущены непосредственно после его смерти. Наконец в единичных случаях даны ссылки на литературу более позднего периода, отразившую отклики на смерть сатирика.

Собранный материал разбит нами на следующие группы: 1) Посмертные публикации Салтыкова (Щедрина); 2) стихотворения памяти Салтыкова (Щедрина); 3) воспоминания о Салтыкове (Щедрине); 4) статьи критические и биографические; 5) обзоры и критика литературных и общественных выступлений в связи со смертью Салтыкова; 6) информация о смерти Салтыкова и 7) библиография.

Внутри каждой группы литература расположена в алфавитном порядке, за исключением информационных заметок, расположенных в хронологическом порядке.

В тех случаях, когда статья затрагивает несколько тем, мы помещали ее в рубрику преобладающей темы, допуская от этого правила единичные отклонения для статей, где побочная или побочные темы по нашему мнению заслуживали особого внимания. Такие статьи зарегистрированы в нашем библиографическом указателе в двух или нескольких его рубриках. Критические отзывы на отдельные статьи отмечались вместе с самой статьей. Отзывы, охватывающие номер журнала и газеты целиком, или несколько статей, включались как самостоятельные единицы в библиографический список, а при описании рецензируемых в отзыве статей делались соответствующие ссылки.

Характерной особенностью газетного материала, с которым нам пришлось преимущественно иметь дело, является наличие большого количества перепечаток. Указаний на перепечатки, хотя они и могли бы представлять определенный интерес, за недостатком места мы не даем. Впрочем нужно оговориться: сплошь и рядом перепечатка газетами не отмечается, и нам не везде удалось выяснить, является ли материал оригинальным, или заимствованным. Особенно часты эти случаи в статьях биографического характера. К простой перепечатке приближаются также обзоры печати некоторых газет. Однако нам представлялось, что известным образом подобранное и систематизированное собрание перепечаток, каким являются эти обзоры, должно получить место в нашем указателе.

Что касается повторных сведений (это относится главным образом к группе информационного материала), то и они указываются нами один раз, при чем берется публикация или хронологически наиболее ранняя, или наиболее полно освещающая факт.

К нашей библиографии мы прилагаем перечень всех учтенных нами органов печати, поместивших отклики на смерть Салтыкова. В перечне указаны также газеты и журналы, ограничившиеся одними перепечатками, или информационными данными, опубликованными раньше или полнее в других органах и таким образом не попавшие в наш библиографический указатель. Эти издания отмечены звездочкой. В перечне даны кроме того и принятые нами сокращения названий.

Библиографическое описание материала мы сопровождаем краткими аннотациями. Все указания, выходящие за прямую библиографическую опись материала, взяты нами в квадратные скобки.

Нат. Эфрос

ПОСМЕРТНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ М. Е. САЛТЫКОВА (ЩЕДРИНА)

[Салтыков, М. Е.] Первые произведения М. Е. Салтыкова [Стихотворения. Наш век (отрывок). 1844, февраль; Весна (из моих отрывков) У...ву, в воспоминание прежнего. 1844, март; Рыбачке. Из Гейне. 1841. Из Байрона [Разбит мой талисман...]. 1842; Зимняя элегия. 1843. Музыка. 1843. Из Байрона [Когда печаль моя]. 1842].

«Нов. Вр.», № 4728, 29 апреля 1889, стр. 2, а также Н. Юшков «Памяти М. Е. Салтыкова». «Волж. В.», № 108, 3 мая 1889, стр. 1—3.— [пополнено двумя стихотворениями: «Лира», 1842; Вечер, 1842, март].

[Салтыков, М. Е.] [Автобиографические строки в альбоме М. И. Семевского 21 сентября 1887.]

«Сар. Дн.», № 90, 30 апреля 1889, стр. 2; «Нов в Бир. Газ.», № 199, 2 мая 1889, стр. 1. «М. Е. Салтыков о себе»; «Од. В.», № 116, 3 мая 1889, стр. I; «Сев. Кав.», № 442—36, 7 мая 1889, стр. 1—2.

[Салтыков, М. Е.] Забытые слова [последняя страница, написанная С.].

«В. Е.», № 6, июнь 1889, стр. 847—848.

[Салтыков, М. Е.] Последняя страница М. Е. Салтыкова (март — апрель 1889). От редакции. [Предисловие к «Забытым словам» С. Предисловие включает выдержки из письма С. в редакцию «В. Е.» 1884, записку С. к С. П. Боткину 1889.]

«В. Е.», № 6, июнь 1889, стр. 838—846.

[Салтыков, М. Е.] Собственноручные автобиографические заметки Салтыкова: 1) 1874. (Альбом ред. «Русской Старины»: «Знакомые», изд. 1888, стр. 73). 2) 21 сентября 1887 (Альбом ред. «Русской Старины», «Знакомые», стр. 208). 3) 1 апреля 1887. См. журнал «Русская Старина», изд. 1887, т. IV, апрель, стр. 244 и 562.

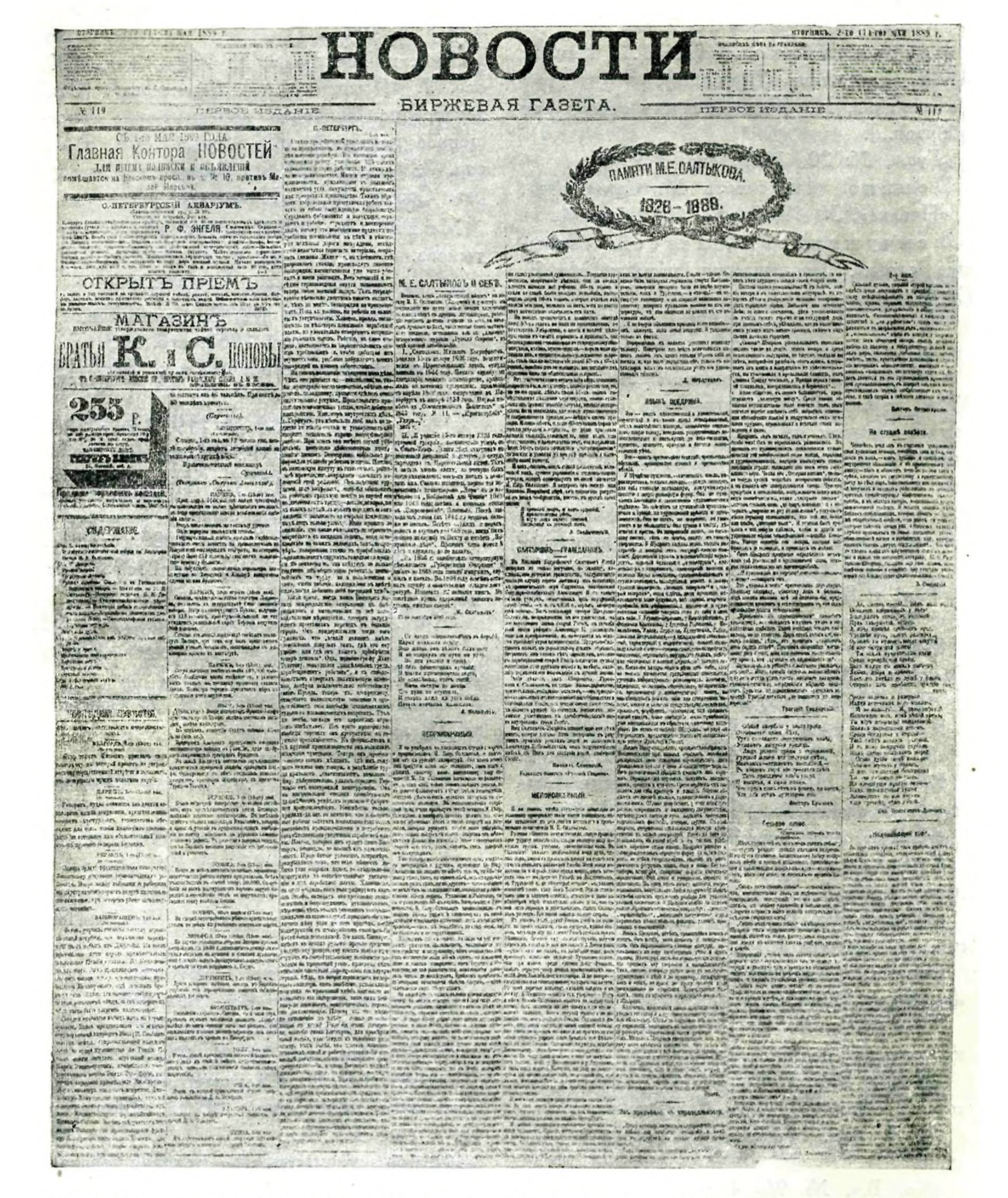
«Р. Ст.», июнь 1889, стр. 735—736. [В специальном разделе журнала, посвященном памяти С. впереди текста июньской книги «Р. Ст.» помещен портрет С. гравюр. Ф. Меркина 1886.]

[Салтыков, М. Е.] Письмо М. Е. Салтыкова к М. И. Семевскому 1 февраля 1887. Альбом редактора «Русской Старины», «Знакомые», стр. 338.

«Р. Ст.», июнь 1889, стр. 739 (В специальном разделе, посвященном памяти М. Е. Салтыкова).

[Щедрин, Н.] Семь писем Н. Щедрина. Сообщил Виктор Русаков. [Письма к М. О. и А. И. Вольфу 1878, 1880, 1881, 1884].

«Новь», № 13, 1 мая 1889 стр. 49—54.

Вторникъ, 2-го (14-го) мая 1889 г.

НОВОСТИ

БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА.

№ 119 — ПЕРВОЕ ИЗДАНІЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Съ 1-го мая 1889 года Главная Контора „НОВОСТЕЙ" для пріема подписки и объявленій помѣщается на Невскомъ просп., въ д. № 10, противъ Малой Морской.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ АКВАРІУМЪ.

Р. Ф. ЭНГЕЛЯ.

ОТКРЫТЪ ПРІЕМЪ

МАГАЗИНЪ

БРАТЬЯ К. и С. ПОПОВЫ

255 р.

ПАМЯТИ М. Е. САЛТЫКОВА.

1826 — 1889.

М. Е. САЛТЫКОВЪ О СЕБѢ.

ТРАУРНАЯ СТРАНИЦА ГАЗЕТЫ «НОВОСТИ» (1889 г., № 119), ПОСВЯЩЕННАЯ ОТКЛИКАМ ПИСАТЕЛЕЙ НА СМЕРТЬ САЛТЫКОВА

СТИХОТВОРЕНИЯ ПАМЯТИ М. Е. САЛТЫКОВА (ЩЕДРИНА)

А. Г. У свежей могилы.

«Юж.», № 95, 2 мая 1889, стр. 2.

Безрукавников, Д. Д. Памяти М. Е. Салтыкова (Щедрина).

Вашков, Н. [Родной земли отверзлися объятья...].

«Гус.», № 20, 1889, стр. 317.

Домино. «На смерть М. Салтыкова».

«Пчелка», № 19, 7 мая 1889, стр. 1.

Жемчужников, Алексей. «Забытые слова». Посвящается памяти М. Е. Салтыкова.

«В. Е.», № 6, июнь 1889, стр. 849.

Захарьин, С. [Угас царь мысли...].

«Литературное Наследство», № 13—14, 1934, стр. 242. [Стихотворение было прочитано автором на могиле С. в день его похорон и расценивалось царской полицией как «весьма неблагонадежное».]

Зотов, Вл. После беседы с Михаилом Евграфовичем [стихотворению предпослано несколько вступительных слов памяти С].

«Нов. и Бир. Газ.», № 119, 2 мая 1889, стр. 2. «Памяти М. Е. Салтыкова».

Иванов-Классик. Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина.

«Пб. Л.», № 117, 2 мая 1889, стр. 1.

Каверзнев, В. Памяти Щедрина.

«Р. Кур.», № 127, 11 мая 1889, стр. 2.

Кельш, Н. Михаил Евграфович Салтыков. У его гроба. 10 мая 1889, Коломна.

«Р. Ст.», сентябрь 1889, стр. 616.

Крылов, Виктор [Общей скорбью у этого гроба....]

«Нов. и Бир. Газ.», № 119, 2 мая 1889, стр. 1. «Памяти М. Е. Салтыкова».

Отзыв: В. Буренин «Критические очерки». «Н. Вр.», № 4734, 5 мая 1889, стр. 2—3.

Лихачев, В. С. [Все меньше, меньше их, столпов родимой речи...]

«Нов. и Бир. Газ.», № 119, 2 мая 1889, стр. 2. «Памяти М. Е. Салтыкова».

Л. Я. А-н. На смерть Салтыкова-Щедрина.

«Кр. В.», № 96, 4 мая 1889, стр. 2.

Минухин, Сергей. На смерть М. Е. Салтыкова.

«Р. Кур.», № 121, 5 мая 1889, стр. 2.

Михайлов, А. [Со злом общественным в борьбе].

«Нов. и Бир. Газ.», № 119, 2 мая 1889, стр. 1. «Памяти М. Е. Салтыкова». [Стихотворение ошибочно помещено как запрещенное цензурой. «Кр. Арх.» 1922, т. II, стр. 229—233. «М. Е. Салтыков и цензура». Сообщ. А. С. Николаев.]

Михайлов, Г. Памяти М. Е. Салтыкова.

«Дон», № 50, 4 мая 1889, стр. 1.

М. Б. На смерть М. Е. Салтыкова.

«Набл.», № 5, май 1882, стр. 313.

Немирович-Данченко, Вас. [Да, смерть идет...]

«Нов. и Бир. Газ.», № 119, 2 мая 1889, стр. 1, «Памяти М. Е. Салтыкова».

Никифоров, Н. К. Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина.

«Пб. Л.», № 117, 2 мая 1889, стр. 1.

Ольтин, Вадим. «2 мая 1889» [было запрещено цензурой].

«Кр. Арх.», т. II, 1922, стр. 229—233. «М. Е. Салтыков и цензура». Сообщ. А. С. Николаев.

Пальмин, Л. Памяти М. Е. Салтыкова (Щедрина).

«Оск.», № 19, 6 мая 1889, стр. 1.

П...а, Леонид. На могиле Салтыкова-Щедрина.

«Дон. р.», № 59, 28 мая 1889, стр. 1.

П. Я. Памяти Салтыкова, 29 апреля.

«Р. Кур.», № 121, 5 мая 1889, стр. 2.

Степанов, П. «Прости». Памяти Михаила Евграфовича Салтыкова.

«Дон», № 49, 2 мая 1889, стр. 2.

Щиглев, В. Р. «2-го мая 89».

«Р. Ст.», июнь, 1889, стр. 743.

«В день похорон М. Е. Салтыкова». Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Биографический очерк. Типо-лит. И. Н. Кушнерова, 1889, стр. 3.

[О, братья: смерть его—тяжелая утрата...].

«Литературное Наследство», № 13—14, 1934, стр. 246.

«Памяти М. Е. Салтыкова».

«Буд.», № 17, 7 мая 1889, стр. 1.

ВОСПОМИНАНИЯ О М. Е. САЛТЫКОВЕ (ЩЕДРИНЕ)

Абрамов, Я. Памяти Салтыкова. [Воспоминания о С. как писателе и редакторе.]

«Нед.», № 19, 7 мая 1889, стр. 604—612.

Бибиков, Виктор. Из рассказов о М. Е. Салтыкове. [Характеристика творчества. Воспоминания о С.].

«Дн.», № 383, 28 июня 1889, стр. 2—3.

Боборыкин, П. «Монрепо» (Дума о Салтыкове) [Об отношении С. к французским писателям и французской литературе].

«Нов. и Бир. Газ.», № 154, 7 июня 1889, стр. 2 [подвал].

Головачева, А. Я. Воспоминания. XVIII. М. Е. Салтыков-лицеист. Его единственная улыбка. Его повесть «Запутанное дело». Начало его известности.

«Ист. В.», № 11, 1889, стр. 272—275.

Никитин, В. [Воспоминания о С.]

«Нов. и Бир. Газ.», № 119, 2 мая 1889, стр. 2. «Памяти М. Е. Салтыкова».

Русаков, Виктор. Семь писем Н. Щедрина. Сообщил Виктор Русаков. [Письма к М. О. и А. М. Вольфу. Писма сопровождаются комментарием - воспоминанием о С. Встречи его с Островским.]

«Новь», № 13, 1 мая 1889, стр. 49—54. Отз. (отриц.) В. Буренина. «Н. Вр.», № 4768, 9 июня 1889, стр. 2.

Сементовский, Р. [Воспоминания о С.]

«Нов. и Бир. Газ.», № 119, 2 мая 1889, стр. 2. «Памяти М. Е. Салтыкова».

М. С. [Семевский]. Последнее свидание с М. Е. Салтыковым.

«Р. Ст.», июнь 1889, стр. 740—741 [Специальный раздел, посвященный памяти М. Е. Салтыкова.]

С. П. [Воспоминание о С.]

«Нов. и Бир. Газ.», № 119, 2 мая 1889, стр. 2. «Памяти М. Е. Салтыкова».

Южаков, С. Петербургские письма. М. Е. Салтыков как редактор. (По личным воспоминаниям.)

«Од. В.», № 176, 4 июля 1889, стр. 2 [подвал].

Ю. М. Е. Салтыков-Щедрин на службе в г. Вятке (по архивным документам Вятского Губернского правления).

«Каз. Бир. Л.», № 107, 18 мая 1889, стр. 2—3.

Ясинский, И. О М. Е. Салтыкове [воспоминания о встречах с С. — редактором «От. Зап.»].

«Гус.», № 34, 1889, стр. 535—536.

Вятка (панихиды по Щедрину). [Попутно вспоминаются отношения С. к вятчанам.]

«Волж. В.», № 126, 25 мая 1889, стр. 3—4.

Сарапул (Памяти Щедрина). [Сарапул в персонажах «Губернских очерков»].

«Волж. В.», № 122, 21 мая 1889, стр. 2.

КРИТИКА И БИОГРАФИЯ

Альбов, М. Элегия в прозе.

«Нов. и Бир. Газ.», № 119, 2 мая 1889, стр. 2. «Памяти М. Е. Салтыкова».

Арсеньев, К. К. Михаил Евграфович Салтыков. Литературный очерк.

«В. Е.», № 6, июнь 1889, стр. 720—733. Отзыв: «Гр.» (отриц.), № 157, 8 июня 1889, стр. 4. «Од. В.» (отриц.), № 152, 10 июня 1889, стр. 2. «Нов. и Бир. Газ.», № 136, 16 июня 1889, стр. 2. «Кав.», № 131, 17 июня 1889, стр. 1—2. «Р. М.», кн. VII, 1889, стр. 319—325. Библиогр. отд. J. de Stp», № 152, 11 juin 1889, p. 1 [подвал].

А. Ж. Михаил Евграфович Салтыков [оценка литературной деятельности].

«Ек. Нед.», № 18, 7 мая 1889, стр. 2.

А. П — ва. Журнальные наброски. «Русская Мысль», апрель 1889, «Наблюдатель», апрель 1889. [Статье предпослано небольшое введение, посвященное памяти С.]

«Волж. В.», № 115, 12 мая 1889, стр. 2—3 [подвал].

Баранцевич, К. Последний полет (сказка).

«Нов. и Бир. Газ.», № 119, 2 мая 1889, стр. 2. «Памяти М. Е. Салтыкова».

Барои Икс. Дела-делишки. [Размышления по поводу смерти С.]

«Од. Н.», № 1278, 3 мая 1889, стр. 3.

Безобразов, Вл. Памяти М. Е. Салтыкова [оценка литературной деятельности С.].

«Нов. и Бир. Газ.», № 134, 17 мая 1889, стр. 1.

Бета. Михаил Евграфович Салтыков. [Характеристика литературной деятельности.]

«Од. Н.», № 1279, 4 мая 1889, стр. 3—5 [подвал].

Бета. Литературное обозрение [Литературная деятельность О. Ф. Миллера; автор останавливается особо на отношении Миллера к С.].

«Од. Н.», № 1311, 15 июня, стр. 3—5 [подвал].

Буква. Язык Щедрина.

«Нов. и Бир. Газ.», № 119, 2 мая 1889. стр. 1. «Памяти М. Е. Салтыкова».

Буква. Среди обывателей (Очерки провинциальной жизни) [во вступлении к очерку—несколько слов памяти С.—об отношении его к провинции].

«Нов. и Бир. Газ.», № 118, 1 мая 1889, стр. 2 [подвал].

Буренин, В. Критические очерки [Общая оценка литературного значения С.-Щ. Подробнее автор останавливается на «Губернских очерках»].

«Н. Вр.», № 4741, 12 мая 1889, стр. 2 [подвал]. Отзыв: «Од. В.» № 129, 16 мая 1889, стр. 1, «Од. Л.», № 129, 16 мая 1889, стр. 2.

Буренин, В. Критические очерки. Сочинение М. Е. Салтыкова, т. I. Губернские очерки. Невинные рассказы.

«Н. Вр.», № 4748, 19 мая 1889, стр. 2 [подвал]. Отзыв: «Р. Кур.», № 137, 21 мая 1889, стр. 3.

Быков, Петр. М. Е. Салтыков. [Характеристика литературной деятельности, биографические сведения.]

«Всем. Илл.», № 20, 13 мая 1889, стр. 338—339. [На обложке журнала портрет С.— грав. Матэ.]

В. Литературные очерки (Щедрин о русской литературе).

«Сар. Дн.», № 92, 3 мая 1889, стр. 1 [подвал].

В. К. М. Е. Салтыков-Щедрин. [Биографические сведения, литературный формуляр.]

«Нов. Дн.», № 2089, 30 апреля 1889, стр. 2.

Гаршин, Евгений. Памяти М. Е. Салтыкова.

«Бир. Вед.», № 116, 30 апреля 1889, стр. 2 [подвал].

Гаршин, Евгений. Литературная беседа. [Разбор рассказа Евгения За-ева в июньской книжке «Сев. В.». Попутно вспоминается деятельность С.-Щ. как редактора, его влияние на Вс. Гаршина.]

«Бир. Вед.», № 157, 11 июня 1889, стр. 2 [подвал].

Говоров, К. Первый том сочинений М. Е. Салтыкова. [Разбор «Губернских очерков» и «Невинных рассказов». Характеристика Щ. как беллетриста и бытописателя].

«Дн.», № 357, 2 июня 1889, стр. 2—3 [подвал].

Градовский, Григорий. Он призывал к справедливости.

«Нов. и Бир. Газ.», № 119, 2 мая 1889, стр. 1. «Памяти М. Салтыкова».

Г. [Характеристика творчества С.-Щ.].

«Юж. Кр.», № 2862, 30 апреля 1889, стр. 2 [подвал].

Г. Кто пользуется разными недоразумениями? [Очень резкая характеристика со ссылкой на С. господствующих в России общественных элементов.]

«Юж. Кр.», № 2865, 3 мая 1889, стр. 1.

Дебютант. Сатира Щедрина. [Оценка творчества.]

«Пб. газ.», № 116, 30 апреля 1889, стр. 2.

[Кирпичников, А. И., проф.]. Памяти М. Е. Салтыкова. [Речь на торжественном собрании членов Одесского славянского об-ва 11 мая 1889.]

«Од. В.», № 126, 13 мая 1889, стр. 2—3.

Коломенский Кандид. Вчера и сегодня. *Историческая параллель. (Гр. Толстой* и М. Е. С—в).—Литературное чтение.

«Нов. и Бир. Газ.», № 117, 1889, стр. 2 [подвал].

Коринфский, Аполлон. В сороковой день (Памяти М. Е. Салтыкова).

«Каз. Бир. Л.», № 123, 8 июня 1889, стр. 2.

К. Г. Памяти Салтыкова-Щедрина.

«Сар. Л.», № 91, 2 мая 1889, стр. 2.

К. Г. Памяти М. Е. Салтыкова. [Впечатление от похорон С. Характеристика надгробных речей. Оценка творчества С.-Щ.]. «Дн.», № 332, 6 мая 1889, стр. 4.

Летописец. Смерть и curriculum vitae М. Е. Салтыкова.

«Колосья», № 5, май 1889, стр. 320—323.

[Лихачев. Н. И.] [Речь, посвященная памяти С. на заседании Петербургской городской думы. 1 мая 1889.]

«Дн.», № 329 (прибавление), 4 мая 1889, стр. 1.

L. V. [Некролог Салтыкова. Характеристики литературной деятельности.]

«J. de Stp.», № 113, 30 avril 1889, p. 1.

L. V. Chronique Litteraire (большой фельетон, посвященный С.-Щ.).

«J. de Stp.», № 127, 14 mai 1889, p. 1 [подвал].

Максимов, Николай. Салтыков-Щедрин как сатирик и как редактор.

«Од. Л.», № 140, 28 мая 1889, стр. 1—3 [подвал].

САЛТЫКОВ НА СМЕРТНОМ ОДРЕ
Частное собрание, Москва

Маркиз О'Квич. Парадокс.

«Нов. и Бир. Газ.», № 114, 2 мая 1889, стр. 2 «Памяти М. Е. Салтыкова». Отз. (отриц.): «Киевл.», № 100, 6 мая 1889, стр. 3.

Меркурий. М. Е. Салтыков-Щедрин [Биографические сведения, характеристика литературной деятельности.]

«Астр. В.», № 15, 2 мая 1889, стр. 1—3.

Миллер, Ор. Над могилою Салтыкова (сказано во время похорон.)

«Р. Вед.», № 124, воскресенье 7 мая 1889, стр. 2.

Миллер, Ор. Ф. Михаил Евграфович Салтыков. [Биографические сведения, оценка отдельных произведений и обзор отношений критики к С.-Щ.].

«Р. Ст.», июнь 1889, стр. 744—754.

Михайловский, Николай. Памяти Щедрина. [Характеристика С.-Щ. как писателя и человека.]

«Р. Вед.», № 119, 2 мая 1889, стр. 1 [подвал]. Отз.: «Од. В.», № 118, 5 мая 1889, стр. 2. «Рус. К.», № 119, 3 мая 1889, стр. 2. «Ел. В.», № 97, 5 мая 1889, стр. 2. «Юж. Кр.» (отриц.), № 2866, 6 мая 1889, стр. 1.

Михайловский, Ник. Случайные заметки. [Начало статьи посвящено характеристике С.-Щ. как журналиста.]

«Р. Вед.», № 133, 17 мая 1889, стр. 2 [подвал].

Михневич, Вл. Горькое слово.

«Нов. и Бир. Газ.», № 119, 2 мая 1889, стр. 1. «Памяти М. Е. Салтыкова».

Мордовцев, Д. Непоколебимый.

«Нов. и Бир. Газ.», № 119, 2 мая 1889, стр. 1. «Памяти М. Е. Салтыкова».

М. К—ский. Литературная Хроника. Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина [оценка литературной деятельности].

«Сын От.», № 118, 4 мая 1889, стр. 2 [подвал].

М. Л. Долг друга-читателя другу-писателю. [Характеристика литературной и общественной деятельности С.-Щ.]

«Кур. Л.», № 52, 9 мая, 1889, стр. 1.

Наблюдатель. Литературный очерк. Кое-что по адресу нежных отцов и матерей. Повести Летнева. Отсутствие Щедрина и его воспоминания о Пошехонской старине. О. Шапир и протокольные произведения Мордовцева.

«Новр. Тел.», № 4400, 26 апреля 1889, стр. 1—2 [подвал].

Никто. «Пестрые заметки» IV. (О прожектах спасения дворян от разорения [со ссылкой на Монрепо С.-Щ.].

«Юж. Кр.», № 2872, 11 мая 1889, стр. 1.

[Н. Ж.] Михаил Евграфович Салтыков (Н. Щедрин). Биографический. очерк с портретом. Составлен по различным источникам.

«Н. Ж.», Одесса, 1889, стр. 1—16, ц. 15 к.

Оса. Над свежей могилой. [По поводу смерти С. Оценка его как писателя и общественного деятеля.]

«Од. Л.», № 113, 30 апреля 1889, стр. 2.

Острогорский, В. «Поэт забытых слов».

«Нов. и Бир. Газ.», № 117, 30 апреля 1889, стр. 1.

Острогорский, Виктор, 2-е мая.

«Нов. и Бир. Газ.», № 119, 2 мая 1889, стр. 1. «Памяти М. Е. Салтыкова».

Песковский, М. На могилу бессмертному. «Памяти М. Е. Салтыкова».

«Нов. и Бир. Газ.», № 119, 2 мая 1889, стр. 2.

Песковский, М. Сиротеет русская литература. «Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина». (Письмо из Петербурга.)

«Од. Л.», № 117, 4 июня 1889, стр. 1.

Песковский, М. На гроб М. Е. Салтыкову-Щедрину. (Письмо из Петербурга.)

«Од. Л.», № 118, 5 мая 1889, стр. 2.

Песковский, М. На могилу М. Е. Салтыкова-Щедрина. (Письмо из Петербурга) [Описание похорон С.]

«Од. Л.», № 120, 7 мая 1889, стр. 2 [подвал].

Полтавский, А. Петербургские письма. [О похоронах С. Сравнение с похоронами Тургенева. Описание встречи с С. на поминальном обеде по Тургеневе. Характеристика С. как человека.]

«Крым. В.», № 101, 13 мая 1889, стр. 2 [подвал].

Прозрителев, Гр. Памяти М. Е. Салтыкова (Щедрина). «Живая могила». [Оценка литературной деятельности.]

«Сев. Кав.», № 443—37, 11 мая 1889, стр. 2.

Протопопов, М. Михаил Евграфович Салтыков. Некролог. [Характеристика как писателя и человека.]

«Сев. В.», № 6, июнь 1889, стр. 1—4.

Пыпин, А. Н. Идеализм Салтыкова. Историко-литературное воспоминание.

«В. Е.», № 6, июнь 1889, стр. 829—837. Отз. (отриц.): «Гр.», № 157, 8 июня 1889, стр. 4; «Од. В.», № 152, 10 июня 1889, стр. 2; «Киевл.», № 131, 17 июня 1889, стр. 1—2; «Р. М.», кн. VII, 1889, стр. 319—326. Библиографический отдел.

Русаков, Виктор. Михаил Евграфович Салтыков. Биографический очерк.

«Задуш. Сл.», № 28, 13 мая 1889, стр. 25—28. [В тексте портрет С.]

Руслан. Отклики дня. [Характеристика литературной деятельности С.-Щ.]

«Пб. Г.», № 118, 2 мая 1889, стр. 1—2.

Сахаров, А. На панихиде у Щедрина. [Несколько слов памяти С.-Щ.]

«Дн.», № 328, 2 мая 1889, стр. 4.

Семевский, Михаил, редактор-издатель «Русской Старины». Салтыков-гражданин.

«Нов. и Бир. Газ.», № 119, 2 мая 1889, стр. 1. «Памяти М. Е. Салтыкова». [Перепеч. в «Р. Ст.», июнь 1889, стр. 741—742. Раздел, посвященный памяти М. Е. Салтыкова.] Отзыв (отриц.): «Н. Вр.» № 4768, 9 июня 1889, стр. 2.

М. С. [Семевский]. Очерк редактора «Русской Старины», февраль 1887.

«Р. Ст.», июнь 1889, стр. 737—739. [Раздел, посвященный памяти М. Е. Салтыкова.]

Сиповский, В. На страже совести.

«Нов. и Бир. Газ.», № 119, 2 мая 1889 стр. 1. «Памяти М. Е. Салтыкова».

Скабичевский, А. Михаил Евграфович Салтыков. [Характеристика как писателя, редактора и человека. Биографические сведения. Воспоминания.]

«Нов. и Бир. Газ.», № 116, 29 апреля 1889, стр. 2 [подвал].

Скабичевский, А. Непримиримый.

«Нов. и Бир. Газ.», № 119, 2 мая 1889, стр. 1. «Памяти М. Е. Салтыкова».

Скабичевский, А. Литературная хроника. Сочинения М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина). Том первый: «Губернские очерки», «Невинные рассказы». СПБ., 1889.

«Нов. и Бир. Газ.», № 128, 11 мая 1889, стр. 2 [подвал].

Скрипицин, В. На могилу Щедрина. [Оценка литературно-общественного значения С.-Щ.]

«Р. Кур.», № 118, 2 мая 1889, стр. 2.

Созерцатель. Сатира Щедрина (Критический этюд).

«Р. Б.», май—июнь 1889, стр. 179—194.

Сычевский, С. Памяти М. Е. Салты-

кова. [Характеристика литературной деятельности, биографические сведения.]

«Од. В.», № 113, 30 апреля 1889, стр. 12. Отз.: «Ел. В.», № 95, 3 мая 1889, стр. 1—2.

Сычевский, С. Литературные очерки. Н. Щедрин. [Разбор «Губернских очерков», «Невинных рассказов», «Сатир в прозе».]

«Од. В.», № 119, 6 мая 1889, стр. 2, № 122, 9 мая, стр. 2, № 129, 16 мая 1889, стр. 2, № 137, 25 мая 1889, стр. 2, № 150, 8 июня 1889, стр. 2, № 156, 14 июня 1889, стр. 2, № 166, 24 июня 1889, стр. 2. [Очерки печатались как фельетоны в подвале газеты.]

Сем—у. Памяти М. Е. Салтыкова. [Оценка творчества.]

«Кас.», № 100, 12 мая 1889, стр. 2—3 [подвал].

С. Р. Щедрин. [Статья написана в связи с выходом в свет нового издания сочинений Щ. и дает характеристику его роли и значения в русской литературе.]

«Ел. В.», № 105, 17 мая 1889, стр. 2—3 [подвал].

Трубачев, С. Литературная деятельность М. Е. Салтыкова (Щедрина). [Статья частично направлена против обвинения С. в «легальном терроризме». См. «М. Вед.», № 121, 4 мая 1889, стр. 3.]

«Ист. В.», № 7, июль 1889, стр. 119—139 [впереди текста портрет С.].

Уманьский, А. Литературные заметки.— По поводу кончины М. Е. Салтыкова.— Рассказ Г. Успенского.— Ободряющее впечатление рассказа и т. д.

«Каз. Бир. Л.», № 110, 23 мая 1889, стр. 1—2 [подвал].

Утис. Маленький дневник. [В первом разделе «Дневника» краткая характеристика литературной деятельности С.-Щ.]

«Сын От.», № 114, 30 апреля 1889, стр. 2.

Филиппов, М. Русские—Щедрин. [Краткая оценка литературной деятельности С.-Щ.].

«Слав. Изв.», № 19, 7 мая 1889, стр. 473—475. Отз.: «Од. В.», № 125, 12 мая 1889, стр. 1.

Фома Кроткий. Петербургские письма. [По поводу похорон С.]

«Нов. Дн.», № 2096, 7 мая 1889, стр. 2 [подвал].

Homo. Разговор. Литературная утрата. [Характеристика литературной деятельности С.]

«СПБ. Вед.», № 117, 1 мая 1889, стр. 1.

Homo. Разговор. Сатирик нашего времени. [Статья стремится вскрыть причины незаслуженной, по мнению автора, торжественности похорон С.].

«СПБ. Вед.», № 118, 2 мая 1889, стр. 1.

Homo. Разговор. Итоги. [Подводятся итоги сказанному в предыдущих статьях о похоронах С., о причинах его исключительной популярности. Дается очень резкая оценка литературной деятельности С.-Щ.]

«СПБ. Вед.», № 121, 5 мая 1889, стр. 2.

Homo. Разговор. Справка кстати. [Вспоминается и толкуется конфликт Щедрина с «Современником».]

«СПБ. Вед.», № 129, 13 мая 1889, стр. 1

Н***. Отголоски. [По поводу «Последней страницы» С.-Щ. в июньском номере «В. Е.» Отрицательная оценка литературной деятельности С.-Щ.]

«Св.», № 104, 7 мая, стр. 3.

Цебрикова, М. Незримые слова.

«Нов. и Бир. Газ.», № 119, 2 мая 1889, стр. 2. «Памяти М. Е. Салтыкова».

Чуйко, В. М. Е. Салтыков (опыт литературной характеристики).

«Набл.», № 6, июнь 1889, стр. 188—212. Отзыв (отриц.) В. Старостин. Заметки читателя, «Сам. Газ.», № 150, 12 июня, стр. 1—2 [подвал].

Шапир, Ольга. Недремлющее око.

«Нов. и Бир. Газ.», № 119, 2 мая 1889, стр. 1. «Памяти М. Е. Салтыкова».

Юшков, Н. Памяти М. Е. Салтыкова (15 января 1826—28 апреля 1889). 1. Детские годы и воспитание М. Е. Салтыкова до поступления в лицей. 2. Царскосельский лицей до М. Е. Салтыкова. 3. М. Е. Салтыков—лицеист и стихотворец. 4. М. Е. Салтыков — чиновник. 5. Первые повести М. Е. Салтыков. 6. М. Е. Салтыков — Н. Щедрин. Заключение.

«Волж. В.», № 108, 3 мая 1889, стр 1—3 [подвал], № 110, 5 мая 1889, стр., 2—3 [подвал], № 114, 11 мая 1889, стр. 2—4 [подвал]. Вышла отдельным изданием. 1889, (см. ниже). В главе III воспроизведено 9 стихотворений — первые произведения С. В примечании к гл. V приведен перечень псевдонимов С.]

Юшков, Н. Ф. Памяти Михаила Евграфовича Салтыкова (15 января 1826—28 апреля 1889) с фотографическим портретом М. Е. Салтыкова, снятым фотографом К. Шапиро в С.-Петербурге, в 1879 г., переснятым фотографией В. П. Бибина в Казани в 1889 г.

Казань, 1889, стр. 1—69, ц. 25 к.

28 апреля + Михаил Евграфович Салтыков. [Биографические сведения.]

«Ист. В.», июнь 1889, стр. 751—752. Смесь. Некрологи.

Елизаветград, 29 апреля. [Передовая, посвященная памяти С.-Щ.]

«Ел. В.», № 93, 30 апреля 1889, стр. 1—2.

Заметки хроникера. [Одна из заметок посвящена С.; сообщается несколько биографических сведений; высказывается пожелание о скорейшем выпуске писем С.]

«Н. Об.», № 1849, 4 мая 1889, стр. 3.

Заметки хроникера. [Обзор критических отзывов о произведениях С.-Щ.]

«Н. Об.», № 1857, 12 мая 1889, стр. 3.

И. С. Тургенев о Щедрине. [По материалам первого собрания писем И. С. Тургенева.]

«Сев. Кав.», № 445—39, 18 мая 1889, стр. 2.

Литературный труд. [Предлагается почтить память С. созданием широкого фонда взаимопомощи литературным работникам.]

«Р. Кур.», № 130, 14 мая 1889, стр. 2.

Литературно-критический фельетон. [Часть фельетона посвящена оценке литературной деятельности С.-Щ. Дается отрицательный отзыв.]

«Гр.», № 136, 18 мая 1889, стр. 4.

Михаил Евграфович Салтыков (некролог) (характеристика литературной деятельности).

«Вост. Об.», № 19, 7 мая 1889, стр. 7—8.

Михаил Евграфович Салтыков. [Биографические сведения.]

«Дон», № 48, 30 апреля 1889, стр. 1 [передовая].

Михаил Евграфович Салтыков. [Краткая характеристика творчества: биографические сведения.]

«Жив. Об.», № 19, 7 мая 1889, стр. 312—314 [на стр. 320—портрет С.].

Михаил Евграфович Салтыков (Щедрин) + 28 апреля 1889. [Краткие биографические сведения; характеристика литературной деятельности.]

«Звезда», № 19, 7 мая 1889, стр. 439. «К рисункам».

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. [Характеристика творчества; биографические сведения.]

«Кав.», № 112, 30 апреля 1889, стр. 2.

Михаил Евграфович Салтыков. [Оценка литературной деятельности.]

«Кас.», № 95, 5 мая 1889, стр. 2—3.

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. [Биографические сведения.]

«Луч», № 19, 4 мая 1889, стр. 342—343.

Михаил Евграфович Салтыков (некролог). [Описание болезни и последних дней жизни.]

«Нов. и Бир. Газ.», № 116, 1889, стр. 2.

Михаил Евграфович Салтыков. [Биографические сведения; характеристика литературной деятельности.]

«Новр. Тел.», № 4404, 30 апреля 1889, стр. 1—2 с портретом в тексте.

Михаил Евграфович Салтыков + 28 апреля 1889. [Биографические сведения.]

«Р. Вед.», № 118, 1 мая 1889, стр. 1.

Михаил Евграфович Салтыков+28 апреля. [Несколько слов памяти С.-Щ.]

«Р. М.», май, книга V, 1889, впереди текста.

Михаил Евграфович Салтыков. (Биографический очерк.)

«Риж. В.»; № 47, 2 мая 1889, стр. 1—2 [подвал].

Михаил Евграфович Салтыков. [Пространная биография. Характеристика отношения С.-Щ. к России.]

«Смол. В.», № 53, 7 мая 1889, стр. 2 [подвал), № 55, 12 мая 1889, стр. 2—3 [подвал].

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. [Несколько слов памяти С.]

«Сев. Кав.», № 441—35, 4 мая 1889, стр. 1.

Михаил Евграфович Салтыков (Щедрин). [Краткая оценка творчества и биографические сведения.]

«Сем. Веч.», № 5, 1889, стр. 521—522.

М. Е. Салтыков (некролог). [Биографические сведения.]

«Вор. Тел.», № 48, 3 мая 1889, стр. 2.

М. Е. Салтыков. [Биографические сведения; краткая характеристика литературной деятельности.]

«Дн.», № 325, 29 апреля 1889, стр. 1.

М. Е. Салтыков (некролог). [Краткая характеристика мировоззрения. Отмечается близость С.-Щ. к социалистическим течениям.]

«Знамя», № 16, 15 июня 1889, стр. 2.

М. Е. Салтыков. [Несколько слов памяти писателя.]

«Каз. Бир. Л.», № 95, 30 апреля 1889, стр. 2.

М. Е. Салтыков. [Пространная характеристика, резко отрицательная, литературной деятельности С.-Щ.]

«М. Вед.», № 121, 4 мая 1889, стр. 3. Отзыв: «Касп.», № 101, 13 мая 1889, стр. 3; «Пб. Л.», № 112, стр. 3; «Ист. В.», № 7, июль 1889, стр. 119—139, «Сын От.», № 120, 6 мая 1889, стр. 3.

М. Е. Салтыков. [Характеристика литературной и общественной деятельности.]

«Нед.», № 19, 7 мая 1889, стр. 593—595.

М. Е. Салтыков (некролог). [Биографические сведения.]

«Н. Вр.», № 4728, 29 апреля 1889, стр. 1—2.

М. Е. Салтыков. [Биографические сведения.]

«Пб. г.», № 116, 30 апреля 1889, стр. 2.

М. Е. Салтыков. [Биографические сведения; краткая оценка творчества.]

«Пб. Л.», № 114, 29 апреля 1889, стр. 2.

М. Е. Салтыков. [Биографические сведения.]

«Сар. Л.», № 92, 3 мая 1889, стр. 1.

М. Е. Салтыков (Щедрин) + 28 апреля. [Краткая характеристика творчества.]

«Волж. В.», № 105, 30 апреля 1889, стр. 2.

М. Е. Салтыков-Щедрин (некролог). [Биографические сведения; краткая характеристика значения литературной деятельности.]

«Киевл.», № 95, 30 апреля 1889, стр. 1—2.

М. Е. Салтыков-Щедрин. [Биографические данные.]

«Курс. Л.», № 49, 2 мая 1889, стр. 2.

М. Е. Салтыков (Щедрин). [Характеристика литературной деятельности, биографические сведения.]

«Нива», № 19, 1889, стр. 497—498. В разделе «К рисункам. [На стр. 497 портрет С.].

ПОХОРОНЫ САЛТЫКОВА
Зарисовка художника-корреспондента «Всемирной Иллюстрации», опубликованная в № 10 от 13 мая 1889 г.

М. Е. Салтыков-Щедрин. [Биографические сведения.]

«Од. Н.», № 1275, 29 апреля, стр. 2.

М. Е. Салтыков-Щедрин. [Биографические сведения; оценка литературной деятельности.]

«Орб. Л.», № 20, 14 мая 1889, стр. 2—3 [подвал].

М. Е. Салтыков-Щедрин. [Биографические сведения.]

«Орл. В.», № 56, 2 мая 1889, стр. 1.

М. Е. Салтыков-Щедрин. [Биографические сведения.]

«Разв.», № 18, 7 мая 1889, стр. 9.

М. Е. Салтыков (Щедрин). [Несколько слов памяти С.-Щ.]

«Р. Кур.», № 116, 30 апреля 1889, стр. 2.

М. Е. Салтыков-Щедрин. [Биографические сведения; описание последних дней жизни и смерти (по «Р. Вед.»).]

«Сам. Газ.», № 97, 4 мая 1889, стр. 1 [подвал].

М. Е. Салтыков (Щедрин) (некролог). [Биографические сведения.]

«СПБ. Вед.», 30 апреля 1889, стр. 2.

М. Е. Салтыков (Щедрин) (некролог). [Биографические сведения.]

«Сар. Дн.», 1889, № 90, стр. 2.

М. Е. Салтыков-Щедрин. [Несколько слов памяти С.]

«Сар. Л.», № 90, 1889, стр. 2.

М. Е. Салтыков (Щедрин) (некролог). [Биографические сведения; краткая оценка литературной деятельности.]

«Сев.» № 19, 7 мая 1889, стр. 377 [в тексте портрет С. грав. А. Зубчаниновым.]

М. Е. Салтыков (Щедрин). [Биографические сведения; краткая характеристика творчества.]

«Сын От.», № 113, 29 апреля 1889, стр. 2.

М. Е. Салтыков-Щедрин. [Несколько слов памяти С.-Щ.]

«Шут», № 19, 6 мая 1889, стр. 2. [На этой же странице рисунок памяти С.-Щ.]

М. Е. Салтыков-Щедрин (некролог). [Биографические сведения.]

«Юж.», № 95, 2 мая 1889, стр. 2.

М. Е. Щедрин. [Краткая характеристика как писателя и общественного деятеля.]

«Дон. Пчела», № 34, 7 мая 1889, стр 3.

Мой дневник, 7 мая. [По поводу венка на могилу С. от благодарных евреев. Оспаривается сочувственное отношение С. к евреям.]

«Луч», № 20, 14 мая 1889, стр. 362.

Москва, 29 апреля. [Передовая. Несколько слов памяти С.-Щ.]

«Р. Вед.», № 116, 29 апреля 1889, стр. 1. Отзыв «Гр.» (отриц.) № 122, 4 мая 1889, стр. 2.

Москва, 2 мая. [Передовая, посвященная памяти С.-Щ.]

«Р. Вед.», № 119, 2 мая 1889, стр. 1. Отзыв (отриц.) «Гр.», № 122, 4 мая 1889, стр. 1., ответ «Гр.» дает «Кас.», № 100, 12 мая 1889, стр. 3; «Р. К.», № 119, 3 мая, стр. 4.

Наши внутренние дела. [Несколько слов памяти С.]

«Набл.», № 5, май 1889, стр. 40—41.

Некролог. [В значительной части перепечатка из «Пр. В.»]

«Тв. Губ. Вед.», № 3, 3 мая 1889, стр. 8.

Некрологи II. [Краткие биографические сведения о С. Перечень наиболее выдающихся произведений.]

«Пр. В.», № 96, 3 мая 1889, стр. 2.

Некролог. М. Е. Салтыков. [Краткие биографические сведения; несколько слов, характеризующих значение творчества.]

«Св.», № 48, 30 апреля 1889, стр. 2.

Некролог. Салтыков (Щедрин). [Биографические сведения.]

«Газ. Гатц.», № 17, 30 апреля 1889, стр. 2.

Некролог. [Биографические сведения о С.]

«Новь», № 13, 1 мая 1889, стр. 60.

Ненависть — любви. Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина. [Характеристика творчества; биографические сведения.]

«Пчелка», № 19, 7 мая 1889, стр. 1—2; [на обложке портрет С.]

Николаев, 3 мая. [Ежедневное обозрение, посвященное памяти С.-Щ.]

«Юж.», № 96, 3 мая 1889, стр. 1.

Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). [Биографический очерк.]

Москва, типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1889, стр. 39, ц. 20 к. [Помимо биографии брошюра включает стихотворение «В день похорон М. Е. Салтыкова» и «Литературная деятельность М. Е. Салтыкова-Щедрина (критический этюд).» На обложке портрет М. Е. Салтыкова.]

Памяти Михаила Евграфовича Салтыкова (Щедрина). [Характеристика литературной деятельности и краткая биография.]

«Р. Нач. Уч.», № 8—9, август—сентябрь 1889, стр. 291—293.

Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина. [Составлено по различным источникам.]

«Вор. Тел.», № 49, 5 мая 1889, стр. 2.

Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина. [Оценка литературной деятельности.]

«Од. Л.», № 114, 1 мая 1889, стр. 1—2.

Последняя страница М. Е. Салтыкова. (март—апрель 1889). От редакции. [Предисловие к «Забытым словам».]

«В. Е.», № 6, июнь 1889, стр. 838—846. Отзывы: «Од. В.», № 1303, 6 июня 1889, стр. 3; «Дон», № 64, 8 июня 1889, стр. 3; «Касп.», № 123, 11 июня 1889, стр. 3—4; «Ел. В.», № 121, 7 июня 1889, стр. 3; «Сам. Газ.», № 123, 8 июня 1889, стр. 3; «Новр. Тел.», № 4439, 6 июня 1889, стр. 1; «Бир. Вед.», № 150, 4 июня 1889, стр. 2; «Св.», № 104, 7 мая 1889, стр. 2 (отриц. отз.).

Пушкин и Салтыков. [Отчет о торжественном заседании Славянского благотворительного общества, посвященном открытию памятника Пушкину в Одессе и памяти С.-Щ.]

«Од. Л.», № 126, 13 мая 1889, стр. 2 [подвал].

Рига, 29 апреля ┼ Михаил Евграфович Салтыков (Щедрин). [Передовая, посвященная характеристике творчества и биографическим сведениям.]

«Риж. В.», № 95, 29 апреля 1889, стр. 1.

Саратов, 30 апреля. [Передовая, посвященная памяти С.-Щ.]

«Сар. Дн.», 30 апреля 1889, № 90, стр. 2.

Скорбный лист. (М. Е. Салтыков-Щедрин). [Краткие биографические сведения.]

«М. Л.», № 119, 30 апреля 1889, стр. 2.

Смерть М. Е. Салтыкова. [Характеристика литературного и общественного значения С.-Щ.]

«Р. М.», кн. V (май) 1889, стр. 164—168. Внутр. Обозрение.

Сороковой день кончины М. Е. Салтыкова. [Подводятся итоги откликам на смерть С. Рассказывается, как сам. С. относился к нападкам на его произведения. Приводится письмо С. к Пыпину 1871 г. по поводу «Истории одного города».]

«Од. Л.», № 149, 7 июня 1889, стр. 3. «Маленький Листок».

Тяжелая утрата. [Несколько слов памяти С.-Щ.]

«Р. Кур.», № 117, 1 мая 1889, стр. 2.

Щедрин в деревне. [Опыт чтения Щедрина перед крестьянской аудиторией.]

«Нед.», № 23, 4 июня 1889, стр. 736—739.

[Биографические сведения; характеристика значения С.-Щ.]

«Киев. Сл.», № 666, 3 мая 1889, стр. 2.

[Биография (краткая) С.]

«N. Dörp. Z.», № 101, 2 mai 1889, S. 2.

[Биографические сведения по материалам «Пб. Газ.» и «Нов. Вр.»]

«Од. Л.», № 112, 29 апреля 1889, стр. 1.

[Библиографические сведения.]

«Юж. Кр.», № 2862, 30 апреля 1889, стр. 1.

[«Некролог писателя». Среди разнообразной информации — несколько строк, характеризующих литературное значение С.-Щ.]

«Церк. В.», № 18, 4 мая 1889, стр. 341. Летопись церковной и общественной жизни России.

[Несколько слов памяти С.-Щ.]

«Сын От.», № 113, 28 апреля 1889, стр. 1.

[Оценка литературной деятельности Щ.]

«Новр. Тел.», № 4404, 30 апреля 1889, стр. 1.

[Роль Щ. как обличителя общественных недугов интеллигенции, в связи со статьей в «Н. Вр.», обличающей русскую интеллигенцию.]

«Ел. В.», № 107, 20 мая 1889, стр. 1.

[Участие еврейства в похоронах С. Выдержки из речи М. Абрамовича на могиле С.]

«Нед. Хр. Восх.», № 18, 7 мая 1889, стр. 456—457.

[Характеристика отношения С. к еврейскому вопросу.]

«Нед. Хр. Восх.», № 17, 30 апр. 1889, стр. 433—434.

[Характеристика (краткая) значения Щ.]

«Пб. Л.», № 115, 30 апреля 1889, стр. 2, «Злоба Дня».

[Характеристика (краткая) литературной деятельности С.-Щ.]

«Оск.», № 19, 6 мая 1889, стр. 1. [На обложке портрет С. раб. П. Е. Никитина.]

[Характеристика (краткая) значения литературной и общественной деятельности С.-Щ.]

«Ор. В.», Приложение к № 58, 7 мая 1889, стр. 1.

[Характеристика литературной деятельности Щ.]

«Гус.», № 16, 1889, стр. 251—252. Внутреннее Обозрение. [В № 20, 1889, стр. 317 помещен рисунок Н. Жмудского «Похороны М. Е. Салтыкова (Щедрина) в С.-Петербурге на Волковом кладбище».]

ОБЗОРЫ И КРИТИКА ЛИТЕРАТУРНЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ В СВЯЗИ СО СМЕРТЬЮ М. Е. САЛТЫКОВА

Алфей. Маленький фельетон. [Критика описания похорон С. «одной петербургской газетой» («Н. Вр.»).]

«Ел. В.» № 99, 7 мая 1889, стр. 3.

Беспристрастный Зритель. Над свежею могилою. [Отповедь органам печати, выступившим со статьями враждебными С.]

«Кур. Л.», № 54, 13 мая 1889, стр. 1.

Буренин, В. Критические очерки. [Две последние главы очерка посвящены разбору «Венка» памяти С. в № 119, 2 мая 1889. «Нов. и Бир. Газ.» «Венок» назван «глупой и низкой поминальной оргией».]

«Н. Вр.», № 4734, 5 мая 1889, стр. 2—3 [подвал]. Ответ «Нов. и Бирж. Газ.» в

№ 123, 6 мая 1889, стр. 2. Отзывы (отриц.): «Од. Л.», № 122, 9 мая 1889, стр. 1; Ibid. Критикус, № 138, 26 мая 1889, стр. 2 [подвал].

Буренин, В. Критические очерки. [Часть очерка посвящена выступлениям печати по поводу смерти С. В частности выступлениям «Нови», № 13 от 1 мая 1889, стр. 49—54. «Семь писем Н. Щедрина». Сообщил Виктор Русаков; «Р. Ст.», № 6, июнь 1889. М. Семевский, стр. 740—741; 741—742. (Дается резко отрицательная оценка).]

«Н. Вр.», № 4768, 9 июня 1889, стр. 2 [подвал]. [Отв. «Нови», № 16, 15 июня 1889, стр. 225—226.]

Гаршин, Евгений. Литературная беседа. [Разбор июньской книжки «В. Е.» Среди других материалов разбирается статья «Последняя страница М. Е. Салтыкова».]

«Бир. Вед.», № 150, 4 июня 1889, стр. 2 [подвал].

«Echo de P.» Салтыковский инцидент в Париже. [По поводу выступлений газеты «Presse», обвинившей ряд парижских газет в русофобстве в связи с чествованием памяти С. на банкете Международного литературного общества.]

«Нов. и Бир. Газ.», № 161, 14 июня 1889, стр. 1—2.

Заноза. Как полемизируют столичные газеты. [По поводу полемики в связи с чествованием памяти С. между «Пб. Вед.» и «Нов. и Бир. Газ.»]

«Новр. Тел.», № 4415, 11 мая 1889, стр. 3.

Коломенский Кандид. Вчера и сегодня. Основы истинного патриотизма. [Гл. III и IV статьи посвящены полемике с органами печати, обвинявшими С.-Щ. в ненависти к России; доказывается истинный патриотизм Щ.]

«Нов. и Бир. Газ.», № 145, 28 мая 1889, стр. 2 [подвал].

Круглов, А. Факты и Мысли. [Разбор выступлений печати по поводу смерти С.]

«Дн.», № 339, 13 мая 1889, стр. 2—3, фельетон [подвал].

М. Ерл. Похороны М. Е. Салтыкова [сообщение петербургского корреспондента].

«Од. Н.», № 1282, 7 мая 1889, стр. 3—4.

Никто. «Пестрые заметки». [Разбор откликов печати на смерть С. Подробно разбирается статьи Скабичевского («Нов. и Бир. Газ.»), Михайловского («Р. Вед.»), выступления «Гр.», «М. Вед.», «Спб. Вед.». Отрицательная оценка дается выступлениям как левого, так и правого лагеря.]

«Юж. Кр.», № 2866, 4 мая 1889, стр. 1.

Никто. «Пестрые заметки. III. [Оценка (отриц.) «Венка» — номера «Нов. и Бир. Газ.», посвященного С.]

«Юж. Кр.», № 2868, 6 мая 1189, стр. 1.

Отпетый. Легкомысленные наброски. Навеянное. [По поводу «Недели о Щедрине»—откликов на смерть С. русского об-ва.]

«Новр. Тел.», № 4411, 7 мая 1889, стр. 2 [подвал].

Руслан. Отклики дня. [По поводу откликов на смерть С.]

«Пб. Газ.», № 116, 30 апреля 1889, стр. 2.

Руслан. Отклики дня. По поводу похорон С. [Характеристика (отрицательная) общественно-литературных кругов, хоронивших С.]

«Пб. Газ.», № 120, 4 мая 1889, стр. 2.

Руслан. Отклики дня. [По поводу опубликованных, в связи со смертью С., воспоминаний о нем.]

«Пб. Газ.», № 123, 7 мая 1889, стр. 2.

Сычевский, С. Литературные очерки. [Большая часть очерка посвящена разбору статей о С.-Щ. К. К. Арсеньева и А. Н. Пыпина в июньском номере «В. Е.»]

«Од. В.», № 152, 10 июня 1889, стр. 2 [подвал].

С. С-о. Литературные заметки. [В связи с разбором «В. Е.» упоминается о С.]

«Кр. В.», № 115, 1889, стр. 2 [подвал].

Т. Журнальные заметки «Вестник Европы». [Разбор материала, посвященного С.-Щ. в июньском номере «В. Е.»]

«Кас.», № 128, 17 июня 1889, стр. 3—4 [подвал].

Homo. Разговор. «Катафалк глупости». [Критика номера «Нов. и Бир. Газ.», посвященного памяти С.-Щ.]

«Спб. Вед.», № 119, 3 мая, стр. 2. Отз. (отриц.): «Од. Л.», № 123, 10 мая 1889, стр. 2.

Homo. Разговор. Похороны. [Характеристика, резко отрицательная, литературно-общественных слоев, организовавших похороны С.]

«Спб. Вед.», № 120, 4 мая 1889, стр. 1. Отзыв: «Сын От.», № 119, 5 мая 1889 стр. 2.

Homo. Разговор «Экзекуция глупости». [Ответ (очень резкий по форме и содержанию) «Нов. и Бир. Газ.» на их выступления против разговоров Homo в статье «Кому печаль, а кому радость» № 123, 6 мая 1889, стр. 1.]

«СПБ. Вед.», № 123, 7 мая 1889, стр. 2; Отзывы (отриц.): «Киев.», № 104, 13 мая 1889, стр. 3; «Од. Л.», № 123, 10 мая 1889, стр. 2.

Homo. «Зараза глупости». [Ответ на выступление «Нед. Хрон. Восх.» против «Разговоров» Homo. Попутно высмеивается и ряд провинциальных газет, почтивших память С.-Щ. Статья носит резко юдофобский характер.]

«СПБ. Вед.», № 126, 10 мая 1889, стр. 1. Отзыв (очень резкий): «Нов. и Бир. Газ.», № 128, 11 мая 1889, стр. 1; (сочувств. отзыв на ответ «Нов. и Бир. Газ.» в «Од. Л.», № 128, 15 мая 1889, стр. 1—2); «Ел. В.», № 119, 11 мая 1889, стр. 2; «Нед. Хр. Восх.», № 19, 14 мая 1889, стр. 479—481; «Сар. Дн.», № 100, 14 мая 1889, стр. 2.

Homo. Разговор. «Пляска лапсердаков». [Вторичный ответ «Нов. и Бир. Газ.» на их выступления против «Разговоров» Homo; статья в том же резко юдофобском стиле, что и предыдущая.]

«СПБ. Вед.», 128, 12 мая 1889, стр. 1. Отз. «Пб. Газ.», № 128, 13 мая 1889, стр. 2. «Маленькая Оса».

Н. now. «Венок Новостей». [Пародия на номер «Нов. и Бир. Газ.», посвященный памяти С.]

«Пб. Газ.», № 120, 4 мая 1889, стр. 1—2.

Н. *** Отголоски. [Обзор откликов печати на смерть С.]

«Св.», № 101, 4 мая 1889, стр. 3; № 104, 7 мая 1889, стр. 3.

Читатель. Заметки читателя. Памяти Щедрина. Конец «Миража» Ольги Шапир... и др. [Разбор статей в июньском номере «В. Е.», посвященных Щ.]

«Нов. Дн.», № 2130, 10 июня 1889, стр. 2.

«Венок из живых слов». [Краткая оценка материала в № 119, 2 мая 1889. «Нов. и Бир. Газ.», посвященного памяти С., и ряд выдержек из этого материала.]

«Р. Кур.», № 120, 4 мая 1889, стр. 3.

«Вестник Европы» — июнь. [Разбор материала, посвященного в этой книге С.-Щ.]

«Р. М.», кн. VII, 1889, стр. 319—325. Библиограф. отдел.

«Дневник» — воскресенье 30 апреля. [Критика выступлений печати по поводу смерти С. Отрицательная оценка дается выступлениям органов различных направлений, переоценивших, по мнению газеты, значение С.]

«Гр.», № 119, 1 мая 1889, стр. 4. Отзыв (отриц.): «Од. Н.», № 118, 5 мая 1889, стр. 1.

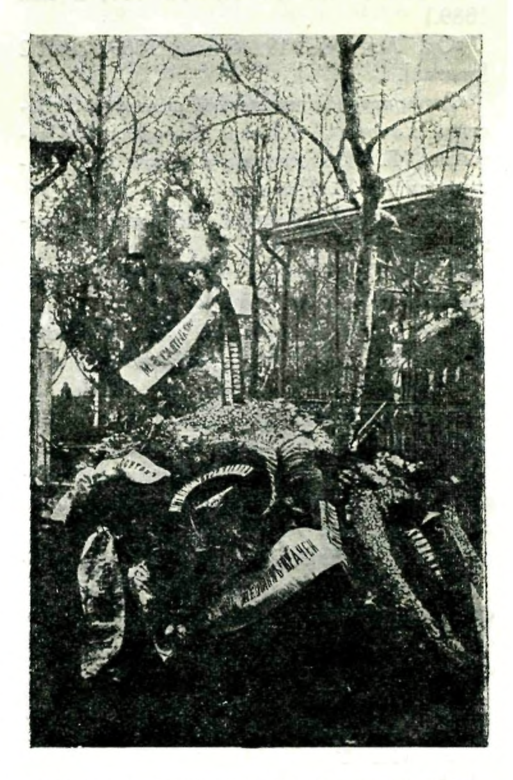
Журнальное Обозрение — июнь: «Русский Вестник», «Вестник Европы» и «Исторический Вестник». [Часть статьи посвящена разбору отзывов о С.-Щ. Арсеньева и Пыпина в «В. Е.»]

«Киев.», № 131, 17 июня 1889, стр. 1—2 [подвал].

«Записная книжка». [Среди заметок на разные темы дается отклик на похороны С. Характеристика (отриц.) речей на могиле, выступлений газеты «Нов. и Бир. Газ.»]

«Гр.», № 122, 4 мая 1889, стр. 2.

«Из области газетной полемики». [По поводу полемики «СПБ. Вед.» с «Нов. и Бир.

МОГИЛА САЛТЫКОВА НА ЛИТЕРАТОРСКИХ МОСТКАХ ВОЛКОВА КЛАДБИЩА В ДЕНЬ ПОХОРОН

Газ.», возникшей в связи с чествованием последней памяти С.]

«Р. Кур.», № 129, 13 мая 1889, стр. 4.

Иностранные газеты о Щедрине. [Краткие извлечения из отзывов: «Temps», «Figaro», «Wiener Allgemeine Zeitung».]

«Од. Н.», № 1283, 9 мая 1889, стр. 3.

К кончине М. Е. Салтыкова (Щедрина). [Обзор откликов печати.]

«Нов. Дн.», № 2090, 1 мая 1889, стр. 1—2.

«Кому печаль, а кому радость». [По поводу статей Homo (Авсеенко) в «СПБ. Вед.», №№ 117, 118 от 1 и 2 мая 1889, стр. 1. Резкая критика.]

«Нов. и Бир. Газ.», № 123, 6 мая 1889, стр. 1.

«К похоронам гр. Д. А. Толстого и М. Е. Салтыкова». [Характеристика (отриц.) выступлений на могиле С.]

«Луч», № 20, 14 мая 1889, стр. 359—362.

«Литературный венок на гроб М. Е. Салтыкова». [Разбор номера «Нов. и Бир. Газ.», посвященного памяти С.,— № 119, 2 мая 1889.]

«Од. Л.», № 119, 6 мая 1889, стр. 2 [подвал].

«Литературно-критический фельетон». «Вестник Европы». «Михаил Евграфович Салтыков» К. И. Арсеньева и «Идеализм Салтыкова» А. Н. Пыпина.

«Гр.», № 157, 8 июня 1889, стр. 4 [подвал].

М. Е. Салтыков (Щедрин). [Обзор откликов на смерть С.]

«Газ. Гатц.», № 20, 21 мая 1889, стр. 278—280. [На стр. 273 портрет С.].

«Между прочим». [Описание панихид по С. и его похорон. Оценка речей.]

«Кр. В.», № 54, 1889, стр. 4.

«Областная печать о Щедрине». [Обзор выступлений газ. «Дон», «Сар. Дн.», «Од. Л.», «Каз. Л.», «Новр. Тел.»]

«Кур. Л.», № 51, 6 мая 1889, стр. 1.

Отголоски печати о Щедрине. [Обзор выступлений столичных газет: «Р. Вед.», «Р. Кур.», «Нов. и Бир. Газ.», «Сына От.», «Пб. Л.»].

«Кур. Л. », № 50, 4 мая 1889, стр. 1—2.

Русская печать о Салтыкове. [Обзор отзывов «Н. Вр.», «Нов. и Бир. Газ.», «Р. Кур.», «Р. В.»]

«Волынь», Житомир, № 78, 9 мая 1889, стр. 2.

Русская печать о М. Е. Салтыкове-Щедрине. [Обзоры выступлений печати по поводу смерти С.]

«Од. Л.», № 116, 3 мая 1889, стр. 1—2; № 118, 5 мая 1889, стр. 1; № 120, 7 мая 1889, стр. 2. [Обзор выступлений, враждебных С.]

Русская печать о Щедрине. [Обзоры выступлений печати.]

«Новр. Тел.», №№ 4406—4410, 2—6 июня 1889.

События русской жизни. [По поводу откликов на смерть С. в разных городах России.]

«Вост. Об.», № 24, 11 июня 1889, стр. 12.

[Обзоры откликов печати на смерть С. В большинстве случаев с критической оценкой сообщаемого отклика.]

«Ел. В.», №№ 94—99, 2—7 мая 1889. «Периодическая печать»; № 119, 4 июня 1889, стр. 2.

[Обзоры откликов печати на смерть С.]

«Нов. и Бир. Газ.», № 124, 7 мая 1889, стр. 2; № 126, 9 мая 1889, стр. 2; № 141, 24 мая 1889, стр. 2; № 152, 5 июня 1889, стр. 2.

[Обзоры откликов печати на смерть С.]

«Од. Н.», №№ 1277—1282; 2—7 мая 1889. Раздел «Журналистика»; № 1292, 23 мая, стр. 3.

[Обзоры откликов печати на смерть С.]

«Р. Кур.», №№ 117—127, 1—11 мая 1889. Раздел «Наши газеты и журналы». [Обзоры откликов петерб. газет, провинциальных газет, окраинных газет; разбор страницы памяти С.-Щ. в «Р. В.» 2 мая; полемика «Сына От.» с правой прессой; отклики провинциальной прессы на враждебные С. выступления]; № 134, 18 мая 1889, стр. 3. [Обзор печати, выступившей против правой прессы, критиковавшей организацию похорон С.]; № 156, 9 июня 1889, стр. 3 [несколько критических замечаний по поводу выступлений «Гр.» в № 118, 30 апреля, стр. 2; № 119, 1 мая, стр. 2; 4 мая, стр. 1—2; № 136, 18 мая, стр. 4.]

[Обзоры, критическая оценка откликов печати на смерть С.].

«Сар. Дн.», №№ 94—95, 5—6 мая 1889, №№ 97—100, 11—14 мая, 1889, № 102, 18 мая 1889. «Среди чужих мнений».

[Обзоры откликов печати на смерть С.]

«Юж. Кр.», № 2865, 3 мая 1889, стр. 2; № 2867, 5 мая 1889, стр. 1.

[Отзыв (краткий) на «Венок» памяти С.-Щ. в «Нов. и Бир. Газ.», № 119, 2 мая 1889.]

«Киев.», № 100, 6 мая 1889, стр. 3. «Среди газет».

[Отзыв (отриц.) на «Венок» памяти С. в «Нов. и Бир. Газ.», № 119, 2 мая 1889.]

«Пб. Г.», № 119, 3 мая 1889, стр. 2. «Маленькие осы».

[Ответ на кампанию против С.-Щ. в некоторых газетах. Приводится характеристика С.-Щ. из статьи Вл. Соловьева в майской книжке «В. Е.», 1889 г.]

«Н. Об.», № 1859, 14 мая 1889, стр. 3. Обзор печати.

[Отклики иностранной прессы на смерть С. Цитируется: «Temps», «Figaro», «Wiener Allgemeine Zeitung».]

«Нов. Дн.», № 2099, 10 мая 1889, стр. 2.

[Отклики французской прессы на смерть С. Дается выдержка из газ. «Gaulois».)

«Нов. и Бир. Газ.», № 126, 9 мая 1889, стр. 1. Дневник.

[Отклики французской прессы на смерть С. Перечисляются газеты, почтившие память С.-Щ.]

«Дон», № 55, 16 мая 1889, стр. 2.

[Отклики печати на смерть С. Отмечается умышленное молчание некоторых газет по поводу смерти С. Цитируется ряд статей из «Венка», «Нов. и Бир. Газ.»; Статья Михайловского в «Р. Вед.»]

«Н. Об.», № 1854, 9 мая, стр. 2—3. Обзор печати.

[Отповедь «одной московской газете», умолчавшей о смерти С.]

«Нов. Дн.», № 2092, 3 мая 1889, стр. 1—2. «О чем говорят».

[Перечень материала, помещенного в № 6 «В. Е.» в память С.-Щ.]

«Н. Об.», № 1881, 7 июня 1889, стр. 4. Обзор печати.

[По поводу полемики «Нов. и Бир. Газ.» с Авсеенко (Homo) из «СПБ. Вед.». Газета на стороне Авсеенко.]

«Пб. Газ.», №№ 128, 129, 12—13 мая 1889, стр. 2. «Маленькие осы».

[Полемика с «СПБ. Вед.» по поводу выпадов последних против еврейства, вызванных участием еврейства в похоронах С.].

«Нед. Хр. Восх.», № 18, 7 мая 1889, стр. 455—456; № 19, 14 мая, стр. 479—481.

[Полемика о еврейском вопросе, вызванная откликом еврейства на смерть С. (Итоги).]

«Нед. Хр. Восх.», № 20, 21 мая 1889 стр. 508—509.

[Полемика с «Н. Вр.», «Гр.», «СПБ. Вед.», доказывающими непатриотичность сатир Щ. Приводится характеристика Щ. из статьи В. С. Соловьева. («В. Е.», май 1889).]

«Нов. и Бир. Газ.», № 123, 6 мая 1889, стр. 1—2.

[Рекомендация (краткая) «Венка» памяти С. в «Нов. и Бир. Газ», № 119, 2 мая 1889.]

«Сар. Дн.», № 95, 6 мая 1889, стр. 1.

ИНФОРМАЦИЯ О СМЕРТИ САЛТЫКОВА

[Сообщение о болезни С.]

«Нов. и Бир. Газ.», № 96, 2 апреля 1889, стр. 2.

[Сообщение о болезни С.]

«Дн.», № 324, 28 апреля 1889, стр. 4.

[Сообщение о болезни С.]

«Од. Л.», № 111, 28 апреля 1889, стр. 1.

[Сообщение о болезни С.].

«Од. Н.», № 1274, 28 апреля 1889, стр. 1.

[Сообщение о болезни С.]

«Р. Вед.», № 115, 28 апреля 1889, стр. 1.

Адрес Н. Щедрину. [Телеграмма С-ву от группы одесской интеллигенции с пожеланием выздоровления.]

«Р. Вед.», № 115, 28 апреля, стр. 2.

[Сообщение о болезни С.]

«Н. Дн.», № 2088, 29 апреля 1889, стр. 2.

[Первая панихида по М. Е. Салтыкове в Петербурге.]

«Нов. Вр.», № 4729, 30 апреля 1889, стр. 3. [В № 4735 от 6 мая 1889, стр. 3 помещен портрет С. в гробу с фотографии, снятой Н. А. Козловым.]

[Отклики на смерть С. в Одессе.]

«Од. Л.», № 113, 30 апреля 1889, стр. 3; № 122, 9 мая 1889, стр. 2; № 123, 10 мая 1889, стр. 2.

У гроба М. Е. Салтыкова. [Описание панихид, перечень возложенных венков и пр.]

«Пб. Л.», №№ 115—117, 30 апреля — 2 мая 1889, стр. 2.

[Подробности болезни и смерти С.]

«Р. Вед.», № 117, 30 апреля 1889, стр. 1.

Панихиды по М. Е. Салтыкове-Щедрине.

«Сын Отеч.», №№ 114—116, 30 апреля — 2 мая 1889, стр. 1—2.

[Отклики на смерть С. в Петербурге.]

«Нов. и Бир. Газ.», № 118, 1 мая 1889, стр. 1—2.

[Отклики на смерть Салтыкова в Одессе.] Венки от одесских газет на гроб М. Е. Салтыкова (Щедрина). Выражение соболезнования вдове г-же Салтыковой.

«Новр. Тел.», № 4405, 1 мая 1889, стр. 2; № 4407, 3 мая, стр. 2. Панихида по М. Е. Салтыкове. Возложение венков от одесских газет на гроб М. Е. Салтыкова; № 4408, 4 мая, стр. 2. Телеграмма присяжных поверенных одесского округа вдове Салтыковой.

[Отклики на смерть С. в Одессе.] Выражение соболезнования вдове С.

«Од. В.», № 114, 1 мая 1889, стр. 1; № 116, 3 мая, стр. 1. Панихиды по скончавшемся М. Е. Салтыкове; № 123, 10 мая, стр. 2. Панихида по С., отслуженная по инициативе репортеров одесских газет.

Памяти М. Е. Салтыкова. [Отклики на смерть С. в Петербурге.]

«Пб. Газ.», № 117, 1 мая 1889, стр. 2.

[Отклики на смерть С. в Риге.]

«Риж. В.», № 96, 1 мая 1889, стр. 2; № 97, 2 мая 1889, стр. 3. «Городской Дневник».

Первая панихида по М. Е. Салтыкове (от собств. корреспондента).

«Р. Вед.», № 118, 1 мая 1889, стр. 2.

[Отклики на смерть С. в Москве. Описание панихид, перечень венков и телеграмм, посланных из Москвы.]

«Р. Вед.», № 118, 1 мая 1889, стр. 2; № 120, 2 мая 1889, стр. 1—2.

Заседание С.-Петербургской городской Думы. [Описание заседания Думы, почтившей память С.]

«Бир. Вед.», № 118, 2 мая 1889, стр. 2.

[Сообщение о сборе в Воронеже денег на венки С.]

«Дон», № 49, 2 мая 1889, стр. 2.

[Отклики на смерть С. в Тифлисе.]

«Кав.», №№ 114—115, 2—3 мая 1889; № 121, 9 мая 1889, стр. 1.

[Отклики на смерть С. в Тифлисе.]

«Н. Об.», № 1847, 2 мая 1889, стр. 2; № 1851, 6 мая 1889, стр. 2; № 1854, 9 мая 1889, стр. 2.

[Впечатление, произведенное смертью С. в Петербурге.]

«Новр. Тел.», № 4406, 2 мая 1889, стр. 1.

Заседание Думы. [Отчет о заседании Петерб. городской думы, почтившей память С.]

«Нов. и Бир. Газ.», № 119, 2 мая 1889, стр. 2.

[Отклики на смерть С. в Петербурге.]

«Нов. и Бир. Газ.», № 119, 2 мая 1889, стр. 2.

[Отклики на смерть С. в Париже.]

«Од. Н.», № 1277, 2 мая 1889, стр. 1.

[Отклики на смерть С. в Саратове.]

«Сар. Дн.», № 91, 2 мая 1889, стр. 2.

Венок на гроб Щедрина. Портрет Щедрина. [Отклики на смерть С. в Москве.]

«Р. Кур.», № 118, 2 мая 1889, стр. 4; № 119—120, 3—4 мая 1889, стр. 4. Панихиды по М. Е. Салтыкове.

[Отклики на смерть С. в Харькове—панихиды, венки от студенчества.]

«Юж. Кр.», № 2864, 2 мая 1889, стр. 2.

По поводу кончины незабвенного М. Е. Салтыкова. [Отклики на смерть С. в Казани.]

«Волж. В.», № 108, 3 мая 1889, стр. 2

[Описание похорон С.]

«J. de Stp.», № 115, 3 мая, 1889, p. 1.

Похороны М. Е. Салтыкова. [Описание похорон.]

«Н. Вр.», № 4732, 3 мая 1889, стр. 3.

[Отклики на смерть С. в Петербурге.]

«Нов. Дн.», № 2092, 3 мая 1889, стр. 3.

Похороны М. Е. Салтыкова. [Описание похорон.]

«Нов. и Бир. Газ.», № 120, 3 мая 1889, стр. 2.

[Подписка на сбор денег в фонд им. С.]

«Нов. и Бир. Газ.», № 120, 3 мая 1889, стр. 3.

О покойном М. Е. Салтыкове. [Отклики на смерть С. в Одессе.]

«Од. Н.», № 1278, 3 мая 1889, стр. 3.

Похороны Салтыкова. [Подробная информация.]

«Пб. Газ.», № 119, 3 мая 1889, стр. 2.

Погребение М. Е. Салтыкова. [Подробное описание похорон; выдержки из речей, произнесенных на могиле.]

«Пб. Л.», № 118, 3 мая 1889, стр. 2.

Похороны М. Е. Салтыкова-Щедрина. [Описание похорон.]

«Сын От.», № 117, 3 мая 1889, стр. 2.

«Die Beerdigung M. Saltykow's. (Краткое описание похорон) «Stp. Z.», № 123, 3 mai 1889, S. 5. Beiblatt.

Похороны М. Е. Салтыкова-Щедрина. [Информац. сообщение петербургского корреспондента.]

«Нов. Дн.», № 2093, 4 мая 1889, стр. 2.

[Отклики на смерть С. в Рязани, Киеве, Пензе, Могилеве, Кишиневе, Тамбове, Ташкенте, Абас-Тумане.]

«Р. Вед.», № 121, 4 мая 1889, стр. 2; № 128, 11 мая 1889, стр. 2; № 130. 13 мая 1889, стр. 1; № 132, 15 мая 1889, стр. 2; № 135, 18 мая 1889, стр. 2; № 142, 25 мая 1889, стр. 1; № 149, 1 июня 1889, стр. 2; № 175, 27 июня 1889, стр. 2.

Похороны М. Е. Салтыкова. [Подробная информация.]

Венки на гроб Щедрина. [Перечень венков, возложенных на гроб С.]

«Р. Кур.», № 121, 5 мая 1889, стр. 2—3.

[Описание похорон С.]

«Дн.», № 331, 6 мая 1889, стр. 4.

XII. Московские письма. [Часть письма посвящена описанию того, как Москва почтила день погребения М. Е. Салтыкова.]

«Нов. и Бир. Газ.», № 123, 6 мая 1889, стр. 2 [подвал.]

[Краткая информация о смерти С.]

«Вокр. Св.», № 17, 7 мая 1889, стр. 268. «Всемирный Календарь».

Похороны М. Е. Салтыкова. [Подробное описание.]

«Ел. В.», № 99, 7 мая 1889, стр. 2.

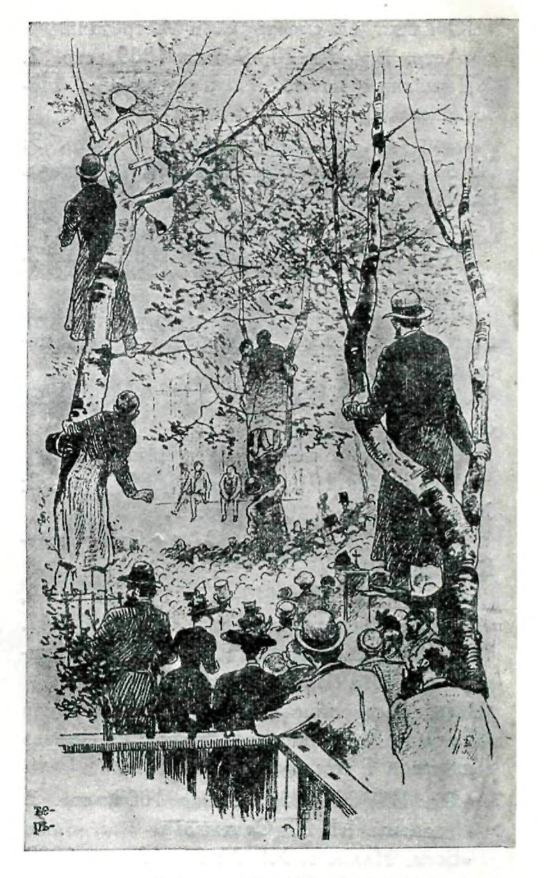
[Описание похорон С.]

«Нед.», № 19, 7 мая 1889, стр. 619—621.

[Текст телеграммы, с выражением соболезнования, вдове С. от одесских учительниц-евреек.]

«Нед. Хр. Восх.», № 18, 7 мая 1889, стр. 458.

[Отклики на смерть С. в Петербурге.]

ПОХОРОНЫ САЛТЫКОВА

Зарисовка художника-корреспондента «Всемирной Иллюстрации», опубликованная в № 20 от 13 мая 1889 г.

«Нов. и Бир. Газ.», № 124, 7 мая 1889. стр. 3.

Панихида по М. Е. Салтыкове. [В еврейском молитвенном доме.]

«Од. Н.», № 1282, 7 мая 1889, стр. 7.

«Р. Кур.», № 122, 7 мая 1889, стр. 3; № 125, 9 мая 1889, стр. 3; № 126, 10 мая 1889, стр. 3.

Панихида по М. Е. Салтыкове [в Казани.]

«Волж. В.», № 112, 8 мая 1889, стр. 3.

[Отклики на смерть С. в Орле.]

«Орл. В.», № 59, 8 мая 1889, стр. 1; № 61, 12 мая 1889, стр. 2. [Панихида по С. на Брянском рельсовом заводе.]

[Отклики на смерть С. в Казани.]

«Каз. Бир. Л.», № 101, 9 мая 1889, стр. 2.

[Отклики на смерть С. в Елизаветполе.]

«Н. Об.», № 1854, 9 мая 1889, стр. 2.

[Отклики на смерть С. в Дерпте, Нижнем-Новгороде, Оренбурге.]

[Отклики на смерть С. в Астрахани.]

«Астр. В.», № 20, 9 мая 1889, стр. 2.

[Панихиды по М. Е. Салтыкове в Новочеркасске.]

«Дон. р.», № 53, 9 мая 1889, стр. 3; № 57, 18 мая 1889, стр. 3. [Панихида в станице Раздорской.]

[Отклики на смерть С. в Курске.]

«Кур. Л.», № 52, 9 мая 1889, стр. 2. «Местная хроника».

[Письмо вдовы и детей С. с выражением благодарности всем, почтившим память писателя.]

«Нов. и Бир. Газ.», № 126, 9 мая 1889, стр. 2.

[Отклики на смерть С. в Николаеве.]

«Юж.», № 191, 9 мая 1889, стр. 2; № 104, 13 мая 1889, стр. 3.

[Отклики на смерть С. в Ставрополе-Кавказском.]

«Сев. Кав.», № 443—37, 11 мая 1889, стр. 2. «Местная хроника», № 453—47, 15 июня 1889, стр. 2. [Сообщение о панихиде по С. в Екатеринодаре.]

Полное собрание сочинений Н. Щедрина (Салтыкова). [Спрос в Одессе на вновь вышедший I том собр. соч. С.]

«Од. В.», № 125, 12 мая 1889, стр. 2.

Похороны М. Е. Салтыкова.

«Всем. Илл.», т. XI, № 20, 13 мая 1889, стр. 341—342 с зарисовками в тексте отдельных моментов похорон. [На стр. 340 рисунок М. Мальцева: Рабочий кабинет М. Е. Салтыкова. Салтыков на смертном одре.]

«Петербургское письмо», VI. [Часть письма посвящена похоронам С.]

«Кас.», № 101, 13 мая 89, стр. 2—3.

[Отклики на смерть С. в Одессе. Вечер памяти С.-Щ.]

«Од. В.», № 128, 15 мая 1889, стр. 1.

Панихида по Михаиле Евграфовиче Салтыкове [в Казани.]

«Волж. В.», № 119, 17 мая 1889, стр. 2.

А. М. Оханск, Пермской губ. (Скорбь о Щедрине).

«Каз. Бир. Л.», № 107, 18 мая 1889, стр. 3.

Сарапул. (Чествование памяти Щедрина.)

«Каз. Бир. Л.», № 108, 20 мая 1889, стр. 2.

[Чествование памяти С. русск. колон. в Париже.]

«Р. Вед.», № 137, 20 мая 1889, стр. 1.

Вятка. [Чествование памяти М. Е. Салтыкова.]

«Каз. Бир. Л.», 112, 25 мая, стр. 2.

[Отклики на смерть С. в Херсоне.]

«Ел. В.», № 112, 26 мая 1889, стр. 2.

[Информация о венке, возложенном на гроб Салтыкова от «Об-ва любителей Российской словесности», и о телеграмме, полученной вдовой Салтыкова от «Астраханского Вестника».]

«Р. Ст.», июнь 1889, стр. 742—743. [Специальный раздел, посвященный памяти М. Е. Салтыкова.]

[Сообщение о подготовке к печати тверской ученой архивной комиссией дел и бумаг С., написанных им во время службы в Твери.]

«Н. Вр.», № 4765, 6 июня 1889, стр. 3.

Нечай. [Отклики на смерть С. в Омске.]

«Вост. Об.», № 24, 11 июня 1889, стр. 6.

[Отклики на смерть С. в Екатеринбурге.]

«Ек. Нед.», № 23, 11 июня 1889, стр. 479; стр. 480. [Панихида по М. Е. Салтыкове-Щедрине в Перми.]

[Отчет за март — май 1889 г. «Комитета для пособия нуждающимся литераторам и ученым». Образование капитала им. Салтыкова.]

«Бирж. Вед.», № 172, 26 июня 1889, стр. 1.

[Несколько слов по поводу смерти С. и отношения к ней ишимской (Тобольск. губ.) интеллигенции.]

«Вост. Об.», № 28, 29 июня 1889, стр. 6. Корресп. «Вост. Обозрения».

[Описание похорон С.; столкновение студентов с полицией во время похорон, характеристика надгробных речей.]

«Соц.», № 1, июнь 1889, стр. 28—30 (корреспонденция из Петербурга).

(Перечень городов и организаций, от которых были получены в адрес редакции «В. Е.» сочувственные телеграммы и просьбы возложить венки на гроб С.]

«В. Е.», № 6, июнь 1889 г., стр. 843 (примечание).

[Лаврова, П. Л.] П. Л. Лавров о себе самом. [Автобиография. Встречается упоминание о председательствовании и произнесении речи на вечере памяти С. в мае 1889 г. в Café Voltaire в Париже.]

«В. Е.», № 10, 1910, стр. 108.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бурцев Вл. За сто лет (1800—1896). Сборник по истории политических и общественных движений в России, Лондон, 1897, ч. 2-я. Хроника и библиография, стр. 135. [В перечне некрологов за 1889 г. дан краткий указатель некрологов С.-Щ.]

М. С. [Семевский.] Сочинения М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина). Том первый. Губернские очерки. Невинные рассказы. Изд. автора. СПБ. [Краткий отзыв.]

«Р. Ст.», июль, 1889. (Библиографич. листок—обложка.)

Юшков, Н. Ф. [Перечень псевдонимов С.]

«Волж. В.», №№ 108, 110, 114, 3, 5, 11 мая 1889, гл. V [примечан.], а также в отдельном издании. Н. Ф. Юшков «Памяти Михаила Евграфовича Салтыкова», Казань. 1889, стр. 42—43 (примечание).

Я. Литературная деятельность М. Е. Салтыкова-Щедрина. (Библиографический очерк.)

«Р. М.», кн. VII, 1889, стр. 96—100.

Брошюра «Михаил Евграфович Салтыков (Щедрин)». [Сообщение о выходе в свет в Одессе биографического очерка С.]

«Од. Нов.», № 1282, 7 мая, стр. 7.

[Брошюра—биография С. Сообщение о выходе в свет (в Москве).]

«Р. Кур.», № 135, 19 июня 1889, стр. 4.

[Перевод сочинений С. на финский язык. Сообщение.]

«Нов. и Бир. Газ.», № 134, 17 мая 1889, стр. 2.

[Рецензия на сочинения М. Е. Салтыкова (Щедрина). Издание автора.]

«Р. М.», кн. VII, 1889. Библиографический отдел журнала.

УКАЗАТЕЛЬ ИЗДАНИЙ, ПОМЕСТИВШИХ ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ САЛТЫКОВА

Газеты

«Астраханский Вестник» — торгово-промышленная, политико-общественная и литературная газета. Астрахань. Ежедневно.— «Аст. В.».

«Биржевые Ведомости»—газета финансов, политики и литературы. СПБ. Ежедневно.— «Бир. Вед.»

«Волжский Вестник». Казань. Три раза в неделю.—«Волж. В.»

* «Волжско-Донской Листок». Царицын. Три раза в неделю.

«Волынь»—газета политическая, литературная и общественной жизни. Житомир. Ежедневно.

«Воронежский Телеграф». Воронеж. Три раза в неделю. — «Вор. Тел.»

«Восточное Обозрение» — газета литературная и политическая. Иркутск. Еженедельно. — «Вост. Об.»

* «Вятские Губернские Ведомости». Вятка. Два раза в неделю.

«Газета А. Гатцука.» Москва. Еженедельно.—«Газ. Гатц.»

«Гражданин» — газета политическая и литературная. СПБ. Ежедневно.—«Гр.»

«День» — газета политическая и общественная. СПБ. Ежедневно. — «Дн.»

«Дон» — газета экономическая, юридическая и литературная. Воронеж. Три раза в неделю.

«Донская пчела»—газета политическая и литературная. Ростов/Д. Два раза в неделю.—«Дон. пчела».

«Донская Речь» — газета политическо-общественная и литературная. Новочеркасск. Четыре раза в неделю.—«Дон. Р.»

«Елисаветградский Вестник»—газета политическая, литературная и общественная. Елисаветград. Ежедневно.—«Ел. В.»

«Екатеринбургская Неделя»—газета политическая и литературная. Екатеринбург. Еженедельно. — «Ек. Нед.»

«Journal de St. Petersbourg» — Politique litteraire, commercial et industriel—St. Petersbourg. Quotidien.—«J. de Stp.»

«Знамя» — рабочая газета. Нью-Йорк, «The Banner», «New-York».

«Известия Славянского благотворительного Общества» (Славянские Известия). СПБ. Еженедельно. — «Слав. Изв.»

«Кавказ» — газета политическая и литературная. Тифлис. Ежедневно.—«Кав.»

«Казанский Биржевой Листок» — газета политическая, общественная и литературная с торговым отделом. Казань. Ежедневно.— «Каз. Бир. Л.»

«Каспий». Баку. Ежедневно. — «Кас».

«Киевлянин» — литературная и политическая газета Юго-Западного края. Киев. Ежедневно.—«Киев».

«Киевское Слово» — литературно-политическая и экономическая газета. Киев. Ежедневно. — «Киев. Сл.»

«Кронштадтский Вестник». Кронштадт. Три раза в неделю.—«Кр. В.»

* «Крым»—газета общественной жизни, литературная и политическая. Симферополь. Три раза в неделю.

«Крымский Вестник». Севастополь. Ежедневно. — «Крым. В.»

«Курский Листок» — газета общественной жизни, литературы, промышленности, торговли. Курск. Два раза в неделю.—«Кур. Л.»

«Московские Ведомости». Москва. Ежедневно.—«М. Вед.»

«Московский Листок»—газета объявлений. Москва. Ежедневно.—«М. Л.»

* «Moskauer Zeitung». Moskau. Täglich.

«Неделя» — еженедельная газета. СПБ.— «Нед.»

«Недельная Хроника Восхода». СПБ. Еженедельно.—«Нед. Хр. Восх.»

«Новое Время»—газета политическая и литературная. СПБ. Ежедневно.—«Н. Вр.»

«Новое Обозрение». Тифлис. Ежедневно.— «Н. Об.»

«Новости и Биржевая Газета». СПБ. Ежедневно.—«Нов. и Бир. Газ.»

«Новости Дня»—ежедневная политическая, общественная, литературная газета. Москва.—«Нов. Дн.»

«Новороссийский Телеграф»—газета политическая, экономическая и литературная. Одесса. Ежедневно.—«Новр. Тел.»

«Одесский Вестник». Ежедневно. Одесса.—«Од. В.»

«Одесские Новости» — газета литературная, коммерческая и промышленная. Ежедневно. — «Од. Н.»

«Оренбургский Листок» — еженедельная газета общественная и литературная. Оренбург.—«Орб. Л.»

«Орловский Вестник»—газета общественной жизни, литературы и политики. Орел. Ежедневно.—«Орл. В.»

«Петербургская Газета» — политическая и литературная. СПБ. Ежедневно.— «Пб. Газ.»

«Петербургский Листок»—газета городской жизни и литературная. СПБ. Ежедневно.—«Пб. Л.»

«Правительственный Вестник». СПБ. Ежедневно.—«Пр. В.»

* «Псковский Городской Листок»—литературная и политическо-общественная газета. Псков. Два раза в неделю.

«Рижский Вестник»—газета торговая, политическая и литературная. Рига. Ежедневно.—«Рижж. В.»

* «Родина» — еженедельная газета общественная и литературная. СПБ.

«Русские Ведомости». Москва. Ежедневно.—«Р. Вед.»

«Русский Курьер»—ежедневная газета политическая, общественная и литературная. Москва.—«Р. Кур.»

* «Рязанские Губернские Ведомости», Рязань. Два раза в неделю.

«Самарская Газета», общественно-литературная. Самара. Ежедневно.— «Сам. Газ.»

«Саратовский Дневник»—газета политическая и литературная. Саратов. Ежедневно.— «Сар. Дн.»

«Саратовский Листок» — газета политическая, общественная и литературная. Саратов. Ежедневно.—«Сар. Л.»

«С.-Петербургские Ведомости». СПБ. Ежедневно.—«СПБ. Вед.»

«St.-Petersburger Zeitung». Stp. Täglich. «Stp. Z.»

«Свет»—газета политическая экономическая и литературная СПБ. Ежедневно.— «Св.»

* «Свободная Россия». Ежемесячная политическая газета. Женева. «La Russie Libre». Genève.

«Северный Кавказ». Ставрополь-Кавказск. Два раза в неделю.—«Сев. Кав.»

«Смоленский Вестник» — газета общественная и литературная. Смоленск. Три раза в неделю.—«См. В.»

«Сын Отечества» — газета политическая, литературная и ученая. СПБ. Ежедневно.— «Сын От.»

«Тверские Губернские Ведомости», Тверь. Два раза в неделю.—«Тв. Губ. Вед.»

«Церковный Вестник», издаваемый при С.-Петербургской Духовной Академии. СПБ. Еженедельно.—«Церк. В.»

«Южанин». Николаев. Ежедневно. — «Юж.»

«Южный Край». Ежедневное издание. Газета общественная, литературная и политическая. Харьков.—«Юж. Кр.»

Журналы

«Будильник». Сатирический журнал с карикатурами. Москва. Еженедельно.— «Буд.»

«Вестник Европы». Журнал истории, политики и литературы. СПБ. Ежемесячно.— «В. Е.»

«Вокруг Света». Журнал путешествий и приключений на суше и на море. Москва. Еженедельно.—«Вокр. Св.»

«Всемирная Иллюстрация». Еженедельный иллюстрированный журнал. СПБ.— «Всем. Илл.»

«Гусляр». Еженедельный иллюстрированный журнал. Москва.— «Гус.»

«Живописное Обозрение». Еженедельный иллюстрированный журнал. СПБ.—«Жив. Об.»

«Задушевное Слово». СПБ. Еженедельно.—«Задуш. Сл.»

«Звезда». Художественно-литературный (иллюстрированный) журнал. СПБ. Еженедельно.

«Исторический Вестник». Историко-литературный журнал. СПБ. Ежемесячно.— «Ист. В.»

«Колосья». Журнал научно-литературный. СПБ. Ежемесячно.

«Луч». Журнал политической, литературной и общественной жизни. СПБ. Еженедельно.

«Наблюдатель». Журнал литературный, политический и ученый. СПБ. Ежемесячно. — «Набл».

«Нива». Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни. СПБ. Еженедельно.

«Новь». Общедоступный иллюстрированный двухнедельный вестник современной жизни, литературы, науки и прикладных знаний. СПБ.

«Осколки». Еженедельный иллюстрированный журнал. СПБ.— «Оск.»

«Пантеон Литературы». Ежемесячный историко-литературный журнал. СПБ.— «Пант. Лит.»

«Пчелка». Еженедельный иллюстрированный журнал. Одесса.

«Развлечение». Журнал литературный и юмористический с политипажами. Москва. Еженедельно. — «Развл.»

«Русское Богатство». Ежемесячный литературный и научный журнал. СПБ.—«Р. Б.»

«Русская Мысль». Ежемесячное литературно-политическое издание. Москва.— «Р. М.»

«Русский Начальный Учитель». Ежемесячно. СПБ.—«Р. Нач. Уч.»

«Русская Старина». Ежемесячное историческое издание. СПБ.—«Р. Ст.»

* «Русский Сатирический Листок» с рисунками и карикатурами. Москва. Еженедельно.

«Север». Еженедельный литературно-художественный журнал. СПБ.—«Сев.»

«Северный Вестник». Журнал литературно-научный и политический. СПБ. Ежемесячно.—«Сев. В.»

«Семейные Вечера». СПБ. Ежедневно. — «Сем. Веч.»

«Социалист». Политическое социально-революционное обозрение. Выходит периодически. Женева «Le Socialiste».— «Соц.»

* «Стрекоза». Художественно-юмористический журнал. СПБ. Еженедельное издание карикатур СПБ.

«Шут». Художественный журнал карикатур. СПБ. Еженедельно.

Брошюры

Юшков, Н. Ф. «Памяти Михаила Евграфовича Салтыкова» (15 января 1826— 28 апреля 1889 г.) с фотографическим портретом М. Е. Салтыкова, снятым фотографом К. Шапиро в С.-Петербурге в 1879 г., переснятым фотографией. В. П. Бибина в Казани в 1889 г. Казань, 1889 г., стр. 1—69, ц. 25 к.

Н. Ж. Михаил Евграфович Салтыков (Н. Щедрин). Биограф. очерк с портретом, составлен по различным источникам. «Н. Ж.» 1889 г., Одесса, стр. 1—16, ц. 15 к.

Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Биогр. очерк. М., тип.-лит. т-ва Кушнерова. 1889 г., 39 стр., ц. 20 к. с портр.

ОПИСЬ ДОКУМЕНТОВ, ОТНОСЯЩИХСЯ К СМЕРТИ САЛТЫКОВА, В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕНИИ ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ЛЕНИНГРАДЕ *

Арсеньев, Н. К. Письмо к Е. А. Салтыковой от 2 мая 1889 г. с выражением соболезнования от чиновников Пензенской казенной палаты.

Артисты Московского Малого Театра. Телеграмма Н. К. Михайловско-

* Часть этих документов была в свое время опубликована в периодической печати.

му от 2 мая 1889 г. с просьбой передать соболезнование семье С.

Арцруни, Гр. (Редактор армянской газеты «Мшак»). Телеграмма в редакцию «Вестника Европы» от 1 мая 1889 г. из Тифлиса.

«Астраханский Вестник» (газета). Телеграмма редактору «Русской Старины» от 7 мая 1889 г. с сообщением о панихиде, отслуженной по С., и просьбой передать соболезнование его вдове от редакции газеты.

Ашешов. Телеграмма от 2 мая 1889 г. из Москвы Стасюлевичу для Салтыковой от имени московского студенчества. Сообщается о панихиде, отслуженной по С.

Баженов. Телеграмма Стасюлевичу из Рязани от 1 мая 1889 г. с сообщением о панихиде, отслуженной по С., и просьбой возложить венок на его гроб.

Базаров. Телеграмма Стасюлевичу из Абастумана от 9/VI—89 г. с сообщением о панихиде по С., отслуженной врачами абастуманского госпиталя, и просьбой передать соболезнование семье С.

[Бакинские почитатели]. Телеграмма Стасюлевичу от 7 мая 1889 г. с сообщением о панихиде, отслуженной по С., и просьбой передать соболезнование его семье.

Безобразов, Владимир. Телеграмма Салтыковой из Ромодана от 7 мая 1889 г.

[Березовские ссыльные]. Письмо к М. М. Стасюлевичу от 22 мая 1889 г. из Березова, Тобольской губ. с просьбой выразить соболезнование семье С. Подписано 8 лицами.

[Бориспольские читатели]. Телеграмма в редакцию «Вестника Европы» от 2 мая 1889 г. с просьбой передать соболезнование вдове С. Подписана 4 лицами.

Боровиковские (семья). Телеграмма Е. А. Салтыковой из Одессы от 29 апреля 1889 г.

Брянский рельсопрокатный завод. Телеграмма Е. А. Салтыковой из Бежицы от 7 мая 1889 г.

Васюхнов, А. К. Телеграмма от 1 мая 1889 г. в редакцию «Вестника Европы» из Тирасполя, Херсонской губ. с просьбой передать соболезнование семье С. и уведомить, не будет ли установлен какой-либо способ совместного чествования почитателями памяти С.

Веллер, Максим. Председатель Русского Научного Об-ва в Берлине. Письмо семье Салтыкова от 4 мая 1889 г. из Берлина от Русского Научного Об-ва.

Веревкин. Телеграмма Е. А. Салтыковой из Боровичей от 30 апреля 1889 г.

[Владимирские читатели.] Телеграмма Стасюлевичу от 1 мая 1889 г. для передачи семье Салтыкова. Подписана 32 лицами.

Врачи Кишиневской губернской земской больницы. Телеграмма Стасюлевичу для Салтыковой от 3 мая 1889 г.

Выдрин, Третьяков. Копия телеграммы из Рязани от 29 апреля 1889 г. с распоряжением Баженова выплатить Стасюлевичу деньги за венок на гроб С.

Ган, Суханов. Телеграмма Стасюлевичу из Харькова от 30 апреля 1889 г. с просьбой передать соболезнование семье С.

Гасселькус, Заремба. Телеграмма Салтыковой от 13 мая 1889 г. от студентов Киевского университета поляков и литовцев. Сообщается о панихиде, отслуженной по С. в костеле.

Гольцев, В. Письмо к Н. К. Михайловскому от 13 марта 1890 г. с просьбой дать статью о Салтыкове в годовщину его смерти.

Грабенко, А. И. (студент). Письмо к Н. К. Михайловскому из Киева от 19 февраля [1890 г.] со стихотворением на смерть С.

Дадиани. Телеграмма Вавельбергу, копия Стасюлевичу из Кутаиса от 5 мая 1889 г. с распоряжением заплатить Стасюлевичу за венок на гроб С.

Двадцать три рабочих. Адрес Щедриной-Салтыковой от тифлисских рабочих. Без даты.

Дроздов, И. Письмо к Е. А. Салтыковой от 1 мая 1889 г. из местечка Почеп, Мглинского уезда, Черниговской губ., куда автор письма «занесен волею обстоятельств».

Дроздов, И. Сопроводительное письмо от 1 мая 1889 г. из Почеп, Мглинского уезда, Черниговской губ. к письму вдове С. Адресовано редактору (Стасюлевичу).

Еврейская читающая молодежь Стародуба. Телеграмма в редакцию «Вестника Европы» от 3 мая 1889 г.

«Екатеринбургская Неделя» (редакция газеты). Телеграмма в редакцию «Вестника Европы» от 29 апреля 1889 г.

[Екатеринодарские почитатели]. Телеграмма Стасюлевичу от 9 июня 1889 г, с сообщением о панихиде, отслуженной в 40-й день смерти С., и просьбой передать соболезнование его семье.

Златовратский, Нефедов, Попов и др. Телеграмма Стасюлевичу для Салтыковой из Москвы от 2 мая 1889 г. Подписана 8 лицами.

Ивашенко. Телеграмма Стасюлевичу от 2 мая 1889 г. с просьбой выразить соболезнование вдвое С. от одесских учителей и учительниц.

[Казанские почитатели.] Телеграмма редактору «Вестника Европы» от 14 мая 1889 г. с сообщением о панихиде, отслуженной по С., и просьбой передать соболезнование его вдове.

Карпов, Е. Письмо к Н. К. Михайловскому из Петербурга от 28 июля 1889 г. с просьбой откликнуться на некролог Щедрину, помещенный Чуйко в «Наблюдателе».

Кишиневские почитатели и почитательницы. Телеграмма Стасюлевичу для Салтыковой от 3 мая 1889 г.

Ксензенко, Александр (заведующий библиотекой). Письмо к Е. А. Салтыковой от дирекции Миргородской общественной библиотеки от 14 мая 1889 г.

Лордкипанидзе, Антон, Николадзе, Екатерина. Телеграмма Стасюлевичу из Кутаиса от 3 мая 1889 г. с просьбой передать соболезнование семье С. и возложить венок на его гроб от кутаисских почитателей.

Лордкипанидзе, Антон. Телеграмма Стасюлевичу из Кутаиса от 3 мая 1889 г. с извещением о переводе денег на венок С.

Любимов (редактор), Фесенко (издатель). Телеграмма Салтыковой-Щедриной из Курска от 7 мая 1889 г. Сообщается о панихиде, отслуженной по С. редакцией «Курского Листка» и почитателями.

[Майкопские почитатели.] Телеграмма вдове Салтыкова от 9 мая 1889 г.

[Миргородские почитатели.] Телеграмма Стасюлевичу для передачи вдове Салтыковой от 9 мая 1889 г. Сообщается о панихиде по С.

Московские почитатели. Телеграмма Стасюлевичу от 1 мая 1889 г.

Московские студенты-южане. Телеграмма Стасюлевичу для Салтыковой от 2 мая 1889 г. Сообщается о панихиде, отслуженной по С.

Московские читатели. Телеграмма от 30 апреля 1889 г. вдове Салтыкова. Подписана 130 лицами.

Московские фельдшерицы. Телеграмма Стасюлевичу от 1 мая 1889 г.

Муромцев. Телеграмма В. М. Соболевскому из Москвы (без дат.) с просьбой возложить венок на гроб С. от московских присяжных поверенных.

[Наманганские читатели.] Телеграмма Салтыковой от 10 мая 1889 г. Подписана 23 лицами.

Научно-технический кружок студентов Рижского политехникума. Телеграмма Салтыковой-Щедриной от 10 мая 1889 г.

[Новозыбковские читатели.] Телеграмма Стасюлевичу от 17 мая 1889 г. с сообщением о панихиде, отслуженной по С., и просьбой передать соболезнование его семье. Подписана 32 лицами.

(Нижегородские почитатели.) Телеграмма Стасюлевичу из Нижнего Новгорода от 1 мая 1889 г. Подписана 104 лицами, среди которых В. Г. Короленко, С. Я. Елпатьевский, Н. Е. Петропавловский, А. А. Ольхин и др.

Обыватели. Телеграмма Стасюлевичу из Рославля от 3 мая 1889 г.

Одесские репортеры. Телеграмма Салтыковой-Щедриной от 1 мая 1889 г. Подписана 11 лицами.

Одесские читатели. Телеграмма Стасюлевичу от 1 мая 1889 г. Подписана 11 лицами.

Одесские читатели. Телеграмма Салтыковой от 2 мая 1889 г. Подписана 8 лицами.

Одесские читательницы. Телеграмма Е. А. Салтыковой от 3 мая 1889 г. Подписана 5 лицами.

Одесская учащаяся молодежь. Телеграмма в редакцию «Вестника Европы» из Одессы от 1 мая 1889 г., от «прогрессивной части одесской учащейся молодежи».

Одесские учительницы-еврей-

ки. Телеграмма от 30 апреля 1889 г. вдове Салтыковой. Подписана 37 лицами.

Омские почитатели. Телеграмма Салтыковой от 18 апреля 1889 г. Сообщается о панихиде, отслуженной по С.

«Орловский Вестник» (редакция газеты). Письмо к Стасюлевичу от 29 апреля 1889 г. с выражением соболезнования семье С.

[Оханские читатели.] Телеграмма в редакцию «Вестника Европы» от 2 мая 1889 г. Подписана 4 лицами.

Павлов-Сильванский. Телеграмма Стасюлевичу из Елизаветполя от 6 мая 1889 г. Сообщается о панихиде по С. и о высылке венка на его могилу.

Паприц, Е. Телеграмма В. М. Соболевскому от 1 мая 1889 г. из Москвы с просьбой возложить венок на гроб С. от почитателей.

[Пензенские] сослуживцы и почитатели таланта. Телеграмма Салтыковой от 1 мая 1889 г. Сообщается о панихиде, отслуженной по С. бывшими его сослуживцами и почитателями.

[Пермские почитатели.] Телеграмма Стасюлевичу от 9 июня 1889 г. с сообщением о панихиде в 40-й день смерти С. и просьбой передать соболезнование семье.

[Поневежские почитатели.] Телеграмма Стасюлевичу от 7 мая 1889 г. с сообщением о панихиде, отслуженной по С. и с просьбой передать соболезнование его семье.

Потебня, Столпов, Сумцов. Телеграмма Стасюлевичу от 30 апреля с просьбой возложить венок на гроб С. от харьковских профессоров.

Почитатели из г. Белого Смоленского. Телеграмма Салтыковой от 14 мая 1889 г.

Преображенский (студент). Телеграмма Салтыковой от студентов Демидовского лицея из Ярославля от 3 мая 1889 г.

Пулавцев, Романов, Ростиславов — студенты Новоалександрийского института сельского хозяйства. Телеграмма (без даты) Стасюлевичу.

Рашковский Н. С. — начинающий литератор. Редакции «Вестника Европы» из Одессы от 29 апреля 1889 г.

Редакция «Южанина» со всеми сотрудниками и печатниками. Телеграмма Е. А. Салтыковой из Николаева от 5 мая 1889 г.

«Русская Мысль». Телеграмма Стасюлевичу от 29 апреля 1889 г. с просьбой передать вдове С. соболезнование от редакции журнала.

[Русская колония в Цирюхе.] Телеграмма Салтыковой от 2 мая 1889 г. Сообщается об организации читальни им. Салтыкова в Берне.

[Русские студенты Горной Академии во Фрейбурге.] Телеграмма Салтыковой (без даты).

[Русские студенты Гейдельбергского университета.] Телеграмма в редакцию «Вестника Европы» от 2 мая 1889 г.

Русские студенты. Телеграмма в редакцию «Вестника Европы» из Берлина от 4 мая 1889 г.

Русские студенты в Берлине. Письмо в редакцию («Вестника Европы») от 14/2 июня 1889 г. с просьбой прочесть это письмо при погребении С. или напечатать в одной из петербургских газет, а также возложить венок на гроб С. Подписано 6 лицами.

[Рязанские почитатели.] Телеграмма Стасюлевичу от 1 мая 1889 г.

Семенова (редактор-издатель «Орловского Вестника»). Сопроводительное письмо к Стасюлевичу, от 29 апреля 1889 г., приложение к письму редакции «Орловского Вестника».

«Северный Кавказ» (редакция газеты). Телеграмма Стасюлевичу из Ставрополя Кавказского от 30 апреля 1889 г. с просьбой передать соболезнование семье С.

[Семевский, М. И.] Сопроводительное письмо к Е. А. Салтыковой от 10 мая 1889 г. при телеграмме «Астраханского Вестника».

[Симферопольские почитатели.] Телеграмма Стасюлевичу из Симферополя от 19 мая 1889 г. с просьбой передать соболезнование семье С.

Слушательницы фельдшерской школы при Московской Мариинской больнице. Телеграмма Стасюлевичу от 1 мая 1889 г.

Соболевский, В. М. Телеграмма А. М. Унковскому от 29 апреля 1889 г.

с просьбой передать семье С. соболезнование от редакции «Русских Ведомостей».

Соединенное казанское русское собрание. Телеграмма Салтыковой от 1 мая 1889 г. за подписью Вороникова.

Студенты-вятичи. Телеграмма Стасюлевичу из Вятки от 9 июня 1889 г. с просьбой передать соболезнование семье С.

Студенты Киевского университета. Две телеграммы в редакцию «Вестника Европы» Стасюлевичу от 29 и 30 апреля 1889 г.

Студенты Московского университета историко-филологического факультета. Телеграмма Е. А. Салтыковой от 29 апреля 1889 г. Подписана 24 студентами.

Студенты Московского университета. Две телеграммы от 30 апреля 1889 г. в редакцию «Вестника Европы» с выражением соболезнования и с просьбой возложить венок на гроб С.

Студенты Московского университета. Телеграмма Стасюлевичу от 2 мая 1889 г. Сообщается о панихиде, отслуженной по С.

Студенты Новоалександрийского института сельского хозяйства. Телеграмма Стасюлевичу от 2 мая 1889 г. Подписана 28 студентами.

Студенты Новороссийского университета. Телеграмма Салтыковой из Одессы от 2 мая 1889 г.

Сутучины. Телеграмма Е. А. Салтыковой из Москвы от 30 апреля 1889 г.

Студенты Харьковского ветеринарного института. Телеграмма редактору «Вестника Европы» от 30 апреля 1889 г. с просьбой передать соболезнование родным С.

Студенты Харьковского технологического института. Телеграмма редактору «Вестника Европы» от 30 апреля 1889 г. с просьбой передать соболезнование семье С.

Студенты Харьковского университета. 2 телеграммы Стасюлевичу от 30 апреля 1889 г.: первая с просьбой передать соболезнование семье С., вторая — возложить венок на его гроб.

(Тамбовские читатели). Телеграмма Стасюлевичу от 2 мая 1889 г. с просьбой передать соболезнование семье С. Подписана 38 лицами.

Тверские читатели. Телеграмма Стасюлевичу от 1 мая 1889 г. Подписана 13 лицами.

Толчинова-Шабельская. Телеграмма Стасюлевичу из Харькова от 29 апреля 1889 г. с просьбой передать соболезнование семье С.

Ульянинский (президент Тульского общества врачей), Хелевинская (секретарь общества). Телеграмма из Тулы Стасюлевичу от 25 мая с просьбой передать соболезнование семье С. от Общества тульских врачей.

Унковский. Телеграмма в редакцию «Русских Ведомостей» из Петербурга от 27 апреля 1889 г. с сообщением о тяжелом состоянии здоровья С.

Фролов. Телеграмма из Саратова от 30 апреля 1889 г. М. М. Стасюлевичу с сообщением о высылке денег на венок С.

Фролов (председатель Саратовского литературного фонда), Хованский, Лебедев (редакторы саратовских газет). Телеграмма М. М. Стасюлевичу из Саратова от 30 апреля 1889 г. с просьбой возложить венок на гроб С. от Саратовского литературного фонда и редакций саратовских газет, а также передать соболезнование семье покойного.

Херсонская общественная библиотека. Телеграмма в редакцию «Вестника Европы» для Салтыковой от 22 мая 1889 г. Сообщается о панихиде, отслуженной по С.

Хмельницкий. Телеграмма от 29 апреля 1889 г. Е. А. Салтыковой и в копии газете «Новости» от одесских присяжных поверенных.

Черезов, И. Письмо к М. М. Стасюлевичу из Одессы от 2 мая 1889 г. Письмо от учащейся молодежи подписано Черезовым «по поручению пяти».

Читатели-друзья. Телеграмма Салтыковой из Казани от 6 мая 1889 г.

Шимшанов, Николай. Телеграмма Стасюлевичу для передачи Салтыковой от 2 мая 1889 г. от одесских присяжных поверенных.

Шимшарев, Дмитрий. Телеграмма Салтыковой из Астрахани от 6 мая 1889 г.

Щепетильников. Телеграмма Стасюлевичу от имени русских студентов Рижского политехникума от 30 апреля 1889 г. с выражением соболезнования и просьбой возложить венок на гроб С.

Щепотьева, Ел. Письмо из Москвы от 30 апреля 1889 г. к Н. К. Михайловскому. В письме высказывается пожелание, чтобы Михайловский взял на себя «всестороннее и ясное освещение общественно-литературного значения покойного «великого писателя (Щедрина)».

IV. ИЗ НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКИ

ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ САЛТЫКОВА

ПИСЬМА: Н. БАХМЕТЬЕВУ, П. ВЕЙНБЕРГУ, В. ГОЛЬЦЕВУ, А. ЖЕМЧУЖНИКОВУ, П. ЗАСОДИМСКОМУ, Н. ЗЛАТОВРАТСКОМУ, К. КАВЕЛИНУ, Г. КРАВЦОВУ, Н. КУРОЧКИНУ, Д. МАМИНУ-СИБИРЯКУ, А. НОВОДВОРСКОМУ, И. ПАВЛОВУ, И. САЛОВУ, И. ТУРГЕНЕВУ, Г. УСПЕНСКОМУ, Н. ЧЕРНЫШЕВСКОМУ, С. ЮРЬЕВУ, В. ЯКУШКИНУ, Е. ЯКУШКИНУ

Предисловие и примечания С. Макашина

Публикация В. Гиппиуса, С. Макашина, Н. Яковлева и др.

Из неопубликованного и несобранного литературного наследства Салтыкова-Щедрина положение с его письмами следует признать менее благополучным, чем положение с его другими писаниями.

Рукописи щедринских произведений, по крайней мере в основном, приведены в известность, сосредоточены в двух-трех крупных архивохранилищах и в настоящее время тщательно изучаются в связи с работой над полным собранием сочинений Щедрина. Письма же сатирика до сих пор рассеяны по многочисленным архивам и частным собраниям. Некоторые из них, о существовании и даже месте хранения которых точно известно, по разным причинам остаются однако и по сей день недоступными исследователю. Еще больше число тех писем, о которых мы знаем (из литературы) лишь то, что они существовали, но судьба которых в настоящее время в полной мере неизвестна. Далее, детальное изучение литературно-общественных и бытовых связей Салтыкова позволяет назвать не один десяток имен, относительно которых есть все основания предполагать, что они являлись адресатами сатирика, хотя документальных подтверждений этому пока и не имеется. Наконец эпистолярное наследие Салтыкова включает в себя значительное количество опубликованных писем, известных ныне лишь по «печатному первоисточнику», а не по автографу. Каждый, кто сталкивался с этими «первоисточниками», знает, как недостаточны они для целей изучения. Неполная публикация (часто только цитация), вольные и невольные искажения фактов, допущенные редакторами, текстологическая неряшливость и т. д. характерны для бóльшей части печатного фонда писем Салтыкова, обнародованных до революции. Несомненно, что усилия лиц, работающих над извлечением из архивов автографов Щедрина, должны быть обращены и в эту сторону, что до сих пор делалось недостаточно. «Печатный первоисточник» писем Салтыкова должен быть по возможности полностью заменен единственно авторитетным — рукописным.

Указанное неблагополучие особенно остро ощущается сейчас, когда готовится трехтомное издание писем Салтыкова. Полным это собрание, конечно, еще не будет, включенные в него письма не все будут напечатаны по рукописям, т. е. вполне исправно. Для этого еще не пришло время. Собирание фактического материала в этой области неизбежно должно пройти еще несколько этапов. Одним из них и является настоящая публикация. Подготовляя ее, мы ставили себе две задачи:

1) Извлечение (коллективной работой ряда лиц) из архивов как государственных, так и частных неопубликованных доселе писем Салтыкова. Таких писем было обнаружено 73. Печатается же из них, по соображениям, о которых будет сказано ниже, лишь 39.

2) Приведение в известность автографов тех, ранее опубликованных писем, текст которых был напечатан либо частично, либо хотя и полно, но крайне неудовлетворительно. Рукописей таких писем было найдено довольно много (все они зарегистрированы и описаны в печатающемся ниже указателе «Щедринские рукописи в архивах СССР»), печатается же здесь текст 24 писем, имевших первичную публикацию.

Таким образом общее количество писем Салтыкова впервые или вновь обнаруженных в автографах при подготовке данной публикации определяется цифрой, превышающей сто. (Напечатанные в этой же книге 15 деловых писем Салтыкова к И. А. Панаеву в этот счет не входят.)

Полученные результаты нельзя не признать довольно внушительными в количественном отношении. Ими определяется прежде всего мера ценности данной публикации как одного из этапов на пути к «полному собранию» писем Салтыкова. Законность появления такой работы на страницах историко-литературного журнала, обязанного по самому существу стоящих перед ним задач уделять внимание собиранию фактического материала, не подлежит сомнению. Однако в данном случае, имея в виду, что совсем небольшой период времени отделяет нас от осуществления трехтомного собрания писем Салтыкова, мы сочли излишним объективировать проделанную работу путем п о л н о й публикации всех найденных документов. Отбор здесь производился в основном по качественным признакам. Опущены письма и записки, не представляющие по своему содержанию сколько-нибудь существенного идейно-политического, историко-литературного или литературно-биографического интереса (напр. опущены чисто деловые письма к Е. И. Якушкину). Далее не могли быть использованы в настоящей публикации два наиболее ценных и крупных фонда неизданных (или вернее частично изданных) писем Салтыкова, обнаруженных или ставших доступными сравнительно недавно. Мы имеем в виду 115 писем Салтыкова к Н. А. Белоголовому и 100 писем к Г. З. Елисееву, хранящихся ныне в Рукописном отделении Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Для журнальной «подборки» эти фонды являлись очевидно слишком обширными. Всякая же «выборочная» публикация была бы здесь научно неоправданной и нецелесообразной. Этой категории писем Салтыкова законное место также в «полном» собрании его сочинений. Все письма, не вошедшие в публикацию, зарегистрированы, как уже указывалось, в указателе щедринских рукописей в архивах СССР, печатаемом в этом же сборнике. Тем самым закреплены все итоги проделанной работы по выявлению новых эпистолярных документов Салтыкова.

Таковы были принципы, обусловившие характер публикации и ее состав.

Какова же и в чем ценность материалов, предлагаемых здесь вниманию читателя? каков их удельный вес среди уже известного эпистолярного наследия сатирика? Дробность писем по адресатам, темам, датам затрудняет конкретную оценку всего материала, взятого в целом. Здесь возможна лишь самая общая характеристика, изучение же идейного и фактического содержания наиболее значительных писем перенесено в комментарий к ним.

Нет необходимости доказывать, насколько важным источником являются письма Щедрина для характеристики его социально-политических воззрений, и шире — для всестороннего изучения его жизни и творчества вообще.

Щедрин надевал на свои идеи маски, иногда очень непроницаемые, он писал «тайнописью», к которой нужны «ключи», «дешифраторы», чтобы прочесть ее. Одним из них, и очень важным, являются письма. Щедрина. В них сатирик мог быть, разумеется, гораздо более откровенным и ясным, чем в своих произведениях, предназначенных для печати, почему его письма и являются столь ценным материалом не только в отношении их громадного идейного содержания, но и в качестве незаменимого в ряде случаев конкретно-политического комментария ко многим страницам его сочинений. С другой стороны, письма дают богатый материал для изучения условий литературной работы Щедрина, его печатания, цензурных инцидентов, отношения с авторами-сотрудниками «Отечественных Записок» и т. п., т. е. для изучения всей той литературно-политической среды в которой протекала деятельность писателя. Наконец не менее историка литературы нуждается в письмах Щедрина его биограф. Письма сатирика, наряду с его сочине-

ниями разумеется, этот авторитетный и вместе с тем «красочный» источник, опираясь на который можно строить конкретную историю идейного и творческого развития Щедрина, особенно нуждается в этом, ибо до сих пор отсутствует не только хотя бы первый опыт марксистской биографии сатирика, но даже сколько-нибудь достаточный свод относящихся сюда фактов и документов, число которых благодаря архивным находкам последних лет очень значительно. Таким образом современный исследователь или читатель, пожелавший навести ту или иную биографическую справку о Щедрине, вынужден и по сей день обращаться к материалам крайне недостаточным, односторонне подобранным и иногда тенденциозно, до грубого искажения интерпретированным (работы Арсеньева, Кривенко, Иванова-Разумника и др.).

Охарактеризованное общее значение писем Щедрина полностью относится и к печатаемым ниже их новым образцам. Нельзя недооценить например большого исследовательского интереса, какой представляют публикуемые нами письма к Е. И. Якушину (имя это, кстати сказать, до сих пор не значилось в числе щедринских корреспондентов). Письма эти содержат чрезвычайно яркие эмоционально-взволнованные отклики Щедрина на те конкретные случаи крестьянских восстаний 1861 г. и их усмирений, которым был свидетелем сатирик в пору своего тверского вице-губернаторства; они содержат также замечательно яркие отзывы о французской «третьей республике» и ее оппортунистических вождях. Не меньший интерес представляет и письмо к Н. Г. Чернышевскому (сообщено Н. В. Яковлевым, прокомментировано Я. Е. Эльсбергом), важное в первую очередь тем, что оно дает новый материал для уяснения вопроса об идейно-политическом смысле той полемики, которая возникла в 1862 г. между Чернышевским и Щедриным по поводу известного очерка последнего «Каплуны».

Из писем к сотрудникам «Отечественных Записок» наибольший интерес, помимо ранее уже известных писем к А. М. Жемчужникову, представляют письма к писателям-народникам: Г. Успенскому, Н. Златовратскому, П. Засодимскому и А. Новодворскому (Осиповичу). Эти письма интересны прежде всего содержащейся в них полемикой, показывающей, как, что и в каком направлении критиковал и поправлял Щедрин в произведениях народников-беллетристов, отвергая некоторые их вещи совсем. Вновь открытые материалы еще раз показывают, что особенной близости между собственно народнической частью сотрудников «Отечественных Записок» и Щедриным не было. Изучение критики Щедриным тех или иных сторон народнического миросозерцания на конкретном материале его отзывов о произведениях народнической беллетристики является несомненно задачей большого исследовательского интереса и значения. Ряд публикуемых писем дает материал для такого изучения, чем и определяется мера ценности этих документов. Материалы для литературно-политической биографии Щедрина дают в той или иной мере, разумеется, все публикуемые письма, но больше всего пожалуй, письма к А. М. Жемчужникову, наиболее богатые информацией о «трудах и днях» самого Щедрина и редактируемого им журнала.

Таков вкратце состав данной публикации. Все письма снабжены необходимыми сопроводительными примечаниями (в большинстве своем они составлены нами, исключения — комментарий Я. Эльсберга и Н. Яковлева — оговорены в тексте), поясняющими как отдельные «темные места» писем Салтыкова, так и их идейное содержание. По существу этих примечаний, которые в ряде случаев правильнее называть комментарием, следует сказать следующее. Помимо обычных справочных задач наши примечания в ряде случаев преследовали ряд специальных. Особые усилия были приложены к тому, чтобы возможно точно продатировать письма Салтыкова. Аргументация датировки, особенно там, где нужно было исправить прежнюю неправильную дату письма, а иногда и необходимость раскрытия адресата не обозначенного в самом письме (напр. письмо И. Павлову), требовали сплошь и рядом привлечения довольно обильного материала, в том числе и архивного, неизданного. Благодаря этим обстоятельствам, почти неизбежным при первичной публикации документов, примечания наши несколько разрослись.

За помощь в подготовке данной публикации приносим благодарность Н. Д. Эфрос.

С. Макашин

1

Е. И. ЯКУШКИНУ [1]

Тверь. 11 Мая [1861].

Извините меня, многоуважаемый Евгений Иванович, что тревожу Вас покорнейшею моею просьбой. В бытность мою в Ярославле, я сообщал Вам о желании моем приобрести усадьбу вблизи этого города или же хотя и подальше, но на Волге, и Вы были так обязательны, что обещали мне Ваше содействие по этому делу. В настоящее время до меня дошло сведение, что в 10 верстах от Ярославля продается усадьба Шелахово (по Московскому шоссе) г. Кафтырева, бывшая Бёма. Усадьбу эту очень хвалят, но прежде, нежели осмотреть ее лично, я желал бы иметь некоторые подробности оней. Вы бесконечно обязали бы меня, если б разузнали, действительно ли и за какую цену продается эта усадьба, есть ли в ней дом, сад и другие хозяйственные заведения, сколько имеется при ней земли и какого качества, сколько рогатого скота и т. п., а также поселены ли и в каком количестве крестьяне или дворовые люди. Если бы можно было достать подробную опись имению, то это, разумеется, было бы весьма удобно. Снова прося Вас извинить меня за делаемое Вам беспокойство, льщу себя надеждой, что Вы не оставите меня без ответа на настоящее письмо мое [2].

Крестьянское дело в Тверской губернии идет довольно плохо [3]. Губернское Присутствие очевидно впадает в сферу полиции, и в нем только и речи, что об экзекуциях. Покуда я ездил в Ярославль, уже сделано два распоряжения о вызове войск для экзекуций. Крестьяне не хотят и слышать о барщине и смешанной повинности, а помещики, вместо того чтоб уступить духу времени, только и вопиют о том, чтобы барщина выполнялась с помощью штыков [4]. Я со своей стороны убеждаю, что военная экзекуция мало может оказать в таком деле помощи, но, как лицо постороннее занятиям Присутствия, имею успех весьма ограниченный [5]. Впрочем я с своей стороны подал Губернатору довольно энергический протест против распоряжений Присутствия, и надеюсь, что на днях мне придется слететь с места за это действие [6]. Всех хуже действует, всех громче и настоятельнее говорит о необходимости экзекуций Коробьин [7], с которым я даже перестал кланяться из-за этого.

Здесь разнесся слух, что кн. Оболенского [8] переводят в Москву. Если это так, то нельзя не сожалеть, что Ярославская губерния лишится такого хорошего человека. О том, кто должен быть назначен на его место, еще нет никаких известий.

Прошу Вас верить искренности моего к Вам уважения и преданности, с которыми и остаюсь

готовый к услугам

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Якушкин, Евгений Иванович (1826—1905) — сын декабриста И. Д. Якушкина, юрист-этнограф, известный главным образом исследованиями в области русского обычного права. С 1859 г. служил в Ярославле сначала управляющим Палатою государственных имуществ, затем управляющим Казенной палатою, был членом Губернского по крестьянским делам присутствия, принимал деятельное участие в проведении крестьянской реформы в своей губернии.

Знакомство Салтыкова с Якушкиным произошло вероятно в конце 1859 или в начале 1860 г. в связи с семейным разделом салтыковской вотчины в Ярославской губернии. Дальнейшие отношения Салтыкова с Якушкиным, как показывает их переписка, также поддерживались преимущественно на почве имущественных интересов писателя, связанных с его ярославским имением.

Тверь. 11 Мая.

АВТОГРАФ ПИСЬМА САЛТЫКОВА К Е. И. ЯКУШКИНУ ОТ 11 МАЯ 1861 г.
(ПЕРВАЯ СТРАНИЦА)

Архив Всесоюзного Общества Политкаторжан и Ссыльно-Поселенцев, Москва

которых крестьян живут и какого качества, сколько рогатого скота и т. п., а также посевами ли и в каком количестве круглые или дворовые люди. Если бы возможно было достать подробную опись имению, то это, разумеется, было бы весьма удобно. Очень прошу Вас извинить меня за несвоевременное Вашего поручения, тем более, что Вы не оставили меня без ответа на предыдущее письмо мое.

Крестьянское дело в Тверской губернии идет довольно плохо. Губернское присутствие очевидно впадает в сферу полиции, и в нем только и речи, что об экзекуциях. Получены здесь из Ярославля, где однако два распоряжения о вызове войск для экзекуции. Крестьяне не хотят и слышать о барщине и считают повинности, а помещики, вместо того, чтоб следовать духу времени, только и вопиют о

АВТОГРАФ ПИСЬМА САЛТЫКОВА К Е. И. ЯКУШКИНУ ОТ 11 МАЯ 1861 г.
(ВТОРАЯ СТРАНИЦА)
Архив Всесоюзного Общества Политкаторжан и Ссыльно-Поселенцев, Москва

тельно, чтобы старушка воспользовалась помо-
щью московских. С своей стороны [illegible]
что военная экспедиция [illegible] старо-
[illegible], но, так как [illegible]
[illegible] Муравьева, [illegible]
весьма ограниченной. Впрочем я со своей
стороны тоже губернатору довольно
энергический протест против распоряже-
ний Муравьева, и надеюсь, что [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] говорить о необходимости экспедиций
г. [illegible], [illegible]
[illegible].
[illegible], что кн. Оболенского пере-
водят в Москву. Если это так, то нельзя
не сожалеть, что Ярославская губерния лиша-
ется такого хорошего человека. Однако, кто
[illegible] быть назначен на его место, [illegible]

АВТОГРАФ ПИСЬМА САЛТЫКОВА К Е. И. ЯКУШКИНУ ОТ 11 МАЯ 1861 г.
(ТРЕТЬЯ СТРАНИЦА)
Архив Всесоюзного Общества Политкаторжан и Ссыльно-Поселенцев, Москва

и по многим [illegible].

Прошу Вас верить искренности моего к Вам уважения и преданности, с которыми и остаюсь

готовый к услугам,

М. Салтыков

АВТОГРАФ ПИСЬМА САЛТЫКОВА К Е. И. ЯКУШКИНУ ОТ 11 МАЯ 1861 г.
(ЧЕТВЕРТАЯ СТРАНИЦА)
Архив Всесоюзного Общества Политкаторжан и Ссыльно-Поселенцев, Москва

[2] Намерение Салтыкова купить усадьбу Кафтырева не осуществилось. Вместо нее в 1861/62 г. было куплено подмосковное имение Витенево (см. об этом в «Воспоминаниях» А. М. Унковского. — «Русские Ведомости» 1894 г., № 115).

[3] Данный абзац и текст печатаемого ниже письма к Е. И. Якушкину от 7 июня 1861 г. являются важными и вместе с тем единственными в известной нам пока переписке Салтыкова свидетельствами отношения его к конкретным случаям крестьянских волнений, с которыми он сталкивался во время своего тверского вице-губернаторства с 3 апреля 1860 по 22 декабря 1861 г. Позиции Салтыкова по вопросу о волнениях, которыми ответили «освобожденные» крестьяне на манифест 19 февраля, изложены в двух его публицистических статьях 1861 г.: «К крестьянскому делу» («Московские Ведомости» 1861, № 94 от 30 апреля) и «Несколько слов об истинном значении недоразумений по крестьянскому делу» (там же, № 128 от 11 июня). Обе статьи, написанные в непосредственной хронологической близости с публикуемыми письмами к Е. И. Якушкину, являются лучшим комментарием к ним. К этим статьям мы и отсылаем читателя.

[4] Законодательство 19 февраля, как известно, на два года оставляло крестьян относительно отбывания «господских денежных и смешанных повинностей» в том же положении, в каком они были прежде. Подавляющее большинство крестьянских восстаний непосредственно вызывалось сопротивлением крестьян именно данному пункту «Положения».

[5] В состав «Губернского по крестьянским делам присутствия» входили по положению четыре так называемых коронных члена (губернатор, губ. предводитель дворянства, управляющий палатой государственных имуществ и губ. прокурор) и четыре члена из местных дворян-помещиков. Салтыков по своему служебному положению как вице-губернатор членом присутствия не являлся, но, как показывают сохранившиеся «протоколы занятий присутствия» (хранятся в Калининском отделении МОА), принимал в его деятельности большое участие.

[6] «Протест» Салтыкова нам удалось разыскать в делах канцелярии тверского губернатора (Калининск. отд. МОА). Время и обстоятельства не дали возможности воспроизвести новонайденный текст здесь. Документ будет опубликован в одном из ближайших выпусков «Летописей Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики».

[7] О Коробьине см. примечание 4-е к следующему письму.

[8] Оболенский, Алексей Васильевич, князь (1819—1884) в 1861 г. исправлял в течение короткого периода должность военного и гражданского губернатора г. Ярославля, затем был переведен на ту же должность в Москву.

2

Е. И. ЯКУШКИНУ

Тверь. 7 Июня [1861]

Благодарю Вас, многоуважаемый Евгений Иванович, за сообщение сведений по имению Кафтыревых. В настоящее время, я, к сожалению, не могу оставить Твери, чтобы лично осмотреть это имение, и потому поручил этот осмотр моему брату [1]. По всей вероятности, он явится к Вам, и я надеюсь, что Вы не откажете ему в совете и содействии в этом важном для меня деле.

Крестьянское дело идет в Тверской губернии столь же плохо, как и в Ярославской. В течение Мая месяца было шесть экзекуций; в одной выпороли 17 человек, в другой троих, в третьей двоих: в трех случаях солдатики постояли постояли и ушли [2]. Но с тех пор, как вступили в должность мировые посредники, потребность в экзекуциях начинает ослабевать. Гр. Баранов [3] очевидно действует таким образом по слабости рассудка; им совершенно овладел Коробьин [4], который рассвирепел ужасно и с которым вследствие сего я перестал кланяться. Вам, быть может, покажется ребячеством с моей стороны подобная штука, но увы! Я и до сих пор не всегда умею скрывать свои чувства, особенно если это чувства омерзения. Свирепость Коробьина произошла от того, что он получил известие, что в Михайловском уезде (Рязанской губ.), где у него находится имение, крестьяне ворвались в Земский суд и стоптали исправника. Отсюда ярость, отсюда приурочение личной боязни к принципу общему [5]. «Это они пробуют свои силы!» — вопиет Коробьин. — Свои силы, бессознательно повторяет

Баранов, и вслед за этим краснеет. И несмотря на свою стыдливость, посылает команды. Я пытался усовещевать его, подал даже формальную бумагу с доказательствами нелепости его действий; но и тут Коробьин подпакостил: «пускай, говорит, волнуется, а вы идите себе своей дорогой: вас, говорит, за бездействие власти под суд отдадут». С тех пор Баранов встречается со мною, и краснеет: краснеет и посылает команды [6].

Об Арнаутовском погроме [7] нам кое-что известно и здесь. Командир полка, бывшего на экзекуции, доносил Начальнику Дивизии (полк квартирует в Кашине), что один эскадрон еще оставлен в имении, с таким распоряжением: выводить людей каждый день на барщину и каждый же день резать по крестьянской корове на мясные порции. Дуббельт, перед отправлением в экспедицию, был в Твери и говорил другу своему Баранову: я стрелять не стану, а только всех их кур и коров передушу. И Баранов ничего, даже не замахнулся на своего друга, даже не назвал его сукиным сыном. Я слышал это от очевидца, которому можно дать полное вероятие.

Еще одна новость: Вам, вероятно, известно дело Калужского Арцимовича [8], теперь оно кончилось. Государь вызывает его для объяснений в Москву и одобрил его действия. Арцимович еще ни разу не посылал команды. Что на него жаловались дворяне — это не диво, но даже соседние Губернаторы доносили, что им житья нет от того, что Арцимович не порет. Имена этих достойных сановников: П. М. Дараган и А. П. Самсонов [9]. Оболенского жаль действительно; кто на его место — еще неизвестно.

Прощайте; быть может, в Июле увидимся.

Весь ваш

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сергей Евграфович Салтыков.

² Данное свидетельство Салтыкова интересно тем, что лишний раз показывает, насколько преуменьшались даже в секретных правительственных документах сведения о *количестве крестьянских беспорядков и их усмирениях. Так например, по донесениям* флигель-адъютанта кн. Витгенштейна в Тверской губернии за июль 1861 г. «имел место лишь один случай неповиновения крестьян» (в имении Лихачева) и он обошелся якобы без применения «мер строгости» («Всеподданнейшие донесения флигель-адъютантов свиты его величества генералов и генерал-адъютантов об обнародовании и приведении в действие Положения 19 февр. 1861 г.», т. III с марта по июль 1861 г. Документы хранятся ныне в ГАФКЭ в составе дел «Секретного и Главного Комитета по крестьянским делам», № 106).

³ Баранов, Павел Трофимович, граф (1815—1864) — в период с 1857 по 1862 г. тверской губернатор, пользовавшийся особым доверием и личной дружбой Александра II.

⁴ Коробьин, Владимир Георгиевич, камер-юнкер — в 1860—1862 гг. управляющий Тверскою палатою государственных имуществ, ярый крепостник. Его фамилия упоминается Герценом среди «атаманов государственного разбоя», получивших августейшую благодарность за сбор с государственных крестьян податей в количестве, превышающем годовой оклад (статья «Августейшая благодарность за государственный разбой», «Колокол» от 15 июня 1860 г., или Соч. Герцена, под ред. Лемке, т. X, стр. 338).

⁵ Сформулированную здесь тему Салтыков скоро (в конце 1861 г.) сатирически разработал в очерке «К читателю» («Современник» 1862 г., № 2). Здесь он писал о «приурочивании вопросов общих, исторических к пошленьким интересам скотного двора своей собственной жизни».

⁶ Вся эта сатирически заостренная, как бы выхваченная из «Истории одного города» характеристика действий тверских помпадуров в «крестьянском деле» дополняется следующим признанием Салтыкова в письме к П. В. Анненкову от 16 мая 1861 г.:

«...мне в настоящую минуту так гадко жить, как вы не можете себе представить. Тупоумие здешних властей по крестьянскому делу столь изумительно, что нельзя быть без отвращения свидетелем того, что делается» («Письма», стр. 24).

⁷ По донесению откомандированного в Ярославскую губернию «флигель-адъютанта свиты его величества» генерал-майора Дуббельта 3-го дело, называемое Салтыковым «Арнаутовским погромом», рисуется следующим образом. Крестьяне угличского уездного

ИЛЛЮСТРАЦИЯ А. САМОХВАЛОВА К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ИЗДАНИЮ «ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА», ПОДГОТОВЛЯЕМОМУ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «ACADEMIA». 1934 г.

предводителя дворянства Арнаутова в числе 800 человек «вышли из всякого повиновения», отказались от исполнения полевых работ и оброк соглашались вносить в размере, уменьшенном против установленного «Положением». На угрозы Дуббельта «прислать им несколько эскадронов драгун, которые будут жить на их продовольствии», крестьяне «отвечали, что не боятся прихода целой дивизии, ибо чувствуют себя вполне правыми». Губернские власти признавали, что крестьяне действительно находились в большом притеснении от помещика, но «возможное облегчение их ранее подчинения полагалось опасным», ибо, по заключению Дуббельта, это «возымело бы самое пагубное влияние на всех окрестных крестьян, объявивших, что поведение арнаутовских крестьян будет руководством их собственному образу действий». В ответ на донесение Дуббельта Александр II дал «высочайшее разрешение» судить арнаутовцев военным судом, но до этого, судя по документам, дело не дошло, т. е. после того, как в непокорные деревни были введены войска и были арестованы «зачинщики», крестьяне, по словам рапорта, «покорились и стали работать на помещика» («Дела секретного и Главного Комитета по крестьянским делам», т. III, 1861 г., № 106, лл. 317—323; ГАФКЭ, дело № 166).

[8] Арцимович, Виктор Антонович (1820—1893) — в период, к которому относится письмо, калужский губернатор, либерал. «Мирную» политику Арцимовича в деле усмирения волнения на Мальцовских заводах («ни разу не посылал команды») шумно одобряло все либеральное дворянство. Сочувственно отнесся к ней в 1861 г. и Салтыков.

[9] Дараган I, Петр Михайлович, генрал-лейтенант — военный и граждаский губернатор Тульской губернии; Самсонов, Александр Петрович, генрал-майор — военный и гражданский губернатор Смоленской губернии (см. «Памятную книжку на 1861 год»). Оба генерала «прославились» кровавыми «апраксинскими» методами, подавления крестьянских восстаний в управляемых ими губерниях (см. об этом в ст. А. З. Попельницкого «Первые шаги крестьянской реформы» в т. V сборников «Великие реформы». М., 1911 г., стр. 196—198).

3

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМУ

29 Апреля [1862 г.] Москва

Милостивый Государь

Николай Гаврилович.

Возвращая корректуры, прошу Вас извинить меня, что так долго продержал их; дело в том, что я был в деревне в то время, как [они] мне были присланы. Мне кажется, что Вы придаете «Каплунам» смысл, которого они не имеют [1]. Тут дело совсем не об уступках, а тем менее об уступках в сфере убеждений, а о необходимости действовать всеми возможными средствами, действовать настолько, насколько каждому отдельному лицу позволяют его силы и средства. Эту же самую мысль я провел в имеющейся у Вас программе предполагаемого нами журнала [2]. По моему мнению, главное теперь — единство действия и дисциплина. Если будет существовать эта последняя, то, само собой разумеется устранится возможность множества ошибок.

Впрочем, я желаемые исправления сделал.

Очень жаль, что Вы не прислали мне цензорскую корректуру, ибо я не надеюсь, чтоб цензор пропустил все в том виде, как оно написано.

Соболезную также о пропаже одной моей статейки [3]. Если она сыщется, то потрудитесь напечатать ее вместе с прочими первым номером. Эта статейка не более полулиста займет и печатать ее особо не стоит. Если же она не найдется ко времени, то не печатайте совсем; я тисну ее где-нибудь в газетке.

Сделайте одолжение, прикажите выслать мне несколько оттисков прилагаемых статей и несколько оттистков «К читателю» [4].

С истинным уважением имею честь быть

покорнейшим Вашим слугой,

М. Салтыков

Москва.

29 апреля.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ А. САМОХВАЛОВА К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ИЗДАНИЮ «ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА», ПОДГОТОВЛЯЕМОМУ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «ACADEMIA», 1934 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Очерк «Каплуны», написанный в 1862 г., не был помещен в «Современнике», так как против его помещения высказался Чернышевский. Об этом факте было известно из письма Щедрина к Пыпину от 6 апреля 1871 г. (см. «Неизданные письма», стр. 38). «Каплуны» были опубликованы только в № 13 «Нивы» за 1910 г., а в наше время напечатаны в сборнике «Неизданный Щедрин» (Ленинград, 1930. «Издательство писателей»), где Иванов-Разумник дал очерку совершенно неверное истолкование.

Публикуемое Н. В. Яковлевым письмо дает ценный материал для уточнения идейных расхождений Чернышевского и Салтыкова в 1862 г.

«Каплун» для Салтыкова — «консерватор по природе и даже несколько доктринер». Каплунов он в своем очерке делит на «веселых» и «угрюмых». «Веселые каплуны» это те, что «удовлетворяются истиной минуты», это очевидно обыватели от политики то либеральствующие, то подпевающие реакционерам. Гораздо интереснее для нас «угрюмые каплуны» — «каплуны будущего». Салтыков так передает их «курлыканье»:

«Жизнь, которую мы знаем, и с которой имеем дело, есть старый выветрившийся хлам... Надобно обратиться к идеалам, надобно забыть об отживающих (хотя и торжествующих еще) формах жизни» (сб. «Неизданный Щедрин», стр. 65).

Свою же собственную позицию Щедрин формулирует так:

«Несомненно, что текущая жизнь изобилует мерзостью и что формы ее, перед судом безотносительной истины, равно несостоятельны, но на практике дело складывается несколько иначе. Вот мерзость мерзкая, и вот мерзость еще мерзейшая: я оставляю за собой право выбора и избираю просто мерзкую мерзость предпочтительно перед мерзейшею. Я не только не отрицаю идеалов, но даже нахожу, что без них невозможно дышать, и за всем тем не могу, однако, признать, чтоб мне следовало жить только в будущем, потому что у меня на руках настоящее, которого мне некуда деть и которое порядочно-таки дает мне чувствовать себя всякого рода тычками и пощипываниями» (стр. 68).

Далее Салтыков жаловался, что угрюмым каплунам «дела нет до того, что в бесконечной цепи живых существ субъект, которого они сейчас обгладали, быть может составляет ближайшее звено к ним самим, что вся разница между ним и ними заключается в том, что он жил деятельной жизнью, а они отдыхали».

Но при всем том Салтыков именно в «угрюмых каплунах» видел союзников себе: «все равно, мы пойдем за вами... мы пойдем потому, что стремления ваши нам сочувственны, а глуповское миросозерцание вызывает в нас тошноту».

Нетрудно понять, что Салтыков здесь обращался к демократическому лагерю, к лагерю молодой революционной интеллигенции.

1862 год был годом переломным для Салтыкова, годом разрыва с либерализмом. В его полемике с «угрюмыми каплунами» чувствуется еще неопределенная двойственность его позиции. С одной стороны, ему «сочувственны» именно стремления «каплунов будущего». Но с другой — его пугает их прямолинейность, резкость, беспощадность и наконец их революционное нежелание считаться с «настоящим». Здесь следует иметь в виду, что, создавая образ «угрюмого каплуна», Салтыков явно имел в виду не Чернышевского, не вождя демократического лагеря, а рядового интеллигента-демократа, разночинца. Несомненно, что со стороны молодой разночинной интеллигенции Салтыков — недавний бюрократ — встречал недоверие, отчужденность и отсутствие тактической гибкости. Бесспорно также, что в рядах демократической интеллигенции встречались и доктринеры, и фразеры, столь пугавшие Щедрина. В «Каплунах» сказывалось и стремление Салтыкова к подлинной практической переделке действительности, и непонимание им того, как революционная мысль перерастает в революционную практику, непонимание и последней.

Поэтому-то Салтыков и рисковал вступить на дорогу компромисса с «мерзостью мерзкой» (в отличие от «мерзости мерзейшей»), на дорогу «уступок», против которых не мог не возражать Чернышевский.

А. Иванов-Разумник, который тщательно затушевывает все идейные разногласия между Чернышевским и Салтыковым, уверяет, что Салтыков под «угрюмыми каплунами», «каплунами будущего» подразумевал... либералов! (стр. 8 и 309.)

² Программа «Русской Правды», того журнала, который Салтыков хотел издавать в 1862 г., действительно соответствует идейным позициям, отразившимся в «Каплунах». Программа журнала (см. «Письма», стр. 03—08), написанная, как явствует из публикуемого письма, самим Салтыковым, исходила из констатирования «недостатка единодушия... в различных оттенках партии прогресса», провозглашала «не столько единство принципов, сколько единство действия», предлагала споры «относительно основных принципов» перенести на более позднее время и «относиться друг к другу с всевозможною осторожностью». Выдвигая на первый план «практическую деятельность», в которой могли бы объединиться и «социалист», и «экономист» (т. е. буржуа), программа подчеркивала вместе с тем важность отдаленных идеалов».

«Русская Правда» представляла собой безнадежную попытку создать блок между демократами и либералами. В 60-х годах, в условиях обострения реакции, в условиях все более отчетливого поправения испуганных революционными перспективами либералов, программа «Русской Правды» не имела под собою реальной почвы.

В последующие годы в связи с общей эволюцией Щедрина решительно изменились и его взгляды на соотношение «практики» и «идеалов». Так в последнем «Письме к тетеньке» Щедрин писал о «практике» — «не с тем туда приходят, чтобы подчинить темные силы заветной идее, а с тем, чтобы подчинить идею темным силам и потом исподволь вызвать у последних благосклонное согласие хоть на какую-нибудь крохотную сделку». Здесь сам Щедрин опровергает мысли, высказанные в «Каплунах».

³ Возможно, что под «пропавшей статейкой» следует понимать один из очерков «глуповского» цикла: «Глупов и глуповцы. Общее обозрение» (опубликовано в 1926 г. Н. Яковлевым в «Красной Нови», кн. 5).

⁴ Очерк «К читателю» был опубликован в февральской книжке «Современника» за 1862 г. О каких других статьях и оттисках идет речь — неясно.

Я. Эльсберг

4

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

Петербург. 30 Апреля. [1869 г.]

Я совершенно недоумеваю, многоуважаемый Алексей Михайлович, почему Некрасов не отвечает Вам. После того письма, при котором я послал к нему Ваше стихотворение [1], я еще раз писал к нему, и на последнее письмо получил уже ответ. Но о стихах Ваших ни слова. Я толкую это во-первых свойственною Некрасову нерадивостью, а во-вторых тем, что он, вероятно, надеется видеться с Вами лично.

Теперь, согласно желанию Вашему, считаю долгом высказать мое личное мнение о стихах Ваших. Мне кажется, что Вы, находясь долгое время за границей, несколько утратили чувство современной русской действительности. Катков и Скарятин, против которых направлена Ваша поэма [2], в сущности, не могут представлять достаточного предмета для негодования. Катков был когда-то чем-то; теперь — это простой маниак, который всякий вопрос сводит на дела северо-западного края. Что касается до Скарятина,

то это такая гнида, о которой не только говорить, но и мыслить неудобно. Наша современная действительность такова, что даже Скарятин, обобщенный и возведенный в перл создания, представителем ее служить не может. Затишье полное; не о чем говорить, не к чему прикасаться, не против чего возражать. И в то же время чувствует какая-то тупая [тоска?] На Вас, вероятно, находили минуты бездействия, когда никакой вопрос не приходит на ум, кроме: куда бы пойти или куда бы деваться? Нечто подобное делается ныне в нашей общественной жизни, в нашей публицистике и литературе. Вкус к жизни исчез: смотришь на себя как на постояльца, и не вследствие какой-нибудь борьбы или тревог, а вследствие всеобщей безалаберщины и неустойчивости.

В поэтическом образе подобное положение вещей могло бы дать материал для картины, не лищенной интереса.

Мнение мое, в этом смысле, о стихах Ваших я высказал и Некрасову, в чаянии, что он передаст его Вам. Мне кажется, что было бы лучше не печатать этих стихов.

Извините меня, что я, быть может, излишне откровенен с Вами. Во-первых, Вы сами вызываете меня на откровенность; во-вторых, я думаю, что относительно Вас это просто обязанность, не выполнить которую я считаю себя не в праве.

До свидания; жму Вашу руку.

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. письмо Салтыкова к Некрасову от 5 апреля 1869 г. Оно опубликовано В. Е. Евгеньевым-Максимовым, в жур. «Печать и революция» 1927, кн. 4.

[2] Имеется в виду сатирическая поэма А. М. Жемчужникова «Пророк и Я» (1868 г.), направленная против Каткова. Повидимому в первоначальном своем виде поэма была обширнее и включала главы, не вошедшие в окончательный текст «Собрания стихотворений» Жемчужникова (2 т., СПБ., 1892, 1910). Одна из этих глав, судя по тексту письма

ИЛЛЮСТРАЦИЯ А. САМОХВАЛОВА К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ИЗДАНИЮ «ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА», ПОДГОТОВЛЯЕМОМУ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «ACADEMIA», 1934 г.

Салтыкова, была сатирически заострена против известного реакционного публициста В. Д. Скарятина и издававшейся им совместно с К. Юматовым газеты «Весть»—органа крайнеправого крыла дворянства, протестовавшего против реформы 1861 г. В качестве другой главы в поэму входило также стихотворение «Кентавр», как это явствует из одной строки стихотворения, приведенного в письме Некрасова к Жемчужникову от 14 мая 1869 г. («Русская Мысль» 1913, кн. II). Поэма в «Отечественных Записках» напечатана не была. И Салтыков, и Некрасов считали, что приемы и характер полемики, предложенные Мемчужниковым (абстрактное моралистическое обличение), не отвечают требованиям политического момента. Мотивируя свой отказ напечатать в 1868 г. отрывок из поэмы, Некрасов писал Жемчужникову: «... вы вероятно не читали всего, что в последние годы писалось по поводу Каткова в либеральной части мелкой прессы. Все те мотивы, на которых построена ваша характеристика Каткова, многократно и прозой и стихами были там трактованы..., так что большая часть ваших строф не имеет ни новости, ни силы. Это мнение мое и дву-трех ближайших помощников по редакции» («Русская Мысль» 1913, кн. 2, письмо от 5 мая 1868 г.). Любопытно, что Жемчужников «пожаловался» на Некрасова и Салтыкова Тургеневу и получил от него сочувственный отзыв, «...мне очень жаль, что Некрасов не принял вашей поэмы; видно этот кулак нашел ее делом «не подходящим» («Русская Мысль» 1914, кн. I, письмо от 30 мая 1896 г.).

5

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ.

П.бург. 9 Февраля [1870 г.]

На письмо Ваше, многоуважаемый Алексей Михайлович, поспешаю ответить, что стихи Ваши и письмо Некрасовым получены, но Некрасов не отвечал Вам по болезни. По объяснению Некрасова, стихи Ваши имеют быть напечатаны в Мартовской книжке [1]. Что вы так надолго запали за границу? Кажется, надо бы и про нас вспомнить, про нас, которые здесь живут и пишут. Право, литератору не лишнее жить среди тех интересов, о которых очень часто болит сердце его, как члена известной национальности. Плоха ныньче литература стала; она носит на себе печать того же брожения, которое примечается и в обществе. Ничего цельного и законченного; все какие-то отрывки и мелочи. Старое отживает, новое нарождается туго. Как хотите, а и наши с Вами дни сочтены. Один гр. Ал. Толстой не унывает и продолжает Византийские предания. На днях он давал представления в Москве, т. е. читал в обществе любителей Р. Слов. Царя Бориса [2].

Распоряжение о высылке Вам Отеч. Записок сделано.

Крепко жму Вашу руку.

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В мартовской (3-й) книжке «Отечественных Записок» за 1870 г. были напечатаны «Современные песни» А. М. Жемчужникова: 1) «О, скороль минет это время», 2) «Эпохи знамения», 3) «Кентавр», 4) «Современному гражданину», 5) «Старик».

[2] «Византийским преданием» назвал Салтыков «Князя Серебряного» А. Толстого в своей сатирической рецензии-пародии на роман (см. «Современник» 1863, кн. 4); в ней вскрывалась основная реакционная идея этого произведения, сформулированная в словах: «не расти двум колосьям в уровень, не сравнять крутых гор с пригорками, не бывать на земле безбоярщине»... Чтение А. К. Толстым своей трагедии «Царь Борис» в Обществе любителей российской словесности состоялось 8 февраля 1870 г. (см. «Словарь общества любителей российской словесности», М.). Отсюда и датировка письма, неправильно отнесенного в первой публикации к 1872 г.

6

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

10 Июня [1870]. П.бург. Фурштатская, № 33.

На два полученных мною Ваших письма, многоуважаемый Алексей Михайлович, спешу (хотя, сознаюсь, не вполне поспешно) уведомить, что

ИЛЛЮСТРАЦИЯ А. САМОХВАЛОВА К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ИЗДАНИЮ «ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА», ПОДГОТОВЛЯЕМОМУ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «ACADEMIA», 1934 г.

стихи Ваши получены и будут напечатаны в Августовской книжке (в Июльской уже места нет) [1]. Все требуемые Вами исправления будут выполнены в точности. Некрасова нет: уехал в деревню и возвратиться в половине Июля, а в начале Августа поедет в Диепп. Я пробуду в П[етербурге] до 25 Июня, и потом до Августа скроюсь в деревню. Пишу это Вам для соображения, если встретится какая-нибудь надобность.

Весь Ваш

М. Салтыков

10 Июня

П.бург

Фурштатская, № 33.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В августовской книжке «Отечественных Записок» за 1870 г. напечатано стихотворение Жемчужникова «Неосновательная прогулка». Отсюда — в сопоставлении с поездкой Некрасова в Диепп — и датировка письма, неправильно отнесенного в первой публикации к 1868 г.

7

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

22 Июня [1870 г.] [1]

Если желаете писать к Плещееву, многоуважаемый Алексей Михайлович, то адрес его следующий: Москва, в Почтамт, контрольному чиновнику и поэту А. Н. Плещееву. Мы все так ему пишем, и письма доходят верно. Настоящего же адресса не знаю, потому что Плещеев беспрерывно меняет квартиры, и при том он грустен. Братца Вашего, Александра, перевели в Псков на такую же должность [2]. Братец Ваш, Владимир, слился с Гр. Бобринским [3] и, кажется, в совокупности с ним и Гр. Ал. Толстым [4], намеревается издать трактат о пользе классического образования, как умеряющего вред, производимый знанием вообще, и взамен оного доставляющего *якобы* знание. О прочих братцах ничего не знаю. Двоюродный же Ваш братец, А. К. Толстой, в бытность свою в Петербурге устроил следующее. Здесь хлопочут некоторые об устройстве реальн[ой], женской гимназии и разумеется, собирают деньги, устраивают концерты, чтения и проч. На одно из чтений пригласили и Толстого в надежде, что он прочтет отрывок из Бориса Годунова и тем привлечет к себе публику, чтущую память Кукольника. Что же он сделал? — в чтении в пользу женских гимназий прочел стихотворение П р о т и в т е ч е н и я. Думал, что его ошикают, а случилось напротив: много раз вызывали и заставили повторить [5].

Здесь был Тургенев [6].

Сей старец дорог нам; он жив среди народа
Священной памятью...
Шестьдесят второго года.

Стиха не выходит, но верно [7].

Весь Ваш

М. Салтыков

22 Июня

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] Дата письма определяется на основании хронологического сопоставления следующих фактов, упоминаемых в тексте письма: перевода Алексан. М. Жемчужникова на службу в Псков, приезда И. С. Тургенева в Петербург и чтения А. К. Толстым своей трагедии «Борис Годунов» (см. ниже).

[2] Александр Михайлович Жемчужников — крупный чиновник, один из соавторов «Козьмы Пруткова», был в 1870 г. переведен в Псков на должность вице-губернатора (см. «Памятную книжку Псковской губернии за 1870 г.», вып. I. Псков, 1870, стр. 2).

[3] Владимир Михайлович Жемчужников в 1868—1871 гг. состоял чиновником особых поручений при министре путей сообщения графе Владимире Алексеевиче Бобринском (2-м).

В апреле 1870 г. В. Жемчужников стал одним из директоров Киево-Брестской железной дороги и вскоре после того переехал на жительство в дом Бобринских. Пользуясь своей близостью к министру, Жежчужников, по свидетельству А. И. Дельвига, неоднократно добивался для своего Общества ряда льгот и ассигнований, в которых повидимому материально заинтересован был и сам Бобринский (А. И. Дельвиг «Полвека русской жизни». — «Academia», М.—Л., 1930, т. II, стр. 407 и сл.).

[4] Повидимому, описка Салтыкова. Ироническое предложение об издании «трактата о пользе классического образования» ассоциируется конечно не с Ал. Толстым, а с министром народного просвещения (в период 1866—1880 гг.) гр. Дмитрием Андреевичем Толстым, жестко проводившем пресловутую «систему классического образования» в качестве одного из средств реализации политики помещичье-дворянской реакции.

[5] Салтыков резко отрицательно отнесся к «Царю Борису» А. Толстого (напечатана трагедия в мартовской книжке «Вестника Европы» за 1870 г.). Реакционные, патриотически-националистические устремления пьесы сближаются Салтыковым с «памятью» незадолго перед тем умершего (1868 г.) Нестора Кукольника, чьи драмы действительно установили своего рода канон историко-патриотического жанра. Еще резче отнесся Салтыков вместе со всем лагерем демократической литературы к стихотворению А. Толстого «Против течения» («Русский Вестник» 1867, № 6) — этому яркому манифесту «чистого» и «аполитичного» искусства.

[6] В 1870 г. Тургенев приехал в Петербург 21 мая и пробыл там неделю (см. Н. М. Гутьяр. «Хронологическая канва для биографии И. С. Тургенева». СПБ., 1910, стр. 76).

[7] Ироническая перифраза стихов А. Пушкина из «Второго послания цензору»:

Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа
Он славен славою двенадцатого года

Смысл щедринской эпиграммы будет ясен, если мы вспомним, что в «шестьдесят втором году» (1862) Тургенев был привлечен правительством к ответственности по обвинению в сношениях с Герценом, Огаревым и другими «лондонскими пропагандистами» («Процесс 32»). Показания перепуганного и стремившегося оправдаться перед Александром II Тургенева, все его трусливое, переходящее в предательство поведение в этом деле возбудили против него многих из его «друзей» — революционеров и демократов, в первую очередь самого Герцена, а также весь состав редакции «Современника». Кроме того к 1862 г. относится появление знаменитого романа Тургенева «Отцы и дети». Салтыков резко выступил против него на страницах «Современника» (см. хронику «Наша общественная жизнь» в № 1—2 журнала за 1863 г.). Он обвинял Тургенева в том, что своим произведением он оказал «страшную услугу» всему прогрессивному движению, что его роман объективно сыграл на руку реакции. «Слово «нигилисты»,— писал Салтыков,— пущенное в ход И. С. Тургеневым, не обозначает собственно ничего... Не обозначая собственно ничего [оно], прикрывает собой всякую обвинительную чепуху, какая взбредет в голову благонамеренному... Благонамеренные готовы, чтобы у них поснимали головы, лишь бы иметь право сказать: это они! это нагилисты... Вот какую страшную услугу оказал Тургенев».

8

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

П.бург 25 Ноября [1870 г.]

Все просьбы Ваши, многоуважаемый Алексей Михайлович, мною выполнены, то-есть деньги, по расчету Вашему, переданы В. А. Арцимовичу [1], а 11 № Отеч. Зап. послан к Вам по новому адресу.

Благодарю Вас за слишком снисходительный отзыв об «Истории одного города». Теперь я издал ее вполне, но без иллюстраций, как Вы подаете мне мысль. Иллюстрации ведут за собой цензуру, и при том неизвестно еще, как публика примет это новое мое сочинение. Я должен Вам сознаться, что публика несколько охладела ко мне, хотя я никак не могу сказать, чтоб я попятился назад после «Губерн[ских] Оч[ерков».] Не считая себя ни руководителем, ни первоклассным писателем, я все-таки пошел несколько вперед против «Губ[ернских] Оч[ерков»], но публика повидимому рассуждает об этом иначе. Вот ежели это издание разойдется быстро, я подумаю и об иллюстрированном и иллюстрации поручу академику Ге, который по моим наставлениям может сделать нечто хорошее. Кстати: я вместе с сим распорядился, чтоб книгопродавец Звонарев выслал Вам экземпляр «Ист[ории] од[ного] гор[ода»], который и прошу Вас принять в знак моего сердечного к Вам уважения [2].

«Сила событий» действительно принадлежит мне, я не подписался, чтоб не давать поводов к толкованию [3].

Я вопрошал Некрасова насчет продолжения «Кому на Руси», но сей празднующий муж только улыбается. Кажется, он готовит нечто для 1-ой книжки 1871 года, но работа идет у него урывками среди увеселений, игры и охоты. Есть у него несколько готовых детских стихотворений (прелестных), может быть, он и ограничится их помещением [4].

Скажите серьезно: будете ли Вы когда-нибудь в России? Что до меня, то я с ума бы, кажется, сошел от ностальгии. Впрочем, я ни разу не бывал за границей и потому в этом деле не судья.

Адрес мой: Фурштатская, № 33.

Статья «Учение о нравственности» принадлежит П. Л. Лаврову, который теперь в Париже. Так как он, повидимому, эмигрировал, то вряд ли придется эту статью кончить [5].

Душевно Вам преданный
М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Арцимович, Виктор Антонович (1820—1893) — известный деятель 60-х годов (см. о нем в прим. к письму № 2), в период к которому относится письмо — сенатор уголовного кассационного департамента. С А. М. Жемчужниковым Арцимович был связан родственно: он был женат на сестре поэта.

[2] Издание «Истории одного города» с иллюстрациями не было осуществлено. Опасения Салтыкова оправдались. «История одного города» не вызвала при своем появлении (первое отдельное издание в 1870 г.) живого интереса, острых споров, читательского внимания. Книга разбиралась лениво и медленно. Прошло почти десять лет, прежде чем понадобилось второе издание (в 1879 г.). Но к этому времени замысел об иллюстрировании «Истории» видимо отпал. Историческую живопись академика Н. Н. Ге (1831—1894) Салтыков ставил очень высоко; см. напр. его отзывы о картинах «Тайная вечеря» («Современник» 1863, № 11 в хронике «Наша общественная жизнь») и «Петр Великий и царевич Алексей» («О. З.» 1871, № 12 в статье «Первая русская передвижная выставка»).

[3] «Сила событий» («Отеч. Зап.» 1970, кн. 10) — важная для уяснеия политических взглядов Щедрина статья, посвященная теме «патриотизма», написанная в связи с развязкой франко-прусской войны. Статья была подписана инициалами «М. М.» Позднее при подготовке Собрания сочинений Салтыков включил статью в сборник «Признаки времени».

[4] Имеются в виду стихи из цикла «Стихотворения, посвященные русским детям» — «Соловьи» и «Дедушка Мазай и зайцы». Первое было напечатано в 10-й книге «Отеч. Зап.» за 1870 г., второе в 1-й книге за 1871 г. Всю зиму 1870/71 г. Некрасов был занят интенсивной работой по собиранию материала для «Княгини Трубецкой» из «Русских женщин».

[5] Статьи П. Л. Лаврова «Современные учения о нравственности и ее история» (по поводу книги W. E. H. Leckv. Hièlory of Europeon morole) появились в 3, 4, 5, 6 и 8 книгах «Отеч. Зап.» за 1870 г. анонимно. Отдельное издание их под псевдонимом С. С. Арнольди вышло лишь в 1903/4 г. в СПБ. Статьи эти в 70-е и 80-е годы усиленно читались и изучались в кружке революционной молодежи. Так например, тетрадь с обширными выписками из этих статей была отобрана у М. Горького при жандармском обыске в Казани в 1889 г. (см. Б. И. Николаевский. «Первое преступление М. Горького». — «Былое» 1921, № 16, стр. 177). «Эмигрировал» Лавров, т. е. бежал, в феврале 1870 г. при помощи Германа Лопатина из Кадникова, Вологодской губернии, куда он был сослан, за границу.

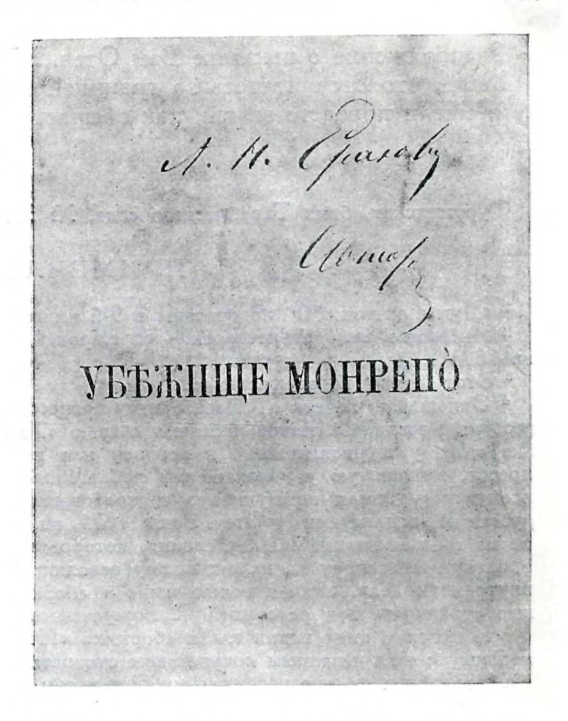
9

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

Петербург, 31 Августа [1871 г.]

Многоуважаемый Алексей Михайлович.

Спешу уведомить Вас о получении Ваших стихов, из коих Думы Оптимиста уже набраны и имеют быть напечатаны в Сентябрьской книжке

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ЭКЗЕМПЛЯРА «УБЕЖИЩЕ МОНРЕПО» С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ САЛТЫКОВА А. Н. ЕРАКОВУ
Институт русской Литературы, Ленинград

Отеч. Записок [1]. Другое стихотворение, согласно желанию Вашему, будет напечатано в Октябрьской книжке [2]. Гонорарий будет уплачен в размере Вами назначенном, т. е. 58 р. за оба стихотворения. Что касается до проекта Ваших писем о современном состоянии Германии, то для журнала такого рода письма были бы весьма интересны, и весьма бы желательно было, чтоб Вы поспешили присылкою их. Я говорил с Некрасовым (который покуда живет еще на даче близ Чудова и наезжает в Петербург на 1—2 дня) насчет гонорария за эти письма, и он просил передать Вам, что гонорарий этот может быть 80 р. за лист. Если Вы согласны, то ответьте и пришлите, буде возможно, первое письмо. Программа Ваша совершенно подходящая для нас [3].

В литературе нашей глубокое затишье. Это можно видеть уже из того, что в настоящее время играет у нас роль такая мразь, как Суворин. Почитайте суждение газет и Вестника Европы по Нечаевскому делу и судите, до чего дошла наша печать. Это царство мерзавцев, готовых за коврижку продать душу. Всякая возможность издавать журнал сколько-нибудь свежий исчезает в виду неизреченного холопства остальной прессы. Даже самая умеренная статья подвергается остракизму. Я в Августовской книжке поместил статью совершенно спокойную по тону, в которой доказывал, что слово «анархия» употребляется в ненадлежащем смысле и что анархистами должны называться собственно те, которые ставят преграду прогрессу,— и должен был эту статью вырезать в виду угроз для журнала [4]. Личная вражда против меня Шидловского, начавшаяся в Туле (где он был губернатором, а я управляющим Казенной палатой), продолжается и теперь, так что я не знаю, можно ли мне будет оставаться при моей литературной профессии [5]. Прибавьте к этому забавы вольных художников вроде гр. А. К. Толстого, дающих повод своими «Потоками» играть сердцам во чреве наших обскурантов. Не знаю как Вам, а мне особенно больно видеть, как люди, которых почитал честными, хотя и не особенно дальновидными, вооружаются в защиту обскурантизма, призывая себе на помощь искусственную народность.

Распоряжение о высылке Вам Отеч. Записок по новому адрессу сделано. Жаль, что Вы остаетесь за границей еще на неопределенное время. Впрочем, ежели приедете зимой, как обещаете, то увидите все сами.

Искренне жму Вашу руку.
М. Салтыков

Фурштатская, близ Таврического сада, № 33.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Думы оптимиста» напечатаны в 9-й книге «Отеч. Зап.» за 1871 г.

[2] Имеется в виду стихотворение «В Европе», напечатанное в 10-й книге «Отеч. Зап.» за 1871 г.

[3] Этот проект не осуществился.

[4] Отношению печати к «Нечаевскому процессу» — первому гласному политическому процессу в России, Салтыков посвятил статью «Так называемое нечаевское дело и отношение к нему журналистики», в которой зло высмеял охранительную, «благонадежную» прессу, кричавшую о «накоплении неблагонадежных элементов», о «распространении по всему лицу земли коммунизма» и требовавшую у правительства усиления борьбы с русскими нигилистами («Отеч. Зап.» 1871, кн. 9, подпись: «М. М.»). Статья эта обратила на себя внимание III Отделения, которое представило по этому поводу специальную записку Александру II, наложившему резолюцию: «Обратить на это внимание министра внутренних дел». Статья вошла ныне в сборник: «М. Е. Салтыков-Щедрин. Неизвестные страницы» под редакцией С. Борщевского.— «Academia», М.— Л., 1932 г.

[5] Имеется в виду пятая глава сборника «Итоги», в которой Салтыков сделал смелую попытку с нескрываемым сочувствием отозваться на трагическую судьбу героев Парижской коммуны, только что утопленной в крови «версальцами», именуемыми в статье «одичалами консерваторами современной Франции». Несмотря на всю изощренность эзоповского языка, примененного в статье, цензура ее в печать не пропустила. О запрещении статьи В. Е. Евгеньев-Максимов сообщает так: «В августе председатель Цензурного комитета А. Г. Петров в личном письме на имя начальника Главного управления Шидловского поднял вопрос о пятом очерке цикла «Итоги», уже напечатанном в номере 8-м журнала. Высказывая совершенно правильное предположение, что очерк этот принадлежит Щедрину, Петров обращал внимание своего шефа на то, что автор «настоящими анархистами» считает «консерваторов», т. е. людей, «отдающих общество в жертву всевозможным колебаниям и страхам», а «реформы настоящего царствования» называет «консервативным либерализмом» (В. Евгеньев-Максимов. «В тисках реакции». М.—Л., 1926, стр. 38). В виду такого отзыва Салтыков, спасая книжку журнала от ареста, изъял из нее статью. Она была впервые опубликована В. П. Кранихфельдом лишь в 1914 г. и то в крайне урезанном виде. Полностью (по рукописи и в двух вариантах) статья напечатана Н. Яковлевым в сборнике «М. Е. Салтыков-Щедрин, Неизвестные страницы» под ред. С. Борщевского — «Academia» М., 1932 г.

[6] О вражде Салтыкова с тульским губернатором Михаилом Романовичем Шидловским (в период, к которому относится письмо, — начальник Главного управления по делам печати) см. в записи беседы с Салтыковым М. И. Семевского, опубликованной в этой же книге, см. также статью «Салтыков в Туле», подписанную инициалами «И. М.» («Исторический Вестник» 1902, кн. I, стр. 172) и Л. Ф. Пантелеев. «Из воспоминаний прошлого», СПБ., 1908, т. II стр. 154—155.

10
А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

Петербург 1 Апреля [1872 г.]

По прочтении Вашей «заграничной сцены» [1], многоуважаемый Алексей Михайлович, спешу от себя и за Некрасова уведомить Вас, что в Апрельской книжке «Отеч. Зап.» ваша вещь не может быть помещена, во-первых, потому, что книжка эта, в минуту получения «Сцены» была уже скомпанована, а во-вторых, потому, что в Апрельском № имеется уже большая поэма Некрасова [2], и следовательно в одном № помещать две поэмы и неудобно и начетисто. Затем позволяю себе предложить на Ваше обсуждение следующие соображения. Майская книжка «Отеч. Зап.» выйдет, вероятно, не раньше половины Мая, когда публика разъезжается по деревням и на журналы уже обращает мало внимания; поэтому и для Вас, и для журнала

будет удобнее, ежели Ваша поэма будет помещена осенью, т. е. в Сентябре или позже, как Вы пожелаете. Деньги же, которые Вы за труд Ваш требуете, могут быть выданы и теперь. Ежели Вы согласны на это, то потрудитесь уведомить и я немедленно отошлю 400 р. В. А. Арцимовичу. Если Вам нужно скорее, то телеграфируйте. Во всяком случае, в мае я надеюсь увидеть Вас, ибо я до начала июня не выеду из Петербурга, так как у меня родился сын, к-ого нельзя везти в деревню до тех пор, пока не будет совсем тепло. Вероятно, в Мае застанете еще и Некрасова.

Гр. А. К. Толстой действительно счастливец, если получает по 1 р. с. за стих. К сожалению, наша редакция не настолько богата, чтобы платить такие деньги. Надеюсь, что при свидании Вы сами убедитесь, что мы не имеем ни малейших поползновений эксплоатировать Вас.

Искренне Вам преданный
М. Салтыков.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Стихотворение «В чем вся суть» с подзаголовком «Заграничные сцены из русской жизни». Напечатано в 5-й книжке «Отеч. Зап.» за 1872 г.

[2] Имеется в виду поэма Некрасова «Княгиня Трубецкая» (из «Русских женщин»).

11
Н. С. КУРОЧКИНУ[1]

Витенево, 4-го Июля [1872]

Посылаю фельетон для Августовской книжки, многоуважаемый Николай Степанович. Если возможно, прикажите его набрать поранее и корректуру пошлите мне и Некрасову[2].

Адрес мой я записал в книжке. Я возвращу корректуру очень скоро.

Весь Ваш.
М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Курочкин, Николай Степанович (1830—1884) — брат известного поэта-«искровца», переводчика Беранже; в 70-х годах работал в редакции «Отечественных Записок».

[2] Речь идет о VII главе «Дневника провинциала в Петербурге», напечатанной в искаженном виде в «Отечественных Записках» за август 1872 г. Об истории «прохождения» этой главы в печати и затруднениях, с которыми встретилась редакция, см. в письмах Салтыкова от 3 июля 1872 г. Некрасову и в письме Курочкина от 1 августа 1872 г. к тому же Некрасову («Архив села Карабихи», М., 1916 г., стр. 175 и 117).

12
П. В. ЗАСОДИМСКОМУ

20 Мая [1874 г. Петербург]

По письму вашему (извините, что не имею чести знать имени и отечества вашего) спешу послать вам записку г. Некрасова на получение 200 р., которые и имеют быть выданы вам из конторы (в том же доме, где живет Некрасов). Что же касается до вашей рукописи, то извините меня: я еще не успел приступить к ее редактированию. Но прошу вас быть уверенным, что я в ущерб ей ничего не сделаю. Об одном считаю долгом предупредить вас: времена тяжелые наступили и 5-й № «Отеч. Записок» арестован и вероятно будет сожжен. Рукопись вашу я беру в деревню, куда выезжаю в Субботу, мы думаем начать печатание ее с Августовской книжки[2].

Уважающий Вас
М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Засодимский, Павел Владимирович (1843—1912) — писатель-народник.

[2] В майской книжке «Отечественных Записок» 1874 г. были найдены недопустимыми для обнародования целых семь статей, в том числе и IX глава «Благонамеренных речей» Щедрина («Тяжелый год», опубликованный позднее в «Новом Времени» 1876 г., №№ 112—114). Книга была арестована и сожжена (см. статью В. Евгеньева-Максимова «Из истории одного цензурного auto-da-fé» в журнале «Книга и революция» 1921 г., № 12, см. также любопытный отклик на этот инцидент в лавровской зарубежной газете «Вперед», №2, стр. 38 в заметке, озаглавленной «Что делается на родине»).

На письме Щедрина сам Засодимский сделал помету: «Это письмо написано о романе «Хроника села Смурина». Щедрин отредактировал этот роман летом и с августа он начал печататься в «Отечественных Записках» (книги 8, 9, 10, 12) за подписью Вологдин. Это произведение считается одним из лучших у самого Засодимского и одним из популярнейших в народнической беллетристике.

13

И. С. ТУРГЕНЕВУ

23 Сентября [1875 г.] [1]

Пожалуйста, не думайте, уважаемый и дорогой Иван Сергеевич, что неприезд мой сегодня к Вам — не более как отговорка. Еще вчера, ложась спать, я думал, что увижу Вас сегодня, но проснувшись утром, убедился, что погода опять грозит целым днем дождя, и убоялся. Недавно перенесенные страдания слишком велики и воспоминание об них чересчур еще живо, чтобы рисковать новым припадком или возможностью его. Прошу Вас извинить и оправдать меня [перед] гр. Соллогубом [2], а также выразить мое искреннее сожаление Mme Viardot, что я не имел чести быть ей представленным. Я пробуду еще около 4-х недель и надеюсь еще быть у Вас.

Искренне Вам преданный
М. Салтыков

Я послал Вам телеграмму особо.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] Записка относится ко времени пребывания Салтыкова в Париже с 5 сентября по 20 октября 1875 г.

[2] Соллогуб, Владимир Александрович (1814—1862)—известный беллетрист, автор «Тарантаса». Салтыков познакомился с ним как-раз в это время, при чем в середине октября присутствовал на устроенном Тургеневым чтении одной его комедии, главным действующим лицом которой является нигилист-вор. О впечатлении, произведенном на Салтыкова этим чтением, см. напр. его письмо Анненкову от 18 октября 1875 г. и др. («Письма». П., 1925 г., стр. 99 сл.).

Е. И. ЯКУШКИНУ

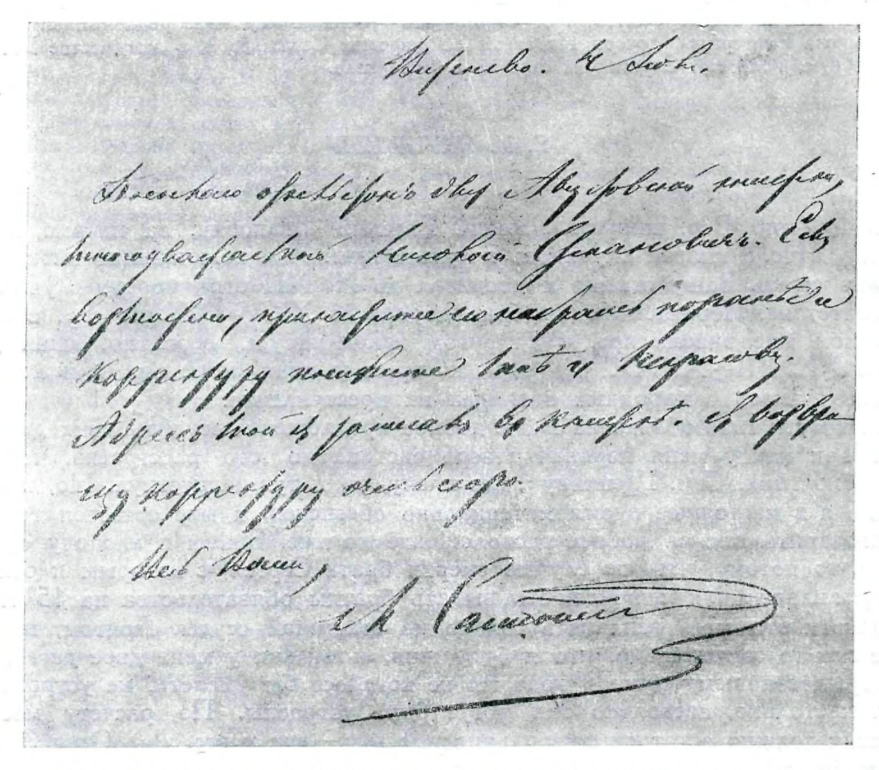
Ницца 31 Янв. [1876 г.] [1]

Милостивый Государь
Евгений Иванович.

30 Декабря прошлого года Угличское У[ездное.] Присутствие представило в Ярославское Губернское мою выкупную сделку с крестьянами 2-го Заозерского общества [2]. Я не знаю член ли Вы, по новым правилам, Губернского Присутствия, но во всяком случае думаю, что Вы не откажетесь оказать мне содействие к скорейшему рассмотрению этого дела и отсылке в Петербург.

Извините, что пишу Вам такими каракулями — это моя болезнь так пишет. Целый год я борюсь со смертью, и три раза почти в гробе был,

но победил смерти жало, хотя канона мне за это никто не сочинит. В Баден-Бадене даже совсем умер, но, должно быть, вышли какие-нибудь неприятности, потому что я очнулся. Вот и теперь опять возобновляются с половины Декабря припадки ревматизма и правая рука пухнет. От того так и пишу [3]. А тоскую я здесь — ужасно. В Бадене чистота одолевала. Одна русская нянька говорила мне: все господа здесь, черняди нет — от того и скучно. Плюнуть не на что, а Руси есть веселие плевати. А в Ницце еще хуже. Пресловутые апельсинные сады не что иное как огороды, которы[е] поливают разжиженным человечьим калом, отчего по всему городу воняет поносом. Французская цивилизация борется с итальянскою: днем

Ширяево. 4 Июл.

Посылаю окончание двух Августовских очерков, многоуважаемый Николай Степанович. Если возможно, пришлите [illegible] по правке корректуру [illegible] в [illegible]. Адрес мой [illegible] в конверт. Я возвращу корректуру очень скоро.

Весь Ваш,

М. Салтыков

АВТОГРАФ ПИСЬМА САЛТЫКОВА К Н. С. КУРОЧКИНУ ОТ 4 ИЮЛЯ 1872 г.
Собрание С. А. Рейсера, Ленинград

дерьмо чистят, а за ночь опять все тротуары усеяны кренделями.

Вычитал я, что Вы книжку об Обычном русском праве издали—вот бы обязали, ежели бы экземпляр выслали; я бы Вам в Мае все сочинения свои прислал за это, ибо я хоть умирать, но в Мае в Россию поеду [4]. Адрес мой по 1-е Апреля нового стиля след.: Nice, Alpes maritimes, Franke, Poste restante.

Кстати бы уведомили и о положении моего выкупного дела. Извините, что беспокою Вас; целый год я с этим выкупным делом вожусь — все Скрипицын его в Угличе тормозил [5].

Искренне жму Вашу руку и остаюсь навсегда уважающий Вас

М. Салтыков

Ницца
31 Янв.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Дата письма определяется по месту его отправления: в Ницце Салтыков жил с 27 октября 1875 г. по 17 апреля 1876 г.

2 При проведении реформы в ярославском имении Салтыковых в мае 1862 г. все 19 им принадлежавших селений были разделены на две сельские общины: первую составило само село Заозерье с 645 душами крестьян, вторую — все остальные 18 деревень с 108 душами. В связи с этим и были составлены только две уставные грамоты. Размежевание земельных угодий между 18 селениями предоставлялось самим крестьянам.

3 *О болезни Салтыкова, вынудившей его уехать для длительного лечения за границу,* см. в «Воспоминаниях» Н. А. Белоголового, М., 1889 г. и в ст. В. Розенберга «Салтыков в Ницце».— «Голос Минувшего» 1913, кн. I.

4 В Россию Салтыков вернулся 31 мая 1876 г.

5 1876 год был годом завершения затянувшейся выкупной операции в имениях Салтыкова. Упоминаемый Салтыковым Скрипицын — повидимому муж родной племянницы Салтыкова Екатерины, дочери Надежды Евграфовны Салтыковой, в замужестве Епифановой (ум. 1844 г.). Скрипицын служил в Ярославле.

15

Е. И. ЯКУШКИНУ

Ницца 19/7 Марта [1876 г.]

Благодарю Вас, многоуважаемый Евгений Иванович, за письмо и за книгу [1]. Но с книгой случилось происшествие. Я с величайшим интересом начал читать Вашу статью и прочитал до XXXII стр., но тут случилось препятствие. Переплетчик повторил двукратно XXV—XXXII стр. в присланном мне экземпляре, а в другом каком-нибудь, вероятно, вшил два раза XXXIII—XXXX (!) стр., которых у меня ⌊нет⌋: так я и не мог ничего узнать о народных взглядах на преступление.

Я крайне Вам обязан за Ваше доброе предложение ссудить меня деньгами. Так как у меня нервная теперь система до того расстроена, что я, подобно Мих. Сем. Щепкину [2], все плачу, то и тут взгрустнул. Но, к счастию, я в настоящее время материально обеспечен, и мне остается только благодарить Вас за доброе расположение ко мне. Ежели я хлопочу о выкупе, то потому, что, по случаю смерти брата Сергея, с которым я был в общем владении, я вынужден был выдать братьям обязательства на 15 т. р. и деньги эти могу заплатить только из выкупной ссуды. Притом, право, мне как-то сомнительно, что я буду жив, и так как у меня двое детей, из которых старшему сыну 4 года, то не хотелось бы умереть, не устроивши дел настолько, насколько они могут быть устроены. По расчету моему, у меня должно остаться с небольшим 40 тыс.—вот и все. Да «Отеч. Зап.», если будут живы, обязаны давать до 1884 года по 1800 р. в год. Будьте так добры, когда мое дело отошлется в Петербург, дать знать об этом Алексею Михайловичу Унковскому (Шпалерная, д. № 6): он похлопочет в Главном Выкупном Учреждении. Впрочем, я думаю, что Смагин, по лености своей, еще не скоро к Вам его пришлет.

Политические интересы везде очень низменны, не в одном Неаполе. Везде реакционное поветрие [3]. Во Франции Гамбетта играет громадную роль — этого одного достаточно для оценки положения. У Гамбетты одна только мысль: чтоб Франция называлась республикой, а что из этого выйдет — едва ли он сам хорошо понимает. Он буржуа по всем своим принципам и теперь только о том и думает, как бы посрамить Маг-Магону [!]. Противно читать здешние газеты (я получаю «Republ. française» и «Rappel»), все они наполнены криком: тише! не вдруг! Даже Луи Блан [4] заразился этим. Республика без идеалов, без страстной идеи — на кой чорт, спрашивается, она нужна. Мы и в России умеем кричать: тише! не вдруг!

Здоровье мое все еще плохо. Две недели без спины был, теперь получше, а в руках все еще ревматизм — насилу пишу. Сверх того кашель

неусыпающий и порок сердца. Лечусь кислородом, пью Виши и зельтерскую воду с молоком. В половине Апреля н. ст. поеду в Париж, и с половины Мая буду сбираться в Россию. Пусть будет, что будет, но больше за границей не хочу жить. По болезни моей, я даже видеть ничего не могу — что же интересного!

Прощайте, будьте здоровы. Еще раз благодарю Вас за участие и крепко жму Вашу руку.

М. Салтыков

Летом непременно приеду в Ярославль и вручу Вам свои книги.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Салтыков благодарит за присланный ему по его просьбе (см. предыдущее письмо) 1-й том «Обычного права» Е. И. Якушкина, вышедший в свет в конце 1875 г.

2 Щепкин, Михаил Семенович (1788—1863) — знаменитый московский актер, основатель реалистической школы в русском театре.

3 Салтыков впервые попал за границу, во Францию, в 1875 г., в эпоху «реакционного поветрия», последовавшего вслед за разгромом Парижской коммуны. События 1871 г. произвели на буржуазию и буржуазную демократию огромное впечатление. От недавнего радикализма республиканцев, хотевших «полного обновления крови, костей и мозга нации», не осталось и следа. Политика республиканской партии после Коммуны преследовала цель консолидации сил буржуазии, примирения ее с демократией и была насквозь соглашательской. Наиболее ярким выразителем этой политики был Леон-Мишель Гамбетта (1838—1882), ставший после избирательной кампании в феврале 1876 г. лидером республиканского союза («скопец Гамбетта одержал блистательную победу», сообщал об этом Салтыков Анненкову в письме от 27 февраля 1876 г.). «Я не признаю,— заявил однажды в палате Гамбетта, — другой политики, кроме политики умеренности, политики результатов и, так как уже произнесено это слово, я скажу — политики «оппортунизма» (термин, созданный для характеристики программы Гамбетты Г. Рошфором). Эту политику Гамбетта проводил в основанной им в 1871 г. газете «Republique française», которую упоминает Салтыков, вместе с газетой Г. Рошфора и В. Гюго «Rappel», говоря, что их «противно читать».

4 Луи Блан (1811—1882), который «тоже заразился этим», — французский политический деятель, публицист и историк, «социалист без классовой борьбы», стоявшей однако накануне 1848 года на крайне левом фланге революционной борьбы, что дало возможность Марксу и Энгельсу видеть в нем т о г д а своего возможного союзника. Однако непосредственно в революции 1848 г. Луи Блан проявил себя как соглашатель. Его «теоретическое якобинство» на практике вылилось в оппортунизм, в отказ от революционной борьбы. Дальнейшая эволюция Блана шла по линии постепенного снижения его «революционности» и «социализма». С 1876 г., к которому относится письмо Салтыкова, Блан был членом Палаты, примыкая к радикалам. «Он отстаивал свободу печати, боролся с Мак-Магоном (второй президент Франции), требовал уничтожения президентства и Сената. Деятельность Блана в этот период лишена социалистических мотивов, и когда он умер, буржуазная третья республика приняла его похороны на государственный счет» (БСЭ, т. VI).

Признание Салтыковым оппортунизма Луи Блана (в 40-е годы оказавшего несомненное влияние на выработку взглядов сатирика) лишь в 1876 г. нельзя не отметить как запоздалое. Но очутившись непосредственно, физически, в «республике, составляющей собрание менял», Салтыков с огромной силой и страстностью сумел выразить свое презрение к ней и к ее вождям. Позднее он посвятил «третьей республике» ряд замечательных страниц в IV главе «За рубежом», по поводу которой Ленин в 1906 г. писал, что в них «Щедрин классически высмеял... Францию, расстрелявшую коммунаров, Францию пресмыкающихся перед русскими тиранами банкиров, как республику без республиканцев» (Соч., 3-е изд., т. X, стр. 238).

16

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

20 Мая [1875]

Я не имею сообщить Вам ничего хорошего, многоуважаемый Алексей Михайлович. При настоящем положении славянского вопроса, при отношении к нему русского общества и, главное, при настроении цензуры относительно «Отеч. Записок» невозможно решиться печатать присланные

Вами стихотворения. Т. е. первые два можно (если Вы признаете, что можно печатать их без третьего), а последнее «К самому себе» — совсем нельзя. Ваш взгляд на дело, по моему мнению, совершенно правилен, но. накануне вмешательства и в виду той роли, которую приписывает себе в этом деле русское правительство, мы рискуем закрытием журнала, еслиб что-нибудь подобное было напечатано. Надеюсь, что Вы поймете это и извините [1].

Вообще, живется здесь плохо, особливо после полуторагодичного заграничного житья. Только нужда в еде и сладкая привычка жить могут заставить переносить все, что переносится. Вот со мной какой был на днях случай. Пришел я к председателю совета книгопечатания, Григорьеву (помните: «Биограф-ориенталист»? [2], хлопотать об одной своей статье, так он меня не только не пригласил сесть, но даже сам не встал, когда я с ним говорил. Да, вдобавок, еще спросил, в каком я журнале пишу? А меня просто посылали даже к нему, говорили, ступайте, это человек учтивый, предупредительный и т. д. Что такое с ним вдруг сделалось — и понять до сих пор не могу. Во всяком случае, я думал, что я пьян, или во сне все это вижу. Так вот и судите после этого, каково жить на свете и иметь сношения по журналу. И что всего замечательнее: Григорьев, по свидетельству всех, действительно принимает с соблюдением внешних приличий, а меня одного — не удостоил!! [3]

Я целых полтора года шлялся за границей, в том числе полгода провел в Баден-Бадене, где был так болен, что даже чувствовал себя на лоне Авраамовом. Имел надежду, что Вас увижу, но сам не мог уезжать никуда, а у Вас в это время семейное горе случилось [5]. Теперь — очередь за Некрасовым, который, две недли тому назад, уехал в Крым в Ялту, где пробудет до Октября. Вот как сказалось для нас второе пятидесятилетие. Некрасова узнать нельзя — до того он похудел и изнемог. Ни сидеть, ни стоять, ни лежать не может, каждые пять минут необходимо переменять положение. В Ялту он не ради климата поехал, а ради того, что там Боткин, который пожелал лично за ним следить.

Что касается до меня, то я продолжаю быть больным. Ревматизмы утихли, но одышка и сердцебиение попрежнему мучительны. Главная особенность моей болезни — это тоска, общее бессилие и совершенная ненависть к деятельности. Просто не могу нигде места найти и не придумаю, что из этого выйдет.

До свидания; будьте здоровы и не предавайтесь унынию. Во всяком случае, не сетуйте на меня за невыполнение Вашей просьбы. Мой адрес: Литейная, 62.

Весь Ваш

М. Салтыков

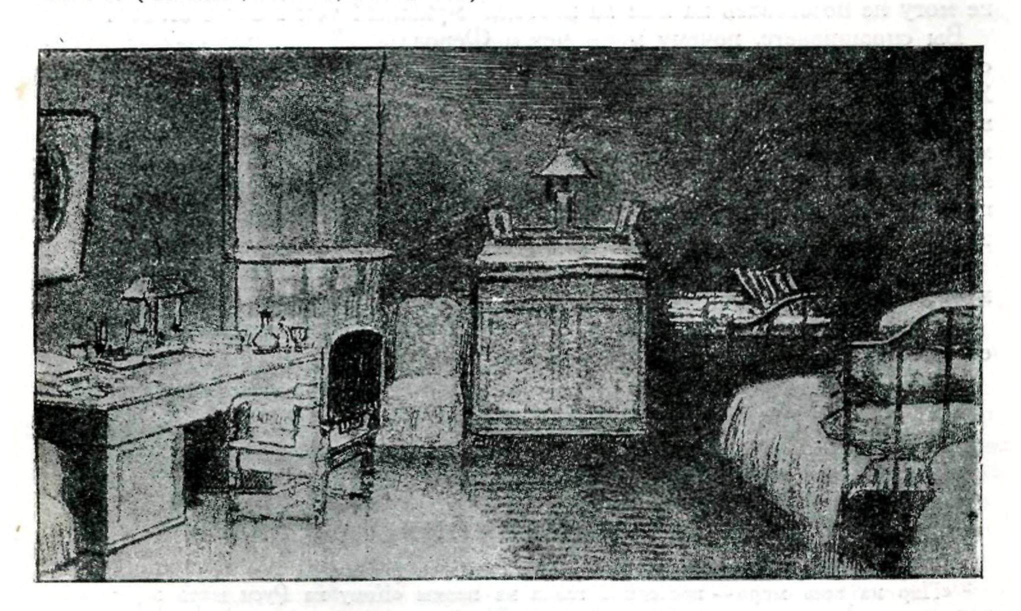
ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Стихотворение А. М. Жемчужникова «Совет самому себе» было посвящено обличению лжи национального самомнения и патриотизма и сатирическому осмеянию несоответствия между «освободительными» лозунгами правительства в болгарском вопросе, под покровом которых царская дипломатия готовила войну, долженствовавшую укрепить влияние русского феодального империализма на Балканах и в Турции, и тем убогим положением, в котором находились все внутренние «домашние» вопросы в стране, претендовавшей на роль «славянского мессии». «Накануне вмешательства», т. е. в момент непосредственно подготовки русско-турецкой войны (объявлена 12 апреля 1878 г.), печатать стихотворение Жемчужникова Салтыков не решился. О каких двух других стихотворениях идет речь — в точности установить трудно. Вероятно это было два лирических стихотворения «За днями ненастными, с темными тучами» и «Чувств и дум несметный рой», напечатанных в пятой книге «Отеч. Зап.» за 1877 г.

[2] Григорьев, Василий Васильевич (1816—1881)—видный ориенталист, профессор Петербургского университета, с 1874 по 1880 г. председатель Совета по книгопечатанию

В 1856 г. Григорьев выступил в «Русской Беседе» (кн. 3—4) с обширной статьей «Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве», где пытался дискредитировать Грановского как ученого. Статья вызвала возмущение среди друзей недавно умершего Грановского и ряд резких отзывов в печати. В «Русском Вестнике» (1856 г., т. 8, март, кн. 2) Григорьеву отвечал Н. Ф. Павлов. Свой остроумный, едкий памфлет он озаглавил: «Биограф-ориенталист». Через 19 лет после появления статьи Салтыков, «столкнувшись» с Григорьевым, вспомнил эту кличку.

[3] Инцидент этот наделал в свое время много шуму. В университетском совете Григорьеву «чуть не сделали скандала» и потребовали от него объяснений. Григорьев вынужден был обратиться к Салтыкову с просьбой приехать к нему и удостоверить, что они не встречались. «Хотя все это и не особенно лестно,— писал Салтыков Некрасову,— тем не менее я решился ехать, и в случае нужды даже подтвердить, что я его в первый раз вижу». См. об этом инциденте письма Салтыкова к Некрасову от 3, 11 и 21 сентября 1876 г. («Письма», № 116, 118 и 119).

РАБОЧИЙ КАБИНЕТ М. Е. САЛТЫКОВА
Рисунок М. Малышева к хронике о похоронах Салтыкова
«Всемирная Иллюстрация» 1889 г., № 20, от 13 мая

[4] Первая и самая длительная поездка Салтыкова за границу продолжалась с 12 апреля 1875 г. по 31 мая 1876 г.

[5] В 1875 г. умерла жена А. М. Жемчужникова — Елизавета Алексеевна.

[6] Сохранившееся ответное письмо Жемчужникова от 28 сентября 1876 г. публикуется в настоящей книге, см. стр. 493—494.

17

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

28 марта, Литейная, 62 [1878] [1]

Извините меня, многоуважаемый Алексей Михайлович, что долго не отвечал на Ваше письмо. Дело в том, что каждая книжка журнала причиняет столько хлопот и моральных мучений, что просто не знашь, что делать. Вот и 3-ю книжку насилу выдали — так разгулялась цензура.

Да, умер Некрасов, умер в величайших физических страданиях. Талант его был в самый поре, и громадная толпа, провожавшая его на кладбище, засвидетельствовала, что он жил и писал не даром. Произвел ли бы он что-нибудь лучшее, т. е. прибавил ли бы что-нибудь к своей славе — этого я не берусь разрешать. Последние вещи его были скорее слабы, и у нас есть поэма его «Пир на весь мир» два раза, при жизни его, вырезанная цензурой из журнала, которая, по моему мнению, очень груба [2]. Но ведь и тре-

бовать многаго нельзя от человека которого ежемгновенно неслыханная болезнь в сто ножей резала. В последние дни он как-то опустился, и все откровенничал с Сувориным: боялся, вероятно, чтоб сей откровенный наездник как нибудь не н...... на его могилу. Но ничего своими интимностями не достиг: Суворин все-таки н......, хотя думал, что воздвигает покойнику монумент [3]. Теперь «Отеч. Записки» остаются за остальною компанией, и в настоящее время идет дело об утверждении меня оффициальным редактором. Утвердят ли — не знаю, но вот уж с месяц об этом хлопочем [4].

Все стихотворения Ваши помещены в Мартовской книжке [5] и расчет за них, а равно и за прошлогодние сделан и Арцимовичу переданы деньги: я сам видал росписку. Благодарю, что не забываете «Отеч. Записок», хотя не могу не посетовать на Вас за постоянно-унылый тон Ваших стихов.

Вы спрашиваете, почему меня нет в Февральской книжке? — очень просто: статью мою цензура из книги вырезала. А из статьи, помещенной в Январской книжке, выдрала 9 страниц, т. е. всю внутренность. Вот и извольте писать при таких каторжных условиях. Вы живете за границей и, может быть, думаете, что у нас здесь свободы всякие. Одно у нас преуспеяние: час от часу хуже. Правду сказала Хвощинская: бывали времена хуже, подлее — не бывало. Да, не бывало — клянусь так! Что то похожее на бешенство наступило.

Завидую Вам, но в то же время и удивляюсь; как Вы можете с таким курсом мириться.

Досвидания, многоуважаемый Алексей Михайлович; ежели что-нибудь есть, то шлите.

Искренне Вас уважающий
М. Салтыков

28 Марта
Литейная, 62

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Некрасов умер 27 декабря 1877 г. Отсюда дата письма.

² «Пир на весь мир» — последняя глава из поэмы «Кому на Руси жить хорошо» — при жизни Некрасова вырезалась цензурой дважды: из ноябрьской и декабрьской книжек «Отеч. Зап.» за 1876 г. После первого запрещения Салтыков отозвался о ней так: «..поэма замечательная: в большинстве довольно грубая, но с проблесками несомненной силы» («Письма», 1925 г., стр. 154). При жизни и после смерти Некрасова Салтыков неоднократно пытался напечатать поэму; однако ему удалось это сделать лишь в 1881 г., когда поэма была напечатана в февральской книжке «Отеч. Зап.», но в изуродованном и сокращенном виде. Подробнее об этом см. у В. Евгеньева-Максимова «В руках у палачей слова» («Голос минувшего» 1918 г., книга 4—6) и его же «В цензурных тисках» («Книга и революция» 1921 г., кн. 2).

³ См. написанное за несколько дней до смерти письмо Некрасова к Суворину, опубликованное в сборнике Пушкинского дома «Некрасов» (П., 1922, стр. 128), а также воспоминания Суворина о Некрасове в «Новом Времени» 1877 г., № 380 и 1878 г., №№ 662 и 745.

⁴ «Остальная компания», т. е. сам Салтыков, Г. З. Елисеев и Н. К. Михайловский. *Хлопоты Салтыкова об утверждении его официальным редактором* «Отеч. Зап.» начались 10 марта, когда он подал об этом прошение в Главное управление по делам печати. Запрошенное по этому поводу III Отделение специальным отношением от 13 марта известило, что препятствий к назначению Салтыкова с его стороны не имеется. 27 марта и. д. начальника Главного управления В. В. Григорьев послал специальное представление министру внутренних дел; высказавшись в пользу назначения Салтыкова. Утверждение Салтыкова министром последовало в тот же день. Но еще 28 марта, т. е. на другой день, Салтыков об этом не знал, как это явствует из публикуемого письма.

⁵ В мартовской книжке «Отеч. Зап.» за 1878 г. помещены стихотворения А. М. Жемчужникова: 1. «Знакомая картина». 2. «Полевые цветики». 3. «Что за прелесть сегодня погода», 4. «Л. М. Ж-ву», 5. «На горе».

⁶ Из январской книжки «Отеч. Зап.» за 1878 г. цензура исключила девять страниц из рассказа «Дворянская хандра». Лист журнала, на который приходится рассказ (19-й), имеет только шесть страниц вместо нормальных 16, хотя пагинация идет без перерыва (стр. 285—308). Из февральской книжки журнала за тот же год цензура вырезала IV

главу (в отдельном издании ей соответствует VI глава) «Современной идиллии» «как заключающую в себе,— по отзыву цензора Лебедева,— возмутительную насмешку над образом нашей государственной власти и историческим ее ходом до настоящего времени». Отметим здесь ошибку В. Евгеньева-Максимова, раскрывающего (см. его книгу «В тисках реакции», Л., 1926, стр. 56 и «Очерки по истории социалистической журналистики». Л., 1927, стр. 186) комментаруемые строки письма как относящиеся к очерку «Дети Москвы» (вместо «Дворянской хандры»), из которого якобы цензура «вырезала 9 страниц» (в действительности очерк подвергся лишь небольшим изменениям, сделанным самим Салтыковым), и к рассказу «Чужую беду руками разведу» (вместо «Современной идиллии»), который якобы был вырезан из книжки (в действительности был «по обстоятельствам» отложен печатанием самим Салтыковым). К сожалению эта ошибка проникла (и не могла быть уже исправлена) и в данную книгу (см. выше публикацию «Цензурные материалы о Щедрине»).

[7] Салтыков ошибочно приписывает Хвощинской-Зайончковской известное двустишие Некрасова:

«Бывали хуже времена
Но не было подлей».

(«Современник», часть 1-я: Юбиляры и триумфаторы», 1875 г.)

18

[И. В. ПАВЛОВУ] [1]

Петербург. 27 Ноября [1878]

Сидим мы с Унковским [2] и удивляемся: как это ты так не расторопен, братец! Тертий вот уже с месяц как назначен [3], а ты и до сих пор с поздравлением не бывал! В прошлый сезон мы с ним с Сибирку игрывали [4], а ныньче думаем: вот кабы Павлов приехал, он бы к нему съездил, а от него к нам,— все бы хоть частицу аромата с собой принес. Он говорит, что это второй пример. Ломоносов и он. Он еще хуже, ибо незаконнорожденный. Прямое, говорит, доказательство, что Россия государство демократическое. Ржевский протоиерей прислал телеграмму: блаженно чрево родившее (носившее, кажется?) тя и сосцы иже еси сосал. И он не сам ответил, а Бриллианту [5] велел: читал с удовольствием и благодарю Ржевское духовенство. Многие из смеявшихся над ним покаялись, и многим благочестивым людям являлся Татаринов [6] и говорил: ныне только разрешились узы, сковывавшие душу мою! (Татаринов сказывал, что до сих пор находился в чистилище, а теперь будет сидеть в раю на лоне госуд. контр. Апрелева.) Он же когда ему о сем было поведано, только сказал: откуда мне сие Великий Михаил обиделся [7]: как это на место его, сына секретаря московского магистрата, сделали незаконнорожденного сына ржевского аптекаря! Говорят он и до сих пор не может опомниться: сидит и плачет, а митрополит Филофей [8] клетчатым платком утирает ему слезы. Это, говорит он, слезы благодарности, батюшка! сладкие слезы! пущай текут! И в благодарности, отвечает Филофей, не надлежит чрезмерного дерзновения высказывать, но смиряться и рещи: твори господи волю свою! На первый раз ему поручено устроить хор певчих при домашней церкви в дому Г[осударственного] Конт[ролера], и я слышал будто он выписывает тебя, чтобы ты показал, как нужно читать Апостол. Но это еще не верно, потому что интригует Бриллиант, которому хочется самому отхватить Апостола. Чиновники не только не удивляются, но говорят, что так и следовало ожидать. Что он и умнее и красивее Махаила, и что даже[...] у него больше.

А еще уведомляю: болен я до смерти. Кашляю день и ночь без перерыва, а главное задыхаюсь. Целый день лекарства принимаю.

Весь твой

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Адресат и дата письма устанавливаются его содержанием. Павлов, Иван Васильевич, псевд. «Л. Оптухин» (1823—1904) — публицист, примыкавший к славянофильскому лагерю врач, крупный чиновник государственного контроля, школьный товарищ Салтыкова по московскому Дворянскому пансиону и Александровскому лицею. Выйдя с последнего курса лицея по болезни, Павлов поступил сначала на математический, а затем на медицинский факультет Московского университета, который и окончил в 1850 г. В этот период был близок к кружку Грановского, встречался с Герценом. С 1851 г.— чиновник по медицинской части при Оренбурском и Самарском генерал-губернаторе гр. Перовском, а с 1857 г. — при Палате государственных имуществ Орловской губернии. После недолгой отставки — с 1865 г.— управляющий Витебской и с 1890 г. Орловской контрольными палатами до 1895 г., когда вышел в полную отставку.

В конце 50-х, начале 60-х годов Павлов был хорошо известен в литературных кругах Москвы. Он создал (в 1860 г.) и фактически редактировал еженедельный журнал «Московский Вестник», к участию в котором привлек И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова, А. М. Плещеева, А. С. Суворина и др. (попытки привлечь А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова успехом не увенчались). Сам Павлов поместил в журнале много статей как анонимных, так и под своим псевдонимом «Л[екарь] Оптухин» (Оптуха — название его орловского имения). Позднее сотрудничал в аксаковском «Дне», юрьевской «Беседе», и «Русской Мысли».

Павлов — фигура в полной мере забытая и неизученная; сведений о нем нет ни в одном справочнике (в скобках отметим, что в щедринской литературе И. В. Павлов почти неизменно смешивается с историком П. В. Павловым, см. например, в книге Иванова-Разумника «Салтыков-Щедрин», М., 1930 г. по указателю). Его статьи и письма (последние не изданы), а также переписка современников рисуют Павлова человеком незаурядных дарований, своеобразных взглядов и многосторонней образованности. Примыкая к славянофилам, Павлов вместе с тем сочувствовал «европейскому прогрессу». И эта двойственность его позиции сказалась и на редактируемом им «Московском Вестнике», восстановив против него ряд славянофилов-«ортодоксов». В своих публицистических статьях он отражал интересы и настроения обуржуазившейся части дворянства. Его практическая программа не шла далее умеренно-либеральных требований.

В конце 50-х годов Павлов несомненно оказал довольно сильное воздействие на взгляды и даже на круг тем Салтыкова. Именно Павлов способствовал кратковременному сближению Салтыкова с славянофильством. Из переписки Павлова с Салтыковым 1857 г., привлекшей в свое время внимание III Отделения (извлечения из нее опубликованы в «Русской Старине» 1897 г., № 11, стр. 235), видно, что последнего привлекала в славянофильстве идея национальной самобытности, страстным пропагандистом которой являлся в этот период Павлов. Позднее, когда Салтыков пошел влево, в лагерь демократии, он в «Современнике» жестоко полемизировал со своим недавним единомышленником, в частности со статьей последнего «Юридические недоразумения по крестьянскому делу» («День» 1863 г., № 11), в которой автор занял резко отрицательную, шовинистическую позицию по отношению к польскому восстанию 1863 г. (см. выпады против Л. Оптухина «малоархангельского обывателя» в хронике «Наша общественная жизнь» в сентябрьской книжке «Современика» за 1863 г.). В 1871 г. по поводу просьбы С. А. Юрьева к А. М. Унковскому написать статью для славянофильской «Беседы» на тему «Цивилизация и самобытность» Салтыков иронически писал Юрьеву: «Я с своей стороны полагаю, что статью, какую ты желаешь, мог бы удовлетворительно написать И. В. Павлов... [который] на эти дела мастер; он докажет, что пользоваться общечеловеческою цивилизациею — значит носить чужие подштанники и сморкаться в чужой платок. Докажет, разумеется, не логическим путем, а посредством «живых образов». Он мне сам недавно все это в частном письме изображал и обещался, что так именно и изобразит в твоем журнале» (сб. «Памяти Юрьева», М., 1890 г., стр. 282).

Идейное расхождение не оборвало личного общения и переписки Павлова с Салтыковым, но оно превратило письма последнего (если судить по единственно дошедшему до нас здесь публикуемому письму этой переписки после 50-х годов) в тот своеобразный жанр миниатюрно-эпистолярных сатир на общих знакомых, который культивировался Салтыковым в 70-х годах и переписке с лицами, идейно и политически чуждыми ему. (укажем например на письма к Боровиковскому, Еракову, Унковскому, отчасти Тургеневу). В письме к И. В. Павлову материалом для сатиры Щедрина является сам Павлов и его служебное начальство — крупные чиновники государственного контроля и в первую очередь известный Тертий Филиппов. Публикуемое письмо является в настоящее время единственным сохранившимся в автографе документом из этой повидимому обширной переписки.

[2] Унковский, Алексей Михайлович (1828—1893) — лицейский товарищ Салтыкова, присяжный поверенный, известный деятель 60-х годов, которого в его отношении к крестьянской реформе Ленина ставил в один ряд с Чернышевским и Герценом («Гонители земства и аннибалы либерализма»), вместе с Салтыковым был сотрудником «Современ-

Петербург. 27 ноябр.

АВТОГРАФ ПИСЬМА САЛТЫКОВА К И. В. ПАВЛОВУ ОТ 27 НОЯБРЯ 1878 г.
(ПЕРВАЯ СТРАНИЦА)

Собрание Ю. А. Бахрушина, Москва

АВТОГРАФ ПИСЬМА САЛТЫКОВА К И. В. ПАВЛОВУ ОТ 27 НОЯБРЯ 1878 г.
(ВТОРАЯ СТРАНИЦА)

Собрание Ю. А. Бахрушина, Москва

АВТОГРАФ ПИСЬМА САЛТЫКОВА К И. В. ПАВЛОВУ ОТ 27 НОЯБРЯ 1878 г.
(ВТОРАЯ СТРАНИЦА)

Собрание Ю. А. Бахрушина, Москва

[illegible]

АВТОГРАФ ПИСЬМА САЛТЫКОВА К И. В. ПАВЛОВУ ОТ 27 НОЯБРЯ 1878 г.
(ТРЕТЬЯ СТРАНИЦА)

Собрание Ю. А. Бахрушина, Москва

ничество в «Отеч. Зап.» и свои взаимоотношения с Салтыковым (см. его статьи «Из воспоминаний» в «Историч. Вестнике» 1906 г., № 10, стр. 180, 182, 183 и № 11, стр. 507—508). Интенсивно заниматься литературой Салов стал лишь со второй половины 70-х годов. Его произведения — реалистические очерки, посвященные преимущественно изображению распада и умирания дворянских гнезд, не лишенные элегической сантиментальности,— печатались в 1877 — 1883 гг. в «Отечественных Записках», позднее в «Русской Мысли». Салтыков, допуская Салова к сотрудничеству в журнале, вместе с тем повидимому весьма критически относился к его творчеству, тщательно «правил» его рукописи, отвергая некоторые совсем.

[2] О какой рукописи идет речь, выяснить теперь трудно.

20

Г. И. УСПЕНСКОМУ

28 Января [1880 г.]

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Я получил от С. Н. Кривенко [1] Ваш рассказ «Малые ребята» [2] и немедленно же прочитал его. К сожалению, в Февральской книжке уже нет для него места, так как 1-й отдел весь уже в наборе, но в Мартовской рассказ будет помещен. Но позвольте узнать, будет ли продолжение рассказа или же он на этом и кончится. Если будет продолжение, то желательно было [3] не делить его, а напечатать целиком.

28 Января.

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Кривенко, Сергей Николаевич (1847—1906) — публицист народнического лагеря, ближайший сотрудник, «Отечественных Записок», с конца 70-х годов один из наиболее близких друзей Г. И. Успенского.

[2] «Малые ребята» напечатаны во второй и пятой книжках «Отеч. Зап.» за 1880 г в первом отделе. Таким образом Салтыков в последний момент произвел изменения в уже законченном составлением февральском номере журнала и нашел в нем место для очерка Успенского.

21

Г. И. УСПЕНСКОМУ

11 Ноября [1880 г.]

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Посылаю Вам корректуры Вашей статьи, которую только что сейчас прочитал. Убедительнейше прошу допустить те выпуски, которые я сделал. Статья Ваша произвела на меня тяжелое впечатление, и я серьезно начинаю думать, что Вы увлекаетесь идеалами Достоевского и Аксакова. К сожалению, статьи Ваши доходят до меня уже в корректурах и тогда, когда надобно уж выпускать книжку. Я до крайности уважаю Вашу литературную деятельность, и мне крайне прискорбно, что могут существовать недоуменья. Главное: Вы сетуете на то, что, по Вашим же словам, неизбежно. Следовательно, эти сетования, по малой мере, бесплодные. Может быть, Вы и сами удивитесь, что статья Ваша так понята мною, но, право, иначе и нельзя понять. Мне кажется, что еслиб Вы повидались со мной, то я мог бы полнее выяснить Вам мою мысль. Не обратите ли Вы также внимание на заметку мою карандашом в 3-й форме. Повидимому, тут есть неясность. Во всяком случае, убедительнейше прошу допустить те выпуски, которые мною намечены (во 2-й форме). С ними смягчится тон статьи. Еще просьба: не задерживайте статьи и возвратите с сим же посланным. Ее необходимо печатать, так как на нее рассчитывалось при составлении содержания книжки, а теперь 11-е ноября. Повторяю: в том виде, т. е. с сделанными выпусками, статья получит этнографический смысл и перестанет быть тенденциозною.

Искренне Вам преданный
М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

По мнению дочери Успенского Марии Глебовны это письмо относится к серии «На родной ниве», печатавшейся в 1880 г. во второй половине года. Под этим заглавием в №№ 10—12 даны очерки, вошедшие в собрание сочинений Успенского под названием «Крестьянин и крестьянский труд». В 11-й книжке даны главы «Не суйся», «Смягчающие вину обстоятельства», и «К чему пришел Иван Ермолаевич», в которых Салтыков и мог потребовать изменений и сокращений.

Напомним, что в этих очерках Успенский в весьма категорической форме высказал взгляд о несовместимости «удушливой области интересов русского образованного немужицкого человечества» с «наиосновнейшими интересами» самого «мужицкого человечества», т. е. крестьянства. Сочувственно изображая «цельные и гармоничные формы» труда и жизни» хозяйственного мужичка» Ивана Ермолаевича («герой» очерка), Успенский пишет о себе и всей народнической интеллигенции: «... Все мои книжки, в которых об одном и том же вопросе высказываются сотни разных взглядов, все эти лохмотья, всякие гуманства, воспитанные досужей беллетристикой, все это, как пыль, поднимаемая сильными порывами ветра, было взбудоражено естественною «правдою», дышащею от Ивана, Ермолаича». Во имя этой «правды» — признается Успенский — ему представлялось что «самый лучший жизненный результат, которого я могу желать, — это именно быть «потребленным» народною средою без остатка, даже без воспоминания...». «Во имя этой необходимости быть съеденным без остатка,— продолжает Успенский,— я питал глубокое почтение к тем людям, которые, стараясь всячески смирить в себе некоторые эгоистические замашки и привычки — наследие крепостного права, не страшатся делать усилия для того, чтобы вбить себя в народные интересы, точно так, как вбивают толстый пыж в узкое дуло ружья...». Конечно против всех этих наиболее слабых реакционно-народнических установок миросозерцания Успенского, нашедших себе яркое выражение в названных очерках, Салтыков протестовал и должен был протестовать самым решительным образом. Призыв Успенского «смирить в себе ...эгоистические замашки» во имя «полного растворения в народных интересах» не случайно сближается Салтыковым с «идеалами Достоевского и Аксакова». Незадолго перед тем в письме к Н. К. Михайловскому от 28 июня 1880 г. Салтыков писал: «В июньской книжке прочитаете Успенского о пушкинском празднике. Вся вторая половина необыкновенно легкомысленна и противоречива. Успенский не додумался до того, что и Достоевский и Тургенев надувают публику и эскамотируют пушкинский праздник в свою пользу» («Письма», № 147). Сочувственное отношение Успенского к знаменитой речи Достоевского было воспринято Салтыковым как враждебный акт. Он счел нужным просить Михайловского выступить в журнале со специальной статьей по этому поводу и категорически отказался от предложенного Успенским продолжения своей статьи (см. об этом в письме Успенского М. И. Петрункевичу от 14 июля 1880 г. в ж. «Голос Минувшего» 1915 г., кн. I, стр. 213—214).

Публикуемое письмо Салтыкова является, таким образом, ценным материалом для суждений о конкретных проявлениях идейно-политических разногласий между Салтыковым и Успенским в период активного сотрудничества последнего в «Отечественных Записках» (подробнее об этом см. в ст. Я. Эльсберга «Щедрин и публицисты «Отечественных Записок», напечатанной в первом полутоме настоящего сборника).

22

А. О. НОВОДВОРСКОМУ (ОСИПОВИЧУ)

[Ноябрь 1880 г.]

Многоуважаемый Андрей Осипович.

«Тетушка» будет напечатана в Декабрьской книжке. Это очень хороший рассказ, только по цензурным соображениям надо будет кой-что стушевать. Что касается до «Романа», то и он будет напечатан в будущем году, но, по моему мнению, необходимо сделать в нем сокращения.

Не нуждаетесь ли Вы в деньгах? Напишите, или зайдите сами, если нуждаетесь.

Ваш

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Новодворский, Андрей Осипович, псевд. «Осипович» (1853—1882) — известный беллетрист-народник. Его рассказ «Тетушка» напечатан в 12-й книге «Отечественных Записок» 1880 г., «Роман» — в 1881 г., книга 4. Таким образом записка Салтыкова датируется 1880 г. — вероятно ноябрем.

Салтыков очень ценил талант Новодворского и по утверждению С. А. Венгерова ставил его выше Гаршина.

23

Г. И. УСПЕНСКОМУ

19 Декабря [1880 г.]

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Не будете ли Вы добры зайти ко мне, чтобы переговорить о предполагаемых Вами трудах на 1881 год [1]. Надеюсь, что Вы уже возвратились из Твери. Застать меня всего удобнее от 11 до 1 часа утром, хотя я вообще сижу дома больной. Но может встретиться крайний случай.

Весь Ваш

М. Салтыков

19 Декабря.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] См. об этом в примечаниях к следующим письмам Салтыкова к Успенскому.

24

Г. И. УСПЕНСКОМУ.

[Декабрь 1880 г.— Январь 1881 г. [1]]

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Посылаю Вам записку в контору на 100 р. и, разумеется, желания Ваши относительно вычета будут выполнены.

В «Отеч. Зап.» Вы всегда найдете для себя столько места, сколько пожелаете, но очень жаль, что Вы покончили с очерками «На родной ниве». Я думаю, что те работы, которые Вы предположили вновь, лучше печатать в 1-м отделе. А впрочем об этом еще успеется поговорить и если нездоровье Ваше дозволит, то Вы весьма бы меня обязали, заехав ко мне. Во всяком случае повторяю: сколько бы для Вас ни потребовалось места — будет [2].

Ваш

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дата этого письма устанавливается на основании содержащегося в нем упоминания Салтыкова об окончании Успенским очерков «На родной ниве». Последний очерк этой серии был напечатан в декабрьской книжке «Отеч. Зап.» за 1880 г.

[2] В письме от 14 июля 1880 г. Успенский писал М. И. Петрункевичу: «Салтыков объявил мне, что они вместе с Елисеевым, в видах мало мальски правильного моего обеспечения в материальном отношении, отводят мне надел во 2-м отделе. Каждый месяц я имею право помещать в этом отделе полтора печатных листа, о чем мне будет угодно» («Голос Минувшего» 1915 г., кн. 1-я, стр. 213—214). Этот «надел» в «Отеч. Зап.» Успенский занял в 1880 г. очерками «На родной ниве», а в 1881 г. статьями под заглавием «Без определенных занятий» (№№ 1, 3, 4, 6, 8), «Пришло на память» (№ 2) и «Бог грехам терпит» (№№ 9, 11). Все статьи 1881 г. печатались однако по предложению Салтыкова в первом, беллетристическом, отделе журнала, что было выгодно для Успенского в материальном отношении. Первый отдел печатался менее убористым шрифтом, чем второй, а гонорар в «Отеч. Зап.» исчислялся с печатного листа.

25

Г. И. УСПЕНСКОМУ

12 Января [1881 г.] [1]

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Вы говорили мне, что для Февральской книжки предполагаете статью

листа в два и часть ее уже у Вас готова. Вы бы крайне обязали, еслиб статью эту доставили, по возможности скорее, т. е. около 25-го числа.

Искренне Вам преданный

М. Салтыков

12 января.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Дата письма определяется на основании сопоставления его с другими письмами, а также указания Салтыкова на обещание Успенского дать для февральской книжки «статью листа в два». Во втором номере «Отеч. Зап.» за 1881 г. помещено четыре рассказа Успенского: 1. «Минутная встреча». 2. «Сено». 3. «Работник». 4. «Варвар» под общим заглавием «Пришло на память». (Из деревенских воспоминаний). Рассказы занимают ровно два печатных листа' (л.л. 34—35, стр. 511—542).

26

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

[Февраль 1881 г.] [1]

Многоуважаемый Алексей Михайлович

Первое письмо Ваше я получил 2-го Февраля, когда 1-й отдел Февральской книжки уже был заключен, и при том с поэмой Некрасова, так что стихов было довольно. Затем, прочитав Вашу поэму (четыре главы) [2], я нашел, что мотив ее несколько беден для большой вещи, и что вообще поэма эта, в смысле сатирическом, не отражает современности Русской. Поэтому, прошу Вас великодушно простить мне, что я считаю неудобным напечатать Ваше новое произведение в «Отечественных Записках».

Прошу Вас верить, что я поступаю таким образом с величайшею болью, но как редактор журнала, имеющего определенную физиономию, я не могу поступить иначе. Мне кажется, что я уже выражал Вам мое мнение, что продолжительное отсутствие из России не может не отзываться на Вашем творчестве; этого же мнения держусь я и теперь.

Что касается до моего здоровья, о котором Вы любезно осведомляетесь, то оно вконец расшатано и непоправимо. Главное же, я совсем измучен и жду окончания контрактного срока с Краевским, яко минуты избавления от непосильных трудов и волнений.

Благоволите дать знать о том, как поступить с поэмой.

Еще раз прося Вашего извинения, остаюсь искренне Вам преданный и уважающий.

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Письмо с уверенностью датируется нами 1881 г. вместо указанного в «Русской Мысли» 1869 г. Основания для датировки таковы. Характер обращения Салтыкова к Жемчужникову в «официальной», деловой части письма дает основания предполагать, что письмо написано после смерти Некрасова, т. е. после 1877 г. В самом деле, вряд ли Салтыков мог при жизни Некрасова в самом начале своей работы в «Отеч. Зап.» безоговорочно именовать себя редактором журнала и, не ссылаясь на мнения старшего и официального редактора, каким был Некрасов, решать вопрос о поэме Жемчужникова. Такое предположение тем менее вероятно в применении к данному случаю, когда Салтыков подверг обсуждению и в результате его отказался принять к печати стихи. Редакторство стихотворного отдела журнала осуществлялось, как известно, единолично самим Некрасовым. (Салтыков редактировал беллетристический отдел). Но если письмо написано после смерти Некрасова, то оно может быть отнесено только к 1881 г., так как именно в этом году февральская книжка журнала вышла «с поэмой Некрасова». Это была последняя часть «Кому на Руси жить хорошо» — «Пир на весь мир». Подтверждают наконец нашу датировку и указания Салтыкова на окончание (очевидно скорое) контрактного срока с Краевским. В 1869 г. у Салтыкова не было самостоятельного договора с Краевским; он был у Некрасова. С. Салтыковым же контракт был заключен лишь в 1878 г. (на срок в шесть лет).

Г. И. УСПЕНСКИЙ
Фотография 1870-х гг.
Институт Русской Литературы, Ленинград

[2] Нам не удалось установить, о какой поэме идет речь. В напечатанном литературном наследии Жемчужникова есть лишь одна поэма, состоящая из четырех глав, а именно поэма «Сны». Именно эта поэма и указана в примечании первого издателя данного письма в «Русской Мысли». Указание — явно неверное. Поэма «Сны», написанная в 1868 г., была напечатана в февральской книжке «Отеч. Зап.» еще в 1869 г. и таким образом, в 1881 г. (или даже, допуская датировку «Русской Мысли», в 1869 г.) Салтыков не мог сообщать автору о непринятии журналом произведения, уже напечатанного в нем. Правильнее будет предположить, что Жемчужников, согласившись с отрицательным суждением Салтыкова, отказался от мысли напечатать свое неизвестное нам произведение вообще. Быть может однако в отвергнутой Салтыковым поэме следует видеть четыре начальные главы большой сатирической сказки Жемчужникова «О глупом бесе и о мудром патриоте». Сказка эта была дополнена в 1883 г. еще двумя главами и в таком виде напечатана во II томе Собрания стихотворений Жемчужникова (СПБ., 1910 г.).

27

Г. И. УСПЕНСКОМУ

[15—20 Февраля 1881 г.]

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Вы писали мне, что доставите Ваши статьи для Мартовской книжки к Среде (около 2-х недель тому назад) — будьте так добры уведомить, есть ли у Вас что-нибудь готовое, и доставить, так как с нынешнего дня начинается набор 3-й книжки [1]. А у нас нынче переполох случился. Явились арестовать книжку (*иллюзии то, видно, те же, что и прежде*), и кончилось тем, что вырезали все Внутр. Обозрение, да в статьях моей и Зайончковской по странице[2].

Книжка выйдет в Четверг. Вам следует гонорару 400 р. Из них удержано на пополнение долга 200 р. Остальные двести потрудитесь в С р е д у получить.

М. С а л т ы к о в

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В мартовской книжке «Отеч. Зап.» за 1881 г. помещено два очерка Г. Успенского из серии «Без определенных занятий»; 1. «Деловые люди» и 2. «Лиссабонский разглагольствует».

[2] Приводим (в сокращенном изложении) фактическую справку об этом инциденте из работы В. Евгеньева-Максимова «Очерки из истории социалистической журналистики в России XIX века», М.—Л., 1927, стр. 205—206:

«В донесении цензурного комитета в Главное управление от 15 февраля 1881 г. приводится прежде всего отзыв цензора о рассказе В. Крестовского (псев. Н. Д. Зайончковской-Хвощинской) «После потопа». «В этом весьма небольшого объема очерке,— читаем мы здесь,— с явною тенденциозностью описывается время политических арестов, то треволение, которое они производили в обществе, и то влияние, которое имели на лиц временно арестованных и впоследствии выпущенных». Затем в донесении содержится отзыв цензора об очерке Щедрина «За рубежом» (пятая глава цикла), в котором цензор особенно остался недоволен указаниями автора на то, «что в России жить невозможно от полицейских, урядников, исправников и других начальств, которые только и думают, как уловлять своих сограждан и высылать их административным порядком в дальние страны», а также иронией автора по адресу французских королей, «лишившихся своих мест». При чем и без них французы не погибают, а продолжают жить.

Заканчивалось донесение отзывом о «Внутреннем обозрении» С. Н. Кривенко.

«В этом обозрении,— писал цензор,— редакция имеет целью представить невыносимое положение административно-ссыльных в Якутской области, необходимость амнистирования всех административных ссыльных и отнятия у губернатора права административной ссылки».

В заключение цензор и цензурный комитет утверждал, что «все эти три статьи заключают в себе осуждение нашего правительства и администрации, для которых будто не существует закона, а руководством служит произвол».

Приведя текст цитированного документа, В. Евгеньев-Максимов пишет: «Однако зная настроения все еще либеральничавших высших сфер, ни о судебном преследовании редакции, ни об аресте книжки вопрос не поднимался» (ор. сит. стр. 207). Утверждение это нуждается в поправке. Из публикуемого письма с очевидностью явствует, что существовало не только намерение арестовать книжку, но и были сделаны попытки к реализации его. Об изменениях, внесенных Салтыковым по настоянию цензуры в пятую главу «За рубежом», см. в комментарии к этому циклу Иванова-Разумника («Салтыков-Щедрин». Собр. соч., изд. Госиздата, М.—Л., 1927 г., стр. 658—659).

Ироническое замечание Салтыкова по поводу инцидента: «иллюзии-то, видно, те же, что и прежде» относится к «новому курсу» в отношении печати, установленному в период «диктатуры сердца» Лорис-Меликова.

28

Г. И. УСПЕНСКОМУ

[Конец Апреля 1881 г.]

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Очень рад, что Вы и на Майскую книжку даете нечто [1]. Прошу не замедлить окончанием. Что касается до Вашей просьбы о деньгах, то Апрельская книжка уже вышла и я, согласно прежнему условию, распорядился уже вычетом Вашего гонорара полностью. Поэтому потрудитесь уведомить меня, сколько Вам нужно денег, и я пришлю Вам записку За Майскую же книжку опять вычту полностью. Так счеты яснее. Что касается до Абрамова [2], то я сегодня же прочитаю его рассказ и уведомлю Вас. За напечатанную в Апрельской книжке часть «Программы» он может получить деньги теперь же. Остальная часть еще не набрана, но можно примерный счет сделать.

Весь Ваш

М. Салтыков

Окончанием Вашей статьи, пожалуйста, поспешите и доставьте прямо в типографию.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В майской книжке «Отеч. Зап.» за 1881 г. какого-либо очерка Успенского не появлялось.

Журналъ

Совѣщанія Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ, Народнаго Просвѣщенія и Юстиціи и Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода.

13 Апрѣля 1884 г.

Нѣкоторые органы нашей періодической печати несутъ на себѣ тяжкую отвѣтственность за удручающія общество событія послѣднихъ лѣтъ. Свободой, предоставленной печатному слову, пользовались они для того, чтобы

. . . .

ти, <u>постановило</u> прекратить вовсе изданіе журнала „Отечественныя Записки".

Графъ Д. Толстой

Иванъ Деляновъ

Д. Набоковъ

К. Побѣдоносцевъ

ЖУРНАЛ СОВЕЩАНИЯ «ЧЕТЫРЕХ МИНИСТРОВ» ОТ 13 АПРЕЛЯ 1884 г. С ПОСТАНОВЛЕНИЕМ О ЗАКРЫТИИ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК» (ПЕРВАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦЫ)

[2] Справку об Абрамове см. в примечании к письму № 33. В апрельской и майской книжках за 1881 г. Абрамовым помещена (за подписью «Федосеевец») обширная статья «Программа вопросов для собирания сведений о русском сектантстве».

29

Г. И. УСПЕНСКОМУ

[Апрель — Май 1881 г.][1]

Многоуважаемый Глеб Иванович.

От Тургенева (вон откуда!) узнал, что Вы в Петербурге. Ловлю Вас, чтобы спросить, могу ли рассчитывать на Вашу статью для Июньской книжки? Впрочем, не ради надоедания делаю это, так что если Вы не можете, то напишите. Теперь надо сделать расчет книжке.

Ваш

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Дата письма определяется на основании упоминания о пребывании Успенского в Петербурге и по связи содержания публикуемого письма с письмом от 25 мая 1881 г. (см. ниже). Из справки о явке паспортов Г. И. Успенского явствует, что последний жил в Петербурге с 31 декабря 1880 г. до первых чисел мая 1881 г. (см. об этом в книге Чешихина-Ветринского «Глеб Иванович Успенский». М., 1923 г., стр. 359).

30

Г. И. УСПЕНСКОМУ

25 Мая [1881 г.]

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Я очень рад Вашему обещанию прислать статью для Июньской книжки. Само собою разумеется, что при расчете будет, согласно с желанием Вашим, вычтена только половина гонорара. Заглавие «Деревня после 1-го Марта»[1] я решительно нахожу неудобным и предлагаю заменить следующим: «Деревня последней минуты». Пожалуйста согласитесь или другое выдумайте, но только без 1-го Марта.

Ваш

М. Салтыков

25 Мая.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Ни в «Отечественных Записках», ни в собрании сочинений Успенского очерка под заглавием «Деревня после 1-го марта» или «Деревня последней минуты» нет. Рассказ Успенского, напечатанный в июньской книжке, носит заглавие «На травке». В нашем распоряжении нет данных для бесспорного решения вопроса: тождествен ли очерк «На травке» с очерком, первоначально озаглавленным «Деревня после 1-го марта», или же Успенский прислал Салтыкову совершенно новый рассказ. Вероятное, впрочем первое предположение, а именно что текст рассказа остался прежний, изменение же коснулось лишь заглавия (см. содержание рассказа «На травке» в примечании к следующему письму).

31

Г. И. УСПЕНСКОМУ

[Первые числа июня 1881 г.]

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Я знал одну барыню, которая придет и скажет: я пойду детям белья купить. А через час возвратится: купила зонтик. Так точно и Вы: обещали нам для июньской книжки белья, а прислали зонтик[1]. Но зонтик вышел

такой отличный, что я решаюсь Вас просить: нельзя ли такой же прислать и для июльской книжки. Это много бы скрасило последнюю. Окончательный срок — 5 июля. Но я уезжаю за границу 3-го числа; следовательно, если бы могли прислать к 1-му, то весьма бы обязали [2]. Позднее следует уже обращаться к А. М. Скабичевскому, а буде возвратится Н. К. Михайловский, то к нему. Присылайте прямо в типографию.

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Рассказ Гл. Успенского «На травке» (из цикла «Без определенных занятий»), который хвалит здесь Салтыков, посвящен описанию тяжелого положения русского интеллигента (народника) в деревне после 1 марта 1881 г. в обстановке господствовавшего там дикого добровольческого сыска и полицейского произвола. Тема Успенского, развитая им дополнительно еще в двух очерках под общим заглавием «Бог грехам терпит» («Отеч. Зап.» 1881 г., кн. 9—11), сатирически была разработана через год и Салтыковым в XVI—XVIII главах «Современной идиллии» (см. описания злоключений героев этого произведения, попавших в тверскую деревню). Об «упразднении интеллигенции по всей линии общественной деятельности в деревне» писал вслед за Успенским и С. Н. Кривенко в своих «обозрениях» 1881—1882 гг.

[2] Салтыков уехал за границу несколько ранее намеченного им срока, а именно 25—27 июня. В первом же после отъезда письме к Н. К. Михайловскому от 29 июня из Висбадена он писал: «Успенский прислал мне телеграмму, что доставит рассказ к Июльской книжке. Но он уже опоздал. Придется отложить до Августа» («Письма», стр. 206). Это были последние два очерка из серии «Без определенных занятий»: «Своекорыстный поступок» и «Глубокая несправедливость». Они были напечатаны в 8-й книжке журнала.

32

Г. И. УСПЕНСКОМУ

17 Октября [1881 г.]

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Что Вы отдали два разсказа в «Русскую Мысль» [1] — это еще не беда. Журнал этот хороший и не мешает его подогреть. Но все-таки жалко, что «Отеч. Зап.» не могут овладеть обстоятельствами, которые владеют Вами. Мне кажется, что Вы из своих книжек не извлекаете что следует. Что может быть проще: напечатать известное число в типографии в долг и потом продавать экземпляры с уступкою хотя и большою. Все же лучше, нежели продавать право на издание. Впрочем, я опасаюсь, что мои советы неуместны, и что Вы впредь будете обращаться к Гартье [2] и тому подобным бездельникам. Я получил начало Вашего рассказа, но из письма Вашего не вижу, скоро ли можно ожидать продолжения и в каком размере. Ваш последний рассказ произвел в цензуре целую бурю. Пропустить-то его пропустили, да потом и хватились. Судя по тому, как этот рассказ кончился, не чаю, чтоб и тот, который посылаете теперь, был цензурен [3]. Времена ныне тяжкие. Я вот второй месяц не «украшаю страниц» на вряд ли и совсем от «украшения» не придется отказаться. Очень будет обидно, ежели Ваш новый рассказ придется отложить.

Весь Ваш

М. Салтыков

Абрамов [4] присылает много, но что-то неслыханное. [Ничего] нельзя печатать.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Имеются в виду очерки: 1. «Старики», напеч. в № 11 «Русской Мысли» за 1881 г. (собр. соч., т. III, стр. 62 «Старый бурмистр») и 2. «Равнение под одно», напеч. в № 1 того же журнала за 1882 г. (в собр. соч. вошло также в названный очерк. «Старый бурмистр»).

[2] Гартье, Эмилий Карлович (1849—1911) — издатель-книгопродавец и антиквар в Петербурге, торговал под фирмою «Посредник». См. некролог о нем в журнале «Русский Библиофил» 1911 г., № 1.

[3] В сентябрьской и ноябрьской книжках было опубликовано за подписью «Г. Иванов» два очерка Успенского под общим заглавием «Бог грехам терпит»: 1. «Маленькие недостатки механизма» и 2. «Опустошители».

[4] Абрамов, Яков Васильевич, псевдоним «Федосеевец» (1858—1906) — писатель правонароднического лагеря, публицист и беллетрист. В 1878 г. был привлечен по «делу о распространении книг преступного содержания» и выслан из Петербурга. По возвращении (в начале 1881 г.), сблизился с Успенским и по рекомендации последнего стал с середины года постоянным сотрудником «Отеч. Зап.», где после ареста С. Н. Кривенко 3 января 1884 г. вел «Внутреннее обозрение» до запрещения журнала. Позднее (с июля 1885 г.) сотрудничал в «Неделе», где стал одним из выразителей оппортунистической теории «малых дел» («абрамовщина»).

33

Г. И. УСПЕНСКОМУ

24 Октября [1881 г.]

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Уведомьте, пожалуйста, действительно ли с е н а т о р с к о й ревизией было обнаружено что нибудь подобное. Ежели нет, то лучше просто: ревизией [1].

Пользуюсь этим случаем, чтобы попросить Вас поторопиться высылкой окончания. У нас очень большая бедность по части беллетристики: совсем нечего печатать. И набор остановился.

Ваш

М. С а л т ы к о в

24 Октября.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Речь идет об очерке «Опустошители», напеч. в сентябрьской книжке «Отеч. Зап.» за 1881 г. Успенский рассказывает о том, как в г. Посусалове «отцы города» — гласные городской думы — учредили ремесленное училище и затем в течение ряда лет разворовали все отпущенные средства. В тексте «Отеч. Зап.» хищения раскрывает «ревизор, ревизующий нашу губернию», а не «сенаторская ревизия», как значилось, судя по публикуемому письму, в рукописи.

34

Г. И. УСПЕНСКОМУ

27 Октября [1881 г.]

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Вы обещали дослать окончание Вашего рассказа в Понедельник, но вот Понедельник прошел, а ничего нет. Извините, что я, быть может, надоедаю Вам, но дело в том, что отсутствие Ваше в Ноябрьской книжке нашего журнала может быть многими принято за перенесение Вашей деятельности в «Русскую Мысль». А сверх того есть и еще обстоятельство. Печатание 11-го № дошло до той степени, что необходимо иметь Вашу статью или что нибудь другое. Поэтому будьте так добры, напишите прямо: можем ли мы на Вас рассчитывать для ноябрьской книжки или нет. Повторяю, Ваш оригинал очень нужен, но ежели его нет, то делать нечего. Впрочем, до 1-го числа мы можем ждать, но только, ради бога, напишите верно: будет ли конец в редакции в понедельник, 2-го ноября. Конечно, раньше лучше, но и до понедельника можно ждать.

То, что до сих пор было у меня в руках, я нахожу вполне цензурным за очень малыми исключениями. Я об одном из них писал Вам (сенаторская ревизия) — вероятно, Вы получили мое письмо [1].

Затем, остаюсь, как и всегда, искренне Вам преданный

М. С а л т ы к о в

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] См. примеч. к предыдущему письму.

35
Г. И. УСПЕНСКОМУ

23 Ноября [1881 г.]

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Из гонорара, следующего Вам за ноябрьскую книжку (285 р.) я распорядился вычесть только 125 р., остальные 160 р., следовательно, Вы можете получить. Но, признаюсь, мне настолько тяжело играть относительно Вас роль вычитателя, что я никогда впредь вычитать не буду, и предоставляю делать это Вам самим, когда и сколько Вы сами найдете возможным. Я хорошо понимаю Ваши денежные затруднения и желал бы одного: чтобы расчеты эти [не] повредили Вашим добрым отношениям к журналу.

Теперь скажу несколько слов о деле. Относительно январской книжки журнал находится в большом затруднении. Островский, который ежегодно давал свою комедию, на этот раз, кажется, не поспеет. Не наверное, но весьма может быть, потому что кемедия написана только на половину [1]. Декабрьскую книжку мы можем составить и не очень нарядно. Поэтому нельзя ли ту работу, которую Вы готовите для декабрьской книжки, отложить до январской, но дабавив и еще, так чтобы вышло листа 3, по малой мере. Может быть для Вас это неудобно в том отношении, что Вы в декабре предполагаете окончить серию — в таком случае, делать нечего, мы напечатаем Ваш рассказ в декабре, но ежели Вы можете серию продолжить листов до 3-х, то это будет очень приятно. Но так или сяк, позвольте хоть на небольшую работу Вашу рассчитывать для январской книжки. Разумеется, под предполагавшуюся для декабрьской книжки работу Вы можете получить вперед деньги, с тем, чтобы эти только деньги были вычтены в январе. Пожалуйста, уведомьте меня наверное, можете ли выполнить мою усерднейшую просьбу к 15-му декабря, когда должна начаться печатанием январская книжка [2].

Здесь был Юрьев и говорил, что ждет от Вас целого ряда рассказов. Очень жаль будет, если это помешает Вашей работе в «Отеч. Записках». Златовратский тоже что-то дал в «Русскую Мысль». Пожалуй, придется и совсем лавочку закрыть за недостатком сражающихся. Может быть, и пора.

Преданный Вам

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Опасения Салтыкова не оправдались. В январскую книжку «Отеч. Зап.» за 1882 г. Островский дал пьесу «Таланты и поклонники».

[2] В декабрьскую книжку за 1881 г. Успенский не дал ничего, в январской же за 1882 г. начал печатанием свой цикл «Власть земли».

36
Г. И. УСПЕНСКОМУ

[10—15 Января 1881 г.]

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Сегодня январская книжка послана в цензуру, и надо набирать 2-ую. Буквально не с чего печатать. Будьте так добры уведомить меня, доставите ли Вы к Февральской книжке окончание «Власти земли», и когда [1]. По-

жалуйста, извините за назойливость, но право, никогда так не бывало с «Отеч. Записками». Материал есть, но совсем средний.

Весь Ваш

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Напечатанные в февральской книжке очерки «Власть земли» были продолжением этого цикла, а не окончанием его (см. следующие письма).

37

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

Петербург 25 Января [1882 г.].

Многоуважаемый Алексей Михайлович.

Я совсем не так избалован фортуной и не так нагл от природы, чтобы не ценить глубоко и искренне сочувственного отношения ко все таких людей, как Вы. И письмо Ваше тем больше утешило меня, что я решительно не на розах покоюсь.

Глубоко, всем организмом больной, непрерывно кашляя и задыхаясь, я, как вечный жид, обязываюсь итти и итти. Нет конца моей работе. Месяц кончается — начинается другой и в то же время кончается и начинается моя работа, точно проклятый, заколдованный круг меня окружил. И все это имея в преспективе, что лет через двадцать меня или забудут или будут читать с комментариями, как уже теперь читают «Губернские очерки» (я сам почти так их читал недавно, выпуская новое издание). Но скоро вижу конец этой египетской работе, потому что через два года кончается срок контракту с Краевским, и я нового, конечно, не заключу, разве что с голоду придется умирать [1]. Публика действительно как будто благоволит ко мне, однакож не без осмотрительности, что доказывается тем, что отдельные издания мои расходятся довольно медленно. Особенно осмотрительными оказываются в этом отношении подписчики «Отеч. Зап.», на которых, казалось-бы, я имею некоторое право рассчитывать. Вот Вам пример: несмотря на ежемесячные объявления, что издания мои можно выписывать прямо от меня или из конторы журнала (с некоторою льготою), из 4500 иногородних подписчиков, прямо подписывающихся на журнал в конторе, только 20 выписали книгу «За Рубежом».

Живется нам нельзя сказать чтобы отлично. Главная беда, что неизвестность какая-то давит. И не только людей развитых, но и самых обыкновенных. И еще странно: торжествуют Катков, Аксаков, и притом торжествуют оффициально, так что всякое равновесие в борьбе потеряно [2].

Этого еще никогда не бывало. Но делать нечего, приходится переживать. Но надеюсь, что после этого Вам не покажется удивительным, почему я с таким нетерпением жду момента, когда и для меня откроется возможность положить перо в сторону. И болен, и стар, и до смерти устал. Ни развлечений, ни удовольствий не знаю; редактирую журнал и никого не вижу. Ужасно это странно. Вообще, ежели будет моя правдивая биография, то она может быть любопытна.

Летом думаю, что вынужден буду поехать за границу, как это делаю постоянно в последние годы. Я собственно очень недолюбливаю подобных экскурсий, но семья вынуждает, или, лучше сказать, жена. В будущем году, однакож, эта история прекратится, потому что сыну придется поступить в гимназию.

Дружески жму Вашу руку и прошу не забывать душевно Вам преданного

М. Салтыкова

«ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА»
Иллюстрация худ. В. Эльконена
Собрание художника, Москва

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Срок действия договора, заключенного между Краевским и Салтыковым в 1878 г., кончался первого января 1884 г. (отсюда датировка письма). Намерения своего не заключать нового контракта Салтыков не выполни: 20 октября 1883 г. договор был продлен еще на два года (до января 1886 г.).

[2] В день, когда Салтыков писал это письмо, в газетах были напечатаны известия о производстве Каткова из статских в тайные советники и об «успехе», который имела в «некоторых официальных кругах» последняя статья И. С. Аксакова в издававшейся им газете «Русь» (см. номер «Нового Времени» от 28 января).

38

Г. И. УСПЕНСКОМУ

18 Февраля [1882 г.][1]

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Решительно невозможно обсуждать какие бы то ни было вопросы, имея между собой расстояние, равняющееся 3—4 верстам. Ежели Вы не больны, то сделайте милость зайдите на днях утром ко мне. Я всегда дома и мы, наверное, в два-три слова все покончим; иначе я все-таки рискую не вполне понять Ваши пожелания.

Ваш

М. Салтыков

18 Февраля.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Это письмо датируем предположительно по связи его с письмом Салтыкова к Михайловскому от февраля 1882 г., в котором читаем: «Успенский, повидимому, здесь, но, разумеется, предпочитает изнурительную переписку простому личному объяснению», и т. д. («Письма», стр. 222). В феврале 1882 г. Успенский действительно приезжал на короткое время в Петербург.

39

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКОМУ

Ораниенбаум 26 Мая [1882 г.]

Многоуважаемый Николай Николаевич!

По желанию Вашему, я распорядился высылкою Вам 50 р.

Очень жалею, что работа Ваша идет так туго. Насчет проектируемых Вами подразделений «Устоев» не могу согласиться. Этими эпизодическими ухищрениями Вы только увлекаетесь в сторону и обманываете самого себя. Надо кончить эту вещь — вот, по моему мнению, что необходимо иметь в виду. Она так растянулась и пошла в эпизоды, что читателю уже теперь трудно свести концы с концами. Перечитайте Вашу работу с самого начала и установите отправной пункт для окончания, потому что переходить в следующий год совсем невозможно. В последних главах Вы употребляете язык вообще неудобный, а в отношении к крестьянскому быту даже немыслимый. Пожалуйста, воздержитесь от этой латинской конструкции, которая с успехом применялась Карамзиным, но давно уже оставлена.

Может быть, Вы скажете, что мои высказы неуместны и напрасны, но дело в том, что сколько уже лет я нахожусь в журнальном деле и ни одной цельной вещи в журнале не вижу: все отрывки. Удивляюсь долготерпению публики.

Впрочем, извините, пожалуйста.

Искренне Вам преданный

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Златовратский, Николай Николаевич (1845—1911)—беллетрист-народник. «Устои»—его центральное произведение, начатое печатанием с ноябрьской книжки «Отечественных Записок» за 1880 г. Письма Златовратского Салтыкову, связанные с печатанием этой вещи, публикуются в настоящем сборнике. (См. ниже).

Повествование у Златовратского, как и у большинства писателей-народников, растянуто и изобилует большим количеством искусственно вводимого сырого этнографического материала; характерно для манеры Златовратского также голое морализирование и то торжественно-приподнятый, то сантиментальный тон описания крестьянской жизни. Именно в таком тоне выдержана та (третья) часть «Устоев», описывающая трудовую жизнь «хозяйственного мужичка», о которой идет речь в данном письме Салтыкова. Оно интересно как немногий из дошедших до нас образцов непосредственного редакторского руководства Щедрина по отношению к народническим писателям, сотрудничавшим в «Отечественных Записках». Публикуемые здесь же письма Щедрина к Гл. Успенскому показывают, насколько сочувственнее относился Щедрин к творчеству этого «критического народника», чем к «народническому оптимизму» Златовратского.

40

С. А. ЮРЬЕВУ

[Первые числа февраля 1883 г.]

Любезный друг Сергей Андреевич.

Не успел я вчера [1] известить тебя о предполагаемом помещении в Февральской книжке моих «Сказок», как уже сегодня отважное отчаяние [2] заставило меня их вырезать из книжки. То же отважное отчаяние заставило меня принять следующую смелую меру: прекратить писание.

Остаюсь твой

М. Салтыков

бывший литератор

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Предыдущее письмо к Юрьеву, на которое ссылается Салтыков, неизвестно. Из второй книжки «Отечественных Записок» за 1883 г. Салтыков «вырезал» в предвидении цензурного запрещения сказки: «Самоотверженный заяц», «Бедный волк», «Премудрый пискарь». В том же году все три сказки были напечатаны в зарубежной вольной прессе, сначала в газете «Общее Дело» (см. № 56 за 1833 г.), куда они попали вероятно через друга Салтыкова д-ра Н. А. Белоголового, а затем и отдельной брошюрой (см. Щедрин, Н. «Три сказки для детей изрядного возраста». Женева, 1883, изд. Элпидина. Русская типография, стр. 24). Через год эти сказки удалось напечатать и в «Отечественных Записках» (см. январскую книжку за 1884 г.).

[2] «Отважное отчаяние» — выражение из анонимной рецензии на «Письма к тетеньке», напечатанной в февральской книжке «Русской Мысли» за 1883 г. В письме к Боровиковскому от 15 февраля (см. «Неизданные письма», стр. 116) Салтыков писал:...«в «Русской Мысли» появилась рецензия на «Письма к тетеньке», где меня в особенности хвалят за «отважное отчаяние».

41

С. А. ЮРЬЕВУ

12 Февраля [1883 г.]

Любезный друг Сергей Андреевич.

Слухи о моей высылке — бабьи сплетни. Ходят бабы по улицам и восклицают. Может быть и накличут [1].

Что касается до того, что я подписал «бывший литератор», то есть такой слух, что это так уж решено и записано в книге судеб, издаваемой сыном Москвы Катковым. А подобные решения сопровождаются арестом книг и их сожжением [2].

Вот и все.

Весь твой

М. Салтыков

Разумеется, это все слухи. А посему: не уподобься оным бабам и не восклицай.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Слухи о высылке Салтыкова из Петербурга, с начала 80-х годов не прекращавшиеся, получили в первой половине 1883 г. особенно широкое распространение; к ним он неоднократно возвращался в своих письмах этого периода. См. например письма к Елисееву от 2 мая («Заветы» 1914 г., кн. 4), Боровиковскому от 4 мая («Неизданные письма, стр. 124—125). Белоголовому от 11 мая (Вл. Розенберг «Журналисты безвременья М., 1917 г., стр. 100—101).

[2] Руководящее влияние Каткова на черносотенную политику Александра III особо остро и непосредственно ощущалось Салтыковым естественно по линии правительственных мероприятий, направленных на борьбу с печатью демократического лагеря, на борьбу с «Отечественными Записками» и с деятельностью самого Щедрина в частности. Репрессии резко обострились с начала 1883 г., когда во главе Главного управления по делам печати стал Е. М. Феоктистов, незамаскированная креатура Каткова. В письме к Боровиковскому от 31 января Салтыкова писал: «Десница Каткова явно простерлась надо мною и вдохновляет Феоктистов (см. «Неизданные письма», М.—Л., стр. 113). Личной инициативе и непосредственному участию Каткова Салтыков был склонен приписывать (возможно, располагая для такого суждения неизвестной нам теперь информацией) все цензурные репрессии начал 80-х годов против себя лично и «Отечественных Записок», а также самый факт правительственного запрещения журнала в 1884 г.

42
Г. Л. КРАВЦОВУ [1]

[29 Ноября 1883 г.]

Милостивый Государь Григорий Львович.

Искренне благодаря Вас за сочувственное отношение к моей литературной деятельности, считаю долгом препроводить при сем, в качестве автографа, несколько строк из одной моей неизданной сказки [2].

Примите уверения в совершенном моем почтении и преданности.

М. Салтыков

29 Ноября

Неправильно полагают те, кои думают, что лишь те пискари могут считаться достойными гражданами, кои, обезумев от страха, сидят в норах и дрожат. Нет, это не граждане, а по меньшей мере, бесполезные пискари. Никому от них ни тепло, ни холодно, никому ни чести, ни бесчестья, ни славы, ни бесславия... живут, даром место занимают да корм едят.

М. Салтыков

(Из неизданной сказки «Премудрый пискарь»).

29 Ноября 1883 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Приводим справку об адресате письма, сделанную Н. В. Яковлевым:

«Григорий Львович Кравцов (1840—1890), ветеринарный врач, писатель по своей специальности; вместе с женою. А. П. Блюммер (сестра эмигранта-писателя), собирал альбом автографов, который описан и частью воспроизведен в сборнике «Привет». (СПБ., 1898 г., стр. 216—220), но автографа Салтыкова среди опубликованных нет».

[2] Письмо Кравцова, в котором он просил у Салтыкова автограф для своей коллекции, опубликовано в настоящей книге. (См. ниже в публикации «Письма читателей к Щедрину»).

43
Д. Н. МАМИНУ-СИБИРЯКУ [1]

10 Января 1884 г.
Литейная, 62.

Многоуважаемый Дмитрий Наркисович.

В четверг, 12-го, отправилась в цензуру 1-я книжка «Отеч. Зап.» на 1884 год, а в Понедельник, 16-го ежели ничто не восприпятствует, она

«ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА»
Иллюстрация худ. В. Эльконена
Собрание художника, Москва

выйдет в свет. В этой книжке напечатаны первые девять глав «Горного Гнезда»; затем в Февральской книжке я посылаю напечатать следующие девять или десять глав (Понедельник, 15-го, уже будут набирать), а в Мартовской — окончание. Но так как в редакции нет еще последних глав, то я просил бы Вас не замедлить их высылкою, так как сношения с Екатеринбургом весьма медленные, а около 6-го Февраля непременно потребуется для типографии оригинал 3-й книжки. Надеюсь, что Вы исполните эту покорнейшую мою просьбу.

От души поздравляю Вас с Новым Годом и желаю всевозможных благополучий. Для редакции «Отеч. Зап.» Новый Год не совсем благополучен арестовали г. Кривенко [2], который писал «Внутр. Обозр.», так что последнее для Январской книжки едва успели кой-как составить. Вероятно, ничего особенного из этого ареста не выйдет, но все-таки Вы можете понять, как не весело мое положение, как главного редактора, у которого из-под носа берут самых необходимых сотрудников.

Что касается до Немировича-Данченко [3], то о гонораре, им получаемом, не могу сказать ничего достоверного. В «Отеч. Зап.» он участвовал очень недолго и немного, и получал 75 р. за лист. Но очень возможно, что в газетах («Нов. Время») и в «Неделе», например, он получает и больше. «Новое Время» имеет, благодаря закрытию других газет, до 30 т. подписчиков и розничных покупателей, да объявлениями зарабатывает более 100 т. р. «Нива» имеет 90 т. подписчиков. Ничего подобного наши большие журналы и во сне не видали. И вот второй год, как подписка, вместо увеличения, все идет к низу. Чувствуется какая-то усталость всюду; книга не интересует, всякий выписывает или газету или иллюстрированный журнал.

Жму Вашу руку и остаюсь преданный...

[без подписи, низ листа отрезан. *С. М.*]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Мамин-Сибиряк, Дмитрий Наркисович (1852—1912) — беллетрист, один из лучших бытописателей уральской горнозаводской промышленности конца прошлого века. «Горное гнездо» — первый из цикла его больших романов (за ним следовали «На улице», «Три конца» и др.). Печатание романа растянулось не на три, а на четыре книжки (январь — апрель).

[2] Кривенко, Сергей Николаевич (1847—1912) — публицист-народник, в последние годы существования «Отечественных Записок» ближайший помощник Салтыкова по редакционной работе. Имел связи с «Народной волей». Участвовал в подпольной печати. Был арестован 3 января 1884 г. и в следующем году сослан. Подлинные причины ареста Кривенко были повидимому неизвестны Салтыкову (см. его объяснение в письме к Елисееву от 23 января 1884 г. — «Заветы», кн. 4, стр. 45).

[3] Немирович-Данченко, Василий Иванович (1848—1927) — популярный в свое время очеркист и романист, после Октябрьской революции белоэмигрант. В «Отечественных Записках» был случайным сотрудником, поместив здесь в 1874 г. ряд статей «За северным полярным кругом» (№№ 8—10). Над его бойко написанными, но весьма далекими от правдоподобия путевыми впечатлениями и военными корреспонденциями (1877—1878 гг. в «Новом Времени») зло издевался Щедрин в «Современной идиллии» (см. начало V главы) и в очерке «Тряпичкины-очевидцы». Уже после смерти Немировича-Данченко в рижской белогвардейской газетке «Сегодня» появились его «воспоминания» «Мои встречи с Некрасовым, Щедриным и др.» (см. № 27 от 29 января 1928 г.).

44
В. Е. ЯКУШКИНУ [1]

1 Апреля [1884 г.]

Многоуважаемый Вячеслав Евгеньевич.

Искренне благодарю Вас за присланную брошюру о рукописях Пушкина, продолжение которой я уже сегодня прочитал в Апрельской книжке «Рус-

ской Старины»[2]. Вместе с тем с величайшим удовольствием исполняю желание Ваше относительно моего портрета и автографа. Жалею, что последний пришлось сделать на обороте портрета, так как на лакированном картоне чернила скатываются.

Искренне Вас уважающий
М. Салтыков

1 Апреля.

На конверте: Заказное, Москва, Чистые Пруды, дом № 211. Его Высокородию Вячеславу Евгениевичу Якушкину. Почтовые штемпеля: С.-Петербург 3 апр. 1884 г. и Москва 4 апр. 1884 г. и штамп: Главная Контора журнала «Отечественные Записки». При письме приложена фотографическая карточка Салтыкова кабинетного формата, на обороте которой рукой Салтыкова надпись: «Вячеславу Евгеньевичу Якушкину М. Салтыков»[3].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Якушкин, Вячеслав Евгеньевич (1856—1912) — известный пушкинист, сын Евгения Ивановича Якушкина (о нем см. в примечании к письму № 1).

[2] В «Русской Старине» за 1884 г. в №№ 2—12 печаталась известная работа В. Е. Якушкина «Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцевском Музее в Москве». Салтыков называет «брошюрой» очевидно посланный ему отдельный оттиск первых двух глав этой работы, напечатанных в февральской и мартовской книжках журнала.

[3] Воспроизведение портрета и конверта см. ниже.

45

К. Д. КАВЕЛИНУ

4 Мая [1884 г.]

Многоуважаемый Константин Дмитриевич!

Разница между покойным Тургеневым и прочими пошехонскими литераторами (я испытал ее теперь на собственнной шкуре) следующая: если бы литературного собрата постигла бы такая же непостижимость, какая, например, меня постигла, Тургенев непременно отозвался же [бы?]. Прочие же пошехонские литераторы (наприм. Гончаров, Кавелин, Островский, Толстой) читают небылицы в лицах и, распахнув рот, думают: как это еще нас бог спас![1]

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] См. примеч. к письму № 47

46

Н. Н. БАХМЕТЬЕВУ[1]

5 Мая [1884 г.]

Многоуважаемый Николай Николаевич.

Очень жалею, что Вы не зашли ко мне еще раз перед отъездом в Москву[2]. Вероятно, Вы взяли из Конторы повесть г. Фирсова[3]. Теперь оказывается, что это только одна часть, что я усматриваю из двух его писем, которые при сем прилагаю. Я вместе с сим пишу к нему, чтобы он окончание выслал к Вам. Так как он представляет [!] погасить свой долг «От. Зап.» из заработной своей платы, то будьте так добры, по отпечатании работы Фирсова на сумму 150 р., выслать их в бывшую контору журнала (Бассейная, 2). Равным образом, благоволите выслать из заработной платы г. Недетовского[4] 100 р., по тому же адресу.

Кланяюсь С. А. [Юрьеву], ежели он еще в Москве. Повесть Фирсова я много сокращал.

Искренне Вам преданный
М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Бахметьев, Николай Николаевич (1847—1909) — секретарь редакции «Русской Мысли». В апреле 1884 г. был в Петербурге у Салтыкова по поручению Юрьева для переговоров о передаче «Русской Мысли» подписчиков закрытых «Отечественных Записок». Как потом выяснилось, Бахметьев, проводя эту операцию, присвоил себе путем подлога некоторую часть денег. За это и другие уголовные преступления был в 1888 г. судим и сослан в Сибирь. В процессе следствия по делу Бахметьева приглашался «для дачи свидетельского показания» и Салтыков. Публикуемые здесь два письма его к Бахметьеву сохранились в копиях, прошнурованных и скрепленных печатью судебного следователя 4-го участка г. Москвы. Оба письма сопровождаются приводимыми ниже «объяснениями», записанными несомненно со слов Бахметьева при его допросе.

[2] Бахметьев был у Салтыкова в 20-х числах апреля 1884 г. («сюда приехал Бахметьев», писал Салтыков Михайловскому 25 апреля 1884 г. См. «Письма», стр. 260). Отсюда датировка данного письма.

[3] Фирсов, Николай Николаевич, псевд. «Л. Русскин» — литератор, заграничный корреспондент петербургских журналов и газет. Салтыков — очень заботливо относившийся к Фирсову, находившемуся в трудных материальных условиях, сам рекомендовал и передал для напечатания «Русской Мысли» его повесть, оставшуюся в портфеле «Отечественных Записок» после их закрытия. Повесть однако напечатана не была. По объяснению Бахметьева, имеющемуся при письме, «повесть Фирсова оказалась очень плохой и непомещение ее в Р[усской] М[ысли] было одной из причин недовольства Салтыкова, благодаря к[оторому] он помещал свои произведения в В[естнике] Е[вропы], а не в Р[усской] М[ысли]».

В письме к Михайловскому от 17 ноября 1884 г. Салтыков писал: «А редакцию («Русской Мысли». — *С. М.)* имею полное основание называть свиным хлевом и вот почему. Передал я туда еще в апреле два рассказа Каронина, большую повесть Фирсова и проч. Теперь Фирсову есть нечего и он ко мне вопиет, ибо на все его письма редакция не дает никакого ответа. Вследствие этого я два раза писал к Юрьеву, и все-таки остаюсь без ответа». («Письма». Л., 1925, стр. 278—279, см. также письмо к Юрьеву от 11 ноября 1884 г. в сб. «В память С. А. Юрьева». М., 1891, стр. 290).

[4] Недетовский, Григорий Иванович, псевд. «О. Забытый», литератор, сотрудник «Отечественных Записок». См. письма к нему Салтыкова в т. XXXXI «Известия отд. русского языка и слов. Ак. Наук СССР», Л., 1926 (15 писем).

47

К. Д. КАВЕЛИНУ [1]

12 Мая [1884 г.] Петербург.

Многоуважаемый Константин Дмитриевич.

Письмо Ваше глубоко меня тронуло и утешило. Не ради удовлетворения пустому тщеславию я ожидал некоторых заявлений, а ради убеждения, что Пошехонье не все сплошь переполнено пошехонцами. К сожалению, это убеждение и теперь не составилось.

Впечатление, произведенное на пошехонцев катастрофой «Отеч. Зап.», двоякое. Одни безоговорочно верят, что «Отеч. Зап.», был не журнал, а организованный заговор (иждивением Краевского); другие не верят, но говорят, что совершена «новая штука».— И даже не прибавляют, что «новая штука» совершена нами связанными людьми. На этой «новой штуке» пошехонское общественное мнение, вероятно, и успокоится. Еще несколько недель как «Отеч. Зап.» и их деятельности и в помине не будет.

Что касается лично меня, то меня, прежде всего, поражает (и до сих пор не могу освоиться) то обстоятельство, что я лишен возможности ежемесячно беседовать с читателем. При моей старости и недугах, это только утешение и оставалось мне. Живу я совершенным нелюдимом, почти никого не вижу, никуда не выезжаю, чувствуя, что я везде буду в тягость. Один ресурс у меня оставался — это читатель. Признаться сказать, едва ли не его одного я искренне и горячо любил, с ним одним не стеснялся. И,— не припишите это самомнению,— мне казалось, что эта отвлеченная персона тоже меня любит, и именно потому любит, что и я для нее «отвлеченная персона». Может быть, придя в личное со мною соприкосновение, чита-

КОНВЕРТ ПИСЬМА САЛТЫКОВА К В. Е. ЯКУШКИНУ ОТ 1 АПРЕЛЯ 1884 г.
Архив Всесоюзного Общества Политкаторжан и Ссыльно-Поселенцев, Москва

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА КОНВЕРТА ПИСЬМА САЛТЫКОВА К В. Е. ЯКУШКИНУ ОТ 1 АПРЕЛЯ 1884 г. (СО ШТАМПОМ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»)
Архив Всесоюзного Общества Политкаторжан и Ссыльно-Поселенцев, Москва

тель был бы не совсем удовлетворен больным и брюжжающим стариком, но издали и при посредстве мысли общение выходило свободное и от болезни, и от брюжжаний. Я даже убежден, что если бы меня запереть наглухо, оставив в моем распоряжении только «читателя», я был бы вполне счастлив, даже счастливее, нежели в обществе людей. Довольно я понатерся между ними, взял от них, что мог и что мог возвратил.

Теперь у меня все это отняли. Можно ли представить себе что-нибудь более жестокое, унизительное, озорное? «Нехорошо хотеть» — вот и все. Удивительно странно. И что всего досаднее — это видимое в этом деле и для меня совершенно несомненное участие фразистого идиота Каткова.

Деятельность моя так сложилась, что переламывать ее на другой манер потребуется не мало времени. Хотя я давно задумывал написать большую бытовую картину (целое «житие»), но полагал приступить к этому позднее [2]. Думал, что в конце 1885 года покончу с Отеч. Зап. добровольно и засяду. Теперь приходится сделать ломку, а удается ли она — не знаю. Голова до сих пор полна совсем другим и, между прочим, сказками, которых задумано, а отчасти и написано до 4 штук [3]. Надобно отказаться от этой книги, которая не повредила бы мне...

Прощайте. Еще раз благодарю за сочувственное письмо и крепко жму Вашу руку.

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Кавелин, Константин Дмитриевич (1818—1885) — историк и публицист, примыкавший к лагерю умеренного либерализма. Оба печатаемые здесь письма Салтыкова к нему были ранее опубликованы Д. А. Кирсановым («Русская Мысль» 1895 г., кн. 11): первое полностью, но с многоточием вместо имен Гончарова, Кавелина, Островского и Толстого, второе — с пропуском второго абзаца и абзаца, начинающегося словами «Теперь у меня все это отняли».

То боязливое равнодушие, с которым было встречено известие о правительственном запрещении «Отечественных Записок» в писательской среде, чрезвычайно тяжело переживалось Салтыковым. (См. например его письмо Белоголовому от 11 мая 1884 г. — Вл. Розенберг. «Журналисты безвременья». М., 1917 г., стр. 112; Анненкову от 1 мая 1884 г.— «Письма», стр. 261 и др.). Именно этим и объясняется в значительной мере его взволнованная реакция на сочувственный отклик Кавелина, никогда не бывшего ему сколько-нибудь близким по своим идейным позициям.

[2] Имеется в виду «Пошехонская старина», задуманная Щедриным задолго до момента появления первых глав произведения в «Вестнике Европы» 1887 г.

48

Н. Н. БАХМЕТЬЕВУ [1]

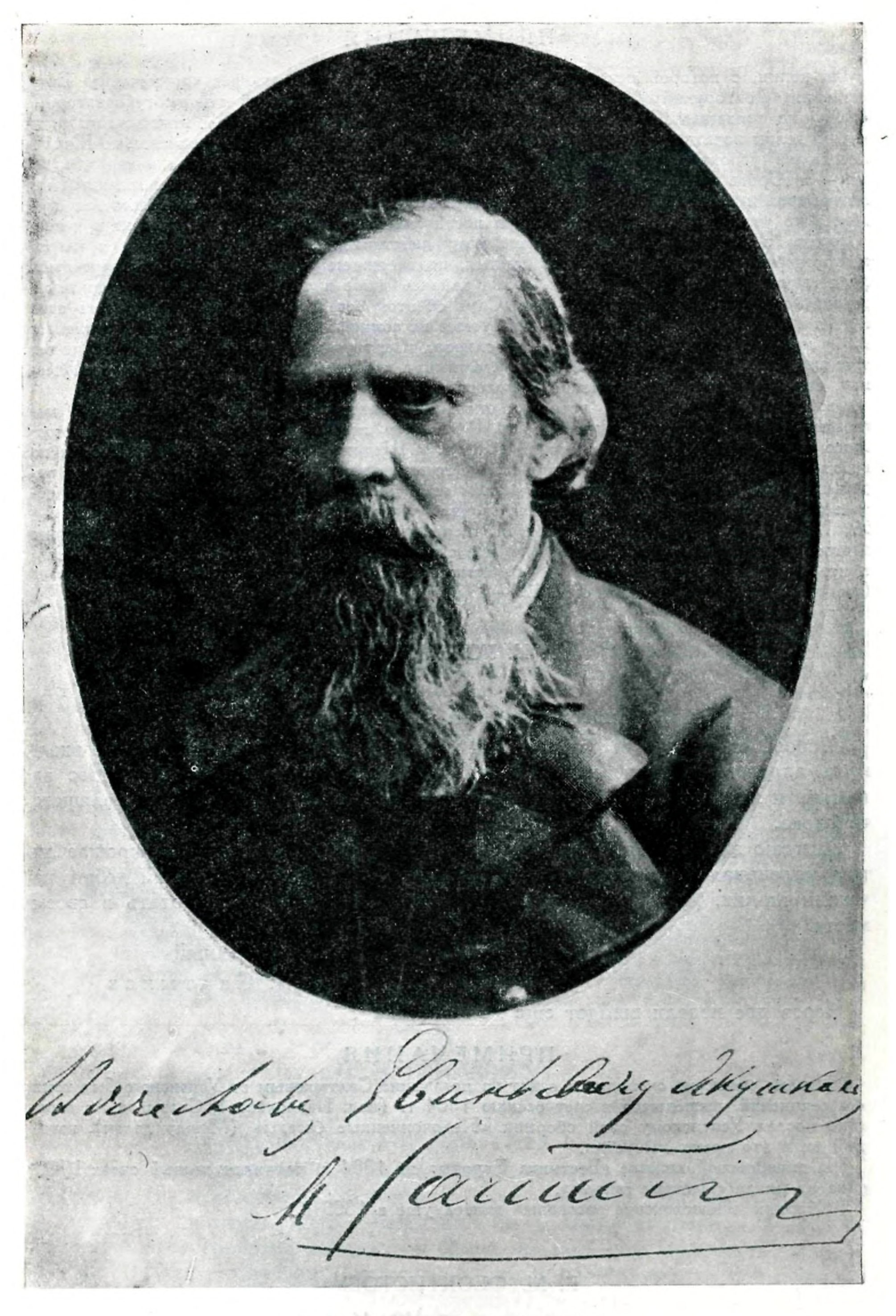
20 Июня [1884 г.]

Многоуважаемый Николай Николаевич.

Я слышал будто бы кн. Долгоруков призывал Юрьева и спрашивал его, правда ли что в Р[усскую] М[ысль] переходят сотрудники От[ечественных] Зап[исок], предупреждая, что ежели это справедливо, то Р[усской] Мысли не жить долго. И на это будто бы С. А. [Юрьев] ответил, что в Р[усской] М[ысли] будут участвовать те сотрудники Отеч. Зап., которые и прежде в журнале участвовали, и что кроме того, быть может, я буду печататься. Но какое этот ответ произвел на Долгорукова впечатление — мне неизвестно.

Будьте так добры уведомить меня, насколько этот слух справедлив вообще и в частности во относящемся до меня. Адрес мой: Сиверсовская станция, Пет.-Варш. жел. дор. дача Шперера.

Искренне Вам преданный М. Салтыков

М. Е. САЛТЫКОВ (Н. ЩЕДРИН)
Фотография 1880-х годов с дарственной надписью В. Е. Якушкину
Архив Всесоюзного Общества Политкаторжан и Ссыльно-Поселенцев, Москва

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] На копии, с которой печатается текст письма, имеется следующее «примечание» Бахметьева: «Долгорукий [Владимир Андреевич, князь, московский генерал-губернатор.— *С. М.*] не призывал Юрьева, так как со времени введенья в [18]82 г. игнатьевских правил по делам печати генерал-губернатор никакого отношения к журналу не имел, но Юрьев сам полез успокаивать небеспокоившегося Долгорукова и затем много приврал. Оба они — и Юрьев и Салтыков — трусили в это время. Салтыков боялся быть высланным из Петербурга и хлопотал через меня, Муромцева и Гольцева о том, чтобы московские студенты не являлись к нему с адресом, и когда они все-таки явились, то гнал их в шею».

Беседа Юрьева с Долгоруким повидимому действительно имела место, хотя в нашем распоряжении нет документальных данных, подтверждающих этот весьма красноречивый факт, дающий меру той трусости, какая таилась даже в таких честных представителях российского либерализма, как Юрьев. Слух об этой беседе («я не знаю, насколько этот слух точен, но что он вероподобен — в этом я не сомневаюсь», писал Салтыков Анненкову 1 июля 1884 г.) чрезвычайно взволновал Салтыкова и усилил его недоверчивое, враждебное отношение к журналу (см. его письма к Михайловскому и Анненкову. «Письма», стр. 269 сл., а также письмо к Белоголовому от 3 июля 1887 г.).

Сообщение Бахметьева о встрече, оказанной Салтыковым пришедшим к нему московским студентам, грубо извращено. Речь идет несомненно о делегации от московского студенчества, посланной весной 1884 г. к Щедрину для выражения сожаления по поводу правительственного запрещения «Отечественных Записок» и для передачи адреса-протеста. История приема Щедриным этой депутации изложена в статье П. Анатольева «К истории закрытия «Отечественных Записок» («Каторга и ссылка», № 58—59, М., 1929 г.), в воспоминаниях Н. Терешенкова, напечатанных в первом полутоме настоящего сборника (см. стр. 487), и в статье В. Бурцева «К биографии М. Е. Салтыкова-Щедрина», помещенной в белоэмигрантском сборнике «На чужой стороне» (см. кн. X, 1925 г., Прага, стр. 121—132).

49
Г. И. УСПЕНСКОМУ

31 Октября [1884 г.]

Многоуважаемый Глеб Иванович.

С своей стороны и я давно хотел послать Вам свою книжку, но не знал, куда адресовать. Теперь исполняю свое намерение[1]. Благодарю Вас за память и за подарок, и весьма сетую, что Вы никогда не посетите болящего человека.

Ожидаю завтра появления Вестн. Евр., чтобы удостовериться, прошла ли там маленькая-маленькая моя статейка[2]. Это будет мой первый дебют на чужих людях. До сих пор мне как-то всегда удавалось работать в своем месте.

Искренно Вам преданный
М. Салтыков

Через две недели выйдет еще моя книжка[3].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Письмо написано очевидно в ответ на получение Салтыковым от Успенского 3-го тома его сочинений, вышедшего в свет осенью 1884 г. (изд. Павленкова), Салтыков же вероятно послал Успенскому свой сборник «Недоконченные беседы» (Между делом), который он в это время выпустил.

[2] В октябрьской книжке «Вестника Европы» за 1884 г. появился первый очерк Щедрина из цикла «Пестрые письма».

[3] Сборник «Пошехонские рассказы» вышел уже в 1885 г.

50
Е. М. ФЕОКТИСТОВУ[1]

[10—11 сентября 1885 г. Петербург.]

Милостивый Государь
Евгений Михайлович.

Тяжелая, почти безнадежная болезнь лишает меня возможности явиться к Вам лично с просьбою. Поэтому, рискуя быть назойливым, обращаюсь

к Вам письменно. Будьте так добры, прочтите прилагаемую при сем сказку «Вяленая вобла»[2], которая была уже в Вашем рассмотрении. По чести смею Вас уверить, что в ней нет ничего, что могло бы обратить на себя особенное внимание. Прежде всего, я значительно ее выправил, т. е. наиболее резкие места совсем уничтожил. Сверх того, со времени ее первого появления все обстоятельства настолько изменились, что и самая сказка утратила первоначальный сомнительный смысл. Наконец, я предполагаю напечатать ее в «Северном Вестнике», журнале мало распространенном. Все это позволяет мне думать что Вы снисходительно взглянете на мою вещицу, признаете ее изрядно скучною и разрешите печатать.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть

Ваш,
Милостивый Государь,
М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Феоктистов, Евгений Михайлович (1829—1898) — начальник Главного управления по делам печати. Очевидно об этом своем письме Салтыков сообщал А. П. Плещееву 11 сентября 1885 г.: «Вобла» и письмо к Феоктистову уже готовы, так что если зайдете за ними завтра, в четверг, то в пятницу можно будет их представить по адресу» («Неизвестные письма», М.-Л., 1932 г., стр. 236).

2 «Бяленая вобла» первоначально была намечена Салтыковым к опубликованию в февральской книжке «Отечественных Записок» за 1884 г., но вместе с тремя другими сказками была вырезана цензурой. В отрицательном смысле вопрос о печатании «Вяленой воблы» был разрешен и вторично. По словам Плещеева ответ Феоктистова (посланный через Евреинову) на это, в достаточной мере унизительное для Салтыкова обращение был таков: «Главное Управление по делам печати относилось снисходительно (*! — С. М.*) к сказкам Салтыкова, когда они появлялись в безцензурных изданиях («Отеч. Зап.» — *С. М.*], но странно требовать, чтобы они выходили с одобрения цензуры» («Историч. Вестник» 1902, т. 86, стр. 360—361). В легальной печати «Вяленая вобла» впервые появилась лишь в изд. А. Маркса 1905 г. Указание Салтыкова на то, что посылая сказку на просмотр Феоктистову, он значительно ее выправил, т. е. наиболее резкие места совсем уничтожил, в полной мере соответствует действительности. До нас дошел чрезвычайно интересный документ: отпечатанные листы «Вяленой воблы», вырезанные из журнала, на которых Салтыков вырабатывал (правка карандашом) новую редакцию сказки, всячески стремясь «приспособить» ее для легальной печати. Изменения и разночтения, внесенные Щедриным в первоначальный подцензурный текст, столь значительны и качественно, и количественно, что потребовали бы для своего освещения самостоятельного текстологического экскурса с приведением обоих текстов en regard чего мы здесь не можем сделать. Такая работа, будет напечатана нами в одном из ближайших выпусков «Летописей центрального музея художественной литературы, критики и публицистики» (документ принадлежит этому музею).

51

П. И. ВЕЙНБЕРГУ[1]

10 Января [1887—8 гг. Петербург.]

Милостивый Государь Петр Исаевич.

Вот уже два года как я безнадежно болен, и ни Вы, ни кто другой из литераторов (за исключением некоторых сотрудников О. З.) не заблагорассудите даже навестить меня. Очевидно, что я забыт и отметен. Поэтому, мне несколько странным показалось Ваше предложение подписать поздравительную телеграмму лицу, которое в самой телеграмме не поименовано (неужели г. Танеев считается беллетристом?), а в письме Вашем я [Ваши] фамилии не разобрал. Затем желаю Вам веселиться на чествовании и остаюсь в совершенном почтении и преданностью

готовый к услугам
М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Вейнберг, Петр Исаевич (1831—1908) — известный поэт, переводчик и критик, позднее почетный академик. Был близок к театральным кругам. Письмо его к Салтыкову не сохранилось. Повидимому он собирал подписи под приветственной телеграммой известному театральному и музыкальному деятелю С. В. Танееву. В ответном письме Салтыков ставит вопрос о Танееве-беллетристе, как бы усматривая для себя возможным приветствовать Танеева только по этой линии и в то же время не находя за Танеевым никаких заслуг в этой области (см. рассказы Танеева «Два вечера» и «Грибной дождь и ливень» в «Русском Вестнике» 1869 г., кн. 6 и 11). Судя по указанию Салтыкова на то, что он «уже два года, как безнадежно болен», можно отнести письмо ориентировочно к 1887—1888 гг., если считать началом тяжелой болезни Салтыкова осень 1885 г.

52

Г. Л. КРАВЦОВУ [1]

14 Апреля [1887 г.?] [2]

Милостивый Государь Григорий Львович.

Простите меня. Я настолько расстроен физически и душевно, что не могу ответить обстоятельно на предложенные Вами вопросы. Не в силах ни читать, ни писать; могу только сознавать горечь своего положения.

Искренне благодарный Вам

М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Кравцов, Г. Л. — См. о нем в примечаниях к письму № 42.

[2] Датируется предположительно по почерку, бумаге и характеру записки. Она близко примыкает к таким же лаконичным письмам о «горечи своего положения», как например записка к Соболевскому от 13 апреля и Гаевскому от 14 апреля 1887 г. (см. «Неизданные письма», стр. 280—281).

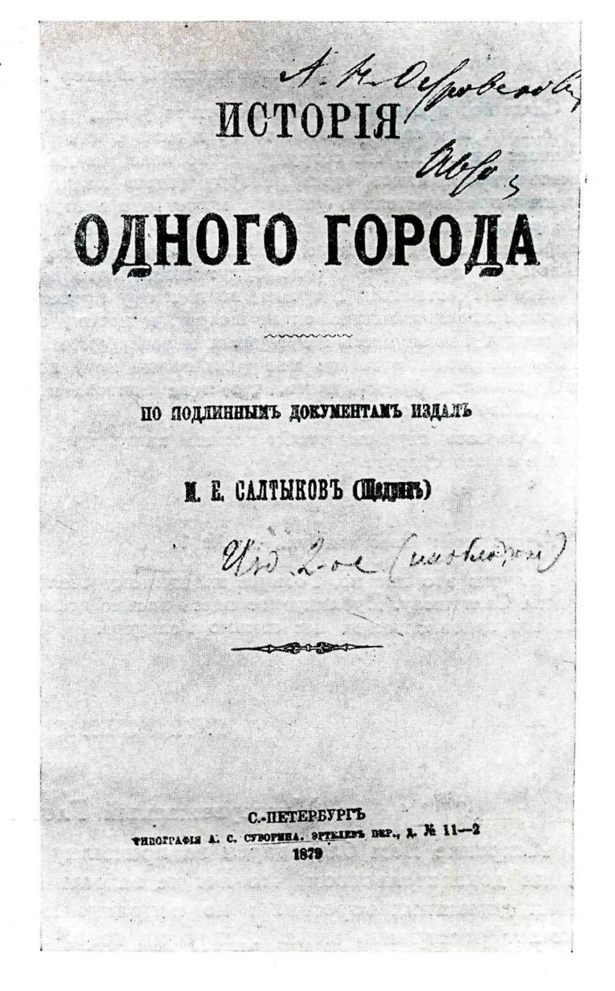
53

В. А. ГОЛЬЦЕВУ [1]

27 Апреля, [1887 г.] Литейная, 62

Многоуважаемый Виктор Александрович.

Душевно благодарю Вас, что Вы даете мне возможность печататься в «Русской Мысли», и вообще за Ваше доброе и участливое письмо. Но вряд ли участие в «Р. М.» осуществится в скором времени, потому что все наличное мною уже роздано, а в какой мере я буду в состоянии писать — не знаю. Мои сношения с «Вестн. Европы», несколько поколебавшиеся, вновь уладились, и я нахожу для себя удобным печататься в этом журнале по многим причинам. Во-первых, сношение с Москвою сопряжено с осложнениями, от которых я, сильно расшатанный человек, очень страдаю, как это доказал мне опыт в «Рус. Вед.», весьма мне сочувственными. Во-вторых, мне не весьма сочувственны Ваши редактора, которые простерли свое пренебрежение ко мне до того, что даже прекратили даровую высылку мне журнала, тогда как я собственно не мало содействовал успеху «Р. М.», передав ей до 6 т. подписчиков «От. Зап.» Правда, я сделал это ради моего старого друга С. А. Юрьева, но ведь все-таки воспользовался этим журнал, и устранение С. А. восве не представляется в моих глазах фактом, который так бы заслуживал симпатии. В-третьих, наконец, о «Рус. Мысли» ходят здесь странные слухи. Не говоря уже о сношениях с цензурой чересчур тесных и заветных, рассказывают даже о сношениях с Катковым. Один из сотрудников последнего рассказывал здесь открыто, в присутствии г-жи Евреиновой, что в бытность его у Каткова, к последнему принесли из редакции «Рус. Мысли» на просмотр каку-то статью. Быть может, все это и скверно, но мнение все-таки существует. Впрочем, во всяком случае я по-

А. Н. Островскому
Автор

ИСТОРІЯ
ОДНОГО ГОРОДА

ПО ПОДЛИННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ ИЗДАЛЪ

М. Е. САЛТЫКОВЪ (Щедринъ)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2
1879

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ЭКЗЕМПЛЯРА 2-го ИЗДАНИЯ «ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА» С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА А. Н. ОСТРОВСКОМУ

Институт Русской Литературы, Ленинград

стараюсь выполнить свое «мое желание», если здоровье мое позволит. Разумеется, я желаю иметь дело исключительно с Вами, а не с гг. Лавровым и Бахметьевым.

Искренне Вам преданный
М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Гольцев, Виктор Александрович (1850—1906) — публицист, видный деятель либерального лагеря, убежденный сторонник конституционно-демократической программы. С 1885 г. фактический редактор «Русской Мысли». Недошедшее до нас письмо Гольцева к Салтыкову, дававшее последнему «возможность» печататься в «Русской Мысли», было повидимому и не вполне искренним, и не вполне добровольным, Сам Гольцев не стремился привлечь в свой журнал «опасного» и политически-чуждого ему Щедрина. «Доброе и участливое» письмо было написано Гольцевым лишь после довольно унизительного обращения к нему самого Салтыкова. Последний, опасаясь разрыва своих отношений с «Вестником Европы» (из-за трусливой и оскорбительной для Салтыкова тактики Стасюлевича), вынужден был весной 1887 г. в поисках литературного пристанища первым постучаться в негостеприимные для него двери «Русской Мысли». Обращение последовало впрочем не лично, а через Плещеева, написавшего Гольцеву по поручению Салтыкова специальное письмо. Так как оно еще не появлялось в печати, приводим его здесь целиком.

Петерб[ург], 16 Апреля [1887 г.].

Многоуважаемый Виктор Александрович.

Салтыков просил меня осведомиться у вас, может ли он рассчитывать, что еслиб он присылал вам свои работы, то Р. Мысль стала бы их печатать, т. е. иными словами не считает ли Р. М. его сотрудничество опасным для себя? Но он не желал бы, чтобы его статьи проводились через цензуру (здесь ходили слухи, что в Р. Мысли показывают статьи предварительно цензору, может это и вздор, но это говорили) и также, чтоб их не рассматривал г. Бахметьев, которого он не терпит (это между нами). В его статьях впрочем не будет ничего особенно нецензурного. Они кажется будут посвящены прошлому, и даже чуть ли не будут иметь автобиографический характер. Между Салтыковым и В[естником] Е[вропы] повидимому пробежала какая-то черная кошка. В подцензурном издании писать он не желает, и потому видеть его в Север. Вест. мы не имеем надежды. Пользуйтесь же случаем и завербуйте его. Не откажитесь, добрейший Виктор Александрович, ответить мне (или прямо ему) поскорее: а то он по своей болезненной мнительности будет думать, что я не написал вам или получил такой ответ, которого не желаю ему сообщить.

Пользуюсь случаем, чтобы пожать вашу руку, и прошу передать мое искреннее почтение вашей супруге.

Душевно преданный вам
А. Плещеев

Адрес мой: Спасская ул., д. № 1.

Получив это письмо, Гольцев повидимому счел для себя неудобным не отвечать и написал Салтыкову. Публикуемое здесь письмо последнего является таким образом ответом на это недошедшее до нас письмо Гольцева.

54

Г. И. УСПЕНСКОМУ

8 Февраля [1889 г.]

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Искренне Вам благодарен за присылку сочинений [1]. Это послужило для меня доказательством, что Вы не забыли обо мне. Глубоко скорблю о Ваших домашних горестях [2]; но напрасно Вы думаете, что посещение Ваше может расстроить меня. Напротив того, оно в высшей мере утешит меня, и если Вы когда-нибудь найдете свободную минуту, то зайдите на короткое время.

Искренне Вам преданный
М. Салтыков

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Г. И. Успенский. Сочинения. 8 томов. Изд. Ф. Павленкова, СПБ., 1883—1886.

[2] «Домашние горести» — по объяснению дочери Успенского Марьи Глебовны: тяжелая болезнь жены Успенского (нервный удар) и одновременно болезнь мальчика-сына (скарлатина).

АРХИВНО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В заключение приводим архивно - библиографическую справку о публикуемых письмах с указанием лиц, сообщивших тексты и подготовивших их к печати.

1. Бахметьеву Н. Н. — №№ 46, 48 (всего 2). Печатаются впервые по копиям, хранящимся в архиве Государственного Исторического Музея в Москве (Шифр: Б 2, 4/11, 1320—21). Копии сняты с оригинала, очевидно в процессе судебного следствия по делу Бахметьева в 1888 г.; они прошнурованы и скреплены печатью следователя 4-го участка гор. Москвы. Текст подготовлен С. А. Макашиным.

АВТОГРАФ ПИСЬМА А. ПЛЕЩЕЕВА К В. А. ГОЛЬЦЕВУ ПО ПОВОДУ СОТРУДНИЧЕСТВА САЛТЫКОВА В «РУССКОЙ МЫСЛИ» (ПЕРВАЯ СТРАНИЦА)

Публичная Библиотека им. Ленина, Москва

[illegible] мне не [illegible] надобности. Пользуюсь этим случаем и повторяю [illegible]. Не откажите, добрейший Виктор Александрович, ответить мне (или прямо ему) поскорее; а то я по своей болезненной мнительности буду думать, что я не исполнил вашего или получил такой ответ, который неприятно ему сообщить.

Пользуюсь случаем, чтоб пожать вашу руку, и прошу передать моё искреннее почтение вашей супруге.

Душевно преданный вам

А. Плещеев

Адрес мой: Спасская улица д. № 1.

АВТОГРАФ ПИСЬМА А. ПЛЕЩЕЕВА К В. А. ГОЛЬЦЕВУ ПО ПОВОДУ СОТРУДНИЧЕСТВА САЛТЫКОВА В «РУССКОЙ МЫСЛИ» (ВТОРАЯ СТРАНИЦА)

Публичная Библиотека им. Ленина, Москва

2. Вейнбергу П. И. — № 51 (всего 1). Печатается впервые по автографу, сохранившемуся у сына адресата Б. П. Вейнберга. Текст подготовил Н. В. Яковлев.

3. Гольцеву В. А.—№ 53 (всего 1). Печатается вторично по автографу, хранящемуся в Рукописном отделе Центральной Публичной библиотеки СССР им. Ленина в Москве (Архив В. А. Гольцева, папка VII). В первопечатном тексте письма («Архив В. А. Гольцева». Книгоиздательство Писателей в Москве, 1914, стр. 218—219) были допущены купюры и была извращена дата. Текст подготовил С. А. Макашин.

3. Жемчужникову А. М. — №№ 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 16, 17, 26, 37 (всего 11). Печатаются вторично по автографам, хранящимся в архиве Алексея Жемчужникова в Ленинградском отделении Центрального Исторического Архива (ЛОЦИА). Первая публикация этих писем («Русская Мысль». 1913, № 9, стр. 115—124) отличалась крайней неряшливостью в прочтении текста, наличием ряда купюр и грубейшими ошибками в датировке документов. Текст писем выверен по оригиналам М. И. Гонтаевой.

4. Засодимскому П. В. — № 12 (всего 1). Полностью печатается впервые по автографу, сохранившемуся в частном собрании Бурцева (Ленинград). Частично письмо было напечатано в книге П. В. Засодимского «Из воспоминаний», М., 1908 г. Текст подготовил Н. В. Яковлев.

5. Златовратскому Н. Н. — № 39 (всего 1). Печатается впервые по автографу, хранящемуся в архиве Златовратского в Институте Русской Литературы Академии Наук в Ленинграде. Текст подготовил В. В. Гиппиус.

6. Кавелину К. Д. — №№ 45, 47. Полностью печатаются впервые по автографам, хранящимся в собрании В. Егерева (Казань). В первой публикации писем («Русская Мысль» 1895, кн. 11) были сделаны значительные купюры. Текст подготовил В. В. Егерев.

7. Кравцову К. Л. — № 42, 52 (всего 2). Печатаются впервые по автографам, хранящимся в архиве Института Русской Литературы в Ленинграде (альбом Кравцова в архиве С. А. Венгерова). Текст подготовил В. В. Гиппиус.

8. Курочкину Н. С. — № 11 (всего 1). Печатается впервые по автографу, принадлежащему С. А. Рейсеру (Ленинград), который подготовил текст письма.

9. Мамину-Сибиряку Д. Н. — № 43 (всего 1). Печатается впервые по автографу, хранящемуся в Рукописном отделении Центральной Публичной библиотеки СССР им. Ленина в Москве (Архив Д. Н. Мамина-Сибиряка. Папка 3, № 70). Не включены в публикацию хранящиеся там же пять записок и одна телеграмма Салтыкова к тому же адресату. Текст подготовил С. А. Макашин.

10. Новодворскому А. О. (псевдоним «Осипович») — № 22 (всего 1). Печатается впервые по автографу, хранящемуся в архиве Гос. Театрального Музея им. Бахрушина в Москве (Арх. № 6647). Не введена в публикацию еще одна записка к тому же адресату, хранящаяся в архиве Владимирова в Публ. Библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Текст подготовил С. А. Макашин.

11. Павлову И. В. — № 18 (всего 1). Печатается впервые по автографу, принадлежащему Ю. А. Бахрушину (Москва) и им же подготовленному для печати.

13. Салову И. А. — № 19 (всего 1). Печатается впервые по автографу, хранящемуся в Институте Русской Литературы в Ленинграде. Текст подготовил В. В. Гиппиус.

14. Тургеневу И. С. — № 13 (всего 1). Печатается впервые по автографу, хранящемуся в Институте Русской Литературы в Ленинграде. Текст подготовил М. К. Клеман.

15. Успенскому Г. И. — №№ 20, 21, 23, 24, 25, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 38, 49, 54 (всего 18). Из них №№ 28, 31, 34 и 35 были полностью, но неисправно опубликованы В. Е.Чешихиным-Ветринским в его статье «М. Е. Салтыков и Глеб Успенский», а №№ 33, 36 и 38 были использованы здесь же в частичной цитации (см. указанную статью в «Голосе Минувшего» 1914, № 5, стр. 213—219) Остальные письма публикуются впервые. Письма печатаются по автографам, хранящимся в архиве Успенского в Институте Русской Литературы в Ленинграде. Текст подготовил к печати В. В. Гиппиус.

16. Феоктистову Е. М. — № 50 (всего 1). Печатается впервые по автографу хранящемуся в Институте Русской Литературы в Ленинграде. Текст подготовил В. В. Гиппиус.

17. Чернышевскому Н. Г. — № 3 (всего 1). Печатается впервые по автографу, хранящемуся в Музее Н. Г. Чернышевского в Саратове. Текст подготовил Н. В. Яковлев.

18. Юрьеву С. А. — №№ 40, 41 (всего два). Печатаются впервые по автографам, хранящимся в Государственном Театральном Музее им. Бахрушина в Москве (Арх. № 6648—49). Текст подготовил С. А. Макашин.

19. Якушкину В. Е. — № 44 (всего 1). Печатается впервые по автографу, хранящемуся в Архиве Всесоюзного Общества Ссыльно-поселенцев и политкаторжан в Москве (Архив Якушкина). Текст подготовил С. А. Макашин.

20. Якушкину Е. И. — №№ 1, 2, 14, 15 (всего 4). Печатаются впервые по автографам, хранящимся в Архиве Всесоюзного общества Ссыльно-поселенцев и политкаторжан в Москве (Архив Якушкина). Текст подготовил С. А. Макашин.

Комментарии и примечания по всем письмам составлены С. А. Макашиным за исключением письма Н. Г. Чернышевскому, комментарий к которому написан Я. Е. Эльсбергом.

ПИСЬМА ПИСАТЕЛЕЙ К САЛТЫКОВУ

ПИСЬМА: П. АННЕНКОВА, Н. АРНОЛЬДИ, Н. БОБЫЛЕВА, И. БУХАЛОВА, И. ГОНЧАРОВА, А. ЖЕМЧУЖНИКОВА, Н. ЗЛАТОВРАТСКОГО, И. КРАМСКОГО, В. КРОТКОВА, Л. МЕЧНИКОВА, Л. МУРАХИНОЙ, А. НОВОДВОРСКОГО, В. ОБРУЧЕВА, Ф. ПАВЛЕНКОВА, А. ПЫПИНА, А. РЕЙНГОЛЬДА, Л. ТОЛСТОГО, П. ФИРСОВА, И. ЯСИНСКОГО

Предисловие, публикация и примечания Н. Яковлева

ЛИТЕРАТУРНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ ЩЕДРИНА

Литературные корреспонденты Щедрина, чьи письма мы ниже печатаем, естественно распадаются на ряд групп. Первую группу образуют крупные деятели литературы, ставящие и обсуждающие в своих письма к Щедрину различные важные общественно-политические и литературно-творческие вопросы. Таков прежде всего И. С. Тургенев, письма которого к Салтыкову напечатаны в «Первом собрании» его писем, вышедшем в издании Литературного фонда в 1884 г., т. е. вскоре после смерти первого и еще при жизни второго. Подобных Тургеневу корреспондентов было несомненно довольно много. Но к сожалению их письма в большинстве своем не дошли до нас. Ниже мы печатаем только по одному письму П. В. Анненкова, И. А. Гончарова, А. М. Жемчужникова, А. Н. Пыпина и Л. Н. Толстого.

Письма Анненкова и Пыпина (одно) касаются цикла Щедрина «За рубежом». Это — одно из важнейших произведений для понимания идеологии писателя. Письмо Анненкова характерно содержащейся в нем высокой оценкой этого произведения (собственно первой главы только) и дружеским упреком в излишней «художественной расточительности», проявленной Щедриным (ответ его Анненкову см. «Письма», № 161). Пыпин в своем кратком благодарственном отзыве, в ответ на присылку ему «За рубежом», лишний раз подтверждает свою высокую оценку творчества Щедрина.

Письма Гончарова и Жемчужникова в основном связаны с другим произведением Щедрина — «Господа Головлевы». Для истории создания этой вещи необходимо учитывать отношение к ней других художников и критиков, виднейших представителей тогдашней русской литературы. Это отношение выражалось и лично, и в письмах. Особенно близко стояли в тот момент к Щедрину Некрасов, Анненков, Тургенев, а также из не-литераторов, но чутких ценителей литературы А. Н. Ераков и А. М. Унковский. Несколько позднее к ним присоединяется и Михайловский. Но к сожалению письма сохранились, кроме тургеневских, только от Гончарова и Жемчужникова. Между тем известно, что «Господа Головлевы» вырастали полустихийно из предшествующего цикла «Благонамеренных речей»; первоначально, и даже в большей своей части, они шли в этой серии. Но созданные в основном в 1875—1876 гг. «Господа Головлевы» были закончены только к началу 80-х годов. На протяжении этого времени заинтересованные собратья Щедрина по перу, а также критики, а может быть даже простые читатели несомненно обращались к нему с запросами о судьбе произведения, с настояниями продолжать и развивать эту тему, наконец с собственными своими планами, проектами завершения замысла. Все это несомненно оказывало на Щедрина воздействие в основном поощрительное, но отчасти может быть и задерживающее.

Из указанных выше писателей особенно глубокое впечатление произвел образ Иудушки на Гончарова. Преодолевая свою замкнутость, он решил зайти к Салтыкову для личной беседы, но на всякий случай заготовил и письмо. Салтыков оказался больным, и Гончаров «не решился» войти к нему (но переданное письмо к сожалению не сохранилось). Тогда Гончаров написал другое письмо, повидимому более развернутое, в котором изложил свое понимание образа Иудушки, намечал пути его дальнейшего развития и завершения; приводил сходные примеры из действительной жизни. Эти высказывания Гончарова чрезвычайно интересны. Замечательно, что он смотрит на Иудушку более пессимистически, чем сам Щедрин. Он не видит в нем возможностей к возрождению, что как будто намечается самим Щедриным. Замечательно, что Гончаров сравнивает Иудушку не только с помещиком-крепостником, но и с Наполеоном III. «Пустоутробие» третьего Бонапарта вполне буржуазного свойства. Гончаров был меньшим социологом и политиком, чем Щедрин, но здесь он как будто лучше понимает безнадежное «пустоутробие» не только Иудушки, но и всего стоящего за ним старого феодально-крепостнического мира.

Подход к Иудушке Жемчужникова менее глубок и лишен социологического характера. Но психологически тонко Жемчужников замечает, что «Иудушка ожидает с одинаковой покорностью... и благополучного и несчастного исхода родов» Евпраксеюшки. В противовес Гончарову и ближе к Щедрину Жемчужников видит в Иудушке более трагизма. Внимательно подмечает Жемчужников одну из художественных черт (воздевание рук при молитве), с помощью которых Щедрин обрисовывает образ Иудушки. Отметим, что такие характерные черточки можно указать и для других героев Щедрина, например в родственной по теме «Пошехонской старине» (хлопанье себя по ляжкам у Василия Порфирыча; непричесанная голова во весь день у Анны Павловны).

Письмо Жемчужникова затрагивает также очень важный в то время общественно-политический «славянский» вопрос. Жемчужников проявляет достаточно сдержанное отношение к тому «хвастливому настроению», которое овладело в то время известной частью русского «общества», стремившегося использовать борьбу за свободу «братьев-славян» в целях отвлечь внимание от собственных русских внутренних затруднений. Это конечно целиком совпадало со взглядами Щедрина, умевшего хорошо различать и клеймить эти попытки замять больные внутренние вопросы путем внешних авантюр, равно как и царьградско-дарданелльские устремления раннего русского империализма.

По понятным причинам мы не можем здесь входить в подробное рассмотрение этого вопроса. Отметим лишь, что статья «Вестника Европы» (1876 г., кн. 8), на которую ссылается Жемчужников, носит не столько «сдерживающий» и «мужественный», сколько «размазистый» характер, обычный для этого органа русского умеренного либерализма. Правда, она переносит центр внимания от славянского к внутренним вопросам; касается в дальнейшем очень важных тем — о назначении человека и цели общественной деятельности; о западничестве и славянофильстве; о характере реформ 60-х годов; о крестьянской общине и т. д. и т. п., но разрешает все это самым скромным и скудным образом, глубоко буржуазным индивидуалистическим выводом — «идеей личной заслуги» перед государством, обществом и народом, под чем всякий волен разуметь в конце концов то, что ему заблагорассудится.

Наконец значительный интерес представляет письмо Л. Толстого — последнее в этой группе, детально прокомментированное в печатаемом ниже сообщении М. Чистяковой «Толстой и Салтыков-Щедрин».

Вторую группу составляют писатели — сотрудники «Отечественных Записок». И они конечно затрагивают много интересных общих и литературных вопросов, но в плане своих произведений, помещаемых в журнале. Их письма дают много ценного материала для биографии и истории творчества этих писателей. Таковы в настоящей публикации: Н. А. Арнольди, Н. К. Бобылев, И. А. Бухалов, А. М. Жемчужников, Н. Н. Златовратский, В. С. Кротков, Л. И. Мечников, Л. А. Мурахина (ур. Цепелин), А. О. Новодворский (Осипович), В. А. Обручев, П. А. Ровинский (через Пыпина), Н. Н. Фирсов (Рускин), И. И. Ясинский.

Как видит читатель, перед нами только самая малая часть тех писателей — поэтов, беллетристов, критиков, публицистов,— которые были связаны перепиской с Щедриным хотя бы по одному только журналу «Отечественные Записки». Трудно назвать того из мало-мальски прогрессивных в то время русских писателей, который не вовлекался бы так или иначе в орбиту этого журнала, первенствовавшего на протяжении почти двух десятилетий. Легче указать тех, кто не сотрудничал, чем перечислить всех работавших и следовательно находившихся не только в личных, но и в письменных сношениях с Щедриным, потому что Щедрин сам вел переписку и по идейно-политическим вопросам (правда, поскольку это не касалось других редакторов — Елисеева, Михайловского), особенно по вопросам литературно-творческим и материально-организационным.

Из указанных выше сотрудников наиболее интересные высказывания о своей литературно-творческой работе дают Златовратский и Ясинский, а также Жемчужников (в примечаниях к его письму мы прослеживаем литературно-политическую судьбу одного из небольших стихотворных циклов этого поэта).

Письма Златовратского сохранились в большем количестве, чем от других корреспондентов. К ним надо еще присоединить письмо самого Щедрина к Златовратскому, также публикуемое в настоящей книге. Все они в совокупности хорошо характеризуют писательскую манеру Златовратского и, в частности, обрисовывают условия, при которых писалось наиболее крупное и значительное из его произведений — «Устои».

«Вообще я плохой хозяин и мастер своего дела,— пишет Златовратский.— Немногие счастливые минуты «просияния» покупаются мною слишком дорогой ценой: предварительная работа утомляет, чередуется с тяжелыми болезненными припадками,— а исполнение всегда лихорадочно, спешно и недоношено...»

Единственное письмо Ясинского очень интересно не только для истории создания его рассказа «Старый сад», но и в более общем порядке — для характеристики его литературных взглядов в ту эпоху, эпоху 70—80-х годов.

Он боится, что газетчики обвинят его «в нелюбви к народу», потому что «теперь на словах страстно любят народ и Гайдебуров, и Суворин, и даже Краевский...» Между тем он «старался изобразить, что видел».

Письма Обручева, Фирсова (Рускина), Кроткова, дают ряд ценных сведений о жизни и произведениях этих малоизвестных полу-беллетристов, полу-очеркистов.

И Обручев, подобно Ясинскому, пишет, что в его рассказе «вымышленного ничего... внешние обстоятельства списаны с товарища». В других его произведениях основа или русская действительность, известная самому Салтыкову, или наблюдения над французской жизнью, почерпнутые в специально предпринятой для этого экскурсии. Фирсов также пишет свой монастырский очерк с натуры, потому что больше полжизни провел в местах, изобилующих монастырями и монахами, да и в момент создания вещи описываемые в ней события «вполне современны». При большой дозе фотографичности все такого рода произведения, умело обработанные редакторской рукой Щедрина, создавали одну общую картину, вели все к одной и той же цели художественного изображения и в то же время обличения «проклятой расейской действительности» эпохи мучительно затяжного перехода от феодально-крепостнического к буржуазно-капиталистическому порядку. Из сотрудников-публицистов мы встречаемся здесь с двумя этнографами: умеренно-либеральным, академическим П. Ровинским (протеже Пыпина) и радикальным, гарибальдийцем и анархистом, более географом, чем этнографом Л. Мечниковым, он же Леон Бранди и Эмиль Венегри (эта характерная фигура той эпохи не только для русской, но и для западной передовой интеллигенции еще ждет своего биографа).

Как мы уже знаем из ответных писем Щедрина к Пыпину, гелертерские разыскания Ровинского о том, что город Дульциньо называется «Ульцин», способны были, по мнению Щедрина, вызвать в широком читателе только «полное равнодушие к Черногории». Щедрин противопоставляет Ровинскому такого великого мастера художественного очерка, как Глеб Успенский, который сумел бы описать «действительную жизнь Черногории». В письме Мечникова интересен замысел художественного изложения од-

ного из эпизодов времен польского восстания: «организации польской вооруженной экспедиции на Черном море, составляющей интересный pendant к известной экспедиции Лапинского на Балтийском море». Мечников намеревается «придать этим главам своих воспоминаний вид повести».

В несколько особом, психологически-бытовом, отношении очень важно обращение к Щедрину переводчицы Л. Мурахиной-Цепелин. Внешняя суровость сатирика, ярко-общественный характер его литературной работы как будто не могли располагать к тому, чтобы совершенно чужие, никогда не видавшие его люди обращались к нему со своими чисто личными, интимными переживаниями. И тем не менее замученная жизнью женщина с большим доверием и чувством рассказала Щедрину свою семейную драму.

Само собой разумеется, что все эти письма прямым или косвенным образом характеризуют и самого Щедрина как редактора. Видно большое уважение и доверие к нему сотрудников, при чем здесь неразъединимо сплетаются и общественно-политическая и литературно-творческая линии. Уважают, чтут идейного и художественного судью. Доверчиво говорят о трудностях, муках творчества, о причинах этих трудностей, и внешних и внутренних, не щадя своего самолюбия. И повидимому не обижаются на подчас суровые «высказы» (собственное выражение Щедрина в письме к Златовратскому). Нечего и говорить здесь уже о материальной нужде писателей, особенно эмигрантов и ссыльных (Обручев, Фирсов), или впавших в трудное положение в силу ряда семейных несчастий (Златовратский), перемены местожительства (Кротков) и т. д. (Из других эмигрантов Арнольди имела средства, а Мечников материальных вопросов не касается.) Все эти нуждающиеся смотрят с надеждой на Щедрина как хорошего хозяина журнала, твердо продолжавшего установленную еще до него Некрасовым линию поддержки пролетарских элементов (конечно по материальному положению!) среди сотрудников журнала.

Наконец к четвертой и последней группе литературных корреспондентов Щедрина относятся письма переводчиков, издателей и распространителей его произведений, из которых мы публикуем здесь лишь два: письмо переводчика А. А. Рейнгольда и издателя Ф. Ф. Павленкова.

Нам остается указать в заключение, что большинство публикуемых ниже писем к Салтыкову принадлежит к его архиву, находившемуся у его дочери, а ныне хранящемуся в Институте Русской Литературы Академии Наук СССР.

Исключения составляют письма: 1) П. В. Анненкова из архива Ф. М. Достоевского, хранящееся в Публичной Библиотеке СССР им. Ленина в Москве, 2) А. Н. Пыпина из его архива в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, 3) И. Н. Крамского, воспроизводящееся из сборника «И. Н. Крамской, его жизнь и художественно-критические статьи», СПБ., 1888 г., 4) Л. Н. Толстого, воспроизводящееся по копии из архива Черткова в Государственном Толстовском музее, 5) Н. Н. Златовратского (одно черновое), хранящееся в архиве писателя в ИРЛИ, и 6) Ф. Ф. Павленкова, хранящееся в бумагах И. А. Шляпкина в ИРЛИ.

Укажем еще, что ранее нами были опубликованы, в приложениях и примечаниях к книгам писем Салтыкова-Щедрина, письма к нему следующих лиц:

а) в книге «М. Е. Салтыков-Щедрин. Письма. ГИЗ. 1925»: 1) П. Д. Боборыкина (1); 2) М. А. Боталова (2); 3) А. А. Буткевич-Некрасовой(1); 4) Е. С. Гаршиной (1); 5) Н. П. Карбасникова (1); 6) В. М. Соболевского (1); 7) Б. И. Утина (1);

б) в книге: «М. Е. Салтыков-Щедрин. Неизданные письма», изд. «Academia», 1932 г.»: 1) Элизы Ожешко (1); С. С. Юрьева (1).

Отметим еще публикацию (В. Е. Евгеньевым-Максимовым) писем следующих лиц к Салтыкову (кроме указанных выше, тургеневских): 1) Н. А. Некрасова (1) — в собрании сочинений его, т. V, «Письма», ГИЗ, 1930; 2) А. Н. Островского (1) — в журнале «Бирюч» 1919 г., № 13—14.

Н. Яковлев

1

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВ[1]

28 сентября 1876 г.
Hôtel Bellevue. Neuchatel. Suisse

Много благодарю Вас, душевно-уважаемый и любезный Михаил Евграфович, за Ваше письмо. Сожалею, что стихотворение мое не может быть напечатано в От. Записках, что мне не удастся высказать публично о славянском вопросе мнение, несогласное с общественным настроением[2]. В этом несогласии, с моей точки зрения, и заключается заслуга стихотворения. Но я понимаю очень хорошо, прочитав Ваше письмо, что журнал без риску напечатать его не может. А так как судьба От. Записок, конечно, интересует меня гораздо более, чем судьба моего стихотворения,— в чем, надеюсь, Вы нисколько не сомневаетесь,— то я подчиняюсь Вашему решению без малейшего ропота или неудовольствия. Вы пишете, что по Вашему мнению мой взгляд на дело совершенно правилен. Я вполне был уверен, что мое стихотворение, по своему направлению, не будет антипатично ни лично Вам, ни вообще От. Запискам. Итак, покоряюсь безропотно необходимости, но не могу не сожалеть, что, благодаря духу времени и цензурным отношениям, мысль правильная и небесполезная не может быть высказана печатно.

Мне грустно было узнать из Вашего письма, что Вы все еще больны. Следовало бы отделаться непременно от одышки и от сердцебиения. Не знаю: чем Вы лечитесь? Во всяком случае необходимо строго соблюдать так называемый режим. Мне кажется, что Вам необходимо отказаться, по крайней мере на время, от крепкого чая, кофе и водки. Нужно было бы также душевное спокойствие, но это такая вещь, которая, к сожалению, невозможна, немыслима для человека, занимающегося в наше время журнальным делом, и, как мне кажется, несовместна с Вашей натурой и с характером Вашей литературной деятельности. Очень сожалею о том, что Вы чувствуете ненависть к деятельности (чего, впрочем, из последних Ваших произведений не замечаю), но посоветовал бы Вам не напрягать слишком Ваших сил, пока будете себя чувствовать «не по себе».— Очень я доволен Вашим «Выморочным». Скажу Вам, что я в восторге от Вашего Иудушки. Он, по моему мнению, одно из самых лучших Ваших созданий. Это лицо—совершенно живое. Оно задумано очень тонко, а выражено крупно и рельефно. Вышла личность необыкновенно типичная. Она очень меня интересует. В ней есть замечательно художественное соединение почти смехотворного комизма с глубоким трагизмом. И эти два, повидимому противоположные, элементы в нем нераздельны. Хотелось бы продолжать смеяться, да нет, нельзя; даже смеяться жутко; он — страшен. Относиться к нему с нравственным негодованием и злобою также нельзя, потому что он бесспорно комичен, особливо, когда творит самое, по его мнению, важное в нравственном отношении дело: когда рассуждает о боге или молится ему с воздеванием рук. Я пожалел, что Вы в своем месте не описали подробнее сцены родов Евпраксеюшки. Мне в это время представляется Иудушка, ожидающим с одинаковой покорностью волю провидения — и благополучного и несчастного исхода родов. Он только тревожится тем обстоятельством, что результат остается долго неизвестным и принимается несколько раз за воздевание рук. Я говорю это не в виде «критики», а потому, что мне Иудушка очень интересен, и я хотел бы его видеть побольше живым. Ведь теперь уже подходит к нему смерть. Его конец меня также очень интересует. Не знаю, как Вы сами смотрите на Иудушку и какие Вы слышали отзывы по поводу этого сделанного Вами типа. По мне: это одно из самых лучших Ваших созданий.

Очень жаль мне было узнать из Вашего письма о серьезном недуге Некрасова. Я прежде ничего об этом не слыхал. Сердечно желаю, чтобы Боткин ему помог. — Не имеете ли сведений о Плещееве? От него лично нет никаких известий. — «Биографа-ориенталиста» [3] помню и был прежде с ним знаком. Симпатии к нему никогда не чувствовал и давно потерял из виду. Да, трудно сохранить душевное спокойствие при возможности случаев, который Вы описали. Будьте здоровы, Михаил Евграфович, еще раз благодарю за письмо. Может быть когда-нибудь еще напишете.

Весь Ваш Алексей Жемчужников.

Прошу Вас повременить печатанием моих двух первых стихотворений. Во-1-х) вообще нет причины торопиться их печатать, а во-2-х) может быть ветер подует так, что в Октябрьской книжке можно будет напечатать вместе все три стихотворения, отметив под последним, что оно написано в конце Августа. Мне кажется, что перемена в настроении общества и цензуры возможна и тогда теперешние затруднения могут сгладиться значительно. Я не имел целое лето и не имею еще теперь Вестника Европы; но читал в заграничных газетах, что он напечатал статью, сдерживающую хвастливое настроение общества и советующую обратить внимание на свои собственные вопиющие недостатки. Подобную же заметку об этой статье В. Евр. прочел я и в «Голосе». Так как я сам этой статьи не читал, то и не могу судить, насколько она основательна и насколько обнаруживается в ней то мужество, о котором упоминает один русский корреспондент газеты Indépendance Belge, — если не ошибаюсь. Впрочем, повторяю, поступайте с моим стихотворением, как знаете, — печатайте его, если можно, если нельзя — не печатайте. Я же спорить и прекословить не буду.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Жемчужников, Алексей Михайлович (1821—1908) — поэт, известный главным образом своими гражданскими стихотворениями, в которых он выступает отчасти попутчиком революционно-разночинской лирики 60-х годов. Цикл писем к нему Салтыкова печатается в настоящей книге, в том числе — письмо от 8 сентября 1876 г., ответом на которое является настоящее письмо Жемчужников.

[2] Жемчужников имеет в виду свое стихотворение «К самому себе», направленное против официозного «славянства» консервативных слоев современной дворянско-помещичьей общественности. Стихотворение это было переслано им Салтыкову вместе с двумя другими: «За днями ненастными с темными тучами» и «Чувств и дум несметный рой».

[3] «Биограф-ориенталист» — Григорьев, Василий Васильевич (1816—1881) — в то время начальник Главного управления по делам печати. В упомянутом письме к Жемчужникову Салтыков жалуется на чрезвычайно грубый прием, оказанный ему Григорьевым, когда он зашел к последнему для переговоров по делам «Отечественных Записок».

[4] Вероятно имеется в виду «Внутреннее Обозрение», напечатанное в апрельской книжке «Вестника Европы» за 1876 г.

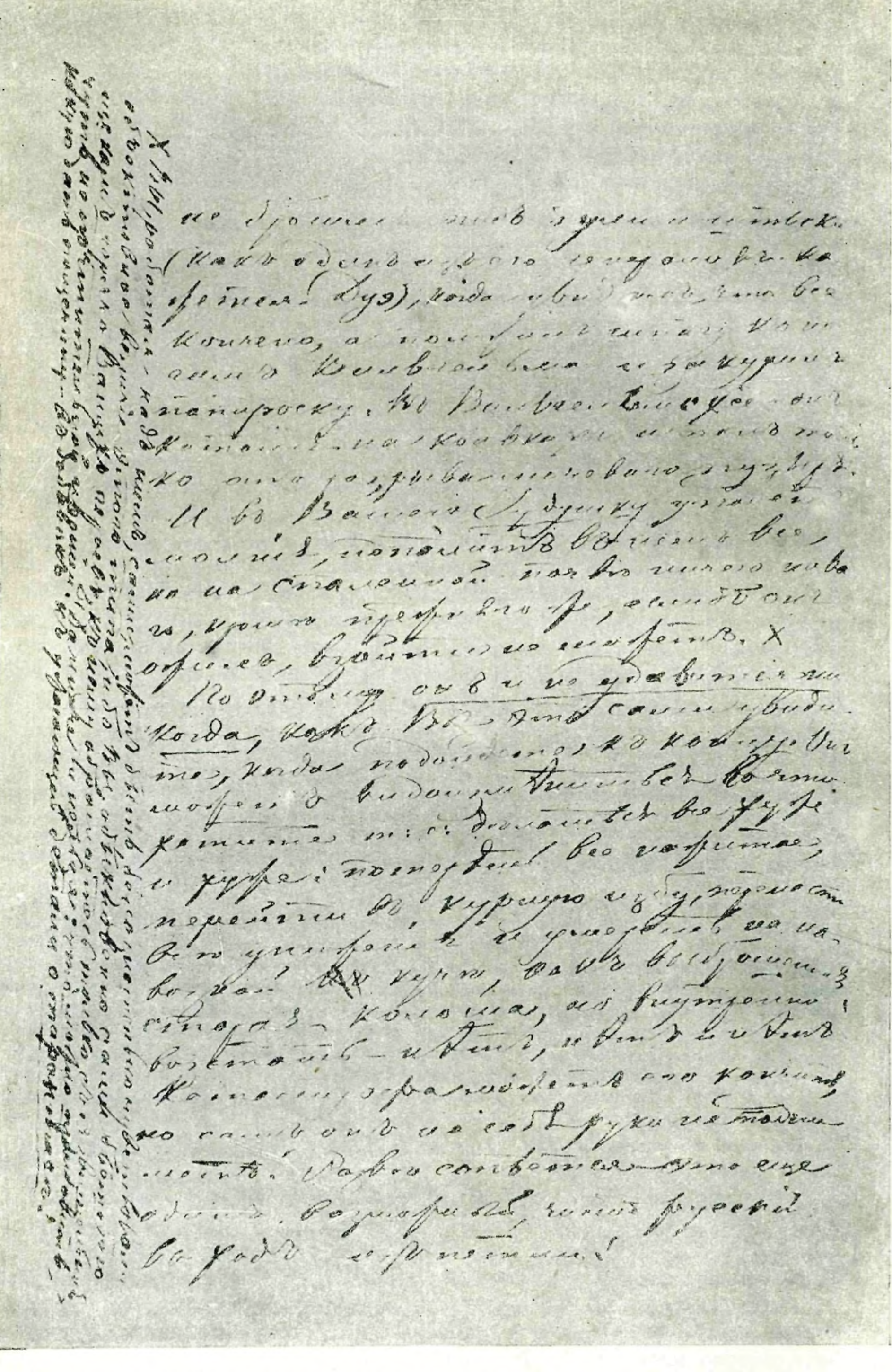
2

И. А. ГОНЧАРОВ

30 Дек. [18] 76. [Петербург].

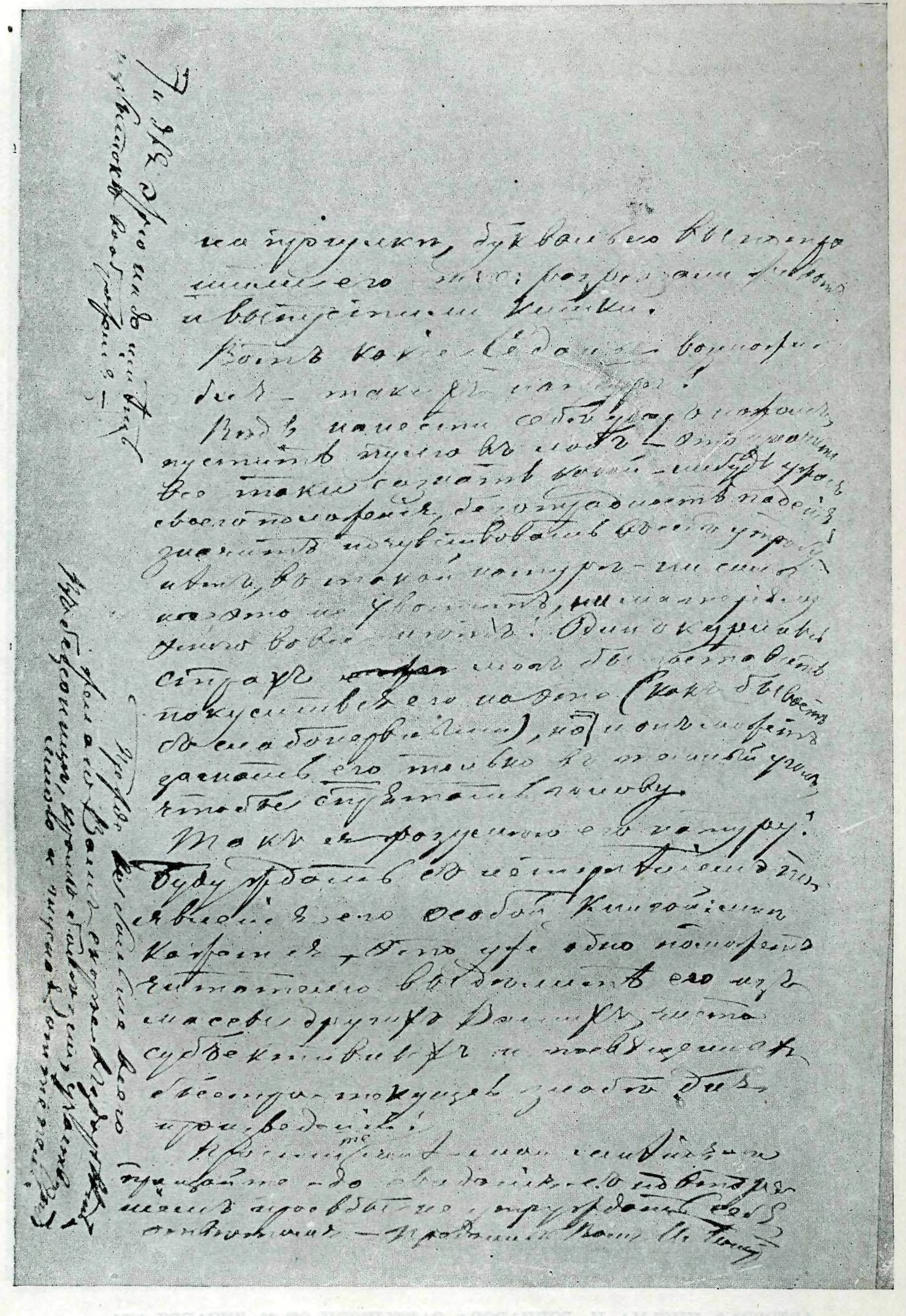
Сами Вы, пожалуйста, не утруждайте себя ответом ко мне, многоуважаемый Михаил Евграфович, а мне позвольте досказать Вам еще два-три слова по поводу созданного Вами типа Иудушки: у меня это очень на сердце лежит — и при том мне теперь почти никогда не приходится говорить об этих вещах и по старости и потому, что не с кем. Я очень рад, что мое первое письмо не рассердило Вас, чего я крайне боялся. Я, гуляя, занес его сам, чтобы оставить, если не застану Вас дома, но, узнавши, что Вы больны, не решился войти. Мне кажется, что, неся на себе двойное бремя, т. е.

АВТОГРАФ ПИСЬМА И. ГОНЧАРОВА САЛТЫКОВУ ОТ 30 ДЕКАБРЯ 1876 г.
(ПЕРВАЯ СТРАНИЦА)
Институт Русской Литературы, Ленинград

АВТОГРАФ ПИСЬМА И. ГОНЧАРОВА САЛТЫКОВУ ОТ 30 ДЕКАБРЯ 1876 г.
(ВТОРАЯ СТРАНИЦА)
Институт Русской Литературы, Ленинград

АВТОГРАФ ПИСЬМА И. ГОНЧАРОВА САЛТЫКОВУ ОТ 30 ДЕКАБРЯ 1876 г.
(ТРЕТЬЯ СТРАНИЦА)
Институт Русской Литературы, Ленинград

АВТОГРАФ ПИСЬМА И. ГОНЧАРОВА САЛТЫКОВУ ОТ 30 ДЕКАБРЯ 1876 г.
(ЧЕТВЕРТАЯ СТРАНИЦА)
Институт Русской Литературы, Ленинград

и «Отеч. Зап.» и свою собств. часть, Вы долго не оправитесь вполне так, как я видел Вас в первый раз по возвращении из-за границы.

Обращаюсь к Иудушке. Вы правы, говоря, что у него должен быть свой Седан, именно Седан — в смысле только конца. Настоящий герой Седана, тоже безутробный, не бросился под пули и штыки (как один из его генералов, кажется, Дуэ), когда увидел, что все кончено, а положил шпагу к ногам Вильгельма и закурил папироску. В Вильгельмсхее он катался на коньках и пал только от разрыва мочевого пузыря.

И в Вашего Иудушку упадет молния, попалит в нем все, но на спаленной почве ничего нового, кроме прежнего же, если бы он ожил, взойти не может.

[Приписка сбоку:] Вы, работая над ним сами, может быть бессознательно чувствовали объективное величие этого типа, ибо Вы обыкновенно сами бьете по щекам горячо Ваших героев, к нему обращаетесь только с язвительной, чуть не почтительной иронией. Да иначе и нельзя: что можно прибавить, какую дать пощечину—в добавок к ужасающей детали о тарантасе.

Поэтому он и не удавится никогда, как Вы это сами увидите, когда подойдете к концу. Он может видоизмениться во что хотите, т. е. делаться все хуже и хуже: потерять все нажитое, перейти в курную избу, перенести все унижения и умереть на навозной куче, как выброшенная старая калоша, но внутренно восстать — нет, нет и нет! Катастрофа может его кончить, но сам он на себя руки не поднимет! Разве сопьется — это еще один возможный, чисто русский выход из петли!

Я следил за одной такой, близко знакомой мне натурой, замкнувшейся в своем углу. Такой же любостяжатель, как Ваш Иудушка, и прелюбодей, не случайный, как Ваш герой, а всецельный и неудержимый. Доведший до отчаяния и оттолкнувший жену, смотревший на своих детей, как на поросят, он только и делал, что отрезывал земельные клочки у мужиков, да прохаживался по их женам и дочерям, переводя мужей и отцов, чтоб не мешали, в другие свои дальние деревни. Все от него отступились, чужие и свои, но он крепко и несмущаемо жил в своем захолустье, и сам мне говорил (я провел два дня случайно в его углу), что на него очень злобны мужики и дворня — и пожалуй непрочь «сбить» его, «да я им покажу!» заключил он.

И показал бы действительно, если бы те не поторопились. Месяца через два после моего визита, два оскорбленные им мужа и третий, обиженный отрезком земли, подкарауля его вечером на прогулке, буквально выпотрошили его, т. е. разрезали живот и выпустили кишки.

Вот какие Седаны возможны для такой натуры!

Ведь нанести себе удар ножом, пустить пулю в лоб — это значит все-таки сознать какой-нибудь ужас своего положения, безотрадность падения, значит почувствовать в себе утробу — нет, в такой натуре — ни силы на это не хватит, ни материалу этого вовсе нет. Один куриный страх мог бы заставить покуситься его на это (как бывает со слабонервным), но [приписка сбоку страницы:] и для этого надо иметь избыток воображения — и он может загнать его в темный угол, чтобы спрятать голову.

Так я разумею его натуру! Буду ждать с нетерпением появления его особой книгой: мне кажется, это уже одно поможет читателю выделить его из массы других Ваших чисто субъективных и посвященных быстротекущей злобе дня произведений.

Простите мне мои мнения — и прощайте — до свидания с повторением просьбы не утруждать себя ответом.— Преданный Вам И. Гончаров.

[Приписка сбоку:] Прежде и больше всего желаю Вам скорее выздороветь. В бессонице, кроме болезни, участвует много и гнусная оттепель.

3

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКИЙ[1]

[Декабрь 1877 — январь 1878]

Мног[оуважаемый] Мих[аил] Евгр[афович!]

Я все ожидал обещанного Вами письма по поводу окончания моих «Сердец», к[ото]рое должно было, как я думал, несколько уяснить мне — в виду каких соображений были сделаны Вами столь значительные выпуски: были ли они сделаны исключительно в виду цензурных соображений, или же в виду их слабого значения в литературном смысле. — Разрешение этих вопросов не потеряло для меня значения и теперь, и я принужден опять надоедать Вам со своими «Сердцами». — Дело вот в чем. Когда после напечатания первой половины повести стало для меня ясно, что она оказалась «неудавшейся», я бросил первый задуманный мною план ее и решил елико возможно сократить ее и поскорее кончить. — Вы, с своей стороны, еще более помогли мне в этом. Таким образом у меня собралось теперь значительное количество отдельных эпизодов этой повести, характеристик и сцен, — отчасти не помещенных мною самим, отчасти выпущенных Вами. — Предполагая, что выпущенные Вами места оказались неудобными единств[енно] в цензурном отношении и именно при том освещении и в той комбинации, в каких они были представлены мною раньше, — я думаю, что все эти эпизоды и характеристики, будучи иначе комбинированы, не имея с внешней стороны ни резко выраженной связи с оконченной уже повестью, — могли бы, кажется, иметь свое самостоятельное значение и в прилагаемой новой комбинации пройти благополучно. (Конечно, само собою разумеется, если Вы признаете за прилагаемым рассказом хоть какое-нибудь литературное значение). — Прилагаемый рассказ «Странные люди» (предполагавшаяся прежде 8 глава) и представляет эту новую комбинацию, имеющую, по моему мнению, самостоятельный интерес и, с внешней стороны, за исключением фамилий действующих лиц, не напоминающий ничем о связи с законченными уже «Золотыми Сердцами».

Если окажется необходимым, — то можно, во-1-х, вовсе не упоминать, что это эпизоды из «Золот. Сер.», во-2-х, не подписывать мою фамилию, в-3-х, заменить даже и фамилии Морозова и Башкирова.— Позвольте же мне покорнейше просить Вас прочитать этот рассказ и напечатать его, если будет какая-либо возможность. Я извиняюсь перед Вами за эту надоедливую настойчивость, с которою вопреки Вашим указаниям — обратиться лучше к народному быту — я преследую почти невозможные цели. Я бы, может быть, и отказался от последнего, — если бы не желание, в той или иной форме, досказать то, что хотелось: во-первых, утилизировать выброшенные места так или иначе, во-вторых, и, наконец — самое главное — придать хоть маломальски цельный смысл отдельному изданию «Зол. Сер.» (к несчастью начатому в виде отдельных оттисков еще тогда, когда я и не предполагал о могущей постигнуть их неудаче), вставив этот эпизод в надлежащее ему в целой повести место.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Златовратский, Николай Николаевич (1845—1911) — один из крупнейших представителей русского литературного народничества. В начале своей литературной работы встречал со стороны Салтыкова более или менее положительное хотя и осторожное отношение, в дальнейшем однако, в связи с отходом Златовратского от «Отечественных Записок» накануне их закрытия, круто изменившееся. Ср. его отзывы о Златовратском в письмах к Михайловскому («Письма», стр. 253), к Глебу Успенскому («Голос Минувшего» 1914, кн. V), а также ниже № 13, 14, 16 и т. д.

Из ответных писем Салтыкова сохранилось лишь одно. Оно публикуется в настоящей книге (см. выше).

Настоящее письмо — черновое, повидимому даже не дописанное до конца. Зачеркнутые места здесь не воспроизводим. Дата определяется его содержанием: «Золотые сердца» Златовратского печатались в 4-й, 5-й, 8-й и 12-й книжках «Отечественных Записок» за 1877 г. Из текста письма видно, что оно писано после напечатания последней части «Сердец» и очевидно непосредственно по получении 12-й книжки, вышедшей между 5 и 10 декабря.

4

В. С. КРОТКОВ[1]

9 июня 1878 г. Гжатск

Милостивый Государь Михаил Евграфович!

Чтобы расстаться с Гжатском и переехать на жительство в Петербург, мне необходимо иметь не менее тысячи рублей, что составит гонорар (по цене, которая обыкновенно назначается мне Ред.) за пятнадцать печатных листов. Деньги эти я заработаю до 1 сентября сего года и буду высылать статьи последовательно по мере переписки их в оконченном виде. 16-го тек. июня отправлю «Раненую Бальницу», за которой пойдут «Оссия», «Мобилизованные дамы», «Неофициальное положение», «Винокуренное дело», «Земское семейство», «Барыня-блажиха» и «Прокурорчик». Разумеется этим далеко не исчерпывается запас материалов, которыми я располагаю. Задержки в доставке моих работ в Редакцию, ручаюсь, не будет, лишь бы я положительно знал, что Вы дадите мне средства уехать отсюда и устроиться в Петербурге. Еще раз покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, не отказать мне в этом. Надеюсь, что и со стороны Г. Краевского не будет никаких препятствий к исполнению моей просьбы. Ответа Вашего ожидаю, как приговора.

С истинным почтением и глубокою преданностью имею честь быть Милостивый Государь Вашим покорнейшим слугою.

В. Кротков

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Кротков, Валерий Степанович (р. 1846) — беллетрист, автор печатавшихся в «Отечественных Записках» очерковых циклов «Записки провинциального адвоката» и «Из записок провинциального адвоката». Удался ли его переезд в Петербург, о котором идет речь в письме,— неизвестно. В 1884 г. Салтыков ходатайствовал перед Литфондом о выдаче ему единовременного пособия. См. «Письма», стр. 251.

5

П. В. АННЕНКОВ[1]

1-ое октября н. с. [18]80

Baden-Baden Ludwig-Wilhelms Platz, 8

Добрейший Михаил Евграфович!

Парижское Ваше письмо я получил, когда еще находился под свежим впечатлением прочитанного «За рубежом». Это прелесть. Мне кажется, что одни комментарии к Вашим рассказам могли бы составить порядочную репутацию человеку, который бы за них умело взялся. В виду того, что Вы один из самых расточительных писателей на Руси, комментарии почти необходимы. — Сколько собрано намеков, черт, метких замечаний в одном последнем рассказе, так это до жуткости [?] доходит — всего не разберешь, всего не запомнишь. Только что остановишься на одном ударе лопаты в рудоносную жилу — смотришь лопата брошена и вспахивается почва сов-

сем в другом месте. Идеи, глубокие загляды [?] в нутро жизни, всякие слова, поражающие определения так и мелькают перед глазами. Это становится даже недостатком, который в последних произведениях Ваших особенно виден. Слишком много даете зараз ценного добра читателю, слишком торопитесь на растрату своего имущества. Читатель обременен золотом, которое Вы всыпаете ему в карман, и ходит, как шальной от восторга, но сколько он получил — хорошенько не знает. Опомниться, сосредоточиться ему нет времени; он только и знает, что вынимает один червонец — характеристику или анекдот — за другим и радуется им, показывая встречному и поперечному, но [своего] итога своему выигрышу не подводит. Поменьше бы ему давать, да приговаривать, как Гоголь, который на требования друзей о выпуске 2-й части Мертвых Душ отвечал: пускай раскусят хорошенько первую. Литература, как сено: прессованное и в кольцо свернутое долее держится.

Простите, ради бога, длинную рацею — это оттого, что больно уж расшевелил меня превосходнейший Ваш рассказ, а то я и сам знаю, что нельзя упрекать автора за обилие его мысли, средств и ресурсов. Это ведь французская жалоба жениха — la mariée est trop belle.

У нас все по-старому и холодаем, [в] как предписано небом и хозяевами домов. Впрочем все живы.

П. Анненков

Забыл № вашего дома на Литейной — напомните, пожалуйста.

ПРИМЕЧАНИЕ

1 Анненков, Павел Васильевич (1812—1887) — критик, мемуарист, примыкавший к так называемой эстетической школе (Дружинин, Боткин и т. д.). Несмотря на всю противоположность общественных и литературных позиций, до конца жизни поддерживал дружескую связь с Салтыковым и состоял в постоянной переписке с ним. Настоящее письмо представляет собою ответ на письмо Салтыкова от 2 октября 1880 г. (см. «Письма», стр. 188; на публикуемое здесь письмо Салтыкова отвечал 18 октября; см. там же, стр. 193).

6

Н. А. АРНОЛЬДИ[1]

Многоуважаемый Михаил Евграфович.

Из письма Вашего пришлось убедиться, что появление «Василисы» в русской печати в настоящую минуту немыслимо. Требуемые сокращения и изменения равняются перестройке всего здания, с изъятием краеугольного камня. — Ради чего?

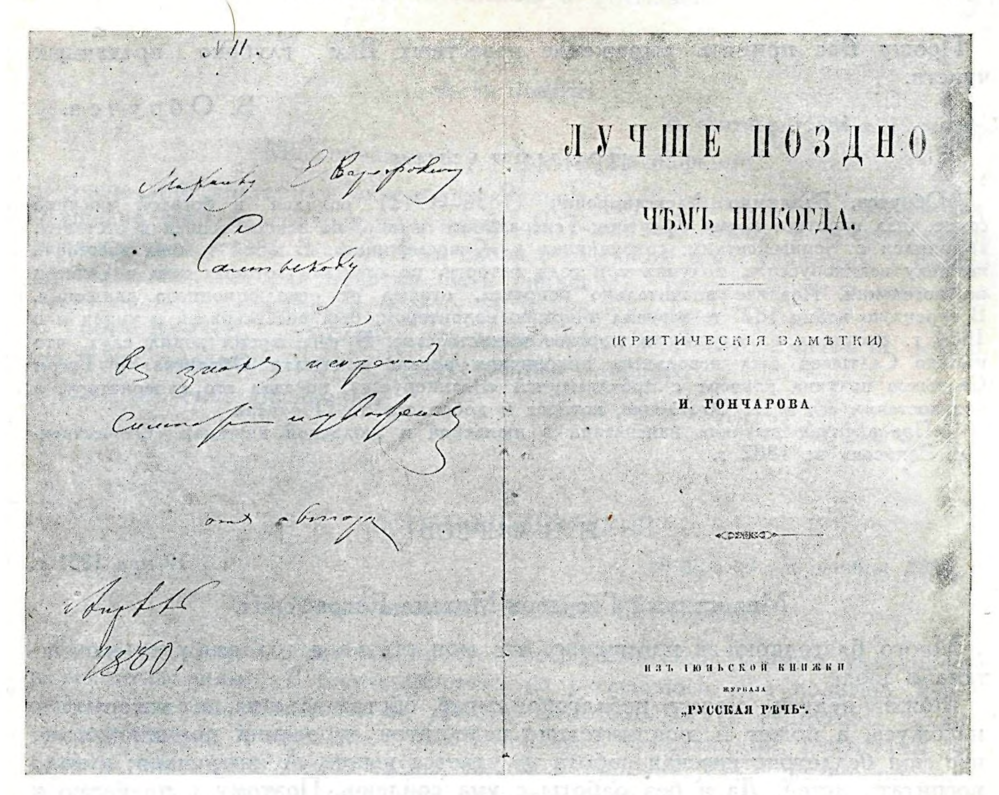
Надо поставить крест на мечту видеть «Василису» в русском издании и писать новый роман менее резкий по форме, — хотя бы и не менее определенный в своих существенных заключениях.

Задача не легкая: но выполнить можно, — тем более, что мы, начинающие писатели, имеем в авторе «Монрепо» и «За рубежом» великого учителя в искусстве проводить положительные идеалы в отрицательной форме.

У меня есть тема, и есть сильное желание работать. Если повезет, роман будет окончен в октябре. В течение лета могу выслать Вам первые главы: Вы тогда увидите, пригоден ли роман для Вас или нет.

А теперь позвольте поблагодарить Вас за сочувствие, с которым Вы отнеслись к моему труду, — сочувствие, которое очень для меня дорого и ободряет итти дальше по избранному пути.

Н. Арнольди

№ 11.

Михаилу Евграфовичу Салтыкову

в знак искренней симпатии и уважения

от автора

1 Апр.

1880.

ЛУЧШЕ ПОЗДНО

ЧѢМЪ НИКОГДА.

(КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ)

И. ГОНЧАРОВА.

ИЗЪ ІЮНЬСКОЙ КНИЖКИ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ РѢЧЬ“.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ЭКЗЕМПЛЯРА «ЛУЧШЕ ПОЗДНО — ЧЕМ НИКОГДА» И. ГОНЧАРОВА С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ М. Е. САЛТЫКОВУ (АПРЕЛЬ 1880 г.)

Собрание И. Н. Розанова, Москва

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Арнольди, Нина Александровна жила за границей, была близка к русской революционной эмиграции, по сведениям III Отделения субсидировала «Набат» Ткачева. Эмигрантскому быту и посвящен ее роман «Василиса», изданный в 1879 г. за границей под инициалами «Н. А.» и в России впервые напечатанный только после Октября в 1917 г. Упоминаемое ею письмо Салтыкова с отзывом о романе неизвестно.

7

В. А. ОБРУЧЕВ[1]

7 мая 1881 г.

Новгород, Дворцевая ул., д. Шелкунова

Милостивый Государь Михаил Евграфович.

Сегодня отправил ценной посылкой, в адрес Редакции, от своего имени, но надпись «Ив. Бредихин» рукопись под заглавием «Приказчичья Выучка»[2]. Около 7 листов.

Вымышленного ничего. Рассказ в первом лице, но внешние обстоятельства списаны с товарища. Наружность и семейные отношения бывшего хозяина изменены.

Ежели годится, или ежели возможна для меня другая работа, или ежели условно одобрите письма из Франции, будьте добры, почтите строчкой. Тотчас приеду в Питер.

Мирной палестины мне здесь никакой указать не могли. Живу у мелкого чиновника, с которым не вижусь. Вообще не вижусь и не буду видеться ни с кем.

Прошу Вас принять выражение известных Вам глубоко преданных чувств.

В. Обручев.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Обручев, Владимир Александрович (1836—1912) родился в богатой военной семье, был короткое время офицером Генерального штаба, но вскоре вышел в отставку, сблизился с Чернышевским, сотрудничал в «Современнике». В 1861 г. был арестован по делу великоруссцев, получил три года каторги, по отбытии которых жил в Сибири на поселении. Позднее значительно поправел, отошел от революционного движения. В турецкую войну 1877 г. вступил в армию волонтером, был восстановлен в чинах и в 1884 г. поступил на службу в морское министерство. В свое время ходил слух, что именно Салтыков был невольным виновником ареста и ссылки Обручева: в Твери Салтыков получил конверт с прокламацией «Великорусса», показал его губернатору, а тот доставил его в III Отделение, которое и добралось до Обручева.

[2] «Приказчичья выучка» напечатана в июньской и июльской книжках «Отечественных Записок» за 1882 г.

8

Н. Н. ФИРСОВ[1]

10 мая 1881 г.

Милостивый Государь Михаил Евграфович.

Много благодарю за извещение, что моя статья о голоде будет напечатана в июле.

Может недуги, может неблагоприятные обстоятельства, в которых я нахожусь, а может и действительно недостаток дарования причиной того, что моя беллетристическая работа не удается нынче. А жить надо; и надо воспитать детей. Да и без работы с ума сойдешь. Поэтому я прибегаю к Вам с великой просьбой, если представляется какая-либо возможность, доставить мне более или менее определенную работу. Напр. перевод с итальянского или с английского. Я хорошо знаю оба языка. Или какую-либо композицию, что ли. Для меня было бы очень хорошо, если бы я мог поместить какой-нибудь перевод и доставить два-три очерка в год по общественной и политической итальянской жизни, а также литературе. Нечто вроде корреспонденции. Охотнее же всего я бы взялся за сообщение отзывов о новых книгах и журнальных статьях, выходящих во Франции, Англии и Италии, книги и журналы у меня под руками. К тому же я к зиме для воспитания сына должен переехать в Брюссель.

Выражаясь коммерческим языком, мне бы хотелось иметь более или менее обеспеченную работу на 75 (или около) рублей в месяц, и если Вы можете ее доставить, буду глубоко признателен.

Не легко писать на пятом десятке такие письма, и я не сомневаюсь, Вы, если и не можете ничего сделать, не оставите письма без ответа.

Глубокоуважающий и преданный Вам

Ник. Фирсов

Мой адрес: (в Неаполь) в заголовке письма.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Фирсов, Николай Николаевич — в молодости артиллерийский офицер, позднее редактор журнала «Рассвет» и председатель новгородской Губернской земской управы. В 1872 г. уехал за границу, жил главным образом в Италии, занимался литературной работой. Состоял заграничным корреспондентом ряда петербургских газет, постоянным сотрудником «Отечественных Записок», а также «Вестника Европы» и «Русских Ведомостей». Писал под псевдонимом «Л. Рускин». Упоминаемая в настоящем письме статья — очевидно «Ирландский вопрос». В июльской книжке «Отечественных Записок» она помещена без подписи, но, судя по содержанию, — в ней много говорится о голоде ирландских крестьян — речь идет именно о ней.

9

А. Н. ПЫПИН

29 сентября 1884 г. Петербург

Многоуважаемый Михаил Евграфович.

Вчера мне доставили экземпляр Вашей новой книги «За рубежом». Душевно Вам благодарен за память. Я редко Вас вижу и воспользуюсь этим случаем, чтобы сказать Вам снова о глубоком моем уважении к Вашей деятельности, которая поистине есть [явление?] беспримерное в летописях отечественной словесности и отрадна в переживаемые времена.

Пишу Вам это — на словах это вышел бы комплимент, а я его не делаю, да и вы, вероятно, также. Будьте только здоровы.

Вам искренне преданный

А. Пыпин

10

А. О. НОВОДВОРСКИЙ [1]

Ницца, 14—26 ноября 1884 г.

Глубокопочитаемый Михаил Евграфович.

Я проехал по Вашему маршруту и воспользовался Вашими указаниями и рекомендациями. В благодарностях не рассыпаюсь, ибо полагаю, Вы в них ни мало не сомневаетесь. Доктор Белоголовый (с супругою) просто очаровал меня. Я выехал от него с теплыми пожеланиями, рецептами, советами, письмами, хлебом-солью, вином и курицей. Он с женою проводили меня на вокзал и решились вернуться только усадивши меня в тот варварский курятник, который на здешнем языке называется вагоном 3-го класса. Я полагаю, что эти курятники — последний отголосок древних застенков с их пытками. Я выдержал благополучно русских евреев, немецких солдат и бюргеров с их сигарами и колбасами, а французская дорога меня победила, и в Марсели я шибко прихворнул. Григория Захаровича я нашел в весьма удовлетворительном состоянии здоровья, на вид по крайней мере. Он устроил меня в пансионе Серяковой [2] (8 фр. в день) и был так добр, что уже посетил меня в новом обиталище. Город устроен и сложился так подло, что действительно за 50 руб. в месяц, как я располагал, прожить невозможно. Я, однако, решился здесь не особенно засиживаться и намерен поискать климатов подешевле. Но я боюсь утомить Вас.

С глубочайшим уважением

А. Новодворский

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Новодворский, Андрей Осипович (1853—1882), псевдоним А. Осипович,— известный беллетрист-народник, в судьбе которого Салтыков принимал близкое участие.

[2] Вдова скончавшегося в Ницце в январе 1881 г. академика-гравера Лаврентия Авксентьевича Серякова.

11

Л. И. МЕЧНИКОВ [1]

[1881—1883 гг.]

На первый раз я предложил бы в редакцию «Отеч. Зап.» главы из своих личных воспоминаний, касающихся времени моего с лишком двухлетнего пребывания в Японии на службе тамошнего министерства народн. просвещения. — Воспоминания эти, изложенные в чисто беллетристической фор-

ме, довольно обширны и разнообразны, так как я еще до отъезда из Европы освоился с японским языком и свел обширные знакомства с главнейшими из руководителей японск. прогрессивного движения, а потому, живя в самой стране, я мог довольно основательно войти в японскую жизнь, общественную и домашнюю, гораздо полнее и глубже, чем это удается большей части европейских туристов. Размеры и рубрики моих «воспоминаний о Японии» будут зависеть от числа листов, которые Редакция сочтет возможным посвятить этому предмету. — Долгом считаю обратить внимание на то, что я предлагаю Редакции «Отеч. Зап.» исключительно беллетристическую часть своих заметок и воспоминаний об этом путешествии, которого научные результаты уже опубликованы мною, преимущественно на французском языке.

Кроме «Японских воспоминаний», я бы предложил также беллетристические рассказы о моих встречах с Гарибальди и о жизни на Капрере в 1865 г. При этом желательно было бы знать, в какой мере возможно в русском журнале писать о времени польского восстания. Последняя моя встреча с Гарибальди состоит в тесной связи с организацией польской вооруженной экспедиции на Черном море, составляющей интересный pendent к экспедиции Лапинского, о которой подробный отчет был напечатан в одном из наших археологических сборников. — Если не имеется препятствий к рассказу о этих временах и об этих мечтаниях, то, вероятно, мне придется придать этим главам своих воспоминаний вид повести, с вымышленными именами и с умышленным переиначением некоторых подробностей.

Л. И. Мечников

(Он же Леон Бранди и Эмиль Венегри.)

Не желает ли редакция «Отеч. Зап.» получить от меня отчет, в публицистич. форме, о современной агитации по поводу «Национализации Земли» в Англии?

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Мечников, Лев Ильич (1838—1888) — старший брат известного биолога, географ и социолог; в 1860 г. поступил волонтером в знаменитую «тысячу» Гарибальди и был тяжело ранен в сражении; его «Записки Гарибальдийца» были напечатаны под псевдонимом Леона Бранди в «Современнике» 1864 г. В 1874 г. был приглашен японским министерством народного просвещения по поводу предпринимавшихся реформ и устроил в Идео русскую школу. Вернувшись в Европу, сотрудничал у Э. Реклю в его сочинении «Geographie Universelle», а с 1884 г. был профессором сравнительной статистики и географии в Невшательской Академии. Много сотрудничал в «Русском Слове», «Современнике», «Деле», «Русском Богатстве». В 1881 г. в Женеве было издано его обширное (692 стр. 4°) сочинение о Японии «L'Empire Japonais», а в 1889 г. труд «La civilisation et les grandes fleuves historiques», Paris (русск. перевод — 1898 г.). Повидимому его предложения были встречены Салтыковым отрицательно, так как ни той, ни другой их предлагаемых им работ в «Отечественных Записках» не находится. Статью «Проекты аграрных преобразований в Англии» Мечников напечатал в «Деле» 1883 г., кн. I—II.

12

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКИЙ

29 февраля 1882 г. Петербург

Многоуважаемый Михаил Евграфович.

Я к Вам с просьбой[1] и вместе за советом. Впрочем, я ни в каком случае не желал бы, чтобы просьба моя могла принести Вам хоть малейшее стеснение. Возможно Вам будет оказать мне содействие — я Вам буду очень благодарен, нельзя — я или совсем брошу задуманное дело или отложу его до более благоприятного времени. Прежде всего мне бы хотелось вы-

На первый разъ я предложилъ бы въ редакцію "Отеч. Зап." главы изъ моихъ личныхъ воспоминаній касающихся времени моего почти двухлѣтняго пребыванія въ Японіи, на службѣ тамошняго министер-ства народн. просвѣщенія. — Воспоминанія эти, изло-женные въ чисто беллетристической формѣ, должны быть обширны и разнообразны, т. к. я еще до отъѣзда изъ Европы, освоился съ японск. языкомъ и своими обшир-ными знакомствами съ главнѣйшими изъ руководителей тамошн. прогрессивнаго движенія, а потому, бывъ въ самой странѣ, я мог довольно основательно войти въ японск. жизнь, общественную и домашнюю, прак-тически и лучше, чѣмъ это удается большей части европейскихъ туристовъ. — Размѣры и рубрики моихъ "воспоминаній о Японіи" будутъ зависѣть отъ числа листовъ, которые Редакція сочтетъ возможнымъ посвятить этому предмету. — Наконецъ смѣю обратить вниманіе на то, что я предлагаю Редакціи "Отеч. Зап." исключительно беллетрис-тическую часть своихъ записокъ и воспоминаній объ этомъ путешествіи, которого научные резуль-таты уже опубликованы мною, преимущественно на франц. языкѣ. —

Кромѣ "японск. воспоминаній", я бы пред-ложилъ также беллетрист. разсказъ о моихъ странствіяхъ съ Гарибальдійцами на Неаполь въ 1860 г. — При этомъ считаю долгомъ дать знать, въ какой мѣрѣ возможно въ русск. журна-лахъ о крайнихъ политич. возстаніяхъ. Наконецъ

АВТОГРАФ ПИСЬМА Л. МЕЧНИКОВА В РЕДАКЦИЮ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК» (ПЕРВАЯ СТРАНИЦА)

Институт Русской Литературы, Ленинград

мой выходъ изъ Гарибальдіи состоитъ въ тѣсной
связи съ организаціею милан. вооруженной экспе-
диціи на Черномъ морѣ, составлявшей интересный
pendant къ экспедиціи Лангевича, о котор.
первон. опытѣ я недавно напечаталъ въ Бѣл…
изъ нашихъ органовъ эмигр. сборниковъ. — Если же
имѣются препятствія къ ремеслу отъ этихъ воспо-
минаній и отъ этихъ событій, то, вѣроятно, мнѣ
придется придать этимъ главамъ своихъ воспо-
минаній видъ повѣсти, съ вымышленными имена-
ми и съ умышленными переиначеніями нѣкоторыхъ
подробностей.

Л. И. Мечниковъ
(онъ же Леонъ Бранди
и Эмиль Венгри).

P. S. Не желаетъ ли редакція «Отеч. Зап.» получить
отъ меня статью, въ публицистическ. формѣ,
о современной агитаціи по поводу «націона-
лизаціи земли» въ Англіи?

АВТОГРАФ ПИСЬМА Л. МЕЧНИКОВА В РЕДАКЦИЮ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»
(ВТОРАЯ СТРАНИЦА)

Институт Русской Литературы, Ленинград

слушать Ваш совет. Дело вот в чем: за последние годы у меня скопился ряд статей о народе, каковы «Дер. будни», «Красный Куст» и «Очерки дер. настроений», статьи, как Вам известно, однородные как по форме, так и по содержанию. Теперь они составляют уже около 22 листов формата «Отеч. Запис.» Конечно, Вам известно и то, насколько временный интерес имеют все эти статьи, — мне кажется, если я не ошибаюсь, — что в настоящее время интерес их еще не пропал для читателя. В виду этого, мне представляется небесполезным и не слишком рискованным издать эти мои статьи отдельной книгой, так как спрос на такие книги в настоящее время, кажется, наиболее благоприятен. Продавать издание предпринимателям представляется до такой степени невыгодным и унизительным, что приходится лучше оставить статьи разбросанными по журнальным книжкам, чем толкаться на рынке за грошами. Вот почему мне хотелось бы их издать, при помощи доступного и необременительного кредита, с тем чтобы кредит тоже был покрыт из распродажи 1-х экземпляров.

Итак, прежде всего, насколько Вы лично находите мои расчеты и соображения правильными? Или может быть я ошибаюсь и тогда рассейте мои фантазии. Впрочем, во мне не столько сильно желание получить больше, чем могут мне дать издатели, — сколько желание собрать эти разбросанные на протяжении трех лет и почти недоступные для прочтения сразу статьи в одно целое. Может быть в этом виде они кому-нибудь будут полезны и небезынтересны. Только бы окупить издание — и это было бы хорошо.

Затем, если Вы признаете хоть несколько заслуживающими внимания мои расчеты, — не найдете ли Вы возможным оказать содействие этому моему изданию при посредстве типографии Краевского? Если можно будет это сделать, — то на каких условиях.

Книгу свою хотелось бы издать в формате несколько меньшем, чем «Отеч. Запис.», так, чтобы вышло из 22—25—27 листов. Общее заглавие ей можно бы дать примерно «Письма о народе», в тексте произвести необходимые сокращения. Количество экземпляров могло бы быть 1200 — 1500, —что обошлось бы, вероятно, рублей 650—700. Цену можно бы назначить от 1 р. 50 к. до 2 руб.

Извините, пожалуйста, что я Вас беспокою. Прошу об одном — не смотрите на эту просьбу мою, как на назойливость. Если содействие Ваше в этом деле сможет представить для Вас хоть малейшее затруднение — отказывайте прямо.

Но прежде всего не откажите сообщить — насколько на Ваш взгляд мое желание сделать отдельное издание этих статей может быть основательно.

Искренне уважающий Вас

Н. Златовратский

Мой адрес: Невский (Старая Конная), д. 13, кв. 8.

ПРИМЕЧАНИЕ

1 Высказываемая в настоящем письме просьба Златовратского была исполнена Щедриным, устроившим ему типографию Краевского для выпуска первой его книжки, вышедшей в свет в этом же году («Деревенские будни», СПБ., 1882). См. ниже № 19.

13
Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКИЙ

[4 апреля 1882 г. Петербург]

Многоуважаемый Михаил Евграфович.

Вчера я получил телеграмму о скоропостижной смерти своего отца. К общим неудачам за последнее время прибавилось еще весьма тяжелое для меня горе: потеря человека, которого я много любил и уважал.

На днях я должен выехать на родину, чтобы помочь матери и семье, оставшимся, конечно, ни с чем.

Позвольте надеяться, что Вы и теперь не откажете мне в своем участии, как никогда не отказывали и раньше.

Прежде всего, прибавить еще главу, как я думал, к доставленной Вам рукописи я совсем не могу теперь.

На выезд из Питера у меня осталось так мало денег, что с семьей никак не обернешься, — а потому я просил бы Вас, если Вы найдете возможным напечатать продолжение «Устоев» [1], — выдать мне вперед гонорар.

Затем мне предстоит неизбежное покрытие расходов на похороны и на первое обеспечение матери с семьей, — для чего потребуется необходимая ссуда. Как велики могут быть теперь ее размеры, я не могу определить с точностью, но думаю, что они не превысят 300 р. Я покорно просил бы Вас сообщить мне: найдете ли Вы возможным непосредственно помочь мне этой ссудой из фондов «Отеч. Запис.», или же я мог бы получить ее, с возможно продолжительной рассрочкой, из Литературного Фонда, при Вашем содействии. Тогда бы по приезде на родину и сведении счетов, я сообщил бы Вам обо всем подробно. Что же касается продолжения «Устоев», то, по возможно скорейшем приведении дел и своей головы в порядок, я тотчас же приступлю к их продолжению и аккуратно буду писать в течение всего лета и осени. Этой работе я уже отдался теперь окончательно, и если что помешает ей, то моя болезнь, на которую, впрочем, лето в деревне действует всегда благотворно.

Очень тяжело мне, Михаил Евграфович, постоянно беспокоить Вас просьбами, — но я надеюсь, что Вы это не поставите мне в большую вину, в виду исключительных условий моего существования, главным образом обусловленных моей болезнью.

Если бы Вы знали, как мне самому безотрадно тяжело при мысли, что можно и должно было бы сделать, если бы дышалось хоть несколько легко и свободно. Вы сами знаете, что даже то немногое, что я успел еще сделать, — лично было исполнено только при неослабном участии ко мне редакции «Отеч. Запис.» — Без этого стороннего участия моя деятельность была бы немыслима так же, как до сих пор еще не мыслимо для меня выйти на улицу без сопровождения близкого мне лица. Плохой я рыцарь в борьбе за существование.

Вы можете понять, что должен чувствовать я теперь, когда еще приходится воевать за существование других.

Искренне уважающий Вас

Н. Златовратский

Мой адрес: Невский (Старая Конная), д. 13, кв. 6.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] «Устои» — центральное произведение Златовратского, начатое печатанием с ноябрьской книжки «Отечественных Записок» за 1880 г. См. ниже №№ 14, 17 и т. д.

14

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКИЙ

6 апреля 1882 г. Петербург

Многоуважаемый Михаил Евграфович.

Доставленная мною в типографию рукопись трех глав «Устоев» представляет, по моему мнению, несмотря на свой сравнительно малый объем, настолько законченную и цельную картину, что никак не является чем-то совершенно разорванным. В этих видах я и доставил ее для 4-й книжки,

полагая, что объем в этом случае не будет особой помехой к помещению.— Но так как Вы сочли теперь более удобным отложить помещение этих глав до 5-й книжки, пока я не доставлю еще нескольких глав, — то я предполагаю, что мне нужно будет написать еще столько же, чтобы дальнейшее продолжение вместе с доставленными главами снова представляло собою более или менее законченное целое. Я и постараюсь всемерно сделать это к 25-му числу. Во всяком же случае я считаю не лишним обратить Ваше внимание на то, что и доставленные главы имеют характер почти отдельного рассказа.

Все квитанции на книжные магазины будут мною переданы завтра же Гасперу.

Преданный Вам

Н. Златовратский

15

Н. Н. ФИРСОВ

12 июня 1882 г. Неаполь. Италия

Милостивый Государь.

В мае месяце я послал в редакцию Отеч. Запис. мой очерк Союзники[1]. Вы были так добры, что выслали за него часть денег вперед. Не нахожу слов благодарить. Эти деньги дали мне возможность прожить настолько спокойно 3 месяца, что я мог написать другую вещь, которую позволю себе одновременно с сим препроводить Вам в двух свитках под бандеролями. Совестно, что каллиграфически она очень плоха. Что делать! Здесь решительно некому переписывать, а мне самому некогда, ибо я, кроме литературной работы, которой питаюсь, обучаю сына. В предлагаемом очерке описана монастырская жизнь (женских и мужских монастырей). Я более ½ моей жизни провел в стране, изобилующей монахами и монастырями, и мог писать с натуры. Все описанное совершается и по сей день, и очерк современен. Очерк сам по себе составляет целое. В нем изображены несообразности монастырского существования даже с самим христианством. Архимандрит Феофан, аскет и фанатик (но любящий) — почти единственный из изображенных монахов пошедший в монастырь по влечению во имя спасения (земного и небесного) человечества. Он не находил в своем ремесле удовлетворения. Девушка (из семьи мелкопоместных дворян), взятая в монастырь 8 лет, не выдерживает и бежит. Этим ограничивается в общих чертах очерк, оконченный мною ныне. В письме я, конечно, не могу дать о нем надлежащего понятия и просил бы Вас иметь терпенье пробежать до конца рукопись. Я думаю, что она может быть напечатана самостоятельно, хотя я имею в виду написать давно задуманное продолжение. Неудовлетворенный духовной деятельностью Феофан, вследствие бегства Нади, приходит в соприкосновение с людьми (Уваловыми), живущими иначе, чем все те христиане (светские и духовные), которые видят в Уваловых опасных членов общества и государства. Невзирая на то, что они стоят далеко от всякой официальной религии, Феофан находит, что в жизни Уваловых, воплощающей живые (опасные) принципы, и проявляются основные, полезные для людей христианские принципы и что «собственно их деятельность, а не деяния духовенства клонится к благу человеческому». Эта мысль будет, конечно, выражена очерками живых людей, которых я наблюдал. Ничего фантастичного. Цензуру я надеюсь не раздражать.

Если Вы признаете посылаемую ныне рукопись годною, я позволю себе опять тревожить Вас великой просьбой, распорядиться высылкой части гонорара (рублей 200) вперед. Пожалуйста простите за такую бесцере-

можность. Я знаю, что с Вами можно говорить откровенно. Я надеюсь, что месяца через 2 я буду иметь возможность доставить и 2-ю часть, которая также будет иметь форму самостоятельного очерка.

Мой адрес (Николай Николаевич Фирсов) в начале письма. Но на всякий случай прилагаю адресованный конверт.

Совершенно уважающий

Ник. Фирсов

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Очерк «Союзники» помещен в августовской книжке «Отечественных Записок» за 1882 г. О какой «другой вещи» говорит Фирсов — неизвестно. В дальнейших книгах журнала каких-либо статей, близких по содержанию к той, которую излагает он здесь, не находится.

16

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКИЙ

25 июня [1882 г. Владимир] [1]

Многоуважаемый Михаил Евграфович.

Наконец, я окончательно рискую потерять Ваше доверие. Но что будет с моими и без того расшатанными нервами, — я тоже не знаю. Сегодня сгорел дом наш, единственное, что осталось после отца и где кое-как еще ютилась не оправившаяся после его смерти семья. Я совершенно поражен.

До сего времени я еще справлялся со своими нервами и наконец-таки осилил их и успел написать хотя с грехом пополам листов около трех «Устоев» и завтра их высылаю Вам. Я надеялся тотчас же вслед за тем прислать еще на лист, чтобы поспеть к июльской книжке. Что теперь будет — не знаю. Пишу Вам под впечатлением пожара. Денег у меня ни копейки. Я еще перебивался кое-каким кредитом в надежде на оконченную работу.

Завтра я вышлю Вам хоть часть ее.

Говорю Вам откровенно: пожалуйста поддержите. Я совсем растерян с двумя семьями на руках.

Когда Вы получите рукопись, не откажите пожалуйста выслать мне рублей двести или полтораста. Я же употреблю все усилия, чтобы через две недели или три доставить еще листа два-три.

К сожалению, должен сознаться и извиниться перед Вами, что посылаю Вам черновую рукопись. Чувствую, ужасно больно чувствую, что я делаю непростительно, посылая Вам рукопись, зная ее недостатки, но что же делать? Чтобы привести ее в надлежащий вид мне потребовалось бы еще недели две. Должно быть не нам гнаться за художественностью.

Искренне преданный Вам

Н. Златовратский

Мой адрес: Никол. Никол. Златовратский. Мещанская, дом Яновского.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Дата, проставленная самим Златовратским: 1889, представляет собою явную описку.

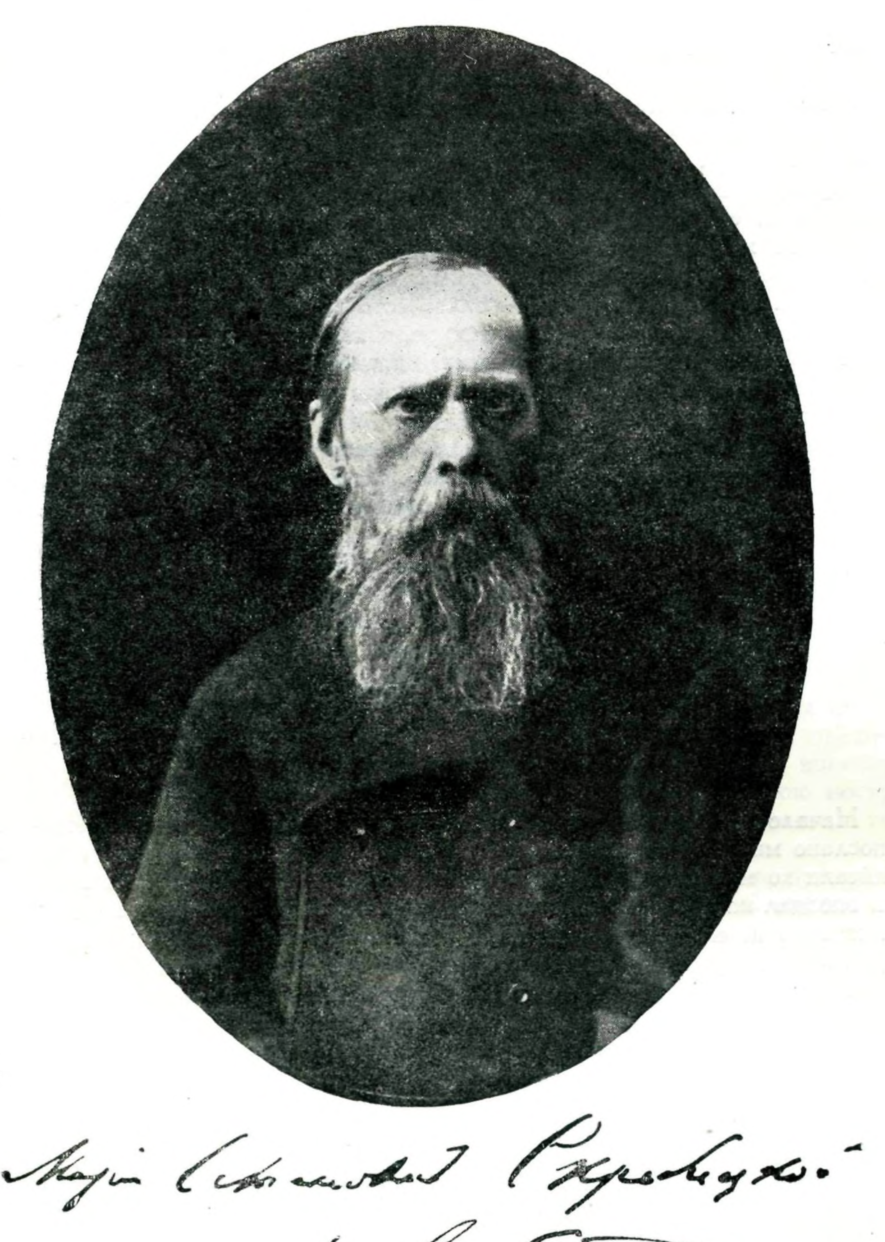
17

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКИЙ

15 сентября 1882 г. [Владимир]

Многоуважаемый Михаил Евграфович.

Так как приближается срок присылки продолжения «Устоев» для Октябрьской кн., то я спешу уведомить Вас, что часть рукописи будет мною доставлена Вам к 25-му числу, относительно же второй ее половины покорнейше прошу Вас дать мне сроку еще несколько дней.

М. Е. САЛТЫКОВ (Н. ЩЕДРИН)
Фотография 1880-х годов с дарственной надписью М. С. Скребицкой
Институт Русской Литературы, Ленинград

Вместе с этим я покорно просил бы Вас выслать мне сюда по известному Вам адресу причитающийся мне за 9-ю книжку гонорар, не делая на этот раз никакого вычета или же, если то будет найдено Вами необходимым, — по возможности уменьшить таковой.

В октябре и ноябре месяцах я буду очень нуждаться в деньгах и поэтому буду надеяться, что Вы не откажете отложить вычет до 11 и 12 книжек, т. е. до предполагаемого окончания «Устоев».

Деньги же мне теперь очень будут нужны потому, что на полученную за страховку сгоревшего дома сумму, очень небольшую и кроме того еще не совсем свою, хотелось бы, — благо есть земля, — выстроить к зиме как-нибудь дом, при помощи хоть банков, так как больной матери с помешанным братом и двумя сестрами-гимназистками было бы не особенно удобно цыганствовать со мной, еще более тяжело с таким братом мытарствовать по чужим квартирам.

Я был бы очень рад, если бы удалось мне это устроить. А то и не знаю, что бы мне пришлось с ними делать. В виду этого, я останусь на зиму во Владимире. Будьте так добры, распорядитесь и о высылке мне сюда «Отеч. Запис.»

Искренне уважающий Вас.

Н. Златовратский

18

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКИЙ

2 октября 1882 г. [Владимир]

Многоуважаемый Михаил Евграфович.

Начало рукописи для 10-й кн., как Вы, может быть, уже знаете, — было послано мною 26-го и должно было получиться Вами в то время, когда Вы писали ко мне письмо. Меня самого очень беспокоит то обстоятельство, что я опоздал на один день и не поспел выслать к понедельнику, когда Вы обыкновенно назначаете к печатанью статьи. Не знаю, изменили ли Вы свое решение, получив рукопись мою, или же нет. Я чрезвычайно сожалею, что она не попадет в 10-ую книжку, так как этими главами (свадьба Петра) я заканчиваю первую половину «Истории одной деревни». С ноября я хотел начать вторую ее половину, с новой нумерацией глав (История места как волости, и общественная деятельность Петра), а в декабре закончить, предполагая дать в каждую книжку не менее трех листов.

Впрочем, если уже на этот раз дело решилось так, как указали обстоятельства, — приходится, конечно, помириться с этим и отложить печатание посланного мною до 11-ой книжки, к которой я непременно вышлю еще предположенные мною главы второй половины. Так что придется печатать их вместе. А это будет, пожалуй, необходимо: иначе придется в декабре поместить сразу листов пять-шесть, чтобы закончить.

Что касается «Будней», то я приму все меры, какие только будут возможны для меня. Прежде всего попробую раздать на комиссию во все магазины и стану печатать объявления. Если через два-три месяца результаты не улучшатся, я все издание запродам «чумазому», чтобы выручить сумму, необходимую для типографии. И тогда пускай «Будни» гуляют по двугривенному на провинциальных и сельских ярмарках. Там, как кажется, нашего брата больше читают, чем в «чистой» публике. Если так, — то и прекрасно: пока больше ничего и не требуется...

Искренне уважающий и преданный Вам·

Н. Златовратский

Вчера послал продолжение рукописи прямо на типографию.

Если в 10-ю книжку «Устои» не попадут, то Вы мне, может быть, попрежнему не откажете выслать к 20-му числу рублей 200 до расчета. Всетаки деньги мне теперь очень нужны.

19

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКИЙ

23 октября 1882 г. [Владимир]

Многоуважаемый Михаил Евграфович.

На днях я получил письмо от управляющего типографией Краевского. В нем покорнейше просят меня «сделать распоряжение об уплате моего долга за «Будни». — Что хочет сказать управляющий этим странным словом «распоряжение» — я не могу себе уяснить хорошенько. Но в виду совпадения этого письма с теми обстоятельствами, что я, к моему великому горю, не получил от Вас никакого извещения на мою просьбу о высылке мне денег вперед, в двадцатых числах, если «Устои» не попадут в октябрьскую книжку, — письмо управляющего начинает принимать для меня очень сокрушающий смысл.

Просьба моя к Вам, сама по себе, кажется, не особенно чрезвычайной, чтобы я мог сомневаться в Вашем благосклонном к ней отношении. Это была обычная просьба денег на месячное существование, — и сама по себе не могла вызвать Вашего молчаливого отказа и я жил в полной надежде, что она будет удовлетворена. Значит для отказа в этой просьбе Вы имели какие-нибудь особые причины. Письмо из типографии дает повод предположить, что она хочет наложить секвестр на мой заработок. Я, конечно, против этого вообще ничего не имею. Но за что же хотят со мною поступить так круто, что оставляют без месячного обеспечения, и притом в такое тяжелое для меня время?

Я отвечал управляющему тотчас же, прося отложить вычеты до будущего года, чтобы я успел по крайней мере хоть за половину, т. е. рублей за 200, сбыть «Будни» куда-нибудь. Но так как на результат даже этой просьбы я плохо надеюсь, — то и спешу сообщить Вам, что я готов бы и теперь предложить вычеты, но не больше 20%. В данный момент и это было бы для меня чрезвычайно тяжело. Что же мне делать, что сразу обрушилось на меня столько нелепых и случайных невзгод?.. Ведь уж совсем я не железный человек. Работать усиленнее, чем я теперь работаю, и притом подгонять такую работу к сроку, — я совершенно не могу. И то уже я слишком чувствую, насколько мои работы теряют во всех отношениях.

Вот я теперь простудился и прохворал всего четыре дня, при всем моем старании опять не могу прислать к сроку главы две, в дополнение к 11-й книжке, хотя они у меня почти совсем уже готовы вчерне. Раньше первых чисел я прислать их опять не могу. Во всяком случае, хотя я их и вышлю к этим числам, их придется отложить до 12-й книжки, так как в 11-й они являлись бы обрывком, слишком далеко отрезанным как от предыдущего, так и от последующего. В дополнение к ним в 12-й кн. я напишу еще главы 2—3 и закончу «Устои», в виду очевидной невозможности обработать их при данных условиях так, как я мечтал и надеялся... Добросовестное исполнение таких работ немыслимо, по крайней мере для меня, — только для удовлетворения со всех сторон несущихся требований: денег, денег, денег... Даже самая работа валится из рук, когда видишь, что все сношения по поводу ее ограничиваются только вопросом о сроках и деньгах, да конторскими счетами. Закинутый в глушь, я лишен даже элементарного утешения — знать, насколько нравится твоя работа, шевелит ли она в комнибудь мысль, чувство? В чем ее слабость и сила?.. Впрочем, извините за

лишние слова... По поводу этого я еще буду иметь настоятельную нужду поговорить с Вами.

А теперь опять: пожалуйста, вышлите сколько-нибудь денег вперед. Неужели Ваш отказ в моей просьбе мотивируется какими-нибудь еще более суровыми причинами?

Ваш Н. Златовратский.

20

И. И. ЯСИНСКИЙ[1]

14 декабря [1882 г. Петербург]

Многоуважаемый Михаил Евграфович.

Когда задумываешь писать, то кажется всегда, что выйдет недурно, а когда напишешь, то всегда недоволен. Я обещал Вам, что выйдет недурно; но уж Вы сами это решите, пробежав прилагаемую рукопись. Боюсь, что не сдержал обещания. Одно только могу сказать, что этот «Старый Сад»[2] стоит мне многих бессонных ночей и душевной муки. Я боюсь также, что меня обвинят в нелюбви к народу; газетчики, которые меньше всего любят народ, особенно падки на такие обвинения, теперь на словах страстно любят народ и Гайдебуров и Суворин, и даже, кажется, Краевский распинается за народ («Народная душа исстрадалась»... начинается так какой-то фельетон Голоса). Но обвинения газетчиков можно пропустить мимо ушей. Было бы печально, если бы упрек такого рода пришлось выслушать от лиц, которым веришь и которых уважаешь. В пояснение к эпиграфу, которым я снабдил «Старый Сад», считаю нужным предварить, что не надо упускать из виду, что действие у меня происходит близ станции железной дороги, в деревне, уже совершенно разложившейся от соседства с городскою цивилизациею, и что следовательно, если есть место упрекать, то разве за недоверие к цивилизации, развращающей народ. Но, конечно, и эти упреки, если пристальнее вглядеться, неосновательные. Нельзя сомневаться, что в будущем цивилизация принесет народу много добра; но пока солнце взойдет, роса очи выест, говорят малороссы. Переходные формы цивилизации—вот где зло. И не только русское, но и общеевропейское и даже всемирное. Я читал и читаю много антропологических сочинений, путешествий, и везде на всем земном шаре, как вижу, повторяется та же история. Нравственность у первобытного мужика маленькая, но она имеется,—а как только начинается цивилизация—требующая более широкой и сложной нравственности, то прежней маленькой нравственности нехватает, и начинается безнравственность, пока все не перебродит и не приспособится к новым формам. Спешу, впрочем, прибавить, что, пиша рассказ, я никакой предвзятой мыслью не задавался, а старался изобразить, что видел. Летом я жил около месяца под Москвою (50 в.), в Кутузове, и меня поразила полуевропейская наружность крошечной деревни и, главное, странная роскошь ее обитателей. Они из кожи вон лезут, чтобы походить на купцов. Дочь хозяина дачи, где жила моя жена, с презрением относилась к ней за то, что у ней нет шелкового платья. В сущности, это была довольно милая и добрая девушка. Другая, как мы узнали, дочь весьма зажиточного хозяина, продала себя купчику-дачнику за шелковое платье и пару серег, которыми она хотела поразить общество во время храмового праздника.

В рассказе у меня мужицкая среда очерчена, впрочем, общими штрихами, и весь интерес сосредоточен на дворянине Уствольском, нервном и больном человеке, входящем в соприкосновение с этой средой, пострадавшей от цивилизации. От так называемых «реальных» сцен я везде уклонился, потому что мне хотелось придать рассказу поэтическую окраску.

В рассказе будет не больше 3 листов, а может быть и 2¾ листа.

Не смею думать, что рассказ Вам понравится, но может быть Вы найдете, что он удобен для помещения в «Отеч. Запис.» В таком случае, я просил бы Вас прислать мне ордер на контору рублей на 150. Я уже должен 150, и Вам может показаться, что я слишком забираюсь. Но право, я с трудом существую, и Вы поверите этому, если я скажу, что семья моя состоит из 7 душ. В январе я кончу «Романтиков» (л. 7). И авось не останусь в долгу.

Глубоко уважающий Вас и искренне Вам преданный

И. Ясинский

Конногвардейская (Пески) 55, кв. 11.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ясинский, Иероним Иеронимович (1850—1932) — известный беллетрист, в начале литературной деятельности примыкавший к радикальному крылу литературной общественности, пользовавшийся безусловным сочувствием Салтыкова (см. его отзыв о Ясинском в письме к Михайловскому от 11 сентября 1881 г.: «По-моему Ясинский талантлив. И его не мешало бы привлечь». «Письма», стр. 215) и являвшийся постоянным сотрудником «Отечественных Записок».

На публикуемое письмо Салтыков отвечал Ясинскому 15 декабря. Приводим его еще не появлявшийся в печати ответ полностью, по оригиналу, хранящемуся в собрании П. Е. Безруких (Москва):

Многоуважаемый Иероним Иеронимович.

Согласно Вашему желанию, посылаю при сем записку на получение 150 рублей. Повесть Вашу я не успел еще прочитать, но во всяком случае не думаю, чтобы Ваши сомнения были основательны. Народ — особая статья. Притом «народ» — настолько сильная личность, что может вынести всякую правду.

Я должен предупредить Вас, что раньше мартовской книжки едва ли повесть Ваша будет напечатана, потому что материалу очень много. Впрочем, употреблю все меры, чтобы напечатать в феврале.

Весь ваш М. Салтыков

[2] «Старый сад» напечатан в мартовской книжке журнала за 1883 г.; «Романтики» в «Отечественных Записках» напечатаны не были.

21

А. Н. ПЫПИН

20 декабря 1882 г. Петербург

Многоуважаемый Михаил Евграфович.

У меня есть к Вам покорнейшая просьба.—Мой давний приятель, Павел Ровинский[1], проживающий теперь уже четвертый год в Черногории, прислал мне для устройства в журнале свою рукопись. Я ее просматривал, нашел интересной как первое описание неведомого до сих пор края: быт черногорский известен Ровинскому до последних подробностей. Я предложил статью М. М. Ст[асюлевичу], но он ее не принял. Я остаюсь о ней при прежнем мнении и потому решаюсь предложить ее Вам для «Отеч. Записок». Я очень просил бы Вас включить ее и затем (Вы возможно знаете, что Ров[инский] хотя и занимается славянством, но вовсе не славянофил) меня уведомить, не возьмете ли Вы ее, если не всю, то одну часть. Для Ровинского денежный вопрос очень важен — между прочим, он не имеет, по безденежью, возможности выбраться из Черногории, — но предлагая Вам статью, я руковожусь вовсе не одною филантропией.

Вам душевно преданный

А. Пыпин

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Ровинский, Павел Аполлонович (1831—1916) — этнограф-славист, автор большой монографии «Черногория в ее прошлом и настоящем», т. I—II, СПБ., 1888—1897. К предложению Пыпина Салтыков отнесся отрицательно, причислив статью Ровин-

ского к тем, «которые посевают в читателе ежели не ненависть, то полное равнодушие к Черногории». См. его ответ Пыпину в сб. «Неизданные письма», стр. 106.

22

И. А. БУХАЛОВ

Самара 4 января 1883 г.

Многоуважаемый Михаил Евграфович.

Посылаю другую статью—«Борьба».—Размер гонорара опять-таки определите сами. Если статья не годится для Отеч. Зап., то передайте куда-нибудь еще (кажется, не принято утруждать редакторов подобными просьбами, но у меня решительно нет знакомых в Петербурге и в то же время не хочется, чтобы статья пропала даром).

Еще одна просьба: так как моя статья «Земец» не есть выдающееся произведение, то критика, вероятно, пройдет ее молчанием, между тем мне очень бы хотелось слышать отзыв о ней от более или менее компетентного лица,—не можете ли Вы взять на себя труд указать мне в нескольких строках слабые стороны моей статьи?—Ваш отзыв имел бы для меня громадное значение, потому что я серьезно думаю заняться литературой.

Иван Бухалов

P. S. Не пишите на конвертах «от редакции». Хотя я и исповедую веру по формуле «наплевать! либерал так либерал!», но все-таки хочу возможно дольше продержаться в учителях, а на писательство у нас смотрят косо.

Адрес: Самара. Учителю городского училища Ивану Алексеевичу Бухалову.

23

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКИЙ

[Январь—февраль 1883 г. Владимир]

Я не только не думаю, что «Отеч. Запис.» уже не существуют, но напротив, с каждым днем все больше укрепляюсь в надежде, что опасность будет для них все больше и больше уменьшаться. Небольшой интервал в моей работе для Вас отчасти именно объясняется этой надеждой; за окончанием «Устоев», мне хотелось бы пособраться с мыслями, чтобы начать что-нибудь посолиднее для «Отеч. Запис.» Всячески хочется как-нибудь повыбиться из необходимости целый век все только «дневники» да «путевые заметки» писать. Просто самому на себя обидно, тем более, что чувствуешь, кажется, мог бы и действительно что-нибудь сделать из материала, который собирал десять лет. Впрочем, — бог весть,—удалось ли бы еще осуществить эту «затею». Вероятно, Вы получили бы от меня что-нибудь из «дневника» еще раньше. Но этим небольшим интервалом я, кроме того, воспользовался, чтобы выполнить обещание, данное мною еще два года назад С. А. Юрьеву,— написать рассказец на сообщенный им самим мне сюжет. Пока я не кончил «Устоев»,— я никак не мог собраться сделать это. Теперь я ему написал,— и вот, между прочим, еще причина, которая меня несколько отвлекла от работы Вам.

Теперь же я весь снова к Вашим услугам. Да я уже и думал писать Вам, и денег опять думал просить... Что сделаешь! С величайшей готовностью я тотчас примусь за работу; надеюсь, что к назначенному Вами сроку выполню, если только не изменит мне голова... А это весьма возможно, потому что она все еще очень плоха у меня.

В случае чего-либо я Вас уведомлю телеграммой.

Всегда искренне преданный Вам

Н. Златовратский

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ «СКАЗОК» ЩЕДРИНА С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ А. Н. ПЫПИНУ

Институт Русской Литературы, Ленинград

23

СКАЗКИ

М. Е. САЛТЫКОВА (Щедрина).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.

1886.

24

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКИЙ

[Январь—февраль, 1883 г. Владимир]

Многоуважаемый Михаил Евграфович.

Никогда мне не было так тяжело чувствовать себя виноватым перед Вами, как именно теперь, когда при всем моем желании исполнить свое обещание, я ничего не мог сделать. Когда я давал обещание, искренне был убежден, что небольшой предположительный рассказ я напишу скоро... и между тем не мог осилить его до сегодня. Я даже сам в очень тяжелом недоумении, отчего это могло произойти.

Впрочем, моя литературная практика, как Вам небезызвестно, слишком полна доказательствами, что я не принадлежу к числу тех, которые свободно располагают своими способностями и чувствуют себя, как дома, в своем деле. А упорные и постоянные головокружения только увеличивают этот недостаток. Вследствие этого мало-мальски серьезно задуманная вещь дается мне трудно, в особенности предварительная работа, так как напряженность чувств и сосредоточенность мысли у меня не может быть продолжительна. Все это тем более имеет место теперь, когда с окончанием «Устоев» я уже должен оставить давно эксплоатированную мною сферу явлений и перейти в новую. Приходится осматриваться, намечать основные исходные пункты. Вот почему, пока эти пункты недостаточно мною уяснены,—у меня не мог создаться и небольшой рассказ.

Извините, что я вхожу в мало интересные, может быть, для Вас объяснения. Но что у кого болит, тот о том и говорит. А я прежде всего так виноват перед Вами, что с моей стороны является естественным желание выяснить причину этой вины. Было бы очень прискорбно для меня, если бы что-либо подало Вам повод заподозрить меня в недобросовестности. Больше всего меня тяготит, что, не исполнив даже просьбы Вашей, я в то же время отдаю работы в «Русскую Мысль». Но я уже писал Вам, что тема этой работы была задумана мною давно,—а раз овладев ею, мне приходится разрабатывать ее до конца. Все это дело очень тяжелого для меня совпадения случайностей, которое может подать повод, может быть, к совершенно естественным сетованиям. Но Вы поверите моей искренности. У меня не редки были периоды крайней, гнетущей нужды, когда приходилось прибегать к очень тяжелым сделкам,—и в эти-то минуты, при невероятном, почти по целым месяцам продолжавшемся напряжении,—я не мог написать нескольких страниц... В таком же положении я нахожусь в данный момент относительно Вас... А каким нравственным угнетением сопровождаются эти периоды... Вообще, я плохой хозяин и мастер своего дела. Немногие счастливые минуты «просияния» покупаются мною слишком дорогой ценой: нравственная работа утомляет, чередуется с тяжелыми болезненными припадками,—а исполнение всегда лихорадочно, спешно и недоношено...

Запросов и требований чисто материального свойства и нравственного так много,—а сил удовлетворить им так мало, или если и не мало, то они поставлены всегда в такие нелепые условия... Пожалуйста будьте ко мне снисходительны. Вот все, что я могу просить. Может быть это облегчит и самую работу мою.

Всегда искренне и глубоко преданный Вам

Н. Златовратский

25

Н. К. БОБЫЛЕВ [1]

23 февраля 1883 г. Москва

Милостивый государь
Михаил Евграфович.

Извините, что беспокою Вас, посылая на рассмотрение работу, которая на первый взгляд может показаться несерьезною и незначительною. Это начало «рассказов для детей всех возрастов», которым предполагается высказать более или менее элементарные истины, совершенно неизвестные таким детям. По моему мнению, удобство небольших рассказов такого рода в том, что, под прикрытием наивности и беспритязательности, можно сказать довольно серьезные и меткие вещи, неудобные в другой форме уже по самому своему объему.

Здесь Вы найдете письмо Льва Николаевича Толстого, горячим одобрением и сочувствием которого, может быть и незаслуженно, пользуюсь за мои литературные работы. Если бы не мнение такого художника, а главное человека правды, я бы не решился воспользоваться никакой рекомендацией к Вам потому, что сам держусь того мнения, что труд и дарование, если они есть, должны говорить сами за себя.

Несколько слов относительно второго рассказа. Старик Юрьев, который благоволит ко мне, едва ли не сильнее и горячее графа, как-то просил дать ему поэзии и, каюсь, я попытался, хотя заметил ему несвоевремен-

ность просьбы и работы, с которой в наше время можно насидеться без хлеба.

Теперь, порешив разойтись с редакцией Р. Мысли, по невозможности никаких сношений с ред.-издателем Лавровым, который заведует беллетристикою журнала, едва зная грамоту (с Юрьевым мы не разошлись бы никогда), я прибегаю к Вам и буду ждать Вашего решения—правды, какова бы она ни была.

Со своей стороны я могу обещать только одно—все старание оправдать рекомендацию человека, глубоко чтимого мною и Ваше снисхождение, если заслужу его.

Николай Бобылев

Адрес мой: Новинский бульвар, Девятинский переулок, д. Казначеева, д. 3, Николаю Константиновичу Бобылеву.

Извините меня, я Вас титулую, чтоб не рылись в письме хоть в Москве-то.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Бобылев, Николай Константинович (1834—1884) — беллетрист, в 70—80-х годах сотрудничал в «Деле», «Слове», «Русской Мысли», Салтыков к его предложению отнесся повидимому равнодушно.

26

В. А. ОБРУЧЕВ

14 (26 марта) 1883 г.

Милостивый Государь Михаил Евграфович.

Позвольте вкратце сказать о себе—к сожалению, не без просьбы об авансе 100 франков.

Запрещение Голоса[1] разрушило надежду на текущую поддержку. Два мои лондонские фельетона пропали—из коих один, вступительный и объяснительный, занял очень много времени. Был подготовлен и третий. Деньги в счет этой работы (100 р.) были впрочем любезно предложены мне В. А. Бильбасовым при первом же свидании. Не знаю, когда и как разочтусь.

Без надежды на ежемесячные поступления, не дерзнул поставить себя в ту, несколько более бойкую общественную обстановку, которая нужна для предложенной работы. Не счел возможным решиться на это тем более, что рекомендациями не запасся, так как в последние дни моего пребывания в Питере такая опасливость в людях проглядывала, что я побоялся отказа и промолчал. Будь маленькие деньги, можно бы и так завести знакомства, но, без гроша, единственный ресурс—сидеть притаившись, внушая хозяйке уверенность, что человек настолько почтенный—хотя и без часов—не может же когда-нибудь не заплатить.

Так и живу. Пансион 95 фр. Надеялся сократить, отказавшись от несущественных французских ухищрений вроде вина и проч.—но уступки не достиг. За топливо пришлось накинуть. Холода и утренники все время.

Сижу прилежно над работой «из своего материала», которую надеюсь выслать недели через две[2]. Выйдет вероятно около 2½ лист., готово почти 2. Кроме обычных опасений насчет негодности, боюсь, не окажется ли слишком бессодержательным—хотя абсолютной бессмыслицы нет. Зато ни единого нецензурного слова. Теплится надежда, что слабый дух жизни сказался. По крайней мере пролил слез столько, что авось либо не все они старческое хныканье. Конфужусь также знакомости впечатления, какое рукопись произведет на Вас. Но для публики она будет новее. Ежели точно

сверкнет такой луч счастья, что Вы одобрите и—если возможно—будьте добры, уделите местечко не весьма отдаленное.

100 франков решаюсь просить авансом под эту работу. Если можно, ссудите в один из ближайших дней именным чеком на Париж, в заказном письме. Банковый билет проще и не пришлось бы ездить за получением (56 километр. 3 фр. 75 сант. один конец); но не знаю, дозволено ли это почтовыми правилами и боюсь выкрадки.

Тотчас по отсылке работы, устремлюсь к добыче легкого заработка, фельетоном или чем придется—и уж потом, ежели финансы улучшатся, попробую перебраться в более подходящую к предположенной работе обстановку. О возвращении во всяком случае не могу помышлять, пока здешней работой не обеспечу себе хоть ничтожнейшего приличного положения дома. А как это сделать?

Нуждающихся должно быть теперь свыше всякой меры и возможности.

Простите беспокойство и длинноту. Примите уверение в глубочайшем почтении и преданности.

Покорнейшего Вашего слуги

В. Обручева.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Голос» — газета умеренно-либерального направления, выражавшая главным образом интересы крупной промышленной буржуазии,— был приостановлен в 1883 г. на № 43; в 1884 г. вышел еще один номер, на котором издание прекратилось. Василий Алексеевич Бильбасов (1834—1904) — историк и публицист, в течение последних десяти лет «Голоса» был его фактическим руководителем.

[2] Работа, о которой пишет здесь Обручев, очевидно рассказ «Прощание», об отправке которого в редакцию он сообщает в следующем письме. Помещен в «Отечественных Записках» он не был.

27

В. А. ОБРУЧЕВ

28 марта (9 апр.) 1883 г.

Милостивый Государь Михаил Евграфович.

Сегодня имел честь получить Ваше письмо от 24-го, и при письме Конторы деньги 75 р. (186 фр. 75). Выручен и несказанно благодарен. Здесь оказался банк (La Banque или M-e Robert безразлично), так что получение обойдется без расходов.

Сегодня же отправил, по адресу Конторы, заказным письмом 22¾ листа — вполне цензурный рассказ — «Прощание», подпись: Алексей Коноплев, но на конверте прописан подателем я, и адрес мой, и печать именная моя же.

Адрес мой прошу Вас считать незыблемым. Но нежданное обогащение позволяет несколько расширить программу, не задаваясь ничем обширным или систематическим. Апрель пойдет на добычу текущих грошей,— при чем несколько дней проведу в Париже (по бывшему опыту: Hôtel Montesepien, Rue de la Sorbonne 1 фр. Кофе 50 с. Пропитание 1.55. Читальня 25 с., всего сутки 3.30),— а потом, может быть, решусь на небольшую пешеходную экскурсию. Ноги еще носят; записывать стану на каждом привале; к маршруту, который выберу, подготовлюсь. Ежели впечатления покажутся путными, постараюсь обработать для Отеч. Записок. Иначе пошлю куда придется.

Уменьшение на 1½ тысячи, мне кажется, невелико, в виду второго предостережения и отсутствия двух Ваших статей. Простите, что о подобном

предмете решаюсь выражать свое мнение перед Вами, но последнему рад, — ежели оно хоть в малой мере ведет к отдыху и восстановлению здоровья. Сердцу публики, без сомнения, близки и отсутствующие статьи.

Погода смягчилась—три дня было чудесных (22° Ц. в тени), но последнее время ветер опять похолодел при ярком солнечном небе. Ранние кусты позеленели, на каштанах шишки огромные, но общий вид растительности все еще бурый.

Еще раз сердечно благодарю за доброту и внимание и прошу верить глубочайшему почтению и неизменной преданности покорного Вашего слуги

В. Обручева

28

И. А. БУХАЛОВ

Самара 23 апреля [1883 г.][1]

Многоуважаемый Михаил Евграфович.

Вместе с этим письмом я посылаю посылкой статью «Из-за двенадцати с полтиной». Герой этих сцен недавно застрелился в вагоне Самарско-Сызранской дороги. Говорю это я потому, что статья списана с натуры, похожа на фотографию. Место действия—Краснослободск (уездный город Пензенск. губ.); время 1877/78 учебный год. Как ни невероятны все факты, переданные в этой статье, однако, они вполне реальны—вымнему принадлежит незначительное место, да и то в подробностях.

Боюсь, что эта статья Вам не понравится, ибо герой не есть лицо типичное, есть явление редкое (еще такой, приблизительно, инспектор существует в Острогожском уезде, Воронежской губ., судя по корреспонденциям, и в Пермской, судя по рассказам), хотя, с другой стороны, редкие явления так же достойны наблюдения, как и повседневные.

Есть в этой статье повторения того, что было в «Борьбе». Обусловливается это одинаковостью положения действующих лиц—без доноса напр. никак нельзя обойтись, если действующее лицо учитель.

Потом, кажется, статья будет иметь интерес только для учителей.

Относительно «Направо и налево» вполне согласен с Вашим мнением. Белов потому явился «скопцом», что я выдвинул его исключительно для внешней связи картинок, которые казались мне интересными (о правдивости я уж и не говорю). В «Борьбе» вы выпустили несколько мест. Очень благодарен, потому что это своего рода критика (присяжные критики не обратили еще на меня своего внимания). В заключение просьба: если статья будет напечатана, то нельзя ли прислать несколько (штук 10 напр.) отдельных оттисков?

Говорят, что это ничего не стоит редакции. Кажется Вашим глазам опять будет много работы. Следующую постараюсь переписать крупней и разборчивей (эту я думал послать письмом). Еще один вопрос, совсем не относящийся к делу.—В Самаре упорно держались с самых Святок слухи, что Вас выслали в Пермь (хотели даже посылать туда адрес); теперь держатся еще слухи, что Вам запретили писать. Если Вы ответите, верно это или нет, то много обяжете всех своих читателей.

Искренне уважающий Вас

И. Бухалов

Адрес: Самара, учителю городского училища Ивану Алексеевичу Бухалову (в прошлый раз Вы несколько перепутали мою фамилию).

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Дата письма устанавливается письмом Салтыкова к А. Л. Боровиковскому от 4 мая 1883 г. В Петербурге ходили слухи о высылке Салтыкова (за «Сказки»). В связи с этим Салтыков писал: «А провинция окончательно думает, что я выслан из Петербурга. В Одессе видели, как я проезжал в Тифлис на жительство. В Самаре адрес мне готовили, но только забыли, в какой город Пермской губернии я выслан...» То же самое в ряде других писем Салтыкова этого времени.

29

Н. Н. ФИРСОВ

16—30 июня 1883 г.

Милостивый Государь Михаил Евграфович.

Спасибо Вам сердечное, что не забываете меня. Я с Вами согласен, что последние вещи Верга[1] — слабы. Я еще послал. А сегодня посылаю 2 перевода из вышедшей на прошлой неделе книги Капуана «Hoto»[2]. Здесь книга наделала шума; Капуана один из лучших писателей новой итальянской школы, но я в восторги от него не прихожу, хотя и признаю достоинства. Во всяком случае, я уверен, что Вы без церемонии возвратите мне (т. е. г. Лазутину, когда он зайдет в Редакцию) то, что не погодится. Сегодня должна выйти новая книга Верга «Per la vie», давно уже обещанная. Коли в ней будут хорошие вещи, не замедлю Вам доставить их перевод. Вероятно и в Вашем отсутствии их просмотрят.

Глубокоуважающий Вас

Николай Фирсов

Дня через 4 я еще пришлю перевод на Ваше благоусмотрение.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Верга, Джованни (1840—1922) — виднейший представитель итальянского реалистического романа XIX века, основатель литературного направления, названного по его имени веризмом. Некоторыми своими сторонами его поэтика была близка к поэтике русского литературного народничества. Цикл его рассказов из сборника «Vita dei campi» печатался в «Отечественных Записках» за 1883—1884 гг. под названием «Деревенские рассказы».

[2] Капуана, Луиджи (1839—1925) — романист веристского направления, видный теоретик веризма.

30

А. А. РЕЙНГОЛЬД

Петербург, 4 августа 1883 г.

Милостивый Государь
уважаемый Михаил Евграфович.

Позвольте мне как человеку, занимающемуся русской литературой, начинающему автору переводов с русского и критических статей о русских писателях, обратиться к Вам с покорнейшею просьбой, дозволить мне перевести некоторые из Ваших произведений на немецкий язык [для] помещения в заграничных и здешних периодических изданиях. На днях редакция венской газеты «Neue Freie Presse» заявила мне свое желание поместить в фельетонах газеты что-нибудь из Ваших сочинений, разумеется из наиболее подходящих ко вкусу немецких читателей. В виду этого я и думаю выбрать что-нибудь из «Благонамер. речей» (т. I по всей вероятности: «Отец и Сын») или «Больное место», или же, наконец, если у

АВТОГРАФ ПИСЬМА ЭЛИЗЫ ОЖЕШКО САЛТЫКОВУ ОТ 31 ОКТЯБРЯ 1882 г. (ПЕРВЫЕ ДВЕ СТРАНИЦЫ)

АВТОГРАФ ПИСЬМА ЭЛИЗЫ ОЖЕШКО САЛТЫКОВУ ОТ 31 ОКТЯБРЯ 1882 г. (ПОСЛЕДНИЕ ДВЕ СТРАНИЦЫ)
Институт Русской Литературы, Ленинград

меня будет достаточно времени—«Господа Головлевы». При этом я считаю своей обязанностью выразить Вам свое глубокое сочувствие Вашей литературной деятельности и истинное уважение к Вам.

Быть может такое мое уверение и признание не имеет для Вас никакой цены, так как я лицо совершенно безызвестное в русском обществе, но меня немножко знают в немецких литературных кругах, и быть может для Вас, как человека и гражданина, не совсем будет неприятно узнать, что Вас глубоко уважают и хорошо знают как литератора русские немцы, более или менее знакомые с русской литературой. Смею Вас уверить, что по крайней мере лично мне знакомые немцы читают Вас с увлечением. Сам я надеюсь в непродолжительном будущем написать обстоятельный разбор Ваших произведений (по-немецки).

Почтительнейше прося удостоить меня ответа на мой запрос, имею честь быть Ваш покорный слуга

Александр Рейнгольд

Адрес мой: Большая Конюшенная, д. № 6, кв. 31 Александру Александровичу Р.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Рейнгольд, Александр Александрович (1856—1902) — известный переводчик русских писателей на немецкий язык и автор книги о русской литературе «Geschichte der russischen Litteratur von ihrem Anfang bis auf die neue Zeit» (Leipzig 1885). Его переводы из Салтыкова нам неизвестны. «Господа Головлевы» были изданы в Лейпциге в 1885 г.

31

И. Н. КРАМСКОЙ

25 ноября 1884 г.

Глубокоуважаемый Михаил Евграфович!

Я прочел в «Сборнике» Литературного фонда сказку «Карась-идеалист». Вы, конечно, не нуждаетесь ни в защите, ни в поощрении, но я, читатель, кое в чем нуждаюсь. Прежде всего, впечатление громадно. Никогда еще мне на столь малом пространстве не давали современные писатели так много содержания и такого глубокого интереса; мало того, это до такой степени высоко-художественно, что я не могу притти в себя от удивления! Сказка, не более как сказка, а между тем — высокая трагедия! Но это, впрочем, не столь ново для вас, и потому писать вам только для выражения моего удовольствия и восхищения я, может быть, воздержался бы, но здесь есть один вопрос, важный лично для меня. Вы можете, конечно, оставить его без ответа, если ответа дать нельзя, или вы его не имеете.

Тот порядок вещей, который изображен в вашей сказке, выходит, в сущности, порядок — нормальный. Там карась и щука. Две породы, положим. рыбьих, но все же породы; то-есть, между ними не может быть никогда сближения. С первого раза разница в признаках так велика, что ни для кого никогда не будет вопроса, может ли щука перестать есть когда-нибудь карася. Но люди — другое дело: и тот из людей, кого можно уподобить карасю, и тот, кого уподобляют щуке, имеют одинаковый размер, строение тела, по одному плану исполненное, челюсти тоже одинаковые; словом для человека не есть бесплодная химера заботиться об улучшении людских отношений, тогда как для карася заниматься идеальными построениями — дело, очевидно, проигранное, и проигранное навсегда: кроме того проигрыш карася никому не будет казаться ужасным, тогда как проигрыш идеалиста-человека — ужасен безысходно.

А между тем, ваша параллель так беспощадно близка, и вывод столь мрачен, что мне хотелось бы от вас лично услышать мнение, если возможно. Я бы был непременно у вас сам, но меня никуда не выпускают, и потому приходится ограничиться письмом. А так как вы тоже нездоровы, то, быть может, сочтете возможным написать два слова. Я думаю о людях не хорошо, даже достаточно мрачно, но, чтобы решить мрачно о человечестве, у меня еще недостает храбрости, так как знаю, что после потери этой последней надежды жить не стоит. А я еще, в качестве человека-карася, надеюсь.

Глубоко уважающий вас И. Крамской

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Крамской, Иван Николаевич (1837—1887) — известный художник; его кисти принадлежат между прочим два портрета Салтыкова, написанные с натуры в 1877—1879 гг. Отзыв Крамского о «Карасе-идеалисте» интересен содержащейся в нем полемикой. Эта сказка Щедрина, как и большинство других, посвящена теме о переустройстве общества. Щедрин ставит вопрос о путях и методах этого переустройства. С чрезвычайной остротой выступает он здесь против той мелкобуржуазной мещанской идеологии, которая нашла себе яркое выражение в теории мирной пропаганды, теории обывательского утопизма, исходящего из предпосылки, что зло можно устранить убеждением, не прибегая к другим более радикальным мерам воздействия. В обстановке спада революционной волны (80-е годы) эта теория была, как известно, модной даже в среде вчерашних революционеров, не давая им возможности разобраться в важнейших политических событиях, правильно оценить политическую ситуацию. Всей своей сказкой Щедрин подчеркивает беспочвенность, политическое бессилие и наивность прекраснодушия «Карасяидеалиста», думающего уговорить щуку. Щедрин сочувствует идеалам карася-идеалиста, но издевается над его тактикой, заключающейся в том, что он полагает, будто бы эти идеалы можно осуществить без борьбы посредством «диспутов» со щукой, которая представляет собой в сказке насильнические власти и эксплоататорский класс. Классовой борьбы, ее непримиримости, столь ярко изображенной в сказке, как-раз и не понимает Крамской. Типичный интеллигент-восьмидесятник, Крамской подобно многим склонен был верить, как и карась-идеалист, в «бескровное преуспеяние». Сам он, не чувствуя повидимому всей злой иронии, так и называет себя в письме «человек-карась». Отзыв Крамского, квалифицированного читателя, несомненно типичен не только для него, а для всей среды либерально настроенной обывательской интеллигенции, которая, «сочувствуя» сатире Щедрина, вместе с тем не принимала и не могла принять и даже усвоить ее основного политического содержания и политических выводов. Письмо Крамского дает меру той трезвости, с которой умел Щедрин, не марксист, но трезвый демократ-просветитель, анализировать основные проблемы общественно-политической ситуации и политической тактики своего времени.

32

Л. Н. ТОЛСТОЙ

[1—3 декабря 1885 г.]

Очень был рад случаю, дорогой Михаил Евграфович, хоть в несколько официальной форме выразить вам мои искренние чувства уважения и любви, но тут же узнал про ваше нездоровье; и с горем уже стал следить за известиями в газетах и из них же, да от знакомых узнал, что вы поправились. Это отлично, только не верьте докторам и не портите себя лечением.

Пишу вам о деле вот каком: может быть вы слышали о фирме «Посредник» и о Черткове. Письмо это передаст вам В. Г. Чертков и сообщит вам те подробности об этом деле, которые могут интересовать вас. Дело же мое следующее: с тех пор, как мы с вами пишем, читающая публика страшно изменилась, изменились и взгляды на читающую публику. Прежде самая большая и ценная публика была у журналов — тысяч 20 и из них большая часть искренних, серьезных читателей, теперь сделалось то, что качество интеллигентных читателей очень понизилось — читают больше для

содействия пищеварению, и зародился новый круг читателей, огромный, надо считать сотнями тысяч, чуть не миллионами. Те книжки «Посредника», которые вам покажет Чертков, разошлись в полгода в ста тысяч экземплярах каждая, и требования на них все увеличиваются. Про себя скажу, что когда я держу корректуру писаний для нашего круга, я чувствую себя в халате, спокойным и развязным, но когда пишешь то, что будут через год читать миллионы и читать так, как они читают, ставя всякое лыко в строку, на меня находит робость и сомнение. — Это впрочем не к делу. К делу то, что, мне кажется, вспоминая многое из ваших старых и теперешних вещей, что если бы вы представили себе этого мнимого читателя и обратились бы к нему, и захотели бы этого, вы бы написали превосходную вещь или вещи и нашли бы в этом наслаждение, то, которое находит мастер, проявляя свое мастерство перед настоящими знатоками. Если бы я сказал вам все, что я думаю о том, что именно вы можете сделать в этом роде по моему мнению, вы бы, несмотря на то, что не считаете меня хитрым человеком, наверно бы приняли за лесть. У вас есть все, что нужно,— сжатый, сильный, настоящий язык, характерность, оставшаяся у вас одних, не юмор, а то, что производит веселый смех, и по содержанию — любовь и потому знание истинных интересов жизни народа. В изданиях этих есть не направление, а есть исключение некоторых направлений. Но напрасно я говорю это. Мы называем это так, что мы издаем все, что не противоречит Христианскому учению; но вы, называя это может быть иначе, всегда действовали в этом самом духе и потому-то вы мне и дороги, и дорога бы была ваша деятельность, и потому вы сами всегда будете действовать так. Вы можете доставить миллионам читателей драгоценную, нужную им и такую пищу, которую не может дать никто кроме вас.

Л. Т.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Комментарий к настоящему письму см. ниже в сообщении М. Чистяковой «Толстой и Салтыков».

33

Л. А. МУРАХИНА

Москва 31 июля 1888 г.

Высокоуважаемый Михаил Евграфович.

Дочтите до конца эти строки — хоть и незнакомого Вам человека. Долго тщетно ломала себе голову над трудным вопросом: к кому бы мне обратиться теперь, когда уж у самой, после 12-летней отчаянной борьбы, не хватает больше сил отстаивать свое существование... Родных—ни души не осталось; знакомые — все поголовно люди, с которыми сама делилась последним трудовым грошом. Много было таких, которые в состоянии бы были теперь помочь мне и словом и делом, да, работая с утра до ночи дома два дня, а третьи сутки проводя сплошь на службе, мне некогда было поддерживать эти знакомства, и таким образом я понемногу лишилась их... Чего я хочу от Вас... Ох! хотела бы, чтобы Вы, представляя собою один из редких. экземпляров человека между людьми, отнеслись ко мне тоже как к человеку, вошли бы в мое положение и указали бы мне... Да, вот, я лучше в кратких словах обрисую Вам себя. Родители мои были чистокровными аристократами, и по происхождению и по всему душевному своему складу; оба — крайние идеалисты; умерли почти вместе и оставили меня 15 лет ни с чем. До 11 лет я все путешествовала с ними, а тут поселились они в России; образования систематического никакого, но нахваталась кое-

чего; четырех лет выучилась читать по-немецки и стала пользоваться этим познанием, без всякого разбора — глотала все, что только попадало под руку. По-датски выучилась на родине матери — Дании; по-русски стала правильно говорить, хоть, конечно, с акцентом, через год. По-французски, английски, шведски, норвежски, латыни — нахваталась сама: возьму грамматику, освоюсь с «скелетом» языка, потом беру книгу, лексикон—и в месяц понимаю все. Была страшная охота марать бумагу — стала переводить, писать мелкие рассказы — печатали и платили с грехом пополам, и то только первое время, а потом увидели, что со мною церемониться нечего, так как я сама уж чересчур церемонюсь просить должного мне, и совсем перестали платить, а только все обещали. Вышла замуж за человека, который показался мне самородком — подготовила его как следует, поступила вместе с ним на государственную службу. Самородок этот оказался квинтэссенцией всего дурного... семь лет я мучилась с ним и с его родными и всех содержала... Приду с суточного дежурства—изобьет он меня, для того, чтобы осязательно доказать мне, что он муж и имеет право делать со мною все, что только взбредет в вечно пьяную башку,— я молча, не пикнув, не моргнув глазом, сажусь за стол и принимаюсь добросовестным образом стараться об интересах господ издателей. То и дело отрывают меня ради новых, невообразимо диких сцен; кончат они—я снова за бесплодную работу. И виду не показывала никому, что со мною творится, совестно было очень. Как я худенькая, тщедушная, страшно впечатлительная осталась жива и неискалеченною — это положительно чудо... В один прекрасный день и вздумала запротестовать и просить защиты властей, и вот уже третий год, как я борюсь, стараясь отделаться от зверя, называющегося моим мужем, но, не имея средств, никак не могу добиться этого. Служба дает мне 24 рубля в месяц, и из них я должна отдавать половину ему; не дам — переколотит все стекла, наделает скандала. Работы никакой нет, потому что старым издателям уж веры нет с моей стороны, а незнакомые не берут — нужна протекция; им мало того, что я работала 12 лет; нужны еще какие-то доказательства моего уменья работать. Дошла я в настоящее время до того, что ни надеть ничего, ни по целым дням есть ничего — только за квартиру плачу аккуратно; обессилела я так, что еле держу перо, а на службе масса работы,— совершенно я одна. Тут еще каждую минуту ждешь появления «мужа», который подвергнет всевозможным пыткам, да еще и издевается: «вот, мол, не можешь ты от меня избавиться, потому — денег нет, а будь в кармане лишняя сотняга, живо бы отделалась...» Стала я в последнее время учиться по-английски настолько, чтобы переводить на этот язык с русского; когда мне это удастся, я буду обеспечена, там интересуются всем русским да и платят не по-здешнему; но до тех пор я... просто сил не хватит дождаться этого результата. Молю Вас, как проповедника истины и гуманности, молю Вас, замолвите где-нибудь словечко за меня, чтобы мне дали хоть одну работу — перевод какого угодно трудного сочинения и заплатили бы мне. Мне больше одной работы и не нужно, а там уж не стану отнимать у других хлеб, забивать другим дорогу... Спасите меня, во имя человеколюбия. Я еще молода и мне так хочется еще жить.. верьте совести моей: вот уже третий месяц как я питаюсь одним хлебом да водою. Да и то первого часто не хватает. На дворе осень, а у меня ни башмаков крепких, ни платья хоть мало-мальски теплого — все стащено мужем в заклад. Он хоть теперь и не живет вместе со мною, но часто врывается и берет все, что только можно взять... Виновата: делал так до 1-го числа июля, когда я упросила полицию припугнуть его, и я надеюсь, что если бы мне теперь дали работу, то все пошло бы уже на меня лично, и я живо поправилась бы настолько, чтобы иметь возможность сделать тот труд, который помог бы мне окончательно

ожить во всех отношениях... Снова умоляю, войдите в мое горькое положение и попросите кого из Ваших знакомых издателей дать работы; поверьте, останутся довольными. У меня сейчас переведено два маленьких рассказа с английского, да не знаю, куда бы приняли.

Жду с нетерпением благосклонного ответа. Простите, что беспокою.

Ваша старинная поклонница

Любовь Алексеевна Мурахина

Москва, Пятницкая улица, телеграф № 29.

34

Ф. Ф. ПАВЛЕНКОВ

11 февраля [18]89 г.

Многоуважаемый

Михаил Евграфович!

Я согласен на Ваше последнее предложение об отдельном издании, но желал бы привести его в связь и слить с тем первоначальным проектом договора, который Вы мне предлагали прочесть для сведения. Как можно было бы соединить то и другое вместе—я изложил в общих чертах на прилагаемом листке почтовой бумаги, который и посылаю на Ваше усмотрение.

С совершенным почтением

Ф. Павленков

1

Павленков уплачивает М. Е. Салтыкову 20 тысяч рублей.

2

За это Павленкову предоставляется право издать 12 тысяч экземпляров «Полного Собрания сочинений М. Е. Салтыкова» и выпустить в продажу половину означенного издания, а другая половина его (6000 экз.) передается автору, или кому он укажет, на хранение *.

3

Не позднее как через год после выхода в свет означенного издания** Павленков имеет право получить из переданной автору половины издания 3000 экземпляров, внося при этом Салтыкову еще 22 тысячи рублей; а через два года после того же выхода к Павленкову переходят остальные 3000 экз. вместе с правом собственности на все произведения Салтыкова, вошедшие в состав вышеупомянутого издания — если Павленков через эти два года уплатит Салтыкову еще 21 тысячу рублей, а всего в общей сложности 63 000 р.

4

В случае если бы Павленков не уплатил Салтыкову которого-либо из означенных в предыдущем пункте срочных платежей,—все находящиеся у автора на хранении экземпляры изданных Павленковым «Сочинений М. Е. Салтыкова» становятся собственностью *** Салтыкова.

[Замечания М. Е. Салтыкова сделанные его рукою на полях письма Ф. Ф. Павленкова:]

* Какая будет цена за экземпляр? Где хранить, как наблюдать? и кто будет за хранение платить? Ежели цена 10 р., то 6 т. экз. оставить мало.

** Не после выхода в свет, а после подписания условия.

*** а о праве собственности не может быть и речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Главной заботой Салтыкова в последние месяцы его жизни был вопрос об издании его сочинений. В большей части писем Салтыкова за 1889 год эта тема поглощает все внимание писателя. Известно, что длительные (начиная с 1880 г.) переговоры Салтыкова почти со всеми крупными книгоиздателями того времени — Вольфом, Саблиным, Серебряковым, Салаевым, Солдатенковым — так и не привели к благоприятному исходу. В марте 1889 г., т. е. за полтора месяца до смерти, Салтыков приступил к изданию своих сочинений сам. Но непосредственно перед принятием этого решения, а именно в феврале, была сделана еще одна попытка «найти подходящего издателя». Салтыков вступил в переговоры с В. Ф. Павленковым. Об этих переговорах, собственно только о факте их существования, имелись до сих пор крайне скудные сведения, содержащиеся в записке Салтыкова к Л. Ф. Пантелееву от 4 февраля 1889 г. («Письма», 1924 г., № 301). С опубликованием письма Павленкова, содержащего предложенные им Салтыкову условия, выясняется таким образом еще один «темный» вопрос в истории издания «собрания сочинений» сатирика. Замечания Салтыкова (знаки сносок при соответствующих пунктах условий и текст самих сносок) его рукою (карандашом) на рукописи письма. Интересно третье замечание: «а о праве собственности не может быть и речи». Павленков, подобно другим издателям, настаивал на передаче ему права собственности на все произведения Салтыкова, которые были включены в состав первого собрания сочинений. Но как-раз это условие и было неприемлемо для Салтыкова по мотивам отнюдь не материального только порядка. Несколько ранее по поводу аналогичного павленковскому предложения издательской фирмы Сибирякова. Салтыков так писал Белоголовому: «У меня случился казус — Сибиряков (Иннокентий) восхотел приобрести право собственности на мои сочинения как прошлые, так и будущие. Предложил 50 тыс., и я было согласился, но когда дело дошло до купчей, то меня взяло раздумье: а что если этот господин с о в с е м меня не будет издавать и, так сказать, исключит на 50 лет из литературы. Скажет: не хочу я этого писателя, чтобы о нем в литературе значилось. Ведь ему 50 тыс. ничего не стоят. Или призовут его и скажут: «Не сметь издавать». Я предложил вследствие этого такое условие: издание полного собрания обязательно не позже как через шесть лет, а в противном случае сочинения делаются общим достоянием. Но он отказался».

Упорно отвергая передачу кому-либо права собственности на свои сочинения и соглашаясь лишь на то, чтобы они стали «общим достоянием», Салтыков таким образом стремился оградить «не только свое права быть изданным, но и право публики читать изданное» («Письма», 1924, № 289). История переговоров Салтыкова с издателями (подробнее см. об этом в обзоре С. Макашина «Судьбы литературного наследства Салтыкова-Щедрина» в третьей книге «Литературного Наследства», стр. 284) показывает, что опасения писателя были не всегда лишены достаточных оснований. Неприемлемый для Салтыкова пункт о «праве собственности» несомненно и обусловил прекращение переговоров с Павленковым.

Письмо Павленкова сохранилось в ИРЛИ в бумагах И. А. Шляпкина. К Шляпкину письмо попало от профессора Дзеховского, как это явствует из сопроводительного письма последнего к Шляпкину из Кракова от 7 января 1892 г., начинающегося словами: «Многоуважаемый Илья Александрович. Не забыл я данного вам обещания и пользуюсь случаем прислать вам автограф Щедрина, который я нашел на днях среди своих бумаг...»

Письмо сообщено редакции «Литературного Наследства» Вас. Гиппиусом.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ К САЛТЫКОВУ

Предисловие Д. Заславского
Публикация Н. Яковлева

САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН О ЧИТАТЕЛЕ

Салтыков-Щедрин писал Анненкову в августе 1875 г.:

«Знаете ли, я начинаю думать, что моими писаниями никто не интересуется, и что «Отеч. Записок», несмотря на 8 тыс. подписчиков, никто не читает. Т. е. читает какой-то странный читатель, который ни о сочувствии, ни об негодовании заявить не может. Это вопрос очень интересный, кто теперешний русский читатель? Во всяком случае, он читает в одиночку... ни с кем не делясь своими впечатлениями. Это штука почти безнадежная, и на старости лет тяжело ее переживать».

Конечно это очень интересный вопрос, что представлял собой читатель «Отечественных Записок» середины 70-х годов. В ответе на этот вопрос пожалуй не затруднился бы любой журналист-народник из числа ближайших сотрудников «Отечественных Записок». Кто читатель? Да это ясно. Читатель «Отечественных Записок» 1875 г. это — в терминологии того времени — передовая русская интеллигенция, народническая интеллигенция, «социалистическая» интеллигенция. Читатель «Отечественных Записок» — это критически мыслящая личность, представитель того активного меньшинства, той именно общественной силы, на которую русская история возложила задачу освободить трудящихся от власти помещичье-дворянского абсолютизма, освободить от власти капитала, а также попутно и от всякого ига государственности. В терминологии нашего времени читатели «Отечественных Записок» — это представители радикально-демократической буржуазной интеллигенции, левым крылом которой были революционные народнические организации.

Но то, что ясно было, скажем, Н. К. Михайловскому, совершенно повидимому не ясно было Салтыкову-Щедрину. «Отечественные Записки» в 1875 г. были в расцвете своего литературно-политического влияния, а политическая жизнь в России была в это время на подъеме, и хотя за год перед этим потерпел поражение первый серьезный отряд народнической молодежи, двинувшийся на завоевание для революции всего крестьянства, но неудача «хождения в народ» не повлекла за собой общей депрессии. Она вызвала лишь критический пересмотр прежних народнических путей и поиски нового пути для революции.

Русское буржуазное общество выдвинуло в это время из своей среды многочисленную разночинную молодежь, которая более или менее искренне отдавала себя на служение *народу*, в некоторой части была охвачена и подлинным революционным энтузиазмом, верила в социалистическую крестьянскую общину и в «Отечественных Записках» искала и находила философское, социологическое и историческое обоснование своей веры. На руководителей «Отечественных Записок» народническая молодежь смотрела как на своих учителей, хотя и знала, что сами руководители — не революционеры. «Народная Воля» впоследствии писала об «Отечественных Записках», уже закрытых, что это был особо «любимый публикой» журнал. У нас есть и многочисленные свидетельства современников о том, что передовая революционная молодежь

70-х годов с нетерпением ожидала выхода очередной книжки «Отечественных Записок» и часто читала журнал коллективно, в кружках.

И все-таки Салтыков-Щедрин, один из редакторов журнала, спрашивает в некотором недоумении, кто же он, читатель «Отечественных Записок»? И указывает на отсутствие постоянной, организованной связи между читательской массой и виднейшими писателями. В отсутствии организованности он видит и отличительную черту читателя 70-х годов. Этот читатель, по мнению Салтыкова-Щедрина, «читает в одиночку». Во всяком случае он не делится своими впечатлениями с писателем, и писатель чувствует свое одиночество, особо тягостное в старости.

* * *

Так писал Салтыков-Щедрин в 1875 г., когда «Отечественные Записки» пользовались несомненным и большим успехом, когда журналу еще не угрожала непосредственная опасность прекращения, когда и радикально-демократическая интеллигенция еще была очень далека от падения и маразма последующего десятилетия. Несмотря на весь блеск и шум народничества 70-х годов, Салтыков-Щедрин относился к народнической интеллигенции с некоторым недоверием. Оно кажется тогда как будто еще ничем неоправданным. В желчной тираде Салтыкова-Щедрина легко прочитать его личные пессимистические настроения. Им можно противопоставить беглое его замечание о читателе в другом письме к тому же Анненкову в октябре 1880 г. Он пишет: «К счастью, читатель в последнее время меня полюбил. Помнит, что хорошо сказалось, и снисходит (забывает), что сказалось слабо или темно. Но помнит только потому, что я сам беспрестанно напоминаю о себе: иначе он бы меня забыл».

Оставим в стороне вопрос, почему «в последнее время», к 1880 г., отношение читателя к Салтыкову-Щедрину как бы изменилось. Это «последнее время» совпадает и с поворотом в самом народничестве, с победой в народничестве политического течения — народовольчества. Но и тут благоприятный отзыв о читателе ослаблен критическим замечанием. Салтыков-Щедрин не доверяет своему читателю. Нет постоянных и прочных нитей, которые связывали бы писателя и читателя. А это значит, что не чувствует Салтыков-Щедрин себя своим среди народнической интеллигенции 70-х годов. Эта интеллигенция, по признанию самого Салтыкова-Щедрина, любит его, относится к нему снисходительно, но есть взаимный холодок в их отношениях. И он ей как будто чужой, и она ему не совсем родная.

Мы видим таким образом, что вопрос о том, кто читатель «Отечественных Записок» — это действительно «очень интересный вопрос». Он выходит за рамки обычной постановки вопроса о читателе и писателе. Это часть общего и важнейшего вопроса об отношении Салтыкова-Щедрина к народническому движению 70—80-х годов. Писатель спрашивал, кто читатель. Но и читатель того времени спрашивал, кто писатель. Обе стороны искали ответа, и ответ повидимому не удовлетворял ни одну, ни другую сторону.

* * *

Интересуясь современным русским читателем, Салтыков-Щедрин не делал его очередной темой для своей сатиры вплоть до 1884 г., когда «Отечественные Записки» были прихлопнуты в порядке общей расправы с революционным движением. Такова была официальная мотивировка закрытия журнала. Чуть ли не первой мыслью Салтыкова-Щедрина была мысль о читателе, и он снова встал перед писателем в виде вопросительного знака. Кто он, читатель?

Журнал был закрыт 20 апреля 1884 г., а 3 мая Салтыков-Щедрин писал Анненкову: «Прежде, бывало, живот у меня заболит,— с разных сторон телеграммы шлют: живите на радость нам! а нынче вон, с божьей помощью, какой поворот! — и хоть бы одна либеральная свинья выразила сочувствие... Обидно следующее: человека со связанными руками бьют, а пошехонцы разиня рот смотрят и думают: однако, как же его и не бить! ведь он — вот какой!»

«Получил от добровольцев несколько соболезновательных писем — немного, но и то под псевдонимами», писал Салтыков-Щедрин Анненкову 26 мая.

В письме Боровиковскому 17 мая Салтыков-Щедрин жаловался: «...покуда чувствую только повсеместную боль. Чувствую также, что я лишен возможности периодически беседовать с читателем, и эта боль всего сильнее... Только и любил одно, это полуотвлеченное существо, которое зовется читателем. И вот с ним-то меня разлучили».

Эту же мысль повторяет Салтыков-Щедрин в письме к Михайловскому 29 июня: «...с тех пор как у меня душу запечатали, нет ни охоты, ни повода работать. Вся суть заключалась в непрерываемом общении с читателем. Для русского литературного деятеля это, покаместь, единственная подстрекающая сила».

Через месяц он повторяет в письме к тому же Михайловскому: «Провидение послало мне ужасную старость. Я на свете любил только одну особу — читателя — и его теперь у меня отняли».

Повидимому Михайловский выразил и свое мнение о читателе, нам неизвестное, и Салтыков-Щедрин как бы отвечал на сделанное ему возражение в письме 11 августа: «О читателе скажу вам, что хотя я страстно его люблю, но это не мешает мне понимать, что он великий подлец».

Ни один из великих русских писателей не отзывался с такой любовью о читателе, как Салтыков-Щедрин, ни для кого читатель не был такой жизненной необходимостью,— и вместе с тем Салтыков-Щедрин об этом своем читателе даже в минуту любовных признаний говорил со всей критической резкостью. Странный это был и тяжелый роман писателя — с народнической русской интеллигенцией.

* * *

Горьким мыслям своим об одиночестве писателя и о читателе Салтыков-Щедрин дал выражение в известных очерках «Приключение с Крамольниковым» и «Имярек». Это было решительное объяснение с читателем,— объяснение, в котором писатель говорил за обе стороны.

Первый очерк Салтыков-Щедрин назвал «Элегией-сказкой» и включил в серию сказок. Но в серии очерк выделяется особым своим характером. Это действительно своеобразная сатирическая элегия, мы находим в ней те же интимные признания, которыми Салтыков-Щедрин делился со своими друзьями в письмах. «Крамольников был коренной пошехонский литератор, у которого не было никакой иной привязанности, кроме читателя, никакой иной радости, кроме общения с читателем... В этой привязанности к отвлеченной личности было что-то исключительное, до болезненности страстное». Так повторяет в очерке Салтыков-Щедрин почти дословно уже приведенные выдержки из писем. И дальше очерк раскрывает отношения между писателем и читателем в тяжкую для первого минуту. Читатель-обыватель, читатель-либерал отвернулся и предал писателя. Но не к этому читателю и обращался Салтыков-Щедрин, не от него ожидал участия и поддержки. Для этого читателя у Салтыкова были только сатирические образы и клички. «Там и сям раздавалось развязное гуденье. То было гуденье либералов, недавних друзей его. Одних он обгонял, другие шли навстречу. Но — увы! — никакого оттенка участия не виделось на их лицах. Напротив, на них уже успела лечь тень отступничества».

«Хоть бы одна либеральная свинья выразила сочувствие!» формулировал это свое отношение к либералам Салтыков-Щедрин и в интимном письме. С либералами у Салтыкова были свои давние счеты, и для романа с ними никакого места не оставалось. Говоря о читателях-либералах, Салтыков-Щедрин характеризовал в метких сатирических образах повальное предательство буржуазной интеллигенции после 1 марта. Страх перед революцией заставлял эту интеллигенцию и в Салтыкове-Щедрине видеть опасного человека, чуть ли не революционера. Близость к Салтыкову пугала, от него открещивались теперь и в либеральной литературе, и в быту. Но это всего меньше могло доставлять ему самому мучительные минуты, и если именно в это время особенно часто подвертывается под его перо выразительное слово «оброшен-

ность», выпавшее из современного литературного словаря, то уж конечно не потому, что бросили его в трудную минуту представители либеральной литературы и общественности.

Это состояние оброшенности с поразительной силой выражено в очерке «Имярек». Это небольшое произведение Салтыкова-Щедрина достаточно хорошо известно, и напомнить надо только несколько строк. Имярек — «писатель по природе», писатель, в каждой строке которого «звучало убеждение... но убеждение это, привлекая к нему симпатии одних, в то же время возбуждало ненависть в других. Симпатии утопали в глубинах читательских масс, не подавая о себе голоса, а ненависть металась воочию, громко провозглашая о себе и посылая навстречу угрозы. Около ненависти группировалась и обычная апатия среднего человека, который не умеет ни любить, ни ненавидеть, а поступает с таким расчетом, чтобы в его жизнь не вкралось недоумение или неудобство. Такое сомнительное содержание жизни Имярека должно было дать и соответственные результаты. А именно: в смысле общественного влияния — полная неизвестность; в смысле личной жизни — оброшенность, пренебрежение, почти поругание».

Краски несколько сгущены в этом очерке, если принимать его полностью за автобиографию. Но в действительности это совсем не автобиография, хотя в основе очерка лежат мотивы из жизни Салтыкова-Щедрина и говорит он в значительной мере и о себе. Здесь дан потрясающей силы очерк общественных настроений реакции 80-х годов, и образ Имярека — это в такой же мере образ Салтыкова-Щедрина, как и вообще всего, что было связано в лицах с революционным подъемом конца 70-х годов. «Оброшенной» оказалась революция. «Оброшенными» оказались народовольцы. «Оброшена» была вся радикально-демократическая литература, и на смену ей полезла из реакционных щелей проповедь смирения, малых дел, личного самоуглубления, культурного крохоборства и т. д. Левое, революционное крыло народничества было разбито и истекало кровью. Торжествовало правое, смыкавшееся с буржуазным либерализмом.

Какое участие принимала в этом общем бегстве буржуазной народнической интеллигенции от революции читательская аудитория «Отечественных Записок»? Ответить на этот вопрос в точных цифрах невозможно. Но кое-какие цифры существуют. Салтыков-Щедрин с горечью отмечал в письмах к Михайловскому все увеличивающееся падение тиража «Отечественных Записок» после «первого марта». Вокруг еще так недавно «любимого публикой» журнала образовывалась пустота. Но выразительнее, чем цифры тиража, говорило явно ощущаемое писателем состояние оброшенности. Читатель уходил, а тот, который оставался, замыкался в молчании. Закрытие журнала не вызвало никакого заметного движения в публике. Политическая свирепая реакция отбила у буржуазной интеллигентной молодежи всякую способность к коллективному протесту.

Однако нельзя сказать, что именно в эту трудную минуту перед Салтыковым-Щедриным и открылось подлинное лицо читателя «Отечественных Записок», его неустойчивость, политическая дряблость, неспособность оказать своему журналу действенную поддержку, а если поддержка так опасна, то по крайней мере свое участие. Вспомним, что и в 1875 г. Салтыков-Щедрин относился к читателю с недоверием, что уже и тогда он открывал в читателе своего журнала черты распыленности, неорганизованности, неумения и нежелания окружить журнал, литературу атмосферой дружеского, товарищеского содействия.

Но Салтыков-Щедрин знал и то, что может ответить часть читателей «Отечественных Записок» в свое оправдание, и знал, что это оправдание читателя есть обвинение по адресу писателя.

«Внутренний голос» говорил Крамольникову: «Твой труд был бесплоден... Ты протестовал, но не указал ни того, что нужно делать, ни того, как люди шли вглубь и погибали, а ты слал им вслед свое сочувствие. Но это было пленное раздражение мысли, — раздражение, положим, доброе, но все-таки только раздражение».

Так формулировал Салтыков-Щедрин обвинение, которое, как мы знаем, и в действительности предъявляла Салтыкову-Щедрину часть читателей вслед за некоторыми писателями. Салтыков-Щедрин не отводил этого обвинения. Он признавал, напротив, что свою писательскую оброшенность он с особой остротой почувствовал только после того, как был закрыт его журнал. Он не почувствовал с такой же остротой оброшенности всего революционного движения, растоптанного царизмом в союзе с остервеневшими помещиками и впавшей в панику буржуазией. Салтыков-Щедрин относился с недоверием к читательской аудитории «Отечественных Записок», но и часть этой аудитории, как-раз наиболее ценная, наиболее решительная, имела основание относиться с холодком к писателю. Революционная народническая интеллигенция высоко ценила и уважала Салтыкова-Щедрина. Но она не считала его *своим* писателем. Он критически смотрел на то, что в представлении революционного народничества не подлежало никакой критике. Он не разделял веры в социалистическую общину и в социалистическую революцию крестьянства. В нем крепко жил старый шестидесятник с такими представлениями о буржуазной демократии, которые никак не мирились с народническими представлениями о возвышенной миссии исконных русских общинных начал. Он не был революционером, и среди революционных народников были такие, которые причисляли его к буржуазным либералам.

* * *

Очерки «Приключение с Крамольниковым» и «Имярек» расшевелили читателя. «Пошла писать»... русская буржуазная интеллигенция 80-х годов. До нас дошла лишь небольшая часть того потока писем, который излился на Салтыкова-Щедрина. В количественном отношении читатель, мы бы сказали теперь, «выполнил норму», может быть даже «перевыполнил». Вряд ли другой выдающийся русский писатель получал столько писем от читателя.

Салтыков-Щедрин получал конечно немало писем и до своих очерков о читателе, но очень много было среди этих писем такого обывательского вздора, который мог лишь шевелить сатирическую желчь писателя. Ученица консерватории Людмила Г. писала, — едва ли не на бумаге розового цвета: «Ваше последнее «Письмо к тетеньке», милый, бесценный, незабвенный Щедрин, привело меня в бешеный восторг. Все ваши письма читаются мной с увлечением. Но апрельское письмо произвело на меня особое впечатление. Я не в силах не выразить любви к вашим статьям. Простите фамильярность одной из учениц консерватории». Ветеринарный врач Кравцов, рассыпаясь в комплиментах, просил дать автограф в альбом великих людей, давно и тщательно подбираемый... Читатель Белявский, выражая свое искреннее сочувствие, советовал натираться какой-то мазью против ревматизма. Все это были, согласно позднейшей терминологии самого Щедрина, читатели-простецы, и к ним Щедрин относился с насмешкой, не всегда добродушной.

Признаком хорошего либерального, даже демократического тона у буржуазной молодежи того времени было: напившись в ресторане по случаю какой-нибудь годовщины, рассылать свободолюбивые телеграммы по всяким адресам. Салтыков-Щедрин принадлежал к числу таких адресатов, и окончившие курс студенты-медики выпуска 1885 г. «пьют здоровье Щедрина» и просят при этом непременно ответить им в газете, чтобы прославить молодых либеральных врачей. Щедрин не отвечал. В 1889 г. пришла в квартиру тяжко больного писателя такая, кабацким духом пропитанная телеграмма: «Москва. Большинство учащейся и учащей молодежи шлет свой привет в день Татьяны. Петровский ресторан».

Были, напротив, и очень трезвенные письма, послания и телеграммы. От них веяло тем именно прокисшим духом либеральной русской провинции, с которым сатирик неустанно воевал всю свою жизнь. «Семейно-драматический кружок» в Щиграх спешил порадовать писателя тем, что избрал его своим почетным членом, а самарская городская дума просила выслать ей портрет писателя, чтобы повесить его в «зале Александра II» среди портретов министров и других деятелей «прошедшего царствования».

Такое либеральное постановление городская дума вынесла в 1882 г., когда еще тлели последние искры либерализма 70-х годов, а вскоре эти же либералы в других местах спешно выносили и прятали портреты и бюсты Салтыкова-Щедрина.

Все эти корреспонденты Салтыкова-Щедрина были и его читателями. И сатирик, беспощадно сдиравший маски в своих произведениях, не мог не видеть, что пишут ему, любят его, выражают свое сочувствие им же в сатирах осмеянные герои.

Но были и другие письма. Говорил и другой читатель, более серьезный, более вдумчивый. Приходили коллективные адреса и обращения от студенческой молодежи различных университетских городов — от студентов Московского университета, Новороссийского, Казанского, Ново-Александрийского института, Горного института в Петербурге, от гласных Тверского земства, числившегося тогда в ряду наиболее передовых и либеральных, от редакций провинциальных газет, от кружков читателей в разных городах... Салтыков-Щедрин не мог пожаловаться на то, что он совсем «оброшен». Во всех этих письмах и обращениях выражалась теплая, сердечная любовь. Читатель хором уверял писателя, что он совсем не одинок, что он окружен самым горячим вниманием, что от него ждут новых статей, новых сказок, сатирических очерков, что он нужен читателю теперь еще больше, чем прежде. Среди современников Салтыкова-Щедрина ни один конечно не мог бы собрать такой коллекции читательских писем. Это говорит в достаточной мере о популярности Салтыкова-Щедрина. И для суждения о том, кто современный русский читатель и кто в частности читатель «Отечественных Записок» и Салтыкова-Щедрина, писатель имел перед собой богатый материал.

В нашем распоряжении сейчас лишь небольшая уцелевшая часть архива Салтыкова-Щедрина, но и оставшихся писем достаточно, чтобы наглядно представить себе лицо читателя, наиболее связанного с «Отечественными Записками». Это — буржуазная интеллигенция. Это в большинстве врачи, педагоги, земские деятели всякого рода — и гласные, и «третий элемент»,—это студенты. Очень слабо представлен ученый мир и отсутствует мир технический. Точно также полностью отсутствует капиталистическая буржуазия и крупная адвокатура. Читатели Салтыкова-Щедрина и «Отечественных Записок» — это представители наиболее демократических свободных профессий, именно та социальная среда, которая носила радикально-демократическую окраску. О прочности этой окраски свидетельствует то, что среди молодежи, чествовавшей Салтыкова-Щедрина, выражавшей ему свое сочувствие, немало студентов технических институтов, будущих инженеров, но совсем нет уже действующих инженеров. Под студенческими адресами сотни подписей, в подавляющем большинстве своем все это совсем неизвестные имена, но можно ли сомневаться в том, что большинство этой пылкой молодежи быстро остывало по окончании университета на теплых чиновничьих и всяких иных местах?

Все это та именно буржуазная интеллигенция, которая с поразительной быстротой проделывала свое превращение в «чеховских интеллигентов», с радикальными увлечениями в прошлом, с мещанским, трезвенным отношением к текущей жизни, с болотным прозябанием в провинциальной тине, с выпивками и закусками, с взятками и погоней за гонораром, с приспособлением к развивающемуся капитализму. Радикализм линял не по дням, а по часам. Оставалась сладенькая либеральная фраза. Оставалось от всей свободолюбивости 70-х годов только традиционное пьянство в Татьянин день, когда и околоточные надзиратели снисходительно относились к бушующему русскому интеллигенту, ниспровергающему мир из-под скатерти ресторанного стола.

Те, кто писал Салтыкову-Щедрину, принадлежали к лучшим среди этой линяющей народнической интеллигенции. В их письмах поражает та либеральная расплывчатость, та «гуманистическая» словесная дребедень, которая сменила несравненно более выразительный язык народничества 70-х годов. В письмах читателя — сплошь «жалкие слова». Их нисколько не украшает либеральный пафос, и когда студенты Новороссийского университета преподносили сатирику в виде утешения: «Стой, солнце над Гафоном и луна над долиной Апалаонской», то они давали лишь материал для сатирического яда.

Художник И. Н. Крамской, написавший известный портрет Салтыкова-Щедрина, пришел в восхищение от сказки «Карась-идеалист». В письме к Салтыкову он рассыпался в восторженных словах: «Никогда еще мне на столь малом пространстве не давали современные писатели так много содержания и такого глубокого интереса; мало того: это до такой степени высокохудожественно, что я не могу притти в себя от удивления!» Чем не «читатель-друг»! Но под прикрытием восторженных слов художник-либерал, поддерживавший дружеские отношения одновременно и с Л. Н. Толстым, и с нововременцем Сувориным, строго упрекал сатирика за беспощадное разоблачение фальшивого, слюнявого идеализма, за осмеяние толстовщины, за сдирание маски с прекраснодушных либералов-гуманистов, которые своей словесностью только облегчали «щуке» ее реакционную расправу с людьми бесстрашной мысли и отважной борьбы. (Письмо Крамского печатается в предыдущей публикации, см. стр. 383).

Среди писем, полученных Салтыковым-Щедриным, два обращают на себя особое внимание. Это наиболее пространные и наиболее деловитые письма. Они дают очень отчетливое представление о настроениях передовой буржуазной молодежи того времени. Одно письмо написано Платоном Платоновичем Симиренко, другое Николаем Николаевичем Луженовским.

П. П. Симиренко — это родной брат Льва Платоновича Симиренко, который тогда находился в ссылке как участник народовольческой организации на юге России. Семья Симиренко известна в истории украинского общественного движения. Старшее поколение этой богатой семьи сахарозаводчиков играло видную роль в буржуазном украинофильстве. На Городищенском сахарном заводе гостил Тарас Шевченко и перебывали виднейшие представители украинской либеральной буржуазии. Но на этом же заводе опорную базу устраивали и виднейшие представители революционного народничества, и породнилась семья богатейших украинских капиталистов с самим Желябовым.

П. П. Симиренко по возрасту принадлежал к младшему поколению. Конечно он был читателем «Отечественных Записок», был поклонником Салтыкова-Щедрина, относился вероятно с сочувствием к деятельности своего брата. Но в письме своем этот молодой человек призывает Салтыкова-Щедрина возглавить авторитетным именем своим поворот народнической интеллигенции от революции к «легальному служению» своему народу. Как-раз, тогда, когда в своих сказках Салтыков-Щедрин высмеивал либеральное приспособленчество к реакции, высмеивал либеральную вяленую воблу, карася-идеалиста, бросал крылатое свое слово о «приспособлении к подлости»,—молодой и восторженный почитатель предлагал Салтыкову согласиться с тем, что «лучше паллиатив, чем ничего». И об этом же писал другой молодой и не менее восторженный читатель — Н. Н. Луженовский. Вот какое признание делал он, делал, думая порадовать этим Салтыкова-Щедрина: «Теперь народился новый тип читателя, правда, не особенно многочисленный, но которому предстоит все разрастаться: это люди, родившиеся в конце 50-х годов, начале и первой половине 60-х годов. Они далеки от розовой благодушности и сытого квиетизма «отцов сороковых годов», но и не так близоруко запальчивы, не так стремительны, но и вовсе не заморожено-холодны, как можно полагать из противоположения их людям героям и не героям нашего Штурм унд Дранг'а. Эти люди — будущие работники эволюционной науки и практической техники двадцатого столетия. Среди молодежи попадаются такие трезвенные натуры, дети купцов, крестьян, мещан, мелких чиновников. Между ними много эгоистов, они кажутся холодноватыми на вид, при знакомстве скучноватыми, но в дружбе и в деле они тверды и стойки. Между ними вы — важный и чтимый писатель».

Устами этого еще наивного молодого человека говорил с Салтыковым-Щедриным сам торжествующий победу над революцией капитал. Он выбрасывал за борт как негодную ветошь и дорогие Салтыкову-Щедрину идеалы утопического социализма, и революционное народничество 70-х годов. На место всего этого выдвигалась «эволюционная наука и практическая техника». Нельзя было яснее формулировать программу и запросы почувствовавшей свой час капиталистической буржуазии. Ее молодой представитель снисходительно поучал Салтыкова-Щедрина, что требуется от него теперь всего

больше «художество» и описание старины, а неуместна «журналистика», «публицистика». Мы знаем, что именно на этой точке зрения стояла и вся либерально-буржуазная критика. Она не могла простить Салтыкову-Щедрину его «публицистику», потому что эта сатирическая публицистика всего больнее била именно по либерализму.

Таков был читатель «Отечественных Записок», — по крайней мере тот читатель, который оказался всего ближе к Салтыкову в последние дни его литературной деятельности, который поспешил с выражением своего сочувствия, со своей моральной поддержкой.

Не откликнулся, не подал вести о себе тот читатель «Отечественных Записок», который несомненно относился с уважением к Салтыкову-Щедрину, но от имени которого Салтыков-Щедрин ставил вопрос об отношении и журнала и его собственном к революционному движению — к народовольчеству. Правда, журнал «Народная Воля» откликнулся статьей на закрытие «Отечественных Записок», но в этой статье всего больше осмеивалось царское правительство за то, что в легальном журнале усмотрело «очаг революции». и думало запрещением журнала искоренить революцию. «Народная Воля» заявляла уверенно, что революционное движение существует, как и прежде, и основная сила его, революционная интеллигенция, представляет грозную величину, которая покажет себя в новых выступлениях. Эту статью в «Народной Воле» писал Н. К. Михайловский, и статья была защитой коренной позиции народничества. Михайловский требовал веры в интеллигенцию как движущую силу революции. На этой вере стоял в общем журнал «Отечественные Записки». Но этой веры нисколько не разделял Салтыков-Щедрин. Многочисленные письма читателей его не убедили.

* * *

Ворох читательских писем давал конечно Салтыкову-Щедрину богатый материал для суждения о читателе в дополнение к тем впечатлениям, которых достаточно накопилось у писателя за десятилетия его литературной работы. Некоторые письма трогали Салтыкова-Щедрина своей искренней теплотой, своей сердечностью. Михайловский вспоминает о таком эпизоде: «Очерк Имярек произвел в свое время сильное впечатление как личная исповедь знаменитого автора. Он получил много писем. Одно из них пришло в моем присутствии, и Салтыков, жалуясь на слабость зрения, просил меня прочитать его. Я никогда не забуду этой сцены: слушая письмо, Салтыков, по обыкновению, ворчал и в то же время плакал... Автор письма называл его «святым стариком», доказывал, что не крохи и мелочи у него в прошлом, что не одинок он и не может быть одинок... Письмо было хорошее, звучало искренностью... Корреспондент был настоящий «читатель-друг», общение с которым Салтыков, как мы видели, считал драгоценным для каждого убежденного писателя...»

Михайловский, вопреки обету своему «не забывать», кое-что успел забыть. Письмо о котором он говорит, было написано не в связи с «Имяреком», а с «Приключением с Крамольниковым». Письмо так и начиналось: «Крамольников, ты спрашиваешь...» Некто Семенов из Самары обращался к Салтыкову-Щедрину в возвышенном стиле, при этом на «ты». Но дело не в небольшой неточности Михайловского, а в его оценке писем подобного рода. Этот Семенов был, по мнению Михайловского, «настоящий читатель-друг». Поистине не требователен был идейный вождь народничества! Его удовлетворяли общие расплывчатые фразы в патетическом воззвании российского интеллигента. Салтыков-Щедрин был тронут теплотой письма. Но оно не заставило его изменить взгляд на читателя «Отечественных Записок» — другими словами, на интеллигента 70—80-х годов.

В 1887 г. Салтыков-Щедрин напечатал в «Русских Ведомостях» свои очерки «Читатель». В них обобщены те мысли, которые давно накоплялись у писателя. Читателя Салтыков-Щедрин делил на четыре основные категории: читатель-ненавистник, солидный читатель, читатель-простец и читатель-друг. Первым трем категориям посвящены довольно пространные очерки, и на характеристике их здесь нет нужды останавливаться. Читатель-ненавистник — это вся масса помещичье-дворянской и буржуазно-

капиталистической реакции; солидный читатель — это умеренный либерал; читатель-простец — обывательская вобла, мелкобуржуазная, мелкочиновничья интеллигенция, ищущая в газетах всего больше материал для сплетен. Характеристика читателя была и характеристикой журналистики своего времени, в особенности быстро распоясавшейся буржуазной газеты.

Интереснее всего четвертая категория: читатель-друг. Но о ней Салтыков-Щедрин в первоначальном варианте написал всего несколько строк, как бы обрывая характеристику свою на полуслове в виду явной ее нецензурности. Вот что написал Салтыков-Щедрин о читателе-друге:

«Я уже сказал выше, что читатель-друг несомненно существует. Доказательство этому представляет уже то, что органы убежденной литературы не окончательно захудали. Но читатель этот заробел, затерялся в толпе, и дознаться, где он именно находится, довольно трудно. Бывают однако ж минуты, когда он внезапно открывается, и непосредственное общение с ним делается возможным. Такие минуты — самые счастливые, которые испытывает писатель на трудном пути своем.

К этому мне ничего не остается прибавить. Разве одно: подобно убежденному писателю, и читатель-друг подвергается ампутациям со стороны ненавистников, ежели не успевает сохранить свое инкогнито».

На этом первоначально и обрывался весь очерк о читателе-друге. Ясно, что под этим именем Салтыков-Щедрин разумел не просто читателя, который пишет восторженные письма своему писателю и выражает чувства соболезнования, а такого читателя, который и сам подвергается опасности «ампутации», то-есть свои чувства выражает действенно.

Однако поставив точку, Салтыков-Щедрин на этом не успокоился. Пред ним были письма многочисленных читателей, которые хором уверяли, что не одинок писатель, что все они тут, живы, любят, приветствуют, пьют здоровье, что их очень много, они учатся и готовятся к практической технике и эволюционной науке, стремятся к «легальному служению народу» и очень жалеют, что «Отечественные Записки» закрыты правительством. И в догонку уже посланной в «Русские Ведомости» рукописи Салтыков-Щедрин послал еще несколько строк, которыми как бы отвечал на все полученные им письма от читателей и почитателей.

«Виноват: еще одно слово. В последнее время я довольно часто получаю заявления, в которых выражается упрек за то, что я сомневаюсь в наличности читателя-друга и в его сочувственном отношении к убежденной литературе. По этому поводу я считаю долгом оговориться: ни в наличности читателя-друга, ни в его сочувствии я не сомневаюсь, а утверждаю только, что не существует непосредственного общения между читателем и писателем. Покуда мнения читателя-друга не будут приниматься в расчет на весах общественного сознания с той же обязательностью, как и мнения прочих читательских категорий, до тех пор вопрос об удрученном положении убежденного писателя останется открытым».

Так остался упрямый писатель на той же своей позиции, которую занимал и в 1875 г. На любовное признание читателя он отвечал сурово и прямо: вы, читатели, может быть и очень хорошие люди, но вы не общественная сила, вы покуда — пыль человеческая, неспособная к такой организации и к такой борьбе, которая сделала бы вас величиной, по своему влиянию на общественное сознание равной читателю-ненавистнику и солидному читателю. Нельзя было сказать яснее, что Салтыков-Щедрин не признает за буржуазной интеллигенцией, что бы она ни говорила о себе, движущей силы общественного развития. У Салтыкова-Щедрина не было тех иллюзий, которыми питалась народническая интеллигенция. Это давало ему возможность критически относиться к читателю, то-есть к интеллигенции своего времени. И он отмечал ее «робость», ее слабость, ее несамостоятельность, признавая звание подлинного читателя-друга лишь за теми, кто готов отстоять свои читательские симпатии в борьбе и кто поэтому подвергается, как и писатель, «ампутации» — преследованиям со стороны правительства, читателя-ненавистника и солидного читателя.

И поэтому читательские пожелания нисколько не изменили взгляда Салтыкова-Щедрина на его «оброшенность». Он продолжал остро ощущать свое одиночество. Закрытие «Отечественных Записок» лишь углубило то состояние, о котором Салтыков-Щедрин писал в 1875 г. По существу вопрос состоял тут не в том, что Салтыков-Щедрин лишился своей читательской аудитории, а в том, что он по-настоящему не имел ее и раньше. Между народнической интеллигенцией 70-х годов и Салтыковым-Щедриным была если и не пропасть, то все же ощутительное расхождение, и оно должно было еще увеличиться после того, как быстро облиняли краски радикализма на этой народнической интеллигенции и она стала на ходу освобождаться и от утопического социализма, и от революционного демократизма, превращаясь в обыкновенных буржуазных либералов. Лишь небольшая часть этой народнической интеллигенции оставалась верна прошлому своему, при чем некоторые и критически пересматривали это прошлое не в направлении к буржуазному либерализму, а в направлении к пролетарскому научному социализму, к марксизму. На историческую сцену выходил новый читатель-друг, совсем иного классового происхождения, с иными совсем требованиями к литературе и с иным совсем отношением к своему писателю. Только этот читатель и мог образовать ту организованную серьезную общественную силу, в организованном общения с которой и писатель никогда не был бы обречен на «оброшенность». Как-раз в те годы, когда Салтыков-Щедрин так критически оценивал способности и роль буржуазной интеллигенции, с развенчанием ее выступил от имени группы «Освобождение труда» бывший народник Плеханов.

* * *

«Читатель-друг», о котором мечтал Салтыков-Щедрин, был утопией 70—80-х годов. Одиночество Салтыкова-Щедрина не было случайностью. Оно обусловливалось историческим классовым положением обеих сторон — и писателя и читателя.

Буржуазная интеллигенция, даже в эпоху своего народнического радикализма, не могла создать прочную, организованную опору для передовой литературы своего времени. Она никогда не была и не могла быть самостоятельной силой. Она выдвинула из своей среды небольшую группу активного революционного меньшинства, отважных борцов за трудящихся, но этому меньшинству, левому, революционному крылу народничества, Салтыков-Щедрин был лишь близкий и уважаемый сосед. Он не был «своим». Он свободен был и от многих народнических предрассудков.

Со своей стороны, оставаясь в значительной мере на старых позициях радикально-демократического просветительства, Салтыков-Щедрин придавал литературе такое значение, какого она не могла иметь. «Паче всего люби родную литературу и звание литератора предпочитай всякому другому», завещал Салтыков-Щедрин своему сыну, и этого же своего сына, еще ребенка, он записал в члены Литературного фонда, как записывали в дворянскую старину ребят в гвардию. Почему звание литератора должно быть выше звания ученого, звания профессионального революционера? В этом сказывался просветительский идеализм Салтыкова-Щедрина. Вознося литературу так высоко над землей, Салтыков-Щедрин отрывал ее от всей земной, практической действительности. Это был также источник неизбежной «оброшенности». Литература не связывалась непосредственно с борьбой.

И то единение «читателя-друга» с «убежденным писателем», к которому так мучительно, но и так безнадежно стремился Салтыков-Щедрин, могло осуществиться лишь в тех исторических и классовых условиях, которые были созданы пролетариатом в его революционной борьбе за власть и после захвата власти в России, в борьбе за осуществление социализма. В большевистской печати создавалось прочное и организованное общение читателя-друга с писателем, а в Советском союзе широко организованное общение пролетарской художественной литературы с читателями приняло самые разнообразные формы. На читательских конференциях писатель встречается с непосредственным и живым откликом читательской аудитории. И не может быть состояния «оброшенности» у пролетарского писателя, идущего в ногу со своим классом.

Д. Заславский

1

ЛЮДМИЛА Г.

30 апреля 1882 г. Петербург.

Ваше последнее «письмо к тетеньке» милый, бесценный, незабвенный Щедрин, привело меня в бешеный восторг. Все Ваши письма читаются мною с увлечением. Но апрельское письмо произвело на меня особенное впечатление. Я не в силах не выразить своей любви к Вашим статьям. Простите фамильярность одной из учениц консерватории.

Людм. Г. . . . . . .

2

А. М. ТРЕСКОВ

[Н. К. Михайловскому]

5 октября 1882 г. Тюмень.

Г. Михайловский!

Денег нет, а желание иметь Ваши сочинения — большое. Бывши еще на свободе, я собирался выписать их, но никак не мог сбиться деньгами. Сидя в тюрьме (9-й м-ц) нельзя достать дельных книг, тем более, что и в городе (Тюмени) их нет, а если и есть какие, то давно прочитаны. Не знаю, найдете ли Вы все это достаточной причиной, чтобы удовлетворить мое желание, но я, по крайней мере, писал с верой, что отказа не будет.

Хотел еще просить М. Е. Салтыкова, чтобы он пожертвовал некоторые из своих последних изданий, да нашел это роскошью; а роскошь должна являться, когда удовлетворены более насущные требования, и одним из этих требований в данном случае является приобретение Ваших сочинений.

Политический подсудимый А. Тресков

Мой адрес: г. Тюмень. Алексею Михайл. Трескову.

3

ЧИТАТЕЛЬ

Посылаемая мною российская Magna Charta Libertatum попалась мне конечно поздно по отношению ко времени ее появления и действия. Не знаю, была ли она в свое время публикована в печати, но на месте (в Ялте) узнаю, что ее приказано было срывать после расклейки, потому видно, что даже стены краснели от нее.

[Городское] Полицейское Управление нарочито требовало ее назад от домохозяев, догадливые из которых не отдали и сохраняют как образец подвигов «благонамеренной» крамолы. Авось оно Вам пригодится в характеристиках доблестных ее авторов.

Срывать ее распорядился сам князь Дондуков-Корсаков, приехав как-то в Ялту и увидев ее на стенах города.

Глубокоуважающий Вас
Ваш читатель

Ялта, 16 дек. 82 г.

4

П. В. АЛАБИН

25 декабря 1882 г. Самара.

Милостивый Государь
Михаил Евграфович!

По поручению Самарской Городской Думы позволяю себе беспокоить Ваше Превосходительство всепокорнейшею просьбою удостоить присылкою

своего фотографического портрета, снабдив его несколькими собственноручно начертанными словами, для помещения его в Зале Императора Александра II, в среде изображений тех деятелей прошедшего царствования, которые своими талантами, трудами и доблестями послужили созданию одной из блистательнейших страниц Отечественной истории.

С отличным уважением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства Всепокорным Слугою Петр Алабин.

Заведующий названным «Залом».

5

МЕДИКИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Телеграмма

Петербург. Редакция «Отечественных Записок». Щедрину.

Москва. 7 мая 1883 г.

Окончившие курс медики Московского Университета выпуска 1883 г. пьют за здоровье Щедрина. Курс просит ответа. Передайте Ваш ответ в газетах всем, если можно в лице представителя курса Пашковского.

6

СОВЕТ СТАРШИН СЕМЕЙНО-ДРАМАТИЧЕСКОГО КРУЖКА В ЩИГРАХ

13 октября [1883 г.]. Щигры.

Милостивый государь
Михаил Евграфович!

12 октября сего года в день чествования памяти И. С. Тургенева общее собрание Семейно-драматического кружка в г. Щиграх, при котором устроена общественная библиотека и читальня, единогласно выразило желание иметь Вас, милостивый государь, своим почетным членом, а потому Совет старшин, исполняя поручение общего собрания, препровождает Вам, милостивый государь, почетный билет кружка и по поручению общего собрания просит Вас сделать честь кружку не отказаться принять это звание. Устав Общества при сем прилагается.

Старшины — Шварцель, В. Смирнов, Н. Леонтьев,
В. Голубков, Т. Хоржицкий

7

Г. Л. КРАВЦОВ

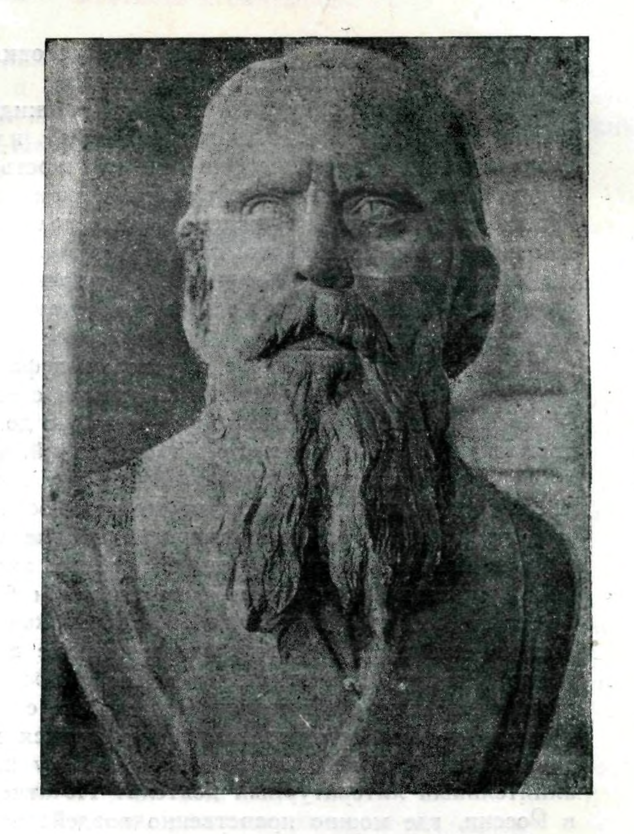
22 ноября 1883 г. С.-Петербург.

Милостивый государь,
искренне и глубоко уважаемый Михаил Евграфович!

Постоянный читатель Ваших литературных произведений и восторженный поклонник Вашего таланта, я от души желал бы иметь Ваш автограф для помещения его в моем альбоме с другими автографами дорогих мне людей. К сожалению всех почитателей Ваших, видеть Вас где-либо весьма трудно, а фотография Ваша не вполне еще удовлетворяет мое страстное желание — иметь более реальное напоминание о личности Вашей. Не осудите моей горячей почтительнейшей просьбы и не откажите ей. Этим Вы премного обяжете человека, умеющего ценить Ваше «трезвенное», правдивое, честное и смелое слово.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности Вашего покорного слуги.

Г. Кравцов

М. Е. САЛТЫКОВ (Н. ЩЕДРИН)
Бюст работы П. Забелло, 1878 г.

Бюст по изготовлении был поставлен в Тверском Промышленном музее, но в 1884 г. местное начальство распорядилось его оттуда убрать

Краеведческий Музей, г. Калинин

8

Г. З. и Е. А. ЕЛИСЕЕВЫ

Телеграмма

Ptg. Liteinaya 62 Saltikoff

Литейная 62. Салтыкову из Rom (Рима) 8 ноября 1883 г.

Vive longtemps gloire patrie hommes et femmes

Eliseyeff Wendt

9

П. П. СИМИРЕНКО

23 апреля 1885 г. Воронцово-городище, Фастовской ж. д.

Глубокоуважаемый Михаил Евграфович!

Мне нечего говорить Вам об оскудении умственных и общественных интересов, об повальной апатии или торжествующем хищничестве в современном культурном обществе. Это всем известно и сделалось уже общим местом. Хотя среди нашей интеллигенции и есть еще много людей добра и идеи, но эти люди попрятались по своим обывательским норам и позорно трепещут в настоящее время. Они только плачутся да ругают себя и других; реального же активного дела в пользу народа что-то не видно. Нет резону сваливать все на внешние условия: мы сами во многом очень виноваты, по своей тряпичности и гражданской лени. Нам не следует ждать, пока настанут лучшие времена, а сами мы должны создать эти лучшие времена. Запад Европы показывает нам, что можно сделать энергическое и настойчивое общество. Мы должны стряхнуть свою апатию, должны поработать над своим политическим развитием, а не ждать улучшения от улучшения внутренней

политики. Возлагать все на внешние условия могут только политические лентяи, но не уважающие себя граждане.

Итак, надобно приступить к делу, не ожидая, пока наступят более благоприятные «веяния». Кабинетный культ идеала деморализует человека, развивает в нем политическую непрактичность, эгоизм и бессердечное теоретизирование. Чтобы воспитать из себя гражданина, надобно не только граждански мыслить, но и граждански дело делать. А дела теперь масса, и притом дела чисто легального. Надобно только организовать разрозненные силы наших искренних народников, умудренных опытом 60-х и 70-х годов, чтоб употребить немедленно эти организованные силы в пользу народной трудящейся массы.

Народ нуждается в земле, в артельных формах производства, в школе, в толковых книгах, в прояснении сознания светом гуманной западноевропейской мысли и т. п. Все это общие места, но до сих пор наши народники мало прилагали искренних и настойчивых усилий, чтобы поработать хоть в пользу одного из этих общих мест. Я не буду входить в практические подробности организации и программы деятельности русских народников: выработать это должны люди жизни, а не кабинета.

По всей вероятности народникам удастся заручиться санкцией закона, т. е. если общества будут вполне легальными и благонамеренными.

Что же касается денежных средств, то каждый искренний народник обязан уделить на подобное дело не жалкие гроши, а значительную толику своих доходов. Я убежден, что у нас в России множество маленьких Христов, готовых пылко и сердечно отдать все свои силы и средства для счастья и духовного совершенствования трудящихся масс. Но подобное дело нуждается в инициаторах, а кто может быть у нас таким инициатором, как не влиятельный литературный деятель? Печатное слово — единственная арена в России, где можно нравственно воздействовать на массу вполне легальным путем.

Чувствую, что выражаюсь туманно, общими местами; но я не могу писать иначе, так как не способен, по своей практической неопытности, начертать в своем уме ясной, детальной и удобоисполнимой программы, как жить современному порядочному человеку, чтоб и самому нравственно не сгинуть, да и помочь хоть отчасти оплакиваемым в кабинетах нищете и невежеству.

Мы ожидаем подобной программы от видных народников-практиков...

Одно только скажу: подло и позорно жить так, как живем мы теперь. Хныкаем мы все, ругаем всех и вся, но не решаемся приступить к чему-нибудь реальному, не решаемся доказать на деле, что мы — народники сердца, а не головы. Моя мечта — самая скромная: легальное служение народу, не откладывая этого в долгий ящик, на почве стройной организации.

Паллиатив даже лучше, чем ничего, так как подобный паллиатив не даст нам заснуть идейно.

Не в кабинете, а среди житейской прозы выработаем мы в себе самоотречение, гражданскую зрелость и политическую настойчивость. Развивая и поддерживая в своей душе благородный жар добра и идеала, мы явимся вполне подготовленными, когда придет чреда русским порядочным людям в историческом строительстве.

Напишите мне пожалуйста, как смотрите Вы на этот вопрос и что посоветуете мне и моим сверстникам 70-х годов? Не возьмете ли Вы на себя инициативу в этом деле, или не порекомендуете ли Вы по крайней мере какого-нибудь видного практика-народника. Как смотрите Вы на значение и осуществимость организации сил наших народников в настоящий момент русской истории и т. п.

Искренно уважающий Вас Платон Симиренко

Из боязни, что Вы не разберете моего почерка, я прибег к помощи переписчика. Необходимость, а не небрежность заставила меня сделать это.

Мой адрес: Фастовская ж. д. Станция Воронцово-Городище, Млеевский сахарный завод. Платону Платоновичу Симиренко.

10

В. А. БЕЛЯЕВСКИЙ

6 ноября 1885 г., ст. Шептуново, В.-Р. ж. д.
Области Войска Донского.

Милостивый государь Михаил Евграфович!

Узнавши из газет о состоянии Вашего здоровья и скорбя со всеми русскими людьми о расстройстве его, я позволяю себе сказать Вам несколько слов, быть может весьма для Вас не бесполезных.

Полагаю, что причина Вашей болезни заключается в нервном истощении вследствие долгого и усиленного умственного напряжения в связи быть может с какими-либо душевными потрясениями. Чрезмерная впечатлительность, нервная слабость с раздражительностью, плохое пищеварение, гиппохондрическое, пессимистическое и вообще мрачное настроение духа — вот симптомы, которые присущи той болезни, которую я у Вас предполагаю.

Если предположение мое верно, то для того, чтобы ознакомиться Вам самому и близким Вам людям с состоянием Вашего здоровья и с общими правилами лечения Вашей болезни, рекомендую Вам приобрести недавно вышедшее сочинение Крафт Эбинга: «Наш Нервный Век», изд. Каспари, 1885 г., из которого (последняя глава) можно видеть, что Вам нужно предпринять для своего выздоровления.

При этом скажу Вам, что лучшая, удовлетворяющая последнему слову науки водолечебница-пансион находится в 60 верстах от Варшавы, фамилию врача не помню.

Как ближайшие средства против вышеупомянутого нервного истощения рекомендую (сверх указанного Крафт Эбингом) следующее:

1. Обливание головы водой комнатной температуры два-три раза в день в течение 1½ минуты.

2. Обтирание всего тела мокрой (комнатной температуры) простыней 1—2 раза в день, по указанию врача.

3. Глубокое вдыхание с усиленным выдыханием в один сеанс по шести раз. В день же делать тоже 5—6 таких сеансов.

4. Комната должна быть постоянно вентилируема, а температура не должна превышать 14°.

5. Никаких слабительных внутрь не принимать, а для регулирования отправлений желудка исключительно прибегать к промывательным из воды комнатной (но не теплой) температуры.

6. Всякой умственной работы, в форме даже серьезной беседы, по возможности избегать; как развлечение рекомендую безденежную или грошовую карточную игру.

7. На пользу от аптечных средств почти не рассчитывать, а иметь в виду, что душевный покой и время лучшие целители такого рода недуга.

8. Для исправления пищеварения рекомендую принимать два раза в день во время еды по столовой ложке зерен французской горчицы Дидье, не разжевывая.

Все вышеизложенные средства я рекомендую Вам из моих практических наблюдений и полагаю, что применение их принесет несомненную пользу.

Примите уверения в искреннем моем желании быть Вам полезным.

Влад. Аполлонов. Беляевский

11

А. ГОБЯТО

7 ноября 1885 г. Москва.

Высокоуважаемый Михаил Евграфович!

Если мы не выражали Вам общее горе по случаю Вашей болезни, то как смолчу и не выскажу, как велика радость с известием о Вашем выздоровлении. Не утомляйте себя, но укрепляйте здоровье ради всех Вас почитающих и любящих.

Теперь позволяю себе просить Вас передать мой поклон и привет уважаемой жене Вашей, если не забыли всегда и прежде

искренне Вам преданную
Антонину Гобято

12

ТВЕРСКИЕ ПОЧИТАТЕЛИ

Телеграмма

Петербург. Литейная, 68. Михаилу Евграфовичу Салтыкову.

Тверь. 8/XI 1885.

Почитатели Вашего таланта и Вашей общественно-литературной деятельности приветствуют Вас и радуются, что восстановление Ваших сил дает надежду вновь услышать Ваш мощный голос, призывающий общество к правде на благо родины.

Павел Бакунин, Наталья и Мария Бакунины, Алексей Врасский, Сергей де Роберти, Алексей Апостолов, Василий Покровский, Екатерина Покровская, Александр Юрлов, Иван, Михаил, Анастасия и Любовь Петрункевичи, Николай, Вера Павловы, Николай Шуенинов, Александра Шуенинова и Екатерина Гермези, Надежда Дьяконова, Фома Десятовский, Надежда Мордвинова, Николай и Антонина Рождественские, Александр Дьяков, Михаил Литвинов, Яков Вощакин, Димитрий Рихтер, Федор Бартелинг, Владимир Яковенко, Александр Стромилов, Федор Светушков.

13

СТУДЕНТЫ ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМИИ

Телеграмма

Литейная, д. № 60 Скребицкого. М. С. Салтыкову.

Птб. 8/XI 1885.

Шлем нашему дорогому, любимому и глубоко уважаемому писателю наше общее искреннее приветствие и горячие пожелания скорейшего выздоровления для дальнейшего служения делу правды.

Студенты-медики

14

СТУДЕНТЫ ГОРНОГО ИНСТИТУТА

Телеграмма

Литейная, 64, кв. 4. М. Е. Салтыкову.

Птб. 8/XI 1885.

Студенты Горного Института приносят, многоуважаемый Михаил Евграфович, искреннее поздравление с днем Вашего ангела, изъявляя при этом

глубокое сожаление по поводу постигшего Вас недуга, препятствующего Вашей плодотворной и славной деятельности на поприще отечественной литературы.

Студенты Горного Института

15

СТУДЕНТЫ Н.-АЛЕКСАНДРИЙСКОГО ИНСТИТУТА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Ново-Александрия, Люблинской губернии
14 ноября 1885 г.

Искренне уважаемый
Михаил Евграфович!

Мы, студенты Ново-Александрийского Института Сельского Хозяйства и Лесоводства, просим принять от нас поздравление с днем Вашего ангела и уверение, что мы до глубины души тронуты плохим состоянием Вашего здоровья, дорогого как для нас, так и для всей читающей молодежи.

Примите также извинение за несвоевременность нашего поздравления по независящим от нас обстоятельствам.

Глубокоуважающие Вас и признательные Вам студенты:

В. Крачковский, Быков, Бербенко, Майдель, Володин, Добровольский, Дрижаченко, Князевич, Кузьмин, Завитневич, Даничевич, Кунгуров, М. Петрищев, И. Лавренко, В. Сергеев, С. Калитаев, Альберти, С. Семизоров, Ник. Гановский, Ал. Склибин, Дульветов, Коморовский, А. Варг (нрзб.), Веселовский, Вл. Гол (нрзб.), А. Леонович, Австов, В. Клок, Седельский, Кулагин (?), А. Серебряков, Н. Бул (нрзб.), А. Цехмистренко, Кононенко, Н. Скворцов, М. Бич, Николаев, Турбин, Ходов, Розовский, Сорокин, Москаленко, Поляков, Захарченко, Рапп, Смышляев, Козин, Мочала, Гостинцев, Чижиков, Федоров, Горлов, Персеин, Рукав (нрзб.), Три (нрзб.), Кезель, Тор (нрзб.), Гох (нрзб.), Волков, Бычковский, Мейштович, Вадзицкий, Нискевич, Широков, Педашенко, Устенко, Бычков, Новицкий, Липинский, Никольский, Балуто, Гречина, Боровский, Головенев, Скржинский, Сидоровский, Пеньков, Зайцев, Линкевич, Миклашевский, Кузьмин, Кантовский, Семенов, Зарембо, Гриенко, Щербаковский, Пиотровский, Антон Пиотровский, Валентин Архангельский, Борисенко, Танатар, Авс. Косарев, Афанасьев, Веревкин, Крамаренко, Гомалицкий, Плотников (?), Булгаков (нрзб.), Свешников, Козлов, Дульветов, Тру (нрзб.).

16

СТУДЕНТЫ КАЗАНСКОГО ВЕТЕРИНАРНОГО ИНСТИТУТА

Телеграмма

Птб. Михаилу Евграфовичу Салтыкову-Щедрину

Казань, 30/XI 1885.

С чувством искреннего сожаления относясь к Вашей болезни, Михаил Евграфович, от души желаем Вам скорого выздоровления.

Студенты Казанского Ветеринарного Института

17

Н. РЕЙМЕР, И. ФРИДМАН, И. АРОН

Спб. 21 ноября [1885 г.]

Многоуважаемый Михаил Евграфович!

С чувством глубокой скорби узнали мы, что Вы, наш знаменитый сатирик, опять захворали, опять должны на время (надеемся, короткое) оставить выстраданным смехом бичевать порок. Будьте же здоровы, великий сатирик и друг человечности, в утешение Вас уважающих и на страх врагам.

Студент-медик Н. Реймер, И. Фридман, И. Арон

18

ЧИТАТЕЛИ ПОЛТАВЫ

11 декабря 1885 г. Полтава.

Милостивый государь
Михаил Евграфович!

Чувство беспредельной радости, вызванное известием о поправлении Вашего здоровья, сменившее глубокое горе в виду угрожавшей Вам опасности, вызывает нас выразить Вам наше счастье в надежде еще долго внимать Вашему голосу.

Мы, как и вся Россия, знаем цену этому голосу. Под суровой и неумолимой формой сатиры мы научились слушать звуки любви и страдания. Вашим творениям, как голосу совести, каждый из нас глубоко обязан отрезвлением, пробуждением и охранением нравственных и общественных идеалов.

Вашим презренным клеветникам не обмануть Россию, им не запугать ее страхом Ваших отрицаний: чем шире, полнее разовьется сознание мыслящей России, тем ярче будет блистать Ваше имя и связанное с ним представление о Вашем гении и тем дороже оно станет гордящейся Вами России.

Алексей Зеленский, председ. Полт. Губ. Земск. Управы, Елизавета Милорадович, Александр Дылевский, Иван Булюбаш, Мария Стефанович, рожденная Хрулева, И. Д. Стефанович, Ф. Веселовский, А. Богаевский, П. Старицкий, И. Анисимов, Д. Симонов, Оголевец, Н. Кулябко-Корецкий, Л. Хитрово, В. Василенко, Л. Поклонский, врач Ал. Волкенштейн, врач Николай Фойницкий, Колесников, член Полт. Губ. Зем. Управы, инж. Г. П. Луту (гин?), Виктор Старицкий, Н. Терешков, Ефим Фисин

19

НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЕ ПОЧИТАТЕЛИ

Телеграмма

Пбг. Редакция Вестника Европы. Михаилу Евграфовичу Салтыкову.

Новгород-Северский. 13/XII 1885.

С сердечной радостью и великой благодарностью Богу и докторам узнали мы, что Ваше здоровье поправляется. Примите наш привет и желание скорого и полного выздоровления.

Искренние почитатели Вашего великого таланта: Садовские, Черногорова, Парфеновский, Беркут, Альференко, Правосуд, Турченко, Шмеман, Белова

Ново Александрiя Люблинской губернiи 14 Ноября 1885 года

Искренно уважаемый
Михаилъ Евграфовичъ

Мы, студенты Ново-Александрiйскаго Института Сельскаго хозяйства и Лѣсоводства, просимъ принять отъ насъ поздравленiе съ днемъ Вашего Ангела и увѣренiе, что мы до глубины души тронуты печальнымъ состоянiемъ Вашего здоровья дорогого, какъ для насъ, такъ и для всей читающей молодежи.
Примите также извиненiе за

АВТОГРАФ ПИСЬМА СТУДЕНТОВ НОВО-АЛЕКСАНДРИЙСКОГО ИНСТИТУТА
К САЛТЫКОВУ ОТ 14 НОЯБРЯ 1885 г. (ПЕРВАЯ СТРАНИЦА)
Институт Русской Литературы, Ленинград

несвоевременность нашего поздравле-
нія по независящимъ отъ насъ обсто-
тельствамъ.

Глубокоуважающіе Васъ и призна-
тельные Вамъ студенты:

В. Крачковскій
Быковъ
Бербенко
Матвеевъ
Волошинъ
Добровольскій
Гриценко
Гмелевичъ
Кузьминъ
Завитневичъ
Фаентальмъ
Кондратовъ

АВТОГРАФ ПИСЬМА СТУДЕНТОВ НОВО-АЛЕКСАНДРИЙСКОГО ИНСТИТУТА
К САЛТЫКОВУ ОТ 14 НОЯБРЯ 1885 г. (ВТОРАЯ СТРАНИЦА)
Институт Русской Литературы, Ленинград

АВТОГРАФ ПИСЬМА СТУДЕНТОВ НОВО-АЛЕКСАНДРИЙСКОГО ИНСТИТУТА К САЛТЫКОВУ ОТ 14 НОЯБРЯ 1885 г. (ТРЕТЬЯ СТРАНИЦА)

Институт Русской Литературы, Ленинград

АВТОГРАФ ПИСЬМА СТУДЕНТОВ НОВО-АЛЕКСАНДРИЙСКОГО ИНСТИТУТА К САЛТЫКОВУ ОТ 14 НОЯБРЯ 1885 г. (ЧЕТВЕРТАЯ СТРАНИЦА)

Институт Русской Литературы, Ленинград

20

РЕДАКЦИЯ «ВОЛЖСКОГО ВЕСТНИКА»

Телеграмма

Пбг. Михаилу Евграфовичу Салтыкову.

Казань. 16/XII 1885.

Редакция Волжского Вестника выражает искреннюю радость (по) поводу Вашего выздоровления, приветствует Вас лучшего русского писателя, гражданина.

Редактор Загоскин все сотрудники

21

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ПОЧИТАТЕЛИ

Телеграмма

Литейная, 68. Михаилу Евграфовичу Салтыкову.

Спб. 15/I 1886.

Поздравляем Вас (с) днем рождения, желаем, чтобы Вы еще долгие, долгие годы доставляли всем русским людям горькое наслаждение Вашими бесподобными творениями.

Почитатели Вашего таланта: Евгения Шмидт, Мария Прокофьева, Петр Борисов, Николай Прокофьев, Эразм Загорский.

22

СЛУШАТЕЛЬНИЦЫ ЖЕНСКИХ ВРАЧЕБНЫХ КУРСОВ

[Около 15 января 1886 г.]

Многоуважаемый
Михаил Евграфович!

Позвольте и нам, присоединяясь к голосу всей России, выразить в день Вашего рождения наше сердечное желание еще многие и долгие годы слышать слова «правды» любимого учителя русского молодого поколения.

Слушательницы женских Врачебных Курсов: В. Гамбурцева, Евг. Уланова, Н. Костомарова, Р. Брагинская, М. Эльцин, З. Рожкова, М. Кауфман, П. Селезнева, В. Аронова, М. Коп, Р. Гальперин, Ю. Егелева, Попова, О. Петина, В. Троцкая, А. Гаркави, Л. Петрович, М. Кранц, П. Катель, женщина врач Жевелева, Ф. Лисянская, А. Мишкина, А. Кисель, С. Курманалеева, В. Гуковская, О. Каминская, С. Садовин, М. Боскресенская, Малавко-Висоцкая, Попова, М. Кружковская, В. Трутовская, Ю. Квятковская, А. Трубникова, О. Рожановская, О. Симкина, А. Халабаева, С. Фишман, М. Гейнц, О. Остоловская. Н. Малкина, Ю. Гельд, Д. Жидкова, И. Никольская. З. Чернышева, Роза Равич, М. Рашковин, Э. Трегубова, Р. Рохлина, С. Гольберг, Е. Ольхина, Р. Рапп. А. Дружинина-Косс, М. Красильникова, А. Петрова Т. Вейкова, А. Данилова, В. Воскобойникова, С. Савицкая, С. Клейф, А. Шнее, Л. Будницкая, А. Вскарюкова, А. Безак, А. Островская, А. Метлицкая, Д. Вашилова, Р. Блох, В. Немирская, Ю. Бойко, Б. Лоренц, В. Тумаркина, А. Мышкина, М. Сакер,

С. Мысловская, М. Прокофьева, М. Каган, З. Михайловская, М. Диевская, С. Панкратова-Ерещенко, М. Ханутина, А. Валабанова, О. Валлер, О. Нейвидель, С. Лунц, А. Шапиро.

23

С ЮБИЛЕЯ А. Н. ПЛЕЩЕЕВА

Телеграмма

Пбг. Литейная, 62. Михаилу Евграфовичу Салтыкову.

Москва [16 января, 1886 г.]

Собравшиеся в числе ста человек для чествования юбилея Плещеева шлют сердечный привет Вам, великому писателю Русской земли, и свое горячее пожелание снова услышать живые слова учителя.

Распорядители обеда: Юрьев, Чупров, Лукин, Муромцев, Гольцов, Пругавин.

Телеграмма не была отправлена вчера, чтобы не беспокоить ночью.

24

А. СЕМЕНОВ

16 сентября 1886 г. Самара.

Крамольников!

Ты спрашиваешь, адресуясь к самому себе: что тебе предстоит теперь, когда тебя со всех сторон обступила старость и т. д.

Беру на себя радостную обязанность дать тебе ответ на этот горький вопрос. Незабвенный, дорогой Михаил Евграфович,— тебе предстоит бесконечная благодарность, горячая любовь той молодежи, в которой ты воспитал любовь к правде и ненависть к лицемерному мраку. Святой старик, не унывай! Ты уже много совершил на пользу своего ближнего; ты уже воспитал вместе с другими лучшими людьми нашего времени своими сверстниками потомство молодежи, которой каждое твое слово дорого и родно, твое слово не умрет вечно, а твои труды не будут бесплодными. Будь бодр, не унывай и ободряй нас: ты наша отрада, ты слава и гордость пошехонской страны, а мы, пошехонцы, не все еще изумились и остолбенели...

Александр Семенов

25

А. В. МИХАЙЛОВ

[12 октября 1886 г. Петербург.]

Нехватает ни сил, ни таланта выразить Вам, Михаил Евграфович, всю радость, весь восторг, испытанные мною благодаря последним Вашим во истину бессмертным произведениям: восторг — от верности, правдивости всего, всего, что Вы говорите, радость — от сознания, что значит же здоров духом *такой* писатель, а коли здоров духом, то здоров или по крайней мере не так болен, как думали мы, и телом и много, много он еще напишет.

Вы не можете себе представить, что такое Ваши писания для тех, кто, как я, двадцать пять лет привык *жить Вами*, изучая Вас, и знает Вас до такой степени, что *непреложно* уверен, что от Вас ничто дурное, ничто «пестрое», нечто фальшивое не выйдет! А когда кругом все дурно, пестро, фальшиво, когда величайшие писатели *обманули* читателя (кружок Грановского обратился в стадо свиней) — вспомните, что сталось с

Достоевским, с Толстым,— когда теперь этот обман и узаконен, и «упорядочен», и так сказать «высочайше утвержден», то неизмеримо дорог и как писатель и как человек этот единственный публицист, не покрививший ни совестью, ни пером во все долгое свое писательство! А Вы еще недавно как будто жалели о нем, жаловались на него, приговаривая «ах, это писательство». Не говорите так и знайте, что Вашему писанию мы не скажем «ах», а прокричали бы «ура», еслиб «ура»-то не истаскалось уже чересчур по парадам, да юбилеям.

Да, Вашего юбилея не было, а вот какой-нибудь Суворин так праздновал свой, еще как трескуче! И прекрасно. Зато те, кто у него ел и пил, его его же презирают (хороши и они!).

Мы же Ваш юбилей ежедневно, ежеминутно в сердце носим и нет того отчаяния, нет того горя, которым нас дарит ежедневно русская жизнь, русская действительность, от которого бы не могли мы уйти, обратившись к Вам.

Пойду я в Суд, наслушаюсь сплетень, насмотрюсь на того судью, которого там видел еще Крылов, тошно сделается, противно, а я думаю себе: «вернусь-ка домой, возьму «моего Салтыкова»... и все забуду!»

Пойду я в школу, где сын мой, так же, как и Ваш Кенарь-fils, не понимает, зачем начальству понадобилось, чтобы он греческий язык знал... опять тошно, опять противно, опять ужасно — что сделают они из моего сына! — Вернусь домой и опять за моего любимца, и опять все забыто, заморено хоть на часик.

Пойду в Думу, где Владимир Иванович празднует победоносную войну, а не может победить бешеных собак на улице и не может добиться чистой воды,— там та же история, то же чувство ошибает, та же наглость, то же тупоумие и холопство (все это, заметьте, с «талантом»), и опять возвращаюсь я к «своему писателю», опять он успокаивает меня, и нахожу я у него и объяснение всей этой ужасной действительности, и предсказание ее в свое время, найду и насмешку, но не преувеличение (действительность-то эта оказывается все перерастает вашу сатиру), найду и любовь, но не ту слащавую слюнявую любовь, которою так угодил печник-философ всем любителям непротивления злу, а ту, от которой легче дышится уже потому, что не примиряет она, а закаляет. А литература? Разве не в Вас также спасение и от ее неистовств, и от ее угара? Где и когда нынче честно пишут, честно думают? Любая газета ежеминутно отправляет всякое нравственное существование и уже не в «пределах», а «применительно к подлости», да еще какой подлости!

Так как же тут не читать Вас, не изучать Вас, не восхищаться Вами, не жить Вашими «сказками», предпочитая эти басни всякой реальности?

Я желал все это высказать Вам лично и вот мне представилась такая дилемма: обеспокоить ли «его» визитом или письмом? Что лучше? Для «него» конечно спокойнее пробежать письмо, чем принимать непрошенного посетителя, для меня же... безопаснее — ведь не выдержу, расплачусь я (шестнадцатилетняя адвокатура не способствует укреплению нерв!), расстрою «его»... так уж лучше напишу!

Отец мой из Бадена постоянно справляется о Вашем здоровьи, а я узнаю о нем от В. И. Иванова...

Дай бог Вам всякого облегчения, дорогой, искренне любимый, высокочтимый Михаил Евграфович.

12 октября 1886.

Ал. Михайлов

26

КОМИТЕТ ЛИТЕРАТУРНОГО ФОНДА

2 февраля 1887 г. Петербург.

Дорогому Михаилу Евграфовичу.

Комитетский кружок Литературного фонда, собравшись на обычный обед 2 февраля, на каких Вы неоднократно участвовали, шлет своему дорогому сочлену горячие приветствия и пожелание доброго здоровья.

Председатель Н. Таганцев.

Александр Пыпин, Дмитрий Кобеко, Даниил Мордовцев, Алексей Плещеев, Всеволод Гаршин, Павел Гайдебуров, К. Арсеньев, Петр Морозов, Евг. Утин, В. Сергеевич.

27

С. П. и Е. А. БОТКИНЫ

Телеграмма

Petersb. Litejnaja, 62 M. Saltikoff

Paris, 7/II 1887.

Recevez nos felicitations sincères et voeux chaleureux de santé.

Sèrge Catherine Botkine.

28

Н. Н. ЛУЖЕНОВСКИЙ

Москва, Леонтьевский пер., д. Корф, кв. 40.
7 марта 1887 г.

Глубокоуважаемый и дорогой
Михаил Евграфович!

Посылаю Вам Вашу сказочку, переделанную мной с товарищем для народного издания. Не посетуйте на нас за то, что мы устроили этот плагиат и что не поставили на обложке его первоначального источника: цензура ни за что не пропустила бы тогда сказки. Мы, как видите, довольно свободно распорядились с Вашим сюжетом. Посылаем Вам и эпизод «Совесть у городничего» (у квартального, урядника), зачеркнутый Леонтьевым, что сильно повлияло на величину и достоинство книжки. Для нас крайне лестно было бы иметь в качестве рецензии несколько строк от Вас. Кто же это мы? Два моск. студента — юрист, сын покойного Островского, и филолог.

Признаюсь Вам, Михаил Евграфович, что все написанное мною доселе и самая посылка «Совести» — все это лишь предлог. В самом деле я отлично знаю, что не станете же Вы преследовать или притеснять невинное издание маленькой Вашей сказочки, притом исковерканной почти до неузнаваемости.

Знаете, Мих. Евграф., между таким писателем, как Вы, и всяким интеллигентным читателем неизбежно устанавливается какое-то взаимное притяжение, инстинктивное влечение двух умов. И если открывается возможность для читателя полуинтимной беседы с таким писателем, если является хоть тень предлога для обмена или хоть выгружения своих мыслей перед ним, то читатель крайне охотно делает известного автора жертвой своей расходившейся на откровенность, до боли намолчавшейся души. Но я, с своей стороны, не решился бы на такое дерзкое посягательство на время человека, которому я симпатизирую и следовательно разделяю его интересы, если бы не одно соображение: в Ваших последних произведениях, начиная главным образом с «Недоконченных бесед», проходит грустный, скорбный тон. В «Беседах» Вы сомневаетесь в своем читателе, Вы

Крамольников!

Ты спрашиваешь, адресуясь к самому себе: что тебя предстоит теперь, когда тебя со всех сторон обступила старость и т. д... Беру на себя радостную обязанность дать тебе ответ на этот горький вопрос. Непобедимый, дорогой Михаил Евграфович! — тебя предстоит бесконечная благодарность, горячая любовь той молодежи, в которой ты воспитал любовь к правде и ненависть к лицемерному страху! Святой старик! не унывай! — ты уже много совершил [illegible] [illegible] своего Отечества, ты уже воспитал вместе с другими лучшими сатириками нашего времени своими сочинениями [illegible] молодежи, которой каждое твое слово — дорого и радостно и твоя слава не умрет вовек, и твои труды не будут бесследными. Будь бодр, не унывай и ободряй нас: ты наша отрада, ты слава и гордость [illegible] страны, а мы, [illegible], не все еще измельчали и [illegible]!..

Александр Семенов

Самара 16 сентября
1886 года

АВТОГРАФ ПИСЬМА А. СЕМЕНОВА К САЛТЫКОВУ ОТ 16 СЕНТЯБРЯ 1886 г.
Институт Русской Литературы, Ленинград

восклицаете: где этот российск. читатель?!..; в «Мелочах жизни», написан. летом во время Вашей болезни, Вы со скорбью и захватывающей сердце болью говорите о своем писательстве. В более поздних «мелочах» Вы рисуете все такие печальные отрицательные явления. Видимо Вам не хорошо.

Дорогой М. Е. — вот Вам причина и повод моего письма. Из напеч. писем Тург. и многих других литераторов я вижу, как иногда хорошо действовало на них чужое, но ободряющее слово, слово сочувствия, приязни, понимания. Вот и я не назойливым мальчишкой, желающим пофанфаронить перепиской с знаменитостью — нет просто молодым сочувственником Вашей больной души хочу явиться в Ваших глазах. Горячо желалось бы уверить Вас, что у Вас есть читатели, есть горячие поклонники Вашего таланта, и, заметьте, не безразличные читатели, одинаково смакующие, которым все равно, что Щедрин, что Мещерский,— нет, а читатели со смыслом, и много их, очень много.

И не из одной молодежи. Теперь народился новый тип читателя, правда, не особенно многочисленный, но которому предстоит все разрастаться: это люди, родившиеся в конце 50-х, начале и первой половине 60-х годов. Они далеки от розовой благодушности и сытого квиетизма «отцов сороковых годов», но и не так близоруко запальчивы, не так стремительны, но и вовсе не заморожено-холодны, как можно полагать из противоположения их людям-героям и не-героям нашего Strum und Drang'a. Эти люди — будущие работники эволюционной науки и практической техники двадцатого столетия. Среди молодежи попадаются такие трезвенные натуры, дети купцов, крестьян, мещан, мелких чиновников. Между ними много эгоистов, они кажутся холодноватыми на вид, при знакомстве скучноватыми, но в дружбе и в деле они тверды и стойки. Между ними Вы — важный и чтимый писатель. Охотнее всего читаются те Ваши вещи, где Вы создаете, где Вы даете типы, резкие, сильные очерки, полные правды. Таковы у Вас «Головлевы», лучшая Ваша вещь. Нет, Михаил Евграфович, Вы не можете остаться без читателя, так же как и не можете не знать его. Но, ради Бога, дорогой писатель, будьте сколь возможно спокойны, стойки духом, будьте здоровы. Вы не можете представить, какую манну небесную представляют для молодежи Ваши вещи. Только зачем Вы так торопитесь: у Вас много неотделанного, Вы, как Глеб Успенский, топите свою силу в поденной газетчине. Какая громадная вещь «Головлевы», и как мало у Вас таких вещей, как много у Вас журналистики, публицистики. С каким наслаждением прочли мы «Черезовых» и особенно понравился студент. Ах, как Вы хорошо, симпатично, верно и беспристрастно его взяли! Сказки мы читали с наслаждением: особенно Волк и Коняга. Я никогда бы не кончил, если бы стал каталогизировать все, что нравится молодежи. В библиотеках никогда не добьешься книжки, журнала или № «Р. В.», где Вы появились. «Р. В.» раскупаются. Из старых Ваших вещей, дающих типы — не рассуждение, никогда не допросишься в библиотеке ни «Истории гор.», ни «Помпадур», ни «Головлевых», ни «Ташкентцев». Нет, дорогой Мих. Евгр., — у Вас есть солидный читатель. Пока м. б. молодежь читает без особ. размышления, но ведь она вырастет и все-таки не остынет к Вам. Вы войдете в число ее юношеских привязанностей, сознанных осмысленно, войдете в фонд ее развития, жизненного знакомства. Давайте только типы, не отставайте от жизни. Знаете, например, какой тип Вы еще кажется не затронули? Тип молодого эгоиста. Он чуть-чуть намечен в одном из «Стих. в прозе» Тург. Генезис типа — от 60-х годов. Материальная необеспеченность, ранняя работа из-за хл. сталкиваются с новыми идеями эмансипаторскими до-нельзя. Челов. рано начинает биться, битва закаляет и загрубляет его, но мало-помалу альтруистические тенден-

ции «дела» — просто под влиянием усталости — как бы выскользают для него самого неприметно — и он, повидимому продолжая служить прежнему богу, в сущности преследует цели маммона.

В нем страшное самомнение, громкие фразы об идеале соединены с чудовищным эгоизмом и фанатич. служением принципу, проводимому в жизнь до того прямолинейно, что выход reduktio ad absurdum: тут сластолюбие, и речь о назначении женщины, корыстолюбие и бессеребренничество на словах и пр. и пр. Очень слабо и дурно намечен этот тип у Мачтета в «Челов. с планом» («Русск. М.»). Я впрочем не читал всей повести, но мне рассказывали.

Видите, как я болтаю и надоедаю Вам наверно, дорогой Мих. Евгр... Ах, если бы Вы знали, как мне хочется, как отрадно было бы, если бы Вы поняли, что я — это собирательный молодой читатель, для которого Вы один из любимых, симпатичных вождей или не вождей, так руководителей, уяснителей мелких и крупных явлений т. сказ. «внутренней политики» жизни. Нас много, М. Е., и свинья нас не счавкает. Хотя за последнее вр. все кругом как-то приметно «омразело», слякоть какая-то разлилась, но это не беда: силы не повытравились, а ушли в себя на внутр. работу. Это пожалуй даже лучше: меньше треску, больше дела. В письмах того же Тургенева есть великолепный завет молодежи русской: сидеть каждому по углам да учиться. Это и выполняла молодежь 40-х год. Вот и теперь спрятаться да учиться втихомолку. А там опять Sturm und Drang, 1-е марта и т. д. — видно судьба России прогрессировать волнообразно. Да это впрочем общая судьба: стоит взять дело пошире, а главное историчнее.

Знаете ли Вы, как ценил Ваш талант покойник Островский? М. б. скоро Вы прочтете в «Русск. Вед.» мои воспоминания об нем. Он считал Вас пророком, vater'ом римским, страшной поэтической силой, приравнивал почему-то к библейским пророкам. Я сам все это слышал от него: я близок был к А-ру Ни-чу.

Не робейте же, М. Е., как говорят вообще для ободрения, сочувствия, разумеется не буквально: робости в Вас разумеется ни на иоту, я думаю, не сыщешь. Главное, пошли Вам бог или Ваша натура побольше здоровья. Говорят, Вы все-таки сильно недомогаете. Как бы я был рад, если бы мое длинное письмо не усугубило Вашей болезни своей длиннотой, а напротив дало бы хоть на краткое время чувство покоя, сознание исполненного долга перед неведомым читателем. Вы не чувствовали себя одиноким среди безбрежного моря «голов и умов» и равнодушных грудей, но почувствовали себя близким, родным по сердцу и уму среди плотной существующей сердечным пониманием молодежи и уже зрелых людей.

Кто болен сам, тот весело и жадно
Внимает вести о больном...

На эт. еще основании я и пишу к Вам и рассчитываю, что Вы дочтете мое письмо, м. б. заинтересуетесь его карандашной формой, а через то и его автором. Два года тому назад я был студентом Московского университета. 1½ г. тому назад меня ударил паралич и я лежу без ног, хотя не без надежды вернуть их, ½ года вылежал в нервной клинике, 4 месяца лечился на одесском лимане; на лето опять поеду туда. А пока полеживаю себе на славу. И знаете, нисколько не бравируя, скажу, что ей-богу еще не большое лишение не иметь вовсе ног. Я понемногу занимаюсь, диктую для народного издания книжки, учусь играть на гармонье, за невозможностью сидеть, толкую с товарищами — хороший народ есть. У меня кажется пошевеливается жилка писателя — преимущ. критика-психолога вроде Тэна, хотя и не совсем (у Тэна психол. мало), но я стараюсь не раззуживать себя: пока молод еще, а главное нездоров. Вот я и поживаю

себе и право, лишь бы живот не болел, могу долго так существовать без ропота. А окружающие меня мне это как бы в заслугу вменяют. А тут для меня никакого труда не составляется. Пробыл я 6 м. в клинике преимущественно с мужиками; много с меня от болезни задора сошло, многое поулеглось из личных болей и гражданских волнений — от того и другого — еще дурная организация я и в клинику попал — я стал 1) материалистом более убежденным, чем прежде, 2) проще, искреннее, научнее, шире стал смотреть на вещи и людей.

Если это моя не совсем заурядная история заинтересовала Вас хоть на 1 мин., то считаю себя в праве рассказать ее Вам. Если же Вы обидитесь на мою болтовню, то заранее простите. Но я и Вы оба больны; это мне показалось достаточно.

Теперь скажу Вам еще одно свое желание, уже, пожалуй, мелочно-молодое. Вы бы крайне обрадовали меня и Островского Михаила, если бы прислали нам как авторам переделки «Совести» по Вашему портрету с Ваш. автографом. Простите, Мих. Евгр., эту детскую просьбу: молодежь любит немного покичиться такими веществ. знаками невеществ. отношений, любит похвастаться близостью к своим кумирам. И, ей-Богу, тут одно хорошее, чистое чувство. При том далеко не каждому и не часто выпадает случай вроде выдающегося мне. У меня группируется в Москве кружочек молодых, еще начинающих, не нашедших прохода в большие редакции писателей. Как нам приятно будет связывать свое будущее дело с крупными именами больших главарей литературы. С нетерпением буду ждать, ответите ли Вы. Будьте здоровы и покойны.

Н. Луженовский.

(Никол. Ник.)

29

ЧИТАТЕЛЬНИЦА

[Апрель — май 1887 г.]

Глубокоуважаемый Михаил Евграфович.

Прочла я Ваши «мелочи» в апрельской книжке Вестника Европы. Перед этим была несколько раз на передвижной выставке и каждый раз подолгу останавливалась перед Вашим портретом. И каждый раз, что смотрела на этот портрет, который, говорят, замечательно похож, и при чтении «мелочей» и многих других Ваших фельетонов в Русск. Вед. всегда поднимаются одни и те же мысли, одно и то же чувство: чувство и сознание своей полнейшей беспомощности, неумелости выразить Вам, нашему дорогому, незаменимому писателю, всю глубину моей признательности за все то, что Вы дали нам своей литературной деятельностью. Я говорю, что это чувство поднималось особенно назойливо именно в последнее время в виду Вашей болезни и условий, Вас окружающих, когда в каждой строке, которую Вы пишете, так и проглядывает глубокая грусть. Но в каком положении очутились все те люди, которые из году в год зачитывались Вашими произведениями, воспитывались ими? Ведь так хотелось бы ну чем-нибудь высказать свою признательность, в свою очередь хоть что-нибудь сказать или сделать такое, что могло бы показать Вам, как глубоко проникают Ваши слова в душу. Тем более хотелось бы это сделать, что Вы сами в последнее время часто задаете себе вопрос, как относились люди к тому, что Вы писали, какие у Вас были читатели, какое действие производили Ваши статьи.

Михаил Евграфович, из Ваших читателей многие, многие хотели бы уметь сказать Вам такое спасибо, из которого Вам стало бы ясно, какое значение Ваша литературная деятельность для них имела. Но ведь для

этого надо у м е н ь е, а громадное большинство этим уменьем не обладает. Большинство, в том числе и я, сознает, чувствовало постоянно, как Ваши очерки, статьи ярко освещали те или другие стороны общественной жизни, делали ясным то, что пока лишь смутно чувствовалось, и таким образом помогало проверять свои собственные впечатления, уяснять себе разные стороны общественной жизни. Получая новую книжку журнала, первым делом всегда просмотришь, нет ли Вашей статьи? Но все это конечно Вы давно знали и знаете. Но как мы в свою очередь можем высказать Вам свою благодарность? Как и чем можем облегчить Ваши страдания? В какой осязательной форме представить Вам тех читателей, почитателей и людей, питающих к Вам, помимо почтения и глубокого уважения, искренное глубокое чувство любви и привязанности, как к дорогому, близкому человеку, к человеку, с которым сроднились? А ведь таких людей много, много; и только наша неумелость заставляет нас хоронить это чувство, между тем как высказавши его Вам, этим самым мы может быть доставили бы минуту удовлетворения. Я ведь понимаю, что в сущности благодарность, любовь, уважение человека, которого не знаешь, человека заурядного не могут иметь значения для Вас. Именно это сознание постоянно и удерживает людей средних, не имеющих ни положения, ни веса, людей, ничем не выделяющихся из общего уровня, от всякого проявления своего чувства или мыслей.

Была я прошлого года весной в Петербурге. Все 10 дней, которые я пробыла, я все колебалась. Мне ужасно хотелось пойти к Вам, сказать Вам просто искреннее, глубокое спасибо, рассказать Вам про других, про некоторую молодежь, как она относится к Вам, но у меня нехватило смелости. Что такое я могу сделать для Вас? Не сочтете ли Вы мое посещение за назойливость, за праздное любопытство, вероятно к тому же я бы конфузилась, ничего не сумела бы сказать и возбудила бы в Вас досаду. И верьте, не я одна так рассуждаю. И многих удерживает такая мысль. А между тем желание Вам сказать это спасибо очень сильно. А чувство полнейшей беспомощности чем-нибудь выразить Вам свою благодарность очень, очень мучительно. Чем, как? Не знаю. Но верьте — нас много, много. Но что делать, не знаем. Только и можем сказать — «Спасибо Вам».

Ч и т а т е л ь н и ц а.

30

«ЧИТАТЕЛЬ-ДРУГ»

[Апрель — май 1887 г.]

Если бы Вы знали, с какой радостью увидели мы снова Ваше имя в оглавлении журнала и как больно было прочесть Ваш справедливый упрек своим читателям. Но боже мой, верьте, что нам в голову не приходила никогда мысль, что Вы нуждаетесь в отклике читателя, там, в центре нашего просвещения, в Петербурге. А мы Вас так искренне любим, так глубоко уважаем, что боимся надоесть — мы были уверены, что кому-кому, только н е В а м придется нуждаться в сочувствии читателя. Ведь Вы в нашей темной, трудной жизни наш свет, наша поддержка... Ваши статьи поддерживают в нас любовь к честной и полезной для других жизни среди людей, из которых едва ли наберется десяток сочувствующих нашей деятельности; хоть в большинстве случаев только на словах. Вы для нас маяк, освещающий дорогу, и мы, борясь с темнотой, с волнами, глядя на Ваш свет, соображаем, как итти, чтобы попасть и не сбиться с хорошей дороги. Не говорите же, что мы шмыгаем в подворотню, и не бросайте пера — подумайте о нас, изнывающих в тяжелой жизни, в трудной борьбе с другими и с собой, подумайте, какой поддержки Вы лишаете нас. Подумайте, если Вы, одарен-

ный силой, умом и гением, опустите руки перед ударами жизни, то как же поступать нам, не одаренным ничем?

До сих пор мы не падали духом, помня, что терпеливая капля и камень продолбит, неужели же Вы захотите подорвать в нас веру в честных, трудящихся до последней возможности, несокрушимых духом людей? Не упрекайте нас в измене! верьте, что мы и жизни для Вас не пожалеем, зная, что на место такого червяка, как я, явится много, а Вас кто заменит? если мы молчали, то потому, что не знаем, чем Вам служить, а что касается сочувствия, то разве есть в России хоть один честный и умный человек, который бы Вам не сочувствовал всей душой? Да разве Вы это не знаете? А если не писали, так от робости перед Вами, перед Вами только, ни перед чем другим. И притом, опять повторяю, мы думали, что там, в Петер., Вы в нем не нуждаетесь. Вы пишете, что много раз взывали к читателю «откликнись». Ну вот потому я и решился на это письмо. Конечно оно не выразило и сотой доли той любви, преданности и уважения, которые я питаю к Вам. А я ведь не исключение, таких как (я) много, много, гораздо больше, чем это думают. Не оставляйте же нас без поддержки. Наша жизнь и так не красна.

Читатель-друг Х.

31

НЕИЗВЕСТНЫЙ

[Апрель — май 1887 г.]

Дорогой Друг!

Позволяю себе обратиться с этим эпитетом для того, чтобы разуверить Вас в том, что будто бы у Вас нет друзей, конечно друзей «бакалейных» у Вас может быть и нет, да и бог с ними, эти друзья ненадежны; есть у Вас нынче семгушка, или какая другая снедь, друг при Вас, нет ее — и друга нет, он уже где-нибудь в другом месте ищет выпить и закусить,— а есть у Вас истинные друзья, друзья идей Ваших, это люди, которые до последнего вздоха не перестанут вспоминать имя Ваше не только с уважением, но даже с благоговением; мало этого: как бы мы ни благоговели перед Вами теперь, какие бы памятники ни воздвигали Вам после Вашей смерти, все-таки всего этого мало будет для того, чтобы вполне оценить заслугу такого публициста, как Вы, так высоко и долго державшего знамя правды и света.— Число Ваших друзей чрезвычайно велико: сколько читателей Ваших статей, столько и почитателей, так как читать их и в то же время не преклоняться перед творцом их — совершенно немыслимо.

Ваша последняя статья в апрельской книжке «Вестника Европы» произвела на нас, дорогой друг, чрезвычайно тяжелое впечатление: не знаю, верно ли, но мы прозрели в ней Вашу автобиографию и главное автобиографию прощальную, если это верно, то это будет для всех нас страшным ударом. Столько лет почти подряд привыкли мы слышать Ваш правдивый, но не [нрзб.] голос и вдруг он смолкнет и смолкнет-то в такое ужасное беспросветное время, какое переживаем мы теперь. Конечно только действительная немощь может заставить такого многолетнего бойца сложить свое оружие; а потому, от всей души пожелав Вам скорейшего поправления здоровья, остаюсь

Ваш давнишний и верный друг Х.

Ваша нравственная обязанность перед потомством говорить, говорить до последнего вздоха, а силы Ваши господь поддержит.

Многоуважаемый
Михаил Евграфович!
Из 3-ей книжки „Русской Мысли" мы прочли, что в марте мес. исполнилось 40 лет Вашей литературной деятельности. Поэтому примите наше [illegible] и [illegible] приветствие.
Мы Вас поздравляем, как одного из лучших литературных борцов за воплощение идей человечности в русском народе. Ни преследования тупой злобы и трусости, ни недуги не сломили Вас. Вы всегда самоотверженно отстаивали идеи правды и добра, преследуя сатирой человеконенавистничество. Мы приветствуем эту благородную стойкость, которая всегда отли-

[illegible] цов за народное дело. Мы пере[illegible] живаем тяжелое время, когда все честное как будто спряталось, и его место заняли „шипящие лишь и гады". Вы продолжаете будить упавший дух русского общества, ободряя его верой в торжество добра. Эта непоколебимая вера и доселе сохранившаяся в Вас служит ярким примером высказанного Вами мнения, что и под пеплом продолжало добро гореть и что оно вечно будет гореть. И если Ваши „читатели-друзья" в силу тяжелых обстоятельств теперь затаили то единственное, что Вами [illegible] [illegible] это [illegible] до той поры, когда многие

читатели-друзья будут принимать в расчет [illegible] общественного мнения."
А мы верим, что время это близко...
Да здравствует один из лучших друзей нашей родины.
От кружка „читателей-друзей".

Г. Ковно
марта 26
188[illegible] г.

АВТОГРАФ ПИСЬМА КОВЕНСКОГО КРУЖКА «ЧИТАТЕЛЕЙ-ДРУЗЕЙ» К САЛТЫКОВУ ОТ 26 МАРТА 1886 г.
Институт Русской Литературы. Ленинград

32

СТУДЕНТЫ ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2 мая 1887 г.

Михаил Евграфович!

Горько, что Вы могли усомниться в той связи, которая существует между Вами и Вашими читателями. Уверенные в том, что существует масса людей, сочувствующих Вашим идеалам и глубоко уважающих Вашу деятельность, мы со своей стороны делаем все, что можем, чтобы разуверить Вас в Вашем пессимистическом отношении к уважению к Вам русской публики.

Этими несколькими словами мы хотим выразить Вам наше уважение и сочувствие. Продолжайте служить нам руководителем на избранном Вами пути и верьте, что Ваше имя никогда не забудется и всегда будет дорого для русской молодежи.

Студенты А. Тугенхольд, А. Каминка, В. Мякотин, Н. Левитт, Н. Милюков, Н. Чехов, А. Богданович, П. Вознесенский, А. Раевский.

33

Я. МЕЕРОВИЧ

Одесса, 11 мая [1887 г.]

Михаил Евграфович!

Провидение да укрепит здоровье Ваше и продлит надолго Вашу жизнь, столь драгоценную для всего мыслящего русского общества. Кому же жить теперь, если не Вам. Когда «окрест царит глубокий мрак» (говоря Вашими словами), кто ж для нас будет светочью мысли, если не Вы.

Я. Меерович (один из молодежи).

34

В. В. ЯШИН

25 августа 1887 г. Щедринск.

Дорогой Михаил Евграфович!

Неужели Вы уже совсем покидаете своих осиротелых без Вас читателей? А именно теперь, более чем когда-либо, нужно Ваше мощное разумное слово: приближается реакция, призраки которой уже появились, вошло в силу дутое туманное учение Л. Толстого. Чем объяснить Ваше умолчание об этом крупном литературном факте? Неужели Вы разделяете целиком учение Толстого? Этого нельзя допустить, впрочем.

Ваши последние статьи хватают за сердце. Но зачем такое недоверие к читателю? У Вас нет читателей! Неправда,— у Вас их много и они Вас горячо любят. Положим, недругов у Вас еще больше, но, право, один хороший друг стоит десятка врагов, а друзей у Вас много, и друзей Вам преданных.

Крепко жму Вашу руку.

В. Яшин.

Щедринск, Пермской губ., дом Б. А. Голдобина.

Васил. Виктор. Яшин.

Адрес свой я написал в надежде иметь от Вас несколько строк. Как писателя я знаю Вас превосходно, но мне хотелось бы угадать в Вас и человека. В почерке же непременно отражается и характер.

35

ТВЕРСКИЕ ПОЧИТАТЕЛИ

Телеграмма

Пбг. Литейная, 63. Михаилу Евграфовичу Салтыкову.

Тверь. 8/XI 1887 г.

Почитатели Вашего таланта, принося Вам поздравление, свидетельствуют чувства глубокого уважения и выражают уверенность, что эти чувства разделяются всею русскою интеллигенциею, видящею в Вас самого совершенного выразителя лучших ее стремлений.

Рождественский Николай, Лесевич Владимир, Лесевич Лидия, Языков Александр, Языкова Ольга, Рождественская Антония, Погосская Александра, Трубникова Авдотья, Де-Роберти Сергей, Ульянов Алексей, Ульянова Настасья, Павлов Николай, Павлова Вера Владимировна, Павлова Вера Николаевна, Волькенау, Иванов Александр, Барыбин, Барыбина, Лондис, Черкасова, Рогозина, Писарева, Скворцов, Козлов, Козлова, Николаев, Николаева, Шульц, Иванова Варвара, Алексеев, Воронин, Владимирский, Вощакин, Недзядковский, Арефьева, Эртель Александр, Мордвинова, Бакунина, Петрункевич Анастасия, Петрункевич Иван, Петрункевич Михаил, Бакунин Павел, Дьяков, Дьякова, Четвериков, Стромилов Александр, Стромилов Анатолий, Сухоручкин Сергей, Давыдов Сергей, Давыдова Варвара, Никифорова, Гинзбург, Цимковская, Свитушков, Поведский, Полетаев, Афанасьев, Медведев, Шевелев, Морозов, Шевелева, Жуковский, Жуковская, Костылев, Апостоло , Давыдов, Ардальон, Руткевич, Юрлов, Покровский Василий, Покровская, Никифоров, Комицын, Сазонов, Протопопов, Семенов, Пантелеев, Федоров, Сурин, Яковенко Владимир, Яковенко Надежда, Кощенко Петр, Кощенко Вера, Шиманович, Бартелинг, Иванова Вера, Литвинов, Егоров, Баженов, Благовещенский, Щелкунов, Успенский, Культепин, Федоров, Эдуардов Николай, Эдуардова Екатерина, Упервицкий, Горенкин, Николаев, Плетнев, Чернилин, Смирнов, Бутягин, Бершадский, Андреев, Шуенинов Николай, Шуенинова Александра, Хермизи Иван, Хермизи Екатерина, Соколова, Хермизи Елена, Вознесенский, Козлова, Писарева, Сергеев.

36

СТУДЕНТЫ ГОРНОГО ИНСТИТУТА

Телеграмма

Литейный, д. № 62, Мих. Евграф. Салтыкову.

Петербург. 8 ноября 1887 г.

Поздравляем с днем ангела и желаем Вам побольше здоровья и сил сеять разумное, доброе, вечное. Надеемся, что еще много раз отпразднуем этот дорогой для нас (и) всей читающей России день.

Студенты Горного Института.

37

С. ФИЛИМОНОВ

[А. Ф. Пантелееву]

Милостивый государь
Лонгин Федорович!

Будьте любезны: передайте Михаилу Евграфовичу Салтыкову посылку, отправленную из Вятки на Ваше имя. В посылке находится альбом, сделанный по подписке небольшим кружком почитателей Михаила Евграфовича. Этим даром вятчане имели в виду почтить сорокалетнюю литературную деятельность своего любимого писателя, всегда чуткого и отзывчивого на все злобы дня. Альбом этот вятчане просят принять Михаила Евграфовича в воспоминание о Вятке и тех годах, которые ему пришлось провести в этом городе.

Примите уверение в искреннем почтении и преданности.

Врач С. Филимонов.

38

ЧЛЕНЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ФОНДА

2 февраля [1888 г.]. Пбг.

Михаилу Евграфовичу Салтыкову. Литейная, 62.

Бывшие и настоящие члены Комитета Литературного Фонда пьют здоровье дорогого своего товарища и провозглашают ему многие лета на славу русской литературы.

Председатель В. Сергеевич.

Бывший — М. Стасюлевич, Арсеньев, бывший — Н. Таганцев, Ник. Михайловский, бывший — Д. Мордовцев, Ф. Воропонов, А. Пыпин, П. Морозов, Василий Семевский, Евг. Утин, Михаил Семевский, П. Гайдебуров, Э. Ватсон, В. Скалон, Яков Гуревич.

39

КОВЕНСКИЙ КРУЖОК «ЧИТАТЕЛЕЙ-ДРУЗЕЙ»

26 марта 1888 г. Ковно.

Многоуважаемый Михаил Евграфович!

В 3-й книжке «Русской Мысли» с. г. мы прочли, что в марте м-це исполнилось 40 лет Вашей литературной деятельности. Поэтому примите наше хотя и запоздалое приветствие.

Мы Вас поздравляем как одного из лучших литературных борцов за воплощение идей «человечности» в русском народе. Ни преследование тупой злобы и трусости, ни недуг не сломали Вас. Вы всегда самоотверженно отстаивали идеи правды и добра, преследуя сатирой «человеконенавистничество». Мы приветствуем эту благородную стойкость, которая всегда отличала и отличает истинных борцов за народное дело. И в настоящее тяжелое время, когда все честное будто спряталось и его место заняли «шипящие змеи и гады», Вы продолжаете будить упавший дух русского общества, ободряя его верой в торжество добра. Эта непоколебимая вера и доселе сохранившаяся в Вас служит ярким примером высказанного Вами мнения, что «и под пеплом продолжало добро гореть, и что оно вечно будет гореть». И если Ваш «читатель-друг» в силу тяжелых обстоятельств теперь затерян, то единственное, что Вам искренне желаем,— это дожить до той поры, когда «мнение» читателя-друга будет приниматься в расчет общественным мнением.

А мы верим, что время это близко...

Да здравствует один из лучших друзей нашей родины!

От кружка «Читателей-друзей».

40
СТУДЕНТЫ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

29 марта 1888 г. [Москва.]

Многоуважаемый и дорогой для нас
Михаил Евграфович!

Хотя и немного поздно, мы спешим принести Вам поздравление с 40-летней литературной деятельностью, направленной на благо и просвещение нашей родины.

Вас в молодости, как Вы говорите, волновали звуки слов: истина, свобода, справедливость, и эти слова впоследствии легли в основание Ваших сочинений, могуче призывающих к добру и громивших всякое зло и неправду. И мы были подвигнуты на первые шаги сознательной жизни этими высокими идеями. Одни они могли и далее служить для нас путеводной звездой в умственном и нравственном развитии. Поэтому необходимо было нас укрепить и поддержать на этой дороге. И Вы, дорогой Михаил Евграфович, были одной из лучших опор в этом отношении. Вы своими сочинениями научили нас познавать зло и стремиться к его уничтожению. Вы поддерживали в нас святую веру в торжество правды и добра, несмотря на тяжелую общественную эпоху, переживаемую нами; Вы дали пищу нашему критическому и анализирующему уму, раскрывая истинные причины и следствия безнравственного и несправедливого порядка вещей. Вы уже имели в нас ревностных читателей и горячих друзей. Мы будем трудиться и работать с надеждой, что принесем хотя небольшую долю той пользы, которую принесли Вы Вашим смелым и прочувственным словом. Нам уже будет легче итти вперед в самосовершенствовании и в нашей общественной деятельности, когда перед нами горят блестящие светочи и достойные подражания примеры. Мы, крохотная капля Ваших почитателей, приносим глубокую и сердечную благодарность.

Примите снисходительно выражение наших чувств.

Студенты Московского университета:

И. Вазанов, М. Соболев, И. Богородский, Вл. Рождествин, Сницеров, Яхонтов, Быстров, Виноградов, И. Петров, И. Безносов, А. Знаменский, С. Поленов, С. Вовойский, А. Соболевский, В. Никитин, Б. Широков, А. Лупандин, Н. Понятский, А. Турчинский, Смоленский, В. Мальков, А. Далецкий, Р. Шредер, Павел Уткин, Рейтар, Ив. Герасимов, А. Крашенинников, С. Сеферов, Ф. Арбузов, И. Кузнецов, А. Зубков, С. Заборовский, Тер-Овахитов, Тынянов (?), Н. Кижнер, В. Миленднер, А. Фомин, А. Андреев, Н. Пастухов, В. Горбенко, В. Дьяков, Н. Попов, Г. Егоров, М. Колпакчи, А. Эйсмонт, Н. Римский-Корсаков, С. Бебешин, Ал. Макеев, Николай Рожков, Ал. Пастуро (?), Ив. Кузменко-Кузмицкий, Ив. Козлов, Бурмакин, Калашников, Верин, Кандаровский, Ржевский.

41
Г. БАТАШЕВ

Март — апрель 1888 г. Дер. Анишино, Тульского уезда.

Многоуважаемый
Учитель и Наставник!

Позвольте за все те минуты пыток, душевных терзаний, тоски и страданий, за минуты отдыха и успокоения, которые я переживал и переживаю,

пользуясь плодами Вашей сорокалетней литературной деятельности, издалека сказать Вам мое искреннее спасибо!

Земский врач
Г. Баташев.

42

Г. ВУЛЬФИУС

30 апреля, 1888 г. Лейпциг.

Глубокоуважаемый
Михаил Евграфович!

К глубокому своему прискорбию Славянское Студенческое Общество в Лейпциге не могло вследствие отсутствия членов во время каникул своевременно послать Вам свой сердечный привет ко дню исполнившейся 18 марта сорокалетней годовщины Вашей беспримерной по своему значению литературной деятельности.

Славянское Общество, всегда с живейшим интересом и искреннейшей радостью встречавшее Ваши произведения, столь симпатичные ему по своему направлению и высоко художественные по своему содержанию и форме, на первом генеральном заседании, состоявшемся 16/28 апреля 1888 г., уполномочило меня выразить Вам, глубокоуважаемый Михаил Евграфович, свое искреннее сочувствие и горячую признательность за все то, что Вы сделали для русского народа, и пожелать Вам от всей души сил для продолжения Вашей столь замечательной деятельности.

Председатель Слав. Студенч. Общества
Герман Вульфиус.

43

АДРЕС ДЕРПТСКИХ СТУДЕНТОВ

[Апрель — март 1888 г.]

Глубокоуважаемый Михаил Евграфович!

Исполнилось 40 лет Вашей многотрудной литературно-общественной деятельности. Не решаясь брать на себя непосильную, крайне трудную и глубокую по своему значению задачу — характеризовать, хотя в общих чертах, Вашу многолетнюю и глубокоплодотворную деятельность на пользу родимой страны, мы, русские студенты Дерптского университета и ветеринарного института, тем не менее не можем, по случаю исполнившегося 40-летия литературного служения Вашего своему благотворному делу, не откликнуться и не поблагодарить того, кто так много и долго внушал всему русскому обществу великое и жизнь освежающее чувство добра и правды, кто неустанно будил общественную мысль и совесть, кто не переставал беспощадно и метко бичевать как общечеловеческие, так и чисто русские пороки, и кто, наконец, указывая на бессилие и бесправие личности, не уставал бесстрашно и энергично восставать против всего строя нашей современной политической и общественной жизни и всех современных условий развития и деятельности личности. Сорок лет, дорогой учитель,— долгий промежуток времени. В него успело смениться несколько поколений, возникнуть и пасть много благих начинаний, пройти несколько периодов то возбуждения и подъема русских общественных сил и духа, то крайнего упадка и приниженности. И Вы были живым и не безмолвно-равнодушным свидетелем всего этого. Окидывая взглядом это наше сорокалетнее прошлое с его особенностями и деталями, становится вполне понятным, как велико и благотворно было зна-

Высокочтимый

Михаил Евграфовичъ!

Глубоко встревоженные известиями о Вашей болезни, не позволяющей Вамъ продолжать плодотворную работу на пользу родины, от души желаемъ, чтобы Ваша могучая натура поборола тяжелый недугъ, и чтобы Вашъ могучій голосъ долго еще звучалъ, вдохновляя насъ на все разумное, прекрасное и честное.

Студенты Новороссійскаго Университета

АВТОГРАФ ПИСЬМА СТУДЕНТОВ НОВОРОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА К САЛТЫКОВУ (ПЕРВАЯ СТРАНИЦА)

Институт Русской Литературы, Ленинград

АВТОГРАФ ПИСЬМА СТУДЕНТОВ НОВОРОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА К САЛТЫКОВУ (ВТОРАЯ СТРАНИЦА)

Институт Русской Литературы, Ленинград

АВТОГРАФ ПИСЬМА СТУДЕНТОВ НОВОРОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА К САЛТЫКОВУ (ТРЕТЬЯ СТРАНИЦА)

Институт Русской Литературы, Ленинград

АВТОГРАФ ПИСЬМА СТУДЕНТОВ НОВОРОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА К САЛТЫКОВУ (ЧЕТВЕРТАЯ СТРАНИЦА)

Институт Русской Литературы, Ленинград

П. [illegible]
М. Хоментовский
Шахмалиев
И. Шахкеров
Г. Фридланд
О. [illegible]
В. Ковалев
П. Борымский
Н. Альбов
А. [illegible]
[illegible]
Питиров
Лозицкий
Русевянч
Л. Турдзеладзе
Герценсон
В. Шкаров
[illegible]
К. Лисадовский
К. Хвостов
[illegible]
Д. Мастеров
И. Гутник
Л. Лачо
Л. Манулашвили
В. Ауман
[illegible]
Э. Трейфер
Д. Зиновецкий
Чайковский
Р. [illegible]

[illegible]
Г. Кауфман
Н. Бодаревич
Ил. Гинзбург
П. Ястржембский
Н. Абиянов
Е. Маркова
А. Шеловский
Л. Бродский
А. [illegible]
Г. Окуневский
Е. Кишиневский
Л. Пастаев
С. Аргутинский
Долгорукий
И. Белинский
М. Попов
Як. Иващенко
От. Медовский
Гр. Пластунов
Г. Лордкипанидзе
Г. Медвинович
Н. Гаренко
Г. Шемидт
С. Загорский
Гериф
Г. [illegible]
М. Кемпинский
П. Султанов
Д. Пикснер
Хр. Антулович
Гуладзе Яков
Габич
Сталь
Слуцкий

АВТОГРАФ ПИСЬМА СТУДЕНТОВ НОВОРОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА К САЛТЫКОВУ (ПЯТАЯ СТРАНИЦА)

Институт Русской Литературы, Ленинград

чение такого дела общественного служения, как Ваше, и такого могучего орудия, каким обладаете Вы. Следуя своему внутреннему призванию, Вы заняли важный и ответственный пост сатирика-обличителя язв современного русского общества. Вы, неизменный и несокрушимый борец за человеческие права и свободу, ни разу до сей поры не сошли с этого поста, ни разу не отступили ни на шаг от своих требований и запросов от жизни. Сатира Ваша разрасталась, охватывала все больший и больший круг предметов, не оставляя без внимания ни явлений нашей экономической жизни, ни общественной, ни, наконец, политической. Вы освещали все закоулки русской жизни. Вы отмечали все недуги и язвы ее, смеясь тем смехом, под которым «кроются невидимые миру слезы». И этот благотворный смех сослужил великую памятную службу родине; все лицемерное, фальшивое и безобразное нашей жизни спешило прятаться, стыдилось и боялось появляться на свет божий во всей наготе своей... Так, стоя вместе с другими борцами на страже интересов русского общества, дожили Вы до наших дней, достигнув всеми признанного значения передового бойца и светоча современной русской мысли. Но служа так долго на своем посту, Вы, дорогой учитель, не только не отстали от духа времени, не только не неуловили его потребностей, запросов и злоб, но всегда шли впереди его. Вы, Михаил Евграфович, и мы — современная русская молодежь — люди разных поколений, но мы не только понимали Вас всегда, мы шли за Вами, мы жадно ловили Ваши боевые речи, мы чутко прислушивались к Вашему дорогому для нас голосу, Вы — наш вождь, наш носитель лучших стремлений и идеалов, наш сборный пункт... Это не пустые фразы, а самою жизнью подтвержденный и доказанный факт. Вы наш вождь, потому что, принадлежа по своему великому благородному сердцу и уму к тем немногим, которые уходят «от ликующих, праздноболтающих, омывающих руки в крови» в «стан погибающих за великое дело любви», Вы были с нами и впереди нас в самые трудные годины испытаний и в момент высшего развития стремлений уходить в этот «стан погибающих»... Ваш голос разделил все мало-мальски мыслящее на две резко различающиеся половины, и под Ваше великое, честное знамя стало все молодое, горячее и искренне ищущее правды и света. Учитель наших учителей, Вы подготовили к жизни и борьбе несколько поколений вожаков общества и ряды немногих, но бодрых и крепких духом молодых боевых дружин. Вы наконец, как добрый пахарь, без устали бросая в русскую почву семена «разумного, доброго, вечного», безостановочно будили общество от умственной спячки, ратовали против бессилия личности и, мужественно указывая на тяжелый гнет политический, бесстрашно граждански говорили русскому обществу: «встань, проснись, подымись — на себя погляди». Пусть же теперь, после этих многотрудных 40 л. обществ. служения, Вы и Вам преданные с законной гордостью бодро и спокойно оглянете пройденный Вами тернистый путь. Пусть сознание, что за Вами и вокруг Вас, святой старик, стоят молодые русские силы, жаждущие дела, что в ответ Вашему благородному сердцу бьются сердца всей русской молодежи — осветит Ваш путь и подкрепит Ваши силы. Мы, частица русской молодежи, заброшенная сюда на чужбину, шлем Вам свой горячий привет свою дань глубокого уважения и благодарности за все, что сделали Вы для русского общества, для нас и для нашего воспитания в особенности. Мы приветствуем вас теперь, как испытанного, закаленного вождя, как свою несокрушимую твердыню, вокруг к[ото]рой возможно собраться дружной толпой и устоять в борьбе. Живите же долго, дорогой учитель и вождь, и ведите нас и русское общество по тому пути, по к[ото]рому вели 40 лет».

[Следует около ста подписей.]

44

М. Н. МОЛДАВСКАЯ
[Л. Ф. Пантелееву]

19 августа 1888 г. Яранск, с. Озеро.

Милостивый государь
Лонгин Федорович!

Простите, что совершенно неизвестная Вам личность решается обременять Вас своим письмом, но как же иначе и от кого лучше можно узнать о здоровьи Михаила Евграфовича?

Нетерпеливо перечитываешь газеты и ищешь в них хоть каких-нибудь сведений и слухов о нем, и ничего не находишь; в В. Европы статей Щедрина не появляется, а душа болит за этот блестящий светочь нашей родной литературы, озаряющий таким правдивым и неподкупным блеском все самые скрытые и отдаленные уголки нашей нравственной и общественной жизни, за того, чей неподражаемый талант открывал все ее раны глубокие и иногда неизлечимые, на гениальные создания которого мы отзывались всем глубоко возмущенным сердцем и каждое из которых составляло эпоху в нашем существовании. Так горячо и искренне хотелось бы знать хоть что-нибудь о высокоуважаемом и ценимом Михаиле Евграфовиче: где он, поправляется ли его здоровье и позволяет ли оно ему продолжать его многотрудную и многим полезную литературную деятельность. Ведь Михаил Евграфович — общее достояние и гордость всех мыслящих людей России, а мы когда-то во время его пребывания в Вятке имели счастье считать его в числе своих хороших знакомых,— нам, значит, дорог он вдвойне.

Если найдете возможным, удостойте хоть строчкой ответа, чем много и несказанно обяжете свидетельствующую Вам совершенное почтение

М. Молдавскую.

Мой адрес: Марии Никитичне Молдавской в г. Яранск, Вятской губернии, сельцо Озеро.

45

СТУДЕНТЫ НОВОРОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

[1888—1889 гг. Одесса]

Высокочтимый
Михаил Евграфович!

Глубоко встревоженные известием о Вашей болезни, не позволяющей Вам продолжать плодотворную работу на пользу родины, от души желаем, чтобы Ваша мощная натура поборола телесный недуг и чтобы Ваш могучий голос долго еще звучал, вдохновляя нас на все разумное, прекрасное и честное.

Студенты Новороссийского университета:
Яблонский, Кандиба, Беляев, Новак, О. Габинский, С. П. Чолаков, Ар. Орбинский, С. Слоним, И. Эйшискин, К. Козминский, Я. Гессен, С. Белоусов, Б. Микулин, Стратонов, Владимир Ворт, Делов, Вл. Доличко, И. Доливо-Добровольский, А. Окиневич, М. Дадуль, Г. Цацкин, Шикулинский, Дибольд, Г. Софронеев, А. Хонякевич, Б. Дмитренко, С. Иппа, А. Петров, А. Коган, А. Асрибеков, Егор Тер-Овакимов. Николай Балашев, Николай Лосятинский, Георгий Петренко, Годосевич, Павел Брук, Дмитрий Сигаревич, Тигран Шхианц, Конакевич Альвиан, Николай Коваленко, Аркадий Волчанецкий, Иван Стародубцев,

Василий Околович, Даниил Заболотный, Николай Ботерат, Владимир Росинский, Петр Кизириев, М. Вахтель, Г. Гуревич, М. Комаровский, Г. Белковский, Л. Тарасевич, Л. Галай, В. Ласкарев, С. Ландсберг, Б. Зазулинский, И. Кушковский, И. Лордминанидзе, Людвиг Гинстлинг, В. Титов, С. Вельчев, Герцо-Виноградский, Михаил Поночевный, Балугаянц, Бладзевич, М. Македон, Гаевский, Ив. Элиашвилли, М. Гинцбург, С. Шусов, А. Фрейденберг, П. Густянов, Т. Ващенко, Н. Птицын, Николаев, Гр. Барашвили, В. Бокодоров, Эд. Виссор, М. Мандес, Б. Маньковский, С. Подрольский, С. Добровольский, С. Ваненко (?), Вл. Маевский, Ф. Станевич, Э. Маргулис, Ф. Закс, Н. Ерманенко, Ан. Кочетуров, Н. Рупинов, Н. Панченко, М. Фикс, А. Чернявский, В. Воеводский, М. Левин, В. Гарцман, А. Колянковский, С. П. Сербак, С. Зильберфайн (нрзб.), Камяченко, С. Казюлькин, А. Стуков, Гинстлинг, М. Лунц, Л. Ярошевич, В. Гессен, А. Захарский, Г. Золотов, Ив. Иванов, Л. Зак, В. Каган, М. Фельдман, Я. Балабан, Ал. Мордмиллович, В. Карниани, В. Зеленецкий, И. Бергманн, Иван Элиашвилли, Михаил Гальперин, К. Стамеров, К. Гаузнер, В. Андреев, Х. Жуковит, С. Гершейго, В. Гамберг, Б. Зингер, Сахновский, Сутягин, Ускат, Шенель, Чхеидзе, Бондзинский, Пекарский, Н. Попов, Г. Семенов, Д. Фольфензон, М. Зененко, Г. Попович, И. Пинис, Iгуcкi, Вайнберг, Френкель, Г. Воскобойников, В. Невенгловский, А. Бланк, З. Мачавариан, А. Ротмистров, С. Фейерштейн, Б. Сверженский, М. Мерелло, И. Баратов, Г. Графтио, Ф. Салун, В. Деминтру, И. Чиковани, П. Погореловский, Н. Захаров, М. Руковишин (?), Р. Красусский, Вишневецкий, Ив. Драго, В. Вейнберг, А. Трескинский, Ф. Фугалевич, С. Балагианц, Л. Андроников, А. Пантелеев, Т. Чепурский, Б. Бурер (нрзб.), А. Дабовский, С. Шнейдер (нрзб.), Н. Львов, Виолин, С. М. Вайнштейн, Букин, Грозинский, Аф. Томашевский, Ржевуцкий, Ал. Мордмиллович, Як. Гуревич, Ш. Леви, Вл. Маевский, Ицкович, Ф. Бондаренко, ..., И. Тодоровский, М. Фельдман, В. Лилов, Berezowski, Kulikowski, Балугаянц, О. Пергамент, В. Караунонов, А. Архангельский, Артур Готлиб, Б. Кенигсберг, Д. Абашидзе, А. Лившиц, С. Пергамент, А. Тарасовский, М. Ващенко, С. Бартошевич, П. Навицкий, К. Маланец, И. Кашеневский, С. Булатович, А. Гуковский, А. Кордуньян, Вл. Чвалинский, К. Варфоломеев, М. Зубалов, И. Раппопорт, В. Шмайлович, Гр. Кайзерлинг, Н. Андреевский, С. Лилов, А. Болотов, М. Пиотровский, В. Шапиро, С. Б. Анштейдин, К. Доливо-Добровольский, Н. Родзяновский, В. Фоменко, Ар. Оганджанов, Ив. Петченко, П. Белинский, Ив. Добровольский, В. Гади, Онищенко, С. Шеренчиш, П. Фомин, М. Хижинский (?), Шахмалаев, М. Шмуклер, Г. Фридлянд, Ф. Немцов, В. Ковалев, П. Борымский, Н. Альбов,

А. Бычерин, В. Якобсон, Титоров, Лозицкий, Руссьян, Л. Пурцеладзе, Герцензон, Винаров, Г. Ран, К. Миладовский, К. Хвития, С. Заруский, Д. Мастеров, М. Гутник, М. Лазо, Л. Манулайшвили, Б. Адман, А. Безредка, Э. Пфейфер, Д. Зноивский, Чайковский, С. Шор, Niewodniczanski, Г. Кауфман, Н. Бондаровский, Ил. Гинзбург, Н. Ястрежемский, Н. Обиняков, С. Мрамор, А. Шкловский, Я. Бродский, А. Пецольд, Г. Окуневский, С. Вишневский, Л. Пастель, Б. Аргутинский-Долгоруков, И. Белинский, М. Попов, Як. Иващенко, Ст. Сладкосвкий, Гр. Пластунов, Г. Лордкипанидзе, И. Мдивишвили, И. Гафенко, Г. Шмидт С. Десятский, Паризо, Гр. Цольянов, М. Хелимский, П. Султанов, Д. Пинскер, Хр. Антунович, Гуладзе Яков, Райх, Сталь, Селецкий, Н. Захаревич, Димитриу, А. Владимиров.

46

УЧАЩАЯСЯ МОЛОДЕЖЬ

Телеграмма

Пбг. Редакция Вестника Европы. Салтыкову.

Москва. 12/I 1889.

Большинство учащейся и учащей молодежи шлет свой привет в день Татьяны.

Петровский ресторан.

47

СТУДЕНТЫ НОВОРОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА И ДР.

[Апрель 1889 г. Одесса.]

Михаил Евграфович!

Страдая на одре болезни, знайте, что муки Ваши близки сердцу молодого поколения. Верьте, что горящая в Вас искра божия зажгла много светочей в далеких углах нашей темной родины. С холодного севера протяните нам руку на юг и примите искренние пожелания здоровья и продолжения Вашей благотворной деятельности. «Стой солнце, над Гафоном и луна над долиной Айалаонскою».

Г. Остапенко, А. Крайзер, М. Рашков, И. Гутерман. В. Хонякевич, Ad. Grzybowski, Edw d Mier, zwinski, М. Вайнштейн, Л. Войцеховский, И. Вишневецкий, О. Дувакин, Гр. Зайднер (?), В. Маршак, Штейн, Гр. Шик, Ф. Бромберг, R. Orzecki, Josef Rusiecki, S. Medyński, Гут (нрзб.), Т. Czewiński, S. Miecnyński, A. Końkowski, Н. Суханов, Ан. Кудрин, Д. Лупша-Донченко, М. Псс (нрзб.), Р. Капи (нрзб.), М. Казанов, П. Московский, Л. Зон, П. Дольников, А. Лисовский, А. Хоецкий, И. Ходоровский, X. Белоцерковский, Яков Сосин, Л. Кубницкий, С. Анштенд, Я. Метт, М. Блавштейн, И. Пыш (нрзб.), Э. Кабецкий, Чачиков, Я. Марсалин, А. Гольдес, Ад. Гейник, И. Гуревич, Як. Лисовский, В. Васенко, А. Разухадский, Б. Жера, И. Новик, Ф. Круглов, О. Рошевский, Занзито, Ив. Спендиаров, А. Кадим-бек, С. Невельштейн, Н. Перлин, А. Блифштейн, А. Даниель-бек,

И. Доливо-Добровольский, Т. Ткач, С. Гершойго, Ал. Цетрин, М. Бом, Д. Перехватов, И. Шенберг, Г. Лесинский, Як. Фогель, М. Зильберман, А. Вайнштейн, А. Элевидзе, Г. Лодикипанидзе, Ф. Зейлигер, Бурков, С. Ишпа, Н. Ильштейн, А. Кротов, С. Баронов, Ан. Петриковский, Слиницкий, Конст. Сабо, А. Байшедт (?), А. Гиллерсон, А. Лонгберг, Губерзац, Dsbanowski, Ю. М. Сигаль, В. Петровский, В. Ицкович, Н. Петровский, А. Попов, А. Блиц, Ал. Сидоренко, С. Вилленот, В. Умов, Gloskowski (нрзб.), К. Ратгауз (нрзб.), П. Гворов, В. Перушкин, Jaroslaw Feod. Heyduk, С. Мозаровский, Ludvin, Rojeski, С. Чинейдер, К. Копоринде, М. Криличевский, М. Фрейман (нрзб.), Я. Мульман, С. Ландсберг, Г. Белковский, П. Грицай, С. Либерт, Р. Вейсман, А. Грозинский, М. Андреев (нрзб.), А. Караваев, Г. Пекатарос, П. Петренко, В. Антоновский, В. Церетели, Ф. Боловков, И. Вестерман, И. Овчинников, О. Серебрянник, Е. Попов, Целепецкий, Вогаевский, С. Mejro, Г. Думбро, В. Ивашкин, В. Лотоцкий, (нрзб.), Г. Огуз, Л. Галай, М. Колпакчи, И. Крюков, И. Кушковский, Попков, Гади, В. А. Аглицкий, Г. Матвеев, Б. Кулябко, Г. Зильберштейн, Г. Лодкапанидзе, С. Златов, С. Нейфельд, А. Лилов, Ариссмани, (нрзб.), Д. Айналов, Б. С. Шрейбер, А. Рейнов, А. Вилковский, Н. Ступаков, Л. Гольденштейн, (нрзб.), Ал. Фишер, Ос. Волкенштейн, В. Начев, А. Аврамов, П. Онилов, С. Кальманович, Л. Фурман, Г. Френкель, И. Пекарский, Л. Слоним, Н. Бондаревский, Х. Фрошод, С. С. Саморуно, А. Боханов, С. Винер, М. Фугирант, Я. Лебединский, Ив. Рогожин, Ав. Чарквиани, М. Исполатов, К. Пашкевич, Л. Синицкий, М. Сидоренко, А. Михановский, П. Цыперович, М. Уманский.

48
ГРУППА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

20 апреля 1889 г.

С тяжелым чувством узнали мы, Михаил Евграфович, о Вашей болезни, но с тем большим благоговейным уважением преклоняемся мы перед благородной мощью Вашего духа, не поддающегося никаким страданиям и знающего один лишь завет — служение родине и ее идеалам. И какое служение! На заре шестидесятых годов бодро и живительно раздалось Ваше слово, и с тех пор Вы высоко держите знамя идеалов лучшей части русской интеллигенции, подымая его все выше и выше и свято оберегая это дорогое всем нам знамя от надвигающихся темных сил. Ваше сильное карающее слово учило и воодушевляло и в то же время обуздывало и стыдило.

И теперь более чем когда-либо чувствуется потребность в этом благородном голосе. Выздоравливайте же, дорогой Михаил Евграфович, и продолжайте еще долгие годы занимать принадлежащее Вам место вождя русской интеллигенции. Это составляет предмет самых искренних желаний всех здесь подписавшихся. Среди нас есть представители самых разнообразных профессий: профессора, литераторы, врачи, художники, учителя, учительницы,

Отъ студентовъ Новороссійскаго
Университета Салтыкову-Щедрину

Михаилъ Евграфовичъ!

Страдая на одрѣ болѣзни, знайте, что труды Ваши близки сердцу молодого поколѣнія. Вѣрьте, что горящая въ васъ искра Божія зажгла много свѣточей въ далекихъ углахъ нашей темной родины. Съ холоднаго сѣвера протяните намъ руку на югъ и примите искреннія пожеланія здоровья и продолженія Вашей благотворной дѣятельности. „Стой, солнце, надъ Гаваономъ и луна надъ долиною Аалонскою“.

А. Крайзеръ
М. Раиковъ
И. Гутерманъ
В. Ходкевичъ
О. Дувакин

АВТОГРАФ ПИСЬМА СТУДЕНТОВ НОВОРОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА К САЛТЫКОВУ, АПРЕЛЬ 1889 г.
Институт Русской Литературы, Ленинград

земцы — но всех нас соединяет одно чувство искренней любви и глубокого уважения к Вам, дорогой учитель!

Заболотная, Колчанов, Червен-Водали, Петр Спиро, Машков, Я. Бизбах, С. Рубинштейн, Тиктин, Успенская, Петриев, П. Заботинский, Черкос, Зелинский, Полунин, Попов, Элиашвили, Борзякова-Норман (нрзб.), Доппельмайер, Вольтке, Вазский, Дорошевский, Казаминенко, И. Смирнов, Чукас, Вашенко, Штейгер.

49

ХРИСТОФОРОВА

Телеграмма

Пбг. Галерная. Контора Вестника Европы.

Никополь. 22/IV 1889.

Покорнейше прошу ответить другу-читателю, как здоровье несравненного Салтыкова.

Христофорова.

ПРИМЕЧАНИЯ

Все опубликованные выше письма и телеграммы взяты нами из личного архива Салтыкова, находившегося долгое время у его дочери, а ныне хранящегося в Институте Русской Литературы в Ленинграде. Исключение составляют лишь: 1) адрес дерптских студентов Салтыкову, взятый из архива редактора «Русской Старины» М. И. Семевского (ИРЛИ), 2) письмо А. М. Трескова к Н. К. Михайловскому, извлеченное из архива последнего (ИРЛИ), и 3) два письма к Л. Ф. Пантелееву из его архива (ИРЛИ).

К ПИСЬМУ № 1

В апрельской книжке «Отечественных Записок» за 1882 г. было помещено VIII «Письмо к тетеньке», соответствующее в «Собрании сочинений» письмам XIII и XIV. Содержание его весьма разнообразно: есть очень сильные места о неизбежном торжестве в истории «благородных мыслей», «благородных чувств» и «идеалов»; есть высказывания Щедрина о самом себе как о «вредном» писателе, «протестующем» против «произвола, двоедушия, лганья, хищничества, предательства, пустомыслия и т. д.»; есть язвительная характеристика реакционной «вольной» русской печати за границей; есть художественные сцены — встречи и беседы с русским помпадуром за границей и наконец история о поповском сыне «как он землю пахал и что из этого вышло».

К ПИСЬМУ № 4

Алабин, Петр Владимирович (1824—1896) — автор военных мемуаров и нескольких книг для народа — был городским головой в Самаре (его автобиографию см. в книге «Знакомые» М. И. Семевского, СПБ., 1888, стр. 159). Письмо Алабина любопытно для истории казенно-либерального «увековечения» Щедрина.

Около того же времени в либеральной Твери местное земство устроило городской музей и вскоре после открытия решило поставить в его зале бюст Салтыкова как знаменитого уроженца Тверской губернии, ее гордости и славы,— и бюст был выставлен до тех пор, пока правительственная кара не постигла «Отечественные Записки»; но лишь только гроза разразилась над головой Салтыкова, тотчас же председатель Тверской палаты Жизневский (не раз до того выражавший лично сатирику свое восторженное преклонение перед его талантом) предложил комитету, управлявшему музеем, убрать бюст как изображение лица неблагонамеренного и хранить его на чердаке» (Н. А. Белоголовый. «Воспоминания» и др. статьи, стр. 240). Об этом же эпизоде рассказывает и сам Салытков в своих письмах, прибавляя: «В том же году, в Киеве, из городской библиотеки мои сочинения выбросили, хотя они даже в индексе не значатся» («Письма», 1924, стр. 283).

К ПИСЬМУ № 5

Просьба студентов была удовлетворена. В № 130 «Русских Ведомостей» от 13 мая 1883 г. появилось следующее письмо Салтыкова в редакцию газеты:

«М. Г. Позвольте мне обратиться к посредничеству вашей уважаемой газеты, чтобы выразить искреннейшую мою признательность г. Пашковскому и другим лицам, приславшим мне из Москвы сочувственную телеграмму от 7 мая.

Примите уверение и проч.

М. Салтыков

8 мая».

К ПИСЬМУ № 6

Дата письма устанавливается приблизительно по упоминанию о чествовании памяти Тургенева, скончавшегося, как известно, 22 августа 1883 г.

Это письмо надо сопоставить с телеграммой, посланной с юбилея поэта Плещеева, когда собравшиеся в числе 100 человек также вспомнили о Салтыкове и послали ему приветствие.

К ПИСЬМУ № 7

Кравцов, Григорий Львович (1840—1890) — ветеринарный врач, писатель по своей специальности; вместе с женою А. П. Блюммер (сестра эмигранта-писателя) собирал альбом автографов, который описан и частью воспроизведен в сборнике «Привет» (СПБ., 1898, стр. 216—220), но автографа Щедрина среди опубликованных нет.

К ПИСЬМУ № 9

Завод Яхненко и Симиренко известен в истории народовольчества: один из семьи Симиренко, студент Лев Платонович, вместе со своим товарищем И. П. Белоконским вел пропаганду на заводе; родственником этой семьи был А. Желябов.

К ПИСЬМАМ №№ 10—20

В октябре — ноябре 1885 г. Салтыков был сильно болен, две-три недели он пролежал с температурой, переходившей за 40°, часто терял сознание (см. Н. А. Белоголовый. «Воспоминания». М., 1898, стр. 241—242). Известие о болезни Щедрина, как явствует из публикуемых писем и телеграмм, взволновало широкие круги его читателей-друзей.

К ПИСЬМУ № 23

Телеграмма пошла почтой и дата ее устанавливается по дню юбилея А. Н. Плещеева — 15 января 1886 г.

К ПИСЬМУ № 24

Письмо вызвано сказкой Щедрина «Приключение с Крамольниковым», появившейся в № 252 «Русских Ведомостей» за 1886 г.

К ПИСЬМУ № 26

2 февраля было традиционной юбилейной датой Литературного фонда, когда происходили выборы членов и товарищеские обеды. Салтыков принимал деятельное участие в работе Литературного фонда на протяжении 1869—1881 гг. как кандидат в члены комитета, член комитета и товарищ председателя комитета. При известной нелюбви своей к шумным публичным торжествам, Салтыков охотно посещал интимные комитетские обеды. Упоминаемые в письме члены: Николай Таганцев и Василий Сергеевич — профессора-юристы; Пыпин и Морозов — профессора-литературоведы; Мордовцев и Гаршин — беллетристы; Плещеев — поэт; Гайдебуров — редактор «Недели»; Константин Арсеньев и Евгений Утин — публицисты и критики «Вестника Европы»; Кобеко — историк и библиограф, будущий директор Публичной Библиотеки.

К ПИСЬМУ № 28

Два студента Московского университета — юрист Михаил Александрович Островский, сын драматурга, и филолог Николай Николаевич Луженовский, автор письма, — переделали для народного издания сказку Щедрина «Пропала совесть», при чем не указали источника переделки из боязни цензуры. Цензор, повидимому известный реакционный философ и беллетрист Константин Леонтьев, не заметил обмана и только вырезал из

книжки один из эпизодов: «Совесть у городничего». Луженовский послал Салтыкову книжку и вырезанную часть рукописи одновременно с этим письмом. Приводим текст посланной рукописи.

ПРОПАЛА СОВЕСТЬ

IV. Собрался Петр Сидорыч [городничий] по утру из дому, на крыльцо вышел: неловко ему что-то нынче, ничего худого кажется нету: и сам здоров, и жена и дети здоровы, и по дому все как следует благополучно, а все как будто что-то не в порядке. Невдомек ему сразу, что это оттого, что у него опять совесть завелась. (А совесть-то у него в шубе, в кармане лежала). Смотрит он: у его крыльца мужиков кучка стоит, пришли у него милости просить, отпустил бы скорей. За двадцать верст из деревень стариков согнали, а толку нет: понятыми вишь по нужному делу...

Четвертый раз мужики приходят, все допросу не дождутся.

Зазудело было у Петра Сидорыча по-старому пугануть их да гаркнуть — «я вам дам, черти, меня беспокоить, я вас проучу, погодите!», — да не выходит [у него. Хочу, говорит, строгость свою показать не могу.]. Гаркнуть хочет — рот не раскрывается. И вдруг повернулся этак к ним [тихим манером] ласково и говорит: «Погодите, говорит, меня, православные, — сейчас времени нету: на базар сходить надо, порядки дать; вот я вернусь, так может мы с вами в согласие взойдем».

Говорит так-то городничий [квартальный надзиратель], а сам все еще не разумеет, что совесть его так говорить научила: Долго стояли мужики, городничему [квартальному] в спину смотрели (и даже) диву давались: что это с его благородием сотворилось?

Ходит Петр Сидорыч по базару, промежду возов погуливает, на все стороны поглядывает. Подойдет к возу, спросит: «—Это ты, Мироныч, что продаешь?» — «Репу-с, ваше благородие — да вот курей, значит, порешил, потому подушное-с...» — «Торгуй, торгуй, братец,— скажет,— это хорошо».— «Да уж бери, барин»,— скажет мужик.— «Что ты, зачем мне? У меня своего много». Так-то и к другому, и к третьему возу подойдет: хочется Петру Сидорычу попрежнему везде [всюду] руку свою запустить, и зудит у него рука, зудит, а не опускается. Стали уж мужички посмеиваться: невдамек им, что с его благородием-то совесть, может статься, вместе по лавкам ходит. «Тебе я, говорит, никак 20 рублей должен, а тебе никак все 50. Ты приходи, говорит, ко мне завтра: разочтусь».— «Ничего-с,— ему лавочники говорят,— мы подождем, не извольте беспокоиться; завсегда готовы служить... Мы даже и безденежно, коли-что».... — «И нини, — говорит Петр Сидорыч, — с чего это я у вас задаром брать стану: вам чай тоже не с неба валится, торгом берете. Возьмем, к примеру, мужик; может он барана-то эва за сколько верст пригнал? Так и вы его, значит, мужичка пожалейте». Удивляются все на Петра Сидорыча, дивится и сам он на себя: откуда это у него такое суждение и поступки взялись? Да где ему уразуметь это: больно крепко он совесть забыл. Встретил он тут еще мужиков знакомых. Много он прошлую зиму им насолил. Дрова они по зимам в город [это село] на фабрику возили; мужики были беднеющие, лошаденки плохонькие. И велел он им тогда с каждого воза четверть к нему на двор складывать. А на фабрике прикащик, понятное дело, с них за то штраф да гривенник: всяк свою выгоду наблюдает. И говорит теперь мужичкам Петр Сидорыч: «Много я вас, голубчики, допреж этого обижал, идите, говорит, родные, ко мне, я вас покормлю, да по стаканчику водочки поднесу».

[Потому зазор меня взял]. И пошел с такими словами домой, а за ним и мужики. Подходит к дому. Кланяются ему в пояс те мужики, что раньше пришли. «Хорошо, голубчики,— говорит им Петр Сидорыч,— ступайте себе по домам, больше вам тревожки не будет». Подивились мужики на городничего [квартального]. Всплеснула руками жена его, как увидела, что муж без ничего домой воротился, да еще ораву целую голоштанников привел: «Ах ты, урод нумытый,— на мужа закричала,— чем бы в дом нести, а ты еще тут благоприятелей привел... А вы чего? вон, дармоеды проклятые». Прогнала мужиков. Опять на мужа накинулась. «Ты, говорит, что это себе в голову взял, дурак этакой, что мы сегодня обедать-то будем? А?»

И ничего-то ей муж не ответил, кротко таково на нее посматривает. Сдернула жена с него шубу, толкнула в горницу: «Проспись, пьяница, поди: чего с тобой долго разговаривать-то?»

Стала она после того мужнину шубу обшаривать, не захватил ли авось чего [муженек] на базаре-то. Да как нашла совесть в кармане, тут сразу и поняла все это дело. Недолго думая, схватила она ее бережно, двумя пальцами да за окно и бросила.

«Ну, Сидорыч, поворачивайся, сбирайся на базар-то», говорит она опосля того мужу. Мигом встал Сидорыч ровно встрепанный, а либо с похмелья проснулся да так-то живо, с легким сердцем и пошел на базар.

И пошло у него все по-старому.

V. Попала совесть потом к пузатому купцу-мироеду. Как громом ударило Антона Кузьмича: ажно всем телом затресся, как признал он эту самую совесть, которую он спервоначалу [было] за три гроша продал, на которую всегда плевал и надсмехался.

Показалось ему тут, что уже [его] черти в ад тащат, и жутко стало мироеду, и вспомнились ему все неправды его: как он в старостах своего села ходил, как мирскую копеечку под ногтем зажимал; как потом в соседнем селе у мужика-пропойцы за долги двор оттягал, да в [нем] том дворе [кабак поставил].

К ПИСЬМАМ №№ 29—31

Письма являются откликами «читателей-друзей» на очерк Щедрина «Имярек», помещенный в апрельской книжке «Вестника Европы» за 1887 г. Отсюда и приблизительная датировка писем.

К ПИСЬМУ № 33

Приведенная в письме цитата взята из очерка Щедрина «Читатель», напечатанного в № 122 «Русских Ведомостей» от 6 мая 1887 г. Отсюда и дата письма.

К ПИСЬМУ № 34

Письмо очевидно представляет собой запоздалый (в виду отдаленности корреспондента) отклик на очерки 1887 г. «Имярек» и «Читатель» (см. предыдущие примечания).

К ПИСЬМУ № 37

Составители альбома очевидно не знали о самых ранних выступлениях Салтыкова в печати как поэта (в «Библиотеке для чтения» 1841 г.) и считали началом его литературной деятельности помещение повести «Противоречия» в ноябрьской книжке «Отечественных Записок» за 1847 г. Посланный альбом не сохранился.

К ПИСЬМУ № 38

Письмо написано на телеграфном бланке, который послан был по почте: все подписи автографичны. Дата документа определяется временем председательствования в Комитете фонда Василия Ивановича Сергеевича (со 2 февраля 1888 г. по 2 февраля 1889 г.); при нем К. К. Арсеньев был товарищем председателя, Я. Г. Гуревич — казначеем, П. О. Морозов — секретарем, а Н. А. Гайдебуров, Н. К. Михайловский, В. Ю. Скалон и Е. И. Утин — членами комитета; остальные подписавшиеся в это время были «бывшими» членами комитета.

К ПИСЬМУ № 39

Статья в «Русской Мысли» 1888 г., март, стр. 175 «Внутреннее обозрение» — по поводу 40-летия литературной деятельности М. Е. Салтыкова — считает юбилейную дату со времени помещения повести Салтыкова «Запутанное дело» в мартовской книжке «Отечественных Записок» за 1848 г.

К ПИСЬМУ № 43

Адрес сохранился в ИРЛИ, в бумагах редактора «Русской Старины» М. И. Семевского. К нему он попал в 1889 г. от бывшего студента Дерптского университета М. М. Лисицына, как это явствует из сопроводительного письма последнего при посылке документа в редакцию журнала. Приводим текст письма:

Милостивый Государь,

Г. Редактор.

Не найдете ли Вы полезным и возможным поместить на страницах Вашего уважаемого журнала нижеследующее сообщение.

«Весной, или в начале лета 1888 г., спустя немного времени после исполнившегося дня сорокалетнего юбилея литературной деятельности незабвенного и великого сатирика русского Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина, русская часть дерптского студенчества (разумея под словом «русская» всех студентов, воспитавшихся на произведениях русской литературы и относившихся небезучастно к судьбам ее) была сильно озабочена вопросом, чем и как выразить свое уважение в сочувствие великому писателю в день его юбилея. Пользуясь правом собрания в дозволенных начальством обществах, студенты несколько раз собирались на общие совещания по этому поводу, судили-рядили и пришли наконец к заключению — послать Михаилу Евграфовичу адрес, в выражениях по возможности близко характеризующих чувства и взгляды студентов-подносителей на юбиляра. Было предложено по этому случаю составить проекты такого рода адресов и пред-

ставить на обсуждение следующей студенческой сходки. Через несколько дней три или четыре таких проекта было представлено на собрание, но ни один из них не удовлетворил слушателей. Тогда некоторая часть товарищей обратилась ко мне с предложением написать также проект адреса. Я написал, и мой проект, после маленьких поправок, был удостоен одобрения товарищей и, пройдя через обсуждение на частной и общей сходках студентов (считаю необходимым заметить, что студенчество считало почему-то, что начальство воспротивится поднесению адреса, а потому все дело велось негласно), был подписан и послан с одним частным лицом в Петербург, в Редакцию журнала «Вестник Европы» для передачи Михаилу Евграфовичу Салтыкову. Но засим мы, потеряв из виду лицо, отвозившее адрес в Петербург, не имели никаких известий о нашем адресе и нам крайне было бы желательно знать дошел ли наш адрес по назначению?

Быть может читателям Вашего почтенного журнала не безинтересно будет знать содержание этого адреса студентов к великому сатирику, почему и решаюсь привести его здесь». Дальше следует текст документа.

Письмо М. Лисицына и посланный им адрес в «Русской Старине» напечатаны не были.

К ПИСЬМУ № 41

Датируется приблизительно, по упоминанию о 40-летней литературной деятельности Щедрина.

К ПИСЬМУ № 48

Быть может радственница А. Х. Христофорова, соредактора Н. А. Белоголового и В. А. Зайцева по журналу «Общее дело».

Внизу телеграммы приписка карандашом: «Дал ей надлежащий ответ. М. Стасюлевич».

V. СООБЩЕНИЯ

СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ САЛТЫКОВЫХ

Обзор Е. Макаровой

Настоящий обзор представляет собой краткую характеристику салтыковского семейного архива, разыскать и частично собрать который удалось Е. Н. Дубову, Е. М. Макаровой и Н. В. Яковлеву. Богатый когда-то архив рода «столбовых» дворян Салтыковых, хранившийся в их родовом имении в селе «Спасском, что на углу», а также в селе Ермолино в имении И. Е. Салтыкова, тщательно оберегаемый потомками, вскоре после революции оказался в значительной степени расхищенным. Часть материалов видимо безвозвратно погибла. По крайней мере у тех крестьян, на которых указывали, никаких материалов на руках не сохранилось. Но зато довольно значительное количество из исчезнувшей части архива было обнаружено в Дмитровском Краевом музее. Сюда попали преимущественно материалы предков М. Е. Салтыкова: бумаги XVIII в. и ранее (имеются даже XVI в.). Среди разного рода семейных и деловых писем, всевозможных прошений, договоров, условий, отпускных крестьянам на оброк, разного рода документов, в частности касающихся обмена, продажи крестьян и т. д., имеется немало бумаг Василия Богдановича Салтыкова, а также Н. И. Салтыковой, родителей Евграфа Васильевича Салтыкова, родных «дедов» Михаила Евграфовича. Из числа позднейших бумаг (сравнительно небольшого количества) большая часть падает на первую четверть XIX в.— период экономического «оскудения» семьи Салтыковых во время хозяйствования Евграфа Васильевича, затем на период его женитьбы на О. М. Забелиной, период рождения детей. К этой эпохе относятся письма самого Евграфа Васильевича к доверенным крестьянам, переписка его с родными, письма живших с ним его сестер Анны Васильевны и Марьи Васильевны, письма к ним других родственников и знакомых и их письма к этим родственникам, деловые письма Евграфа Васильевича, любопытная и весьма характерная для этого времени переписка его с Ольгой Михайловной, письма отца Ольги Михайловны Мих. Петр. Забелина, ее брата С. М. Забелина и наконец письма знаменитого «крестного», принимавшего почти всех детей Ольги Михайловны — в частности и Михаила Евграфовича,— Дмитрия Михайловича Курбатова, который, по словам Ольги Михайловны, предсказал судьбу М. Е. «по совершении крещения сказал, что он будет воин» (письмо О. М. к Д. Е. от 3 сентября 1855 г.). Из бумаг более позднего периода (2-й половины XIX в.), кроме небольшого количества писем и документов, сюда попала Уставная грамота Ильи Евграфовича Салтыкова, младшего брата М. Е. Салтыкова.

В общей массе неразобранных бумаг салтыковского архива, не вызывавшего особенного интереса у работников музея, нами найдено и неизданное письмо М. Е. Салтыкова к родным (см. ниже). Большим почетом в Дмитровском музее пользуются вывешенные в рамках несколько вариантов родословного дерева Салтыковых, составление которого было предпринято Евграфом Васильевичем. Довольно значительное количество вышеописанных материалов получено участниками экспедиции для исследовательской работы во временное пользование и хранится в настоящее время в Академии Наук СССР.

Но гораздо более ценная и большая по размерам часть архива оказалась в Талдомском музее местного края, собранная зав. музеем Е. В. Сосенковой при содействии А. Пономаревой. Помимо разнородных бумаг XVIII в. предков М. Е., подобных вышеописанным (но в гораздо меньшем количестве, чем в Дмитровском музее), сюда попали главным образом материалы XIX в., охватывающие все основные этапы в жизни семьи

СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ САЛТЫКОВЫХ

Обзор Е. Макаровой

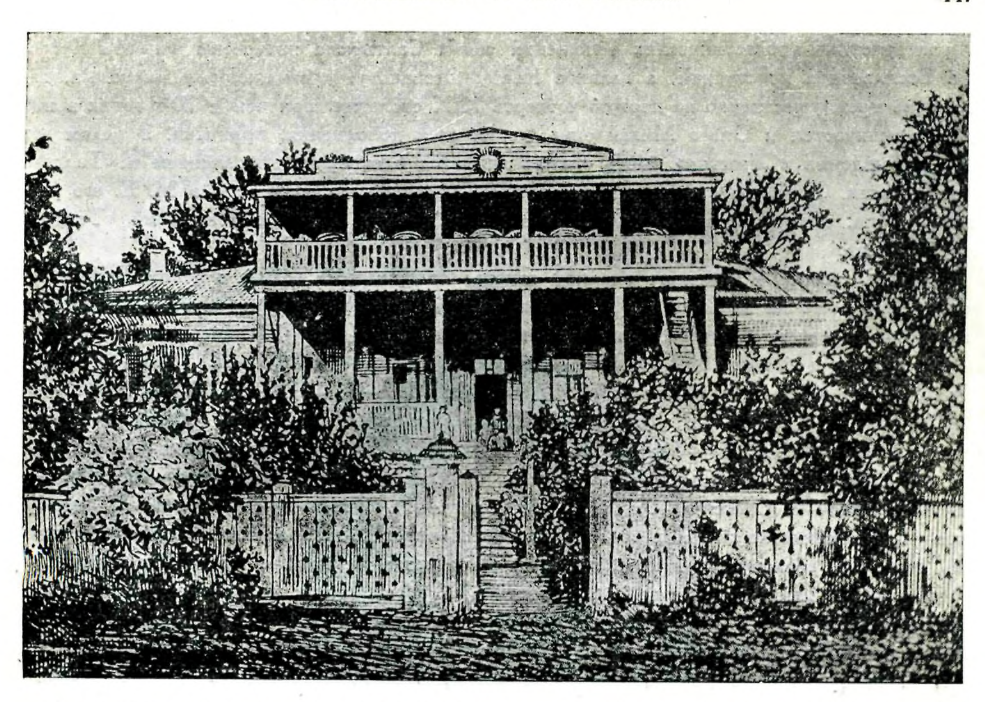
Настоящий обзор представляет собой краткую характеристику салтыковского семейного архива, разыскать и частично собрать который удалось Е. Н. Дубову, Е. М. Макаровой и Н. В. Яковлеву. Богатый когда-то архив рода «столбовых» дворян Салтыковых, хранившийся в их родовом имении в селе «Спасском, что на углу», а также в селе Ермолино в имении И. Е. Салтыкова, тщательно оберегаемый потомками, вскоре после революции оказался в значительной степени расхищенным. Часть материалов видимо безвозвратно погибла. По крайней мере у тех крестьян, на которых указывали, никаких материалов на руках не сохранилось. Но зато довольно значительное количество из исчезнувшей части архива было обнаружено в Дмитровском Краевом музее. Сюда попали преимущественно материалы предков М. Е. Салтыкова: бумаги XVIII в. и ранее (имеются даже XVI в.). Среди разного рода семейных и деловых писем, всевозможных прошений, договоров, условий, отпускных крестьянам на оброк, разного рода документов, в частности касающихся обмена, продажи крестьян и т. д., имеется немало бумаг Василия Богдановича Салтыкова, а также Н. И. Салтыковой, родителей Евграфа Васильевича Салтыкова, родных «дедов» Михаила Евграфовича. Из числа позднейших бумаг (сравнительно небольшого количества) большая часть падает на первую четверть XIX в.— период экономического «оскудения» семьи Салтыковых во время хозяйствования Евграфа Васильевича, затем на период его женитьбы на О. М. Забелиной, период рождения детей. К этой эпохе относятся письма самого Евграфа Васильевича к доверенным крестьянам, переписка его с родными, письма живших с ним его сестер Анны Васильевны и Марьи Васильевны, письма к ним других родственников и знакомых и их письма к этим родственникам, деловые письма Евграфа Васильевича, любопытная и весьма характерная для этого времени переписка его с Ольгой Михайловной, письма отца Ольги Михайловны Мих. Петр. Забелина, ее брата С. М. Забелина и наконец письма знаменитого «крестного», принимавшего почти всех детей Ольги Михайловны — в частности и Михаила Евграфовича,— Дмитрия Михайловича Курбатова, который, по словам Ольги Михайловны, предсказал судьбу М. Е. «по совершении крещения сказал, что он будет воин» (письмо О. М. к Д. Е. от 3 сентября 1855 г.). Из бумаг более позднего периода (2-й половины XIX в.), кроме небольшого количества писем и документов, сюда попала Уставная грамота Ильи Евграфовича Салтыкова, младшего брата М. Е. Салтыкова.

В общей массе неразобранных бумаг салтыковского архива, не вызывавшего особенного интереса у работников музея, нами найдено и неизданное письмо М. Е. Салтыкова к родным (см. ниже). Большим почетом в Дмитровском музее пользуются вывешенные в рамках несколько вариантов родословного дерева Салтыковых, составление которого было предпринято Евграфом Васильевичем. Довольно значительное количество вышеописанных материалов получено участниками экспедиции для исследовательской работы во временное пользование и хранится в настоящее время в Академии Наук СССР.

Но гораздо более ценная и большая по размерам часть архива оказалась в Талдомском музее местного края, собранная зав. музеем Е. В. Сосенковой при содействии А. Пономаревой. Помимо разнородных бумаг XVIII в. предков М. Е., подобных вышеописанным (но в гораздо меньшем количестве, чем в Дмитровском музее), сюда попали главным образом материалы XIX в., охватывающие все основные этапы в жизни семьи

Салтыковых, начиная периодом ее оскудения, сменившегося затем кратковременным расцветом, наконец — периодом разложения после отмены крепостного права. В Талдомский же музей попала и часть писем М. Е. Салтыкова к родным.

Из прочих бумаг наиболее ценными для характеристики этой эпохи являются письма самой Ольги Михайловны, Евграфа Васильевича, отчасти его сестер А. В. и М. В., братьев М. Е. Николая Евграфовича (этого «постылого» неудачника, которого Ольга Михайловна называла «злодеем», «тираном всего семейства», «мучителем ее сердца», «вредного» влияния которого на М. Е. так боялась Ольга Михайловна [1] и наконец трагическая судьба которого послужила материалом для изображения Степана Владимировича Головлева), Сергея Евграфовича, Ильи Евграфовича, Дмитрия Евграфовича, которого в своих последних письмах Салтыков называет иезуитом, кляузником, злым демоном и т. д., характер которого использовал при создании Иудушки Головлева, письма сестер М. Е. Надежды Евграфовны (ум. 1844 г.) и Любови Евграфовны (ум. 1851 г.), а также письма других ближайших родственников Салтыковых: Ивиных, Бирилевых, Дураковых и др., письма на французском языке из архива Брюн-де сен-Катрин, письма доверенных крестьян, письма соседей, знакомых и т. д. и т. д. В Талдомский же музей попали и календари с записями Е. В. наиболее важных семейных событий: дней рождений, свадеб, смертей и т. д. Из деловых бумаг помимо чисто биографических наиболее интересны касающиеся крепостных крестьян: различные условия, договоры, документы, отпускные, приказы. Из всей серии этих материалов наиболее выделяется приказ Дмитрия Евграфовича вотчинной конторе Спасского и Семеновского имений, написанный в 1864 г. Из других бумаг разных эпох интересны: абшид Екатерины II Василию Салтыкову, копии прошений Н. И. Салтыковой императору Павлу (1798 и 1800 гг.), жизнеописание Евграфа Васильевича Салтыкова, составленное в 1851 г., т. е. после смерти Евграфа Васильевича, священником с. Спасского, формулярный список службы Д. Е. Салтыкова, проект завещания О. М. (на 22 листах). Довольно значительная часть и талдомских материалов, полученная участниками экспедиции, также находится в настоящее время на хранении в Академии Наук СССР. Наконец третья часть родового архива, включающая довольно разнохарактерные материалы разных периодов, разыскана нами (т. е. Е. Дубовым и Е. Макаровой) при чрезвычайно оригинальных условиях: в Спасском нам удалось натолкнуться на избу, целиком оклеенную салтыковским архивом и даже письмами самого сатирика (!!). Обитательница этой избы, бывшей бани Салтыковых, неграмотная крестьянка П. Грязнова, работавшая раньше в имении Салтыковых, как выяснилось из ее рассказов, была последнее время единственной хранительницей богатого салтыковского родового архива, переданного ей родным внуком Д. Е. Салтыкова Евграфом Васильевичем, этим типичным представителем (так же как и его другой брат), когда-то изображенного Щедриным «выморочного рода» [2], который за какие-то, до сего времени невыясненные дела был найден убитым. После пожара, во время которого сгорел и огромный салтыковский дом [3], а также немало пострадал и архив, Евграф Васильевич передал сохранившуюся часть на «хранение» П. Грязновой — матери его жены, местной крестьянки, предупредив ее, что эти бумаги представляют большую ценность, так как дядя его был великим человеком. После трагической смерти Евграфа Васильевича и скрывшегося с какой-то цыганкой другого брата — Сергея Васильевича [4], не уступавшего в «достоинствах» Евграфу Васильевичу, П. Грязнова осталась полной владетельницей этой родовой ценности помещиков Салтыковых. Но так как в ее глазах эти непривлекательные на вид, пожелтевшие от времени («негодные даже на оклейку») бумаги не имели абсолютно никакой реальной практической цены, то она распоряжалась ими по-своему: с удовольствием меняла на газеты (но, по ее словам, ее часто обманывали; так с особенным возмущением вспоминала она какого-то приезжего, который забрал «много разных бумаг», обещал прислать газет «да, так ничего и не прислал»); второй более радикальный способ практического использования архива П. Грязновой — употребление его на топку («Если бы вы не приехали,— говорила она,— я бы и все сожгла; вон изба-то у меня какая холодная... замерзать что ли? Все равно сколько даром растащили» (опять намек на газеты, воспоминания о «приезжем» и т. д.). И наконец третий способ «хранения»: около окна,

ДОМ (НЫНЕ НЕ СУЩЕСТВУЮЩИЙ) В СЕЛЕ СПАС-УГОЛ, КАЛЯЗИНСКОГО УЕЗДА, ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ, В КОТОРОМ РОДИЛСЯ САЛТЫКОВ
Вид дома в начале 1900-х гг.
Рисунок взят из «Трудов Тверского Педагогического Института» 1929 г., № 5

среди прочих наклеенных друг на друга почтовых листов виднелся и знакомый почерк М. Е.; то же увидели мы на потолке, на стенах. По договоренности с П. Грязновой за известную плату и при обязательном условии «оклеить заново газетами» (пачку старых газет и журналов мы подарили П. Грязновой, вернее за нас подарила сельская учительница[5] для «смягчения» тетки Парасковьи) нам удалось, соблюдая величайшую осторожность, снять с потолка и стен все бумаги, наклеенные в несколько рядов, более или менее благополучно. Вместе с прочими бумагами (письмами О. М. и др.) снято с потолка и со стен, не считая отрывков, 9 писем М. Е. Салтыкова, среди которых одно письмо 1839 г. из Царского Села — единственное лицейское письмо Салтыкова (оно публикуется ниже в статье М. Колоушина «Салтыков в лицее»), затем раздельный акт на Заозерское имение, написанный и подписанный М. Е. Салтыковым, и копия письма М. Е. Салтыкова, написанная рукою Д. Е. Несмотря на то, что эти письма и акт сохранились более или менее полностью, следы пребывания их в таком своеобразном хранилище сказались: многие из них потускнели, пожелтели, видны следы сырости, приклеившейся муки. Кроме этих материалов мы получили от П. Грязновой, преисполнившейся к нам доверием, и остальную часть архива, вытащенную откуда-то из сена — так называемые «остатки». В «остатках» оказались 22 письма М. Е., огромное количество писем О. М. Салтыковой разных периодов, больше всего 50-х годов, письма Евграфа Васильевича, тетенек, в частности Марьи Васильевны и Анны Васильевны, братьев и сестер М. Е., письма разных родственников к О. М. и Е. В., переписка потомков Дмитрия Евграфовича, архив Брюнде сен-Катрин (жены Д. Е.) на французском языке, некоторое количество материалов XVIII в., преимущественно деловых. Среди прочих деловых бумаг и документов, в частности прошения Евграфа Васильевича на имя императора Александра Павловича, одного из проектов завещания Ольги Михайловны, проект о разделе Заозерского имения, различных отпускных крестьянам, условий отдачи крестьян обучению различным ремеслам и т. д. сохранился паспорт, выданный в 1821 г. Сатиру Порфирову холостому «в работу в разные Российские города от подписанного числа впредь на один год». Для

характеристики крепостнических отношений семьи Салтыкова интересны приказы Евграфа Васильевича крестьянам, а главное Ивану Степанову, управляющему имениями, падающие преимущественно на первую четверть XIX столетия, при чем в 20-х годах в них уже вмешивается и Ольга Михайловна, делая свои дополнения, приписки. В целом эта так называемая «Спасская» часть архива является блестящим дополнением к «Талдомской» части. Особенно ценными являются в «Спасской» части отзывы о М. Е. его родных — отца, матери, братьев, качественно превосходящие в этом отношении «Талдомскую» часть.

Переходя теперь к краткому анализу самого «содержания» архива в целом, остановимся прежде всего на письмах М. Е. Салтыкова, извлеченных непосредственно из семейного архива, а также полученных из разных других мест (всего 101 письмо).

Из них по датам: 1839—1; 1844—1; 1848—3; 1850—15; 1851—22; 1852—9; 1853—7; 1854—5; 1855—11; 1856—2; 1856 (57)—2; 1857—1; 1858—2; 1860—3; 1861—3; 1869 (80) — 1; 1872 — 2; 1873 — 11. По адресам: родителям (общих) — 2; матери О. М.— 10; Д. Е.— 81; А. Як. (жена Д. Е.) —3; А. Я. Грюнвальд —1; С. Е.— 1; И. Е.—3. По местопребыванию: Царское Село—1; Петербург—12; Вятка—65; Ермолино—4; Спасское—2; Тверь—6; Рязань—3; Витенево—2; Москва—2; Заозерное—2. Большинство писем к родным падает на вятский период. Это объясняется видимо тем, что, столкнувшись неожиданно в такие молодые годы с мрачной действительностью захолустной провинции, какой тогда был город Вятка, испугавшись вечного погребения себя в этом болоте, Салтыков естественно обратился за поддержкой к семье, ища у нее прежде всего помощи для своего возвращения из ссылки. Так объясняет это обилие писем и сама дальнозоркая Ольга Михайловна, недовольная видимо прежней холодностью М. Е. к семье, в письме к старшему сыну Д. Е. от 8 октября 1850 г.: «...Бывало Михайло редко писал, а как укусил сырой земли, так милее не стало родителей, недели не пропустит и пишет, неделю не получит от нас и скучает, видно горе умягчает жестокое сердце». Письма вятского периода характеризуют условия служебной деятельности М. Е., условия его пребывания в Вятке, ту обстановку удушающей пошлости, кляузничества, взяточничества среди чиновничества, о которых с таким отвращением писал М. Е. своему брату. На основании всех вообще писем к родным создается более или менее определенное представление об отношении М. Е. к семье, матери, братьям, его большая тактичность в экономических вопросах, отсутствие практичности, желание быть справедливым но отношению к братьям, особенно к нелюбимым матерью Николаю и Сергею. «Меня поразила еще одна вещь в письме маменьки. Она пишет, что выдает братьям Николаю и Сергею по 10 т. р. с. и по тону ее письма видно, что затем она не будет считать себя обязанной чем-нибудь в отношении к ним, я против этого протестую и буду протестовать всеми силами души моей, все мы равны как братья и, следовательно, все должны иметь равную часть в родительском имении; я писал маменьке в этом духе и просил категорически объясниться насчет того, каким образом полагает она распорядиться своим имением», пишет М. Е. Д. Е. от 7 августа 1850 г. В другом письме Д. Е. (от 16 сентября 1850 г.): «Более всего меня мучит участь брата Сережи... Во всяком случае я беру на себя всю ответственность по отношению к нему, если он из именья маменьки не получит часть по крайней мере равную этим деньгам и в несчастном случае обязуюсь выделить ему такую часть из своего имения, если у меня у самого что-нибудь будет». К фактам того же порядка относится отказ М. Е. от отцовского наследства, о чем с большим восторгом писала и О. М. к Д. Е. [6] Характерно наконец отношение М. Е. к крепостным крестьянам: «Я прошу еще у маменьки, чтобы вместо женитьбы Платона выпустили его на волю, он служит так давно, что пора знать и честь; и употреблю в этом деле такое настояние, что надеюсь на успех» (Дмитрию Евграфовичу 7 августа 1850 г.). Для характеристики родственных взаимоотношений братьев Салтыковых любопытны письма М. Е. 70-х годов, написанные по поводу раздела Заозерского имения. Считая виновником всей происшедшей на этой почве семейной драмы Д. Е., того самого, к которому он в бытность свою в Вятке писал такие дружественные письма, М. Е. в письме к матери 9 марта 1873 г. писал о нем: «Это мой злой демон, который раздельным актом расстроил меня со всем семейством»; «все это обещает много хло-

пот,— пишет он в другом письме к О. М. от 7 апреля 1873,— для меня, который постоянно от всего отстранялся и жертвовал своими выгодами ради спокойствия, но злой дух, обитающий в Дм. Евгр., неутомим и вероятно отравит остаток моей жизни».

Помимо писем самого М. Е. несомненную ценность представляет и весь остальной архив. Прежде всего интересны разумеется те многочисленные упоминания и отзывы о нем, характеристики, наконец воспоминания о детских годах, о каких-нибудь случаях, связанных с ним, которые имеются в письмах его родных: отца, матери, братьев, сестры (Л. Е.). Так например, в письме к Д. Е. 1852 г. (окт.) О. М. делится с ним воспоминаниями: «...Как бывало вспомню покойного Дм. Мих. Курбатова, вашего крестного, покойный папенька ему раз жаловался на Мишу, что больно резов, вот говорит у меня

Е. В. САЛТЫКОВ — ОТЕЦ САТИРИКА
Миниатюра начала XIX века
Центральный Литературный Музей, Москва

Сережа умница тихий мальчик, кроткий, а этот-то озарной, буйная голова, все шалит, а Курбатов ему в ответ, смотри тихонький-то исподтишка все себе на уме, вспомни меня, а этот прямо нескрытно резвится, вить так и сбылось...» Основным моментом в отзывах О. М. о М. Е. являются все же ее жалобы, недовольство на его недостаточную привязанность к семье. «...Михайла да будет плательщиком за всех нас, что он так оскорбил и посеял столько горести... о нем все страдали, хлопотали и домогались... и что же узрели возвратившего волка, алчущего разорвать узы родства, попрать нашу любовь» (письмо к Д. Е. от 2 сентября 1856 г.). Правда, среди ее отзывов имеются и восторженные, вроде приведенного выше по поводу его отказа от наследства отца, но все же мотив недовольства сквозит гораздо чаще. Весьма характерны и упоминания о нем его братьев, например Сергея Евграфовича в письме к Дмитрию Евграфовичу (от 12 октября 1856 г.): «Прошу вас поздравить и брата Михайлу, сам же я не пишу, потому что не хочу быть названным малоумным», или Ильи Евграфовича, писавшего о М. Е. к Д. Е. по поводу раздела Заозерского имения; «Странный человек! не знаю чего хочет! Во всяком случае вот какого многоголового орла мы из себя изобразить имеем!»... И т. д.

Помимо биографической стороны архив интересен еще и тем, что он раскрывает перед нами ту подлинную «реальную» пошехонскую старину на различных этапах ее экономического развития, начиная с незыблемости крепостнических устоев и кончая ее разложе-

нием, блестящим разоблачителем которой явился М. Е. Салтыков как в «Пошехонской старине», так и в «Господах Головлевых». Наиболее характерным и показательным материалом в этом отношении являются многочисленные письма Ольги Михайловны. Ее письма — эта подробная история салтыковской семьи со всеми ее экономическими сдвигами, с типичными для всякой патриархально-поместной дворянской семьи этого периода семейно-бытовыми, морально-религиозными устоями, нравами, предрассудками. Доминирующими темами ее обширных писем являлось описание своих приобретательских похождений, собственных достижений (нередко упреков в сторону своего недалекого, непрактичного мужа), описание многочисленных тяжебных дел, хлопот по покупке тех или иных имений, различных поручений как доверенным крестьянам (в частности Антону), так и нанятым специально «ходакам» по тяжебным делам (напр. Берсеневу), жалобы на свое несчастное положение «труженицы», не видящей у семьи благодарности (это особенно часто повторяемый мотив), распоряжения относительно крепостных крестьян, их характеристики. Особенно интересны в этом отношении ее письма конца 50-х годов в период ожидания реформы; жалобы на неблагодарность облагодетельствованных ею крестьян, требования от сыновей, в том числе и от М. Е., оградить ее от обидного, оскорбительного, как ей кажется, поведения их, характеристики семейных отношений, характеристики собственных детей, всяческие поучения им и т. д. и т. д. По сравнению с ее конкретными, реальными, показывающими очень часто ее тонкую психологическую наблюдательность письмами письма Евграфа Васильевича отличаются бесцветностью, формальностью... «Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будет» — вот основной лейтмотив его писем к детям, в особенности к Н. Е., которого он тщетно пытался воспитать в морально-религизоном духе. Из писем братьев М. Е. наиболее интересны по содержанию и особенно в стилистическом отношении письма Д. Е., этого «живого» Иудушки — в детстве покорного и послушного сына, а впоследствии «лицемера», «празднолюбца», как называет его М. Е. в своих письмах к матери и брату И. Е. Интересно для характеристики Д. Е. в этом отношении его письмо к жене А. Я. от 1 октября 1845 г., в котором он, посылая ей копию написанного им исключительно почтительного и нежного письма к родителям (Е. В. и О. М.), якобы от имени Аделаиды Яковлевны, сопровождает следующими наставлениями: «запечатаешь ты, мой добрый друг, это твое письмо черным сургучем, которым печатай также и все твои письма ко мне. Папенька и маменька повидимому перестали уже не благоволить к нам и Бог даст со временем наши неприятности кончатся. Здесь нужны вера в милосердие Божие и большое терпение. Бумага не может всего передать, но при личном моем с тобой свидании ты все узнаешь, а теперь только прошу тебя во всех моих письмах говорить им поболее нежностей и, если возможно, то время от времени посылать им особые письма. Хорошо, если бы ты кроме этого предварительного письма прислала им еще два поласковее. Это не испортило бы, а напротив того улучшило бы ход дела...» Показательны его письма и к матери, начинающиеся обычно: «Бесценный и добрый друг маменька» или «бесценный и милый друг маменька» и кончающиеся целым лексиконом ничего не значащих слов (например письмо от 23 декабря 1870 г.): «Душевно буду рад, если Господ Бог позволит нам осуществить это наше намерение и опять увидаться с Вами, милый друг маменька. В ожидании же этой радостной минуты, вновь от всего сердца желаю вам всех благ от Господа, поручая себя и всех моих детей Вашим праведным молитвам пред Богом, прошу всем нам Вашего родительского благословения. Целую Ваши ручки и с чувством глубочайшего почтения и совершеннейшей сыновней любви, остаюсь навсегда преданный Вам всей душою послушнейший и покорнейший сын Ваш Д. Салтыков» [7].

Но все же исключительным образцом «Иудушкинова» пустословия является его наказ вотчинной конторе Спасского и Семеновского имений (1864), написанный перед отъездом в Петербург, как он пишет, на неопределенное время. Написан наказ на 54 стр. полулистовой тетради. Всего 93 пункта. В этом наказе, комическом по содержанию и по стилю, раскрывается вся психология этого словолюбивого «хозяйственного» помещика, учитывающего каждую мелочь в свою пользу, рекомендующего без зазрения совести отдавать на харчи «должностным и работающим людям» порченую провизию «дабы она и труд, употребленный на заготовление ее, не пропали даром без всякой для меня пользы», не

поленившегося исписать 54 стр. для того, чтобы рекомендовать, какое количество и каких свечей нужно отпустить во время его отсутствия для церковной службы, сколько муки и какой употреблять на печенье просфор, какой тес и сколько досок отпускать на гробы (в случае чьей-либо смерти), какие и как распиливать дрова, что делать с остатками, как лесным сторожам производить обзор, как приучать собак «чтобы они никуда не отлучались», и т. д. и т. д.

Итак, найденный архив ценен прежде всего: 1) для составления научной биографии Салтыкова (до сего времени, как известно, ее выводили из «Пошехонской старины»);

О. М. САЛТЫКОВА — МАТЬ САТИРИКА
Портрет 1860-х гг.
Местонахождение подлинника неизвестно

2) как ценнейший материал для комментария к его художественным произведениям, в частности к «Пошехонской старине» и «Господам Головлевым» и 3) как материал для истории крепостнических отношений, для истории разложения крепостнически-дворянской семьи и т. д. Для наглядности привожу несколько образцов из архива:

1) Приказ крестьянам Е. В. Салтыкова от 7 января 1807 г.
2) Письмо М. Е. Салтыкова — Д. Е. Салтыкову от 21 марта [1850] г.
3) Письмо М. Е. Салтыкова — Д. Е. Салтыкову от 4 апреля [1850] г.
4) Письмо М. Е. Салтыкова — Д. Е. Салтыкову от 25 февраля [1852] г.
5) Письмо М. Е. Салтыкова — Д. Е. Салтыкову от 28 июля [1852] г.
6) Письмо матери О. М. (в сокращении) от 8 марта 1858 г.
7) Письмо Д. Е. сыну Е. Д. (в сокращении) от 12 ноября 1873 г.

I

7-го Января 1807 г. Москва.
Лебедянской моей вотчине деревни Скороварова.
Прикащику Ивану Познякову и всем крестьянам.

ПРИКАЗ

По получении сего моего приказа немедленно собраться всем крестьянам на мирскую сходку и со всех тех крестьян, на коих есть недоимки положенного господского запасу,

взыскать вдвое недобранного, и на ком есть более недоимки, того крестьяина, нарядя с нарочною подводою присылать ко мне с сим недобранным запасом немедленно. Если же за свои недоимки пожелают они внести деньги, то взыскать с них за утку по 25 ко., за поросенка 25 ко., за Гуся 50 ко., за каждой фунт коровья масла по 20 ко., которые деньги собрав все сполна присылайте ко мне по почте в Москву, и если впредь кто будет ослушиваться и не давать положенного господского всякого запасу, у того крестьянина взяв при мирской сходке его имущество, какое он имеет, наискорейшим образом хоть за дешево продать, а следуемые за недоимку по расчету деньги ко мне прислать, а сверх того ослушника на мирской сходке высечь нещадно, и сие мое повеление наблюдать в самой точности, прикащику же поступать со вверенными ему крестьянами честно и добропорядочно, а всем крестьянам быть ему совершенно послушными, и все господские работы исправлять со всевозможным рачением и усердием, если же найдется кто виноватой, того на мирской сходке разобрав нещадно наказывать и меня о том после при случае уведомлять, о чем предписывает вам помещик ваш Евграф Салтыков.

Если же будут какие-нибудь Государственные сборы в Казну, провиант, деньги или что прочее, то собирать оное с крестьян, а до господского хлеба и прочего не касаться, за отданного же в рекруты Ермилова сына рекрутские деньги все сполна с крестьян и из стола взыскать и ко мне по почте в Москву доставить.

II

М. Е. САЛТЫКОВ — Д. Е. САЛТЫКОВУ.

21 марта [1850 г.] Вятка.

Пользуюсь и еще раз случаем, любезный друг и брат, чтобы беседовать с тобой и поздравить тебя с наступающим днем твоего рождения. Желаю тебе от всей души провести его как можно приятнее и спокойнее в кругу своего семейства. Я получил от маменьки письмо, которое ты, вероятно, знаешь, и в котором она пишет мне, чтобы я не адресовал ей более писем в Петербург. Не знаю, застанет ли ее в Петербурге это письмо мое к тебе, но во всяком случае ежели застанет, то прошу тебя сказать ей, что я, вместе с тем, пишу ей письмо во Спасское, как она и приказывала мне. Я писал маменьке в одном из предыдущих писем о моем долге тебе, и просил ее уплатить его с вычетом из моего жалованья, но ответа на это письмо еще не получил. Так как долг этот весьма меня озабочивает, то прошу тебя уведомить меня, исполнила ли маменька мою просьбу, чтобы я мог принять какие-нибудь меры.

Что касается до моего возвращения из Вятки, то я уже начинаю не верить в осуществление его; хотя я положительно просил маменьку определительно уведомить меня, было ли что-нибудь предпринято ею в этом смысле, но из письма ее я ничего не вижу, кроме обнадеживания, что тяжкому моему положению будет когда-нибудь предел; из советов же ее касательно моей службы, я напротив, должен видеть, что предел этот не скоро настанет. А между тем для меня моя участь с каждым днем делается все более и более несносною; я изнываю и нравственно и физически, и не знаю, к чему я буду способен, если это пленение души моей будет продолжительно. Теперь у Вас, я думаю, распутица в полной форме, а у нас еще зима и судя по холодам, едва ли скоро наступит весна. Я уж около полугода или более не получал писем от Милютина да и сам перестал ему писать. Сделай одолжение, хоть ты не забывай обо мне, ибо всякое твое письмо доставляет мне истинную радость. Лето я еще не знаю как проведу, но по всем вероятиям скучно, потому что из Вятки все те, с которыми я больше близок, разъезжаются и между прочим губернаторша едет в Петербург. Сделай милость, узнай, правда ли, что в Вятку назначена сенаторская ревизия, как об этом разнеслись слухи, и кто именно из сенаторов назначен.

Сделай милость, передай мой искренний братский поцалуй сестрице Адели и поздравь ее с новорожденным. Детей также всех до одного крепко цалую, а Ее Превосходительству Каролине Петровне и Алине Яковлевне свидетельствую глубочайшее почтение. Я несколь-

Тверь. 8 апреля

[illegible]

АВТОГРАФ ПИСЬМА САЛТЫКОВА К БРАТУ Д. Е. САЛТЫКОВУ ОТ 8 АПРЕЛЯ 1861 г.
(ПЕРВАЯ СТРАНИЦА)

Институт Русской Литературы, Ленинград

АВТОГРАФ ПИСЬМА САЛТЫКОВА К БРАТУ Д. Е. САЛТЫКОВУ ОТ 8 АПРЕЛЯ 1861 г.
(ВТОРАЯ СТРАНИЦА)

Институт Русской Литературы, Ленинград

[illegible]

АВТОГРАФ ПИСЬМА САЛТЫКОВА К БРАТУ Д. Е. САЛТЫКОВУ ОТ 8 АПРЕЛЯ 1861 г.
(ТРЕТЬЯ СТРАНИЦА)

Институт Русской Литературы, Ленинград

ко раз писал к Грюнвальду, а от него не получил в ответ ни одной строки; не знаю как это толковать, но только такая манера довольно странна.

Прощай, любезный друг и брат, не забывай искренно любящего тебя брата

М. Салтыкова

III

М. Е. САЛТЫКОВ — Д. Е. САЛТЫКОВУ

4 апреля [1850 г.] Вятка.

Извини меня, любезный друг и брат, что я не во время поздравляю тебя и все твое семейство с прошедшим днем твоего рожденья, ты можешь быть уверен, что я от того не менее люблю тебя. Сейчас получил от маменьки письмо, которым она извещает меня об отъезде своем из Петербурга; думаю, что она в настоящую пору уже в деревне и потому пишу к ней прямо туда. Маменька пишет, что относительно моей участи ей еще ничего решительно не известно, и что ты обо всем меня уведомишь. Из этого я должен заключить, что маменька предпринимала что-нибудь в мою пользу, но все это так темно и неопределенно, что составляет для меня только предмет страданий и сомнений. Меня интересуют в этом деле самые мелкие его подробности, потому что оно слишком живо меня касается, а мне пишут только что ничего еще решительно неизвестно. А между тем мое положение делается совершенно невыносимым не столько потому, что я сослан в Вятку, сколько потому, что в самой Вятке все обстоятельства так слагаются, что вся жизнь моя постоянная и нестерпимая мука. Неужели, наконец, и два года мучения не могут искупить нелепой и ничтожной повести.

Маменька еще пишет, что не может выслать мне денег ранее мая, потому что страдает денежною чахоткою. Я, напротив, всегда и думал, что она в этом случае скорее подвержена водяной, а оказывается совсем иначе. Впрочем, она тут же отказывается, что ты коротко знаешь ее обстоятельства и потому я прошу тебя убедительно растолковать мне причину такого необыкновенного безденежья, тем более, что мне надобно же чем-нибудь жить. А по-моему, лучше всего было бы отделить всех; тогда всякий бы рассчитывал только на то, что у него есть, а то насулят золотые горы да потом и утягивайся, так что нет возможности распорядиться своею жизнью определенным образом. Во всяком случае, я рад, что она согласилась уплатить тебе долг мой, и прошу уведомить, исполнила ли она это, как пишет мне.

Благодаря тебя за все твои хлопоты и беспокойства по моим делам, мне чрезвычайно совестно затруднять тебя всем этим и поверь, что все твои одолжения глубоко запечатлены в моем сердце. Я получил сегодня письмо и от Милютина и обрадовался этому, думая видеть в нем что-нибудь по своему делу, но оно оказалось исполненным такой великолепной чепухи, что мне стало совестно читать.

Сделай одолжение, поцалуй за меня добрую сестрицу Адель и всех твоих малюток, которых я люблю и которым, надеясь скончать дни свои в девстве, торжественно завещаю две пары подсвечников, зрительную трубку, серебряную цигарочницу, (все это мною получено от тебя) и все свои долги, ибо, судя по расположению родителей, умру как Вольтер-Голяк.

Прощай, любезный друг и брат, не взыщи на несколько небрежное письмо, и не забывай искренно тебе преданного

М. Салтыкова

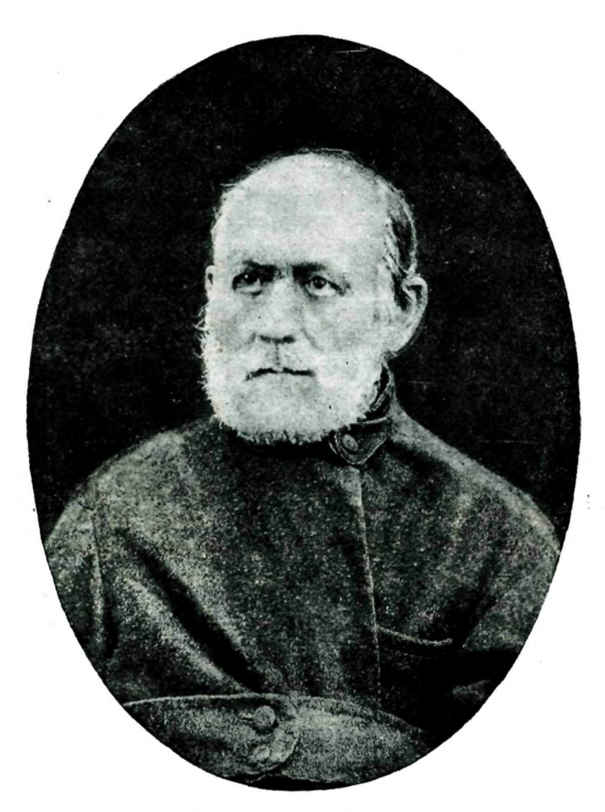
IV

М. Е. САЛТЫКОВ — Д. Е. САЛТЫКОВУ.

25 февраля [1852 г.] Вятка.

Благодарю тебя, любезный друг и брат, за память обо мне и за твое письмо. По письму моему к князю Чернышеву я имел уже официальное известие уже в половине января, а именно министр внутренних дел предписывал объявить мне, что письмо это

было передано на его усмотрение и он не нашел со своей стороны возможным за сделанным Государем отказом о переводе меня в Оренбург, ходатайствовать вновь об освобождении меня. Следовательно, просьба моя осталась втуне и надежды на освобождение из Вятки еще более охладились. *Признаюсь тебе откровенно, что судя по этому я даже начинаю* верить в возможность остаться в Вятке на целую жизнь, потому что нет резона к моему освобождению, ежели оно до сих пор признается невозможным. Эта перспектива до того ужасна, что у меня волосы дыбом становятся при одной мысли об ее осуществлении. Надобно знать, что такое за город Вятка, чтобы понимать всю горечь моего положения. На днях из министерства нашего из департамента Милютина последовал запрос о том, в каком положении находится здесь дело об описании городов. Губернатор ответил, что, за занятиями по должности советника, я не имею решительно никакой

Д. Е. САЛТЫКОВ — БРАТ САТИРИКА
Фотография 1870-х гг.
Институт Русской Литературы, Ленинград

возможности заняться этим делом, и он полагает возможным двинуть это дело только с увольнения меня с должности советника и причислением к министерству внутренних дел, поручив мне это дело и назначив соответствующее содержание. Не знаю, будет ли иметь успех это представление, но признаюсь, было бы чрезвычайно желательно, потому что я через это все-таки поставлен был бы в некоторой степени в независимое положение, как министерский чиновник. Впрочем, пусть будет что будет; вероятно и тут найдутся препятствия.

Как-то приводишь ты время? Маменька писала мне о вновь сделанном ею приобретении части кн. Волконского, но как я никогда не вникал в эти дела и не знаю их, то признаться сказать, не могу определить выгодности или безвыгодности этой покупки, а рад тому, что маменька считает повидимому это дело не безвыгодным. В настояще

время на почте есть на мое имя от маменьки письмо, но как оно с деньгами, то я не могу получить его скоро и не знаю его содержания. Вижу только, что оно из Москвы, а потому и предполагаю, что она живет там проездом к Вам, как собиралась прежде.

Сделай милость, поцалуй от меня добрую сестрицу Адель и попроси ее не хворать. Впрочем, кажется, эта хворость, свойственная всем замужним женщинам, и я надеюсь в скором времени услышать об окончании ее вместе с вестью о прибавлении твоего семейства.

Поцалуй от меня также детей и братьев. Прощай, любезный друг и брат, прошу тебя не забывать искренно тебе преданного.

М. Салтыкова

V

М. Е. САЛТЫКОВ — Д. Е. САЛТЫКОВУ.

28 июля [1852 г.] Вятка.

Давно уже, любезный друг и брат, не писал я к тебе, да и от тебя, впрочем, не получал никакой вести. Все это время почти (с июня м-ца) я был в разъездах по губернии, исполняя известное тебе поручение, возложенное на меня министром. Маменька, кажется, очень рассердилась на меня за письмо, которое ей неожиданно попалось в руки, и так как я действительно был неправ против нее, то и сознал себя виновным. Впрочем, надо сказать и то, что личного моего недоверия к ней я не имел и не имею, а опасался только за Сережу. Бог даст, все это устроится к наилучшему концу, и я безгранично рад, что в семье нашей водворяется мир и согласие. Что сказать тебе хорошего о себе? Живу я попрежнему, очень очень скучно, тем более, что мне общество здешнее до крайности надоело, и я большую половину моего знакомства совершенно оставил. Живут здесь одними баснями да сплетнями, от которых порядочному человеку поистине тошно делается. У нас есть от вашего министерства ревизор, который порядочной-таки кутерьмы наделал. Управляющий палатой уж уехал от него в Петербург, а прочие обильные потоки слез проливают. Впрочем, надо сказать, что ревизор производит неслыханные вещи: говорит в глаза чиновникам, что они мерзавцы и взяточники, и говорит это при всех в самой Палате. Чудеса да и только. Дал Палате предложение об одном волостном голове; просит: а) о поступках его произвести следствие, б) предать его суду и в) созвать волостной сход и при сходе сорвать с него галуны и снять кафтан. Каков сумбур! И следствие-то произвесть, и судить и наказать — все разом. К сожалению между действительными канальями, есть и действительно порядочные люди, которые могут пострадать от взбалмошенности и раздражительности г. Брилевича. Между прочим, ежели ты все еще продолжаешь служить в Лесном департаменте, то нельзя ли помочь Глазовскому лесничему Сущинскому, на которого Брилевич поднял гонение за дела минувшие не взяточнические, но состоящие в несоблюдении военной дисциплины. Слова нет, что Сущинский виноват, но уж если его гнать, то прочих остается только вешать, ибо, конечно, это один из немногих честных чиновников здешнего управления гос[ударственных] им[уществ], не говоря уже об лесничих.

Пожалуйста поцалуй от меня добрую сестрицу Адель и попроси не забывать меня. Детей я также от души и крепко цалую. Прощай любезный друг и брат; желаю тебе быть здоровым и прошу не забывать искренно тебе преданного

М. Салтыкова

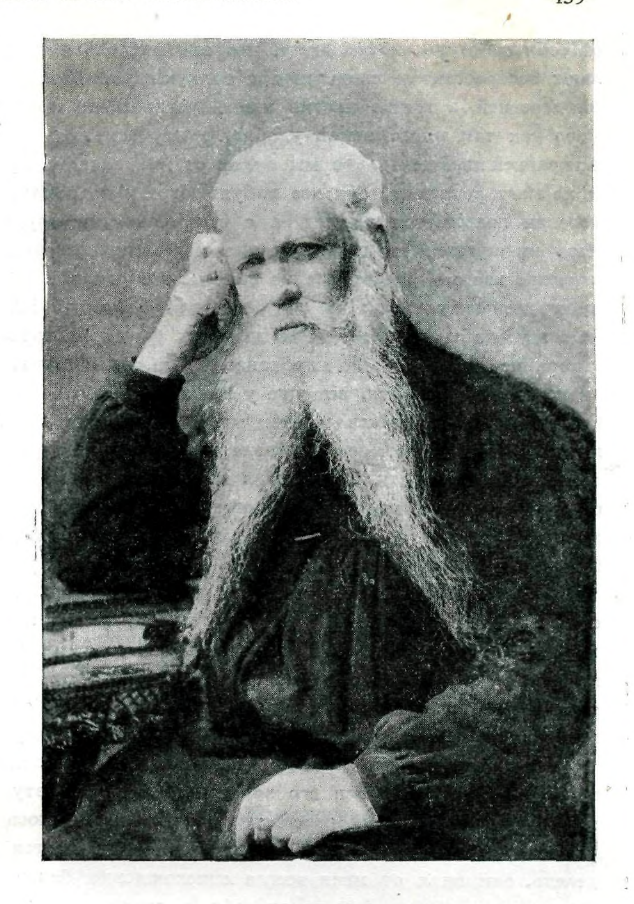
VI

О. М. САЛТЫКОВА—Д. Е. и М. Е. САЛТЫКОВЫМ.

8 марта 1858 г. Калязин.

Друзья мои милые Митя и Миша!

Пишу я к вам обоим прямо из Калязина, куда с Сережей приехала повидаться с Ив. Ник. и Дм. Ник. Шуб. — и поговоря спешу к вам обоим писать вот что: так как поло-

И. Е. САЛТЫКОВ — БРАТ САТИРИКА
Фотография 1870-х гг.
Институт Русской Литературы, Ленинград

жение о крестьян[ах] сказано в Указе о землях, кои им будут принадлежать, всякие промены по взаимному согласию должны быть, то вы знаете, что с ними ничего сделать будет невозможно. Они, если бы видели даже и хорошо и полезно для них уже не согласятся нарочно, дабы ничего не сделать Помещику угодного, вот уже мое управление всем и каждому известно и сами они признают всю мою добродетель до них, сколько я пеклась о них, как я их обстроила, улучшила, чем только ни помогала, сколько снисхождения, наконец их можно сказать привела состояние в прекрасное положение и строение и скот и хлеба и деньгами всем обжились дай бог да и не скоро найдешь подобных им, можно по-русски сказать жирные мужики, и ныне не взирая подарила им лесу, чтоже как они меня за этот подарок отблагодарили, отказались и не взяли, не поехали за лесом, выдумали что я будто как они привезут, то отберу себе, или взыщу деньги за них, и именно Ермолинские и Станковские — и наконец десятс[кой] деревенской объявил в конторе да мы будем вольные, я и в контору не стану ходить, разумеется после спохватился и стал извиняться, но между тем ослушание в некоторой степени проявляется от них и заметно что их только сдерживает моя до них добродетель, знаю, что их никто не одобрит и своя братья, я же чтобы поддержать сколько возможно мир и тишину удерживала все терпением и переносом на себе, жалея их подвергнуть их ответственности, усматривая это вижу, они не попомнят моей добродетели, а как вы знаете что моя усадьба рядом против конторы их и тут огороды впереди против где живет Федор мой они отнимут у меня и вся усадьба окружена их пашней, значит веки жить придется окруженными ими на их издевание над нами, они ни зачто не уступят нам ничего на-смех, ты Миша был летом, стройку видал если запомнишь дом Екима, как ехать к Егорью против повороту тут проулок и пойдет дом Екима, а до проулка тут 7 или 8 домов к моей усадьбе близко, то всю деревню сносить не желаю бог с ними, но эти дома 7 или 8 я желаю удалить

от себя особенно теперь вижу, что они нисколько не помнят о моей добродетели и делают беспрестанные сходьбища и толкуют втихомолку, поля их одно к Егорью, другое за деревней, а третье против нашей усадьбы, то снести эти дома в Ширятино и Бабаново как там много земли удобно, а эту землю и это против дома поле оставить нам по крайней мере не только мы будем от них подалее, приняться мне самой их переносить я не могу решиться, они все взбунтуются и не пойдут, как они все в родстве и другие деревни поднимутся за них, а с выбережеными трудно ладить мужиками, я согласна дать им нужное на прибавку число леса и помощью всех деревень их бы перевести строение всего в расстояние не более 2-х верст или трех, даже не взирая, что они сами имеют деньги согласна бы дать на каждой дом по 100 р. серебром, только бы удалить их от усадьбы подалее, да и для них бы было хорошо, ибо там лишняя земля, а в Ермолине они теснее по народонаселению, но я ничего не в силах сделать не берусь, и знаю, что они упрутся, вот уже у них и был случай Истомкиной крестьяне сами просили барыню свою перевести их так мало земли, она все хотела сделать теперь не слушают не едут и даже дров ей возле нас деревня не хотели вести, принуждена была дать знать земскому суду, так я видя все это боюсь их шевельнуть, притом же они у меня состоят в залоге, надо чтобы совет дозволил, конечно я надеюсь, что совет разрешит мне, ибо платеж у меня всегда исправен, но главное я опасаюсь их ослушания и к этому у них ветреныя мельницы в Ермолине есть, голова моя кругом идет, вот Истомкиной что сказали: не поедем не то время пришло, мы вам дом оставим, а сад ваш себе возьмем, ну как у нас новая усадьба, пожалуй они все придумают злое, так как все ваше общее, так вам пишу примите меры сами для себя, мне советуют написать к министру письмо изложить все и просить его, чтобы правительство не оставило распорядиться приказать их переселить. Я сама первая одумала так, что бы сообщить вам и особенно тебе Миша объясниться прямо с министром и если необходимо, то составь от меня просительное письмо, пришли мне, я переписавши его пришлю тебе и ты сам вручи министру и проси его ходатайства оказать эту милость, от правительства предписать кому следует их перевести, иначе я не ручаюсь, что усадьба Ермолинская будет уничтожена я даже не ручаюсь, что они взволнуются и мне решительно ничего нельзя делать, они видя от меня всегда снисхождение, бережливость и попечение о них, увидя перемену, что я их удаляю от себя, а скажут вот как она хочеть делать, теперь ей не жаль нас и взволнуются тем более, что они верить не хотят, а прямо так и думают вся дача будет им принадлежать, положение мое незавидное, как то летом наши поля будут ли убирать и петровские оброки, да сохранит Господь их и нас от тревоги. У нас по предписанию Министра внутренних дел делали статистику господским усадьбам. Пашни господ. и крестьяс., но их усадьбу не описывали только сколько душ тяглого скота их и посеву,— не знаю почему оставлена и не описана их усадьба. Я показала все как есть полагаю что конечно эта статистика будет виду при комитетах, но вот что на особенно каждого будет показано описание, а составится общим итогом то хотя каждого описание у земс. суда и будет виду, но к Министру пошлется общая в таком случае я решаюсь в Комитет описание подробного представить от себя ибо у меня дачи огромного их владения они хлеба сеют много покосов много так что ничтожной мой с них оброк они часто сенцем уплачивают, много им помогает дача наша, хлебом изобилуют скота изобильно одним словом и самые бедные нищенства не имеют, бережены мужички и составлю статистики и планчик нашей усадьбы и с будущей почтой вышлю вам страховым все в случае можешь представить Министру. Если найдешь нужным, не идти на ровно с такими у коих всего в обрез, будет обидно, тут есть воля обсуждение Комитета по крайней мере мы должны представить на вид все как есть по всей справедливости, вот я вам теперь описала все пока, а в середу вышлю страховое с копией статистики и плана моей усадьбы, равно и вновь заведенной усадьбы на пустоши Калинкине моей, где также мужики деревни Станков имеют пашню, постройки нет. Это как к Егорью переедешь мост сейчас направо за поповской землей совершенно особо, я боюсь чтобы они меня и там не прижали я им за эту пашню отдам ныне же в другом месте, земля вся при имении в залоге, а по Ермолино у меня в поле 2 десятины пашни пожалуй и эту отнимут в самом грустном я нахожусь положении, как хотите

сами для себя хлопочите оградить вас, будьте все здоровы целую вас и милую Аделиньку, Лизу, Катю и девочек. Христос с вами да хранит вас Господь своими Благословеньем и моим любящая мать и друг Ольга Салтыкова.

Наверху письма приписка: «ради бога скорее отвечайте».

В конце письма приписка о поручении достать канвы.

Привожу в сокращении письмо Д. Е. к сыну Е. Д. от 12 ноября 1873 г. в ответ на умоляющее письмо последнего от 10 октября 1873 г., просившего помочь ему уплатить какой-то позорный для него долг, хотя бы за счет суммы, полагающейся брату, и заканчивавшего письмо следующими словами: «простите же мне мое гадкое поведение, не отвертывайтесь, отвечайте поскорее на это письмо. Прошу Вашего родительского благословения. Целую Вас и Надю и остаюсь весь и во всем в Ваших руках.

Любящий Вас сын

Ваш Граф».

VII

Д. Е. САЛТЫКОВ — Е. Д. САЛТЫКОВУ.

12 ноября 1873 г. С. Спасское.

Напрасно ты, любезный друг Граф, тяготишься, что весь и вовсем находишься в моих руках. Мои руки до сих пор ничего, кроме хорошего детям моим не делали и только постоянно охраняли их от всего скверного и всякого рода безобразий и несчастий.

Смею уверить тебя, что если бы моя жизнь не была еще нужна для моих детей, то господь бог призвал бы меня к себе уж давно и быть может, вслед за твоею правед-

Е. М. и К. М. САЛТЫКОВЫ — ДЕТИ САТИРИКА

Фотография 1870-х гг.

Институт Русской Литературы Ленинград

ною мамою, чтобы не разрывать той самой чистейшей, святой любви, которую мы оба в течении всей нашей брачной жизни постоянно питали друг к другу и о которой ты, к сожалению моему, не имеешь даже и малейшего понятия. Желание твое я исполнил, насколько мог и по нынешней же почте выслал твоему брату Мише пятьсот рублей серебром в счет обещанных ему мною на свадьбу четырех тысяч рублей серебром, но даст или не даст тебе эти 500 руб. брат взаймы я предоставляю собственно его доброй воле. Душевно желаю, чтобы ты перешел в Гвардию и очистился навсегда от всей Нарвской и от всей Воронцовской грязи. Пора и тебе жить не потеперешнему, но действительно честно и вполне нравственно. Пора и тебе уметь отличить мишуру от золота и чистоту нравственности от безнравственности...

Да хранит тебя Господь Бог своим милосердием, а Царица наша Небесная своим покровом, все же святые своим заступничеством и дорогая твоя мама своими праведными о всех нас молитвами пред престолом Всевышнего. Посылаю тебе от нее и от себя общее наше душевное родительское благословение, целую тебя крепко, крепко и остаюсь навсегда любящий тебя всем сердцем.

папа твой

Д. С.

Следующие тебе на ноябрь двадцать пять рублей сер. при сем прилагаю.

12 ноября 1873 г. С. Спасское.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] То же и в другом письме к Д. Е.: «Скажи ему, что меня огорчает, что он много фантазирует с Николаем, мне очень не нравится. Михайла за мою любовь сильно терзает мое сердце» (8 июня 1845 г.). В письме к Д. Е. от 18 февраля 1843 г. О. М. пишет: «поговори Мише, чтобы он не подражал Николаю и не убил бы меня горестью, я не перенесу, хоть ему приторны мои письма, но они искренни»...

[2] Отец их, Василий Дмитриевич, был сумасшедшим.

[3] Окрестная молва приписала поджог его самим владельцам, сделавшим это якобы из «дипломатических» соображений. В доме, по словам крестьян, до последнего времени особо охранялась комната, в которой родился М. Е. Салтыков.

[4] Некоторые крестьяне и вместе с ними Грязнова утверждают, что часть бумаг увезена Сергеем Васильевичем.

[5] М. Е. Вакурова, оказывавшая нам содействие в разыскании салтыковских материалов.

[6] «О Михайле и говорить нечего, я получила от него письмо, который своими благородными поступками меня так тронул, что я читая его письмо рыдала, он любит меня, как может любить только добрый сын, он без всякого возмездия готов уступить после отца часть, полагаясь совершенно на меня» (17 августа 1850 г.).

[7] Любопытно, что слова «бог» и «господь» Д. Е. выделяет особым крупным шрифтом.

САЛТЫКОВ В ЛИЦЕЕ

Сообщение М. Калаушина

Среди беспощадных сатир Салтыкова на разлагающийся дворянско-крепостнический строй с его судами, бюрократией, жизнью «оскудевающего» помещичьего хозяйства небольшое, но заметное место занимают сатиры на систему и обстановку воспитания в учебных заведениях царской России.

В «Господах ташкентцах», «Письмах к тетеньке», «Недоконченных беседах» и других произведениях рассыпан целый ряд замечательных по своей меткости и остроте эпизодов, изображающих отдельные уродливые стороны этого воспитания: телесные наказания, карцеры, механическая зубрежка уроков и пр.; выведен целый ряд «ташкентцев приготовительного класса» вроде «куколки» Nicolas Персианова, выходца из привилегированного дворянского учебного заведения.

Значительная часть этих эпизодов была написана в результате личных переживаний и воспоминаний школьной жизни Салтыкова в Московском Дворянском Институте и особенно жизни в Царскосельском лицее (1838—1844).

Пребывание Салтыкова в лицее оказало на него глубокое влияние.

Помимо увлечений идеями утопического социализма, которые шли со стороны, от школьных товарищей, конечно без всякого влияния школы,—сама школа с ее бездушным казенным режимом осталась на всю жизнь в памяти великого сатирика, впервые заронила в нем недовольство окружающей действительностью. Не случайно в ранних рецензиях на учебники и книги для детей, написанных Салтыковым в первые годы после выхода из лицея, постоянно затрагиваются вопросы воспитания.

Помимо влияния Белинского в них чувствуется живое и непосредственное отношение, вынесенное из жизни в результате личных переживаний.

Между тем «лицейский период» биографии Салтыкова до сих пор остается совершенно неизученным. В нашем распоряжении за исключением нескольких скупых строк в известных автобиографиях Салтыкова нет даже самого скромного запаса фактического материала, на основе которого можно было бы приступить к исследовательской работе в этой области.

С этой точки зрения публикуемые нами материалы, а именно письмо Салтыкова к родителям, написанное из лицея в 1839 г., два до сих пор неизвестных стихотворения 1840 г., относящиеся к этому же времени лицейские карикатуры и театральная афиша, свидетельствующая об участии Салтыкова в одном из лицейских спектаклей, представляют бесспорный интерес.

Особенно любопытно и значительно в биографическом отношении письмо Салтыкова, сохранившееся в семейном архиве Салтыковых и извлеченное оттуда Е. М. Макаровой. Приводим полностью текст этого документа.

Царское Село. 7/III 1839 г.

Любезные родители!

Я извиняюсь перед вами, что так долго не писал, но этому было причиною неименье времени. Но я очень удивляюсь, что так долго не получаю от вас писем. Любезные родители, если вы уже не будете совсем этот год в Царское, то пожалуйста уже приезжайте на будущий год на экзамен, который будет в конце Ноября, а если вы [не] будете [совсем] в этот год, то приезжайте в Петербург в Гостиницу Париж в Кирпичном переулке: там по пяти руб. за номер. А там, где мы жили, то поденно неберут,

а берут понедельно 35 руб. в неделю, а там, любезные родители, лучше и дешевле нанять квартиру; потому что в гостинице жить очень дорого, и притом только две комнаты одна для лакея, а д[руга]я так; то вам придется брать два номера, кушанье же в гостинице так дорого, что уж и говорить нечего; нет порции меньше 1 р. 25 к. Вообще квартиры в Петербурге дороги: за 5-ть или 6-ть комнат нужно платить 2000 р. в год все дешевле чем в гостинице, где вы за 4 комнаты будете платить 70 р. асс. и притом кушанье очень дорого.

Я вам скажу, маменька, что в Петербурге все русские изделия дороже нежели в Москве, а иностранные дешевле. Я теперь по ученью 6-тым, а по поведенью сижу за столом 9-м, а теперь, я думаю, 10-тым буду; потому что наш класс постепенно увеличивается, потому что некоторые воспитанники выходят, а на место их поступают другие в наш класс. Нас поступило 19-ть человек, а теперь 24 т[...] один из них по поведению высиделся. У меня из ученья и поведенья по 8-ми в результатах. Но, любезные родители, я из ученья при конце курса буду непременно третьим или вторым, потому что я был сначала 16-м и вдруг в один месяц перегнал 4-х. Я бы был и из поведения 6-м, но главною причиной, что я 10-м Г-н Беин, этот человек достоин всякого презренья; я вам расскажу об этом все подробно, когда вы приедете ко мне или когда я приеду на каникулы в Москву; теперь я вам скажу как он со мной подло поступил. Мосье Жоньо хотел отдать меня к одному Гувернеру. Но один и[з] гувернеров попросил Жоньо, чтобы тот отдал меня к Беину. Беина не терпят никто из воспитанников. Он уже был один [раз] чуть не выгнан из [Лиц]ея за воспитанников, но опять прощен. Как он меня взял, то он вообще погнался за ценой, не смотрел за мной, потому что в Лицее не любят Москвичей, разумеется, не все, потому что умные никогда не станут этого делать без причины. Гольтгоер, Директор, сказал Жоньо, что мы вообще себя очень хорошо вели на экзамене, и вообще хвалил нас за ответы. Но вдруг после каникул я узнаю, что Беин отрекомендовал меня Генералу очень худо, сам не зная, почему, но вскоре Генерал почти разуверился в словах Беина и теперь уж меня полюбил и брал на маслянице, когда я оставался. Берите любезные родители, Библиотеку для чтения за 1839 год, еще если можете берите «Сын Отечества»—40 руб. и Отечественные Запи[ски] [5]0 р. Эти журналы н[е] хуже Библи[отеки]. Московский наблюдатель поправился: вместо 20-ти книжек выходит 12-ть и стоит 45 рублей.

Прощайте, любезные родители. Остаюсь сын ваш, Салтыков.

«Письмо к родителям» является первым и единственным из известных пока автографов Салтыкова «лицейского периода». Это обстоятельство уже само по себе определяет значение документа для биографии сатирика. Но письмо интересно и по существу. При оценке его не следует забывать, что оно писано Салтыковым в возрасте 13 лет, т. е., по привычным представлениям, в возрасте скорее еще детском, чем юношеском. Учитывая это обстоятельство, нельзя не отметить прежде всего того впечатления какой-то исключительной и быть может преждевременной зрелости Салтыкова в отношении практических и материальных дел, которую он здесь обнаруживает. В самом деле, 13-летний Салтыков, приглашая родителей в Петербург для свидания с ним, не забывает дать подробные указания, где и как им лучше остановиться, сообщает (очевидно по предварительным и специально наведенным справкам) существующие в столице цены на комнаты и квартиры, не забывает и о таких мелочах, как стоимость обедов, разница цен на иностранные и русские изделия в Москве и Петербурге и т. д., причем Салтыков не только информирует, но и советует. Трезвый практицизм, свойственный будущему писателю Салтыкову-Щедрину не только в жизни, но и в мировоззрении, проявляется таким образом очень рано. Далее письмо дает — хотя и скупо — некоторый фактический материал о жизни и учении Салтыкова в лицее. Так мы узнаем, что на второй год своей лицейской жизни Салтыков считался в классе шестым по учению и девятым по поведению. Сообщая об этом своим родителям, Салтыков дает не лишенную колоритности картинку бытовых взаимоотношений между им самим как воспитанником лицея и приставленным к нему гувернером, который «взял» его потому только, что «погнался за ценою». Характерна для будущего Щедрина и та резкость

Царское Село 18 $\frac{7}{III}$ 39

Любезные Родители!

Я извиняюсь перед вами, что так долго не писал,
потому было причиною неимение времени. Но
я очень удивляюсь, что так долго не получаю
от вас писем. Любезные родители, если
вы уже не будете совсем этот год в Цар-
ском, то пожалуйста уже приезжайте на
будущий год на экзамен, который будет
в конце Ноября, а если вы не будете совсем
в этот год, то приезжайте в Петербург в
Гостиницу Париж в Кирпичном
переулке: там по пяти руб. за номер.
А там, где мы стоим, то один номер
а берут понедельно 35 руб. в неделю, а
потому, любезные родители, лучше и доставьте
папеньке квартиру, потому лучше в гостиницу

АВТОГРАФ ПИСЬМА САЛТЫКОВА ИЗ ЛИЦЕЯ К РОДИТЕЛЯМ ОТ 7 МАРТА 1839 г.
(ПЕРВАЯ СТРАНИЦА)
Институт Русской Литературы, Ленинград

стоитъ очень дорого, и притомъ только двѣ
комнаты одна очень маленькая и [illegible]
такъ, что всѣмъ придется брать двѣ комнаты;
кушанье же въ гостинницѣ такъ дорого, что
уже и говорить нечего; вотъ [illegible]
17.25 коп. Вообще квартиры въ Петер-
бургѣ дороги: за 5-ть или 6-ть комнатъ пла-
тятъ 2000 въ годъ все дешевле чѣмъ въ
гостинницѣ, гдѣ все за 4 комнаты берутъ
707 асс. и притомъ кушанье очень дорого.
Я вамъ скажу, маменька, что въ Петер-
бургѣ всѣ русскiя издѣлiя дороже нежели
въ Москвѣ, а иностранное дешевле. Я теперь
по указу [illegible]
и по повелѣнiю [illegible] за
[illegible] я теперь, я думаю, что [illegible]
буду; потому что число [illegible] постепенно
увеличивается; потому что некоторые
воспитанники [illegible]
[illegible] въ нашемъ классѣ

АВТОГРАФ ПИСЬМА САЛТЫКОВА ИЗ ЛИЦЕЯ К РОДИТЕЛЯМ ОТ 7 МАРТА 1839 г.
(ВТОРАЯ СТРАНИЦА)
Институт Русской Литературы, Ленинград

АВТОГРАФ ПИСЬМА САЛТЫКОВА ИЗ ЛИЦЕЯ К РОДИТЕЛЯМ ОТ 7 МАРТА 1839 г.
(ТРЕТЬЯ СТРАНИЦА)
Институт Русской Литературы, Ленинград

имянно изъ воспитанниковъ [illegible]

былъ одинъ чуть не выгнанъ изъ

за воспитанниковъ по опять прощенъ.

Какъ онъ меня взялъ, то онъ вообще

почиталъ записной, но смотрѣлъ за

мной потому что въ Лицеѣ не любятъ

Москвичей, разумѣется не всѣ, потому

что ученые никогда не станутъ этого

дѣлать [illegible] причина [illegible] теперь Директоръ

сказалъ Иванову, что мы вообще себя

очень хорошо ведемъ на экзаменѣ, и вообще

Ивановъ насъ за [illegible]. Но вдругъ

потомъ [illegible] и узналъ что [illegible]

отрекомендовалъ меня Генералу очень

худо, самъ не знаю почему, но теперь

Генералъ почти разувѣрился въ словахъ

[illegible]

[illegible]

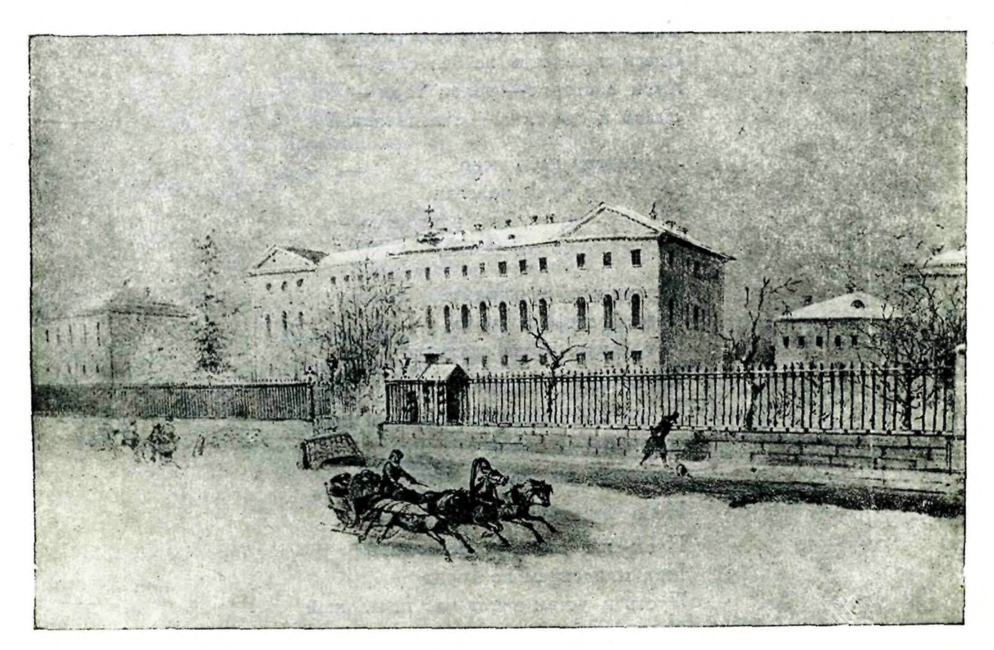
[illegible], любезные родители, Библиотеку для

Чтения за 1839 годъ, еще если можете [illegible]

АВТОГРАФ ПИСЬМА САЛТЫКОВА ИЗ ЛИЦЕЯ К РОДИТЕЛЯМ ОТ 7 МАРТА 1839 г. (ЧЕТВЕРТАЯ СТРАНИЦА)

Институт Русской Литературы, Ленинград

выражений, с которой сообщает 13-летний Салтыков о поступке этого гувернера, который он считал несправедливым: «этот человек достоин всякого презрения», «подло поступил». Но быть может самым примечательным в письме является просьба Салтыкова к родителям выписывать журналы: «Библиотеку для чтения», «Сын Отечества», «Отечественные Записки» и «Московский Наблюдатель». Несомненно, что, обращаясь с этой просьбой, Салтыков исходил из своих собственных интересов и склонностей. Таким образом мы имеем здесь уже материал для суждений по вопросу истории сложения личности и мировоззрения Салтыкова. Из позднейших художественных высказываний сатирика (см. например «За рубежом») известно, что в лицее на него по собственному признанию преимущественно влияли Белинский и «Отечественные Записки». Известно

ЗДАНИЕ АЛЕКСАНДРОВСКОГО ЛИЦЕЯ В 1840-х гг. В ПЕТЕРБУРГЕ
Акварельный рисунок неизвестного художника
Институт Русской Литературы, Ленинград

также, что в лицее Салтыков начал читать Фурье, Сен-Симона, Луи Блана и познакомился с Петрашевским. Все эти данные относились исследователями до сих пор исключительно к 40-м годам, т. е. к последнему периоду пребывания Салтыкова в лицее. С опубликованием настоящего письма Салтыкова мы имеем возможность не только подтвердить на бесспорном документе позднейшие высказывания Салтыкова, данные к тому же в художественной форме, но передвинуть начало знакомства Салтыкова с идеями Белинского на значительно более ранний период. В 13 лет, как показывает текст письма, Салтыков обладал уже столь высоким развитием, что не только читал журналы, но повидимому и следил, и разбирался в текущей литературной жизни. В этом отношении любопытны слова письма: «Московский наблюдатель поправился». Нужно думать, что эти слова относятся к факту перехода в 1838 г. «Московского Наблюдателя» к Белинскому, быстро изменившему направление журнала и превратившему его в орган левого гегельянства. Таким образом уже в 1839 г. наметился тот напряженный интерес Салтыкова к литературе, который через два года (в 1841 г.) был закреплен его личным участием в одном из названных им журналов, а именно в «Библиотеке для чтения», где появилось его первое печатное произведение — стихотворение «Лира».

К этому же периоду относятся два впервые публикуемые, до сих пор неизвестные стихотворения Салтыкова.

Приводим полностью текст этих стихотворений:

ДВА АНГЕЛА

Ангел радужный склонился
Над младенцем и поет:
«Образ мой в нем отразился
Как в стекле весенних вод.

О прийди ко мне прекрасный
Ты рожден не для земли.
Нет ты неба житель ясный;
Светлый друг! туда!.. спеши!

Там найдешь блаженства море:
Здесь и радость не без слез,—
Клик восторга — полон горя —
Здесь и счастлив,— а вздохнешь!

За минуту небо ясно
Вдруг... и тучи налегли.
Все, что чисто, что прекрасно —
Все минутно на земли.

Неужели омрачится
Черной скорбию чело
И блеснув, слеза скатится
Из лазури глаз его?

В дом надзвездный над мирами
Дух твой вольный воспарит,
Счастлив ты под облаками!

Небо бог тебе дарит!

Пусть же факел погребальный
Над младенцем не горит
Пусть в устах в тот час печальный
Песня радости звучит!

Пусть последнее лобзанье
Без рыдания сорвут:
Час печали, час страданья —
Для тебя — к блаженству путь».

И умчался среброкрылый,
И увял чудесный цвет!..
Мать рыдает и уныло
Смотрит ангелам в след!..

Салтыков

1840 г.
23 сент.

2

ПЕСНЯ

(Из Victor Hugo)

Заря небесная играет,
Глядится роза в лоно вод,
Лишь девы сон не покидает
Она не ведает забот.

Небесная дева,
Души моей рай.
Проснись! и напевам
Поэта внимай!

Проснулось все, лишь нет прекрасной...
Песнь в роще раздается вновь,
Заря сулит день светлый, ясный,
А сердце шепчет — я любовь.

Небесная дева,
Души моей рай.
Проснись! и напевам
Поэта внимай!

О неба дивное созданье,
О дева, чудо красоты.
Прийми, как ангел — обожанье,
Как дева — дар святой любви!

Небесная дева,
Души моей рай.
Проснись! и напевам
Поэта внимай!

Бог дал мне очи, чтоб в восторге
Я на тебя одну взирал,
Внушил любовь — чтоб в шуме оргий
Тебя одной не забывал.

Небесная дева,
Души моей рай.
Проснись! и напевам
Поэта внимай!

Салтыков.

1840 г.

Приведенные стихотворения взяты из лицейского архива Н. П. Семенова (упоминаемого Салтыковым в своей автобиографии как сотоварищ по перу). Рукою Семенова стихотворения Салтыкова переписаны в тетрадь среди прочих стихов лицеистов с полным обозначением имени автора. Относятся оба стихотворения к 1840 г. и таким образом являются единственно известными самыми ранними произведениями Салтыкова.

Известно, что Салтыков в течение 4—5 лет своего пребывания в Лицее серьезно относился к своему поэтическому творчеству и очевидно не оставлял надежды со временем пойти по этому творческому пути. Как он сам позднее заявлял (см. автобиографию), «воспоминание о Пушкине обязывало; в каждом курсе предполагался продолжатель Пушкина», и в Салтыкове видели этого продолжателя от XIII курса. Уже с I курса Салтыков почувствовал это «решительное влечение к литературе» — к поэзии.

Найденные тетради со стихотворениями лицеистов (Л. Мея, В. Зотова, Н. Семенова и др.), где помещены и стихотворения Салтыкова, с очевидностью показывают, что в 39—40-х годах, в период возрастающих литературных интересов Салтыкова, существовал довольно тесный литературный кружок лицеистов, в числе которых одним из младших был и Салтыков.

Очевидно через эту литературную группу шли интересы Салтыкова к периодической литературе («Отечественные Записки», «Библиотека для чтения», «Московский Наблю-

датель» и др.), об увлечении которой Салтыков упоминает и в автобиографии, и в приведенном выше письме его к родным.

Через эти журналы очевидно шло и его увлечение современными поэтами: Бенедиктовым, Майковым, Губером, позднее Лермонтовым, влияние которых, особенно последнего, Салтыков испытал в своем поэтическом творчестве.

Найденные стихотворения позволяют думать, что поэтическое творчество Салтыкова не исчерпывалось 8—10 стихотворениями, а было гораздо шире. Сам автор свою стихотворную деятельность в это время называл «усиленною»[1].

Как известно, позднее Салтыков иронически относился к своему раннему стихотворству, считал свои стихи и плохими и «глупыми», но это нисколько не означает, что в творческой деятельности Салтыкова они не сыграли своей роли.

Именно с увлечения стихотворчеством начался литературный мартиролог великого сатирика. Через это увлечение лежал путь к более серьезному и углубленному интересу к современной действительности.

Попутно необходимо напомнить, что это увлечение стихотворчеством являлось основным «терниєм» в лицейской жизни Салтыкова, вследствие которого ему пришлось претерпеть все нелепости режима царского закрытого учебного заведения: карцер, преследование педагогов, прятание стихов и т. п., с большой сатирической остротой описанные им в ряде указанных нами произведений.

Описываемые ниже и воспроизводимые в настоящем издании лицейские карикатуры из «Сборника лицейских карикатур», хранящегося в архиве ИРЛИ Академии Наук, не касаются непосредственно биографии Салтыкова, но как относящиеся к первым годам его пребывания в лицее представляют несомненный интерес для воссоздания быта и общей обстановки ученических лет писателя.

По свидетельству Д. Кобеко, автора книги «Императорский Царскосельский Лицей» (СПБ., 1911),— этот сборник является единственно известным из лицейских материалов, отражающих быт и нравы лицейской жизни этого периода в сатирическом плане.

Нарисованные с большим остроумием и с соблюдением портретного сходства они острием своего сатирического жала направлены главным образом на высмеивание педагогического персонала лицея.

К сожалению ни лицейский архив, ни литература, специально написанная по истории лицея, не дают возможности установить, кем и по какому поводу эти карикатуры нарисованы, затрудняя тем самым объяснение их конкретного содержания.

Большое портретное сходство персонажей карикатур с оригиналом позволяет для большинства с безошибочностью установить имена этих наставников и педагогов, педагогическому воздействию которых среди прочих воспитанников лицея подвергался и Салтыков.

На первой карикатуре изображены: директор лицея генерал-лейтенант Ф. Г. Гольтгойер (упоминаемый Салтыковым в письме к родным), сидящий на фалдах собственного мундира, представляющих собою как бы задние ножки кресла.

На нем сидит его помощник, инспектор классов лицея и профессор нравственных наук А. Ф. Оболенский. Перед ними в почтительной позе с развернутой книгой Устава лицея стоит профессор русского языка и словесности П. Е. Георгиевский.

Вокруг в виде разных предметов, прислуживающих этому «академическому Олимпу», изображаются воспитанники лицея.

Вторая карикатура изображает того же директора Гольтгойера и воспитанников в виде скачущих лягушек.

Вверху инспектор классов Оболенский летит, сидя на спине Георгиевского, изображенного в виде птицы. Над его сияющей головой держит лавровый венок преподаватель немецкого языка и словесности профессор Де Олива (без носа).

Он же изображается в виде античной статуи на третьей карикатуре.

4-я и 5-я карикатуры очевидно имеют в виду преподавателей физики и математических наук: адъюнкта СПБ. Университета Н. Т. Щеглова и его помощника — адъюнкта при лицее Р. П. Щиглева. В остальных карикатурах главное место уделяется профессору русского языка и словесности П. Е. Георгиевскому.

КАРИКАТУРЫ НА НАСТАВНИКОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ АЛЕКСАНДРОВСКОГО ЛИЦЕЯ ПЕРИОДА ПРЕБЫВАНИЯ В НЕМ САЛТЫКОВА

Из альбома лицейских карикатур

ВЕРХНЯЯ: Сидят: директор лицея Ф. Г. Гольтгойер (в военной форме); инспектор классов А. Ф. Оболенский. Стоит: профессор русского языка и словесности П. Е. Георгиевский

НИЖНЯЯ: В облаках в виде птицы профессор русского языка и словесности П. Е. Георгиевский; на нем сидит инспектор классов А. Ф. Оболенский; держит венок профессор немецкого языка и словесности Ф. А. Де Олива. Внизу направо — директор лицея Ф. Г. Гольтгойер

Институт Русской Литературы, Ленинград

Наконец 6-я карикатура «Зверинец» взята из журнала «Литературный и карикатурный листок» 1840 г., № 2 (переплетенного вместе с альбомом лицейских карикатур) и принадлежит перу того же художника-лицеиста, что и карикатуры из указанного альбома.

В «Зверинце» с правой стороны представлен целый ряд виднейших преподавателей лицея в виде разных зверей.

Вверху в виде попугая изображается преподаватель русского языка и словесности — П. Е. Георгиевский по прозванию «Пепа», «Пепка», «Пепон».

Тигром изображен инспектор классов лицея А. Ф. Оболенский. Обезьяной с поврежденным носом — преподаватель немецкого языка и словесности Де Олива. Рыбой в корыте (с лысиной) изображается адъюнкт СПБ. Университета Н. Т. Щеглов, преподаватель физико-математических наук (преподавал в лицее с 1836 по 1841 г.).

В виде осла представлен очевидно профессор французского языка и словесности Р. А. Жилле.

В чудовище, напоминающем кабана или бегемота, легко угадать толстого доктора лицея Франца Осиповича Пешеля (служил при лицее с 1811 по 1842 г.).

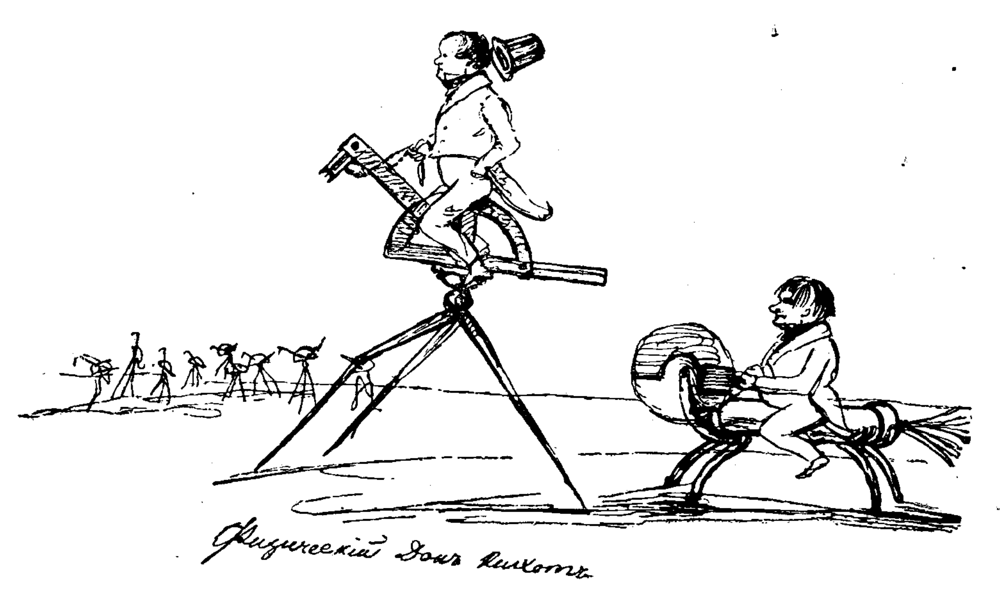
Из приведенных карикатур наибольший интерес представляют фигуры трех воспитателей лицея эпохи пребывания в нем Салтыкова—Гольтгойера, Оболенского и Георгиевского.

Ряд имеющихся отзывов воспитанников лицея о педагогической и административной деятельности этих воспитателей лишь подтверждает безотрадные картины воспитания, набросанные Салтыковым в его произведениях.

Первая фигура — генерал Гольтгойер. Он был назначен директором лицея в тот период, когда, по выражению Грота[2], «железная рука Аракчеева исторгла лицей в 1822 году из министерства народного просвещения и отдала его под военную опеку» — в Управление военноучебных заведений.

Главной целью его назначения было восстановление строгой военной дисциплины.

Директор держал себя с воспитанниками «по-солдатски» — сухо и официально — и для большего укрепления дисциплины применял телесные наказания[3].

КАРИКАТУРА НА НАСТАВНИКОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ АЛЕКСАНДРОВСКОГО ЛИЦЕЯ ПЕРИОДА ПРЕБЫВАНИЯ В НЕМ САЛТЫКОВА

Слева: преподаватель физики и математических наук Н. Т. Щеглов; справа — его помощник Р. П. Щиглев

Из альбома лицейских карикатур

Институт Русской Литературы, Ленинград

КАРИКАТУРА НА НАСТАВНИКОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ АЛЕКСАНДРОВСКОГО ЛИЦЕЯ ПЕРИОДА ПРЕБЫВАНИЯ В НЕМ САЛТЫКОВА

Из альбома лицейских карикатур

Справа: преподаватель физики и математических наук адъюнкт при СПБ. университете Н. Т. Щеглов; слева его помощник — адъюнкт лицея Р. П. Щиглев

Институт Русской Литературы Ленинград

По свидетельству лицеистов, он мало смыслил в проходимых в лицее курсах наук и силен был только в арифметике, что для такого поста, как звание директора, было слишком мало [4].

Об этом же свидетельствует и Энгельгардт [5]:

«Гольтгойер—добрый человек, но о воспитании имеет столь же понятия, как о кавалерийском маневре. Он воспитан во 2-м Кадетском корпусе, всю жизнь провел там и педагогии научился в Дворянском полку».

Грот указывает, что руководящим началом управления лицея при директоре Гольтгойере «был страх, а не любовь» [6].

«Он далеко не отвечал нашему представлению об идеальном начальнике, каким был по преданию незабвенный Энгельгардт» [7].

Его помощник по управлению лицеем—инспектор классов А. Ф. Оболенский — по единогласному свидетельству лицеистов как инспектор был крайне нелюбим воспитанниками.

«В характере его не было ни прямоты, ни благородного образа действий» [8].

«Нравственный надзор» за воспитанниками у Оболенского выражался в тайном осмотре книг, тетрадей и бумаг и широко развитом шпионаже и доносах.

«Им [Гольтгойером] управляет Оболенский, низкий фарисей, основывающий все воспитание на постыдной системе подслушивания за дверьми, на изловлении и краже записочек по ящикам, и даже доходило до того, что приучивал делать тайные доносы на товарищей» [9].

«Мы знали об этих инквизиционных приемах инспектора и за это не любили его» [10]. Как преподаватель Оболенский замечателен был только тем, что читал свой курс «наискучнейшим образом» [11].

«Никак не сильнее Георгиевского был профессор Оболенский,— пишет Корф.— В мое время он под именем государственного права читал нам русские государственные законы... По когда-то налитографированным запискам, содержание которых он знал наизусть и которые он мог поэтому произносить во сне; результатом такого преподавания было то, что и на «репетициях» некоторые изощрились считывать ответ свой по запискам, раскрытым за спиной дремлющего профессора» [12].

Но самой колоритной фигурой из педагогического персонала лицея, на которой не раз сстанавливается и Салтыков, был профессор русского языка и словесности П. Е. Георгиевский. По отзывам учеников [13], он был прекрасный человек, но совсем не даровитый профессор. (Ниже см. подобный же отзыв и у Салтыкова).

«Георгиевский был схоласт и педант, который не умел сказать ничего спроста и отличался самым надутым красноречием» [14].

«Пропитанный до мозга костей семинарской схоластикой, классик старых времен, он мог понимать только Ломоносова, Хераскова, Сумарокова, Державина; далее он не шел. Пушкин был в его глазах шалуном-романтиком; о Гоголе не имел никакого понятия. Задавая нам сочинение, он требовал, чтобы мы излагали его не иначе как в форме силлогизма; если большая или малая посылки были недостаточно оттенены и раздельны, работа считалась неудачною» [15].

В преподавании своего предмета Георгиевский был чрезвычайно осторожен и «благонамерен».

«В суждениях своих о духе и настоящем направлении словесности, также о достоинстве писателей профессор сообразуется с суждениями благонамеренных и беспристрастных критиков.

При оценке всякого нового литературного труда удерживается от резких заключений, помня благонамеренное правило, преподанное Карамзиным: где нет предмета для хвалы, там скажем все молчанием.

Суждения резкие допускаются только в том случае, когда имеется в виду предостеречь воспитанников от важных злоупотреблений и новостей, неблагоразумных в языке [16].

Его полное и сокращенное «Руководство к изучению словесности» (первое издание 1835 г., второе 1842 г.) вызывало насмешки у воспитанников. «Георгиевский, которого мы называли «Пепкой»... читал короткое время какую-то невозможную чушь по своей книге, называемой нами «Пепкино свинство» [17].

Другие называли его «Руководства» — «малой и большой чепухой», или же «малой и большой бутылкой кислых щей» [18].

Таковы в общих чертах характеристики видных педагогов, у которых почти все время своего пребывания в лицее воспитывался Салтыков.

К этой неприглядной картине преподавания присоединим еще отзыв Энгельгардта об общем настроении воспитанников.

Говоря о шпионаже и доносах, распространившихся в лицее со времени пребывания в нем инспектором Оболенского, Энгельгардт отмечает:

«Следствием того (шпионажа и доносов.— *М. К.*) — что воспитанники ненавидят и презирают начальство. Больно слышать этих бедных молодых людей, когда говорят о начальстве своем и о лицее—сердца их остыли, они не любят, потому что их не любят, и с нетерпением рассчитывают, сколько дней им еще оставаться.

Это впрочем во всех наших заведениях—везде ненависть к заведению и презрение к воспитателям» [19].

Те же чувства «ненависти к учреждению и презрения к воспитателям» являются основными для Салтыкова, где бы он ни касался жизни школы.

Останавливаясь на нравах лицейской жизни (в «Письмах к тетеньке», см. 9-е письмо), Салтыков представляет нам целую галлерею лицейских Вральманов, Цифиркиных, Кутейкиных, выведенных в предлагаемых карикатурах, особенно выделяя из этой среды преподавателя русского языка и словесности Георгиевского.

«И наставники, и преподаватели были до того изумительные, что ныне таких уж на версту к учебному заведению не подпускают.

Один был взят из придворных певчих и определен воспитателем; другой, немец, не имел носа [20], третий, француз, имел медаль за взятие в 1814 года Парижа и тем не менее декламировал «à tous les coeurs bien nés que patrie est chère» [21], четвертый, тоже француз, страдал какою-то болезнью, что ему было велено спать в вицмундире, не раздеваясь. Профессором российской словесности в высших классах был Петр Петрович Георгиевский [22], человек удивительно добрый, но в то же время удивительно бездарный. Как на грех кому-то из воспитанников посчастливилось уз-

ОКТЯБРЯ 19 ДНЯ.

1843.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ НЕДОТРОГА.

Комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. Н. Полеваго.

Иванъ Ивановичъ Недотрога, — *бывшій профессоръ Ришельевскаго Лицея.*	М. Салтыковъ.
Елизавета Ивановна, — *дочь его.*	Н. Миллеръ.
Мироновичъ, — *докторъ, живущій въ Петербургѣ.*	А. Бибиковъ.
Өедотъ Өедоровичъ Милованов, — *богатый негоціантъ.*	П. Бибиковъ.
Андрей Өедотовичъ, — *сынъ его.*	А. Штевенъ.
Карпъ Ильичъ Надоѣдаловъ.	В. Калашниковъ.
Өёкла Феклистовна, — *жена его.*	Е. Бердеревскій.
Өома, — *слуга Мироновича.*	В. Перфильевъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, на квартирѣ Мироновича.

LE SECRÉTAIRE ET LE CUISINIER.

Comédie Vaudeville en un acte, par Mr. Scribe.

Le Comte de Saint Phar.	B. Perfilieff.
Elise, — *sa fille.*	N. Barichnikoff.
Le vicomte de Sauvecourt.	E. Essakoff.
Alphonse, — *son fils.*	Le P^ce A. Lobanoff
Antoine, — *intendant de M. de Saint Phar.*	A. Bibikoff.
Souffle, — *cuisinier.*	J. Nabokoff.
Valets.	

La scène est à Paris, à l'hôtel du comte de Saint Phar.

Le spectacle commence à 7 heures.

АФИША ЛИЦЕЙСКОГО СПЕКТАКЛЯ 19 ОКТЯБРЯ 1843 г.
С УЧАСТИЕМ САЛТЫКОВА В ГЛАВНОЙ РОЛИ
Институт Русской Литературы, Ленинград

нать, что жена Георгиевского называет его ласкательными именами: Пепа, Пепочка, Пепон и т. д. Этого достаточно было, чтоб изданное Георгиевским «Руководство», пространное и краткое, получило своеобразную кличку—большое и малое Пепино свинство. Иначе не называли этих учебников даже солиднейшие из воспитанников, которые впоследствии сделались министрами, сенаторами и посланниками...» [23]

«Вообще тогдашняя педагогика,— заключает Салтыков,— была во всех смыслах мрачная и в смысле физическом, и в смысле умственном. В первом отношении молодых людей питали дурно и недостаточно, во втором — просвещали их умы «Пепиным свинством», и вдобавок требовали, чтоб школьник не понимал, что свинство есть свинство...»

В изучении материалов лицейской жизни Салтыкова как приведенные карикатуры, так и ряд цитированных отзывов о преподавателях и преподавании в лицее представляют большой интерес.

Среди лицейских материалов, относящихся к эпохе пребывания в нем Салтыкова, находится целый ряд афиш, пьес, переписанных ролей, относящихся к юбилейным постановкам в лицее (19 октября).

Так например, 19 октября 1842 г. были играны два эпизода из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя (приезд Чичикова к Собакевичу и Плюшкину), выбранные, инсценированные и поставленные на сцене самими лицеистами.

В истории театральных постановок — это первая переделка «Мертвых душ» для сцены, сделанная еще при жизни Гоголя.

Но особенно для нас интересной из этих материалов является афиша о лицейском спектакле 19 октября 1843 г., в котором принимал участие сам Салтыков.

В комедии Н. Полевого Салтыков среди сокурсников-воспитанников преимущественно старших классов (выпускников) исполнял главную роль.

Как свидетельствует Кобеко на основании лицейских архивных материалов [24], спектакли эти устраивались силами и средствами самих лицеистов.

Средства на театр собирались среди воспитанников по подписному листу и составляли довольно значительные суммы.

Спектакли носили торжественно-юбилейный характер и приурочивались обычно к началу академического года. На них всегда присутствовал весь административно-педагогический персонал, приглашались почетные гости. Иногда подобные лицейские вечера проводились в присутствии императора и его двора.

Сравнение этих материалов с цитированными салтыковскими текстами показывает, насколько с беспощадной и почти документальной правдивостью Салтыков в своих сатирах постарался заклеймить тяжелую систему воспитания, испытанную им и современной ему молодежью в условиях полицейско-крепостнического режима николаевской России.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В порядке предварительного сообщения укажем еще дополнительно следующее. Еще из работы К. К. Арсеньева «Материалы для биографии М. Е. Салтыкова» известна была принадлежность Салтыкову стихотворения «Две жизни», напечатанного в 50 томе «Библиотеки для чтения» (1842 г.). Стихотворение это помечено в журнале только первой буквой фамилии Салтыкова. До сих пор никто из исследователей не обращал внимания на то, что в том же 50-м томе журнала, рядом со стихотворением «Две жизни» имеется другое, под названием «Утешение», подписанное также буквою «С». Наличие единого псевдонима, внутренних признаков, а также тот факт, что обе вещи помещены рядом (стр. 9 и 10) заставляет предполагать, что и второе стихотворение принадлежит Салтыкову. Приводим текст его.

УТЕШЕНИЕ

Дитя мое! Невинными слезами
Не умножай моей печали злой:
Усопшей матери безжизненный покой
Не миром был указан, небесами.
Таков закон карающей судьбы:

КАРИКАТУРЫ НА НАСТАВНИКОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ АЛЕКСАНДРОВСКОГО ЛИЦЕЯ ПЕРИОДА ПРЕБЫВАНИЯ В НЕМ САЛТЫКОВА

Верхняя — из журнала «Литературный и карикатурный листок» № 2, 1840 г.; нижняя — из альбома лицейских карикатур

Зверинец. Изображены: попугаем—профессор русского языка и словесности П. Е. Георгиевский; обезьяной — профессор немецкого языка и словесности Ф. А. Де Олива; тигром — инспектор классов лицея А. Ф. Оболенский; рыбой в кадке — преподаватель физики и математических наук Н. Т. Щеглов; ослом — преподаватель французского языка и словесности Р. А. Жилле; бегемотом — доктор Ф. С. Пешель

Внизу слева на гигантских шагах — профессор русского языка и словесности П. Е. Георгиевский

Институт Русской Литературы, Ленинград

Ни слезы горести. ни тяжкий вопль укора,
Ни горький плач взывающей мольбы,
Ничто не изменит святого приговора,
Хоть разною, неравною тропой
По свету белому мы путь свершаем свой,
Но цель одна: к холодным дверям гроба
И резвое дитя, и старец прийдут оба.
Могилы мрак — для всех один конец.
Не лей же слёз, дитя. Резвись в сей жизни краткой
Покамест не увял цветочный твой венец,
Покамест смерть, подсторожив украдкой,
Младенческой красы твоей цветы
Могильной горечью еще не отравляет,
Как осенью поблеклые листы
Холодный ураган от ветви отрывает.

С.

Изучение «Библиотеки для чтения» за годы 1840—1845 обнаруживает, что за тою же подписью «С.» в журнале за указанный период было помещено еще три стихотворения: «Я люблю» (т. 48, стр. 11), «Борьба» (т. 51, стр. 78) и «Убогий дар» (т. 56, стр. 8). Все три стихотворения имеют много общего между собой и все они разрабатывают те же поэтические мотивы, которые мы находим в известных уже стихотворных опытах молодого Салтыкова. Конечно установление принадлежности Салтыкову этих, как и ряда других, стихотворений (напр. известно, что с согласия Салтыкова его переводы из Байрона печатались в собрании сочинений этого поэта, издаваемом на русском языке) нуждается еще в солидной аргументации. Однако приведенные выше факты и предварительные соображения позволяют утверждать, что поэтическое творчество молодого Салтыкова было более интенсивным, чем это считалось до сих пор.

[2] Грот, Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Изд. 2-е. СПБ., 1889, стр. 40.

[3] Кобеко, Императорский Царскосельский лицей. СПБ., 1911, стр. 408.

[4] «Русская Старина» 1888, т. 60, стр. 110. «Воспоминания царскосельского лицеиста А. Н. Яхонтова». С этими воспоминаниями Салтыков был знаком и сделал к ним ряд исправлений, касающихся Петрашевского.

[5] См. его письмо Вольховскому. Кобеко, назв. соч., стр. 349.

[6] Грот, назв. соч., стр. 40.

[7] «Русская Старина» 1880, т. 60, стр. 8.

[8] «Русская Старина» 1900, т. 104, стр. 110.

[9] См. указанное выше его письмо к Вольховскому.

[10] «Русская Старина» 1900, т. 104, стр. 8.

[11] «Русская Старина» 1890, т. 65, стр. 840.

[12] «Русская Старина» 1884, т. 42, стр. 378. «Из пережитого. Записки Н. А. Корфа».

[13] Грот, назв. соч., стр. 105.

[14] Грот, назв. соч., стр. 226.

[15] «Русская Старина» 1888, т. 60, стр. 114.

[16] Селезнев, Исторический очерк императорского Александровского Царскосельского лицея. СПБ., 1861.

[17] «Русская Старина» 1884, т. 42, стр. 378; «Русская Старина» 1888, т. 60, стр. 114.

[18] «Русская Старина» 1885, т. 45.

[19] Кобеко, назв. соч., стр. 349.

[20] Преподаватель немецкого языка и словесности Ф. А. Де Олива. Занимал кафедру с 1825 по 1842 г. Имел повреждение носа. Изображен на 2-й и 3-й карикатурах.

[21] Преподаватель французского языка и словесности Р. А. Жилле. Занимал кафедру с 1829 по 1841 г. (изображен ослом в 6-й карикатуре).

[22] Салтыков ошибается: Георгиевского звали Петр Егорович. Был профессором с 1828 по 1852 г.

[23] В последнем письме Салтыков снова вспоминает Георгиевского: «Был один год, например, когда я одновременно обучался одиннадцати «наукам» и в том числе пепину свинству».

[24] Кобеко, назв. соч., стр. 450.

К ИСТОРИИ ССЫЛКИ САЛТЫКОВА

Сообщение М. Панченко

Дневник Нестора Кукольника принадлежал в свое время близкому родственнику его, редактору-издателю «Западно-славянского Вестника» (1890) и «Славянской Корреспонденции» (1889) И. А. Пузыревскому, который отдельные отрывки из дневника публиковал (см. «Русскую Старину» 1870 г., т. II, стр. 635; «Баян» 1889 г., № 9—15). В мае 1889 г., т. е. вскоре после смерти М. Е. Салтыкова, Пузыревский написал статью «За что и как был выслан в Вятку М. Е. Салтыков» как ответ на воспоминания Скабичевского о Салтыкове, напечатанные в «Новостях» № 116 от 29 апреля 1889 г. Для подтверждения некоторых своих возражений Скабичевскому Пузыревский приложил к своей статье отрывок из дневника Кукольника, относящийся ко времени ссылки М. Е. в Вятку, т. е. к концу апреля 1848 г. Однако статья Пузыревского напечатана не была, 20 июня 1889 г. из редакции «Исторического Вестника» отвечали Пузыревскому:

«Многоуважаемый Илья Алексеевич.

Я непрочь от заметки под заглавием «За что и как был сослан Салтыков в Вятку», но заметка эта должна быть написана как отрывок из ваших личных воспоминаний, а отнюдь не как возражение «Новостям». Во вступлении к заметке вы можете сказать глухо, что в некоторых воспоминаниях или сведениях о Салтыкове, появившихся в последнее время, сообщается неверный рассказ о его ссылке, потому вы как очевидец [Пузыревский был сослуживцем Салтыкова по канцелярии военного министра.— *М. П.*] считаете нужным восстановить истину»... Письмо хранится в архиве ИРЛИ Академии Наук СССР, писано оно повидимому С. Н. Шубинским, подпись неразборчива.

Вероятно Пузыревский не счел нужным переделывать свою статью для «Исторического Вестника»; в другом месте эта статья также не была напечатана. Так свидетельства Кукольника о ссылке Салтыкова оставались до сих пор неизвестными.

Мы даем статью И. Пузыревского «За что и как был выслан в Вятку М. Е. Салтыков» и соответствующие отрывки из дневника Кукольника, но не по копии, приложенной к статье Пузыревского, а по оригиналу, хранящемуся в архиве ИРЛИ АН (зап. книжка-дневник Н. В. Кукольника, март—апрель 1848 г.).

Нестор Кукольник с 1843 г. состоял при военном министре чиновником особых поручений и в 1848 г., как он сам говорит, был назначен делопроизводителем в следственную комиссию военного министра по делу Салтыкова. Поэтому фактические записи такого близкого «к механике ссылки» человека, как Кукольник, представляют значительный интерес и содержанием своим проливают свет на одну из наименее разработанных сторон биографии великого сатирика. Теперь имеется возможность установить некоторые новые подробности высылки Салтыкова в Вятку, а также проверить высказанные ранее исследователями предположения по этому поводу.

О «Запутанном деле» как безусловно «сомнительном» произведении и следовательно могущем служить доказательством «упущений цензуры» (таких доказательств требовал Николай от меншиковского комитета 27 февраля 1848 г.) доложено было царю в журнале меншиковского комитета от 29 марта 1848 г. (см. «Голос Минувшего» 1913 г., № 4), т. е. немедленно после выхода мартовской книжки «Отечественных Записок» с этой повестью Салтыкова. 2 апреля царь знакомился с журналом меншиков-

ского комитета, а около 20 апреля, как это следует из публикуемых записей, он говорил военному министру Чернышеву о том, что подчиненный последнего Салтыков (Михаил Евграфович с 1844 по 1848 г. служил в канцелярии военного министра) напечатал сочинение «без ведома начальства, в котором оказалось вредное направление и стремление к распространению революционных идей, потрясших уже всю Западную Европу». Министр, по словам Кукольника, был «взбешен», потребовал к себе издавна пользовавшегося правительственным и царским вниманием писателя Кукольника и тут же назначил следственную комиссию по делу Салтыкова. Из членов этой комиссии назван в записях лишь Набоков. Из контекста дневника явствует, что и Н. Н. Анненков, директор канцелярии министра, также был членом комиссии. Указание на образование следственной комиссии по делу Салтыкова при военном министре чрезвычайно существенно, так как до сих пор это обстоятельство не было известно.

24 апреля Кукольник доложил комиссии свое повидимому не слишком отрицательное мнение о «Противоречиях» и «Запутанном деле». Второй раз уже столь короткая литературная деятельность Салтыкова становится в центре внимания официальных учреждений!

Кстати отметим, что роль Кукольника в высылке Салтыкова теперь получает несколько иное освещение, чем то, которое дал Скабичевский в своей статье в «Новостях».

По докладу Кукольника о двух повестях Салтыкова следственная комиссия вынесла следующее решение: уволить из канцелярии и содержать под арестом на гауптвахте в течение семи дней собственно за напечатание без ведома начальства. Ни о каких революционных идеях, к распространению которых стремился Салтыков, не сказано. В том, что решение следственной комиссии именно таково, мы теперь вряд ли имеем основание сомневаться. По Скабичевскому же главным обвинителем Салтыкова был Кукольник. К этому склоняются и другие исследователи (см. например В. Семевский. «М. Е. Салтыков-петрашевец».— «Русские записки», кн. I, 1917 г., стр. 46). Сейчас можно со значительными основаниями предположить, что выдвинул обвинение Салтыкову сам царь (меншиковский комитет только приводил по его мнению наиболее предосудительные места из «Запутанного дела», не квалифицируя их), а Чернышев облек это в соответствующую форму. Роль Кукольника в высылке Салтыкова в Вятку, как видно, невелика. Это подтверждается последующими фактами. Решение комиссии— уволить из канцелярии и содержать под арестом на гауптвахте в течение семи дней за напечатание сочинения без ведома начальства — было представлено 25 апреля министру. Но Чернышев, помня слова Николая о распространении Салтыковым революционных идей, «потрясших всю Западную Европу», не согласился с этим решением и представил на утверждение царю новый приговор Салтыкову: уволить из канцелярии и выслать в Вятку на службу за напечатание без ведома начальства сочинения, в котором заметно стремление к распространению революционных идей... и т. д. Предложение Чернышева Николай утвердил 26 апреля вероятно без изменений. 26-го же Салтыков был отправлен на гауптвахту. Однако есть основания предполагать, что еще до 26-го М. Е. содержался где-либо под арестом в течение нескольких дней. Кукольник записывает, что приказ об аресте Салтыкова получен еще 21-го, а Пузыревский, в упоминавшейся неизданной статье, утверждает, что 22 апреля Салтыков уже был арестован.

Приговор был объявлен осужденному 26-го или рано утром 27 апреля, ибо уже 27-го в канцелярии военного министра было получено письмо Анненкову от Салтыкова с просьбою отлучиться с гауптвахты для свидания с родственниками и для сбора в дальнюю дорогу. Вероятно Анненков, а за ним и Чернышев дали свое согласие на удовлетворение этой просьбы. Было послано от Чернышева отношение по этому поводу графу Орлову, в ведение которого попал Салтыков по утверждению приговора царем. Но отношение это запоздало: Салтыков уже находился на пути в Вятку.

28 апреля Орлов обратился к коменданту Зальцу, чтобы тот сдал Салтыкова жандармскому капитану Рашкевичу, предписал Рашкевичу «немедленно явиться к Санктпе-

Копія.

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ.

КАНЦЕЛЯРІЯ

МИНИСТЕРСТВА.

Регистратура.

Въ С. Петербургѣ

«26» Апрѣля 1848

№ 4744.

С. Петербургскому Коменданту Г. Генералъ-Маіору и кавал. Барону Зальцу.

По порученію Г. Военнаго Министра честь имѣю препроводить при семъ къ Вашему Превосходительству служащаго въ канцеляріи Военнаго Министерства Титулярнаго Совѣтника Михаила Салтыкова для посаженія на недѣлю на гаубтвахту за нарушеніе закона, — воспрещающаго безъ вѣдома своего Начальства предавать печатанію собственныя сочиненія.

Подписалъ: Директоръ, Генералъ-Адъютантъ Анненковъ 2. Скрѣпилъ: Начальникъ Регистратуры Жарѣвскій

Вѣрно: Титул. Совѣт. Макаловъ

КОПИЯ ОТНОШЕНИЯ КАНЦЕЛЯРИИ ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА ОТ 26 АПРЕЛЯ 1848 г. ПЕТЕРБУРГСКОМУ КОМЕНДАНТУ О СОДЕРЖАНИИ М. Е. САЛТЫКОВА ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ВОЕННОГО МИНИСТРА НА ГАУПТВАХТЕ ЗА СОТРУДНИЧЕСТВО В ПЕЧАТИ БЕЗ ВЕДОМА НАЧАЛЬСТВА

Ленинградское отделение Центрархива

тербургскому коменданту... и, приняв с разрешения его содержащегося на гауптвахте титулярного советника Салтыкова, тотчас отправиться с сим последним в Вятку» (см. М. Лемке. «К биографии М. Е. Салтыкова».— «Русская Мысль» 1906 г., кн. 1). Рашкевичу был дан пакет для вятского губернатора Середы с отношением № 777, в котором сообщалось, что Салтыков по высочайшему повелению переводится на службу в Вятку и что губернатор обязывается «о направлении образа мыслей и поведения его»... доносить (Архив ИРЛИ АН СССР). В тот же день отношением № 776 уведомил Чернышева о предпринятом по высылке его бывшего подчиненного.

28 апреля в 9 часов вечера Салтыков в сопровождении Рашкевича выехал из Петербурга (см. Лемке. «К биографии»...), а 7 мая прибыл в Вятку (см. отношение вятского губернатора в инсп. департ. гражд. ведомства от 28 июня. 1848 г.; хран. в архиве ИРЛИ АН).

3 июня Салтыков был определен канцелярским чиновником в канцелярию вятского губернского правления («Проект журнала I отделения I стола от 3-го июня 1848 г.»— хран. в архиве ИРЛИ АН СССР).

Так, с опубликованием статьи Пузыревского и записей Кукольника может быть восстановлена фактическая сторона высылки М. Е. Салтыкова в Вятку.

Приводим текст документов:

ЗА ЧТО И КАК БЫЛ ВЫСЛАН В ВЯТКУ М. Е. САЛТЫКОВ

(В ответ на статью г. Скабичевского в «Новостях»)

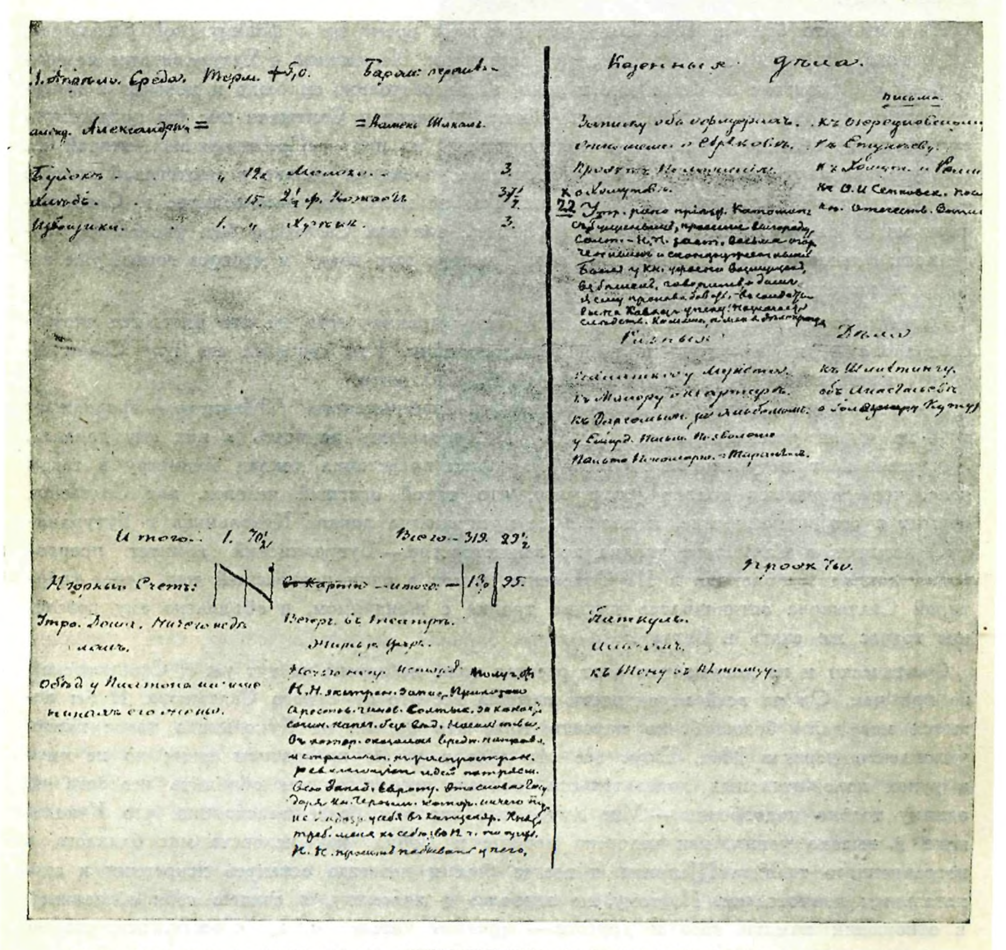
Читая с напряженным вниманием все, что пишется теперь о знаменитом нашем сатирике-юмористе М. Е. Салтыкове, недавнюю утрату которого все мы оплакиваем,— я прочел также в № 116 «Новостей» некролог его и несколько воспоминаний о нем г. Скабичевского.

Несмотря на то, что живой и теплый этот рассказ очевидно основан на сведениях, полученных почтенным автором из ближайшего к покойному источника, быть может даже лично от него самого, мне как бывшему сослуживцу Салтыкова по канцелярии военного министерства в 1848 г., жившему кроме того в доме Н. В. Кукольника, не могло не броситься в глаза то место рассказа, где говорится о причинах ссылки С[алтыкова] в Вятку и о характере участия Кукольника в этом прискорбном деле,— настолько все это не сходится с действительными фактами, известными мне как наочному и довольно близкому свидетелю всего происходившего. Для большей ясности приведу подлинный рассказ г. Скабичевского об обстоятельствах, предшествовавших делу Салтыкова, и с чего оно началось.

«Впродолжение 1848 г.,— говорит автор,— под впечатлением французской революции, обратившейся в общеевропейскую, обнаружился решительный поворот в наших внутренних делах в сторону крайней реакции. Возникло дело Петрашевского, был учрежден Бутурлинский комитет как высшее цензурное ведомство, наблюдавшее не только над общественною прессою, но и над казенною и имевшее право делать замечания и выговоры от высочайшего имени даже министрам. И надо было случиться, чтобы одним из первых распоряжений Бутурлинского комитета было строгое замечание, данное военному министру, гр. [кн.] Чернышеву, за цензурные неисправности в «Русском Инвалиде», находившемся под редакцией бар. Корфа. Это вооружило гр. [кн.] Чернышева против литераторов [1], и, как нарочно, в то время, как Чернышев находился еще под впечатлением полученного им замечания, явился к нему Салтыков как подчиненный проситься в отпуск. Дело было под Рождество, и Салтыков намеревался провести праздники на свободе, вероятно у родных. Упустивши совершенно из виду, что чиновник его занимается литературою, Чернышев тут только вспомнил об этом. «Вы, кажется, в журналах пишете?» спросил он Салтыкова. На утвердительный ответ последнего Чернышев потребовал, чтобы он представил ему свои сочинения. «Тогда мы и посмот-

рим, можно ли вас отпускать», прибавил он к этому. Салтыков представил министру свои два рассказа, напечатанные в «Отечественных Записках».

Всем конечно известно, что по общему для всех ведомств (чуть ли не на всем земном шаре) закону никто из служащих, в какой бы должности и чине он ни состоял, не имеет права обращаться лично и непосредственно, по каким бы то ни было делам, к высшему начальству, помимо своего ближайшего начальника. Если такому порядку безусловно подчинялись у нас такие лица, как состоявшие в то время при канцелярии в Воен. Мин. флигель-адъютанты, светлейшие князья Паскевич и Воронцов и гр. Ад-

СТРАНИЦА ИЗ ДНЕВНИКА Н. КУКОЛЬНИКА С ЗАПИСЬЮ ОТ 22 АПРЕЛЯ 1848 г. О ДЕЛЕ М. Е. САЛТЫКОВА

Институт Русской Литературы, Ленинград

лерберг и даже чиновники особых поручений при военном министре, как например Бутков, Суковкин, Кукольник и др., должны были сноситься с ним не иначе, как чрез посредство директора канцелярии, то само собою разумеется, что такой мелкий чиновник, как помощник секретаря (т. е. столоначальника) [2], никоим образом не мог явиться лично к Министру с просьбою об отпуске... Такой строгий, скажу — ревнивый блюститель служебного порядка и дисциплины, как кн. Чернышев, который за незастегнутую пуговицу или за цветной галстук сажал под арест случайно попадавшихся ему в канцелярии чиновников, не стал бы и разговаривать с Салтыковым, оборвал бы его на первом же слове и отправил бы под арест за нарушение порядка служ-

бы. Поступив в Канц. Воен. Мин. в половине 1846 г. и прослужив в ней 18 лет, я достаточно хорошо помню и знаю существовавшие в ней порядки и ни на минуту не сомневаюсь, что дело кончилось бы именно таким образом.

Отсюда, мне кажется, достаточно видно, что Салтыков лично являться к кн. Чернышеву и просить его об отпуске не мог; следовательно и никакого, подобно приведенному, разговора между ними быть не могло. Но г. Скабичевский рассказывает еще, что Салтыков, по требованию министра, представил ему свои два рассказа, и что все это происходило под Рождество, не указывая однако, в каком именно году.

Не могло это быть в 1847 году, так как в то время ни о французской революции, ни о деле Петрашевского, ни о неприятностях кн. Чернышева с Бутурлинским комитетом, ни о Салтыкове не было еще и речи, а следовательно не было и поводов к вышеприведенному разговору его с Военн. Мин.; да наконец Салтыков мог бы представить ему тогда не оба свои рассказа, а только первый из них — «Противоречия», второй же, «Запутанное дело», за который он и пострадал, появился только в мартовской книжке «Отечеств[енных] Записок» за 1848 год. Тем не менее все рассказанное г. Скабичевским могло случиться под Рождество 1848 г., так как Салтыков был уволен из канцелярии Военного Министерства еще в мае месяце того года[3] и месяцев восемь уже находился на службе в Вятке[4].

Словом, весь предыдущий рассказ, по моему мнению, есть не что иное, как чистейший апокриф, не имеющий и тени правдоподобия. Кто сообщил его г-ну Скабичевскому, неизвестно, но уж наверное не М. Е. Салтыков.

Но вернемся к дальнейшему рассказу г. Скабичевского. «Министр,— продолжает он,— не читая рассказов сам, поручил Н. Кукольнику написать о них ему доклад... Заклятый враг натуральной школы, Кукольник представил доклад министру в таком роде, что Чернышев только ужаснулся, что такой опасный человек, как Салтыков, служит в его министерстве, и тотчас же препроводил доклад Кукольника в Бутурлинский комитет, а Салтыкова уволил из министерства.— Бутурлинский комитет препроводил доклад Кукольника в III Отделение, и вот в один прекрасный день перед квартирой Салтыкова остановилась ямская тройка с жандармом, и объявлено ему повеление тотчас же ехать в Вятку».

Фактически и по документам этот рассказ тоже не верен; но тут уж г. Скабичевский не при чем. Он по всей вероятности слышал все это от самого Салтыкова. Я бы кажется мог даже безошибочно назвать того, кто бросил на Кукольника такое пятно, умышленно передав Мих. Евгр. все это дело в таком превратном виде; но не имея в руках положительных доказательств, считаю недостаточным обвинить человека по одному только подозрению.— Мне лично все это тем более прискорбно, что Кукольника я высоко ценил, как человека вообще и любил, как человека мне близкого, а несравненного таланта Щедрина я всегда был и навсегда останусь искренним и сознательным почитателем. Поэтому, не вдаваясь в полемику, я считаю себя обязанным, в отношении памяти того и другого,— передать читателям, по совести, все, что по этому делу я слышал, видел и имел возможность проверить по документам.

Часу в третьем ночи на 22 апреля, возвращаясь домой с именин, я съехался у подъезда с фельдъегерем, который привез Кукольнику пакет от Директора Канц. Воен. Мин. с надписью «о весьма нужном». Приняв этот пакет и не обратив внимания на надпись, так как с подобными надписями получались пакеты почти ежедневно, я положил пакет на письменный стол Кукольника, который еще не возвращался домой.— На другой день (22-го) рано, часу в 9-м приехали к Н. В. Начальник II отд. Канц. Воен. Мин. А. А. Котомин и чиновник III отд. канц. Гущин, прошли с озабоченным видом в кабинет; через полчаса вышли опять в залу, пока Кукольник одевался. Кукольник, во фраке и с портфелью, тотчас уехал, приказав сказать жене, что едет в канцелярию, а немного спустя отправились и эти господа.

Придя на службу, я застал всю канцелярию в смущении, и мне под секретом передали, что Салтыков, по приказанию Военного Министра, арестован по какому-то поли-

М. Е. САЛТЫКОВ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ССЫЛКУ В СОПРОВОЖДЕНИИ ФЕЛЬДЪЕГЕРЯ
Рисунок Оскара Клевера, 1932 г.
Собрание художника, Ленинград

тическому делу «кажется, сегодня ночью». Кукольника я видел мельком, когда он проходил в кабинет Министра и обратно.

К обеду мы его не дождались; вернулся он домой в шесть усталый, озабоченный, на нем лица не было.— На тревожные вопросы жены, что с ним случилось, зачем приезжали утром чиновники канцелярии,— отделывался нехотя какими-то полуответами и только за ужином, когда мы и приехавший вечером чиновник Гущин опять пристали к нему с новыми вопросами и вывели из терпения, он закричал:

— Ах, боже мой, вот надоели! Ну, говорю же вам, что со мной ничего не случилось, случилось несчастие с ним, чиновником — юным Салтыковым. Пока я знаю об этом деле почти столько же, сколько и он,— указывая на Гущина. Пока — скверно... разжалуют, чего доброго, в солдаты. Хуже всего то, что князь [Чернышев] тут задет: сам царь ему указал на Салтыкова... Да вы, господа, смотрите, никому ни слова, не то мне повредите, и дело можно окончательно испортить... дело секретное, да и рассказывать еще пока нечего: вот начнется следствие, тогда посмотрим, что бог даст.

На том и покончили на этот раз.

Когда на другой день, после обеда, я, провожая, по обыкновению, Н. В. в кабинет, где он отдыхал после обеда, рассказал ему, что в канцелярии все говорят, что С[алтыков] будет разжалован и сослан на Кавказ, он с досадой перебил меня: «Ну, да, рады, что есть о чем говорить... да ты бога ради подальше от этих разговоров... Нет, право, лучше не ходи эти дни в канцелярию, я завтра скажу Андреевскому [5], что ты нездоров; я, серьезно, больше всего боюсь твоей неосторожности. Не сердись,— не тебя я боюсь, а твоей неосторожности... знаешь, одно какое-нибудь неосторожное слово может повредить д я д е перед начальством, и тогда все пропало. У меня в канцелярии много врагов и завистников... Вот тот, что вчера утром приезжал сюда с Гущиным, рад бы

меня в ложке воды утопить. Ты думаешь, ему так ужасно жаль Салтыкова? дудки! он — его начальник отделения, и больше за себя боится».

Я просидел два дня таким образом под домашним арестом и когда явился на службу — все бросились ко мне с расспросами: «Где сидит Салтыков; правда ли, что наряжено следствие; что говорит Кукольник?» и т. п. Я, по инструкции Кукольника, на все эти вопросы отвечал: «Ничего не знаю; Кукольник ничего не рассказывает». Была тут и доля правды: я и тогда и до сих пор не знаю, где в первые дни содержался под арестом Салтыков, точно так же, как не знаю, где заседала комиссия и кто были, кроме коменданта крепости Набо[ко]ва, ее члены. Кукольник эти дни был так озабочен, как и в начале, и о деле — ни слова. Видел я его только за обедом; по утрам, часов в 11—12, уезжал, возвращаясь к 4-м; но вечерам тоже уезжал, но не надолго. Возвратившись часов в 10—11, если заставал кого-нибудь у себя, садились за преферанс; только при этом Н. В. не шутил, не смешил своих партнеров, как это бывало обыкновенно.

Но вот, на пятый кажется день, собираясь на службу, слышу — Н. В. в кабинете весело разговаривает с женою.— Вхожу.

— А знаете,— встречает меня жена,— дядя говорит, что Салтыкова не разжалуют в солдаты. Как я ряда, как я рада!

— Ну подожди еще,— перебил ее Н. В.,— это мы так думаем; что еще скажет князь? Сегодня будет доклад, и все зависит от того, как он его примет. Но дело всетаки приняло благоприятный оборот, спасибо Набокову. Если уязвленное самолюбие князя немного улеглось, то царь не страшен. Царь всегда добр и великодушен. Помнишь,— прибавил он, обращаясь к жене,— семь лет тому назад, как я провинился перед ним, и за меня никто не просил, и Бенкендорф от меня отступился... Я думал — в Сибирь упрячут, а царь простил. А ты что же,— обратился он ко мне,— не идешь на службу? Мне тоже время собираться. Да не забудь уговор» [6].

К обеду того же дня Кукольник приехал поздно, расстроенный, смущенный... Обед прошел в молчании. Жена и я пошли за ним в кабинет. На вопрос, что слышно о деле: «Да, досталось всем нам сегодня! И слышать не хочет о смягчении наказания. С заключением комиссии не согласен: «Оставьте здесь доклад, говорит, завтра я сам доложу дело его величеству!» Странно однако, что одну часть заключения комиссии тут же велел привести в исполнение: «Салтыкова из канцелярии уволить и посадить на неделю на гауптвахту». Каков будет конец, господь знает».

На другой день, вернувшись опять позже обыкновенного к обеду: «Да,— сказал Кукольник,— я думал, дело все-таки как-нибудь да обойдется, но ошибся: Салтыков по Высочайшему повелению переводится на службу в Вятку, под надзор губернатора. Но все ж таки не в солдаты», прибавил он как бы в утешение.

Спустя несколько дней, является к нам вечером Гущин и другой чиновник канц.— Снессарев, и прямо к Н. В. с вопросом: «Слыхали вы,— говорят,— Салтыкова уже увезли в Вятку?» — «Да, мне говорил сегодня Ник[олай] Никол[аевич]» [7].— «Как же это так вдруг?» спрашивают те. «Вот, подите,— жандармы поусердствовали. И кто их просил об этом! Ник[олай] Ник[олаевич] хотел еще, по просьбе Салтыкова, испросить ему разрешение на свидание с родными... Вчера пошла об этом бумага к гр. Орлову» [8].

Спустя два месяца, или немного более (это было уже на даче) Канцеляр. Воен. Мин. спрашивала Кукольника, как, по его мнению, следует сделать отметки в формуляре Салтыкова при отправке этого формуляра к вятскому губернатору? На это Кукольник ответил, что, по его мнению, в IX графе следует отметить, что Салтыков во время службы в Канц. Воен. Мин. в штрафах и под судом не был, а в X графе — способным и достойным; но что об этом лучше спросить когонибудь, более чем он сведующего в инспекторской части. Так как дело было на даче и казенного писаря тут не случилось, то справку эту, с черновой Кукольника, переписывал частный писарь под мою диктовку.

Спустя много лет, когда, после смерти Кукольника, мне достались все его бумаги, в числе которых были и его записные книжки, я в одной из них под 1848 годом нашел краткие записи карандашом по делу Салтыкова; записи эти я рассчитывал внести в его дневник, редакциею которого для печати я давно уже занимаюсь, но в виду рассказа г. Скабичевского не лишним считаю поместить их теперь же, в виде дополнения к этой статье, с теми же сокращениями слов, какие находятся в подлинных записях.

[Далее в рукописи Пузыревского приводится дневник Кукольника с теми расхождениями с подлинником, которые отмечены в публикации. Мы воспроизводим текст дневника по подлиннику].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Напротив: в это время чиновником особых поручений при нем был Кукольник, в канцелярии служил известный польский писатель полковник Генерального штаба Штюрмер и редактор «Библиотеки для чтения» Дружинин; а в провиантском ведомстве—А. Н. Струговщиков и поэт Минаев, и кн. Чернышев даже хвалился этим.— *И. П.*

[2] До преобразования Канц. Воен. Мин., т. е. до 1865 г., Секретарями назывались Столоначальники.— *И. П.*

[3] Приказ по Канц. Воен. Мин. 26 мая 1848 г., № 17.— *И. П.*

[4] Официальная переписка между Воен. Мин., Шеф. жанд., Мин. вн. дел и Вятским губернатором.— *И. П.*

[5] Начальник регистратуры.— *И. П.*

[6] По наведенной справке это было утром 25 апреля.—*И. П.*

[7] Анненков. Директор Канц. Воен. Мин.— *И. П.*

[8] 29 апреля, за № 1313.—*И. П.*

ИЗ ДНЕВНИКА Н. В. КУКОЛЬНИКА

Март — апрель 1848 года.

21-го апреля. Среда.

Ночью. Непр[иятная] история. Получ[ил] от Н. Н.[1] экстрен[ную] запис[ку]. Приказано арестов[ать] чинов[ника] Салтык[ова] за какое-то сочин[ение], напеч[атанное] без вед[ома] начальства, в котор[ом] оказалось вредн[ое] направл[ение] и стремлен[ие] к распространен[ию] революцион[ных] идей, потрясш[их] всю Запад[ную] Европу. Это слова государя кн[язю] Черныш[еву] [2], который ничего подобного не подозр[евал] у себя в канцелярии. Князь треб[ует] к себе з[айти] в 12 часов; но прежд[е] Н. Н. просит побывать у него.

Его Высокородию
Илье Евграфовичу
Салтыкову

КОНВЕРТ ПИСЬМА М. Е. САЛТЫКОВА К БРАТУ
Институт Русской Литературы, Ленинград

22 апреля. Четв[ерг].

Утром рано приезж[ал] Котомин с Гущиным[3] просили выгородить Салт[ыкова]. Н. Н. застал весьма огорченным и сконфуженным. Был у кн[язя], ужасно возмущен, взбешен; говорит, дам я ему проповедывать, в солдаты да на Кавказ упеку. Назначает следств[енную] комис[сию], а меня делопроизв[одителем].

К О. И. Сенковск[ому][4] послал за март[овской] кн[ижкой] «Отечеств[енных] запис[ок]»[5].

По д[елу] Салтыкова.

Получ[ил] от Сенковск[ого] «От[ечественные] зап[иски]» с «Запут[анным] дел[ом]», нужно еще [получить № 11 этого журнала] за прошлый год, с «Противоречиями»[6].

23 апреля. Пятница.

К а з е н [н ы е д е л а.]

«Запутанное дело».

Прочел «З[апутанное] д[ело]»; тоже и «Противоречия» просмотрел; в этой ровно ничего. А в «Запут[анном] деле» заметно некоторое увлечен[ие] коммунистичес[кими] и западн[ыми] революцион[ными] идеями. Но тоже нивесть как страшно. С летами взгляд мож[ет] отрезвиться. Но виден несомнен[ный] талант.

Д е л о С а л т ы к о в а.

Был у Набок[ова][7] в креп[ости] и у всех членов комиссии следственной, кого насколько можно было старался расположить к снисходительности: н е о п ы т н о с т ь, у в л е ч е н и е м о л о д о с т и. Набок[ов] не прочь. Другие члены смотр[ят] на дело по-военному: «Начальство требует». Тут надо осторожно, не спеша.

24 апреля. Суббота.

К а з е н [н ы е д е л а].

«Противоречия» пов[есть] Салтыкова. Содерж[ание] долож[ил] комис[сии]. Из «Зап[утанного] д[ела]» читал выдержки. Склоняются к снисхождению по м о л о д о с [т и] л е т и увлеч[ению] п о н е о п ы т н [о с т и]. Положено: Представить министру об увольн[ении] из канц[елярии] и об ограничен[ии] наказания семидневным арест[ом] на гауптвахте собствен[но] за напечат[ание] сочинения без вед[ома] начальства, в нарушение высоч[айшего] повеления т[акого] т[о] года.

Спасибо добряку Набокову, повернули дело: не за что тут, говорит, губить молод[ого] человека солдатчиной. У Н. Н. тоже золотое сердце: надеется умилостив[ить] князя. Царь не так страшен. Он добр и великодушен; это я испытал на себе, когда имел несчастье оскорбить его в 41 году. З а б ы л в с е, и теперь опять милостив ко мне. А моя вина была хуже Салтыковской[8]. Завтра доклад министру.

25 апреля. Воскресенье.

К а н ц е л я р и я.

Князь Черн[ышев] неумолим... Разгнев[ан] на следств[енную] комис[сию]. С заключением ее не согласен; не допускает снисхождения. В солдаты, однако, не разжалуют, но доложит сегодня государю об увольнении из канцелярии и о высылке на службу в Вятку. Мне приказал заготовить в этом смысле бумагу в форме письма шефу жандармов графу Орлову[9].

К а з е н [н ы е д е л а.]

Проект приказа письма к Орлову о Салтыкове исполнено.

Еще: от дир[екто]ра канцелярии по приказ[анию] воен[ного] мин[истра] отнош[ение] С.-Петерб[ургскому] Коменд[анту][10] с препровожд[ением] Салтык[ова] для посажения на неделю на гауптвахту за нарушен[ие] закона, воспрещающ[его] предавать печати собствен[ные] сочин[ения] без ведома начальства.

27 апреля.

К а з е н н ы е д е л а.

Получено письмо Салтык[ова] к д[иректо]ру канц[елярии] с просьбой разрешить ему на честн[ое] слово отлуч[иться] с гауптвахты для свидания с родственник[ами] и для снаряжения в предстоящий ему путь в Вятку. Приказ[ано] завтра доложить кн[язю] Черн[ышеву] через директора канцелярии.

28 апреля. Среда.

Приказано тотч[ас] заготов[ить] от кн[язя] отнош[ение] гр[афу] Орлову по содержанию вчераш[него] письма Салтык[ова].

Исполнено и отосл[ано] Н. Н. с Волковым.

29 апреля. Четверг.

Ночью. Вот те раз. Гр[аф] Орлов увед[омил] князя от сегодн[яшнего] числа [11], что он отнесся к коменданту [12], дабы тот приказал сдать Салт[ыкова] жандармс[кому] шт[абс]-капитану Рашкевичу, которому предписано [13] сопровожд[ать] Салтыкова до Вятки и представить губернатору [14]. Кто же его просил об этом? Мы вчера сообщ[или] ему просьбу Салт[ыкова] о разрешении ему свид[ания] с родст[венниками] и для сборки в дорогу и *только*.

30 апр[еля]. Пятница.

Салт[ыков] выслан до получения третьегодняшнего отношения князя по поводу просьбы Салт[ыкова] о разр[ешении] ему отлуч[ения] с гауптв[ахты] на честное слово. И к чему была такая поспешность? А там хотели посоветов[ать] Салтыкову обратиться с письмами к Черныш[еву] и госуд[арю] и просить о дозв[олении] ему поселиться при родителях в деревне [15].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Николай Николаевич Анненков, ген.-адъют., директор канцелярии военного министра с 1842 г.

[2] Чернышев, Александр Иванович — военный министр с 1832 по 1852 г.

[3] Котомин, Алексей Антонович — начальник II отделения канцелярии военного министра. По мнению Кукольника (мнение это передает Пузыревский в статье «За что и как был выслан в Вятку М. Е. Салтыков») приходил просить о Салтыкове потому, что боялся за себя как за непосредственного начальника Михаила Евграфовича.

Гущин — чиновник III отделения канцелярии военного министра, вероятно один из друзей Салтыкова по службе. За время следствия несколько раз приходил к Кукольнику.

[4] Сенковский, Осип Иванович (1800—1858) — литературный критик, журналист и беллетрист. Писал под псевдонимом барон Брамбеус. Боролся с передовой критикой, в частности с Белинским.

[5] Повесть Салтыкова «Запутанное дело» была напечатана в мартовской книжке «Отечественных Записок» за 1848 г.

[6] «Противоречия» — первая повесть Салтыкова. Напечатана в ноябрьской книжке «Отечественных Записок» за 1847 г.

[7] Набоков, Иван Александрович (1787—1852) — ген.-адъют., комендант Петропавловской крепости.

[8] Рассказом «Сержант Иванов или все за одно», напечатанным в I сборнике «Сказка за сказкой» в 1841 г., Кукольник не совсем угодил Николаю. «Гофдраматург» разумеется ничего революционного не пытался дать и в этом рассказе. Исправность, покорность, рабская преданность «закону» и т. д. — те качества, которые воспеваются Кукольником, здесь однакож оказались принадлежностью людей крепостных. И, наоборот: дворянский недоросль Ландышев показан совершенно неспособным нести царскую службу. 6 января 1842 г. начальник III отделения царской канцелярии писал Кукольнику:

«Исторический рассказ «Сержант Иванов или все за одно» обратил на себя внимание публики желанием вашим выказать дурную сторону русского дворянина и хорошую — его дворового человека. Государь император удивляется, как может человек столь просвещенный и обладающий таким хорошим пером, как вы, милостивый государь, убивать время на занятия, вас недостойные, и на составление статей до такой степени ничтожных... Желание ваше беспрерывно выказывать добродетель податного сословия и пороки высшего класса людей не может иметь хороших последствий, а потому не благоугодно ли вам будет на будущее время воздержаться от печатания статей, противных духу времени и правительства...»

Царь скоро действительно «забыл все», ибо уже через три недели тот же Бенкендорф извещал Кукольника: «в мыслях его величества не осталось против вас ни малейшего гнева»... (см. М. Лемке. «Николаевские жандармы», стр. 133—134).

В этом месте дневника Кукольник имеет в виду по всей вероятности именно этот случай.

[9] «Бумага в форме письма» от Чернышева Орлову опубликована М. Лемке в журнале «Русская Мысль» 1901, за январь.

[10] С.-петербургским комендантом в то время был ген.-майор барон Зальц.

[11] Кукольник неверно указывал дату отношения Орлова Чернышеву за № 776 (этот номер указан Пузыревским). Отношение Орлова к вятскому губернатору Середе

№ 777 датировано 28 апреля (документ хранится в архиве ИРЛИ АН СССР). Отношение № 776 не могло быть более поздним, чем отношение № 777. Отношение № 776 по своему характеру может быть датировано только днем сдачи Рашкевичу Салтыкова для сопровождения в Вятку, т. е. 28 апреля, а не 29-го, как говорит Кукольник.

[12] Зальцу.

[13] Предписание Орлова штабс-капитану Рашкевичу опубликовано М. Лемке в журнале «Русская Мысль», 1904 г., январь.

[14] Середе.

[15] Расхождение копии Пузыревского с оригиналом заметно. По Пузыревскому кукольниковские записи последних двух дней апреля выглядят так:

«29 апреля. Ночью. Вот те раз. Граф Орлов уведомил князя от сегодняшнего числа за № 776, что он отнесся к коменданту, дабы тот приказал сдать Салтыкова жендармскому штабс-капитану Рашкевичу, которому предписано сопровождать Салтыкова до Вятки и представить губернатору Середе. Кто ж их просил об этом? Мы вчера сообщили ему просьбу Салтыкова о разрешении ему свидания с родными и проч. и только».

30 апреля. Шеф жандармов за № 803 извещает князя Чернышева, что Салтыков выслан в Вятку еще до получения им отношения князя за № 1313 о разрешении ему свидания с родными. И к чему такая поспешность? Писали же им, что он отправлен на гауптвахту на семь дней; ну и пусть бы сидел, а там родные могли бы, пожалуй, посоветовать просить письмом государя о дозволении поселиться у родителей в деревне».

Обращают внимание на себя дополнительные сведения копии — номера отношений. Вероятно Пузыревский мог документально установить их. В архиве ИРЛИ хранится тетрадка Пузыревского с надписью на обложке «справки», где между прочими сведениями имеются и те, которые им внесены в дневник Кукольника. Менее вероятно, что сам Кукольник сообщил эти сведения Пузыревскому. Прочие расхождения объясняются повидимому тем, что запись от 30 апреля Кукольник сделал карандашом и крайне неразборчиво. Пузыревский прибег здесь к свободному пересказу мыслей.

ИЗ ФОЛЬКЛОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ЩЕДРИНА

Сообщение Ю. Соколова

Среди элементов, образующих стиль щедринской сатиры, значительное место занимает фольклор. Использование пословиц, поговорок, насмешливых слов народной речи, усвоенных частью непосредственно, частью же через те или иные литературные источники, сопровождает творчество Щедрина на всем его протяжении — от «Губернских очерков» до «Пошехонской старины». Характер и методы использования Щедриным фольклорного материала крайне своеобразны и сложны. В ряду вопросов, относящихся к этой важной проблеме изучения стиля Щедрина, наибольший быть может интерес представляет изучение взглядов Щедрина на пословицы и поговорки как на своеобразные конденсаты обывательской, «уличной» философии. Этот взгляд определил сатирическое использование враждебных по своему социальному содержанию изречений народной мудрости в целях разоблачения тех черт национального характера, которые были неприемлемы для Щедрина (см. например в «Истории одного города» главу «О корени происхождения»). Следует указать, что вопрос о фольклоре как стилеобразующем элементе сатиры Щедрина до сих пор не поставлен в научной литературе. Мало того: до сих пор не собран и не систематизирован самый фактический материал, подлежащий исследованию. С этой точки зрения бесспорный интерес представляет публикуемый нами листок с записями русских пословиц и поговорок, сделанный рукою Салтыкова-Щедрина. По свидетельству Е. Кислицыной, сообщившей редакции «Литературного Наследства» этот документ, автограф представляет собою рукопись, по внешнему своему виду (бумага и почерк) относящуюся к 50-м годам. Лист сохранился в архиве М. М. Стасюлевича, хранящемся в ИРЛИ Академии Наук. Всех пословиц и поговорок 52. Большинство их, именно 47, приведено в алфавитном порядке, одна вставлена не на свою букву, а 4 приписаны вне алфавита в конце рукописи. Приводим полностью текст документа, оговаривая в квадратных скобках вычерки и пометки, сделанные в рукописи самим Салтыковым.

Ах, да рукою мах, а на том реки не переехать.
Ах, ты, бабушка-старушка, напиталась твоя душка — пора умирать!
Баба подходит, всем толку пособит.
Без тебя, как без рук: и плюнуть не на что.
Богослов да не однослов.
Болит бок девятый год, да не знаю в котором месте.
Борода глазам замена: кто бы плюнул в глаза, плюнет в бороду [зачеркнуто чернил.].
Была бы спина, а то будет вина.
Было время: выпьешь, сколько подымешь, а нынче, сколько глазом окинешь [зачеркн. чернил.].
Беда не дуда — станешь дуть, слезы идут.
Бедняк что муха — где забор там и двор; где щель там постель [зачеркн. чернил.].
Взял боженьку за ноженьку, да и об пол [зачеркн. каранд., сбоку крестик].
Возвысил бог куликов род [зачеркн. чернил.].
Вот нос — для двух рос, а одному достался.
Все бы тебе даром да шаром: даром-то и чирей не сядет, а все прежде почешется.

Где бес не сможет, туда бабу пошлет.
Генеральской курицы племянник [зачеркн. каранд.].
Давали убогому холст, а он говорит: толст; так сказали: поищи потоне.
Дожидайся Юрьева дня: пока рак свистнет.
Дурак спит, а счастье у него в головах лежит.
Еремея потчуют умея: взяв за ворот да взашеи [зачеркн. каранд.].
Есть умок сладенько съесть, да рыльце коротко [зачеркн. чернил.].
Женился, как на льду обломился.
Женина только и тягла: пошла да спать легла.
Живем богато — со двора покато; чего ни хватись, за всем в люди покатись [зачеркн. чернил.].
Жил семь лет, выжил семь реп, да и тех нет [зачеркн. чернил., сбоку крестик].
Зовут, зовут да покличут, а потом и в нос потычут [зачеркн. каранд.].
Издали ни то ни се, а что ближе, то гаже [зачеркн. чернил.].
И комар лошадь повалит, когда медведь пособит [зачеркн. каранд., сбоку крестик].
Лгать не мякина—не подавишься.
Лежи в грязи, а не брызжи.
Люби, не люби, а почаще взглядывай.
Мне бы денежек с рубь, да бумажек с пуд, да золотца что-нибудь [зачеркн. чернил. сбоку крестик].
Народу! Народу! точно людей!
Не плачь, козявка! только сок выжму!
Овец нестало, и на коз честь напала.
Пили, ели, кудрявчиком звали, а напились, наелись — прощай, шелудяк [сбоку крестик].
Раздайся, грязь! навоз ползет! [зачеркн. каранд.].
Рот нараспашку, язык на плечо!
Свекровь снохе говорила: невестушка! полно молоть, отдохни — потолки!
Сколько мужика ни вари — все сыростью пахнет [зачеркн. чернил.].
Слава Богу! пожили на свете, посрамили людей, пора и честь знать.
Сошлись: отец — перец да мать — горчица.
У них всякого нета запасено с лета.
Хлеб брюха не проест.
Человек он умный: на пусто не плюнет, а все в горшок да в чашку.
Что за оплеуха, коли не достала уха.
Или рыбку съесть или на мель сесть [сбоку крестик].
Лучше маленькая рыбка, чем большой таракан.
Все купишь, только отца с матерью не купишь.
Глаза не сыты.

Е. Г. Кислицына, сообщившая рукопись, высказала предположение, что она представляет собою список лично Салтыковым собранных и приведенных в алфавитный порядок пословиц. Но именно этот алфавитный порядок заставил меня сразу предположить, что мы имеем дело по всей вероятности лишь с выписками из какого-либо печатного научного сборника, в котором пословицы печатались по алфавиту. Как известно, знаменитый сборник «Пословиц русского народа» В. И. Даля, во-первых, вышел в 1861 г., а во-вторых, содержит пословицы не в алфавитном расположении, а по тематическим рубрикам. Но все-таки я пытался сверить список Салтыкова-Щедрина с далевским сборником и обнаружил всего лишь совпадение в четырех случаях. Таким образом крупный научный пословичный свод эпохи Салтыкова-Щедрина приходится отвести.

Больше шансов увенчаться успехом, казалось бы, имела попытка обратиться к другому большому сборнику, именно к изданным еще в 1848 г. «Русским народным пословицам и притчам» И. Снегирева, напечатанным в алфавитном порядке. Но ни в этом сборнике, ни в опубликованном через 9 лет (1857 г.) дополнении к нему («Новый сборник пословиц и притчей, служащий дополнением к собранию русских народных пословиц и

притчей, изданных в 1848 г. И. Снегиревым») за исключением одной пословицы почти никаких соответствий не нашлось. Однако просматривая алфавитный сборник пословиц, приложенный к статье Ф. И. Буслаева «Русские пословицы и поговорки» («Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издавемый Николаем Калачевым». Книга вторая, половина вторая. Москва, 1854), мне удалось с несомненностью установить, что все 47 пословиц, алфавитно расположенных в списке Салтыкова-Щедрина, выписаны им из буслаевского сборника. Выписаны они совершенно точно за исключением двух случаев [1], четыре же пословицы, находящиеся в списке Салтыкова-Щедрина вне алфавита, соответствия в сборнике Буслаева не имеют и повидимому вписаны Салтыковым просто по памяти.

То обстоятельство, что Салтыков-Щедрин выписал громадное большинство пословиц из печатной научной книги и таким образом оказался не собирателем-фольклористом, а лишь внимательным читателем научной литературы, нисколько не умаляет, как мы сейчас увидим, большого значения составленного им списка. Просматривая его, мы легко можем установить неслучайность этих выписок.

Составленный им список ярко отражает художественные вкусы, психологические склонности и мировоззренческие особенности великого сатирика.

Произведенный Салтыковым-Щедриным подбор пословиц и поговорок до поразительности соответствует общему стилю его собственных художественных произведений. Это тот поэтический материал, который с определенной художественной целью извлечен знаменитым писателем из богатейших запасов устного творчества.

Тематическое содержание выписанных Салтыковым-Щедриным пословиц отвечает излюбленной тематике его литературных произведений. Тут и тема о мужике и его сопоставление с привилегированными «культурными» слоями общества: «Сколько мужика ни вари — все сыростью пахнет», тут и проблема бедности, нищеты, убожества: «Бедняк, что муха: где забор, там и двор, где щель, там постель», «Живем богато — со двора покато; чего ни хватись, за всем в люди покатись», «Жил семь лет, выжил семь реп, да и тех нет», «Давали убогому холст, а он говорит: толст; так сказали: поищи потоне» (смысл тот, что бедняк принужден довольствоваться тем, что дают), «Хлеб брюха не проест»; тут и тема безропотности масс, терпения, примирения со своим жалким положением: «Лежи в грязи, да не брызжи». Еще ярче выражена столь часто разрабатывавшаяся Салтыковым тема эксплоатации, насилия, произвола, эгоизма, неблагодарности: «Не плачь, козявка! только сок выжму!», «Была бы спина, а то будет вина», «У них всякого нета запасено с лета», «Зовут, зовут, покличут, а потом и в нос потычут», «Еремея потчуют умея; взяв за ворот, да взашею», «Пили, ели, кудрявчиком звали, а напились, наелись — прощай, шелудяк», «Все бы тебе даром да даром: даром-то и чирей не сядет, а все прежде почешется».

Немало пословиц, рисующих грубые семейные и общественные отношения, столь часто освещавшиеся сатириком дореформенной русской жизни: «Ах, ты, бабушка-старушка, напиталась твоя душка — пора умирать», «Свекровь снохе говорила: невестушка! полно молоть, отдохни — потолки», «Сошлись: отец перец, да мать — горчица», «Женился, как на льду обломился». Есть пословицы специально для характеристики грубых феодальных взглядов на женщину: «Где бес не сможет, туда бабу пошлет», «Женина только и тягла: поела да спать легла».

В пословицах писатель искал и находил смелые зарисовки жестоких нравов — самодурства, озорства, драк: «Человек он умный: на пусто не плюет, а все в горшок, да в чашку», «Борода глазам замена: кто бы плюнул в глаза, плюнет в бороду», «Что за оплеуха, коли не достала уха». Выразительна пословица, рисующая русскую безудержность и удаль в пьянстве: «Было время, выпьешь, сколько подымешь, а нынче — сколько глазом окинешь». Есть пословицы, дающие материал для зарисовки человеческих уродств: «Вот нос—для двух рос, а одному достался». Салтыкова повидимому привлекала пластическая образность пословиц в описании человека, например изумительное по яркости изображение болтуна-оратора: «Рот нараспашку, язык на плечо».

Но пословицы не только своей тематикой и изобразительной четкостью привлекали внимание писателя. Во многих из них он находил применение тех же художественных

«приемов», что он с наибольшей охотой применял в собственной поэтической практике. Ирония, сарказм, юмор, карикатура, гротеск, шарж характерны для литературной манеры Щедрина. Любопытно, что и из отобранных им пословиц многие составлены на тех же основах.

Преобладающий конструктивный принцип в пословицах Щедрина — ирония в различных ее формах. Для пословичного жанра характерна двучленность изречения, причем в первой части его ирония дается тем тоном, которым пословица произносится, вторая же часть изречения как бы поясняет или раскрывает иронический смысл первой части: «Без тебя, как без рук: и плюнуть не на что» или: «Человек он умный: на пусто не плюнет, а все в горшок да в чашку», «Борода глазам замена: кто бы плюнул в глаза, плюнет в бороду», «И комар лошадь повалит, когда медведь пособит», «Сошлись: отец—перец, да мать—горчица», «Еремея потчуют умея: взяв за ворот, да взашею», «Живем богато — со двора покато: чего ни хватись, за всем в люди покатись», «Женина только и тягла: поела да спать легла», «Ах, ты, бабушка-старушка, напиталась твоя душка — пора умирать», «Болит бок девятый год, да не знаю в котором месте».

В других случаях иронический смысл раскрывается не так схематично: иронический смысл сменяется прямым, чтобы вновь уступить место иронии: «Слава богу: пожили на свете, посрамили людей, пора и честь знать».

Иногда ирония пронизывает всю пословицу с начала до конца и ее прямой смысл предлагается вскрывать самостоятельно без подсказки в самом изречении: «Давали убогому холст, а он говорит: толст; так сказали: поищи потоне», или «Возвысил бог куликов род», «Овец нестало, и на коз честь напала».

В пословицах находил Щедрин и выражение сарказма, т. е. иронии негодующей: «Не плачь, козявка! только сок выжму!», «Свекровь снохе говорила: невестушка! полно молоть, отдохни — потолки», «Пили, ели, кудрявчиком звали, а напились, наелись — прощай, шелудяк».

Наряду с ироническими пословицами Щедрин вносит в свой список и несколько пословиц юмористических, художественный эффект которых основан на несоответствии серьезного или торжественного тона речи с реальным содержание ее: «Раздайся, грязь! навоз ползет!», «Генеральской курицы племянник», «Что за оплеуха, коли не достала уха».

Иной раз юмор переплетается с иронией: «Жил семь лет, выжил семь реп, да и тех нет».

Мы приводили уже пословицы, посвященные обрисовке внешних черт человека. В них нельзя не усмотреть гротескности, столь близкой стилю Щедрина и основанной на фантастическом преувеличении и искажении реальной природы того или другого явления: «Вот нос — для двух рос, да одному достался», «Рот нараспашку, язык на плечо».

Дорожит писатель видимо и каламбуром, игрою слов: «Все бы тебе даром да шаром: даром-то и чирей не сядет, а все прежде почешется».

Остро чувствует Щедрин и комический оттенок, приобретаемый той или другой пословицей вследствие неожиданного оборота мысли вместо полагавшегося по пословичной традиции ее хода. «Было время: выпьешь, сколько подымешь...» Тут читатель ждет, что автор пословицы будет противополагать доброму старому времени что-либо неприятное, а оказывается, по пословице — теперь можно пить еще больше: «сколько глазом окинешь». В другой пословице на основании ее начала — «Издали ни то, ни се»... — ждешь, что вблизи это явление лучше, а пословица поворачивает: «что ближе, то гаже». Тут в обоих этих изречениях мы чувствуем как бы зародыши того пародийного отношения к самому пословичному жанру (в фольклоре такое пародирование фольклорных же жанров — явление нередкое), которое и в зрелой сатире Щедрина станет основным методом истолкования фольклора. Салтыков приводит и более определенную пародийную пословицу (возможно — литературного происхождения, немного в духе будущих прутковских изречений): «Лучше маленькая рыбка, чем большой таракан». Как известно, пословицей этой, фигурирующей в качестве подзаголовка в сказке «Вяленая вобла», Щедрин неоднократно пользовался для разоблачения и критики буржуазного либерализма 80-х годов, и теории и практики «малых дел» правого народничества.

ЗАПИСЬ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК, СДЕЛАННАЯ ЩЕДРИНЫМ В КОНЦЕ 50-х гг.
(ПЕРВАЯ СТРАНИЦА)
Институт Русской Литературы, Ленинград

ЗАПИСЬ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК, СДЕЛАННАЯ ЩЕДРИНЫМ В КОНЦЕ 50-х ГОДОВ (ВТОРАЯ СТРАНИЦА), С ЧЕРНИЛЬНЫМИ И КАРАНДАШНЫМИ ПОМЕТАМИ САЛТЫКОВА, ОТНОСЯЩИМИСЯ К 1885 г.

Институт Русской Литературы, Ленинград

Итак сделанная сатириком выборка пословиц и поговорок не случайна. Салтыков явно подбирал подходящий для себя материал, которым он мог бы воспользоваться для своего художественного творчества. Воспользовался ли этим материалом писатель?

Интересно было бы рассмотреть все пословичные и поговорочные изречения в сатирических очерках Щедрина. Такого обстоятельного исследования я произвести не мог, но все же можно установить и теперь, что по крайней мере часть пословиц из рассматриваемого нами списка попала на страницы художественных произведений писателя и была или прямо или в некоторой переработке им использована.

При этом мне представляется неверным предполагать, что Салтыков делал «сводку» пословиц в порядке подготовки к «Губернским очеркам» (такое предположение было высказано Е. Г. Кислицыной). Если бы это было так, то в «Губернских очерках» (1856—1857) мы имели бы хотя одну пословицу из списка. Но этих пословиц в «Губернских очерках» мы не находим. Цитация их начинается лишь с драматического очерка «Утро Хрептюгина» (напечатанного в «Библиотеке для чтения», кн. 2 за 1858 г. и впоследствии включенного в серию «Невинных рассказов»).

В том же 1858 г. он использовал несколько пословиц из своего списка в «Святочном рассказе» (напечатанном в № 1 «Атенея» за этот год и тоже впоследствии вошедшем в сборник «Невинные рассказы») и в 1861 г. одну пословицу («Не плачь, козявка! только сок выжму!») в очерке «К читателю» (в варианте, не вошедшем в печатный текст и опубликованном лишь в настоящей книге, см. стр. 174). Затем на много-много лет эти пословицы исчезают из поля внимания писателя с тем, чтобы через 30 лет войти в очень большом числе в «Пошехонскую старину» (печатавшуюся в «Вестнике Европы» в 10—12 книжках за 1887 г.).

Надо полагать, что список, составленный в конце 1857 г. и тогда же частично использованный, был затем через 30 лет вновь извлечен из писательского портфеля, чтобы сослужить немалую службу в творческой работе писателя над его последним монументальным произведением «Пошехонской стариной».

Наше предположение находит себе полное подтверждение в двух деловых записях Салтыкова, имеющихся на второй странице рукописи списка (см. ее воспроизведение на стр. 412 настоящей книги).

Приводим транскрипцию этих записей. Текст первой из них, сделанной чернилами, таков:

«Должен Р[усским] Вед[омостям] — 400 р.

В уплату

З[д]равомысл[енный] заяц	— 117 р.
Соседи	100 р. 50 к.»

Текст второй записи, сделанной карандашом:

«Пск[овской] Губ[ернии] гор[од] Пирогов.
село Подоклинье Настасье, в усадьбу Настасье
Васильевой Соловьевой или Василью Сидорову
Соловьеву.
Ездил в карете.
21».

Первая запись касается денежных расчетов Салтыкова с редакцией «Русских Ведомостей» и относится к концу мая — началу июня 1885 г. Именно в эти месяцы были напечатаны в газете (в №№ 135 и 149) обе указанные Салтыковым сказки: «Здравомысленный заяц» и «Соседи». В письме к редактору «Русских Ведомостей» В. М. Соболевскому от 17 мая 1885 г. Салтыков писал: «Прикажите, пожалуйста, 400 р. записать на меня долгом и вычесть из них гонорар за «Зайца». А потом и за следующие присылы, если таковые будут» («Неизданные письма», изд. «Academia», М., 1932, стр. 222). Очевидно просьба Салтыкова была Соболевским удовлетворена и по получении от него соответствующего извещения Салтыков записал для памяти свой долг на полях той рукописи, которая в данный момент находилась у него перед глазами.

Вторая запись также несомненно относится к весне 1885 г. Именно в это время Салтыков был занят усиленными хлопотами по подысканию для покупки «подходящего име-

ния», стремясь устроить себе под конец жизни «свой угол», который избавил бы его от утомительных ежегодных поездок за границу на летние месяцы. Из писем Салтыкова известно, что он обращался к ряду своих знакомых с просьбой сообщать ему адреса продаваемых имений. Запись на листе списка и представляет очевидно один из таких адресов, сообщенный Салтыкову возможно тем же Соболевским. (В письме к Соболевскому от 13 мая 1885 г. Салтыков благодарил адресата за получение «справок об имениях».)

Наконец последняя запись — «Ездил в карете» — весьма типична для рукописей Щедрина второй половины 80-х годов. Черновики «Пошехонской старины» имеют на своих полях много аналогичных отметок, относящихся к состоянию здоровья Салтыкова и тому режиму, который он вел по указаниям врачей.

Все эти наблюдения с несомненностью устанавливают тот факт, что в конце мая — начале июня 1885 г. (15 июня Салтыков уехал за границу) Салтыков работал над списком, он лежал у него на письменном столе. Учитывая то обстоятельство, что наибольшее число пословиц списка перешло в 27-ю главу «Пошехонской старины», можно с большой степенью уверенности сделать предположение, что глава эта, по крайней мере в предварительном черновом виде, была написана Салтыковым весной 1885 г. Таким образом записи Салтыкова на списке пословиц оказываются важными и для изучения творческой истории «Пошехонской старины», работать над которой автор начал *повидимому задолго до того времени, когда первые главы произведения появились* в октябрьской книге «Вестника Европы» за 1887 г.

Как использовал Салтыков пословицы? Вот несколько примеров. Деспотичная помещица ведет разговор с мужем о тихонях-дворовых, воспитывающих в себе дух смирения при помощи веры в возмездие на том свете. В этом видимом смирении чувствуется глубоко запрятанный, но в то же время упорный протест против гнета и насилия, что конечно не могло не раздражать бар.

«—Беда, как этот дух в дворне заведется,— говаривала матушка: — ходят тихони на цыпочках, ровно святые! Ты ему слова не скажи, ни пальцем его не тронь! «Слушаю-с, вся ваша воля»,—только и слов... И ни усмешечки в лице, ни в голосе повышения... привязаться не к чему! А посмотри на него — всякая жилка у него говорит: «что же, мол, ты не бьешь? — бей! за то в будущем веке отольются кошке мышкины слезки!» Ну, посмотришь, посмотришь, что дело идет своим чередом,—поневоле и остережешься! Потому что расправься-ка с ним, так он расправу-то за награду себе почтет!

— И я, признаться этих тихонь недолюбливаю,—обыкновенно отзывался на эти сетования отец: — тихи-тихи, а что у них на уме — не угадаешь. Строже с них спрашивать надо!

— Как же ты спросишь, когда у него в порядке все, привязаться не к чему!

— Ну, ты найдешь! Была бы спина, а то будет вина! что говорить об этом!» (Полное собрание сочинений М. Е. Салтыкова-Щедрина, изд. 5-е Маркса, т. XII, стр. 292).

Есть в «Пошехонской старине», как уже указывалось выше, одна глава (XXVII), в которой сильно сказалось воздействие разбираемого нами листа с пословицами. Зная его, удается несколько проникнуть в лабораторию щедринского творчества. Сатирик дает пронизанную иронией и юмором картину беспечной жизни уездного предводителя Струнникова. Бездельник-помещик, не зная, чем разгонять скуку, придумал себе развлечение в балагурстве бедного мелкопоместного дворянина Корнеича Пеструшкина. Воспроизводя балагурную речь этого приживала-шута, Салтыков-Щедрин наполняет ее пословицами, поговорками, в большой мере заимствованными из знакомого нам списка.

«— Эй! водки, да вчерашней телятины на закуску нарежьте! Садись, гость будешь! Как дела?

— Дела, как следует. Вот теперь лето, запасаемся всякого нета, а зимой будем жить богато, со двора покато.

— Ври больше. У самого сусеки от зерна ломятся, а он аллилую поет!..»

Несколькими строками дальше:

«— Сказывай, где был-побывал?

— Ах, благодетель! бедняк что муха: где забор — там и двор, где щель, — там и постель. Брожу, покуда ноги носят: у Затрапезных побывал.

— Эк тебя нелегкая за семь верст киселя хлебать носила!

— И то сказать... Анна Павловна с тем и встретила: «без тебя, как без рук: и плюнуть не на что! людям, говорят, дыхнуть некогда, а он по гостям шляется».

На пословицах построена Салтыковым разыгрываемая Пеструшкиным и Струнниковым «комедия».

«Комедия» — любимое развлечение Струнникова, ради которого, собственно говоря, он и прикармливает Корнеича. Собеседники удаляются в кабинет, Федор Васильевич усаживается в покойное кресло; Корнеич становится против него в позитуру. Обязанность его заключается в том, чтобы отвечать на вопросы, предлагаемые гостеприимным хозяином. Собеседования эти повторяются изо дня в день в одних и тех же формах, с одним и тем же содержанием, но не заметно, чтобы частое их повторение прискучило участникам.

— Сказывай, каков ты есть человек? — вопрошает Струнников...

— Человек божий, обшит кожей, покрыт рогожей. Издали ни то, ни се, а что ближе, то гаже.

— Правду сказал! Отчего у тебя такой нос, что смотреть тошно?

— Мой нос для двух рос — одному достался. А равным образом и от пьянства.

— И это правда. Зачем ты бороду отрастил?

— Борода глазам замена: кто бы плюнул в глаза, плюнет в бороду...

Наскучив комедиею, Струнников велит Корнеичу плясать.

— Еще полтора часа до обеда остается — пропадешь от скуки! Пляши!

— Рад бы плясать, да не могу, благодетель! ноги не служат. Было время, плясывал я. Плясал, плясал да и доплясался.

— Чего доплясался! Все то ты, старый пес, клянчишь! Какого тебе еще рожна нужно!

— Оно конечно... Чужую беду руками разведу... Да ведь и другая пословица на этот предмет есть: беда не дуда — станешь дуть, слезы идут. Вот оно, сударь, что» (стр. 399).

И еще раз в той же XXVII главе вспоминает Салтыков о своем листке пословиц. Описывается игра в карты Струнникова с женою. Он выигрывает несколько раз подряд. Жена недовольна. Оставшись несколько раз сряду дурой, она с сердцем бросает карты и уходит из комнаты, говоря:

«— Вот уж правду пословица говорит: «дурак спит, а счастье у него в головах стоит». Не хочу играть!»

В главе XX выразительную пословицу «Что за оплеуха, коли не достала уха» писатель вкладывает в уста бесшабашного оброчного парня Ивана Макарова, по прозванию Ванька-Каин, за свои смелые разговоры и независимое отношение к господам забритый барынею в солдаты.

По всему видно, что пословицы не только служили дополнительным материалом художнику для характеристики того или другого персонажа, но, как это нетрудно усмотреть из «комедии», разыгрывавшейся Пеструшкиным и Струнниковым, давали толчок к созданию писателем фабульной ситуации.

Салтыков прибегает к помощи народных пословиц очень часто. Произведения его содержат их многие десятки, если не сотни. Исследование художественной функции пословиц и поговорок в творчестве сатирика необходимо произвести во всей полноте, но в настоящей заметке нам важно лишь обратить внимание литературоведов на органическую связь найденных в рукописном наследии писателя сырых фольклорных материалов с его художественным творчеством.

Помимо пословиц среди фольклорных материалов Салтыкова-Щедрина имеется еще сделанная им собственноручно запись одного духовного стиха.

Запись находится в обширной еще не изданной рецензии Салтыкова, датируемой 1856—1857 гг., на книгу «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника святые горы афонския инока Парфения. В 4-х частях. Издание второе с исправлениями. Москва» (Рукопись хранится в архиве ИРЛИ Академии Наук). Приводим эту запись:

Восплачется млад юноша пред пустынею стоя:
Прекрасная пустыня, любимая мати!
Прими мя, пустыня, яко чада, на руце!
Научи мя, пустыня, волю Божию творити,
Избави мя, пустыня, злые превечные муки;
Введи мя, пустыня, в небесное царство!
Пророчит мати пустыня архангельским гласом:
Ты млады юношь, Асафей царевич!
У меня во пустыни много нужи прияти,
У меня во пустыни постом попоститися,
У меня во пустыни скорбя поскорбети,
У меня во пустыни терпя потерпети!
Ответ держит млад-юноша Астафей-царевич:
Прекрасная пустыня, любимая мати!
Не страши мя, пустыня, превеликими страстями
Могу я, пустыня, много нужи прияти;
Могу я в тебе, пустыня, постом попоститися;
Могу я в тебе, пустыня, трудом потрудитися;
Могу я в тебе, пустыня, скорбя поскорбети;:
Могу я в тебе, пустыня, терпя потерпети.
Пророчит мати пустыня архангельским гласом:
Ты млады юношь, Асафей царевич!
У меня во пустыни негде погуляти;
У меня во пустыни не на что посмотрити;
У меня по пустыни не с кем слово говорити;
У меня во пустыни нет сладкого бражна;
У меня во пустыни нет медвляного пойла.
Ответ держит млад юноша, Асафей-царевич.
Прекрасная пустыня, любимая моя мати!
Не страши мя, пустыня, превеликими страхами;
Разгуляюсь я во пустыни во зеленой во дуброве;
Насмотрюся я во пустыни на различные света,
Со мной будут говорить все райские птицы;
А стану я носить черную ризу;
А стану я питатися гнилою колодою,
А стану я пить болотную воду...
Тебя, мати пустыня, вси ангелы знают;
Тебя, мати пустыня, пророцы прославляют;
Тебя, мати пустыня, ангелы хвалят;
Тебя, мати пустыня, преподобные ублажают;
Тебя, мати пустыня, Предотеча воспевает.
У тебе, мати пустыня, Господь на престоле
С херувимы и с серафимы с преподобною силою.

В данном случае работа исследователя-комментатора облегчена собственным точным указанием писателя, что запись действительно произведена им лично, но, надо думать, что и на этот раз не из народных уст, а скорее всего с какой-либо рукописи, так как Салтыков пишет: «Мы имели случай *видеть* в Нижегородской губернии другой вариант этого замечательного стиха. Считаем нелишним познакомить с ним здесь читателя. *Озаглавлен* он просто: стих Асафа царевича». Подчеркнутые нами слова

вне сомнения указывают на то, что Салтыков данный духовный стих читал, а не слышал, и что перед стихом, как это часто бывает в старых рукописных тетрадях, имелось заглавие.

Знакомясь по своим служебным обязанностям с жизнью патриархального купечества и крестьянства, в частности старообрядцев, Салтыков не мог не рассматривать имевшихся у них в больших количествах рукописей со стихами. «Стих об Асафе царевиче, в пустыню входяща», как он развернуто озаглавливается во многих списках, имел большую популярность в глухих захолустьях Нижегородского края, полного в то время всяческими скитами и «пустынями».

Вариант, списанный Салтыковым, как удалось мне установить, относится к распространенной редакции этого стиха, по своей структуре довольно полный; наиболее близко подходит он к тексту, записанному С. П. Шевыревым в Вяземах, Московской губ. и впоследствии напечатанному Бессоновым в первом томе его «Калик перехожих» (М., 1861) за № 55 [2].

«Стих об Асафе» произвел повидимому большое впечатление на Салтыкова-Щедрина. В нем он видел выражение того народного аскетизма, сущность которого он стремился раскрыть. Приведенный стих, как и ряд других почерпнутых Салтыковым из напечатанного в 1848 г. сборника духовных стихов, озаглавленного как 1-я часть «Русских народных песен, собранных Петром Киреевским» (в «Чтениях Императорского Общества *Истории и Древностей Российских*»), был использован дважды: в «Губернских очерках» и указанной статье-рецензии на книгу инока Парфения «Сказание о странствии и путешествии».

ПРИМЕЧАНИЯ

Именно, пословица «Пили, ели, кудрявчиком звали, а напились, наелись — прощай, шелудяк» (у Салтыкова-Щедрина) в буслаевском тексте дана в таком виде: «Пили, ели, Кудрявчиком называли, а попили, поели — прощай, шелудяк» и пословица, начинающаяся у С.-Щ. «Человек он умный», у Буслаева приведена «Он человек умный».

[2] О различных редакциях и истории этого поэтического духовного стиха см. работы: А. И. Кирпичникова — статью о духовных стихах в «Истории русской словесности» Галахова, 2-е изд., М., 1880, стр. 234—237; Ю. М. Соколова «К истории духовного стиха». Разговор Иосафа, с пустыней» («Русский Филологический Вестник» 1910, кн. 3—4); А. П. Кадлубовского «К истории духовного стиха о Варлааме и Иосафе» (там же, 1915, № 2).

[3] Как уже указывалось, рецензия эта до сих пор остается неизданной (рукопись хранится в ИРЛИ). Считаем не лишним поэтому кратко ознакомить читателя с содержанием документа.

Рецензия производит впечатление какой-то неясности, спутанности мыслей автора, заключает в себе немало противоречивостей. Салтыков-Щедрин, как и в «Губернских очерках», размышляет в ней о сущности религиозных народных настроений, об народных аскетических идеалах, о выражении их как в православной, так и в старообрядческой и сектантской среде. В этом пристальном внимании к религиозной идеологии нельзя не видеть известного из биографии Салтыкова кратковременного уклона в сторону славянофильства. Но в то же время в статье заметна еще в большей степени задача побороть в себе это славянофильство. Начало и конец заострены против славянофильского тезиса о «религиозном» или, как выражается Салтыков, «аскетическом начале» общественной жизни.

Основываясь на изучении произведений устного творчества крестьянского, именно духовных стихов, а также на исторических сочинениях по истории религиозной жизни русского народа, Салтыков, с одной стороны, раскрывает перед читателем тот идейный мрак, куда завело бы осуществление этого славянофильского «аскетического начала», но, с другой стороны, не может занять еще в этой ранней статье более четкой и вполне реалистической позиции по отношению к религии вообще. Он пытается различить, как это делал и в «Губернских очерках», разные виды применения религии к самой реальной жизни, он отмечает религию по глубокому убеждению и религию, основанную на невежестве и доверчивости темных масс, и использование религии в грубо эгоистических и эксплоататорских целях, однако, резко обрушиваясь на всевозможные проявления аскетизма и религиозного изуверства, Салтыков-Щедрин слишком большой упор делает на моментах искреннего религиозного убеждения, на религии не фанатической, а гуманизированной. Впадая в такую идеализацию религиозного чувства и религиозной идеологии, например в идеализацию религиозных настроений в духе например Парфения Салтыков-Щедрин неми-

нуемо должен впадать и в постоянные противоречия с самим собою. Кроме того условия литературной жизни того времени, особая цензурная строгость при обсуждении в печати вопросов религии заставляют Салтыкова-Щедрина пересыпать свое изложение всяческими почтительностями по адресу церковных авторов, прибегая к очень стесняющей маскировке.

Нам думается, что рецензия Салтыкова на «Сказания» Парфения оттого осталась в рукописи, не попав в печать, что повидимому сам автор ее убедился в своей неудаче. От него не могла в конце концов укрыться внутренняя противоречивость статьи: задача борьбы с «аскетическим началом» славянофильской школы ослаблена была половинчатостью позиции Салтыкова-Щедрина этого периода в отношении к религии вообще, а самая форма изложения — с огромным количеством цитат из книжных и устных произведений, которые должны показывать нелепость аскетизма, но с вынужденными комплиментами в сторону церковных властей и церковных писателей — не довела бы основных мыслей автора до широкого читателя.

Салтыков-Щедрин, почувствовав повидимому свою неудачу, так и забросил статью, даже не дописав ее до конца. Но несмотря на это, статья его имеет большое значение для каждого, кто интересуется историей его мировоззрения. Она интересна и тем, как Салтыков-Щедрин, подобно другим писателям его времени, ценил произведения фольклора, справедливо видя в них важный исторический источник при изучении идеологии и настроений широких народных масс.

П. В. АННЕНКОВ О ЩЕДРИНЕ

Сообщение С. Макашина

Предлагаемая вниманию читателя небольшая заметка о Щедрине, принадлежащая П. В. Анненкову, сохранилась в его бумагах, находящихся ныне в ИРЛИ. Документ до сих пор оставался неизвестным в печати, по крайней мере в русской. Такая оговорка необходима потому, что содержание заметки не оставляет сомнения в том, что она была написана специально для какого-то иностранного и даже точнее — французского журнала. Об этом свидетельствует, например, вступительное указание заметки на то, что «Европа еще не знакома с этим именем», и особенно попытка автора отыскать во французском языке выражение, адэкватно раскрывающее содержание щедринского образа «ташкентцы». В статье, адресованной русскому читателю, такие указания и пояснения были очевидно не нужны. Заметка сохранилась в автографической и притом черновой рукописи, не отделанной для печати, а возможно и неоконченной. Все это дает основание предполагать, что текст рукописи, написанный по-русски, не был никогда переведен на французский язык, а стало быть не был и напечатан во французской печати. Во всяком случае, в указателе критической литературы о Щедрине на иностранных языках, составленной автором этих строк на основании детального обследования основных литературных журналов эпохи (см. ниже в этой же книге), статья Анненкова не зарегистрирована.

Приблизительная дата документа определяется содержащимися в нем указаниями: «последний сборник Салтыкова носит название «Помпадуры». Отдельное же издание цикла «Помпадуры и помпадурши» вышло в 1873 г. почти одновременно с «Господами ташкентцами», также упоминаемыми в заметке, следующая же книга Щедрина «Благонамеренные речи» вышла лишь в 1876 г. (всюду имеются в виду отдельные издания названных произведений). Таким образом, заметка могла быть написана только в период 1873—1875 гг. и скорее в начале его, чем в середине или конце.

Публикуемая статья носит в согласии со своим первоначальным назначением преимущественно информационный характер. Сколько-нибудь значительным вкладом в критическую литературу о Щедрине она конечно не является, да и не претендует на это значение. Интерес статьи в другом. Она заслуживает быть отмеченной как первая хотя и не осуществившаяся попытка русской критики познакомить с творчеством Щедрина иностранного, европейского читателя.

Что же хотел сказать Анненков этому читателю о своем знаменитом соотечественнике? Какие стороны щедринской сатиры стремился он в первую очередь показать?

Умереннейший либерал в области общественных вопросов, с явными симпатиями к упорядоченному буржуазному обществу, Анненков в своей статье красит в ту же краску и Щедрина. Требование «признания идеалов гражданского существования, уже действующих в образованном мире» и обличение во имя этого признания «нравственных уродливостей... извращенных понятий и злых страстей» русской действительности — вот к чему сводятся и чем ограничиваются по мнению Анненкова сущность, назначение и задачи всей деятельности Щедрина. Дать в 70-е годы такую характеристику щедринской сатиры, да еще для заграничной прессы, где можно было писать без оглядки на цензурное ведомство, мог только человек далекий от понимания Щедрина и совершенно чуждый социально-политическим установкам щедринского творчества. Таким человеком

и был Анненков особенно в тот поздний свой период, к которому и относится публикуемая статья. Еще в 1866 г. он писал Фету: «Увы! бессмертная эпоха русской поэзии прошла и бог знает, вернется ли когда-нибудь... Поэтическая струя исчезла и из европейской литературы, замучила ее проклятая политика; признаюсь откровенно, все эти вопросы политико-экономические, финансовые, политические — внутренно нисколько меня не интересуют»[1]. Не интересовали Анненкова и «политико-экономические» вопросы русской действительности, которые так глубоко и страстно волновали Щедрина и питали его творчество.

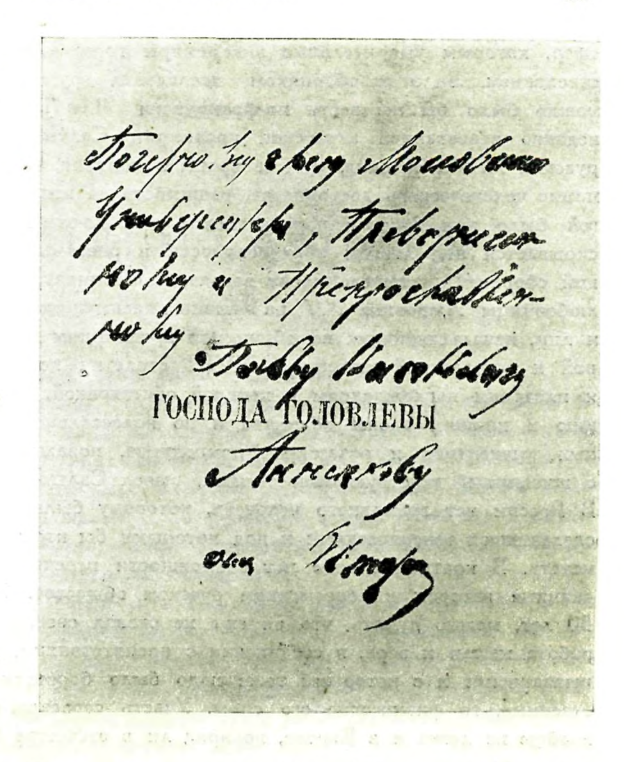
Щедрин для Анненкова прежде всего «замечательнейший юморист», неутомимый коллекционер «комических образов», отыскиваемых «в современном русском обществе», и лишь во вторую очередь—сатирик, «цензор нравов, направлений и тайных пороков своей эпохи». Поэтому-то и совершеннейшую из сатир Щедрина «Историю одного города» Анненков квалифицирует как «собрание рассказов» юмористического характера, а ее героев — как «уморительных экземпляров городских правителей». В этом нарочитом подчеркивании категории юмора и одновременном снижении и замалчивании боевой публицистичности щедринской сатиры Анненков оставался верен традициям эстетической школы 40—50-х годов. (Дружинин, Боткин и т. д.), к которой он примыкал. Анненков всегда защищал против эстетической теории разночинцев теорию чистого искусства. Но этой теории нечего было делать со Щедриным. Она могла лишь, оставаясь последовательной, «выбрасывать» его из художественной литературы. Только эклектизмом, присущим Анненкову, да личным долголетним связям со Щедриным следует объяснять пусть своеобразные, но высокие оценки, данные «туристом эстетиком» в полной мере чужому и непонятному для него писателю.

Укажем в заключение, что публикуемая заметка является второй критической статьей Анненкова о Щедрине. Первая в форме развернутой рецензии на сборник «Сатиры в прозе» появилась (без подписи) в № 3 «Библиотеки для Чтения» за 1863 г., вторая под названием «Русская беллетристика и г. Щедрин» была напечатана в том же 1863 г. в «СПБ. Ведомостях» (№ 85, стр. 74).

[СТАТЬЯ П. В. АННЕНКОВА О М. Е. САЛТЫКОВЕ]

М. Е. Салтыков, получивший такую громадную известность в России под своим литературным псевдонимом Надворного Советника Щедрина, принадлежит к числу замечательнейших юмористов и сатириков своего времени. Европа еще не знакома с этим именем[2], да вряд ли, даже когда и познакомится с ним в переводах, способна будет вполне уразуметь всю сущность тех нравственных уродливостей, тех чисто национальных русских физиономий, извращенных понятий и злых страстей, которые обличаются Салтыковым с неостывающим никогда гневом и с юмором, не знающим усталости и ослабления. Уже с первого своего очерка в 1848 г. «Запутанное дело», появившегося в одной из русских журналов[3], Салтыков обнаружил особенную точку зрения на нравственное положение русского общества, далеко не похожую на официально принятую, что и послужило предлогом к высылке автора из Петербурга в одну из отдаленных северных губерний, именно в Вятскую.

Молодой писатель, однако же, не потерялся в этом страшном захолустьи, в котором пробыл до конца прошлого царствования 7½ лет. Он очутился там посреди целого мира административных злоупотреблений, взяточничества, подкупов, общего бесправия; он собрал все черты этой мрачной картины в одну книгу «Губернские очерки», положившую основание его репутации в 1857 г. Книга явилась сперва по частям в одном московском журнале того времени «Русский Вестник» и изумила всех своим появлением, упрочив вместе с тем и существование журнала. Столько было в ней типов, характеров и происшествий, поражавших своей чудовищной оригинальностью и ярко освещенных светом самого откровенного и самого беспощадного юмора, что появление ее в русской печати понималось всеми, как знамение нового времени. Действительно, книга была предтечей и предвестием скорых коренных реформ в русской жизни и в русской администрации, впоследствии и осуществленных нынешним царство-

ГОСПОДА ГОЛОВЛЕВЫ

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ЭКЗЕМПЛЯРА «ГОСПОД ГОЛОВЛЕВЫХ» С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ САЛТЫКОВА П. В. АННЕНКОВУ
Институт Русской Литературы, Ленинград

ванием. Мало того, что «Очерки» Салтыкова или его двойника Щедрина были допущены к печати, но сам автор их вскоре очутился на административном поприще. Бывший изгнанник и suspect[4] прежнего режима призван был занять очень важный пост вице-губернатора в одной из населеннейших старо-русских губерний, но тут, как и при всех дальнейших его похождениях на политической арене, оказалось, что противодействие среды, куда он попал, превышает силы одного человека, какой бы энергией на борьбу с застарелым злом он ни был вооружен. Салтыков покинул неблагодарное поприще, где успех еще более зависит от хладнокровного выбора оружия против врагов, а врагов он встретил даже и в собственном административном лагере, — чем от решительности итти прямой дорогой к цели и требовать ото всех признания идеалов гражданского существования, уже действующих в образованном мире.

Покинув службу, он весь отдался литературной деятельности, сатирическому творчеству своему, и плодом этого было создание такого множества комических типов из разнообразных слоев русского общества, такой анализ почвы и атмосферы, их воспитавшей, что деятельность его представляет теперь нечто вроде многосложной юмористической картины, столь же замечательной по остроумию, веселости и комическому таланту, сколько и по внутреннему своему смыслу. Замечательно, что сделавшись цензором нравов, направлений и тайных пороков своей эпохи, Салтыков-Щедрин дает все свои заключения, приговоры и выводы не иначе, как в форме живого рассказа, смешной, но глубоко выразительной личности, описания нелепого строя мысли, порождающего нелепейшие решения и поступки, отчего все статьи автора носят двойной характер: юмористического произведения и важного этнографического документа. Вот почему многочисленные поклонники Салтыкова совершенно правы, когда утверждают, что веселые книги его представят со временем будущему исследователю русского общества такое же серьезное свидетельство, как и любой исторический памятник. В последнее время, после многих публикаций, являвшихся одна за другой, с 1860 по 1869 г. Салтыков издал (1870) собрание своих рассказов под заглавием «История одного города», где на лице начальников бедного городка сатирически проследил различные тенденции — деспотические, энциклопедические, мистические, реформатские высших общественных

сфер, которым уморительные экземпляры городских правителей обязаны своим существованием. За этим сборником последовал другой «Ташкентцы» — заглавие, которое можно было бы перевести по-французски «Les Tachkents universels», так как именем недавно завоеванной азиатской провинции Салтыков обозначает большинство чисто русских людей, сохраняющих ее нравы и понятия, грубость всего строя мысли, непонимание человеческого достоинства, решимость на всякого рода насилие. Не малой заслугой было при этом и поразительное разоблачение того, что у русских ташкентцев скрывается под лоском образованности и цветами европейской цивилизации. Последний сборник Салтыкова носит заглавие: «Помпадуры». Автор перенес имя знаменитой любовницы Людовика XV на мужчин, преимущественно на современных губернаторов и лиц, начальствующих по обширным провинциям империи, отождествляя их с распутной и всевластной женщиной XVIII столетия по страсти их к наживе, склонности к плотским наслаждениям с пышной обстановкой, по капризному деспотизму, презрению к низшим слоям общества и по колоссальному невежеству. И сколько различных ташкентцев и различных помпадуров, поражающих своим косвенным сходством с живыми и действующими типами, вывел Салтыков перед глазами своих читателей! В России нет грамотного человека, которому были бы неизвестны эти наименования, сделавшиеся генерическими и под которыми бы кто-либо не знал, что следует подразумевать. В кратком очерке нет возможности перечислить все комические образы, отысканные автором в современном русском обществе. Судя по тому, что ему не более 50 лет, можно думать, что он еще не сказал своего последнего слова, хотя усиленная работа мысли и пера, в соединении с препятствиями, наговорами и озлоблениями, ими вызванными и с которыми тоже надо было бороться, — уже подорвали если не нравственные, то физические его силы. Участь серьезного писателя, а особенно сатирика вообще не легка и в Европе, но вряд ли в отечестве Салтыкова она не вдвое тяжелее и опаснее.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Фет, А. Мои воспоминания. М., 1890 г., стр. 88.

[2] Указание в общем правильное, но неточное. К началу 70-х годов «Губернские очерки» по крайней мере были переведены на немецкий и английский языки и существовала на этих языках небольшая критическая литература о Щедрине. Подробнее см. об этом в нашем указателе «Материалы для библиографии переводов Щедрина на иностранные языки», печатаемом в этой же книге.

[3] «Запутанное дело» напечатанное в 3-й книжке «Отечественных Записок» за 1848 г., не являлось «первым очерком» Салтыкова. Первым его крупным произведением была повесть «Противоречия», появившаяся в 1847 г. в тех же «Отечественных Записках». Вообще же литературные выступления Салтыкова в печати (стихотворения, рецензии) начались в 1840 г. в «Библиотеке для чтения».

[4] Английское слово «Suspect» можно перевести: подозреваемый, подозрительный (человек).

Л. Н. ТОЛСТОЙ И САЛТЫКОВ

Сообщение М. Чистяковой

Личное знакомство Толстого с Салтыковым состоялось зимой 1856 г.[1] Прямых указаний на этот счет, правда, не имеется. Два первые месяца по прибытии своем в Петербург Толстой, захваченный новой для него светской и литературной жизнью, не вел дневника; в последующих дневниковых записях имени Салтыкова не встречается; не встречается его и в письмах Толстого за этот период. Однако почти через 30 лет, в 1883 г., Толстой, на вопрос Г. А. Русанова о знакомстве его с Салтыковым, ответил: «В 56 году в Петербурге я часто встречался с ним, а когда он впоследствии служил в Туле, нам как-то не пришлось видеться»[2].

В следующие зимы — 1856/57 и 1857/58 гг.— Толстой во время своих наездов в Петербург по литературным делам повидимому также встречался с Салтыковым. За этот период имеются две дневниковые записи: «Обедал у Толстых и вечер у Салтыкова» (25 октября 1857 г.) и «Обед у Кареев[ой]. Салтыков привез музык[у] — дрянь. Ужинал у него. Он упрекал меня в гениальности» (4 апреля 1858 г.). Однако обе эти записи, в особенности вторая, вызывают сомнения; возможно, что они относятся не к М. Е. Салтыкову, а к другому лицу из числа петербургских знакомых Толстого, носившему ту же фамилию. Для твердого решения этого вопроса данных не имеется.

Редкими петербургскими встречами в конце 50-х годов ограничиваются личные непосредственные отношения Толстого с Салтыковым. В 60-х годах, когда Салтыков жил в Туле, состоя председателем Тульской казенной палаты, он не встречался с владельцем Ясной Поляны, о чем в беседе с Русановым упоминал Толстой и о чем вспоминала Т. А. Кузьминская: «В 1866—1867 гг. Салтыков жил в Туле, равно как и мой муж[3]. Он бывал у Салтыкова... Надо сказать, что Лев Николаевич и Салтыков, несмотря на близкое соседство, никогда не бывали друг у друга. Почему — не знаю... Я в то время как-то не интересовалась этим»[4].

И в дальнейшем Толстой и Салтыков уже не встречались. Не возникло между ними и деятельной переписки. На протяжении 30 с лишним лет — с момента знакомства до смерти Салтыкова — они обменялись несколькими письмами по литературным вопросам. Сохранилось пять писем Салтыкова к Толстому и лишь одно письмо Толстого из четырех, написанных им Салтыкову. Три утерянных письма относятся к тому периоду, когда письма Толстого не копировались, а утеря автографа означала полное исчезновение текста письма; однако факт написания и приблизительное содержание этих трех писем устанавливаются косвенными источниками.

Отдалившись друг от друга, не делая попытки к личным встречам, Толстой и Салтыков внимательно и зорко следили за литературной деятельностью друг друга, и в их критических откликах сквозь полемическую резкость выражений чувствуется невольное признание таланта противника и звучит горькая нотка сожаления, что этот талант используется враждебным станом. Толстой в своем дневнике последовательно хронологически записывает: «Да, читаю. Салтыков — талант серьезный» (2 августа 1857 г.). «Смерть Пазухина невозможная мерзость» (30 октября 1857 г.). «Салтыков, читал. Идеалист хорош. Он здоровый талант» (17 марта 1858 г.). «Читал «Отечественные записки». Болтовня Щедрина»[5] (31 марта 1884 г.). «Читал Щедрина[6]. И хорошо, да старо, нового нет. Мне точно жалко его. Жалко пропавшую силу» (3 апреля 1889 г.).

В устных высказываниях Толстой полнее характеризовал творчество Салтыкова и свое к нему отношение. Г. А. Русанов в своих воспоминаниях рассказывает: «Любимый писатель современной молодежи — Щедрин [сказал Русанов], так как он касается политики, злобы дня, молодежь любит его больше остальных писателей».— «И он вполне стоит этого,— возразил Толстой.— Щедрина я люблю. Он растет и в последних произведениях его звучит грустная нота»... Разговор снова коснулся Щедрина.— «Вы читали его «Современную идиллию»? — спросил меня Толстой.— Помните суд над пискарями?» — «Да, помню,— ответил я: — там хороши еще «лоботрясы».— «Это прелестно,— сказал Толстой и при этом привел на память небольшую цитату из Щедрина, в которой говорится о лоботрясах.— «Хорошо он пишет,— закончил Толстой,— и какой оригинальный слог выработался у него».— «Да,— сказал я и потом прибавил: — Такой же, в своем роде, оригинальный слог у Достоевского».— «Нет, нет,— возразил Толстой,— у Щедрина великолепный, чисто народный, меткий слог, а у Достоевского что-то деланное, натянутое» [7]. В беседе с В. Лазурским Толстой вносит существенные поправки к вышеприведенному отзыву. На вопрос Лазурского о Щедрине Толстой отвечал: «Слишком длинно и утомительно. Вот эти последние вещи еще лучше: «Пошехонская старина» и другие».— «Неужели вам не нравятся сказки Щедрина или «Господа Головлевы?» — «Некоторые сказки — да, другие не выдержаны, например про карася и вообще аллегорические. «Господ Головлевых» я позабыл. Самая лучшая мерка для литературных произведений — это переводы на иностранный язык. Щедрина пробовали переводить — ничего не выходит. Иностранный читатель читает и ничего не понимает» [8]. Более резкий отзыв воспроизводит П. П. Перцов, вспоминая беседу с Л. Н. в 1894 г.: «...есть целые писатели, которые шумели в свое время, а замечательны только тем, что умели обходить цензуру. Возьмите, например, Щедрина. Как он шумел. А что у него есть? Его «эзоповский язык» был нужен только как уловка против цензуры, а писал он все пустые вещи. Возьмите «Дневник провинциала в Петербурге» — разве это можно читать? Кому это нужно? И вот он уже забыт, хотя много печатался в свое время» [9].

Отрицательное суждение Толстого о Салтыкове в 1909 г. записывает и Гольденвейзер: «Мы играли в шахматы. Во время партии Софья Андреевна с кем-то заговорила о Щедрине. Л. Н. сказал: «Le secret d'être ennuyeux c'est tout dire [11]. Про Щедрина это вполне можно сказать. Он все всегда договаривал до конца. Я никогда не мог читать его» [11]. Однако когда А. Б. Гольденвейзер, уезжая из Ясной Поляны, забыл там том сочинений Салтыкова, М. Л. Толстая в письме к нему от 26 сентября 1901 г. писала «Вы забыли «Головлевых», и мы теперь вечером читаем их вслух. Папа нравится» [12].

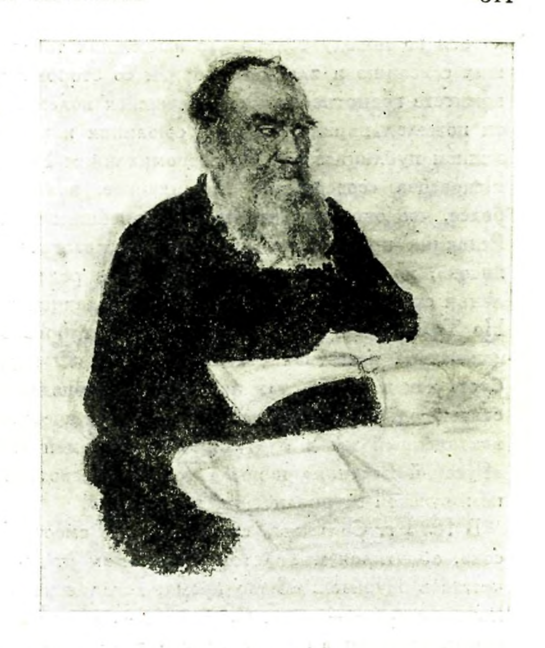
Доказательством того, что Толстой много и внимательно читал Салтыкова, служит между прочим и тот факт, что он часто и в письмах, и в устных беседах, записанных современниками, в различных случаях цитировал Салтыкова, вспоминал или ссылался на него. Интересна в этом отношении его записка, написанная С. А. Толстой в апреле 1886 г. с дороги, во время путешествия пешком из Москвы в Ясную Поляну в обществе двух своих великосветских друзей: «Пишу тебе из деревни, за 25 верст от Серпухова: 1 ч. дня, воскресенье. Мы веселы, здоровы. Мужик этот, наш товарищ Макей, 60 лет,— моложе нас всех,— шел с нами верст 50, обувал и вообще был мужик 3-х генералов» [13]. Тема этой щедринской сказки была близка Толстому и видимо восхищала его. Недаром через двадцать лет после появления этой сказки в печати Толстой в «Плодах просвещения», в этой пародии на светское общество, заставил беззаботную и легкомысленную светскую молодежь разыгрывать шараду на тему из этой сказки:

«Вдали вот плот
Сюда плывет;
На нем два генерала...

— Мы два генерала,
Судьба нас связала,
На остров послала...»

В Щедрине он видел «здоровый» талант, с глубокой и серьезной тематикой, с любовью и знанием народного быта, владеющий «метким народным слогом». Но этот талант он рассматривал с точки зрения своего миросозерцания как «пропавшую силу», т. е. силу, направленную не на разрешение «вечных» — моральных и философских — проблем, а к достижению «временных» — политических и революционных целей.

Л. Н. ТОЛСТОЙ
Рисунок маслом И. Репина, 1891 г.
Собрание И. И. Бродского, Ленинград

Отзывы Салтыкова о Толстом и его творчестве отличаются бо́льшей резкостью, бо́льшей нетерпимостью и вместе с тем бо́льшей последовательностью. И он видел в Толстом огромную художественную силу; недаром он так неотступно и настоятельно привлекал Толстого к сотрудничеству в «Отечественных Записках» с того самого момента, как сделался их редактором; но он видел в Толстом не только «пропавшую» силу, но силу, которая, благодаря своей отчасти невольной, отчасти вольной солидаризации с враждебными общественными и политическими группировками, наносила явный вред тому делу, за успех которого всю жизнь боролся Салтыков. И потому его отзывы о Толстом носят такой резкий, такой негодующий и желчный характер. «Он сказал с презрением,— вспоминает С. А. Толстая,— что «Война и мир» напоминает ему болтливые разговоры нянюшек и бабушек» [14]. О том же рассказывает и Г. А. Кузминская: «В 1861—1867 гг. Салтыков жил в Туле, равно, как и мой муж. Он бывал у Салтыкова и передал мне его мнение насчет двух частей «1805 года». Салтыков сказал: «Эти военные сцены — одна ложь и суета... Багратион и Кутузов — кукольные генералы. А вообще — болтовня нянюшек и мамушек... А вот наше так называемое «высшее общество» граф лихо прохватил» [15].

Еще большей резкостью отличается отзыв Салтыкова об «Анне Карениной» в письме к П. В. Анненкову от 9 марта 1875 г. «Вероятно,— пишет Салтыков,— вы читали роман Толстого о наилучшем устройстве быта детор. частей. Меня это волнует ужасно. Ужасно думать, что еще существует возможность строить романы на одних половых побуждениях. Ужасно видеть перед собой фигуру безмолвного кобеля Вронского. Мне кажется это подло и безнравственно. И ко всему этому прицепляется консервативная партия, которая торжествует. Можно ли себе представить, что из коровьего романа Толстого делается какое-то политическое знамя?» [16]

Резкость вышеприведенного отзыва Салтыкова помимо принципиальной стороны вопроса объясняется и тем обстоятельством, что новый роман Толстого, который ожидался для напечатания «Отечественными Записками», был передан Толстым катковскому органу «Русский Вестник», публикация в котором уже накладывала на роман специфический колорит к торжеству консерваторов и к великому негодованию Салтыкова.

Здесь мы переходим из области личных и отвлеченно-литературных отношений Салтыкова и Толстого в область их отношений литературно-общественного порядка.

За год до выхода в свет первых частей «Анны Карениной», в 1874 г., Толстой обратился через Некрасова в редакцию «Отечественных Записок» с предложением выска-

заться по поводу только что вышедших тогда в свет его педагогических трудов, вызвавших сенсацию и злобные нападки со стороны профессиональных педагогов в Московском комитете грамотности. В поднявшейся полемике, горячей и крайне тяжелой для Толстого, он пожелал привлечь в свои союзники наиболее передовую и радикальную часть современной публицистики. По воспоминаниям Н. К. Михайловского, письмо Толстого на имя Некрасова «совершенно неожиданное, возбудило в редакции большой интерес»[17], тем более, что оно связывалось с дальнейшим тесным сотрудничеством Толстого в журнале. Редакция предложила Толстому высказаться самому на страницах «Отечественных Записок», но Толстой новым письмом в редакцию настаивал на предварительном выступлении специального критика. Тогда редакция поручила эту задачу Н. К. Михайловскому. Но Толстой его «не дождался»; в сентябрьской книжке «Отечественных Записок» была напечатана известная статья Толстого «О народном образовании»[18], «вызвавшая целую бурю как в общей, так и в специально-педагогической литературе»[19]. Публикацией этой статьи однако и ограничилось сотрудничество Толстого в «Отечественных Записках»; законченный им в следующем году роман «Анна Каренина» он передал в катковский «Русский Вестник» и после того на несколько лет его отношения с радикальным органом русской журналистики заглохли.

В 1878 г. Салтыков, ставший после смерти Некрасова во главе «Отечественных Записок», обратился к Толстому с письмом от 28 августа, в котором просил его о сотрудничестве в журнале. «Было время, когда я пользовался Вашим знакомством: может быть, Вы вспомните,— писал Салтыков,— но если б Вы даже и совсем позабыли о моей личности, все-таки я считаю себя в праве как литератор к литератору обратиться к Вам с нижеследующею просьбой... И мне лично, и всей редакции нашей было бы особенно приятно и дорого, если бы Вы приняли в нашем журнале участие своими трудами»[20].

Толстой отвечал письмом (несохранившимся), в котором уклонялся от сделанного ему предложения, на что последовало другое письмо Салтыкова, от 25 сентября, в котором он писал: «Нет нужды говорить Вам, что письмо Ваше принесло мне чувствительнейшее огорчение... Поверьте, что я не ради рекламы желаю Вашего участия в журнале, а просто потому, что ценю высоко вашу литературную деятельность»[21].

Через три года после своего отказа в сотрудничестве Толстой снова потянулся в «Отечественные Записки». Н. К. Михайловский в своих воспоминаниях так рассказывает об этом эпизоде. «В 1881 году гр. Толстой сделал новую честь «Отечеств. Запискам», еще раз предложив свое сотрудничество. У меня нет письма графа, в котором он делал нам это лестное предложение; но вот что в своем обыкновенном, шутливо-ворчливом тоне писал по этому поводу Салтыков Елисееву[22], бывшему тогда за границей. «...я получил от Льва Толстого диковинное письмо[23]. Пишет он, что до сих пор пренебрегал чтением русской литературы и вдруг, дескать, открыл целую новую литературу, превосходную и искреннюю в «Отеч. Записках»! И это так его поразило, что он отныне намерен писать и печатать в «Отеч. Зап.» Я, разумеется, ответил, что очень счастлив, и журнал счастлив, и сотрудники счастливы, что будем ждать с нетерпением, а условия предоставляем определить ему самому. Но покуда еще ответа от него нет». В 1882 году[24] мне нужно было быть в Москве,— рассказывает далее Н. К. Михайловский,— и Салтыков просил меня заехать к гр. Толстому и напомнить ему его собственное предложение. Тогда в петербургских литературных кружках ходили слухи о какой-то повести, которую гр. Л. Толстой уже написал или пишет...[25] Я был очень рад случаю явиться к гр. Толстому с делом, а не просто с желанием познакомиться... Когда я ему сказал, что так, мол, и так, слышали мы, что вы повесть написали или пишете, так не дадите ли ее нам,— он ответил: «О нет! у меня ничего нет, это просто Н. Н. Страхов[26] нашел в моих старых бумагах рассказ и заставил его отделать и кончить,— ему уже дано назначение». И затем граф легко и свободно перешел к разговору об «Отеч. Зап.», сказал много приятных для нас вещей, ни одним словом, однако, не упоминая о своем предложении и тем как бы приглашая и меня не говорить о нем. Я, разумеется, последовал этому невыраженному приглашению»[27]. Об этом свидании с Михайловским Толстой вскользь упоминает в своем письме к Н. Н. Страхову: «Познакомился я с Ник[олаем] Михайловским. Я ожидал большего. Очень молодо, щеголевато и мелко».

Повидимому и в дальнейшем были обращения редакции «Отечественных Записок» к Толстому через Михайловского, так как 20 декабря 1883 г. Салтыков писал Толстому: «Из слов Михайловского я уразумел, что и в нынешнем году «Отеч. Записки» не могут рассчитывать на Ваше сотрудничество. Искренно жаль, потому что хоть «Отеч. Зап.» и не бог знает как талантливо ведутся, но все-таки это честный журнал» [28]. Особенный интерес представляет последнее письмо Салтыкова к Толстому, написанное 14 февраля 1884 г., т. е. за месяц до закрытия «Отечественных Записок», когда Салтыков, уже тяжело больной, истерзанный цензурными гонениями, остался один во главе редакции журнала: Михайловский был выслан из Петербурга, Кривенко арестован, Елисеев умирал за границей. Это письмо Салтыкова написано было в ответ на несохранившееся письмо к нему Толстого, своим содержанием очевидно тронувшее его: «Благодарю Вас за

ЗАПИСЬ О ЩЕДРИНЕ В ДНЕВНИКЕ Л. Н. ТОЛСТОГО ОТ 3 АПРЕЛЯ 1889 г.
Публичная Библиотека им. Ленина, Москва

доброе и благорасположенное письмо и прошу извинить, что не скоро ответил на него. Очень уж жизнь преисполнена всякого рода треволнений. С сердечной скорбью узнал я об аресте Вашей книги, которая так была Вам дорога, как плод Ваших искреннейших убеждений [29]. К величайшему сожалению, я не читал ее, но А. М. Кузминский обещал мне ее уже прислать, и я жду этой присылки с нетерпеньем. Несколько в иных размерах, но и со мною случилось сегодня в таком же роде проделка. В Февральской книжке «Отечественных Записок» я поместил продолжение «Сказок» и получил предложение исключить их из книжки, что, разумеется, и выполнил, ибо в противном случае всей книжке угрожал арест, а может быть и более. Но было досаднее то, что я и для Мартовской книжки приготовил несколько сказок, и теперь должен всю эту работу похерить. А для меня это вещь очень существенная в матерьяльном отношении». Далее Салтыков рассказывает о своих страданиях и утратах, о трудности жизни, об аресте близких людей, о тяжелом положении журнала; рассказывает как своему человеку, как товарищу по несчастью, испытавшему на себе всю тяжесть цензурных гонений. Письмо заканчивается новым призывом: «Ежели Вы приведете в исполнение Ваше намерение относительно помещения в «Отеч. Зап.» Вашего труда, то это будет для всех и в особенности для меня величайшею радостью. Позвольте надеяться, что Вы не обойдете нас, ежели Вам хоть сколько-нибудь сочувственен наш журнал» [30].

Толстой на это письмо не ответил, и когда месяц спустя, 20 апреля 1884 г., по постановлению совещания четырех министров «Отечественные Записки» были закрыты, он ничем не выразил своего сочувствия Салтыкову. На Салтыкова с его ярко выраженным общественным складом натуры молчание Толстого подействовало угнетающим образом и было воспринято как полное равнодушие к фактам общественной жизни. В письме к

П. В. Анненкову от 26 мая 1884 г. он писал: «Я не о том совсем говорю, что литература должна была выразить открыто соболезнование по поводу «Отеч. Зап.» Я думаю, что это немыслимо и даже материально невозможно. Но ведь могли же, например, Островский, который неизменно 15 лет сряду начинал новогодие журнала, или гр. Л. Толстой, который за месяц до закрытия писал и мне и журналу похвалы,— могли же они хоть несколькими строками заявить мне — письменно, а не печатно,— что понимают нечто. Нет, ни один ни слова. Вот почему мне вспоминается Тургенев, который совсем не так бы поступил» [31]. Больной, измученный, огорченный Салтыков со свойственной ему резкостью снова нападает на Толстого, попытка сближения с которым по общественной линии не удалась, в позиции которого он глубоко разочаровался и расценивать которого он склонен теперь более, чем когда-либо, как кривляющегося барина. В письме к Михайловскому от 22 февраля 1885 г. он пишет: «Я, признаться, написал ему [Скабичевскому] [32], что Толстой не более, как Кобеня, но он не совсем согласен со мной; помилуйте, говорит, ведь он советует самим выносить урыльники! Хорошо, коли у кого урыльники есть, а вот у мужичков и этого нет. И рад бы выносить (в огород бы он снес), да приходится прямо на пусто паскудить. А между тем и Толстой и Успенский только и бредят мужичком: вот, мол, кто истинную веру нашел! И ведь какой хитрый этот Толстой! На прежнюю свою деятельность литературную, как пес на блевотину смотрит, а деньги за издание этой блевотины берет хорошие» [33].

И еще в письме к тому же Н. К. Михайловскому: «Самое лучшее и пристойное было бы совсем не писать, да видно так уж до гробовой доски и останусь литературным колодником. Вот прочтите письма Тургенева, увидите, как литературные бары живут. Таков же и Толстой. Говорит о вселюбви, а у самого 30 тыс. р. доходу. Живет для показа в коморке и шьет себе сапоги, а в передней лакей в белом галстуке. Это не я, дескать, а жена. А Михайловскому, Скабичевскому и иным есть нечего. Особливо последнему. Обиднее всего то, что ни Некрасов, ни Тургенев ни обола литературному фонду не оставили, а от Толстого и ждать нечего» [34].

Цитируемое выше письмо к Михайловскому он заканчивает однако строчками, в которых проскальзывает живой интерес к Толстому и его мнениям: «Я понимаю, что Вы не особенно интересовались видеться с Толстым в Москве, а любопытно было бы, сказал ли бы он несколько теплых слов по случаю смерти «Отеч. Зап.» [35]

Упорные попытки Салтыкова на протяжении ряда лет привлечь Толстого к сотрудничеству в «Отечественных Записках» невозможно объяснить только желанием его как энергичного редактора залучить громкое имя в интересах журнала; Салтыковым руководили повидимому более глубокие соображения и чувства. Признавая огромный художественный талант Толстого, он как будто хотел правильно и целесообразно, с точки зрения своих общественных идеалов, использовать эту силу, направить ее на настоящие рельсы, установив тесный контакт между Толстым и наиболее радикальной в политическом отношении писательской группировкой. Эти попытки, как мы видим, успеха не имели. Писатели пошли каждый своей дорогой, не теряя однако друг друга из поля своего зрения.

В конце 80-х годов делается попытка обратного порядка: Толстой принимает все зависящие от него меры, чтобы привлечь Салтыкова к сотрудничеству в издательстве «Посредник», организованному по инициативе В. Г. Черткова и при ближайшем участии Толстого с целью дать народу «настоящую» литературу по дешевым ценам. По этому поводу Толстой обращается к Салтыкову с письмом, датируемым 1—3 декабря 1885 г., которое приводим полностью:

«Очень был рад случаю, дорогой Михаил Евграфович, хоть в несколько официальной форме выразить вам мои искренние чувства уважения и любви, но тут же узнал про ваше нездоровье; и с горем уже стал следить за известиями в газетах и из них же да от знакомых узнал, что вы поправились. Это отлично, только не верьте докторам и не портите себя лечением.

Пишу вам о деле вот каком: может быть вы слышали о фирме «Посредник» и о Черткове [36]. Письмо это передаст вам В. Г. Чертков и сообщит вам те подробности об

этом деле, которые могут интересовать вас. Дело же мое следующее: с тех пор, как мы с вами пишем, читающая публика страшно изменилась, изменились и взгляды на читающую публику. Прежде самая большая и ценная публика была у журналов — тысяч 20 и из них большая часть искренних, серьезных читателей, теперь сделалось то, что качество интеллигентных читателей очень понизилось — читают больше для содействия пищеварению, и зародился новый круг читателей, огромный, надо считать сотнями тысяч, чуть не миллионами. Те книжки «Посредника», которые вам покажет Чертков, разошлись в полгода в ста тысячах экземплярах каждая, и требования на них все увеличиваются. Про себя скажу, что когда я держу корректуру писаний для нашего круга, я чувствую себя в халате, спокойным и развязным, но когда пишешь то, что будут через год читать миллионы и читать так, как они читают, ставя всякое лыко в строку, на меня находит робость и сомнение.— Это впрочем не к делу. К делу то, что, мне кажется, вспоминая многое из ваших старых и теперешних вещей, что если бы вы представили себе этого мнимого читателя и обратились бы и к нему, и захотели бы этого, вы бы написали превосходную вещь или вещи и нашли бы в этом наслаждение, то, которое находит мастер, проявляя свое мастерство перед настоящими знатоками. Если бы я сказал вам все, что я думаю о том, что именно вы можете сделать в этом роде по моему мнению, вы бы, несмотря на то, что не считаете меня хитрым человеком, наверно бы приняли за лесть. У вас есть все, что нужно,— сжатый, сильный, настоящий язык, характерность, оставшаяся у вас одних, не юмор, а то, что производит веселый смех, и по содержанию — любовь и потому знание истинных интересов жизни народа. В изданиях этих есть не направление, а есть исключение некоторых направлений. Но напрасно я говорю это. Мы называем это так, что мы издаем все, что не противоречит христианскому учению; но вы, называя это может быть иначе, всегда действовали в этом самом духе и потому-то вы мне и дороги, и дорога бы была ваша деятельность, и потому вы сами всегда будете действовать так. Вы можете доставить миллионам читателей драгоценную, нужную им и такую пищу, которую не может дать никто кроме вас. Л. Т.» [37].

Это письмо было передано Салтыкову Чертковым, ехавшим из Москвы, где в то время находился Толстой, в Петербург. О личном своем свидании с Салтыковым Чертков сообщил Толстому письмом (оно не сохранилось), на которое Толстой отвечал 7 дека-

В. Г. ЧЕРТКОВ
Рисунок маслом И. Репина, 1886 г.
Собрание В. Г. Черткова, Москва

бря 1885 г.: «Сейчас получил ваше второе письмо, милый друг. Оба очень мне были радостны; вчерашнее — тем, что вы пишете о Салтыкове. Как бы хорошо было помочь ему, вызвав на ту дорогу, на к[оторой] он найдет успокоение». В то же время Салтыков, после свидания с Чертковым, пишет ему следующее письмо от 5 декабря 1885 г.:

5 декабря Литейная, 62.

Милостивый Государь Владимир Григорьевич.

Объясняясь с Вами воочию, я забыл спросить Вас, берете ли вещи, бывшие уже в напечатании (разумеется без гонорара)? Покуда я соберусь с силами, я мог бы указать Вам на одну мою вещь, которая, как мне кажется, как-раз подойдет к Вашему предприятию. Это — «Сон в летнюю ночь», напечатанный в «Отеч. Зап.» 1875 г. и потом перепечатанный в особом издании «Сборника». Содержание этой вещи, отчасти бюрократическое, отчасти крестьянское. У меня остался только 1 экземпляр «Сборника», но думаю, что он есть во всех лавках. Я мог бы значительно ее видоизменить. Я предлагаю сие именно в виду моей теперешней немочи, в чем вы можете удостовериться по каракулям, которыми написано мое письмо, и которые не скоро дозволяют надеяться на возобновление моей деятельности.

Искренно Вас уважающий М. Салтыков

Разумеется, по исправлении, я пришлю вещь к Вам» [38].

«Салтыков написал мне,— пишет В. Г. Чертков Толстому 9 декабря 1885 г.,— спрашивая, годятся ли для нас такие вещи, которые уже были в печати, и предлагая свой «Сон в летнюю ночь», написанный несколько лет тому назад и вошедший в его сборник, недавно изданный. Я ответил Салтыкову, что вообще мы берем уже изданное, но относительно данного рассказа прошу мне, когда он поправится, назначить свидание для личного выяснения». В письме к Толстому от 20 декабря того же года В. Г. Чертков снова обращается к вопросу о сотрудничестве Салтыкова. «С разных сторон мне говорят, что Щедрин очень занят мыслью писать для наших изданий и что ваше письмо произвело на него сильное впечатление. Кузминский говорил вчера, что Щедрин, несмотря на свою болезнь, проработал на днях целый день над рассказом для нас и что на следующий день он вследствие этого встал совсем больной, в нервном расстройстве [39]. Меня беспокоит то, что он может написать что-нибудь совсем неподходящее к нам и поставить нас в неловкое положение. А думаю я, что это возможно на основании некоторых его замечаний при нашем свидании. Он, разбирая то, что можно писать для нас, упомянул о государственном бюджете с целью раскрыть перед крестьянами то, что делается с их деньгами. Он выразил сомнение относительно цензуры. Затем он предложил описать обстановку мелкого помещика, постоянно жалующегося на свою судьбу и действительно стесненного в своих расходах, и — рядом с этим обстановку бедных крестьян, уже решительно не имеющих ничего. Следовало бы ему высказать, что мы не желаем возбуждать экономических и социальных вопросов и еще менее возбуждать одно сословие против другого; что мы хотим высказать общечеловеческие истины и, если обличать, то направлять наше обличение на слабости и пороки, присущие человеку вообще, а не одной какой-нибудь категории людей. Следовало бы дать ему несколько более определенное понятие о нашей задаче, и именно теперь, раньше, чем он что-нибудь написал. Потом это будет труднее».

Из этого письма Черткова ясно, что Салтыков по-своему понял задачи «Посредника» и потому только так охотно пошел навстречу сделанному ему Толстым предложению, что вновь организованное издательское предприятие он рассматривал повидимому как сильное орудие для агитационного воздействия на широкие народные массы в политическом и революционном отношении. Однако такие цели противоречили принципиальной установке организаторов «Посредника» и потому по поводу предложенного Салтыковым для напечатания материала начались переговоры, не приводившие ко взаимному соглашению.

В марте 1887 г. Салтыков направил в книжный склад «Посредника» пять сказок с сопроводительным письмом следующего содержания:

«В книжный склад «Посредника»

Уже довольно давно Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков предлагали мне участвовать в изданиях «Посредника», но в то время у меня ничего подходящего не было. Теперь же кое-что набралось и я препровождаю при сем в склад пять сказок [40], которые и прошу издать, если это окажется удобным. Две из них: «Самоотв[ерженный] заяц» и «Бедный волк» я полагал бы издать вместе (в одной книжке), так как между ними есть связь; остальные порознь. При этом я вполне подчиняюсь тем условиям, какие полагаются для прочих писателей, участвующих в изданиях «Посредника».

Я попросил бы ответить на настоящее письмо, и при том, по возможности, скорее, потому что я тяжко болен.

Литейная, 62. М. Салтыков (Щедрин)

В случае напечатания прошу на обложке означить: соч. Н. Щедрин (М. Салтыков)» [41].

«Щедрин прислал нам несколько своих вещей,— писал Чертков Толстому 19 марта 1887 г.— Я был у него. Он, повидимому, сознает, что умирает... Во всех почти его рассказах, подходящих сколько-нибудь к нашей цели, есть что-нибудь прямо противоположное нашему духу; но когда указываешь на это, то он говорит, что всю вещь написал именно для этого места, и никак не соглашается на пропуск».

По личным воспоминаниям В. Г. Черткова, сообщенным для настоящей статьи, из предложенных Салтыковым к напечатанию в «Посреднике» произведений особенное внимание Толстого обратила на себя «Рождественская сказка» [42], которую он считал во всех отношениях «изумительной», но которую «портил» «нехристианский» конец, не мотивированный, по мнению Толстого, всем предыдущим изложением. Этот конец Чертков, от лица Толстого, просил Салтыкова переделать или опустить. «Вы хотите отрезать конец? — рассердился Салтыков.— Ну, так я вам скажу, что свои произведения я не отмериваю на аршин!» Он категорически отказался от каких бы то ни было переделок своих произведений; Толстой со своей стороны не захотел сделать уступки, и в результате ни одно из произведений Салтыкова не было напечатано в «Посреднике».

Это столкновение было последним эпизодом из отношений Толстого и Салтыкова.

28 апреля 1889 г. Салтыков скончался; смерть его не вызвала непосредственного отклика со стороны Толстого. Только спустя много лет, в 1904 г., Толстой вспомнил о Салтыкове именно в плане его болезни и смерти. А. Б. Гольденвейзер записал: «Л. Н., говоря, об ужасном впечатлении, которое оставляет в его [Белоголового] [43] записках описание болезней и смерти Некрасова, Тургенева, Салтыкова, сказал: «Как они боялись смерти! и эти ужасные, отвратительные подробности болезни, особенно Некрасова». И дальше, уже в 1910 г., т. е. в год собственной смерти: «Л. Н. говорит: «Репутация писателей не соответствует их действительным достоинствам. Вот мне это время плохо работается, и я часто читаю газеты. Мне попалось о Щедрине,— как он трудно умирал, как заботился об издании сочинений... И странно читать: пишут об нем, как о великом писателе, а кто теперь его читает? Да, это в нашем деле, да и во всяком также, всегда если имеешь дело с публикой, никогда не следует обращать внимание на критику, ни на отрицательную, ни на хвалебную, а делать свое дело» [44].

«Свое дело», дело художника, оба писателя понимали каждый по-своему и до конца жизни не отступили от своих позиций. История в лице современности разрешила их старый спор и в качестве высшего арбитра вынесла свое окончательное суждение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Материалами для настоящей статьи послужили, помимо указанных ниже печатных источников, автографы, хранящиеся в Государственном Толстовском музее, Публичной библиотеке им. Ленина, ИРЛИ и в личном архиве В. Г. Черткова.

2 Русанов, Г. А., Поездка в Ясную Поляну 24—25 августа 1883 г.— «Толстовский ежегодник 1912 г.», стр. 70.

3 Кузминский, А. М. (1843—1917) — муж Т. А. Кузминской, рожд. Берс (сестры С. А. Толстой), автора воспоминаний «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне», изд. М. Сабашникова. М., 1927.

4 Апостолов, Живой Толстой. ГИЗ. М., 1928, стр. 115.

[5] Повидимому «Пошехонские рассказы».— «Отечественные Записки» 1884, № 3.
[6] Вероятно «Пошехонская старина. Жизнь и приключения Никанора Затрапезного».— «Вестник Европы» 1889, № 3.
[7] Русанов, Г. А., Поездка в Ясную Поляну 24—25 августа 1883 г.— «Толстовский ежегодник 1912 г.», стр. 55 и 77.
[8] Лазурский, В., Воспоминания о Л. Н. Толстом. М., 1911, стр. 40—41.
[9] Перцов, П. П., Литературные воспоминания. М.— Л., 1933, стр. 138.
[10] Первое средство быть скучным — все договаривать до конца.
[11] Гольденвейзер, А. Б., Вблизи Толстого. М., 1923, т. I, стр. 285.
[12] Ibid., стр. 75.
[13] Намек на известную сказку Щедрина «Повесть о том, как мужик двух генералов прокормил», впервые напечатанную в «Отечественных Записках» 1869, № 2.
[14] Толстая, С. А., Автобиография.— «Начала» 1921, стр. 147.
[15] Апостолов, Н. Н., Живой Толстой. ГИЗ. М., 1928, стр. 115.
[16] Салтыков-Щедрин, Письма 1845—1889. ГИЗ. М., 1924, стр. 76.
[17] Михайловский, Н. К., Литературные воспоминания и современная смута. СПБ., 1905, т. I, стр. 199.
[18] «Отечественные Записки» 1874, № 9, стр. 147—304.
[19] Михайловский, Н. К., Литературные воспоминания. СПБ., 1905, т. I, стр. 200.
[20] «Письма Толстого и к Толстому». ГИЗ. 1928, стр. 249—250.
[21] Ibid., стр. 251.
[22] Елисеев, Г. З. (1821—1891) — бывший профессор Казанской духовной академии, ближайший сотрудник «От. Записок», ведший отдел «Внутреннее обозрение».
[23] Это письмо не сохранилось.
[24] Первое свидание Михайловского с Толстым состоялось осенью 1881 г., а не 1882 г., как ошибочно здесь утверждает Михайловский.
[25] Речь идет повидимому о повести «Холстомер», начатой в 1863 г. и к тому времени вчерне законченной.
[26] Страхов, Н. Н. (1828—1896) — писатель и литературный критик, друг Толстого.
[27] Михайловский, Н. К., Литературные воспоминания и современная смута. СПБ., 1905, т. I, стр. 213—214.
[28] «Письма Толстого и к Толстому». ГИЗ. 1928, стр. 254.
[29] Речь идет об аресте, наложенном на книгу Толстого «В чем моя вера?» М., тип. М. Н. Кушнерева и К°, 1884.
[30] «Письма Толстого и к Толстому». ГИЗ. 1928, стр. 256—257.
[31] Салтыков, Письма. Л. ГИЗ. 1924, стр. 264.
[32] Скабичевский, А. М.— критик и публицист, сотрудник «Отечественных Записок».
[33] Салтыков, Письма. Л. ГИЗ. 1924, стр. 286.
[34] Письмо опубликовано впервые в этой книге выше.
[35] Салтыков, Письма. Л. ГИЗ. 1924, стр. 286.
[36] Чертков, В. Г.—публицист и общественный деятель, близкий друг Толстого.
[37] Воспроизводится по копии, хранящейся в Государственном Толстовском музее (архив Черткова). Публикуется полностью впервые. В 1900 г. В. И. Лихачев, сотрудник «Вестника Европы» и близкий друг Салтыкова, обратился через Стасова к Толстому с просьбой дать разрешение на публикацию этого письма в особом сборнике, посвященном Салтыкову. Толстой отвечал Стасову в письме от 25 января: «Лихачеву скажите, что я всегда, что касается моих писаний, в каком бы виде они не были, на все согласен». Издание проектировавшегося сборника не осуществилось, и письмо осталось неопубликованным. Отрывок из него использован в книге Н. Н. Апостолова «Лев Толстой и его спутники». ГИЗ. М., 1928, стр. 213.
[38] Публикуется впервые с автографа, хранящегося в личном архиве В. Г. Черткова. На публикацию данного и последующего письма Салтыкова в настоящей статье получено разрешение от В. Г. Черткова.
[39] То же сообщает А. Н. Унковский в неизданном письме к В. М. Соболевскому от 18 декабря 1885 г. Информируя своего адресата о состоянии здоровья Салтыкова, Унковский пишет здесь: «На прошедшей неделе в течение 2—3 дней он [Салтыков] занялся просмотром нескольких прежних своих произведений с целью отдать их гр. Л. Н. Толстому для народного чтения и, прочитав листа четыре, так утомился, что эта работа имела следствием весьма сильный припадок, продолжавшийся несколько часов». (Письмо хранится в ИРЛИ.)
[40] «Бедный волк», «Самоотверженный заяц», «Пропала совесть», «Рождественская сказка». Название пятой сказки установить не удалось.
[41] Публикуется впервые с автографа, хранящегося в личном архиве В. Г. Черткова.
[42] «Рождественская сказка» впервые напечатана в «Русских Ведомостях» 1886, № 354.
[43] Белоголовый, Н. А. (1834—1895) — врач, близкий к литературному кружку «Отечественных Записок», лечивший Некрасова, Салтыкова, а впоследствии, в Париже, Тургенева. Автор известных воспоминаний.
[44] Гольденвейзер, А. Б., Вблизи Толстого, т. I, стр. 128.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ САЛТЫКОВА с М. И. СЕМЕВСКИМ

Сообщение И. Троцкого

Публикуемая ниже запись разговора с Салтыковым от 6/II 1882 г. взята нами из хранящегося в ИРЛИ Академии Наук СССР переплета бумаг редактора-издателя «Русской Старины» М. И. Семевского, озаглавленного им «Материалы к воспоминаниям». Переплет этот сборного содержания, и хранящиеся в нем очень разнородные по ценности материалы никак не объединены. Своего намерения написать мемуары Семевский так и не успел осуществить.

Запись эта дает довольно ценный биографический материал для истории административной карьеры Салтыкова; отдельные же детали имеют более широкое значение и представляют на первый взгляд интерес и для идеологической характеристики писателя. Знакомство с текстом создает однако впечатление несколько неожиданное. Салтыков рисует самого себя довольно розоватым либералом в духе милютинской школы. Для того чтобы понять происхождение этого странного обстоятельства, нужно учесть физиономию его собеседника — автора записи.

Мы знаем М. И. Семевского как посредственного историка-фактографа и основателя и редактора «Русской Старины», в замечательном архиве которого сохранилось много первоклассных исторических и литературных памятников, публикация которых и посейчас еще приносит различные сюрпризы. В свое время это была довольно заметная фигура петербургского либерально-бюрократического круга. Вот его полный титул, им самим опубликованный:

«Тайный советник, бывший товарищ С.-Петербургского городского головы, член археографической комиссии, почетный член археологического института, почетный член общества археологии, почетный член Ростовского музея, почетный член Петровско-астраханского общества, член обществ: истории, географии, антропологии и минералогии, член восьми губернских архивных комиссий, член-сотрудник ученых обществ при трех университетах, член литературного общества и общества любителей российской словесности, член статистического комитета, член королевского общества истории в Лондоне, почетный член общества птицеводства и редактор-издатель журнала «Русская Старина».

Для того чтобы напечатать такой титул в собственном журнале, нужно было обладать поразительным бюрократическим бесвкусием. Таков был М. И. Семевский и во всем: в политических взглядах, застывших на уровне пресноводного либерализма 60-х годов, и в исторических своих работах, и в подборе материалов для редактируемого им журнала, где наряду с действительно ценными источниками печаталось множество меморативной макулатуры, и в публичных речах своих, которые он очень любил произносить и которые по отзывам современников «насколько отличались обилием красивых фраз, настолько же были лишены всякого содержания».

При всем том М. И. Семевский в оценке Салтыкова известный вкус проявлял: он действительно считал его гениальным сатириком и как при жизни, так и после смерти писателя уделил ему в своем журнале ряд хвалебных страниц. Трудно судить, да и не интересно, в какой мере его оценка не была повторением обычного трафарета, не была свойственным его литературной манере готовым и по существу бессодержатель-

ным штампом. Для нас важно то, что Семевский проявлял по отношению к Салтыкову определенный интерес.

Интерес, проявленный М. И. Семевским к кому бы то ни было, никогда не был бескорыстным и всегда как-то обязывал то лицо, на которое он распространялся. Семевский был великим ловцом исторических материалов и умел заставлять людей работать на себя. В форме ли воспоминаний или устных рассказов, или наконец записей в альбом, которые предприимчивый владелец публиковал под заголовком «Мои знакомые», но без дани никто почти не мог уйти от этого цепкого собирателя фактов. «Теперь все почти штатные и заштатные Периклы и Эпаминонды,— писал в своем фельетонном словаре современников В. Михневич,— на досуге пишут свои «Воспоминания», поскольку они не растерялись в них от долголетнего беспорочного делания «истории государства Российского» и обязательно адресуют и посвящают их Михаилу Ивановичу для «Русской Старины»,— кончено безвозмездно». Но не только отставные Периклы и Эпаминонды составляли круг данников «Русской Старины». Ее поставщиками являлись и доживавшие свой век частью раскаянные, а частью сохранившие юный жар декабристы, и петрашевцы, и другие представители общественной мысли. В этом смысле «Русская Старина» в период редакторства Семевского все же выгодно отличалась своим хотя бы и пошловатым либерализмом от махровой реакционности ее конкурента — «Русского Архива» (также достаточно реакционный «Исторический Вестник» в интересующее нас время только что появился и еще не играл особой роли).

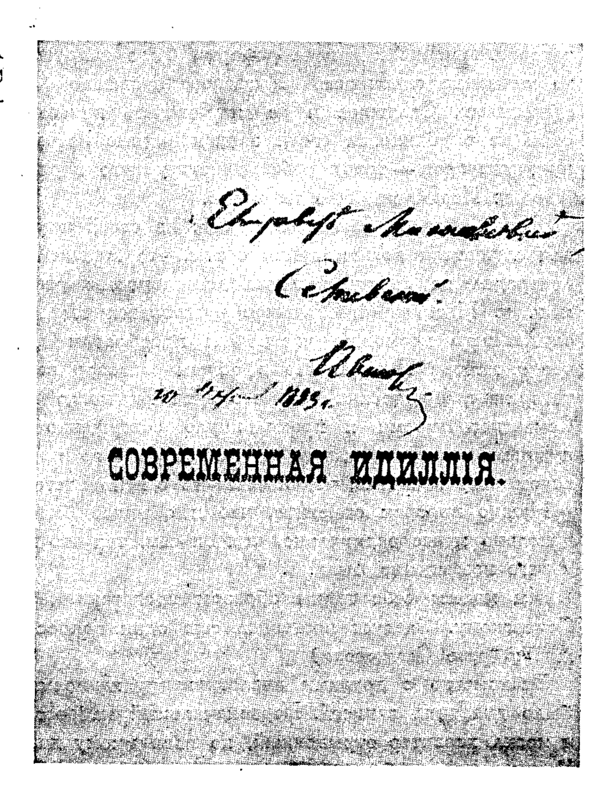
Салтыков конечно оценивал по достоинству Семевского, бывшего по существу одним из салтыковских либеральных персонажей. Великий сатирик, для которого история была прежде всего историей крестьянского горя и помещичье-бюрократического произвола, который знал, что «история только потому и признается поучительной, что она сплошь из одних обид состоит» («Убежище Монрепо»), не мог конечно принимать всерьез историографическую ценность Семевского. Общее отношение свое к официозным фактографам он лучше всего формулировал в письме к А. Н. Пыпину по поводу статьи А. С. Суворина в «Вестнике Европы», посвященной «Истории одного города»: «...Рецензент упрекает меня, что я сделал это в пику Шубинскому и другим подобным историкам. Но что такое Шубинский? По моему мнению — это своего рода т и п (разрядка моя.— *И. Т.*) или говоря гончаровскими словами «вещественное выражение невещественных отношений». Шубинский это человек, роющийся в ..... и серьезно принимающий его за золото. Шубинский — это тип, положим, крайний, но никто не мешает и возвеличить его, т. е. возвести в квадрат и куб — все же будет Шубинский» («Неизданные письма». «Academia», 1932, стр. 35).

В произведениях Салтыкова М. И. Семевский упоминается неоднократно, конечно не в столь резких выражениях, как в вышеприведенном письме. Но и здесь он попадает на свою полочку, и никакой разницы между ним и реакционным издателем «Русского Архива» Салтыков не делает. Так современный Митрофан из введения к «Господам ташкентцам», «благодаря гг. Бартеневу и Семевскому, знает не мало анекдотов из истории просветительной деятельности XVIII века и, заручившись ими, считает себя уже совершенно свободным от цивилизованных отношений вообще». Базаров в интерпретации Салтыкова «на красоту вообще взирает с той же точки зрения, с какой г. Семевский взирает на русскую историю» («Признаки времени»). Такие примеры можно бы и умножить, но и этого достаточно, чтобы признать, что Салтыков отнюдь не строил себе иллюзий относительно общественной и научной ценности своего собеседника.

И при всем том Салтыков и автобиографии свои для Семевского составлял, и в мемморативные беседы с ним пускался. Дело в том, что историк города Глупова прекрасно понимал, что и сам он материал для истории и как-то довольно часто оглядывался на «Русскую Старину» как на наиболее все же достойный из современных ему журналов.

И в произведениях его, и в письмах мы находим указания, что то-то и то-то — материал для будущей «Русской Старины». И сам он сообщал анекдоты из своей био-

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ЭКЗЕМПЛЯРА «СОВРЕМЕННОЙ ИДИЛЛИИ» С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ САЛТЫКОВА Е. М. СЕМЕВСКОЙ ОТ 10 ОКТЯБРЯ 1883 г.
Институт Русской Литературы, Ленинград

графии М. И. Семевскому для «Русской Старины» 90-х годов» («Письма». Л., 1925, стр. 283). И поскольку не было никаких оснований отказываться от сообщений интересовавших Семевского фактов, Салтыков и удовлетворял его интерес, хотя замечание Семевского о том, что в начале беседы писатель (а встреча по всем данным была условленная) «был не в духе», представляет в этом смысле деталь довольно любопытную.

Семевский мог заинтересовать Салтыкова и особым манером. В беседе упоминаются записки Я. А. Соловьева, печатавшиеся в это время в «Русской Старине». Но то место, о котором идет речь, было напечатано только в мартовской книжке журнала за 1882 год, разговор же происходил 6 февраля. Очевидно Семевский принес Салтыкову рукопись записок Я. А. Соловьева, в которой содержались данные о его служебной деятельности, и отсюда вероятно и весь характер разговора, посвященного предреформенным годам.

Что же мог Салтыков сказать Семевскому? Свое отношение к «великим реформам» он довольно отчетливо, хотя и в завуалированной эзоповским языком форме выразил в своих произведениях, но сидевший перед ним поклонник недавно «в бозе почившего» по приговору народовольцев царя-освободителя меньше всего воспринимал эту сторону салтыковской сатиры. Не мог же автор «Глуповского распутства» процитировать своему собеседнику характеристику Зубатова (олицетворение либеральной бюрократии с Александром II во главе), который «первый заприметил Иванушек, но справедливость требует сказать, что заприметил тогда, когда уже и нельзя было не заприметить их,— это первое. Во-вторых, в ту минуту, когда он заприметил, то не возрадовался и не стал кричать как оглашенный, но смешался и начал путать (доказательством, что это справедливо, служит то, что он продолжает путать даже и до этого дня). В-третьих, не он открыл Иванушек, а Иванушки открыли сами себя. В-четвертых, наконец, когда Иванушки упали к нему, как снег на голову, он вздохнул и вздохнул об вас, Сидорычи!» Не мог всего этого сказать Салтыков сидевшему перед ним, потому что тот хотя и не был Сидорычем, но все же составлял плоть от плоти Зубатова, и для него

такое отношение к «эпохе реформ» было надругательством над святыней. А принимая во внимание склонность Семевского поспешно делиться с публикой добытыми им сведениями, Салтыков и не мог сказать ничего нецензурного. Действительно Семевский не опубликовал своей записи видимо потому только, что приберег ее для будущих мемуаров — таких собеседников у него в ряду заштатных генералов и прочих отставных Периклов было не много.

Таким образом Салтыков извлек из своей памяти наиболее безобидные и доступные для слушателя воспоминания о том, что Ланской был не человек, а кисель, о том как пострадал за «обличительную деятельность» реакционер П. И. Мельников-Печерский, и т. п. Настоящий Салтыков чувствуется только в характеристике Шидловского, послужившего возможно частичным прообразом для градоправителей города Глупова вроде майора Прыща. Но в общем разговор вертелся повидимому вокруг различных историко-канцелярских тем, что едва ли могло особенно увлечь Салтыкова, хотя для Семевского время и промелькнуло совершенно незаметно. Недаром Салтыков счел нужным подчеркнуть, что он всегда был по призванию писателем и о службе своей вспоминает неохотно, что и печатать о ней ничего не стоит и т. п.

Нужно впрочем отметить, что и обычное бытовое окружение Салтыкова было значительно менее радикально, чем он сам, так что привычка к «либеральному разговору» у него несомненно была.

Мы можем себе таким образом представить, что и почему рассказывал Салтыков Семевскому. Следует поставить еще один вопрос: в какой мере запись воспроизводит живую речь Салтыкова?

Знакомство с другими аналогичными записями Семевского показывает, что у него было два типа записей. Первоначальный набросок делался в самый момент разговора и носил характер отрывочный, но повидимому довольно близкий к содержанию беседы. Затем он перерабатывался уже в связное изложение с живой речью, но при безвкусии и литературной сухости Семевского индивидуальные черты рассказчика стираются, проглядывая только в отдельных деталях. Вообще Семевский добросовестно старался передавать чужие слова, ничего от себя не привнося, но удавалось это ему лишь относительно. Особенно чувствуется авторство в тех записях, которые делались без первоначальных набросков, по памяти, — обычно это происходило тогда, когда собеседник был настолько высокопоставленным или так неохотно делился своими сведениями, что Семевский считал неудобным делать заметки.

И публикуемая запись сделана очевидно по памяти, Семевский сам оговаривает, что здесь имеется лишь «кое-что из беседы». Естественно, мы имеем право отнести ряд моментов за счет преломления беседы в сознании передающего. Едва ли например Салтыков особенно похвалялся тем, что «государь сам был его читателем и защитником», это собственно из предшествующего рассказа и не вытекает, но так понял Салтыкова Семевский, для которого именно это и было важно — недаром он был устроителем «коммеморативных» обедов 19 февраля, на которые безуспешно пытался приглашать и Салтыкова.

Вместе с тем следует отметить, что при некоторых легко объяснимых давностью событий ошибках в фактических деталях память Салтыкова работала очень точно. В этом смысле характерно подчеркивание им встречи с Я. А. Соловьевым именно в 1860 г., упоминание о Шувалове как директоре департамента общих дел (что имело место именно в 1860 г.) и т. п. Эти обстоятельства его чреватой всяческими неприятностями чиновной карьеры очевидно крепко запомнились Салтыкову.

Из всего вышесказанного оценка материала кажется должна быть ясна: мы можем с полным доверием отнестись к фактической стороне записи, круг же затронутых Салтыковым вопросов вызван характером его собеседника, на счет которого надлежит отнести тон и манеру изложения.

И. Троцкий

МИХАИЛ ЕВГРАФОВИЧ САЛТЫКОВ

(6 февраля 1882 г.)

Приехал к нему сегодня в 12 час. дня. Сидит в кабинете, за корректурой, в халате. Лицо усталое, как бы налитое водянкой, болезненное. Когда говорит — сильная отдышка, точно астма его душит, когда ходит — ногу слегка волочит, точно одна у него слегка тронута параличем. Вообще наружный вид нашего гениального сатирика заставляет желать ему здоровья, так как именно здоровья ему оч[ень], оч[ень] недостает. В начале был не в духе; потом постепенно одушевился и час времени пролетел — секундой. Вот кое-что из его беседы.

«Возвращен я из Вятки С. С. Ланским [1] в 1856 году, до коронации.— Приехал я в Спб; был я тогда советником Губер. Правления,— явился к Ланскому — и заявил, что ехать я, хотя бы и с повышением, в провинцию не желаю. Меня причислили к Министерству.— Директором Хозяйственного Департамента был в то время Н. А. Милютин [2]. Он взял меня под свое покровительство. Дали мне большую работу: составить исторический обзор того, что было пожертвовано после войны 1812 года на помощь пострадавшему населению, как велики были бедствия населения и что сделано было в пользу пострадавшим; а в параллель с этим я же сделал обзор того, как велики были нужды в населении, пострадавшем после войны 1853—1855 гг., что было пожертвовано на помощь пострадавшим — эта работа вела к определению того, что должно было сделать для пострадавших во время войны 1853—1855 гг. Весь труд этот был напечатан особою запискою, и его можно найти в М-стве [3].

Живя в Спб., именно в это время я посылал и печатал в «Русском Вестнике» мои «Губернские очерки».— Было нас тогда в М-стве Вн. Дел два литератора, причастных к «обличительной литературе». Я и Мельников (Пав. Ив.)[4]. В Госуд. Сов., при встречах с Паниным [5], Ростовцевым [6], быть может Чевкиным [7],— Ланской выносил из-за нас не мало нападков. Особенно доедал его Панин, который жаловался даже однажды государю, что де «управлять нельзя Министерством, обличительная литература вмешивается во все» и т. п.— Ланской был, в сущности, человек вполне хороший, гуманный, но это был кисель-человек; просто либеральный кисель и поддавался влиянию вблизь его стоящего человека; но ко мне относился он очень хорошо. Не устоял однако под нападками Папина и К°, призывает Ланской Мельникова и требует, чтобы тот не писал в журналах.— Мельников прибегает ко мне и сообщает об этом.— Ну, стало быть и до меня дело касается. Иду к Ланскому. Спрашиваю его. Старик весь покраснел и говорит: «Это до вас вовсе не касается».

До какой степени он еще сам тогда не определился по отношению к либеральным реформам, в важнейшей из которых ему вскоре довелось быть вожаком [8], видно из следующего: в августе 1856 года, за несколько дней до отъезда Ланского на коронацию в Москву, получаю от него приглашение на чашку чая, на Аптекарский Остров, на дачу Министра. Застаю у него только Гвоздева [9], человека тогда такого, от которого все зависело в Министерстве; он держал Ланского в руках.— Говорит этот Гвоздев так почтительно: «ваше высокопревосходительство, вот де говорят, что скоро подымется вопрос об уничтожении крепостного права и что вы...» (Гвоздев — как мошенник, был сам, конечно, крепостник в душе, самый отчаянный.) И что же вы думаете? — «Нет, этого ни за что не будет; или будет — по крайней мере очень не скоро», отвечал Ланской и отвечал с твердостью! Вот тебе и человек. Просто был кисель, а не человек.

В 1858 году — кажется, именно в апреле, Ланской представил меня особым докладом в вице-губернаторы, в Рязань; но при этом, чтобы оградить себя, счел, конечно, необходимым объяснить, что де вот это тот самый Салтыков, который пишет и проч. Чтож бы вы думали? Государь, утверждая доклад, говорит: «И прекрасно; пусть едет служить, да делает сам так, как пишет», т. е. так, как желает, чтобы действительно делали хорошо.

Как видите, в то время государь сам был моим читателем и защитником.

Когда меня из Рязани перевели вице-губернатором в Тверь, тогда при Мин. Вн. Дел, в особой комиссии, обсуждалась реформа уездной полиции. Меня, как ближайшего вице-губернатора, и как, почему-то, как эксперта, вызвали в эту комиссию. И я жил тогда месяца два в С.-Петербурге в 1860 году. Встретил я в комиссии: Н. А. Милютина, бывшего тогда товарищем министра, Я. А. Соловьева[10], Н. И. Стояновского[11], Спб. губерн. Смирнова[12], гр. Петра Анд. Шувалова[13], бывшего тогда директором департамента общих дел, и еще нескольких лиц, кого именно не помню. Ну, полиция, как известно, была тогда ужасно нелепая. Городская была врозь от земской; мошеннику стоило только выйти за городской выгон и он уже попадал в ведение земской полиции, и городская заводила о нем переписку с земской. Ну, словом, нелепость была изрядная.— Комиссия много толковала. Шувалов был на ножах с Милютиным; но играл граф Шувалов довольно жалкую роль; против него в комиссии были все; поддерживал его только один Смирнов; говорил часто и я против него. Ну-с, проходят годы. Я в 1867 году в Туле, председателем Казенной палаты. Пишет ко мне Рейтерн[14], что на меня беспрестанно жалуется губернатор Шидловский[15], что де я его, губернатора, держу в осаде, кричу на него и проч. Вижу я — пахнет отставкой; а тогда положение мое как писателя не было еще прочно. «Современник» был закрыт; «Отеч. Записки» не перешли еще к Некрасову. Выходить в отставку не находил я еще возможным. Нечего делать; еду в Спб. объясняться. Иду к Рейтерну. Выясняется дело, что граф Шувалов, управл[яющий] тогда III Отделения, нажаловался на меня государю. И государь согласился на то, чтобы «Салтыкова убрать как беспокойного человека из Тулы».

А дело состояло в том, что Шидловский, губернатор тульский, уже тогда был сумасшедший, у него болезнь была в ухе, и когда она бывало начнет нажимать на мозг, он дурел и выкидывал глупости, против которых я и говорил, и спорил. Только несколько лет спустя, сделавши Шидловского товарищем министра, заметили, что он был сумасшедший.— Он умер. «Не сходить ли мне к гр. Шувалову объясниться?» говорю я Рейтерну.— «А что же, сходите, это не лишнее». Отправлюсь к Шувалову. Принимает весьма любезно. «Вы, граф, уверили государя, что я человек беспокойный».— «А что же, неужели вы, г. Салтыков, разубедите меня в том, что вы человек не беспокойный?» — «С чего же вы взяли это?» — «О, я вас очень хорошо и давно знаю, еще с того времени, когда мы встречались с вами в комиссии по преобразованию полиции,— говорит мне весьма любезно Шувалов,— припомните, как вы тогда вели себя?»

«Как я себя вел? — воскликнул я, весь покраснев от негодования и вскочил с места.— Как я себя вел? Да ведь я был членом комиссии, так же как и вы, ведь я высказывал свое мнение, свое убеждение! Ведь я думал, что я дело делаю! А если мое мнение было несогласно с вашим, так ведь из этого не следует, чтобы мне теперь ставили вопрос: как я себя вел». Шувалов также встал и, увидев мое негодование, стал меня успокаивать, уверяя, что он ни мало не думал меня обидеть и проч.

«Нет-с, вы однако, доложили государю, что я беспокойный человек; я вас прошу непременно доложить теперь, что я был у вас и объяснялся с вами».

«Ну, помилуйте,— мы люди такие маленькие, что невозможно о нас и нами утруждать государя. Между его велич[еством] и нами такая дистанция огромная...»

«Нет, позвольте! должно быть не столь огромная, если государю докладывают, что я беспокойный человек и что вызывают его на решение убрать меня. Я вас прошу непременно обо мне доложить и о моем с вами объяснении».

«Хорошо, доложу».

Ну, уж конечно и расписал он меня!

Тем не менее тогда я не был уволен в отставку, а переведен председателем Казенной палаты в Рязань.

И вот сюда уже, месяцев шесть спустя, пишет ко мне Рейтерн, что де и рязанский губернатор — Болдырев[16] (тот самый, что потом был под судом) пишет, что я и его

держу в осаде, как держал Шидловского; что жалобы двух губернаторов в III Отделение вызывают его, Рейтерна, на необходимость предложить мне подать в отставку.

А я только что собирался это сделать сам. «Отечеств. Записки» перешли в это время к Некрасову, меня пригласили быть постоянным сотрудником этого журнала, и я с удовольствием бросил службу, да и не хочу о ней вспоминать! Я писатель по призванию. Еще в лицее меня все тянуло к литературному труду; выйдя из лицея, я 20-летним юношей написал повесть, после которой отправился в Вятку[17]; и вообще, куда бы и как бы меня ни бросала судьба, я всегда бы сделался писателем, это было положительно мое призвание. Я. А. Соловьев упоминает в своих записках[18], что я, в бытность мою при М-стве Вн. Дел (1856—1858 гг.) чиновником особых поручений, составил по поручению м-ра обзор всех мнений о нашей полиции и составил предположение о том, как ее исправить. Я только сделал свод мнений, вызывавшихся рядом нескольких министров внутренних дел, из которых каждый, в свою очередь, пытался преобразовать полицию и из этого ничего не выходило — пока не освободили крестьян. Затем я решительно не помню, составлял ли я какие предположения об исправлении полиции, или нет, но если и составлял, то записка моя должна быть очень слабая и голословная и вообще не стоившая внимания[19].

Вообще, повторяю,— о времени моей службы я стараюсь забыть. И вы ничего о ней не печатайте. Я — писатель, в этом мое призвание».

На мое однако замечание, что еслибы он не прошел всех стадий службы (кто на Руси не служил!), тогда, быть может, он и не стал бы тем, что он теперь, т. е. не знал бы так Русь и всю ее бюрократию,— Салтыков согласился с этим.

Кабинет нашего гениального сатирика в два окна; он очень прост; оклеен лиловатыми обоями, и стены его украшены тремя большими, карандашом исполненными портретами: его жена (рожд. Болтина), сын и дочь. Тут же, в кабинете, два бюста Салтыкова, исполненные Забело и кем-то другим. В гостиной, над диваном, висит превосходно писанный Крамским портрет Мих. Евграфовича.

«Сижу я все дома. Никуда не выхожу и не выезжаю,— говорил Салтыков, меня провожая и после беседы о разных современных событиях,— изредка лишь бываю у А. М. Унковского,— благо близко живет, да иногда вечерком у В. П. Лихачева — здоровье плохо, жить доводится недолго. Слышите, какой у меня кашель».

М. Е. Салтыкову всего лишь 56 лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Ланской, Сергей Степанович, граф (1787—1862) — министр внутренних дел в 1855—1861 гг.

2 Милютин, Николай Алексеевич (1818—1872) — известный либерал «эпохи реформ», игравший видную роль в проведении крестьянской реформы; под давлением реакционно-крепостнических кругов ушел в 1861 г. из министерства внутренних дел.

3 Возможно, что Салтыков имеет в виду составленный им в 1856 г. свод распоряжений по призыву государственного ополчения, для написания которого он специально выезжал в Тверскую и Владимирскую губернии и знакомился там с материалами губернских комитетов ополчения. Поручение, о котором он здесь говорит, согласно данным, приводимым К. К. Арсеньевым в биографическом очерке о Салтыкове, не значится в его послужном списке.

4 Мельников-Печерский, Павел Иванович (1819—1883). Выдвинувшись гонениями против раскола в бытность чиновником особых поручений при нижегородском губернаторе, с 1855 г. состоял при министерстве внутренних дел.

5 Панин, Виктор Никитич, граф (1801—1874) — министр юстиции в 1840—1861 гг. Ярый крепостник, «глава самой дикой, самой тупой реакции», по выражению Герцена, Панин в период крестьянской реформы представлял линию наиболее крайних реакционеров и вызвал в «Колоколе» энергичную разоблачительную кампанию.

6 Ростовцев, Яков Иванович (1803—1860) — один из любимцев Николая I, выдвинувшийся благодаря предательству в деле декабристов. В качестве председателя Главного комитета по крестьянскому делу занимал относительно либеральную позицию.

7 Чевкин, Константин Владимирович (1803—1875) — в то время главноуправляющий путями сообщения. Примыкал к крайним крепостникам.

[8] Выражение «довелось быть вожаком» нужно принимать с большой осторожностью. С. С. Ланской действительно играл известную роль в деле проведения крестьянской реформы, но преимущественно пассивную, оппортунистически склоняясь на сторону тех групп, которые получали в тот или другой момент известное превосходство. Термин «вожак» либо не принадлежит Салтыкову, либо был употреблен Салтыковым применительно к настроению своего собеседника.

[9] Гвоздев, Алексей Алексеевич — директор департамента общих дел министерства внутренних дел с 1849 г.

[10] Соловьев, Яков Александрович (1820—1876) — умеренный либерал, ставленник Н. А. Милютина, в 1857—1863 гг. заведывал земским отделом министерства внутренних дел. Записки его о «Крестьянском деле» печатались в течение ряда лет в «Русской Старине».

[11] Стояновский, Николай Иванович (1820—1900) — деятель судебной реформы. В указываемый период числился герольдмейстером департамента герольдии Сената.

[12] Смирнов, Николай Михайлович (1808—1870) — петербургский губернатор, реакционер, муж известной в истории литературы своими записками А. О. Смирновой-Россет.

[13] Шувалов, Петр Андреевич, граф (1827—1889), в 1860 г. состоял директором департамента общих дел министерства внутренних дел; в 1861 г. — начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III Отделением. В 1866—1874 гг. — шеф жандармов, позже — посол в Англии.

[14] Рейтерн, Михаил Христофорович, граф (1820—1890) — министр финансов; в 1862—1878 гг. Салтыков был подчинен ему по должности председателя казенной палаты.

[15] Шидловский, Михаил Романович (1826—1880). Пробыл тульским губернатором до 1870 г., когда вышел в отставку; однако в том же году назначен начальником Главного управления по делам печати, а в 1871 г. — товарищем министра внутренних дел. В 1874 г. был уволен в отставку «по слабости здоровья». Даже доброжелатели его отзывались о нем как о представителе «внешних форм, несколько напоминавших военную дисциплину времени Николая I» («Русская Старина» 1903, № 6, стр. 553). Выше мы отметили, что мотив сумасшедшего градоправителя, о безумии которого догадываются с большим запозданием, использован Салтыковым в «Истории одного города».

[16] Балдырев, Николай Аркадьевич — вице-губернатор в Рязани с 1866 г.

[17] Салтыков имеет в виду «Запутанное дело», напечатанное в мартовской книжке «Отечественных Записок» за 1848 г.

[18] В напечатанной в мартовской книжке «Русской Старины» за 1882 г. части записок Я. А. Соловьева «Крестьянское дело в 1858 г.» читаем: «Высочайшим повелением, объявленным 17-го февраля 1858 г., возлагалось на министра внутренних дел (Ланского) и министра государственных имуществ (Муравьева) представить: соображения об усилении земской полиции, в виду предстоящего преобразования крестьянского быта. Дело о полиции, точно так же как вообще об уездных и губернских учреждениях, производилось в земском отделе, поэтому оно мне известно не менее крестьянского. Оказалось, что в министерстве внутренних дел существовала особая комиссия о преобразовании полиции, делопроизводителем которой был М. Е. Салтыков, тогда чиновник особых поручений министра внутренних дел и писатель, тогда и ныне известный в литературе под псевдонимом Щедрина. Я получил от него все производство и обширную записку, в которой заключалось: и историческое обозрение предположений о преобразовании полиции, и подробный разбор всех недостатков полицейского устройства; но, сколько я помню, никакого окончательно формулированного проекта не было» («Р. Старина» 1882, т. XXXIII, стр. 562). Очевидно это место в рукописи Семевский показывал Салтыкову.

[19] Записка М. Е. Салтыкова «об устройстве градских полиций» сохранилась в его бумагах. Предлагая коренное переустройство полиции, Салтыков следующим образом характеризовал ее состояние: «В России благотворное действие полиции почти незаметно; что касается до ее злоупотреблений и сопряженных с всеобщим ущербом вмешательств в частные интересы, то они не только заметны, но оставляют по себе несомненно весьма вредное впечатление. Всякий, кто не праздно жил в провинции и всматривался в окружающие явления, без труда поймет справедливость этого замечания. В провинции существует не действие, а произвол полицейской власти, совершенно убежденной, что не она существует для народа, а народ для нее» (Сочинения Салтыкова, изд. Маркса, т. I, стр. 45, биографический очерк К. К. Арсеньева). В записке Салтыкова действительно содержались предположения «об исправлении полиции», но конечно с позиций Салтыкова в 1882 г. этот плод его чиновнической деятельности не мог заслуживать особого внимания.

П. Л. ЛАВРОВ И САЛТЫКОВ

Сообщение Ф. Витязева

I

Люди одной и той же исторической эпохи М. Е. Салтыков и П. Л. Лавров не только не были в близких личных отношениях, но повидимому между ними даже не существовало самого простого знакомства.

Под большим сомнением находится также факт их непосредственной переписки, хотя возможность таковой отнюдь нами не исключается. Уже одно пятнадцатилетнее сотрудничество Лаврова в «Отечественных Записках» невольно наводило на мысль об его письменных сношениях с М. Е. Салтыковым. Это предположение тем более понятно, если учесть исключительную роль Салтыкова в редакции этого журнала.

И тем не менее оказывается, что с редакцией «Отечественных Записок» П. Л. Лавров сносился не через Салтыкова, а главным образом через Г. З. Елисеева, с которым его связывали узы самой тесной дружбы еще с начала 60-х годов. Даже в 80-х годах, когда Г. З. Елисеев уже отошел от фактического участия в редактировании «Отечественных Записок», П. Л. Лавров по старой памяти попрежнему продолжает апеллировать именно к его помощи в тех случаях, когда между ним и «Отечественными Записками» возникают какие-либо недоразумения. Имеющиеся у меня неопубликованные письма Лаврова к Елисееву наглядно свидетельствуют об этом.

Объясняется все это вероятно тем, что Лавров сознательно избегал непосредственных сношений с Салтыковым, боясь его дискредитировать и повредить его «легальному положению» в России. И это тем более понятно, что Лавров, как мы увидим ниже, очень высоко ставил Салтыкова как писателя и великолепно понимал, какую огромную силу представляет он для «Отечественных Записок». Не менее интересен и другой факт. Два члена редакции «Отечественных Записок»—Г. З. Елисеев и М. Е. Салтыков—очень часто ездили за границу и бывали в Париже. И здесь наблюдается резкий контраст в их отношениях к Лаврову. Елисеев почти всегда посещает его лично в Париже, или вступает с ним в переписку. Салтыков, как правило, воздерживается за границей от личных общений с Лавровым и всячески избегает непосредственной переписки.

Из всего сказанного нами можно сделать только один вывод: взаимоотношения этих двух крупнейших деятелей русской журналистики могут быть выяснены и охарактеризованы исключительно на основании одних литературных источников, имеющихся пока в нашем распоряжении. К этой задаче мы и приступим.

II

Остановимся сначала на взаимоотношениях Салтыкова с Лавровым. Здесь прежде всего необходимо установить факт довольно отрицательного отношения Салтыкова к Лаврову как писателю. В этом отношении он явно его «не жаловал». Тяжелый язык лавровских статей, нагромождение цитат и ссылок, отвлеченность разрабатываемых им тем, многословие, свойственное Лаврову, — все это несомненно «отталкивало» Салтыкова от Лаврова. Как чуткий журналист и опытный редактор, ставящий на первое место прежде всего интересы редактируемого им журнала, Салтыков прекрасно понимал, что многие статьи Лаврова слишком «тяжелы» и быть может «обременительны» для «Оте-

чественных Записок». «У нас материала много, — пишет например Салтыков в 1869 г. Н. А. Некрасову, — но все материал средний, т. е. самый скучный. Не знаем, как его сбыть. Лавров пудами присылает, [в] каждую книжку по 3½ листа печатаем — и не видать конца» [1]. Из этой цитаты видно довольно ясно, что Салтыков как редактор «тяготился» сотрудничеством Лаврова и только вологодская ссылка последнего повидимому являлась для него «смягчающим обстоятельством», в силу которого он не возражал против печатания этих статей. Справедливость здесь требует заметить, что Салтыков в своей оценке лавровских работ был довольно близок к истине. В 1869 г. Лавров напечатал в «Отечественных Записках» следующие свои работы: «Антропологи в Европе и их современное значение» (№ 3, стр. 1—51) и «Цивилизация и дикие племена» (№ 5, стр. 107—169; № 6, стр. 359—414; № 8, стр. 253—311; № 9, стр. 93—128). В литературном наследстве Лаврова обе работы отнюдь не являются основными для характеристики его творчества — в них реферирование явно преобладает над оригинальной мыслью. Что же касается их размеров, то для ежемесячного журнала они были невероятно велики.

Еще интереснее для характеристики отношения Салтыкова к Лаврову его письмо к Михайловскому. «Многоуважаемый Николай Константинович, — пишет он 29 декабря 1878 г., — я желал бы знать ваше мнение о статье «Этюды из истории»... По моему мнению, это собрание общих мест, изложенное без всякой силы и довольно бесцветное. Я не знаю, кому принадлежит статья, знаю только, что доставлена Скабичевским. Статья скучная и не журнальная...» [2] Письмо это написано Салтыковым по поводу статьи Лаврова «Канун великих переворотов. Этюды из истории XVIII века», напечатанной в «Отечественных Записках» за 1879 г. в № 1[3] (стр. 145—190). К сожалению редактор «Писем Салтыкова» Н. В. Яковлев повидимому не знал, что означенная статья принадлежит П. Лаврову, и потому не раскрыл его авторства в комментариях. В силу этого исследователи русской литературы и понятия не имеют, что здесь речь идет о Лаврове.

Для того чтобы в должной мере оценить приведенное нами письмо Салтыкова, необходимо несколько подробнее остановиться на вышеупомянутой работе Лаврова. Она представляет собой лишь «Вступление» к этюдам и содержит в себе две главы: 1) Столетие революций и 2) Понимание истории.

Центром тяжести в этой работе несомненно является вторая ее глава — «Понимание истории», которой и посвящено большинство страниц «Вступления» (34 стр. из 45). Глава эта начинается следующим, не лишенным интереса заявлением Лаврова: «Считаю необходимым для уяснения читателю того, что он может ожидать от этих статей, предпослать самому изложению несколько страниц о том, как автор их смотрит на задачи истории». И далее Лавров дает резюме всех своих взглядов по методологии истории. Это своего рода credo Лаврова, содержащее все его излюбленные, можно сказать «сокровенные», идеи по пониманию исторического процесса. Статья эта для характеристики мировоззрения Лаврова несомненно является одной из основных.

Обратимся теперь к письму Салтыкова. Здесь все крайне интересно и характерно. Прежде всего важен тот факт, что Салтыков — главный редактор «Отечественных Записок» — не знал об авторстве Лаврова. Следовательно подтверждается, что сношения Лаврова с «Отечественными Записками» в конце 70-х годов шли помимо Салтыкова. Любопытно также, что Салтыков — один из опытнейших редакторов своей эпохи — «не уловил» и «не ощутил» автора анонимной статьи. А сделать это было крайне легко, так как вся статья является типично лавровской и по языку, а главное по идеям, столь для него характерным. Приходится сделать вывод, что Салтыков был мало знаком с основными идеями Лаврова. Повидимому они его не интересовали и являлись для него чуждыми. Этот вывод подкрепляется самим отзывом Салтыкова о статье Лаврова по существу, которая, по его мнению, представляет собой лишь «собрание общих мест, изложенное без всякой силы и довольно бесцветное», а вся статья в целом «скучная и не журнальная». Все сказанное наглядно

свидетельствует нам, как далек был Салтыков от мировоззрения Лаврова. Ведь не надо забывать, что в данном случае речь шла об основной работе Лаврова, подводящей итоги всем его теоретическим взглядам в области философии истории.

Мы привели два факта, характеризующих отношение Салтыкова к Лаврову. Один из них относится к 1869 г., другой — к самому концу 1878 г. И оба они резко отрицательны. В этом отношении Салтыков тверд и непоколебим, несмотря на целое десятилетие, которое лежит между ними.

Перейдем теперь к 80-м годам. В эти годы сношения Лаврова с «Отечественными Записками» шли главным образом через доктора Н. А. Белоголового. Последний, как известно, был дружен со всеми членами старой редакции «Отечественных Записок». Но так как в это время Н. А. Некрасова уже не было в живых, а Г. З. Елисеев, в связи с болезнью, отошел в 80-х годах от близкого участия в «Отечественных Записках», то Н. А. Белоголовый в данном случае действовал исключительно через М. Е. Салтыкова. Некоторые следы этого «литературного посредничества» мы и находим в письмах Салтыкова к Белоголовому. Так например, в письме от 20 марта 1882 г. он пишет: «...из числа предлагаемых вами статей, по отзыву Михайловского, самая подходящая будет о книге Тейлора (если можно, не более двух листов) и затем статья о хлопотах, доставляемых науке низшими животными. Что касается до писем о современной философии, то едва ли она будет представлять интерес по чрезмерной своей отвлеченности. При том же это такой бесконечный лес, до конца которого пожалуй и не дойдешь, хотя и предполагается не более 3-х листов»» [4]. В письме этом речь идет несомненно о статьях Лаврова. Одна из них под заглавием «Хлопоты науки с низшими организмами» и была затем напечатана в «Отечественных Записках» за 1883 г. [5] Интересно здесь отметить, что Салтыков в этом письме всячески «открещивается» от теоретических и философских работ Лаврова, находя их слишком «отвлеченными» для «Отечественных Записок». Несомненно, что в основе этой явной предвзятости Салтыкова к философским работам Лаврова лежит его прежнее отрицательное отношение к нему, которое мы уже наблюдали в 60-х и 70-х годах. И далее, зная манеру Лаврова до бесконечности расширять любую взятую им тему, Салтыков определенно не верит, что предлагаемая им статья по современной философии будет «не более 3-х листов». Повидимому в его памяти была еще свежа «история» с печатанием работы Лаврова «Цивилизация и дикие племена», которая в свое время заняла целых четыре книжки «Отечественных Записок» и вызвала тогда с его стороны замечание, что ей «не видать конца». Именно это обстоятельство и заставляет его считать, что предлагаемая Лавровым статья есть «бесконечный лес, до конца которого, пожалуй, и не дойдешь». В этой фразе явно сквозит беспокойство, чтобы Лавров не начал присылать материал «пудами», как это было в 1869 г. Наконец в этом письме нужно отметить и еще одно обстоятельство: вопрос о печатании лавровских статей в «Отечественных Записках» в 80-х годах из рук Салтыкова переходит к Михайловскому. Эта решающая роль Михайловского совершенно ясно видна из другого письма Салтыкова Белоголовому. «Статью «Хлопоты с низшими животными (организмами)» редакция получила, — пишет он ему 7 июля того же года, — но так как Михайловский уехал до конца августа в Сухум-Кале, то статья покуда лежит без употребления». И далее Салтыков, по обыкновению, «брюзжит» и «сетует» на ее большие размеры. «Судя по наружному виду,—пишет он, — статья обширная и едва ли можно будет ее напечатать иначе, как в трех книжках» [6]. Последний отголосок лавровского сотрудничества в «Отечественных Записках» встречается еще в письме от 19 июля и касается исключительно материальных расчетов. «Будьте так добры, — пишет Салтыков Белоголовому, — уведомьте меня поскорее, как и куда я должен выслать вам остальные деньги за Лонгфелло, а также вперед за «Низшие организмы» [7].

Подводя итоги переписки Салтыкова с Белоголовым, мы, во-первых, должны констатировать факт сдержанного отношения Салтыкова к Лаврову в 80-х годах. Во-вторых, сношение его с Лавровым исключительно через посредничество третьего лица — в данном случае через Н. А. Белоголового. В-третьих, неучастие Салтыкова в 80-х

годах в редакционном приеме статей Лаврова в «Отечественные Записки». Все три отмеченных нами момента во многом исключают возможное предположение о непосредственной переписке Салтыкова с Лавровым в 80-х годах.

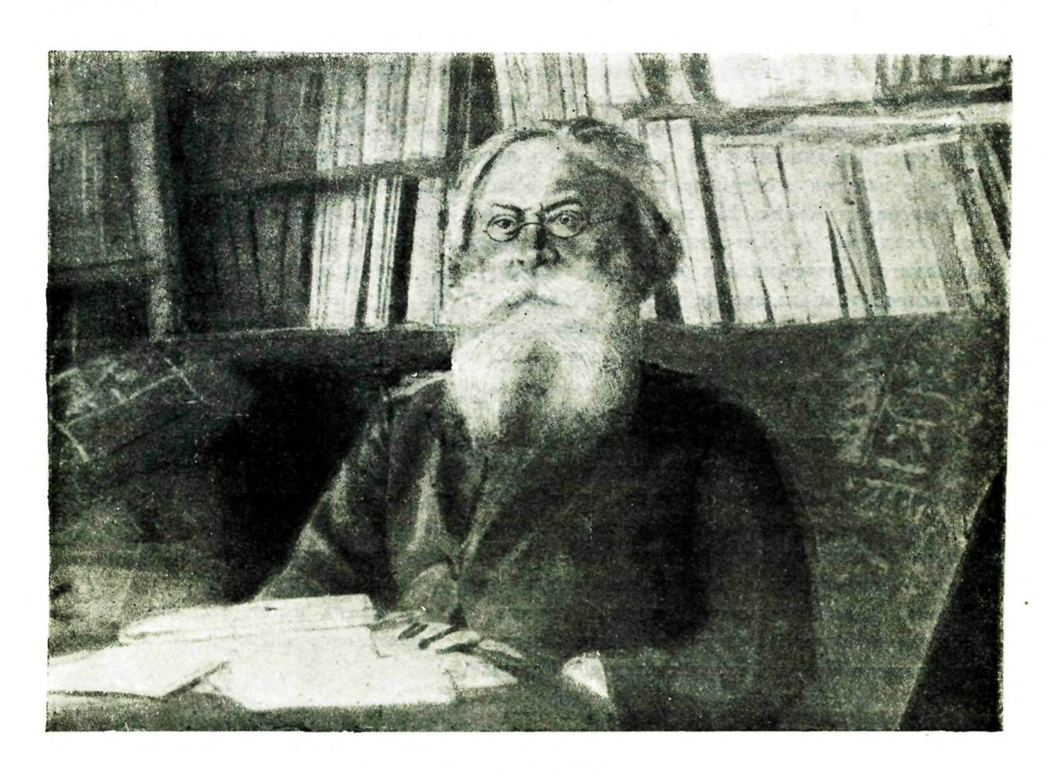
К 80-м годам относится еще один и притом довольно резкий отзыв Салтыкова о Лаврове. Вызван он был смертью И. С. Тургенева. Дело в том, что Лавров сейчас же после кончины Тургенева напечатал в газете Клемансо «Justice» письмо, в котором раскрыл факт финансирования Тургеневым революционного органа «Вперед» в размере 500 фр. в год. Письмо это, перепечатанное «Московскими Ведомостями» [8], вызвало в газетах и журналах того времени невероятный шум и полемику. Одна часть либеральной прессы во главе с М. М. Стасюлевичем доказывала, что весь этот факт злостно вымышлен Лавровым, и обвиняла его в сплошной клевете на Тургенева. Другая часть, допуская такой факт, считала, что Лавров обязан был хранить его в тайне, так как он бросает тень на память Тургенева и дает оружие против него всей правой печати. Были такие журналисты, которые высказывали опасение, что письмо Лаврова вызовет запрещение перевезения тела Тургенева в Россию. Правая печать действительно воспользовалась письмом Лаврова для самых наглых инсинуаций по адресу Тургенева. «Московские Ведомости» например посвятили этому инциденту большую передовицу, в которой говорилось, что Тургенев «пятью стами франков откупался от травли, которая не давала ему покоя в шестидесятых годах и которая сразу прекратилась в семидесятых, когда он решился платить дань печенегам и половцам»; что именно этими франками и были «куплены овации, которыми эти господа чествовали Тургенева в последние годы его жизни и чествуют теперь, по смерти» [9].

Отголоском всей этой журнальной «шумихи» и явилось письмо Салтыкова Белоголовому от 16 сентября 1883 г. «Здесь идут приготовления к похоронам Тургенева,— пишет он, — которые однако же будут менее шумны, нежели предполагалось. Тут идет большой шум; ругательства раздаются в изобилии — это против Тургенева, которого на пушкинском празднике сам епископ Амвросий называл чистым голубем. Письмо Лаврова, перепечатанное без комментариев «Московскими Ведомостями», дало этим ругательствам почву. Теперь уже прямо называют Тургенева изменником. Таков результат — только и всего. И по результатам, и по существу это письмо глупое» [10].

Прав ли был Салтыков, вынося столь резкий и суровый приговор письму Лаврова? Можно ли было назвать «по существу» выступление Лаврова «глупым»? Даже учитывая «хроническую» предвзятость Салтыкова к Лаврову, мы все-таки должны сказать, что в данном случае его приговор не только пристрастен, но и глубоко несправедлив. Публикуя свое письмо в «Justice» через Клемансо, с которым Лавров между прочим был в дружеских и близких отношениях, он несомненно исходил только из интересов русского революционного движения. Продемонстрировать публично явное сочувствие и симпатии к русской революции такого крупного писателя, как Тургенев, имеющего к тому же громкое имя в европейской литературе, казалось Лаврову крайне важным и существенным. И это тем более понятно, если учесть реакцию, которая началась в России в 80-х годах с воцарением Александра III. Осуждать Лаврова за это ни в коем случае нельзя, особенно если принять во внимание сдержанный и корректный тон его письма, излагающего только один голый факт финансирования Тургеневым журнала «Вперед». В одном Салтыков пожалуй был прав. Результаты от опубликования письма Лаврова получились довольно парадоксальные. В самом деле, почти вся прогрессивная журналистика, испуганная тисками и репрессиями надвинувшейся реакции, вдохновляемой Победоносцевым, не только отреклась от Лаврова, но и предала его злейшей «анафеме». Правая же печать во главе с Катковым принуждена была взять его под свою защиту. Если к этому присоединить обвинение той же правой печатью Тургенева в «измене», то станет еще более понятным все то нелепое положение, в котором очутилась тогда русская общественность. И Салтыков имел полное право считать создавшуюся тогда ситуацию «глупой».

Есть еще один вопрос, который требует своего разрешения: как Салтыков относился к подпольной революционной деятельности Лаврова? К сожалению на этот счет

у нас нет подлинных заявлений самого Салтыкова. Имеются лишь некоторые свидетельства современников той эпохи. С этой точки зрения большой интерес представляют воспоминания А. Тверитинова. Правда, они крайне тенденциозны и пристрастны по отношению к Лаврову и нуждаются в критическом сопоставлении с другими литературными источниками. Но несмотря на этот недостаток, воспоминания А. Тверитинова заслуживают самого пристального внимания, так как он один из всех русских мемуаристов дает ответ на интересующий нас вопрос. В своей книжке А. Тверитинов рассказывает о своих встречах с Салтыковым за границей и воспроизводит ряд бесед с ним. Одна из них и коснулась лавровского журнала «Вперед». Приведем это место полностью.

П. Л. ЛАВРОВ
Фотография 1890-х гг.
Из семейного архива П. Л. Лаврова

«С раздражением, — пишет А. Тверитинов, — говорил он также о «Вперед».

— Ужасно бездарный журнал!

— Отчего бы вам, Михаил Евграфович, не принять в нем участия? — робко заметил я.

— Благодарю покорно... На старости лет по Владимирке итти, — выпуча глаза, раздраженно возразил мне М. Е.

— Зачем по Владимирке?... Можно так принимать участие, что никто и знать не будет.

— Редакция «Вперед»— это такие болтуны, что не успеешь еще написать, а весь свет будет о том знать.

Я подозреваю, что это с ним уже тогда случилось. Печатались во «Вперед» письма, очень дельные, о тогдашнем положении вещей в России и подписаны эти письма были буквою С. При каждом письме были приложены опровержения редакции. Мне кажется, что эти письма были Салтыкова» [11].

Как ни тенденциозен А. Тверитинов по отношению к Лаврову, но данная беседа нам кажется вполне правдоподобной и заслуживающей всякого доверия. Дело в том, что отрицательное отношение Салтыкова ко «Вперед» находит себе полное подтверждение во всех прежних отзывах Салтыкова о Лаврове, которые уже нами были приведены выше. Это совпадение далеко не случайное и служит лучшим доказательством достоверности, приведенной А. Тверитиновым беседы. Как известно, большинство статей в журнале и газете «Вперед» принадлежит лично Лаврову. Здесь полностью было развернуто все его революционное миросозерцание. И оказывается, что все эти многочисленные статьи Лаврова, да и весь его журнал в целом отнюдь не волновали Салтыкова. Напротив, они вызывали в нем только одно «раздражение» против Лаврова. Чем объяснить это, как не отчужденностью Салтыкова от его идей? Очевидно он был слишком далек от них. Как видим, М. Е. Салтыков и здесь остался верен своему отрицательному отношению к П. Л. Лаврову, которое у него сложилось о нем еще в конце 60-х годов.

Остается еще вопрос о сотрудничестве Салтыкова во «Вперед». Здесь прежде всего надо отметить фактическую неточность, допущенную А. Тверитиновым. Никаких писем или заметок в журнале и в газете «Вперед», под которым бы стояла буква С., никогда не было. На первый взгляд вопрос о сотрудничестве Салтыкова во «Вперед», поднятый А. Тверитиновым, сразу отпадает сам собой в виду его резко отрицательного отношения как к самому Лаврову, так и к редактируемому им журналу. Но вопрос этот далеко не так прост, как кажется. Дело в том, что помимо предположения, высказанного А. Тверитиновым, есть еще указание на этот счет и другого лица. Я имею в виду бывшего наборщика «Вперед» М. И. Янцына, который в числе сотрудников этого органа называл мне лично следующих русских писателей: Г. И. Успенского, Н. К. Михайловского, М. Е. Салтыкова и даже Н. И. Зибера. В отношении Успенского этот вопрос можно считать вполне решенным. Его биографы точно установили, что ему принадлежит фельетон «Шила в мешке не утаишь», напечатанный в газете «Вперед» за 1876 г. в № 25 (стр. 3—10) [12]. Что же касается сотрудничества во «Вперед» Салтыкова, то этот вопрос до сих пор остается открытым. Оно отнюдь не исключается и вполне возможно, но нуждается в тщательной проверке. Решающую роль здесь может сыграть архив журнала «Вперед», хранящийся в Париже Возможен здесь также литературный анализ стиля и языка некоторых писем и корреспонденций, напечатанных в газете «Вперед». Решительное слово в этом вопросе принадлежит конечно специалистам по Салтыкову.

III

Совсем в ином свете вырисовываются отношения П. Л. Лаврова к М. Е. Салтыкову. Имеющийся в нашем распоряжении литературный материал с убедительностью показывает нам, что Лавров относил Салтыкова к разряду корифеев русской литературы, что он глубоко понимал мотивы творчества этого писателя и вполне правильно оценивал его огромное общественное значение.

Впервые Лавров упоминает о Салтыкове в 1883 г. в своей известной статье «Взгляд на прошедшее и настоящее русского социализма». Давая в ней характеристику 60-х годов, Лавров прежде всего подчеркивает общественное значение «сатиры Щедрина». В этом отношении он ставит ее в один разряд со стихотворениями Некрасова. «Раздирающие душу стихотворения Некрасова, — пишет он, — и все более горькая сатира Щедрина стали единственным верным изображением общественного настроения» [13]. Таким образом мы видим, что для Лаврова произведения Некрасова и Салтыкова являются единственными живыми голосами, характеризующими собой целую эпоху русской общественности, связанную с первыми проблесками грядущей революции. В 1884 г. Лавров опять касается творчества Салтыкова в своей известной работе «И. С. Тургенев и развитие русского общества». В этой статье он особенно подчеркивает, что Тургенев воплощал в своих произведениях типы, взятые им главным образом из «культурного слоя», а не из народа. «Поэтому, — пишет Лавров, — ему нельзя поставить в упрек, что он не начертил надлежащим образом

нарождающийся тип кулака, который должен был сделаться столь характеристичным для русского общества последнего периода, а в Колупаевых и Расторгуевых другого великого современного писателя сделался теперь для читателя вполне знакомым»[14]. В приведенной нами цитате прежде всего необходимо отметить общую оценку Салтыкова, данную Лавровым. Он, не колеблясь, относит его к разряду «великих современных писателей». Далее, им здесь определенно подчеркиваются социальные мотивы творчества Салтыкова: процесс диференциации народной среды и выделение из нее «кулака», характеризующего собой даже «последний период русского общества». Выявляются здесь Лавровым также роль и значение Салтыкова для русского читателя, который главным образом по его произведениям и ознакомился с этим экономическим процессом, начинающим в 80-х годах сказываться все сильнее и сильнее.

Но особенно подробно социальные мотивы в творчестве Салтыкова выявлены Лавровым в его статье «Старые вопросы (учение графа Л. Н. Толстого)», относящейся к 1886 г. Подробно анализируя мировоззрение Толстого, Лавров приходит к выводу, что наш «знаменитый беллетрист» совершенно незнаком с литературой по «рабочему вопросу». Это обстоятельство и дало Лаврову повод напомнить о некоторых произведениях Салтыкова. Место это настолько интересно и характерно, что приведем его здесь полностью. «Мне приходится допустить, — пишет Лавров о Л. Н. Толстом, — что он не только не изучил социологическую литературу, описывающую современные отношения работодателей к рабочим, и специально экономическую литературу, доказывающую неизбежность хронической эксплоатации рабочего класса классом собственников, но даже не заглядывал в эту литературу. Но он мог бы, даже не знакомясь с научными трудами по этому предмету, в произведениях своих товарищей-беллетристов, к нравственности которых он относится так жестко, найти поразительные картины этих отношений, которые озарили бы ему новым светом его идиллию сельского труда и его положение о том, что трудом всегда можно прокормиться. Этот материал так велик, что не знаешь даже, на что лучше указать. Беру первое пришедшее на память и находящееся под руками. Беру две недавние побасенки, подписанные одним из самых громких литературных имен, но вовсе уже не революционером и не социалистом. Прочтите о «Неумытном Трезоре», который так ревностно служил купцу Воротилову и был с таким сожалением осужден им на утопление, как только нашелся ему взамену Арапка. Прочтите из другой «басни» о труде «Коняги». Приведя далее несколько ярких цитат из сказки «Коняга», Лавров сопоставляет творчество этих двух писателей. «Из этих басен, — пишет он, — читатель почерпнет более истинного материала для «смысла жизни», чем из фантастических идиллий мужицкого быта и из не менее фантастических теорий отношения труда к капиталу, которые встречаются в богословско-поучительном трактате графа Л. Н. Толстого»[15]. В приведенных нами цитатах наиболее ярко и полно отразилось отношение Лаврова к Салтыкову. Здесь все заслуживает к себе самого пристального внимания. Прежде всего необходимо особо отметить то обстоятельство, что первое, пришедшее Лаврову «на память» в связи с учением Толстого, это были произведения Салтыкова и то, что они оказались у него «под руками». Это определенно указывает на то, что Лавров не только внимательно читал Салтыкова, не только следил за его последними вещами, разбросаннными в то время в разных газетах и журналах, но даже собирал и хранил их. А то обстоятельство, что Лавров невольно «вспомнил» о Салтыкове и сразу выделил именно его произведения из огромной массы русской беллетристики как «лучшие», ясно указывает на то, что для него Салтыков являлся одним из любимых писателей. Не менее интересно здесь и то, что Лавров относит Салтыкова к плеяде «самых громких имен» в русской литературе. Любопытно также, что Лавров не считает Салтыкова «революционером» или «социалистом». Впрочем эта характеристика на страницах подпольного органа могла быть сделана Лавровым со специальной целью, дабы не повредить «легальному положению» Салтыкова в России. Лавров например в приведенных нами цитатах даже не называет имени самого Салтыкова, а ограничивается только указанием на его произведения. Но самое важное в отзыве Лаврова — это оценка социальных замыслов и идей, которыми проникнуты

произведения Салтыкова. В этом отношении Лавров, не колеблясь, ставит произведения Салтыкова на один уровень с «социологической» и даже «специально-экономической» литературой по рабочему вопросу, считая, что они дают «поразительные картины» из области отношений труда и капитала. Именно эти «социальные мотивы» творчества Салтыкова, в которых иной раз так ярко и выпукло отражались классовые антагонизмы современного нам общества, и заставляли Лаврова ставить его простые «басни» выше философских «трактатов» Толстого. Это явное предпочтение, которое в данном случае оказывает Лавров Салтыкову в сравнении с Толстым, наглядно свидетельствует нам о том, как глубоко понимал и правильно оценивал он творчество нашего великого сатирика. Не надо забывать, что именно этот характер произведений Салтыкова неизменно «притягивал» к нему таких читателей, какими были К. Маркс и В. И. Ленин. Таким образом мы видим, что у Лаврова тот же критерий для оценки салтыковского творчества, что у двух крупнейших читателей нашей эпохи.

Перейдем теперь к следующему десятилетию—к 90-м годам. Отношение Лаврова и Салтыкову и в эти годы остается неизменным. Об этом свидетельствует целый ряд его собственных заявлений. В 1891 г. Лавров например выпустил в Женеве вторым изданием свои знаменитые «Исторические письма». Этому изданию он предпослал крайне интересное предисловие полумемуарного характера, начинающееся с характеристики той далекой эпохи, когда вышло первое издание его книги [16]. И в первых строках этого предисловия мы сразу же встречаем имя Салтыкова. «Тогда была еще свежа,— пишет в нем Лавров, — проповедь Чернышевского и Герцена. Все шире и шире сатира Щедрина захватывала область «непозабытых еще слов» [17]. Мы видим, что здесь Лавров ставит Салтыкова и по значению, и по влиянию в один ряд с Герценом и Чернышевским. Он даже не мыслит себе характеристику этой эпохи без упоминания той огромной роли, которую сыграла в ней «сатира Щедрина». Это общественное значение сатиры Салтыкова еще сильнее подчеркнуто Лавровым в его речи, сказанной им в Париже 2 июня 1891 г. и озаглавленной им «Последовательные поколения». Речь эта была посвящена памяти Г. З. Елисеева и Н. В. Шелгунова. «После Тургенева и Достоевского, — говорил в ней Лавров, — Россия похоронила двух самых сильных деятелей своей мысли: того «Щедрина», с которым и в сатирах которого все мыслящее в России переживало надежды и разочарования, возмущения совести в перипетии борьбы последних трех десятилетий, того Чернышевского, который для нынешнего поколения был уже полумифическим героем предыдущего периода» [18]. Здесь опять Лавров ставит Салтыкова рядом с Чернышевским. И это сопоставление продиктовано не только одним моментом их смерти, а исключительно тем мощным влиянием, какое они оба имели на своих современников. В этом отношении Лавров относит Салтыкова не только к «самым сильным деятелям русской мысли», но даже связывает его имя со всеми теми «муками совести», «разочарованиями», «надеждами», какие переживала русская интеллигенция на протяжении целых тридцати лет своей жизни. «Эпохиальность» салтыковского творчества подчеркнута здесь Лавровым с особой силой и яркостью. Надо вообще заметить, что в 90-х годах Лавров в своих речах и статьях довольно часто вспоминает имя Салтыкова. Иной раз ему приходилось это делать с большой горечью в душе. Так например, характеризуя реакцию, которая наступила в начале 90-х годов в русской литературе, Лавров вынужден был констатировать, что в ней «похоронены» лучшие традиции и «слова», завещанные ей Салтыковым и другими деятелями прежних поколений. «Вместе с останками Салтыкова и Чернышевского, Елисеева и Шелгунова,— пишет он например в 1891 г.,— русская литература похоронила и «забытые слова» этих чуть ли не последних представителей идейной борьбы» [19]. В другой речи, сказанной в том же году русским студентам в Париже по поводу 50-летия со дня смерти М. Ю. Лермонтова, Лавров в заключение ее считает своим долгом выразить твердую уверенность, что молодежь 90-х годов «сумеет припомнить «забытые слова» Щедрина» [20]. Это напоминание русской молодежи о Салтыкове лишний раз подтверждает нам, какое огромное революционизирующее влияние за его произведениями признавал Лавров.

Но самые интересные замечания о творчестве Салтыкова мы находим в основной работе Лаврова — «Опыт истории мысли нового времени», вышедшей в 1894 г. В одной из глав этого огромного труда Лавров подробно анализирует понятие «эстетической правды». Одним из проявлений этой правды он считает между прочим образы Макбета и Иудушки Головлева. «Она (т. е. «эстетическая правда»), — пишет он, — выставила перед русским читателем и конкретный образ Иудушки Головлева, в котором отразились характеристические черты результата длинной патологической истории русского общества с его экономическим рабством и политическим лакейством, деморализовавшим и отдельные личности, и семьи, и целые общественные классы»[21]. Необходимо здесь особо отметить, что Лавров для иллюстрации своей мысли пользуется героями только двух писателей — Шекспира и Салтыкова. У первого он взял Макбета, у второго — Иудушку Головлева. Все это очень характерно и заставляет нас сделать ряд крайне интересных выводов. Во-первых, Лавров в своем «Опыте» всегда старался для литературных примеров брать наиболее классические образцы. И то, что он в данном случае из всех русских классиков выбрал именно Салтыкова, определенно говорит о его душевной склонности к этому писателю. С другой стороны, и Шекспир здесь фигурирует также далеко не случайно. Как известно, это — один из самых любимых писателей Лаврова. И если Лавров рядом с ним поставил Салтыкова, то несомненно в этом акте, быть может даже невольно, сказалась его любовь к нашему великому сатирику. В pendant к только что сказанному здесь надо еще заметить, что Лавров довольно часто для иллюстрации своей мысли ссылается на произведения Салтыкова, при чем, как правило, все они всегда стоят у него рядом с самыми классическими и общепризнанными образцами или литературы или искусства. Так например, в статье «Русский турист 40-х годов»[22] «Губернские очерки» для характеристики русской провинции дополняют собой «Записки охотника». В статье «Шекспир в наше время»[23] «История одного города» стоит рядом со статуями Антокольского, картинами Крамского и романами Толстого. Все это лишний раз подчеркивает не только известное «тяготение» Лаврова к Салтыкову, но и крайне высокую оценку его произведений. Помимо всего сказанного крайне любопытно еще остановиться на социальной значимости самого типа Иудушки Головлева, каким его рисует нам Лавров. Классовая точка зрения с учетом социальных факторов очень ярко и выпукло выступает в приведенной нами цитате и совершенно правильно характеризует собой не только этот образ, но и ту общественную атмосферу, в которой он родился.

Есть еще один момент во взаимоотношениях Лаврова с Салтыковым, на котором необходимо несколько остановиться. Мы имеем в виду влияние Салтыкова на Лаврова, особенно сильно сказавшееся на языке последнего. Целый ряд «крылатых» и «метких» словечек, которыми Салтыков зафиксировал безобразнейшие явления русской дореволюционной жизни или нарождающиеся общественно-классовые сдвиги, вошел в язык Лаврова. Таково например слово «ташкентцы», которым Лавров особенно широко пользовался на страницах подпольно-революционного журнала «Вперед» (см. «Вперед», т. 1, Цюрих, 1873 г., стр. 2, 33 и т. III, Лондон, 1874 г., стр. 287). Таково еще слово «чумазый», которое Лавров ввел в свою речь, характеризуя Россию конца 70-х годов (см. П. Л. Лавров. «Народники — пропагандисты», 1925 г., стр. 32. Женевское издание вышло в 1895—1896 гг.).

В том же «Опыте» Лавров устанавливает два типа художников слова. Для одних общественная жизнь есть лишь фон, на котором они выявляют индивидуальные черты созданных ими героев. Для других зарисованные ими типы являются лишь проявлением общественного конфликта. К первой группе писателей Лавров относит Тургенева, Флобера и Джорджа Эллиота, ко второй—Вальтер Скотта, Бальзака, Диккенса, Теккерея, Золя, Шпильгагена, Толстого и наконец Салтыкова. «Эта сторона эстетического творчества, — пишет затем Лавров, — всего естественнее проявляется в форме повествовательной, но у некоторых исключительных личностей она находит себе выражение в ряде лирических произведений или в публицистической сатире: именно потому цикл стихотворений Некрасова и сатира Салтыкова представляют не столько отражение ряда личных настроений этих писателей, сколько последовательный

ряд аффектов, которые переживало в их эпоху русское общество в своих наиболее живых и впечатлительных представителях»[24]. Эта цитата объясняет нам наконец, почему Лавров всегда считал Салтыкова и Некрасова «лучшими» и чуть ли не «единственными» выразителями своей эпохи. С другой стороны, мы видим, что Лавров здесь особо выделяет «публицистическую сатиру» как крайне редкую и наиболее трудно выполнимую литературную задачу, доступную лишь для «исключительных личностей». Учтя это, нам станет теперь понятным, почему Лавров так высоко ценил Салтыкова и всегда ставил его в самые первые ряды русской литературы. Этой цитатой, в которой Лавров как бы подводит итог своему отношению к Салтыкову, мы и закончим наш обзор. В заключение нам остается отметить еще участие Лаврова на собрании русских эмигрантов, посвященном памяти Салтыкова, которое состоялось в Париже 25/13 мая 1889 г. в Café Voltaire[26]. Лавров не только председательствовал на этом собрании, но и произнес речь, посвященную памяти великого сатирика. К сожалению, насколько нам известно, речь эта Лавровым нигде не была напечатана. Самый же факт участия Лаврова на траурном собрании и его выступление на нем служат лишь наглядным доказательством того, как глубоко ценил и любил он этого писателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Евгеньев-Максимов, В., Н. А. Некрасов и М. Е. Салтыков.— «Печать и революция» 1927, кн. IV, стр. 58—59. Курсив как в этой цитате, так и во всех последующих везде мой. — *Ф. В.*

2 М. Е. Салтыков-Щедрин. «Письма 1845—1889 гг.» Под редакцией Н. В. Яковлева. ГИЗ, Л., 1924/25 г., стр. 173.

3 См. также «Собрание сочинений П. Л. Лаврова». Изд. «Революционная Мысль», IV серия, вып. I, П., 1918, стр. 123—171.

4 Розенберг, В., Журналисты безвременья. М., 1917, стр. 82—83.

5 См. № 4, стр. 363—396; № 5, стр. 309—340; № 6, стр. 409—438; № 7, стр. 131—152 и № 8, стр. 329—348. Подписаны они только одной буквой — Н.

6 Розенберг, В. Журналисты безвременья, стр. 89.

7 Ibidem, стр. 91. Статья П. Лаврова «Г. У. Лонгфелло» под псевдонимом П. Крюков была напечатана в «Отечественных Записках» за 1882 г., в № 7, стр. 57—80.

8 «Московские Ведомости» 1883 г., № 251 от 10 сентября, стр. 2. Письмо это редакцией было напечатано на самом видном месте — сейчас же вслед за передовицей.

9 «Московские Вед.» 1883 г., № 261 от 20 сентября. Передовица от 19 сентября.

10 Из переписки М. Е. Салтыкова с Н. А. Белоголовым см. «Дело». Сборник литературно-научный, изданный для усиления средств СПБ. Женского Медицинского института. М., 1899, стр. 122—123.

11 Твериттинов, А., Об объявлении приговора Н. Г. Чернышевскому, о распространении его сочинений на французском языке в Западной Европе и о многом другом. Издание М. В. Пирожкова. СПБ., 1906, стр. 89.

12 Чешихин-Ветринский, В., Г. И. Успенский. Изд. «Федерация». М., 1929, стр. 118 и 364.

13 Календарь «Народный Воли», Женева, 1883, стр. 97.

14 «Вестник Народной Воли», Женева, 1884, № 2, стр. 85.

15 «Вестник Народной Воли», Женева, 1886, № 5, стр. 174—176.

16 «Исторические письма» П. Миртова отдельным изданием вышли в сентябре 1870 г. Первоначально они печатались в газете «Неделя» в 1868—1869 гг.

17 Лавров, П. Л. «Исторические письма». 3-е издание, без перемен. М. П. Негрескул. СПБ., 1906, стр. 369.

18 Лавров, П. Л. «Последовательные поколения». Женева, 1892, стр. 3.

19 Лавров, П. Л. «Исторические письма». 3-е издание. СПБ., 1906, стр. 370—371. Предисловие ко 2-му парижскому изданию.

20 Лавров, П. Л. «Из рукописей девяностых годов». Женева, 1899, стр. 24.

21 Лавров, П. Л. «Опыт истории мысли нового времени», т. I. Вольная русская типография. Женева, 1894, стр. 1066.

22 «Дело» 1877 г., № 8, стр. 35.

23 Лавров, П. Л. «Этюды о западной литературе». Издание «Колоса». П., 1923, стр. 185; или «Устои» за 1882 г., № 9—10.

24 Лавров, П. Л. «Опыт истории мысли нового времени», Женева, 1894, стр. 1093.

25 «П. Л. Лавров о себе самом».— «Вестник Европы» 1910, № 10, стр. 108.

26 Глухая заметка об этом имеется в № 137 «Русских Ведомостей» 1889 г. (см. ее на стр. 228 настоящей книги).

САЛТЫКОВ И РУССКАЯ НЕЛЕГАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ В 1884 г.

Сообщение Вас. Гиппиуса

20 апреля 1884 г. были закрыты «Отечественные Записки». «Правительственный Вестник», объявляя о запрещении журнала, прямо возлагал на него ответственность «за удручающие общество события последних лет», за «деятельность злоумышленников», т. е. в переводе с языка казенной газеты — за революционное движение. Отмечая близость некоторых сотрудников «Отечественных Записок» к революционным организациям, «Правительственный Вестник» не находил «ничего странного», что и статьи самого ответственного редактора, т. е. Салтыкова, «появлялись в подпольных изданиях у нас и за границей» [1].

А ведь всего за три года до этого департамент полиции был уверен в сравнительной благонадежности того же ответственного редактора. В одном из «донесений» 1881 г. Салтыков был охарактеризован так: «принадлежа по своей традиции 40-х годов и современным воззрениям к умеренно-либеральной партии, он, однако, не может быть причислен к сочувствующим анархическим проявлениям последнего времени. Напротив, насколько известно, удаляется он от всякого общения с крайними партиями» [2].

Это могло быть верно только в отношении личного поведения Салтыкова, но не его идеологии, которая при всех возможных разногласиях в ее определении никак не может быть отождествлена с буржуазно-дворянским «умеренным либерализмом».

Важна в этом случае перемена отношения правительственных кругов не только к Салтыкову лично, но и ко всей объединенной в «Отечественных Записках» группе «попутчиков» народовольчества. А эта группа была в литературе 70—80-х годов ведущей. Еще недавно она могла считаться и нейтральной и безвредной; теперь же, когда происходил очевидный для всех процесс ее решительного расслоения,—опасность легко могла быть заподозрена и в элементах, казавшихся «умеренными».

Перемену эту заметил и отметил между прочим Михайловский, который писал в подпольном органе «Народной воли», отзываясь на закрытие «Отечественных Записок»: «Когда-то правительство и его холопы утверждали, что наши ряды пополняются исключительно «молодыми безумцами», недоучившимися мальчишками и пр... Теперь же правительственное сообщение прямо говорит, что известная часть легальной литературы солидарна с нами или даже входит в состав революционной организации» [3].

Хотя слова эти сказаны представителем именно «легальной литературы», в основном они справедливы: известная «солидарность» между легальной группой «Отечественных Записок», с одной стороны, и группами, близкими к народовольческому подполью,— с другой, может быть доказана. Идеология этих групп имела общую классовую базу в расслаивающейся мелкой буржуазии; процессом расслоения обусловлены и идеологические оттенки, которыми эти группы друг от друга отличались.

Нам придется отправляться от опубликованных уже [4] откликов «Общестуденческого Союза» на закрытие «Отечественных Записок», хотя «Союз» не был революционной в строгом смысле слова организацией. Сам он называл себя «учебным баталионом, поставляющим всё новые и новые силы в борющиеся группы, при чем участникам его не возбраняется разделять воззрения той или другой из действующих партий». В духе самой общей оппозиционности написаны и известные нам документы: обращения к Сал-

тыкову и «Воззвание к русскому обществу» по поводу запрещения «Отечественных Записок». Приводим текст этого воззвания для сопоставления с другим публикуемым здесь документом:

«К русскому обществу от московского центрального кружка Общестуденческого Союза.

Сегодняшние газеты сообщают о новом проявлении той темной силы, которая много лет позорит нашу родную страну и которая именуется русским правительством. Запрещено издание «Отечественных Записок». Преступная рука не пощадила и этого единственного органа, смелого и честного защитника прав русского человека. Мы надеемся, что русское общество не будет по обыкновению равнодушно к судьбе своих защитников. Мы надеемся, что русское общество выразит свое сочувствие великому писателю-гражданину Салтыкову и его сотрудникам, свой протест и негодование русскому правительству, что в русском обществе не умерло еще чувство гражданского мужества и собственного достоинства» [5].

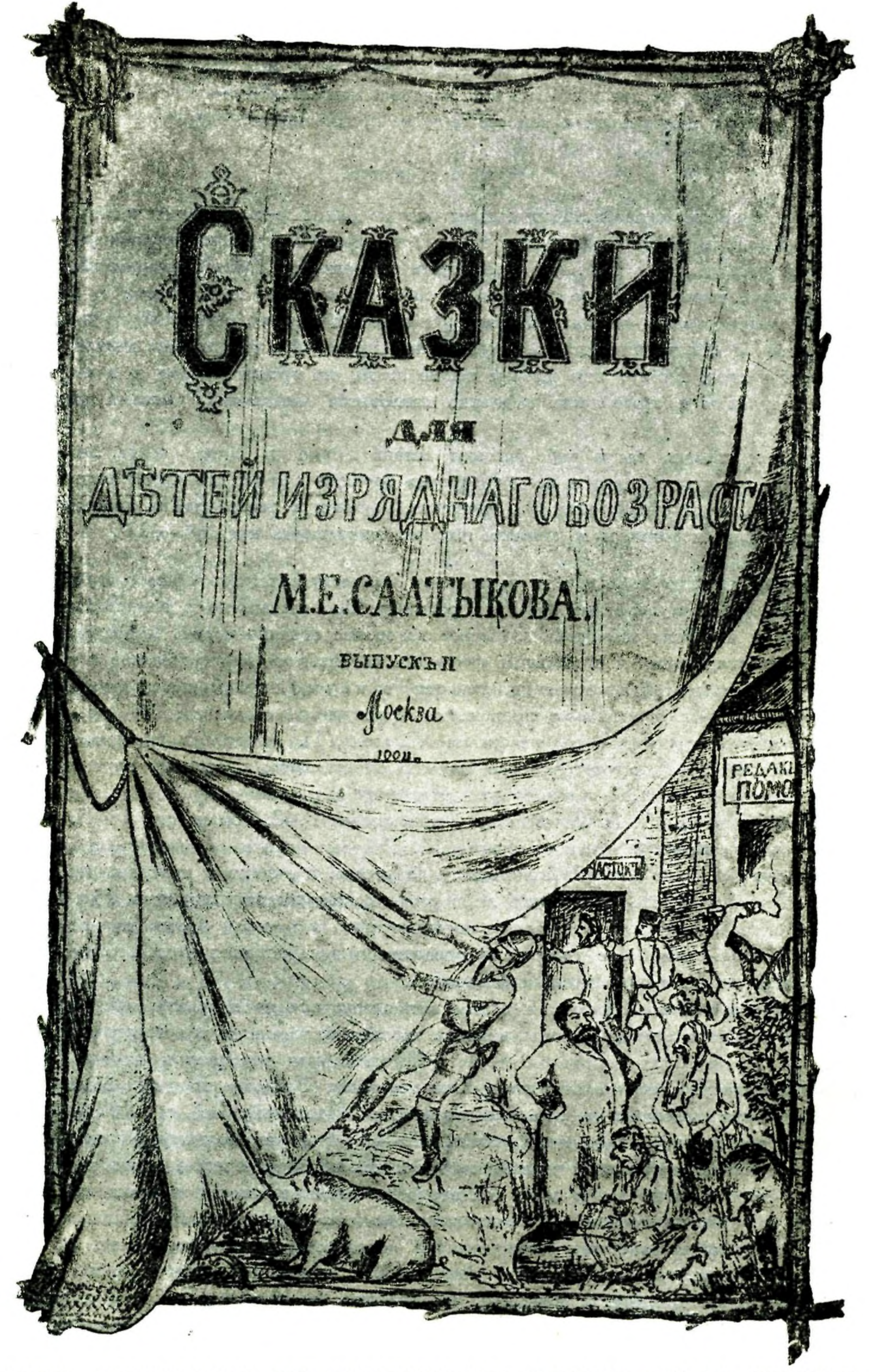
Воззвание это, по указанию В. В. Колпенского, было напечатано в литографии Янковской на правой стороне литографированного же нелегального издания «Сказок для детей изрядного возраста» Щедрина. Новейший исследователь Салтыкова Р. В. Иванов-Разумник так излагает историю этого издания:

«В середине 1884 г., немедленно после закрытия «Отечественных Записок», были изданы в двух выпусках «Сказки для детей изрядного возраста» (в первом выпуске — «Добродетели и пороки» и «Медведь на воеводстве», во втором — «Вяленая вобла» и «Обманщик-газетчик и легковерный читатель») — те сказки, которые были вырезаны из февральской книжки «Отечественных Записок»... «Выпуск II» этих литографированных сказок («Москва, 1884») — большая библиографическая редкость; его нет даже в каталоге богатого собрания Публичной Библиотеки. См. о зарубежных изданиях произведений Салтыкова в этом каталоге: «Вольная русская печать в Российской Публичной Библиотеке, II, 1920, стр. 99—100» [6]. Действительно, в каталоге, изданном в 1920 г. под ред. В. М. Андерсона, указан только первый выпуск «Сказок»; но в собрании Публичной Библиотеки в Ленинграде есть и второй выпуск, возможно поступивший после 1920 г. Экземпляр этого же выпуска имеется еще, по указанию С. А. Макашина, в Московском Музее Революции. Об этом-то втором выпуске «Сказок для детей изрядного возраста» я и хочу здесь сказать. Он интересен, во-первых, рисунком обложки и во-вторых, своим еще неизвестным в печати предисловием, дающим новый текст воззвания (неподписанного) к «русскому обществу».

Рисунок обложки представляет собою полуоткрытый — от правого верхнего угла к левому нижнему — занавес. На закрытой части занавеса заглавие сборника:

СКАЗКИ
для
детей изрядного возраста
М. Е. Салтыкова
Выпуск II
Москва
1884

Этот занавес, разоблачающий закулисную сторону царского режима, пытаются оттянуть обратно вниз полицейский в форме (в середине) и свинья (внизу). За спиной полицейского — дом с вывеской «Участок», другой полицейский ведет туда за шиворот «неблагонамеренного». Рядом с участком — дом с вывеской «Редакция помоев» [7]. У дверей редакции — третий полицейский верхом на лошади, с поднятой нагайкой. Несколько ниже — две фигуры новых буржуа — щедринских Деруновых и Разуваевых — с толстыми животами и окладистыми бородами. За ними в фоне — крестьянин чешет голову обеими руками. В самом низу — пишущий доносчик (надпись «донос» на лежащем перед ним листе) — один из щедринских «мерзавцев» [8]. Наконец в правом

ЛОЖКА НЕЛЕГАЛЬНОГО ЛИТОГРАФИРОВАННОГО ИЗДАНИЯ «СКАЗОК» ЩЕДРИНА ВЫПУЩЕННОГО В МОСКВЕ В 1884 г.

Музей Революции, Москва

нижнем углу — лиса и перед ней в просительной позе заяц (иллюстрация к сказке «Здравомысленный заяц»). Так соединились здесь сатирические мотивы салтыковских сказок с примыкающими к ней мотивами политической сатиры (полицейский и свинья, оттягивающие книзу занавес) с мотивами, взятыми непосредственно из жизни.

Привожу текст помещенной в том же выпуске прокламации:

«Русское общество!

С неумолимой последовательностью вырывает из рядов твоих лучших членов, цвет и гордость нации, представителей ума и знания, честности и мужества неуклонный и бессердечный деспотизм, и ты глухо, ты спишь попрежнему! Самый выдающийся орган нашей печати, высоко и смело державший свое знамя среди всех невзгод и лишений, преследований, травли — закрыт!.. Прекращен навсегда журнал, сумевший сгруппировать вокруг себя людей, чтимых тобою, журнал, пользовавшийся симпатиями многих и многих твоих членов. Гибнут эти чтимые тобою люди, им грозит ссылка в далекую Сибирь, их таланты и способности медленно поглотятся лишениями, ужасами одиночных камер.

Неужели и теперь, когда тебе бросают вызов прямо в лицо, когда ты видишь воочию, что не «сумасброды» и не «фантазеры» борются с теми, кто душит всякую честную мысль, всякую самостоятельную личность, неужели и теперь ты не проснешься, не встанешь грозно и прямо и не снимешь укоров, тяготеющих над тобою?» [9]

Если сравнить это воззвание с воззванием Общестуденческого Союза, опубликованным В. Колпенским, нетрудно заметить разницу. Оно составлено в значительно более решительных и резких выражениях. Первое воззвание ограничивалось либеральными по существу возмущениями и призывами «выразить сочувствие», «протестовать» и т. п. Неизвестные авторы этой прокламации говорят о неумолимой последовательности деспотизма, о вызове, призывают «проснуться», «стать грозно» и т. п. Отвечая на вопрос, кто мог быть издателем «Сказок», П. Анатольев предположительно останавливается 1) на кружке Федора Баулина, печатавшего программу группы «Освобождение труда», а также популярную литературу для рабочих; 2) на радикальном студенческом коужке А. П. Ижевского; 3) на кружке В. С. Романовского и П. А. Ковалева, примыкавшем к народовольчеству [10]. Так или иначе организаторов подпольного издания «Сказок для детей изрядного возраста», а значит и прокламации к «русскому обществу» необходимо искать либо среди революционных кружков 80-х годов — поздних народовольческих или ранних марксистских, либо среди ближайших союзников тех или других. Для более точного определения данные издания недостаточны; вопрос может быть решен только новыми фактами.

Официальный орган «Народной воли» мог отозваться на закрытие «Отечественных Записок» только в сентябре, когда издание возобновилось после полуторагодового перерыва (за роковой для народовольчества 1883 г. вышли только три номера «Листка Народной воли»). Статья о закрытии «Отечественных Записок» поручена была Михайловскому. Михайловский и до этого сотрудничал в «Народной воле», а в 1880—1881 гг. принимал участие в редакционной работе. Но — факт знаменательный — после 1 марта вместе с значительной частью недавних попутчиков народовольчества Михайловский отходит в сторону и тяготится даже той второстепенной ролью, которой от него ждали. «Статья по поводу закрытия «Отечественных Записок» была дана Михайловским крайне неохотно,— свидетельствует осведомленный современник [11],— после долгих настояний со стороны Германа Александровича [Лопатина], с условием по снятии копии уничтожить немедленно оригинал и никому не называть ее автора». То же подтверждает Г. А. Лопатин: «Я никак не мог уговорить Михайловского написать «Внутренее Обозрение». Как последнюю уступку он дал статью о «Чижике» [12].

«Статья о чижике» и есть статья Михайловского «Закрытие Отечественных Записок», напечатанная в № 10 «Народной Воли». Она начинается обращением к министру внутренних дел Толстому: «Вот так скотина! добрые люди от него кровопролитиев ждали, а он чижика съел». Это — цитата из щедринского — тогда запрещенного цензурой —

СТРАНИЦА ПРОКЛАМАЦИИ «К РУССКОМУ ОБЩЕСТВУ ПО ПОВОДУ ЗАКРЫТИЯ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК», НАПЕЧАТАННОЙ В НЕЛЕГАЛЬНОМ ИЗДАНИИ «СКАЗОК» ЩЕДРИНА 1884 г.

Музей Революции, Москва

Русское общество!
С неумолимой последовательностью вырывают из рядов твоих лучших членов, цвет и гордость науки, представителей ума и знания, честности и мужества неуклонный и бессердечный деспотизм, и ты молчишь, ты спишь по прежнему!
Самый выдающийся орган нашей печати, высоко и сильно державший свое знамя, несмотря на все невзгоды и лишения, преследования, травли, — Закрыть!... Прекращен навсегда журнал, сумевший сгруппировать вокруг себя людей, стоявших твоею лучшею [illegible] [illegible] многих [illegible] твоих членов. Гибнут [illegible] твои люди, идут годами в далекую Сибирь; [illegible] [illegible] заживо, упрятанные в одиночные камеры.
Неужели и теперь, когда тебе бросают вызов прямо в лицо, когда ты видишь воочию, что не „сумасброды" и „радикалы" [illegible] с теми, кто душит всякую честную мысль, всякую самостоятельную

«Медведя на воеводстве». Цитата звучала двусмысленно, а для знавших об авторстве Михайловского—особенно странно. Сам он это видимо чувствовал и оговаривался:

«Мы не думаем смеяться над погибшим журналом или принижать его. Это был почти единственный орган русской печати, в котором сквозь дым и копоть цензуры светилась искра понимания задач русской жизни во всем их объеме. За это он должен был погибнуть и погиб. Было бы странно, если бы мрачная правительственная сила не наложила раньше или позже руки на мало-мальски светлое явление. Но мы утверждаем все-таки, что, закрыв «Отечественные Записки», Толстой съел чижика,— не того от него ждали. Ждали искоренения революции, прекращения крамолы, а мы живы и надеемся, что в скором времени в этом убедятся все» [13].

Мысль о закономерности происходящей борьбы («он должен был погибнуть») была высказана в опубликованном выше воззвании гораздо решительнее («неумолимая последовательность»). Воззвание негодовало там, где Михайловский иронизировал. Как бы то ни было, самый факт отклика на закрытие «Отечественных Записок» в органе «Народной воли» сохраняет свое значение.

Отношение революционных и радикальных кругов к закрытию «Отечественных Записок» в основном (при всех возможных и необходимых оттенках) определилось как однородное. Прекращение журнала было воспринято как вывод из строя союзника, как явление разгорающейся борьбы и стимул для ее продолжения. Для уяснения объективной роли Салтыкова в социально-политической борьбе этих лет необходимо сопоставить эти недвусмысленные выражения сочувствия с трусливым молчанием большинства либеральной буржуазно-дворянской литературы. Об этом писал и сам Салтыков (Анненкову 3 мая 1884 г.): «Прежде, бывало, живот у меня заболит — с разных сторон телеграммы шлют: живите на радость нам! а нынче вон, с божьей помощью, какой поворот! — и хоть бы одна либеральная свинья выразила сочувствие! Даже из литераторов ни один не отозвался. Стасюлевич выразил кондолеанс, но относительно сотрудничества в «Вестнике Европы» ни гугу»...[14] В следующем письме тому же Анненкову, продолжая возмущаться отношением ближайших товарищей-литераторов, Салтыков вскользь замечает:

«... получил от добровольцев несколько соболезновательных писем — немного,— но и то под псевдонимами»...[15]

Было бы очень важно опубликование писем этих «добровольцев», если они где-нибудь сохранились. Они помогли бы уяснить недостаточно еще изученный вопрос о социальном лице салтыковского читателя и о социальной функции его сатиры.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Розенберг, В., Журналисты безвременья, стр. 111, также Евгеньев-Максимов, В. Е., В тисках реакции, стр. 119.

[2] Цитирую по статье В. Колпенского «М. Е. Салтыков-Щедрин и Общестуденческий Союз». — «Русское прошлое», сб. 4, 1923.

[3] «Литература партии «Народная воля». Изд. О-ва политкаторжан, 1930, стр. 227. О статье Михайловского — см. ниже.

[4] В. В. Колпенским в названной выше статье и П. Анатольевым в статье «К истории закрытия журнал «Отечественные Записки».— «Каторга и ссылка» 1929, № 8—9 (57—58).

[5] В. Колпенский, названная статья.

[6] Сочинения М. Е. Салтыкова, т. V. ГИЗ, 1927, стр. 506.

[7] Как известно, под именем «Помои» в сатире Салтыкова разумелась реакционная пресса и ближайшим образом мракобесная газета Цитовича «Берег».

[8] «Мерзавцы»-доносчики фигурируют между прочим в опубликованных мною вариантах «Современной идиллии» (перепечатаны во 2-м издании «Сказок» Салтыкова в серии «Русские и мировые классики» под ред. Н. К. Пиксанова. ГИЗ, 1930, стр. 307—308).

[9] Это воззвание было известно П. Анатольеву, автору указанной выше работы, но он не опубликовал его и сообщил о нем неправильные сведения. Приведя (неточно) первые слова воззвания: «Русское общество! С неумолимой последовательностью вырывают из рядов твоих лучших членов», П. Анатольев продолжает: «...и дальше шел известный текст относительно запрещения «Отечественных Записок» и того, что общество не останется равнодушно и выразит сочувствие Салтыкову». П. Анатольев ссылается на «дело № 53» архива б. деп. полиции. Очевидно либо он, либо его первоисточник принял два текста за один, если конечно не существовало третьего текста — какой-нибудь комбинированной редакции.

[10] Названная работа, стр. 189.

[11] Из письма Н. М. Саловой к Е. Е. Колосову. Приведено в брошюре Е. Колосова «Н. К. Михайловский», П., 1917, стр. 64—65.

[12] Там же.

[13] «Литература партии «Народная воля», цитированная страница.

[14] «Письма М. Е. Салтыкова», 1925, стр. 261.

[15] Там же, стр. 263.

НЕИЗДАННАЯ СТАТЬЯ СОФЬИ КОВАЛЕВСКОЙ О САЛТЫКОВЕ

Сообщение С. Штрайха

Приводимая ниже статья С. В. Ковалевской о М. Е. Салтыкове-Щедрине сохранилась в ее семейном архиве в подлинной авторской рукописи на французском языке. Постоянно проживавшая в Стокгольме, где она занимала университетскую кафедру математики, Ковалевская в момент смерти М. Е. Салтыкова находилась в Париже. Здесь у нее были многочисленные дружеские связи и знакомства в международной эмигрантской среде, с представителями которой она поддерживала также деятельную переписку из Стокгольма, стараясь создать в шведском обществе благоприятное настроение в пользу русских революционеров. В Париже Ковалевская находилась тогда в связи со своим недавним триумфом, когда она в самой торжественной обстановке получила от французской Академии наук высшую, значительно увеличенную против присуждавшихся до нее премию за решение вопроса о вращении твердого тела под влиянием действующих на него сил [1]. Вместе с этой высшей радостью от своей математической деятельности Ковалевская переживала также в ту пору большой творческий подъем в области литературно-художественной — писала свои знаменитые «Воспоминания детства», вскоре напечатанные в России и встреченные чрезвычайно сочувственно во всем образованном мире: они были переведены на западноевропейские и скандинавские языки. Все это совпало с пышным расцветом личного жизненного романа Ковалевской. В Париже она в начале 1889 г. была почти неразлучна со своим знаменитым однофамильцем М. М. Ковалевским [2].

Когда весть о смерти Салтыкова пришла в середине мая 1889 г. в Париж, тамошние русские представители умеренно-радикальной политической мысли и научно-литературных кругов решили, что Ковалевская должна взять на себя организацию посылки венка на могилу писателя и сочувственной телеграммы его вдове. Во время переговоров по этому поводу с русскими парижанами Софья Васильевна возмущалась политической трусостью некоторых своих либеральных соотечественников и негодование свое излила в письме к уехавшему на несколько дней из Парижа М. М. Ковалевскому, который в 1885 г. принимал участие в издании собрания сочинений знаменитого сатирика. Письмо в печати не было; оно не датировано, но конечно относится к середине мая 1889 г. Подлинник его среди тех бумаг С. В. Ковалевской, которые сохранились в личном архиве М. М. Ковалевского, находящемся теперь в Институте Русской Литературы при Академии Наук СССР в Ленинграде.

Дорогой Максим Максимович.

Вчера вечером пришла, наконец, корректура первого листа ваших лекций. Я ее просмотрела и отошлю к Иоганну Лефлеру, который, сравнив ее с той, которую получит от Вас, отдаст ее в печать. Лефлер пишет, что печатание не окончится раньше, как к осени [3].

Вы ругаете шведов, а я в настоящую минуту преисполнена негодования на русских и на их безграничное холопство. Третьего дня Де-Роберти [4] и наш старый друг [5] пришли ко мне, и, на основании того, что я якобы пользуюсь большою популярностью в

русской колонии, стали просить меня, чтобы я взяла на себя инициативу устроить подписку—венок Щедрину и послать сочувственную телеграмму его вдове от имени различных русских кружков в Париже.

По легкомыслию, свойственному не одной только юности, я охотно взяла на себя это поручение. Мне казалось, чего проще и невиннее, как изъявить, что мы все жалеем о смерти великого и вполне легального писателя. Но оказывается-то, что это не так просто, что и в этом можно усмотреть потрясение основ.

Какую массу пошлости я насмотрелась в эти два дня, вы представить себе не можете! В результате почти полная неудача, усталость, неимоверная досада на самое себя, зачем я связалась с этими пошляками, и почти физическое ощущение, что я эти два дня провозилась с чем-то очень неопрятным. В будущую субботу (на 12-й день по смерти Щедрина, не слишком ли рано?) соберется комитет, в котором будет участвовать Боголюбов[6] и Котцебу[7], чтобы обсудить, имеем ли мы право жалеть о его смерти!

Нет, как хотите, русские, как нация, никуда не годятся! Я хотела послать телеграмму от частных лиц, но нас не набралось и 10. Ваш милый друг Вырубов[8] не считает себя в праве выразить свое сожаление о смерти Щедрина, ибо он теперь француз.

Преданная вам С. К.

Разделавшись с трусливыми русско-французскими либералами, Ковалевская решила ознакомить французскую публику с литературно-политическим обликом Салтыкова и написала для одного из парижских журналов печатаемую здесь статью. Рукопись имеет вид окончательно отделанной для печати, в которую она повидимому не попала по случайным обстоятельствам; по крайней мере на рукописи две-три карандашные пометки, сделанные посторонней рукой (возможно М. М. Ковалевского, с которым С. К. советовалась по поводу своих литературных опытов), и несколько поправок чернилами, сделанных самим автором; ни в одном библиографическом указателе о Салтыкове и Ковалевской эта статья не упоминается.

В статье о Щедрине Ковалевская имела в виду показать французским читателям оппозиционные тенденции русской подцензурной прогрессивной печати, показать, что Щедрин был одним из самых революционных и самых талантливых представителей указанного направления. С этой целью Ковалевская выбирает из огромного литературного наследства Щедрина небольшой рассказ «Больное место».

Для лучшего усвоения иностранным читателем ее мысли, Ковалевская умело расшифровывает этот рассказ и ставит его в центр своей статьи. В то же время для того, чтобы специально заинтересовать французскую публику умершим русским писателем, Ковалевская выбирает из его крупных художественных произведений роман «Господа Головлевы» и подчеркивает сходство основной мысли последнего с главной идеей наиболее популярной тогда во Франции серии романов Золя «Ругон-Маккары».

Умело выдвигает она также на первое место ту сторону биографии Салтыкова, которая связана с его социальными идеями, с его участием в кружке первых русских социалистов-петрашевцев.

Конечно статья Ковалевской о Щедрине не представляет собою крупного вклада в критическую литературу о великом сатирике, но в нашем литературном наследстве она должна быть отмечена как отклик на смерть знаменитого писателя в кругах той радикальной русской интеллигенции, которая не находила применения своим дарованиям и своим силам в царской России и оставляла родину для того, чтобы из-за границы теми или иными путями, теми или иными способами подрывать мощь русского самодержавия. Одной из талантливейших представительниц этой интеллигенции была С. В. Ковалевская и одной из любопытных страниц ее деятельности в этом направлении является печатаемая здесь статья.

Статья дана в переводе К. Локса.

С. Штрайх

М. Е. САЛТЫКОВ (ЩЕДРИН)

«Еще одна звезда мелькнула, мелькнула и исчезла».

Еще одно блистательное имя вычеркнуто из списка имен той плеяды великих писателей, которые родились в России в первую четверть нашего века и которые стали известны и любимы за границей почти столь же, как в своей стране.

Явление весьма любопытное и уже несколько раз подмеченное: есть годы урожайные и неурожайные для рождения великих людей, совсем как для сбора хлебов. В раздольных степях южной России земледелец с большим правом, чем где бы то ни было, может сказать, что годы идут один за другим, но не походят друг на друга. Если нет дождей, если летом стоит исключительная жара,—все высыхает, все сожжено. Черная и жирная земля наша — знаменитый русский чернозем — покрывается коркой твердой, как камень. Тогда нельзя рассчитывать даже на средний урожай, и осенью с трудом можно засеять поля.

Иногда неудачные годы идут подряд—одно лето, другое, третье, пятое. Тогда наступает настоящее разорение. Голод и отчаянье во всей стране. Наконец, наступает хороший год, когда дожди падают в изобилии. Тогда земля обнаруживает мощь и плодородие изумительные. Достаточно только засеять поля, чтобы через несколько недель получить урожай сторицей. Приходится скликать рабочих со всех концов России, чтобы собрать слишком обильную жатву. Все закрома, все амбары в стране переполнены. Всегда остается пшеница, которую некуда девать. Коротко говоря, урожай одного счастливого года вполне вознаграждает земледельца за все потери долгих неудачных годов.

Если проследить различные периоды развития литературы в России, то, кажется, действительно можно установить явление того же порядка. Ее история в нашей стране еще не слишком длинна. Она едва насчитывает два столетия. Тем не менее всякий, изучающий эту историю на протяжении столь короткого времени, не может не быть поражен контрастом между эпохами великой скудости и поражающим плодородием. Годы, непосредственно предшествовавшие или следовавшие за годом 1825, производят впечатление годов наиболее благоприятных для рождения гениальных писателей. Тургенев, Достоевский, Толстой, Некрасов, Гончаров, Салтыков (Щедрин) и г-жа Крестовская все ровесники с разницей в пять или шесть лет, и все родились в эту эпоху[9].

С. В. КОВАЛЕВСКАЯ
Фотография 1876 г.
Собрание С. В. Ковалевской, Москва

Три первых имени хорошо известны во Франции, четыре последних не пользуются или, лучше сказать, пока еще не пользуются той же известностью. Но в России так привыкли соединять эти имена, что для русского почти невозможно назвать одно имя и не представить себе сразу всю плеяду целиком. Это потому, что авторы, которых я только что назвала, характеризуют и воплощают всю эпоху нашей литературной жизни. Хотя у каждого из них есть своя собственная, индивидуальная манера письма, их всех объединяет нечто общее, какой-то один и тот же родной воздух. И поэтому, мне думается, легко понять, что они выросли в одну и ту же эпоху, в окружении одной и той же культуры и социальной среды.

Быть может, теперь их литературную деятельность следует считать почти законченной. Тургенева, Достоевского и Некрасова нет больше в живых. Гончаров и Крестовская уже много лет не создавали ничего значительного. Толстой отрекся от литературы и пишет только народные сказки или философские статьи.

Только Щедрин сохранил до самого последнего времени свою [творческую] мощь и производительность, тем более замечательные, что уже давно страдал тяжелой мучительной болезнью. И вот теперь смерть заставила умолкнуть его язвительную и насмешливую речь, быть может, единственную, которая осмеливалась звучать в наше время в защиту свободной мысли и бичевала эгоистические и реакционные настроения, все более и более захватывающие русское общество и русскую литературу.

Глубокая и неподдельная скорбь, охватившая всю Россию при известии о смерти Салтыкова, огромная толпа, шедшая за его гробом, тысячи венков, присланных на его могилу из самых отдаленных уголков империи царей,—все это свидетельствует о том, как ценили великого писателя в его стране и какую пустоту он оставил после себя.

Щедрин действительно занимал совсем особенное место среди своих собратьев. Он один воплощал то, что наиболее редко встречается в России,— свободный порыв критической мысли. Но хотя многие произведения Щедрина переведены на французский язык [10], он не встретил во Франции того понимания, как Тургенев, Толстой и Достоевский. Эта холодность иностранцев к писателю, столь высоко ценимому у себя на родине, зависит, я думаю, от двух основных причин и, прежде всего, объясняется самым жанром его произведений.

Правда, Щедрин проявил самые разнообразные художественные способности. Он начал стихами; его роман «Господа Головлевы» доказывает, что у него несомненно были данные крупного романиста: живое и пылкое воображение, способность перевоплощаться в своих персонажей, большая утонченность в анализе характеров. Тем не менее настоящим жанром Салтыкова была всегда сатира, оправленная фантастикой, подобная сатире Рабле. А этот жанр более чем какой-либо другой связан с родной почвой. Слезы всюду одинаковы, но у каждого народа своя манера смеяться. Вот почему и Рабле, в свою очередь, будет понят вполне только французом.

В России очень изощренно и сочувственно воспринимают все красоты, все тонкости французской литературы. Не однажды у нас прозревали исключительность французского писателя раньше, чем он был признан у себя. И что же! Даже в России вы с трудом найдете человека, который правильно понимал бы Рабле.

Другая причина, почему Щедрина не совсем легко понять иностранцу, заключается, если воспользоваться его собственным выражением, в его совершенно особом «эзоповском языке», которым он принужден был пользоваться. Не нужно забывать, что Щедрин писал в железных тисках русской цензуры. Едва он садился за свой письменный стол, едва он только опускал перо в чернильницу и располагался писать, как тотчас ему представлялся красный карандаш цензора, угрожающе занесенный над его рукописью.

Долгой практикой Щедрин выработал невероятную ловкость в уменьи избегать штрихов этого страшного карандаша. Трагический смех, которому он охотно придавал характер простонародного издевательства, не раз прикрывал его дерзкие выходки и благодаря этому скрытому смыслу, часто, впрочем, весьма явному, умел он маскировать свою мысль. Ничего не говоря явно, он заставлял все понять.

Но какова бы ни была ловкость писателя, такая манера письма невозможна, если читатель не получил совершенно особой подготовки. Поразительно, как умеют читать между строк в России! Нечто вроде незримого единения и таинственного понимания установилось между публикой и любимым автором.

Как пример писательской манеры Щедрина я хочу напомнить один из лучших его рассказов: «Больное место». Это история сыщика, наказанного в лице своего сына [11]. Представьте сыщика, почти не понимающего, что он делает. Очень бедный, в начале своей карьеры очень робкий, привыкший с детства гнуть спину перед другими, он по стечению бедственных обстоятельств был принужден поступить в тайную полицию. Когда он очутился там, ему только оставалось слепо выполнять приказания своего начальства. Ему приказали стать сыщиком, и он исполнял эту должность, не позволяя себе ни рассуждать, ни возражать, с тем же рачительным и усердствующим послушанием, с каким выполнял любое поручение своего начальника. Он не был злым, наоборот, в глубине его мало развитой души много нежности и даже, не удивляйтесь,— деликатности.

Гнусное ремесло, которым он занимается, неоднократно внушает ему отвращение, но он настолько проникнут необходимостью повиноваться и подчиняться, что это отвращение совершенно инстинктивно; он сам относится к нему, как к слабости, и изо всех сил старается его преодолеть и заглушить: «Великий боже, до чего мы дойдем, если каждый подчиненный будет обсуждать приказания начальства».

Однажды он встретил на своем пути юную сироту, столь же бедную, смиренную и робкую, как он сам; он женился на ней, и они жили своей замкнутой жизнью, достаточно счастливой по существу, хотя всегда боязливой, всегда трепещущей перед какой-то угрозой неведомой и страшной силы, которая каждую минуту может их раздавить.

Несколько лет у супругов не было детей; наконец, у них родился сын. Столь долгожданный ребенок стал всем для своего отца, который берег его как зеницу ока. Но странно: по мере того, как отец все более и более привязывался к сыну, возрастало его инстинктивное отвращение к своему занятию. Тем не менее он по привычке продолжал быть деятельным и бдительным. Он даже отличился в блестящем деле — напал на след весьма опасного заговора, и денежная награда, которую он получил за эту ценную услугу, обеспечивала ему, вместе с прежними сбережениями, некоторое благополучие. К тому времени его отвращение к своему ремеслу так усилилось, что он воспользовался этим неожиданным доходом, чтобы подать в отставку и уйти в личную жизнь. С женой и сыном он удалился в глухую провинцию и поселился в маленьком домике в глубине большого, заросшего зеленью сада.

Здесь они живут спокойно, окруженные уважением. Отец сосредоточивает на единственном сыне все богатство своей глубокой любви и нежности, столь долго скрытое в его сердце; он живет его жизнью, участвует в его росте и развитии; он обретает новую душу, соприкасаясь с чистой душой ребенка. Думая о нем, он преисполнен гордости и честолюбивых мечтаний, чего никогда не испытывал по отношению к самому себе. Он хочет, чтобы его сын получил хорошее образование, чтобы все дороги в жизни были открыты перед ним, чтобы сын его не был червем, которого каждый может раздавить, как это было с ним самим.

Иногда воспоминания о прошлой жизни сыщика возвращаются к нему, как приступы скверной, отвратительной тошноты; тогда он изо всех сил старается доказать себе самому, что вовсе не был виновен: «К чему, в конце концов, упрекать себя? Если он был слепым орудием гибели многих людей,—вина падает не на него. Эти люди устраивали заговоры против правительства, его начальник поручил ему наблюдать за ними, он исполнял только свой долг, стараясь открыть их тайны и осведомить правительство о них. То, что произошло с ними потом, его не касается. Это дело его начальства».

Но все эти хитроумные рассуждения не мешают ему при каждом воспоминании о прошлом быть охваченным боязнью—как бы сын не узнал об этом когда-нибудь.

Однажды он случайно встречает одного из своих старых товарищей по службе, который почти насильно навязывается к нему в гости и, выпив стаканчик, начинает вспо-

минать об их прошлом: «Помнишь, папашка, как нам повезло в 1871 г.? Ну, право смешно, когда вспомнишь, как мы их накрыли!»

Сын, уже большой мальчик, слушает, устремив на незнакомца большие детские глаза, строгие и вместе с тем любопытные. Растерявшийся отец не знает, как удалить ребенка или заставить замолчать втершегося болтуна и тупицу; он чувствует, как его сердце переполняется невыносимым стыдом и ужасной безнадежностью.

Однако на этот раз мальчик еще ничего не понял. Но годы текут и мальчик растет. У него развивается характер матери—кроткий и нежный, несколько печальный и склонный к меланхолии, но он гораздо одареннее духовно. Он развивается свободно в атмосфере окружающей его ласки и нежности; он обожает своего отца и очень любит науку. Когда ему исполнилось 17 лет, он, с аттестатом зрелости в кармане, просит отца отпустить его в Петербургский университет—продолжать свое образование. Отец, который ни в чем не умеет отказывать сыну, принужден согласиться, испытывая в то же время тайный страх и предчувствие большой опасности, угрожающей ему.

И действительно—неизбежная катастрофа не замедлила разразиться. Имя отца пользовалось печальной известностью, еще не забытой в Петербурге. Вскоре после поступления в университет молодой человек узнает, что он сын бывшего сыщика; среди его друзей встречаются даже сыновья тех, которых предал его отец.

В один зимний вечер, когда бедный отставной сыщик спокойно дремлет в своем углу, мечтая о сыне, тот появляется перед ним: он внезапно вернулся из Петербурга, никого не предупредив о своем приезде.

— Правда ли, что рассказывают о тебе, отец?!—Вот первый вопрос, с которым он обращается к старику, и тому достаточно только взглянуть на искаженное лицо сына, чтобы понять, что должно произойти.

«Вот мой судья», думает он, трепеща перед нежно любимым сыном. Все же он делает усилие защищаться; он излагает все доказательства, которые подготовлял столько лет, как бы в предчувствии этого ужасного момента, когда ему придется оправдываться перед своим сыном. Но он видит, что эти доказательства не производят никакого впечатления на молодого человека, на любимом лице он видит непроизвольное и непреодолимое отвращение. Тогда несчастный отец перестает доказывать, он разражается рыданиями, и у сына нехватило сил упрекнуть его.

Но что же теперь делать сыну, как дальше жить? Он не может вернуться в университет и подвергаться оскорблениям со стороны товарищей. Один из них действительно написал ему, чтобы побудить его вернуться: «Все еще может уладиться,—писал он,—дети не отвечают за преступления своих отцов; но если имеют несчастие быть сыном такого отца, как твой, то от него открекаются — вот и все. Ты сам понимаешь, что пока будут известны твои хорошие отношения с отцом-сыщиком, тебе невольно не будут доверять. Но если ты его покинешь, расстанешься с ним совсем, тебя примут с распростертыми объятиями».

Отречься от своего отца! Отца, который был так добр, так предан ему и тем не менее был виновником того, что столько других сыновей осталось без отцов! Наш герой никогда не решится на это. Но, с другой стороны, как жить, подвергаясь всю жизнь презрению со стороны тех, с мнением которых он больше всего считается?

Несчастный находит единственный выход из этой внутренней борьбы: он пускает себе пулю в сердце. Он пишет своему отцу несколько весьма холодных прощальных слов и кончает с собой.

Бывший сыщик остается один во всем мире. Наказание за его несознательное преступление поразило его в больное место.

Такова мрачная драма, которую Щедрин развернул перед нами. Но чтобы рассказать о ней в России, он должен был проявить немало ловкости. Он принужден был сообщить о ней иначе, чем я изложила ее. Ему пришлось сделать это со всевозможной изворотливостью. На всем протяжении рассказа он ни разу не употребляет таких слов, как «сыщик» и «тайная полиция». Он говорит о занятиях отца неопределенно и таинственно. Но русский читатель, даже мало образованный, не может ошибиться. Он

СТРАНИЦА РУКОПИСИ СТАТЬИ С. КОВАЛЕВСКОЙ О САЛТЫКОВЕ, 1889 г.

Собрание С. В. Ковалевской, Москва

отлично понимает, что этот рассказ—история сыщика, и ни минуты не сомневается в характере таинственных преступлений, содеянных отцом.

Но представьте себе, что этот рассказ переведен на французский язык без комментариев, без предварительных объяснений. Десять шансов против одного, что читатели ничего не поймут.

Говоря в своих «Театральных впечатлениях» о переделанной для французской сцены Луи Лежандром пьесе Шекспира «Много шума из ничего», Жюль Лемерт пишет, что он всегда в восторге, когда утонченные люди переделывают и исправляют Шекспира для своих надобностей. Не думаю, чтобы я захотела согласиться с мнением Леметра относительно Шекспира, но я убеждена, что есть много авторов, которые в их собственных интересах, так же как в интересах читателей, не могут быть представлены иностранной публике, не будучи, по выражению Леметра, «просмотренным и объясненными утонченно-мыслящими людьми».

Щедрин безусловно принадлежит к числу таких авторов. Читая его рассказы, сатиры и сказки, я не нахожу ни одного, даже среди тех, которыми я наиболее восхищаюсь, который бы я хотела видеть переведенным на французский язык буквально. Но я была бы счастлива, если бы нашелся какой-нибудь французский писатель, понявший Щедрина так, как понимаем его мы, русские, и который взял бы на себя труд истолковать его своим соотечественникам.

Особенно заслужил Щедрин право быть известным и оцененным во Франции, потому что всю жизнь он выражал самую горячую симпатию к этой стране, которую считал в известной степени своим духовным отечеством. Французская литература, идеи, перекинувшиеся [в Россию] из Франции, имели самое могущественное влияние на развитие его дарования и его политических убеждений. Когда Щедрин начинал свою литературную деятельность (1847), все русские молодые люди жили, устремив взоры на Францию.

Вот как рассказывает об этом сам Щедрин в статье «За рубежом», представляющей нечто вроде исповеди или автобиографии: «Я в это время только что оставил школьную скамью и, воспитанный на статьях Белинского, естественно примкнул к западникам. Но не к большинству западников (единственно авторитетному тогда в литературе),

которые занимались популяризированием положений немецкой философии, а к тому безвестному кружку, который инстинктивно прилепился к Франции. Разумеется, не к Франции Луи-Филиппа и Гизо, а к Франции Сен-Симона, Кабе, Фурье, Луи Блана, и в особенности Жорж Занда. Оттуда лилась на нас вера в человечество, оттуда воссияла нам уверенность, что «золотой век» находится не позади, а впереди нас... Словом сказать, все доброе, все желанное и любовное—все шло оттуда.

В России,—впрочем, не столько в России, сколько специально в Петербурге,— мы существовали лишь фактически или, как в то время говорилось, имели «образ жизни». Но духовно мы жили во Франции... Гизо и Дюшатель и Тьер—все это были как бы личные враги (право, даже более опасные, нежели Л. В. Дуббельт), успех которых огорчал, неуспех — радовал... Агитация в пользу избирательной реформы, высокомерные речи Гизо по этому поводу, февральские банкеты—все это и теперь так живо встает в моей памяти, как будто происходило вчера» [12].

Салтыков родился в 1826 г. в богатой помещичьей семье, владевшей несколькими тысячами душ крестьян.

Часто думают, что именно от матерей сыновья наследуют свои интеллектуальные и моральные качества—большинство знаменитых людей имело замечательных матерей. Участь Салтыкова в этом отношении почти такова же, как и участь Тургенева. Оба имели матерей, принадлежавших к типу сильных женщин, и оба сильно страдали в детстве от материнского деспотизма, о котором они сохранили злобное воспоминание на всю жизнь и запечатлели его в своих произведениях. Тем не менее мать Тургенева, как ни была она настойчива, фанатична, требовательна, как ни привыкла заставлять всех преклоняться перед ее волей, все же отличалась прекрасными манерами, известной утонченностью и оставалась аристократкой, несмотря на все.

Что касается матери Салтыкова, то она была так наз. «бой-баба», женщина очень одаренная, обладавшая исключительным практическим умом, но совершенно лишенная моральных качеств. Очень богатая, она доводила свою бережливость до степени гнусной скупости, создала тяжелую жизнь для своего мужа, детей и крепостных, изгнала из своего быта всякие признаки комфорта и благосостояния и упростила свое существование до степени единственного главного занятия—возможно большего накопления.

Крепостное право было в полном расцвете в детские и юношеские годы Салтыкова и потому неудивительно, что воспоминания об этой печальной системе занимают значительное место в его произведениях. Но в то время, как значительное число авторов, с Тургеневым во главе, посвятило много красноречивых страниц описанию жалкой участи угнетенных крестьян, Салтыков очень много писал о гибельном и унизительном влиянии, которое оказывало крепостное право на самих господ. С этой точки зрения его роман «Господа Головлевы» — произведение в высшей степени замечательное.

Так же, как и «Ругон-Маккары», этот роман может быть снабжен подзаголовком «естественная и социальная история одной семьи», потому что там перед нашими глазами развертывается моральный упадок и постепенная гибель трех поколений помещиков, гибель, определенная законами наследственности и накопившимся воздействием нездоровых и деморализующих влияний [13].

Говоря об этом романе, я не могу не отметить его любопытного сходства, наверное непреднамеренного, с романами Золя [14]. Уже неоднократно говорили о символизме Золя. В каждом из его произведений всегда участвует нечто неодушевленное, близкое, образующее не только основу романа, но и выполняющее в нем в известном смысле ту же функцию, как судьба в греческой трагедии. Таковы сад в «Преступлении аббата Муре», мина в «Жерминале», собор в «Мечте». Это «нечто» связано самыми тесными узами с историей действующих лиц, но оно заранее определяет все их бытие, независящее от их воли, определяет неизбежно и непоправимо.

В романе русского писателя вы подметите такой же символизм. Это — Головлево — наследственное именование семьи Головлевых, играющее роль роковой и зловещей силы. Старинный помещичий дом, просторный, торжественный и мрачный, который расплющивает своей тяжелой каменной массой жалкие крестьянские избы, расположенные вокруг него,—олицетворяет систему крепостного права. Эта помещичья усадьба, на кото-

рую так зарятся все члены семьи Головлевых, становится проклятием для каждого из них. Благодаря тяжелому рабскому труду возрастает материальное благосостояние Головлевых; их богатство растет, их владения расширяются. Но для чего все это нужно? Одно поколение за другим жалко погибает в стенах проклятого дома.

«Хороши наши дела! Головлево всех нас слопает! Никому не уцелеть!» — с отчаянием восклицает Аннинька, последний отпрыск этой несчастной семьи, перечисляя про себя целую кучу своих дедов, дядей и других родственников, которые вырывали Головлево друг у друга, перекупали его и все окончили там свои дни, некоторые самоубийством, другие в безумии или белой горячке.

Этот замечательный роман занимает совсем особое место в творчестве Салтыкова. Большая часть других его произведений посвящена изображению нравов и привычек русского чиновничества. Благодаря долголетнему личному опыту, ему были хорошо известны различные части огромной русской бюрократической машины.

Салтыков учился в Царскосельском лицее. Каждое учебное заведение подобного типа обычно хранит традиции какой-нибудь знаменитой личности, вышедшей из его стен, и память о ней связана с особым культом. В Царскосельском лицее наш великий поэт Пушкин играет роль гения-хранителя. Каждый воспитанник этого лицея полон гордости, думая о том, что Пушкин принадлежит к числу его старших товарищей, и исключительное почитание, которым окружен поэт в лицее, является причиной того, что поэзия там в большой моде. Мало насчитывается воспитанников, которые не пробовали бы писать стихи, и Салтыков в свою очередь не избежал этой общей участи. Тотчас же после выхода из лицея он напечатал маленький сборник лирических стихотворений, большая часть которых написана в лицее,— все они, впрочем, довольно посредственны [15].

Сам Салтыков довольно скоро признал, что лирическая поэзия не его удел. Принужденный матерью поступить на службу в министерство внутренних дел мелким чиновником [16], он не захотел тем не менее побороть свою непреодолимую склонность к литературе и выступил через год с произведением совсем особым. В «Запутанном деле», напечатанном в 1848 г. под псевдонимом Щедрин, который он сохранил на всю жизнь, уже чувствуется великий сатирик. Этот расказ, содержащий печальные сетования по поводу судьбы мелких чиновников в России, произвел впечатление. К несчастью он появился как-раз в ту пору, когда ограничительные для печати правила свирепствовали с исключительной силой [17].

«И вот, вслед за возникновением движения во Франции,— вспоминает Салтыков,— произошло соответствующее движение и у нас: учрежден был негласный комитет для рассмотрения злокозненностей русской литературы». Несмотря на вымышленное имя, за которым укрылся автор «Запутанного дела», он был скоро опознан, и высылка в Вятку, город, расположенный на окраине европейской России, на границе Сибири, увенчала его первый литературный успех. Только через семь с половиной лет, в 1855 г., после смерти Николая и восшествия на престол Александра II Щедрин мог вернуться в Петербург.

Хотя он был в опале, но службы не оставил и продолжал в Вятке исполнять обязанности мелкого чиновника [18]. Вынужденное пребывание в далекой провинции несомненно было для него более полезно, чем приятно, так как дало ему возможность увидеть воочию все ужасы, все злоупотребления, весь произвол бюрократической системы, которая в провинции совершенно обнажена, без всякой заботы о той благопристойности, какую считают себя обязанными соблюдать в Петербурге.

Возвратившись в столицу, Салтыков с жаром занялся литературой и опубликовал свои «Губернские очерки», которые сразу обеспечили ему почетное место среди первых русских писателей.

Среди чисто сатирических произведений Щедрина, быть может, «История одного города» — на самом деле беспорядочно-шумная (tintamaresque) история российской империи — есть его значительное произведение, которое никогда не утратит своего интереса для будущих поколений. Действующие лица, вызвавшие в данном случае его сатирическое вдохновение, столь хорошо известны и так легко могут быть узнаны, что все намеки автора всегда будут хорошо поняты и оценены.

Этого нельзя сказать про его другие произведения. Далеко не одна страница, написанная Салтыковым, требует уже и теперь комментариев даже в России. В связи с этим его известность сильно пострадает. Изменения в образе правления точно так же сделают менее ощутимыми уколы его сатиры. Но его имя останется в истории не только как имя самого великого памфлетиста, которого когда-либо знала Россия, но и как имя великого гражданина, не дававшего ни пощады, ни отдыха угнетателям мысли.

Щедрин действительно жил только своим временем, но как хорошо сказал Гете: «Кто жил для своего времени, тот жил для всех времен».

Софья Ковалевская

Париж, июнь 1889 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Софья Васильевна Ковалевская (1850—1891). Отец ее, артиллерийский генерал В. В. Корвин-Круковский, с гордостью выводил свой литовско-российский дворянский род от венгерского короля Матвея Корвина (1458—1490), знаменитого воина и вместе с тем покровителя наук и литературы, собравшего очень ценную библиотеку. Мать ее — Е. Ф.— дочь известного ученого математика и геодезиста, генерала Ф. Ф. Шуберта (1789—1865) и внучка известного астронома, академика Ф. И. Шуберта (1758—1825). Детство Ковалевская провела в деревне Витебской губ., где отец ее был крупным помещиком и предводителем дворянства. Вместе со старшей сестрой Анной (1843—1887), принимавшей впоследствии близкое участие в организации Парижской коммуны, она воспитывалась в деревне под руководством гувернанток и домашних учителей, проявляя обычные средние способности во всех науках, кроме математики, к которой еще в детские годы имела сильное влечение: одиннадцати лет от роду она разбирала литографированный курс дифференциального и интегрального исчисления академика М. В. Остроградского. Желая вырваться из-под опеки отца, считавшего высшее образование вообще, и посещение университетских лекций в частности, делом совершенно неподходящим для помещичьей дочери, С. В. вышла в 1869 г. фиктивным браком за сына небогатого витебского помещика из обруселых поляков Владимира Онуфриевича Ковалевского (1842—1883), прославленного впоследствии во всем ученом мире гениального палеонтолога, брата знаменитого зоолога А. О. Ковалевского (1840—1901). Вместе с мужем С. В. поехала в 1869 г. в Германию, где сделалась одной из любимых учениц знаменитого берлинского математика К. Вейерштрассе (1816—1897). Получив в 1874 г. ученую степень в Геттингене, Ковалевская вернулась на родину и несколько лет провела в Петербурге вне научных занятий. Царская Россия могла предоставить Софье Васильевне, при всех ее ученых дипломах и научных знаниях, только должность учительницы трех младших классов женской школы, да и то после сдачи соответственных экзаменов у чиновников учебного ведомства. Ковалевская повела образ жизни светской женщины, вращалась в кружках либеральных дам-благотворительниц вроде А. П. Философовой, дочерей военного министра Д. А. Милютина, в кругу столичных ученых и писателей — Д. И. Менделеева, А. М. Бутлерова, Ф. М. Достоевского, принимала участие в предприятиях ее мужа, увлекавшегося тогда коммерческими операциями грюндерского характера. Брак их в это время стал фактическим: в 1878 г. С. В. родила дочь. После трагической гибели ее гениального мужа, покончившего самоубийством в связи с финансовым крахом акционерного общества, в которое он был вовлечен, Ковалевская вернулась к своим научным занятиям, возобновила связи в европейском ученом мире, была в 1884 г. избрана профессором математики в Стокгольмском университете. Встретившись через 2—3 года с М. М. Ковалевским, Софья Васильевна сильно увлеклась им. Прославленный профессор выказывал ей значительное внимание, разъезжал с ней по Европе, жил ради нее в Стокгольме, но не мог в соответственной степени отвечать на ее горячую любовь. После нескольких лет дружеской и сердечной близости с Максимом Максимовичем Ковалевская отказалась от предложения стать его женой: с одной стороны, она сознавала, что это предложение основано не на глубоком, всепоглощающем чувстве, с другой стороны, сама не могла совместить охватившую ее страсть с ученоакадемической деятельностью. Все эти переживания закончились тяжелой болезнью Ковалевской, умершей в Стокгольме 29 января 1891 г. (о ней в книге С. Я. Штрайха «Сестры Корвин-Круковские», М., 1933 г.).

[2] Максим Максимович Ковалевский (1851—1916) — выходец из богатой украинской дворянской семьи. Блестяще учившийся в гимназии, он строптивым своим характером и нежеланием беспрекословно подчиняться начальству еще в юношеские годы вызвал замечания директора: «Ковалевский, Ковалевский, ваше поведение доведет вас до выведения из заведения». И, как любил впоследствии шутить М. М., он действительно был выведен из «заведения», однако значительно позднее. С 1877 г. доцент, с 1880 г. про-

фессор Московского университета Ковалевский был одним из самых популярных лекторов, принимал участие в общественной жизни столицы. Свой курс государственного права он сопровождал замечаниями такого рода: «Я должен Вам читать о государственном праве, но так как в нашем государстве нет никакого права, то как же я вам буду читать», или говорил о преимуществах представительного правления, о произволе администрации в России, где принцип самодержавия доведен до крайнего предела, и т. п. Министр народного просвещения И. Д. Делянов, придя к заключению, что Ковалевский «развращает студентов, поселяя в них ненависть против существующего в России государственного строя», совместно с начальником департамента полиции сделал вывод о необходимости устранить крамольного профессора из университета и велел своим подчиненным в Москве устроить с этой целью провокацию. В 1887 г. Делянов уволил Ковалевского со службы, предложив университету заместить его кафедру «даже посредственным лицом», ибо «лучше иметь преподавателя со средними способностями, чем особенно даровитого человека, который действует на умы молодежи растлевающим образом». Ковалевский уехал из России, выступал с отдельными лекциями в крупнейших городах Европы и Америки, а после знакомства с Софьей Васильевной был, по ее почину, приглашен в Стокгольмский университет, где прочитал обширный курс о происхождении семьи и собственности. В 1901 г. Ковалевский организовал в Париже Русскую высшую школу общественных наук, где выступали на кафедре революционные деятели, а в 1902 г. прочитал курс лекций В. И. Ленин (см. «Пролетарская революция» 1924 г., № 3, стр. 142 сл.). В 1905 г. Ковалевский вернулся в Россию, в 1906 г. был избран членом I Государственной думы, с 1907 г. состоял по избранию университетов членом Государственного совета; с 1906 по 1915 гг. читал в Петербургском университете курс государственного права (о нем сборник «Максим Ковалевский, 1851—1916». Птр., 1918).

³ В Стокгольмском университете М. М. читал по-шведски, а так как был слабо знаком со шведским языком, то корректуру курса приходилось делать С. В. Ковалевской и другим сокгольмским профессорам. Иоганн Лефлер — один из братьев друзей Ковалевской, устроивших ей профессуру в Стокгольме. Настоящим письмом устанавливается, что упомянутый курс Ковалевского был издан и по-шведски; в библиографическом указателе сочинений М. М. упомянуты лишь французское, испанское и русское издания.

⁴ Евг. Вал. Де-Роберти (1843—1915) — умеренный либерал, социолог и философ-позитивист, тверской земский деятель, один из участников земского конституционного движения, сотрудник Ковалевского по устройству Русской высшей школы в Париже.

⁵ Наш старый друг — П. Л. Лавров (1823—1900).

⁶ Алексей Петрович Боголюбов (1824—1896) — лейтенант флота, потом ученик Академии художеств, маринист; внук А. Н. Радищева, он создал Радищевский музей в Саратове. По своим политическим убеждениям был умеренным либералом; с 70-х годов проживал большей частью в Париже, основал там Общество взаимопомощи русских художников и принимал участие в тамошних русских делах.

⁷ Ал. Евст. Коцебу (1815—1889) — сын известного международного реакционного деятеля, драматурга Августа Коцебу (1761—1819), убитого студентом-революционером К. Зандом; один из лучших русских художников-баталистов, А. Коцебу последние годы жизни провел за границей и принимал участие в основанном Боголюбовым Обществе взаимопомощи руских художников.

⁸ Григорий Николаевич Вырубов (1843—1913) — химик, философ-позитивист и публицист, друг Ковалевского; богатый русский помещик, он по окончании Александровского (Пушкинского) лицея увлекся, под влиянием идей 60-х годов, естествознанием, имел степень магистра естественных наук, был врачем; с 1867 г. поселился в Париже; во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. участвовал в обороне Парижа в рядах национальной гвардии, а при Коммуне — в качестве врача военных лазаретов; был близок с А. И. Герценом в последние годы его жизни, а после его смерти был в качестве душеприказчика первым издателем полного 10-томного собрания его сочинений (Женева и др. 1875—1879); политических воззрений придерживался очень умеренных, характер имел сухой и замкнутый; еще Герцен писал о Вырубове, что он «доктринерством съел свое сердце»; в 1889 г. Вырубов, с разрешения царского правительства, натурализовался во Франции, продолжая поддерживать отношения со своей родиной.

⁹ Н. Д. Хвощинская-Заиончковская (В. Крестовский — псевдоним) — род. 20 мая 1825 г., умерла 7 июня 1889 г. Последнюю писательницу, ныне основательно забытую, Ковалевская ставит в один ряд с классиками русской литературы потому, что Хвощинская, выступавшая в печати с 1850 г., была в 70-х годах популярной романисткой некрасовских и салтыковских «Отечественных Записок», пользовалась к концу своей литературной деятельности признанием всей прогрессивной критики, отмечавшей искренность и живость ее дарования; познакомившись в конце 50-х годов в Рязани с М. Е. Салтыковым, впоследствии сделалась его близким литературным другом.

¹⁰ Подробный перечень переводов Щедрина на французский язык см. в библиографическом указателе С. А. Макашина «Щедрин в иностранной литературе», помещенном в настоящем сборнике.

[11] Рассказ «Больное место» впервые напечатан в «Отечественных Записках за 1879 г. (№ 1, стр. 297 сл.), затем включен в «Сборник» рассказов, очерков и сказок, вышедший первым изданием в 1881 г., вторым — в 1883 г. В полном собрании сочинений Салтыкова издания 1911 г. включен в том пятый. Еще при жизни автора критика отмечала, что «Больное место» — один из кульминационных пунктов в творчестве Щедрина, называла это произведение законченным и образцовым, где психологический анализ согрет глубоким чувством и освещен глубокой идеей; указывалось, что «Больное место», так же как и «Господа Головлевы», ставит Салтыкова в ряду «наших первых беллетристов» (К. Арсеньев. «Русская общественная жизнь в сатире Щедрина».— «Вестник Европы», 1883, № 3).

[12] В нашей публикации — здесь и дальше — приводится подлинный текст Щедрина по русскому изданию его сочинений («За рубежом», Полное собранче сочинений, изд. 1906 г., т. 8, стр. 122 сл.) в пределах тех извлечений, которые были использованы Ковалевской.

[13] «Ругон-Маккары» — двадцатитомная серия романов Эмиля Золя (1840—1902) с подзаголовком «Естественная и социальная история одной семьи в эпоху Второй империи», задуманных автором как исследование, основанное на принципе наследственности и замкнутое в границах физиологии, определяющей психику действующих в романе лиц, принадлежащих к одной широко разветвленной семье.

[14] Первые два романа серии «Ругон-Маккары» — «Карьера Ругонов» и «Добыча» — вышли в 1871 г., третий — «Чрево Парижа» — в 1873 г., следующие выходили в 1874 и дальнейших годах; последний роман этой серии — «Доктор Паскаль» — вышел в 1893 г. Отдельные очерки из «Господ Головлевых» начаты печатанием в «Благонамеренных речах» в 1875 г.; первым отдельным изданием роман вышел в 1880 г., вторым—в 1883 г.

[15] Салтыков окончил лицей в 1884 г. Его первое стихотворение — «Лира» — напечатано в 1841 г. в «Библиотеке для чтения» (№ 4, стр. 105 сл.). В последующие годы там же и в «Современнике», вплоть до 1845 г., напечатано еще несколько других стихотворений Салтыкова, но все они написаны в лицее, по выходе из которого он «ни одного стиха не написал». Отдельным сборником стихотворения Салтыкова изданы не были.

[16] Салтыков был зачислен в августе 1844 г. на службу в канцелярию военного министра, где через два года занял штатное место помощника секретаря.

[17] Первая повесть Салтыкова «Противоречия» напечатана в «Отечественных Записках» за 1847 г. (кн. 11-я), вторая — «Запутанное дело» — там же в 1848 г. (кн. 3-я). Под исключительными правилами для печати Ковалевская подразумевает деятельность «Негласного комитета», создавшего для русской литературы в последние годы царствования Николая I эпоху цензурного террора. Ссылка Салтыкова была вызвана докладом по поводу обеих повестей.

[18] В Вятке Салтыков был зачислен канцелярским чиновником при губернском правлении, с понижением по службе, но уже в конце 1848 г. был назначен старшим чиновником особых поручений, исполнял должность правителя канцелярии губернатора; в 1850 г. был назначен советником губернского правления.

САЛТЫКОВ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Сообщение П. Эттингера

I. ИКОНОГРАФИЯ САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Художественная иконография М. Е. Салтыкова-Щедрина, т. е. изображения сатирика, исполненные более или менее известными художниками, охватывает все этапы его жизненного пути от раннего детства до последних лет жизни. В этой портретной галлерее перед нами дефилирует целый ряд художников разного направления, среди которых несколько крупнейших живописцев эпохи, как Ге, Крамской и Ярошенко. Однако следует тут же отметить, что все портреты Щедрина, живописные и скульптурные, литографские и гравюрные, принадлежат преимущественно к разряду репрезентативных и в большей или меньшей степени носят официальный характер, как будто уже с момента создания они предназначались для музеев и общественных собраний. Наряду с этим в щедринской иконографии недостает беглых рисунков и животрепещущих набросков, которые показывали бы нам писателя с более интимной стороны, в его домашней обстановке, в быту. Виновато в этом конечно главным образом самое время: портреты Салтыкова делались в момент расцвета русского передвижничества, с некоторым пренебрежением относившегося к мимолетному наброску с натуры, ко всякого рода непосредственным кроки, остроту и значение которых научил нас ценить и чувствовать лишь более поздний импрессионизм. В итоге внешний облик Михаила Евграфовича перешел к нам каким-то очень строгим и сосредоточенным, и Салтыков рисуется нам почти всегда в образе неумолимого судьи своего печального века.

На самом раннем портрете Салтыкова мы видим годовалого, хорошо упитанного ребенка в длинной рубашонке, наивно и любовно написанного доморощенным крепостным художником Львом Григорьевым.

Круглолицым, толстеньким мальчиком смотрит двухлетний Миша Салтыков и на полуистертой миниатюрообразной акварельке, недавно найденной в одном частном собрании. Идентичность портрета удостоверена рукой отца будущего сатирика на обратной стороне картона.

Целое тридцатилетие отделяет картину лубочного типа и поблекшую акварель от следующего портрета молодого писателя, успевшего уже к тому времени расплатиться ссылкой за «вредный образ мыслей», проявленный в первых его сочинениях. Дело идет об акварели, написанной с Михаила Евграфовича пока остающимся для нас неизвестным, но несомненно профессиональным художником, которая в свое время принадлежала дочери писателя Елизавете Михайловне Дистерло-Пассано и была ею увезена за границу. Так как, несмотря на неоднократные попытки, все еще не удалось узнать местопребывание последней, мы можем судить о портрете лишь по счастливым образом сохранившемуся фотографическому снимку. На нем изображен приблизительно тридцатилетний Салтыков с умным привлекательным лицом, в сидячей позе. Обручальное кольцо на пальце указывает, что акварель была исполнена после женитьбы писателя и следовательно после его возвращения из ссылки в Петербург, т. е. во второй половине 50-х годов. За этим небольшим изображением, вероятно кисти одного из петербургских

портретистов-акварелистов середины прошлого века, хронологически следует отличный поколенный портрет в натуральную величину работы Николая Николаевича Ге, помеченный 1872 г. Салтыкову было тогда 46 лет, но на картине он выглядит пожалуй старше, и в глаза бросается страдальческое выражение его одухотворенного лица. Возможно, что тут сказались уже первые признаки болезни, впоследствии так мучившей писателя и приведшей его в могилу. Портрет в целом написан прекрасно и отличается благородством фактуры и композиции; бархатным пиджаком мягко оттенена изящная трактовка головы и выразительных рук. Как вышеуказанная акварель неизвестного автора, так и данный холст кисти Ге принадлежал Елизавете Михайловне Дистерло-Пассано, которая пожертвовала его Государственному Русскому Музею в Ленинграде, где он хранится по сей день [1].

Некоторые подробности об условиях возникновения портрета Ге и личных сношениях живописца с Салтыковым-Щедриным приводятся В. В. Стасовым в изданной им в 1904 г. книге о Николае Николаевиче Ге [2]. Из нее мы узнаем, что Михаил Евграфович впервые познакомился с Ге у одного художника еще в 1857 г., но так как Ге вскоре уехал за границу пенсионером Академии Художеств, знакомство временно прекратилось. Когда на осенней академической выставке 1863 г. появилась известная картина Ге «Тайная вечеря», вызвавшая в столичной прессе такие разноречивые отзывы, непреминул откликнуться в «Современнике» на знаменательный дебют молодого художника и Салтыков-Щедрин, а в записках Ге за данный период отмечено возобновление знакомства с соредактором «Современника». Оно опять оказалось не длительным, так как художник вторично отправился за границу, откуда вернулся в Петербург лишь к концу 1869 г. К этому времени Ге стал очень популярной и почитаемой личностью в кругах столичной интеллигенции, на его многолюдных четвергах рядом с художниками собирались самые выдающиеся писатели столицы, и среди них, по воспоминаниям И. Е. Репина — Тургенев, Некрасов и Щедрин. Привезенный Ге из Парижа портрет Александра Герцена, который конечно показывался автором лишь тайком (для провоза через границу Ге временно украсил Герцена Анной на шее), возбуждал огромный интерес и привлекал к Николаю Николаевичу внимание и как к недюжинному портретисту. В ближайшие годы им действительно был исполнен ряд портретов именитых русских литераторов, и к лучшим холстам этого цикла несомненно принадлежит салтыковский портрет, находящийся в Русском Музее.

Любопытно привести также попутно отзыв Ге о Щедрине как литераторе. В письме 1893 г. художник сообщил Л. Н. Толстому о своем увлечении Свифтом, который ему был очень по душе: «Какой оригинальный человек! — восклицает Ге. — Мне представляется он похожим на Салтыкова, и я во многом вижу сходство».

Дальнейшим звеном щедринской иконографической цепи является портрет кисти Ивана Николаевича Крамского, сделанный тоже масляными красками. История создания этого холста, заказанного живописцу московским коллекционером Павлом Михайловичем Третьяковым для своей галлереи, довольно подробно обрисовывается в письмах Крамского к последнему, изданных А. Сувориным в 1888 г. [3]

Первое упоминание о портрете мы находим в письме от 22 января 1877 г., в котором Крамской сообщает Павлу Михайловичу: «...Салтыков-Щедрин в среду уже будет у меня, начинаем». В марте того же года Крамской снова пишет своему заказчику: «...Портрет Салтыкова почти кончен; 1—2 раза и конец. В живописи не бог знает что, но похож будет...», а в письме от 29 марта уже говорится: «Портрет Салтыкова кончен, Некрасова завтра кончаю. В портрете Салтыкова есть большая перемена в фигуре, и кажется лучше: стола вовсе не существует и обе руки находятся налицо»... Дальше художник добавляет, что на Фоминой будет отослан в Москву портрет супруги Третьякова, «Салтыкова же и Некрасова не могу, так как надобно сделать копии, с Салтыкова одну, а с Некрасова две»... Следует здесь же сказать, что исполнение этой копии чрезвычайно затянулось и было осуществлено лишь через два года. В письме от 14 ноября 1878 г. к Третьякову имеется следующая фраза: «...об Салтыкове ежеминутно помню и думаю, и... впрочем, я так много обещаюсь, что на этот раз

и совестно, но помню...» Но к крайнему нашему удивлению, в письме от 6 апреля следующего года мы опять читаем, что вместе с другой картиной не мог быть отправлен в Москву портрет Салтыкова-Щедрина, так как он повторяется для него самого». Можно предположить, что за два года, в продолжение которых готовый портрет Михаила Евграфовича находился в мастерской Крамского, последним кроме повторения были произведены и некоторые изменения в самом подлиннике, так как холст Третьяковской галлереи помечен 1879 г., а не 1877 г., когда художник по собственному сообщению впервые его окончил.

САЛТЫКОВ В РАННЕМ ДЕТСТВЕ
Портрет маслом крепостного художника
Льва Григорьева, 1827 г. [?]
Институт Русской Литературы, Ленинград

Что касается самого портрета, то автор с исключительной объективной самокритикой дал ему художественную оценку в вышеупомянутом письме Третьякову от 29 марта 1877 г. Вот как сам Крамской характеризует свою картину: «...Должно быть надобно помириться с этим портретом: он вышел действительно похоже и выражение его (жена очень довольна), но живопись немножко, как бы это выразиться не обижая,—не особенно вышла — муругая и вообразите — с намерением. Я, видите ли, почему-то вообразил, что его нужно написать в глубоком полутоне, ну и написал, а теперь вижу, что мог бы не умничать. Словом, в этом портрете вы не делаете никакого порядочного приобретения в смысле искусства, но как свой товар нельзя же хаять перед покупателем, то и скажу вам, что он и не совсем же плох, а только темноват, но зато похож»...

И действительно с живописной точки зрения, со стороны цветового построения, картина мало привлекательна; не совсем удачна также чисто композиционно трактовка скрещенных пальцами рук. Но голова проработана любовно и полна тонкой экспрессии. Крамской мог повидимому с полным правом двукратно в письмах к М. П. Третьякову подчеркивать большое сходство портрета, в котором убедительно запечатлен облик Салтыкова-Щедрина в период, когда после смерти Некрасова он стал ответственным редактором «Отечественных Записок». Живое сходство портрета Крамского даже через десять лет отмечалось корреспондентом «Русских Ведомостей» при описании покойного

писателя в гробу. Следует еще заметить, что повторение портрета для семьи писателя, о котором живописец упоминает и который в настоящее время находится в ИРЛИ Всесоюзной Академии Наук, не является простой репликой, а вариантом подлинного холста, укороченным до погрудного формата.

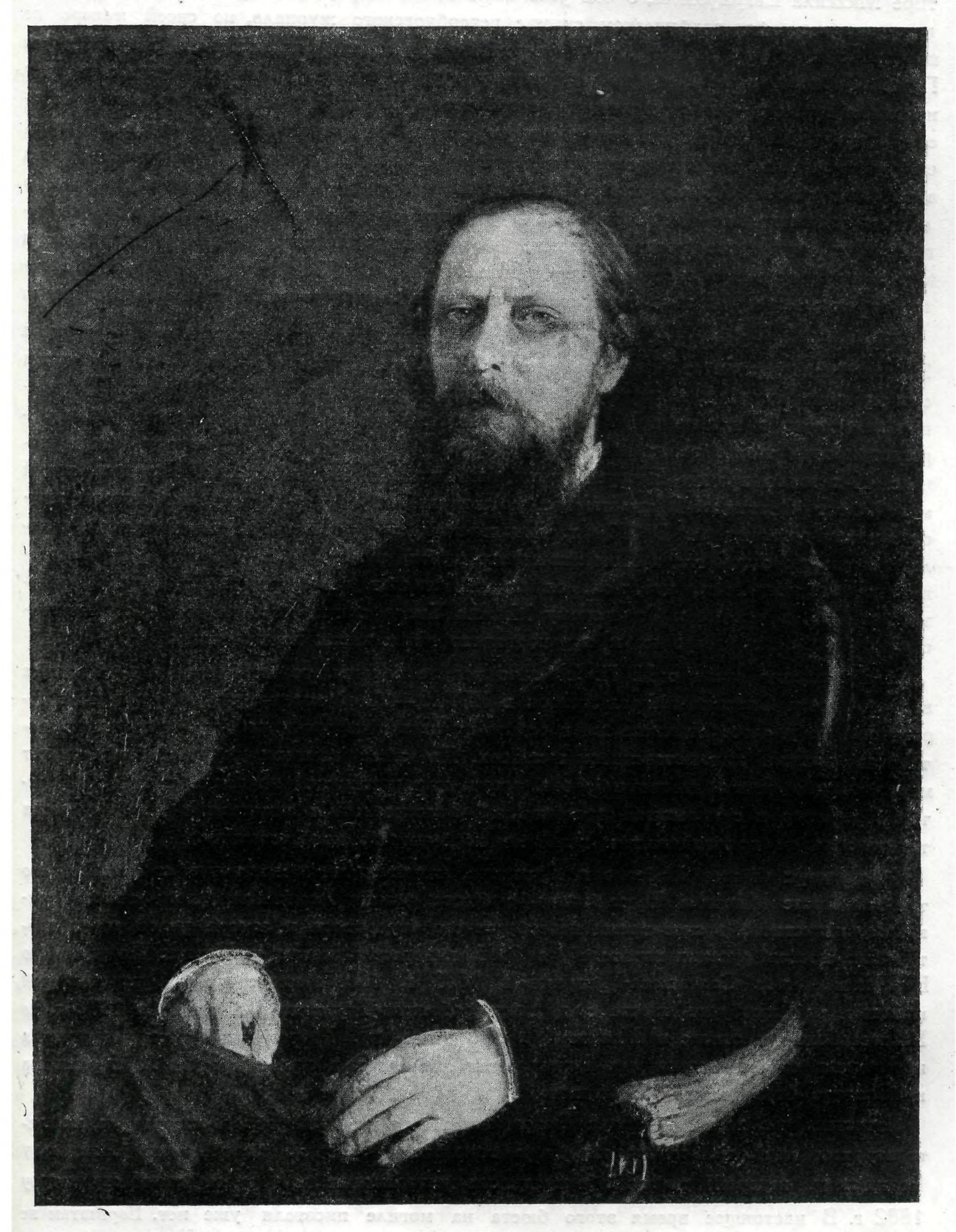
В отличие от портретов Щедрина Ге и Крамского, о которых, как мы видели, имеются некоторые документальные материалы, бросающие свет и на личные взаимоотношения между названными художниками и их моделью, мы не имеем никаких данных о последнем живописном изображении Михаила Евграфовича, исполненном Николаем Александровичем Ярошенко. В данный момент мы лишены даже возможности указать местонахождение портрета и это несмотря на то, что портрет многократно воспроизводился с оригинала в крупных увражах, как например в «Портретах Русских Писателей», изданных И. Кнебелем [4], и фишеровском альбоме произведений Ярошенко[5]. Но ни в одном из этих изданий нет сведений о собрании, из которого портрет был взят для репродукции. Лишь в каталоге посмертной выставки Ярошенко 1899 г. [6], в котором под № 79 значится портрет М. Е. Салтыкова-Щедрина, имеется пометка «принадлежит г-же Алчевской». Однако так как в каталоге нет никаких указаний о технике и размере данного произведения, мы не можем с уверенностью сказать, идет ли речь о том самом портрете, который воспроизведен в вышеупомянутых изданиях, или о каком-нибудь другом.

Рассматриваемый портрет (это — погрудный портрет) несомненно написан Ярошенко в самые последние годы жизни Щедрина, так как писатель представлен в халате с наброшенным сверх него армяком, знакомым по фотографии, снятой с Михаила Евграфовича за несколько дней до его кончины. В сравнении с портретом Крамского 1879 г. борода сильно выросла, длинные волосы обрамляют одутловатое лицо, явно тяжело больного человека. По некоторым данным [7], Ярошенко сделал также набросок с писателя в гробу, но и этот рисунок куда-то бесследно исчез.

То же следует сказать и еще об одном щедринском портрете, о котором, без указаний автора, упоминается в описании панихиды по скончавшемся писателе в его квартире 29 апреля 1889 г. [8] Петербургский корреспондент московской газеты «Русские Ведомости» рассказывает, что тело Салтыкова покоится в большой зале, на левой стене которой висит портрет покойного работы Крамского (повидимому второй, написанный для семьи писателя с холста Третьяковской галлереи), направо же, в углу,— другой портрет, сделанный гуашью. Этот портрет ясно виден на фотографическом снимке с Салтыкова в гробу, помещенном в свое время в одном из петербургских журналов.

Скульптурная иконография Салтыкова насчитывает всего три портрета-бюста, два из них хранится в ИРЛИ Всесоюзной Академии Наук, Бронзовый бюст работы популярного когда-то скульптора-академика Пармена Петровича Забелло (род. 1830), автора многочисленных памятников (между прочим и бронзовой статуи А. А. Герцена на его могиле в Ницце) был исполнен в 1878 г. В следующем году он фигурировал на Академической выставке в Петербурге, а в 1882 г. на «Всероссийской выставке» в Москве, в каталоге которой (№ 594) дан рисунок с этой скульптуры [9]. Несмотря на то, что бюст Забелло был вылеплен почти одновременно с двумя масляными портретами Крамского, между этими изображениями писателя мало общего. Щедрин в изваянии Забелло имеет более бодрый, здоровый вид, и в бюсте совершенно отсутствуют те строгие страдальческие черты, которые так типичны для портретов сатирика того времени.

В двухтомном издании Ф. И. Булгакова «Наши художники» имеется между прочим указание еще на один щедринский портрет, исполненный П. П. Забелло. Булгаков, перечисляя произведения скульптора, бывшие на академических выставках, начиная с 1869 по 1881 г., отмечает на выставке 1881 г. «Портрет М. Е. Салтыкова». К сожалению техника портрета не указана, но так как Булгаков, описывая скульптурный портрет 1878 г., определенно называет его бюстом, да и в других случаях при указании скульптурных изображений постоянно пользуется терминами «бюст», «статуя», «барельеф», можно полагать, поскольку при портрете все эти названия отсутствуют, что здесь

М. Е. САЛТЫКОВ (Н. ЩЕДРИН)
Портрет маслом Н. Н. Ге, 1872 г.
Русский Музей, Ленинград

дело идет о картине или рисунке. Является предположение, что именно данный, пока не разысканный портрет работы Забелло и висел рядом с холстом Крамского в квартире Михаила Евграфовича, о чем речь была выше. Портрет, который, повторяем, очень ясно виден на фотографическом снимке петербургского журнала, по своей манере не противоречит этому. Правда, мы совершенно не знаем живописно-графических работ П. П. Забелло, а по фотографии конечно трудно судить, действительно ли портрет исполнен гуашью, как сообщает корреспондент «Русских Ведомостей», но сильно объемная трактовка головы писателя, так пластично выделяющаяся на фоне портрета, ее фронтальность и некоторые общие черты с бюстом ИРЛИ как будто указывают на автора-скульптора. Приходится вообще пожалеть, что у нас нет никаких сведений о личных взаимоотношениях Забелло и Щедрина, о которых в известной мере свидетельствует двукратное портретирование последнего. Знакомство между писателем и скульптором вероятно состялось через Ник. Ник. Ге, близкого друга Забелло, с которым он вместе учился в киевской гимназии и петербургской Академии Художеств.

Насколько можно судить по фотографии, гипсовый или терракотовый слепок с бюста Забелло находится в г. Калинине в тамошнем Краеведческом музее. С этим слепком связан любопытный и характерный для эпохи инцидент, о котором Михаил Евграфович повествует в письме к М. И. Семевскому в феврале 1885 г. и который был зарегистрирован также эмигрантским журналом «Общее дело». Дело в том, что в начале 80-х годов врачом Петрунковичем был пожертвован в тверской Промышленный музей бюст Салтыкова-Щедрина как уроженца Тверской губернии и бывшего тверского вице-губернатора. В 1884 г. Жизновский, председатель Тверской казенной палаты и вместе с тем глава Промышленного музея, распорядился вернуть бюст жертвователю под предлогом, что, мол, он был поставлен без разрешения министра внутренних дел. В письме к Семевскому Михаил Евграфович добавляет, что этот Жизновский считал себя либералом и ему постоянно нашептывал комплименты.

Если сведения наши о П. П. Забелло крайне скудны, то их совсем нет об авторе второго бюста Салтыкова, хранящегося в ИРЛИ,— Л. Дуковиче, самую фамилию которого нам не удалось отыскать ни в одном из наших справочников, ни в одном из каталогов русских художественных выставок. По своей композиции этот бюст имеет много общего (очень длинная борода, армяк или накинутый на плечи плед) с портретом Ярошенко и с известной предсмертной фотографией с писателя и хронологически таким образом принадлежит к наиболее поздним его изображениям.

Кроме двух бюстов Забелло и Дуковича, имеются документальные сведения еще о третьем бюсте Михаила Евграфовича—о бюсте работы Леопольда Адольфовича Бернштама, известного в свое время петербургского скульптора и автора целой серии портретных бюстов русских писателей, в 1885 г. переселившегося в Париж. По указанию Булгакова, бюст Салтыкова-Щедрина в 1883 г. был выставлен на Академической выставке в Петербурге вместе с другими работами Бернштама, а также в 1882 г. на Всероссийской выставке в Москве (№ 591 каталога). Щедринский бюст упоминается и рижским искусствоведом д-м Вильгельмом Нейманом в его биографии Л. Бернштама в «Словаре балтийских художников» [14].

Известно, что вдова Михаила Евграфовича для его надгробного памятника на литературных мостках Волкова кладбища заказала бронзовый бюст именно Леопольду Бернштаму, который по всей вероятности использовал для этого свою скульптуру 1882 г. В настоящее время этого бюста на могиле писателя уже нет. Бернштам не так давно скончался в Париже и в его художественном наследии вероятно нетрудно было бы отыскать первоначальный бюст Салтыкова-Щедрина 1882 г.

Для полноты обзора скульптурных изображений Салтыкова следует добавить, что с покойного писателя была снята маска академиком Николаем Акимовичем Лаверецким и что уже после революции советским скульптором Александром Николаевичем Златовратским был исполнен бюст Салтыкова-Щедрина, выдержанный в сильно стилизованной манере [15].

М. Е. САЛТЫКОВ (Н. ЩЕДРИН)
Бронзовый бюст работы П. Забелло, 1878 г.
Институт Русской Литературы, Ленинград

Нам остается еще обозреть ряд портретов Салтыкова-Щедрина, в которых отражены почти все разновидности печатно-графических искусств. Число этих портретов, большинство которых было осуществлено в виде приложений к журналам и изданиям произведений писателя, довольно значительно. Но количество тут обратно пропорционально иконографической значимости листов. Дело в том, что последние исполнены преимущественно не с натуры (значительная часть их была сделана после смерти писателя), а по фотографическим снимкам и потому не обогащают цикла художественно достоверных изображений Салтыкова. Нет нужды поэтому подробно останавливаться на этих портретах, и мы ограничимся лишь беглым их перечислением.

Гравюрой на дереве в формате большой осьмушки исполнялись портреты Щедрина Василием Васильевичем Матэ, Георгием Ивановичем Грачевым и Барановским, кажется с рисунка Бореля. Гравюрой на стали нам известны три щедринских портрета, из которых один изготовлен у Брокгауза в Лейпциге, а два остальных сделаны Карлом Карловичем де Кастелли (гравюра эта кстати не упоминается в списке работ художника в «Словаре Русских Граверов» Ровинского) и Федором Александровичем Меркиным (1886 г. Гравюра была приложена к журналу «Русская Старина» 1889 г.). В собрании Исторического Музея в Москве имеется еще эффектный офорт без подписи, исполненный по редкой фотографии, на которой Михаил Евграфович изображен прислонившимся головой к ладони правой руки. По своей манере портрет похож на офортные листы В. В. Матэ.

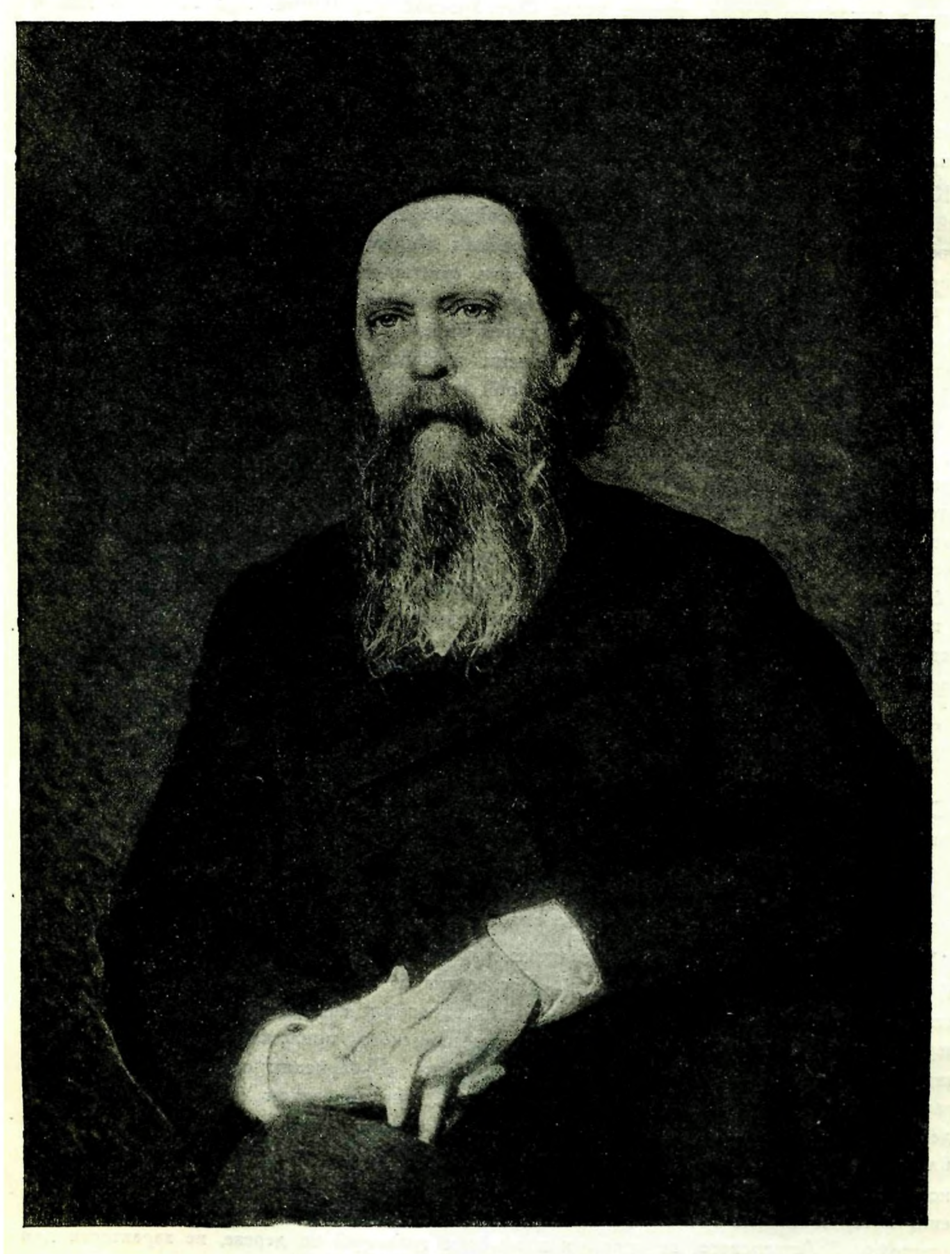
Более интересны и ценны с иконографической точки зрения литографированные портреты Щедрина, среди них особенно отпечатанный в литографии А. Э. Мюнстера, издателя «Портретной галлереи русских деятелей», автора которого нам пока не удалось установить. Данную литографию, на которой к сожалению не значится и год ее исполнения, вероятно надо отнести к самому концу 50-х или первой половине 60-х годов; во всяком случае это один из самых ранних печатных портретов становившегося к тому времени все более известным сатирика. Иконографически портрет этот служит как бы связующим звеном между упомянутой выше акварелью неизвестного художника и позднейшим холстом Н. Н. Ге. Салтыков на литографии еще не носит бороды, а только бачки, которыми иллюстраторы «Губернских очерков» обычно снабжают изображаемых ими бюрократов и которые, как мы видим, украшали и лицо молодого рязанского и тверского вице-губернатора. Обычно строгое выражение лица Салтыкова на литографии преобразилось просто в сердитое и чуть-чуть даже карикатурное. Добавим, что мюнстеровская литография в 1869 г. была скопирована В. В. Матэ гравюрой на дереве, оттиск которой хранится в Гравюрном кабинете Музея Изобразительных Искусств в Москве. В том же собрании находится еще и другой литографированный потрет Щедрина того же типа, но сделанный повидимому несколько ранее мюнстеровского, так как он помечен 1858 г. Художественная его ценность незначительна, а автор, совсем неизвестный Н. Зенгер, повидимому даже не был профессиональным художником. Лист отпечатан в заведении Бахмана. Мало известен и Ст. Хаусевич, автор литографированного портрета Михаила Евграфовича 1883 г., отпечатанного в большой лист в Москве, в литографии Гоголина.

Среди многочисленных карикатур Салтыкова-Щедрина, о которых более подробно говорится в другой главе настоящего обзора, нельзя обойти молчанием два портретно значительных литографированных листа—это лист А. Долотова и Александра Ивановича Лебедева. Долотовская композиция (опять художник, о котором, как о целом ряде рисовальщиков рассматриваемой эпохи, ничего не известно) появилась в упомянутой уже серии «Портретная галлерея русских деятелей» Мюнстера в 1869 г. (воспроизведена в 3-й книге «Литературного Наследства», стр. 295) и представляет Щедрина с географической картой Глупова в руках. И тут, как и в более раннем анонимном портрете мюнстеровской литографии, выразительное лицо автора «Истории одного города» еще окаймлено бакенбардами, борода же впервые появляется лишь на портрете Ге 1872 г. Забавная карикатура А. П. Лебедева, рисующая Щедрина в виде энтомолога, накалывающего коллекцию насекомых, была отпечатана в картографическом заведении А. Ильина в Петербурге в 1877 г., т. е. одновременно с тем, когда Крамской писал свой первый портрет Михаила Евграфовича.

Для завершения нашего обзора следует коснуться и посмертных портретов, сделанных со скончавшегося писателя разными художниками. Этих портретов множество, ибо не было почти ни одного иллюстрированного журнала, начиная с «Всемирной Иллюстрации», «Живописного Обозрения», «Нивы» и кончая одесской «Пчелкой», который не посвятил бы в мае 1889 г. отдельной страницы изображению Салтыкова-Щедрина в гробу. Но рисовальщики, фамилии которых в большинстве случаев теперь забыты, не сосредоточили тут своего внимания на лице покойного, их интересовала главным образом внешняя обстановка: катафалк, окруженный венками, убранство зала и т. п. Таким образом вся серия этих рисунков преимущественно декоративного порядка и в чисто портретном отношении значения не имеет. Приходится еще раз пожалеть о том, что как-раз зарисовка скончавшегося писателя, сделанная Н. А. Ярошенко, самым крупным из художников, которые поспешили в последний раз увековечить черты Щедрина, до нас не дошла или еще не разыскана. Этот рисунок вероятно достойно завершил бы круг художественных портретов маститого сатирика.

II. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН В ИЛЛЮСТРАЦИИ

Если с точки зрения современных требований и канонов новейшего книжного искусства подойти к проблеме иллюстрирования сочинений Салтыкова-Щедрина, то, не-

М. Е. САЛТЫКОВ (Н. ЩЕДРИН)
Портрет маслом И. Н. Крамского, 1877—1879 гг.
Третьяковская галлерея, Москва

смотря на существование довольно значительного количества рисунков и гравюр к Щедрину, приходишь к выводу, что щедринская иллюстрация все еще находится почти в первичной стадии, и что к иллюстрированию Щедрина по-настоящему приступили лишь в последнее время, точнее после Октябрьской революции. Мы говорили уже о том, что целый ряд произведений великого сатирика до сих пор еще совершенно не затронут художником-иллюстратором, а то немногое, что было сделано, отнюдь не конгениально автору и лишь изредка приближается к его творческим замыслам. Блестящие его образы и типы только в нескольких единичных случаях были адэкватно воплощены в графически-рисовальную форму.

Как это на первый взгляд ни странно, но прижизненных иллюстрированных изданий сочинений Щедрина вовсе не существовало, хотя группа иллюстраций к его произведениям, и в первую очередь к «Губернским очеркам», была исполнена несколькими современными ему художниками. Однако эти сюиты рисунков появлялись не в книге, не в органической связи с текстом иллюстрируемого произведения, а оторванно от него, на отдельных листах, которые объединялись затем в альбом или папку. Явление это вообще характерно и типично для времени издания первых сочинений Салтыкова-Щедрина. Дело в том, что в начале второй половины прошлого столетия неожиданно обнаружился какой-то перелом в развитии русской иллюстрированной книги, незадолго до этого пережившей эпоху большого расцвета благодаря содействию ряда даровитых рисовальщиков и ксилографов. К 60-м годам иллюстрированная книга стала постепенно оттесняться вновь появившимися повременными изданиями и разными сборниками, к которым обычно в виде приложений давались отдельные иллюстрации к известным писателям, но без текста иллюстрируемого сочинения. В моду входили тогда альбомы с бытовыми игривого содержания листами бойких рисовальщиков и с иллюстрациями к пользующимся особенной популярностью литературным произведениям. В таком виде вышли в свет в Петербурге и три сюиты рисунков к Щедрину еще при жизни последнего.

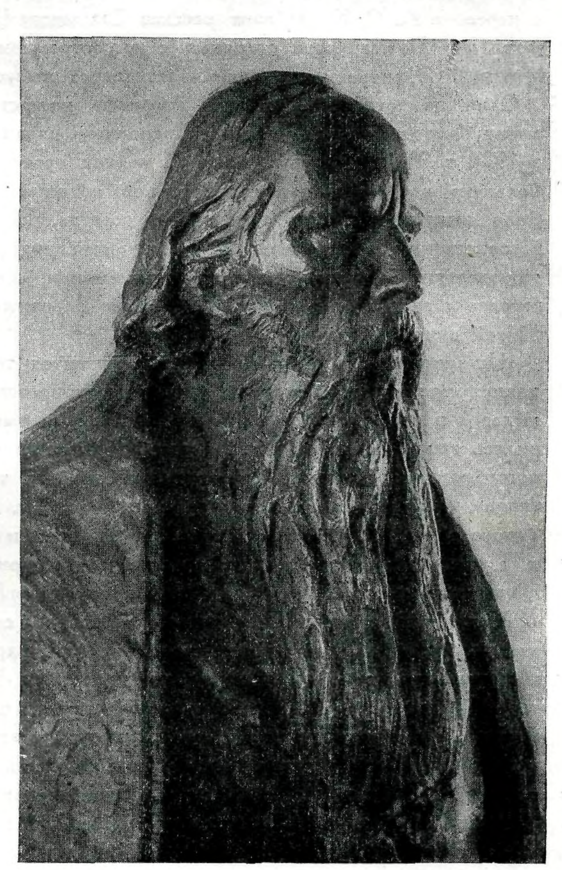
Двух из этих сюит, сюит полукарикатурного типа, касаются в своей статье В. Гиппиус и Д. Буторин. Это выпущенные в виде приложения к журналу «Сын Отечества» в 1875 г. 12 рисунков к «Губернским очеркам» П. И. Анненского и изданный в 1880 г. «Стрекозой», в виде премии для подписчиков, альбом «Щедринские типы» с 12 литографиями Александра Ивановича Лебедева. Третий альбом, также с иллюстрациями к «Губернским очеркам», был выпущен издателем «Художественного Листка» Вильгельмом Генкелем в 1868 г. и содержал 15 рисунков Михаила Сергеевича Башилова, литографированных тоном П. Ф. Борелем.

П. Анненскому, автору еще нескольких других сатирических альбомов, как например «Рассказы карандаша» (1857) или «Пословицы в карикатурах» (1855), о художественном пути которого мы обладаем лишь скудными сведениями, выпала честь быть первым иллюстратором Щедрина. Рисунки Анненского, приложенные к «Сыну Отечества», были исполнены сейчас же по появлении «Губернских очерков», что лишний раз свидетельствует об огромном впечатлении, произведенном первым литературным дебютом Салтыкова. По своей художественной ценности этот первый иллюстративный блин, увы, вышел комом. Анненский — вообще неважный рисовальщик; большеголовые коротенькие фигурки его рисунков мало интересны и лишены той жизненной экспрессии, которую молодой сатирик сумел придавать своим персонажам. Да и типаж этих композиций Анненского, переданных в альбоме гравюрой на дереве, не характерен для эпохи и местами, например во вступительном разговоре двух чиновников, кажется заимствованным из современных западных иллюстраций.

Гораздо более привлекательны отражающие стиль эпохи рисунки к «Губернским очеркам» Михаила Сергеевича Башилова (1821—1870), симпатичного художника-любителя, не дождавшегося еще монографического исследования, которого он вполне заслуживает. Достаточно сравнить например иллюстрацию к «Княжне Анне Львовне» Анненского, у которого увядающая губернаторская дочка не имеет ничего ни аристо-

кратического, ни стародевичьего, с аналогичным рисунком Башилова, чтобы сразу почувствовать разницу подхода обоих художников к однородному сюжету. Но Башилову, которого современники называли живописцем «домашних сцен» и который в сущности принадлежал еще к предшествующему поколению, целиком пропитанному дворянской культурой, были близки главным образом мотивы интимного быта тихой провинциальной жизни. Для острого обличительного сарказма Щедрина, для его ярко отрицательных типов и жестоких образов в художественном арсенале Башилова нехватало родственных красок, художнику недоставало необходимого для этого общественного темперамента.

Нехватало этого и в таланте Александра Ивановича Лебедева (1826—1898), ровесника Салтыкова и наиболее популярного из петербургских рисовальщиков 60-х годов, увековечившего себя преимущественно в десятке альбомов с гривуазно-эротическим налетом, как например «Погибшие, но милые создания» (1863), «Прекрасный пол» (1864) и др. Кличка «русского Гаварни», данная Лебедеву современниками, сама по себе указывает, что последний в своей рисовальной манере и излюбленных игривых сюжетах немало позаимствовал у известного французского мастера. Все это конечно было не совсем подходящей подготовкой для иллюстрирования Щедрина, и действительно в «Щедринских типах» Лебедева, почерпнутых из разных произведений Салтыкова, прежде всего бросается в глаза бойкий росчерк привычного журнального рисовальщика, успевшего уже изрядно изманерничаться, и известная живость фигурных композиций, чего так недоставало шаржам Анненского. Но типы у Лебедева в большинстве случаев однообразны и шаблонны, групповые сцены недостаточно выразительны, и напрасно стали бы мы искать в этих иллюстрациях проникновения в замыслы Салтыкова-Щедрина.

М. Е. САЛТЫКОВ (Н. ЩЕДРИН)
Бюст работы Л. Дуковича, 1880-е гг.

Институт Русской Литературы
Ленинград

Говоря о прижизненных иллюстрациях к сочинениям Щедрина, нельзя не пожалеть, что намерение самого писателя привлечь, по совету Жемчужникова, к этому делу Н. Н. Ге, на что имеются определенные указания в письмах первого, не было в свое время осуществлено.

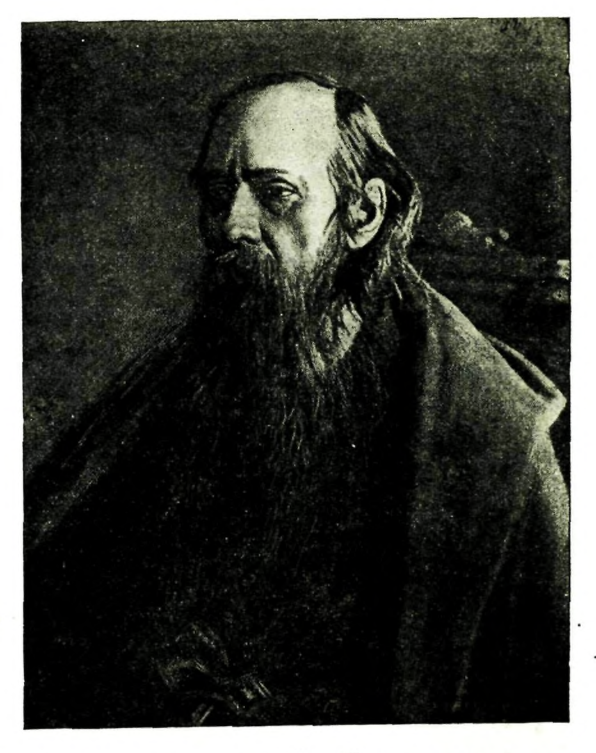
После выхода в свет в 1880 г. изданного «Стрекозой» лебедевского альбома в иллюстрировании Щедрина наступает очень длительная пауза. В продолжение почти полстолетия не появилось ни одного аналогичного издания, а отдельные рисунки к ряду его сочинений, как А. Апсита, Табурина, А. Н. Клементьева и др., воспроизводившиеся в разное время в «Ниве», столь невысокого качества, что на них не стоит останавливаться. Новый же расцвет русской книжной иллюстрации, наступивший в самом конце прошлого столетия в связи с появлением плеяды блестящих графиков круга «Мира искусства», увы, ничем не отразился на изданиях Щедрина. В эпоху реакции покойный сатирик для крупных издателей был вообще «табу», а для мирискусников, так усердно вдохновлявшихся образами далекого прошлого, жестокие картины изображенных Щедриным нравов были слишком близкими действительности и слишком далекими от того иллюзорно-стилизованного мира царской крепостной России, который эти художники изображали в своих картинах и рисунках.

Поворот наступил лишь после революции и вначале обнаружил не слишком быстрые темпы. Первой ласточкой на этом новом этапе иллюстрирования Щедрина явилась книжка не советской печати, а одного из русско-немецких издательств, в таком изобилии возникших в послевоенной Германии, когда интерес к России в ее настоящем и прошлом был там чрезвычайно интенсивен, а в связи с этим и спрос на произведения русской литературы принял необычные размеры. Среди других немецких переводов с русских авторов мюнхенское издательство «Орхис-Ферлаг» выпустило в 1923 г. в переводе А. С. Элиасберга рассказ Салтыкова-Щедрина «Тетенька Анфиса Порфирьевна» из «Пошехонской старины» с иллюстрациями Бориса Григорьева («Anfissa Porfiryevna»). Одновременно то же издательство выпустило и русское издание рассказа.

Один из мотивов «Тетеньки Анфисы» иллюстрировал и покойный Борис Михайлович Кустодиев [16] для обложки народного издания рассказа, выпущенного Госиздатом в 1926 г. Таких дешевых изданий мелких рассказов Щедрина для широчайших масс, большею частью с иллюстрированной обложкой, а иногда и с рисунками в тексте, было выпущено Госиздатом свыше десятка. Но рисунки эти, как правило, крайне посредственны и нет нужды подробно регистрировать и описывать их. Впрочем в этой общедоступной серии заслуживает внимания сокращенное издание «Истории одного города» с крепкими гравюрами на дереве даровитого ленинградского ксилографа Сергея Михайловича Мочалова.

«История одного города» вообще становится теперь как бы центральным стержнем иллюстрированного Щедрина. Об иллюстрированном издании этого сатирического шедевра в свое время мечтал сам Салтыков, и именно для этой цели, о чем уже говорилось выше, он хотел использовать дружественные отношения с Н. Н. Ге. В 1907 г. петербургский журнал «Стрекоза», продолжая традицию лебедевских «Щедринских типов», выпустил еще один щедринский альбом, выбрав для этого также «Историю одного города». Эти любопытные шаржи исполнены Баяном, Радаковым и Яковлевым, т. е. новым поколением петербургских карикатуристов. Кроме вышеупомянутого сокращенного издания «Истории одного города» наш Госиздат очень тщательно оформил в 1926 г. полное издание «Истории одного города» с иллюстрациями, которые были исполнены московским художником Алексеем Александровичем Рыбниковым. Этот импозантный том, прекрасно отпечатанный в типографии Нижполиграфа и снабженный вступительной статьей Л. П. Гроссмана, принадлежит к одному из самых удачных образцов советского книжного искусства за истекшее десятилетие. Правда, рисунки Рыбникова, гравированные на дереве И. Н. Павловым, своей силуэтной манерой и общим стилем пожалуй больше подходили бы к народной сказке, чем к грызущей сатире Салтыкова-Щедрина, но они имеют свое лицо, насыщены юмором и очень органически вкраплены в печатные страницы.

М. Е. САЛТЫКОВ (Н. ЩЕДРИН)
Портрет маслом Н. А. Ярошенко, конец 1880-х гг.
Местонахождение портрета *неизвестно*

В ближайшем будущем группа иллюстрированных изданий «Истории одного города» должна обогатиться еще двумя новыми, возбуждающими живой художественный интерес. Мы имеем в виду издания ГИХЛа и «Academia». ГИХЛ для своего издания заказал рисунки художнику Владимиру Львовичу Храпковскому, а изд-во «Academia» в поисках за иллюстрациями к «Истории одного города» обратилось к ленинградцу Александру Николаевичу Самохвалову.

Храпковский, издавна сотрудничающий в наших юмористических журналах, в своих рисунках не дал групповых композиций, не отображал моментов действия «Истории одного города», а главным образом задался целью составить своего рода портретную галлерею главных персонажей щедринской повести. В ряде выразительных шаржей в ярко карикатурно-сатирическом аспекте перед нами дефилируют Фердыщенко, Прыщ, Бородавкин, Беневоленский и др. Много юмора Храпковский сумел вложить в три женских образа «Истории одного города»: и Ироидка, и Клемянтинка, и Аленка вышли у него очень удачно и убедительно, вызывая в зрителе здоровый смех.

Что касается Самохвалова, то рано еще высказывать окончательное суждение об его иллюстрациях в целом, так как они находились в периоде работы, когда писались данные строки. Но судя по ряду эскизов, предварительно представленных художником, шесть из которых воспроизведено в настоящем томе «Литературного Наследства», несомненно можно поздравить изд-во «Academia» с выбором именно Самохвалова в качестве иллюстратора «Истории одного города».

Самохвалов принадлежит к самой талантливой группе молодых ленинградских живописцев; картины его обращали на себя всеобщее внимание на недавних московских выставках «15 лет РККА» и «Художники РСФСР за XV лет». Как художник книги Самохвалов зарекомендовал себя очень своеобразными рисунками к роману Квитко-Основьяненко «Пан Халявский», в сокращенном виде переизданном Ленгизом в 1930 г. Воспроизведения самохваловских рисунков в этой книге оставляют желать очень многого, но все же оригинальность их сразу бьет в глаза, а юмористические картины быта казацких крепостников, увековеченные украинским писателем, нашли в них адэкватное воплощение.

Конечно острая общественная сатира Салтыкова-Щедрина—не чета незлобивому, почти любовному юмору Квитки-Основяненки, и Самохвалов чутко учел эту разницу. В виденных пока композициях его к «Истории одного города» обнаружен совсем другой, более острый подход, а талант художника за эти годы повидимому сильно созрел.

Во всяком случае выхода в свет щедринского шедевра в художественном оформлении А. Н. Самохвалова мы ждем с большим интересом, — этим изданием «Academia» обещает занять одно из первых мест среди иллюстрированных сочинений Салтыкова-Щедрина.

Для полноты обзора следует наконец указать, что у ленинградского декоратора Оскара Клевера имеется ряд исполненных им, но еще неиспользованных нашими издательствами иллюстраций к «Господам Головлевым», «Торжествующей свинье» и некоторым другим произведениям Щедрина. Рисунки эти, часть которых здесь воспроизведена, в целом не высокого качества.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Русский Музей имп. Александра III. Живопись и скульптура». Составил Н. Н Врангель. Изд. Музея. СПБ., 1904, стр. 141—143.

[2] «Николай Николаевич Ге, его жизнь, произведения и переписка». Составил В. В. Стасов. Москва, 1904. Изд. «Посредника», стр. 125, 134, 221, 223, 239, 240, 381.

[3] «Иван Николаевич Крамской, его жизнь, переписка и художественно-критические статьи 1837—1887». Издал Алексей Суворин. СПБ., 1888. Письма №№ 166, 169, 170, 215, 230 и 301.

[4] «Портреты Русских Писателей в ...гравюрах с оригиналов известных русских художников». Редакция В. В. Каллаша. Изд. И. Кнебеля. Москва, б. г.

[5] «Николай Александрович Ярошенко (1846—1898), его жизнь и произведения». Текст Н. В. Некрасова. Москва, 1908. Изд. Фишера.

[6] «Каталог выставки Н. А. Ярошенко, в пассаже Джамгарова». Москва, 1899.

[7] «Русские Ведомости» № 121 от 4 мая 1889 г. С покойного снят портрет художником Ярошенко.

[8] «Русские Ведомости» № 117 от 30 апреля 1889 г. «Телеграфные известия (от наших корреспондентов)».

[9] «25 лет Русского Искусства» (1855—1880). Иллюстр. каталог худож. отдела Всероссийской Выставки в Москве 1882 г. Составил Н. П. Собко. Изд. И. П. Боткина. СПБ., 1882, стр. 52 и 134.

[10] Булгаков, Ф. И., Наши художники, живописцы, скульпторы, мозаисты, граверы и медальеры на академических выставках последнего 25-летия. 2 тома, СПБ, 1889—1890. Том I, стр. 149—150.

[11] «Письма Щедрина», изд. 1925 г., стр. 283.

[12] «Общее Дело». Женева, 1884, № 67, стр. 7.

[13] Булгаков, Ф. И., Наши художники. Петербург, 1889. Т. I, стр. 38. Рига, 1908, стр. 13.

[14] D-r Wilhelm Neumann, Lexikon Boltischer Künstler. Рига, 1908, стр. 13.

[15] Журнал «Искусство» (изд. Изогиза) 1933, № 3, статья Б. Терновца.

[16] Многочисленные рисунки и эскизы этого выдающегося художника для постановки «Смерти Пазухина» в Художественном театре им. Горького нельзя считать иллюстрациями; они относятся к теме «Щедрин и театр».

САЛТЫКОВ В КАРИКАТУРЕ

Сообщение Д. Буторина и Вас. Гиппиуса

Впервые кажется имя Салтыкова было упомянуто в сатирической графике в 1857 г. в «Сыне Отечества». Как известно, появившиеся в «Русском Вестнике» «Губернские очерки» сразу стали большим литературным событием, с которого считают начало «обличительной» — в тесном смысле слова — литературы. Непосредственным откликом на это событие либерально-«обличительного» органа средней руки была серия иллюстраций к «Губернским очеркам» Анненского. В № 27 «Сына Отечества» от 7 июля 1857 г. появился вступительный рисунок к этой серии под названием «Встреча приятелей». На нем изображена беседа двух чиновников. Подписано:

«— Ого, какой раглан на тебе! Верно обстоятельства переменились, видно, ты на хорошем жаловании?

— Все так же, те же 23 руб. сер., да не в них дело — местечко тепленькое.

— Гм!.. А ты читал «Губернские очерки» Щедрина?

— Нет еще, но вот купил, говорят, хорошая вещь...

— Прочти, прочти, книга весьма назидательна...»

Серия Анненского печаталась из номера в номер с 28 по 38[1].

Нарисованные в манере сатирических примитивов Степанова и других «искровцев» рисунки имели характер дружественных Салтыкову иллюстраций, не задевая ни автора, ни его творческого замысла, а, напротив, давая материал того же сатирического смысла и той же классовой направленности (либерально-дворянская самокритика, борьба с недостатками аппарата, с «злоупотреблениями», тормозящими реформы, неизбежные в капитализирующейся стране).

Несколько иной характер имеет карикатура Михайлова в № 6 сатирического еженедельника «Развлечение» от 7 февраля 1859 г. Изображен чиновник, посаженный в банку; рядом с банкой лежит книга с надписью: «Губернские очерки» Щедрина. Москва. 1857». Рисунок называется «Мечты о будущем». Текст к рисунку:

«Последний взяточник, как редкий субъект, будет посажен в банку, а рисунок с него помещается на столбцах «Развлечения», чтоб память о нем сохранилась в отдаленном потомстве».

Впрочем, судя по общему направлению «Развлечения», это скорее добродушная насмешка, чем действительное высмеивание либерального прекраснодушия с более трезвых радикальных позиций.

Из героев «Невинных рассказов» и «Сатир в прозе» затронут был однажды — в 1863 г.— генерал Зубатов, лицемерный приспособленец, остающийся бюрократом и крепостником по самому своему существу. Славянофильствующая «Оса» соединила его — в своих особых целях — с горбуновским генералом Дитятиным — реакционером, так сказать, наивным. Сопоставление это развито в фельетоне «Осы» от 9 ноября № 28, направленном против радикально-демократической журналистики, в частности против «Искры» (презрительно именуемой по примеру журналов Достоевского «Головешкой»), в которой якобы приютилось «весьма много Зубатовых, шествующих теперь по пути прогресса столь же успешно, как во время оно изволили они шествовать по пути к чужим скулам и чужим карманам». Итак, щедринский образ генерала Зубатова был использован «Осой» как оружие для борьбы с журналами, где сотрудничал сам Салтыков.

Сам по себе рисунок и подпись под ним, без пояснений фельетона, этого полемического смысла в себе не заключают. Зубатов на рисунке в общем соответствует своему литературному прототипу. Подпись также ничем не намекает на враждебные «Осе» журналы. В подписи — обмен репликами между Зубатовым и Дитятиным. Зубатов говорит: «Ныне люди живут под сению закона!» Дитятин отвечает: «В наше время лучше было: в наше время закон жил под сению людей».

Гораздо злее был отклик правой и «умеренной» журналистики на так называемый «раскол в нигилистах», обнаружившийся в 1864 г. и противопоставивший друг другу внутри «левого» литературно-общественного лагеря два наиболее влиятельных журнала: «Современник» и «Русское Слово». Полемика эта была следствием серьезных классово идеологических расхождений [2]. Но для органов буржуазно-дворянского лагеря в ней не было ничего кроме обычной журнальной склоки. Либерально-обличительная «Заноза» не скрывала своего злорадства:

«Я не могу не злорадствовать, потому что и Полкан и Барбос мне давно опротивели. Ибо: что такое литературный Барбос и что такое литературный Полкан?

Обыкновенно под сими наименованиями подразумеваются такие нашей жизни, во всех родах, от публицистики до сатиры, изобразители, которые неистово лают на все, потому что господь бог дал им горло широкое. Ну и пусть себе лают! Кого этот лай испугать или оскорбить может? Отвечаю: никого. Ну и отлично» [3].

Нападения Салтыкова на Зайцева были восприняты «Занозой» как шаг союзника; огорчала только нерешительность этого мнимого «союзника»:

«Недавно понадобилось ему засечь зайцевскую хлестаковщину — ну что ж? Дело, кажется, вовсе не представляющее никакой многосложности: возьми его левой рукой за ухо, или за хвост, а правой стегай, и всё тут» (передовая статья «Занозы» от 10 мая 1864 г.).

Дальше оказывается, что сам Салтыков «виляет хвостом перед молодым поколением»: «Славное же у вас понятие, г. Щедрин, о нашей молодежи! И всё это для того, чтобы подойти к вислоухим, чтобы в виде лазейки, на всякий случай, оговориться: что я вот, мол, совсем не таков, как Клюшников; я-де сочувствую молодому поколению, я хочу только наказать вислоухих, которые каждое дело умеют загадить своею пошлостью, как плесень дерево, на котором она гнездится» («Заноза» от 10 мая 1864 г.).

Графической параллелью к этому злорадству и к этой досаде была карикатура неизвестного художника, уже воспроизведенная в «Литературном Наследстве» [4]. Заяц, которого Салтыков сечет розгой,— конечно Варфоломей Зайцев. В разные стороны разбегаются от этого «ужасного вида» — «коммунизм», «женская эмансипация», «нигилизм» и «прогресс» в виде лягушек и «Искра» в виде «собаченки». Тут же в болоте валяются номера «Современника» и «Русского Слова», поросшие грибами («плесень»). Словом, журнальная борьба изображена, как «буря в болоте». Технически карикатура на Салтыкова получилась мало выразительной. Получается впечатление, что Салтыков с зайцем и розгами позирует перед фотографом. Портретного сходства с Салтыковым этой поры также нет.

Карикатура «Занозы» была первым графическим шаржем на Салтыкова. Следующий был уже «дружеским». Он относится к 1869 г. и принадлежит А. Долотову, автору целой серии подобных шаржей на современников («Галлерея русских деятелей»). Карикатура эта также была воспроизведена в «Литературном Наследстве» [5]. Салтыков держит в руках карту России и указывает на крупную надпись «Глупов», проходящую через всю карту.

Шарж был вызван конечно «Историей одного города», еще не опубликованной вполне, но уже начатой в «Отечественных Записках»: образ города Глупова появляется впервые в очерках из цикла «Сатир в прозе» 1860—1862 гг., но только в «Истории одного города» был вполне раскрыт тот обобщенный смысл (Глупов — самодержавно-помещичья Россия), который впервые был намечен еще в 1861 г.

На некоторое время отклики графической карикатуры на творчество Салтыкова замирают. Новым толчком был очерк «Опять в дороге» из цикла «Благонамеренные ре-

чи» («Отечественные Записки» 1873 г., № 10). Поиски натуралистической точности в изображении мрачной деревенской действительности с неизжитыми пережитками крепостничества заставили сатирика прибегнуть к почти не замаскированной записи «сквернословия», которым «воздух, в буквальном смысле этого слова, насыщен» («Мать — мать — мать — ма-а-ть! — словно горох перекатывается от одного берега до другого» и т. п. дальше). «Транскрипция» этого рода прозвучала как смелое новаторство и как вызов: неудивительно, что непритязательное остроумие беспринципных юмористических листков получило здесь для себя весьма благодарный материал. «Маляр» (№ 45 от 18 ноября 1873 г., карикатура С. Любовникова) изображает Салтыкова с огромным гусиным пером в руках; на пере надпись — не вполне разборчивая, но видимо «веритас» (veritas — правда); с расщепленного пера каплет грязь (скорее всего

МЕЧТЫ О БУДУЩЕМ

«Последний взяточник, как редкий субъект, будет посажен в банку, а рисунок с него помещается на столбцах «Развлечения», чтобы память о нем сохранилась в отдаленном потомстве»

Карикатура «Развлечения» 1859 г., № 6

грязь, а не чернила) на лист с надписью «Октябрь. Благонамеренные речи» (т. е. тот октябрьский номер «Отечественных Записок», где появился «грязный» очерк). Подмышкой у Салтыкова том «Губернских очерков» — видимо как напоминание о вершине его славы. Подпись: «Обвиняют меня в неряшливости; что ж делать, когда таким пером пишу». Смысл подписи и всей вообще карикатуры не вполне ясен: «таким пером» — может означать «грязным пером», и тогда объяснение оказывается мнимым, и может означать «расщепленным пером»; если понять эти слова как намек на эзоповский язык сатирика, то в данном контексте он тоже мало понятен. Несмотря на то, что карикатура выдвинута на первую страницу журнала, остается неясным даже общий тон ее: оправдание или осуждение Салтыкова; последнее более вероятно. Всего вероятнее смысл карикатуры раскрывается так: прославленный автор «Губернских очерков» начал, к сожалению, писать грязным пером, замарал свои «Благонамеренные речи» и надломил самое перо.

Но новаторство Салтыкова связывалось в сознании современников с одновременным и на первый взгляд аналогичным новаторством Достоевского, который еще раньше поразил читателей не меньшей смелостью своих «Маленьких картинок» (из «Дневника писателя»; впервые в «Гражданине», № 29 от 16 июля 1873 г.). Вторая глава «Картинок» основана, как известно, на рассказе о беседе пьяных мастеровых, заключавшейся в разнообразных интонациях одного и того же «нелексиконного существительного». Достоевский передает об этой встрече более чем добродушно; своеобразная терпимость к «сквернословию» рабочих («это язык... язык самый удобный и оригинальный, самый приспособленный к пьяному или даже хмельному состоянию») имеет у него довольно определенную социальную мотивировку: для «простого народа» годится и такой «до крайности немногословный» и по-своему выразительный язык. Интересно сопоставить «Маленькие картинки» не только с одновременным очерком Салтыкова «Опять в дороге», но и с гораздо более ранним «Тихим пристанищем» (начатым еще в конце 50-х годов). В изображении бурлаков на большой судоходной реке есть место, ближайшим образом перекликающееся с «Маленькими картинками» Достоевского: «Вот доносится до вас замысловато-крепкое словцо, но доносится как-то не оскорбительно, а скорее добродушно, так что вам остается только развести руками и подумать про себя, ведь вот что выдумал человек! Даже правдоподобия никакого нет... а ладно! Рядом с этим крепким словцом слышится действительно добродушный и задушевный смех и раздается острота, но такая меткая и хорошая, что лицо ваше проясняется окончательно и вы невольно всем сердцем приобщаетесь к этой внутренней, для равнодушного зрителя навсегда остающейся неразгаданною жизни народа...» Эта тема развивается и дальше и приводит автора к оптимистическим выводам о «возможности дружной гармонии»; к этим выводам склоняет впечатление от «достолюбезного народного говора», «в котором среди диссонансов слышится иногда... поразительно цельный звук...»

Настроение сочувствия народу и надежда на его будущее здесь получает настолько общее выражение, что весь эпизод оказался приемлемым для разных этапов салтыковского пути: и для того периода, когда он либо «гнул в сторону славянофильства», либо оставался в кругу либерально-дворянского западничества, и для позднего Салтыкова, главы влиятельного радикально-демократического журнала. Эпизод о бурлаках почти без изменений появился в печати в 1874 г. в фрагменте «Город» (сб. «Складчина») уже после «Опять в дороге» и «Маленьких картинок». В этом эпизоде Салтыков и Достоевский действительно соприкоснулись: ведь и Достоевский в следующем фельетоне («Учителю» — «Гражданин», № 32 от 6 августа) объяснял: «Мысль моя была доказать целомудренность народа русского, указать, что народ наш... если и сквернословит, то делает это не из любви к скверному слову, а просто по гадкой привычке, перешедшей чуть ли не в необходимость». Но сходство включало в себя и классово обусловленное различие: Салтыков последовательно демократичен, в то время как у Достоевского даже в наиболее сочувственных изображениях (см. «Маленькие картинки») отношение к «мужикам, мещанам и мастеровым» — как к экзотическому, мало знакомому материалу («Я недавно с большим удовольствием открыл, что есть в Петербурге мужики, мещане и мастеровые совершенно трезвые») [6].

Все это необходимо иметь в виду потому, что и литературная критика и юмористическая графика немедленно начали сближать Салтыкова с Достоевским как «грязных» писателей еще в 1873 г., т. е. до появления «Города» в «Складчине». Правда, Буренин тогда еще готов был оправдывать его («...там, где цинизм мотивируется желанием сатирика нарисовать действительное во всей его безобразной наготе, он может быть допускаем») и одновременно осудить Достоевского за его «не в меру разыгравшееся балагурство» [7].

Но в мелкой прессе «сквернословие» Салтыкова и Достоевского не различалось. Об этом нагляднее всего свидетельствует карикатура того же Любовникова в № 50 «Маляра» от 23 декабря 1873 г. Карикатура изображает, как гласит подпись под ней, «поклонников родного слова, стоящих на твердой почве» — т. е. Салтыкова и Достоевского, стоящих на томе сочинений Баркова. Достоевский одной рукой опирается на

ОБЛОЖКА АЛЬБОМА РИСУНКОВ ХУД. А. ЛЕБЕДЕВА «ЩЕДРИНСКИЕ ТИПЫ», ИЗДАННОГО «СТРЕКОЗОЙ» В 1880 г.

костыль с надписью «Гражданин», другою обнимает Салтыкова; Салтыков же стоит, заложив руки за спину, с угрюмым выражением лица.

Карикатуристу ясна была конечно разница между руководителем «Отечественных Записок», автором «Истории одного города»,— и редактором «Гражданина», автором «Бесов». «Объятия» их могут иметь только иронический смысл и, несомненно, смысл осуждения, направленного не только по адресу Достоевского, но скорее всего и по адресу Салтыкова [8].

Еще раз — и в тоне более или менее нейтральном — вернулся «Маляр» к Салтыкову через год, в № 50 от 29 декабря 1874 г. Насмешки над Краевским, ожидающим в качестве маркера «на чаек» от Салтыкова и Некрасова, ведущих «игру», не выходили за пределы того широко распространенного в органах разных направлений глумления над пресловутым «Андреем Александрычем», «типом беспринципного, но ловкого литературного предпринимателя» (формулировка В. Е. Евгеньева-Максимова). Как бы то ни было, характеристика Салтыкова в этой карикатуре отсутствует.

Как видно, до половины 70-х годов графическая карикатура характеризует Салтыкова спорадически и случайно, по частным поводам, которые давались обычно громкими, даже скандальными журнальными эпизодами. Только рисунок Долотова 1869 г. изображал Салтыкова как некоторый обобщенный образ, при чем и карта Глупова могла намекать на целый цикл салтыковских образов.

Но со второй половины 70-х годов, с дальнейшим обострением классовой борьбы в жизни и литературе, с дальнейшим количественным и качественным ростом сатирической продукции Салтыкова, начинают появляться сочувственные Салтыкову шаржи, объединяющие целый ряд характерных моментов салтыковского творчества и как бы подводящие итоги литературно-общественной роли Салтыкова. Наиболее показателен в этом отношении рисунок А. И. Лебедева [9], вошедший в его «Карикатурный альбом современных русских деятелей» (издание журнала «Стрекоза» 1877—1879 гг.)[10]. Портрет Салтыкова вошел в первую из трех серий этого альбома вместе с портретами И. А. Вышнеградского, И. Ф. Горбунова, А. А. Краевского, Н. И. Путилова, А. Г. Рубинштейна, В. В. Самойлова и В. Д. Спасовича.

Салтыков изображен натуралистом-энтомологом с коллекцией насекомых — его «героев» [11]. Часть «насекомых» расставлена по полкам стенного шкапчика, другая часть — «в работе». Под рисунком подпись-эпиграф из известной эпиграммы Пушкина, к которой и восходит замысел карикатуриста:

«Мое собранье насекомых
Открыто для моих знакомых».

В верхнем ряду «коллекции» (на полках) — ташкентец, Нарцисс, Иудушка, в среднем ряду — глуповец, Дерунов, Молчалин; в нижнем — помпадур, помпадурша, Балалайкин. Кроме того две неназванные фигуры стоят перед «коллекционером» в просительной позе: видимо оба умоляют пощадить их и не осмеивать. Салтыков изображен по широко распространенному в эту эпоху карикатурному приему «головастиком». Непропорционально большая голова сама по себе не заключает ничего комического и дает довольно похожий портрет Салтыкова. Напротив, салтыковские типы («насекомые») изображены карикатурно. Контраст между живым лицом Салтыкова и наколотыми на булавку людьми-куклами наводит на мысль, что от карикатуриста не ускользнула та роль, какую мотив куклы играет в сатирической системе Салтыкова.

Интересно, что в то же время в газете «Одесский Вестник» появилась статья о Салтыкове, где он также сравнивался с естествоиспытателем:

«Салтыков поступает как натуралист. Он увеличивает те стороны, которые ему нужны, как микролог увеличивает под микроскопом те предметы, которые хочет изучить, или как физик и химик уединяют действия сил природы и увеличивают их разными мультипликаторами и реактивами» [12].

Сознательно или бессознательно сатиру Салтыкова ассоциируют с идеями научного или экспериментального натурализма, уже отраженными в ряде популярных романов Золя и ждавшими только теоретического обоснования.

Другой значительно менее удачной попыткой синтетического рисунка на тему о значении салтыковской сатиры был портрет Салтыкова в «Будильнике» 1878 г., № 10 от 6 марта из серии «Альбом современных русских писателей». Салтыкову был посвящен третий лист альбома. В середине портрет писателя и лук с колчаном, на котором надпись «не в бровь, а в глаз». В левом углу нижнего рисунка выстроились критики с перьями вместо ружей; в правом углу — группа читателей с ослиными ушами. Салтыковских типов здесь нет; стрелы сатирика поражают «не в бровь, а в глаз» глупцов-читателей, которые, не принимая сатиры на свой счет, кивают друг на друга. Не совсем ясна на рисунке роль критиков.

Более оригинальным был новый в этом роде замысел А. И. Лебедева. Художник изобразил на этот раз щедринские персонажи не на булавках и не на полках, а в м е ш-

ЩЕДРИН И КАПОТТ

— Ответьте мне откровенно, Капотт: вы не шп.... pardon! не сердцеведец?

— В смысле постоянного занятия — нет, но не скрою от вас что когда обстоятельства призывают меня, то я всегда застаю себя стоящим на высоте положения.

Капотту художник придал черты Каткова

Карикатура «Фаланги» 1881 г., № 27 на щедринскую тему из «За рубежом»

к е, из которого сатирик вытряхивает их на свет. Здесь опять-таки интересен не самый портрет Салтыкова, ничем не замечательный и в общем воспроизводящий то же салтыковское лицо в пенсне и с густой бородой, какое было нарисовано и в «карикатурном альбоме» (карикатурист «Будильника» возвращается почему-то к портрету Салтыкова с бритым лицом и бакенбардами). Интересны «щедринские типы», вытряхиваемые из мешка. Этот рисунок был сделан для обложки альбома «Щедринские типы», изданного «Стрекозой» в 1880 г. В альбоме 12 рисунков на салтыковские темы, исполненных без притязаний на карикатурность, в приемах передвижнической графики. Но те же лица на обложке значительно шаржированы. Здесь использован материал «Губернских очерков», «В среде умеренности и аккуратности», «Благонамеренных речей», «Помпадуров и помпадурш» и «Дневника провинциала в Петербурге».

Интересно предисловие к альбому (анонимное), автор которого делает наблюдения над художественными приемами Салтыкова и указывает на трудность изображать его героев графически. Предисловие это в значительной степени уясняет вопрос о понимании салтыковского творчества А. И. Лебедевым.

«Щедрин — писатель-философ. Сатира его имеет широкое и приподнятое значение. Он не особенно заботится о выделении, детальной характеристике и внешней рас-

краске отдельных индивидуумов. Щедрин не вскрывает своих героев со всех сторон их бытия и лишь мельком, между прочим, намечает их портреты двумя-тремя беглыми штрихами. Щедрина интересует главным образом духовный облик изображаемых им типов. Он имеет дело с нравственными недугами и болестями русского общества, с зловещими ветрами, бессмысленную кутерьму вызывающими, со стихийными бурями, бог ни весть откуда идущими и куда направляющимися. Воспроизводимые Щедриным лица привлекают его к себе постольку, поскольку являются они у него, так сказать, сосудами идей, страстей и нравственных элементов.

Оттого типы Щедрина прекрасно представляются умом, но плохо видятся глазом. Материализировать и воплощать их очень трудно. Карандаш художника, изучая их, чувствует себя чересчур свободным.

Что может быть жизненнее и законченнее, например, типа «помпадура»? Помпадур — перл совершенства у Щедрина. Это в общем. А в частности тип этот сложен у сатирика из нескольких отдельных разновидностей, бесподобно очерченных в психическом отношении и едва намеченных во внешнем, описательном. Которой разновидности отдать при иллюстрации преимущество? Как восполнить недостающие штрихи? Как найти такую точку опоры, стоя на которой можно бы и оставаться верным Щедрину, и в то же время не грешить натяжкою, односторонностью и случайностью на рисунке?

Вопросы эти живо и серьезно озабочивали автора нынешнего «Альбома» А. И. Лебедева, искренне желавшего подойти возможно ближе к поставленной ему цели»[13].

После крушения народнических надежд на крестьянскую революцию, после крушения народовольческих надежд на завоевание путем индивидуального террора политической свободы как предпосылки социальных реформ сатирическая струя в радикально-демократической литературе замирает; наступает время, о котором говорил Салтыков с горькой, иногда трагической иронией: «теперь нужно писать о светопреставлении». Это было после того, как закончен был им — как замечал он сам «совершенно кстати» — один из наиболее острых и социально действенных циклов «Письма к тетеньке» и вышла отдельным изданием блестящая сатира на буржуазный Запад (а попутно и на российскую реакцию) — «За рубежом». Но в измельчавшей сатирической журналистике обеих столиц эти новые фундаментальные сатирические книги прошли почти незамеченными. Отклики единомышленников на «За рубежом» мы находим не в столичных журналах, а в отдаленном Тифлисе — в любопытном, незаслуженно забытом, но, правда, недолго просуществовавшем журнале «Фаланга».

В послепервомартовской прессе, которая по злому и верному щедринскому выражению либеральничала «применительно к подлости», может быть одна только провинциальная «Фаланга» сохраняла какую-то связь с традициями «Свистка» и «Искры». Заслуживает серьезного внимания борьба «Фаланги» с воинствующей реакционной печатью, той самой, агенты которой были ближайшими прототипами салтыковской «торжествующей свиньи» в «За рубежом».

Карикатура в № 27 «Фаланги» от 5 июля 1881 г. изображает Салтыкова в беседе с Капоттом; в Капотте нетрудно узнать черты Каткова. Подпись к карикатуре взята (с некоторыми сокращениями) из «За рубежом»:

«— Ответьте мне откровенно, Капотт: вы не шп... pardon! не сердцеведец?

— В смысле постоянного занятия — нет, но не скрою от вас, что когда обстоятельства призывают меня, то я всегда застаю себя стоящим на высоте положения».

Вскоре после этого — в № 30 «Фаланги» — появился портрет Каткова с надписью «сын тьмы».

Кроме того еще в № 22 «Фаланги» был перепечатан весь эпизод с «торжествующей свиньей» из «За рубежом» Салтыкова и помещен фельетон «В вокзале и в вагоне». Темой фельетона было запрещение, якобы исходящее от Каткова,— продавать на железнодорожных станциях какие бы то ни было газеты и журналы кроме «Московских Ведомостей» и «Русского Вестника». Кроме того в фельетоне намекалось на связь Каткова с «охранкой». Весьма вероятно, что Каткову стали известны фельетоны и карикатуры «Фаланги». Во всяком случае в № 236 «Московских Ведомостей» от 26 ав-

КАРИКАТУРА ИЗ ЖУРНАЛА «ОСКОЛКИ» 1882 г., № 25

— Вы читали «письма къ тетенькѣ» Щедрина?
— Я чужихъ писемъ не читаю-съ.

густа 1881 г. появилась передовая статья Каткова, где он требовал усиления цензуры вообще и в частности в отношении сатирических иллюстрированных изданий. Катков с негодованием указывает, что «в наших сатирических изданиях часто встречаются карикатуры на известные лица с прямым или косвенным указанием, притом явно тенденциозного свойства». И возмущенно спрашивал: «Какое право имеет цензор в противоположность духу и букве закона одобрять к печатанию злословие, пасквиль и личную карикатуру?»

«Фаланга» ответила на статью Каткова фельетоном «Бюллетень ужаленных «Фалангой» (№ 36 от 6 сентября 1881 г.). Приведем оттуда несколько цитат, имеющих отношение к упомянутой карикатуре:

«№ 4-й. Катков Михаил (mania furiosa).

18 августа. № 4-й доставлен в больницу в лихорадочном состоянии; больной постоянно спрашивает, кого подразумевал Щедрин под «свиньей», долженствующей съесть правду, и кто должен быть этот Капотт, которого «обстоятельства застают стоящим на высоте положения».

21 августа. По оплошности дежурного сторожа больному попалась в руки «Фаланга» под № 27, сильно ужалившая несчастного. Снова появилось лихорадочное состояние.

26 августа. Больной написал большую передовую статью для № 236 «Московских Ведомостей», в которой доказывает, что государственные основы потрясены тем, что цензура допускает рисовать карикатуры на него, Каткова, патриота своего отечества».

Все это показывает, что современники ясно видели не только в Капотте, но и в «торжествующей свинье» — Каткова. Конечно «торжествующая свинья» — образ, наделенный большой силой обобщения, и не раскрывается до конца как псевдоним Каткова, но что ближайшим толчком к созданию образа «торжествующей свиньи» была именно реакционная пресса и в первую очередь действительно «торжествующий» в этот исторический момент М. Н. Катков,— несомненно. Об этом говорит и сам Салтыков в «Дополнительном письме к тетеньке»:

«Сколько раз, скажете вы, ты сам дискредитировал современную литературу, а теперь вопиешь о сочувствии к ней! Кто познакомил публику с «Помоями», кто изобразил «Торжествующую свинью»?»[18].

«Помои» — псевдоним газеты «Берег»; с ней, как видим, прямо сопоставляется и «Торжествующая свинья» — «Московские Ведомости».

Любопытна также карикатура «Фаланги», помещенная в № 37 от 13 сентября. К сожалению она в художественном отношении выполнена слабо. Автор рисунка изобразил борьбу «прогрессивных» журналов (сюда он отнес «Отечественные Записки», «Порядок», «Страну», «Московский Телеграф», «Новости» и «Фалангу») с «волнами реакции». «Волны» — это «Русь», «Московские Ведомости», «Петербургские Ведомости», «Новороссийский Телеграф» и «Минута». Подпись взята из Алексея Толстого:

«Дружно гребите, во имя прекрасного,
Против течения!»

Особенной остроты в замысле художника нет. Рядом с Салтыковым сидит М. М. Стасюлевич — глава буржуазно-либеральных «Вестника Европы» и «Порядка».

Единственным сколько-нибудь серьезным откликом на «Письма к тетеньке» была карикатура в «Пчелке» 1882 г., № 39—40 от 31 октября. Замысел ее несложен: это вариация на сюжет «Зеркала и обезьяны». Салтыков («племянник») держит зеркало; обезьяна («тетенька») смотрится — и не узнает себя. Как ни как, сатирическое значение цикла было этим выдвинуто [15].

Ведущая роль в юмористической журналистике 80-х годов переходит к «Осколкам» — не слишком притязательному, но сравнительно талантливому органу либерально-буржуазной оппозиции. «Осколки» возглавлялись Лейкиным, первые опыты которого когда-то печатал и «Современник»; здесь продолжал свою деятельность карикатурист А. И. Лебедев; с «Осколками» связан ранний период творчества Чехонте-Чехова. Кое-что из помещенного в «Осколках» на щедринские темы было удачно. Так например, довольно выразителен рисунок того же А. И. Лебедева «А а Разуваев и Колупаев». Рисунок этот входил в серию, озаглавленную «Язык причесок» (типы и характеристики). Текст к рисунку «А la Разуваев и Колупаев»:

«Новейший российский фрукт. Благочестив, но большой любитель мужицких карманов. Из «мальчишек», но «кандидат в столпы».

Выражения «А la Разуваев и Колупаев» и «кандидат в столпы» указывают на популярность салтыковских типов и салтыковских сатирических формул.

Вариации на мотивы «Убежище Монрепо» находим и в карикатуре В. И. Порфирьева («Осколки», № 27 от 2 июля 1883 г.). Карикатура называется «Деревенский рыболов». Бывшую дворянскую усадьбу занимает кулак-кабатчик, который спаивает мужиков. Стоит лишь прочесть вывески на доме, и содержание карикатуры станет вполне ясным: «Убежище монрепо бывшая графа Кутилова, а ныни купца Разуваева», «Покупка хлеба на корню», «Питейный дом», «Мелочная лавочка на книшку».

Смысл карикатуры разъяснен в передовой статье этого же номера «Осколков» («Осколки петербургской жизни»).

«Существует тип «деревенского рыболова». Его фотографическую карточку вы найдете сегодня на первой странице. Знает он, на какую приманку ловить надо русского человека! И раз добыча к нему в руки попадет, не вырвется, не бойтесь! Он «рыбу» свою и поджарит, и разварит, останутся только кожа да кости.

Это новый «барин», который прежним «барином» уже позавтракал, и теперь «мужичком» собирается пообедать.

Чем-то будет ужинать «ихнее» молодое поколение?

А ведь аппетит «детей», не менее «симпатичных», как и «отцы», уже теперь разыгрывается. Дети, конечно, будут свято и ненарушимо хранить завет отцов, от которого хотя и сохнет сердце, но пухнет карман...»

Тема рисунка интересно задана, но слабо развита. На рисунке показана лишь «приманка», но не показано, как мужик «попадает» на нее. У нового хозяина «Монрепо» и его сына вместо голов изображены огромные кулаки, характеризующие их социальное «лицо». Остроумный сам по себе прием в данной карикатуре не был новостью. Кулак как конкретизация «кулачества» — обычный элемент сатирической графики 80-х годов.

Салтыков как редактор фигурирует в карикатуре В. И. Порфирьева, напечатанной в 1882 г. («Осколки», № 41). Заголовок карикатуры: «Битва русских с кабардинца-

ми». Битва происходит между «дельцами» — крупной буржуазией — и работниками современной прессы. Буржуа-коммерсанты защищаются в крепости, образованной из пачек акций и кредитных билетов на берегу моря. Над крепостью возвышается здание с надписью «биржа» и красный (!) флаг с надписью «нажива». Крепость обстреливается представителями прессы, которые сидят в лодках — своих журналах и газетах.

На переднем плане изображен редактор «Отечественных Записок» Салтыков; рядом с ним: «Петербургская Газета», «Голос» (изображен Краевский), «Осколки» (изображен Лейкин), «Страна» и «Русский Курьер». Они пускают в крепость снаряды: «обличение», «смех», «сатира». Как и в карикатуре «Фаланги», здесь Салтыков окружен либеральной прессой, что указывает конечно на малую политическую остроту этой карикатуры.

Попытку намекнуть на невыносимые цензурные условия, в которых приходилось доживать свой век «Отечественным Запискам», находим в карикатуре того же Порфирьева («Оскольки», № 17 от 23 апреля 1883 г.). Салтыков идет под руку с дамой — газетой «Новости» — на фоне деревенского пейзажа. На земле валяется мусор и тут же лежат две свиньи. Карикатура называется «На прогулке». Текст:

«О н.— Ух, от водянки я толстею
И раз в месяц выхожу.
О н а.— Ах, от сухотки все худею,
На лист сухой я похожу.
Одно могу теперь сказать
Потребен воздух нам... на воздух!
О н. — Но как же будем здесь гулять,
Где испаряет лишь навоз дух?
И. Ланской».

Следующим хронологически изображением Салтыкова был портрет его в серии рисунков журнала «Зритель» под общим заглавием «Коллекция насекомых». В эту

ШАРЖ НА ЩЕДРИНА
ИЗ ЖУРНАЛА «ОСКОЛКИ» 1883 г.,
№ 17

«коллекцию» входит Салтыкова со своим журналом («Отечественные Записки» 1883 г., № 1); под ним подпись «Оса». Рядом с ним — «муха» — князь Мещерский с журналом «Гражданин». Сочувствие художника Салтыкову — «осе», а не Мещерскому — «мухе» совершенно очевидно. (Салтыков изображен в виде обычного портрета; Мещерский — в карикатуре.) Интересно, что в эту коллекцию вошел и «паук» — кабатчик (возможен намек на Разуваевых и Колупаевых), а рядом с Салтыковым — «осой» поставлен крестьянин — трудолюбивая «пчела».

Журнальные карикатуры на Салтыкова и на салтыковские темы этим завершаются. Но к этому именно времени относятся две новые попытки дать синтетический портрет Салтыкова в связи со всей системой его важнейших творческих образов. В 1884 г. увидела свет книга известного в то время писателя-фельетониста В. О. Михневича «Наши знакомые», представляющая собою фельетонный словарь знаменитых русских современников. Книга содержит около 1 000 характеристик и 60 карикатур, исполненных художниками А. И. Лебедевым, М. Е. Малышевым и А. А. Серебряковым по наброскам автора книги.

Салтыковская тема разработана Лебедевым: Салтыков — Илья Муромец, в борьбе с многоголовой гидрой — своими «героями» [16]. Подпись взята из былины «Илья Муромец и Змей»:

«Гой ты старый казак, да Илья Муромец,
Где же тебе побить тую силу великую?»

Голова Салтыкова непропорционально большая, как это было принято в шаржах этой поры, особенно в тех случаях, когда насмешки над изображаемым не было и характер шаржа придавался одним только этим условным приемом.

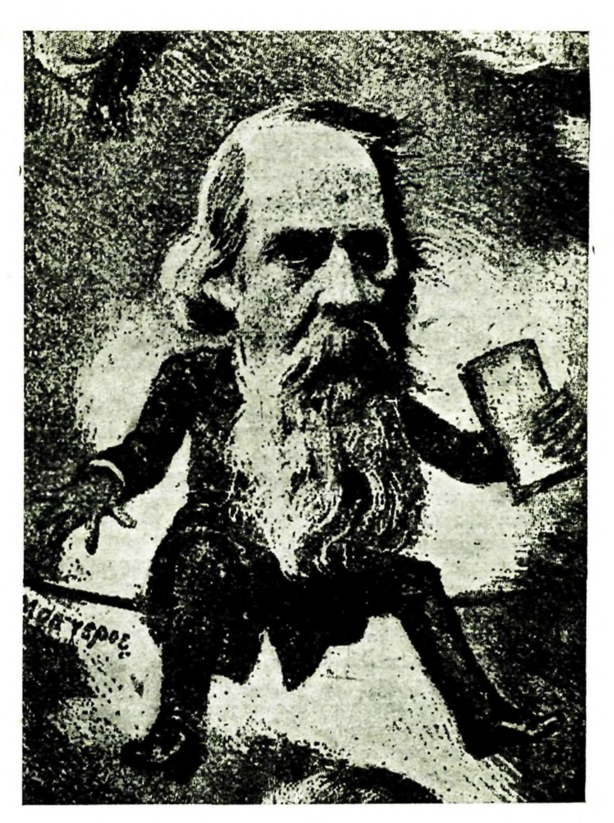
Лицо Салтыкова показано суровым и как бы усталым от борьбы с гидрой. Салтыковские типы (головы гидры) здесь, как и в других карикатурах Лебедева, очень выразительны.

Статья Михневича не дает никаких пояснений к карикатуре. Оценка творчества Салтыкова типична для либерально-буржуазного восприятия сатирика. Отдавая должное таланту Салтыкова, Михневич не улавливает социального смысла его творчества. По мнению Михневича «щедринскими сатирами зачитывалась вся грамотная культурная Россия без различия политических толков. Всех читателей они равно смешили, даже тех, кого они непосредственно разили своими стрелами не в бровь, а в глаз». Вряд ли эта более чем наивная характеристика нуждается в серьезном опровержении [17].

Вторая попытка — аллегорическая картина Брызгалова, изображающая, как и у Лебедева, Салтыкова в лесу. История этой картины была изложена в «Литературном Наследстве»; там же приведены отклики Салтыкова на ее появление и воспроизведена самая картина [18].

Картина Брызгалова выходит за пределы карикатур и шаржей на Салтыкова и только общим сатирическим характером своим отчасти включается в нашу тему и, ближайшим образом, связывается с Салтыковым — Ильей Муромцем Лебедева. Сходство замысла бесспорно: и там и здесь Салтыков в дремучем лесу, и там и здесь окружен чудовищами. Но в замыслах этих кроме сходства есть и различие, и возникли они в неодинаковой среде. Замысел Лебедева-Михневича опирается на либерально-буржуазное восприятие салтыковской сатиры: подвиг сатирика сведен к борьбе с отрицательными явлениями, воплощенными в фигурах разнородных отрицательных героев Салтыкова. Образ «многоголовой гидры», в которой равноценны и равно опасны и граф Тевердоонто, и Балалайкин, и Разуваев, и помещица Головлева, предполагает не слишком высокую степень социально-политической сознательности. Сам Салтыков представлен богатырем, так или иначе способным своими единичными усилиями, властью своей сатиры, бороться с «гидрой» и отсекать ее головы; правда, подвиг представлен маловероятным, но это только потому, что борьба неравна, что богатырь один, а сила — «великая».

ШАРЖ НА ЩЕДРИНА В ГАЗЕТЕ «НОВОЕ ВРЕМЯ» 1886 г., № 1

Иначе воспринята сатира Салтыкова в замысле картины Брызгалова (соучастник замысла — Н. П. Орлов). Салтыков — странник, безоружный и беззащитный, с одной лишь книгой в руке — проходит по темному лесу. В этом лесу нет ни Головлевых, ни Балалайкиных порознь, но есть гораздо более обобщенные образы: во-первых, жалящих змей и во-вторых, нападающего кабана (своеобразный вариант салтыковской «торжествующей свиньи», тем более своеобразный, что опоясан кабан жандармской шашкой). Как видим, замысел политически гораздо более заострен, и даже просвет, «полагающийся по штату» (как иронизировал Салтыков), не нарушает этого впечатления. Несомненно, что замысел картины возник в среде, по существу более родственной Салтыкову 80-х годов: в революционно-демократических или во всяком случае связанных с революционной демократией кругах. Картина была конечно совершенно нецензурна, но нелегально широко распространялась.

Неудивительно, что и Салтыков, несмотря на слабую технику этого своего «портрета», высоко ценил его и, потеряв свой экземпляр, настойчиво просил друзей возобновить его: «нужно хоть что-нибудь настоящее сыну на память оставить». Рисунок Лебедева, несмотря на гораздо большее, чем у Брызгалова, мастерство, он очевидно таким «настоящим» не считал. Пройти, не дрогнув, сквозь лес, кишащий гадами, сквозь самодержавную, полицейскую помещичью Россию с книгой в руках, с неутомимым словом сатирика казалось самому Салтыкову большим подвигом, чем побивание отдельных врагов — отдельных продуктов той же реакции, чем те «малые дела», на которые обрекали его Лебедев и Михневич в интересах даже не «всего прогрессивного направления», а никогда не существовавшей «всей грамотной, культурной России без различия политических толков». Сам Салтыков сознавал себя конечно гораздо более «партийным», чем думали поощрявшие его литературные публицисты. Свою «партийность» он неоднократно сам подчеркивал [19].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В № 38 «Сына Отечества» от 22 сентября 1857 г. была помещена последняя иллюстрация к «Губернским очеркам» с таким редакционным примечанием: «Губернские очерки»» Щедрина представляют так мало данных для игривого карандаша г. Анненского, что он решается этим двенадцатым эскизом совсем покончить с ними и обратиться к более богатому источнику — живому русскому обществу».

[2] Подробности см. в настоящем номере «Литературного Наследства» в статье «Салтыков и журнальная полемика 1864 года».

[3] «Заноза», № 19 от 17 мая 1864 г.

[4] См. «Литературное Наследство», кн. III, стр. 289. В подписи опечатка: следует «из № 18 «Занозы» 1864».

[5] Там же, стр. 295.

[6] Соч. Достоевского. ГИЗ, 1929, т. XI, стр. 113.

[7] «СПБ. Ведомости» 1873 г. и Денисюк. «Критич. литература о соч. Салтыкова», вып. 2-й, стр. 170.

[8] До 1873 г. обвинения Салтыкова в «неприличии» раздавались разве из лагеря врагов — классовых антагонистов радикальной демократии. См. в № 13 «Будильника» рисунок с такой подписью:

«Отчего, Вера Ивановна, вы не читаете Щедрина: он такой забавный...

Папаша: А потому, молодой человек, что при всем уважении моем к почтенному посту, занимаемому г. Щедриным, я не позволю моей дочери читать его сочинений,— неприлично-с!»

[9] Александр Игнатьевич Лебедев (1835—1898) — один из наиболее видных русских карикатуристов второй половины XIX в. С 1860 г. сотрудничал в «Искре», затем в «Стрекозе», «Будильнике», «Осколках» и других журналах.

[10] На обложке альбома указано, что альбом проектирован «Азом и Г. Кор...» «Аз» — псевдоним И. Ф. Василевского, «Г. Кор...» — очевидно редактор «Стрекозы» Герман Корнфельд.

[11] См. «Литературное Наследство», кн. I, стр. 217.

[12] «Одесский Вестник» 1877 г., № 207.

[13] См. еще рисунок Лебедева в «Стрекозе», 1881 г. № 29, «Урок по государствоведению», где сцена из русского помещичьего быта (отец, побывавший в Англии) сдобрена цитатой из «Помпадуров и помпадурш» о разнице между «красными» и «консерваторами», здесь между вигами и тори.

[14] «Дополнительное письмо к тетеньке», частично опубликованное в 1914 г. В. Кранихфельдом в «Утре Юга», полностью печатается в «Звеньях», кн. 3. См. также «Послание к пошехонцам» в книге Иванова-Разумника «Неизданный Щедрин».

[15] «Осколки» отозвались на «Письма к тетеньке» только малоостроумным каламбуром: «Вы читали «Письма к тетеньке» Щедрина?—Я чужих писем не читаю-с» («Осколки» 1882, № 25).

[16] См. «Литературное Наследство», кн. III; здесь и объяснение рисунка.

[17] Попытке Михневича предшествовал еще один рисунок, пытавшийся — и довольно неудачно — подвести «итог» салтыковскому творчеству. Это «Проект памятника на углу Бассейной и Литейной» (т. е. против редакции «Отечественных Записок»), напечатанный в «Шуте» 1882 г., № 17. Салтыков изображен на пьедестале с аллегорическим ключом и свечкой и почему-то в халате. По существу и этот рисунок примыкал к «беспартийным» изображениям Салтыкова как сатирика общечеловеческого значения.

[18] «Литературное Наследство», кн. I, стр. 203.

[19] В обзор не вошли единичные и сами по себе малосодержательные шаржи, воспроизведенные в этом номере из «Нового Времени» 1886 г., № 1 и из «Сверчка» 1888 г., № 1. «Новому Времени» надо было уколоть сатирика «Убежищем Монрепо» — если только раскачивание и балансирование на канате сколько-нибудь осмысленно; шарж «Сверчка» с приветствием «молодому духом» сатирику любопытен только как показатель пиэтета к Салтыкову в мелкой либеральной прессе. Оставлены в стороне и возвращения к салтыковским темам после его смерти (см. в этом же номере цикл карикатур «Шута» к постановке «Смерти Пазухина» в 1893 г.).

СУДЬБА РУКОПИСЕЙ ЩЕДРИНА

Сообщение Н. Яковлева и М. Унковского

I. ЛИЧНЫЙ АРХИВ ЩЕДРИНА

«...Я пошел в кабинет... заглянул в свои книжные шкафы, в ящики письменного стола, в диванные ящики, в особые сундуки, назначенные исключительно для бумаг,— везде были груды, так что если бы собрать все вместе, образовался бы наверное большой воз. Для основательного разбора этих бумаг несколько человек должны бы были убить, по крайней мере, месяц времени. Бумажный этот хлам копился у меня в течение более 10-ти лет. В нем было все—и целые статьи разных сочинителей, предназначавшиеся к печати и оказавшиеся неудобными для печатания, и бесчисленные черновые листы напечатанных сочинений, разбитые по страницам и перемешанные вместе из нескольких десятков сочинений, и разные счеты, и бесчисленное множество писем, писанных в течение десяти лет на имя разных редакций,—все это в течение более 10-ти лет никогда не разбиралось; при переезде с квартиры на квартиру, на дачу и с дачи складывалось охапками в простыни и из простынь таким же образом перекладывалось снова, куда попало. Можно представить себе, какой хаос господствовал в этом хламе! Что было с ними делать? Сжечь? Но как сжечь без разбору? Среди хлама могли завалиться бумаги забытые и ненужные, но которые потом, по востребованию, могут оказаться весьма нужными. Разбирать все это? Но разбирать нужно самому и тщательно, а для этого пришлось бы просидеть за ними месяца три...

Кроме хлама, у меня было пачки три бумаг, действительно дорогих для меня. Это были письма моего покойного отца, письма разных близких ко мне, накопившиеся в течение не одного десятка лет, наброски мыслей, которые я делал по разным случаям, заметки и т. д. Бумаги эти лежали отдельно от всех других в особом помещении конторки... Жечь я их не желал бы никоим образом... Они были слишком дороги для меня по воспоминаниям».

Так описывал свой архив сам Щедрин в 1870 г. в статье «Наши бури и непогоды». Описывал юмористически, изображая «процесс самообыскания над собой», в предвидении настоящего жандармского обыска в связи с «Нечаевским делом».

Но за этой юмористикой видна и настоящая картина хранения Щедриным материалов не только своего личного архива, но и тех изданий, в которых ему приходилось участвовать, тех журналов, в редакциях которых он состоял. Учитывая возможность намеренного преувеличения, можно видеть здесь в то же время и настоящие размеры хранимых архивных материалов. Размеры эти были очевидно достаточно велики даже после первых 10—15 лет работы, считая с «Губернских очерков» как настоящего начала литературной работы Щедрина. Сюда входили и редакционные материалы «Современника» и первых лет «Отечественных Записок».

Можно себе представить, какое количество материалов должно было скопиться у Щедрина к концу его редакционной работы в «Отечественных Записках», к 1884 году, и наконец к завершению его жизненного и писательского пути?! Можно опасаться, что ему действительно приходилось прибегать к сожжению части этих материалов из опасения действительных обысков, угроза которых нависла над ним в первой половине 80-х годов. Можно опасаться, что ему приходилось жечь бумаги просто в целях освобождения от «возами» накопившегося «хлама».

Таким образом вероятно еще при жизни Щедрина были ликвидированы, отсеялись драгоценные редакционные материалы журналов «Современник» и «Отечественные Записки». Оставались вероятно только «действительно дорогие» для него самого бумаги. Это—рукописи произведений Щедрина и письма к нему родных, друзей, литературных соратников, журнальных сотрудников и наконец читателей.

После смерти Салтыкова архив остался в его семье сначала у жены, затем у дочери. Но повидимому большая часть рукописей произведений перешла постепенно к М. М. Стасюлевичу и в дальнейшем сохранялась уже в составе его архива. Кроме Стасюлевича с архивом знакомились и другие члены редакции «Вестника Европы», прежде всего А. К. Пыпин и К. К. Арсеньев, а также вероятно В. И. Лихачев и Н. К. Михайловский в связи с предположениями вдовы Е. А. Салтыковой об издании действительно полного собрания сочинений Щедрина. Позднее некоторая часть щедринских рукописей осела повидимому и в архиве К. К. Арсеньева. Еще позднее к обеим этим частям —Стасюлевича и Арсеньева—имели доступ члены «молодой редакции» «Вестника Европы» вроде М. Славинского, а также исследователь Щедрина В. К. Кранихфельд. Возможно, что последний имел и личные сношения с Е. А. Салтыковой по поводу оставшейся у ней части рукописей Щедрина. А у ней действительно оставалась некоторая часть, перешедшая затем к дочери Е. М. Салтыковой де Пассано.

Что касается других материалов архива, то они также не лежали совершенно без движения. Известно например, что после смерти А. М. Унковского его жена и Е. А. Салтыкова обменялись письмами своих мужей и взаимно предали их сожжению. Основанием к этому послужил чересчур интимный характер этих писем. Было много словесных вольностей «аттической соли», о которых мы можем судить по сохранившимся письмам Щедрина к А. Л. Боровиковскому. Могли конечно интересоваться своими письмами и некоторые другие близкие знакомые и друзья семьи Салтыковых вроде например В. И. Лихачева, бывшего опекуном детей. Наконец нельзя было бы вполне рассчитывать на желание семьи сохранить целиком письма к Щедрину писателей и читателей. Так с самого момента смерти значительная часть приветственных адресов и телеграмм осталась в распоряжении редакции «Вестника Европы», сохраняясь затем в архивах Стасюлевича и Пыпина. Неопределенная часть писем и адресов продолжала храниться в семье—у жены и дочери.

Дочь Щедрина Елизавета Михайловна Салтыкова вскоре после Февральской революции выехала за границу вместе с мужем и сыном и уже более не возвращалась. Квартира ее оставалась сначала под надзором прислуги, а затем была просто брошена на произвол судьбы. Зная характер К. М. Салтыкова, нельзя было ожидать, что он позаботится об охране архива отца. Еще мальчиком, сразу после смерти Щедрина, завещавшего сыну «паче всего любить русскую литературу», Константин Михайлович проявил свой интерес к русской литературе тем, что выбрал книги с автографами писателей и продал их букинисту (из записных книжек Л. Ф. Пантелеева). В результате квартира оказалась в распоряжении случайно поселившихся в ней людей, и архив постигла обычная судьба: часть его пошла на растопку, часть была выброшена в один из нежилых углов большой квартиры и там была полузасыпана обрушившейся с потолка штукатуркой и подмочена водою, протекавшей сверху. При быстрой смене случайных жильцов среди них оказались наконец и более культурные: провинциальные студенты-техники. Они заинтересовались материалами, часть их собрали и даже подклеили некоторые рукописи (хотя и с ошибками). Но когда пишущий эти строки в начале 1920 г. занялся вопросом о салтыковском архиве и между прочим обследовал и квартиру Е. М. Салтыковой, то в ней обнаружил в описанном выше углу под штукатуркой и рукописи, и письма, и другие материалы. Остальное, собранное студентами, было тут же передано ими. У других комнатных жильцов квартиры и в других квартирах того же дома оказались в пользовании портреты и некоторые предметы обстановки Щедрина. Правда, известный большой портрет работы Ге оказался исчезнувшим (так же, как из квартиры Унковских исчез большой портрет А. М. Унковского работы Ярошенко), а архивом его отапливались чуть не целый год

КАБИНЕТ Е. М. ПАССАНО (ДОЧЕРИ САЛТЫКОВА), ОБСТАВЛЕННЫЙ МЕБЕЛЬЮ И ВЕЩАМИ, ПРИНАДЛЕЖАВШИМИ ПОКОЙНОМУ САТИРИКУ.
Фотография 1914 г.
Областное архивное управление, Ленинград

случайные жильцы квартиры. Но все же ряд фотографических портретов Щедрина и членов его семьи, бюст Щедрина, кресло и некоторые другие вещи были частью безвозмездно переданы их временными обладателями Пушкинскому дому, частью приобретены у них. Что касается рукописей и других уцелевших материалов архива Салтыкова, то по договоренности со старшим ученым хранителем Б. Л. Модзалевским все они были переданы мною в Пушкинский дом. При этом мною было составлено специальное описание всего этого фонда архивных материалов на карточках, по установленному в Пушкинском доме образцу. Оно включено в печатаемую ниже опись щедринских материалов, хранящихся в архиве ИРЛИ.

Н. Яковлев

II. РУКОПИСИ ЩЕДРИНА, БЫВШИЕ У А. М. УНКОВСКОГО

Я лично встречался с М. Е. Салтыковым с самого раннего моего детства, так как отец мой А. М. Унковский, знавший Салтыкова мельком еще с Александровского лицея, где оба они учились (хотя Салтыков был старше моего отца тремя классами), — особенно тесно и почти неразлучно сблизился с М. Е. с 1868 г., когда Салтыков окончательно поселился в С.-Петербурге. Приобретать сколько-нибудь сознательные впечатления от личности М. Е. я, хотя и видел его очень часто, мог разумеется не раньше, как приблизительно с 14—15-летнего возраста. Длилось же мое личное знакомство с М. Е. Салтыковым до достижения мною 21 года, так как я родился 20 декабря 1867 года, а М. Е. умер 28 апреля 1889 г.

М. Е. проводил время в нашем доме большею частью в целях отдыха, при чем более частым способом приобретения этого отдыха была карточная игра, которую Салтыков очень любил, хотя и волновался во время нее и ругался неимоверно. Но более

или менее регулярные личные посещения им нашего дома оборвались приблизительно с 1876 г., с которого состояние его здоровья сильно пошатнулось и удерживало его за редчайшими исключениями дома. С этого времени я встречал М. Е. в тех случаях, когда мы с сестрами посещали детей Салтыкова или исполняли какие-нибудь поручения отца моего или мачехи, А. М. Унковской, приводивших нас в дом Салтыковых. Но если мы бывали в доме Салтыковых, то бывали большею частью подолгу. По достижении мною юношеского возраста я приходил в соприкосновение с М. Е. часто и часто бывал свидетелем бесед его с моим отцом и другими лицами.

Особенно памятны для меня три дня, проведенные Михаилом Евграфовичем непрерывно в нашем доме в 1885 г. в июне, когда М. Е., отправив семью за границу в Эльстер (Саксонский курорт близ границы Чехии), до поездки туда же заехал в б. усадьбу моего покойного отца — сельцо Дмитрюково, расположенное на границе Тверского и Старицкого уездов поблизости от почтового тракта между Тверью и Старицей. В последние 4 года жизни М. Е. мне приходилось видеть его чаще и длительнее в связи с частыми поручениями отца, вызывавшимися обострившейся болезнью Салтыкова и невозможностью для отца во многих случаях по условиям его лихорадочной адвокатской деятельности лично посещать М. Е., когда он бывал нужен больному.

Лет тридцать назад в моем распоряжении было около тридцати писем М. Е. Салтыкова к моему отцу Алексею Михайловичу Унковскому. Письма, в значительной своей части написанные из-за границы, были посвящены главным образом вопросам имущественным, но вместе с тем они содержали в немалом количестве и мысли Салтыкова по разным вопросам современной ему литературы и общественности. Эти письма брал у меня покойный журналист Владимир Богданович Кранихфельд. Вскоре по возвращении им писем обратно их взяла у меня моя мачеха Анастасия Михайловна Унковская и обратно мне их не вернула. Как потом выяснилось, она уступила просьбе вдовы М. Е. Салтыкова Елизаветы Аполлоновны отдать ей все эти письма [1]. До перехода ко мне писем в составе их, как я знал от отца, находилась собственноручная рукопись Салтыкова в трех отрывках или вернее как бы выпусках под заглавием «Переписка императора Николая Павловича с французским писателем Поль де Коком». Эта «переписка» пересылалась Салтыковым из-за границы моему отцу и еще в отдельных экземплярах каким-то двум лицам, но кому — не помню [2]. Это шутливое произведение содержало в себе как бы ряд запросов императора к французскому писателю по вопросам об оценке замышляемых будто бы императором в России нововведений, при чем каждое письмо, (насколько я помню со слов отца, начиналось обращением: «Господин французский писатель Поль де Кок» и содержало в себе большое число не допускаемых для произнесения «истинно русских» выражений. По содержанию же переписка эта, по словам отца, представляла собою высокий образец проявления остроумия и знания русской жизни и языка.

Эту переписку выпросил у отца для прочтения ныне также умерший товарищ М. Е. и отца моего по лицею Геннадий Васильевич Лермантов, передавший ее, якобы без разрешения моего отца, б. мировому судье в С.-Петербурге, а под конец жизни — сенатору (впоследствии уволенному за политические убеждения) Игнатию Платоновичу Закревскому, от которого эта рукопись М. Е. так и не возвратилась к моему отцу. Весьма вероятно, что рукопись могла попасть еще и к известному талантливому составителю сатирических стихотворений, не печатавшихся, но ходивших в большом числе в списках по рукам,—Федору Лаврентьевичу Барыкову, близкому другу Лермантова. Говорили, что список их имелся у археолога и основателя тверского исторического музея Августа Казимировачи Жизневского. Но в архив музея он попасть конечно не мог в виду крайней осторожности Жизневского и если сохранился, то разве лишь у него двух сестер-девиц, выехавших, как я узнал, после его смерти за границу (я имел точную справку из Твери, но сейчас не могу ее восстановить). Есть надежда найти рукопись «Переписки императора Николая Павловича» в семье покойного поэта Александра Львовича Боровиковского, сын которого и сейчас живет в Ленинграде и которому М. Е. мог послать экземпляр рукописи и самостоятельно в виду дружеских между ними отношений.

Весьма возможно, что экземпляр подлинной рукописи лежит у кого-нибудь из близких Закревскому лиц брошенным среди других бумаг, и обладатели его не имеют ни малейшего представления о его ценности. Как я сказал, рукопись «Переписки императора Николая Павловича с Поль де Коком» (я хорошо помню это со слов отца моего) существовала еще в двух экземплярах, переданных Салтыковым еще кому-то из близких к нему лиц. Думаю, что это могли быть также или лечивший его знаменитый врач Сергей Петрович Боткин, которого нельзя не причислить к друзьям

Е. А. САЛТЫКОВА — ЖЕНА САТИРИКА
Портрет 1870-х гг.
Областное архивное управление, Ленинград

М. Е., или издатель Леонид Федорович Пантелеев, или б. с.-петербургский голова Владимир Иванович Лихачев, или наконец писатель на исторические темы Николай Антонович Ратынский.

Если рукопись попала к Лихачеву или Ратынскому, давно умершим, то она могла перейти потом к Александру Владимировичу Лихачеву или к единственной дочери Ратынского, бывшей замужем за служившим в б. Царском Селе в кирасирах Меншиным, уехавшим по отставке (около 1900 г.) в Орловскую или Тульскую губ.

Для сведения лиц, интересующихся изучением личности М. Е. Салтыкова, считаю долгом сообщить, что едва ли могло не остаться письменно изложенных воспоминаний о Салтыкове как редакторе журналов после проведшей с ним всю деловую жизнь Натальи Филипповны Головачевой, бессменно ведшей корректуру «Отечественных Записок», сталкивавшейся с ним в редакциях ежедневно и знавшей все черты М. Е. как редактора лучше, чем кто бы то ни было другой.

Трудно сказать, к кому могли перейти бумаги, могшие остаться после Наталии Филипповны, так как после Н. Ф. потомства не осталось и жившая с ней много лет безотлучно родственница ее Е. Н. Патрикеева и единственный сын последней Павел Николаевич Николаев также скончались. Впрочем, не имея возможности пристально следить за литературой о М. Е. Салтыкове, я не могу поручиться за то, что какие-либо воспоминания Наталии Филипповны Головачевой о М. Е. Салтыкове не были уже где-нибудь напечатаны [3].

М. Унковский

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дальнейшая судьба этих писем неизвестна. Повидимому в той части архива Елизаветы Аполлоновны Салтыковой, которая перешла к ее дочери Елизавете Михайловне (см. об этом в предыдущем сообщении Яковлева), их не оказалось. Во всяком случае в изданных до сих пор двух томах писем Салтыкова фигурирует только три его письма к А. М. Унковскому, при чем одно из них относится к раннему периоду и два датированы 1876 г.

[2] «Переписка Николая I с Поль де Коком» создавалась Щедриным и посылалась в письмах к ряду друзей — И. С. Тургеневу, А. М. Унковскому, А. Н. Еракову, А. М. Цеховскому и быть может еще к ряду лиц. Дошедшие до нас отрывки этой «Переписки» опубликованы в первой книге «Литературного Наследства», М., 1931, стр. 191—194.

[3] Воспоминаний Н. Ф. Головачевой о М. Е. Салтыкове в специальной щедринской литературе не зарегистрировано.

VI. БИБЛИОГРАФИЯ И СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ЩЕДРИНСКИЕ АРХИВНЫЕ ФОНДЫ В СССР

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА И БИОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ О НЕМ, ХРАНЯЩИХСЯ В АРХИВАХ И СОБРАНИЯХ СССР

Детальное изучение любого писателя прошлого, критическое освоение оставленного им литературного наследства немыслимо без предварительной работы по выявлению самого наследства. По отношению к Салтыкову-Щедрину такая работа до последнего времени если и велась, то далеко не в широком объеме, а лишь усилиями отдельных исследователей, стремившихся обеспечить архивными материалами те или иные частные проблемы, ими разрабатываемые (напр. выявление эпистолярного наследия, предпринятое после революции Н. В. Яковлевым для издания писем Салтыкова). Широкому кругу историко-литературных работников, не связанных непосредственно с тем или иным архивом или музеем, материалы сохранившегося рукописного наследия Щедрина были в полной мере неизвестны. Никакого описания их в печати не существовало. Нижепубликуемая работа является таким образом первым опытом указателя рукописей Салтыкова-Щедрина и различных рукописных же материалов о нем, хранящихся в наших архивных учреждениях. Возникновением своим указатель обязан широко развернувшейся работе, связанной с подготовкой полного собрания сочинений Щедрина и настоящего сборника «Литературного Наследства». Публикуемое описание преследовало первоначально чисто служебную задачу — выявить для указанных изданий максимально полно все архивные материалы «по Щедрину». Для печати таким образом это описание не предназначалось. В частности, описание салтыковского собрания Института Русской Литературы (ИРЛИ) воспроизводит временный рабочий вариант описания, составленный в архиве ИРЛИ для его повседневной, практической работы. Описание составлялось по мере поступления и выявления материалов, чем и об'ясняется его несистематический характер; в настоящее время, на основе его, вырабатывается систематизированное научное описание. Тем не менее, мы сочли возможным, по договоренности с архивом ИРЛИ, воспроизвести наличный вариант, считая, что и он может дать читателю необходимую предварительную ориентацию в данном собрании. Еще более чем описание собрания ИРЛИ, нуждаются в дальнейшей доработке все остальные описания, особенно областных архивов. Следует также указать, что в целях экономии места детали описания в печати опущены. Тем не менее мы полагаем, что и в этом не вполне доработанном и сокращенном виде указатель окажется не бесполезным для всех изучающих Щедрина и его эпоху.

Весь материал указателя естественно разбит по тем архивным учреждениям, которые были обследованы.

На первом месте по богатству материала стоит, как известно, Рукописное отделение Института Русской Литературы (ИРЛИ) в Ленинграде. Здесь сосредоточена в настоящее время наиболее значительная — по количеству и по качеству — часть рукописного наследия Щедрина. Щедринский фонд ИРЛИ дал возможность сосредоточить в Ленинграде основную текстологическую работу по первому действительно полному собранию сочинений сатирика. По материлам этого же фонда публикуется в настоящем сборнике «Литературного Наследства» большое количество неизданных страниц щедринского текста.

В состав фонда входят рукописи и корректурные гранки сочинений Щедрина, письма его к разным лицам, а также материалы, связанные со Щедриным: письма разных лиц к нему, воспоминания о нем и разного рода биографические документы.

Основной составной частью объединенного щедринского фонда являются щедринские материалы из архива М. М. Стасюлевича. Вдова писателя Елизавета Аполлоновна Салтыкова передала ему рукописи мужа, к этому присоединились рукописи, поступившие в редакцию «Вестника Европы» в последние годы жизни Салтыкова, а также свыше сотни писем Салтыкова к Стасюлевичу. Лишь небольшая часть этого материала была опубликована самим Стасюлевичем («Брусин», «Забытые слова») и его преемниками («Тихое пристанище», письма). В начале XX в. внимательно изучал салтыковские материалы Стасюлевича В. П. Кранихфельд; кое что из неизданного было им напечатано в журналах и газетах. В 1914 г. по инициативе М. К. Лемке напечатана в «Заветах» неизданная пьеса Салтыкова «Тени». После революции в год салтыковского юбилея (1926 г.) и в следующие за ним годы часть материалов была опубликована Н. В. Яковлевым («Глупов и глуповцы» и нек. др., см. об этом подробно в обзоре С. Макашина «Судьба литературного наследства М. Е. Салтыкова-Щедрина» в III книге «Лит. Наследства», стр. 298—308). Из остающегося пока в рукописи заслуживают внимания служебные записки Салтыкова, связанные с крымской войной («Пленные», «Подвижные провиантские магазины») и рукописные тексты, связанные с раскольничьим материалом «Губернских очерков», повесть «Мастерица» — ранняя редакция повести «Тихое пристанище» — и большая рецензия на книгу инока Парфения.

Для исследователей щедринского творчества материал стасюлевичевского архива незаменим, так как обнимает материал литературной деятельности писателя от 40-х годов (отрывки «Запутанного дела», «Брусин») до предсмертного наброска «Забытые слова». Не все щедринские циклы представлены равномерно; так например очень немного сохранилось из «Губернских очерков» и из «Истории одного города». Зато ряд произведений может быть изучен по рукописям полностью, иногда — в нескольких редакциях («Брусин», «Яшенька», «Царство смерти», неоконченные «Тени» и «Тихое пристанище»). Полностью сохранилась рукопись «Пошехонской старины» и с некоторыми пробелами «Современная идиллия», «Письма к тётеньке» и «Мелочи жизни».

Следующей по значению составной частью щедринского фонда является архив дочери писателя Е. М. Салтыковой (бар. Дистерло — марк. де Пассано). Из рукописей Щедрина здесь находятся «Господа Головлевы» (беловой автограф) и ряд отрывков из различных щедринских циклов («История одного города», «Помпадуры и помпадурши», «Дневник провинциала», «В среде умеренности и аккуратности» и др.). Часть этого материала была использована в печати Н. В. Яковлевым, через которого архив Е. М. Салтыковой и поступил в ИРЛИ.

Из эпистолярной части архива наибольшую ценность представляют письма к Салтыкову (есть письма И. А. Гончарова, А. М. Жемчужникова, Н. Н. Златовратского, А. О. Новодворского, Э. Ожешко, В. М. Соболевского, С. А. Юрьева, И. И. Ясинского и др.; часть писем опубликована ранее, часть публикуется в настоящем сборнике). Интересен материал разнообразных откликов на смерть Салтыкова.

Много дают для изучения Салтыкова материалы архива А. Н. Пыпина. Здесь сохранилась часть гранок салтыковских статей и очерков периода «Современника» (1863—1865). На гранках нет следов авторской правки, но текст их нередко отличается от печатного. Именно в пыпинском архиве обнаружены неизвестные раньше даже по имени полемические и публицистические статьи Салтыкова «Журнальный ад», «Современные призраки» и др. (см. в первом полутоме настоящего сборника).

Тесно связанный с пыпинским архивом архив Е. А. Ляцкого дал щедринскому фонду несколько номеров автографических рукописей и правленных автором копий (из «Пестрых писем», «Пошехонской старины» и др.).

Отдельные рукописи и корректуры оказались также в архивах М. А. Антоновича, А. Ф. Кони, И. А. Шляпкина, «Русского Богатства» и «Русской Старины»; в собраниях П. Я. Дашкова, Пушкинского Лицея и Некрасовского Музея.

Письма Салтыкова сохранились в самых разнообразных архивах; большая часть их вошла в печатные собрания салтыковских писем (изд. Пушкинского дома 1925 г. и изд. „Academia“ 1932 г.).

Особо следует отметить собрание архивных дел о Салтыкове за вятский период, а также и документы из родового архива Салтыковых (начиная с XVII в.).

Все остальные архивы и музеи, как центральные, так и тем более областные, не имеют, естественно, в своем составе выделенных щедринских фондов. Рукописи Салтыкова и материалы о нем поступали сюда в отличие от собрания ИРЛИ случайно; они сохранились в самых разнообразных архивных связках. Это обстоятельство, сильно затрудняя выявление материалов, делало его вместе с тем особенно необходимым. В результате проделанной работы удалось выявить ряд ценных документов, не бывших до сих пор известными или считавшихся потерянными. Укажем здесь например на обширные связки в большинстве своем неизданных писем Салтыкова к Н. А. Белоголовому и Г. З. Елисееву, а также на ответные письма последнего, хранящиеся в Рукописном отделении Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве. Здесь же были обнаружены автограф рецензии Салтыкова 1864 г. «О русской правде и польской кривде» и отрывок правленной Салтыковым копии очерка «Завещание моим детям» и др.

Биографическую ценность представляют материалы, характеризующие отношения к Щедрину знаменитого III Отделения, хранящиеся в Государственном архиве революции и внешней политики в Москве. Эти документы до сих пор были лишь частично известны в печати. Полностью они будут напечатаны в подготовляемой С. Макашиным книге «Щедрин по материалам III Отделения». В этом же архиве была обнаружена интересная и несомненно самая полная из ранее известных коллекций подпольных изданий произведений Щедрина, запрещенных в свое время царской цензурой. Особую ценность этой коллекции придают «способы» ее собрания III Отделением: книги отбирались у революционеров при обысках, арестах, разгромах подпольных типографий и т. д. Это дает возможность проследить, какими путями проникали в революционное подполье запрещенные тексты Щедрина и кто именно распространял их здесь.

Ряд ленинградских и московских архивов и музеев дал довольно значительное количество новых эпистолярных и цензурных документов. Таковы например печатающиеся в данном сборнике письма Салтыкова к Е. И. Якушкину из архива Всесоюзного общества ссыльно-поселенцев и политкаторжан, материалы, вошедшие в публикацию «Цензурные материалы о Щедрине» из архива ЛОЦИА, и др.

Ряд интересных и важных материалов поступил за последнее время в недавно организованный В. Д. Бонч-Бруевичем Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики в Москве. Здесь уже образовался небольшой «щедринский фонд». Наиболее интересной составной частью его являются остатки архива Е. М. Салтыковой, известного нам теперь таким образом не только по документам, хранящимся в ИРЛИ. В этом архиве, поступившем в музей через А. Е. Розинера, имеются например корректурные гранки ряда хроник «Нашей общественной жизни» с авторской правкой и цензорскими купюрами, имеются далее первоначальные корректуры журнального текста первых пяти глав «Истории одного города», ряда «сказок» и др. В архиве В. М. Лазаревского, поступившем в музей через В. А. Флерова, обнаружен автограф сказки «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил», а также ряд писем. Все эти материалы в настоящее время подготовлены к печати и будут изданы в ближайшем выпуске «Летописей» музея.

Особенные трудности встретились на пути выявления материалов, хранящихся в областных и районных архивохранилищах. Географическая отдаленность этих учреждений от центра и, главное, совершенно неудовлетворительная в большинстве случаев постановка архивной работы в них не позволили составить описание хранящихся здесь материалов сколько-нибудь полно и удовлетворительно. Достаточно сказать например, что большинство документов не имеет здесь ни номера, ни места постоянного хранения. При таких условиях нет никаких гарантий, что исследователь, идя по следам нашей описи, сразу же найдет нужный ему документ. Следует добавить, что эти и иные неудовлетво-

рительные условия хранения многих рукописей Салтыкова ведут к тому, что в ближайшем будущем можно вообще ожидать их полной гибели (так обстоит например дело с некоторыми рукописями, хранящимися в Рязанском архивном бюро). Очевидно, что заинтересованные учреждения — и в первую очередь Московское областное архивное управление — должны сейчас же принять необходимые меры к спасению этих материалов.

За немногими исключениями (Воронеж, Владимир, Саратов, Казань) обследованию подверглись архивы тех городов, где в 60-е годы прошлого века протекала служебная деятельность Салтыкова — т. е. архивы Твери, Рязани, Пензы, Тулы. Обнаруженные здесь документы целиком относятся к различного рода служебным бумагам Салтыкова. Ценность их не одинакова. Если документы периода службы Салтыкова в казенных палатах Пензы и Тулы не могут в большинстве случаев иметь никакого иного значения кроме узко биографического, то наоборот, бесспорный исследовательский интерес представляют деловые бумаги периода вице-губернаторства Салтыкова в Рязани и Твери в 1858—1861 гг. Резкая борьба Салтыкова с крепостнической оппозицией, с произволом «диких помещиков» в эпоху непосредственной подготовки «реформ» и их дальнейшего разворота заслуживает быть изученной не только по его художественным и публицистическим сочинениям, но и в плане непосредственных столкновений Салтыкова с социально-политической действительностью в процессе его служебной практики. Обнаруженные материалы дают исключительно богатый и красочный материал для такого изучения. Достаточно указать, что большинство тверских и рязанских дел, веденных при ближайшем участии Салтыкова, непосредственно связано с историей крестьянских волнений конца 50-х, начала 60-х годов. Особенный интерес представляет обширное «дело» о волнении крестьян в Бежецком уезде Тверской губернии (так называемое Зиновьевское дело), о котором упоминает М. Н. Покровский в статье «Чернышевский и крестьянское движение конца 50-х гг.» («Историк-марксист», т. X). «Дело» это велось при самом непосредственном и активном участии Салтыкова.

Следует отметить, что служебные бумаги Салтыкова периода 1858—1861 гг. дают не только важный материал для его политической биографии этого периода, но и являются в ряде случаев незаменимым для исследователя реальным комментарием ко многим страницам щедринской сатиры. Таково например дело 1859 г. «О жестоком обращении рязанской помещицы Кислинской со своими слугами», в котором содержится драматическая быль о покушении на самоубийство двух дворовых мальчиков названной Кислинской — Ивана 14 лет и Гаврилы 11 лет. Не выдержав зверских истязаний помещицы, они решили зарезаться столовым ножом в саду и привели свое намерение в исполнение. Младший погиб, старшего удалось спасти. Дело это, хорошо известное Салтыкову (оно было возбуждено против Кислинской по его инициативе), почти во всех своих деталях перешло в его известный рассказ «Миша и Ваня». Приведенный пример наиболее показателен, но не единичен. Изучение служебных бумаг Салтыкова таким образом представляет в ряде случаев значительный интерес не только для биографа, но и для историка литературы.

В заключение следует указать, что в данное описание не введены многие материалы, хранящиеся в государственных и частных собраниях как СССР так и заграницы, относительно которых составители не имели точных данных, необходимых для описания. Точно так же не включены обширные материалы салтыковского семейного архива, лишь недавно обнаруженного. Содержание и характеристику этого ценного в биографическом отношении фонда см. выше в обзоре Е. М. Макаровой.

Описание рукописей, хранящихся в ИРЛИ — результат коллективной работы. Оно отредактировано заведующим салтыковским собранием ИРЛИ Вас. Гиппиусом. Выявление и описание всех остальных материалов, хранящихся в московских и областных архивах, сделано при непосредственном участии ряда сотрудников этих учреждений С. Макашиным. Последнему значительную помощь в его работе оказали также И. Л. Андроников и Н. Д. Эфрос.

Редакция.

ЛЕНИНГРАДСКИЕ АРХИВЫ

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брусин. черн. рук. и 2 бел. рук. Авт. 27+82+20 лл. Арх. Стасюлевича М. М.
2. В больнице для умалишенных [1873]. Черн. рук. Авт. 12 лл. Арх. Стас.
3. В среде умеренности и аккуратности. На досуге. Тряпичкины-очевидцы. Авт. 2+3 лл. Арх. Стас.
4. Глава. Черн. рук. Авт. 14 лл. Арх. Стас.
5. Глупов и глуповцы. Общее обозрение [1862]. Черн. рук. Авт. 4 лл. Арх. Стас.
6. Глуповское распутство [1862]. Черн. рук. Авт. 13 + 2 лл. Арх. Стас.
7. Господа Головлевы. 1) Расчет. 2) У пристани. Черн. рук. Авт. 6 + 6 лл. Арх. Стас.
8. Господа ташкентцы. Из воспоминаний одного просветителя. Нумер второй. Нумер третий. Черн. рук. Авт. 13 лл. Арх. Стас.
9. Губернские очерки. 1. Прошлые времена. Бел. рук. Авт. 14 лл. Арх. Стас.
10. Для детей. VI. Дети-литераторы («Испорченные дети») [1869]. Черн. рук. Авт. 6 лл. Арх. Стас.
11. Дополнительные письма к тетеньке. I. Послание пошехонцам [1883]. Черн. рук. Авт. 2 + 2 лл. Арх. Стас.
12. За рубежем. Гл. VI. Черн. рук. Авт. 4 лл. Арх. Стас.
13. Запутанное дело. Черн. рук. Авт. 4 лл. Арх. Стас.
14. Из книги об умирающих. I. Госпожа Падейкова. Черн. рук. Авт. 6 + 14 + 1 лл. Арх. Стас.
15. История одного города. Черн. рук. (отрывки). Авт. 6 лл. Арх. Стас.
16. Итоги. V. Черн. рук. Авт. 14 лл. Арх. Стас.
17. Июльские размышления. (Из Недоконченных бесед»). Черн. рук. Авт. 4 лл. 4 позд. копии. Арх. Стас.
18. К читателю. Черн. рук. Авт. 12 + 4 лл. Арх. Стас.
19. Каплуны [1862]. Черн. рук. Авт. 5 лл. Арх. Стас.
20. Как кому угодно. I. Слово к читателю. II. Семейное счастье [1863]. Авт. 12 лл. Арх. Стас.
21. Клевета. Черн. рук. Авт. 6 лл. Арх. Стас.
22. Книга о праздношатающихся. (Культурные люди). Черн. рук. Авт. 8 лл. Арх. Стас.
23. Круглый год. Черн. рук. Авт. 10 лл. Арх. Стас.
24. Литераторы-обыватели. Черн. рук. Авт. 14 лл. Арх. Стас.
25. Мастерица. Повесть (первонач. редакция повести «Тихое пристанище»). Черн. рук. Авт. 4 + 8 лл. Арх. Стас.
26. Между делом («Недоконченные беседы»). Гл. II. Черн. рук. Авт. 2 лл. Арх. Стас.
27. Между делом (продолжение). Черн. рук. Авт. 3 лл. Арх. Стас.
28. Между делом («Пасхальные праздники»... и т. д.). Черн. рук. Авт. 2 лл. Арх. Стас.
29. Мелочи жизни. Черн. рук. (начиная с гл. II). Авт. 67 лл. Арх. Стас.
30. Мельхиседек (вариант «Старца» из «Губ. очерков»). Черн. рук. Авт. 2 лл. Арх. Стас.
31. Митрофаны. II. (из цикла «Господа ташкентцы»). Черн. рук. (начало — 3 строки). Авт. 1 л. Арх. Стас.
32. Наш губернский день (включая гл. 3 «Перед вечером», напеч. под заглавием «После обеда в гостях»). Черн. рук. Авт. 14 лл.
33. Наш дружеский хлам (две редакции; первая — под загл. «Один из многих»). Черн. рук. Авт. 24 лл. Арх. Стас.
34. Наша общественная жизнь (не напечатанная статья). Черн. рук. Авт. 6 лл.
35. Наши глуповские дела (включая комедию «Погоня за счастьем»). Черн. рук. Авт. 39 лл. Арх. Стас.
36. Новый Нарцисс или пагубная страсть к самовосхвалению. Черн. рук. Авт. 6 лл. Арх. Стас.
37. Заметка о взаимных отношениях помещиков и крестьян [1857]. Черн. рук. Авт. 8 лл. Арх. Стас.
38. Отходящие (из «Книги об умирающих»). 1) Гегемониев. Черн. рук. правл. писарская копия и оттиск из «Моск. Вестника» 1859 г., № 15. 2) Смерть Живновского. Черн. рук., автограф. 3) Из неизданной переписки (несколько начальных строк — копия). 4) Генерал Зубатов. Правленая копия. Всего 19 лл. Арх. Стас.
39. Пестрые письма (первоначально «Пе-

стрые люди», «Письмо к пошехонцам»). Черн. рук. Авт. 9 лл. Арх. Стас.

40. Письмо в редакцию [«Вестника Европы»]. Белов. рук. Авт. 2 лл. Арх. Стас.

41. Письма к тетеньке. II—IX. Черн. рук. Авт. 47 лл. Арх. Стас.

42. Пленные [1856—1857]. Черн. рук. 8 лл. и позднейшая копия на 21 лл. Арх. Стас.

43. Подвижные провиантские магазины и перевозочные парки [1856—1857]. Черн. рук. Авт. 9 лл. Арх. Стас.

44. Помпадуры и помпадурши. 1) «Она еще едва умеет лепетать». 2) «Старый кот на покое». Черн. рук. Авт. 9 + 6 лл. Арх. Стас.

45. Похороны. Черн. рук. Авт. 4 лл. Арх. Стас.

46. Пошехонская старина. Черн. рук. Авт. 137 лл. и правл. копия — 4 лл. Арх. Стас.

47. Программа очерка из серии «Помпадуры и помпадурши». Черн. рук. Авт. 1 л. Арх. Стас.

48. Предчувствия, гадания, помыслы и заботы современного человека. Черн. рук. Авт. 4 лл. Арх. Стас.

49. Приличествующее объяснение Черн. рук. Авт. 2 лл. Арх. Стас.

50. Приятное семейство (К вопросу о «Благонамеренных речах»). Черн. рук. Авт. 1 л. Арх. Стас.

51. Развеселое житье. Черн. рук. Авт. 26 + 14 лл. Арх. Стас.

52. Святочный рассказ. Черн. рук. Авт. 11 лл. Арх. Стас.

53. Сказание о странствии и путешествии по России, Турции и святой земле... инока Парфения [1857]. Черн. рук. Авт. 22 лл. Арх. Стас.

54. Сказка (Для детского возраста). Черн. рук. Авт. 6 лл. Арх. Стас.

55. Сказки: Премудрый пискарь. Самоотверженный заяц. Бедный волк. — авт. 3 лл. Деревенский пожар — авт. 1 л. Путем-дорогою — авт. 1 л. Гиена — коп. 2 лл. Христова ночь — авт. 1 л. Рождественская сказка — авт. 2 лл. Пропала совесть — коп. 6 лл. Дикий помещик — коп. 6 лл. Вяленая вобла — правл. коп. 7 лл. — 29 лл. Арх. Стас.

56. Скрежет зубовный. Черн. рук. Авт. 22 лл. Арх. Стас.

57. Современная идиллия. Черн. рук. Авт. 36 лл. Арх. Стас.

58. Современные разговоры. 1. Оставшиеся за штатом. («Недовольные» — из «Сатир в прозе»). Черн. рук. Авт. 2 лл. Арх. Стас.

59. Соглашение. Черн. рук. Авт. 2+4 лл. и копия — 1 л. Арх. Стас.

60. Сон в летнюю ночь. Черн. рук. Авт. 2 лл. Арх. Стас.

61. «Но если уж пошла речь...» Черн. рук. Авт. 2 лл. Арх. Стас.

62. «Царство смерти». Черн. рук. Авт. 36 лл. Арх. Стас.

63. Ташкентцы приготовительного класса. (Параллель пятая и последняя). Черн. рук. Авт. 2+2 лл. Арх. Стас.

64. Тени. Драматическая сатира. Черн. (действия 1—3) и бел. (действие 4) рук. Авт. 21 + 8 лл. Арх. Стас.

65. Тихое пристанище. Повесть. Черн. рук. Авт. 10 лл. и копия с авторск. правкой 46 лл. Арх. Стас.

66. Убежище Монрепо. Черн. рук. Авт. 18 лл. Арх. Стас.

67. Смерть Пазухина. (Перв. редакц. 1-го действия с выработ. на том же тексте драм. очерка «Утро Хрептюгина»). Черн. рук. Писарская копия с авт. правкой. Авт. 6 + 34 лл. Арх. Стас.

68. Характеры (Подражение Лябрюйэру). Авт. 2 лл. и позднейшая копия — 4 лл. Арх. Стас.

69. Хорошие люди. [Вариант очерка «Наши глуповские дела» и частично — очерков «Литераторы-обыватели» и «К читателю»]. Черн. рук. Авт. 12 + 4 + 6 лл. Арх. Стас.

70. Господин Хрептюгин и его семейство. Черн. рук. Авт. 6 лл. Арх. Стас.

71. Эпилог (к статье И. П. Полоцкого?) Черн. рук. Авт. 1 л. Арх. Стас.

72. Яшенька. Повесть. Черн. рук. Авт. 4+2+18 лл. и правл. коп. 10 лл. Арх. Стас.

73. Выписки, конспекты и пр. (40-е годы). Авт. 6 лл. Арх. Стас.

74. Пошехонье откликнулось — отрывок (Из Пошехонских рассказов). Черн. рук. Авт. 1 л. Арх. Стас.

75. «Так это ваше решительное намерение» (диалог). Черн. рук. Авт. 6 лл. Арх. Стас.

76. [Записи пословиц и поговорок и пр. Авт. 1 л. Арх. Стас.

77. «Говоря по правде, положение русского литератора...» Черн. рук. Авт. 2 лл. Арх. Стас.

78. Круглый год. Первое мая. Черн. рук. Авт. 2 лл.

79. Пестрые письма. Письмо 5-е (конец). Авт. 2 лл. 3416. XVII. Б. 43. Арх. Е. А. Ляцкого.

80. Пестрые письма (Копия рукою Е. А. Салтыковой с авторскими правками). 12 лл. Арх. Ляцкого.

81. Пошехонская старина, гл. I—III. (Копия рукою Е. А. Салтыковой с авторскими правками). 29 лл. Арх. Ляцкого.

82. Завещание моим детям («Признаки времени»). (Рукою Е. А. Салтыковой с авторскими правками). 4 лл. Арх. Ляцкого.

83. Черновые статьи М. Е. Салтыкова о Вятской выставке 1850 г. с пометками губернатора. Авт. 42 лл. 609 V. б.

84. Дело канцелярии Вятского гражданского губернатора по предписанию генерал-адъютанта графа Орлова о назначении на жительство в Вятку титулярного советника Салтыкова. Нач. 7 мая 1848 г. конч. 29 ноября 1855 г. 46 лл. 610 V. б.

85. Дело Вятского губернского правления по предложению г. начальника губернии об определении состоящего в штате сего правления канцелярского чиновника Салтыкова при его превосходительстве старшим чиновником особых поручений. Нач. 13 дек. 1848 г. Конч. 31 дек. 1848 г. 6 лл. 611—V—б.

86. Дело Вятского губернского правления по предложению г. начальника губернии об определении титулярного советника Салтыкова на службу. Нач. 12 мая 1848 г. Конч. 30 июня 1848 г. 10 лл. 612—V—б.

87. Дело канцелярии Вятского гражданского губернатора по предписанию г. министра внутренних дел об устройстве смирительных домов и рабочих домов в губернии. Нач. 25 окт. 1849 г. Конч. 16 июня 1850 г. 128 лл. 613. V—б.

88. Дело канцелярии Вятского гражданского губернатора по прошению советника Вятского губернского правления статского советника Кобылина об увольнении его от этой должности и по предписанию министра внутренних дел об определении на его место старшего чиновника особых поручений Салтыкова. Нач. 5 июня 1850 г. Конч. 29 сент. 1850 г. 16 лл. 614 VI—б.

89. Дело Вятского губернского правления по высочайшему приказу об увольнении от службы советника губернского правления статского советника Кобылина и определении вместо него советником старшего чиновника особых поручений г. Салтыкова. Нач. 28 авг. 1850 г. Конч. 28 ноября 1850 г. 40 лл. 615 VI б.

90. Дело Вятского губернского правления по переданному г. начальником губернии рапорту старшего чиновника особых поручений Салтыкова о замеченных им при обозрении г. Вятки беспорядках. Нач. 28 июля 1850 г. Конч. 10 июня 1854 г. 127 лл 616 VI. б.

91. Дело Вятского губернского правления по переданному г. начальником губернии отношению хозяйственного департамента министерства внутренних дел о командировании топографов Соловьева и Ляпина к работам для съемки на план земель Вятской губернии. Нач. 20 января 1851 г. Конч. 20 июня 1852 г. 630 лл. 617. VI. б.

92. Дело Вятского губернского правления по предложению г. начальника губернии о командировании старшего чиновника особых поручений Салтыкова для обозрения городов Вятской губернии в хозяйственном, финансовом и статистическом отношениях. Нач. 19 янв. 1850 г. Конч. 31 авг. 1852 г. 211 лл. 618 VI б.

93. Дело по предписанию г. начальника губернии от 30 января 1850 г. за № 1290 о выполнении и немедленном удовлетворении старшего чиновника особых поручений г. Салтыкова, командированного для обозрения городов Вятской губернии в хозяйственном, финансовом и статистическом отношениях. Нач. 1 февр. 1850 г. Конч. 24 апр. 1852 г. 35 лл. 619 VI б.

94. Дело канцелярии Вятского гражданского губернатора о награждении чиновника особых поручений Салтыкова чином коллежского асессора. Нач. 4 марта 1850 г. Конч. 5 янв. 1852 г. 16 лл. 620 VII б.

95. Дело Вятского губернского правления по предложению начальника губернии о беспорядках, замеченных чиновником Салтыковым при обозрении лесов, принадлежащих г. Вятке. Нач. 8 августа 1850 г. Конч. 14 марта 1857 г. 219 л. 621 VII б.

96. Дело 1850 г. по предложению начальника губернии от 12 марта 1850 г. за № 3378 о выставке сельских произведений, предназначенной в г. Вятке в текущем году. 87+22 лл. 622 VII б.

97. Дело Вятского губернского правления с проектом журнала о внесении в формулярный список г. советника Салтыкова поручения, возложенного на него г. министром внутренних дел описания по г. Вятке. Нач. 3 февраля 1851 г. Конч. 9 февраля 1851 г. 4 лл. 623 VII б.

98. Формулярный список о службе советника Вятского губернского правления титулярного советника Салтыкова, Черн. экз. Составлен в сентябре 1851 г. 8 лл. 642. VII б.

99. Формулярный список о службе советника Вятского губернского правления коллежского асессора Михаила Салтыкова (отпуск). Составлен в сентябре 1853 г. 8 лл. 625 VII б.

100. Формулярный список о службе советника Вятского губернского правления коллежского асессора Михаила Салтыкова за 1854 г. Копия 10 лл. 626 VII б.

101. Дело о составлении инвентарных описаний на имущества городов Вятской губернии. Нач. 26 июня 1852 г. Конч. 23 окт. 1857 г. 50 лл. 627 VII б.

102. Дело Вятского губернского правления по переданному г. начальником губернии рапорту советника губернского правления Салтыкова о беспорядках, найденных при ревизии дел Малмышского градского головы. Нач. 1 апр. 1853 г. Конч. 28 дек. 1856 г. 115 лл. 628 VII б.

103. Дело Вятского губернского правления по предложению г. начальника губернии о присылке в канцелярию его превосходительства денег на содержание в 1853 г. советника Салтыкова. Нач. 24 авг. 1853 г. Конч. 22 сент. 1855 г. 13 лл. 629 VII б.

104. Дело Вятского губернского правления по переданной при предложении г. начальника губернии записке о последствиях произведенной советником губернского правления Салтыковым ревизии Орловской градской думы. Нач. 21 дек. 1853 г. Конч. 4 мая 1857 г. 132 лл. 630 VII б.

105. Дело Вятского губернского правления по предложению г. начальника Вятской губернии о последствиях ревизии советником губернского правления Салтыковым Слободской градской думы. Нач. 21 дек. 1853 г. Конч. 31 июля 1857 г. 88 лл. 631 VII б.

106. Дело канцелярии Вятского губернатора по предписанию г. министра внутренних дел о раскольниках мещанине Галактионе Ильчугине, тетке его Акулине Михайловой, Леонтии и Герасиме Ситниковых. Нач. 24 марта 1854 г. Конч. 5 авг. 1860 г. 338 лл. 632 VIII б.

107. Дело Вятского губернского правления по копии, переданной из 2-го отделения Губернского правления с запискою о последствиях ревизии Слободской градской думы, произведенной г. советником губернского правления Салтыковым. Нач. 7 июня 1854 г. Конч. 17 марта 1855 г. 27 лл. 633 VIII б.

108. Дело Вятского губернского правления по переданной из 2-го отделения Губернского правления выписке из замечания о последствиях ревизии Орловской градской думы, произведенной советником Салтыковым, для распоряжения первого отделения. Нач. 8 июня 1854 г. Конч. 23 дек. 1854 г. 41 лл 634 VIII б.

109. Дело канцелярии Вятского губернатора по рапорту сарапульского городничего о замеченном в доме сарапульского мещанина Смагина беглом раскольнике Ситникове и о проч. Нач. 13 окт. 1854 г. Конч. 3 ноября 1877 г. 428 лл. 635 VIII б.

110. 2 письма к П. В. Анненкову от 16 и 19 мая 1861 г. Авт. 4 лл. Арх. П. В. Анненкова.

111. 46 писем к П. В. Анненкову 1857—1885 гг. Авт. 88 лл. + 33 конв. Здесь же телеграмма Н. А. Некрасова П. В. Анненкову от 6 мая 1875 г. Арх. П. В. Анненкова.

112. 3 письма к С. М. Барацу 1884—1885 гг. Авт. 6 лл. Передано из БАН.

113. 5 писем к Б. П. Безобразову 1858—1859 гг. Авт. 10 лл.

114. Письмо к Е. А. Боткиной от 17 января. От М. С. Боткиной. Авт. 2 лл.

115. Письмо к П. И. Вейнбергу от 2 января. Авт. 2 лл.

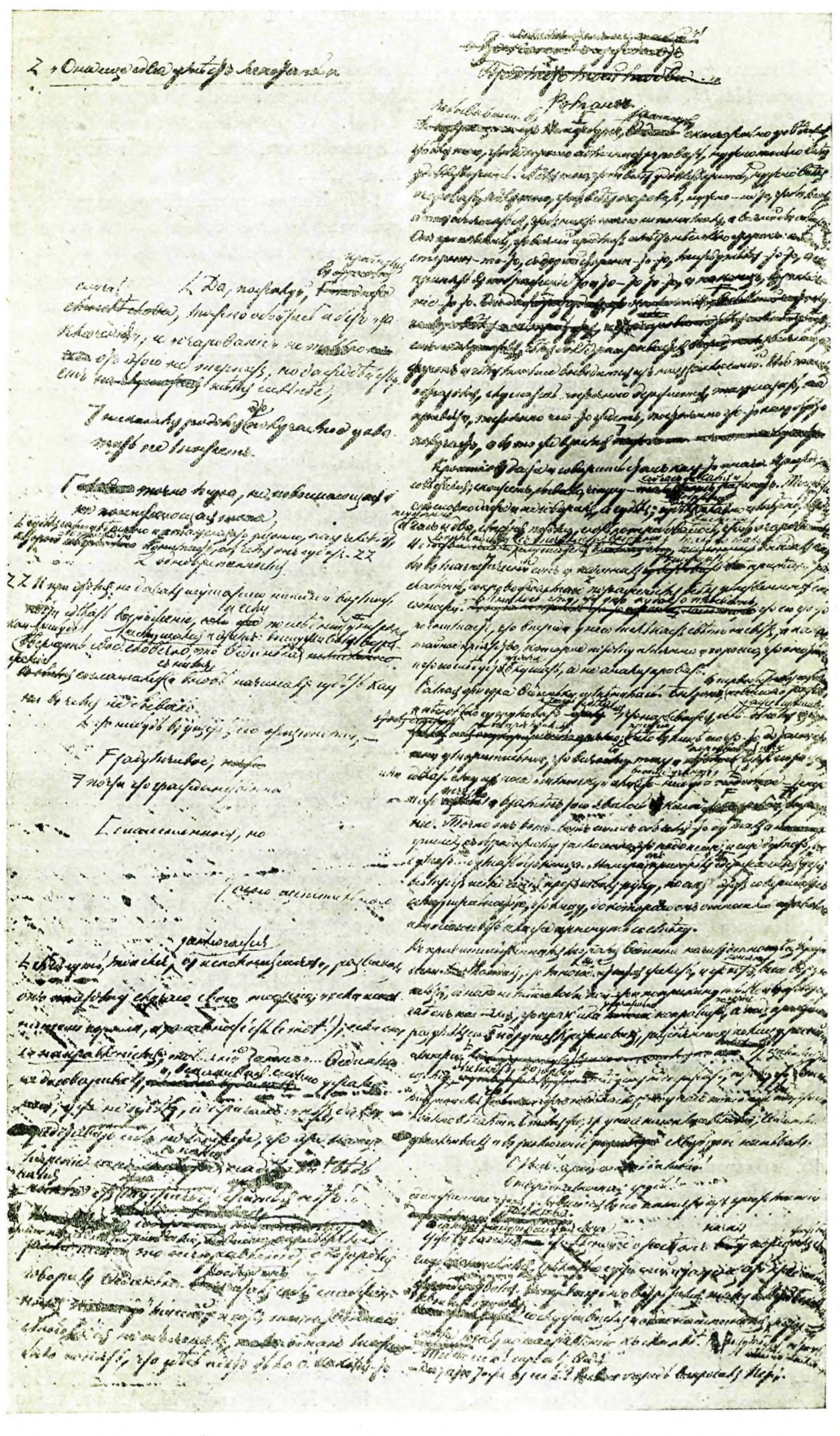
116. Письмо к Е. Н. Гаевской от 4 марта 1888 г. Авт. 2 лл.

117. Письмо к А. В. Дружинину от 1 февраля 1856 г. Авт. 2 лл.

118. 8 писем к Н. В. Кидошенкову 1880—1886 гг. Авт. 16 лл.

119. Письмо к А. Ф. Кони [март—апрель 1873 г.]. Авт. 2 лл.

120. Письмо к М. Н. Лонгинову от 31 декабря 1872 г. Авт. 1 л.

ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ НАЧАЛА ОЧЕРКА «ОНА ЕЩЕ ЕДВА УМЕЕТ ЛЕПЕТАТЬ» («ПОМПАДУРЫ И ПОМПАДУРШИ»)

Институт Русской Литературы, Ленинград

121. Письмо к Н. А. Некрасову. Ницца, 10 января [1876]. Авт. 2 лл.

122. 58 писем к Н. А. Некрасову 1862—1876 гг. Авт. 111 лл.

123. 3 письма к И. А. Панаеву 1861—1864 гг. Авт. 6 лл.

124. 6 писем к А. Н. Плещееву [80-е гг.]. Здесь же копии писем к А. Н. Плещееву других лиц: В. Н. Гаевского, И. Н. Гончарова, Д. В. Григоровича, Ф. М. Достоевского, Н. Д. Заиончковской (Хвощинской). Арх. Ф. Д. Батюшкова.

125. Письмо к Я. П. Полонскому от 19 октября 1863 г. Авт. 2 лл. Арх. Я. П. Полонского.

126. Письмо к К. М. Салтыкову от 15 января [1887]. Авт. 1 л.

127. Письмо к М. С. Скребицкой от 13 августа [1886]. Авт. 2 лл. Арх. А. И. Скребицкого.

128. 3 письма к И. С. Тургеневу от 20 ноября 1870 г. и 11 января и 10 июня 1882 г. Авт. 6 лл.

129. Письмо к И. С. Тургеневу от 13 февраля 1883 г. Авт. 2 лл.

130. Письмо к И. И. Ясинскому от 11 января [1883]. Авт. 2 лл. Передано из БАН.

131. Письмо к М. С. Скребицкой от 25 января. Авт. 2 лл.

132. 3 письма к М. И. Семевскому 1885—1887 гг. Авт. 5 лл. Арх. М. И. Семевского.

133. Письмо к Н. А. Белоголовому. 1885 г. Писано почерком Е. А. Салтыковой. 1 л.

134. Автобиография. Рукопись. Дата: СПБ. Апрель 1878. Авт. 2 лл. От Б. М. Эйхенбаума.

135. «Имею честь доложить». (Начало офиц. бумаги.) Авт. 2 лл. От Б. М. Эйхенбаума.

136. «Благонамеренные речи», XII. Переписка. Черн. рук. Авт. 2 лл. Приобретено у Н. Н. Пенчковского.

137. «Похороны». Черн. рук. Авт. 7+ +1 лл. Арх. В. П. Абазы.

138. «Христова ночь». Черн. рук. (отрывок). (Здесь же две фотографии). Авт. 1 л. Арх. Л. Ф. Пантелеева.

139. «Орел-меценат». Сказка. Копия. 8+ +1 лл. конв. Арх. Л. Ф. Пантелеева.

140. Перечень сочинений и записка об условиях передачи права издания их. При записке конверт на имя Л. Ф. Пантелеева. Авт. 2 лл. + 1 конв.

141. «Современные призраки». [1864]. Отрывок черн. рук. письма 1-го. Авт. 2 лл. Арх. Стас.

142. «Когда страна или общество слишком продолжительное время...» Отрывок черн. рук. Авт. 2 лл. Арх. Стас.

143. «Кто не едал с слезами хлеба». Отрывок. Черн. рук. Авт. 2 лл. Арх. Стас.

144. «Современные призраки». [1864]. Отрывок черн. рук. письма 2-го Авт. 2 лл. Арх. Стас.

145. «Орел-меценат». Сказка. Копия 10 лл. Поступило из БАН.

146. «Письма к тетеньке». Письмо 3-е (первая запрещенная редакция). Список 12 лл. Поступило из БАН.

147. «Лира». Список стихотворения. 2 лл. Арх. А. Н. Пыпина.

148. Пыпин, А. Н. Салтыков, Михаил Евграфович. Авт. 40 + 2 лл. Арх. А. Н. Пыпина.

149. Пыпин, А. Н. Салтыков. Печать (начало библиографии печатных произведений Салтыкова). 5 лл. Арх. А. Н. Пыпина.

150. Вырезки из газетных статей по поводу 25-летия со смерти М. Е. Салтыкова. 8 вырезок.

151. Арсеньев, К. К. Рукопись статьи «Русская общественная жизнь в сатире Салтыкова». Гл. II., лл. 1—6 и 54. Авт. 7 лл.

152. Буренин, В. П. Воспоминания о М. Е. Салтыкове. (В альбоме с рисунками). Авт. 11 + 47 + 13 лл. Арх. В. П. Буренина.

153. Елисеев, Г. З. Черновой набросок письма к неизвестному и библиография сочинений Салтыкова. Авт. 5 лл.

154. Елисеев, Г. З. Черновик статьи о Салтыкове. Авт. 25 лл.

155. То же. Копия статьи о Салтыкове. 49 лл.

156. Пантелеев, Л. Ф. Записная книжка-дневник с большим количеством записей о М. Е. Салтыкове. Авт. 24 лл.

157. Письмо члена администрации Verein'а им. Салтыкова-Щедрина в Берне к Н. К. Михайловскому от 29 июня 1889 г. 2 лл. Арх. Мих.

158. Пузыревский, И. А. За что и как был выслан в Вятку М. Е. Салтыков (статья). Здесь же приложены: 1) Вырез-

ка статьи А. Скабичевского «М. Е. Салтыков» из «Новостей», 2) Тетрадочка, озаглавленная «Справки» (10 лл.), 3) Записка редакции «Истор. Вестн.» к И. А. Пузыревскому, 4) 3 лл. с разными заметками. Авт. 11+1+10+1+3 лл.

159. Салтыкова, Е. А. 5 писем к Е. П. Елисеевой 80-х гг. Авт. 10 лл. Арх. Мих.

160. Унковский, А. М. 8 писем и 2 телеграммы А. Л. Унковского к В. М. Соболевскому 1885—1889 гг. о болезни Салтыкова. Здесь же телеграммы (2) редакции «Русских Ведомостей» и Муромцева к В. М. Соболевскому по поводу смерти М. Е. Салтыкова. Авт. 19 лл.

161. Унковская, З. А. «Мои воспоминания о М. Е. Салтыкове-Щедрине» [1926]. (Приложено 3 письма З. А. Унковской, Б. Л. Модзалевского и Н. В. Яковлева и фотографическая карточка). Авт. 3+10 лл. Арх. А. Ф. Кони.

162. Утин, Е. И. Рукопись статьи Е. И. Утина «Сатира Щедрина. Очерки из современной литературы». Авт. 20 лл.

163. «В погоню за идеалами». Черн. рук. (5 лл.) и копия с авторск. правкой (4 лл.). Арх. Е. М. Салт.

164. «Для детского возраста». Черн. рук. Авт. 10 лл. Арх. Е. М. Салт.

165. «Дневник провинциала в Петербурге» (отрывок). Черн. рук. Авт. 5 лл. Арх. Е. М. Салт.

166. «История одного города». 1) Неслыханная колбаса, 2) От издателя. Черн. рук. Авт. 4+2 лл. Арх. Е. М. Салт.

167. «Культурные люди». Черн. рук. 16 авт. лл. Арх. Е. М. Салт.

168. «Между делом». (Недоконченные беседы.) Копия рукою Е. М. Салтыковой с авторск. правкой. 17 лл. Арх. Е. А. Салт.

169. «Мнения знатных иностранцев о помпадурах». Черн. рук. Авт. 3 лл. Арх. Е. М. Салт.

170. «Оброшенный (Имя рек)». Копия рукою Е. А. Салтыковой с авт. правкой. 6 лл. Арх. Е. М. Салт.

171. «Пропала совесть». Копия 3 лл. Арх. Е. М. Салт.

172. «Современная идиллия». Черн. рук., гл. I—II. Авт. 12 лл. и копия рукою Е. А. Салтыковой с авт. правкой 8 лл. Арх. Е. М. Салт.

173. «Сон в летнюю ночь». Копия в авторск. правкой. Частично автограф (лл. 20, 21, 22). 22 лл. Арх. Е. М. Салт.

174. «Старая помпадурша». Черн. рук. Авт. 6 лл. Арх. Е. М. Салт.

175. «Чужую беду — руками разведу» [1877]. Частично копия рукою Е. А. Салтыковой, частично автограф (лл. 6, 7, 8) 8 лл. Арх. Е. М. Салт.

176. «Экскурсии в область умеренности и аккуратности». IV. Копия рукою Е. А. Салтыковой с авторск. правкой. 23 лл. Арх. Е. М. Салт.

177. «Петерб. театры». — «Горькая судьбина». Драма в 4 д. А. Писемского. Корректура из «Современника» 1863, кн. II. 3 формы. Арх. А. Н. Пыпина.

178. «Завещание моим детям». Корректура 3 ф. Арх. А. Н. Пыпина.

179. «Здравствуй, милая, хорошая моя». Корректура из «Современника», 4 ф. Арх. А. Н. Пыпина.

180. «Известие из Полтавской губернии». Корректура из «Современника» 1863, № 1—2. 3 ф. Арх. А. Н. Пыпина.

181. «Литературные мелочи» («Стрижи»). Корректура из «Современника» 1864, кн. 5. 4 ф. Арх. А. Н. Пыпина.

182. Антонович, М. А. «Литературные мелочи». «Стрижи в западне». Корректура из «Современника» 1864, кн. 9. 7 ф. Арх. А. Н. Пыпина.

183. «Наша общественная жизнь». Корректура, из «Современника» 1863 г., кн. 9. 5 ф. Арх. А. Н. Пыпина.

184. «Наша общественная жизнь». Корректура из «Современника» 1863 г., кн. 5. 2 ф. Арх. А. Н. Пыпина.

185. «Наша общественная жизнь», лл. и 4. Корректура из «Современника» 1863 г., кн. 5. 2 ф. Арх. А. Н. Пыпина.

186. «Наша общественная жизнь». Корректура из «Современника» 1863, кн. II. 5 ф. Арх. А. Н. Пыпина.

187. «Наша общественная жизнь». Корректура из «Современника» 1863, кн. 12. 7 ф. Арх. А. Н. Пыпина.

188. «О русской правде и польской кривде». М., 1863. Корректура рецензии. 1 ф. Арх. А. Н. Пыпина.

189. «Повести Кохановской». Москва, 1863. 2 тома. Рецензия. Корректура из «Современника» 1863, кн. 9. 3 ф. Арх. А. Н. Пыпина.

190. «Прощаюсь, ангел мой, с тобою».

Провинциальный романс в действии. Корректура очерка из «Современника» 1863, кн. 9. 3 ф. Арх. А. Н. Пыпина.

191. «Современное движение в расколе». Соч. И. С. — на. Рецензия. Корректура из «Современника» 1863, № 11. 1 ф. Арх. А. Н. Пыпина.

192. «Современные призраки». Письма издалека [1864]. Корректура. 4 ф. Арх. А. Н. Пыпина.

193. 78 писем к Н. К. Михайловскому 1874—1887 гг. Авт. 142 лл. Арх. Мих.

194. Письмо к В. И. Лихачеву от 17 декабря 1887 г. Авт. 2 лл. Арх. Л. Ф. Пантелеева.

195. Письмо к С. В. Пантелеевой от 18 февраля 1886 г. Авт. 2 лл + 1 ков. Арх. Л. Ф. Пантелеева.

196. 39 писем, 3 телеграммы и 8 визитных карточек М. Е. Салтыкова, адресованных Л. Ф. Пантелееву 1883—1889 гг. Здесь же копия одного письма. Авт. 90 лл. + 19 конв. Арх. Л. Ф. Пантелеева.

197. Письмо к М. А. Языкову от 22 декабря 1882 г. Авт. 2 лл.

198. Салтыкова, Е. А. Письмо к Н. К. Михайловскому от 10 декабря 1898 г. 2 лл. Арх. Мих.

199. Семевский, М. И. Письмо к Е. А. Салтыковой от 10 мая 1889 г. с препровождением телеграммы «Астраханского Вестника» по поводу смерти М. Е. Салтыкова. 3 лл. Арх. А. Н. Пыпина.

200. Письмо члена администрации verein'a им. Салтыкова-Щедрина в Берне к Л. Ф. Пантелееву от 25 июня 1890 г. 1 л. Арх. Л. Ф. Пантелеева.

201. Пантелеев, Л. Ф. Черновик письма к В. И. Лихачеву от 4 декабря 1889 г. по поводу издания сочинений М. Е. Салтыкова. Авт. 2 лл. Арх. Л. Ф. Пантелеева.

202. Панаев, И. А. Письмо к А. Н. Пыпину от 23 мая 1889 г. с сообщением сведений о сотрудничестве Салтыкова в «Современнике». Авт. 2 лл. Арх. А. Н. Пыпина.

203. Телеграммы по случаю смерти М. Е. Салтыкова в ред. «Вестник Европы» на имя Е. А. Салтыковой и др. лиц (98 телеграмм). Арх. Стас.

204. а) Адрес М. Е. Салтыкову от студентов Новороссийского университета и б) адреса и сочувственные письма по случаю смерти М. Е. Салтыкова (от тифлисских рабочих, от Русского научного общества в Берлине, от Миргородской общественной библиотеки, от управляющего Пензенской казенной палатой, от редакции «Орловского Вестника» и от частных лиц) (всего 10 писем). Арх. Стас.

205. Салтыков, М. Е. Отрывок первоначальной редакции очерка «Скука» — «Вчера ночь была такая темная». Черн. рук. Авт. 4 лл. Арх. Стас.

206. «Благонамеренные речи». VI. Черн. рук. Авт. 7 лл. Дашковское собрание: переплетенный альбом. Там же 19 газетных вырезок о М. Е. Салтыкове и 6 иллюстраций (портреты и пр.).

207. «Город» [глава из повести «Тихое пристанище»]. Копия рукой Е. А. Салтыковой с надписью и подписью рукою М. Е. Салтыкова. 7 лл. Дашковское собрание: переплетенный альбом. Там же вырезка очерка «Город» из сб. «Складчина», 14 газетных вырезок о М. Е. Салтыкове и 10 отдельных иллюстраций (портреты и пр.).

208. 18 писем к Г. И. Успенскому. Авт. 30 лл. Арх. Г. И. Успенского.

209. «Экскурсии в область умеренности и аккуратности». II. Черн. рук. Авт. 6 лл. Арх. А. Ф. Кони.

210. «Гг. семейству М. М. Достоевского, издающему журн. «Эпоха». Черн. рук. Авт. 2 лл. Из бумаг М. А. Антоновича и Н. Г. Чернышевского.

211. Фотографии рукописей М. Е. Салтыкова, хранящихся в Музее Революции в Москве: а) Опись градоначальникам, в разное время в город Глупов от российского правительства поставленным (из «Истории одного города»), 4 лл., б) письмо к А. Н. Плещееву; в) Благонамеренная повесть — 7 лл.

212. Письмо к А. М. Скабичевскому от 3 мая [1873]. Авт. 2 лл. Арх. А. М. Скабичевского.

213. Письмо к И. С. Тургеневу от 23 сентября [1875]. Авт. 1 л. Из собр. Н. В. Лихачева.

214. «Соседи». Черн. рук. Авт. 2 лл. Из соб. Пушкинского лицея.

215. Петербургские театры («Севременник» 1863, № 1—2). Корректура 3 формы. Арх. А. Н. Пыпина.

216. «Наша общественная жизнь». («Современник» 1863 г., № 3). Корректура 4 ф. Арх. А. Н. Пыпина.

217. «Наша общественная жизнь». («Со-

РУКОПИСЬ ОДНОГО ИЗ ВАРИАНТОВ «СКАЗКИ О РЕТИВОМ НАЧАЛЬНИКЕ»

Институт Русской Литературы, Ленинград

временник» 1863, № 1—2). Корректура 4 ф. Арх. А. Н. Пыпина.

218. «Журнальный ад». Корректура. 1 ф. Арх. А. Н. Пыпина.

219. «Наша общественная жизнь». Корректура [1864]. 3 ф. Арх. А. Н. Пыпина.

220. Неизвестному корреспонденту. Корректура пол. Арх. А. Н. Пыпина.

221. Письмо И. И. Ясинскому [1883]. Авт. 1 л.

222. Приветственное письмо М. Е. Салтыкову от комитетского кружка Литературного фонда (11 подписей) от 2 февраля 1887 г. Авт. 1 л. Арх. В. М. Гаршина.

223. «Глуповское распутство». Корректура с цензаурными вычерками и подписью о запрещении от 27 апреля 1862 г. 19 ф. Из собр. Пушкинского лицея, 625.

224. «Каплуны». Корректура с цензурными вычерками и надписью о запрещении от 27 апреля 1862 г. 9 ф. Из собр. Пушкинского лицея, 625.

225. Рецензия на роман И. Д. Кошкарова «А. Большаков» («От. Зап» 1868, кн. 10). Черн. рук. Авт. 2 лл. Арх. «Русского Богатства».

226. «Благонамеренные речи. XVI. Непочтительный коронат». Черн. рук. Авт. 2 лл. Арх. «Русского Богатства».

227. «За рубежом», гл. I. Черн. рук. Авт. 13 лл. Арх. «Русского Богатства».

228. «Пошехонские рассказы» (начало). Черн. рук. Авт. 5 лл. Арх. «Русского Богатства».

229. «Признаки жизни». Периодические заметки. Вместо введения — Легковесные. — Их торжество, опасения и окопы («Признаки времени»). Копия рукой Е. А. Салтыковой. 5 лл. и автограф 2 лл. Арх. «Русского Богатства».

230. 18 писем к Н. А. Некрасову. Авт. 36 лл. Собр. Некрасовского музея.

231. Два письма к В. Р. Зотову. Авт. 2 лл.

232. Два письма к В. А. Тимирязеву. Авт. 4 лл.

233. Письмо к неизвестному. Авт. 2 лл.

234. 28 писем к А. Л. Боровиковскому. Авт. 56 лл. и 7 конв. Приобретено у А. А. Боровиковской.

235. 3 факсимиле писем к М. О. Вольфу и С. А. Венгерову проекта объявления. 4 лл.

236. Материалы для биографии М. Е. Салтыкова: 1) афиша лицейского спектакля 19 октября 1843 г.; 2) лист предложений и подписной лист при нем; 3) подписной лист 1841 г.; 4) отчет 1841 г.; 5) текст инсценировки «Мертвых душ»; 6) текст французской комедии; 7) пояснительная записка с подписью Кобеко. 46 лл. и 2 конв. Из собр. Пушкинского лицея, 625.

237. Альбом (переплетенный) с заголовком «Лицейские каррикатуры». 32 вшитых листа с 37 рисунками и отдельно 3 листа с 5 рисунками. Там же вшитый номер «Литературного и каррикатурного листка» 1846 г., № 2, рукопись на 4 лл. с 4 рисунками. Из собр. Пушкинского лицея, 625.

238. Дворянская грамота на имя М. Е. Салтыкова от 21 декабря 1831 г. за № 486. 1 л.

239. Дворянская грамота на имя Е. В. Салтыкова (отца писателя) от 30 марта 1815 г. за № 373. 1 л.

240. Дворянская грамота на имя Н. Е. Салтыкова (брата писателя) от 24 сентября 1831 г. за № 485. 1 л.

241. Дворянская грамота на имя И. Е. Салтыкова (брата писателя) от 16 февраля 1839 г. за № 126. 1 л.

242. Рескрипт от 17 апреля 1861 г. за № 497/10997 о производстве Ильи Салтыкова в ротмистры. 1 л.

243. Письмо к П. К. Кютельгену. Авт. 1 л. Арх. П. К. Кютельгена.

244. Орел-меценат. Копия карандашом на 10 лл. Поступило из БАН.

245. Вольф, М. О. 2 письма к М. Е. Салтыкову. Авт. 4 лл. Арх. Е. М. Салт.

246. Дистерло, Н. Н. Письмо к В. Н. Лихачеву. Авт. 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

247. Дзержковский, П. Письмо к Е. А. Салтыковой. Авт. 1 л. Арх. Е. М. Салт.

248. Дистерло, Н. Н. Письмо к Т. Н. Дистерло. Авт. 1 л. Арх. Е. М. Салт.

249. Златовратский, Н. Н. 9 писем к М. Е. Салтыкову. Авт. 18 лл. Арх. Е. М. Салт.

250. Жемчужников, А. М. Письмо к М. Е. Салтыкову. Авт. 3 лл. Арх. Е. М. Салт.

251. Карбасников, Н. П. Письмо к М. Е. Салтыкову. Авт. 1 л. Арх. Е. М. Салт.

252. Кротков, В. С. Письмо к М. Е. Салтыкову. Авт. 2 л. Арх. Е. М. Салт.

253. Лихачева, Е. И. Письмо к М. Е. Салтыкову. Авт. 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

254. Меерович, Я. Письмо к М. Е. Салтыкову. Авт. 1 л. Арх. Е. М. Салт.

255. Салтыкова, Е. М. 12 писем к Е. А. Салтыковой. Авт. 23 лл. и 1 конверт. Арх. Е. М. Салт.

256. 8 писем, открытка, записка и телеграмма разных лиц к Е. А. да Пассано. 25 лл. и 2 конв. Арх. Е. М. Салт.

257. Буткевич, А. А. (урожд. Некрасова). Письмо к М. Е. Салтыкову. Авт. 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

258. Элиза Ожешко. Письмо к М. Е. Салтыкову на польском языке. Авт. 2 лл. и 1 л. перевода. Арх. Е. М. Салт.

259. Новодворский, А. О. Письмо к М. Е. Салтыкову. Авт. 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

260. Луженовский, Н. Н. Письмо к М. Е. Салтыкову. Авт. 6 лл. Арх. Е. М. Салт.

261. Ясинский, И. И. 2 письма к М. Е. Салтыкову. Авт. 4 лл. (здесь же стихотворение М. Н. Ясинской). Арх. Е. М. Салт.

262. Бухалов, И. А. 2 письма к М. Е. Салтыкову. Авт. 4 лл. Арх. Е. М. Салт.

263. Белявский, В. А. Письмо к М. Е. Салтыкову. Авт. 4 лл. Арх. Е. М. Салт.

264. Баташов, Г. Письмо к М. Е. Салтыкову. Авт. 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

265. Арнольди, Н. А. Письмо к М. Е. Салтыкову. Авт. 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

266. Салтыкова, Е. А. 4 письма к Е. М. Салтыковой. Авт. 7 лл. Арх. Е. М. Салт.

267. Салтыкова, Е. А. 2 письма к Е. А. да Пассано. Авт. 3 лл. Арх. Е. М. Салт.

268. Салтыкова, Е. А. Письмо к «Лизе» Арх. Е. М. Салт.

269. Салтыков, К. М. 2 письма и расписка Е. М. Салтыковой. Авт. 4 лл. Арх. Е. М. Салт.

270. 3 письма разных лиц к Виллиамс. 7 лл. и 2 конв. Арх. Е. М. Салт.

271. Мечников, Л. П. Письмо М. Е. Салтыкову или в редакцию «Отеч. Зап.» Авт. 1 л. Арх. Е. М. Салт.

272. Письмо неизвестной Marie к Е. М. Салтыковой (на французском языке). Авт. 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

273. Молдавская, М. Н. Письмо к Л. Ф. Пантелееву (о М. Е. Салтыкове). Авт. 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

274. Дистерло, Т. Н. (да Пассано). 3 письма к Е. М. Салтыковой (Дистерло-да Пассано). Авт. 5 лл. Арх. Е. М. Салт.

275. Мордмиллович, А. А. Письмо М. Е. Салтыкову. Авт. 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

276. Письмо неизвестного («Н. Н.») М. Е. Салтыкову. Авт. 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

277. Салтыкова, Е. М. (да Пассано). Письмо и записки (5) к Е. А. да Пассано. Авт. 6 лл. и 3 конв. Арх. Е. М. Салт.

278. Обручев, В. А. 3 письма к М. Е. Салтыкову. Авт. 6 лл. Арх. Е. М. Салт.

279. Рейнгольд, А. А. Письмо к М. Е. Салтыкову. Авт. 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

280. Розен. Письмо к М. Е. Салтыкову. Авт. 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

281. Письмо студентов Московского университета (57 подписей) М. Е. Салтыкову. Авт. 4 лл. Арх. Е. М. Салт.

282. Письмо от кружка «читателей-друзей» (анонимное) М. Е. Салтыкову. 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

283. Яшин, В. В. Письмо М. Е. Салтыкову. Авт. 1 л. Арх. Е. М. Салт.

284. Письмо «представителей разных профессий» М. Е. Салтыкову (28 подписей одним почерком). 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

285. Соболевский, В. М. Письмо к М. Е. Салтыкову. Авт. 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

286. Филимонов, Е. Письмо к Л. Ф. Пантелееву (с поручением к М. Е. Салтыкову). Авт. 1 л. Арх. Е. М. Салт.

287. Письмо неизвестного («читателя») к М. Е. Салтыкову. Авт. 1 л. Арх. Е. М. Салт.

288. Дистерло, Т. Н. 4 письма к разным (неизвестным) лицам. Авт. 5 лл. Арх. Е. М. Салт.

289. 3 письма («неизвестных читателей») к М. Е. Салтыкову. Авт. 6 лл. Арх. Е. М. Салт.

290. Семенов, А. Письмо к М. Е. Салтыкову («Крамольникову»). Авт. 1 л. Арх. Е. М. Салт.

291. Письмо студентов (9 подписей: А. Тугенгольда, А. Каминки, В. Мякотина и др.) к М. Е. Салтыкову. Автографы (подписи). 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

292. Салтыковы, Е. М. и К. М. (дети) М. Е. Салтыкову. Авт. 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

293. Салтыкова, Е. А. 2 письма к «бабушке». Авт. 3 лл. Арх. Е. М. Салт.

294. Салтыкова, Е. М. (Дистерло). Письмо к М. Е. Салтыкову. Авт. 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

295. Людмила Г. (ученица консерватории). Письмо к М. Е. Салтыкову. Авт. 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

296. Турнье, А. А. 2 письма к Е. М. и Е. А. да Пассано (на франц. яз.). Авт. 4 лл. и 1 конв. Арх. Е. М. Салт.

297. Буланже, А. Письмо к Н. Н. Дистерло (ур. Салтыковой). Авт. 1 л. Арх. Е. М. Салт.

298. Головин, В. Е. Письмо к Е. М. Дистерло (ур. Салтыковой). Авт. 1 л. Арх. Е. М. Салт.

299. Антонина Гобято. Письмо к М. Е. Салтыкову. Авт. 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

300. Гончаров, И. А. Письмо к М. Е. Салтыкову. Авт. 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

301. Гудвинович, К. Письмо к М. Е. Салтыкову. Авт. 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

302. Тумский. Письмо к Е. М. Салтыковой. Авт. 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

303. Юрьев, С. С. Письмо к М. Е. Салтыкову. Авт. 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

304. Салтыкова, Е. М. (да Пассано). Письмо к неизвестной. Авт. 1 л. Арх. Е. М. Салт.

305. Фирсов, Н. Н. 3 письма к М. Е. Салтыкову. Авт. 6 лл. Арх. Е. М. Салт.

306. Письмо студентов Новоалександрийского института сельского хозяйства и лесоводства М. Е. Салтыкову (104 подписи — автографы). 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

307. Письмо студентов-медиков М. Е. Салтыкову (3 подписи — автографы). 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

308. Бумаги К. М. Салтыкова (Журнал суд. пристава и исполн. лист). 4 лл. Арх. Е. М. Салт.

309. Телеграмма студентов-медиков Московского уневерситета М. Е. Салтыкову. 1 л.

310. Боткины, С. П. и Е. А. Телеграмма М. Е. Салтыкову (на франц. яз.). 1 л. Арх. Е. М. Салт.

311. Головин. Телеграмма М. Е. Салтыкову, 1 л. Арх. Е. М. Салт.

312. Елисеев [Елисеева?] и Бендт [Вендт?]. Телеграмма М. Е. Салтыкову (на франц. яз.) 1 л. Арх. Е. М. Салт.

313. Христофорова. Телеграмма в гл. контору «Вестника Европы» (о М. Е. Салтыкове). 1 л. Арх. Е. М. Салт.

314. Телеграмма М. Е. Салтыкову за пятью подписями. 1 л. Арх. Е. М. Салт.

315. 5 телеграмм по поводу болезни М. Е. Салтыкова: 1) от редакции «Волжского Вестника»; 2) от студентов-медиков; 3) от студентов Ветер. института; 4) от «почитателей» из Твери; 5) тоже из Новгорода-Северск. 5 лл. Арх. Е. М. Салт.

316. Телеграмма собравшихся на юбилее Плещеева — М. Е. Салтыкову. 1 л. Арх. Е. М. Салт.

317. Телеграмма московских студентов М. Е. Салтыкову. 1 л. Арх. Е. М. Салт.

318. 3 поздравительных телеграммы М. Е. Салтыкову: 1 — 2) от студентов Горного института; 3) от «почитателей» из Твери. 4 лл. Арх. Е. М. Салт.

319. Бобылев. Н. К. Письмо М. Е. Салтыкову. Авт. 1 л. Арх. Е. М. Салт.

320. Алабин, П. В. Письмо М. Е. Салтыкову. Авт. I л. Арх. Е. М. Салт.

321. Вульфиус. Письмо М. Е. Салтыкову. Авт. 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

322. Кравцов, Г. Письмо М. Е. Салтыкову. Авт. 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

323. Михайлов, А. В. Письмо М. Е. Салтыкову. Авт. 3 лл. Арх. Е. М. Салт.

324. Мурахина, Л. А. Письмо, М. Е. Салтыкову. Авт. 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

325. Симиренко, П. П. Письмо М. Е. Салтыкову. Авт. 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

326. Трофимовский, А. Письмо М. Е. Салтыкову. Авт. 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

327. Письмо из Полтавы М. Е. Салтыкову за 24 подписями (автографы). 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

328. Письмо слушательниц женских врачебных курсов М. Е. Салтыкову за 86 подписями (автографы). 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

329. Письмо студентов Новороссийского университета М. Е. Салтыкову за 188 подподписями (автографы). 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

330. Письмо старшин семейно-драмат. кружка в Щиграх М. Е. Салтыкову за 5 подписями (автографы). 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

331. Телеграмма членов Литерат. фонда М. Е. Салтыкову за 16 подписями (автографы В. И. Сергеевича, К. К. Арсеньева, Н. К. Михайловского, Д. Л. Мордовцева, А. Н. Пыпина, М. М. Стасюлевича, Е. И. Утина, Н. С. Таганцева, Ф. Ф. Воронова, П. О. Морозова, В. И. Семевского, М. И. Семевского. П. А. Гайдебурова, В. Ю. Скалона, Э. К. Ватсона, Я. Я. Гуревича). 1 л. Арх. Е. М. Салт.

332. Баранов, Н. М. Письмо к В. М. Лихачеву. Авт. (подп.) 2 лл. Арх. Е. М. Салт.

333. Дистерло, Н. Н. 2 письма к Е. А. да Пассано. Авт. 4 лл. Арх. Е. М. Салт.

334. 12 писем: к брату И. Е. Салтыкову — 4 письма и 1 расписка (9 лл. и 1 конв.) и к матери О. М. Салтыковой — 8 писем (17 лл. и 4 конв.). Здесь же конверт на имя А. Л. Боровиковского. Дар П. И. Салтыкова.

235. 98 писем и 5 телеграмм к В. М. Соболевскому и 2 визитных карточки,— одна без адресата, одна на имя Нила Ив. [Соколова]. В числе писем — шуточная пьеса «Смерть от телеграммы». Вместе с письмом от 12 января 1885 г. письмо В. П. Лихачева к В. М. Соболевскому. 5 писем — копии рукою Е. А. Салтыковой с подписями и приписками-автографами, остальные — автографы; 181 лист и 6 конвертов.

336. 53 письма к брату Д. Е. и жене его А. Я. Салтыковым; из них 3 письма на франц. яз. к А. Я. Салтыковой, а на остальных письмах 20 приписок на фран. яз. к ней же. Авт. 103 лл.

337. Главы «Господ Головлевых» под первоначальным общим заглавием «Благонамеренные речи» и заголовком отд. глав: 1) XIII. Семейный суд. 2) XVII. По-родственному. 3) XVIII. Семейные итоги. 4) Выморочный (впоследствии — «Перед выморочностью»). Черновая и вместе с тем наборная рукопись (автограф) «Семейные итоги» (частично в копии). 77 лл. Арх. Е. М. Салт.

338. Разные бумаги Е. А. да Пассано: 17 номеров на 22 лл. Арх. Е. М. Салт.

339. Разные бумаги Е. А. Салтыковой: 6 номеров на 10 лл. Арх. Е. М. Салт.

340. Баталов, М. А. Два письма к М. Е. Салтыкову; 1 письмо мирового посредника Даниловского уезда к нему же; отношение Угличской земской управы на имя М. А. Баталова; два окладных листа; квитанция. Всего 11 лл. Арх. Е. М. Салт.

341. Разные бумаги Е. М. Салтыковой, 8 номеров на 11 лл. Арх. Е. М. Салт.

342. Аттестат М. Е. Салтыкова (копия). 4 лл. Арх. Е. М. Салт.

343. Письмо к Н. Н. Златовратскому от

АВТОБИОГРАФИЯ М. Е. САЛТЫКОВА, ВПИСАННАЯ ИМ В АЛЬБОМ М. И. СЕМЕВСКОГО
Институт Русской Литературы, Ленинград

26 мая 1882 г. Авт. 1 л. Арх. Н. Н. Златовратского.

344. 3 письма к А. М. Унковскому. 6 лл. Арх. А. Ф. Кони.

355. Письмо к А. Н. Еракову от 21 дек. [1875], заключающее в себе отрывок из «Переписки Николая I с Поль де Коком». Авт. 2 лл. Арх. А. Ф. Кони.

346. 4 письма к А. Н. Еракову. Авт. 7 лл. На обороте письма от 13 января [1880] стихотворение «М. Е. Салтыкову в день его рождения» (черн. рук. карандашом). Арх. А. Ф. Кони.

347. 2 письма к А. А. Буткевич (ур. Некрасовой). Авт 2 лл. Арх. А. Ф. Кони.

348. Копии писем к Н. А. Некрасову (4 письма полностью и 7 в извлечениях). 12 испис. листов. Арх. А. Ф. Кони.

349. 2 письма к Н. А. Некрасову от 12 февраля (1876) и 23 мая (1876). Авт. 4 лл. Арх. А. Ф. Кони.

350. Письмо к Н. К. Михайловскому от 12 ноября (1886); здесь же письмо Н. К. Михайловского к А. М. Скабичевскому. 2 лл. Арх. А. М. Скабичевского.

351. Анненков, П. В. Статья о М. Е. Салтыкове. Черн. рук. Авт. 3 лл. Арх. П. В. Анненкова.

352. Вводная грамота 1617 г. царя Михаила Федоровича Панфилу Тимофеевичу Салтыкову на имение Спасское (Спасугол) и записка, писанная рукою Евгр. Вас. Салтыкова, отца Михаила Евгр.

353. Грамота 1647 г. Панфила Тим. Салтыкова с завещанием поместий сыновьям Михаилу и Ивану и записка, писанная рукой Евгр. Вас. Салтыкова. Авт. 2 лл. От П. И. Салтыкова.

354. 7 документов из родового архива Салтыковых 1633—1652 гг. 7 лл. От П. И. Салтыкова.

355. 3 документа XVII в. из родового архива Салтыковых. 3 лл. От П. И. Салтыкова.

356. 6 документов из родового архива Салтыковых 1648—1673 гг. 6 лл. От П. И. Салтыкова.

357. 2 письма к В. М. Гаршину. Авт. 4 лл. Арх. В. М. Гаршина.

358. Забытые слова. Черн. рук. Авт. 1 л. Арх. Стас.

359. Автобиография (1874 г.). Автограф в альбоме ред. «Русской Старины». «Знакомые», кн. I, стр. 248. Арх. «Русской Старины» (не выделено).

360. «Дворянская хандра» — отрывок от слов «Ничего не знать» — кончая «выдвигается... гроб». Копия 8 лл. в альбоме ред. «Русской Старины». — «Знакомые», кн. I, стр. 326—340. Арх. «Русской Старины» (не выделено).

361. Автобиография (21 сент. 1887 г.). Автограф в альбоме ред. «Русской Старины». «Знакомые», кн. II, стр. 207 (печ. изд., стр. 208 и «Русская Старина» 1889 г., № 6). Арх. «Русской Старины» (не выделено).

362. Письмо к М. И. Семевскому от 1 февраля 1887 г. «Знакомые», автограф 2 лл. в альбоме ред. «Русской Старины» «Знакомые», кн. III, стр. 180 (печ. изд., стр. 338 и «Русская Старина» 1889, № 6. Арх. «Русской Старины» (не выделено).

363. Визитная карточка с надписью от 19 апреля 1889 г. (М. И. Семевскому). Альбом ред. «Русской Старины» («Знакомые»), кн. IV, стр. 267. Арх. «Русской Старины» (не выделено).

364. Письмо (копия) дерптских студентов М. Е. Салтыкову от 1888 г. в письме М. М. Лисицина к М. И. Семевскому от 8 ноября 1889 г. 2 лл. Арх. «Русской Старины» № 7098. (не выделено).

365. 13 писем к И. А. Салову. Копии. 17 лл. От Ю. Г. Оксмана.

366. Письмо к С. А. Венгерову от 28 апреля [1887 г.] с автобиографическими сведениями. Авт. 2 лл.; здесь же 2 факсимиле и 1 копия. Арх. С. А. Венгерова. 1-е собр. автобиографий 2413 (не выделено).

367. 2 письма к Г. Л. Кравцову от 29 ноября 1883 г. с приложением выписки из сказки «Премудрый пискарь» и от 14 апреля 1884 г. (?). Авт. 3 лл. В альбоме Г. Л. Кравцова. Арх. С. А. Венгерова (не выделено).

368. «Современная идиллия», гл. IV. Черн. рук. Авт. 2 лл. Альбом из арх. «Русской Старины» (не выделено).

369. 2 письма к В. Р. Зотову (1844 и 1888 гг.). Авт. 2 лл. Из собр. П. Я. Дашкова (непереплетенная часть).

370. Договор между М. Е. Салтыковым и А. А. Краевским от 8 апр. 1878 г. об издании «Отечественных Записок». Подлинник с подписями-автографами Краевского и Салтыкова — 2 лл. Из соб. Я. Я. Дашкова (непереплетенная часть).

371. «Четыре момента дня». («Наш губернский день»). Корректура без правки,

26 полос. Вверху первой полосы карандашная надпись «ст. секр. Головин». Из собр. П. Я. Дашкова (непереплетенная часть).

372. «Пошехонская старина», гл. XXVII. Господин Струнников (Предводитель Струнников). Перебеленный автограф с авторской правкой. В левом верхнем углу первой страницы автографич. подпись: «М. Салтыков (Щедрин)». 2 лл. Получено И. А. Шляпкиным от проф. М. Здеховского. Арх. И. А. Шляпкина.

373. Павленков, Ф. Ф. М. Е. Салтыкову от 11 февраля 1889 г. с проектом договора на издание сочинений с собственноручными замечаниями Салтыкова (карандашом) на чистом полулисте. Здесь же письмо проф. М. Здеховского к И. А. Шляпкину от 7 января 1892 г. Всего 6 лл. Арх. И. А. Шляпкина.

374. Несколько полемических предложений. Из письма в редакцию. Подпись: К. Гурин. Корректура без правки 1 форма («Современник» 1863 г., № 3). Арх. А. Н. Пыпина.

375. «Наши литературные мелочи». Без подписи. Корректура.

376. «После обеда в гостях». Корректура без правки, 6 полос. Арх. А. Н. Пыпина.

377. Невинные рассказы. Для детского возраста. Корректура без правки. 2 формы. Арх. А. Н. Пыпина.

378. Ераков, А. Н. Письмо к М. Е. Салтыкову от 29 июня 1874 г. Авт. 2 лл. Собр. Некрасовского музея.

379. М. Е. Салтыков. «Праздный разговор» (сказка). Вырезка из «Русских Ведомостей» (перепечатанный текст), № 55. Арх. А. В. Смирнова — Ф. Л. Нефедова.

380. Письмо к К. Д. Кавелину от 22 ноября (1883). Авт. 2 лл. Арх. К. Д. Кавелина.

381. 129 писем к М. М. Стасюлевичу за 1877—1889 гг. Два письма-копии с автографич. приписками и подписями, остальные — автографы. Одна подпись вырезана. 256 лл., из них 112 неисписанных. Арх. Стас.

382. Старческое горе. Черн. рук. Авт. 2 лл. (при письме В. Н. Добровольского на имя С. Ф. Ольденбурга). Арх. Шахова из БАН, 26. 6. 70.

383. Наша общественная жизнь. Черн. рук. Авт. 7 лл. С подписью цензора Васильева и разметкой для наборщиков. (Начало: «Кислое время, кислая жизнь. Сидишь себе в кабинете, следишь за журналами и газетами...») Арх. Шахова из БАН, 26. 6. 79.

384. «На заре ты ее не буди». Корректура с авторской правкой. 5 форм. Арх. Шахова из БАН, 26. 6. 79.

385. Златовратский, Н. Н. Письмо к Салтыкову, М. Е. (черновой автограф. 1 л.). Арх. Златовратского.

386. 3 письма к И. И. Ясинскому 1883—1884 гг. Авт. 6 лл. Арх. Ясинского.

387. Салтыков, Дм. Евгр. Письмо к Маркизу Конст. Осиповичу. Авт. 4 лл.

388. «Круглый год». 1-ое июня (копия) 14 лл. и конв. Арх. «Русской Старины». 3069.

389. «Письма к тетеньке». Письмо 3-е (копия), 22 лл. и вырезка из «Общего дела» — 4 лл. Арх. «Русской Старины». 721.

ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Общее собрание

1. «Прощаюсь, ангель мой, с тобою» — корректура с авторской правкой и с подписью цензора. 3 формы.

2. «Убежище Монрепо» (Отрывок начин. словами: «Вы, конечно, на лето уединитесь в своем Монрепо?»). Авт. 2 лл.

3. Письмо к С. В. Максимову — б. д. Авт. 1 л.

4. 4 записки к Г. К. Репинскому — б. д. Авт. 4 лл.

5. Письмо к И. С. Тургеневу. — Петербург, 6 марта, б. г. Авт. 2 лл.

6. Письмо к В. Р. Зотову — 2 ноября б. г. Авт. 1 л.

7. Письмо к Николаю Антоновичу [Ратынскому] — 31 янв., б. г. Авт. 1 л.

8. Письмо к И. И. Ясинскому — 27 августа, б. г. Авт. 1 л.

9. 7 писем к А. А. Винницкой — 1881—1883 гг. Авт. 9 лл. + 3 конверта.

Собрание В. П. Гаевского

1. 65 писем к В. П. Гаевскому [1869—1888 гг.]. Авт. 72 лл. К письму от 27/IX 1883 г. приложен список лиц, желающих

получить приглашение на похороны Тургенева; на письме от 19/VI 1887 г. написан черновик ответа Гаевского Салтыкову от 26/VI

2. Визитная карточка [1887—1889 гг.].

Архив А. А. Краевского

1. 6 писем к А. А. Краевскому 1876—[1883] гг. Авт. 6 лл.

Архив А. Н. Пыпина

1. 13 писем к А. Н. Пыпину (1871—1883 гг.). Авт. 19 лл.+5 конв.

2. [Заметка]. б. д. Авт. 1 л.

3. Письмо к А. Н. Пыпину от 25 августа (1887 г.). Копия 1 л. + подл. конверт.

4. Пыпин, А. Н. — 2 письма к Салтыкову от 29 сентября 1881 г. и 20 декабря 1882 г. Авт. 2 лл.

5. Повестка Салтыкову на общее собрание Археологич. об-ва 4 мая, б. г. Приписка Пыпина. 1 л.

Из бумаг Н. Н. Селифонтова

1. Записка к неизвестному князю 25 февраля [1879 г.]: «Многоуважаемый князь. Очень огорчен, что именно сегодня не могу быть у вас.» Авт. 1 л.

Архив М. С. Таганцева

1. 2 письма к М. С. Таганцеву от 2 и 3 января 188? г. Авт. 2 лл.

АРХИВ АКАДЕМИИ НАУК СССР

1. Письмо к М. М. Ковалевскому от 28 сентября (1880 г.). Петербург. Авт. 2 лл. Фонд № 103 М. Кавалевского.

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ЦЕНТРАРХИВА (ЛОЦИА)

1. 11 писем к А. М. Жемчужникову (1869—1822). Авт.

2. Письмо к М. Х. Рейтерну от 3 июня 1868 г. Рязань. Авт. 2 лл.

3. Цензурные материалы о Салтыкове. Указания на фонды, в которых хранятся документы, см. в публикации В. Евгеньева-Максимова, Н. Выводцева и Г. Ямпольского в настоящей книге: «Цензурные материалы о Щедрине»; см. также в книге В. Евгеньева-Максимова «В тисках реакции», М., 1926.

МОСКОВСКИЕ АРХИВЫ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА СССР ИМ. ЛЕНИНА

1. О русской правде и польской кривде. Рецензия (1864 г.). Бел. рук. 2 лл. Из бумаг Радищевского музея в Саратове. Арх. № 4835.

2. Завещание моим детям («Признаки времени»). Отрывок, начиная со слов: «Не было ни общественного здания, ни общественного благоустройства...». Копия рукою Е. А. Салтыковой с авторскими правками. 16 лл.

3. 2 письма к В. А. Гольцеву от 20 марта и 27 апреля 1885 г. Авт. 5 лл. Арх. Гольцева VII.

4. 100 писем к Г. З. Елисееву 1880—1888 гг. Авт. 200 лл. Собр. Витязева. № 2.

5. 6 писем к Д. Н. Мамину-Сибиряку 1888—1884 гг. Авт. 12 лл.+1 телеграмма ему же от 5/II—84 г. 1 л. Арх. Д. Н. Мамина-Сибиряка. Папка 3, № 70.

6. 15 писем к Н. А. Некрасову 1861—1875 гг. Авт. 21 лл. Арх. № 5765.

7. 5 писем Л. Н. Толстому 1878—1884 гг. Авт. 13 лл. (Хранятся в Толстовском кабинете рук. отд).

8. 6 писем к князю А. И. Урусову 1860—1881 гг. Авт. 11 лл. Арх. № 5773.

9. 3 письма к А. И. Эртелю. Авт. 6 лл. Арх. Эртеля. Папка IX, № 13.

10. Телеграмма к С. А. Юрьеву от 7 ноября 1883 г. Арх. Гольцева, VII.

11. Письмо к неизвестному от 2 февраля 1888 г.: «Я ничего не имею против...» Рукой Салтыкова только подпись.

12. 115 писем к Н. А. Белоголовому (1875—1889 гг.). Авт. 233 лл. Рукописный отд.

13. Две деловые бумаги, относящиеся к деятельности Салтыкова в качестве председателя Тульской казенной палаты. От 21 января и 21 августа 1867 г. Авт. 2 лл. Папка 21, № 9.

14. Анненков, П. В. Письмо к М. Е. Салтыкову от 1 октября 1880 г. Baden-Baden (отзыв о «За рубежом»). Авт. 2 лл. +

СТРАНИЦА РУКОПИСИ ПОВЕСТИ ЩЕДРИНА «МАСТЕРИЦА» (РАННЯЯ РЕДАКЦИЯ «ТИХОГО ПРИСТАНИЩА»)

Институт Русской Литературы, Ленинград

конверт. Арх. Достоевского. Папка А. 33. 6.

15. Елисеев, Г. З. 60 писем к М. Е. Салтыкову 1880—1887 гг. Авт. 115 лл. Собрание Витязева. № 3.

16. Плещеев, А. Н. Письмо к В. А. Гольцеву от 6 апреля 1886 г. (написано по поручению Салтыкова). Авт. 2 лл. Арх. Гольцева, VI Е/12.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ ЭПОХИ (ГАФК)

1. 6 писем к А. С. Суворину [1870 и 1876 гг.]. Авт. 12 лл. Ф. 151. М. 2.

2. 3 письма к Ф. М. Достоевскому. [1862—1876 гг.]. Авт. 7 лл.+1 конв. Ф. 212.

3. Дело по канцелярии Пензенской казенной палаты по предписанию канцелярии Министерства финансов о порядке хранения и уничтожения решенных дел. Начато 29 июня 1864 г., кончено 12 ноября 1875 г. Из всего дела сохранился один протокол без даты: «...Слушали словесный отзыв председателя палаты следующего содержания: предложение...» Авт. 2 лл. По описи № 89.

4. Дело 1866 г. Пензенской казенной палаты по канцелярии по переписке управляющего Казенной палатой М. Е. Салтыкова. Началось мая 21 дня 1866 г. (незакончено). Авт. 152 лл. По описи № 223.

5. Деловые письма и бумаги предков и ближайших родственников Салтыкова в количестве 47 названий 1716—1872 гг. Архив фонда Салтыковых.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РЕВОЛЮЦИИ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

1. Дело об отправлении титулярного советника Салтыкова на службу в Вятку III Отделения, 1 эксп., № 169, 1848 г. на 44 лл. В этом деле среди других документов имеются два собственноручных письма Салтыкова от 28 апреля 1848 г. и 28 октября 1851 г. и три позднейших (начиная с 1857 г.) полицейских справки о Салтыкове.

2. Дело III Отделения «О рассмотрении в особом комитете действий цензуры периодических изданий». Комитет по делам цензуры, 2 апреля 1848 г. лл. 197—200.

[Записка М. Гедеонова, посвященная разбору повести Салтыкова «Запутанное дело». Приложено к «замечаниям» статс-секретаря Дегая об «Отечественных Записках».]

3. Дело III Отделения, 1 эксп., № 25— «Журналы и газеты», часть 2-я: «Об учреждении комитета для суждений о «Современнике», «Отеч. Записках» и пр. русских журналах 1848 г.» Журнал комитета, № 5, лл. 119—122.

[Разбор повести Салтыкова «Запутанное дело» в журнале Комитета по делам цензуры 28 марта 1848 г.]

4. Дело III Отделения, 1 эксп., № 25 — «Журналы и газеты», часть 2-я: «Об учреждении комитета для суждений о «Современнике», «Отеч. Записках» и пр. русских журналах 1848 г.», лл. 79—81.

[Две краткие справки о Салтыкове — авторе повести «Запутанное дело». Приложены к записке дейст. стат. сов. Фишера к Дуббельту от 22 марта 1848 г., № 10.]

5. «Книга по частным сведениям» за 1857 г.

[Сведения о Салтыкове, извлеченные путем перлюстрации писем его, к нему и о нем.]

6. Дело III Отделения № 434 1865 г. «О неприязненных отношениях, возникших между пензенским губернатором Александровским и тамошним губернским предводителем дворянства Араповым».

[Донесение о Салтыкове пензенского жандармского штаб-офицера подполковника Глобы шефу жандармов Шувалову от 1865 г.]

7. Дело III Отделения, 1 эксп., № 100. 1866 г., часть 7-я, лл. 16—18.

[Донесение о Салтыкове пензенского жандармского штаб-офицера подполковника Глобы шефу жандармов Шувалову от 1865 г.]

8. Дело III Отделения, 1 эксп., № 7 «О лицах, обращающих на себя внимание правительства», часть 33-я, Пензенской губернии, лл. 2 обор.— 3; об.— 8; а также лл. 3 обор. и 8 обор. в характеристике барона Розена.

[Отзывы о Салтыкове пензенского жандармского штаб-офицера подполковника

Глобы, направленные 24 января и 20 мая 1866 г. шефу жандармов Долгорукову. В деле имеется кроме того выдержка из сведений, представленных Глобой, сделанная повидимому Долгоруким. Выдержка берет на заметку среди других лиц Салтыкова и лиц с ним связанных. 12 лл.]

2. Выписка из перлюстрированного письма Н. А. Белоголового к Салтыкову из Ментоны от 6 января 1883 г. с краткой полицейской характеристикой Белоголового. 1 л.

Фонд департамента полиции. Делопр. С. С. перлюстрация. № 23. 1883 г.

10. Дело департамента полиции 4-го делопроизводства «Об общестуденческом союзе в Москве», № 553, часть 1-я, 1884 г.

[Переписка по поводу издания запрещенных «Сказок» Щедрина:

1) Сообщение отеления по охране порядка и безопасности г. Москвы московского обер-полицмейстера в департамент полиции о результатах обыска в литографии Янковской. Среди прочего указывается, что в типографии обнаружены отпечатки запрещенных «Сказок» Щедрина. 2 мая 1884 г., № 2879, л. 2.

2) Переписка начальника Московского губернского жандармского управления Середы с директором департамента полиции Плеве о привлечении Салтыкова к ответственности за нелегальное издание его запрещенных «Сказок». 20 мая 1884 г., № 66, л. 18; 30 мая 1884 г., № 1046, л. 19.]

11. Дело департамента полиции 4-го делопроизводства «Об общестуденческом союзе в Москве», № 553, часть 1-я, 1884 г., лл. 38—39.

[Копия студенческого адреса Салтыкову по поводу закрытия «Отечественных Записок».]

12. Дело департамента полиции 3-го делопроизводства, № 800, 1884 г., «По заявлению П...» Протокол показаний П... май 1884 г., лл. 6—7, 10 и дополнительные показания П..., лл. 24—25, а также л. 16 — письмо директора департамента полиции С.-Петербургскому губернскому жандармскому управлению.

[Донос агента П... о предполагавшемся в редакции газеты «Русский Курьер» чтении запрещенной статьи Щедрина, об издании на нужды революционной партии щедринской фотографии и о речи, произнесенной Салтыковым на поминальном обеде по Тургеневу.]

Сведения о Салтыкове в показаниях П... даны попутно среди сведений о целом ряде других лиц.

13. Дело департамента полиции 3-го делопроизводства, № 266 «О чествовании памяти умершего литератора М. Е. Салтыкова», 1889 г. На 14 лл.

[Дело содержит переписку департамента полиции по поводу откликов на смерть Салтыкова в Петербурге, Москве, Казани, Рязани. Документы касаются главным образом участия в чествовании памяти Салтыкова учащейся молодежи. Среди других документов сохранился текст стихотворения, прочитанного студентом Захарьиным на могиле Салтыкова в день его похорон.]

14. Дело департамента полиции 3-го делопроизводства, № 15 «По бумагам разного содержания», 1889 г., л. 70.

[Донос Цугановского в департамент полиции о панихиде по Салтыкове в Одессе и участии в чествовании памяти Салтыкова одесского генерал-губернатора и некоторых других высших чиновников города.]

15. Дело департамента полиции 3-го делопроизводства, № 503 «О Московском Юридическом Обществе», 1889 г.

Письмо начальника Московского губернского жандармского управления Середы к Н. И. Шебеко от 29 октября 1889 г., № 52. Письмо Н. И. Шебеко к министру народного просвещения Делянову от 3 ноября 1889 г., № 3789, л. 3. Ответ Делянова Шебеко 26 ноября 1889 г., № 19672, л. 4.

[Переписка департамента полиции о деятельности Московского Юридического Общества. Среди прочего сообщается о реферате «Юридические и экономические мотивы произведений М. Е. Салтыкова», прочитанном в Обществе Каблуковым 2 октября 1889 г. Реферат характеризуется как собрание всего написанного Салтыковым в «осмеяние и оплевание» правительственных мероприятий.]

16. Добродетели и пороки. Литогр. изд. Обл., без тит. л., 14 стр., 21×12 см. Арх. № 343.

17. Новые сказки Щедрина. Москва. 1884 г. Летучая гектография Н. П. Гектогр. изд. с рукоп. текста, 27 стр. 18,5×12 см. Обл. тит. л. Обложка (или тит. л.?) имеет виньетку из квадратиков и пря-

мых линий. Верху обложки: «Цена 50 к.» Под текстом подпись: «Щедрин» и дата «1884 года 29 апреля Лет. Гетогр. Нар. Пар.» Содержание: «Медведь на воеводстве» (с. 1—7); «Добродетели и пороки» (с. 18—27). Арх. № 1502.

18. Новые сказки для детей изрядного возраста. Щедрин. Москва (лит. Янковецкой). 1884 г. [2]+30 стр. [2] 20,8×11 см. Тит. л. худож. виньетка. Содержание: «Добродетели и пороки» (с. 1—14); «Медведь на воеводстве» (с. 15—30). Арх. № 150.

19. Орел-меценат. Литогр. изд. Без тит. л., 8 стр. 24×16,6 см. Под текстом подпись: «Щедрин». Арх. № 3660.

20. Орел-меценат (Сказка). Гектогр. изд. Киев, 1902 г. 13 стр. Подпись: «Н. Щедрин». Дата: 1 марта 1887 г., на обороте обложки: «издание в пользу Киевской кассы помощи политическим ссыльным и заключенным Красного Креста»). Цена 20 к. Из ДО д. 14а, № 825, ч. 6. 1901 г. № 17901.

21. Щедрин Н. Орел-меценат. Сказка. Genève. M. Elpidine, libraire-éditeur. Тип «Общего Дела». 1886. Обл., без тит. л., 14 стр. 14,2×9 см. Обл. входит в общ. нумерац. Вверху обл. мелким шрифтом: «Aigle-Mécène par Stschedrine». Заглавие перед текстом повторяется. Арх. № 3661.

22. Сказки для детей изрядного возраста. 1883. Гектогр. изд. Без тит. л., 14 стр. 14,5×10 см. Перед текстом: «Премудрый пискарь». Надпись от руки: «г. Пермь». К представл. от 9/11 1884, № 506. 4 Дело № 650/84. Арх. № 3347.

23. Сказки для детей изрядного возраста. № 1. Премудрый пискарь. Гектогр. изд. Без тит. л., 23 стр. 19×14 см. Брошюра имеет надпись автора. Каждая стр. имеет рамку. Содержание: с 1—8: «Премудрый пискарь», стр. 8—14. № 2 «Самоотверженный заяц», стр. 14—23. № 3 «Бедный волк». Арх. № 4210.

24. Письма к тетеньке Н. Щедрина. Харьков. 1881. Гектогр. изд. 32 стр. + (1) 19,5×15,5 см. На обороте последн. чистой стр. «Цена 50 коп.». Арх. № 3664.

25. Письма к тетеньке Н. Щедрина. Гектограф. изд. 1886. Обл. без тит. л., 21 стр., 18,2×13,6 см. Чрезвычайно четкое письмо, тонко отпечатанное бледночернолиловатыми чернилами. Затейливое написание заглавия с постепенным переходом от крупных букв к мелким первого слова и от мелких к крупным — второго. Арх. № 3663.

26. Письма к тетеньке Н. Щедрина. Гектограф. изд. 1886. Обл. без тит. л., 46 стр. 18×11,5 см. Изящное изд. с четким круглым письмом. Текст каждой стр. в рамке, чернила розоватого оттенка, под текстом концовка. На обложке, из желтой бумаги, рисунок двух тонов: лилового и розоватого, изображающий архитект. русск. мотив с резьбой. Арх. № 3662.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

1. Письмо к М. М. Ковалевскому [Петербург] 8 марта [1866 г.]. Авт. 2 лл. Шифр В 24/21, 204/84.

2. Письмо к К. К. Случевскому [Петербург] 16 октября [1871 г. Авт. 1 л. Шифр В. 24 4/16.

3. Письмо к К. Петровичу [описка вместо Константиновичу] Случаевскому [Петербург] 16 октября [1871 г.]. Авт. 1 л. Шифр В. 24 4/16.

4. Письмо к К. А. Еракову [Петербург] 18 мая [1870-е годы]. Авт. 1 л. Шифр. А 15 2/21.

5. Письмо В. Семеновичу [описка вместо Михайловичу] Лаврову [Петербург] 24 мая 1883 г. Авт. 2 лл. Шифр. В 2 В 4/24. 887.

6. Письмо к С. А. Юрьеву [Петербург] 23 октября [1883 г.]. Авт. 2 лл. Шифр. В 23 4/24 888.

7. Письмо к Н. Н. Бахметьеву [Петербург] 5 мая [1884 г.]. Копия, сделанная рукою Бахметьева и с его примечанием относительно повести Фирсова. 2 лл. Письмо прошнуровано и скреплено печатью следователя 4-го уч. г. Москвы. Шифр Б 2 4/11 1320.

8. Письмо к Н. Н. Бахметьеву [Петербург] 30 июня [1884 г.]. Копия, сделанная рукою Бахметьева. 2 лл. Письмо прошнуровано и скреплено печатью следователя 4-го уч. г. Москвы. Шифр Б 2 4/11 1321.

9. Телеграмма на имя В. А. Гольцева [поздравительная с юбилеем журнала «Русская Мысль»]. Шифр Б 2 4/11 1441.

10. Объяснения Н. Н. Бахметьева, данные им по поводу двух писем к нему Салтыкова от 5/V и 30/VI 1884 г. Авт. Бахметьева. 2 лл. Рукопись прошнурована и скреплена печатью следователя 4-го уч. г. Москвы. Шифр Б 2 4/11 1320—21.

11. Записка неизвестного с характеристикой М. Е. Салтыкова [Петербург] 1866 г. Авт. 1 л. Шифр А 15 2/16.

12. 37 газетных и журнальных вырезок о Салтыкове. Собрание П. К. Симони. Связка XIV.

13. 6 газетных и журнальных вырезок о Салтыкове. Собрание Н. Я. Страхова.

14. Медведь на воеводстве (Топтыгин I, II, III). Рукописная копия неизвестных лиц (два почерка). 10 лл. Арх. Веселовского. Б 1/4.

15. Письмо к тетеньке (3-е письмо). Гектогр. изд. 44 стр. Обложка. Надпись на обл.: «Запрещенное произведение Щедрина (Салтыкова). Насмешки над добровольной охраной его величества и над св. дружиной 1882 г.» Арх. кн. Н. С. Щербацкого. Арх. № 321. Связка 14.

16. Сведения о Салтыкове в показаниях С. А. Юрьева по делу Н. Н. Бахметьева. Архив С. А. Юрьева.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, КРИТИКИ И ПУБЛИЦИСТИКИ

1. 2 письма к И. С. Тургеневу от 11 января и 20 декабря 1870 г. Копия рукою неизвестного, 2 лл. № 540.

2. Записка от 14 января 1874 г. с отзывом с рукописи С. М. Лобода-Крапивина «Дневник княгини Хмуровой». Здесь же письмо Лобода-Крапивина в редакцию сборника «Складчина» с предложением своей рукописи. Арх. № 540/16.

3. Конец письма к неизвестному и фотографический портрет. Фотокопии с оригиналов из собрания Коссиловского, хранившегося в быв. Польском музее при Рапперсвильдской библиотеке в Кракове. Арх. № 545.

4. Покровский, Б. Иллюстрации к «Сказкам» 1922 г. 4 лл. Дар художника. Арх. № 545.

5. 5 писем к А. В. Дружинину 1852—1860 гг. Авт. 8 лл. Поступило от В. Г. Дружинина. Арх. № 548.

6. Салтыков, Илья Евграфович, фотографический портрет-овал, наклеенный на картон. 1 л. Арх. № 550.

7. Салтыкова Ольга Михайловна. Фотографический портрет. Овал. 1 л. Арх. № 550.

8. Отношение Тульской Казенной Палаты от 13 февраля 1867 г., написанное рукою Салтыкова. Авт. 1 л. Арх. № 592/12.

9. Опись служебных бумаг Салтыкова, хранящихся в Пензенском Архивном Управлении. Поступило от редакции «Литературного Наследства». Арх. № 733.

10. Опись служебных бумаг Салтыкова, хранящихся в Тульском отделении Моск. Оластного Архивного Управления. Поступило от редакции «Литературного Наследства». Арх. № 736.

11. Опись документов, относящихся к земельным владениям Салтыкова в Ярославской губернии, хранящихся в Рыбинском Архивном бюро. Поступило от редакции «Литературного Наследства». Арх. № 736.

12. Письмо И. И. Ясинскому от 20 мая б. г. Автограф 1 л. Поступило от А. Е. Бурцева. Арх. № 967/13-а.

13. Служебная записка Салтыкова как управляющего Тульской Казенной Палатой. Авт. 1 л. Поступило от А. Е. Бурцева. Арх. № 967/13-б.

14. 109 писем к Н. А. Белоголовому. Копии. 250 лл. Поступило от Е. Ф. Никитиной. Арх. № 1269.

15. Формулярный список о службе Тверского вице-губернатора коллежского советника М. Е. Салтыкова, составленный 18 июля 1861 г. 15 лл. Дар Калининского Отделения МОАУ. Арх. № 1431.

16. Записка об имениях И. Е., Д. Е. и О. М. Салтыковых (братьев и матери Салтыкова) 1851—1862. 6 лл. Дар Калининского Отделения МОАУ. Арх. № 1432/7—8а.

17. Салтыкова, Е. В. (отец писателя). Объявление предводителю дворянства Черемисинову о доходах с имения на 1818 г. 1 л. Дар Калининского Отделения МОАУ. Арх. № 1432/9.

18. Родословная Салтыковых. 2 лл. Дар Калининского Отделения МОАУ. Арх. 1432/10.

19. Письмо дворян Тверской губернии к Тверскому предводителю дворянства о кре-

стьянском вопросе [1860 г.]. Среди других подпись Салтыкова. 4 лл. Дар Калининского Отделения МОАУ. Арх. № 1432/12.

20. Отношение военного и гражданского губенатора г. Твери Тверскому предводителю дворянства от 2 ноября 1860 г. о жестоком обращении помещика Хлебникова с крестьянами. Подписано за губернатора Салтыковым. 2 лл. Дар Калининского Отделения МОАУ. Арх. № 1432/13.

21. Письмо в Повенецкую общественную библиотеку, б. д. Авт. 1 л. Поступило от С. И. Реверсова. Арх. № 1446/1.

22. Для детей. Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил. Авт. 3 лл. Из архива В. М. Лазаревского. Поступило от В. А. Флерова. Арх. № 1448/II, 4.

23. Максимов, С. В. Народные преступления и несчастья. Корректура с правкой Салтыкова. 5 форм. Из архива В. М. Лазаревского. Поступило от В. А. Флерова. Арх. № 1448/II, 5.

24. Салтыков, К. (сын Салтыкова). Фотографический портрет 1874 г. Арх. № 1449/1.

25. Салтыкова, Е. (дочь Салтыкова). Три портрета. 1882—1887—1896 гг. Арх. № 1449/2, 3, 4.

26. Салтыковы, К. и Е. (дети Салтыкова). Фотографический портрет 1881 г. Арх. № 1449/5.

27. Салтыкова, Е. А. Две визитные карточки. Арх. № 1449/6.

28. Письмо Петербургского городского головы графа Толстого к Е. М. да Пассано (дочери Салтыкова) от 22 апреля 1914 г. с извещением о мероприятиях, предпринимаемых городской думой для увековечения памяти Салтыкова в связи с 25-летием со дня его смерти. Авт. 2 лл. Арх. № 1449/7.

29. Михайловский, Н. К. Письмо к Е. А. Салтыковой от 13 декабря 1898 г. со списком анонимных статей Салтыкова, помещенных в «Отечественных Записках». Авт. 1 л. Из архива Е. А. Салтыковой. Поступило от А. Е. Розинера. Арх. № 1450/1.

30. Пыпин, А. Н. Письмо к В. И. Лихачеву б. д. со списком анонимных статей Салтыкова, помещенных в «Современнике» и «Отеч. Записках». Авт. 5 лл. Из архива Е. А. Салтыковой. Поступило от А. Е. Розинера. Арх. № 1450/2.

31. Дистерло Н. Письмо к В. Н. Лихачеву б. д. по поводу собрания сочинений Салтыкова. Авт. 2 лл. Из архива Е. А. Салтыковой. Поступило от А. Е. Розинера. Арх. № 1450/3.

32. «Чужую беду руками разведу». Список, сделанный неизвестною рукою. 10 лл. Из архива Е. А. Салтыковой. Поступило от А. Е. Розинера. Арх. № 1450/5.

33. Стасюлевич, М. М. (?) К изданию статей М. Е. Салтыкова, не вошедших в собрание его сочинений. Черн. рук. Авт. 10 лл. Из архива Е. А. Салтыковой. Поступило от А. Е. Розинера. Арх. № 1450/6.

34. План библиографического справочника к последнему тому собрания сочинений М. Е. Салтыкова. Рукопись, написанная неизвестной рукою. Авт. 1 л. Из архива Е. А. Салтыковой. Поступило от А. Е. Розинера. Арх. № 1450/7.

35. «Письма к тетеньке». Письмо третье и «Сказки»: Добродетели и пороки, Медведь на воеводстве, Обманщик-газетчик и легковерный читатель, Вяленая вобла, Орел-меценат. Вырезанные страницы из «Отечественных Записок» и частично рукопись рукою Е. А. Салтыковой с авторской правкой 35 лл. Архив Е. А. Салтыковой. Поступило от А. Е. Розинера. Арх. № 1450/8.

36. История одного города. Корректурные гранки первых пяти глав журнального текста с авторской правкой. 9 форм, переплетенные в альбом. Из архива Е. А. Салтыковой. Поступило от Е. А. Розинера. Арх. № 1450/8.

37. «Сказки»: Добродетели и пороки. Медведь на воеводстве. (Топтыгин 1-й. Топтыгин 2-й. Топтыгин 3-й). Обманщик-газетчик и легковерный читатель. Вяленая вобла. Корректурные гранки журнального текста с авторскими правками. 16 форм, переплетенные в альбом. Из архива Е. А. Салтыковой. Поступило от А .Е. Розинера. Арх. № 1450/8.

38. Письмо В. Р. Зотову б. д. Авт. 1 л. Из архива В. М. Лазаревского. Поступило от В. А. Флерова. Арх. № 1535/4. Корректурные листы ряда статей. «Наша общественная жизнь» с цензорскими купюрами

и авторскими правками. 10 форм. Из архива. Е. А. Салтыковой. Поступило от А. Е. Розинера. Арх. № 1450/9.

39. Тени. Драматическая сатира в 4-х действиях. Машинописная, режиссерская копия с рядом купюр и поправок неизвестной рукой [1914 г.]. 102 лл. Поступило от А. Е. Розинера. Арх. № 1450/18.

40. 7 писем В. М. Лазаревскому б. д. Авт. 8 лл. Из архива В. М. Лазаревского. Поступило от В. А. Флерова. Арх. № 1535/25.

41. Записка к В. М. Лазаревскому с припиской Некрасова от 23 марта 1870 г. Авт. 1 л. Из архива В. М. Лазаревского. Поступило от В. А. Флерова. Арх. № 1535/26.

42. Лазаревский, В. М. Письмо к М. Е. Салтыкову от 21 февраля [1872 г.]. С отметкой Салтыкова. Авт. 1 л. Из архива В. М. Лазаревского. Поступило от В. А. Флерова. Арх. № 1535/63.

44. 2 письма к Анне Николаевне Энгельгардт б. д. Авт. 2 лл. Поступило от Н. А. Энгельгардта.

45. 21 письмо к Александру Николаевичу Энгельгардту 1871—1883 гг. Авт. 38 лл. Поступило от Н. А. Энгельгардта.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ РЕВОЛЮЦИИ СССР

1. Благонамеренная повесть (Мои любовные радости и страдания. Из записок Солощего быка). Черн. рук. Авт. 4 лл. Арх. № 3786.

2. Опись градоначальникам. — [История одного города]. Черн. рук. Авт. 2 лл. Арх. № 3942.

3. Письмо к А. Н. Плещееву от 9 сентября 1800 г. Авт. 2 лл. Арх. № 5630.

4. Служебные бумаги Пензенской казенной палаты, относящиеся к деятельности Салтыкова в качестве председателя. Авт. 6 лл. Арх. № 5630.

5. Новые сказки для детей изрядного возраста. Щедрин. Москва. [Лит. Янковецкой] 1884 г. [2] + 30 стр. 20, 8 × 11 см. Тит. л. худож. виньетка. Содержание: «Добродетели и пороки» (с. 1—14); «Медведь на воеводстве» (с. 15—30). Арх. № 4846.

6. Новые сказки для детей изрядного возраста. Щедрин. Москва [Лит. Янковецкой], в. II, М., 1884 г. Содержание: «Обращение к русскому обществу»; «Вяленая вобла»; «Обманщик-газетчик и легковерный читатель». Арх. № 4847.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ИМ. И. БАХРУШИНА

1. Письмо к И. Ф. Горбунову, без даты. Авт. 1 л. Арх. № 3679.

2. 36 писем к А. Н. Островскому (1863—1884). Авт. 72 лл. Арх. №№ 17445—457; 17469—481.

3. 7 писем к А. Н. Плещееву. Авт. 14 лл. Арх. №№ 3149—3155.

4. 2 письма к С. А. Юрьеву. Авт. 4 лл. Арх. №№ 6648—6649.

5. Письмо к А. О. Новодворскому. Авт. 2 лл. Арх. № 6647.

АРХИВ ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ И ПОЛИТКАТОРЖАН

1. 11 писем к Е. И. Якушкину [1861—1876 гг.]. Авт. 12 лл. Арх. Якушкина.

2. 1 письмо к В. Е. Якушкину от 1 апреля (1884 г.). Авт. 2 лл. + конверт + фотогр. карточка С. с дарственной надписью. Арх. Якушкина.

3. Письма к тетеньке (3-е письмо). Рукописный список рукою неизвестного. Арх. Якушкина.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТОЛСТОВСКИЙ МУЗЕЙ

Архив В. Г. Черткова

1. Копия письма Л. Н. Толстого к М. Е. Салтыкову от 1—3 декабря 1885 г. на 2 лл.

ОБЛАСТНЫЕ АРХИВЫ И МУЗЕИ

ВЛАДИМИРСКОЕ ГОРОДСКОЕ АРХИВНОЕ БЮРО — г. ВЛАДИМИР

1. 5 писем к Ф. Д. Нефедову, без дат. Авт. 10 лл. Фонд Ф. Д. Нефедова.

МУЗЕЙ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО — г. САРАТОВ

1. Письмо к Н. Г. Чернышевскому от 29 апреля [1862 г.]. Москва. Авт. 2 лл.

НИКИТИНСКИЙ МУЗЕЙ — г. ВОРОНЕЖ

1. 15 писем Г. И. Недетовскому (О. Забытому). Авт.

МОСКОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

1. Особое мнение Салтыкова о неправильном арестовании мещанина Калашникова. Автограф 2 лл.

Фонд Тверского губернского управления 1859—1861 гг. по 3-му столу.

2. Распорядительные журналы присутствия Тверского губернского управления от 8 и 20 марта 1861 г. по 2-му и 1-му столу по 1 отделению. Журналы подписаны Салтыковым.

Фонд Тверского губернского управления, книга журналов присутствия за март 1861 г.

3. Две выписки из исполнительного журнала заседаний присутствия Тверского губернского управления за март 1861 г. с выдаче жалованья Салтыкову.

Фонд Тверского губернского управления. Журнал присутствия Губернского управления за 2-ю половину марта 1861 г.

4. Уставная грамота, составленная в 1862 г. при освобождении Салтыковым крестьян в селе Заозерье и прилегающих к нему деревнях Угличского уезда, Ярославской губернии.

Дело присяжного поверенного Сухоручкина о Салтыковых. № 167/707 по описи 34, арх. № 27, лл. 6—26.

5. Собственнноручная записка Салтыкова о родовом имении, написанная в 1872 г. Авт. 7 лл.

Дело присяжного поверенного Сухоручкина о Салтыковых. № 167—707 по описи № 34, арх. № 27, лл. 41—46.

6. Дело о жестоком обращении помещицы Зиловой со своими крестьянами. 1859—1863 гг.

[Журнальное постановление губернского правления от 9 декабря 1860 г., подписанное Салтыковым.]

Политсекция. Фонд Тверского губернского правления, № 58, лл. 111—112.

7. Дело о жестоком обращении помещика Козлова с крепостными людьми. 1860 г.

[Проект постановления губернского правления от 21 декабря 1860 г., написанный Салтыковым.]

Экономическая секция. Фонд Тверского губернского правления.

8. Дело об отягощении помещиком Нероновым своих крепостных крестьян. 1861 г. [Проект постановления губернского правления от 9 июня 1861 г., написанный Салтыковым. Автограф на лл. 103—104 «дела».]

Экономическая секция. Фонд Тверского губернского правления.

9. Дело Тверского губернского присутствия по прошению ржевского помещика Василия Иванова Бунина о ссылке в Сибирь крестьянина Абрама Лаврентьева. 1859—1862 гг. На 245 лл.

[Проект журнала губернского присутствия по делу о ссылке, написанный Салтыковым. Салтыков ходатайствует от ссылки воздержаться.]

Политсекция. Фонд Тверского губернского правления, № 53, лл. 98—99 и 100—101.

10. Дело № 196/289 1-го стола канцелярии военного губернатора г. Твери и тверского гражданского губернатора «по представлению тверского вице-губернатора о крепостных людях, ссылаемых по воле помещиков в Сибирь на поселение». 1860 г. На 6 лл.

[Дело содержит отношение Салтыкова на имя тверского губернатора с предложением не заключать в тюрьму крестьян, ссылае-

Примерная разценка:

Первый отдел:

1) Село [illegible] 620 [illegible] 5 р. 90 к. [illegible] по 115 р. а за [illegible] 20% по 92 р. [illegible] 620 [illegible] 57040 р. [illegible] 24 [illegible] 44000 р.

2) [illegible] в 10000 р.

3) Пустоши [illegible] ... 1200 р.

Итого на 55000 р.

Второй отдел:

1) 2 деревни [illegible] 570 [illegible] 5 р. 86 к. [illegible] по 117 р. [illegible] по 107 р. 60 к. [illegible] 13.192 [illegible] 23 [illegible]

2) Деревня [illegible] 33 [illegible] 242 р. [illegible]

3) Капитал [illegible] 1000 р.
[illegible] 6 5/10 р.

[illegible]

5% билетов Гос. Банка 600 р.

Облигаций Моск. [illegible] 700 р.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА САЛТЫКОВА О СВОЕМ ИМЕНИИ, 1872 г.

Московское областное архивное управление

мых в Сибирь на поселение по воле помещиков, и переписку тверского губернатора с министром внутренних дел в связи с этим отношением.]

Политсекция. Фонд канцелярии тверского губернатора, № 1247.

11. Дело по отношению исправляющего должность председателя Ржевского мирового съезда о перенесении усадьбы в имении г-жи Безобразовой. 1861—1865 гг.

[Отношение и о. тверского губернатора вице-губернатора Салтыкова министру внутренних дел с протестом против решения губернского по крестьянским делам присутствия и распоряжения губернатора о переселении нежелающих того крестьян полицейскими мерами. Приложены написанные рукою Салтыкова отпуска писем Тверскому губернскому правлению, ржевскому предводителю дворянства, тверскому по крестьянским делам присутствию, посреднику 9-го участка Ржевского уезда и Ржевскому земскому суду.]

Экономическая секция. Фонд Тверского губернского по крестьянским делам присутствия, № 253, лл. 67—72.

12. Дело Тверского губернского присутствия об отношении тверского губернского прокурора о беспорядках Корчевского уездного суда. 1860 г. На 57 лл.

[Представление Салтыкова начальнику Тверской губернии о беспорядках в Корчевском уездном суде].

Пелитсекция. Фонд канцелярии губернского присутствия, № 1860, лл 17—20.

13. «Дело канцелярии военного губернатора в г. Твери и тверского гражданского губернатора — по письму начальника губернии к г. министру внутренних дел о крайней беспорядочности по управлению Тверским губернским батальоном». 11/Х 1860 г.— 24/II 1861 г. На 44 лл.

[Отношение и. о. тверского губернатора Салтыкова командиру отделения корпуса внутренней стражи о беспорядках.]

Политсекция. Фонд канцелярии тверского губернатора, № 1236, лл. 31—32.

14. Дело «по предложению его сиятельства г. начальника губернии о переводе г. тверского вице-губернатора Иванова на такую же должность в г. Рязань и о поступлении на место тверского—рязанского вице-губернатора Салтыкова. 1860 г. На 2 лл.

[Отношение тверского губернатора от 9 апреля 1860 г. губернскому правлению о перемещении по высочайшему повелению рязанского вице-губернатора Иванова с приложением справки губернского правления об этом перемещении.]

Экономическая секция. Фонд Тверского губернского правления.

15. Дело по отношению канцелярии г. начальника губернии о переводе рязанского вице-губернатора коллежского советника Салтыкова в г. Тверь. 1860 г. На 21 лл.

[Приказ по министерству внутренних дел. Приложен «формулярный список по службе тверского вице-губернатора статского советника Михаила Евграфовича Салтыкова, составленный в апреле месяце 1860 г.»]

Экономическая секция. Фонд Тверского губернского правления.

16. Дело «по докладу о производстве в чины г. вице-губернатора и ст. советника особых поручений Львова и мл. Будаевского». 1860 г. На 1 л.

[Доклад Тверского губернского правления от 17 августа 1860 г., № 1380 о производстве Салтыкова приказом по министерству вн. дел за отличия в статские советники со старшинством.]

Экономическая секция. Фонд Тверского губернского правления.

17. Дело «по предложению начальника губернии об увольнении г. Салтыкова по высочайшему повелению от службы и назначении на его место г. Толстого». 1862 г. На 9 лл.

[Отношение губернатора Тверскому губернскому правлению об увольнении Салтыкова от занимаемой им должности вице-губернатора согласно прошения.]

Экономическая секция. Фонд Тверского губернского правления.

18. Дело по отношению канцелярии г. начальника губернии с перепиской о понуждении крестьян помещика Максимовича к снятию хлеба и травы с принадлежащих им полей. 27/II 1860 г.—18/III 1860 г. на 54 лл.

[В деле имеется отношение Тверского гражданского губернатора Тверскому губерскому правлению от 10 сентября 1860 г. за № 5669, подписанное за губернатора Салтыковым (лл. 23—26). В отношении сообщается об отказе утвердить журнал губернского правления с постановлением послать для экзекуции крестьян Максимо-

вича воинскую команду и о передаче дела на рассмотрение в правительственный сенат].

Фонд Тверского губернского правления, отд. 1-е, стол 3-й, № 12.

19. Дело Тверского губернского правления о жестоком обращении помещицы Зиловой со своими крестьянами. 5/III 1859 г.—4/X 1863 г. на 234 лл.

[В деле имеется собственноручная запись Салтыковым постановления Тверского губернского правления от 15 декабря 1860 г. (лл. 111—112). Постановление не соглашается с губернским дворянским собранием, отрицавшим элементы жестокости в поведении помещицы Зиловой, перечисляет факты, свидетельствующие о жестоком ее обращении с крестьянами, и требует предоставления следственного материала по делу на решение правительственного сената для назначения над имением опеки].

Фонд Тверского губернского правления, отд, 10-е, стол 3-й, № 91/59.

20. «Дело по письму Бежецкого помещика генрал-адъютанта Зиновьева о принятии мер к прекращению возникших в имении его беспорядков».

[Дело содержит многочисленные резолюции, постановления и письма, написанные собственноручно Салтыковым.]

Фонд Тверского губернского правления, стол 3-й, № 187, лл. 247.

ПЕНЗЕНСКОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ — г. ПЕНЗА

45 документов, относящихся к деятельности Салтыкова в качестве управляющего Пензенской казенной палатой с января 1865 по декабрь 1866 г.

Фонд Казенной палаты. Подробная опись документов передана в Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики. Арх. № 736.

РЯЗАНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ МОСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО АРХИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ — г. РЯЗАНЬ

1. «Рапорты градских и земских полиций о происшествиях за вторую половину сентября 1859 г.»

[Предписание и. о. гражданского губернатора Рязанской губернии вице-губернатора Салтыкова уголовных дел стряпчему Полозову от 28 сентября 1859 г. за № 10035 произвести строжайшее дознание по делу о жестоком обращении помещицы Кислинской со своими слугами, результатом чего явилось покушение на самоубийство двух дворовых мальчиков, находившихся у нее в услужении. Автограф Салтыкова.]

Политсекция. Фонд канцелярии рязанского губернатора, № 18, л. 11.

2. «Рапорты градских и земских полиций о происшествиях за вторую половину сентября 1859 г.»

[Написанное Салтыковым отношение жандармскому штаб-офицеру Рязанской губернии от 28 сентября 1859 г. за № 10404 с уведомлением о порученном чиновнику особых поручений Рыкову дознании по поводу покушения на самоубийство двух крепостных мальчиков помещицы Кислинской. Испрашивается согласие штаб-офицера на участие в следствии, так как в городе существует слух, что покушение произошло от дурного с ними обращении названной помещицы.]

Политсекция. Фонд канцелярии губернатора, № 18, л. 12.

3. «Рапорты градских и земских полиций о происшествиях за вторую половину сентябар 1859 г.»

[Донесения и. о. рязанского губернатора вице-губернатора Салтыкова министру внутренних дел от 29 сентября за № 10118 о покушении на самоубийство двух братьев дворовых мальчиков отставного майора Вельяшова — Ивана 14 и Гаврилы 12 лет, которые были найдены окровавленными 27 сентября в саду чиновницы Колосовой. Причина покушения — жестокое с ними обращение полковницы Кислинской, живущей у Вельяшова, который в самый день покушения приготовил для них наказания 6 пучков розог за то, что они не стерли пыли с мебели.]

Политсекция. Фонд канцелярии рязанского губернатора, № 18, л. 14.

4. «Дело по предложению г. начальника губернии о жестоком обращении г. Кислинской со своими слугами». 1860 г.

[Переписка и решение губернского правления по делу. По невозможности доследо-

вать его в виду того, что законом воспрещено давать очную ставку помещикам с их крепостными, а также потому, что свидетели оказались в тесной дружбе с Кислинской, дело было возвращено следователем без исполнения. Губернское правление постановило считать его окончательным.]

Фонд Рязанского губернского правления, № 74/113, лл. 15—17.

5. Журналы присутствия Рязанского губернского правления по 8-му столу 3-го отделения от 6 октября 1859 г. по делу Егорьевского земского суда об убийстве крестьянина деревни Мелиховой помещицы Серебряковой Иване Григорьеве и о жестоком обращении Серебряковой со своими крестьянами.

[Журналы подписаны Салтыковым. На полях имеются кроме того его замечания.]

Фонд Рязанского губернского правления. Журналы присутствия.

6. «Дело по отношению товарища министра внутренних дел о неблаговидных действиях некоторых помещиков Егорьевского уезда при увольнении своих крестьян». 1858 г.

[Копия журнального постановления губернского правления от 27 октября 1858 г. по делу о разных лицах, причисленных в егорьевское мещанство без их согласия. Ряд помещиков без согласия со стороны своих крестьян отдали их на работу в егорьевскую фабрику братьев Хлудовых. Фабричная контора внесла за них выкупные деньги, получив взамен отпускные свидетельства, а затраченные средства записала в рабочие книжки этих крестьян как долг конторе. Губернское правление постановлением, подписанным Салтыковым, признало необходимым помещиков и управление фабрики Хлудовых предать суду и произвести дополнительное расследование по этому делу.]

Фонд канцелярии рязанского губернатора, № 1690/45, лл. 4—38.

7. Дело «по ревизии рязанских присутственных мест статским советником Куприяновым», 1858 г.

[Замечания ревизироа Куприянова о замеченных им беспорядках с отзывом губернского правления и замечаниями Салтыкова.]

Фонд Рязанского губернского правления, лл. 138—219.

8. Дело «по ревизии рязанских присутственных мест статским советником Куприяновым». 1858 г.

[Проект постановления губернского правления по замечаниям ревизора Куприянова, написанный Салтыковым.]

Фонд Рязанского губернского правления, лл. 328—335.

9. Проект журнала 1-го отделения, 1-го стола от 31 декабря 1858 г. по замечаниям ревизора Куприянова с отметками Салтыкова.

Фонд Рязанского губернского правления, лл. 128—138.

10. «Отчет начальника рязанской губернии» за 1858 г.

[Отмечается улучшение в работах губернского правления, которое приписывается «знанию дела и усердию рязанского вице-губернатора Салтыкова», который «подробной своей ревизией делопроизводства и личным участием в изготовлении докладов и журналов направил дела к прямому производству их».]

Политсекция. Фонд канцелярии рязанского губернатора, № 2454, л. 1470/99.

11. «Дело по секретным министерским предписаниям с 1808 по 1863 г.»

[Копия письма князя Дадиан-Мингрельского 1858 г. министру внутренних дел Ланскому с жалобой на распоряжения местной власти по делу о введении его в наследство с характеристикой Салтыкова как «злейшего интригана».]

Политсекция. Фонд канцелярии рязанского губернатора, л. 1063/19.

12. «Дело по рапорту сапожковского городничего об исправлении пожарного инструмента г. Сапожка». 1858 г.

[Проект журнала губернского правления от 14 мая 1858 г., написанный Салтыковым.]

Фонд Рязанского губернского правления, по 5-му столу 2-го отделения, № 833/232, л. 6.

13. «Рапорты градских и земских полиций о происшествиях за первую половину сентября 1858 г.»

[Замечания Салтыкова на рапорте ряжской городской полиции от 18 сентября 1859 г. о пожаре в городе Ряжске.]

Политсекция. Фонд канцелярии рязанского губернатора, № 11311, л. 2.

14. «Дело о награждении чиновников в 1860 г.»

[Формулярный список Салтыкова, составленный 10 февраля 1860 г.]

Политсекция. Фонд канцелярии рязанского губернатора, лл. 56—66.

15. «Дело о награждении чиновников в 1860 г.»

[Представление рязанского губернатора Муравьева министру внутренних дел от 26 февраля 1860 г. за № 2578 о награждении коллежского советника вице-губернатора Салтыкова чином статского советника.]

Политсекция. Фонд канцелярии рязанского губернатора, л. 169/1.

16. Дело по отношению департамента общих дел министерства внутренних дел со списком губернаторам, вице-губернаторам и предводителям дворянства в 1825 г. по 1 января 1878 г. для проверки и поправки их». 1858 г.

[Даты пребывания Салтыкова на посту рязанского вице-губернатора.]

Фонд Рязанского губернского правления по 1-му отделению, 1-му столу, № 194, лл. 19, 32—33.

17. Черновой журнал экстренного заседания ученой архивной комиссии от 11 июня 1905 г. с протокольной записью доклада И. Прохоровцева «Некоторые черты из вице-губернаторской деятельности М. Е. Салтыкова в Рязани».

Политсекция. Фонд Рязанской губернской ученой архивной комиссии, лл. 1—10.

РЫБИНСКОЕ АРХИВНОЕ БЮРО — г. РЫБИНСК

40 документов, относящихся к земельным владениям матери Салтыкова и самого М. Е. Салтыкова в Ярославской губернии.

Фонд Рыбинского Земельного треста. Подробная опись документов передана в Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики. Арх. № 736.

[ТАЛДОМСКИЙ] КРАЕВОЙ МУЗЕЙ — г. ТАЛДОМ

1. 2 письма к брату Д. Е. Салтыкову 12 января 1848 г. и [1858 г.].

2. Остатки родового архива Салтыкова:

а) Отпускные свидетельства крепостных крестьян Евграфа Васильевича Салтыкова периода 20—50-х годов.

б) Межевые грамоты и планы Евграфа Васильевича Салтыкова тех же лет.

в) Пачка деловых бумаг по вотчинному хозяйству Салтыковых, начиная концом XVIII в. и кончая 20-ми годами XIX в.

г) Пачка всяческих бумаг, главным образом хозяйственного порядка, относящихся к быту потомков Салтыкова,—90-е годы и позднее.

д) Письма потомков рода Салтыковых тех же лет.

3. Хранились в музее и были временно переданы по акту от 22 августа 1924 г. в Центрархив (Москва) следующие материалы, вывезенные из усадьбы Салтыковых Ермолино:

а) Столбцы XVII и начала XVIII в. вотчинного характера.

б) 67 рукописных тетрадей, представляющих копию 1862 г. сочинения Штруензе «Военная архитектура» с его предисловием от 1773 г. и реестр к ним.

в) Письма Евграфа Васильевича Салтыкова, Дмитрия Евграфовича Салтыкова и письма доверенного Ильи Евграфовича Салтыкова С. Былинина к нему и др.

г) Хозяйственные документы XIX в.

д) Ученические тетради, рукописи, стихи и т. д.

е) Дарственные и раздельные акты.

4. Хранились в музее и были временно переданы по акту 24 июля 1931 г. в Институт Русской Литературы Академии Наук (через Н. В. Яковлева) следующие документы:

а) Письма разных лиц к Богдану, Василию и Надежде Салтыковым и др. (25 лл.)

б) Письма Абрамовых к Евграфу и Ольге Салтыковым (41 лл.)

в) Письма Бирилевых к ним же (103 лл.)

г) Письма Дураковой к ним же (30 лл.)

д) Письма прочих к ним же (109 лл)

е) Письма Ольги Салтыковой (365 лл.)

ж) Письма Евграфа Салтыкова (79 лл.)

з) Письма Марии и Анны Салтыковых (97 лл.)

и) Рукописи Евграфа Салтыкова (63 лл.)

к) Рукописи разного содержания XVIII и XIX в. (87 лл.)

л) Письма Дмитрия Салтыкова (61 лл.)

м) Письма разных лиц к Дмитрию Салтыкову (40 лл.)

н) Рукописи Дмитрия Салтыкова (9 лл.)

о) Письма Надежды Салтыковой к Катерине Победоносцевой (51 лл.)

п) Письма Любви и Александра Зиловых (65 лл.)

р) Письма и бумаги семьи Брюн де Сент-Катрин (247 + 165 лл.)

5. Обзор-характеристику остальных документов салтыковского семейного архива см. в настоящей книге в статье Е. Макаровой: «Новые материалы о М. Е. Салтыкове».

ТУЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ — г. ТУЛА

17 документов, относящихся к деятельности Салтыкова в качестве управляющего Тульской казенной палатой с октября 1867 по июль 1868 г. Фонд Тульской казенной палаты. Подробная опись документов передана в Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики. Арх. № 736.

ЯРОСЛАВСКОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ — г. ЯРОСЛАВЛЬ

Уставная грамота, составленная в 1862 г. при освобождении Салтыковым крестьян в селе Заозерье и прилегающих к нему деревнях Угличского уезда, Ярославской губернии.

Фонд уставных грамот по описи № 71 и 113 по архивной описи №№ 173 и 196.

ЧАСТНЫЕ СОБРАНИЯ

Собр. А. С. Балагина (Москва)

1. Доверенность, выданная Салтыковым В. И. Радиславскому на право защиты авторских интересов Салтыкова в отношении театральных постановок его произведений. 1873 г. Доверенность подписана Салтыковым. 2 лл.

Собр. Ю. А. Бахрушина (Москва)

1. Письмо к И. В. Павлову. Авт. 2 лл.

2. Письмо В. А. Слепцову от [26 апр. 1877 г.]. Авт. 2 лл.

Собр. П. Е. Безруких (Москва)

1. Письмо к И. И. Ясинскому от 15 декабря [1882 г.]

Собр. А. Е. Бурцева (Ленинград).

1. Письмо П. В. Засодимскому от 20 мая [1874 г.]. Авт. 2 лл.

Собр. Б. П. Вейнберга (Ленинград)

1. Письмо к П. И. Вейнбергу от 10 января [1887/88 г.]. Авт. 1 л.

Собр. В. В. Егерева (Казань)

1. Два письма к К. Д. Кавелину от 4 и 12 мая [1884 г.]. Авт. 3 лл.

Собр. Е. Ф. Никитиной (Москва)

2 письма к Н. А. Белоголовому от 31 августа 1884 г. и 19 января 1885 г. Авт. 4 лл.

Собр. С. А. Рейсера (Ленинград)

1. Записка к Н. С. Курочкину от 4 июля [1872 г.]. Витенво. Авт. 1 л.

Собр. П. П. Щеголева (Ленинград)

1. 21 документ, относящ. к деятельности Салтыкова в качестве управляющего Тульской казенной палаты с октября 1867 г. по июль 1868 г. Авт. 38 лл.

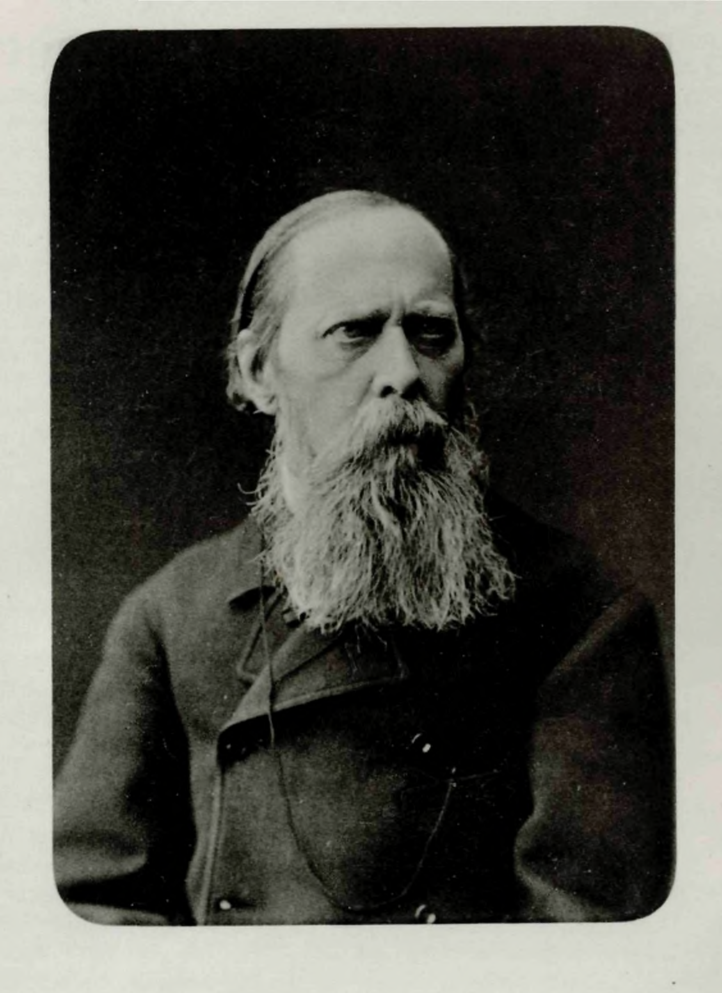
Собр. В. Г. Черткова (Москва)

1. Письмо В. Г. Черткову от 5 декабря 1885 г. Авт. 2 лл.

2. Письмо в книжный склад «Посредника» от 12 марта 1887 г. Авт. 2 лл.

3. Письмо В. Г. Черткову от 26 марта 1887 г. Авт. 2 лл.

4. Письмо В. Г. Черткову от 30 марта 1887 г. Авт. 2 лл.

М. Е. САЛТЫКОВ (Н. ЩЕДРИН)

Фотография, начало 80-х гг.

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ ЛИТЕРАТУРЫ О М. Е. САЛТЫКОВЕ-ЩЕДРИНЕ ЗА 1906—1933 гг.

Библиографический указатель Л. Добровольского и В. Лаврова

Отсутствие полной библиографии критической и биографической литературы о М. Е. Салтыкове-Щедрине при том огромном интересе к творчеству великого русского сатирика, который наблюдается сейчас в широких кругах читателей и литературоведов, особенно ощутимо.

Библиография литературы о М. Е. Салтыкове представлена лишь одной работой, вышедшей почти 30 лет назад, однако не утратившей своего значения и до сих пор. Эта работа А. А. Шилова — «Библиография произведений Салтыкова и отзывов о них. По материалам литературного архива С. А. Венгерова» — появилась в виде приложения к книге К. К. Арсеньева «Салтыков-Щедрин (Литературно-общественная характеристика). СПБ., 1906».

Дополнением и продолжением ее могут служить общие труды по библиографии истории русской литературы XIX века. Работы И. В. Владиславлева: 1) Русские писатели. Опыт библиографического пособия по русской литературе XIX—XX. Изд. 4-е перераб. и знач. доп. ГИЗ. М.—Л., 1924; 2) «Литература великого десятилетия» (1917—1927). ГИЗ. М.—Л., 1928; 3) в IX томе Истории России в XIX веке. Изд. бр. Гранат — библиография истории русской литературы за вторую половину XIX века, составленная П. Н. Сакулиным при содействии А. Г. Фомина; 4) в V томе Истории русской литературы XIX века под ред. Д. Н. Овсянико-Куликовского. Изд. «Мир» и др.

Эти работы, имея своей задачей дать общий библиографический справочник по литературе целой эпохи, естественно ограничиваются лишь монографиями и статьями основных журналов, не захватывая областную периодическую печать.

Из работ более специального характера следует указать книгу Р. С. Мандельштам — «Художественная литература в оценке русской марксистской критики». Изд. 4-е, перераб. ГИЗ. М.—Л., 1928. Те же цели преследует библиографический указатель, напечатанный в книге «М. Е. Салтыков-Щедрин». Кооп. изд-во «Никитинские субботники». М., 1931. С пользой может служить также библиографический комментарий к шеститомному гизовскому изданию собрания сочинений М. Е. Салтыкова 1926—1928 гг.

Настоящий библиографический указатель критической и биографической литературы о М. Е. Салтыкове-Щедрине является непосредственным продолжением работы А. А. Шилова, хронологически замыкаясь в рамки 1906—1933 гг. Данный указатель охватывает литературу на русском языке, вышедшую в пределах России — СССР. Не претендуя на исчерпывающую полноту указателя, авторы стремились дать по возможности полный перечень литературы о М. Е. Салтыкове-Щедрине как монографической (книги), так и периодической — журнальные и газетные статьи, заметки, рецензии, отзывы о театральных постановках его пьес, регистрируя также отдельные высказывания о Салтыкове и его творчестве в работах, специально не посвященных Салтыкову. Публикации произведений М. Е. Салтыкова и его писем указывались

только в том случае, когда в них имелись вступительная статья, послесловие или комментарий. (Специально о публикациях текстов Щедрина см. в обзоре С. Макашина «Судьба литературного наследства М. Е. Салтыкова-Щедрина» в 3-й книге «Литературного Наследства».)

В работе над указателем использованы все существующие литературно-библиографические пособия, охватывающие литературу о М. Е. Салтыкове после 1905 г. Составителями просмотрена Книжная и Журнальная летописи, а также ряд журналов и газет столичных и провинциальных. Высказывания В. И. Ленина о Салтыкове опущены в виду наличия в сборнике специальной работы «Ленин и Щедрин».

Весь материал просмотрен de visu и размещен в хронологическом порядке его опубликования, что дает возможность проследить динамику изучения творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина за данные годы.

Составители приносят благодарность за ряд библиографических указаний, полученных от И. Л. Андроникова, В. Л. Комаровича, С. А. Макашина и Н. Д. Эфрос.

1906

Арсеньев, К. К. Салтыков-Щедрин (Литературно - общественная характеристика). С 5 фотографическими портретами Салтыкова, факсимиле его автобиографического письма и библиографией произведений Салтыкова и отзывов о них. СПБ., 1906, 280 стр. (Библиотека «Светоча», под ред. С. А. Венгерова).

Рец.: Ашевский, «Обр.», П., 1906, кн. IX, стр. 99—100; А. Г. Фомин, «Ист. в.», П., 1906, кн. X, стр. 313—315; «Р. б»., П., 1906, июнь, стр. 171—174; «В. Е.», П., 1906, кн. V, обл. Вл. Кр[анихфельд]. «Мир б.», П., 1906, кн. V, стр. 77—80.

Кранихфельд, В. Б. Памятник Российскому дворянству в сатирах Щедрина. «С. мир», П., 1906, кн. X, стр. 169—206, кн. XI, стр. 111—155.

Кр[анихфельд], Вл. [Рецензия на книгу:] Н. Денисюк. Критическая литература о произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина. Вып. I—V. Изд. Панафидиной. М., 1905.—«Мир б.», П., 1906, кн. V, стр. 77—80.

Лейкин, Н. А. Мои воспоминания. «Ист. в.» П., 1906, кн. IV, стр. 105—109.

[Как Салтыков просил у Лейкина его рассказы для журнала «Современник».]

Лемке, М. К биографии Салтыкова (По неизданным материалам). «Р. м.», М., 1906, кн. I, стр. 30—38.

Малинин, Д. И. Что читать по русской литературе XIX века? Опыт лит.-критич. указателя к произведениям русской литературы XIX века. Юрьев, 1906, стр. 13—14.

Н—в, свящ. (сообщ.). По вопросу об освобождении М. Е. Салтыкова из ссылки в Вятку. «Тр. Вят. уч. архив. к-сии». Вятка, 1906, вып. I—II, стр. 86—89.

Неведомский, М. Наша художественная литература предреволюционной эпохи. В кн.: Общественное движение в России в начале XX века. Под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Т. I — Предвестники и основные причины движения. СПБ., 1906, стр. 485—487.

О литераторах и журналистах. 1866. (Из дела канцелярии С.-Петербургского полицмейстера). В кн.: «Щукинский-сборник», вып. V, М., 1906, стр. 508.

[Полицейская характеристика Салтыкова.]

Ольминский, М. Социалист - утопист в оценке современников. «Обр.», П., 1906, кн. XII, стр. 14—52.

Покровский, Н. М. Е. Салтыков как сатирик, художник и публицист. Из критической литературы о Салтыкове. М., 1906, 302 стр.

Рец.: А. Г. Фомин, «Ист. в.», П., 1906, кн. X, стр. 313—315; Вл. Кр[анихфельд], «Мир. б.», П., 1906, кн. 5, стр. 77—80.

Рапорт агента о похоронах Салтыкова. «Былое», П., 1906, кн. XII, стр. 122.

Салов, И. А. Из воспоминаний. «Ист. в.», 1906, № 10, стр. 180, 182, 183, № 11, стр. 507—508.

[Сотрудничество в «Отеч. Записках» и отношения к Салтыкову.]

Салтыков, М. Е. (Щедрин). «Еврейский вопрос». Изд. «Правда», Варшава, 1906, 16 стр. (В защиту гонимого народа).

[Стр. 3—5 — Несколько слов о Михаиле Евграфовиче Салтыкове по отношению его к еврейскому вопросу; стр. 6—16. Салтыков, М. Е. — Об еврейском вопросе.]

Северов, Н. Из воспоминаний о М. Е. Салтыкове (Щедрине). «Р. вед.», М., 1906, № 274.

Семевский, В. И. Крепостное право и крестьянская реформа в произведениях М. Е. Салтыкова. Изд. «Донская речь». Ростов н/Д. [1906], 102 стр.

Первоначально напечатано в 1893 г., в «Сборнике Правоведения и Общественных знаний», т. I. СПБ., 1893, стр. 125—209.

Рец.: Н. К. Пиксанов, «Былое», П., 1906, № 9, стр. 289—290; А. С., «Обр.», П., 1906, кн. IX, стр. 100—101; «Р. б.», П., 1906, кн. VI, июнь, стр. 171—174; Вл. Кр[анихфельд], «Мир б.», П., 1906, кн. 5, стр. 77—80.

Сементковский, Р. И. Русское общество и литература от Кантемира до Чехова. Изд. А. Ф. Маркса. СПБ. [1906] (Сочинения, том I), стр. 71, 133—135, 185—188, 195.

Тверитинов, А. Об объявлении приговора Н. Г. Чернышевскому, о распространении его сочинений на французском языке в Западной Европе и о многом другом. Издание М. В. Пирожкова, СПБ, 1906, стр. 82, 83, 87—88, 89 и 90.

[Отзыв М. А. Бакунина о рассказе Щедрина «Он» (82); внешняя грубость Салтыкова (83); И. С. Тургенев о Салтыкове (87—88); Салтыков о И. С. Тургеневе (89); отзыв Салтыкова е журнале Лаврова «Вперед» и его сотрудничество в нем (89); характеристика Салтыкова, как человека (89); анекдот Г. И. Успенского о Салтыкове (90); за границей (90).]

[Тургенев, И. С.] Письма И. С. Тургенева госпоже... В кн. «Щукинский сборник», вып. V. Изд. Отдел. Истор. Музея — П. И. Щукина. М., 1906, стр. 475—479, 490.

[За 1875—1877 гг. три письма.]

[Чернышевский, Н. Г.] Полное собрание сочинений Н. Г. Чернышевского в 10-ти томах. Т. III.— «Современник» 1857. (Очерки Гоголевского периода русской литературы, критика и библиография. Заметки о журналах 1856 г.) Изд. М. Н. Чернышевского. СПБ., 1906, стр. 604—609.

[Чернышевский, Н. Г.] Полное собрание сочинений Н. Г. Чернышевского в 10-ти томах. Т. III.— «Современник» 1857. Изд. М. Н. Чернышевского, СПБ., 1906, стр. 201—233.

[«Губернские очерки»].

Шилов, А. А. Библиография произведений Салтыкова и отзывов о них. (По материалам литературного архива С. А. Венгерова.) В кн.: К. К. Арсеньев—Салтыков-Щедрин (Литературно-общественная характеристика). СПБ., 1906, стр. 254—280.

[Указатель охватывает литературу, вышедшую до 1906 г.]

1907

Александровский, Г. В. Чтения по новейшей русской литературе. Вып. II. Киев, 1907. Стр. 113.

Алексеев, В. Салтыков в Вятке. «Ист. в.», П., 1907, кн. XI, стр. 600—609.

Аптекман, О. В. Из истории революционного народничества. «Земля и Воля» 70-х годов. (По личным воспоминаниям). Изд. «Донская речь». Ростов н/Д. [1907], стр. 25—26.

Венгеров, С. А. Очерки по истории русской литературы. 2-е изд., без перемен. СПБ., 1907 (Библиотека «Светоча» под ред. С. А. Венгерова), стр. 81—82.

В—н, А. (сообщ.) О службе М. Е. Салтыкова. (Формулярные списки 1851—1855 гг.). «Тр. Вят. уч. архив. к-сии». Вятка, 1907, кн. III, стр. 92—96.

Гутьяр, Н. М. Иван Сергеевич Тургенев. Юрьев. 1907. [По указателю.]

Коробка, Н. И. Опыт обзора истории русской литературы для школ и самообразования. Ч. III. — Эпоха реалистического романа. СПБ., 1907, стр. 260—265.

Кранихфельд, В. Г. Десятилетие о среднем человеке. (Отношение Щедрина к основным тезисам народничества: крестьянство, общество, буржуазия, пролетариат и интеллигенция в сатирах Щедрина). «С. мир», П., 1907, кн. XI, стр. 165—201; кн. XII, стр. 87—126.

Кропоткин, П. Идеалы и действительность в русской литературе. С английского перевод В. Батуринского, под ред. автора. Изд. т-ва «Знание». СПБ., 1907, стр. 303—312.

[Лейкин, Н. А.] Николай Александрович Лейкин в его воспоминаниях и переписке. С двумя портретами и приложением

писем к нему Ан. П. Чехова. СПБ., 1907, стр. 181—184.

Н—в, свящ. (сообщ.). Заметка о времени освобождения М. Е. Салтыкова из Вятки. «Тр. Вят. уч. архив. к-сии». Вятка, 1907, кн. III, стр. 96—100.

Никитин, Н. М. Е. Салтыков. Его жизнь и литературная деятельность. Кн-во «Литературный мир». СПБ., 1907, стр. 16.

Обручев, В. А. Из пережитого «В. Е.», П., 1907, № 5, стр. 133—134.

[Салтыков у Чернышевского.]

Овсянико - Куликовский, Д. Н. История русской интеллигенции. Итоги русской художественной литературы XIX века. Ч. II (от 50-х до 80-х годов). Изд. В. М. Саблина. М., 1907.

[Введение, стр. III—VII; гл. I — М. Е. Салтыков (Щедрин) в 50—60-х гг., стр. 1—23; гл. II—Политическая сатира Салтыкова — «История одного города», стр. 24—38.]

Памятная книжка лицеистов. Изд. Собрания курсовых представителей имп. Александровского лицея. СПБ., 1907, стр. 32.

Портретная галлерея градоначальников, в разное время в городе Глупове от вышнего начальства поставленных (1731—1826 по Щедрину и 1826—1907 не по Щедрину). Портреты исполнены художниками Баяном, А. А. Рудьковым, Ре-Ми и А. Е. Яковлевым. Главная премия жури. «Стрекоза» за 1907 г. Изд. жури. «Стрекоза», Э. И. Корнфельд. СПБ., 1907, 25 стр.

[Салтыкова, А. П.] П. А. Витовтов (Воспоминания его дочери Аделаиды Павловны Салтыковой). «Р. ст.», М., 1907, кн. II, стр. 386.

Соловьев, Евг. (Андреевич). Очерки по истории русской литературы XIX века. Изд. 3-е, испр., изд. Н. П. Карбасникова. СПБ., 1907, стр. 355—374.

1908

Аптекман, О. В. Из воспоминаний землевольца. (Петропавловская крепость). «Мин. г.», СПБ., 1908, кн. V—VI, стр. 319—320.

О «Господах Головлевых».

Боборыкин, П. Д. За полвека. (Глава из воспоминаний). «Мин. г.», СПБ., 1908, кн. IV, стр. 178—179; кн. XI, стр. 142.

Брюкнер, проф. Русская литература в ее историческом развитии. В 2-х частях. Перевод А. Г. Саввинского. Изд. «Вестник Знания». СПБ., 1908, стр. 132—146.

Засодимский, П. В. Из воспоминаний. М., 1908, стр. 310—315. [Глава: «Мое знакомство с М. Е. Салтыковым».]

Ковалевский, М. М. Из воспоминаний о И. С. Тургеневе. «Мин. г.» 1908, кн. VIII, стр. 13—14.

[Встречи с М. Е. Салтыковым.]

Козлов, К. Русские писатели после Гоголя в отзывах критики. Опыт библиографического справочника. Тифлис, 1908, стр. 52—55.

Кранихфельд, В. Б. Буржуазия в произведениях Щедрина. (Из готовящейся к печати книги о Салтыкове-Щедрине). «Мин. г.», СПБ., 1908, кн. I, стр. 187—219.

Кузнецов, Н. Воспоминания о Салтыкове-Щедрине (1864—1869). «Ист. в.», 1908, кн. XII, стр. 976—986.

Лопатин, Г. А. (сообщ.). Письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса к Николаю — ону. «Мин. г.», СПБ., кн. II, стр. 214—215.

[В письме Ф. Энгельса от 19 февр. 1887 г. упоминаются «Сказки» Щедрина.]

Мендельсон, Н. Очерки по истории русской литературы. Изд. «Польза». М., 1908, стр. 299—306.

Михайловский, Н. К. Полное собрание сочинений. Т. V. Изд. 4-е, Н. Н. Михайловского. СПБ., 1908, стлб. 137—303 [Щедрин].

Мошин, А. Н. Новое о великих писателях. (Мелкие штрихи для больших портретов). Рассказы очевидцев о том, какое производили на них впечатление Крылов, Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Тургенев, Некрасов, Достоевский, Щедрин-Салтыков, Толстой, Мопассан и Чехов. Изд. 2-е, дополненное. Изд. автора. СПБ., 1908, стр. 71—73.

Неизданная статья Н. Щедрина. «Р. вед». М., 1908, № 27.

[О статье «Семейству М. М. Достоевского», напечат. в журн. «Мин. г.», 1908, кн. I.]

О. Н. М. Е. Салтыков (Щедрин). «Всем. в.», П., 1908, № 9. стр. 29—35.

[Воспоминания.]

Пантелеев, Л. Ф. Из воспоминаний прошлого. Кн. II. СПБ., 1908, стр. 149—176 и 192—193.

Рец.: М. Ольминский. «Мин. г.». СПБ., 1908, кн. 5—6, стр. 531—532.

Португалов, Ю. В. К психологии русских литературных течений эпохи 1860—1890 годов. Курс лекций, читанных на историко-филолог. отделении в 1907—1908 акад. году (Оренбургские Высшие курсы А. О. Киселева). Оренбург, 1908, 150 стр.

[Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Лавров, Михайловский, Щедрин, Достоевский, Толстой, Марксизм.]

«Просители» и «На покое» (Вчерашние новинки в Малом Театре). «Театр», М., 1908, 28 марта, № 216, стр. 15.

[См. то же, № 215, 27 марта 1908, стр. 14; помещен портрет Салтыкова с надписью «К сегодняшнему спектаклю в Малом Театре»).

С. П. Н. Щедрин. «Р. с.», М., 1908, 29 апреля, № 99.

Спасская, Л. Н. Михаил Евграфович Салтыков. Опыт характеристики. (Составлен по воспоминаниям моих родных и по сочинениям Михаила Евграфовича, носящим автобиографический характер). «Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1908 г.», Вятка, 1908, стр. 77—146 (и отд. оттиск).

[В приложении: Несколько слов по вопросу об освобождении М. Е. Салтыкова из ссылки в Вятку. Список ближайших сослуживцев М. Е. Салтыкова в 1854 г. Прошение М. Е. Салтыкова вятскому губернатору 19 декабря 1852 г. Заметка по поводу невероятного анекдота вятской жизни Салтыкова. Деятельность М. Е. Салтыкова по устройству выставки в Вятке в 1850 году.]

Рец.: Д. З., «Ист. в.», П., 1908, кн. IV, стр. 334—336.

Щедрин, Н. «Гг. семейству М. М. Достоевского, издающему журнал «Эпоха». «Мин. г.», СПБ., 1908, № 1, стр. 77—83.

[С предисловием редакции «Мин. г.»]

Щедрин и Достоевский. (По поводу статьи в журнале «Минувшие годы»), газ. «Русь». П., 1908, № 159.

1909

Андреевич. Опыт философии русской литературы. Изд. 2-е, т-ва «Знание». СПБ., 1909, стр. 188, 224, 226—227, 229.

[Безобразов, В. П.] Дневник академика В. П. Безобразова. «Р. ст.», П., 1909, кн. XII, стр. 524—525.

[О характере М. Е. Салтыкова.]

[Витберг, Ф. А. и Модзалевский, Б. Л.] Каталог выставки в память И. С. Тургенева императорской Академии Наук. Март, 1909, 2-е издание, с исправлениями составили Ф. А. Витберг и Б. Л. Модзалевский. СПБ., 1909, стр. 214—215.

Войтоловский, Л. Эпоха гневного обличения. (К 20-летней годовщине смерти М. Е. Салтыкова). «К. м.», 1909, 28 апреля, № 116.

Г. Н. Памяти М. Е. Салтыкова. (К 20-летию его смерти). «Од. н.», Одесса, 1909, № 7801.

Горкин, Н. В. Сатирик русской общественности (Салтыков). «В. зн.», П., 1909, кн. VI.

Гудзь, И. К. Материалы для истории Тверского губернского земства. 1886—1908. Т. VI. Под ред. А. Н. Полтева. Изд. Тверск. губ. земства. Тверь, 1909, стр. 202—203, 1856.

Емельянов, Вл. Ссылка Салтыкова в Вятку и его освобождение (1848—1856). «Р. ст.», П., 1909, кн. 10, стр. 107—123.

[Заметка по поводу генеалогических разысканий Савелова о роде Салтыкова-Щедрина]. «Н. вр.», П., 1909, 18 сентября № 12040.

Игнатьев, И. Современный сатирик. «Р. вед.», М., 1909, № 96.

Книги и писатели. «Н. Русь», П., 1909, 30 января, № 29, стр. 5.

[По поводу воспоминаний П. Боборыкина: Об отношении М. Е. Салтыкова к крестьянству и земельному вопросу.]

Кранихфельд, В. П. В плену у буржуазии. «Зарницы». Литер.-политич. сборн. № 2, М., 1909, стр. 114—144.

Л[озинский], Е. Салтыков-Щедрин как педагог. «В. восп.», П., 1909, № 4, стр. 15—69.

Лихачев, Вл. Из давнего и недавнего былого. (Черты и случаи). «Слово», П., 1909, от 27 апреля, 4 мая и 1 июня.

Мендельсон, Н. Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Северное сияние», М., 1909, № 7, май, стр. 73—83.

Михайловский, Н. К. Полное собрание сочинений, т. VII. Изд. Н. Н. Михайловского. СПБ., 1909, стр. 39—94. [«Литературные воспоминания».]

Налимов, А. О Щедрине. «Проб.», П., 1909, № 9, стр. 238—239.

Овсянико-Куликовский, Д. Н. Литература 70-х годов. В кн.: История России XIX в. Изд. т-ва бр. Гранат, т. VII, П. [1909], стр. 45—46.

Овсянико-Куликовский, Д. Н. Собрание сочинений. Т. VIII — История русской интеллигенции. Часть вторая. От 50-х до 60-х годов. Изд-во «Общественная польза» и кн-во «Прометей». СПБ., 1909, стр. 1—28.

[Гл. I. — М. Е. Салтыков (Щедрин) в 50—60-х гг. Гл. II.— Политическая сатира Салтыкова «История одного города».]

Пантелеев, Л. М. Е. Салтыков. «Речь», П., 1909, № 114 (апрель).

Русанов, Н. С. (Кудрин). Щедрин — общественный провидец. (По поводу 20-летия его смерти). «Обр.», П., 1909, кн. 5, отд. II, стр. 1—24.

Садовский, Б. Иван Сергеевич Тургенев. Опыт историко-психологического исследования. «Р. а.» 1909, № 4, стр. 611—613.

[Тургенев о Салтыкове. Статья перепечатана в кн.: Б. Садовский — Ледоход. П., 1916].

Салтыков, М. Е. (Щедрин). Еврейский вопрос. С.-Петербургское кн-во «Правда». М., 1909, 12 стр. (В защиту гонимого народа.)

[Стр. 2—3. Несколько слов о Михаиле Евграфовиче Салтыкове по отношению его к еврейскому вопросу; стр. 4—14. Салтыков М. Е. — Об еврейском вопросе].

Скабичевский, А. М. История новейшей русской литературы. 1848—1908. 7-е изд., испр. и доп., с 57 портр. в тексте, СПБ., 1909, стр. 273—300.

Столетие военного министерства 1802—1902. Приложение к историческому очерку деятельности военного министерства и военного совета, ч. I. Главн. редактор ген. от кав. Д. А. Скалон, редактор ген.-майор Н. А. Данилов, сост. подполк. Н. М. Затворницкий. СПБ., 1909, стр. 162—182.

Столетие военного министерства 1802—1902. Указатель биографических сведений, архивных и литературных материалов, касающихся членов общего состава по канцелярии военного министерства с 1802 по 1902 г. включительно. Отдел 5. Сост. Н. М. Затворницкий. СПБ., 1909, стр. 225—226.

Рец.: Соколовский, М. «Ист. в.». П., 1910, № 4, стр. 342—343.

[Тургенев, И. С.] Письмо И. С. Тургенева к И. П. Борисову. В кн.: «Щукинский сборник», кн. VIII, М., 1909, стр. 414.

[Об «Истории одного города».]

Эртель, А. И. Письма. Под ред. М. Гершензона, М., 1909, стр. 31, 157, 188, 247, 364—365, 370.

Языков Д. Д. Обзор жизни и трудов русских писателей и писательниц, вып. 11. СПБ., 1909 (Сборник Отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наук, т. LXXXVI, № 3), стр. 236—237.

1910

Введенский, Арс. И. Литературные характеристики. 2-е изд., М. И. Мельникова. СПБ., 1910, стр. 120—256.

[«Господа Головлевы», «За рубежом», «Письма к тетеньке», «Современная идиллия», «Пошехонские рассказы», «Сказки», «Пестрые письма», «Пошехонская старина».]

Войтоловский, Л. Глуповское распутство. Неизданный очерк М. Е. Салтыкова «Сатиры в прозе». «К. м.», 1910, 5 марта, № 64.

Головин, К. Мои воспоминания за 35 лет. 1859—1894. Т. II. Изд. т-ва М. Вольф. П.—М. [1910], стр. 158—159.

[Смерть Щедрина и закрытие «Отечественных записок».]

История России в XIX веке. Т. IX. Изд. т-ва бр. Гранат. П. [1910], стр. 246.

[Библиография критической литературы о Салтыкове-Щедрине, сост. П. Н. Сакулиным при содействии А. Г. Фомина.]

История русской литературы XIX в., под ред. Д. Н. Овсянико-Куликовского при ближайшем участии А. С. Грузинского и

П. Н. Сакулина. Т. V, изд. т-ва «Мир». М., 1910 [1911].

[Стр. 467—468 — библиография произведений Салтыкова и литературы о нем; стр. 547. — Синхронистическая таблица, сост. Н. Л. Бродский.]

К истории города Глупова. Посмертные очерки М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина). «Нива», П., 1910, № 9, стр. 162.

[Вступит. заметка к публикации очерков Салтыкова.]

Ковалевский, П. М. Встречи на жизненном пути. Николай Алексеевич Некрасов. «Р. ст.», П., 1910, январь, стр. 25—40.

[Стр. 29, 38, 39, 43—44 — Салтыков-редактор «Отечественных записок».]

Козловский, Л. Неизданные сочинения Салтыкова-Щедрина. «В. зн.», П., 1910, кн. II, стр. 83.

Козловский, Л. Русская литература. «В. зн.», П., 1910, кн. IV. Стр. 202—213.

[О повести «Тихое пристанище».]

Кони, А. Ф. Из заметок и воспоминаний судебного деятеля. «Р. ст.», П., 1910, ноябрь, стр. 238.

Кранихфельд, В. П. Михаил Евграфович Салтыков. В кн.: История русской литературы, под ред. Д. Н. Овсянико-Куликовского. Изд. «Мир». М., 1910, т. IV, стр. 183—230.

Никитин, Н. М. Е. Салтыков-Щедрин. Его жизнь и литературная деятельность. Беспл. прилож. к № 4 «Современного журнала». Изд. 2-е. СПБ., 1910, 16 стр.

Пантелеев, Л. Посмертная воля М. Е. Салтыкова. «Речь», П., 1910, 24 января, № 23, стр. 3—4.

Со снимком с письма Салтыкова, в котором изложена его последняя воля об издании его сочинений.

Петрищев, А. Общество обывателей. Из предсказаний Салтыкова - Щедрина. «Р. б.» П., 1910, № 9. Хроника внутренней жизни, стр. 55—60.

Р. В. О произведениях М. Е. Салтыкова («Бессчастная Матренка»). «Р. в.», М., 1910, 15 января, № 11, стр. 2.

Рейнгардт, Н. В. Из воспоминаний о Н. К. Михайловском и его времени. «Нед. совр. сл.» (Беспл. прилож. к № 981 газ. «Совр. сл.»), 1910, 27 сентября, № 129, стр. 1—2.

[Михайловский о Салтыкове.]

Салтыков — сотрудник газеты (из переписки 80-х годов). «Р. в.», М., 1910, №№ 29 от 6 февраля, стр. 3—4; 40 от 19 февраля, стр. 3—4; 87, от 16 апреля, стр. 3—4; 91, от 22 апреля, стр. 2.

Скабичевский, А. М. Первое 25-летие моих литературных мытарств. Гл. I—VI. «Ист. в.», П., 1910, кн. 1, стр. 35—56; кн. 2, стр. 431, 434; кн. 3, стр. 814, 819, 821, 823, 826, 829.

Слобожанин, М. Из истории созидательного народничества. Черты из журнальный деятельности С. Н. Кривенко (М. Е. Салтыков и С. Н. Кривенко). «Ж. д. в.» 1910, № 11, стр. 113—124.

[Взаимоотношения Салтыкова и Кривенко.]

Стасюлевич, М. М. Е. Салтыков. Тихое пристанище. (Повесть). «В. Е.», П., 1910, кн. IV, стр. 117—133.

[В сноске приведено письмо Е. Стасюлелевича, объясняющее появление очерков в «В. Е.»]

Суходрев, Вс. Неизданные произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Н. вр.» 1910, 13 января, № 12155.

Три доклада о М. Е. Салтыкове. «Речь», П., 1910, 25 ноября, № 324.

[О выступлениях Л. Ф. Пантелеева, В. П. Кранихфельда и С. А. Венгерова.]

Ч[ешихин]-Ветринский. Неизданные произведения Салтыкова-Щедрина. «Р. в.», М., 1910, № 11, стр. 2.

Щеглов, Ив. Суровый добряк. (Из воспоминаний о М. Е. Салтыкове-Щедрине). «Н. ж. д. вс.», СПБ., 1910, № 5, стр. 77—84.

[Янжул, Иван] Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном (1864—1909). «Р. ст.», П., 1910, кн. III, стр. 507; кн. X, стр. 11—12.

[Салтыков в редакции «Отеч. записок». О встречах с Салтыковым на карточном вечере у Г. З. Елисеева.]

1911

Александрович, Ю. История новейшей русской литературы. 1880—1910. Ч. I — Чехов и его время. Кн-во «Сфинкс». М., 1911.

[Гл. I — Введение.]

Александровский, Г. В. Чтения по новейшей русской литературе. Вып. II. Изд. 3-е, испр. Киев, 1911, стр. 111 и 117.

[Салтыков о творчестве Д. В. Григоровича.]

Бороздин, А. К. Русская литература в XIX веке. (Сто лет литературного развития). Изд. 2-е, дополн. Кн-во «Прометей». СПБ. (1911), стр. 81.

Венгеров, С. А. Собрание сочинений. Т. I — Героический характер русской литературы. Кн-во «Прометей». СПБ., 1911, стр. 170—173.

[Великие таланты предыдущих эпох и героический подъем 70-х годов.]

Ветринский, Ч. Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников, письмах и несобранных произведениях. М., 1911 («Историко-литературная б-ка» под ред. А. Е. Грузинского, вып. VI), стр. 131—133.

[Воспоминания П. М. Ковалевского.]

Войтоловский, Л. Крепостное право в нашей художественной литературе. «К. м.», Киев, 1911, 19 февраля, № 50.

[Пушкин, Гоголь, Григорович, Тургенев, М.-Вовчок, Л. Толстой, Салтыков, Некрасов.]

Глинский, Б. Эпоха мира и успокоения. (Исторические очерки). IV — «Священная Дружина» в переговорах с «Народной Волей». «Ист. в.», П., 1911, № 8, стр. 609—651.

[Салтыков и «Священная дружина».]

Добролюбов, Н. А. Первое полное собрание сочинений. В 4-х томах. Под ред. М. К. Лемке. Т. I — 1855 — 1858. Изд. А. С. Панафидиной. СПБ., 1911 (Б-ка русских критиков, II).

[Стр. 498—530: «Губернские очерки».]

Добролюбов, Н. А. Собрание сочинений. Под ред. Вл. П. Кранихфельда, т. I. Кн-во «Просвещение». СПБ., 1911.

[Стр. 182—228: «Губернские очерки».]

Дризен, Н. В. Очерк драматической цензуры эпохи императора Александра II. «Р. б-фил». СПБ., 1911, № 2, стр. 43.

[Цензура и драмат. произведения Салтыкова.]

Замотин, И. И. Сороковые и шестидесятые годы. Очерки по истории русской литературы XIX столетия. Варшава, 1911, стр. 409—414 и др.

[Гл. XI — Публицистическая беллетристика 60—70-х годов.]

Кобеко, Д. Императорский Царскосельский Лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843. СПБ., 1911, 553 стр.

[См. по указателю имен.]

[Колосов, Е.] С. Н. Кривенко как один из представителей 70-х годов. В кн.: Собр. соч. С. Н. Кривенко, т. I. СПБ., 1911, стр. V—XII.

Кранихфельд, В. П. Пореформенное крестьянство в беллетристике. В кн.: «Великая реформа». Т. VI. Изд. И. Д. Сытина. М., 1911, стр. 328—330.

Лазурский, В. Воспоминания о Л. Н. Толстом. М., 1911, стр. 40—41.

Мазон, А. А. Гончаров как цензор. К освещению цензорской деятельности И. А. Гончарова. «Р. ст.», П., 1911, кн. 3, стр. 481.

[Отзыв Гончарова о драмат. очерке в одном действии, соч. Щедрина — «Утро Хрептюгина».]

Максимов, И. Г. Систематическое чтение по словесности. (Опыт библиографического указателя для юношества). Тифлис, 1911, стлб. 396—402.

Малинин, Д. М. Что читать по русской литературе XIX века? Опыт литературно-критического указателя к произведениям русской литературы XIX века. Изд. 2-е, испр. и доп. книжного маг. А. Д. Корчагина. М., 1911, стр. 20—21.

Михайловский, Н. К. Полное собрание сочиненний. Т. I. Изд. 5-е, Н. Н. Михайловского. СПБ., 1911, стр. 815, 874—877.

[«Благонамеренные речи» Щедрина.]

Народная энциклопедия научных и прикладных знаний. Т. VII — Языкознание и история литературы. Изд. Харьковского о-ва распространения в народе грамотности. М., 1911, стр. 463—470.

Неведомский, М. 80-е и 90-е годы в нашей литературе. В кн.: История России в XIX веке. Изд. т-ва бр. А. и И. Гранат и К°, т. IX, вып. 33. СПБ. (1911), стр. 5, 7, 10—11, 13, 17—19 и др.

Нелидов, Ф. Ф. Крепостная старина в художественной сатире Салтыкова (Щедрина). В кн.: «Великая реформа», т. IV. Изд. И. Сытина. М., 1911, стр. 52—75.

Овсянико-Куликовский, Д. Н. Собрание сочинений. Т. VIII—История русской интеллигенции. Ч. 2 — От 50-х до 80-х годов. Изд. т-ва «Общественная поль-

за» и кн-ва «Прометей». СПБ., 1911, стр. 1—29.

[Введение, гл. I и II.]

Памяти Константина Николаевича Леонтьева, ум. 1891 г. Литературный сборник. СПБ., 1911, стр. 51.

[Рецензия Салтыкова на роман К. Леонтьева «В своем краю».]

Памятная книжка лицеистов. Издание собрания курсовых представителей имп. Александровского лицея. 1811—19 октября — 1911. СПБ., 1911 [по указателю имен], 60 стр.

Попов, Н. Пьеса Салтыкова-Щедрина «Соглашение». (Справка для юбилейных спектаклей 19 февраля). «Т. и иск.», 1911, № 4 стр. 89—90.

Рубакин, Н. А. Среди книг. Изд. 2-е, доп. и перераб. Т. I. Книг-во «Наука». М., 1911, стр. 50.

Рудаков, В. [Л.] Последние дни цензуры в Министерстве народного просвещения. (Председатель СПБ. Цензурн. комитета В. А. Цев). «Ист. в.», П., 1911, № 9, гл. VII—IX, стр. 979—982.

[Суждение цензора, тайн. советника О. Пржецлавского о произведениях Салтыкова: «Деревенская тишь», «Миша и Ваня».]

Салтыков, К. М. Кончина императора Александра II и Щедрин. «Пенз. губ. вед.» 1911, 19 февраля, № 43, стр. 6.

[Воспоминания.]

Сивков, К. В. Крепостное право и русская изящная литература (1762—1861 гг.). М., 1911, 37 стр.

[Стр. 32—26: Салтыков и крепостное право.]

Словарь членов Общества Любителей Российской Словесности при Московском университете, 1811—1911. М., 1911, стр. 250.

У гроба старого народника. «Бирж. вед.», веч. вып. СПБ., 1911, 12 декабря, № 12681, отд.: В литературном мире.

[Салтыков и Златовратский.]

Энгельгардт, Н. А. Давние эпизоды. Н. А. Энгельгардт и М. Е. Салтыков. «Ист. в.», П., 1911, № 4, стр. 42—68.

Янжул, И. И. Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864—1909 гг. Вып. II. СПБ., 1911, гл. VI, стр. 30—31.

1912

Богучарский, В. Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX века. Кн-во «Русская мысль». М., 1912, стр. 300—301, 384, 388—389.

[Салтыков и «Священная дружина».]

Веселовский, Ю. Русская литература в Швеции. «В. восп.», П., 1912, № 7, стр. 188.

[Сочинения Салтыкова на шведском языке.]

Владиславлев, И. В. Био-библиографический указатель новейшей русской беллетристики (1861—1911 гг.). В кн.: Энциклопедический словарь. Т-ва бр. А. и И. Гранат. Изд. 7-е. Т. XI. СПБ. [1912], стлб. 696—697.

Добролюбов, Н. А. Губернские очерки Щедрина. Общедоступная библ-ка, СПБ., 1912, 43 стр.

Добролюбов — для школы. Со вступ. статьей Нестора Котляревского. Изд-во О. Н. Поповой. СПБ., 1912, стр. 147—178.

[«Губернские очерки».]

Добролюбов, Н. А. Избранные сочинения. Редакция и вступ. статья В. Ф. Динзе. [Вып.] IV. «Губернские очерки» Щедрина. Н. В. Станкевич. «Кобзарь» Шевченко. Изд. акц. о-ва «Типографское дело». СПБ., 1912, 90 стр. («Всеобщ. б-ка», № 142).

Добролюбов, Н. А. Полное собрание сочинений. Под ред. Е. В. Аничкова. Т. III — Литературная критика. Ч. I — Статьи и отзывы 1856—1858 гг. Русское книжное т-во «Деятель». СПБ. [1912], стр. 336—376.

[«Губернские очерки».]

Кадмин, Н. Очерки по истории русской литературы (От 30-х годов XIX ст. до Чехова). Под ред. проф. А. К. Бороздина. Изд. Н. Н. Клочкова. М., 1912, гл. XIV. — М. Е. Салтыков, стр. 299—306.

Ковалевский, П. М. Стихи и воспоминания. Посмертное издание. СПБ., 1912, стр. 275, 288—290 и др.

Кони, А. Ф. На жизненном пути. Том II—Из воспоминаний. СПБ. 1912, стр. 111, 122—124, 253—254, 265.

Мазон, А. А. Материалы для биографии и характеристики И. А. Гончарова. «Р. ст.», П., 1912, № 6, стр. 524—527.

[Письмо Гончарова к В. В. Стасову от 27 октября 1888 г.]

Минцлов, С. Р. Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке. Вып. IV—V. Новгород, 1912.

[См. по указателю.]

[Писарев, Д. И.] Сочинения Д. И. Писарева. Полное собрание в шести томах, Т. III, 5-е изд. Ф. Павленкова, СПБ., 1912, стр. 239—276.

[1. «Цветы невинного юмора. Сатиры в прозе». Н. Щедрина. 2. «Невинные рассказы» Н. Щедрина.]

Розенберг, В. «Священная дружина». (Из переписки М. Е. Салтыкова с Н. А. Белоголовым). «Р. вед.», М., 1912, 6 октября, № 230.

Розенберг, В. От графа Лорис-Меликова к графу Игнатьеву. (Из переписки М. Е. Салтыкова с Н. А. Белоголовым). «Р. вед.», М., 1912, 26 октября, № 247.

Савельев, М. О тенденции в литературе. «Огни», 1912, № 2, стр. 17—21.

[См. стр. 19.]

Сементковский, Р. Встречи и столкновения (М. Е. Салтыков, П. А. Гайдебуров, А. Ф. Маркс). «Р. ст.», П., 1912, № 4, стр. 47—58; № 5, стр. 349—351 и № 10, стр. 26—27.

М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Под ред. М. К. Лемке. Т. III. СПБ., 1912, стр. 255—257 и др.

[См. по указателю.]

[Чехов, А. П.] Письма А. П. Чехова. Т. II (1888—1889). С иллюстрациями. Изд. М. П. Чеховой. М., 1912, стр. 353—354, 361—362.

Языков, Д. Д. Обзор жизни и трудов русских писателей и писательниц. Вып. 12. СПБ., 1912 (Сборник Отделения русск. яз. и слов. имп. Акад. Наук, т. LXXXIX), стр. 262.

1913

Берлин, П. Буржуазия в русской художественной литературе. «Н. ж.», П., 1913, № 1, стр. 169—196.

[Гончаров, Островский, Успенский, Салтыков, Горький.[

В. О. Из переписки А. Н. Плещеева. «Речь», СПБ., 1913, 22 июля (4 авг.) № 197, стр. 3.

[Салтыков в характеристике Плещеева.]

В-н, О. Из жизни Салтыкова-Щедрина. «Нед. Совр. сл.». Беспл. прил. к № 1966 газеты «Совр. сл.», СПБ., 1913, 8 июля, № 274, стр. 7—8.

Гаршин, Евг. Как писался «Рядовой Иванов». Очерк. «С. Рос.», СПБ., 1913, 23 марта, № 13 (164), стр. 5.

[«Рядовой Иванов» В. Гаршина в редактуре Салтыкова.]

Измайлов, А. Последние исполины. Литературный архив «Вестника Европы». — Как умирал М. Е. Салтыков. — Шутки Влад. Соловьева, и пр. «Бирж. вед.», веч. вып., СПБ., 1913, 19 августа, № 13706, стр. 7.

Лугаковский, В. А. Русские писатели в польской литературе. Вып. II — Салтыков. Изд. А. Э. Винеке. СПБ., 1913, 16 стр.

Марков, Вл. Из воспоминаний о белом генерале. «Р. ст.», П., 1913, № 1, стр. 208—214.

[Салтыков о М. Д. Скобелеве и положении России конца 70-х и начала 80-х годов.]

Мендельсон, Н. Очерки по истории русской литературы. Изд. 2-е, «Польза». М., 1913, стр. 299—306.

[Михайловский, Н. К.] Полное собрание сочинений Н. К. Михайловского. Т. X. Под ред. и с прим. Е. Е. Колосова. Изд 2-е Н. Н. Михайловского. СПБ., 1913.

[Стр. 45—48 — О закрытии «Отечеств. записок»; стр. 646—647. «Предисловие к книжке о Щедрине».]

Модестов, А. Е. О смысле жизни в русской художественной литературе XIX в. Вып. II. Некрасов, Успенский, Салтыков-Щедрин, Чехов, М. Горький. (Культ. библиотека под. ред. Историч. к-сии учебн. отдела О-ва распростр. техн. занятий, № 5). СПБ., 1913, VI, 106 стр.

Николай Михайлович, вел. кн. Петербургский Некрополь. Т. IV (С.-Ф). СПБ., 1913, стр. 20.

Обозрение трудов по славяноведению под ред. В. Н. Бенешевича. 1913 г., вып.

II (до 1 января 1914 г.). П., 1916, стр. 400.

[Плещеев, А. Н.] Письма А. Н. Плещеева к Н. А. Добролюбову. (Материалы по истории русской литературы и культуры, ч. II). «Р. м.», М., 1913, кн. I, стр. 140—141, 146—147.

Пыпин, А. Н. История русской литературы. Тт. I—IV, 4-е изд., без перемен. СПБ., 1913.

[См. указатель в IV томе.]

Розенберг, В. А. Конец «Отечественных Записок». (Из переписки М. Е. Салтыкова с Н. А. Белоголовым). «Р. б.», М., 1913, № 3, стр. 37—59.

[См. дополн. и поправки в статье: «К статье «Конец Отечественных Записок», там же, стр. 387—389.]

Розенберг, Владимир. М. Е. Салтыков в Ницце. (1875—1876 гг.) «Г. мин.», М., 1913, № 1. Материалы, стр. 174—181.

Розенберг, В. А. Щедрин — сотрудник «Русских Ведомостей». (Из переписки восьмидесятых годов). В кн.: «Русские ведомости». 1863—1913. Сборник статей». М., 1913, стр. 187—215.

[Здесь же, отдел II: Сотрудники «Русских ведомостей». 1863—1913, стр. 156— Салтыков, Мих. Евграф.]

М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Под ред. М. К. Лемке. Т. V. С двумя портретами. СПБ., 1913,

[Письма С., стр. 60—62 — автобиография М. Е. Салтыкова, и по указателю.]

Рец.: Слонимский, Л. «В. Е.», П., 1913, № 7, стр. 407—413.

Шляпкин, И. А. История русской словесности. (Программа университетского курса с подробной библиографией). П., 1913, стр. 65.

[Эртель, А. И.] Страница дневника А. И. Эртеля. Сообщил Н. Л. Бродский. «Г. мин.», М., 1913, № 2, Материалы, стр. 235—236.

[Афоризм о квартальном. О «Сказках» Салтыкова.]

1914

I. Книги

Вейнберг, Л. О. Критическое пособие. Сборник выдающихся статей русской критики за 100 лет. (Киреевский-Айхенвальд.) Т. IV, вып. I. Майков, Фет, Тютчев, гр. Ал. Толстой, (дополнит.) Некрасов, Григорович, Писемский, Салтыков и Гл. Успенский. Для школ и самообразования. М., 1914, 443 стр.

Водовозов, В. Щедрин, Н. (Салтыков, Михаил Евграфович). В кн.: Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. Под общей ред. д-ра П. Каценельсона. Изд. Брокгауз и Ефрон. Т. 16. СПБ. [1914], стр. 141—143.

Головин, К. Ф. [Орловский.] Русский роман и русское общество. Изд. 3-е, т-ва А. Ф. Маркс. СПБ. [1914], ч. 3. Гл. X—XI, стр. 260—284.

Кривенко, С. М. Е. Салтыков, его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк. Изд. 3-е, с меццо-тинто-портретом М. Е. Салтыкова и предисл. и примеч. А. Югорского. П., 1914 [на обл.: 1915], 105 стр.

Рец.: Ш. С., «Р. шк.», 1915, № 78, стр. 127—128.

Николай Михайлович, вел. кн. Русский провинциальный Некрополь. Т. I. СПБ., 1914, стр. 765 и 767.

[Могилы родителей Салтыкова.]

Овсянико-Куликовский, Д. Н. Собрание сочинений. Т. VIII—История русской интеллигенции. Ч. 2 — От 50-х до 80-х гг. Изд. 5-е И. Л. Овсянико-Куликовской.

[Введение, стр. I—VIII, главы I—II, стр. 1—32.]

Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870—1894. С предисл. и примеч. Б. Л. Модзалевского. Изд. Общ. Толстовского музея. СПБ., 1914 (Толстовский музей, т. II), стр. 42, 115, 192, 213.

[Салтыков в характеристике Страхова.]

Плещеев, Ал. Что вспомнилось. Актеры и писатели. Т. III. СПБ., 1914, стр. 1—2.

Семевский, В. И. Сен-симонисты и фурьеристы в России в царствование Николая I. В кн. — «Книга для чтения по истории нового времени. Т. IV, ч. II. Славянство в начале XIX в. и Россия в царствование имп. Николая I». Изд. т-ва И. Д. Сытина и «Сотрудника школ» А. К. Залесской. М., 1914 (Историч. к-сия учебного отдела О. Р. Т. З.).

[Стр. 360—362, 366, 382.]

Сперанский, М. Н. проф. История русской литературы XIX века. Записки слушателей, редактированные профессором. М., типо-литография И. Ф. Смирнова, 1914.

[См. стр. 245—246.]

Ушаков, Ф. свящ. Село Спасское, что на Углу, Калязинского уезда, Тверской губернии. Исторический очерк. Изд. Тверской ученой архивной к-сии. Тверь, 1914. 32 стр. (Семейная вотчина Салтыковых. Место рождения Салтыкова. Сведения о нем и его родственниках.)

II. Журналы

А. Забытые слова. («Забытые слова — завет прощальный»). «В. Е.», П., 1914, кн. 5, май, стр. 5.

[Стихотворение, посвящ. памяти Салтыкова.]

Арсеньев, К. Салтыков в памяти его современников. «В. Е.», П., 1914, № 5, май, стр. 264—270.

[Писательский путь Салтыкова. Изложение этой статьи Арсеньева под заглавием — «Майская книжка» «Вестника Европы» см. в газ. «Волж. сл.», Самара, 1914, 4 мая, № 1917, стр. 3.]

Бикерман, И. Горе от ума. К 25-летию со дня смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина (28 апр. 1889 г. — 28 апр. 1914 г.). «Сев. з.», П., 1914, № 4, стр. 143—165.

Бобрищев-Пушкин, А. /В. «Тени» Щедрина. «Т. и иск.», П., 1914, № 18, стр. 401—402.

[Постановка пьесы Литфондом в Мариинском театре. Со снимками.]

В. А. М. Е. Салтыков-Щедрин. «Нов. к.» М., 1914, 25 мая, № 9, стр. 208—209.

Ветринский, Ч. М. Е. Салтыков и Г. И. Успенский. «Г. мин.», М., 1914, № 5, отд. III — Материалы, стр. 215—219.

Гайдуков, В. М. Е. Салтыков как администратор. «Р. м.», М., 1914, кн. 6. Материалы по истории русской литературы и культуры, стр. 113—126.

[Административная деятельность Салтыкова в Рязани.]

Германов, С. М. Е. Салтыков-Щедрин и современная действительность. «Совр.», П., 1914, кн. 8, стр. 52—62.

25-летие со дня смерти великого русского сатирика. «Ог.», П., 1914, 27 апреля (10 мая), № 17, стр. 3.

[См. также № 18 от 4 (17 мая), стр. 10]

Два эпизода из жизни Салтыкова. (К 25-летию со дня смерти).

«Бюлл. лит. и ж.», М., 1914, № 18, Литер. отдел, стр. 1067—1071.

[1. По статье Кранихфельда в «Солнце России» «Романич. глава из автобиографии Салтыкова». 2. Иоанн Кронштадтский у больного Салтыкова, по воспоминаниям К. М. Салтыкова в «Новом времени».]

Денисюк, Н. Салтыков-Щедрин и его время. (По поводу 25-летия со дня кончины). «Нива», П., 1914, № 17, стр. 331—333.

Дубровский, К. Сатира. (Светлой памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина). К 25-летию со дня смерти. 1886—28/IV—1914. «Ж. д. вс.», П., 1914, № 4, стр. 474.

[Стихотворение.]

Евг. А. Черты из жизни М. Е. Салтыкова. «С. Рос.», П., 1914. № 219 (16), № 4, стр. 15 и обл.

[Елисеев, Гр. Зах.] М. Е. Салтыков в письмах к Григ. Зах. Елисееву. [Из бумаг Гр. Зах. Елисеева.] «Заветы», П., 1914, стр. 22—48.

Ермилов. В. Памяти русского Ювенала. «Заря», М., 1914, 27 апреля, № 16, стр. 7.

Зайцев, П. М. Е. Салтыков-Щедрин. (К 25-летию со дня кончины, 1899—28/IV). «Нива», П., 1914, № 17, стр. 329—331.

Защитник правды. «Искра», 1914, 27 апреля, № 16, стр. 121.

[Краткая характеристика Салтыкова.]

Золотарев, С. Картины детства и мысли о воспитании в сочинениях Салтыкова. (По поводу 25-летия со дня смерти, 28 апреля 1889—1914 г.). «Р. шк.», 1914, № 4, отд. 1, стр. 21—31.

Иванов-Разумник. «Тени» — драматическая сатира М. Е. Салтыкова. «Заветы», П., 1914, № 4, стр. 40—42.

К 25-летию смерти Салтыкова Щедрина [с портр. на стр. 382 и рис. на стр. 383.] «Т. и иск.». П., 1914, 27 апреля, № 17, стр. 379.

К 25-летию со дня кончины М. Е. Салтыкова. (С 2 рис. на стр. 2). «Всем. н.», П., 1914, № 18 (апрель), стр. 7—8.

К спектаклю Литературного фонда. «Об. т-в», П., 1914, 28 апреля, № 2420, стр. 11.

[«Тени» Салтыкова на сцене Мариинского театра.]

К юбилею Салтыкова. «Об. т-в», П., 1914, 29 апреля, № 2421.

[Стр. 9 — Печать и стр. 12 — Хроника.]

К юбилею Салтыкова — «Об. т-в», П., 1914, 1 мая, № 2423, стр. 10.

[О майской салтыковской книжке «Вестника Европы».]

К юбилею Салтыкова-Щедрина. «Нов. сат.», П., 1914, № 18, стр. 5.

[Карикатура и текст.]

Кауфман, А. Е. Оклеветанный сатирик. (К 25-й годовщине смерти М. Е. Салтыкова). «Р. ст.», П., 1914, № 4, стр. 78—84.

[Салтыков и закрытие «Отеч. записок».]

Кауфман, А. Е. М. Е. Салтыков-Щедрин. (К 25-летию со дня кончины — 28 апреля 1889 г.). «С. Рос.», П., 1914, № 219—16, стр. 1—2.

Короленко, Вл. Николай Константинович Михайловский. «Р. б.», П., 1914, №1, стр. 203—212.

[Стр. 207 — Первая встреча молодого Короленко с Салтыковым.]

Котляревский, Н. Очерки из истории общественного настроения в шестидесятых годах. Изящная словесность 1855—1861 годов и молодой читатель. «В. Е.», П., 1914, сентябрь, стр. 159—189.

Котляревский, Н. Памяти М. Е. Салтыкова. «В. Е.», П., 1914, № 5, май, стр. 254—263.

Кранихфельд, Вл. Адвокатура в сатире Щедрина. «Руб.», СПБ., 1914, № 6, стр. 8—10.

[В приложении: Щедрин, Н. — Переписка». (Неопубликованная сатира Н. Щедрина), стр. 11—14.]

Кранихфельд, Вл. Новая экскурсия в Головлево. (К 25-летию годовщины смерти М. Е. Салтыкова). «Р. б.», П., 1914, № 4, стр. 38—52.

[С публикацией очерка — «У пристани», стр. 52—64.]

Кранихфельд, Вл. Памяти М. Е. Салтыкова. (15 января 1826—28 апреля 1889 г.). «В. ун-т», 1914, № 9, стр. 2—10.

Кранихфельд, Вл. Романическая глава из автобиографии Салтыкова-Щедрина. «С. Рос.», П., 1914, № 219—16, стр. 3—4.

Кранихфельд, Вл. М. Е. Салтыков (Щедрин). (Опыт литературной характеристики «Истории одного города»). «Совр. м.», 1914, № 4, стр. 1—27.

Кранихфельд, Вл.—«Среди ташкентцев». (К 25-й годовщине смерти М. Е. Салтыкова). «Г. мин.», М., 1914 № 5, стр. 5—20.

Лундберг, Е. Салтыков-Щедрин. «Совр.», П., 1914, кн. 8, отд. Литература и искусство, стр. 97—103, кн. 9, стр. 88—95.

Льв[ов], Як. «Смерть Пазухина» в Художественном театре. «Новости Сезона». М., 1914, 5—6 декабря, № 3004, стр. 6—7.

Мазуркевич, В. Спектакль в пользу Литературного фонда. «Тени», драматическая сатира в 4 д. М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Об. т-в», П., 1914, 28 апреля, № 2420, стр. 7—9.

М. Е. Салтыков-Щедрин. (С 2-мя рис.). «Ил. вс. об.». Беспл. прил. журнала «Родина». СПБ., 1914, № 18, стр. 1—2.

Миров, Д. Памяти великого литератора. (К 25-летию смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина). «Путь», 1914, № 4, стр. 53—57.

Негорев, Н. Щедринское (К 25-летию со дня кончины М. Е. Салтыкова). «Т. и иск.», 1914, № 18, стр. 404—407.

[Салтыков и театр.]

Нос, Вл. Сердце великой любви и великого гнева. (К 25-летию смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина). 28 апреля 1889 г. — 28 апреля 1914 г. «Жур. д. вс.», 1914, № 4, стр. 593—600.

Носков, Н. Д. Памяти русского сатирика. По поводу 25-летия со дня смерти М. Е. Салтыкова. Очерк. «Пр. и л.», П., 1914, № 5, стр. 12—17.

Ольминский, М. Салтыков-Щедрин. (К 25-летию со дня его смерти). «Просв.», 1914, №5, стр. 12—17.

Памяти великого сатирика. (К 25-летию со дня смерти М. Е. Салтыкова). (С портретом). «Вокр. св.», М., 1914, № 17, стр 271.

Памяти великого сатирика. «Искры», 1914, 27 апреля, № 16, стр. 124—125.

[Краткая характеристика Салтыкова.]

Памяти мыслителя - художника. (К 25-летию кончины Салтыкова). «Об. т-в.», 1914, 28 апреля, № 2420, стр. 10—11.

Памяти Салтыкова. «Ист. в.», П., 1912, июнь, стр. 1174—1175.

[Официальное проведение дня 25-летия со дня смерти Салтыкова в Петербурге.]

Пантелеев, Л. «Христова ночь» М. Е. Салтыкова. (По воспоминаниям). «С. Рос.», П., 1914, 16 апреля, № 219, стр. 8—9.

Полонский, В. Великая ненависть. (Салтыков-Щедрин). К 25-летию смерти. «Руб.», СПБ., 1914, № 6, стр. 3—5.

Последние годы М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Об. т-в», 1914, 27 апреля, № 2419, стр. 11—12.

Поссе, Вл. Пропавшая совесть и мелочи жизни. (По Салтыкову-Щедрину). «Ж. д. вс.», 1914, № 4. Общественность, стр. 601—612.

Ред. По поводу новых отрывков Щедрина, напечатанных в № 5 «Голоса минувшего». «Г. мин.», М., 1914, № 6, Отд. VI — Критика и библиография, стр. 318—319.

Розенберг, Вл. Лебединая песнь Щедрина. «Р. б.», П., 1914, № 4, стр. 169—181.

[«Пошехонская старина».]

Рудин, Д. Смех сквозь слезы. К 25-летию со дня смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Н. ж. д. вс.», 1914, № 5, стр. 33—36.

Русанов, Н. С. Архив Н. К. Михайловского. «Р. б.», П., 1914, № 1, стр. 129—164.

[Письма Салтыкова в архиве Н. К. Михайловского.]

Сакулин, П. Социологическая сатира. (Памяти М. Е. Салтыкова, ум. 28 апреля 1889 г.) «В. восп.», П., 1914, № 4 стр. 1—32.

Салтыков под надзором полиции. «Изв. кн. маг. т-ва Вольф», П., 1914, № 3, Новости Литератур. мира, стр. 58—59.

[Выдержки из дела Салтыкова в архиве Вятского губ. правления. Там же, стр. 48— Постановл. Вятск. гор. думы о прибитии мраморной доски к дому, где жил Салтыков.]

М. Е. Салтыков — Н. Щедрин. «Заветы», П., 1914, № 4, отд. 2, стр. 49—62.

М. Е. Салтыков-Щедрин. «Тарыбары». СПБ., 1914, апрель, № 116, стр. 2.

Сербаринов, П. А. М. Е. Салтыков и современные европейские события. «Ист. в.», П., 1914, кн. XI — ноябрь, стр. 450—473.

«Смерть Пазухина» [В Московском Художественном Театре]. «Обозрение Театров», П., 1914, 5 декабря, № 2606, стр. 11; 7 декабря № 2608, стр. 17—18.

Соболев, Юрий. «Смерть Пазухина» [В Художественном Театре.] «Театр», М., 1914, 4—5 декабря, № 1611, стр. 5—6.

Степаненко, Н. Из бесед с Н. Н. Златовратским о М. Е. Салтыкове-Щедрине. Воспоминания. «Заря», М., 1914, 27 апреля, № 16, стр. 6.

Струве, П. М. Е. Салтыков. «Р. м.», М., 1914, кн. 5, стр. 141—144.

[Тургенев, И. С.] Неизданные письма И. С. Тургенева к П. В. Анненкову. «Н. ст.», П., 1914, № 12, стр. 1071.

[Отрицат. отношение Тургенева к творчеству Салтыкова — в письме № 11, из Парижа, от 9/21 марта 1857 г.]

[Унковский, А. М.] Письма А. М. Унковского к Г. А. Джаншиеву. «Г. мин.», М., 1914, № 11, стр. 236, 237, 241, 242, 249, 250.

Хроника. Мелкие заметки. «Р. б.-фил.», П., 1914, № 4, стр. 122—123.

[1) Заметка о прибитии доски к дому, где жил Салтыков в Петербурге. 2) Об открытии в архиве Стасюлевича рукописи Салтыкова — «Тени».]

Чернов, В. Памяти великого сатирика. (К 25-летию со дня его смерти). «Заветы», П., 1914, № 4, отд. 2, стр. 1—21.

Чествование памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина. (К рис. на стр. 8). «Всем. п.» 1914, № 20, стр. 5.

[Официальное проведение годовщины смерти Салтыкова.]

Шевл[яков], С. М. Е. Салтыков-Щедрин. «Всем. п.» 1914, 25 апреля, № 262—17, стр. 9—10.

Щедрин-сатирик. (Три мнения). «Всем. п.» 1914, 25 апреля, № 262—17, стр. 11.

[Высказывания о Салтыкове Л. Ф. Пантелеева, А. Ф. Кони, проф. С. А. Венгерова.]

Щедринский номер «Солнца России». «Об. т-в», П., 1914, 26 апреля, № 24—8, стр. 12.

Юрьев, М. «Тени». «Р. и ж.», П., 1914, 4 мая, № 18, стр. 4—5.

[Пьеса Салтыкова.]

Юрьев, М. Щедрин-драматург. «Р. и ж.», 1914, 27 апреля, № 17, стр. 5—7.

[«Смерть Пазухина».]

Яхонтов, С. Д. М. Е. Салтыков-Щедрин (+ 28 апреля 1899 г.). «Тр. Ряз. уч. архив. к-сии» на 1913 г., т. XXVI, вып. I. Под ред. С. Д. Яхонтова. Рязань, 1914, стр. 41—42.

Яхонтов, С. Д. (сообщ.). Формулярный список о службе рязанского вице-губернатора, коллежского советника Салтыкова за 1859 год. Дополнительный формулярный список за 1867 г. «Тр. Ряз. уч. архив. к-сии» на 1913 г., т. XXVI, вып. I. Под ред. С. Д. Яхонтова. Рязань, 1914, стр. 43—48.

III. Газеты

** М. Е. Салтыков-Щедрин. «Г. Сам.», 1914, 27 апреля, № 88, стр. 5.

А. — М. Е. Салтыков-Щедрин. «Р. чт.», П., 1914, 27 апреля (10 мая), № 91, стр. 1—2.

А. Н. М. Е. Салтыков-Щедрин. «У. кр.», Никольск-Уссурийский, 1914, 29 апреля, № 32, стр. 2.

Авалиани, А. М. Е. Салтыков и крестьянский вопрос. «Од. л.», Одесса, 28 апреля, № 11, стр. 2.

Адамов, Евг. «Смерть Пазухина». (К постановке на сцене Московского Художественного Театра). «День», П., 1914, 6 декабря, № 332, стр. 5.

Айхенвальд, Ю. Памяти Салтыкова-Щедрина. (25-летие со дня смерти М. Е. Щедрина. 1889 — 28 апреля — 1914). «Речь», 1914, 28 апреля (11 мая), № 114, стр. 3.

Амфитеатров, Ал. Грозная тень. «Р. сл.», М., 1914, 29 апреля (12 мая), № 98, стр. 3—4.

Анд, В. Последние годы М. Е. Салтыкова-Щедрина+28 апреля, 1899 г. «Н. вр.», СПБ., 1914, 29 апреля, № 3692, стр. 141.

Арсеньев, К. Политическая прозорливость Салтыкова. (Памяти М. Е. Салтыкова. 1889—28 апреля—1914). «Р. вед.», М., 1914, 27 апреля, № 97, стр. 3—4.

Арсеньев, К. К. Салтыков в наше время. «Речь», СПБ., 1914, 27 апреля (10 мая), № 113, стр. 2—3.

Арсеньев, К. Я. Салтыков в наше время. «Сов. сл.», СПБ., 1914, 27 апреля (10 мая), № 2260, стр. 2.

Ачкасов, А. Салтыков как предсказатель. «К. м.», 1914, 28 апреля, № 116, стр. 3.

[Жизненность сатиры Салтыкова.]

Аякс. «Тени» Салтыкова и их шифр. «Бирж. вед.» (веч. вып.), СПБ., 1914, 18 апреля, № 14108, стр. 4.

Б. Ф. Новое о Щедрине, «Речь». СПБ., 1914, 6 марта, № 63.

[О работах Вл. Кранихфельда над архивом Салтыкова-Щедрина. Щедрин и Чехов.]

Б-ский. Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Дон. ж.», Новочеркасск, 1914, 29 апреля, № 96, стр. 2.

Батюшков, Ф. Драматическая сатира М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина). «Тени» на сцене Мариинского театра. (Спектакль Литературного фонда). «Речь», СПБ., 1914, 27 апреля (10 мая), № 113, стр. 6.

Батюшков, Ф. К датированию времени действия и времени написания пьесы «Тени» Щедрина. (Письмо в редакцию). «Речь», СПБ., 1914, 16 (29) апреля, № 102 (2771), стр. 2.

Батюшков, Ф. Литературный спектакль. Драматическая сатира М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина). «Тени» на сцене Мариинского театра. «Совр. сл.», СПБ., 1914, 27 апреля (10 мая), № 2260, стр. 5.

Батюшков, Ф. Новая комедия Щедрина. «Речь», СПБ., 1914, 26 марта (8 апреля), № 83, стр. 2.

[«Тени».]

Белоконский, И. П. Михаил Евграфович Салтыков. «Утро», Харьков, 1914, 27 апреля, № 2293, стр. 3.

Бережанский. Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Крым. в.», Севастополь, 1914, 28 апреля, № 106 (8082), стр. 3.

Бережанский, Н. Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина. (28 апреля 1889—28 апреля 1914). «Арх.», Архангельск, 1914, 28 апреля, № 93, стр. 2.

Бережанский. Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Н. кр.», Брест-Литовск, 1914, 27 апреля, № 33 (377), стр. 1—2.

Бережанский. Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Н. у.», М., 1914, 29 (12) апреля, № 99 (575), стр. 2.

Бережанский. Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Т. м.», Тула, 1914, 23 апреля, № 1940, стр. 3.

Бережанский. Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Турк. к.», Ташкент, 1914, 27 апреля, стр. 2.

Биографии великого русского сатирика. «С.-з. гол.», Вильно, 1914, 27 апреля (10 мая), № 2723, стр. 2.

Боцяновский, Вл. О любви и правде Щедрина. «Бирж. вед.», утр. вып., СПБ., 1914, 27 апреля (10 мая), № 14123, стр. 1.

Буйко, А. М. Е. Салтыков-Щедрин. (К 25-летию со дня смерти). «У. С.», Томск, 1914, 27 апреля, № 91, стр. 2.

Буква. М. Е. Салтыков. Личное воспоминание. «Од. н.», Одесса, 1914, 27 апреля (10 мая), № 9337, стр. 2.

Булатович, Д. Последний праведник, М. Е. Салтыков-Щедрин. (К 25-летию кончины). «Полт. в.», Полтава, 1914, 29 апреля, № 3405 стр. 2—3.

Бухвур, М. М. Е. Салтыков — Н. Щедрин. К 25-летию со дня смерти великого сатирика. «Н. В.», Житомир, 1914, 28 апреля, № 108, стр. 3.

Бухов, Арк. Воспоминание (юбилейное). («Много вас в провинциальной тине»). «Волж. сл.», Самара, 1914, 27 апреля, № 1966, стр. 3.

[Стихотворение.]

Бэн. «Смерть Пазухина». «Московские ведомости», М., 1914, 4 декабря, № 281. стр. 5.

В день 25-летия смерти Салтыкова-Щедрина. Памяти М. Е. Салтыкова, «Риж. м.», Рига, 1914, 29 (12) апреля, № 2025, стр. 3.

[Отчет о проведении дня в Петербурге.]

В. М. Спектакль Литературного фонда. «День», СПБ., 1914, 27 апреля, № 113, стр. 6. «Театр и музыка».

[Кратк. рец. на постановку пьесы Салтыкова «Тени» в Мариинском театре.]

В. П. Ч. «Серые птицы» и «Торжествующая свинья». (Памяти горького смеха). («Герои дня—герои жизни»). «Заур. кр.», Екатеринбург, 1914, 27 апреля, № 93, стр. 3.

[Стихотворение.]

В—н, О. Неизданный Щедрин. «Речь», СПБ., 1914, 27 марта (9 апреля), № 84, стр. 2.

[Салтыков в архиве Стасюлевича.]

В—н, О. М. Е. Салтыков-Щедрин о себе самом. «Речь», СПБ., 1914, 31 марта (13 апреля), № 88, стр. 3.

В—н, О. Из воспоминаний о М. Е. Салтыкове. «Совр. сл.», СПБ., 1914, 28 апреля, № 2261, стр. 1.

В—н, О. Из воспоминаний о М. Е. Салтыкове-Щедрине. «Речь», СПБ., 1914, 28 апреля (11 мая), № 114, стр. 3—4.

В память М. Е. Салтыкова-Щедрина. Петербург. «Юж. вед.», Симферополь, 1914, 30 апреля, № 96, стр. 4.

[Отчет об официальном ознаменовании годовщины смерти Салтыкова в Петербурге.]

Вальбе, Бор. Памяти великого сатирика. (М. Е. Салтыков-Щедрин). «Од. л.», Одесса, 1914, 28 апреля, № 111, стр. 1.

Вейконе, М. «Тени», драматическая сатира М. Е. Салтыкова. «День», СПБ., 1914, 28 апреля, № 114, стр. 3.

[Рец. на салтыковский спектакль в Мариинском театре.]

Великий гражданин. «Од. н.», Одесса, 1914, 27 апреля (10 мая), № 9337, стр. 2.

Ветринский, Ч. К характеристике М. Е. Салтыкова. «Ниж. л.», 1914, 29 апреля, № 114, стр. 2.

Вечер памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Р. сл.», М., 1914, 16 (29) апреля, № 87, стр. 7.

[Отчет о заседании Литерат.-художеств. кружка.— Доклад В. П. Кранихфельда.]

Витимский, А. [Ольминский, М.] Салтыков-Щедрин. «П. пр.», СПБ., 1914, 13 апреля, № 60, стр. 1, 27 апреля, № 72, стр. 1.

Витязев, П. Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина. (К 25-летию со дня смерти). «Вологодский Листок», Вологда, 1914, 27 апреля, № 693.

Владимиров, М. Сатира Салтыкова и современная действительность. «Утро Юга», Ростов н/Д., 1914, 27 апреля, № 97, стр. 4.

Войтоловский, Л. М. Е. Салтыков-Щедрин. «К. м.», 1914, 28 апреля, № 116, стр. 2.

Волошин, М. Бессмертие Щедрина. (К 25-летию со дня смерти), «Веч. г.», Киев, 1914, 27 апреля, № 331, стр. 2.

Вяткин, Г. Щедрин и литература. (28 апреля 1889 г.— 28 апреля 1914 г.). «Утро», Харьков, 1914, 28 апреля, № 2294, стр. 1.

Г. Ан. Смерть М. Е. Салтыкова. (Из петербургских воспоминаний). «Заур. кр.», Екатеринбург, 1914, 27 апреля, № 93, стр. 3—4.

Гастев, К. Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина (1826 — 1889). «Волгарь». Н.-Новгород, 1914, 28 апреля, № 113, стр. 1.

Геккерн, Н. Салтыков-Щедрин. (К 25-летию его смерти). «Од. н.», 1914, 27 апреля (10 мая), № 9337, стр. 2.

Гиппиус, Влад. Смех Щедрина. «День», П., 1914, 27 апреля, № 113, стр. 3.

Глаголь, С. Художественный Театр. «Смерть Пазухина» «Г. М-вы». М., 1914, 4 декабря, № 279, стр. 5.

Годовщина смерти Щедрина. «П. пр.», СПБ., 1914, 27 апреля, № 72, стр. 1.

Губер, С. Два лица Салтыкова-Щедрина. «Утро», Харьков, 1914, 27 апреля, № 2293, стр. 3.

Гуин. К юбилею Щедрина. «Бирж. вед.» (утр. вып.), П., 1914, 24 апреля, № 14117, стр. 3.

[Фельетон.]

Гунст, Е. Драма. «Столичная Молва». М., 1914, 8 декабря, № 402, стр. 4.

[О «Смерти Пазухина».]

Давидов, И. Щедрин о борьбе с печатью. «Г. Юга», Елисаветград, 1914, 29 апреля, № 97, стр. 2.

25-летие смерти Салтыкова-Щедрина. «Пр. кр.», Екатеринослав, 1914, 30 апреля (13 мая), № 5126, стр. 3.

[Отчет об официальном проведении годовщины в С.-Петербурге.]

25-летие смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Веч. вр.». СПБ., 1914, 28 апреля, № 749.

25-летие смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина. Открытие городом памятной доски. «Пб. газ.», 1914, 29 апреля, № 115, стр. 2.

25-летие со дня смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Г. Юга», Елисаветград, 1914,

[Официальное ознаменование дня 25-летия со дня смерти Салтыкова в С.-Петербурге.]

25-летие со дня смерти Салтыкова-Щедрина. «Дв. л.», 1914, 30 апреля, № 98 (2172), стр. 3.

[Мероприятия СПБ. Гор. Думы по увековечению памяти Салтыкова.]

Двинский, И. У дочери М. Е. Салтыкова. (Беседа с Елизаветой Михайловной маркизой де Пассано). «Бирж. вед.», утр. вып., П., 1914, 27 апреля, № 14123 (вкладн. лист).

То же. «Бирж. вед.», веч. вып., СПБ., 1914, 26 апреля (9 мая), № 14122, стр. 7.

День Щедрина. «Турк. к.», Ташкент, 1914, 1 мая, № 96, стр. 3.

[Официальный отчет о проведении годовщины в СПБ.]

Джонсон, И. М. Е. Салтыков-Щедрин. (К 25-летию со дня смерти). «Ут. Р.», М., 1914, 27 апреля, № 97, стр. 5.

Домби. Тоска по Щедрину. «Од. л.», 1914, 28 апреля, № 11, стр. 2.

[Необходимость сатирического освещения действительности.]

Дубровский, К. «Бичующий нравы». (К 25-летию смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина). «Сибирь», Иркутск, 1914, 30 апреля, № 98, стр. 2.

Евгеньев, А. М. Г. [Е.] Салтыков вне литературы. «Од. л.», Одесса, 1914, 28 апреля, № 11, стр. 1.

[Салтыков в быту.]

Евгеньев, В. Новонайденная сатира Некрасова против Краевского. «Речь», СПБ., 1914, 3 (16) февраля, № 33, стр. 3.

[Салтыков о направлении «Голоса» Краевского.]

Евгеньев, В. М. Е. Салтыков и Н. А. Некрасов. (По неизданным материалам). «День», СПБ., 1914, 28 апреля, № 114, стр 2; 29 апреля, № 115, стр. 4.

Евгеньев, В. Новое о Некрасове. «Речь», П., 1914, 24 августа.

[Салтыков по материалам архива села Карабихи.]

Елисеев, Г. Е. О М. Е. Салтыкове. «Рязанский вестник», Рязань, 1914, 30 апреля, № 107, Из прошлого, стр. 2.

[Изложение статьи Елисеева в апрельской книжке «Заветов» за 1914 г.]

Жар-птица. Памяти великого сатирика. «Мал. од. н.», Одесса, 1914, 27 апреля (10 мая), № 254, стр. 3—4.

Желчный, И. Памяти Щедрина. («Где ты, сатирик беспокойный»). «Юж. вед.», Симферополь, 1914, 27 апреля, № 94, стр. 3.

[Стихотворение.]

Заседание в память М. Е. Салтыкова. «Р. вед.», М., 1914, 22 апреля, № 92, стр. 6. Московские вести.

[Отчет о заседании О-ва люб. росс. слов., посвящ. памяти Салтыкова, с докладами П. Н. Сакулина и Н. М. Мендельсона.]

Зигфрид. «Тени». Драматическая сатира в 4-х действиях М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Пб. к.», СПБ., 1914, 26 апреля, № 94, стр. 3.

Зигфрид. Эскизы. «СПБ. вед.», 1914, 29 апреля (12 мая), № 95, стр. 1.

[«Тени» Салтыкова на сцене Мариинского театра.]

И. В. С. М. Е. Салтыков-Щедрин. (1889—1914). «Пенз. губ. вед.», 1914, 29 апреля, № 109, стр. 2—3.

Игнатов, И. Художественный Театр. «Смерть Пазухина». «Р. вед.», М., 1914, 4 декабря, № 279, стр. 6—7.

И. И. Панихида по Салтыкове-Щедрине в Рязани в 1899 году. (Из воспоминаний участника). «Ряз. в.», Рязань, 1914, 27 апреля, № 105, стр. 3.

Из воспоминаний о Салтыкове-Щедрине. «Заур. кр.», Екатеринбург, 1914, 4 мая, № 99, стр. 3.

[Перепечатано из газ. «Речь».]

Из дневника М. Е. Салтыкова. «Од. л.», Одесса, 1914, 29 апреля, № 112, стр. 2.

[Извлечение из публикации В. П. Кранихфельда в «Солнце России».]

То же. «Совр. сл.», СПБ., 1914, 26 апреля, № 2259, стр. 1.

Из жизни М. Е. Салтыкова. «Дон. р.», Новочеркасск, 1914, 2 мая, № 99, стр. 3.

Из произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина. (К 25-летию со дня его смерти). «Риж. м.», Рига, 1914, 28 (11) апреля, № 2024, стр. 2.

[Подборка цитат из Салтыкова на темы: «О пришествии Чумазого», «О деревенской жизни», «О печати» и т. д.]

Измайлов, А. Пророческая карикатура. «Бирж. вед.», утр. вып., СПБ., 1914, 27 апреля (10 мая), № 14123, стр. 2.

[«Сатира Салтыкова уловила общий смысл истории последней четверти века, уловила ее частности».

Измайлов, А. Сатирик XX века. (Из фантастической лекции будущего ученого). «Р. сл.», М., 1914, 27 апреля (10 мая), № 97, стр. 4.

Измайлов, А. «Смерть Пазухина», комедия Щедрина-Салтыкова. «Р. сл.», М., 1914, 4 декабря, № 279, стр. 6.

[О постановке в 1893 г. в Александринском театре в Петербурге и в 1914 г. в Московском Художественном Театре.]

Измайлов, А. «Смерть Пазухина» (Премьера Московского Художественного Театра). «Бирж. вед.», СПБ., 1914, 5 декабря, № 14536, стр. 6.

Изобличенный Кранихфельд. «Приаз. кр.», Ростов н/Д, 1914, 23 января, № 21, стр. 3.

[По поводу разъяснения Кранихфельда о его публикации в «Утре Юга» статьи Щедрина «Вяленая вобла» как нового отрывка.]

Ипполитов, С. Заметки. «Од. л.», 1914, 27 апреля, № 110, стр. 4.

[Характеристика значения Салтыкова в связи с годовщиной смерти.]

К. На родине при свете идеала. «Приаз. кр.», Ростов н/Д., 1914, 23 января, № 21, стр. 3.

[О сатирич. творчестве Салтыкова.]

К—ский, Д. Я. Маленький фельетон. «Ташкентцы». (Почти по Щедрину). «Турк. к.», Ташкент, 1914, 27 апреля, № 93, стр. 4—5.

[Фельетон.]

К 25-летию со дня смерти сатирика Салтыкова-Щедрина. «Черн. сл.», Чернигов, 1914, 30 апреля, № 2129, стр. 3.

[Краткий отчет об официальном проведении дня 25-летия со дня смерти Салтыкова в С.-Петербурге.]

К 25-летию со дня смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина. «С.-з. гол.», Вильно, 1914, 26 апреля (9 мая), № 2727, стр. 2.

[Обзор салтыковских номеров журналов «Заветы», «Совр. мир», «Рус. богатство».]

Кауфман, А. М. Е. Салтыков-Щедрин. (К 25-летию со дня кончины). «Од. л.», Одесса, 1914, 27 апреля, № 110, стр. 2.

Кауфман, А. М. Е. Салтыков-Щедрин. (К 25-летию со дня кончины). «Пб. к.», П., 1914, 28 апреля, № 96, стр. 2—3.

Quidam. Злободневный сатирик. (Памяти М. Е. Салтыкова). «Веч. вр.», СПБ., 1914, 26 апреля (9 мая), № 748, стр. 1—2.

Кирхнер, В. Две смерти. (По поводу годовщины смерти Салтыкова). «Од. л.», Одесса, 1914, 29 апреля, № 112, стр. 2.

[Смерть гр. Д. А. Толстого и М. Е. Салтыкова.]

К—н. Г. Е. Елисеев о М. Е. Салтыкове. «К. м.», Киев, 1914, 25 апреля, № 113. Из прошлого, стр. 2.

[О статье Г. Е. Елисеева в апрельской книжке «Заветов» за 1914 г.]

Ко-ри, Ал. М. Е. Салтыков-Щедрин. (К 25-летию со дня смерти). «Крым. в.», Севастополь, 1914, 28 апреля, № 106 (8082), стр. 3.

Козловский, Л. «Смерть Пазухина» (по поводу постановки в Московском Художественном Театре). «К. м.», Киев, 1914 7 декабря, № 337, стр. 5.

Койранский, А-др. «Смерть Пазухина». (Художественный театр). «У. Р.», М., 1914, 4 декабря, № 3011, стр. 6.

Колчин, М. М. Е. Салтыков-Щедрин. (К 25-летию со дня смерти). «Куб. кр.», Екатеринодар, 1914, 27 апреля, № 94, стр. 3.

Конради, П. «Тени» Щедрина. «Н. вр.», СПБ., 1914, 28 апреля (11 мая), № 13694. «Театр и музыка», стр. 5.

[Рец. на спектакль в Мариинском театре.]

Копнинский, И. М. Е. Салтыков-Щедрин в Казани. (К 25-летию его смерти). «Ряз в.», Рязань, 1914, 27 апреля, № 105, стр. 2.

Котляревский Н. Одинокая сила. (Памяти М. Е. Салтыкова, 1889—28 апреля—1914). «Р. вед», М., 1914, 27 апреля, № 97, стр. 3.

Кранихфельд, Вл. Литераторы и читатели. (По неизданным рукописям Щедрина). «Утро Юга», Ростов н/Д., 1914, 27 апреля, № 97, стр. 3.

Кранихфельд, Вл. На память о Щедрине. (Предисловие к сказке Н. Щедрина «Вяленая вобла» и очерку «Неотправленное письмо к тетеньке»). «Утро Юга», Ростов н/Д., 1914, 6 января, № 5, стр. 3.

Кранихфельд, В. Новая пьеса Щедрина. «К. м.», Киев, 1914, 24 февраля, № 58.

[«Тени».]

Кранихфельд, В. Обновленная сатира Щедрина (Архив М. Е. Салтыкова). «К. м.», Киев, 1914, 28 апреля, № 116, стр. 2.

[С публикацией отрывка Салтыкова «Итоги».]

Кранихфельд, Вл. По сеньке и шапка. (Памяти М. Е. Салтыкова). «Р. вед.», М., 1914, 27 апреля, № 97, стр. 3.

Кузьмин, Н. Н. Воспоминания о М. Е. Салтыкове-Щедрине. (К 25-летию со дня кончины писателя. 28 апреля 1889—1914 г.) «Свет», СПБ., 1914, 27 апреля, № 108, стр. 1.

Кузьмин, Н. Н. Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Свет», СПБ., 1914, 28 апреля, № 109, стр. 1—2.

Кузьмин, Н. Н. Уголок М. Е. Щедрина-Салтыкова и письма его к детям. «Н. вр.», СПБ., 1914, 5 (18) мая, № 13701.

[Рабочий кабинет Салтыкова, сохраненный его дочерью.]

Кузьминский, К. Щедрин не умер. «Г. М-вы», М., 1914, 27 апреля (10 мая), № 97, стр. 3 (с портр.).

[Злободн. произвед. Салтыкова.]

Л—ъ. Памяти великого сатирика. «Пб. л.», СПБ., 1914, 27 апреля, № 113, стр. 3.

Л. В. Великий сатирик Салтыков-Щедрин. (1826—1889—1914). «М. тр.», СПБ., 1914, 30 апреля, № 5, стр. 2—3; 4 мая, № 7, стр. 2; 11 мая, № 10, стр. 2—3.

Л. П. Салтыков-Щедрин. (28 апреля, 1889 г.—28 апреля, 1914). «С.-к. кр.», Ставрополь, 1914, 27 апреля, № 892, стр. 3—4.

Лаврецкий, А. Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина. (25-летие со дня его смерти). «С.-з. гол.», Вильна, 1914, 27 апреля (10 мая), № 2726, стр. 2.

Левин, Д. Щедрин и литература. «Речь», П., 1914, 28 апреля (11 мая), № 114, стр. 3.

Литературная летопись. «Речь», П., 1914, 30 апреля (13 мая), 1914, № 116, стр. 7.

[О майской книге «В. Е.», посвященной Салтыкову.]

Лоэнгрин. Непримиримый. «Приаз. кр.», Ростов н/Д. 27 апреля, № 109, стр. 4.

[Характеристика социально-литературной позиции Салтыкова.]

Любимов, М. Эхо. «Николаевская Газета». Николаев, 1914, 24 декабря, № 2661. стр. 3.

[О «Смерти Пазухина» в Московском Художественном Театре.]

Любош, С. Щедрин. (К 25-летию со дня смерти. 28 апреля 1889 г.). «Кама», Сарапуль, 1914, 29 апреля, № 94, стр. 3.

М. П. М. Е. Салтыков-Щедрин. (1889—28 апреля—1914). «Р. инв.», СПБ., 1914, 27 апреля, № 91, стр. 4—5.

М—ий, Ф. Салтыковские реликвии. «Веч. вр.», СПБ., 1914, 26 апреля, № 748, стр. 2.

[Кабинет Салтыкова.]

Мазуренко, Н. Воспоминание о Михаиле Евграфовиче Салтыкове-Щедрине. «Кол.», СПБ., 1914, 26 апреля, № 2395, стр. 3.

[О воспоминаниях Н. Мазуренко и о статьях, посвящ. Салтыкову в «Нов. времени», см. 1) Чего не предвидел Салтыков — «Виленский курьер. Наша Копейка», Вильна, 1914, № 1720, стр. 2 и 2) Добрый Михаил Евграфович. — «Голос Москвы», М., 1914, 29 апреля, № 98, стр. 2. Печать.]

Материалы для биографии М. Е. Салтыкова. «Од. н.», Одесса, 1914, 27 апреля (10 мая), № 9337, стр. 3.

[Об апрельской книжке «Заветов», посвященной Салтыкову.]

Михайлов, Мих. Великий сатирик. (М. Е. Салтыков-Щедрин. К 25-летию со дня смерти, 28 апреля 1889 г.). «От. к.», Армавир, 1914, 29 апреля, № 95, стр. 2.

Мурин, Б. Памяти М. Е. Салтыкова. «Юж. вед.», Симферополь, 1914, 27 апреля, № 94, стр. 3.

Муров, Ар. Тернии смеха. «Од. н.», Одесса, 1914, 27 апреля (10 мая), № 9337, стр. 2—3.

На могиле Салтыкова. «Р. вед.», М., 1914, 29 апреля, № 98, стр. 5. Петербургская хроника.

Незнакомец. Мелочи жизни. Юбилей. «Од. н.», Одесса, 1914, 27 апреля (10 мая), № 9337; стр. 6. Фельетон.

Новополин, Гр. Памяти М. Е. Салтыкова (1889—1914). К 25-летию со дня смерти. «Кав. т.», Баку, 1914, 28 апреля, № 20, стр. 2.

Observator. Сатиры Салтыкова и современность. «Волж. сл.», Самара, 1914, 27 апреля, № 1966, стр. 2.

[Объявление об имеющей быть лекции Вл. П. Кранихфельда на тему «Щедрин и Чехов», с тезисами лекции. «Речь», СПБ., 1914, 7 (20) марта, № 64 (2733), стр. 1.]

Одинокий, Дий. Памяти М. Е. Салтыкова. (К 25-летию со дня кончины). «М. л.», М., 1914, 27 апреля, № 97, стр. 4.

Ожигов, Ал. Памяти Щедрина. (28 апреля 1889 г.). «Совр. сл.», СПБ., 1914, 27 апреля (10 мая), № 2260, стр. 2—3.

Ольминский. М. Е. Салтыков-Щедрин.— См. Витимский, А.

Омега. Салтыков-Щедрин. «Пб. газ.», СПБ., 1914, 26 апреля, № 114, стр. 2—3.

Ос—кий, В. Памяти любимого учителя. «Утро Юга», Ростов н/Д., 1914, 27 апреля, № 97, стр. 3.

П. Н. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин (1889—28 апреля—1914). «Вят. р.», Вятка, 1914, 27 апреля, № 90, стр. 2 и 29 апреля, № 91, стр. 3.

П—ов, С. Новое из Салтыкова и о Салтыкове. «Волж. сл.», Самара, 1914, 29 апреля, № 1967, стр. 5.

[Обзор салтыковских номеров журналов.]

Памяти великого русского сатирика. «Каспий», Баку, 1914, 29 апреля, № 95, стр. 3.

Памяти М. Е. Салтыкова. «Речь», СПБ., 1914, 27 марта (9 апреля), № 84, стр. 4.

[Отчет о совещании, созванном городск. головой СПБ. по увековечению памяти Салтыкова.]

Памяти М. Е. Салтыкова. «Речь», СПБ., 1914, 29 апреля (12 мая), № 115, стр. 5.

[Официальное проведение 25-летней годовщины смерти Салтыкова в СПБ.]

Памяти М. Е. Салтыкова (Щедрина). «Р. инв.», СПБ., 1914, 30 апреля, № 93, стр. 3, Общественная жизнь.

Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Р. сл.», М., 1914, 22 апреля (5 мая), № 92, стр. 7.

[Краткий отчет о заседании О-ва люб. росс. слов., посвященном памяти Салтыкова, с докладом П. Н. Сакулина и Н. М. Мендельсона.]

Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Н. вр.», СПБ., 1914, 29 апреля, № 13695, стр. 5.

[Официальное проведение в СПБ. 25-й годовщины со дня смерти Салтыкова.]

Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Ряз. в.», 1914, 27 апреля, № 105, стр. 2.

[Отчет о заседании ОЛРС 20-го апреля 1914 г. в Москве, посвященном памяти Салтыкова.]

Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина. (25-летие со дня его смерти). Щедринская современность. Поэт пророческого гнева. Щедрин жив. «С.-з. гол.», Вильна, 1914, 25 апреля (10 мая), № 2730, стр. 2—3.

[Обзор высказываний о Салтыкове в журналах в связи с 25-летием со дня его смерти.]

Памяти М. Е. Салтыкова. «Гр.», СПБ., 1914, № 18, стр. 14. Столичная хроника.

[Мероприятия гор. управы СПБ в связи с годовщиной смерти Салтыкова.]

Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Р. сл.», М., 1914, 12 февраля, № 35.

[О вечере памяти Салтыкова в Московском политехническом музее.]

Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Р. сл.», М., 1914, 22 апреля (5 мая), № 92, стр. 7.

[Доклад П. Н. Сакулина и Н. М. Мендельсона на заседании О-ва люб. росс. слов., посвященном памяти Салтыкова.]

Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина. К 25-летию со дня его кончины. (1889—28 апреля—1914). «Дв. л.», Двинск, 27 апреля, № 96 (2175), стр. 3.

Памяти М. Е. Салтыкова (Щедрина). Панихида и прибитие доски. «Пб. л.», СПБ., 1914, 29 апреля, № 115, стр. 2.

Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина. Увековечение памяти в Петербурге и в Москве. «Ряз. в.», Рязань, 1914, 26 апреля, № 104, стр. 2.

Памяти М. Е. Салтыкова. (6 рисунков). «Веч. вр.», СПБ., 1914, 26 апреля (9 мая), № 748, стр. 1.

Памяти Салтыкова-Щедрина. «Бат. в.», Батум, 1914, 30 апреля (13 мая), № 1314, стр. 2.

[Официальное ознаменование дня 25-летия со дня смерти Салтыкова в С.-Петербурге.]

Памяти Салтыкова-Щедрина. «Р. р.», Одесса, 1914, 29 апреля, № 2502, стр. 2.

[Отчет об официальном проведении годовщины в С.-Петербурге.]

Памяти Щедрина. «Сар. в.», 1914, 29 апреля, № 92, стр. 4, отд. «Театр и искусство».

[Отчет о салтыковском спектакле в Мариинском театре: — «Тени».]

Панихида на могиле М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Бирж. вед.», утр. вып., СПБ., 1914, 29 апреля, № 14125.

То же. «Бирж. вед.», веч. вып., СПБ., 1914, 28 апреля, № 14124, стр. 3.

Панихида по Салтыкове-Щедрине. «Ряз. в.», Рязань, 1914, 29 апреля, № 106, стр. 3.

[Официальное проведение дня 25-летней годовщины со дня смерти Салтыкова.]

Перцов, П. Петербургский сатирик. (К 25-летней годовщине смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина. 28 апреля 1889 г.). «Н. вр.», СПБ., 1914, 28 апреля (11 мая), № 13694, стр. 3.

Петербург. 25-летие смерти Щедрина. «Сар. в.», 1914, 30 апреля, № 93, стр. 2.

[Информация об официальном проведении годовщины смерти Салтыкова в С.-Петербурге.]

Петербургский сатирик. «Приб. кр.», Рига, 1914, 30 апреля (12 мая), № 98, стр. 2. Обзор печати.

[Пересказ содержания статьи Перцова под тем же названием в «Нов. времени».]

Писатель-гражданин. «Куб. кр.», Екатеринодар, 1914, 27 апреля, № 94, стр. 2.

Плещеев, А. Из воспоминаний о М. Е. Салтыкове-Щедрине. «Веч. вр.», СПБ., 1914, 28 апреля (11 мая), № 749, стр. 3.

Полянский, В. М. Е. Салтыков-Щедрин. (25-летие со дня смерти). «Н. печ. д.», СПБ., 1914, 31 мая, № 12, стр. 3—5, фельетон.

Полянский, А. Великий сатирик. К 25-летию со дня смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Терек», Владикавказ, 1914, 27 апреля, № 4887, стр. 3.

Последние известия. «Р. чт.», СПБ., 1914, 29 апреля (12 мая), № 92, стр. 1.

[Краткий отчет об официальном проведении салтыковской годовщины в С.-Петербурге.]

Постановка «Тени» Щедрина. «Ряз. в.», Рязань, 1914, 29 апреля, № 106, стр. 2.

[Отчет о генеральной репетиции пьесы Салтыкова «Тени» в Мариинском театре 24 апреля.]

Правые и память Салтыкова-Щедрина. «День», П., 1914, 15 апреля, № 101, стр. 3.

[Ходатайство правых организаций перед дирекцией императ. театра о запрещении к постановке в Мариинском театре драматич. сатиры Салтыкова «Тени».]

Прибитие доски в дому, где жил Щедрин. «День», СПБ., 1914, 29 апреля, № 115, стр. 2.

Прифондский, В. К щедринскому спектаклю в Мариинском театре 26 апреля. «День», СПБ., 1914, 24 апреля, № 110, стр. 5.

[«Тени» — рецензия.]

П—ский. Памяти М. Е. Салтыкова. «Пб. к.», СПБ., 1914, 29 апреля, № 97.

Репетиция «Смерть Пазухина» в Художественном Театре. «Р. сл.», М., 1914, 2 декабря, № 277, стр. 6.

Р—р. Художественный Театр. («Смерть Пазухина»). «М. л.», М., 1914, 4 декабря, № 279, стр. 4—5.

Р. Н. Последние дни М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Арх.», Архангельск, 1914, 29 апреля, № 94.

[По материалам апрельской книги «Русск. богатства».]

Р. Н. Скорбная годовщина. Последние дни М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Н. ж.», Харбин, 1914, 28 апреля, № 109, стр. 5.

[Рецензия на генеральную репетицию драмат. сатиры Салтыкова «Тени» в Мариинском театре.] «Совр. сл.», П., 1914, 26 апреля, № 3258, стр. 4. Сцена.

Родной, А. «Непомнящие». «Куб. кр.», Екатеринодар, 1914, 27 апреля, № 94, стр. 3.

[Заметка, направленная против левой оппозиции в Гос. думе и связанная с годовщиной смерти Салтыкова.]

Розенберг, Вл. Долг справедливости и благодарности. «Р. вед.», М., 1914, 27 апреля, № 97, стр. 5.

[Об издании полн. собр. сочинений Салтыкова.]

Розенберг, Вл. Смех Щедрина. «День», СПБ., 1914, 27 апреля, № 113, стр. 3.

Роман М. Е. Салтыкова. «К. м.», Киев, 1914, 28 апреля, № 116, стр. 3.

[По поводу дневника Салтыкова, опубликованного Кранихфельдом в «Солнце России».]

Романический эпизод в жизни Салтыкова. «У. р.», М., 1914, 27 апреля, № 97, стр. 2.

[В связи с публикацией Кранихфельда в салтыковском номере «Солнца России».]

Рысс, П. Щедринская современность. «День», СПБ., 1914, 27 апреля, № 113, стр. 3.

S. Салтыков-Щедрин. (К XXV-летию со дня смерти). «Кост. ж.», Кострома, 1914, 27 апреля. № 90, стр. 2, 29 апреля, № 31, стр. 1—2.

С. Д. Scripta manent. «Куб. кр.», Екатеринодар, 1914, 27 апреля, № 94, стр. 4.

[Салтыков и печать.]

С. Г. Памяти писателя-гражданина. «Баку», 1914, 27 апреля, № 94, стр. 4.

С. Г. Памяти писателя-гражданина. «Кав. коп.», Баку, 1914, 27 апреля, № 113, стр. 1—2.

С. Л. М. Е. Салтыков. (Биографический очерк). «Волж. сл.», Самара, 1914, 27 апреля, № 1966, стр. 2.

С. Х. М. Е. Салтыков-Щедрин. 28 апреля 1889—28 апреля 1914. (По поводу 25-летия со дня кончины). «Тиф. л.», Тифлис, 1914, 29 апреля, № 96, стр. 2—3.

С—ов, С. М. Е. Салтыков-Щедрин. 1889—28 апреля 1914. «М. коп.», М., 1914, 28 апреля (11 мая), № 20 (105), стр. 2.

С—ор, Гр. М. Е. Салтыков-Щедрин. К 25-летию со дня смерти. 28 апреля 1889—28 апреля 1914. «Г. Приур.», Челябинск, 1914, 29 апреля, № 93, стр. 3.

С—с, З. Писатель-историк М. Е. Салтыков-Щедрин. «Ряз. в.», Рязань, 1914, 27 апреля, № 105, стр. 2.

С—с, З. Писатель-историк. «Дон. ж.», Новочеркасск, 1914, 30 апреля, № 97, стр. 2.

Саликовский, Ал. О чистом искусстве. «Приаз. кр.», Ростов н/Д., 1914, 27 апреля, № 109, стр. 4.

[О творчестве Салтыкова.]

Салтыков и евреи. «Вил. к.», Вильна. 1914. 28 апреля, № 1720, стр. 2.

Салтыков, К. Воспоминания о моем отце М. Е. Салтыкове (Щедрине). «Н. вр.», СПБ., 1914, 28 апреля (11 мая), № 13694, стр. 4—6.

[По поводу воспоминаний см. «Волгарь», Н.-Новгород, 1914, 1 мая, № 116, стр. 2—Щедрин и «Новое время».]

[Салтыков, К. М.] [Отрывки из воспоминаний о Салтыкове, опубликован. в «Н. вр.»]. «Р. вед.», М., 1914, 29 апреля, № 98, стр. 2. «Изо дня в день». «Россия», СПБ., 1914, 29 апреля, № 2592, стр. 3.

[Салтыков, М. Е.] Письма М. Е. Салтыкова к А. А. Краевскому. «День», СПБ., 1914, 29 апреля, № 115, стр. 4.

[Краткая вступительная заметка.]

М. Е. Салтыков-Щедрин в Вятке. «Р. сл.», М., 1914, 29 января, № 23.

М. Е. Салтыков в Вятке. «Р. сл.», М., 1914, 27 апреля (10 мая), № 97, стр. 4.

[Копии документов, относящихся к ссылке Салтыкова в Вятку.]

М. Е. Салтыков в Рязани. «Ряз. ж.», Рязань, 1914, 27 апреля, № 97 (722), стр. 3.

[С портр. и снимком дома, в котором жил Салтыков.]

М. Е. Салтыков-Щедрин. «Пр. кр», Екатеринослав, 1914, 29 апреля (12 мая), № 5125, стр. 5.

[Обзор содерж. статей о Салтыкове в периодич. изд. 1914 г.]

М. Е. Салтыков-администратор. «Бирж. вед.», СПБ., 1914, 22 июня, № 14216, стр. 3.

[Излож. статьи В. Гайдукова под тем же названием в июньской книжке «Русской мысли».]

М. Е. Салтыков. (1889—1914). «Шк. и ж.», СПБ., 1914, 28 апреля, № 17, стр. 1—3.

М. Е. Салтыков-Щедрин. (1889—28 апреля — 1914). «К-н», Киев, 1914, 28 апреля, № 116, стр. 2.

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. К 25-летию со дня смерти. Иллюстр. прилож. к № 109 «Одесск. листка», Одесса, 1914, 28 апреля, стр. 14.

[Краткая биография.]

М. Е. Салтыков-Щедрин. (К 25-летию со дня смерти его). «Од. п.», Одесса, 1914, 28 апреля, № 1931, стр. 2.

М. Е. Салтыков-Щедрин. (28 апреля 1889 г. — 28 апреля 1914 г.). «Терек», Владикавказ, 1914, 27 апреля, № 4887, стр. 3. (С портр.)

М. Е. Салтыков-Щедрин. (15 января 1826—28 апреля 1889). «С.-к. кр.», Ставрополь, 1914, 27 апреля, № 892, стр. 4.

М. Е. Салтыков-Щедрин — о себе самом. «Ряз. в.», Рязань, 1914 26 апреля, № 104, стр. 2.

[По поводу писем Салтыкова, опубликованных В. П. Кранихфельдом в апрельской книжке «Совр. мира», 1914.]

Салтыковский спектакль. «Ряз. ж.», Рязань, 1914, 29 апреля (10 мая), № 2730, стр. 3.

[«Тени» в Мариинском театре.]

Салтыковский спектакль в Мариинском театре. «Р. сл.», М., 1914, 27 апреля (10 мая), № 97, Театр и музыка, стр. 9.

[«Тени» в Мариинском театре.]

Сеев. М. Е. Салтыков (Щедрин). Прилож. к № 114 газ. «Волго-Донской край», Царицын, 1914.

Сергеев, Б. Великий сатирик. (К 25-летию со дня смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина). «Сиб. ж.», Томск, 1914, 29 апреля, № 89, стр. 3.

Сильчевский, Д. П. Мои встречи с М. Е. Салтыковым-Щедриным. «День», СПБ., 1914, 27 апреля, № 113, стр. 3—4.

Скиталец. Щедрин. «Газ. коп.», СПБ., 1914, 28 апреля, № 2076, стр. 2—3.

Современники о Салтыкове. «Бирж. вед.», утр. вып., СПБ., 1914, 26 апреля (9 мая), № 14121, вкл. лист.

[Высказывания о Салтыкове: А. Ф. Кони, Л. Ф. Пантелеева, проф. С. А. Венгерова, П. В. Быкова, К. А. Баранцевича и И. И. Иванчина-Писарева.]

Современники о Салтыкове. «С-з. гол.» (Вильна), 1914, 27 апреля (10 мая), № 2728, стр. 2—3.

[Высказывания о Салтыкове: А. Венгерова, К. А. Баранцевича, И. И. Иванчина-Писарева и С. Ф. Либровича.]

Современники о М. Е. Салтыкове. «Бирж. вед.», веч. вып., СПБ., 1914, 25 апреля (8 мая), № 14120, стр. 4—5.

[Высказывания А. Ф. Кони, Л. Ф. Пантелеева, проф. С. А. Венгерова, П. В. Быкова, К. А. Баранцевича, И. И. Иванчина-Писарева, С. Ф. Либровича, Н. Г. Мартынова.]

Современный сатирик. «С.-з. гол.», Вильна, 1914, 28 апреля (11 мая), № 2729, стр. 2.

[Злободневность и жизненность персонажей Салтыкова.]

Solus. «Тени», драматическая сатира Щедрина. «Бирж. вед.», утр. вып., СПБ., 1914, 29 апреля, № 14125, вклад. лист.

То же «Бирж. вед.», веч. вып., СПБ., 1914, 28 апреля, № 14124, стр. 6.

Спектакль в память Щедрина. «У. Р.», М., 1914, 27 апреля, № 97.

[«Тени» на сцене Мариинского театра.]

Спектакль в Мариинском театре. «Волж. сл.», Самара, 1914, 29 апреля, № 1967, стр. 3.

[«Тени» Салтыкова.]

Spectator. М. Е. Салтыков (Н. Щедрин)-сатирик. «Волж. сл.», Самара, 1914, 27 апреля, № 1966, стр. 2—3.

Силин. «Применительно к подлости». «Ю.-з. кр.», Винница, 1914, 29 апреля, № 97, стр. 2.

[Фельетон, направленный против оппозиц. в Гос. думе: левые депут. Г. Думы — персонажи Салтыкова.]

Старый журналист. М. Е. Салтыков вне литературы. «Од. л.», Одесса, 1914, 27 апреля, № 110, стр. 2.

[Салтыков в личной жизни.]

Степаненко, Н. Памяти великого сатирика. «Волгарь», Н.-Новгород, 1914, 29 апреля, стр. 2.

Тальников, Д. Щедрин о трагедии еврейства. «Од. н.», Одесса, 1914, 27 апреля (10 мая), № 9337, стр. 3.

«Тени». — Неизданная пьеса Салтыкова-Щедрина. «Н. ж.», Харбин, 1914, 28 апреля, № 109, стр. 5.

«Тени». — Неизданная пьеса Салтыкова-Щедрина. «Юж. вед.», Симферополь, 1914, 27 апреля, № 94, стр. 3.

[Отрывки.]

«Тени». (Посмертное произведение М. Е. Салтыкова). «Куб. кр.», Екатеринодар, 1914, 27 апреля, № 94, стр. 4.

Тиванов, С. М. Е. Салтыков-Щедрин. К 25-летию со дня кончины. 27 апреля 1889—1914 г. «Сар. в.», Саратов, 1914, 27 апреля, № 91, стр. 3.

У дочери М. Е. Салтыкова. «Юж. м.», Одесса, 1914, 29 апреля, № 830, стр. 1—2.

[Интервью с дочерью Салтыкова.]

Увековечение памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Н. вр.», СПБ., 1914, 28 апреля (11 мая), № 13694, стр. 4.

[Мероприятия СПБ. гор. общ. управл. в ознаменование 25-летия со дня смерти Салтыкова.]

Ум—ский, А. К 25-летию смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Ниж. л.», Н.-Новгород, 1914, 28 апреля, № 113, стр. 2.

[Г. Успенский о Салтыкове в письме к Григорию де Воллан.] «Отклики», СПБ., 1914, № 15 (беспл. прилож. к № 103 газеты «День»).

Ушаков, С. Пред великой могилой. (Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина.+28 апреля 1889 г.). «В.-К. р.», Казань, 1914, 27 апреля, № 93, стр. 4.

Ф. С. «Тени» М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Пб. к.», СПБ., 1914, 25 апреля, № 93, стр. 7. Театр.

Ф. С. «Тени» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Беседа с Н. А. Котляревским, «Пб. к.», СПБ., 1914, 27 апреля, № 95, стр. 8.

Философов, Д. Из переписки М. М. Стасюлевича. «Речь», СПБ., 1914, 30 июля (12 агуста), № 201 (2870), стр. 2.

[Салтыковский материал в архиве Стасюлевича.]

Х—н, К. У исторического дома. (Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина) «СПБ. вед.», СПБ., 1914, 29 апреля (12 мая), № 95, стр. 2.

[У дома, где жил Салтыков, на Литейном просп. в Петербурге, в день 25-летия со дня его смерти.]

Ч—ин, В. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин (1889—1914 гг.). «Зaур. кр.», Екатеринбург, 1914, 27 апреля, № 93, стр. 3.

Чаговец. Вс. Салтыковская Русь. «К. м.». Киев, 1914, 28 апреля, № 116, стр. 3.

[Злободневность произведений Салтыкова.]

Чаров, Н. М. Е. Салтыков-Щедрин. (К 25-летию со дня смерти). «Ряз. ж.», Рязань, 1914, 27 апреля, № 97 (722), стр. 1—2.

Штейн, С. Первый русский сатирик. Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина. «СПБ. вед.», СПБ., 1914, 27 апреля (10 мая), № 94, стр. 1.

Щедрин в письмах к детям. «Бирж. вед.», утр. вып., СПБ., 1914, 6 мая, № 14137, стр. 4.

[Выдержки из опубликованных в «Нов. времени» писем Салтыкова к детям.]

М. Е. Щедрин и современники. «Крым. в.», Севастополь, 1914, 28 апреля, № 106 (8082), стр. 3.

[Высказывания о Салтыкове: Л. Ф. Пантелеева, А. Ф. Кони и проф. С. А. Венгерова.]

Щедрин и Чехов. (Лекция Вл. Кранихфельда). «Бирж. вед.», утр. вып., СПБ., 1914, 11 марта, № 14046, стр. 3.

[Отчет о лекции В. П. Кранихфельда в зале Тениш. училища. См. также «Р. вед.», М., 1914, 11 марта, № 58, стр. 3. Петербургская хроника.]

Щедринский день. «М. л.», М. 1914, 29 апреля, № 98, стр. 4, Петербург.

[Отчет об официальном проведении 25-летия со дня смерти Салтыкова в СПБ.]

ъ — М. Е. Салтыков. «Вил. к.», Вильна, 1914, 28 апреля, № 1720, стр. 2.

—ъ. М. Е. Салтыков. «Вил. к.», Вильна, вып., СПБ., 1914, 28 апреля, № 14124, стр. 7.

[«Смерть Пазухина» Салтыкова в «Доме просветительных учреждений» на Обводном канале в С.-Петербурге.]

Эн Эн. В Московском Художественном Театре. «Голос Руси», П., 1914, 6 декабря, № 331, стр. 6.

[«Смерть Пазухина».]

Эфрос, Н. Апофеоз быта. (Щедрин в Художественном театре). «Речь», П., 1914, 5 (18) декабря, № 329, стр. 2.

[«Смерть Пазухина».]

Ю. Г. Злобы дня. «Турк. к.», Ташкент, 1914, 27 апреля, № 93, стр. 5.

[Фельетон в связи с годовщиной смерти Салтыкова.]

Яблоновский, Ал. «Губернские очерки». «Вят. р.», Вятка, 1914, 29 апреля, № 91, стр. 3.

[Публицист. заметка с привлеч. салтыковских мат—лов.]

То же, см. «Заур. кр.», Екатеринбург, 1914, 4 мая, № 99, стр. 3.

Ясинский, Иер. Салтыков-Щедрин. (Из воспоминаний о нем сотрудника «Отечественных записок»). «Бирж. вед.», утр. вып., СПБ., 1914, 27 апреля (10 мая), № 14123, стр. 1.

Wega. Юбилей. («Ожидая юбилея Салкова-Щедрина»). «Г. Приур.», Челябинск, 1914, 4 мая, № 98, стр. 3.

[Фельетон в стихах по поводу годовщины смерти Салтыкова.]

Z.. Дочь М. Е. Салтыкова о своем отце. «Газ. коп.», СПБ., 1914, 28 апреля, № 2076, стр. 3.

[Воспоминания дочери.]

1915

Александров, А. Материалы для биографии М. Е. Салтыкова. (По неизданным бумагам, 1850—1851). «Р. б-фил», П., 1915, № 8, стр. 73—87, и отд. оттиск того же года, 15 стр.

Александровский, Г. В. Чтения по новейшей русской литературе. Вып. 2. Изд. 4-е. Киев, 1915, стр. 3. [Отзыв Салтыкова о народных повестях Д. В. Григоровича. 1-е изд. 1908, 2-е изд. 1909, 3-е изд. 1910].

Библиографический ежегодник. Вып. IV. Под ред. И. В. Владиславлева. Систематический указатель литературы за 1914 г. Кн-во «Наука», М., 1915, ч. II— Указатель журнальной литературы, стр. 274.

[25-летний юбилей Салтыкова-Щедрина.]

Брусянин, В. В. Дети и писатели. Литературно-общественные параллели. (Дети в произведениях А. П. Чехова, Леонида Андреева, А. И. Куприна, и Ал. Ремизова). М., 1915.

[Вступление, стр. 6—11: Салтыков и дети по воспоминаниям Н. К. Михайловского.]

Буренин, В. Письма В. В. Стасова. «Н. Вр.», П., 1915, № 14051 и № 14058.

[О Щедрине и его сатире.]

Ветринский, Ч. Глеб Успенский в его переписке. IV. В начале восьмидесятых годов. V. Из писем Г. И. Успенского к Е. С. Некрасовой. «Г. мин.», М., 1915, № 4, стр. 221—288.

Ветринский, Ч. Глеб Успенский в его переписке. Гл. XXI. Г. Успенский как литературный критик. «Г. мин.», М., 1915, № 10, стр. 230—233.

Владиславлев, И. В. Что читать? Указатель систематического домашнего чтения. С предисл. Н. А. Рубакина. Вып. II. Художественная литература. Критика. История литературы. Изд. 2-е, перераб. и дополн. Кн-во «Наука». М., 1915, стр. 81.

[Библиография.]

Выдрин, Р. Национальный вопрос в русском общественном движении. VI. «Г. мин.», М., 1915, № 2, стр. 70—87.

[Стр. 86 — еврейский вопрос и Салтыков.]

Гастроли Художественного Театра («Смерть Пазухина»), газ. «Речь», П., 1915, 3 мая, № 120, стр. 6.

Гуревич, Любовь. Гастроли Художественного Театра («Смерть Пазухина»), «Речь», П., 1915, 4 мая, № 121, стр. 4.

Евгеньев, В. Зинаида Николаевна Некрасова. (Некролог). «Ж. д. в.», П., 1915, № 2, стр. 325—340.

[Стр. 331: Салтыков — поручитель при свадьбе Некрасова.]

Первоначально напечат. в газ. «День», П., 1915, № 27 от 28/I и журн. «С. Рос.», П., 1915, № 260 от 5/II.

Евгеньев, В. Н. А. Некрасов и Н. К. Михайловский. «Р. з.», П., 1915, № 9, стр. 174, 180—181, 183—184, 192, 198.

[Об отношении Салтыкова к Некрасову.]

Евгеньев, В. Поэзия Некрасова в оценке его современников. «Совр.», П., 1915, № 3, стр. 19.

[Неблагопр. рец. на Полонского в «Отеч. записках» 1869 г., № 9, написанная, по мнению автора, Салтыковым.]

Ж. П. Ю. «Смерть Пазухина», газ. «Новое время», П., 1915, 4 мая, № 14061, стр. 5.

Жуковская, Е. И. Из воспоминаний о М. Е. Салтыкове. «Ист. в.», П., 1915, № 3, стр 813—825.

Замотин, И. И., проф. Сороковые и шестидесятые годы. Очерки по истории русской литературы XIX столетия. 2-е изд., просм. и дополн., т-ва М. О. Вольф, Пг.— М., 1915, стр. 390—395.

Зигфрид. Эскизы. (Московский Худо-

жественный Театр). Газ. «Петроградские Ведомости», П., 1915, 5 мая, № 98, стр. 2.

[«Смерть Пазухина».]

Зигфрид. Гастроли Художественного Театра. «Смерть Пазухина». Газ. «Петроградский Курьер», П., 1915, 4 мая, № 458, стр. 4.

Л. Б. С. Художественный театр. «Смерть Пазухина» — комедия Салтыкова-Щедрина. Газ. «Современное слово», П., 1915, 4 мая, № 2623, стр. 2.

Любош, С. Воскресший Щедрин. «Смерть Пазухина» в Художественном Театре. Газ. «Совр. сл.», П., 1915, 5 мая, № 2623, стр. 2.

Миллер, Орест. Русские писатели после Гоголя. Чтения, речи и статьи, т. II — Н. А. Гончаров, А. Ф. Писемский, М. Е. Салтыков, гр. Л. Н. Толстой, Изд. 6-е т-ва М. О. Вольф, Пг.—М., 1915, IV, 443 стр. с портр.

[См. стр. 79—221.]

Михайловский Театр («Смерть Пазухина»). «Обозрение Театров», П., 1915, 3—4 мая, № 2743—44, стр. 21.

Н. Н. Спектакль Художественного Театра (Михайловский театр). Газ. «День», П., 1915, 3 мая. № 120, стр. 5.

[«Смерть Пазухина».]

Олольский. Московский Художественный Театр. «Смерть Пазухина» — Салтыкова-Щедрина. Газ. «Биржевые Новости», П., 1915, 3 мая, № 354, стр. 3.

Омега. Московский Художественный Театр. «Смерть Пазухина», Газ. «Петроградская Газета», П., 1915, 3 мая, № 119, стр. 10.

Пеликан, А. А. Во второй половине XIX века. Студенческие годы. I. В доме у деда. «Г. мин.», М., 1915, № 1, стр. 161—162.

Покровский, М. Н. Очерк истории русской культуры. Часть I, изд. т-ва «Мир», М., 1915, стр. 139—140.

[«Пошехонская старина» и «Письма из деревни» как исторический источник.]

Россовский, Н. Михайловский театр. (Гастроли Московского Художественного Театра). Газ. «Петербургский Листок», П., 1915, 3 мая, № 119, стр. 10.

Скабалланович, Е. И. К биографии М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Тр. Тул. губ. уч. арх. к-сии», вып. II, Тула, 1915, стр. 255—262 и отд. оттиск. Тула, 1915, тип. Е. И. Дружинина, 8 стр.

Рец.: «Р. ф. в.», 1916, т. XXV, № 1—2. Педагогическ. отдел, Критика и библиография, стр. 68—69.

«Смерть Пазухина» в Московском Художественном Театре (отзыв прессы). «Обозрение Театров», П., 1915, 7 мая, № 2747, стр. 5—7.

[Отзывы газет: «Речь», «Новое Время», «Петроградский Курьер», «Биржевые Ведомости», «День».]

Смирнов, Б. Описание мозгов Виктора Васильевича Пашутина и Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина. (Из клиники нервных болезней проф. Жуковского). «Изв. В.—М. ак.», П., 1915, т. XXXI, стр. 115—125. (С двумя иллюстрациями).

Solus. Московский Художественный Театр. «Смерть Пазухина». Газ. «Бирж. вед.», утр. вып. СПБ., 1915, 3 мая, № 14821, стр. 6.

[Рецензия.]

[Стасов, В. В.] Письма В. В. Стасова к В. П. Буренину. «Н. вр.», СПБ., 1915, 24 апреля (7 мая), № 14051, стр. 1.

[Отрицат. отзыв Стасова о творчестве Салтыкова в письме от 8 октября 1873 г.]

Старый критик. Михайловский Театр. «Смерть Пазухина», газ. «Свет», П., 1915, 4 мая, № 117, стр. 3—4.

Толин. «Смерть Пазухина», газ. «Голос Руси», П., 1915, от 6 мая, № 475, стр. 6.

Фальковский, Ф. Московский Художественный театр («Смерть Пазухина» М. Е. Салтыкова-Щедрина). «Обозрение Театров», П., 1915, 5 мая, № 2745 стр. 5—6.

Шляпкин, И. А. История русской словесности. (Программа университетского курса с подробной библиографией.) Изд. 2-е, книжн. маг. Н. Я. Оглоблина, П., 1915, стр. 68.

Энгельгардт, Н. История русской литературы XIX столетия. Т. II. 1850—1900. (Критика, роман, поэзия и драма). Изд. 2-е, исправл. и значит. дополн. П., тип. А. С. Суворина. «Новое время», 1915.

[См. по указателю.]

Homo novus [Кугель, А. Р.]. Спектакли Художественного Театра («Смерть Пазухина»), газ. «День», П., 1915, 5 мая, № 121, стр. 3.

Solus. Московский Художественный Театр. «Смерть Пазухина». «Бирж. вед.» (утр. вып.). П., 1915, 3 мая, № 14821, стр. 6.

1916

Айхенвальд, Ю. Салтыков-Щедрин. (К 25-летию его кончины). В кн. Ю. Айхенвальда «Слова о словах. Критические статьи». Кн-во б. М. В. Попова, П., 1916, стр. 47—55.

Веселовский, Ал. Западное влияние в новой русской литературе. Изд. 5-е, значит. дополн., М., 1916, VII, 259 стр.

[См. по указателю.]

Евгеньев, В. Г. З. Елисеев. (Из его редакционной деятельности и литературных отношений). «Р. з.», П., 1916, № 1, стр. 55—57, 59, 61—66.

Золотарев, С. А. Синхронистическая диаграмма по истории русской литературы и историко-литературная карта России. (1661—1904). Кн-во б. М. В. Попова, П., 1916, стр. 68.

Котляревский, Н. Канун освобождения. 1855—1861. Из жизни идей и настроений в радикальных кругах того времени. П., 1916, стр. 487, 490, 494.

Либрович, С. Ф. На книжном посту. Воспоминания, записки, документы. Изд. т-ва М. О. Вольф, П.—М., 1916, 496, II стр.

[Стр. 189—197: «Шесть писем Щедрина» по поводу издания Вольфом полн. собр. его соч. Стр. 33—34, стр. 101—111: «Великий Маврикий» и «Смиренный Сергий» (Салтыков и Терпигорев). Последн. статью см. также: «В. лит.», П., 1914, № 8.]

Рец.: «В. Е.», П., 1916, № 6, стр. 339—342; Поляков, А.—«Р. б—филл», П., 1916, № 6, стр. 98—99.

Морозов, П. Архив села Карабихи. (Новые материалы о Некрасове). «Ст. и у.», П., 1916, № 59, стр. 13.

[О необходимости комментария к сочинениям Салтыкова.]

«Огни» (Сборник). История. Литература. Редакция Е. А. Ляцкого, Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Кн. I. П., 1916, 315 стр.

[См. по указателю.]

Попельницкий, Ал. Специальная цензура книг и статей по крестьянскому вопросу в 1861—1862 гг. «Р. ст.», П., 1916, № 2, стр. 294—309.

[Стр. 301—Салтыков и цензура.]

Розанов, В. Уединенное. Изд. 2-е, П., 1916, стр. 13—14, 40.

[Отрицательный отзыв о Салтыкове.]

Садовский, Б. Ледоход. Статьи и заметки. Изд. автора. П., 1916, 206 стр.

[См. по указателю.]

Семенов-Тян-Шанский, П. П. Мемуары. Эпоха освобождения крестьян в России (1857—1861) в воспоминаниях бывш. члена-эксперта и заведывавшего делами редакционных комиссий. Т. IV. Изд. семьи. П., 1916, стр. 142, 649.

Тургенев, И. С. «История одного города». Соч. М. Е. Салтыкова. СПБ., 1870. (Франц. текст и перевод). В кн.: «Русские Пропилеи». Собрал М. Гершензон. Т. III—И. С. Тургенев. Изд. М. и С. Сабашниковых, М., 1916, стр. 219—220.

[Рецензия.]

1917

Дризен, Н. В. Драматическая цензура двух эпох. 1825—1881. Кн-во «Прометей» Н. Н. Михайлова. П. [1917], стр. 197—198, 270.

[О запрещении «Утро Хрептюгина» и «Просители».]

Евгеньев-Максимов, В. Народ и интеллигенция в общественном мировоззрении Салтыкова-Щедрина (по новым данным). «Нар. сл.», П., 1917, от 21 и 23 августа, №№ 65 и 67.

Календарь русской революции. Изд-во «Шиповник», под общей ред. В. Л. Бурцева. П., 1917, стр. 113 и 117.

Кранихфельд, В. Салтыков М. Е. «Энциклопед. словарь бр. А. и И. Гранат», 7-е перер. изд., т. XXXVII, стб. 109—120.

Никольский, Ю. Сатирическая эпопея Достоевского. «Бирж. вед.», утр. вып., П., 1917, 10 февраля, № 1602, стр. 5.

[Полемика Достоевского с Салтыковым.]

Орловский, С. Русские писатели, апостолы свободы. Изд. «Задруга», П., 1917, стр. 38—39.

Пантелеев, Л. Забытый юбилей. «Речь», П., 1917, 4 января, № 8.

[О «Губернских очерках».]

Пантелеев, Л. Как трудно управлять Россией! (Из переписки императора Николая Павловича с Поль де Коком). «Совр. в.», П., 1917, 24 декабря, № 2, стр. 1.

[Пересказ отрывка из «Переписки» и краткая история, написания Салтыковым этой сатиры.]

Розенберг, В. Журналисты безвременья. Изд. «Задруга», М., 1917, стр. 35—198.

Семевский, В. И. М. Е. Салтыков-петрашевец. «Р. з.», П., 1917, кн. I, стр. 21—50.

Семевский, В. И. Крепостное право и крестьянская реформа в произведениях М. Салтыкова. Изд. «Задруга», П., 1917, 112 стр.

1918

Арсеньев, К. К. Материалы для биографии М. Е. Салтыкова. В кн.: М. Е. Салтыков (Н. Щедрин). Полн. собр. соч., том. I. Лит.-изд. отд. Нар. ком. просв., П., 1918, стр. 3—82.

[Достоевский, Ф. М.] Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского с многочисленными приложениями, том 23-й (дополнительный). Забытые и неизвестные страницы. Собрал и комментировал Л. П. Гроссман. Акц. о-во издат. и печати. дела «Просвещение». П. [1918].

[Стр. 277—283 [Гроссман, Л. П.]. Предисловие, стр. 284—286 — Господин Щедрин, или раскол в нигилистах («Эпоха» 1864, V). Стр. 287—315. Отрывок из романа «Щедродаров». Стр. 355—357 [Гроссман, Л. П.]. Комментарии. Стр. 358—362. Необходимое заявление.]

Евгеньев-Максимов, В.. Из истории «Отечественных записок». (По неизданным данным). «Нар. сл.», П., 1918, 26 января (8 февраля), № 17 (182), стр. 2 и 27 января (9 февраля), № 18 (183), стр. 2.

[Цензура о статье Салтыкова в сентябрьской книжке «Отеч. зап.» за 1868 г.: «Легковесные картины в натуральную величину» и «Письма из провинции».]

Евгеньев-Максимов, В. Новооткрытые страницы Салтыкова-Щедрина. Газ. «Страна», П., 1918, № 31.

Евгеньев-Максимов, В. Е. Из цензурной истории «Отечественных записок» 1868—1871. (К 50-летию основания журнала). «Р. б.», П., 1918, кн. I—III, стр. 119, 120, 142, 143, 145; кн. IV—VI, стр. 42—43, 63—64, 67—69.

Иванов- Разумник, Р. В. История русской общественной мысли. Изд. 5-е переработ., часть VI, от семидесятых годов к девятисотым. Изд. «Колос», П., 1918, стр. 152—158 и др. см., по указателю в VIII части.

[1-е издание вышло в 1907 г., 2-е в 1908 г., 3-е в 1911 г. и 4-е в 1914 г.]

Некрасовский сборник. Неизданные письма и воспоминания. Статьи, библиография. Под ред. В. Е. Евгеньева-Максимова и Н. К. Пиксанова. Изд-во «Общественная польза», П., 1918, стр. 52—55, 69—71, 117—120, 169 и др. (См. по указателю).

1919

Венгеров, С. А. Собрание сочинений. Т. I. Героический характер русской литературы. Изд. 2-е. «Светоч», П., 1919 (Б-ка «Светоча». Под ред. проф. С. А. Венгерова, № 123), стр. 144—146.

Владычных, А. Гневный смех. (К 30-летию смерти Салтыкова-Щедрина). «Путь», М., 1919, № 3, стр. 38—41.

Герцен, А. И. Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке. Т. X. 1859—1860 гг. (№№ 1222—1530). Лит.-изд. отд. Нар. ком. просв., П., 1919.

[Стр. 11—16: Very dangerous!!! и стр. 373—374: Письмо Герцена к ген.-ад. Зиновьеву с добавл. выписки из секретн. донесения тверск. жанд. подполк. Симановского от 2/I 1861 г. начальнику 2-го окр. корпуса жандармов генер. Перфильеву о тверском вице-губернаторе Салтыкове.]

Кайгородов, Ал. М. Е. Салтыков-Щедрин. (К 30-летию со дня смерти). «Пламя», П., 1919, № 54, стр. 957—958.

Клевенский, М. Замечательные уголки Тверской губернии. «Тв. кооп.», Тверь, 1918, № 30—31, стр. 15—16.

[Детство Салтыкова-Щедрина в его имении Спас-Угол.]

Котляревский, Н. А. Наше недавнее прошлое в истолковании художников слова. Опыт школьного изложения истории

русской словесности за вторую половину XIX века. Изд. «Наука и школа», П., 1919, стр. 43—48, 78, 82—84, 108.

Львов-Рогачевский, В. Салтыков-Щедрин. В кн.: «Кооперативный сельский календарь на 1919 год». М., 1919, стр. 81—82.

Неведомский, М. Зачинатели и продолжатели. Поминки, характеристики, очерки по русской литературе от Белинского до дней наших. Кн-во «Коммунист», П., 1919, стр. 167—178.

Ольминский, М. М. Е. Салтыков-Щедрин. (Кому пролетариат ставит памятники). Изд. Московского совета. М., 1919, 43 стр.

1920

Вольная русская печать в Российской публичной библиотеке. Под. ред. В. М. Андерсона. Изд. Росс. публ. б-ки. ГИЗ. П., 1920, стр. 99—101.

[Зарубежные (нелегальные) издания Салтыкова.]

Иудушка по роману Щедрина в театре Незлобина. «Вестник Театра», М., 1920, № 53, стр. 7—8.

Садко. Театр Незлобина. — Иудушка по Салтыкову-Щедрину. «Вестник Театра», М., 1920, № 55, стр. 9—10.

Урванцев, Лев. М. Е. Салтыков. (Н. Щедрин). Краткий биографический очерк. В кн.: Лев Урванцев. Помпадуры и помпадурши (Инсценировки по Н. Щедрину). [Изд.]. Политический отдел 7 армии. П., 1920, стр. 3—8.

1921

Евгеньев-Максимов, В. Е. Из истории одного цензурного auto da fe. (О вновь открытой статье Н. К. Михайловского). «Кн. и р.», П., 1921, № 12, стр. 6—15.

[Об уничтожении майской книжки «Отеч. зап.», за 1874 год. Отзыв цензуры о IX главе «Благонамеренных речей» Салтыкова.]

Литературный музеум. (Цензурные материалы 1-го отделения IV секции Гос. архивн. фонда). I. Под ред. А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана. П. (1921), стр. 277 и др.

[Положит. отзыв Тургенева о «Переписке Николая Первого с Поль де Коком» в письме к Салтыкову и цензурное дело, возникшее в связи с этим письмом при издании «Первого собрания писем И. С. Тургенева. 1843—1883 г.» См. письма №№ 216, 217.]

Три неизданных письма М. Е. Салтыкова-Щедрина к Н. А. Некрасову. «Кн. и р.», П., 1921, № 2 (14), стр. 73—76.

[С вступительной статьей к письмам.]

Тургеневский сборник. Под ред. А. Ф. Кони. Кооп. изд-во литераторов и ученых. П., 1921 (Тургеневское общество), стр. 145, 184—185, 200.

Четыре одноактных пьесы, инсценированных по произведениям Салтыкова-Щедрина и Чехова. Гос. изд-во. Сибирское областное издательство. Омск, 1921.

1922

Бродский, М. (Сообщ.). Письма М. Е. Салтыкова к В. П. Безобразову (1858—1859). «Г. мин.», М., 1922, № 2, стр. 188—193.

[Вступительная заметка и комментарии.]

Грузинский, А. Е. (Сообщ.). Новая сказка М. Е. Салтыкова-Щедрина («Богатырь»). «Кр. арх.», М., 1922, том II, стр. 226—228.

[Вступительная заметка к впервые публикуемой сказке «Богатырь».]

Егоров, И. В. Общественность в русской художественной литературе XIX в. Ред.-изд. отдел Морского комиссариата, П., 1922, стр. 150—151.

Николаев, А. С. (Сообщ.). М. Е. Салтыков-Щедрин и цензура. «Кр. арх.», М., 1922, том II, стр. 229—233.

[Цензорский доклад по делу об издании «Сказок» дешевыми брошюрами «для народа» и запрещенные стихотворения на смерть Салтыкова.]

Перетц, В. Н., акад. Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пособие и справочник для преподавателей,

студентов и для самообразования. Изд. «Academia», П., 1922.

[Стр. 160: М. Е. Салтыков (Н. Щедрин) — библиография.]

Сакулин, П. Н. Русская литература и социализм. Ч. I—Ранний русский социализм. ГИЗ [М.], 1922, 504 стр.

[См. по указателю.]

Сборник Пушкинского дома на 1923 год. ГИЗ, П., 1922, стр. 180—181, 213, 227—228.

[Салтыков в оценке Лонгинова, Панаева и Тургенева.]

Семевский, В. И. М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы. Под ред. В. Водовозова. Ч. I. М., 1922, стр. 7, 10. 27, 44, 55, 101—102, 166—169.

[Тургенев] — Письма И. С. Тургенева к П. В. Анненкову. «П. и р.» М., 1922, кн. 2 (5), стр. 92—93.

[Отзыв М. Е. Салтыкова о Гамбетте.]

Шилов, А. А. Что читать по истории русского революционного движения. Указатель важнейших книг, брошюр и журнальных статей. Гос. изд. П., 1922, стр. 64.

1923

Амфитеатров, Ал. Михаил Евграфович Салтыков (26 января 1826 г., 27 апреля 1889 г.). В кн.: «М. Е. Салтыков. Избранные сочинения». Ред., вступ. статья и примеч. Ал-дра Амфитеатрова. Т. I. Изд-во З. И. Гржебина. Берлин-П.-М., 1923, стр. 7—69 (примечания — стр. 464—505).

Гизетти, А. Сатирик-гражданин М. Е. Салтыков. Очерк жизни и творчества с приложением отрывков непропущенного цензурой очерка Салтыкова «Глуповское распутство». Изд-во С. Ионина, П., 1923, 6 стр. (Вожди русской общественной мысли, № 2).

Рец.: Габо, В. С.— «Пед. м.», П., 1923, № 2, стр. 72—73.

Гроссман, Л. П. Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарии. ГИЗ. М.— Л., 1923.

[Стр. 28: Достоевский о Салтыкове.]

Из архива Достоевского. Письма русских писателей. Гос. изд., М.—П., 1923, стр. 16, 17, 24, 51, 99—133.

[Письма И. А. Гончарова, Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова.]

Лемке, М. Политические процессы в России 1860 г. (По архивным документам). Изд. 2-е Гос. изд., П., 1923, стр. 193, 196—197, 235, 392—393, 401— 405.

Колпенский, В. В. М. Е. Салтыков-Щедрин и «Общестуденческий Союз». «Р. пр.», П.— М., 1923, кн. IV, стр. 117—122.

Оксман, Ю. Г. Несостоявшийся журнал М. Е. Салтыкова-Щедрина «Русская Правда». «Кр. арх.», М., 1923, т. IV, стр. 393—398.

[Прошение в цензурный комитет об издании журнала и его программа.]

Салтыков, К. М. Интимный Щедрин. С предис. [стр. 3—5] Н. Мещерякова. Гос. изд., М.—П., 1923, 79 стр.

[Рец.: Н. Н. Фатов.—«П. и р.», М., 1924, кн. 3, стр. 245—246.]

Соловьев, Евг. (Андреевич). Очерки по истории русской литературы XIX века. Изд. 4-е, испр. изд-ва «Новая Москва». М., 1923, стр. 439—460.

Чешихин - Ветринский, Вас. Е. Н. Г. Чернышевский. 1828—1889. Изд. «Колос». П., 1923, 215 стр.

[См. по указателю.]

Яковлев, Н. М. Е. Салтыков о своих произведениях. (Три письма к А. Н. Пыпину). «Пгр.», 1923, 31 августа, № 8, стр. 9—14.

1924

Абашидзе, С. Театр в иллюстрациях. «Кр. пан.», Л., 1924, № 20 (38), стр. 14.

[О «Смерти Пазухина».]

Авлов, Гр. «Смерть Пазухина» (Академич. театр драмы). «Ж. иск.», Л., 1924, № 39, стр. 12.

Аптекман, О. В. Общество «Земля и Воля» 70-х гг. 2-е испр. и доп. изд. Изд. «Колос». П., 1924, стр. 37—38.

Бескин, Эм. У старой афиши («Смерть Пазухина» в Художественном). «Новый зритель», М., 1924, № 36, стр. 7—9.

Боженко, К. Писатель-обличитель. (К 35-летию со дня смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина). «Лнгр.», Л., 1924, № 10, стр. 15—16.

Боцяновский, Вл. Памяти Салтыкова-Щедрина. «Ж. иск.», Л., 1924, № 21, стр. 5.

Владиславлев, И. В. Русские писатели. Опыт библиографического пособия по русской литературе XIX—XX ст. Изд. 4-е, переработ. и значит. дополн. Гос. изд. М.—Л., 1924, стр. 100—103, 404.

[1-е изд. 1908 г., 2-е изд. 1913 г., 3-е изд. 1918 г.].

Заславский, Д. «Взволнованные лоботрясы» (Из истории «Священной дружины»). «Былое», Л., 1924, № 25, стр. 71—72.

Золотарев, С. А. Общедоступные очерки по истории русской литературы. (Пособие для самообразования.). Изд-во т-ва «В. Думнов, насл. бр. Салаевых», М., 1924, стр. 57, 136—138.

История русской литературы XIX в. под. ред. Д. Н. Овсянико-Куликовского. Т. V, изд. т-ва «Мир». М., 1923 [1924], стр. 467—468, 547.

[Библиография и синхронистические таблицы.]

Кожевник. Смердит. (В Художественном Театре на открытии). «Рабочий зритель», М., 1924, № 19, стр. 10.

[О постановке «Смерть Пазухина».]

Кранихфельд, Вл. П. Михаил Евграфович Салтыков. В. кн.: История русской литературы XIX в. под ред. Д. Н. Овсянико-Куликовского. Т. IV. М., 1924, стр. 230—283.

Луначарский, А. В. К возвращению «Старшего» Художественного театра. «Кр. нива», М., 1924, № 39, стр. 942—944.

[О «Смерти Пазухина» и др. постановках.]

Марков, П. «Смерть Пазухина» (МХАТ). Газ. «По.». М., 1924, 12 сентября, № 207, стр. 3.

Н. Новые постановки Акдрамы. («Смерть Пазухина»). Ж. иск.», Л., 1924, № 37, стр. 24.

Овсянико-Куликовский, Д. Н. Собрание сочинений. Т. VIII — История русской интеллигенции. Ч. II. Изд. 6-е, Гос. изд., М. (1924), стр. 9—33.

Островский, А. Н. Письма к М. Е. Салтыкову. В кн.: Островский. Новые материалы. Ред. М. Беляева. М.—Л., 1924, стр. 222—233.

Пиксанов, Н. К. Два века русской литературы. Введение. Темы для литературных работ. Систематическая библиография. Руководящие вопросы. Пособие для высшей школы преподавателей словесности и самообразования. Изд. 2-е, переработ. М., 1924, стр. 115, 172.

[Салтыков в Вятке. «Отеч. записки» при Салтыкове.]

По чужим гранкам. «Новый зритель», М., 1924, № 38, стр. 2.

[О постановке «Смерти Пазухина» в МХАТ.]

Пушкинский дом при Российской Академии Наук. Исторический очерк и путеводитель. Л., 1924, стр. 90—92.

Садко. МХАТ в Москве. «Ж. иск.», Л., 1924, № 39, стр. 8.

[О постановке «Смерть Пазухина».]

Салтыков-Щедрин, М. Е. Письма 1845—1889. С приложением писем к нему и других материалов. Под ред. Н. В. Яковлева, при участии Б. Л. Модзалевского. Труды Пушкинского дома при Рос. Акад. Наук. Гос. изд., Л., 1924 [1925]. Разн. пагинация [373 стр.], с 3 вкл. лист. портр.

Рец.: Ахун, М. И.— «К. и сс.», М., 1925, № 4 (17), стр. 289—290; Ашукин, Н.— «Н. м.», М., 1925, кн. VII, стр. 157—159; В-н—«Звезда», Л., 1925, № 2, стр. 285—287; Гиппиус, Вас. — «Былое», Л., 1925, кн. VI (34), стр. 241—244; Глаголев, А.— «М. гв.», М., 1926, № 2, стр. 183; К. М.— «В. кн.», М., 1925, № 3, стр. 46—47; Клевенский, М.—«П. и р.», М., 1925, кн. II, стр. 261—262; Пиксанов, Н. К.— «Кр. н.», М., 1925, № 1, стр. 317—318.

Сакулин, П. Н. Русская литература и социализм. Ч. I.—Ранний русский социализм. 2-е переработ. изд. Гос. изд., М., 1924 [1925], стр. 381—406 и др. по указателю.

[Общественно-политические взгляды Салтыкова в 40-х годах.]

. . . ский. Кошмары Щедрина. «Кр. г.» веч. вып., Л., 1924, № 226.

[О письмах Щедрина 1845—1889, изд. под ред. Н. Яковлева.]

Соболев, Юрий. Письмо из Москвы (начало театрального сезона). «Заря Востока», Тифлис, 1924, от 25 октября.

[«Смерть Пазухина».]

Соболев, Юрий. «Смерть Пазухина» в МХАТ. «Рабочий театр», Л., 1924, № 2, стр. 8.

Соболев, Юрий О. «старом» Художественном Театре. Газ. «Труд», М., 1924, 27 сент., № 220, стр. 4.

[О «Смерти Пазухина» в МХАТ.]

Соболев, Юрий. «Смерть Пазухина» в Художественном Театре. «Известия», М., 1924, 13 сентября, № 209 (2244), стр. 4.

Тверской, К. «Смерть Пазухина». «Рабочий театр» Л., 1924, № 2, стр. 7—8.

Угрюмов, Дм. МХАТ. «Смерть Пазухина». «Новая рампа», М., 1924, № 16, стр. 4—5.

Яковлев, Н. В. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. (К 35-летию со дня смерти). «Звезда», Л., 1924, № 3, стр. 289—298.

[Очерк литературного творчества.]

Яковлев, Н. В. Иудушка Головлев. (Новая страница Салтыкова). «Ж. иск.», П., 1924, № 1, стр. 12—13.

[Вариант I главы «Господа Головлевы».]

Яковлев, Н. В. Письма Щедрина. «Б. кл.», Л., 1924, кн. 1—2, стр. 208—227.

Грамотин, И. М. Е. Салтыков-Щедрин. (К 36-й годовщине смерти). «Н. веч. г.», Л., 1925, 13 мая, № 41.

Жигела, Юрий. Гастроли Москов. Худож. Театра. «Смерть Пазухина». Газ. «Коммунист», Харьков, 1925, 10 июня, № 129 (1617), стр. 6.

Игнатьев, С. Из литературных отношений М. Е. Салтыкова-Щедрина. По неизданным материалам. «Н. веч. г.», Л., 1925, 10 июня, № 97.

Кубиков, И. Н. Великие писатели России. Изд-во «Пролетарий». Харьков, 1925, 84 стр. (Библиотечка рабочего, под общей ред. Б. И. Горева, № 18).

[Гл. III—Народничество (Некрасов, Салтыков, Успенский, Толстой), стр. 48—69.].

Луначарский, А. В. М. Е. Щедрин. «Кр. нива», М., 1925, № 19, стр. 440—442.

Мендельсон, Н. М. М. Е. Салтыков-Щедрин. Гос. изд. М.—Л., 1925, 88 стр., вклад. лист. портр. (Критико-биографическая серия).

О. Я. «Смерть Пазухина». Газ. «Вечернее радио». Харьков, 1925, 4 июня, стр. 3.

Ольминский, М. Н. Щедрин-Салтыков. [Его жизнь и творчество.]. Изд. «Моск. рабочий». М.—Л., 1926 [1925], 44 стр., с портр.

Полянский, В. Салтыков в своих письмах. «В. мат.», М., 1925, № 4, стр. 231—243.

Салтыков, К. Мои воспоминания об отце. (Статья сына М. Е. Салтыкова-Щедрина — К. М. Салтыкова). «Кр. г.», веч. вып., Л., 1925, 12 декабря, № 300.

Свентицкий, А. М. Е. Салтыков-Щедрин. В кн.: Салтыков, М. Е. (Н. Щедрин). Избранные сочинения. Кн. I. Раб. изд-во «Прибой», Л., 1925, стр. 3—12.

1925

Столетие М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Н. веч. г.», Л., 1925, 5 декабря, № 225.

[Чернышевский, Н. Г.] Переписка Чернышевского с Некрасовым, Добролюбовым, А. С. Зеленым, 1855—1862. Введение, примечания и редакция Н. К. Пиксанова. Изд. «Московский Рабочий». М.—Л., 1925 [см. по указателю имен].

Шевченко, Т. Дневник. Ред., вступ. статья и примеч. И. Я. Айзенштока. Изд-во «Пролетарий» (Харьков), 1925, стр. 79.

[Отзыв Шевченко о «Губернских очерках».]

1926

I. Книги и журналы

Багрий, А. В., проф. Русская литература XIX—первой четверти XX в. Изд. Восточного факультета Азербайджанского гос. университета. Баку, 1926, стр. 196—208.

Боцяновский, Вл. Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Кр. пан.», Л., 1926, № 7 (10), стр. 13.

Вечера памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Литературное Обозрение», М., 1926, № 4, 18 февр., стр. 1.

Войтоловский, Л. М. Е. Салтыков. К столетию со дня рождения. «Н. м.», М., 1926, январь, кн. I, стр. 130—138.

Герасимов, А. Н. Щедрин и студенчество. (Из прошлого). «М. гв.», М., 1926, кн. III, стр. 204—212.

Гизетти, А. А. Великий сатирик

гражданин. «В. зн.», Л., 1926, № 4, стр. 251—256.

Гинзбург, Ф. Русская библиотека Маркса и Энгельса. В кн.: Группа «Освобождение труда». (Из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча). Под ред. Л. Г. Дейча. Сборник № 4. ГИЗ. М.—Л., 1926 (Комитет по увековеч. памяти Г. В. Плеханова).

[Стр. 357—388: К. Маркс — читатель Салтыкова.]

Голованенко, С. Салтыков-Щедрин (Психологический этюд). «Тр. Яр. пед. ин-та», т. I, вып. II, Ярославль, 1926, стр. 159—163.

Гроссман-Рощин, И. С. На грани двух миров. К характеристике творчества Салтыкова-Щедрина. «Окт.», М., 1926, кн. IX, стр. 113—128.

Гроссман, Л. П. Сказки Салтыкова. Вступит. статья в кн.: Салтыков-Щедрин, М. Е. — Сказки. Ред. Л. П. Гроссмана. ГИЗ. М.—Л., 1926 (Русские и мировые классики под общей ред. А. В. Луначарского и Н. К. Пиксанова).

[Стр. 5—17; стр. 292—303. Приложения; стр. 304—305: Литература о Салтыкове.]

Гроссман, Леонид. Россия Салтыкова. В кн.: М. Е. Салтыков-Щедрин. История одного города. Вступит. статья Л. Гроссмана. Редакция Владимира Гиппиуса. Гос. Изд-во. М.—Л., 1926, стр. 5—27.

Евгеньев-Максимов, В. Из журнальной деятельности М. Е. Салтыкова-Щедрина. (К столетию со дня рождения). «П. и р.», М., 1926, кн. I, стр. 39—58.

Евгеньев-Максимов, В. В тисках реакции. К столетию рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина. Гос. изд., М.—Л., 1926, 136 стр.

Рец.: Войтоловский, Л. — «П. и р.», М., 1926, кн. V, стр. 199—201.

Евгеньев-Максимов, В. М. Е. Салтыков-Щедрин. (К столетию рождения). «Инф. бюл. Л. г. о. н. о.», Л., 1926, № 4, стр. 1—2.

Евгеньев-Максимов, В. М. Е. Салтыков-Щедрин и самодержавие. «Ж. иск.», Л., 1926, № 4, стр. 2—3.

Евгеньев-Максимов, В. Эволюция общественных взглядов Гончарова в 60-е годы. (К 35-летию со дня смерти). «Звезда», Л., 1926, № 5, стр. 191, 193—194.

Иванов-Разумник, Р. Неизвестные страницы Салтыкова. (К 100-летию со дня рождения). «Былое», Л., 1926, № 1 (35), стр. 40—63.

[О Нечаевском деле. История одного города, Карамазовщина.]

[Иванов-Разумник, Р.] М. Е. Салтыков-Щедрин. (Биографический очерк). В кн.: Салтыков, М. Е. (Щедрин) — Избранные отрывки из сочинений. Ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. Биографич. очерк и примеч. Иванова-Разумника. ГИЗ. М.—Л., 1926.

[Стр. 3—7 и стр. 429—456: Комментарии и примечания.]

Иванов-Разумник, Р. [Примечания и комментарии.]. В кн.: Салтыков, М. Е. (Щедрин) — Сочинения. Т. I и II. Текст под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. Примеч. и комментарии Иванова-Разумника. ГИЗ. М.—Л., 1926, стр. 587—630 [т. I.] и 483—524 [т. II].

[Иванов-Разумник, Р.] М. Е. Салтыков-Щедрин. В кн. Салтыков, М. Е. (Щедрин). Сочинения, т. I. Текст под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. Примечания и комментарии Иванова-Разумника. ГИЗ. М.—Л., 1926, стр. 5—14.

[Стр. 3—4: Предисловие.]

К столетию рождения Салтыкова-Щедрина. «Ж. иск.», Л., 1926, № 4, стр. 1—2.

К[убико]в, И. К. Маркс как читатель Салтыкова-Щедрина. «К-ша», М., 1926, № 3—4 (124—125), стр. 9—11.

Кубиков, И. М. Е. Салтыков-Щедрин. «В. просв.», М., 1926, № 1, стр. 106—125.

Кубиков, И. Великий обличитель. (К столетию со дня рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина). «Нар. уч.», М., 1926, № 1, стр. 122—126 (с портр.).

Кубиков, И. М. Е. Салтыков-Щедрин. «Кр. нива», М., 1926, № 4, стр. 15—16.

Кубиков, И. Общественные классы в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина. «К-ша» М., 1926, № 3—4 (124—125), стр. 5—9.

Кузминская, Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне, ч. III, 1864—1868 с пред. и прим. М. А. Цявловского. Изд. Сабашниковых, М., 1926, стр. 43—44.

[Куклин, Г. и Дубов, Е.] Выставка: М. Е. Салтыков-Щедрин и его время. Составили Г. Куклин и Е. Дубов, под ред.

Н. Яковлева. Л., 1926, 16 стр., с портр. (Ленинградский Губполитпросвет. Комиссия по организации 100-летнего юбилея со дня рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина).

Луначарский, А. В., М. Е. Салтыков-Щедрин. «Ж. иск.», М., 1926, № 5, стр. 4.

Луначарский, А. Перспективы сезона. «Изв.» 1926, 3 окт., № 228 (2859), стр. 5.

Мазуренко, С. От «Черного Передела» до коммунистической партии. (К 40-летию разгрома харьковских революционных народников). «Пути р.», Харьков, 1926, кн. II—III (5—6), стр. 19.

[О гектографировании харьковской «Группой революц. народников» сказки Щедрина «Орел-меценат» (в период с осени 1885 по февраль 1886).]

Маторина, Р. О методах работы МХАТ (Как работал МХАТ над «Смертью Пазухина»). «Искусство Трудящимся», М., 1926, № 15, стр. 13.

Мацуев, Н. И. Художественная литература, русская и переводная. 1917—1925. Указатель статей и рецензий. Изд. Книжно-библиотечных работников. М.—Одесса, 1926, стр. 105.

Мендельсон, Н. М. Биографический очерк. В кн.: Салтыков-Щедрин, М. Е. Сказки. Ред. Л. П. Гроссмана. ГИЗ. М.—Л., 1926 (Русские и мировые классики. Под общ. ред. А. В. Луначарского и Н. К. Пиксанова), стр. 267—277.

[Отрывок из книги Н. М. Мендельсона «М. Е. Салтыков-Щедрин». ГИЗ. М., 1925.]

Ольминский, М. Социалист-утопист в оценке современников. В кн.: Салтыков-Щедрин, М. Е.— Сказки. Редакция Л. П. Гроссмана. ГИЗ. М.—Л., 1926 (Русские и мировые классики. Под общ. ред. А. В. Луначарского и Н. К. Пиксанова), стр. 278—291.

Ольминский, М. О печати. Изд-во «Прибой», Л., 1926, стр. 65—79.

Ольминский, М. По вопросам литературы (статьи 1900—1914). С пред. Г. Лелевича. Изд-во «Прибой», Л., 1926, стр. 75—90.

Рец.: Войтоловский.— «Н. м.», М., 1926, № 11, стр. 184—185.

Ольминский, М. Н. Щедрин-Салтыков. В кн.: М. Е. Салтыков (Н. Щедрин) — Повесть о том, как мужик двух генералов прокормил. С предислов. М. Ольминского. ЗИФ, М.—Л. (1926) (Биб-ка сатиры и юмора), стр. 3—5; то же в кн.»: М. Е. Салтыков (Н. Щедрин) — Карась-идеалист. С предислов. М. Ольминского. ЗИФ, М.—Л. (1926), стр. 3—5; то же в кн.: М. Е. Салтыков (Н. Щедрин) — Чижиково горе. С предисловием М. Ольминского. ЗИФ, М.—Л. (1926), стр. 3—5.

Путинцев, А. М. Неизданные письма М. Е. Салтыкова-Щедрина к беллетристу Недетовскому (О. Забытому). «Изв. отд. рус. яз. и слов. Акад. наук», Л., 1926, т. XXXI, стр. 271—284.

Салтыков, К. М. Как жил и работал мой отец. «Кр. пан.», Л., 1926, № 8 (102), стр. 11.

Салтыков, К. М. Как жил и работал Салтыков-Щедрин. «Ог.», М., 1926, 17 января, № 3 (147), стр. 9—10.

Салтыков, К. М. Щедрин-начальник. (Воспоминания). «Кр. нива», М., 1926, № 4, стр. 14.

[Воспоминания сына о службе М. Е. Салтыкова в качестве председателя Пензенской казенной палаты.]

Салтыков-Щедрин среди героев своих произведений. «Кр. нива», М., 1926, № 4, стр. 5.

Салтыков, М. Е. — Сказки. Ред. Л. П. Гроссмана. ГИЗ. М.—Л., 1926, 305 стр.

Рец.: Кубиков, И.— «Книгоноша» 1926, № 25, стр. 1. Якобси, С. — Комсомолия, 1926, № 9, стр. 77.

Салтыков-Щедрин, М. Е. (вступ. статья). В кн.: Салтыков-Щедрин, М. Е.— Карась-идеалист. Изд. «Украинский рабочий». Харьков, 1926 (Художественная библ-ка журн. «Рабочий»), стр. 3—4. То же в кн.: М. Е. Салтыков-Щедрин. — Премудрый пискарь и др. сказки. Рабочее изд-во «Прибой. Л., 1926 (Б-ка для всех), стр. 3—4.

[Салтыков, М. Е.] Автобиография Салтыкова. Письмо М. Е. Салтыкова к С. А. Венгерову от 28 апреля 1887 г. В кн.: Салтыков-Щедрин, М. Е.— Сказки. Редакция Л. П. Гроссмана. ГИЗ. М.—Л., 1926 (Русские и мировые классики. Под общ. ред. А. В. Луначарского и Н. К. Пиксанова), стр. 265—266.

Свободов, А.— М. Е. Салтыков-Щедрин. «Литературное Обозрение». М., 1926. № 4, 18 февр., стр. 6—7.

Скиф, М. Е. Салтыков-Щедрин (К столетию со дня рождения). «Литературное Обозрение», М., 1926, № 4, стр. 1.

Штрикер, В. Щедрин и русский суд. «Суд идет», Л., 1926, № 17 (57), стр. 1035—1036.

Яковлев, Н. В. (собщ.). Письмо М. Е. Салтыкова-Щедрина к Тургеневу. «Атеней», кн. III, 1926, стр. 127—128.

Яковлев, Н. В. Неизданные произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина. Господа ташкентцы. (Из воспоминаний одного просветителя). «Звезда», М.—Л., 1926, № 4, стр. 189—190.

Яковлев, Н. «Иудушка Головлев» в оценке современников. (К 100-летию со дня рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина). «Прож.», М., 1926, № 3 (73), стр. 22—23.

Яковлев, Н. Глупов и глуповцы. (Неизданная глава). [Предисловие и комментарии]. «Кр. н.», М., 1926, кн. V, стр. 112, 120—121.

Яковлев, Н. [М. Е. Салтыков.] Критико-биографический очерк. В кн.: М. Е. Салтыков (Щедрин) — Отец и сын. Ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. ГИЗ. М.—Л., 1926, стр. 3—8 (стр. 62: Библиография).

То же в кн.: М. Е. Салтыков (Щедрин). Непочтительный Коронат. Чудинов. Ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. ГИЗ. М.—Л., 1926, стр. 3—8 (стр. 58: Библиография).

Яковлев, Н. В.—(Послесловие). М. Е. Салтыков-Щедрин. Экскурсия в область умеренности и аккуратности. Глава IV.—Сб. «Язык и литература», кн. I, Л., 1926, стр. 387—408.

[Яковлев, Н. В.] Предисловие. В кн.: М. Е. Салтыков (Щедрин). Тетенька Анфиса Порфирьевна. ГИЗ. М.—Л., 1926, стр. 3—4.

[Яковлев, Н. В.] Предисловие. В кн.: М. Е. Салтыков (Щедрин). Сказки. ГИЗ. М.—Л., 1926, стр. 3—4.

[Яковлев, Н. В.] Предисловие. В кн.: М. Е. Салтыков (Щедрин). Портной Гришка. ГИЗ. М.—Л., 1926, стр. 3—4.

[Яковлев, Н. В.] Предисловие. В кн.: М. Е. Салтыков (Щедрин). Развеселое житье. ГИЗ. М.—Л., 1926, стр. 3—4.

Яковлев, Н. (Послесловие). М. Е. Салтыков-Щедрин. — Предчувствия, гадания, помыслы и заботы современного человека. «Звезда», Л., 1926, № 2, стр. 9.

Яковлев, Н. (Предисловие). М. Е. Салтыков-Щедрин — «Господа ташкентцы» (из воспоминаний одного просветителя). «Звезда», Л., 1926, № 1, стр. 189—190.

Ясинский, Иер. Роман моей жизни. Книга воспоминаний. Гос. изд. М.—Л., 1926, стр. 159—161, 162—164, 167—171, 182—183, 226—227 и др. (см. по указателю).

II. Газеты

А. С. Памяти великого сатирика. (Вечер Губполитпросвета в Народном Доме). «Кр. г.», веч. вып., Л., 1926, 16 февраля, № 41.

Б. Вл. М. Е. Салтыков-Щедрин (1826—1889). «Раб. кр.». Иваново-Вознесенск, 1926, 31 января, № 25 (2427), стр. 2.

Башмачников. Великий сатирик. (К столетию со дня рождения Салтыкова-Щедрина). «Призыв», Владимир, 1926, 31 января, № 25 (1857), стр. 7.

Брун, Марко. М. Е. Салтыков-Щедрин (К столетию со дня рождения). «Изв. Сар. С. Р. и К. Д.», Саратов, 1926, 31 января, № 25, стр. 2.

Великий сатирик Салтыков-Щедрин. «М. рать», Н.-Новгород, 1926, 2 февраля, № 9 (253), стр. 4.

Вольница. Великий сатирик. «Раб. клич», Рязань, 1926, 28 января, № 22, стр. 2.

Выставка памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина (хроника). «Кр. г.», веч. вып., Л., 1926, 8 января, № 7.

Георгиади, Янко. Великий сатирик. «Молот», Ростов н/Д., 1926, 27 января, № 13143, стр. 5.

Герасимов, Л. Салтыков-Щедрин. «Б. мол.», Саратов, 1926, 4 февраля, № 10 (102), стр. 3.

Гроссман, Л. Воинствующий сатирик, обличитель вымиравшей династии. «Веч. М.», М., 1926, 25 января, № 19 (627), стр. 2.

Дело Салтыкова-Щедрина в полицейских архивах. «Раб. кр.», Иваново-Вознесенск, 1926, 31 января, № 25 (2427), стр. 1.

[Сообщение из Вятки о находке в полицейском архиве дела Салтыкова.]

Дмитриев, Н. Михаил Евграфович Салтыков (Н. Щедрин). «Коммуна», Калуга, 1926, 27 января, № 21 (2191), стр. 4.

Евгеньев - Максимов, В. М. Е. Салтыков-Щедрин и агония «Отечественных записок» (по новым архивным данным). «Кр. г.», веч. вып., Л., 1926, 28 января, № 25 (1029), стр. 5.

Евгеньев-Максимов, В. В. К. Плеве и М. Е. Салтыков. «Кр. т.», веч. вып., Л., 1926, 13 января, № 12.

Евгеньев - Максимов, В. М. Е. Салтыков в «Свистке». «Кр. г.», веч. вып., Л., 1926, 27 января, № 24 (1028), стр. 5.

Заславский, Д. Совсем неуютный писатель. «Кр. г.», веч. вып., Л., 1926, 27 января, № 24 (1028), стр. 5.

И. М. Е. Салтыков-Щедрин. «Изв. Од. Окружкома КП(б)У», Одесса, 1926, 28 января, № 1844, стр. 2.

Иеропольский, К. М. Е. Салтыков-Щедрин. «Пск. н.», Псков, 1926, 28 января, № 21 (2068), стр. 3.

Изгнанник. Бич царской России. (К столетию со дня рождения Салтыкова-Щедрина). «Смычка», Оренбург, 1926, 29 января, № 23 (224), стр. 2.

Киселев, П. М. Е. Салтыков-Щедрин. «Смена», Л., 1926, 31 января, № 25 (529), стр. 4.

Коган, П. С. Салтыков. «Лен. пр.», Л., 1926, 27 янв., № 21, стр. 2.

Коган, П. Салтыков-Щедрин. «Изв.», М., 1926, 28 января, № 22 (2653), стр. 2.

Коган, П. С. М. Е. Салтыков-Щедрин. «Раб. г.», М., 1926, 27 января, № 21 (1163), стр. 6 и 28 января, № 22 (1164), стр. 5.

Коган, П. С. М. Е. Салтыков-Щедрин. «Кур. пр.», Курск, 1926, 29 января, № 22 (1816), стр. 4.

Красильников, А. М. Е. Салтыков-(Щедрин). «Пр. путь», Ульяновск, 1926, 28 января, № 21 (867), стр. 2.

Л. Н. Салтыков-Щедрин. «Уч. г.», М., 1926, 28 января, № 4 (76), стр. 4.

Лернер, Н. Переписка Николая I с Поль де Коком. (Сатира Салтыкова). «Кр. г.», веч. вып., Л., 1926, 27 января, № 24 (1028), стр. 5.

Луначарский, А. В. М. Е. Салтыков-Щедрин. «Пр.», М., 1926, 28 января, № 22 (3251), стр. 3.

Луначарский, А. М. Е. Салтыков-Щедрин. «Кр. г.», утр. вып., Л., 1926, 28 января, № 22 (2365), стр. 2.

[Луначарский] А. В. Луначарский о М. Е. Салтыкове-Щедрине. (По поводу столетней годовщины великого сатирика). «Звезда», Новгород, 1926, № 24 (2120), стр. 3.

Львов, Вл. Сатирик - революционер в вицмундире. (К столетию со дня рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина). «Н. веч. г.», Л., 1926, 26 января, № 23.

Львов, Вл. Сатирик - революционер в вицмунире. «Орл. пр.», Орел, 1926, 30 января, № 24 (2359), стр. 3.

Львович, Гр. Щедринское. «Изв.», М., 1926, 28 января, № 22 (2653), стр. 2.

[Салтыков и современность.]

Львович, Гр. Щедринское. «Кр. г.», веч. вып., Л., 1926, 28 января, № 25 (1029), стр. 2.

М. Е. Салтыков - Щедрин. К столетию со дня рождения. «М. дер.», М., 1926, 29 января, № 12 (172), стр. 4.

М. Е. Салтыков-Щедрин. «Веч. м.», 1926, 25 января, № 19 (627), стр. 2.

[Краткая биография.]

М. Е. Салтыков-Щедрин. (К 100-летию со дня рождения). «Бед.», М., 1926, 30 января, № 2322, стр. 4.

М. З. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. «Н. г.», М., 1926, 31 января, № 25, стр. 2.

Маллори, Д. Ожил Щедрин. «Изв. Од. окружкома КП(б)У», Одесса, 1926, 28 января, № 1844, стр. 2.

[Фельетон.]

Миров, И. М. Е. Салтыков (Н. Щедрин). «Вят. пр.», Вятка, 1926, 28 января, № 22, стр. 3.

Молебнов, М. М. Е. Салтыков-Щедрин. (К столетней годовщине со дня рождения). Вокруг новых архивных материалов. «Тр. пр.», Пенза, 1926, 28 января, № 22, стр. 2—3.

[Административная деятельность Салтыкова в Пензе, по делам Пензенской казенной палаты.]

Никишин, П. К столетию со дня рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина (1826—1926). (От нашего пензенского корреспондента). «Пр.», М., 1926, 29 января, № 23 (3252), стр. 4.

[Воспоминания о Салтыкове живых его современников.]

О. И. М. Е. Салтыков-Щедрин. (К 100-летию со дня рождения). «Гудок», М., 1926, 29 января, № 23 (1705), стр. 2.

Памяти Салтыкова-Щедрина. «Веч. М.», М., 1926, 25 января, № 19 (627) стр. 2.

Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Пск. н.», Псков, 1926, 30 января, № 23 (2070), стр. 2.

[Сообщение из Вятки о торжеств. заседании научных и культ.-просв. организаций, посвящ. памяти Салтыкова.]

Просперо. М. Е. Салтыков-Щедрин. «З. в.», Тифлис, 1926, 28 января. № 1088, стр. 2.

Р. И. Беспощадный смех. (К столетию со дня рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина). «Х. пр.», Харьков, 1926, 31 января, № 24 (535), стр. 2.

[Салтыков, К. М.]. Кто был Салтыков-Щедрин. Как он жил и работал. (Из воспоминаний К. Салтыкова). «Волна», Архангельск, 1926, 27 января, № 21 (1757), стр. 2.

Селиванов, А. Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина. (Вечер в Союзе писателей). «Кр. г.», веч. вып., Л., 1926, 26 января, № 23 (1027), стр. 4.

Соболев, Ю. Великий сатирик. «К. пр.», М., 1926, 31 января № 25 (208), стр. 3.

Сретенский, Н., проф. М. Е. Салтыков-Щедрин (К столетию со дня рождения сатирика). «С. юг», Ростов н/Д., 1926, 28 января, № 22 (1618), стр. 2.

Памяти Салтыкова-Щедрина. [Отчет о заседании О. Л. Р. С. 24 января, посвящ. памяти Салтыкова, с докладами П. Н. Сакулина и Ю. М. Соколова.]

Столетие со дня рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Б. р.», Брянск, 1926, 31 января, № 25 (2014), стр. 2.

[Характеристика творчества Салтыкова.]

Столетие со дня рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Вор. к.», Воронеж, 1926, 27 января, № 20 (1858), стр. 2.

Столетие рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Н. веч. г.», Л., 1926, 27 января, № 24.

[У ленинградских ученых. Центральная выставка. Общегородской митинг радиогазеты.]

Столетие со дня рождения Салтыкова-Щедрина. «Кур. пр.», Курск, 1926, 30 января, № 23 (1817), стр. 1.

[Сообщение из Вятки о торжественном заседании, посвященном памяти Салтыкова.]

100 лет со дня рождения Салтыкова-Щедрина. «Коммуна», Самара, 1926, 30 января, № 24 (2135), стр. 1.

[Сообщение из Вятки о торжественном заседании, посвященном памяти Салтыкова.]

Яковлев, Н. Художественные замыслы и программы Щедрина. «Кр. г.», веч. вып., Л., 1926, 27 января, № 24 (1028), стр. 5.

1927

Гиппиус, Вас. Литературное окружение М. Е. Салтыкова-Щедрина. В сборн.: Родной язык в школе, кн. 2-я М., 1927, стр. 66—78.

Гиппиус, Вас. Люди и куклы в сатире Салтыкова. В кн.: Сборник Общества историко - филологических и социальных наук (Офис), при Пермском Гос. Университете. Вып. II. Пермь, 1927, стр. 27—57.

Глебов, И. Салтыков-Щедрин и музыка. В кн.: Сокольников, М. И. и Кубиков, И. Н., при участии Игоря Глебова. Классики и современные писатели на вечерах художественной литературы и общественно-революционных праздниках. Пособие для школьных и клубных работников. Изд. «Основа», Иваново-Вознесенск, 1927, стр. 200—201.

Здесь же, стр. 201: Материалы для программы [вечера, посвящен. Салтыкову], стр. 201—202: Главная литература для выставки [салтыковской], стр. 203: Изречения и отрывки [из произведений Салтыкова.]

Гроссман, Л. Борьба за стиль. Опыты по критике и поэтике. Изд. «Никитинские субботники», М., 1927, стр. 154—202. [«Салтыков-сказочник», «Россия Салтыкова».]

Данилов, В. «Пошехонская старина» М. Е. Салтыкова и социальная идеология автора. В сборн.: Родной язык в школе, кн. I, М., 1927, стр. 95—107.

Евгеньев-Максимов, В. Н. А. Некрасов и М. Е. Салтыков. (По неизданным материалам.) «П. и р.», М., 1927, кн. 4-я, материалы по истории лит-ры, стр. 47—62.

[13 впервые опубликованных писем и записок Салтыкова к Некрасову и комментарий к ним.]

Евгеньев - Максимов, В. Е. Очер-

ки по истории социалистической журналистики в России XIX века. ГИЗ. М.—Л., 1927.

Иванов - Разумник, Р. [Примечания и комментарии]. В кн.: Салтыков, М. Е. (Щедрин.) — Сочинения, тт. III, IV, V. Текст под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. Примечания и комментарии Иванова-Разумника. ГИЗ. М.—Л., 1927, стр. 715—774 (III т.); стр. 623—705 (IV т.); стр. 457—518 (V т.).

К[убиков], И. Салтыков-Щедрин. — В кн.: Сокольников, М. П. и Кубиков И. Н., при участии Игоря Глебова.—Классики и современные писатели на вечерах художественной литературы и общественно-революционных праздниках. Пособие для школьных и клубных работников. Изд. «Основа». Иваново-Вознесенск, 1927, стр. 195—199.

Калайдович, Е. Н. К вопросу о композиции «Сказок» Салтыкова-Щедрина. [Из отчета] «Известий Азербайджанского Госуд. Университета. Общественные науки», 1927, № 8—10, стр. 40—45.

Каренин, В. Владимир Стасов. Очерк его жизни и деятельности. Ч. I и II. Изд-во «Мысль», Л., 1927, стр. 27, 471.

Короленко, В. Полное собрание сочинений. Посмертное издание. Т. XXXIV. Очерки и статьи литературно - критические. Гос. изд. Украины. Харьков, 1927, 342 стр.

[Стр. 327—335: «О Щедрине.]

Лопатин, Г. А. Воспоминания о И. С. Тургеневе. С пред. Н. К. Пиксанова. «Кр. н.», М., 1927, № 8, стр. 168.

Островский. Новые материалы. Письма. Труды и дни. Статьи. Под ред. М. Д. Беляева. Труды Пушкинского дома при Российской Академии Наук. ГИЗ. Л., 1927.

[См. по указателю.]

Панаева, А. Воспоминания. 1824—1870. Исправл. изд., под ред. и с примеч. Корнея Чуковского. Изд. «Academia», Л., 1927.

[См. по указателю.]

Письма русских писателей к А. С. Суворину. Подгот. к печати проф. Д. И. Абрамович. Изд. Гос. Публичной Библиотеки в Ленинграде, Л., 1927. (Материалы по истории русской науки, литературы и общественности, под общей редакцией проф. Н. С. Державина).

[См. по указателю.]

Полянский, В. Вопросы современной критики. ГИЗ. 1927, стр. 318—331.

Райский, Л. Социальные воззрения петрашевцев. Очерки из истории утопического социализма в России. Изд. «Прибой», Л., 1927 (Научно-исследов. ин-т при Коммун. унив-те), стр. 31, 106.

Розанов, И. Н. Путеводитель по русской литературе XIX века. М., 1927, 340 стр.

[По указателю: Краткая биография Салтыкова. Хронологическая канва жизни и творчества. Библиограф. указатель произведений Салтыкова и литературы о нем.]

Словохотов, Л. А. О классиках русской литературы. Изд. автора. Саратов, 1927, стр. 60, 95, 103, 109, 134, 156, 165, 166, 173, 177, 179, 182.

Чуковский, К. Неизданное письмо Салтыкова-Щедрина к Некрасову. «Кр. г.», веч. вып., Л., 1927, 11 мая № 184 (1502).

Шилов, А. А. и Карнаухова, М. Г. Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь. Т. I, ч. I. От 50-х гг. XIX в. Сост. А. А. Шилов и М. Г. Карнаухова. Изд-во Политкаторжан, М., 1927, стр. 165.

Эйхенбаум, Б. Литература и писатель, «Звезда», Л., 1927, № 5, стр. 133—135.

[Об очерке Щедрина «Литературные обыватели».]

Апостолов, Н. Н. Лев Толстой и его спутники. Изд. Комиссии по ознаменованию столетия со дня рождения. М., 1928.

[См. очерк.: Лев Толстой и М. Е. Салтыков-Щедрин.]

Афанасьев, П. О., Бродский, Н. Л., Сидоров, Н. П. Родной язык во второй ступени. 7-я группа. Рабочая книга. Изд. 5-е, «Работник просвещения», М., 1928, стр. 147—157.

Бельчиков, Н. Ф. Чернышевский и Достоевский. (Из истории пародии). «П. и р.», М., 1928, кн. 5, стр. 35—53.

[Достоевский и Салтыков.]

Введенский, Д. Н. и Светлаев. Работа по литературе. Урок 22. Изд. Главполитпросвета. М., 1928. (Заочная школа 2-й ступени для взрослых. Русский язык — под редакцией проф. Д. Н. Ушакова и И. В. Устинова. Главполитпросвет — Бюро Заочного Обучения). Стр. 3—15.

[Биография М. Е. Салтыкова. Проработка «Повести о том, как мужик двух генералов прокормил».]

Вилинский, С. Г. Схематизм в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина. В кн.: Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского. Изд. Академии Наук СССР, Л., 1928, стр. 390—393.

Владиславлев, И. В. Литература великого десятилетия (1917—1927). Художественная литература. Критика. История литературы, литературная теория и методология. Т. I. ГИЗ. М.—Л., 1928, стр. 220—222.

Войтоловский, Л. Н. Очерки истории русской литературы XIX и XX в. Ч. I. Пушкин—Достоевский. Изд. 3-е, исправл. ГИЗ. М.—Л., 1928, стр. 212—221 — М. Е. Салтыков-Щедрин.

[1-е изд. 1926 г., 2-е изд. 1927 г.]

Гаршин, В. М. Рассказы. Редакция, введение и комментарии Ю. Г. Оксмана. ГИЗ. М.—Л., 1928. (Русские и мировые классики), стр. 341—343, 351.

[Письмо-записка Салтыкова к Гаршину от 21 ноября 1878 г.]

«Головлевы» на экране. «Ч. и п.», М., 1928, 11 февраля, № 4—5, стр. 8.

[Сообщение о совещаниях в Межрабпом-Русь по вопросу об инсценировке романа Салтыкова для экрана.]

Горбачев, Г. Е. Капитализм и русская литература. Историко - литературные и критические статьи. Изд. 2-е, испр. и дополн. ГИЗ. М.—Л., 1928, стр. 4, 47, 68—69.

Горький, М. О грамотности. «Ч. и п.», М., 1928, 17 марта, № 11, стр. 1—2.

[Салтыков — редактор, воспитывающий писателя.]

Гоц, М. Р. Московская центральная группа партии «Народная воля» (1883—1885 гг.). Отрывки из неизданной автобиографии. В кн.: Народовольцы после 1-го марта 1881 года. Сборник статей и материалов. Составл. участн. народов. движения, под ред. А. В. Якимовой-Диковской, М. Ф. Фроленко, И. И. Попова, Н. И. Ракитникова и Леоновича - Ангарского, М., 1928 (Труды Кружка народовольцев при О-ве политкаторжан и ссыльно-поселенцев, т. I).

[Стр. 99: Воспомин. народовольца о впечатлении от закрытия «Отеч. записок» и значении этого журнала и деятельности Салтыкова для «прогрессивного» общества.]

Гроссман, Л. Салтыков. В кн.: Гроссман, Л. Собрание сочинений. Т. IV, М., 1928, стр. 105—147.

[Статьи: 1) «Салтыков - сказочник». 2) «Россия Салтыкова».]

Гроссман - Рощин, И. На грани двух миров. К характеристике творчества Салтыкова-Щедрина В кн.: Гроссман-Рощин, И. — Художник и эпоха. ГИЗ, М.—Л., 1928 (Критическая библиотека «На литературном посту»), стр. 13—46.

Зо, Г. Н. Г. Чернышевский в Астрахани, газ. «Коммунист», Астрахань, 1928, от 24 июля № 170, стр. 1.

[Отзыв Чернышевского о Салтыкове.]

Иванов - Разумник, Р. (Примечания и комментарии). В кн.: Салтыков, М. Е. (Щедрин) — Сочинения, т. VI. Текст под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. Примечания и комментарии Иванова-Разумника. ГИЗ. М.—Л., 1928, стр. 435—446.

Ковалевский, П. М. — Встречи на жизненном пути. В кн.: Григорович, Д. В.— Литературные воспоминания. С приложением полного текста воспоминаний П. М. Ковалевского. Вводная статья, редакция и примечания В. Л. Комаровича. Изд. «Academia», Л., 1928, стр. 421, 438—441 и др. (по указателю)

Козьмин, Б. «Раскол в нигилистах». (Эпизод из истории русской общественной мысли 60-х годов). «Л. и м.», М., 1928, кн. 2, стр. 51—107.

[Выпад Салтыкова против Чернышевского и других сотрудников «Русского слова» и полемика, возникшая в связи с этим между «Русск. словом» и «Современником».]

Мазинг, Б. «Господа Головлевы» в Комедии. «Рабочий и театр», Л., 1928, № 17 (188), стр. 10.

[Мандельштам, Р. С.] Художественная литература в оценке русской марксистской критики. Библиографический указатель. Сост. Р. С. Мандельштам. Ред. Н. К. Пиксанова. Изд. 4-е, переработ. ГИЗ. М.—Л., 1928, 223 стр. (Гос. Акад. худож. наук. Библиографич. отдел).

[См. по указателю.] 1-е изд. 1921 г., 2-е изд. 1923 г., 3-е изд. 1925 г.

Нерадов, Г. Переоценка классиков. (В порядке обсуждения). «Ч. и п.», М., 1928, 1 февраля, № 3, стр. 2.

[Салтыков в наше время.]

Новый «Иудушка». «Ч. и п.», М., 1928, 1 апреля, № 14, стр. 6.

[Корреспонденция из Ленинграда о предполагаемой постановке в театре «Комедия» инсценировки Б. Папаригопуло «Господа Головлевы».]

Нужна пролетарская сатира. Наша сатира беззуба [по сравнению с сатирой Щедрина и других классиков]. Литература должна подхватить лозунг самокритики. Даешь пролетарского Щедрина! «Ч. и п.», М., 1928, № 25, стр. 3.

[По письмам читателей.]

Ольминский, М. Как не следует комментировать классиков. «На л. п.», М., 1929, № 19, стр. 37—39.

Ольминский, М. Щедринский словарь. «На л. п.», М., 1928, № 7, стр. 77—78.

Осипов, Б. Руководство читательскими интересами. «Ч. и п.», М., 1928, 25 февраля, № 7—8, стр. 6.

[Трудность проникновения в гущу рабочих-читателей книг Салтыкова.]

Папаригопуло, Б. «Головлевы» в Комедии. Что говорит автор. «Рабочий и театр», Л., 1928, № 15 (186), стр. 9.

Письма Толстого и к Толстому. Юбилейный сборник. ГИЗ. М.—Л., 1928 (Труды Публичной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина).

[См. предисловие и комментарии Л. Бухгейма к письмам М. Е. Салтыкова к Л. Н. Толстому, стр. 249—258.]

Скабичевский, А. М. Литературные воспоминания. Ред., вступ. статья и примеч. Б. Козьмина. Изд. «Земля и фабрика». М.—Л., 1928, стр. 209, 261—262, 296—297, 320, 324, 333.

Яковлев, Н. Салтыков - Щедрин. (1826—1889).— «Ком. ун-т на дому». 2-е перераб. изд. «Прибой». Л., 1928, № 4, стр. 143—151.

1929

Анатолиев, П. К истории закрытия журнала «Отечественные записки». «К. и сс.», М., 1929, № 8—9 (57—58), стр. 169—202.

Андреевич, Г. О Салтыкове-Щедрине. 26 апреля 1889 г.— 26 апреля 1929 г. «Просв. Сиб.», Новосибирск, 1929, апрель, № 4 (62), стр. 73—76.

Бельчиков, Н. (сообщ.). Письма И. С. Тургенева к П. В. Анненкову. «Кр. арх.», М., 1929, т. I (32), стр. 192—193, 204.

[Отзыв Тургенева о «Современной идиллии» Салтыкова.]

Боборыкин, П. Д. За полвека. (Мои воспоминания). Редакция, предисловие и примечания Б. П. Козьмина. ЗИФ. М.—Л., 1929 (Литературные памятники и мемуары), стр. 150—151, 206, 268, 271 и др. (см. по указателю).

Борщевский, С. Проблема щедринской сатиры (К сорокалетию со дня смерти). М., «На л. п.», 1929, № 9, стр. 4—10.

Вальбе, Бэр. М. Е. Салтыков-Щедрин. (К 40-летию со дня смерти). «Ж. иск.», Л., 1929, № 20, стр 11.

Вершинский, А. Н. Салтыковская вотчина в XIX в. (Этюд по истории крепостного хозяйства). «Изв. твер. пед. ин-та», вып. V, Тверь, 1929, стр. 3—37.

Гиппиус, Вас. М. Е. Салтыков-Щедрин и реакция начала 80-х годов. (По неизданным материалам). В. кн.: Сборник общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете. Вып. III, Пермь, 1929, стр. 194—218.

Гиппиус, Вас. Салтыков — сотрудник «Искры». «Уч. зап. Перм. гос. ун-та» (вып. I), Пермь, 1929, стр. 43—66.

Гиппиус, Вас. Сказки Салтыкова в школе. «Русск. яз. в сов. школе», 1929, № 2, стр. 59—70.

Гнедич, П. П. Книга жизни. Воспоминания. 1855—1918. Редакция и примечания В. Ф. Боцяновского. Предисловие Гайк Адонца. Изд. «Прибой», Л., 1929, стр. 122 и 292.

Голованенко, С. А. Язык Салтыкова-Щедрина. «Тр. Яр. пед.- ин-та», т. III, Ярославль, 1929, стр. 17—43.

Евгеньев-Максимов. В. М. Е. Салтыков-Щедрин и А. М. Унковский. (Статья по неизданным материалам). «Кр. пан.», Л., 1929, № 25, стр. 11—12.

Евгеньев-Максимов, В. Салтыков-Щедрин и реакционная беллетристика 60-х годов. «Звезда», Л., 1929, № 11, стр. 191—209.

Евгеньев-Максимов, В. Памяти Салтыкова-Щедрина. «Кр. г.», веч. вып., Л., 1929, 10 мая, № 114.

Евгеньев-Максимов, В. Салтыков-Щедрин и цензура. «На л. п.», М., 1929, № 9, стр. 11—14.

Ефремин, А. Мастер бичующей сатиры. (К сороковой годовщине смерти М. Е. Салтыкова). «К. пр.», М., 1929, 25 мая, № 117 (9204) стр. 3.

Ефремин, А. Щедрин — сатирик. (1889—1929). «Изв.», М., 1929, 10 мая, № 104 (3640), стр. 4.

Заславский, Д. Учитель великой ненависти. «Пр.», М., 1929, 12 мая.

Истомин, К. К. «Губернские очерки» Щедрина. Стилистические наблюдения. «Изв. по рус. яз. и слов.», Л., 1929, т. II, кн. 2, стр. 457—492.

Кубиков, И. Чехов как продолжатель Салтыкова и Глеба Успенского. «Русский язык в советской школе». М., 1929, № 4, стр. 25—34.

Лаврецкий, А. Великий сатирик — чуткий художник. К 40-летию со дня смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Лит. г.», М., 1929, 13 мая, № 4, стр. 1.

Лаврецкий, Вл. М. Е. Салтыков. (Пояснительная статья к роману «Господа Головлевы»). В кн.: М. Е. Салтыков (Н. Щедрин) — Господа Головлевы. Редакция, примечания и поясн. статья Вл. Лаврецкого. ГИЗ. М.— Л., 1929 (Дешевая библиотека классиков. Школьная серия), стр. 519—559.

Мацуев, Н. И. Художественная литература и критика русская и переводная. 1926—1928. Библиографический указатель. С предисл. Н. К. Пиксанова. Изд. Книжно-библиотечных работников. М., 1929, стр. 124—125.

Николаевский. Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. (Материалы для изучения их отношения к России). В кн.: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Под ред. Д. Рязанова. Кн. IV. ГИЗ, М.— Л., 1929 (Институт К. Маркса и Ф. Энгельса), стр. 369, 372, 391—393.

Ольминский, М. Щедрин и Ленин. «На л. п.», М., 1929, № 14, стр. 18—23, № 17, стр. 22—23.

Панаева, А. Воспоминания. 1824—1870. Исправл. под ред. и с примеч. К. Чуковского. 3-е изд. «Academia», Л., 1929, стр. 476, 494—498.

Пенчковский, Н. Новое о Салтыкове. «Звезда», Л., 1929, № 7, стр. 182—184.

[Варианты «Истории одного города».]

Сакулин, П. Н. Русская литература. Социолого-синтетический обзор литературных стилей. Ч. 2. Новая литература, М., 1929 (Гос. Акад. худож. наук. Теория и история искусств. Вып. XII), стр. 224, 281, 525, 546.

[Салтыков, К.] М. Е. Салтыков-Щедрин. Воспоминания К. Салтыкова. В кн.: Литературно-художественный сборник «Красной панорамы», Л., 1929, июль, стр. 38—41.

М. Е. Салтыков. Изд-во «Никитинские субботники», М., 1929 (Биб-ка писателей для школы и юношества, под ред. Е. Ф. Никитиной. III серия. Классики в марксистском освещении).

[Статьи: Е. Соловьева (Андреевич), П. Лебедева-Полянского, В. Евгеньева-Максимова, М. Неведомского, Л. Войтоловского, М. Ольминского, В. Кранихфельда.]

Троицкий, Л. С. Рассказы М. Е. Салтыкова о крепостном праве. [Пояснительная статья]. В кн.: М. Е. Салтыков-Щедрин.— Миша и Ваня. Мавруша-Новоторка. Пояснит. статья и примеч. Л. С. Троицкого. ГИЗ. М.— Л., 1929, стр. 47—62.

[Феоктистов, Е. М.] Воспоминания Е. М. Феоктистова. За кулисами политики и литературы. 1848—1896. Ред. и примеч. Ю. Г. Оксмана. Вводные статьи А. Е. Преснякова и Ю. Г. Оксмана. Изд. «Прибой», Л., 1929, стр. 26—27 и др. (по указателю).

Эйхенбаум, Б. Мой временник. Словесность. Наука. Критика. Смесь. Изд-во писателей в Ленинграде. Л., 1929, стр. 73—77, 102.

[Статья: Литература и читатели.]

Яковлев, Н. Петрашевцы в изображении Салтыкова. «Звезда», Л., 1929, № 8, стр. 209—214.

1930

Берлинер, Г. Н. Г. Чернышевский и его литературные враги. Под ред. Л. Б. Каменева. ГИЗ. М.—Л., 1930, стр. 198—200, 214.

[Выступления Салтыкова против «Что делать?» Чернышевского и возникшая в связи с этим полемика между «Русским словом» и «Современником».]

Венгерова, З. Из записок современницы. «Звезда». М., 1930, № 9—10, стр. 290—292.

[Воспоминания о посещении студенческой делегацией больного М. Е. Салтыкова.]

Виноградов, В. В. О художественной прозе. ГИЗ. М.—Л., 1930, гл. IV, стр. 171—188.

[Беседа Салтыкова-Щедрина о «деле» Кронеберга и Спасовича.]

Григорьев, Ап. Воспоминания. Редакция и комментарии Иванова-Разумника. Изд. «Academia», М.—Л., 1930, стр. 446, 544.

[Салтыков в оценке Н. Страхова и К. Леонтьева.]

Евгеньев-Максимов, В. Е. К характеристике журнальной деятельности М. Е. Салтыкова-Щедрина. В кн.: Евгеньев-Максимов, В. и Максимов, Д. — Из прошлого русской журналистики. Статьи и материалы. Изд-во писателей в Ленинграде. Л., 1930, стр. 9—82.

Евгеньев-Максимов, В. Н. А. Некрасов и его современники. Очерки. Изд. «Федерация», М., 1930, стр. 236—272 и др.

[Некрасов и Салтыков-Щедрин.]

Жуковская, Е. И. Записки. Брак по принципу. Знаменская Коммуна. Плещеев, Некрасов, Салтыков-Щедрин. Ред. и предисл. К. Чуковского. Изд-во писателей в Ленинграде, Л., 1930, 256 стр.

Зильберштейн, И. Предисловие. В кн.: Салтыков-Щедрин, М. Е.— Несобранные произведения. Изд-во «Огонек», М., 1930, 51 стр. (Б-ка «Огонек», № 553).

[Стр. 3—6.]

Зильберштейн, И. Некоторые вопросы биографии молодого Ленина. I. Хронология и содержание переписки Ленина с Н. Е. Федосеевым. «К. и сс.», 1930, № 1, стр. 11, 12, 22.

[О главе из работы Н. Е. Федосеева, рассматривавшей заключительный период крепостного хозяйства по «Пошехонской старине».]

Иванов-Разумник, Р. М. Е. Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество, ч. I, 1825—1868. Изд-во «Федерация», М., 1930, 381 стр.

Рец.: Гиппиус. Вас. «К. и сс.»; М., 1930, кн. 7 (68), стр. 195—199; Архангельский, В. «П. и р.», М., 1930, кн. 4, стр. 89—90; Векслер, И.—Тупики идеалистической методологии. «Р. яз. в с. шк.», М., 1930, вып. 6, стр. 159—164.

[Иссерлинг, Е. М. и Хмельницкая, Т. Ю.] — Н. А. Некрасов в воспоминаниях и документах. Составили Е. М. Иссерлинг и Т. Ю. Хмельницкая, под ред. Ю. Г. Оксмана. Изд. «Academia», Л., 1930.

[См. по указателю.]

Казаковский, Л. И. Сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина. В кн.: Салтыков, М. Е. (Щедрин) — Сказки. С послесловием А. И. Казаковского. ГИЗ. М.— Л., 1930, 62 стр. (Дешевая биб-ка классиков. Школьная серия).

[Стр. 51—62.]

[Клеман, М. К.] И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. Собрал и комментировал М. К. Клеман. Ред. и введ. Н. К. Пиксанова. Изд. «Academia», М.— Л., 1930, стр. XX, 119—120, 192, 206, 212, 307.

[Салтыков в воспоминаниях Г. Лопатина, С. Кривенко и В. Гинтовта-Дзевалтовского. Тургенев и Щедрин.]

Кубиков, И. Н. Классики русской литературы. Пушкин, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Некрасов, Л. Толстой, Салтыков-Щедрин, Гл. Успенский, Островский, Чехов и М. Горький. Лекции, читанные в Воскресном университете I МГУ. Изд-во I Моск. гос. ун-та, М., 1930, 295 стр.

Кузьмин, Дм. Народовольческая журналистика. Послесловие В. Фигнер. Изд-во Политкаторжан. М., 1930, стр. 151, 153, 198.

Мендельсон, Н. М. Биографический очерк. В кн.: Салтыков, М. Е.—Сказки. Ред. и комментарии Н. К. Пиксанова. Изд. 2-е, переработ. ГИЗ. М.— Л., 1930 (Русские и мировые классики под общ. ред. А. В. Луначарского и Н. К. Пиксанова), стр. 267—275.

[Отрывок из книги Н. М. Мендельсона— М. Е. Салтыков-Щедрин. ГИЗ. М.— Л., 1925.]

Некрасов, Н. А. Письма 1840—1877. Под ред. В. Е. Евгеньева-Максимова. ГИЗ, М.—Л. (Собрание сочинений под ред. В. Е. Евгеньева-Максимова и К. Чуковского, т. V), стр. 454—481.

Николай-он [Н. Даниельсон]. Письмо Карлу Марксу от 16—28 января 1873 г. «Летопись марксизма», М., 1930, 11/XII, стр. 56—57.

[Отзыв о Салтыкове при посылке Марксу экземпляра «Дневника провинциала».]

Ольминский, М. Статьи о Щедрине, 1906—1929 гг. ГИЗ. М.—Л., 1930.

Рец.: «Октябрь», 1930, кн. 7, стр. 221—222.

[Стр. 3—40: Революционная мысль после отмены крепостного права. (Вместо предисловия); стр. 41—58: Щедрин и Ленин: стр. 59—93: Н. Щедрин-Салтыков; стр. 94—155: Социалист-утопист в оценке современников; стр. 156—163: Как не следует комментировать Щедрина; стр. 164—192: Щедринский словарь.]

Рец.: Архангельский, В.— «П. и р.», 1930, кн. 4, стр. 89—90.

Ольминский, М. Социалист-утопист в оценке современников. В кн.: Салтыков, М. Е.—Сказки. Ред. и комментарии Н. К. Пиксанова. Изд. 2-е, переработ. ГИЗ. М.—Л., 1930 (Русские и мировые классики под общ. ред. А. В. Луначарского и Н. К. Пиксанова), стр. 276—287.

Пиксанов, Н. К. Сказки Щедрина. В кн.: Салтыков, М. Е.— Сказки. Ред. и комментарии Н. К. Пиксанова. Изд. 2-е, переработ. ГИЗ. М.— Л., 1930, 316 стр. (Русские и мировые классики под общ. ред. А. В. Луначарского и Н. К. Пиксанова).

[Стр. 1—2: От редакции серии «Русские и мировые классики», стр. 3—16: Пиксанов, Н. — Сказки Щедрина; стр. 288—289: Хронология «Сказок»; стр. 290—309: Примечания к «Сказкам»; стр. 310—313: Библиография Салтыкова.]

Рожицын, В. Предисловие. В кн.: Салтыков, М. Е. (Н. Щедрин) — «Господа Головлевы». В сокращ. обработке и с предисл. В. Рожицына. Изд-во «Безбожник», М., 1930, 105 стр. (Центр. совет союза воинств. безбожников. Художеств. антирелигиозная библиотека) [стр. 3—18.]

[Салтыков М. Е.]. Автобиография Салтыкова. Письмо М. Е. Салтыкова и С. А. Венгерову от 28/IV 1887 г. В кн.: Салтыков, М. Е.— Сказки. Ред. и комментарии Н. К. Пиксанова. Изд. 2-е, переработ. ГИЗ. М.— Л., 1930 (Русские и мировые классики под общ. ред. А. В. Луначарского и Н. К. Пиксанова), стр. 265—266.

Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы 1847—1881. Изд. «Academia», М.— Л., 1930.

[См. по указателю.]

1931

Борщевский, С. Предисловие. В кн.: М. Е. Салтыков-Щедрин. Неизвестные страницы. Редакция, предисловие и комментарии С. Борщевского. Изд. «Academia» М.—Л., 1931, стр. 5—17 и Комментарий— стр. 475—560.

Рец.: Заславский, Д. — «Кн. и прол. революц.», М., 1932, № 4—5, стр. 154—157.

Бродский-Краснов, М. и Друзин, В. Краткий очерк истории русской литературы XIX и XX вв. ОГИЗ РСФСР. Нижневолжское краевое изд-во. Саратов, 1931, стр. 47—49.

Бухштаб, Б. После выстрела Каракозова. «К. и сс.», М., 1931, № 5, стр. 5—88.

[Донос подпоручика Глобы на Салтыкова.]

Глаголев, Н. К критике историко-культурной школы. Сб. «Русский язык в советской школе», кн. 4, М., 1931, стр. 3—19.

[О книге А. Пыпина «М. Е. Салтыков».]

Горький, М. Беседы о ремесле, «Лит. учеба», Л., 1931, № 7, стр. 151.

[М. Горький о Салтыкове.]

Ефремин, А. Гениальный сатирик Щедрин-Салтыков. В кн.: М. Е. Салтыков (Щедрин)—Собрание сочинений. Кн. I. Комментарий А. Ефремина. ГИХЛ. М.—Л., 1931, стр. 1—27.

[Творчество Салтыкова в 70—80-х годах.]

Заславский, Д. О живом Салтыкове. «Лит. н.», кн. I, М., 1931, стр. 185—190.

[Предисловие к произведениям М. Е. Салтыкова: «Из переписки Николая I с Поль де Коком» и «Испорченные дети».]

Заславский, Д. Иуда, который не удавился. «Звезда», Л., 1931, № 2, стр. 173—194.

[Образ и тема предателя в творчестве Салтыкова.]

Иванов-Разумник. Предисловие и примечания. В. кн.: Неизданный Щедрин. Предисл. и примеч. Иванова-Разумника. Изд-во писателей в Ленинграде, Л. (1931), 327 стр.

[Стр. 5—11: предисловие; стр. 305—327: примечания.]

Крути, И. Салтыков-Щедрин на сцене. «Тень освободителя» в МХТ II. «Советское Искусство», М., 1931, № 26 (98), стр. 2.

Лаврецкий, А. Щедрин, Н. В кн.: Малая советская энциклопедия, т. X, М., 1931, стлб. 119—122.

Лаврецкий, А. Достоевский и Щедрин. «На л. п.», М., 1931, № 24, стр. 39—42.

Литовский, О. Классики на советской сцене. «Кр. нива», М., 1931, № 16, стр. 18—19.

[О постановке «Тень освободителя» во МХАТ 2.]

Луначарский, А. Щедриниана на сцене МХАТ 2. «Лит. г.», М., 1931, 20 мая, № 27 (126), стр. 4.

[О постановке пьесы Сухотина «Тень освободителя».]

Макашин, С. Комментарий [к произведению Салтыкова-Щедрина «Испорченные дети»]. «Лит. н.», кн. I, М., 1931, стр. 224—230.

Назаренко, Я. А. История русской литературы XIX века. 9-е дополн. и испр. изд. ГИХЛ. М.—Л., 1931, стр. 275—291. [1-е изд. 1925 г., 2-е и 3-е изд. 1926 г., 4-е, 5-е, 6-е изд. 1927 г., 7-е изд. 1928 г., 8-е изд. 1929 г.]

Осинский, Н. Об Н. Щедрине, изложенном П. Сухотиным. («Тень освободителя» в постановке второго МХТ). «Изв.», М., 1931, 21 мая, № 138 (4345), стр. 2.

[Отзыв о сводной инсценировке «Господ Головлевых» и «Помпадуров и помпадурш».]

Ревякин, А. Островский и его современники. Островский в воспоминаниях современников. Библиография. Внутреннее описание. Изд. «Academia», М.—Л., 1931.

[См. по указателю.]

Русанов, Н. С. На родине 1859—1882. Изд. политкаторжан, М., 1931, стр. 230—231 и др.

[Отзыв Салтыкова о «Русском Богатстве».]

М. Е. Салтыков-Щедрин. Изд-во «Никитинские субботники», М., 1931 (Б-ка писателей для школ и юношества под ред. Е. Ф. Никитиной. III серия. Классики в марксистском освещении).

[Стр. 3—4: От редакции; стр. 5—8: Хронологическая таблица жизни и творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина; стр. 11—33: Е. Соловьев (Андреевич) — М. Е. Салтыков-Щедрин (1826—1889); стр. 39—53: П. И. Лебедев-Полянский — Салтыков в своих письмах; стр. 57—68: В. Е. Евгеньев-Максимов — В тисках реакции; стр. 71—73; М. П. Неведомский — Народник ли Салтыков-Щедрин?; стр. 77—90: Л. Войтоловский — М. Е. Салтыков (Н. Щедрин); стр. 169—212: М. Ольминский — Н. Щедрин-Салтыков (1. Пролетариат в описании Щедрина. 2. Деревенская буржуазия и крестьяне. 3. Социалист-утопист в оценке современников. 4. Щедрин и Ленин); стр. 215—231: В. Данилов — «Пошехонская старина» М. Е. Салтыкова и социальная идеология автора; стр. 232—261—Библиографический указатель: I. Произведения Салтыкова-Щедрина. II. Биографические сведения о М. Е. Салтыкове-Щедрине. III. Марксистская критика о творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина.]

Троицкий, Л. С. Рассказы М. Е. Салтыкова о крепостном праве (Пояснительная статья). В кн.: М. Е. Салтыков-Щедрин — Миша и Ваня. Мавруша-Новоторка. Изд. 2-е. ГИХЛ. М.—Л., 1931, стр. 47—60.

Утевский, Л. С. Жизнь Гончарова. Изд-во «Федерация», М., 1931. 266 стр.

[См. по указателю.]

Шевченко, Т. Г. Дневник. Предисловие А. Старгакова, ред., вступ. статья и примеч. С. П. Шестерикова. Изд. «Academia», М.—Л., 1931, 437 стр.

[См. по указателю.]

Эйгес, И. К вопросу об эволюции басни как жанра. «Р. яз. в с. шк.», М., 1931, № 1, стр. 19—29.

[О «сказках» Щедрина.]

Эйхенбаум, Б. Лев Толстой. Кн. вторая. 60-е годы. ГИХЛ. М.—Л., 1931, стр. 5—9.

[Салтыков в переписке Л. Толстого с Боткиным. Об очерке Салтыкова «Литераторы-обыватели».]

Эльсберг, Ж. Салтыков-Щедрин, Достоевский и Глеб Успенский об уроках Парижской коммуны. «На л. п.», М., 1931, № 3, стр. 17—22.

[В приложении, статья Салтыкова — «Итоги».]

Яковлев, Н. Из прошлого. Неизданный рассказ М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Приятное семейство». (К вопросу о «Благонамеренных речах»). «Н. м.», М., 1931, кн. VII, стр. 184—185.

Яковлев, Н. Комментарии (к произведению М. Е. Салтыкова «Из переписки Николая I с Поль де Коком»). «Лит. н.», кн. I, М., 1931, стр. 192—194.

Яковлев Н. В. Предисловие. В кн.: М. Е. Салтыков-Щедрин — Избранные сказки. Предисл. и примеч. Н. В. Яковлева. ОГИЗ. «Молодая гвардия», М.— Л., 1931.

[Стр. 3—8: Предисловие; стр. 94—95: Что читать по Салтыкову.]

Яковлев, Н. Предисловие. В кн.: М. Е. Салтыков-Щедрин. История одного города ОГИЗ. «Молодая гвардия», М.—Л., 1931, стр. 3—8.

Яковлев, Н. Предисловие. В кн.: М. Е. Салтыков (Щедрин). История одного города (сокращенное издание). Гос. изд. М., 1931, стр. 3—14.

Яковлев, Н. (Комментарий к статье Салтыкова: «Итоги», гл. V). В кн.: М. Е. Салтыков-Щедрин. Неизвестные страницы. Редакция, предисловие и комментарий С. Борщевского. Изд. «Academia», М.—Л., 1931.

1932

Бескина, А. Салтыков-Щедрин. «Лен. пр.», Л., 1932, 23 мая, № 120 (5197), стр. 2.

Десницкий, А. Сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Лит. Учеба», Л., 1932, № 9—10, стр. 3—20.

Жуковская, Е. И. Из записок шестидесятницы. В кн.: «Звенья», сб. I, М., 1932, стр. 345, 352, 372.

Заславский, Д. О Салтыкове. «Пр.», М., 1932, 30 апр., № 120, стр. 5.

Кикодзе, П. За большевистский художественный метод. Гос. изд. Грузии. Тифлис, 1932, стр. 164—173.

Макашин, С. Судьба литературного наследства М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Лит. н.», кн. III, М., 1932, стр. 281—308.

[Обзор изданий и публикаций литературного наследства Салтыкова-Щедрина.]

Макашин, С. Щедрин о назначении своей сатиры. Забытое письмо Салтыкова. «Лит. газ.», М., 1932, № 30 (199), стр. 3.

Неизданные письма Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова [М. Е. Салтыкова] и др. из архива А. Н. Островского. По материалам Гос. театрального музея им. А. А. Бахрушина. Приготовили к печати М. Д. Прыгунов, Ю. А. Бахрушин и Н. Л. Бродский. Изд. «Academia», М.—Л. 1932, стр. 283—284, 310—311, 379, 505—534.

Новое собрание сочинений Салтыкова-Щедрина. «Лит. г.», М., 1932, 5 июня, № 30 (199), стр. 3.

О Щедрине. «Лит. г.», М., 1932, № 30, стр. 3.

Ольминский, М. По литературным вопросам. Сб. статей. Гос. изд. художеств. литературы. М.— Л., 1932, стр. 60—79.

Салтыков-Щедрин, М. Е. Неизданные письма (1844—1882). Редакция Н. В. Яковлева. Подготовили к печати Н. В. Дубов и Е. М. Макарова. Изд. «Academia» М.—Л., 1932, 436 стр. (Памятники литературного и общественного быта... Труды ИРЛИ АН СССР).

[Стр. 7—15: Яковлев, Н. — Предисловие; стр. 335—412: Примечания; I, стр. 415—417.—Письмо Э. Ожешко к М. Е. Салтыкову. Гродно, 31/X 1882 г.; II, стр. 418—419.— Отношение Н. Середы к В. К. Плеве (по поводу «Сказок» Салтыкова); III, стр. 420—422: Список запрещенных цензурой произведений Салтыкова, напечатанных в подпольных изданиях и за границей; IV, стр. 423—424: Дополнения и исправления к книге: М. Е. Салтыков-Щедрин — Письма (1845—1889). 1924 г.; стр. 425—426.

Рец.: 1) Заславский, Д.—Драма одиночества. «Лит. г.», М., 1932, № 30 (199), стр. 3. 2) Клеман, М.— «Звезда», Л., 1932, № 7, стр. 191—193. 3) Борисов, М.— «Кн. строит. социал.» (Худож. Лит-ра), М., 1932, № 15, стр. 23—37.

Салтыков-Щедрин, М. Е.— Сказки. Комментарий Е. Макаровой и Е. Дубова. ГИХЛ. Л.— М., 1932, 382 стр. (Дешевая б-ка классиков. Школьная серия).

[Стр. 309—317: Б. А. Примечания, 318—363: Комментарий к отдельным сказкам; стр. 365—380: Словарь; стр. 381 — 382: М. Е. Салтыков-Щедрин. Основные даты жизни и творчества.]

Рец.: Борисов. М.—«Кн. стр. соц.» (Худ. лит-ра), М., 1932, № 21, стр. 14.

Сухотин, П. С. По Щедрину. Тень освободителя. В четырех актах. 39 эпизодов. ГИХЛ, М.—Л., 1932, 91 стр.

Троицкий, Л. Рассказы М. Е. Салтыкова о крепостном праве. В кн.: М. Е. Салтыков — Миша и Ваня. Мавруша-Новоторка. Изд. 3-е, ГИХЛ, М.— Л., 1932 (Дешевая биб-ка классиков. Школьная серия), стр. 30—36.

Эльсберг, Я. Из высказываний [Салтыкова] о художественной литературе. «Лит. г.», М., 1932, № 30 (199), стр. 3.

Эссен, М. Читайте и изучайте Щедрина. «К. пр.», 1932, 4 августа, № 179 (2260), стр. 3.

[Яковлев, Н.] М. Е. Салтыков. Глава. Вступление Н. Яковлева. В кн. «Звенья», сб. 1. Л.—М., 1932, стр. 167.

1933

Бутенко, Ф. М. Е. Салтыков о реализме. «Звезда», Л., 1933, кн. VIII, стр. 166—176.

Десницкий, В. На литературные темы. ГИХЛ, Л.— М., 1933, стр. 294—306: Наш долг. [По поводу книги Р. В. Иванова-Разумника: «М. Е. Салтыков-Щедрин. Жизнь и Творчество». М., 1930].

Журбина, Е. Социальный смысл борьбы вокруг «обличительной» литературы 60-х годов. Глава из книги — «Обличительство 60-х годов и Салтыков-Щедрин».— «Литературный критик», М., 1933, № 3, стр. 14—41.

Козьмин, Б. П. От девятнадцатого февраля к первому марта. Очерки по истории народничества. Изд. Политкаторжан, М., 1933, стр. 39—50.

[Литературная деятельность М. Е. Салтыкова в «Современнике».]

М.-В. Восстановить комнаты Салтыкова-Щедрина.— «Кр. г.», веч. вып., Л., 1933, 27 сент., № 223 стр. 4.

Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин об искусстве и литературе (Библиографический указатель.) — «Книга и пролетарская революция». М., 1933, № 8, стр. 106—107.

Мацуев, Н. Художественная литература в оценке периодической печати. «Литературный критик», М., 1933, кн. 5, стр. 163.

Муравьев, Вл. Реализм в творчестве Салтыкова-Щедрина («Сказки»). «Наступление». Смоленск, 1933, № 7—8, стр. 53—62.

Новые материалы о Салтыкове-Щедрине. «Пр.», М., 1933, 7 января, № 7 (5533).

[Из дел б. казенной палаты в Пензе за 1865—1866 гг.]

Ольминский, М. В дискуссионном порядке о Салтыкове-Щедрине. «Лит. г.», М., 1933, 5 января, № 1, стр. 1.

Пиксанов, Н. К. Сказки Салтыкова. В кн.: Н. Пиксанов.— О классиках. Сборник статей. Моск. т-во писателей, М., 1933, стр. 179—202, 406—408.

Розенталь. С. Щедрин по-эстетски («Город Глупов» А. Глобы — Театр сатиры). «Пр.», М., 1933, 4 января, № 4 (5530), стр. 5.

[Рецензия.]

Слепцова, М. Штурманы грядущей бури. (Из воспоминаний). В кн. «Звенья», сб. 2, М. — Л., 1933, стр. 400—401.

Спиридонов, В. С. — Л. Н. Толстой. Био-библиография. Том первый. 1845—1870. «Academia». М.—Л., 1933.

См. по указ. имен.

Сталин, И. Вопросы ленинизма. Изд. 9-е, доп. Партиздат, Л., 1933, стр. 582, 602.

Т. Н. Жизнь и творчество Салтыкова-Щедрина. «Кр. г.», веч. вып., Л., 1933, 7 января, № 6 (3284), стр. 3.

[Об открытии выставки в Гос. Публичн. б-ке, посвященной Салтыкову.]

Шестидесятые годы. М. А. Антонович. Воспоминания. Г. З. Елисеев. Воспоминания. Вступ. статьи и ред. В. Евгеньева-Максимова и Г. Ф. Тизенгаузена. Изд. «Academia.». М.—Л., 1933, 578 стр.

См. по указателю личных имен.

УКАЗАТЕЛЬ

сокращений в названиях журналов и газет

«Арх. — «Архангельск».

«Бат. в.» — «Батумский вестник».

«Бед.» — «Беднота».

«Бирж. вед.» — «Биржевые ведомости».

«Б. кл.» — «Борьба классов».

«Б. мол.» — «Большевистский молодняк».

«Бр. раб.» — «Брянский рабочий».

«Бюл. лит. и ж.» — «Бюллетени литературы и жизни».

«В. восп.» — «Вестник воспитания».

«В. Е.» — «Вестник Европы».

«Веч. вр.» — «Вечернее время».

«Веч. г.» — «Вечерняя газета».

«Веч. М.» — «Вечерняя Москва».

«В. зн.»— «Вестник знания».

«Вил. к.» — «Виленский курьер. Наша копейка».

«В. кн.» — «Вестник книги».

«В.-К. р.» — «Волжско-Камская речь».

«В. лит.» — «Вестник литературы».

«В. Мат.» — «Воинствующий материалист».

«Вокр. св.» — «Вокруг света».

«Волж. сл.» — «Волжское слово».

«Вор. к.» — «Воронежская коммуна».

«В. просв.» — «Вестник просвещения».

«Всем. в.» — «Всемирный вестник».

«Всем. н.» — «Всемирная новь».

«Всем. п.» — «Всемирная панорама».

«В. ун-т» — «Вольный университет».

«Вят. пр.» — «Вятская правда».

«Вят. р.» — «Вятская речь».

«Газ.-коп.» — «Газета-копейка».

«Г. М-вы» — «Голос Москвы».

«Г. мин.» — «Голос минувшего».

«Г. Приур.» — «Голос Приуралья».

«Гр.» — «Гражданин».

«Г. Сам.» — «Голос Самары».

«Г. Юга» — «Голос Юга».

«Дв. л.» — «Двинский листок».

«Дон. ж.» — «Донская жизнь».

«Дон. р.» — «Донская речь».

«Ж. д. вс.» — «Жизнь для всех».

«Ж. иск.» — «Жизнь искусства».

«Жур. д. вс.» — «Журнал для всех».

«Заур. кр.» — «Зауральский край».

«З. В.» — «Заря Востока».

«Изв.»—«Известия ЦИК и ВЦИК СССР».

«Изв. В.-м. ак.» — «Известия Военно-медицинской академии».

«Изв. кн. маг. т-ва Вольф» — «Известия книжных магазинов т-ва М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии».

«Изв. Од. Окружкома КП(б)У» — «Известия Одесского Окружкома КП(б)У, Окрисполкома и ОПБ».

«Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук» — «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук».

«Изв. по русск. яз. и слов.» — «Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР».

«Изв. Сар. С. Р. и К. Д.» — «Известия Саратовского совета рабочих и красноармейских депутатов».

«Изв. Твер. пед. ин-та»—«Известия Тверского педагогического института».

«Ил. вс. об.» — «Иллюстрированное всемирное обозрение».

«Инф. бюл. Л. г. о. н. о.» — «Информационный бюллетень Ленинградского губернского отдела народного образования».

«Ист. в.» — «Исторический вестник».

«Кав. коп.» — «Кавказская копейка».

«Кав. т.» — «Кавказский телеграф».

«К. и сс.» — «Каторга и ссылка».

«К. м.» — «Киевская мысль».

«К-н» — «Киевлянин».

«Кн. и р.» — «Книга и революция».

«Кол.» — «Колокол».

«Кост. ж.» — «Костромская жизнь».

«К. пр.» — «Комсомольская правда».

«Кр. арх.» — «Красный архив».

«Кр. г.» — «Красная газета».

«Кр. н.» — «Красная новь».

«Кр. нива» — «Красная нива».

«Кр. пан.» — «Красная панорама».

«Крым. в.» — «Крымский вестник».

«Куб. кр.» — «Кубанский край».

«Кур. пр.» — «Курская правда».

«К-ша» — «Книгоноша».

«Лен. пр.» — «Ленинградская правда».

«Л. и м.» — «Литература и марксизм».

«Лит. г.» — «Литературная газета».

«Лит. н.» — «Литературное наследство».

«Лнгр.» — «Ленинград».

«Мал. Од. н.» — «Маленькие Одесские новости».

«М. гв.» — «Молодая гвардия».

«М. дер.» — «Московская деревня».

«Мин. г.» — «Минувшие годы».

«Мир. б.» — «Мир божий».

«М. коп.» — «Московская копейка».

«М. л.» — «Московский листок».

«М. рать» — «Молодая рать».

«М. тр.» — «Мысль труда».

«На л. п.» — «На литературном посту».

«Нар. сл.» — «Народное слово».

«Нар. уч.» — «Народный учитель».

«Н. В.» — «Наша Волынь».

«Н. веч. г.» — «Новая вечерняя газета».

«Н. вр.» — «Новое время».

«Н. г.» — «Наша газета».

«Нед. Совр. сл.» — «Неделя Современного слова».

«Н. ж.» — «Новая жизнь».
«Н. ж. д. вс.» — «Новый журнал для всех».
«Ниж. л.» — «Нижегородский листок».
«Н. кр.» — «Наш край».
«Н. м.» — «Новый мир».
«Нов. к.» — «Новый колос».
«Нов. сат.» — «Новый сатирикон».
«Н. печ. д.» — «Наше печатное дело».
«Н. Русь» — «Новая Русь».
«Н. ст.» — «Наша старина».
«Н. у.» — «Наше утро».
«Обр.» — «Образование».
«Об. т-в» — «Обозрение театров».
«Ог.» — «Огонек».
«Од. л.» — «Одесский листок».
«Од. н.» — «Одесские новости».
«Од. п.» — «Одесская почта».
«Окт.» — «Октябрь».
«Орл. пр.» — «Орловская правда».
«От. К.» — «Отклики Кавказа».
«Пб. газ.» — «Петербургская газета»
«Пб. к.» — «Петербургский курьер».
«Пб. л.» — «Петербургский листок».
«Пгр.» — «Петроград».
«Пед. м.» — «Педагогическая мысль».
«Пенз. губ. вед.» — «Пензенские губернские ведомости».
«П. и р.» — «Печать и революция».
«Полт. в.» — «Полтавский вестник».
«П. пр.» — «Путь правды».
«Пр.» — «Правда».
«Приаз. кр.» — «Приазовский край».
«Приб. кр.» — «Прибалтийский край».
«Прид. кр.» — «Приднепровский край».
«Проб.» — «Пробуждение».
«Прож.» — «Прожектор».
«Просв.» — «Просвещение».
«Просв. Сиб.» — «Просвещение Сибири».
«Пр. путь» — «Пролетарский путь».
«Пск. н.» — «Псковский набат».
«Пути р.» — «Пути революции».
«Р. а.» — «Русский архив».
«Раб. г.» — «Рабочая газета».
«Раб. клич» — «Рабочий клич».
«Раб. кр.» — «Рабочий край».
«Р. б.» — «Русское богатство».
«Р. б-фил» — «Русский библиофил»
«Р. вед.» — «Русские ведомости».
«Р. з.» — «Русские записки».
«Р. и ж.» — «Рампа и жизнь».
«Риж. м.» — «Рижская мысль».
«Р. инв.» — «Русский инвалид».
«Р. м.» — «Русская мысль».
«Р. пр.» — «Русское прошлое».
«Р. р.» — «Русская речь».
«Р. сл.» — «Русское слово».
«Р. ст.» — «Русская старина».
«Руб.» — «Рубикон».
«Р. ф. в.» — «Русский филологический вестник».
«Р. чт.» — «Русское чтение».
«Р. шк.» — «Русская школа».
«Ряз. в.» — «Рязанский вестник».
«Р. яз. в. с. шк.» — «Русский язык в советской школе».
«Ряз. ж.» — «Рязанская жизнь».
«Сар. в.» — «Саратовский вестник».
«Сев. з.» — «Северные записки».
«С.-з. гол.» — «Северо-западный голос».
«Сиб. ж.» — «Сибирская жизнь».
«С.-к. кр.» — «Северо-Кавказский край».
«С. мир» — «Современный мир».
«Совр.» — «Современник».
«Совр. в.» — «Современные вести».
«Совр. м.» — «Современный мир».
«Совр. сл.» — «Современное слово».
«СПБ. вед.» — «С.-Петербургские ведомости».
«С. Рос.» — «Солнце России».
«Ст. и у.» — «Столица и усадьба».
«С. юг» — «Советский юг».
«Тв. кооп.» — «Тверской кооператор».
«Т. и иск.» — «Театр и искусство».
«Тифл. л.» — «Тифлисский листок».
«Т. м.» — «Тульская молва».
«Тр. Вят. уч. архив. к-сии» — «Труды Вятской ученой архивной комиссии».
«Тр. пр.» — «Трудовая правда».
«Тр. Ряз. уч. архив. к-сии» — «Труды Рязанской ученой архивной комиссии».
«Тр. Тул. губ. уч. арх. к-сии» — «Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии».
«Тр. Яр. пед. ин-та» — «Труды Ярославского педагогического института».
«Турк. к.» — «Туркестанский курьер».
«У. кр.» — «Уссурийский край».
«У. Р.» — «Утро России».
«У. С.» — «Утро Сибири».
«Уч. г.» — «Учительская газета».
«Уч. зап. Перм. гос. ун-та». — «Ученые записки Пермского государственного университета».
«Х. пр.» — «Харьковский пролетарий».
«Черн. сл.» — «Черниговское слово».
«Ч. и п.» — «Читатель и писатель».
«Шк. и ж.» — «Школа и жизнь».
«Юж. вед.» — «Южные ведомости».
«Юж. м.» — «Южная мысль».
«Ю.-з. кр.» — «Юго-западный край».

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИБЛИОГРАФИИ ПЕРЕВОДОВ СОЧИНЕНИЙ ЩЕДРИНА НА ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ И КРИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О НЕМ ЗА 1861—1933 гг.

Библиографический указатель С. Макашина

ЩЕДРИН В ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Как-то в беседе о Щедрине Л. Н. Толстой сказал: «Самая лучшая мера для литературных произведений — это переводы на иностранный язык. Щедрина пробовали переводить — ничего не выходит. Иностранный читатель читает и ничего не понимает».

Толстой не отрицал «огромного» и «здорового» таланта Щедрина, но рассматривая его с точки зрения своего миросозерцания, считал этот талант «погибшей силой», направленной не на разрешение «вечных», «общечеловеческих» проблем морально-философского порядка, а к достижению «временных» социально-политических целей, к тому же национально ограниченных. Такому таланту путь в мировую литературу был и будет закрыт — таков вывод Толстого, сделанный не столько на основании известных ему фактов малой популярности сочинений Щедрина за границей, сколько продиктованный принципиальной оценкой творчества сатирика.

Человек совсем иных взглядов и иного отношения к Щедрину — С. В. Ковалевская, хорошо знавшая не только сочинения русского сатирика, но и европейского, в частности французского, читателя, писала в 1889 г. о том, что «хотя многие произведения Щедрина переведены на французский язык, он не встретил во Франции того понимания, как Тургенев, Толстой и Достоевский». Эту «холодность иностранцев к писателю, столь высоко ценимому у себя на родине» Ковалевская считала совершенно неизбежной и объясняла ее двумя причинами: во-первых, самым жанром произведений Щедрина, слишком тесно связанных «с родной почвой», и во-вторых, «эзоповским» языком, которым был вынужден пользоваться Щедрин, писавший в железных тисках царской цензуры. Понимать этот язык мог только читатель сочувственно настроенный и соответственно подготовленный. Это мог быть только русский читатель. Единственный же путь ознакомления иностранцев с творчеством Щедрина мог заключаться, по мнению Ковалевской, в специальной обработке его сочинений при их переводе: «читая его (Щедрина.—*С. М.)* рассказы, сатиры и сказки, я не нахожу ни одного, даже среди тех, которыми я наиболее восхищаюсь, которые бы я хотела видеть переведенными на французский язык буквально. Но я была бы счастлива, если бы нашелся какой-нибудь французский писатель, понявший Щедрина так, как понимаем его мы, русские, и который взял бы на себя труд истолковать его своим соотечественникам».

Задолго до этих отзывов Толстого и Ковалевской не менее скептический взгляд на возможность усвоения щедринской сатиры на Западе высказал Анненков в одной из своих статей начала 70-х годов. «Европа еще не знакома с этим именем, — писал Анненков о Щедрине, — да вряд ли даже когда и познакомится с ним в переводах, способна будет вполне уразуметь всю сущность тех нравственных уродливостей, тех чисто национальных русских физиономий, извращенных понятий и злых страстей, которые обличаются Салтыковым».

Таково было единодушное мнение современников-соотечественников: за пределы русской литературы Щедрину выйти не дано, его творчество, оторванное от «родной почвы», тускнеет и гибнет.

Сам Щедрин повидимому в полной мере разделял такой взгляд. В мемуарном очерке П. Боборыкина «Монрепо» («Новости», 1889 г., № 154 от 7 июня) сохранилась любопытная запись мнения сатирика по вопросу о переводе его произведений на французский язык. Вот относящийся сюда текст воспоминаний:

«В числе корреспондентов,— пишет Боборышин,— проживал в Париже, довольно уже давно, один петербуржец, дававший там и уроки русского языка. У него был ученик француз, богатый светский человек, езжавший в Москву, как турист. Он перевел, под руководством своего учителя, «Сказки» Салтыкова и издал их на свой счет; а когда узнал, что автор — в Париже, доставил ему экземпляр и пожелал выразить ему лично глубокое сочувствие его таланту. Надо было видеть М. Е. — до какой степени это подношение растревожило его.

— Помилуйте,— говорил он с беспощадною суровостью к самому себе,— какой интерес могу я представлять для французской публики? ...Я — писатель семнадцатого века, на их аршин. То, против чего я всю жизнь ратую, для них не имеет даже значения курьеза. Надо это понять...

Спорить с ним было трудновато,— добавляет Боборыкин,— и он никак не хотел сойти с того тезиса, что он писатель семнадцатого века».

Нельзя отрицать, что в этом столь резком определении содержания своей сатиры для европейского читателя Щедрин был по-своему прав.

Здесь уместно быть может напомнить, что после парижского представления «Грозы» Островского в 1885 г. (отзыв же Щедрина относится к 1881—1883 гг.) самые авторитетные французские критики высказались по поводу пьесы в том смысле, что нравы, изображенные в ней, напоминают им даже не XVII, а XIV век во Франции.

Определение Щедрина дает меру той трезвости, с какой оценивал он общее значение и характер своей деятельности как сатирика. Субъективно он всегда сознавал себя писателем только своего народа и только своей эпохи. Никаких иллюзий насчет будущей литературной судьбы своей он не строил. «Писания мои,— говорил Щедрин,— до такой степени проникнуты современностию, так плотно прилаживаются к ней, что ежели и можно думать, что они будут иметь какую-нибудь ценность в будущем, то именно и единственно как иллюстрация этой современности».

Здесь нет необходимости доказывать, что пессимистические опасения сатирика в целом, в решающем не оправдались. Огромная сила художественного таланта Щедрина обеспечила активную литературную жизнь если и не всем, то многим его произведениям, в том числе и таким наиболее спаянным с современностью, как например «За рубежом», «Современная идиллия» и др. В этом отношении опыт Щедрина как писателя, всегда конкретно шедшего в уровень передовых исторических интересов своего времени и своей эпохи, лишний раз подтвердил правильность известного замечания Гете о том, что наиболее долговечными произведениями художественной литературы оказываются наиболее современные. Для темы нашего предисловия важно однако подчеркнуть здесь другое. Русская действительность, служившая натурой для щедринской сатиры, отличалась, как известно, рядом черт большого исторического своеобразия, процесс исторического развития на территории России сопровождался рядом явлений, которых не знала, по крайней мере уже в этот период, история Западной Европы. Историческое своеобразие русской действительности, воспитавшей и питавшей Щедрина как писателя, определило художественную мощь, подлинную оригинальность, идейную и социально-классовую направленность его сатиры, но оно же определило и исключительные трудности восприятия его творчества для иностранцев. К этому разумеется следует добавить исключительную оригинальность всех средств художественного выражения щедринской сатиры, не поддающихся сколько-нибудь адэкватной передаче на чужой язык. Если даже русскому читателю-современнику не всегда удавалось разбить скорлупу сатирического иносказания Щедрина, чтобы добраться до заключавшегося под ней подлинного смысла

того или иного намека, фразы или даже (как например для «Истории одного города») целого произведения, то тем меньше шансов на это было у иностранцев. Ведь для того, чтобы понять смысл той или иной сатирической фабулы нужно, пользуясь выражением Вас. Гиппиуса, обязательно ориентировать их на другие фабулы и другие фабульные элементы, восстанавливаемые в сознании автора и соответственно настроенного читателя из жизненных, а не литературных фактов. Игнорирование этого второго плана сатиры, словесно в самом произведении не выраженного, а только подразумеваемого, неизбежно искажает, если не уничтожает совсем, сатирический смысл самой фабулы и всего произведения (например сатирическая острота повествования о «клубе взволнованных лоботрясов» в «Письмах к тётеньке» не дойдет во всей своей полноте до сознания читателя если последний не сопоставит ему реально-исторических фактов из деятельности организованной в 80-х гг. пресловутой «Священной Дружной» и т. д.). Отмеченная трудность восприятия Щедрина, коренящаяся в самом существе его художественной манеры, если и не служила формальным препятствием к переводу его сочинений на иностранные языки, то во всяком случае сильно затрудняла их усвоение не только для читателя, но и для критика-специалиста. Именно действию этой причины следует в большинстве своем приписать те сатирически сниженные или совершенно искаженные интерпретации щедринских фабул, тем и образов, которые мы часто встречаем на страницах иностранной салтыковианы. Укажем например, что один немецкий критик определял «Историю одного города» как «очень забавную юмористическую историю России, начиная с XVIII века», некий же французский критик в своем предисловии к переводам избранных «Сказок» Щедрина совершенно оказался неспособным понять их подлинный смысл и интерпретировал эти ярчайшие образы политической сатиры в художественной литературе как один из видов зоологической басни, защищающей в каждом отдельном случае определенный моральный тезис. Очевидно, что эти критики читали Щедрина так сказать без конкретного реально-исторического транспаранта; они воспринимали произведение лишь в первом словесно выраженном плане, не включая в него тот второй скрытый план, о котором говорилось выше.

На основании всего вышесказанного можно бы, казалось, смело сделать вывод о полной неправомерности включения Щедрина не только в число тех русских писателей, как например Толстой и Достоевский, которые прочно вошли во все основные национальные литературы европейского Запада, оказав и оказывая на них немалое влияние, но и в категорию писателей сколько-нибудь известных иностранному читателю. Такой вывод неизменно и делался всеми без исключения писавшими о Щедрине, когда мимоходом приходилось касаться данного вопроса. Строго говоря, здесь уместнее даже говорить не о «выводе», а о прочно сложившемся мнении, казавшемся совершенно несомненным и потому не требующим никаких доказательств, никакой проверки фактами. Проделанная нами библиографическая работа, имевшая своей задачей привести в известность существующие переводы Щедрина на иностранные языки, и литература о нем на этих языках уже одними своими количественными результатами несомненно колеблют эту версию о п о л н о й н е и з в е с т н о с т и Щедрина в мировой литературе. Переводы произведений русского сатирика и литература о нем существуют, как оказывается, на 17 европейских и на японском языках. Конечно говорить на основании этих данных о популярности имени Щедрина на Западе было бы большим преувеличением, было бы просто неправильно. На такие утверждения во всяком случае нас не уполномачивает известный нам сейчас материал. Но вместе с тем нельзя сказать, чтобы в Европе совсем не знали Щедрина. Наоборот: в известные периоды им очень интересовались и продолжают интересоваться и по сей день. И потому, во-первых, что он сатирик, что он выявлял отрицательные стороны русской жизни, а минусами ее интересовались за границей всегда больше, чем плюсами, почему русские сатирические произведения и иностранные на Россию пользовались здесь всегда неизменным успехом (особенно в Англии— традиционном противнике русского самодержавия на арене международной политической борьбы); потому, во-вторых, что иностранцы, особенно немцы, сразу же оценили большую познавательную ценность сочинений Щедрина, особенно таких, как «Губернские очерки»,

«Благонамеренные речи», «Господа Головлевы», «Пошехонская старина», и по этим произведениям стремились «объективно» изучать Россию. Но наибольший быть может интерес представляет третья причина, объясняющая, почему имя Щедрина, при всей слабой своей популярности, все же довольно часто встречается в различных изданиях, а время от времени вызывало и вызывает к себе весьма острый интерес. Мы имеем в виду случаи использования сатиры Щедрина на Западе в ее прямом назначении и притом в применении к общественно-политическим явлениям не русской, а западноевропейской жизни. Щедрин, понимавший историческую прогрессивность современного ему европейского строя перед царским самодержавием, был однако всегда злобно смеющимся врагом современного ему торжествующего европейского буржуа. Либеральных иллюзий относительно прелестей европейской буржуазной демократии он не имел. Острую критику этой лжедемократии и системы парламентаризма Щедрин дал в своем цикле «За рубежом». Как известно, это произведение — единственное в наследстве сатирика, почти целиком посвященное западноевропейской тематике, точнее говоря, сатирическим описаниям политического быта и жизни бисмарковской Германии и французской «третьей республики», высмеянной Щедриным в качестве «республики без республиканцев». Появление сатиры на французском языке сопровождалось шумным успехом в Париже и хвалебными отзывами критики. Книга разошлась очень быстро и немедленно в этом же году была переиздана еще дважды. Секрет успеха раскрывается легко. Перелистав французское издание «За рубежом», озаглавленное в переводе «Berlin et Paris, voyage satirique à travers l'Europe», нетрудно убедиться, что перед нами не полный, а «выборочный» перевод. Отсутствуют не только многие «русские» главы или места, но, что важнее, все сатирические описания «третьей республики», ее вождей и французской буржуазии, с такой беспощадной едкостью высмеянной Щедриным. Зато конечно оставлено то знаменитое автобиографическое начало 4-й главы, где говорится о Франции и Париже как идеологических центрах для целого поколения русских интеллигентов 40-х годов. По поводу этих страниц французская критика много писала о «великой любви» Щедрина к Франции и французам. Полностью были разумеется оставлены в переводе также изображения Берлина и прусской военщины, данные Щедриным с нескрываемым отвращением и страстной ненавистью ко всему быту бисмарковской Германии. Контраст с «французскими впечатлениями» сатирика, в том виде, как они были оставлены в переводе, получился действительно разительный. На политическом резонансе этого контраста и спекулировали повидимому издатель и переводчик, нимало разумеется не заботясь при этом о том, что они совершенно исказили Щедрина, недвусмысленно выразившего в сатире свое резко враждебное отношение не только к «Берлину», но и к «Парижу», не только к германской конституционной монархии на основе военщины, но и к французской «республике без республиканцев» или к «республике менял». Любопытна дальнейшая судьба книги. В предисловии к третьему изданию ее сообщается, что издатель перевода, L. Westhausser, после выхода в свет второго издания решил отправить часть тиража в Германию, но вынужден был отказаться от этого намерения в виду того, что германское правительство отказалось допустить книгу для продажи в Берлине.

Любопытно отметить, что щедринскими описаниями немцев из французского перевода «За рубежом» спустя много лет воспользовался однажды в своем антигерманском выступлении Пуанкаре, как о том сообщает биограф последнего d'Ormesson.

Не менее интересен и более поздний эпизод политически-агитационного использования текста Щедрина. На этот раз щедринскими образами и сатирическими формулировками воспользовались немцы. В 1915 г. в одном из мюнхенских журналов появился «перевод» знаменитой сцены «Мальчик в штанах и мальчик без штанов». Перевод был подчищен и сокращен так, что острием своим сатира направлялась против «мальчика без штанов», т. е. против русской национальности как «низшей в моральном, государственном и экономическом отношениях». «Мальчик в штанах» — немецкая нация — был конечно на высоте положения. Переводу было предпослано соответствующее предисловие. Любопытно, что несколько раньше, а именно в конце 1914 года, эта же сцена привлекалась для антигерманской шовинистической пропаганды в России известным исследователем Щедрина меньшевиком Кранихфельдом.

Приведенные примеры (их легко умножить) показывают, что щедринская сатира и в «иноязычной» форме в ряде случаев не теряла своих активных боевых свойств, своей огромной силы, с которой, смотря по обстоятельствам, приходилось бороться как с враждебной, или которую, наоборот, выгодно было использовать как помощь в политической борьбе. Рассмотрение иностранной критической литературы о Щедрине показывает, что вокруг имени сатирика, начиная с 60-х годов, т. е. с тех пор, как его сочинения впервые стали известны на Западе (в Германии и Англии), время от времени вспыхивала борьба историко-литературная, критическая, политическая, хотя и проходившая конечно в неизмеримо более слабой форме, чем это имело место в русской критике.

Выше мы говорили преимущественно о чисто сатирических произведениях Щедрина, трудность усвоения которых на иностранной почве очевидна. Но у Щедрина есть немало вещей, понятных всем и сразу, без какой-либо особенной подготовки. К таким вещам прежде всего относятся «Господа Головлевы» и некоторые «сказки». Об этих произведениях, неоднократно переведенных на все европейские языки, можно смело сказать, что они прочно вошли в фонд мировой художественной литературы. «Господа Головлевы» и «сказки» вызвали и наибольшее количество оригинальных критических статей о Щедрине в иностранной литературе.

Тема «иноязычного» Щедрина, как уже указывалось, не только до сих пор никем не разрабатывалась, но даже самая формулировка ее могла возбудить до последнего времени лишь недоумение, до такой степени прочно была усвоена мысль о полной неусвояемости Щедрина за границей, с одной стороны, и до такой степени, с другой, отсутствовала какая бы то ни было фактическая, документальная база исследования этого вопроса, с другой. Такой базой могло явиться лишь предварительное библиографическое описание самого материала, подлежащего исследованию. Первый и поневоле несовершенный опыт такого описания нами составленного, и предлагается сейчас вниманию читателя.

Указатель, охватывающий период с 1861 по 1933 г., построен на принципе распределения материала по языкам, на которые переводились сочинения Щедрина или существует литература о нем. В пределах каждой языковой группы материал систематически разбит по отделам — I. переводы: а) отдельные издания, б) сборники, антологии, с) периодика. II. Критическая литература — и в рамках этих отделов дан в хронологически-алфавитной последовательности периодических изданий и отдельно изданных книг с подробной передачей титульного листа и аннотациями. Последние даны почти всюду в самом сжатом виде. Основная цель их дать в каждом отдельно случае точные указания на название оригинального щедринского текста, перевод которого напечатан в данной книге в сборнике или журнале (часто под измененным заглавием). При этом там, где имеет место перевод лишь одного или нескольких очерков из того или иного цикла Щедрина, а не всего цикла, наименование последнего все же приводится; оно помещается впереди названия переведенного очерка, отделяясь от него двоеточием (напр. «З а р у б е ж о м»: м а л ь ч и к в ш т а н а х и м а л ь ч и к б е з ш т а н о в).

Составителю яснее чем кому бы то ни было видны недостатки настоящего указателя, как со стороны его полноты, так и со стороны ряда других недочетов и погрешностей. Многие из них были известны составителю, но устранить их не позволили ни время, ни обстоятельства. Так например, остались неиспользованными имевшиеся указания на ряд французских, немецких, болгарских, испанских и португальских переводов сочинений Щедрина, причем для последних двух языков, эти указания касались не только журнальных переводов, но и отдельно изданных книг. Не введено в указатель также значительное количество критических статей и рецензий, относительно которых точно известно, что они существуют, но библиографически проверить которые не удалось. Далее, несмотря на тщательность проверки всего введенного в указатель материала, в нем имеется ряд неполных, недостаточных и потому библиографически не вполне точных описаний, а возможно, имеются и прямые ошибки. Эти и другие отмеченные выше недостатки указателя, в той или иной степени были, повидимому, совершенно неизбежны. Существование работы было связано с преодолением весьма значительных трудностей,

обусловленных своеобразием самого предмета библиографирования. Из огромного моря мировой разноязычной литературы, за огромный период 1860 по 1933 год нужно было «выудить» все, что так или иначе было связано с именем Щедрина. Причем, никаких подготовительных работ в этой области не существовало, если не считать небольшой и крайне недостаточной брошюры В. Лугаковского «Салтыков в польской литературе». (Изд. А. Винеке, СПБ., 1913). Составителю было ясно с самого начала, что выявить сколько-нибудь полно существующую на иностранных языках «салтыковиану» будет абсолютно невозможно, ограничив работу по разысканию и регистрации материалов только обычным методом описания de visu. Своеобразие и сложность поставленной библиографической задачи требовали для ее разрешения применения самых разнообразных способов и путей. Это и было сделано. Для того, чтобы привести в известность переводы сочинений Щедрина вышедшие отдельными изданиями, были прежде всего обследованы каталоги крупнейших библиотек Москвы и Ленинграда, а затем и доступные нам печатные каталоги некоторых старых провинциальных библиотек. Результаты этого обследования оказались более чем скромными: в библиотеках СССР переводов из Щедрина вышедших отдельными книгами было обнаружено не более чем 15—20 (большинство из них в Ленинградской публичной библиотеке и в Библиотеке Академии Наук), которые и были описаны de visu. Остальной-же материал пришлось по необходимости заимствовать из самых разнообразных справочников, библиографических источников, книжных каталогов, газетных сообщений и т. д. где указания были далеко не всегда верны.

Еще более кропотливых и длительных изысканий потребовала работа по приведению в известность переводов из Щедрина и критических статей и заметок о нем, помещенных в периодических изданиях. Список просмотренных журналов, газет и библиографических указателей к ним настолько обширен, что мы не имеем возможности привести его здесь хотя бы и в самом сокращенном виде.

Значительные результаты дало как и следовало ожидать обследование каталогов ряда крупнейших мировых книгохранилищ, произведенное путем письменных обращений к администрации и к научным сотрудникам этих учреждений.

В итоге этой корреспонденции мы имели возможность ввести в указатель сведения занесенные на карточки каталогов Библиотеки конгресса в Вашингтоне, библиотеки Британского музея в Лондоне, Национальной библиотеки в Париже и некоторых других, а также использовать много ценных указаний, извлеченных из ряда недоступных нам (частично находящихся в рукописях) библиографических указателей и добытых путем специального обследования ряда изданий, предпринятого по нашей просьбе. Без этой помощи наш указатель был бы значительно скромнее по объему и изобиловал бы несравненно большим количеством всякого рода погрешностей и неточностей.

Кроме того, обращение к ряду иностранных славистов-литературоведов обогатило наше описание значительным количеством указаний на статьи и переводы, появлявшиеся в различных периодических органах.

Особенно существенную помощь оказал нам директор славянской библиотеки министерства иностранных дел в Праге prof. V. Tukolevskij, сообщивший большинство сведений по чешскому, хорватскому и славинскому языкам, давший ряд других ценных указаний по другим языкам и оказавший нам общими советами значительную помощь в нашей работе.

Затем, не имея учесть долю труда каждого, принявшего участие в нашей работе тем или иным сообщением, или присылкой необходимой литературы, благодарим за оказанную помощь. Dr. Stefan Rygiel, (Польша), Dr. Elias Rosenkzanz (Германия), Dr. Arthur Luther (Германия), Ettore Lo Gatto (Италия), Henri Mongault (Франция), M. Vinokouroff (США), G. R. Noys (США) A. Jarmolinsky (США), I. Iokemura (Япония). В. Иорданов (Болгария).

Всем названным лицам автор приносит глубокую благодарность.

С. Макашин

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (АНГЛИЯ И АМЕРИКА)

I. ПЕРЕВОДЫ

а) Отдельные издания

Saltykov, [M. E.]—Stchedrin, [N.]—Tchinovnicks; sketches of provincial life, from the memoirs of the retired conseiller de cour, Stchedrin (pseud.), Saltykov. Translated, with notes, from the Russian, by Frederic Aston. London, L. Booth, 1861, pp. (8), 240.

[Выборки из „Губернских очерков". Первый по времени перевод Салтыкова на англ. язык.]

[Saltykov, M. E.]—Shchedrin, N.—[The] Gollovlev Family, by N. E. Shchedrin (pseud.). Translated by Athelstan Ridgway, London, Jarrold and Sons, [1916?], 283 (1) p., 12°.

[„Господа Головлевы".]

Forbes, Nevill, ed.—Third Russian book; extracts from Aksákov, Grigoróvich, Hérzen, Saltykóv, accented and ed., with full notes and complete vocabulary, by Nevill Forbes, Oxford, Clarendon press, 1917, XI, (1), 191, (1) p., 19em. „Bibliographical note": p. [viii]

I. Russian language — Chrestomathies and readers. I. Aksákov, Sergieî Timofieevich, 1791—1859. II. Grigoróvich, Dmitriî Vasil'evich, 1822—1900. III. Hérzen, Aleksandr Ivanovich, 1812—1870. IV. Saltykóv, Mikhail Evgrafovich, 1826—1889.

[Книга учебная; она состоит не из переводов, а из выдержек в подлиннике, на русском языке в сопровождении англ. словаря. Из Салтыкова даны отрывки из „Губернских очерков": „Богомольцы, странники и проезжие" (Piligrims and wayfarers) и „Прошлые времена" (Bygone Times).]

Saltykov, M. Y. (Shchedrin, N.) — (A) Family of Noblemen, by Mikhail Y. Saltykov (N. Shchedrin). Translated by A. Yarmolinsky, New York, Boni & Liveright, inc., 1917, 4 p. l., 422 p., 19em.

[„Господа Головлевы". Рецензии на это издание появились в „Bookman" (New York), December 1917, vol. 46, pp. 485—486; „New York Times", December 9, vol. 22, p. 538.]

Saltuikoff-Shchedrin, M. — (The) Death of Pazukhin; a play in four acts, by Mikhail Saltuikoff-Shchedrin. English translation by Julian Leigh, New York, Brentano's, [1924] VI p., I l., 55 p., 19em (The Moscow art theatre series of Russian plays... ed. by O. M. Sayler). At head of title: Second series.

[„Смерть Пазухина". Перевод издан в серии пьес, входивших в репертуар Московского Художественного театра во время его гастролей в Америке. Переводу предпослано предисловие, дающее общую характеристику творчества Щедрина.]

(Saltykov, M. E.) - Shchedrin, [N.] — (The) Golovlyov Family, by M. E. Shchedrin (Saltykov). With an introduction by Edward Garnett, translated by Natalie Duddington (Ertel), New York, The Macmillan *company*, 1931, 3 p. l., [9] — 336 p., 19em.

(The) Golovlyov Family. With an introduction by Edward Garnett, translated by Natalie Duddington, London, G. Allen & Unwin, Ltd., [1931].

[„Господа Головлевы". Вступит. критич статья Edward'а Garnett'а. Рецензии на эти два почти одновременно вышедшие издания появились в следующих газетах и журналах: „American Mercury" (New York), January 1.932, vol. 25, page XXVIII; „Booklist" (Chicago), February 1932, vol. 28, page 261; „Boston Transcript" (Boston), November 4, 1931; „New Republic" (New York), January 6, 1932; „New York Times" (New York), October 4, 1931, page 7; „Spectator" (?), October 24, 1931; „Times Literary Supplement" (London), October 15, 1931, page 804 (отзыв) и October 22, 1931 (статья).]

(Saltykov, M. E.) - Shchedrin [N.] — Fables, by Shchedrin (M. E. Saltykov). Translated from the Russian by Vera Volkhovsky, London, Chatto and Windus, [1931], XII, 257 p., 16° (The Phoenix Library).

Contents: Introductory [by translator]: Shchedrin - Saltykov. The tale of how a peasant fed two generals. The very wise minnow. The conscience is lost! The deceitful newspaper-man and the credulous reader. The rabbit who had the habit of sound thinking. The old nag. The carp who was an idealist. Faithful Trésor. The liberal. The poor wolf An idle conversation. A village fire. The self-sacrificing rabbit. The unsleeping eye. The ram who could not remember. The siskin's tragedy. Kramólnikov's misadventure. The suppliant crow. The fool. The wild squire. Christ's night. The virtues and the vices.

[Сказки. Не вошли в это издание следующие сказки: „Игрушечного дела людишки"; „Соседи"; „Кисель"; „Путем-дорогою"; „Гиена; „Рождественская сказка"; „Медведь на

воеводстве“; „Мала рыбка, а лучше большого таракана“; „Орел-меценат“; „Богатырь“. Изданию предпослано предисловие переводчика. Ряд переводов, вошедших в издание, был напечатан ранее в журнале „Free Russia“ (см. ниже).]

b) Сборники и антологии

Voijnich, E. L.— The humour of Russia. London, Walter Scott; New York, Scribner, 1895.

Includes: The recollections of Onésime Chenapan (pp. 185—204), The self-sacrificing rabbit (pp. 309—316), The eagle as Mecaenas (sic!) (pp. 335 — 349).

[В антологию вошли: „Помпадуры и помпадурши“, глава XII (отрывок: „Грустная история“. Воспоминания о путешествии... Соч. Онисим Шенапан...). Сказки: „Самоотверженный заяц“ и „Орел-меценат“.]

Wiener, Leo — Antology of Russian literature from the earliest period to the present time. In two parts. New York and London, G. P. Putnam, 1902—1903.

Includes: (Selection from) [Saltykov, M. E.] Beyond the border (part. 2, pp. 380—382), The triumphant swine or the conversation of the swine with Truth—an interrupted scene (vol. 2, pp. 382—385).

[В антологию вошли: два отрывка из цикла „За рубежом“, в том числе „Прерванная сцена“ — „Торжествующая свинья или разговор свиньи с правдою“.]

Militzina and Saltykov [M. E.] — The Village Priest and other Stories, from the Russian of Militzina [?] and Saltykov. Translated by Beatrix L. Tollemache, London. T. Fisher Unwin, 1918, XXIV + 171 pp.

Includes: Konyaga (pp. 69—81), A visit to a Russian prison: I. Arenushka; II. The old believer (pp. 83—155); The governor (pp. 157—171).

[В сборник вошли: 1) сказка „Коняга“; 2) отрывки из „Губернских очерков“: „В остроге“, „Аринушка“, „Казусные обстоятельства“, „Старец“; 3) рассказ, озаглавленный в переводе „The Governor“ (Начальная строка его: This did not happen in our days, but there was once a time when there were many followers of Voltaire among the officials).]

c) Периодика

[Saltykov, M. E.] — (The) Fool. (From the Russian of Saltykov). [Без указ. переводчика]. „Free Russia“, The organ of the english „Society of Friends of Russian Freedom“. [London], December, 1890, Nr. 5, pp. 16—19.

[Сказки: „Дурак“. Переводу предпослано небольшое вступление (Prefatory Note — подписано: Editor) с общей характеристикой творчества Салтыкова. Автор ошибочно указывает, что данный перевод есть первая попытка перевода Салтыкова на англ. язык (см. выше). То же в американском издании „Free Russia“, New York, December, 1890, vol. 1, Nr. 5, pp. 16—19.]

[Saltykov, M. E.] — (The) Deceitful Editor and the Credulous Reader, by Shchedrin (Saltykov). „Free Russia“, The organ of the „Society of Friends of Russian Freedom“. London a. New York, April 1891, vol. 1, Nr. 9.

[Сказки: „Обманщик-газетчик и легковерный читатель“.]

[Saltykov, M. E.] — Story of how one peasant saved two generals, by Shchedrin (Saltykov). „Free Russia“, The organ of the english „Society of Friends of Russian Freedom“. [London], vol. 3, Nr. 1, January 1 st., 1892, pp. 13—15.

[Сказки: „Повесть о том, как один мужик...“ То же в американском изд. „Free. Russia“, New York, vol. 2, Nr. 6, pp. 14—16.]

[Saltykov, M. E.] — Misha and Vania. From the Russian of M. E. Saltykov. „Free Russia“, New York, January 1893, vol. 3, Nr. 8, pp. 3—15; February 1893, vol. 3, Nr. 7, pp. 13—14.

[„Невинные рассказы“: „Миша и Ваня“.]

[Saltykov, M. E.] — (The) Virtues and the Vices. From the Russian of Michael Saltykov, by F. V[olkhovsky]. „Free Russia“, The organ of the friends of russian freedom. Edited by F. V. Volkhovsky and J. F. Green, [London], November 1899, vol. 10, Nr. 11, pp. 76—78.

[Сказки: „Добродетели и пороки“. Перевод сопровождается комментарием переводчика.]

[Saltykov, M. E.] — Easter Eve (A Legend). From the Russian of M. E. Saltykov, by F. V[olkhovsky]. „Free Russia“, The organ of the friends of russian freedom. Edited by F. V. Volkhovsky and J. F. Green, [London], April 1900, vol. II, Nr. 4, pp. 42—44.

[Сказки: „Христова ночь“. Перевод сопровождается подстрочными пояснениями встречающихся в тексте русских народных выражений, бытовых и религиозных обрядов, обычаев и т. п.]

[Saltykov, M. E.]—Conscience. From the Russian of M. E. Saltykov, by F. V[olkhovsky]. „Free Russia", The organ of the friends of russian freedom. Edited by F. V. Volkhovsky and J. F. Green, [London], 1902, vol. 13, Nr. II, pp. 98—100.

[Сказки: „Пропала совесть".]

[Saltykov, M. E.] — Story of the Lost Conscience. A story by Shchedrin. „Current Literature", New York, March 1906, vol. 40, pp. 340—343.

[Сказки: „Пропала совесть"].

[Saltykov, M. E.] — (The) Hungry Officials and the Accomodating Muzhik. Translated from the Russian by Thomas Seltzer. „Current opinion", New York, September 1917, vol. 63, pp. 200—202.

[Сказки: „Повесть о том, как один мужик..." Этот перевод вошел также в книгу: Thomas Seltzer, Best Russian Short Stories, New York, 1917.]

[Saltykov, M. E.] — How a Muzhik fed two Russian Officials, a story. „Golden Book", New York, Sept. 1917, vol. 63, pp. 200—202.

[Сказки: „Повесть о том, как один мужик..."]

[Saltykov, M. E.] — (The) Nostalgic Ram, a story. Translated by R. Chaitkin. „Golden Book", October 1931, vol. 14, pp. 217—219.

[Сказки: „Баран-Непомнящий".]

II. ЛИТЕРАТУРА О САЛТЫКОВЕ

Tourguéneff, Ivan — History of a Town. Edited by M. E. Saltykoff. (Istoriya odnogo goroda). St.-Petersburg, 1870. „The Academy" [London], March 1, 1971, Nr. 19, pp. 151—152.

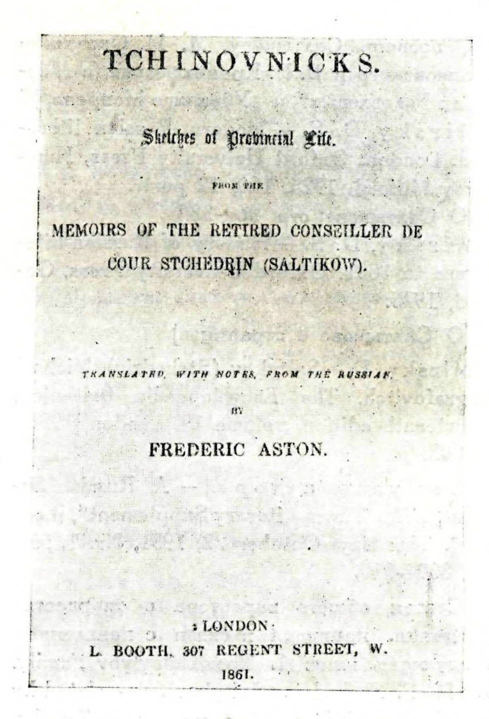
[Перепечатано с русским переводом М. О. Гершензоном: Об „Истории одного города" М. Е. Салтыкова (1871), Сб. „Русские Пропилеи", т. 3, М., 1916, стр. 219—20, 327.]

[Сообщение о Салтыкове, сделанное одесским корреспондентом.] „Daily News" от 10 (22) октября 1884 г.

[Письмо М. Е. Салтыкова-Щедрина редактору-издателю „Daily News". Петербург, 31 октября (12 ноября) [1884 г.]. „Daily News", 12 (24) ноября.

Русский перевод письма напечатан в газете „Новое Время" № 3134 от 17 (29) ноября 1884 г.]

Hapgood, Isabel F.— Saltykov-Shchedrin, the Russian satirist. „Nation" (New York), July 4, 1889, vol. 49, pp. 8—10.

TCHINOVNICKS.

Sketches of Provincial Life.

FROM THE

MEMOIRS OF THE RETIRED CONSEILLER DE COUR STCHEDRIN (SALTIKOW).

TRANSLATED, WITH NOTES, FROM THE RUSSIAN,

BY

FREDERIC ASTON.

LONDON

L. BOOTH, 307 REGENT STREET, W.

1861.

ОБЛОЖКА АНГЛИЙСКОГО ИЗДАНИЯ «ГУБЕРНСКИХ ОЧЕРКОВ»
Лондон, 1861 г.

[Некролог и общая характеристика литературной деятельности Салтыкова.]

Lanin, E. B.—Russian Characteristics. „The fortnightly Review", London, 1889, vol. III.

[О „Современной идиллии" Салтыкова, pp. 412—422, 856 etc.].

Brückner, A. — A Literary History of Russia by A. Brückner, translated [с немецкого] by H. Havelock. London and Leipsic, T. Ficher Unwin, 1908, XVII, 558.

[О Салтыкове: Chapter XVI (pp. 452—475). Содержание главы: Satire, Saltykóv. The satire of the sixties. — Saltykóv's first attempts. Sketches from the Provinces. — How his voice has become the chorus of contemporary Russian tragedies. — His enforced silence and taking refuge in pure literature. — Separate works. — The history of Glùpov. — From the domain of moderation and exactness. — Contemporary Idylls. — The „Old Days of Poshekhonia".—The „Messrs. Golovlóv".—Significance of his satire.]

Olgin, Moissaye J. — A guide to Russian Literature, 1820—1917 by Moissaye J. Olgin, London, Jonathan Cape [1921], XIV, 323.

[О Салтыкове: pp. 126—128. [M. E. Saltykov (Shchedrin)]. Приведены отрывки из ста-

тей, посвящ. Салтыкову, Д. Н. Овсянико-Куликовского и В. П. Кранихфельда (о „Господах Головлевых" и „Убежище Монрепо").]

Mirsky, D. S. — Modern Russian literature. London, Oxford University Press, Humphrey Milford, 1925, 120, 12 portr.

[О Салтыкове: стр. 36—38.]

Mirsky, D. S. — History of Russian Literature to 1881. Oxford University Press, Oxford, 1926.

[О Салтыкове 4 страницы.]

Mirsky, D.—Saltykov (Stchedrin) Michael Evgrafovitch. The Encyclopaedia Britanica, Fourteenth edition, volume 19, London [1929], p. 903.

[Без указ. автора.] — A Russian Satirist. „The Times Literary Supplement", [London], Thursday, October 22, 1931, Nr. 1, 551, pp. 809—810.

[Статья общего характера о творчестве Щедрина, написана в связи с появлением следующих книг: 1. The Golovlyov Family. By M. E. Shchedrin (Saltykov). Translated by Natalie Duddington (Allen and Unwin, 7 s. 6 d. net). 2. Fables. By Shchedrin (M. E. Saltykov). Translated by Vera Volkhovsky. (Chatto and Windus, 3 s. 6 d. net).]

[Без указ. автора.] — Saltykov Michael Evgrafovitch (Shtchedrin). Nelson's Encyclopaedia, volume XX, Thomas Nelson and Sons, London, s. a., p. 92.

III. ОТЗЫВЫ АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЫ НА ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПЬЕСЫ ЩЕДРИНА „СМЕРТЬ ПАЗУХИНА" ВО ВРЕМЯ ГАСТРОЛЬНОЙ ПОЕЗДКИ МОСКОВСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА В 1924 г. В АМЕРИКУ

[Без указ. автора.] — Moscow Art Theater to play Saltuikoff's satirical comedy. „Tribune", February 10, 1924.

[Место Щедрина в русской литературе. Содержание и разбор комедии. Сведения о расколе.]

[Без указ. автора.] — Moskvin tells of his new play. „World", February 10, 1924.

[Беседа с Москвиным. Как ставился спектакль. Быт старообрядцев. Близость некоторых артистов театра к среде старообрядческого купечества. Намерение Москвина поставить на театре „Господ Головлевых" и сыграть роль „Иудушки".]

Dale, Allen — Russian play is presented at the Jolson's. „The death of Pazukhin". „American", February 12, 1924.

[Разбор спектакля.]

Woolcott, Alexander — The stage. „Herald", February 12, 1924.

[Краткое содержание пьесы. Игра Москвина. Сравнение с Качаловым.]

Welsch, Robert Gilbert — By the beards of old Russia. Moscow Art players produce. Hilarios Comedy of a razorless Era. „New plays", February 12, 1924.

[Разбор пьесы и спектакля.]

Playgoer — Russian players in old comedy. Moscow Art Theater stages „The death of Pazukhin" at the Jolson Theater. „New plays", February 12, 1924.

[Разбор спектакля. Необходимость либретто.]

[Без указ. автора.] — Moskvin scores at opening of Russian play, gives fully of his talents in leading roll in new offering „The death of Pazukhin". „Tribune", February 12, 1924.

[Содержание пьесы. Успех Москвина как актера и режиссера.]

A. W. — The new play. Jolson's 59-th street theater. „The death of Pazukhin". „Telegraph", February 12, 1924.

[Сравнение пьесы Щедрина с американской сатирой „Fashion". Высокая оценка пьесы и спектакля.]

Osborn, E. W. — The new plays. „The death of Pazukhin". „World", February 12, 1924.

[Характеристика сатиры Щедрина.]

[Без указ. автора].— „Pazukhin" not dissimilar to our „Icebound", „World", February 13, 1924.

[Сравнительная характеристика „Смерти Пазухина" с пьесой „Icebound".]

Corbin, John — The Play. „Times" February 13, 1924.

[Содержание пьесы. Оценка спектакля.]

[Без указ. автора].—Moskvin wins honors in role of Pazukhin. „Telegraph", February 17, 1924.

[Рисунок, изображающий сцену из „Смерти Пазухина".] „Tribune", February 17, 1924.

БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК

I. ПЕРЕВОДЫ

Салтиковъ, Михаилъ Е. — Христова нощь. (Предание). Посвѣщава се на българскитѣ управници. (Отпечатъкъ отъ в. „Право"), София, печатница „Напрѣдъкъ", 1895, 8°, 8 стр.

[Сказки: „Христова ночь".]

Салтиковъ, М. [Е.] — Карасъ-идеалистъ. Приказка. Прѣвелъ д-ръ Михаилъ Миховъ. Второ изд., София, к-во „Знание" (п-ца на Военно-изд. фондъ), 1919, 16°, стр. 19, у I л., „Дѣтско-юношеска библиотека" № 5.

[Сказки: „Карась-идеалист".]

Щедринъ [Салтиковъ, М. Е.] — По Щедринъ. Какъ единъ селенинъ изхранилъ двама генерали. К-нъ складирано въ к-ца „Свѣтлино". София (изд. Р. Лесничкова) П-ца на Гр. Гавазовъ, 1924, 8°, стр. 8.

[Сказки: „Повесть о том, как один мужик..."]

Салтиковъ, М. Е. — Чудиновъ отъ руски Б. Н. Султановъ. ... Бр. Ст. Бояджиеви, 199...

[„Мелочи жизни" ...

Великденски легенди отъ ... В. Дорошевичъ, В. Короленко ... ковъ-Щедринъ, Сельма Лаг... неръ и Т. Достоевски. Пр... ковъ съ една великден... Ив. Вазовъ. София, к-во ... с-ие, 1919, стр. 132. Сер... л...

[Сказки ...

II. ЛИТЕРАТ...

Салтиковъ ... ский очерк, без под... ски рѣчникъ" отъ Л. ... Пловдивъ, изд. Д. М...

ВЕНГЕРСКИЙ ЯЗЫК

Bonkálo Sándor — Az orosz irodalom története irto Bonkálo Sándor egyetemi tanár. Második kötet. [б. г. (издано после революции) 19 . .?] Budapest, „Athenaeum" 210.

[О Салтыкове: стр. 139—140.]

ГОЛЛАНДСКИЙ ЯЗЫК

Dr. N. van Wijk — Geestelik leven en letterkunde in rusland Gedurende de negentiende eevro. 1920, Zeist. J. Ploegsma [8]—153.

[О Салтыкове: стр. 91—118.]

[Без указ. автора] — Winkler Prins Gerllustreerde Encyclopaedie, Bd. XIV, Amsterdam, 1911, стр. 76.

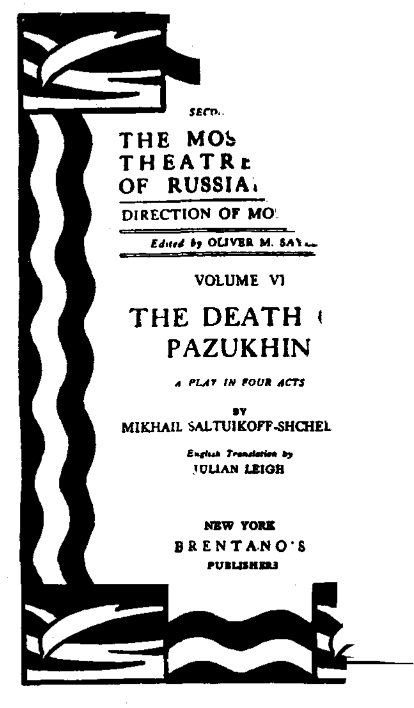
ДАТСКИЙ ЯЗЫК

A. M. B. — Saltykov, M. E. Salmonsens Konversations Leksikon, Bind XV, Kjöbenhavn, 1904, p. 551.

ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК

I. ПЕРЕВОДЫ

Saltikov-Chedrin, M. . . . Judas y su familia (novela). Obra inédita en castellano. Tr. directa del ruso por Naum Tasin. Madrid, Librería y editorial Madrid (s. a.), [c 1924] 476 p., 18 cm.

ОБЛОЖКА АМЕРИКАНСКОГО ... ПЬЕСЫ «СМЕРТЬ ... Нью-Й...

Перевод был издан в серии пьес... ших в репертуар Московского Художе... ного театра во время его гаст... в Америке

[„Господа Головлевы“.]

Colección de libros escogidos. Cuentos Escogidas por Moutón (Merinos), Catulo Mendès, Banville, Richepin, Chchedrine, Mérimée, Zola, Sainte-Beuve, Coppée y Daudet. Madrid, La España Moderna, [s. a.], pp. 281.

[Сказки: „Как один мужик...“ (Lo Generales y el mujik). Перевод сопровождается краткими пояснениями переводчика (N. del E.).]

II. ЛИТЕРАТУРА О САЛТЫКОВЕ

[Без указ. автора.] — Saltykov Miguel Jewgrafovich. Diccionario enciclopedico hispano-americano, t. XXVIII, Barcelona - Mexico, 1912, p. 855.

[Критико-биографическая заметка.]

* * * — Saltykow Miguel Jewgrafovich. Enciclopedia universal ilustrada europeo-americana, tomo LIII, 1926, pp. 394—395.

[Критико-биографическая заметка.]

ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК

I. ПЕРЕВОДЫ

Stcedrin [Saltykov, M.] — Lo gelante v. G. Turgeniieff, Petro Petrovich Karataieff. Torino, 1884, 16°.

Saltykov-Ščedrin, [M. E.] — La famiglia Golovlioff. Trad. e. introduzione d Federico Verdinois. Lanciano, G. Carabba editore, 1917 (Collezione „Scrittori italiani e stranieri“).

[„Господа Головлевы“.]

Saltykov-Ščedrin, Michele — La famiglia Golovlioff, traduzione e introduzion, di Federico Verdinois. Lanciano, G. Carabba, s. d. [1918], 2 vol., 16°.

[„Господа Головлевы“.]

Saltykov-Ščedrin, [M. E.] — Lo „spleen“ dei nobili. Racconti. Traduz. da russo di Ettore Lo Gatto e Zoe Voronkova, Napoli. L'Editrice italiana, 1919.

Contiene una breve introduzione di Ettore Lo Gatto e i segnenti racconti: La coscienza smarrita; Lo „spleen“ dei nobili; I funerali di un letterato; Konjaga; Miša i Vanja; L'arrivo del revisore.

[В сборник вошли: 1) „Пропала совесть“ (Сказки); 2) „Дворянская хандра“ (Сборник); 3) „Похороны“ (Сборник); 4) „Коняга“ (Сказки); 5) „Миша и Ваня“ („Невинные рассказы“); 6) „Приезд ревизора“ („Невинные рассказы“). Переводам предпослано предисловие Ettore Lo Gatto.]

Saltykov-Ščedrin, [M. E.] — Fiabe. Il giornalista imbroglione e l'ingenuo lettore; Il montone smemorato; Il cavallucio. Traduzione di Olga Luntz (nella „Nuova Antologia“, 1921, VI, 210).

[Сказки: 1) „Обманщик-газетчик и легковерный читатель“; 2) „Баран-Непомнящий“ 3) „Коняга“.]

Saltykov-Ščedrin, M. E. — Favole e racconti innocenti. Prima traduzione dal russo e introduzione di Ettore Lo Gatto, Roma, Stock, 1926.

Contiene: Il saggio ghiozzo; L'aquila Mecenate; Il dolore del lucherino; L'orso come governatore; Il montone smemorato; Il coracino idealista; Konjaga; Miscia e Vania; La coscienza smarrita; La notte di Pasqua.

[Сказки: 1) „Премудрый пискарь“; 2) „Орел-меценат“; 3) „Чижиково горе“; 4) „Медведь на воеводстве“; 5) „Карась-идеалист“; 6) „Коняга“; 7) „Пропала совесть“; 8) „Христова ночь“. „Невинные рассказы“: 1) „Миша и Ваня“.]

II. ЛИТЕРАТУРА О САЛТЫКОВЕ

[Без указ. автора.] — Della lingua e letteratura russo. Nuova Enciclopedia Italiana, volume XIX, Torino 1885.

[О Салтыкове стр. 924—930.] Библиографическая заметка о выходе на книжный рынок книги: Salticof-Ščedrin, Lo „spleen“ dei nobili, Racconti. Tradotti direttamente dal russo di Ettore Lo Gatto e Zoe Voronkova L'Editrice italiana, Napoli 1919, pag. X, 160.

— „Russia“, Rivista di letteratura-arte-storia. Diretta da Ettore Lo Gatto. Anno 1, 1920—1921. Roma. Anonima Romana editoriale, 262. Заметка помещена на стр. 80.

Lo Gatto, Ettore — Saggi sulla cultura russa. Napoli, Ricciardi, 1923.

[О Салтыкове см. в статье: La (?) della gleba nelle letteratura russa, стр. 43—72.]

Lo Gatto, Ettore — Studi di leterature slave, vol. I. Roma, Anonima romana editoriale, 1925.

[О Салтыкове специальная глава (Michela Saltykov-Ščedrin), стр. 81—128.]

Damiani, Enrico — Un centenario nella letterato russa: M. Saltykov-Ščedrin, [nella rivista] „La Cultura", 1926.

[Статья, посвященная столетию со дня рождения Салтыкова.]

Vesselovski, Alessio — Storia della letteratura russa, trad. Enrico Damiani. Firenze, Vallecchi, s. a. [1926].

[О Салтыкове: стр. 72, 73, 89, 109, 112, 116, 132, 140.]

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

I. ПЕРЕВОДЫ

а) Отдельные издания

Saltikow, [M. J.] — Skizzen aus dem russischen Provinzialleben von Saltikow. Deutsch von A. Mecklenburg, Berlin, J. Springer, 1860, 2 vol., 12°.

[„Губернские очерки". Изд. в двух томах с кратким вступлением переводчика.]

Schtschedrin (Saltikoff), [M. J.] — Aus dem Volksleben Russlands. In zwei Abteilungen. I. Skizzen aus dem Gouvernement. Von Schtschedrin (Saltikoff). II. Der Isprawnik. Das Mütterchen Mawra Kusmovna. Berlin, Heinr. Müller, 1863, Ss. III—X + 128 (1-я часть) + 120 (2-я часть).

[Отрывки из „Губернских очерков".]

Schtschedrin (M. J. Saltikow) — Skizzen aus dem Gouvernement. Berlin, 1863, Ss. 120, 12°.

[„Губернские очерки". Избранные отрывки.]

Saltykow-Schtschedrin, [M. J.] — Die Herren Golowljew. Roman aus dem Russischen des Saltykow-Schtschedrin. Üebers. von Hans Moser. Leipzig, P. Reclam jun. [1886], 392 pp. [Universal-Bibliothek, 2118—2120], 16°.

[„Господа Головлевы". Перевод сопровождается вступительной статьей переводчика].

Schtschedrin (M. J. Saltykow) — „Des Lebens Kleinigkeiten". Bilder und Typen aus dem Russischen Leben. Autorisirte Uebersetzung von Johannes Eckardt, Hamburg — Mitau, 1888, Ss. XXV + 277, 8°.

[„Мелочи жизни". Перевод не полный. Отсутствуют: восемь очерков, входящих в разделы „Молодые люди" и „Читатель", рассказы „Полковницкая дочь", „Газетчик" и „Имярек". Изменено расположение глав и двум рассказам („Портной Гришка" и „Счастливец") приданы отсутствующие в русском тексте подзаголовки („В уездном городе" и „Из современности"). Перевод авторизирован и ему предпослано два предисловия: 1) * * *, и 2) переводчика.]

MOSKVIN SCORES AT OPENING OF RUSSIAN PLAY

Gives Fully of His Talents in Leading Role in New Offering, 'The Death of Pazukhin,' at Jolson's 59th St. Theatre

JOLSON'S FIFTY-NINTH ST. THEATRE—"The Death of Pazuhkin," by Mikhail Saltulkoff-Schedrin. Presented by the Moscow Art Theatre, under the direction of F. Ray Comstock and Morris Gest.

THE CAST

Ivan Prokofitch Pazukhin: Leonid M. Leonidoff
Prokofy Ivanitch ... Ivan Moskvin
Mavra Grigorievna ... Varvara Bulgakova
Vassilisa Parfentievna ... Maria Nikolaieva
Semyon Semyonitch Furnatcheff, Vladimir Gribunin
Nastasya Ivanovna ... Faina Shevtchenko
Anna Petrovna Zhivoiedova, Olga Knipper-Tchekhova
Andrei Nikolaitch Lobastoff, Vassily Luzhsky
Lenotchka ... Maria Uspenskaya
... Mikhail Tarkhanoff
... Alexei Bondireff
... Peter Bakshieff
Trofim Severianitch Prazdnikoff, Nikolai Alexandroff
A Lackey ... Akim Tamiroff
Dmitry ... Vladimir Yersholf
Mavra ... Maria Zhdanova

IVAN MOSKVIN scored a distinct personal triumph and the Moscow Art Theatre added a new page to its American annals when the Russians, last night at Jolson's Fifty-ninth Street Theatre, gave the premiere of Saltulkoff's "The Death of Pazukhin," under the direction of F. Ray Comstock and Morris Gest. Moskvin's admirers crowded the theatre and gave him an ovation.

Moskvin appeared in the dual role of leading actor and collaborating regisseur, having assisted Vassily Luzhsky in the production of this satiric comedy by one of the major names in modern Russian letters, heretofore known only by reputation to a small circle of connoisseurs of Russian literary annals.

As leading player, the entire

OLGA KNIPPER-TCHEKHOVA was conspicuous in the cast of "The Death of Pazukhin," presented by the Moscow Art Theatre at Jolson's Fifty-ninth Street Theatre last night.

РЕЦЕНЗИЯ НА СПЕКТАКЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА «СМЕРТЬ ПАЗУХИНА» В НЬЮ-ИОРКСКОМ JOLSON THEATER, ПОМЕЩЕННАЯ В ГАЗЕТЕ «TRIBUNE» ОТ 12 ФЕВРАЛЯ 1924 г.

Saltykow-Stschedrin, Michail — Die Herren Golowljow. Roman. Aus d. Russ. üebers. von Fega Frisch, München, Georg Müller, 1914, Ss. 491, 8°.

[„Господа Головлевы". Книга вышла также в Luxusausgabe.]

Saltykow, M. E. — Satyren. Aus d. Russ. üebers. von Fega Frisch, München, „Der neue Mercur", 1920, Ss. XII + 227, 8°.

[Сборник избранных произведений Салтыкова.]

Ssaltykow - Stschedrin, M. — Anfissa Porfirjewna. Eine Gutsgeschichte. Ins Deutche übertragen von Alexander Eliasberg, mit zwölf Illustrationen von Boris Grigorjew, München, Orchis-Verlag, [1923].

[„Пошехонская старина": „Тетушка Анфиса Порфирьевна". Luxusausgabe с 12 иллюстрациями Бориса Григорьева.]

Saltykow Michael — Geschichten und Märchen. Uebersetzt, eingeleitet und herausgegeben von Arthur Luther. Leipzig, Meyers Klassiker-Ausgaben, Bibliographisches Institut, [1924], 8°, S. 1—441.

[В сборник вошли следующие произведения: „Невинные рассказы“: 1) „Миша Ваня“; 2) „Развеселое житье“. „Пошехонская старина“, главы: „Введение“; „Гнездо“; „Мое рождение и раннее детство“; „Воспитание физическое“; „Воспитание нравственное“; „День в помещичьей усадьбе“; „Портретная галлерея — тетеньки-сестрицы“; „Тетенька Анфиса Порфирьевна“; „Тетенька-сластена“; „Аннушка“; „Мавруша-Новоторка“; „Бесчастная Матренка“; „Сатир-скиталец“. Сказки: „Добродетели и пороки“; „Как один мужик...“; „Дурак“; „Орел-меценат“; „Бедный волк“; „Карась-идеалист“; „Здравомысленный заяц“; „Медведь на воеводстве“; „Верный Трезор“; „Рождественская сказка“; „Христова ночь“; „Пропала совесть“. Издание сопровождается обширным вступлением и примечаниями переводчика.]

b) Сборники и антологии

Ssaltykow-Schtschedrin, [M. J.]— Paranja (?) und Garanjka. Sbornik, Russische Geschichten und Satiren, üebers. und hrsg. von Wilhelm Henckel, Berlin, Räde, 1893, Bd. I, S. 108 ff.

[„Паранька и Гаранька“ (?).]

Ssaltykow-Schtschedrin, M. J.— [Sieben Märchen]: Wie ein Muschik zwei Generale ernährte. Der verwilderte Gutsherr. Die Tugenden und die Laster. Das verlorene Gewissen. Eine lehrreiche Unterhaltung. Eine Episode aus Wühlhubers Leben. Der melancholische Widder.—Sbornik. Russische Geschichten und Satiren, Uebers. und hrsg. von Wilhelm Henckel, Berlin, Räde, 1893, Bd. 3, Ss. 108 ff.

[Сказки: „Как один мужик...“; „Дикий помещик“; „Добродетели и пороки“; „Пропала совесть“; „Праздный разговор“; „Приключение с Крамольниковым“ (?); „Баран-Непомнящий“. Переводу предшествует статья, посвященная общей характеристике жизни и творчества Салтыкова.]

Tolstoj, Léon N. — Drei Parabeln, ferner: Erzählungen, Humoresken, Skizzen u. s. w. von M. Gorjkij., A. Tschechow, W. Korolenko, A. Ossipow und einer Satyre von. M. Ssaltykow-Schtschedrin. Aus dem Russischen üebersetzt von Wilhelm Henckel, Leipzig, B. Elischer Nachfolger.

[Сказки: „Верный Трезор“, стр. 117—134.]

[Ssaltykow, M.] — Die Leibeigene. Uebers. von H. Ruoff. Ders. von J. v. Guenther, Russland in Dichterischen Dokumenten, Bd. 3, München, 1924, S. 310.

[„Пошехонская старина“, отрывки (?).]

[Ssaltykow, M.] — Freier. Uebers. v. H. Ruoff. Ders. von J. v. Guenther, Russland in Dichterischen Dokumenten, Bd. 2, München, 1924, S. 250.

[„Пошехонская старина“: „Сестрицыны женихи — Стриженый“ (?).]

c) Периодика

[Ssaltykow, M.] — Die Diensteifrigen. „Russische Revue“, Zeitschrift zur Kunde des geistigen Lebens in Russland. Herausg. von Wilhelm Wolfsohn, Leipzig, 1863, Bd. 2, S. 333.

[Ssaltykow, M.] — Ein Weinachtsmärchen. Uebers. von H. Johannson. „Magazin für die Literatur des In- und Auslandes“, begr. von J. Lehmann, 60 Jahrg., 1891, S. 524, 536, 548.

[Сказки: „Рождественская сказка“.]

[Ssaltykow, M.] — Die Zeisigs Herzenleid. Uebers. von H. Johannson. „Magazin für die Literatur des In- und Auslandes“, begr. von J. Lehmann, 60 Jahrg., 1891, S. 524, 536, 548.

[Сказки: „Чижиково горе“.]

Saltykov, Mikhail Evgrafovich— Knabe mit Hose und Knabe ohne Hose. „Süddeutsche Monatshefte“ (München), 1915, Jahrg. 12, S. 677—686, 8°.

[„За рубежом“: „Мальчик в штанах и мальчик без штанов“.]

II. ЛИТЕРАТУРА О САЛТЫКОВЕ

Raden, H. — Aus dem socialen und literarischen Leben Russlands. „Russische Revue“, Zeitschrift zur Kunde des geistigen Lebens in Russland. Herausg. von Wilhelm Wolfsohn, Leipzig, 1863, Bd. I, Ss. 244 ff.

[Статья посвящена „Губернским очеркам“.]

Russische Skizzen. „Magazin für die Literatur des In- und Auslandes“, begr. von J. Lehmann, 32 Jahrg., S. 313, 334.

[Анонимная статья о „Губернских очерках“.]

Fellin, A. — Michael Jewgrafowitsch Saltykow's letzte Schriften. „Magazin für die Li-

teratur des In- und Auslandes", begr. von J. Lehmann, 50 Jahrg., S. 407, 421, 1881.

* * * — [Краткое извещение о смерти Салтыкова.] „Magasin für die Literatur des In- und Auslandes", 1889, 1/VI, S. 365.

* * * — [Некролог Салтыкова.] „Ueber Land und Meer", 1889, Nr. 37, S. 783.

Henckel, W.—M. J. Ssaltykow-Schtschedrin. „Unsere Zeit", 1890, Bd. 2, S. 399—416.

[Большая критико-биографическая статья.]

Henckel, W.— Michael Jewgrafowitsch Saltykow-Schtschedrin, sein Leben und seine Werke. Sbornik. Russische Geschichten und Satiren, üebers. und hrsg. v. Wilhelm Henckel, Berlin, Räde, 1893, Bd. 3, Ss. 1—46.

Pezold, Th. — Michael Saltykow. „Deutsche Rundschau", begr. von Julius Rodenberg, 1895, Bd. 85, S. 273, 375.

Polonski, G. — Ein russiche Satiriker. „Das literarische Echo", begr. von Josef Ettlinger, 4 Jahrg., Sp. 1234, 1902.

[Polonsky, G.] — Geschichte der russischen Literatur von Dr. Georg Polonsky. Leipzig, G. J. Göschen'sche Verlagshandlung, 1902, 16°, p. 144. Sammlung Göschen XXI—1254.

[О Салтыкове стр. 110—120.]

Brückner, A. — Geschichte der russischen Literatur. Leipzig, C. F. Amelangs Verlag, 1905, Ss. 424—446 (Die Literaturen des Ostens in Einzeldarstellungen„ Band II).

[Салтыкову посвящена глава 16-я. Ее содержание: Die Satire der sechziger Jahre. Ssaltykovs Anfänge. Skizzen aus der Provinz. Wie seine Stimme zum Chor der gleichzeitigen russischen Tragödien geworden ist. Sein aufgedrungenes Verstummen; das Sichflüchten in die Belletristik. Einzelne Werke. Geschichte Glupovs. Aus dem Milieu von Gemässigkeit und Pünktlichkeit. Zeitgenossische Idylle. Alte Zeiten von Poschechonien. Die Herren Golovv. Bedeutung seiner Satire.]

Wesselovsky, Alexis—Die russische Literatur. Глава из книги: Die osteuropäischen Literaturen und die slawischen Sprachen (Die Kultur der Gegenwart, Teil I, Abteilung IX). Berlin und Leipzig, Druck und Verlag von B. G. Teubner, 1908.

[О Салтыкове: стр. 81 (Die ersten Werke des Satirikers Saltykoff. Seine Verbandung) и 106 (Charakterisierung der politischen Satire Saltykoffs); упоминания см. на стр.: 68, 82, 89, 91, 121, 122, 126, 131, 149.]

Goldmann, N. — Die Herren Golowliow. „Das literarische Echo", begr. von Josef Ettlinger, 18 Jahrg., S p. 144, 1915.

[Критическая статья о „Господах Головлевых".]

Jacobi, L. v.—Saltykov-Stschedrin. „Die Weltbühne", 1921 (XVII t.), S. 35—38.

Luther, A. — Geschichte der Russischen Literatur, Bibliographisches Institut, Leipzig, 1924.

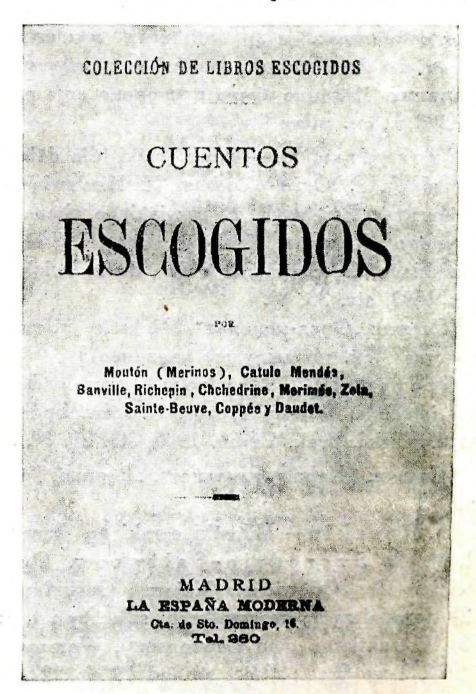
[О Салтыкове глава: „Turgenew und Saltykow", стр. 245—252. См. также упоминания на стр. 138, 139, 224, 225, 228, 237, 245—247, 248—252, 268, 281, 295, 297, 353, 356 371, 406. На стр. 247 воспроизведен портрет Салтыкова работы И. Н. Крамского с автографической подписью.]

Hippius, V. — Ergebnisse und Probleme der Saltykow-Forschung. „Zeitschrift für slavische Philologie", hrsg. v. Dr. Max Vasmer, B. IV, Heft 1/2, Leipzig, Markent & Petters Verlag, 1927.

[Ценный обзор салтыкововедения. Есть отдельный оттиск.]

Rosenkranz, Elias—Turgeniew und Saltykow. Sbornik praci i sjezdu slovanskych filologů v Praze 1929 r., Svasek 11, Přednášky, Praha, 1932, VI, Nr. 26.

[Доклад, прочитанный автором на съезде славянских филологов в Праге осенью 1929 г.

ОБЛОЖКА ИСПАНСКОЙ АНТОЛОГИИ, В КОТОРОЙ ПОМЕЩЕН ПЕРЕВОД СКАЗКИ ЩЕДРИНА «КАК ОДИН МУЖИК ДВУХ ГЕНЕРАЛОВ ПРОКОРМИЛ», Мадрид, б. г.

Имеются отдельно напечатанные резюме доклада на русском, финском, французском и немецком языках. Рецензию на эту работу (A. Brückner'a) см. в „Slavia", 1932, Ročnik XI, Sešit 3—4.]

Arseniew, Nicolas von — Die russische Literatur der Neuzeit und Gegenwart in ihren geistigen Zusammenhängen, 1929, Mainz, Dioskuren-Verlag [8]—410.

[О Салтыкове стр. 6, 156, 159—169, 392, 393, 395.]

Bem, A. — Saltykov-Ščedrin und Goethe. „Dichtung und Welt" (Beilage zur „Prager Presse"), Nr. 6, 1933, Praha.

Рецензию на эту статью (K. Bittner'a) см. в „Germanoslavica", 1932/33, Jahrgang II, Heft. 3, S. 449.

ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

I. ПЕРЕВОДЫ

a) Отдельные издания

Szczedryn — Nowe bajki dla dżieci dorosłych. Orżel-Mecenas. Niedźwiedz wojewoda. Prżełożyl ż rosyjskiego tłomacż „Syberyi", Kennana, Kraków, F. Surgikowski, [1893], 8°, 33 str.

[Сказки: „Орел-меценат", „Медведь на воеводстве". Первое отдельное издание Салтыкова на польском языке. Переводу предшествует небольшое предисловие, в котором переводчик отмечает писательские черты Салтыкова „как русского мыслителя из бывших сановников" и „рабий язык" как отпечаток его особого дарования в цензурных условиях. Издание было повторено еще раз в 1898 г., см. ниже.]

Szczedrin, M. — Nowe bajki dla dżieci dorosłych. I. Orżel-mecenas. II. Niedzwiedz-wojewoda. Prżełożyl ż rosyjskiego tłomacž „Syberyi" Kennana. Kraków, nacł. F. Swiatkowskiego, G. Gebethner i Sp., druk. Związkowa, 1898, str. 33, 8°.

[Сказки: „Орел-меценат", „Медведь на воеводстве" (см. предыдущее указанье).]

Szczedrin-Sałtykow — Nowele. Karaś idealista, Wierny Trezor. Kraków. Spólka wyd. polska, druk. Czasu, 1900, str. 29, 8°.

[Сказки: „Карась-идеалист", „Верный Трезор".]

A. Puszkin — Miłostki carskiego huzara I. M. (?) Szczedrin-Sałtykow. Opowieści (I) Opowieści Majora Gorbyłowa; 2) Horodniczych, marszalkach szlachty i t. p; 3) W traktjerni „pod Gawronem"), Warszawa 1926, T-wo Wyd. „Rój", str. od 19 do 127.

[Пошехонские рассказы: 1) „По Сеньке и шапка"; 2) „Audiatur et altera pars"; 3) „В трактире „Грачи". Совместно с „Гусаром" А. Пушкина.]

Szczedrin, N. — Judaszek. Opracował L. Belmont. Tom I, str. 160; tom II, str. 160. Warszawa, 1926, Nakł. Bibljoteki Groszowej. [Господа Головлевы" (обработка)]

b) Периодика

Szczedrin, N. — Marta Kuźmowna. Powieść N. Szczedrina (Z rosyjskiego).

[Без указ. переводчика]. „Kłosy" Warszawa, 1872. Nr. 374, 17 (29) sierpenia, str. od 145 do 146. Nr. 375, 24 sierpenia (5 września), str. od 161 do 163. Nr. 376, 31 sierpenia (12 wrzesnia), str. od 179 do 180. Nr. 378, 14 (26) września, str. od 210 do 211. Nr. 379, 21 września (3 pazdzier.), str. od 229 do 230. Nr. 381, 5 (17) października, str. od 256 do 258. Nr. 383, 19 (31) października. str. od 287 do 290.

[„Губернские очерки": „Матушка Мавра Кузьмовна".]

Sałtykow, M. E. (Szczedryn) — Stara Pompadurowa. Przez M. E. Sałtykowa, (Szczedryna). [Без указ. переводчика]. „Prawda", Warszawa 1881, Nr. 18, 30 (18) kwietnia, str. od 206 do 209. Nr. 19, 7 maja (25 kwietnia), str. od 218 do 220. Nr. 20, 14 (2) maja, str. od 230 do 231. Nr. 21, 21 (9) maja, str. od 242 do 244.

[„Помпадуры и помпадурши": „Старая помпадурша".]

Sałtykow, M. E. — Opiekunowie. [Без указ. переводчика.] „Prawda", Warszawa, 881, Nr. 22, 28 (16) maja, str. od 254 do 255. Nr. 23, 4 czerwca (23 maja), str. od 266 do 270. Nr. 24, 11 czerwca (30 maja), str. od 278 do 282. Nr. 25, 18 (6) czerwca, str. od 250 do 294. Nr. 26, 25 (13) czerwca, str. od 302 do 304.

[„Благонамеренные речи": „Охранители".]

Sołtykow (!), M. E. (Szedryn) — W Drodze (Urywek). Przez M. E. Sołtykowa (sic!) (Szedryna). Przeklad ž rossyjskiego. [Без

ukąz. переводчика.] „Niwa", Warszawa, 1884, Zeszyt 236, str. od 599 do 608.

[„Благонамеренные речи": „Опять в дороге". Рассказ переведен не полностью. Отрывок этот (Urywek) был переведен видимо ради типа „брехуна - адвоката", потому что обрывается на обрисовке этого типа без заключительного конца.]

Sałtykow, M. (Szczedryn)—Szalaput. Przez M. Saltykowa (Szczedryna). Tłumaczył W. Kostyn. „Swiat", Kraków, Nr. 3, 1 lutego, str. od 60 do 64. Nr. 4, 15 lutego, str. od. 82 do 86.

[„Мелочи жизни": „Сережа Ростокин".]

Szczedryn, N.— Ludzie pstrokaci. „Tydzien", Petrokòw, 1886, Nr. 47, 48, 49.

[„Пестрые письма": „Письмо девятое". Письмо это, посвященное „Пестрым людям" (Ludzie pstrokaci), переведено было на польский язык очевидно ради выведенного здесь типа „обрусителя".]

Szczedryn, N.— Wujaczek Zachar. Przez N. Szczedryna (Przekład z rossyjskiego). [Без указ. переводчика.] „Przegłąd literacki". Dodatek do „Kraju". Petersburg, 1886, Nr. 42, 19 (31) paździerпika, str. 1—5. Nr. 43 [указаний на дату и на страницы этого номера установить не удалось в виду отсутствия номера в советских и польских библиотеках.]

[„Пестрые письма": „Письмо восьмое". В переводе отсутствуют строки, которыми сатирик характеризует вакханалию общественного сыска и деморализацию, наступившую вслед за подавлением „польского мятежа" так наз. эпохи умиротворения. Пропущено 63 строки, начиная от слов: „Ах, какое это было время..." до „испуга без конца".]

Szczedryn, N.— Pożar na wsi. „Tydzien", Piotrków, 1887. Nr. 4.

[Сказки: „Деревенский пожар". (Ни-то сказка, ни-то быль). В переводе пропущено, очевидно по цензурным соображениям, „примечание" Салтыкова об обгоревших у крестьянки выигрышных билетах и о неудачных хлопотах Салтыкова о замене этих билетов новыми.]

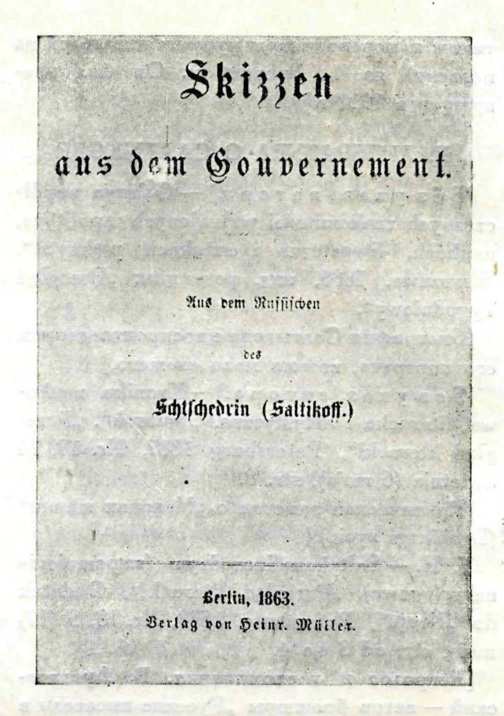
Szczedryn, N.— Konisko. „Tidzyen", Petrokow, 1887, Nr. 12.

[Сказки: „Коняга".]

Szczedryn, N. — Zmartwychwstanie. „Tydzien", Piotrków, 1887, Nr. 15.

[Сказки: „Христова ночь".]

Sałtykow, M. (Szczedryn)— Zgubione sumienie. Przez M. Saltykowa (Szczedryna). Powiść. Tłumaczyl W. Kostyn. „Prawda", Warszawa, 1887, Nr. 8, 19 (7) lutego, str. od 86 do 90.

ОБЛОЖКА НЕМЕЦКОГО ИЗДАНИЯ «ГУБЕРНСКИХ ОЧЕРКОВ»
Берлин, 1863 г.

[Сказки: „Пропала совесть".]

Szczedrin, N. — Pożar na wsi. Niby bajka-niby opowieść prawdziwa N. Szczedryna, W tlomaczeniu Bożydara [псевдоним Edmunda Bogdanowicza]. „Przegłąd literacki". Dodatek do „Kraju", Petersburg, 1887, Nr. 8, 20 lutego (4 marca), str. od 2 do 5.

[Сказки: „Деревенский пожар".]

Szczedryn, N. — Aniołek. [Без указ. переводчика.] „Głos", Warszawa, 20 maja (I czerwca), 1889, Nr. 22, str 276 — 278. 27 maja (8 czerwca), 1889, Nr. 23, str. 288—289.

[„Пестрые письма": „Ангелочек".]

Szczedryn, N. — Pożar na wsi. Niby bajka-niby opowieść prawdziwa N. Szczedryna. „Czas", Kraków, 1903, Nr?

[Сказки: „Деревенский пожар" (Ни-то сказка, ни-то быль.]

Szczedryn, N. — Noc Zmartwychwstanie. Wolny przekład Stanisława Kociemskiego „Wolne Słowo", Warszawa, 1911, Nr. 1 (114), 1 stycznia, str. 8.

[Сказки: „Христова ночь" (вольный перевод). Журнал „Wolne Słovo" издавался кри-

тиком и переводчиком русских писателей на польский яз. L. Belmont'ом. Он был прекращен в 1912 г.]

II. ЛИТЕРАТУРА О САЛТЫКОВЕ

[Без указ. автора.] — Galerya współczesnych znakomitości wsławionych w polityce, naukach, literaturze i sztukach pięknych". Warszawa, 1885, изд. редакции: „Przegłąd Tygodniowy".

[Биография Салтыкова с воспроизведением его портрета, весьма мало схожего.]

[Без указ. автора.] — Kronika naukowa, literacka i artystyczna. „Imiarek". „Przegłąd literacki", Petersburg, 1887, Nr. 17, 24 kwietnia (6 maja), str. 8.

[Критическая заметка о „Мелочах жизни" (Drobiazgi życia).]

T. H. — Saltykow-Szczedryn (wspomnienie nekrologowe). „Przegłąd literacki", Dodatek do „Kraju", Petersburg, 1889, Nr. 18, 5 (17) maja, str. od 3 do 4.

[Некролог и воспоминания. В. Лугаковский — автор брошюры „Русские писатели в польской литературе"—раскрывает инициалы автора как сокращенную подпись псевдонима Tokarzewicz — i. T. Hodi.]

Popławski, J. L. — N. Szcedryn. „Głos", Warszawa, 13 (25) maja, 1889, Nr. 21, str. od 266 do 267.

Pietkiewicz, Zenon (псевдоним „Adam Plug") — Literatura ruska. „Prawda", Warszawa, Szczedryn (Michał Sałtykow). I. Nr. 20, 18 (5) maja, 1889, str. od 235 do 236. II. Postacie; obrazy. Nr. 21, 25 (13) maja, 1889, str. od 248 do 249.

D. F. — M. Sałtykow-Szczedryn (wspomnienie pośmiertne). „Przegłąd Tygodniowy", Warszawa, 1889, Nr. 22, 20 maja (1 czerwca), str. od 297 do 298.

[Без указ. автора] — Michał Sałtykow. Petersburg w maju 1888. Korespondencja czasopisna „Kłosy". „Kłosy", Warszava, 1889, 8 (20) czerwca, Nr. 1251, str. od 399 do 400.

[Критическая статья. Приложен портрет удачного сходства.]

I. T. — Z Petersburga. „Tygodnik Ilustrowany". Warszawa, Nr. 334, 13 (25) maja, 1889, str. od 324 do 826.

[Статья о Салтыкове. На стр. 324 воспроизведен фотографический портрет Салтыкова.]

Brückner A., prof. — Z dziejow języka polskiego. Studja i szkice. Lwów, 1903.

[Характеристика художественного языка Салтыкова на стр. 45.]

Помимо приведенных выше наиболее значительных и оригинальных статей, вызванных смертью Салтыкова, в большинстве польских еженедельных изданий появились некрологи и статьи, представляющие собой извлечения из статьи Н. К. Михайловского „Памяти Щедрина" („Русские Ведомости" 1889) и ст. ст. К. К. Арсеньева „Русская общественная жизнь в сатирах Салтыкова" („Вестник Европы" 1883, позднее сборник „Критические этюды", 1888, т. 1—2). Статьи, посвященные Салтыкову, и выдержки из его произведений появились в след. газетах (конец мая): „Wiek" (Warszawa) — три номера; „Kurjer Codzienny" — два номера и по одному номеру в „Kurjer Warszawski"; „Słowo" (Warszawa); „Kurjer Poranny" (Warszawa); „Dziennik Warszawski" (Warszawa); „Gazeta Lubelska" (Lublin) — перепечатка из „Kurjera Codziennego" (см. выше); „Dziennik Łodzki" (Lodz) и „Lodzer Zeitung" (Lodz) — перепечатка некролога из „Нового Времени". Еврейская газета на польском языке „Israelita" перепечатала статью из „Восхода".

СЕРБСКИЙ ЯЗЫК

I. ПЕРЕВОДЫ

Шчедрин, Н. — Красноречиви господин начелник. Приповетка. С рус. М. Ђ. Глишић. „Млада Србадија". Лист уједињене омладине српске за књижевност и науку. II. Нови Сад, Београд, 1871, стр. 455, 473, 485, 504.

[„Помпадуры и помпадурши": VI. „Она еще едва умеет лепетать"].

Шчедрин, Н. — Нестало савести. Превео К. З. Л. Нови Сад, 1872 („Раденик", Мала библиотека, Бр. 45—48).

[Сказки: „Пропала совесть".]

Шчедрин, Н. — Прича о томе, како је прост геја наранио два начелника. Превод с русского. Нови Сад, 1872 („Раденик", Мала библиотека, Бр. 25—26).

[Сказки: „Повесть о том, как один мужик..."]

Шчедрин, Н. — Глупи спахија. Приповетка. С рус. А. З. Иовичић. „Преодница". Књижевни лист. Београд, I, 1873, стр. 73, 90.

[Сказки: „Дикий помещик".]

Шчедрин, Н. — Глупаци (приповетка). „Исток", календар за 1874 год.

[?]

Шчедрин, Н. — Четири приче. Нови Сад, 1877, 12⁰ (Изд „Мала библиотека", св. II).

[Сказки: ?]

Шчедрин, Н. — 1. Један геја наранио два начелника. 2. Нестало савести. С рус. Нови Сад, 1877, 16°, 63 („Раденик", Мала библиотека, II).

[Сказки: 1) „Повесть о том, как один мужик..."; 2) „Пропала совесть".]

Шчедрин, Н. — Реч о правди. С рус. Т. М. Поповић. „Хришћански Весник". Београд, IX, 1887, стр. 633.

[Сказки: „Рождественская сказка".]

Шчедрин, Н. — Божитња прича. С рус. „Омладина". Часопис за науку, књижевност и друштвени живот. Београд, II, 1888, стр. 221.

[Сказки: „Рождественская сказка".]

Шчедрин, Н.—Божићна прича. С рус. „Омладина". Дабро-Босански Источник. Сарајево, VI, 1892, стр. 558.

[Сказки: „Рождественская сказка".]

Шчедрин, Н. — Караш-идеалиста. Скаска. С рус. Јован Максимовић. „Дело". Наука, књижевност и друштвени живот. Београд, II, 1894, стр. 437.

[Сказки: „Карась - идеалист".]

Шчедрин, Н. — Верни Трезор. Скаска. С рус. Јов. Максимовић. „Дело". Наука, књижевност и друштвени живот. Београд, V, 1895, стр. 459.

[Сказки: „Верный Трезор".]

Шчедрин, Н.—Орао-меценат. Скаска. С рус. М. П. „Дело". Наука, књижевност и друштвени живот. Београд, X, 1896, стр. 242.

[Сказки: „Орел-меценат".]

Шчедрин, Н.— Посета у русској апсани. Прича. С рус. „Декамерон". Сто прича од сто најелавнијих писаца светске књижевности. Сремски Карловци, II, 1897, стр. 135.

[„Губернские очерки": VIII. „В остроге. Посещение первое". Перевод с купюрами. В конце сделано добавление, отсутствующее в оригинале.]

Шчедрин, Н.— Господа Головљеви. Роман. „Дневни Лист", Београд, 1897—1898.

[„Господа Головлевы". Указание на перевод взято из русск. журнала „Дело", СПБ. XVI, 1897, стр. 529.]

Шчедрин, Н.—Красноречиви господин начелник. „Дневни Лист", Београд, 1898.

[„Помпадуры и помпадурши": VI. „Она еще едва умеет лепетать".]

Шчедрин, Н. — Јади старого гаврана. Скаска. С рус. Ник. Николајвић. „Звезда". Породични лист. Београд, IV, 1900, стр. 36, 44.

[Сказки: „Ворон-челобитчик".]

Шчедрин, Н. — Меланхоличан ован. Приповетка. С рус. Срет. А. Поповић. „Звезда". Лист за забаву, поуку и књижевност. Београд, II, 1900, стр. 170.

[Сказки: „Баран-Непомнящий".]

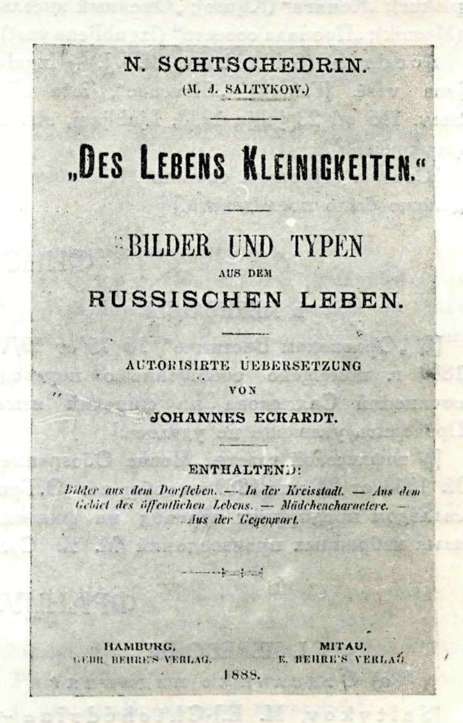
Шчедрин, Н. — Модерни чиновник. С рус. Александар. „Звезда". Лист за забаву, поуку и књижевност. Београд, III, 1901. стр. 196.

[„Мелочи жизни": „Праздношатающийся".]

Шчедрин, Н. — Један геја наранио два начелника. „Илустров. Гласник". Прага, II, 1905, стр. 95.

[Сказки: „Повесть о том, как один мужик..."]

Шчедрин, Н.—Господа Головљеви. Ро-

ОБЛОЖКА АВТОРИЗИРОВАННОГО НЕМЕЦКОГО ИЗДАНИЯ СБОРНИКА «МЕЛОЧИ ЖИЗНИ»
Гамбург — Митава, 1888 г.

ман. С рус. „Летопис Матице Српске". Књига, Нови Сад, 1919.

II. ЛИТЕРАТУРА О САЛТЫКОВЕ

Поповић, Т. М. — Щедрин. „Хришћански Весник". Лист за хришћанску поуку и црквену књижевност. Београд, IX, 1887, стр. 633.

[Статья о „Рождественской сказке".]

Текелијин, Т. Ј. — Шчедрин, руски списатель. Некролог. „Јавор". Лист за забаву, поуку и књижевност. Нови Сад, 1889, стр. 447.

Михаил Салтиков - Шчедрин. Некролог. „Нова Зета". Месячни књижевни лист. Цетиње, I, 1889, стр. 191.

* * * — Е. М. Салтиков-Шчедрин. Некролог «Босанска Вила». Лист за забаву, поуку и књижевност. Сарајево, IV, 1889, стр. 224.

Суперанскій, М. — Руски узгој по дјелима М. Е. Салтикова. „Школски Вјесник". Стругни лист земаљске владе за Босну и Херцеговину. Сарајево, VI, 1889, стр. 842.

[Перевод статьи из русск. журн. „Образование", 1896, № 10.]

Арсењев, К. К. — Михаил Евграфовић Салтиков-Шчедрин. С рус. К. Миловановић. »Бранково Коло". За забаву, поуку и књижевност. Срем Карловци, XII, 1906, стр. 589, 633, 665, 698, 787, 843, 942, 1011, 1068, 1209, 1269, 1306, 1365, 1433, 1464, 1491, 1561.

СЛОВИНСКИЙ ЯЗЫК

I. ПЕРЕВОДЫ.

Sáltikov-Ščedrin, [M. J.]—Stiri bajke Sáltikova-Ščedrina. Prevod in uvod preskrbel Ivan Prijatelj. „Zabavna knjižnica", XIII zvezek, 1901, V, Ljubljani, „Slovenska Matica", стр. 1—49.

[Сказки: „Премудрый пискарь" (Premodri piskur); „Коняга" (Kljuse); „Овсяный кисель" (Mocnik); „Пропала совесть" (Izgubljena vest).]

Ščedrin (Sáltikov, M. J.) — Izgubljena vest. [Газета] „Slovenec", leto LXI. Štev. 165 od 23 julija 1933, Ljubljani, str. 11 (neukončeno).

[Сказки: „Пропала совесть". Продолжение должно было последовать.]

II. ЛИТЕРАТУРА О САЛТЫКОВЕ

* * * — Ščedrin [Некролог]. „Slovanski Svet", 25/V 1889, Ljubljani, стр. 176.

* * * — Mihail Evgrafovič Săltikow (N. Ščedrin). „Slovanski Svet", 10/VI 1889, Ljubljani, стр. 187—189.

[Биография и очерк творчества.]

Prijatelj, Ivan — Šáltikov-Ščedrin.

[Историко-литературная статья как предисловие к переводу, сделанному автором четырех сказок Салтыкова-Щедрина в издании „Matici Slovenska"; см. выше: Stiri bajke.]

ФИНСКИЙ ЯЗЫК

I. ПЕРЕВОДЫ

[В „Орловском Вестнике" № 75 от 10/VI 1889 г. помещено сообщение о переводе сочинений Салтыкова на финский язык. Проверить указание не удалось.]

[В тифлисской газете „Новое Обозрение" № 1868 от 24 мая 1889 г. сообщено: „Э. Гросвальдом предпринят перевод на финский язык избранных произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина. К переводу будет приложен критический обзор его сочинений". Осуществилось ли это издание — проверить не удалось.]

II. ЛИТЕРАТУРА О САЛТЫКОВЕ

M—kku V. J. — M. E. Saltykow. Tietosanakirja Kahdeksas Osa. Helsinki, 1906, p. 688.

ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

I. ПЕРЕВОДЫ

а) Отдельные издания

[Saltykov, M. E.]-Chtchédrine — Trois contes russes de Chtchédrine (pseud.). Traduits par Ed. O'Farell. (Contient: Les généraux et le moujik. Conscience perdue. Le poméchtchik sauvage). Paris, Librairie de bibliophiles, 1881, pp. (4), XII, 89, 8°, Préface.

[Сказки: 1) „Повесть о том, как один мужик..." 2) „Пропала совесть" и 3) „Дикий помещик". Переводу предпослано интересное предисловие (pp. 1—12). Издание имеет

библиофильский характер, оно отпечатано на особой бумаге, всего в количестве 200 экз.]

[Saltykov, M. E.]-Chtchédrine—L'Amie de l'ancien gouverneur. Nouvelle de Chtchédrine (pseud.). Traduite par Ed. O'Farell· Paris, Librairie des bibliophiles, 1881, pp. (4), XVIII, 73.

[„Помпадуры и помпадурши": „Старая помпадурша". Переводу предпослано ценное предисловие (pp. I — XVI). Издание — библиофильское; отпечатано в количестве 200 экз., из них часть на голландской и на японской бумаге.]

[Saltykov, M. E.]-Tchédrine — Berlin et Paris, voyage satirique à travers l'Europe. La conscience perdue. Traduit du russe par Michel Delines. Paris, L. Westhausser, 1887, pp. (4), 303 +.

[Сокращенный перевод цикла „За рубежом" и сказка „Пропала совесть". Книжка выдержала в течение года три издания.]

[Saltykov, M. E.]-Chtchédrine, [N.]— Les messieurs Golovleff. Roman traduit du russe par Marina Polonsky et G. Debesse. Paris, A. Savine, 1889, pp. XI, 406+.8° (Romans étrangers modernes).

[„Господа Головлевы". Переводу предпослано предисловие переводчицы M. Polonsky (p. V—XI). Перевод выдержал два издания и был повторен третий раз в 1922 г. (Librairie Stock) с новым предисловием Edmond Jaloux].

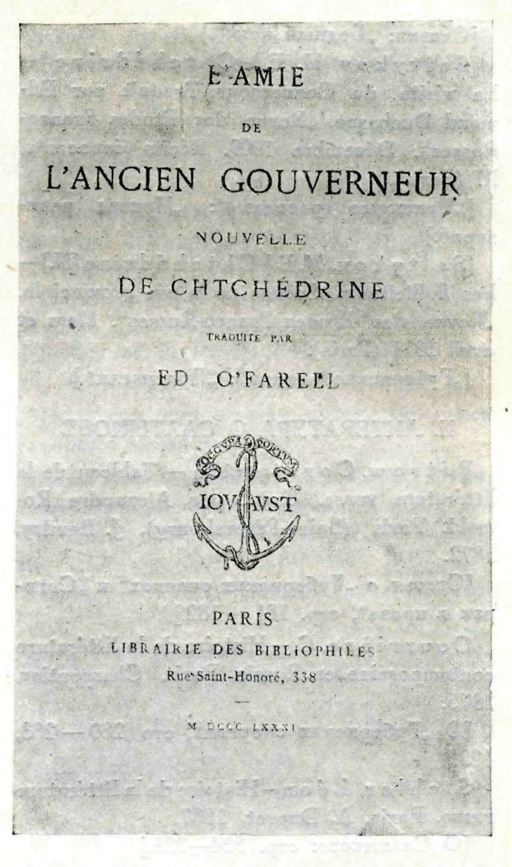
[Saltykov, M. E.]-Chtchédrine [N.] — Pochékhonié d'autrefois; vie et aventures de Nikanor Zatrapézny. Traduit du russe par M-me M. Polonsky et G. Debesse. Paris, A. Savine, 1892, pp. (4), 348 +.

[„Пошехонская старина". В том же 1892 г. перевод вышел вторым изданием. В 1922 г. издание было повторено еще раз (Librairie Stock).

[Saltykov, M. E.] - Chtchédrine, [N.]—Les messieurs Golovleff. Roman traduit du russe par Marina Polonsky et G. Debesse, avec préface d'Edmond Jaloux. Paris, librairie. Stock, 1922, pp. 406 + 8°.

[„Господа Головлевы". Интересное предисловие.]

[Saltykov, M. E.] - Chtchédrine, [N.] — Pochékhonié d'autrefois; vie et aventures de Nicanor Zatrapézny. Traduit du russe par M-me M. Polonsky et G. Debesse. Paris, librairie Stock, 1922, pp. (4), 348 +.

ОБЛОЖКА ФРАНЦУЗСКОГО ИЗДАНИЯ ОЧЕРКА «СТАРАЯ ПОМПАДУРША» ИЗ ЦИКЛА «ПОМПАДУРЫ И ПОМПАДУРШИ»
Париж, 1881 г.

[„Пошехонская старина".]

[Saltykov, M. E.] - Chtchédrine, [N.]—Nos petits Bismarcks. Traduit du russe par Serge Nossoff. Paris, Louis Westhausser, s. a., 271 p.

[„Помпадуры и помпадурши".]

b—c) Сборники и периодика

[Saltykov, M. E.]-Chtchédrine — La nuit du Christ. Légende de Pâques. Traduit par E. Halpérine-Kaminsky. „Revue Bleue", Paris, No. 17, 27/IV 1889, p. 537.

[Сказки: „Христова ночь".]

[Saltykov, M. E.]-Tchédrine, H.(?)— Le très sage goujon. Traduit par L. Golschmann et E. Jaubert. v. Le Livre des Bêtes, I. Paris, Ollendorf, 1901, 4°, pp. 89—99.

[Сказки: „Премудрый пискарь".]

[Saltykov, M. E.]-Tchédrine, H.(?)— Pauvre loup! Traduit par Léon Golschmann et Ernest Jaubert. v. Le Livre des Bêtes, I. Paris, Ollendorf, 1901, 4°, pp. 101—113.

[Сказки: „Бедный волк".]

[Saltykov, M. E.]-Chtchédrine — La visite du Gouverneur. Traduit par Edmond Duchesne. „Revue des Etudes Franco-Russes". Décembre 1909. Récits innocents, III (Paris).

[„Невинные рассказы": „Приезд ревизора".]

[Saltykov, M. E.]-Chtchédrine, [N.] — Les Solliciteurs. Scènes de la vie provinciale. „Revue des Etudes Franco-Russes". Mars et avril 1911 (Paris).

[„Губернские очерки": „Просители".]

II. ЛИТЕРАТУРА О САЛТЫКОВЕ

Pétrow, Constantin — Tableau de la littérature russe. Trad. par Alexandre Romeld. Paris (Saint-Pétersbourg), J. Baudry, 1872.

[Статья о „Губернских очерках" и „Сатирах в прозе", стр. 181—182.]

Courrière, C. — Histoire de la littérature contemporaine en Russie. Paris, Charpentier, 1875.

[О „Губернских очерках", стр. 280—283, 423.]

Sichler, Léon — Histoire de la littérature russe. Paris, A. Dupret, 1887.

[О Салтыкове: стр. 334—335.]

Tikhomirov, L. — La Russie politique et Sociale. Paris, Savine, 1888.

[О Салтыкове: стр. 335, 352, 359, 361.]

L. V. — [Некролог Салтыкова]. Journal de St.-Pétersbourg, 1889, No. 113, dimanche 30 avril (12 mai).

[Материалы о похоронах Салтыкова, отзывы русской прессы и т. д. помещены также в №№ 114, 115, 116.]

L. V. — Chronique Littéraire [большой фельетон, посвященный Салтыкову]. Journal de St.-Pétersbourg, 1889, No. 113, p. 1. „Figaro". Paris, 1889, mai.

Некрологи, посвященные Щедрину, появились кроме того в газетах „La Presse", „Paris", „Journal des Débats", „Gaulois" и „Temps". В последней газете, в майских номерах 1889 г., печатались также отрывки из „Пошехонской старины" под заголовком „La Famille Zatrapezny".

Vogüé, Melchior de. — Le développement intellectuel. В сборнике: La Russie. Paris, Larousse, s. d. [1891].

[О Салтыкове: стр. 29 ss.]

Combes, Ernest — Profils et types de la littérature russe. Paris, Fischbacher, 1896.

[О Салтыкове: стр. 167, 406.]

Leger, Lercis — La littérature russe, notices et extraits. Paris, Colin, 1899.

[Перевод нескольких страниц из „Губернских очерков" — Esquisses provinciales — с примечаниями, стр. 498 ss.]

[Без указ. автора] — Une nouvelle inédite de Chtchédrine (Tranquille asile). „Revue des Etudes Franco-Russes", 15 mai 1910.

[Ср. заметку о „Тихом пристанище" Салтыкова в „Вестнике Европы" за март 1910.]

Patouillet, J. — Ostrovski et son théâtre de moeurs russes. Paris, Plon (?), 1912.

[О Салтыкове: стр. 44, 57, 60, 63, 74, 104, 138, 282, 285, 353, 357, 359, 363, 370, 380, 383, 384, 387, 388, 391, 396, 403, 415, 437, 455.]

Haumant, Emile — La culture française en Russie 1700—1900. Paris, Hachette, 1913.

[О Салтыкове: стр. 415, 453, 481.]

Legras, Jules — La littérature en Russie. Paris, Colin, 1929.

[О Салтыкове: стр: 167—170.]

Leger, Lercis — Histoire de la littérature russe. Paris, Larousse, s. d.

[О Салтыкове: стр. 5—66.]

Waliczewski, K. — Littérature russe. Paris, Colin, s. a.

[О Салтыкове: стр. 310—318.]

Mazon, André — Un maître du roman russe — Jvan Gontcharov. Paris, Champion 1914.

[О Салтыкове: стр. 154, 165, 200, 208, 230, 289, 350.]

Legras, J. — Saltykov (Chtchédrine), M. E. „La grande Encyclopédie", Paris, t. 29, p. 382.

[Без указ. автора] — Saltykov (Chtchédrine), M. E. „Nouveau Larousse illustré", t. VIII [Paris], p. 510.

ХОРВАТСКИЙ ЯЗЫК

I. ПЕРЕВОДЫ

Šaltykov-Ščedrin, M. J. — Gospoda Golovljovi. Roman. Preveo s ruskoga Jso Velikanovič, 1918, Zagreb, Nakl. Kujižare Mirka Breyera. [2]—336.

[„Господа Головлевы". Приложен портрет Салтыкова.]

II. ЛИТЕРАТУРА О САЛТЫКОВЕ

Jelačič, E. — [M. J. Saltykov-Ščedrin]. „Nova Evropa“, Knjiga XIV, Proj. 4, 5, 1926, Zagreb.

[Статья о столетнем юбилее Салтыкова.]

ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК

I. ПЕРЕВОДЫ

a) Отдельные издания

Spisy Michaila Jevgrafoviče Saltykova:

Svazek I. Pžeklad rediguje Jaromir Hrubý.— Pani Golovlevi. Roman. Přeložil J. K. Pravda. — H(rubý) J(aromir): Michail Jevgrafovič Saltykov (Szcedrin). V Praze, 1898. Tiskem a nakladem J. Otto, 8°, str. 350, Ruská Knihovna, XV.

Svasek II. Překlad rediguje Pavel Papaček.— Bajky. V Praze, 1904. Nakladem J. Otto, 8°, str. 350. Ruská Knihovna, XLIII.

Svasek III. Překlad rediguje Pavel Papaček. — Pošechoňská Starina. Dil. 1. Přeložil Akim Set. V Praze [1910]. Nakladem J. Otto, 8°, str. 280, Ruská Knihovna, LIII.

Svasek IV. Překlad rediguje Pavel Papaček.—Pošechoňská Stařina. Dil. 2. Přeložil Akim Set. V Praze [1910]. Nakladem J. Otto, 8°, str. 308, Ruská Knihovna, LIV.

[Сочинения Салтыкова в 4 томах: „Господа Головлевы“, „Сказки“ и „Пошехонская старина“. В первом томе критико-биографическая статья J. Hrubý].

Saltykov, M. [J.]—Výbor povídek. Přeložil Karel Frypes. „Topičův sbornik“, 13 1910, Praha, „Topič“, XII, 291.

[Избранные рассказы.]

Saltykov, [M. J.]—Pâni Golovlevi. 1920; J. Otto, Praha.

[„Господа Головлевы“.]

Saltykov, M. J. — Pozâr vesnice a jiné satiry. Z ruštiky přel. Jaroslav Mares. 1924, Plzen, „Mares J.“, 64.

[Сказки: „Деревенский пожар“.]

b) Периодика

Saltykov-Ščedrin — Kněžna Anna Lvovna. Přel. Vlad. Sluha. „Knihovna besed lidu“, sv. CXI, z ruského humoru, str. 3—27, Praha, J. Otto, s. a.

[„Губернские очерки“: „Княжна Анна Львовна“.]

II. ЛИТЕРАТУРА О САЛТЫКОВЕ

E. V. — Saltykov. „Kvety“. Praha, roč. III, čislo 29, 1868, str. 230.

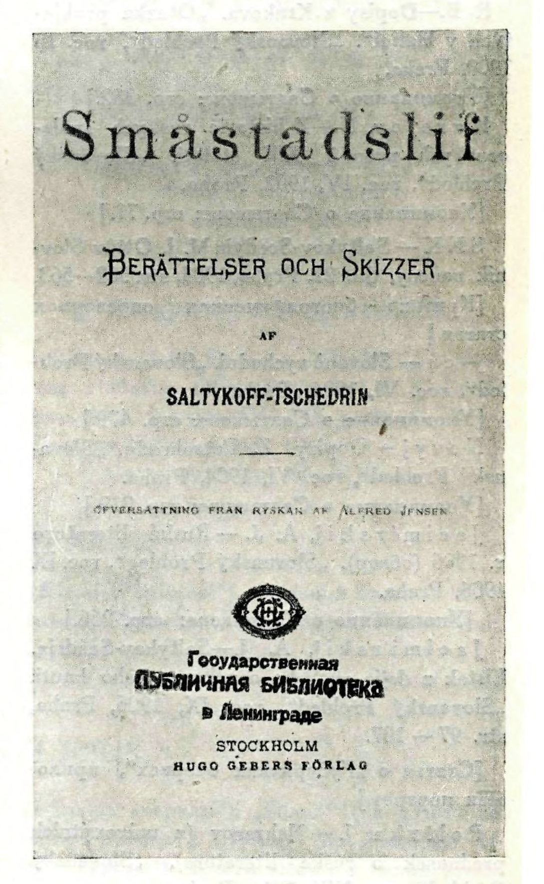
[Статья по поводу „Губернских очерков“; на стр. 225 портрет Салтыкова работы F. Huttari.]

Chalupa, Fr.— Ruský satirik Saltykov — Ščedrin. „Slovansky sbornik“ (redaktor E. Jelinek), roč. III, Praha 1884, str. 25—31, 90 — 94, 148—152, 210—213. 265—274.

[Большая критическая статья. Приложен портрет Салтыкова.]

[Без указ. автора] — [Некролог и критико-биографическая заметка о Салтыкове.] „Svčtozor“, roč. XXIII, No. 27, 24/V 1889, str. 324.

Žitný Karel — Michail Evgrafovič Sal-

ОБЛОЖКА ШВЕДСКОГО ИЗДАНИЯ «ГУБЕРНСКИХ ОЧЕРКОВ»

Стокгольм, 1890 г.

tykov. „Zlatá Praha" (иллюстр. журнал). Roč. VI, Praha, 1889, No. 30, str. 357—358. No. 31, str. 363—366.

[Большая статья о творчестве Салтыкова и его значении.]

Hruby J. [В статьях о русской литературе в журнале „Osveta" есть о Салтыков. В 1888 г.—стр. 653 и след. В 1889—стр. 965 и след.]

Hrubý J.—M. E. Saltykov-Ščedrin. „Osveta" (журнал), listy pro rozhled v umĕni, vĕdĕ a politice. Redaktor a vydavatel Vacslav Vlcek. Roc. XXI, Praha, 1891, dil., 1, str. 310—329.

[Глава из общего обзора: J. Hrubý: „Ruska literature rs. 1889 a 1890".]

Bocjanovskij, V. — Ruská literatura, r. 1899 (обзор). „Slovanský Prehled", roc. II, 1900, Praha.

[Упоминание о Салтыкове: стр. 283.]

R. B.—Dopisy z Krakova. „Otazka prokletých v Halici". „Slovanský Prehled", roc. II, 1900, Praha.

[Упоминание о Салтыкове: стр. 382.]

Karejev, N.—Z historie ruskych spolecenskych prondû XIX stoleti. „Slovanský Prehled", roc. IV, 1902, Praha.

[Упоминание о Салтыкове: стр. 71.]

SNK — Saltykov-Scedyin M. J. Ottûv Slovnik naucny, dil. 22, Praha, 1904, str. 562—563.

[Критико - биографическая справочная статья.]

— ch — Slovanè vychodni. „Slovanský Prehled", roc. VI, 1904, Praha.

[Упоминание о Салтыкове: стр. 479.]

Novyj — Dopizy. Z. Petrohradu. „Slovanský Prehled", roc. VI, 1904, Praha.

[Упоминание о Салтыкове; стр. 219.]

Jacimirskij, A. J. — Ruská literatura r. 1906 (обзор). „Slovanský Prohleg", roc. IX 1906, Praha.

[Упоминание о Салтыкове: стр. 256.]

Jacimirskij, A. J.—Saltykov-Scedrin. Listek z dejin ruskeho osvobozenskèho knuti. „Slovanský Prehled", roc. IX, 1906, Praha, str. 97 — 107.

[Статья о „Губернских очерках", приложен портрет.]

Polívka, J. — Nekrasov (z universitnich prednasek o ruske literature). „Slovanský Prehled", roc. XIII, 1911, Praha.

[О Салтыкове: стр. 62—63—66.]

Novus — Dopisy. Z Petrohradu. Pamatka smrti Saltykova-Scedrina. „Slovanský Prehled", roc. XIII, 1911, Praha, str. 124.

Prazak, Albert. — Mich. Jevgr. Saltykov (N. Scedrin). Posechonska starina. I—II. Prelozil Akim Set. Praha. „Slovanský Prehled", roc. XIII, 1901, Praha, str. 276—278.

[Большая рецензия на перевод „Пошехонской старины".]

C. V. — Nova Ruská literatura v pojeti jevrazijskem. Prednaska P. Savichèho v Praze, Referat. „Slovanský Prehled", roc. XVIII, 1926, Praha.

[Упоминание о Салтыкове: стр. 306.]

Teskova, Anna. Mich. Jevgr. Saltykov-Scedrin. „Slovanský Prehled", roc. XVIII, 1926, Praha, str. 308—309.

[Статья по поводу 100-летия со дня рождения Салтыкова, с портретом.]

Bryk, Jv., Dr.—Jvan Franko (Listek z dĕjin ukrajinsko-českě vzájemnosti). „Slovanský Prehled", roč. XVIII, 1926, Praha.

[Упоминание о Салтыкове: стр. 491, 595.]

Bem, A. — „Nova Europa". Knijiga XIV. Broj. 4, 5, 1926, Zagreb. „Slovanský Prehled", roč. XVIII, 1926, Praha, str. 643.

[Рецензия. Упоминается статья E. Jelačič'a в „Nova Europa" о 100-летнем юбилее Салтыкова.]

Teskova, A. — „День русской культуры". Зодчие русской культуры. Прага, 1926. „Slovanský Prehled", roč. XVIII, 1926, Praha.

[Рецензия (по-чешски). Упоминание о Салтыкове: стр. 641.]

* * * — „Ruská knihovna", стр. 100. N. S. Lĕskov. Sv. II. Preloz. A. Stin. „Slovanský Prehled", roč. XVIII, 1926, Praha.

[Упоминание о Салтыкове: стр. 773.]

Prach, Vojtech (Некролог). „Slovanský Prehled", roč. XIX, 1927, Praha, str. 783.

[В заметке без подписи упоминается, что P. V. был переводчиком Салтыкова на чешский язык.]

„Cesko-Ruská Jednota v Praze". „Slovanský Prehled", roč. XIX, 1927, Praha, str. 631.

[Отчет о деятельности и упоминание о вечере в память столетия со дня рождения Салтыкова.]

F. A. (Frinta) — Некролог D-ra Borivoi Prusik'a, переводившего Салтыкова для „Ruská Knihovna". „Slovanský Prehled", roc. XX, 1928, Praha, str. 310-311.

Hostovský, J. — Рецензия на „Sebrané spisy. XXXVII—VIII. Dopluky. F. Dostojev-

skij“. „Slovanský Prehled“, roč. XX, 1928, Praha, str. 463—465.

[Есть упоминание о Салтыкове.]

Vilinskij, Sergij. G — O literarni činnosti M. Jev. Saltykova-Sčedrina. Brno, 1928, str. 246. Spisy Filos. Fakulty Masarikovy University v Brno, t. 25.

[Монография о Салтыкове. Рецензии на нее появились в следующих изданиях: „Slavia“ roč. VIII (стр. 153—161), 1929—1930, Praha (Е. Ляцкий); „Печать и революция“, кн. I, 1929, М. (Палч).]

Charvát, V.—A. P. Cechov. „Slovanský Prehled“, roč. XXI, 1929, Praha.

[Упоминание о Салтыкове: стр. 576.]

ШВЕДСКИЙ ЯЗЫК

I. ПЕРЕВОДЫ

Saltykoff [M. E.]-Tschedrin—Småstadslif Berättelser och Skisser af Saltykoff-Tschedrin. Öfversättning Från Ryskan af Alfred Jensen. Hugo Gebers Förlag, Stockholm, [1890], pp. I—X+169.

Innehåll: Förord 1 — X (Öfversättaren). Z Stället för inledning. Den gamla goda tiden: Kanslistens första berättelse; Kanslistens andra berättelse. Vår vän polismästaren. Vara gudelig och låta sig nöja ärvinning nog. En treflig familj. Arinuschka. Hostskymning. Landsvägen.

[„Губернские очерки“ (отрывки). Перевод сопровождается предисловием.]

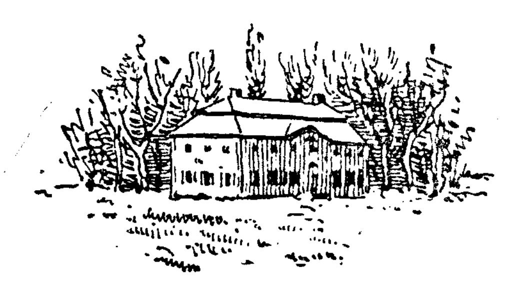
Saltykov, M. E. — Familjen Golovljov. Roman av M. E. Saltykov. Översättning från Ryskan av Gunnar gunnarsson. Stoskholm, P. A. Norstebt et Sönners Förlag [1933], 433.

[„Господа Головлевы“.]

FAMILJEN GOLOVLJOV

ROMAN AV

M. E. SALTYKOV

P. A. NORSTEDT & SÖNERS FÖRLAG

ОБЛОЖКА ШВЕДСКОГО ИЗДАНИЯ «ГОСПОД ГОЛОВЛЕВЫХ»

Стокгольм, 1933 г.

II. ЛИТЕРАТУРА О САЛТЫКОВЕ

Polonskij, Georg — Ryska Litteraturens Historia. Öfversättning af G. B. Lundgren. Med. 9 portr. IV—148. portr. C. W. K. Gleerups Förlag, Lund, 1906.

— О Салтыкове: стр. 78—81].

ЭСТОНСКИЙ ЯЗЫК

[Saltôkow-Stshredziin, M. E.] Saltôkow'ist. Jlukirjandus nr. 8, 17-nes riigitrükikoda. Peterburis. [s. a,], стр. 32 in 16°.

[Содержание: Вступит. ст. J. J. (Osalt „Klassi-Wôitlusest“), очерки и сказки—Mawrussha, Obusekont, Metsmôisnik, Wabameelne, Lapsed.]

ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК

I. ПЕРЕВОДЫ

Салтыков-Щедрин, М. Е. — Просители. Пер. проф. С. Ясуги. Изд. „Синтьося“, Токио, 1924.

[Содержание: „Просители“ (из „Губернских очерков“); „Крутогорск“ (предисл. к „Губернским очеркам“); „Голод“ (из „Истории одного города“); „Пожар“ (из „Истории одного города“). Книга вышла в серии „Избранные произведения иностранной литературы“. Переводчик — один из виднейших японских россиеведов, профессор Токий-

ского Института иностранных языков Ясуги Садусси. В предисловии Ясуги указывает, что имя Салтыкова связано с самым первым этапом японского россиеведения. Когда первый россиевед Рурукава (автор первого русско-японского словаря) возвращался из России в 1878 г., группа русских радикальных интеллигентов, с которыми он поддерживал тесное знакомство, преподнесла ему на память сборник рассказов Салтыкова-Щедрина. Издательство „Синтьося", выпуская эту серию, объявило, что основной задачей последней является 1) ввод в обиход японских читателей тех произведений, которые до сих пор не были известны японцам и 2) выпуск переводов, сделанных непосредственно с того языка, на котором написаны эти вещи (большинство русских авторов переводилось на японский с английского)].

Салтыков-Щедрин, М. Е.—Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил. Пер. проф. М. Ионэкава.

Сказка помещена в русском отделе книги: „Собрание коротких мировых рассказов". Изд. „Киндайша" (ныне не существует), Токио, 1925.

II. ЛИТЕРАТУРА О САЛТЫКОВЕ

Ионэкава, М. проф.—Русские литературные течения. Изд. „Сансейдо", Токио, 1932.

[О Салтыкове см. 13-ю главу.]

ОБЛОЖКА ЯПОНСКОГО ИЗДАНИЯ СБОРНИКА ИЗБРАННЫХ ОЧЕРКОВ ЩЕДРИНА
Токио, 1924 г.

VII. ХРОНИКА

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЩЕДРИНА

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ЩЕДРИНА

Полное собрание сочинений Щедрина рассчитано на 20 томов, из них 14 томов художественных произведений 3 тома писем и 3 тома публицистических и критических статей. Совершенно новым является издание публицистических статей Щедрина, которые печатались только в журналах 60—70-х годов, а также ряда новых писем, критических статей и художественных отрывок, в которых особенно ясно выявляется облик Щедрина-общественника.

Щедрин жил в крепостную эпоху, которую он страстно ненавидел. В двух своих лучших произведениях — «Господа Головлевы» и «Пошехонская старина» — он дает беспощадную оценку крепостничеству.

В 40-х годах Щедрин принадлежал к кружку петрашевцев, и под влиянием идей утопического социализма им были написаны две повести «Противоречия» и «Запутанное дело», за которые он был выслан в Вятку, где провел восемь лет.

Написанные им после ссылки «Губернские очерки» выдвигают его сразу на одно из первых мест не только как блестящего художника-сатирика, но и как борца за передовые идеи.

В продолжение 30—40 лет он работает в лучших журналах своего времени: «Современнике» и «Отечественных Записках», сначала сотрудником, а потом редактором. Всю силу своего огромного художественного таланта, своей бичующей сатиры, он направлял на борьбу с господствующими классами, разоблачая их алчность и жестокость, на борьбу с мертвящим формализмом и бездушием властей. Не было ни одного сколько-нибудь значительного явления в общественной жизни России, по которому не прошла бы острая сатира Щедрина, бичующая язвы буржуазно-феодального строя, разрушающая всю гниль и низость господствующих классов. Запечатленные его огромным художественным талантом мировые типы хищников вызвали бешеную злобу против него. Его одинаково ненавидят и консерваторы, и либералы, его зачастую не понимают и люди левого лагеря. Он шел впереди эпохи. Вся его любовь, все тревоги отданы угнетенным, в которых ему хочется видеть не рабов, покорно несущих свое ярмо, а свободных, сознающих свое право на жизнь людей. Все его произведения — возмущение против насилия и угнетения, призыв к борьбе, к протесту и уничтожению зла.

Щедрин в изумительно четкой форме вскрывает классовые противоречия; он с ненавистью обрушивается на защитников «основ». Яростно бьет либералов, беспощадно бичует беспочвенный идеализм, издевается над теоретиками «гармонии» интересов. Он отлично понимает законы противоречий классового общества и беспощадно высмеивает тех, кто думает, «что пока немцы занимаются накоплением, мы-де и политическую экономию упраздним. Так и упраздняли, упраздняли». («За рубежом»).

Щедрин смеется над беспочвенным утопизмом, и мечтания Карася-идеалиста и всеобщем мире, «если бы все рыбы сговорились», бичуются им с непревзойденным мастерством. Никакой гармонии, никакого единства интересов между эксплоататорами и эксплуатируемыми Щедрин не признает. Все его сказки построены на принципе классовых противоречий. Ненавистна ему также порода премудрого пискаря, зарывшегося в тину и мечтающего об одном: как бы свою постылую жизнь сохранить. Проповедь «малых дел» находит в нем также буйную отповедь. Когда либералы выставили лозунг «наше время — не время широких задач», Щедрин обрушился на них со всей силой своей сатиры: «Этим все сказано, тут и скудоумие, тут и распутство».

Идеалом борца для него является человек, не идущий ни на какие компромиссы, ни на какие уступки. Вот что он пишет в письме к Анненкову в 1875 г.:

«Ввиде эпизода хочу написать рассказ «Паршивый». Чернышевский или Петрашевский все равно — сидит в мурье, среди сне-

гов, а мимо него примиренные декабристы и петрашевцы проезжают на родину и насвистывают «Боже, царя храни» вроде как Бабурин пел, и все ему говорят стыдно сударь, у нас царь добрый, а вы что...»

Щедрин обрушился на Тургенева за его роман «Новь», где Тургенев выставил революционеров в фальшивом виде.

Щедрин жил на грани двух эпох, когда на смену крепостному строю приходил капитализм в его наиболее обнаженной жестокой форме первоначального накопления. Щедрин один из первых отметил появление на исторической арене нового хозяина в лице «чумазого» и его роль и значение в процессе первоначального накопления. Щедрин ясно видел, что реформа 1861 года, освободившая крестьян с «наделом», не только не ограждала, но всячески способствовала обнищанию и пролетаризации крестьянских масс.

Щедрин не строил себе никаких иллюзий насчет «самобытности путей развития» России, ему была ясна несостоятельность утопий народничества с их верой в общину. Но ему еще не видна та сила, которая свергнет капитализм. В России нет еще пролетариата, осознавшего себя как класс. Но Щедрин слышит «подземные гулы» и твердо знает, что «великая смута» придет и принесет освобождение.

На десятки лет Щедрин опередил своих современников, и его трагедия — это трагедия переходного момента от утопического социализма к научному.

Щедрин оставил огромное литературное наследство и созданные им типы вошли в историю мировой литературы. Но Щедрин имеет не только историческое значение. «Родимые пятна», оставшиеся у нас от старого строя, еще не уничтожены и каленым железом приходится вытравливать это наследие. Щедрин со своей острой сатирой, своей непреклонной борьбой со всякого рода бюрократизмом, рвачеством, подхалимством, размагниченностью, далеко еще не отошел в область истории, как не уничтожены еще к сожалению и типы, бичуемые им. Против этих уцелевших еще волков в овечьей шкуре сатира Щедрин жива и по сей день. Нам еще есть чему поучиться у Щедрина и не только мастерству слова, не только ознакомлению с историей прошлого и той борьбы, какая велась тогда, но мы находим у Щедрина могучий арсенал для борьбы по выкорчевыванию остатков прошлого из нашей современной действительности. *Партия и рабочий класс ведут борьбу* за создание бесклассового общества, за создание нового человека, и щедринская сатира, бичующая проклятое наследство, оставшееся нам от прошлого, имеет еще и теперь большое значение.

Щедрин пользовался огромным влиянием и широчайшей популярностью среди революционной демократии. Его ценили вожди пролетариата Маркс и Ленин. Маркс внимательно прочитал ряд произведений Щедрина. Ленин неоднократно освещал вопросы рабочей демократии языком щедринской сатиры. Он решительно протестовал против зачисления Щедрина либерально-буржуазной критикой в свой лагерь. «Нестерпимо бывает, — писал он, — когда субъекты вроде Щепетова, Струве, Гредескула, Изгоева и прочей кадетской братии хватают за фалды Некрасова, Щедрина и т. п.».

Высоко ценя четкую принципиальность сатирика, Ленин писал: «и Щедрин издевался над либералами и навсегда заклеймил их формулой «применительно к подлости».

Учитывая богатство боевого щедринского арсенала, ГИХЛ ставит задачу издания полного собрания сочинений Щедрина, как политически актуальную. Издание ставит себе целью дать полного Щедрина, освобожденного от искажений помещичье-буржуазной цензуры. Текст дается проверенный по всем печатным и рукописным материалам. Каждому тому предшествует вступительная статья, где в марксистском освещении дается характеристика эпохи и творчества Щедрина. В том включаются новые материалы, вычеркнутые цензурой или изъятые самим Щедриным по цензурным соображениям, а также отдельные варианты, носящие более острый политический характер.

Издание рассчитано на широкого массового читателя и потому не загромаждается большим количеством приложений и громоздким научным аппаратом. Издание снабжается самыми необходимыми текстологическими и реальными комментариями, переводом иностранных слов и разъяснением отдельных специфических выражений и слов Щедрина.

Издание осуществляется под руководством главной редакции в составе В. Я. Кирпотина, П. Н. Лепешинского, П. И. Лебедева-

Полянского, Н. Л. Мещерякова и М. М. Эссен.

В редактировании и комментировании отдельных томов принимают участие кроме членов главной редакции — тт. А. А. Бескина, С. С. Борщевский, Ф. Х. Бутенко, Б. И. Горев, В. И. Десницкий, Д. О. Заславский, В. И. Невский, П. П. Парадизов, Е. Ф. Усиевич, С. А. Макашин, Б. К. Козьмин, И. М. Лаврецкий, Е. М. Макарова и Я. Е. Эльсберг.

Биография.
Стихи 1840—1844 гг.
Противоречия.
Запутанное дело.
Брусин.
Неизданные отрывки 40-х годов.
Рецензии 1847—1848 гг.
Черновые рукописи 1848—1856 гг.

2-й том.

Губернские очерки (1856—1857).

Н. ЩЕДРИН
(М. Е. САЛТЫКОВ)

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:
В. Я. КИРПОТИНА, П. И. ЛЕБЕДЕВА-ПОЛЯНСКОГО, И. П. ЛЕПЕШИНСКОГО, Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА, М. С. ОЛЬМИНСКОГО, М. М. ЭССЕН

ТОМ II

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1933

Н. ЩЕДРИН
(М. Е. САЛТЫКОВ)

ГУБЕРНСКИЕ ОЧЕРКИ

РЕДАКЦИЯ, ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИЙ П. И. ЛЕПЕШИНСКОГО
РЕДАКТОРЫ ТЕКСТА: Б. М. ЭЙХЕНБАУМ И К. И. ХАЛАБАЕВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1933

ТИТУЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ ВТОРОГО ТОМА ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ЩЕДРИНА

Текстологическая работа производится текстологической комиссией в составе Ф. Х. Бутенко, С. Д. Балухатого, И. И. Векслера, В. В. Гиппиуса, Б. М. Эйхенбаума, К. И. Халабаева и Н. В. Яковлева (письма).

Для работы над изданием производились специальные архивные и библиографические разыскания С. А. Макашиным, В. Е. Евгеньевым-Максимовым и др.

Содержание отдельных томов:

1-й том.

Вступительная статья.
Хронологическая канва.

3-й и 4-й тт.

Художественные произведения 1857—1863 гг.
Смерть Пазухина (1857).
Жених (1857).
Приезд ревизора (1857).
Святочный рассказ (1858).
Утро Хрептюгина (1866) и др.

5-й и 6-й тт.

Публицистика 1861—1884 гг.
Газетные статьи 1861 г.
Современник (1863—1864).
Рецензии.
Сатира и юмор.

7-й том.

Признаки времени (1865—1869).
Письма о провинции (1868—1870).
Годовщина (1869).
Добрая душа (1869).
Испорченные дети (1869).
Похвала легкомыслию (1870).
Рукописные отрывки.

8-й том.

Публицистика и критика конца 60-х годов.

9-й том.

Помпадуры и помпадурши (1863—1874).
История одного города (1869—1870).
Рукописные отрывки и наброски к «Помпадурам и помпадуршам» и к «Истории одного города».

10-й том.

Господа ташкентцы (1869—1872).
Дневник провинциала (1872).
В больнице для умалишенных (1873).
Рукописные отрывки «Господ ташкентцев».

11-й том.

Благонамеренные речи (1872—1876).
Статьи и рукописные наброски первой половины 70-х годов.
Культурные люди.

12-й том.

Господа Головлевы (1875—1880).
В среде умеренности и аккуратности (1874—1877).
Чужую беду руками разведу (1877).
Рукописные наброски к указанным произведениям.

13-й том.

Убежище Монрепо (1878—1879).
Круглый год (1879).
Сборник (1869—1879).
Рукописные наброски и отрывки к указанным произведениям.

14-й том.

За рубежом (1880—1881).
Письма к тетеньке (1881—1882).
Дополнительные письма к тетеньке.
Послание к пошехонцам и другие рукописи 80-х годов.
Наброски и отрывки к циклам настоящего плана.

15-й том.

Современная идиллия (1877—1883).
Пошехонские рассказы (1833—1884).
Недоконченные беседы (1882—1884).
Статьи и рецензии в «Отечественных Записках» 1880 и 1884 гг.
Статьи 1873—1875 гг. из «Недоконченных бесед».
Рукописные наброски и отрывки к «Современной идиллии».

16-й том.

Сказки (1869—1886).
Пестрые письма (1884—1885).
Мелочи жизни (1886—1887).

17-й том.

Пошехонская старина (1887—1889).
Статьи и рукописные наброски конца 80-х годов.

18-й 19-й и 20-й тт.

Письма (1846—1889).

Недавно вышел II том, под редакцией и с вступительной статьей П. Н. Лепешинского. В ближайшее время выходят III том под редакцией П. И. Лебедева-Полянского с вступительной статьей И. М. Лаврецкого, XI том под редакцией Н. Л. Мещерякова. Сданы в производство: VII том под редакцией Н. Л. Мещерякова, IX том под редакцией Б. И. Горева и XVII том под редакцией М. М. Эссен.

Выпускает издание Ленинградское Отделение Государственного издательства художественной литературы.

Главная редакция издания полного собрания сочинений Щедрина.

ОДНОТОМНИК В ИЗДАНИИ ГИХЛ'а

В серии однотомников ГИХЛ'а вышел том избранных сочинений Щедрина. Редакция, примечания и вступительные статьи принадлежат А. В. Ефремину и Н. К. Пиксанову. В однотомник полностью вошли «История одного города», «Господа Головлевы», «Сказки», «Пошехонская старина» и в отрывках ряд других щедринских циклов. В состав обширного комментария входят биографическая канва, библиографические указатели и примечания к отдельным произведениям.

«ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА» «ПОШЕХОНСКАЯ СТАРИНА» В ИЗД. ГИХЛ'а

В иллюстрированной серии русских и иностранных классиков ГИХЛ'а, рассчитанной на более или менее подготовленного читателя, недавно вышла «История одного города» Салтыкова-Щедрина с предисловием т. А. В. Ефремина и рисунками худ. Храпковского.

В той же серии в скором времени выходит «Пошехонская старина» Салтыкова-Щедрина со вступительной статьей и примечаниями Цинговатова и иллюстрациями худ. Усачева.

«ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА» В ИЗД. «ACADEMIA»

В издательстве «Academia» осенью 1934 г. выходит художественное издание «Истории одного города» с иллюстрациями худ. А. Самохвалова. Вступительная статья написана Я. Эльсбергом. Редактор текста— С. Макашин.

Параллельно в том же издательстве выходит второе издание «Истории одного города» научно-академического типа. Вступительные статьи, комментарии, критика текста Я. Эльсберга и С. Макашина.

ОБЛОЖКА РАБОТЫ Н. В. ИЛЬИНА К ИЗДАНИЮ СКАЗКИ ЩЕДРИНА «ЧИЖИКОВО ГОРЕ», 1928 г.

НОВЫЕ КНИГИ О ЩЕДРИНЕ

БИОГРАФИЯ ЩЕДРИНА В СЕРИИ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

В серии «Жизнь замечательных людей» Жургазоб'единения печатается и выходит в скором времени в свет книга Я. Е. Эльсберга «М. Е. Салтыков-Щедрин».

КОММЕНТАРИЙ К «ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА» В ИЗД. «МИР»

В кооперативном издательстве «Мир» сдана в производство книга А. И. Белецкого и М. О. Габель «Комментарий к «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина».

ЩЕДРИН В СОВЕТСКОЙ ШКОЛЕ

1

В старой школе творчество гениального сатирика не изучалось. Бичующие острые произведения писателя революционной крестьянской демократии естественно не вмещались в «передоновские» рамки программ министерства народного просвещения.

Щедрин впервые появляется в пореволюционных програмах. Но и в советской школе замечательному художнику пока еще не посчастливилось. Просматривая программы 1921—1933 гг., мы не находим ни достаточного материала, ни полного и всестороннего освещения ведущих сторон творчества Щедрина. Программы 1921 г. ограничились введением нескольких сказок и «Пошехонской старины» на старшем концентре II ступени, ни в коей мере не давая исчерпывающего представления о писателе.

В программах 1923 г. четыре отрывка из «Пошехонской старины» и отдельные сказки появляются на младшем концентре. Несмотря на положительное значение этих программ, вводящих произведения сатирика для изучения в массовой школе, они (программы) страдают существенными недостатками. Совершенно например не учитываются педолого-педагогические требования: «Повесть о том, как один мужик двух генералов

прокормил», требующая обширного исторического комментария, предлагается на 5-м году обучения.

Программы 1925 г. представляют творчество Щедрина крайне узко, ограничиваясь двумя отрывками из «Пошехонской старины» и сводя проработку к иллюстрированию крестьянского быта.

Выгодно отличаются от программ НКП 1925 г. программы этого же года ЛГОНО. В них сделана попытка систематизировать изучение творчества Салтыкова, последовательно помещая его произведения в двух группах младшего и одной старшего концентров.

1927—1929 гг.— годы переверзианских программ — наиболее неблагоприятны. Если нельзя сказать о полном игнорировании Щедрина, то можно уверенно заявить о явной недооценке его.

Объяснительная записка к программам 1927 г. прямо демобилизовала учителя, предоставляя ему возможность «сократить» Салтыкова.

«Эпизодически, как дополнение к общему материалу,— читаем мы в программе, — пройдут Фонвизин на 5-м году, Салтыков и Глеб Успенский— на 7-м году». (Курсив мой.— *Г. А.).*

Писателям революционной демократии чрезвычайно неохотно отводилось место в «серых» программах 1927—1928 гг.

Это положение с изучением творчества Щедрина в школе было настолько очевидным, что обратило на себя внимание литературоведов. «Салтыкова,— писал В. Гиппиус,— относят к классикам неискренне — либо скрепя сердце, либо доверяясь авторитетам». (В. Гиппиус, Сказки Салтыкова в школе—«Русский язык в советской школе», 1929, № 2).

Да и сама трактовка Щедрина в этих программах не только не подчеркивала существенных сторон его творчества, но превращала писателя революционной крестьянской демократии в «кающегося интеллигента», ищущего «почвы» народника. Приведем интересные в этом отношении строки из программы: «Успенский и Салтыков, представленные здесь немногими страницами, характерны страстным исканием почвы, стремлением перенести центр внимания от одинокой, беспокойной, смелой в своих порывах, но бессильной на деле личности на народ, на массы».

Программы 1930 и 1931 гг. вновь вводят Салтыкова в обязательное классное чтение, но делают при этом чрезвычайно досадные ошибки.

Программы 1930 г. чрезмерно сужают рассмотрение Салтыкова, ограничиваясь двумя сказками и отрывками из «Пошехонской старины», а программы 1931 г. нарушают элементарные педагогические требования, помещая на 6-м году обучения «Историю одного города».

Программы 1932 г., дав новое по сравнению с предыдущими освещение творчества Щедрина, указав на пути марксистско-ленинского анализа его произведений, в то же время повторили ряд ошибок прежних программ: поместили материал, не дающий полного представления о писателе, и не учли возраста и подготовку учащихся, поставив для проработки на 6-м году «Карася-идеалиста».

Благополучнее обстоит дело с изучением творчества Щедрина в ныне действующих программах. Материал приведен более обширный, самое изучение поставлено глубже. (В программах 1933 г. на 7-м году обучения даются «День в помещичьей усадьбе», и «Пермудрый пискарь» и на 9-м году — отдельные главы из «Истории одного города» и «Господ Головлевых»).

Однако и эти программы не лишены недочетов.

Прежде всего не совсем удачен отбор произведений. Вряд ли «День в помещичьей усадьбе» является самой яркой картиной крепостничества.

В той же «Пошехонской старине» взаимоотношения помещиков с крепостными с большей силой вскрыты в главах «Мавруша-новоторка» и «Сатир-скиталец», методы же крепостнической эксплоатации получили типический обобщающий образ в очерке «Образцовый хозяин».

Недостаточно акцентрированы в программах образы капиталистических хищников и картины дворянского вырождения; слабо указано на борьбу Щедрина с либералами и осмеяние им трусливой интеллигенции второй половины XIX века.

Даже беглый обзор программ заставляет нас признать необходимым пересмотр вопроса об изучении наследства великого сатирика в школе, в целях обеспечения видного и по праву ему принадлежащего места.

2

Советская школа должна овладеть литературным наследством великого сатирика.

Ей близок и дорог крупнейший мастер социально-политической сатиры, сочетавший умение писать с величайшим пафосом презрения и ненависти и вместе с тем, со всеми оттенками смеха, сменяющегося порою грустными лирическими раздумьями, величайшей человеческой жалостью к обездоленным массам.

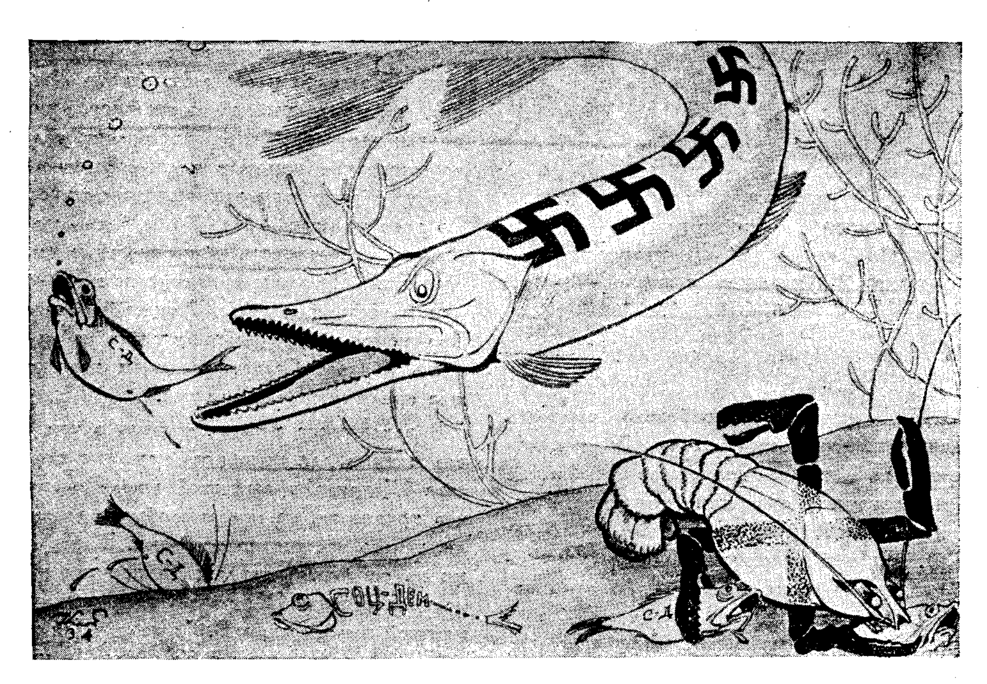
Не менее значителен для школы и блестящий тонкий реализм Щедрина, его изумительный социальный, бытовой, психологический рисунок, не уступающий в мастерстве исполнения Тургеневу и Толстому и превосходящей конечно их по своей передовой критической направленности. Учет огромной типизирующей силы образов и воспитательной роли произведений Щедрина позволяет очертить круг тех задач по изучению творчества писателя, которые школа должна поставить и разрешить.

Прежде всего в результате проработки творчества Щедрина следует уяснить содержание, характер и направленность сатиры и ее историческое значение в борьбе революционной крестьянской демократии с крепостниками и либералами всех мастей.

Далее, необходимо осмыслить обобщающую силу этой сатиры, ее непосредственную ценность для нас как орудия партийно-заостренной борьбы со всеми и всякими проявлениями бюрократизма, оппортунизма, либерализма, стяжательства, пустословия, лицемерия и трусости.

Наконец нужно остановиться на особенностях сатирического жанра и на характере реалистического показа действительности в творчестве Салтыкова.

Для осуществления намеченного мыслится систематическая работа с произведениями Щедрина в школе, включающая их изучение в курс пропедевтического чтения на 5-м году, историко-литературного чтения на 6-м году и в историко-литературный курс на 9-м году обучения. Для 5-й группы можно порекомендовать «Маврушу-новоторку». Ученик этой группы легко воспримет изображенные Щедриным яркие, выпуклые фигуры крепостных и крепостников; показ ужасов крепостного права и растущего протеста крестьянства не только даст ему понятие о раскрытой писателем действительности, но и поможет ему, хотя и элементарно, осмыслить

«СОЦИАЛ — ПЕСКАРИ»

Карикатура К. Елисеева в газете «Экономическая Жизнь» 1934 г., № 106

ЩЕДРИНСКИЙ «ПРЕБОДРЫЙ ФИНАНСИСТ» — ДА ВЕДЬ ОН ЕЩЕ ЖИВ!

Карикатура Я. Завьялова в газете «Экономическая Жизнь» 1934 г., № 106

классовые позиции и художественные средства Щедрина.

В 7-й группе целесообразно заменить «День в помещичьей усадьбе» «Образцовым хозяином», дающим типическое обобщение эксплоататорской сущности помещиков, и добавить «Столп» (из «Благонамеренных речей»), который открывает широкие возможности для изучения проблемы: «Образ капитализма в творчестве Щедрина».

На 9-м году разрешение этой проблемы углубится путем привлечения новых образов капиталистических хищников — Колупаева и Разуваева («Конец Монрепо» из «Убежища Монрепо»).

Помимо этого на 9-м году стоит и ряд других проблем. Должны найти себе место в проработке:

а) образы вырождения дворянства и борьба Щедрина с дворянскими хищниками, пустословами и лицемерами («Семейные итоги» и образ Иудушки в целом);

б) борьба с самодержавно-крепостническим строем в «Истории одного города» («О корне происхождения глупцов» и «Органчик»);

в) критическое изображение и ироническое осмеяние либералов, «героев компромисса» («Либерал» и «Самоотверженный заяц») и трусливой интеллигенции («Подтверждение покаяния»).

Уместно привлечь здесь и такие вещи, как «Коняга» и введение к «Мелочам жизни», которые укрепят представления учащихся о революционно - народнических критических позициях писателя. В плане изучения художественных особенностей творчества Щедрина на 9-м году возможна более углубленная постановка вопроса о сатирических приемах, о создании Щедриным особого реалистическо-публицистического жанра, об очерковом характере ряда его произведений.

Чрезвычайно важно обратить внимание учащихся на язык героев, который замечательно индивидуализирован (например Иудушка Головлев и его мать Арина Петровна), и на характерный для сатирика прием подачи портретов (авторская оценка, краткое повествование придают внешне статистическому образу внутреннюю динамичность). Во всех группах — 5-х, 7-х и 9-х — следует широко использовать общеизвестные высказывания о Щедрине и обращение к его образам в статьях и речах Ленина и Сталина. Это поможет учащимся уяснить и типичность образов Салтыкова, и их непреходящее еще значение и для нас.

В заключение хочется сказать о том, что все данные для подобного изучения творчества Щедрина в советской школе имеются, что трудности, на которые обычно указывали, теперь постепенно исчезают. В свое время на основные затруднения при проработке произведений Щедрина указал автор упомянутой выше статьи. В. Гиппиус. «Для первоначального понимания Салтыкова,— писал исследователь,— нужно хорошее общеисторическое образование; для исчерпывающего понимания нужен подробнейший комментарий, расшифровка его шифров, до сих пор еще не вполне осуществленная...

Другая причина, — продолжал Гиппиус,— в недостаточной литературной культуре..., в неумении распознать большого мастера художественного слова там, где он не ошеломляет сразу блеском фабулы или психологии».

Сейчас в советской школе — систематические курсы по истории и литературе, более высокий культурный уровень учащихся, и овладеть литературным наследством великого сатирика мы безусловно сумеем.

Г. Абрамович

ЭКРАНИЗАЦИЯ И ИНСЦЕНИРОВКИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЩЕДРИНА

К ПОСТАНОВКЕ КАРТИНЫ «ИУДУШКА ГОЛОВЛЕВ»

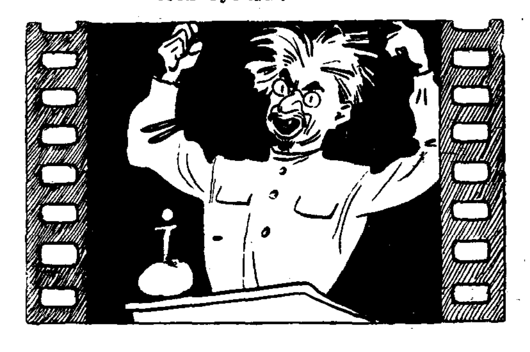
Сообщение режиссера картины А. Ивановского

Произведения Щедрина ни разу не были инсценированы для экрана.

Первый опыт в этом отношении сделала Ленинградская кинофабрика, выпустившая недавно инсценировку романа Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». Авторы сценария — режиссер А. В. Ивановский и К. Н. Державин — делали эту работу как дискуссионную и как первый опыт экранизации произведения Салтыкова-Щедрина, несомненно экспериментальную. Инсценировка для кино, так же как и театральная инсценировка, как метод, порочны, и авторы, учитывая одно из основных марксистских положений в искусстве, о неотделимости формы от содержания, не закрывали глаза на всю сложность и трудность своей работы. Киноискусство основано главным образом на динамичности и концентрации действия. Как можно было уложить огромный роман «Господа Головлевы» в рамки одного фильма? Одна только первая часть о крепостнице-помещице Арине Петровне Головлевой могла бы служить темой для совершенно законченного фильма. В порядке самокритики не могу не вспомнить свой разговор с сыном М. Е. Салтыкова-Щедрина. Он предостерегал меня от переделок для экрана произведений своего отца, вспоминал суровую отповедь великого сатирика по адресу театральных закройщиков и тришкин-кафтанщиков. Тогда я отказался от постановки «Господ Головлевых». Но вот с экрана зазвучала живая речь, и мы смогли смелее взяться за эту тему и попытаться раскрыть обобщенный тип помещика-крепостника, эксплоататора крестьян, во всей его мерзейшей сущности. Какой же метод выбрали авторы сценария и режиссер в своей работе над инсценировкой романа «Господа Головлевы?» Известен взгляд на инсценировки литературных произведений другого нашего великого писателя — Ф. М. Достоевского. Достоевский в своем письме к неизвестной корреспондентке, обратившейся к нему за разрешением переделать роман «Бесы» для театра, пишет: «Эпическая форма никогда не найдет себе соответствия в драматургической. Другое дело, если вы измените роман, сохранив из него один ка-

ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ПОДЛОСТИ

В некоторой стране жил был либерал, и при том такой откровенный, что никто слова не молвит, а он уже во все горло гаркает: «Ах, господа, господа. Что вы делаете. Ведь вы сами себя губите».

ВЫ ИДЕТЕ К ТЕРМИДОРУ!

И начал либерал «в пределах» орудовать: там урвет, там урежет, а в третьем месте и совсем спрячется

РАСПУСТИТЬ КОЛХОЗЫ, ЛИКВИДИРОВАТЬ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЮ!

И стал он действовать. И все «применительно к подлости»

ФИНАЛ

Карикатуры К. Елисеева в газете «Экономическая Жизнь» 1934 г., № 106

У КУКИШЕВА
Кадр из фильма «Иудушка Головлев»
Постановка А. Ивановского, Ленинград, 1933 г.

кой-нибудь эпизод для переделки в драму... или, взяв первоначальную мысль, совершенно измените сюжет...» Достоевский дает таким образом разрешение оперировать над материалом его романов. Он как бы говорит: вот вам мои сокровища, смело обращайтесь с моими героями, создавайте н о в ы е произведения. Мне представляются эти высказывания нашего великого романиста чрезвычайно ценными. Таким методом мы и работали над нашей постановкой «Иудушка Головлев». Мы взяли тип Иудушки и постарались раскрыть образ этого словоблуда, затопляющего фонтанами своего пустословия всякую живую душу, обреченную ему на тиранство. Наша задача— критически освоить классическое произведение Салтыкова-Щедрина, показать нашему широкому рабочему и колхозному зрителю Иудушку Головлева с точки зрения высот нашего времени.

Мысль наша была такова: классические произведения тем и велики, что созданные ими типы живут и переходят из эпохи в эпоху. И в наши дни не перевелись еще Хлестаковы и Молчалины. Жив и Иудушка Головлев, он еще ходит среди нас и мешает нам работать. Сколько еще в нашей действительности бюрократов, словоблудов, подменяющих болтовней живое дело, сколько собственников, сколько Иудушек-отцов, мешающих строить семью на новых, советских принципах. В каждой коммунальной квартире есть свой Иудушка.

К счастью мне удалось прочитать сценарий покойному М. С. Ольминскому, этому замечательному знатоку и энтузиасту произведений Салтыкова-Щедрина. М. С. Ольминский одобрил установку сценария и дал мне ряд ценнейших указаний, которыми я и руководствовался при постановке картины «Иудушка Головлев».

Цель нашего фильма — не только раскрыть тип крепостника-помещика, но и стремление ударить по остатком иудушкина племени, а также желание помочь выкорчевыванию из психики современных людей пережитков капитализма. Наша цель — во время второй пятилетки, в предверии бесклассового общества дать фильм, помогаю-

щий переработке, людей, формированию нового человека, и участвовать таким образом в строительстве социализма, а это главная задача всего советского искусства на данном отрезке нашей великой эпохи.

А. Ивановский

«ОРГАНЧИК»

Фильма режиссера Н. Ходатаева.

Знаменательно, что первой работой недавно организованной в Москве фабрики художественной мультипликации явилась фильма по мотивам Щедрина. Обращение к образам сатирика свидетельствует о попытке Н. Ходатаева резко отойти от комического примитива, давно освоенного мультипликацией и поднять свое «забавное мастерство» до уровня большого искусства с серьезным идейным содержанием. Веселый динамичный рисунок на экране заговорил новым для себя сатирическим языком, подчас уже отнюдь и не веселым, а трагическим.

Авторы сценария А. Гаямов и Н. Ходатаев пошли не по пути прямого переложения Щедрина. Они отобрали из «Истории одного города» лишь несколько моментов выразительных в зрительном и звуковом выражении. Соединили Перехват-Залихватского и Органчика в одно лицо. Продолжили по своему похождения этого героя. Целью сценария было обнажить и договорить то, что не всегда имел возможность открыто сказать Щедрин, или чего он и не видел.

Действие фильмы начинается во дворце. Во время музыкальных упражнений царя на большой трубе, к нему приходит известие о смерти градоначальника города Глупова Фердыщенко. Царь отбирает из придворных самого зычно-голосистого Перехват-Залихватского и приказывает вставить ему в пустую голову «органчик» — хитроумный механизм в совершенстве заменяющий человеку разум. «Органчик» кроме окриков «запорю» и «раззорю» еще исполняет только музыку на мотив «славься, славься, наш русский царь»... Перехват-Залихватский едет в Глупов.

Нового градоправителя встречать с колокольным звоном и хлебом-солью. Натолкнувшись на здание библиотеки Перехват-

ОБ'ЯСНЕНИЕ ИУДУШКИ С СЫНОМ
Кадр из фильма «Иудушка Головлев»
Постановка А. Ивановского, Ленинград, 1933 г.

Залихватский сжигает его вместе с книгами. Только часть книг успевает разбежаться.

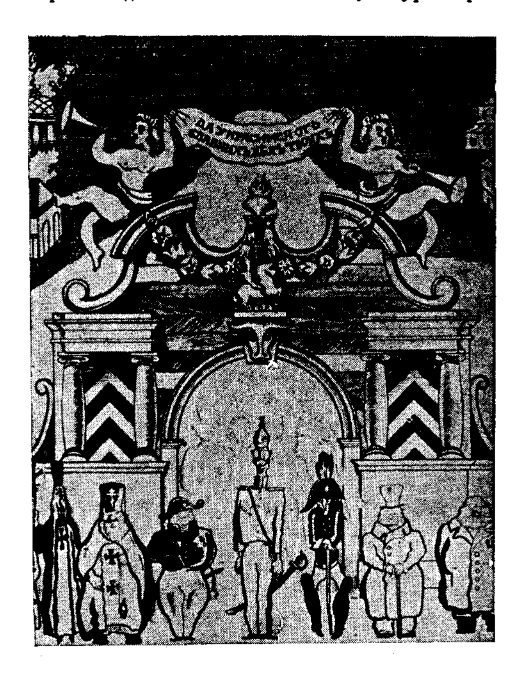
Узнав по записям недоимок, что деревня Нееловка не уплатила два рубля с копейками, Перехват с войском идет в поход на деревню и громит ее из орудия. Недоимки получены. Жители деревни в трагическом недоумении и в скорби около остатков жилищ...

В городе в честь славной победы градоправителя устраивается торжественный спектакль.

В зале свиные и звериные рыла помещиков, дворян, чиновников, купечества. На сцене герлс исполняют «верноподданные пляски квартальных» с нагайками и шашками. Выпивший и развеселившийся правитель из своей ложи прыгает на сцену и лихо пляшет, увлекая своим примером и весь зрительный зал.

Во хмелю его выносят из театра и кладут в пролетку. Тройка ночью мчит героя через десятилетья в наш город. Сталкиваясь с новой явью, Перехват-Залихватский гибнет. «Органчик» же, выпавший из его головы сохраняется в музее сатиры имени Щедрина

Сатирический замысел вещи раскрыт в образах сделанных с большой культурой графического рисунка художниками Н. Ходатаевым, О. Ходатаевой, Д. Черкесом, Н. Ечеистовым и др. Особенно выразительны встреча градоправителя в Глупове, разгромленная деревня, пляска Перехват-Залихватского, ночная тройка. Музыка Г. Лобачева подчеркивает сатирический смысл этой графической фантазии, вызванной незабываемыми образами Щедрина.

ГЛУПОВЦЫ ВСТРЕЧАЮТ ПЕРЕХВАТ-ЗАЛИХВАТСКОГО

Из фильмы «Органчик» (художественная мультипликация) режиссера-художника Н. Ходатаева по мотивам Салтыкова-Щедрина

Фильма не могла не быть экспериментальной. Новизна такого задания в мультипликации и трудности его кропотливого разрешения сказались в некоторой сухости и жесткости ряда моментов фильмы. Для избранного жанра не нужно было проводить чрезмерный строгий отказ от свойственных мультипликации веселых шуток и сдерживать разнообразную и захватывающую обычно своим ритмом, темпом и неожиданностями игру беспрерывного динамичного движения рисунков на экране. В ряде моментов излишняя строгость и как-бы скованность режиссера обедняет непосредственное эмоциональное восприятие фильмы. Но в целом сатирический замысел вскрыт в ней ярко и сильно. Это первая графическая фильма с таким серьезным и сложным содержанием. Обращение к Салтыкову-Щедрину — значительный этап идейного и художественного роста советской мультипликации.

Х. Херсонский

«ГИБЕЛЬ ГОРОДА» В КИНО И НА ТЕАТРЕ

Сообщение авторов сценария Н. Абрамова, Е. Вейсмана и Н. Кауфмана

Литературное наследство Щедрина огромно и только сейчас его начинают по-настоящему изучать. У Щедрина несколько наследников — в том числе театр и кинематограф.

Для этих-то наследников мы решили сделать пьесу и сценарий по мотивам «Истории одного города».

«По мотивам»... какое обманчивое пояснение!

Как часто работа по неверно понятым и собранным мотивам приводит к политической фальши, как часто эта работа превращается из драматургической в прямом смысле этого слова в ремесленническую и компилятивную.

Целый ряд вопросов встал перед нами. Где прекращается право свободного обра-

ДУХОВЕНСТВО ГЛУПОВА ВСТРЕЧАЕТ ПЕРЕХВАТ-ЗАЛИХВАТСКОГО

Из фильмы «Органчик» (художественная мультипликация) режиссера-художника Н. Ходатаева по мотивам Салтыкова-Щедрина

щения с текстом классика? Какой круг разрабатываемых «мотивов» может включаться в единый сюжет пьесы? К решению этих вопросов пришлось подходить постепенно и последовательно, так как на них косвенный ответ дают еще только главным образом недочеты поставленных пьес «по Щедрину» на нашем театре.

* * *

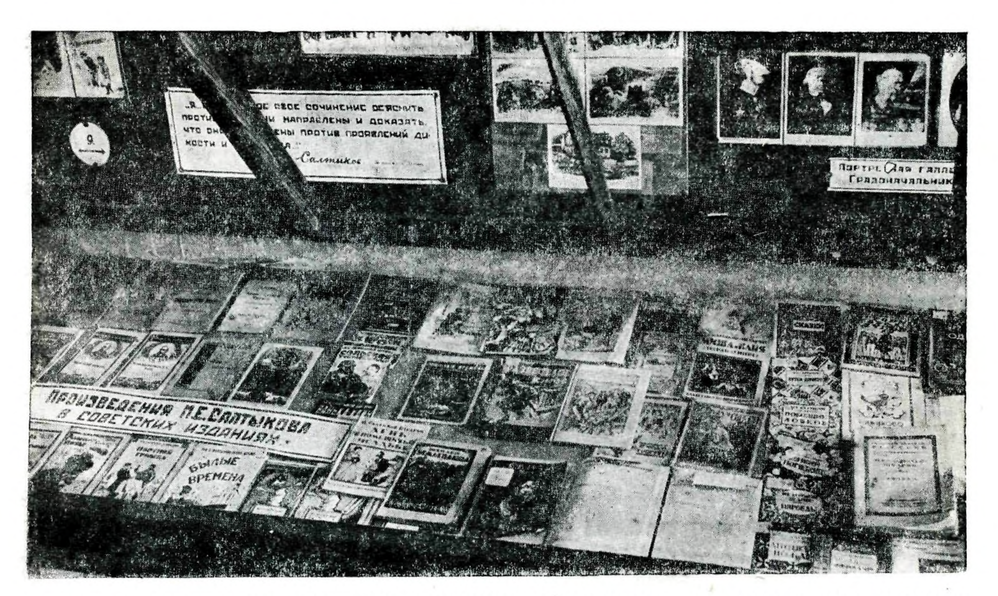
Перед нами стояла большая задача — на основе крепкого сюжета, посредством соединения антикрепостнических и направленных против полицейско-бюрократического строя царской России щедринских мотивов написать пьесу, которая раскрывала бы не только образы прошлого, но и современные нам образы — образы наших классовых врагов. В этом смысле понимали мы «общечеловеческое» значение сатиры Щедрина, ее непреходящую ценность.

Сам Щедрин писал, что история градоначальников г. Глупова бессюжетна, что «жизнь, находящаяся под игом безумия, должна возбуждать у читателя горькое чувство, а не веселонравие». Поэтому решились мы для создания крепкого сюжета начать работу по «мотивам» Щедрина; поэтому создалось решение работу нашу делать в жанре трагикомедии.

Взяв 8-ю главу «Пошехонской старины» — историю о тетушке Анфисе Порфирьевне и живом «покойничке», — мы место действия перенесли в г. Глупов и «пошехонский» сюжет пересекли параболической линией трех градоначальников — Фердыщенки, Бородавкина и Угрюм-Бурчеева. Люди из «Пошехонской старины» вошли в конфликт с персонажами «Города Глупова» — родилось новое, производное от Щедрина, но неотступившее от него в своем основном движении.

Дворянин и помещик Н. А. Савельцов убивает дворовую девушку, чиновники начинают у него вымогать деньги. Все — как в «Пошехонской старине». Но из других книг Щедрина в город Глупов пришли несменяемый при всех трех градоправителях секретарь губенского правления, гегельянец и клубный шулер Еспер Клещевинов; его друг адвокат Балалайкин, помпадурша борьбы — подлая девка Клемантинка — аманта всех трех градоправителей.

ВИТРИНА СОВЕТСКИХ ИЗДАНИЙ СОЧИНЕНИЙ ЩЕДРИНА НА ВЫСТАВКЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ В ЛЕНИНГРАДЕ, ПОСВЯЩЕННОЙ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВУ ЩЕДРИНА, 1932 г.

Вся эта шайка вымогает деньги сначала у Савельцова, а потом у его жены Анфисы за молчание о мнимой смерти «покойничка». Особое положение занимает в пьесе Фомка-холуй — анфискин любовник. Он становится приближенным градоправителя Бородавкина и назначается инспектором народного просвещения.

Заезжий фокусник Онисим Шенапан отвергнут шайкой и предает ее. Он оказывается провокатором — штатным агентом III Отделения.

Но всему этому трагикомическому маскараду помещиков-феодалов, чиновников, растленных либералов и двурушников Балалайкиных, неподвижности глуповского города, позорной его «гражданственности» и сонной одури рукосуев противостоит беглый крепостной Савельцова Андрей со своими приятелями и единомышленниками, бежавшими от налога, от «ямы» и солдатчины. Они являются выразителями идеи восстания, поджигают город со всех концов и вместе с Андреем уходят из города...

В пламени пожара гибнут все персонажи пьесы, рушится пожарная каланча и вместе с нею падает в огонь деревянный градоправитель Угрюм-Бурчеев, взявший город приступом...

Бессмысленная глуповская жизнь, доведенная до абсурда, прекращается. Наступает гибель города.

***

Как могло случиться, чтобы уездный щеголь и карточный шулер Еспер Клещевинов из матримониальной хроники «Пошехонской старины» стал гегельянцем и секретарем губернского правления в г. Глупове? Мы посчитали необходимым именно так, оттолкнувшись от образа, данного Щедриным, расширить социальную функцию этого образа и свести Клещевинова с Балалайкиным.

В городе Глупове могут жить и действовать вместе, заодно или друг против друга Еспер Клещевинов, адвокат Балалайкин и провокатор Шенапан, один из тех агентов-провокаторов, о которых очень глухо упоминает Щедрин («Помпадуры и помпадурши»), также является в город Глупов в образе фокусника. Но этот образ также несет здесь расширенную социальную функцию. Это обобщенный тип провокатора.

***

Задачи методолические, сюжет со всем вошедшим в него материалом определили стиль вещи. В пьесе и в звуковом сценарии, по жанровым признакам являющимся трагикомедией, содержатся в реалистически развертывающемся сюжете элементы щедринской фантастики, которую мы всегда отличали от мистики.

Все фантастическое, входящее в пьесу и сценарий, каждый раз получает свое реа-

листическое раскрытие. Приемы старинного фарса и пантомимы чередуются с водевильными куплетами, пародирующими песенный репертуар XIX века.

В сценарии, так же как и в пьесе, воспроизведен язык то лукавой канцелярской отписки, то выспренний язык «первенствующего» дворянского сословия, то народная, живая русская речь.

Политически наша работа направлена не только против русских помещиков-крепостников. *Это не просто крепостническая драма.* Она разоблачает Балалайкиных сегодняшнего дня, обнажает «сволочную душу измошенничавшегося интеллигента»-двурушника.

Посредством ряда сюжетных смещений мы направляем удар по средневековому строю жизни, организованному фашистскими градоправителями современной Германии.

Подводя к концу свою работу, мы надеемся, что при помощи режиссера Охлопкова (предполагающего осуществить эту постановку на театре и в кино для Межрабпомфильма), при помощи театральной и кинообщественности, мы выправим все отдельные ошибки, которые несомненно окажутся.

И быть может тогда наша работа «по Щедрину» окажется полезной в общем деле освоения литературного наследства великого русского сатирика.

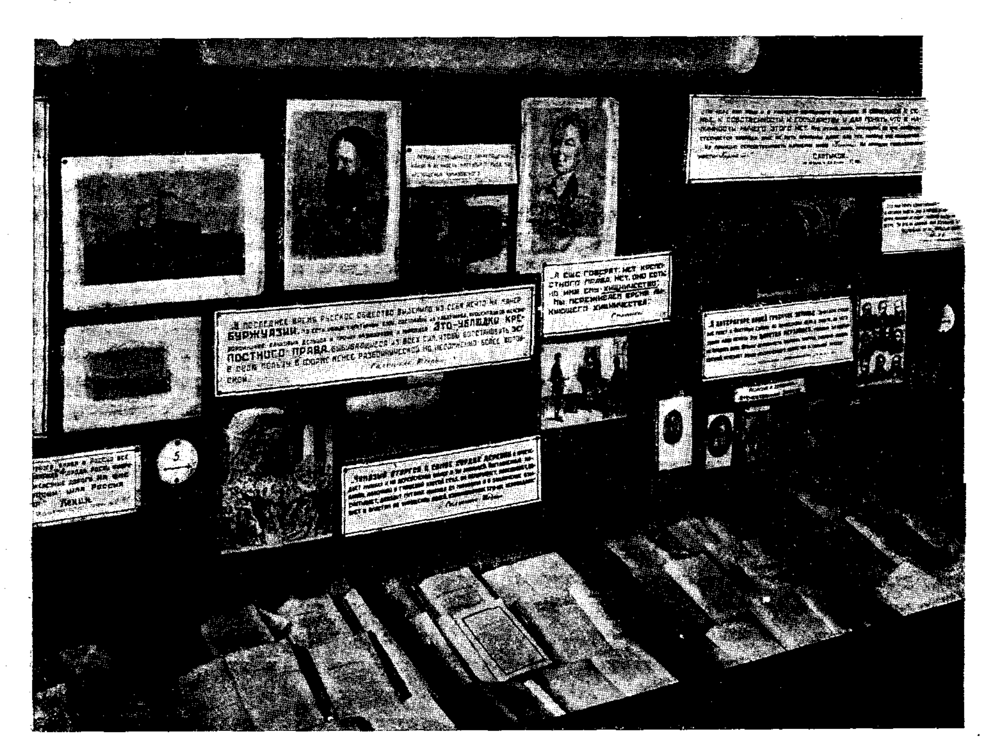
Н. Абрамов, Е. Вейсман, Н. Кауфман

ЩЕДРИН В РАДИОДРАМАТУРГИИ

МОСКОВСКОЕ РАДИОВЕЩАНИЕ

Дирекция литературно-драматического вещания Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию при Совнаркоме СССР в течение 1933 — начала 1934 гг. по разделу художественного чтения давала по радио из наследия М. Е. Салтыкова-Щедрина следующие произведения:

1. Сказки. 2. Из «Невинных рассказов» «Миша и Ваня». 3. Из «Истории одного города» — «Органчик» (в исполнении артиста О. Н. Абдулова) и «Угрюм Бурчеев»

ВИТРИНА С МАТЕРИАЛАМИ, ИЛЛЮСТРИРУЮЩИМИ РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ В 70-ые гг. XIX ВЕКА НА ВЫСТАВКЕ, ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ В ЛЕНИНГРАДЕ, ПОСВЯЩЕННОЙ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВУ ЩЕДРИНА 1932 г.

исполн. арт. Залесского). 4. Сказку о ретивом начальники» из «Современной Идиллии» и 5. «Разговор свиньи с правдою» из цикла «За рубежом».

Кроме того в 1934 г. при содействии Оргкомитета Союза писателей дирекция предполагает организовать специальный литературный вечер памяти великого сатирика и несколько эпизодических передач.

ЛЕНИНГРАДСКОЕ РАДИОВЕЩАНИЕ

Литературное наследие Салтыкова-Щедрина неоднократно использовалось в практике Ленинградского художественного радиовещания в весьма различных формах. В ряде вечеров сатиры и юмора исполнялись отдельные сказки и отрывки из крупных произведений. В нескольких тематических литературных концертах, построенных на класическом материале, значительное место было уделено Салтыкову-Щедрину. Отдельные произведения инсценировались и исполнялись у микрофона труппой Ленинградского комитета художественного радиовещания. Творчеству Салтыкова-Щедрина посвящались также и часовые монографии, состоявшие из расширенного вступительного слова и отрывков для художественного чтения. За последние три года (1930—1933), насколько можно установить по сохранившимся материалам (в которых далеко не всегда упоминаются авторы исполнявшихся произведений), произведения Салтыкова-Щедрина исполнялись десять раз: В 1930 г.: 9 мая в Вечере сатиры и юмора, 19 мая в концерте «Деревня в литературе и музыке» («Коняга» и др.). В 1931 г.: 14 сентября—Вечер классического и современного рассказа (Успенский, Салтыков-Щедрин, Толстой, Чехов, Вс. Иванов, Форш и др.), 8 октября — литературный концерт. Литературное наследие. «Бюрократы в произведениях Салтыкова-Щедрина» В музыкальной части произведения Мусоргского, Даргомыжского и др. В 1932 г.: 14 июня—Литературная страничка для ребят под общим названием «Будем изучать культурное наследие прошлого». Сказки Салтыкова-Щедрина. 13 июля — «Как мужик двух генералов прокормил». Инсценировка Г. А. Авлова. Исполнена труппой Ленинградского комитета художественного радиовещания. 24 августа — Литературная страничка. Час классического и современного юмора. В числе авторов и Салтыков-Щедрин. 28 сентября — Передача для рабочей молодежи. Литературное наследие. Салтыков-Щедрин «Миша и Ваня» (отрывок). 1933 г.: 20 января — Литературная страница, посвященная творчеству Салтыкова-Щедрина. Конферанс (Вступит. слово) А. Островского с характеристикой творческого пути. Отрывки из «Пошехонской старины», «Господ Головлевых» и др.

РАДИОПЬЕСЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ЩЕДРИНА

Давид Виленский написал две радиопьесы по материалам М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Одна из них — «Пошехонская старина» (по произведению того же названия и «Губернским очеркам») — многократно передавалась Всесоюзным комитетом радиовещания и записана на тонфильму.

«Пошехонская старина» встретила весьма сочувственный прием у радиослушателей, и журнал «Говорит СССР» отмечает этот удачный опыт переключения на язык радиообзоров одной из крупнейших работ классического наследства.

Вся пьеса скреплена единством места и действия, что чрезвычайно облегчает слушание.

День в помещичьей усадьбе «Малиновец» делится на эпизоды: 1. Деловое утро помещицы Анны Павловны Затрапезной. 2. Обучение и воспитание дворянских детей безграмотной немкой. 3. Обед у Затрапезных. 4. Приезд «жениха», поручика в отставке, взяточника Стиженного. 5. Арест беглого солдата и допрос его. 6. Сцена порки на конюшне.

День в «Малиновце» дает полную картину крепостного права, и в своей сложной работе автор несомненно добился ярких социальных характеристик и «зримости» образов.

Персонажи «Малиновца» сделаны крупными мазками с некоторым уклоном в гротеск.

Другая пьеса Давида Виленского и трагп-фарс «Господа ископаемые» написаны по материалам «Помпадуры и помпадурши» и «Истории одного города».

В предисловии к этой пьесе Николай Асеев пишет:

...«траги-фарс «Господа ископаемые» звучит ярко, выпукло... Это звукопредставление — эхо далекой и страшной жизни, уже незнакомой большинству из нас. Идиотиче-

ски нелепо звучат эти сохраненные для нашего времени голоса

В грубости, в резкости, в удушливом хрипе, в подобострастных спазмах этого выразительного представления у Давида Виленского слышатся подлинные звуки и тембры реального быта, живых оборотов, сочных словечек, чеканных выражений, того холопски чиновничьего языка, языка подхалимов и мерзавцев, зубодробителей и пресмыкающихся, взяточников и подлецов, в которых превращен был аппарат власти, аппарат управления господствующих классов

Теперь это является летописью, сводкой наиболее типичных черт разложения и бесправия, на которых была распялена, как барабанная шкура, огромная, серая, нищая, неграмотная, рабская страна, обираемая взяточниками и кровососами, из которой выбивали налогами и плетьми, расстрелами и виселицами все, что было в ней ценно и здорово, деятельно и честно.

Это звуковое представление автор назвал траги-фарсом. Это верно.

Пусть иной
писатель чистенький,
Не покинув
своего шестка,
Говорит,
что это — публицистика,
Что — горька сатира
и жестка.
Этот быт представив
злой и подленький,
Вспомните —
как жизнь была дрянна.
Он хранится
в памяти, как в подлиннике,
В книгах
Салтыкова-Щедрина!..»

И в прологе к этой пьесе Алексей Толстой пишет:

...«Послушайте, Послушайте!..
Посмейтесь, кому будет смешно,
Что это такое:
«Господа ископаемые»?
Это —
трагический фарс Давида Виленского,
в котором
старый Салтыков-Щедрин навесил брови,
затряс бородой,—
пошутил...
Да, так пошутил,
что маленькие заплакали,
у взрослых сжалось сердце.

О присвоении государственной публичной библиотеке в Ленинграде имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

ПРЕЗИДИУМА ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОЮЗА ССР.

Президиум Центрального исполнительного комитета Союза ССР постановляет:

Удовлетворить ходатайства ленинградских областных организаций и присвоить Государственной публичной библиотеке в гор. Ленинграде имя писателя Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина.

Председатель Центрального
исполнительного комитета СССР
М. КАЛИНИН.

Секретарь Центрального
исполнительного комитета СССР
А. ЕНУКИДЗЕ.

Москва, Кремль,
27 апреля 1932 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦИК СССР ОТ 27 АПРЕЛЯ 1932 г. О ПРИСВОЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ В ЛЕНИНГРАДЕ ИМЕНИ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Неужели это быль,—«Господа ископаемые»?
Помпадуры и помпадурши?
Люди со свиными рылами?
Головотяпы, губошлепы, вислоухие?
Неужели это было?
Да — было.
И не так еще давно...
Было, жило, тяпало головами,
Шлепало губами, озорничало,
Мракобесничало.
Послушайте трагический фарс,
Посмейтесь,
Задумайтесь!
Перед вами черный сон,
Наше проклятое наследство...
Послушайте,
«Господа ископаемые»,
Трагический фарс Давида Виленского,
Послушайте,
Посмейтесь! И будьте бдительны...»

Траги-фарс «Господа ископаемые» ныне перерабатывается автором из радиоварианта в полнометражную пьесу для театра.

ВЫСТАВКИ

ВЫСТАВКА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ В ЛЕНИНГРАДЕ «М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН И ЕГО ЭПОХА»

В связи с постановлением ЦИК СССР о присвоении Государственной публичной библиотеке в Ленинграде имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотека в январе—феврале 1933 г. провела выставку, посвященную творчеству писателя и его эпохе.

Задачей выставки было показать жизнь и творчество великого сатирика на социально-экономическом фоне той эпохи, которую сам Щедрин так ярко показал в своих произведениях. В качестве материалов для экспозиции были использованы произведения писателя, представленные в первоизданиях, картины и репродукции, портреты, диаграммы, таблицы, тексты из книг и статей как самого Щедрина, так и других авторов, характеризующие творчество Щедрина, значение отдельных его произведений, вскрывающих эпоху, и проч. Выставка была расположена в главном читальном зале и состояла из следующих шести отделов:

I. Молодые годы Щедрина.

II. Назревавшая крестьянская революция и Щедрин.

III. Щедрин в эпоху реакции 1870—1880 гг.

IV. Биографии и биографические материалы.

V. Издания произведений Щедрина.

VI. Критика о Щедрине.

Каждый из отделов распадался в свою очередь на несколько подотделов (Салтыков-петрашевец. Ранние произведения Салтыкова. Салтыков в «Современнике») и групп.

Выставку посетило свыше 2 тыс. человек, оставивших более ста письменных отзывов. После выставки в Библиотеке осталась тематическая картотека по Салтыкову, точно копирующая выставленный материал (книги, журналы, газеты, иллюстрации, тексты, диаграммы и таблицы) в той же последовательности, в какой он был оформлен на выставке.

Отв. ред. Л. Авербах Зам. ред. П. Парадизов Зав. ред. И. Зильберштейн

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРОГО ПОЛУТОМА

IV. ИЗ НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКИ

V. СООБЩЕНИЯ

VI. БИБЛИОГРАФИЯ И СПРАВОЧНЫЙ МАТЕРИАЛ

VII. ХРОНИКА

В номере 728 страниц, 216 иллюстраций и две фототипии

Адрес редакции: Москва 6, Страстной бульвар 11, тел. 4-28-45.

Тех. ред. С. Ардашникова.	Зак. тип. 430	Сдано в набор 20/XI 1933 г.
Обложка работы И. Рерберга.	Зак. изд. № 105	Подписано к печати 22/IV 1934 г.
Корректировала Н. Скалова.	Объем $45^{1}/_{4}$ л.	Формат бумаги 72×110
Уполномоч. Главлита № В — 85526	Тираж 10 000 экз.	Печ. знаков в печ. л. 71280

Номер набран и сверстан в 7-й типографии „Искра Революции" (Филипповский пер., 7), отпечатан и сброширован в типографии Журнально-газетного объединения (1-й Самотечный пер., д. 17)
Фототипии выполнены фабрикой Гознак

Цена 22 руб.